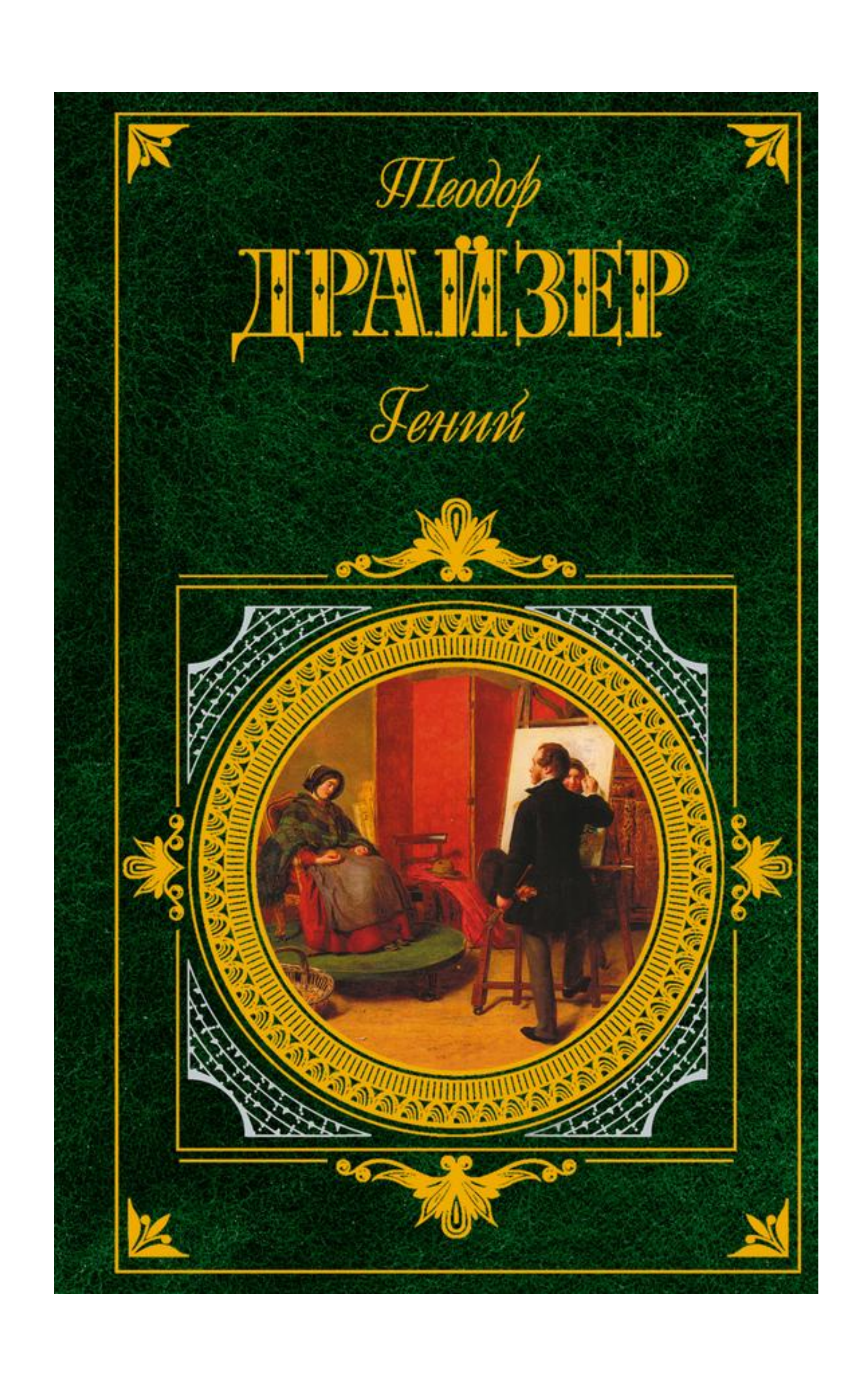
Драйзер Теодор

Гений

Жизнь гения

«Факт заключается в том, что он был великим художником. Никакой другой американский гражданин его поколения не оказал такого широкого и прекрасного влияния на нашу национальную литературу. Американская литература до и после его отличается так же сильно, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной самобытности, глубокого чувства и непоколебимого мужества».

Генри Менкен

27 августа 1871 года в ветхом домишке, расположенном в одном из беднейших кварталов городка Тера-Хот (штат Индиана), раздался плач младенца – девятого ребенка в семье Джона и Сары Драйзер. Мальчика нарекли Германом Теодором.

Детство будущего писателя было неразрывно связано с нищетой. Отец, Джон Драйзер, был человеком, так называемого, «высокого полета мысли» и все время проводил в философских размышлениях – вследствие чего времени на работу просто не оставалось. Вся тяжесть содержания большой семьи лежала на матери семейства, Саре Драйзер. Сара хваталась за любую работу, лишь бы прокормить семью – занималась стиркой, убирала в гостинице, готовила обеды для одиноких рабочих. Однако этих титанических усилий мужественной женщины не хватало, чтобы избавить семейство от нищеты.

Впоследствии Драйзер так вспоминал свое детство: «Как ни был я мал, я все же сознавал страдания, выпавшие на долю моей матери. Мне вспоминаются долгие, мрачные, серые, холодные дни; скудная еда, состоящая из картошки или чечевицы. Ребенком, в особенности в эти годы, я не однажды был голоден».

В шестилетнем возрасте мальчика отдают в немецкую католическую школу, поскольку отец видел в нем будущего священника. Все что запомнилось Драйзеру за период обучения в школе – это постоянная зубрежка церковных текстов, надменные лица священников и долгие нудные службы, смысл которых ребенок просто не в состоянии был понять.

Уже с самого детства Драйзер познал, что значит быть бедняком. После школы, когда другие дети спешили домой к ужину, Теодор отправлялся помогать матери в ее работе. А что говорить о вечно латаной-перелатаной одежде? А издевательства со стороны других детей, которые унижали его за бедность? Все это оставило незаживающий шрам в душе писателя и до конца жизни вселило в него комплекс, что ему суждено судьбой нищенское существование. Но в то же время трудное детство закалило будущего писателя для будущей тяжелой борьбы за место в обществе.

Семья часто переезжает с места на место, однако везде ситуация одинакова – домишко в бедном квартале и, несмотря на постоянный труд, вечная нехватка денег на самое необходимое. И только когда семья Драйзеров переезжает в городишко Варшава, что в штате Индиана, в жизни Теодора наступает более-менее светлая полоса.

Наконец-то мальчик попадает в городскую школу, которая значительно отличалась от церковной своей широтой взглядов и меньшей догматичностью. «Именно в этой школе я впервые осознал… что именно все это время угнетало и задерживало мое развитие – догматическое и устрашающее господство католической церкви и школы», – вспоминал позднее писатель.

И мальчик начинает впитывать знания с такой скоростью, что просто потрясает своих учителей. Но главным пристрастием Драйзера становится литература. Он безустанно читает – Диккенс, Купер, Скотт, Теккерей, Шекспир. Для того чтобы прочитать в оригинале Шиллера и Гете Теодор изучает немецкий язык. Литература заставляет Драйзера задуматься над проблемами окружающего мира, задаться вопросом, почему одни люди бедные, а другие богатые.

В 1887 году Теодор Драйзер получает свидетельство об окончании средней школы. Перед молодым человеком встает вопрос: а что же дальше? Он не имел средств для поступления в университет, да и перспектив достойной работы в таком маленьком городке, как Варшава, не было. И Драйзер выбирает рискованный путь – отправляется в большой город, в Чикаго, в надежде найти работу.

Как и любой провинциал, приезжающий в большой город, Теодор был переполнен радужными надеждами; рассчитывал, что для кого-кого, а для него уж точно в Чикаго найдется хорошая работа. Как он ошибался! Большой город сразу отрезвлял все честолюбивые иллюзии провинциальных мечтателей, что Драйзер сразу ощутил на себе.

День за днем он обивал пороги фабрик, заводов, фирм и везде слышал одно: «Работники не нужны!», а там, где все же были места, обязательно требовался опыт работы. Но где же набраться опыта, если даже не предоставляют такой возможности. Наконец молодому человеку удалось устроиться посудомойщиком и посыльным в дешевом ресторанчике. Не выдержав тяжелых условий труда, через пару месяцев он уходит с этой работы…

Кем только не пришлось потрудиться на протяжении двух лет Драйзеру: чернорабочим на складе скобяных изделий, разносчиком газет и т. д. Без высшего образования у него не было никаких перспектив на высокооплачиваемую работу, и молодой человек уже начинал терять надежду, понимая, что помочь может только чудо.

«Чудо» явилось в обличье Милдред Филдинг, его бывшей школьной учительницы в варшавской средней школе. Еще в школе она заприметила зарождающийся литературный талант Драйзера и, понимая, что без поддержки он может так и не раскрыться, в 1889 году за свой счет отправляет Теодора на год на учебу в Индианский университет.

В университете Драйзер увлекается историей и философией, знакомится с произведениями классиков мировой литературы. Именно в то время он начинает задумываться о литературном поприще – Теодор хочет стать журналистом.

Год учебы в университете пролетел быстро. Успешно сдав экзамены, но не имея денег на продолжение обучения, Драйзер возвращается в Чикаго. Снова работает на низкооплачиваемых должностях – клерком, возчиком фургонов прачечной, сборщиком взносов. Но теперь у него есть мечта – стать репортером. И Драйзер, которому было не занимать в упорстве в достижении цели, начинает воплощать мечту в реальность.

Сначала Теодор попытался устроиться репортером в крупные газеты, однако быстро пришел к выводу, что без опыта работы ему ничего не светит. Тогда он решил попытать счастья в издательствах поменьше. Вскоре он начинает свою репортерскую карьеру в газете «Дейли глоб».

Начав работать репортером, молодой человек быстро расстался со своими иллюзиями относительно сути этой профессии. Драйзер представлял себе репортеров «совестью нации», людьми, которые пишут правду, какой бы горькой и неприглядной она ни была бы. Но что он увидел на практике? Цинизм, заказные статьи, постоянная грызня между коллегами. «Желание трудиться, создавать что-то для мира наталкивается на жестокий отпор в горниле газетной текучки, попытки высвободить час-другой для души терпят неудачу, – напишет позднее Драйзер, – сводятся на нет из-за непрестанной занятости. В итоге человек обычно испытывает такое разочарование, что решает либо расстаться с мечтой стать писателем, либо поискать другое поприще, дающее больше возможностей для досуга. Гений выбивается на поверхность. Талант, так и не получив признания, нередко иссушает и растрачивает себя в сфере журналистики». Такими ли он представлял себе журналистов? Нет! Он не будет таким! Его статьи будут пронизаны правдой, как бы это не нравилось издателям!

Молодой журналист быстро обратил на себя внимание резкостью своих статей, тематика которых колебалась от политических разоблачений до убийств. Литературный редактор «Дейли глоб» Джон Максвелл так отозвался о Драйзере: «Ты умеешь наблюдать. Тебе суждено быть писателем, а не только простым газетным репортером».

Набравшись опыта, Драйзер продолжает карьеру в Сент-Луисе. Летом 1893 года молодому репортеру сент-луиской газеты «Репаблик» Теодору Драйзеру поручили сопровождать молодых учительниц, победительниц конкурса «Лучший учитель», на чикагскую Всемирную выставку. Среди них он сразу заприметил молодую рыжеволосую Сару Осборн Уайт. Вот как впоследствии Теодор описывал свои первые впечатления о Саре (кстати, в романе «Гений» прототипом героини по имени Анджела стала именно Сара): «Она привлекала его не только своей внешностью, хотя была прелестна, но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус».

Молодые люди сразу понравились друг другу и начали встречаться. Вскоре они были уже помолвлены. Драйзер воспылал любовью, однако что действительно таилось под этим словом – желание физической близости или желание быть с человеком вечно? На это молодой репортер еще не мог дать ответа.

Время шло. Драйзер упорно работал над своей карьерой. В 1894 году он переезжает в Нью-Йорк. После периода тяжелых лишений, когда из-за отсутствия работы молодой человек был вынужден жить впроголодь, он осенью 1895 года возглавляет журнал «Эври манс». Далее Драйзер занимается написанием статей для ведущих американских журналов – «Космополитен», «Харперс». Теодор хорошо помнил свое бедное детство и юность, поэтому работал без остановок, не жалея себя, дабы опять не остаться без куска хлеба.

Для лучшего понимания жизненной позиции Драйзера необходимо отметить некоторые аспекты его мировоззрения, которое сформировалось еще в юношеские годы. Он совершенно не признавал американские светские условности, в частности, относительно взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Тогда было принято, что если уж молодой человек помолвлен с девушкой, то это уже предрешенная женитьба. Любые физические контакты между молодыми людьми, не состоящими в браке, строго осуждались обществом. Но Драйзер, как натура творческая, просто не мог быть связан с одной женщиной, для него это было невыносимо. Мир так огромен и прекрасен, такое количество умнейших и красивейших девушек кругом… Как можно навеки связать себя с одной?

Да, в определенный момент он увлекся Сарой, ее невинностью и простодушием, красотой и застенчивостью. И в состоянии любовной эйфории состоялась помолвка. Однако вскоре после знакомства молодой человек начал замечать существенные различия между ним и Сарой, те преграды, которые в будущем выросли в стену непонимания.

Для Драйзера условности ничего не значили, только вот для Сары все было диаметрально противоположным. Все то, что признавалось общественной моралью, было для Сары непоколебимой истиной. Она стремилась к браку и материнству, мечтала о муже, требующем заботы и любви, хотела стать добропорядочной замужней женщиной, а он… Да знал ли он сам в то время, к чему стремится его вечно мечущаяся душа?

В Нью-Йорке у Драйзера были другие женщины. Он быстро влюблялся – и также быстро остывал в своей страсти. Но не забывал и Сару, постоянно с ней переписывался, заверяя в любви, хотя жениться не спешил. Он не мог порвать эти, изжившие себя, по его мнению, отношения. Почему? Дело в том, что Драйзер не любил обижать людей, и ему было даже страшно представить, что случится с Сарой, если он разорвет эту помолвку.

Этот период их отношений писатель так описывает в «Гении» от имени своего персонажа Юджина: «Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их отношениях… Ему трудно стало писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, поскольку остерегался трезво разбираться в своих чувствах – это привело бы его к мучительному заключению, что он не может жениться на Анджеле, и заставило бы, так или иначе, освободиться от данного ей слова…»

Именно такие чувства испытывал молодой человек по отношению к своей невесте. «Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости – тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу».

Надо заметить, что Драйзер имел основания для своих опасений относительно Сары. Она любила его безумно и не представляла своей жизни без него. В наш совершенно неограниченный моральными нормами век они бы просто расстались и, возможно, их дальнейшая жизнь сложилась бы удачней. Однако тогда, обуреваемый угрызениями совести, мучась за свое отсутствие любви к Саре и испытывая моральное давление со стороны ее сестры, Драйзер все же попросил руки Сары.

28 декабря 1898 года в Вашингтоне Герман Теодор Драйзер и Сара Осборн Уайт сочетались законным браком (довольно знаменательная дата, поскольку именно в этот день в 1945 году писателю предстоит отойти в мир иной).

Молодые переезжают в Нью-Йорк и начинают совместную жизнь. Поскольку по роду своей деятельности Драйзеру приходилось контактировать с тогдашней интеллектуальной нью-йоркской богемой, он попытался ввести в этот круг и Сару, что, однако, закончилось неудачей. Сара не понимала многих из обсуждаемых проблем, не разделяла свободные взгляды на общественную мораль, в общем, она сразу оказалась среди друзей мужа «белой вороной». Хотя это не мешало ей с чисто женской проницательностью наблюдать неравнодушное отношение многих представительниц этого общества к ее мужу. Начались сцены ревности, истерики, несправедливые упреки.

Необходимо отдать Саре должное. Она любила мужа, любила до беспамятства. При помощи заботливых Сариных рук квартира Драйзера в Нью-Йорке была превращена в уютное гнездышко, в котором царил один бог – Драйзер. Что же испытывал сам писатель – известно только ему одному, однако есть сведения, что в то время у него были романы с другими женщинами.

В 1900 году Драйзер пишет свой первый роман – «Сестра Керри», в котором реалистично показывает многие негативные черты американского общества. Писатель очень много вложил в свое творение и питал надежды на его успех. Однако многие издательства отказались печатать книгу. Наконец, книга была выпущена тиражом… 1250 экземпляров, из которых было продано всего 456. Американское общество не приняло начинающего писателя: уж слишком он был откровенен, напоказ выставляя многие пороки общества. Неприятие его творения стало сильным ударом для Драйзера. У него начинается затяжная депрессия. Он просто не может писать, да и популярные журналы не особо нуждаются в его статьях. Материальное положение семьи ухудшается. Драйзеры переезжают из города в город в надежде, что новое место поможет выйти писателю из депрессии, однако ничего не помогает.

Только в 1904 году Драйзер восстанавливает свое душевное равновесие и чувствует, что может снова полноценно работать. Этот сложный четырехлетний период своей жизни он позднее также опишет в «Гении».

Большую часть этого периода времени Сара провела рядом с мужем. Она стоически терпела материальные трудности, жила надеждой на лучшее, упорно продолжая верить в своего Драйзера и стараясь вселить эту веру в него самого. Наверно, Сара давно уже поняла, что муж ее не любит, однако продолжала питать себя иллюзиями о том, что он поймет ее незаменимость.

Начиная с 1904 года в жизни Драйзера опять наступает светлая полоса. Сначала он устраивается штатным сотрудником газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс», далее возглавляет журналы «Стрит энд Смитс» и «Бродвей Мэгэзин» – и, наконец, апофеозом его

журналистской карьеры стал пост главного редактора одного из крупнейших в Нью-Йорке журнального объединения «Баттерик».

С этого времени Драйзер стал достаточно влиятельной фигурой в нью-йоркском обществе, его материальное положение улучшилось настолько, что он смог позволить снять себе огромную квартиру в центре города, приобрести роскошную обстановку, автомобиль с шофером… Его семейная жизнь перешла в состояние «тихого штиля». Драйзер смирился с жизнью с нелюбимой женщиной, а Сара с тем, что муж ее не любит. Новое социальное положение, занимаемое Драйзером в обществе, не позволяло ему быть втянутым в скандал на любовном поприще. Он был уже не простым журналистом, а главой солидного издания, человеком, принимать которого удостаивали честью крупнейшие бизнесмены и сенаторы. На этих деловых приемах следовало появляться с законной супругой, дабы не вызвать нежелательных кривотолков в обществе и не пошатнуть свой авторитет. Американская общественная мораль была очень строга в этом вопросе.

Все для писателя складывалось удачно: хорошая работа, перспективы, стабильная семейная жизнь. Слишком удачно…

В определенном возрасте у некоторых мужчин появляется неудержимое влечение к молодым, красивым и немного наивным девушкам. А если человек еще совершенно неудовлетворен своей семейной жизнью, то эта тяга становится просто невыносимой. В случае с Теодором Драйзером таким желанным объектом стала Тельма Кудлипп, которую впоследствии он изобразит в «Гении» под именем Сюзанна.

Тельма была дочерью одной из сотрудниц журнала, редактором которого являлся Драйзер. Вот как писатель позднее опишет свое первое впечатление о Тельме: «Было что-то свое, особенное, в этой цветущей девушке, то мечтательно безразличной, с улыбкой, подобной дыханию ветерка, оживляющего поверхность вод. Большие голубовато-серые глаза… румяные, красиво очерченные губы и еще по-детски округлое розовое личико в ореоле пышных русых волос были полны неизъяснимого очарования, а ее девичий стан дышал и невинностью и сладострастием».

Наконец-то он нашел свою музу.

С этого времени Теодор потерял покой, совершенно не мог сосредоточиться на работе. Драйзера закружило в любовном вихре, он не мог ни дня прожить без Тельмы. А что же девушка? Она отвечала ему взаимностью, но были ли для нее эти отношения тем, чем они представлялись Драйзеру. Вряд ли… Тельме импонировало то, что такой видный человек как Драйзер носит ее буквально на руках, выполняя любые ее прихоти, и поминутно клянется в вечной любви.

Сара не могла не заметить разительные перемены в поведении мужа. Произошел откровенный разговор, во время которого Драйзер признался, что любит другую, и желает развода. Однако предоставим слово самому писателю, который наиболее красочно описывает тогдашние свои слова, обращенные к жене: «Да, мне нужна свобода!.. И я ее добьюсь… Мне опротивело лгать и притворяться. Мне опротивели твои пошленькие взгляды на жизнь, твои представления о том, что хорошо и что плохо. Вот уже одиннадцать или двенадцать лет, как я терплю это. Я, как арестант, сидел с тобой каждое утро за завтраком и каждый

вечер за обедом. Я выслушивал твои рассуждения насчет жизни и возмущался каждым твоим словом и презирал теории. Я шел на то, чтобы не оскорблять твои чувства. Но теперь с этим покончено».

Многолетняя плотина недовольства семейной жизнью прорвалась. Однако Сара категорически отказалась дать Драйзеру развод. А тут еще нагрянула неприятность в виде матери Тельмы, Анны Кудлипп. Анна была страшно напугана признанием дочери о том, что она любит Драйзера и собирается с ним жить. Что значит жить вместе? Он же женатый человек!

Мать решила взять дело в свои руки, дабы избежать возможного позора, вызванного неопытностью и романтической влюбленностью дочери. Сначала Анна поговорила с Драйзером, который клятвенно заверил, что женится на ее дочери, как только получит развод. А получит ли он его вообще? За ответом на этот вопрос Анна Кудлипп отправилась к Саре Драйзер, которая в самой категорической форме заявила, что не даст развод ни при каких обстоятельствах.

И Анна начала действовать. Она увезла Тельму из Нью-Йорка и поселила под присмотром родственников. Далее отправилась на прием к владельцу журнала «Баттерик» Эрману Рижуэю и потребовала немедленного увольнения Драйзера с поста главного редактора, поскольку он пытался совратить ее дочь. В противном случае пообещала сообщить журналистам все подробности этой истории, а также присовокупить некоторые аспекты амурных похождений самого Риджуэя с сотрудницами журнала. Такой «жаренный» материал нанес бы непоправимый ущерб репутации журнала, а в те времен репутация значила многое.

В конце сентября 1910 года в кабинет главного редактора журнала «Баттерик» Теодору Драйзеру явились владельцы журнала для серьезного разговора. Было сказано, что в связи с его скандальной любовной историей, которая грозит репутации компании, он в данный момент не может выполнять обязанность главного редактора. Драйзеру предложили взять по собственному желанию годичный отпуск. Он сразу все понял – и откуда вести об его истории, и что скрывалось под «годичным отпуском». И это после всех усилий, которые он вложил в развитие журнала!

Его финансовое положение сразу пошатнулось, ибо, получая на посту главного редактора журнала зарплату в 25 тысяч долларов, он мог позволить себе многое. А что теперь? Со всем придется расстаться? Со слугами, с машиной, с шикарной квартирой? Он не был готов к такому ходу событий. Дальнейшие события подкосили его еще больше. Тельма под нажимом матери заявила о решении на год уехать за границу, дабы на расстоянии проверить их чувства. Уехать именно теперь, когда она ему так сильно нужна, когда необходима ему как воздух?

Драйзер переселяется из дома в гостиницу, избавляясь от присутствия ненавистной ему жены. Он пишет письма Тельме, однако она ни одного не получает, поскольку письма перехватываются ее матерью.

Драйзер просто в отчаянии. Так 3 октября 1910 года он пишет Тельме: *«Цветочек мой, как ты мила. О Боже, как ты прекрасна и как воспоминания о тебе ранят. Если бы я потерял тебя… о нет – какая боль… Чувствуешь ли ты что-нибудь подобное? Скажешь ли ты об этом когда-нибудь? Почему ты молчишь?*

Тельма, милая! Сладенькая моя! Маленькая Синяя Птичка! Божественный огонь – я люблю тебя, люблю, люблю! Ты наполнила мои дни душевными муками и переживаниями, но они прекрасны. Ты стоишь всего – моих терзаний, моей работы, опасности публичного позора. Я с радостью плачу эту цену, и заплачу снова без малейших колебаний. Странно, не так ли? Но это правда».[1]

И все же Тельма уезжает, а Драйзер остается один…

Как известно, в этой жизни ничего просто так не происходит. Вполне возможно, что не случись этих событий, мы бы никогда не узнали великого писателя, а говорили бы о Теодоре Драйзере как об известном редакторе или, возможно, конгрессмене.

Оставшись один, Драйзер переезжает в скромную квартиру с видом на Гудзон и погружается в работу над новым романом – «Дженни Герхардт». Это был уже не тот молодой мечтатель, написавший свой первый роман «Сестра Керри». Нет, это реалист, осознающий, что, вполне возможно, его книги не будут приняты общественной ханжеской моралью из-за своей откровенности, однако он будет бороться за свои книги, будет писать, чего бы ему это не стоило.

В октябре 1911 года «Дженни Герхард» увидела свет в издательстве «Харперс». Роман, в основу которого писатель положил реальную историю, происшедшую с одной из своих сестер, был принят критикой достаточно благожелательно.

В 1912–1914 годах Драйзер пишет романы «Финансист» и «Титан», прототипом главного персонажа которых послужил известный американский миллионер Чарльз Йеркес. В этих произведениях Драйзер одним из первых американских писателей открыто показал механизмы накопления богатств представителями тогдашней бизнес-элиты. Не стоит и говорить о том, что с подачи последних романы были раскритикованы в прессе и продавались очень плохо (а «Титан» вообще не хотели издавать!).

Все произведения писателя шокировали общество своим реализмом. Драйзер писал о том, о чем пресса и писатели старались умалчивать – социальные проблемы, двойная общественная мораль, деньги, заработанные на обмане людей. Каждую его книгу критика и пресса встречала в «штыки». Поэтому выход в 1915 году нового романа «Гений» произвел очередной взрыв в американском литературном обществе. Основной тематикой романа Драйзера стала судьба таланта в американском обществе. Писатель прослеживает жизнь молодого талантливого художника Юджина Витлы, вынужденного отказаться от многих своих творческих стремлений в угоду суровым реалиям рыночных отношений. Осведомленный читатель без труда найдет большое сходство между главным героем и самим писателем.

Сам Драйзер так писал об этом романе: «Я имел в виду не какого-либо определенного художника, когда написал книгу, а сплетение обстоятельств в моей собственной жизни и в жизни других людей, которые интересовали и волновали меня». А в письме своему другу Генри Менкену замечал: «…это жестокая вещь, но взятая из жизни».

Интересна история написания романа. Первый вариант «Гения» Драйзер закончил писать в августе 1911 года. В первоначальном варианте роман имел, как выразились бы в наше время, хеппи-энд – после всех трудностей Сюзанна все же выходит замуж за Юджина Витлу. Издатели, ознакомившись с рукописью и как бы предчувствуя скандал, который может вызвать роман, в один голос утверждали, что данная тематика совершенно не заинтересует читающую публику. Писатель был вынужден на время отложить издание романа. В 1913–1914 годах Драйзер фактически переписывает роман заново, в частности, переписывая его концовку.

Сразу после выхода «Гения» большинство газетных и журнальных литературных критиков гневно обрушились на новое детище писателя. «Нью-Йорк Таймс»: «Теодор Драйзер еще раз избрал в качестве героя своей книги ненормального человека и написал о нем ненормально длинный роман… Он от начала до конца слишком реалистичен, а также слишком угнетающ и неприятен…».

Журнал «Харперс»: «г-н Драйзер, этот хроник вульгарных американцев, катастрофически провалился со своим «Гением».

«Нью-Йорк Ворлд»: «Гений» Теодора Драйзера, история художника, жаждущего известности и гоняющегося за женщинами, написана на 736 страницах, весит фунт и три четверти и содержит примерно 350 тыс. слов. Было бы лучше, если бы она была меньше на 350 тыс. слов, легче на фунт и три четверти и короче на 736 страниц. Г-н Драйзер должен отказаться от мысли, что, раз он достиг успеха двумя сексуальными романами, он может продолжать до бесконечности заполнять толстые тома остатками страсти».

«Радушный» прием прессы в очередной раз неприятно удивил писателя. Драйзер, правда, рассчитывал, что такая реакция критиков подстегнет общественное любопытство к его роману, однако не учел психологию тогдашних американцев, для которых мнение прессы о книге имело решающий вес. До конца года было продано всего 6577 экземпляров.

Но только неприятием романа критикой и плохим тиражом на этот раз неприятности писателя не закончились. В 1916 году «Нью-йоркское общество борьбы с пороком» запретило дальнейшее распространение «Гения», как «богохульного и непристойного произведения».

Стоит немного остановиться на деятельности этой организации. Полуофициальное «Нью-йоркское общество борьбы с пороком» было создано во второй половине XIX века Энтони Комстоком и было наделено большими правами. На эту организацию власти штата Нью-Йорк возложили «почетную» миссию внедрения в жизнь законов, направленных против непристойностей – чем ее члены с энтузиазмом и занимались. Так к «подвигам» общества можно отнести запрещение распространения в США таких книг, как «Три мушкетера» А. Дюма, сборника од Горация, произведений Э. Сю. С их подачи были арестованы более 3 тысяч человек, уничтожено более 30 тонн книг и почти 4 миллиона репродукций картин. В общем, организация плодотворно стояла на страже американской нравственной морали.

После выхода романа глава общества Джон Самнер прочел «Гения» и нашел 17 «нечестивых», а также 75 «бесстыжих» мест! Это вынудило этого благопристойного человека лично отправиться в издательство и потребовать изъять книгу из продажи. «Мы смотрим на эту книгу с точки зрения ее воздействия на читательниц-женщин с незрелым умом, – писал он в ноябре 1916 года… – Совершенно ясно, что чтение подобной книги молодой женщиной окажет на нее весьма пагубное влияние».

Издатели, не желающие вступать в конфликт с фанатиками из общества, начали отзывать роман из магазинов. Драйзер, опасающийся за сохранность типографических матриц с текстом книги, был вынужден тайком вывезти их в соседний штат Нью-Джерси. Однако это уже был не тот начинающий литератор, который после отказа издавать его роман «Сестра Керри» впал в депрессию. Перед нами предстает уже состоявшийся писатель, готовый отстаивать право на жизнь своего произведения, как перед критиками, так и перед обществом в целом.

Друзья писателя разослали сотни частных писем писателям, журналистам и издателям с просьбой высказаться в поддержку Драйзера. В его защиту выступили такие мастера слова, как Джек Лондон, Синклер Льюис. Поддержала Драйзера и Лига

писателей Америки. Из Европы Герберт Уэллс и ряд других писателей прислали телеграмму: «Мы считаем, «Гений» – произведение с большими литературными достоинствами, и поддерживаем протест Лиги писателей Америки против его запрещения».

Драйзер постоянно дает интервью в прессе, защищая свою книгу и призывая освободить литературу от общественных цензоров. «Я смотрю на вмешательство в мои дела… как на акт грубого произвола и опасаюсь за судьбу интеллигента в Америке, – писал он в статье, опубликованной в конце 1916 года. – Вмешательство «общества борьбы с пороком» в серьезную литературу представляется мне наихудшей и наиболее развращающей формой тирании, которую только может придумать человеческий разум и которая вскрыла всю глубину невежества и нетерпимости и пресекает инициативу и вдохновение в самом зародыше… В литературе пытаются насадить царство террора. Когда оно кончится?».

К большому сожалению, поддержка Драйзера многими видными литературными организациями не имела существенного эффекта – запрет с книги снят не был, ибо, по словам Джона Самнера, «… группа людей не должна пытаться навязать обществу ее собственное понимание того, что является приличным или неприличным». Надо заметить, что господин Самнер с полным правом мог адресовать эти слова и к свой собственной организации, ведь именно его общество присвоило себе право судить о том, что нравственно, а что нет!

И хотя Драйзер был уже закаленным в моральном плане бойцом и запрет «Гения» не мог сильно подкосить его в душевном плане, однако, по словам биографа писателя Сванберга, «теперь для него было абсолютно невозможным писать новые романы, которые могли запретить, даже если бы он мог позволить себе такую роскошь, и пройдет целое десятилетие между «Гением», который превратил его в бедняка, и следующим романом, который принесет ему относительное благополучие. Кто знает, что еще сошло бы с его пера, если бы его не ограничивали, а поддерживали?». Писатель сосредотачивается на публицистической деятельности, пишет рассказы, многие из которых отвергаются издателями. Осенью 1919 года судьба свела его с Элен Ричардсон, молодой актрисой и его дальней родственницей. Между ними сразу вспыхнула симпатия, быстро перешедшая в неразрывную привязанность. Драйзер так позднее описал эту встречу:

«Какими словами описать глубочайшее из переживаний? Какими красками передать то, что есть самая сущность и потому так неуловимо и не имеет резких оттенков? Думается мне, что лучше всего начать с того серого ветреного сентябрьского дня, когда я сидел за письменным столом в моей мастерской на 10-й улице в Нью-Йорке и писал; услыхав звонок, я несколько минут раздумывал, отворить ли дверь…

Я встал, накинул на себя синий китайский халат, который всегда лежал у меня под рукой на случай, если окажется необходимым придать себе более импозантный вид, и подошел к двери. При этом я заметил, что надел халат наизнанку, а это, как известно, является самым бесспорным предзнаменованием неотвратимых перемен. Я не знаю случая, когда бы эта примета не оправдалась… Я отворил дверь. Наградив меня такой молодой, радостной, невинно-простодушной улыбкой, какой (так мне показалось в ту минуту) я не видел ни у кого уже много лет, она осведомилась, здесь ли я живу, и назвала меня при этом моим полным именем.

– Здесь, и я перед вами.

– Ах, в таком случае я ваша родственница, племянница Ви, – мелодичной скороговоркой промолвила девушка. – И Ви взяла с меня слово…

– Если вы племянница моей двоюродной сестры Ви или состоите в каком-либо другом близком или дальнем родстве со мной, прошу вас, войдите, – прервал я ее с тем радушием, с каким встречают луч солнца, неожиданно проникший в подземелье. Такими лучистыми были ее глаза и улыбка. До этой минуты я никак не думал, что среди моих родственников может быть такая восхитительная девушка. Что говорить, яркий луговой цветок столь же противоположен грубому сорняку, выросшему на худосочном городском сквере. Маленькая кокетливая газель рядом с клыкастым кабаном, злым и диким… Пьеретта, разодетая для майского празднества, и старый Борей, мрачный и хмурый. И все же я старался улыбаться и чувствовать себя молодым душой, и мне даже удалось достичь чего-то, у меня не хватает духу сказать – чего. Кто это писал:

«…заставляя веселое солнце озарять тусклые сердца тех, для кого красота – потребность души»?».

Через несколько дней после знакомства Драйзер признался Элен в любви.

Так провидение подарило Драйзеру любимого человека и верного помощника до конца его жизни.

В 1925 году вышел новый роман писателя «Американская трагедия». В романе, объединившем жанр детектива и философские размышления, Драйзер показал основную суть так называемой «американской мечты» о богатстве, ради достижения которой люди готовы идти на убийство.

Книга, основанная на реальных событиях, была встречена с восторгом как критиками, так и читателями. Впервые книга Драйзера не подверглась критики, и даже больше – стала литературной сенсацией. Его издатель, Хоррест Ливрайт, писал: «Рецензии поразительны, полны энтузиазма, воздают вам должное. Ваше выдающееся положение в литературе признано, продажа идет блестяще».

«Мы вскоре поняли, – вспоминала Элен Ричардсон, – что с этого момента в нашей жизни может быть все, кроме спокойствия. Не успели мы распаковать наши вещи, как… сразу окунулись в водоворот событий, вызванных огромным успехом «Американской трагедии». Хоррест Ливрайт предвкушал колоссальный успех. Происходили совещания за совещаниями; шли переговоры о продаже книги для кино, о постановке пьесы за границей, о постановке ее на Бродвее».

После успеха «Американской трагедии» читатели стали активно покупать и другие романы писателя – «Гений», «Сестру Керри», «Дженни Герхардт».

Как и многие представители передовой интеллигенции, Драйзер был разочарован общественным устройством Америки. Огромные различия между уровнем жизни разных частей населения вызывали протест у таких людей с обостренным чувством справедливости, как Драйзер. Этот протест приводил к поиску новых утопических форм общественного строя, где бы все люди были равны и не было ни богатых, ни бедных. Под влиянием подобных мыслей писатель неизбежно склоняется к коммунистическим идеям о всеобщем равенстве и братстве, примером воплощения которых он видел Советский Союз. «Я знаю так мало правды об условиях в России, – писал Драйзер, – что я не осмеливаюсь высказывать свое мнение в отношении окончательного результата того, что там происходит, но я действительно надеюсь, что нечто прекрасное и большое и бессмертное выйдет из этого».

Драйзер загорелся идеей побывать в Советском Союзе. Он говорил: «У России есть мечта… Мне нужны идеалы. И такой я представляю себе Россию. Меня интересует она сама, происшедшие изменения, ее идеалы, ее мечты». Просоветские взгляды известного американского писателя не остались незамеченными в Москве, которой в то время необходимо было создать позитивный имидж страны на мировой арене. Что могло быть лучшей характеристикой преимуществ коммунистического строя, чем слова такого человека, как Драйзер?

Россия понемногу восстанавливалась после разрушительной гражданской войны благодаря вынужденному НЭПу, который многие «товарищи» считали предательством идей революции. В страну еще позволяли приезжать, а самое главное – уезжать, иностранным журналистам, бизнесменам, писателям. И что самое замечательное, иностранцы еще имели возможность общаться с настоящими пролетариями, а не с «подсадными» агентами НКВД. На этой последней волне демократических свобод осенью 1927 года Драйзер получает официальное приглашение от правительства России принять участие в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции.

В сопровождении переводчика писатель на протяжении нескольких месяцев путешествует по России. Он встречается с представителями так называемой «новой пролетарской интеллигенции, рабочими, крестьянами». И всюду слышит восторженные отклики людей, как хорошо живется в стране, где «так вольно дышит человек». Писателя окружают таким вниманием, которое ему и не снилось в Америке. В его честь устраиваются приемы и торжества, его знакомят со всеми историческими достопримечательностями. Как известно, человек видит то, что он хочет видеть, и верит в то, во что хочет. Не избежал этого и Драйзер. «Мой визит в Россию, – писал он Анри Барбюсу, – явился восхитительным именно потому, что я видел, как рабочие и крестьяне в действительности создают жизнь, справедливую ко всем тем, кто хочет трудиться, и в которой

ничего не припасено для бездельников и транжир». Только вот не знал великий писатель, что всех так называемых «бездельников и транжир», в лице составляющих цвет нации интеллигенции и дворян, уже давно поставили к стенке в подвалах ЧК, а кто успел убежать – работали таксистами и швейцарами от Парижа до Нью-Йорка!

Возвратился из поездки Драйзер в полной убежденности, которую он сохранил до конца жизни, что «Россия – это единственная социальная надежда мира… Она сделала и делает для будущего человечества значительно больше, чем остальные страны мира, вместе взятые». В 1928 году писатель на основе своих впечатлений публикует книгу «Драйзер смотрит на Россию».

Осенью 1930 года писатель был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Именно Драйзеру большинство литературных критиков прочили приз Шведской королевской академии… А награду получил другой американский писатель – Синклер Льюис. Драйзер отнесся к такому повороту событий совершенно спокойно, заметив: «Я не могу себе представить, чтобы эта премия уменьшила или улучшила умственное состояние любого серьезного писателя».

Драйзер сосредотачивается на публицистической и общественной деятельности. В 1944 году, после долгих лет игнорирования, последовало официальное признание литературных заслуг Драйзера – Американская академия искусств и литературы награждает писателя почетной медалью за выдающиеся достижения в области искусства и литературы. В решении академии указывалось, что Драйзер награждается «не только за высокие качества таких книг, как «Американская трагедия», «Сестра Керри», «Двенадцать мужчин» и многие другие, но также за Ваши отвагу и честность, с которыми Вы пробивали путь в качестве пионера, воссоздающего в прозе подлинных живых людей и настоящую Америку». Писатель отправляется в Нью-Йорк за наградой. Не обошлось и без неприятных эксцессов. По традиции каждый лауреат премии выступал с благодарственной речью. Драйзер в своем будущем выступлении собирался затронуть проблемы современного искусства, однако текст речи, отправленный на предварительное ознакомление в академию, был возвращен с предложением полностью его переделать. Писатель счел такой жест личным оскорблением. В день награждения он медленно взошел на сцену, принял награду… и молча вернулся на свое место в зале.

В том же году произошло радостное событие в личной жизни писателя. Поскольку первая жена Драйзера, Сара, много лет не давала ему развод, писатель был вынужден жить вместе с Элен Ричардсон гражданским браком. В 1942 году Сара умерла, вследствие чего Драйзер стал свободным человеком как по закону, так и по канонам католической церкви. И вот, вскоре после награждения Академией искусств, в небольшом городке Стивенсон, штат Вашингтон, состоялось бракосочетание между Германом Теодором Драйзером и Элен Ричардсон.

Последние годы своей жизни писатель полностью отдается работе над двумя романами – «Стоиком» (завершающей частью «Трилогии желаний») и «Оплотом» (историей падения нравов в американской квакерской семье). «День за днем мы работали с ним, сидя друг против друга за его длинным рабочим столом; Тедди покачивался в старомодном желтом кресле-качалке, а я печатала на машинке, – вспоминала Элен Ричардсон. – Иногда мне не хватало места, чтобы разложить перепечатанные страницы, тогда мы переходили в столовую и устраивались за большим испанским столом. Тедди тащил за собой кресло-качалку, усаживался в него, и, покачиваясь, продолжал диктовать. Упорство, с каким он работал, было просто невероятным; в сущности, за редкими исключениями, его ничто больше тогда не интересовало».

Теодор Драйзер скончался 28 декабря 1945 года. «Мир и покой, недоступные человеческому пониманию, снизошли на него. В его кончине было великолепное благородство, словно каждый атом его тела обрел полный покой».

Творческое наследие Драйзера намного пережило писателя. Поколение сменяется поколением, но книги Драйзера продолжают притягивать читателей в поисках ответов на актуальные вопросы о добре и зле, любви и ненависти, благородстве и подлости. Все также мы продолжаем переживать вместе с главными героями его романов, представляя себя на месте Клайда Гриффитса или Френка Каупервуда. А именно этот интерес и является показателем истинного величия литературного гения Теодора Драйзера!

Д. Корнейчук

Гений

Юджин Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле божьей в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лелеять в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?

Обещаю.

Книга первая

Юность

Глава I

Действие этой повести начинается между 1884–1889 годами в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десятитысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет – двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине – пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа – сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были не новые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непреложностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Александрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности, для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной – во всяком случае, она себя такой не считала, – но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джеферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витла удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно американской предприимчивостью, пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется, и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, выработала в нем осторожность и такт, а также известную изворотливость. Он умел приноравливаться к людям. Его жена считала, что даже слишком. И уж во всяком случае мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, ютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим – гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла разъезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Мириэм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон – в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, – такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витла несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, которые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улыбающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила – совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к

уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пройтись с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страстная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях. В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и ненадолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятными – что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго приковывал к себе его внимание. Чудесное зрелище белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой – что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому, и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем, ни другим. Иногда он делал какие-то наброски – ничего законченного: уголок крыши, вьющийся из трубы дымок и летящие птицы; излучина реки со склонившейся над водою ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты. Очарование летящей птицы, пышно распустившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, – все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любуясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и воодушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, – но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота – что стрела, пущенная из лука», «златые косы, дивный стан», «прелестный образ, поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, – красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой город, и время исцелило раны Юджина – ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку практические задачи: продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия, которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас, – к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного беззащитного мужского сердца. Она кокетничала с мальчиками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл – по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина, который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

– Ты не из дому? – спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомить с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. – Мисс Эплтон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

– У меня ужасный вид, – пробормотал он извиняющимся тоном. – Я помогал отцу чинить шарабан.

– Пустяки, – сказала Миртл. – Куда ты идешь?

– К Гарри Моррису, – ответил он.

– Зачем?

– Мы пойдем за орехами.

– Я тоже не отказалась бы от орехов, – сказала Стелла.

– Я вам принесу, – любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась.

– Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недосягаемых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

– Ну, нам пора домой, – сказала Миртл.

– Я пошел бы с вами, если бы не сговорился с Гарри.

– Ладно, – ответила Миртл, – мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

– Какой он милый, – сказала она Миртл.

– Да, только ужасный нелюдим.

– Отчего это?

– Он не очень крепкого здоровья.

– Мне нравится его улыбка.

– Вот как? Я ему скажу!

– Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

– Нет, нет!

– Но у него в самом деле хорошая улыбка.

– Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

– С удовольствием, – обрадовалась Стелла. – Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

– Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

– Обязательно приду!

– Я вижу, он тебе понравился! – засмеялась Миртл.

– Он очень славный, – просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался наверх переодеваться, – в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тщательно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная – стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья и полка с книгами, – но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.

Миссис Витла поминутно выходила из комнаты, занятая делами по хозяйству. Отца еще не было дома. Он поехал куда-то в другой конец округа, надеясь продать там одну из своих машин, – его ждали домой к ужину. Юджину было все равно, дома отец или нет. Мистер Витла, когда бывал в хорошем настроении, любил подтрунивать над детьми, причем всегда в одном и том же духе: он подмечал просыпающийся в них интерес к другому полу и предсказывал, что все их пылкие увлечения завершатся когда-нибудь самым прозаическим образом. Он любил говорить Миртл, что она выйдет замуж за ветеринара, а Юджину прочил в жены некую Эльзу Браун, у которой, как уверяла миссис Витла, были сальные локоны. И Миртл и Юджин принимали эти замечания добродушно, Юджин даже удостаивал их снисходительной усмешки – он любил шутку; но уже в этом возрасте он трезво судил об отце. Он видел, как жалко его занятие, и ему было смешно, что подобная профессия может предъявлять права и на него, Юджина. Он таил свои чувства, но в нем кипел протест против всего заурядного, словно раскаленная лава в кратере вулкана, который время от времени зловеще дымится. Ни отец, ни мать не понимали его. Для них он был странный мальчик, мечтательный, болезненный, еще не отдающий себе отчета в том, чего он, собственно, хочет.

– А, вот и ты! – сказала Миртл, когда он вошел. – Садись сюда.

Стелла встретила его чарующей улыбкой.

Юджин подошел к камину и стал в позу: ему хотелось произвести впечатление на девушку, но он не знал, с чего начать. Он так растерялся, что не мог сказать ни слова.

– Вот и не угадаешь, что мы делали! – защебетала Миртл, приходя ему на помощь.

– А что? – смущенно отозвался он.

– А ты отгадай. Ну, попробуй.

– Хоть разочек, – прибавила Стелла.

– Жарили кукурузу, – осмелился предположить Юджин, невольно улыбаясь.

– То, да не то.

Это говорила Миртл.

Ее подруга не сводила с Юджина широко раскрытых голубых глаз.

– Еще разок, – предложила она.

– Каштаны! – догадался он.

Она весело кивнула. «Какие волосы!» – подумал Юджин. Затем спросил:

– А где же они?

– Вот вам один, – ответила его новая знакомая и, смеясь, протянула ему на ладони каштан.

Под действием ее ласкового смеха к нему стал возвращаться дар речи.

– Жадина! – сказал он.

– Как не стыдно! – воскликнула она. – А я отдала ему свой последний каштан. Не давай ему ничего, Миртл.

– Беру свои слова обратно, – поправился он. – Я не знал.

– Ничего он не получит! – заявила Миртл. – На, Стелла, держи, а ему не давай! – И она высыпала последние каштаны Стелле на ладонь.

Юджин понял, что от него требовалось. Это был вызов – его приглашали отнять каштаны силой. Пожалуйста, он готов.

– Ну дай же! – Он протянул руку. – Так не честно.

Стелла покачала головой.

– Только один! – настаивал он.

Она все так же медленно и решительно покачала головой.

– Только один, – просил он, придвигаясь.

Золотистая головка не сдавалась. Но рука, державшая каштаны, была так близко к Юджину, что он мог схватить ее. Девушка хотела было убрать ее за спину и там переложить каштаны в другую руку, но он подскочил и крепко сжал ее запястье.

– Миртл! Выручай! – позвала она.

Миртл бросилась на помощь. Их было двое против одного. В самом разгаре борьбы Стелла увернулась от Юджина и встала. Ее волосы задели его по лицу. Он крепко держал ее маленькую ручку. На мгновение он заглянул ей в глаза. Что это было? Он не мог бы сказать. Но только он выпустил ее руку и подарил ей победу.

– Ну вот, – улыбнулась она. – А теперь я дам вам один каштан.

Он схватил каштан и засмеялся. Но гораздо больше ему хотелось схватить ее в объятия.

Незадолго до ужина вошел отец и подсел к ним, но немного погодя взял свежий номер чикагской газеты и ушел читать в столовую. А потом мать позвала всех ужинать, и Юджин сел рядом со Стеллой. Его занимало все, что она делала и говорила. Когда ее губы шевелились, он наблюдал за тем, как они шевелятся. Когда обнажались ее зубы, он думал о том, какие они красивые. Светлый завиток у нее на лбу манил его, словно золотой пальчик. Только сейчас он понял всю прелесть выражения «золотистые пряди волос».

После ужина он, Миртл и Стелла вернулись в гостиную. Отец продолжал читать в столовой, а мать принялась мыть посуду. Миртл вскоре ушла помогать ей, и Юджин остался со Стеллой вдвоем. Теперь, когда они были одни, Юджин не решался говорить. Что-то в ее красоте сковывало его.

– Ты любишь школу? – спросила она, помолчав. Ей казалось неудобным сидеть молча.

– Не очень, – ответил он. – Там нет ничего для меня интересного. Я думаю бросить учение и начать работать.

– А что ты собираешься делать?

– Еще не знаю, – может, стану художником.

Впервые он признавался в своем честолюбивом стремлении. Зачем, он и сам не знал.

Но Стелла пропустила это признание мимо ушей.

– Я боялась, что меня не примут в выпускной класс, – сказала она, – но меня приняли. Директор школы в Молине написал здешнему директору.

– Они в таких случаях ужасно придираются, – сочувственно отозвался он.

Она встала и принялась рассматривать книги на полке. Он не спеша последовал за ней.

– Ты любишь Диккенса? – спросила она.

– Очень, – сказал он серьезно.

– А мне он не нравится. Он слишком длинно пишет. Я больше люблю Вальтера Скотта.

– И я люблю Вальтера Скотта, – сказал он.

– Сейчас я тебе назову одну книгу, которая мне очень нравится.

Она замолчала, губы ее приоткрылись. Она силилась вспомнить название книги и подняла руку, словно хотела поймать его в воздухе.

– «Русое божество»! – воскликнула она наконец.

– Да, прекрасная вещь, – одобрил он. – Помнишь, как собираются принести в жертву Аваху?

– Да, и мне это понравилось.

Она взяла с полки «Бен-Гура» и стала неторопливо перелистывать книгу.

– Это тоже замечательный роман.

– Да, чудесный!

Они умолкли. Стелла подошла к окну и остановилась под дешевыми тюлевыми занавесками. Ночь была лунная. Деревья, в два ряда окаймлявшие улицу, стояли голые; трава была бурая, мертвая. Сквозь тонкие ветви, сплетавшиеся в серебряную филигрань, они различали огни ламп в других домах, светившиеся через приспущенные шторы. Человек прошел мимо – в полумраке мелькнула его черная тень.

– Красиво, правда? – сказала она.

Юджин подошел ближе.

– Замечательно, – ответил он.

– Скорей бы настали морозы и можно было кататься на коньках. Ты любишь коньки?

Она повернулась к нему.

– Ну еще бы, – ответил он.

– Ах, как хорошо на катке в лунную ночь. В Молине я много каталась.

– Мы здесь тоже часто катаемся. Ведь у нас тут два озера.

Ему вспомнились ясные хрустальные ночи, когда лед на Зеленом озере трескался с глухим гулом. Вспомнились шумные толпы конькобежцев, далекие тени, звезды. Юджин до сих пор не встречал девушки, с которой было бы приятно кататься. Он ни с одной не чувствовал себя легко. Однажды он упал вместе со своей спутницей, и это чуть не отбило у него охоту ходить на каток. Со Стеллой ему было бы приятно кататься. Он чувствовал, что и она, пожалуй, охотно будет кататься с ним.

– Когда подморозит, можно будет пойти всем вместе, – осмелился он сказать. – Миртл тоже катается.

– Вот и чудесно! – захлопала в ладоши Стелла.

Она долго, не отрываясь, смотрела в окно, потом вернулась к камину и, задумчиво потупившись, остановилась перед Юджином.

– Как ты думаешь, твой отец не уедет отсюда? – спросил он.

– Он говорит, что нет. Ему здесь нравится.

– А тебе?

– Да… теперь и мне нравится.

– Почему теперь?

– Потому что раньше мне здесь не нравилось.

– Почему?

– Да потому, должно быть, что я никого не знала. А теперь мне нравится.

Она подняла глаза.

Он подошел чуть ближе.

– У нас славный городок, – сказал он, – но мне тут нечего делать. Я думаю в будущем году уехать отсюда.

– Куда же ты поедешь?

– В Чикаго. Я ни за что здесь не останусь.

Она повернулась к огню, а он подошел к ее стулу и оперся на спинку. Она чувствовала, что он стоит совсем близко, но не шевельнулась.

– Но ведь ты вернешься? – спросила она.

– Возможно. Как сложится жизнь. Вероятно, вернусь.

– Вот уж не подумала бы, что ты собираешься так скоро уехать.

– Почему?

– Да ведь ты сказал, что здесь хорошо.

Он ничего не ответил, и она взглянула на него через плечо. Он совсем близко склонился к ней.

– Так ты будешь со мной кататься зимою? – выразительно спросил он.

Она кивнула.

Вошла Миртл.

– О чем вы тут беседуете? – спросила она.

– О том, какое у нас катание на коньках, – ответил Юджин.

– Ужасно люблю кататься! – воскликнула Миртл.

– Я тоже, – сказала Стелла, – что может быть лучше?

Глава II

Некоторые эпизоды последовавшей затем поры влюбленности – несмотря на всю ее мимолетность – оставили глубокий след в душе Юджина. Вскоре выпал снег. Зеленое озеро замерзло, и они со Стеллой стали вместе ходить на каток. Стояли чудесные дни. Морозы держались так долго, что к Миллер-Пойнту, где запасались льдом, приезжали на подводах и выпиливали специальными пилами целые глыбы льда толщиною в фут. После Дня благодарения почти каждый вечер толпы школьников – мальчики и девочки – носились по льду, словно водяные жуки. Юджин не всегда бывал свободен – иногда вечерами и в субботу ему приходилось помогать отцу в магазине. Но каждый свободный вечер Миртл по его просьбе звала Стеллу, и они все вместе шли кататься. Иногда он приглашал девушку пойти вдвоем, и она нередко соглашалась.

Однажды, катаясь по озеру, они очутились у высокого берега, на склоне которого прилепилась кучка небольших домиков. Взошла луна, и ее льстивые лучи отражались в зеркальной поверхности льда. Сквозь черную гущу окаймлявших берег деревьев желтыми, приветливыми огоньками мерцали окна. Юджин и Стелла, намного опередившие остальных, решили повернуть обратно. Золотистые кудри девушки были скрыты вязаной шапочкой, из-под которой выбивалось несколько колечек; ее фигурку плотно облегал белый шерстяной свитер, доходивший до бедер, и юбка из толстого серого сукна; поверх чулок она надела белые шерстяные гамаши. В этот вечер она была особенно хороша и знала это.

Но когда молодые люди повернули назад, Стелла вскрикнула: у нее развязался конек.

– Подожди, – сказал Юджин, – я сейчас поправлю.

Она остановилась перед ним, а он, опустившись на колени, стал распутывать отстегнувшийся ремешок. Сняв конек, он взглянул вверх, и девушка, улыбаясь, тоже посмотрела на него. Юджин выронил конек и, обхватив ее руками, прижался лицом к серому сукну.

– Нехорошо это, – сказала она.

Однако она не противилась, чувствуя себя прекрасной героиней восхитительной сказки.

Сдернув с Юджина шерстяной шлем, Стелла провела рукой по его волосам. У него чуть не брызнули слезы, так он был счастлив. Вместе с тем это движение разбудило в нем жгучую страсть. Он крепко прижал ее к себе.

– Надень же мне конек, – благоразумно сказала она.

Он поднялся и хотел обнять ее, но она не позволила.

– Нет, нет! Не смей! Не то я с тобой никогда больше не пойду.

– Стелла! – взмолился он.

– Я говорю серьезно, – настаивала она. – Не смей этого делать!

Юджин подчинился, обиженный и немного раздосадованный. Он испугался ее решительного отпора. Ему и в голову не приходило, что она такая недотрога.

Как-то в другой раз несколько школьниц устроили катание на санях, и Стелла, Юджин и Миртл получили приглашение. Ночь выдалась звездная, искрился снег, воздух был морозный, бодрящий. Огромный фургон сняли с колес, поставили на полозья, а внутри настлали соломы и накидали целый ворох шуб. За Юджином и Миртл завернули после того, как сани объехали уже с десяток таких домиков. Вскоре добрались и до дома Стеллы.

– Иди сюда! – крикнула ей Миртл, сидевшая далеко впереди брата. Это разозлило его.

– Садись со мной! – позвал он девушку, боясь, что сама она не решится.

Стелла пробралась к Миртл, но, видно, место пришлось ей не по вкусу, и она пересела в глубь саней. Юджин сделал энергичное усилие, чтобы освободить уголок возле себя, и девушка как бы случайно очутилась рядом. Он накинул на нее бизонью доху. Мысль, что Стелла с ним, наполняла его счастьем. Сани, звеня бубенцами, продолжали объезд городка, собирая остальных участников, и наконец вынеслись в поле. Мимо мелькали черные перелески, уснувшие в сугробах, и приникшие к самой земле тесовые фермерские домики, заиндевевшие окна которых изливали тусклый, романтический свет. Ярко горели звезды. Эта картина бесконечно взволновала Юджина: он был страстно влюблен, и тут, рядом с ним, окутанная тенью, в которой слабо выделялось ее лицо, сидела любимая девушка. Он видел ее прелестный профиль, щеки, глаза, пушистые волосы.

Вокруг них болтали, пели, и под шум общего веселья Юджин незаметно обвил рукой талию Стеллы, взял ее руку в свою, заглянул в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее мысли. Она всегда вела себя с ним сдержанно, уступая лишь до известного предела. Теперь он несколько раз украдкой поцеловал ее в щеку и раз – в губы, а потом, воспользовавшись минутой, когда было совсем темно, с силою привлек к себе и запечатлел на ее устах такой долгий, чувственный поцелуй, что она испугалась.

– Не надо, – в волнении отбивалась она, – не смей!..

Он подчинился, чувствуя, что зашел слишком далеко. Но очарование той ночи и красота девушки навсегда остались у него в памяти.

– Неплохо бы пристроить Юджина к газетной работе или к чему-нибудь в этом роде, – заметил как-то Витла-отец в разговоре с женой.

– Да, по-видимому, это – единственное, на что он годится, по крайней мере сейчас, – отозвалась миссис Витла, считавшая, что ее мальчик еще не нашел себя. – Со временем он займется чем-нибудь получше. Ведь ты знаешь, какого он слабого здоровья.

Витла подозревал в душе, что сын его просто ленив, но уверенности в этом у него не было. Он высказал предположение, что Бенджамин С. Берджес, будущий свекор Сильвии, редактор и владелец «Морнинг Эппил», мог бы дать Юджину место репортера или наборщика, чтобы постепенно познакомить его с делом. В «Морнинг Эппил» был, правда, небольшой штат, но мистер Берджес, вероятно, не откажется дать Юджину возможность начать с репортерских заметок – если у него есть к этому способности – либо с наборного дела, либо с того и другого. Однажды, встретившись с Берджесом на улице, Витла-отец вступил с ним в разговор.

– Послушайте, Берджес, не найдется ли у вас в газете местечка для моего сына, а? Он у меня все что-то пишет и воображает, будто и рисует неплохо, хотя его мазня, на мой взгляд, немногого стоит. Надо его куда-нибудь определить. В школе он бездельничает. Он мог бы, например, изучить типографское дело. Ему будет только полезно начать с азов, если явится потом охота пойти по этой части. Сколько вы ему положите для начала, неважно.

Берджес подумал. Юджин попадался ему на улице. Ничего дурного он про него не слыхал, разве только, что парень витает в облаках и держится букой.

– Пришлите его как-нибудь ко мне, – ответил он уклончиво. – Возможно, я что-нибудь для него и придумаю.

– Я был бы вам очень признателен, – сказал Витла. – А то он меня беспокоит.

На этом они расстались. Дома Витла рассказал Юджину об этой встрече.

– Берджес говорит, что мог бы взять тебя наборщиком или репортером в «Морнинг Эппил». Загляни к нему на этих днях, – сказал он сыну, который сидел у лампы и читал.

– Вот как? – спокойно отозвался Юджин. – Гм! Ну какой я репортер! Наборщиком я бы еще, пожалуй, мог быть. Это ты к нему обратился?

– Да, – сказал Витла. – А все-таки наведайся туда как-нибудь.

Юджин прикусил губу. Он понимал, что это намек на его склонность к безделью. Успехи его, и правда, были не очень-то велики. Но все же профессия наборщика – не блестящая карьера для человека с его запросами.

– Ну что ж, – решил он, – когда кончу учение.

– Лучше поговори с ним до окончания школы. А то как бы кто-нибудь другой не опередил тебя. А ведь тебе невредно было бы испытать себя на такой работе.

– Поговорю, – послушно сказал Юджин.

И вот в конце солнечного апрельского дня он вошел в контору мистера Берджеса. Она помещалась в нижнем этаже трехэтажного здания газеты на городской площади. Мистер Берджес, заметно лысеющий толстяк, испытующе посмотрел на Юджина поверх очков в стальной оправе. В его жидких волосах пробивалась седина.

– Так вы не прочь поработать в газете? – спросил он юношу.

– Да, я хотел попробовать себя в этом деле, – ответил Юджин, – посмотреть, не придется ли оно мне по душе.

– Я могу вам сказать наперед, что в нем мало интересного. Ваш отец говорил мне, что вы пишете.

– Мне бы очень хотелось писать, но едва ли я справлюсь. Я охотно изучил бы типографское дело. А со временем, быть может, начну и писать, если у меня что-нибудь получится.

– Когда же вы могли бы приступить?

– Как только кончатся занятия в школе, если вы не возражаете.

– Пожалуйста. Мне, в сущности, никто не нужен, но я подыщу вам дело. Пять долларов в неделю вас устроит?

– Вполне, сэр.

– Ну, тогда приходите, как только освободитесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Движением пухлой руки он отпустил будущего наборщика и повернулся к облупленному столу темного орехового дерева, заваленному газетами и освещенному электрической лампой под зеленым абажуром. Юджин вышел, унося с собой запах свежей типографской краски и не менее въедливый запах еще не просохших газет. «Интересно попробовать, – подумал он, – но, возможно, это будет для меня напрасной тратой времени». Юджин был не слишком высокого мнения об Александрии. Когда-нибудь он отсюда выберется.

Редакция «Морнинг Эппил» ничем не отличалась от редакции всякой другой провинциальной газеты в любой точке земного шара. В первом этаже, окнами на улицу, находилась контора, а позади нее – печатный цех, где стоял единственный большой плоский пресс и печатные машины. Во втором этаже была расположена наборная с кассами для шрифта на высоких стеллажах, так как «Морнинг Эппил», как и большинство провинциальных газет, набиралась еще вручную; там же, по фасаду, помещался обшарпанный кабинет редактора, заведующего издательством и заведующего отделом городской хроники – ибо все трое были представлены в газете одним и тем же лицом: это был некто мистер Калеб Уильямс, которого Берджес откопал много лет назад неизвестно где. Уильямс был небольшого роста, тощий, жилистый человек, с острой черной бородкой и стеклянным глазом, который как-то странно смотрел на собеседника своим черным зрачком. Необыкновенно подвижный и разговорчивый, всегда в зеленом козырьке, низко надвинутом на лоб, с коротенькой терновой трубкой в зубах, Уильямс искусно управлялся со своими разнообразными делами и обязанностями. У него была бездна всяких познаний, накопленных за долгие годы газетной работы в столице. После бесконечных странствий по бурному житейскому морю он с женой и тремя детьми бросил, наконец, якорь в Александрии; закончив рабочий день, он бывал рад поговорить с кем угодно о жизни вообще и о своей в частности. С восьми утра до двух пополудни он занимался тем, что собирал скудные городские новости и либо сам писал заметки, либо редактировал. По округе у него был разбросан целый штат корреспондентов, которые раз в неделю присылали ему местные новости. Кое-чем снабжало его и агентство «Ассошиэйтед пресс», а к тому же выручали две страницы стандартного приложения, на которых читатель находил рассказы, хозяйственные советы, медицинские объявления и прочее. Большую часть материала Уильямс пускал в печать не редактируя.

– В Чикаго мы уделяли всему этому много внимания, – рассказывал он всякому, кто попадался под руку, – но здесь с этим возиться не приходится. Да наш читатель, в сущности, и не требует этого. Он ждет от газеты прежде всего местных новостей. А за этим я слежу очень внимательно.

Отделом объявлений ведал сам мистер Берджес. Мало того, он сам добывал объявления и следил, чтобы они были набраны сообразно с желаниями клиента и должным образом помещены, – в зависимости от того, как позволял газетный материал, и в соответствии с правами и притязаниями других клиентов. На нем держалась вся газета, он вел ее дела, и он же определял направление. Иногда он писал передовицы или же совместно с Уильямсом решал, в каком духе они должны быть написаны, принимал посетителей, приходивших в редакцию, и улаживал возникавшие трудности. Мистер Берджес предоставил себя и свою газету в полное распоряжение местных заправил республиканской партии, и это казалось вполне естественным, так как он сам был республиканцем по склонностям и темпераменту. Однажды ему даже предложили должность почтмейстера (в вознаграждение за кое-какие услуги), но он от нее отказался, потому что газета давала ему больше дохода, чем мог принести этот новый пост. К нему попадали все объявления по городу и округе, какие только могли ему доставить руководители республиканской партии, и таким образом он вполне преуспевал. Уильямс знал кое-что о сложных махинациях, в которые вовлекали Берджеса его политические связи. Но это нисколько не тревожило прилежного труженика. Он рассуждал так: «Мне надо прокормить пять ртов, и этого с меня вполне довольно. Зачем мне соваться в чужие дела?» Таким образом, в редакции царила спокойная, деловая и, можно сказать, даже приятная атмосфера. Работать здесь было одно удовольствие.

На Юджина, попавшего сюда прямо со школьной скамьи, когда ему едва минуло семнадцать лет, самое сильное впечатление произвел мистер Уильямс. Этот человек ему решительно нравился. Со временем он подружился также и с Джонасом Лайлом, работавшим за главной наборной кассой, и с неким Джоном Саммерсом, приходившим не регулярно, а лишь в тех случаях, когда поступал какой-нибудь экстренный типографский заказ. Юджин очень скоро узнал, что Джон Саммерс, седой молчаливый человек лет пятидесяти пяти, болен туберкулезом и сильно пьет. Он в самые различные часы украдкой исчезал из типографии минут на десять – пятнадцать. Все делали вид, будто ничего не замечают, потому что здесь никто никого не понукал. С работой так или иначе справлялись.

Джонас Лайл был более интересный тип. Лет на десять моложе Саммерса и гораздо здоровей его и крепче, он тоже был примечательная личность. Флегматичный по натуре, он кое-что прочитал на своем веку и любил пофилософствовать. Как вскоре узнал Юджин, Лайл успел поработать во всех концах Соединенных Штатов – в Денвере, Портленде, Сент-Поле, Сент-Луисе, где хотите, – и любил порассказать о своих бывших хозяевах. Стоило ему встретить в печати сколько-нибудь выдающееся имя, как он тотчас шел с газетой к Уильямсу, – а позднее, когда они ближе познакомились, к Юджину, – и говорил: «Я знал этого парня, когда жил там-то… Он был почтмейстером (или кем-либо еще) в N. А смотрите, как в гору пошел!» В большинстве случаев он не был лично знаком с этими знаменитостями, но слышал про них, и отголоски их славы, донесшиеся до этого глухого захолустья, действовали на его воображение. В горячие часы он помогал Уильямсу править корректуру, был хорошим наборщиком и вообще честно исполнял свои обязанности. Но успеха в этом мире он не добился, так как был всего-навсего безотказным орудием в чужих руках. Юджин понял это с первого взгляда.

Вот этот-то Лайл и научил Юджина наборному делу. Он в первый же день показал ему, как устроены «гнезда», или «карманы», в кассах для шрифта, как размещены буквы, чтобы одни были ближе под рукой, чем другие, объяснил, почему некоторых букв дается больше и почему в одних газетах в определенных случаях употребляются прописные буквы, а в других – нет.

– Вот в Чикаго, когда я работал в «Трибюн», мы обычно выделяли курсивом названия церквей, пароходов, книг, гостиниц и всего прочего в этом роде, – рассказывал он. – Сколько знаю, больше ни в одной газете так не делают.

Вскоре Юджин узнал, что такое шпоны, гранки, верстатки; узнал, что пальцы постепенно приучаются определять по весу характер шрифта; что, как только приобретаешь известный навык, буквы почти механически ложатся обратно в свои гнезда и об этом даже не думаешь; все это Лайл словоохотливо сообщил своему ученику. Он требовал от него серьезного отношения к предмету, и Юджин, уважавший всякое знание, выслушивал его вдумчиво и внимательно. Юджин еще не представлял себе, чем ему хотелось бы заняться, зато он чувствовал, что хочет знать все. И хотя он и убедился вскоре, что не желает быть ни наборщиком, ни репортером, ни вообще кем-либо, причастным к провинциальной газете, все же некоторое время типография представляла для него интерес, так как он изучал здесь жизнь. И он весело работал за своим реалом, с улыбкой глядя на мир, расстилавшийся за открытым окном, читал какие-то забавные обрывки заметок, статей или местных объявлений – по мере того, как набирал их, – и думал о чудесах, которые мир держит в запасе для него, Юджина. В ту пору у него не было еще того огромного честолюбия, которое пробудилось впоследствии, но он был преисполнен надежд, хотя и не вовсе чужд меланхолии. Он видел в окно знакомых юношей и девушек, которые прохаживались без дела по улице или стояли на перекрестке; видел, как Тэд Мартинвуд разъезжает по городу в отцовском шарабане, как Джордж Андерсон слоняется по тротуару с видом человека, которому никогда не придется работать (его отцу принадлежала единственная в городе гостиница). В голове Юджина часто мелькали мысли о рыбной ловле, о катании на лодке и о том, как приятно было бы посидеть где-нибудь на траве с хорошенькой девушкой, но, увы, девушек, по-видимому, не особенно влекло к нему. Он был слишком робок. Порой он задумывался о том, как хорошо, вероятно, быть богатым. И мечтал.

Юджин был в том возрасте, когда хочется выражать свои чувства в пылких фразах. Но это был также возраст, когда застенчивость принуждает к сдержанности, хотя бы вы и были влюблены и обладали страстной натурой. То, что он говорил Стелле, казалось ему скучным и пошлым, и он больше вздохами выражал свои чувства. Но девушка тяготилась вздохами и предпочитала им пошлые излияния. Она уже тогда начала подумывать, что он немного странный, какой-то «взвинченный». Тем не менее он ей нравился. В городе стали считать, что Стелла его девушка. В маленьких городах и деревнях такие парочки – обычное явление среди школьников. Их видели всюду вместе. Отец подтрунивал над Юджином. Родители же Стеллы считали, что это просто детское увлечение и не столько с ее стороны (они знали, что их дочь не слишком интересуется мальчиками и не придает большого значения их чувствам), сколько со стороны Юджина. Они думали, что его сентиментальность скоро начнет тяготить Стеллу. Так оно и случилось.

Однажды на вечеринке, устроенной школьницами старших классов, затеяли игру в «деревенскую почту». Это одна из тех игр, в которых все сводится к поцелуям. Играющим задают вопросы, и с того, кто не ответил, берут фант. Тот, чей фант вынут, становится почтмейстером и вызывает кого-нибудь «за почтой». А это значит, что вы идете в темную комнату, где вас целует тот или та, кто вам нравится или кому нравитесь вы. Почтмейстеру дано право или власть – называйте как хотите – вызвать кого ему угодно.

На этот раз водить пришлось Стелле, которая попалась раньше Юджина. Первая ее мысль была о нем, но оттого ли, что это делалось в открытую, или оттого, что ее втайне беспокоила порывистость Юджина, она назвала имя Харви Раттера. Харви был красивый мальчик, Стелла познакомилась с ним недавно, уже после встречи с Юджином. Она не была им увлечена, но он ей нравился, и юная кокетка была не прочь узнать его поближе. Сейчас ей представлялся удобный случай.

Польщенный Харви побежал на ее зов, и Юджина охватила бешеная ревность. Он не мог понять, почему Стелла так обращается с ним. Когда наступил его черед, он вызвал Берту Шумейкер, тоже прехорошенькую девушку, которая ему нравилась, но которая, по его мнению, не могла сравниться со Стеллой. Для него было мукой целовать ее, тогда как он мечтал о другой. Когда он вышел, Стелла прочла в его глазах обиду, но притворилась, что ничего не замечает. А между тем, несмотря на деланную веселость, его вялый и понурый вид бросился всем в глаза.

Потом Стелла опять проштрафилась, и на этот раз вызвала Юджина. Он пошел, но обида еще кипела в нем. Ему захотелось наказать ее. Когда они встретились в темноте, она ожидала, что он обнимет ее, и уже вскинула руки ему на плечи, но он только сжал ее пальчики, и едва коснулся губ холодным поцелуем. Если бы он сказал: «Зачем ты это сделала?» – если бы привлек ее к себе и попросил не играть его чувствами так жестоко, их дружба была бы спасена. Но Юджин ничего этого не сделал. Тогда в девушке вспыхнула досада, и она с задорным видом вышла из комнаты. Молодые люди сторонились друг друга до конца вечеринки, но он все же пошел проводить ее домой.

– Ты сегодня, кажется, в плохом настроении, – заметила Стелла, после того как они в полном молчании прошли два квартала.

Улицы утопали во мраке, и их шаги по выложенному кирпичом тротуару гулко отдавались в ночной тишине.

– Нет, почему же. Я чувствую себя прекрасно, – угрюмо ответил он.

– У Веймеров было, по-моему, очень мило. Там всегда ужасно весело.

– Да, необычайно весело! – презрительно отозвался он.

– Не будь ты таким злюкой! – рассердилась она. – У тебя нет никаких причин дуться на меня!

– Ты думаешь?

– Да, никаких.

– Что ж, тебе видней. Но я смотрю иначе.

– Ну, знаешь, мне совершенно безразлично, как ты на это смотришь.

– Вот как?

– Да, так! – Девушка сердито вздернула головку.

– Ну, а мне тем более безразлично!

Снова наступило молчание, которое длилось почти до самого ее дома.

– Ты будешь на балу в четверг? – спросил Юджин.

Он имел в виду вечер, который устраивала методистская церковь. Само по себе это празднество ничуть его не интересовало, но оно давало ему возможность увидеться со Стеллой и проводить ее домой. Он задал ей этот вопрос, испугавшись нависшего над ними разрыва.

– Нет, – сказала она. – Едва ли.

– Почему?

– Не хочется.

– Какая ты злая! – упрекнул он ее.

– Ну и прекрасно! – ответила она. – А по-моему, ты слишком любишь командовать. И по правде сказать, ты не очень мне нравишься.

Сердце его зловеще сжалось.

– Делай как знаешь, – сказал он упрямо.

Они дошли до ее калитки. Здесь они обычно целовались в тени и Юджин крепко прижимал к себе Стеллу, невзирая на ее протесты. Он и сейчас с нетерпением ждал этой минуты, но девушка предупредила его. Едва поравнявшись с калиткой, она быстро открыла ее и юркнула в палисадник.

– Спокойной ночи! – крикнула она оттуда.

– Спокойной ночи! – сказал он и, когда она уже дошла до двери, позвал: – Стелла!

Входная дверь открылась, и девушка проскользнула в дом. Юджин растерянно стоял в темноте, огорченный, раздосадованный, подавленный. Как же теперь быть? Он медленно поплелся домой, думая о том, что лучше: не замечать ее, избегать, пока она сама не вернется к нему, или же добиваться встречи и решительного объяснения? Стелла была неправа: Юджин так и уснул с этой мыслью, и она не покидала его весь следующий день.

Юджин делал довольно быстрые успехи в наборном деле. Готовясь к будущей своей профессии, он пробовал свои силы в репортерском ремесле, работая прилежно и с интересом. Нередко он делал из окна зарисовки, хотя с тех пор, как у них вышла размолвка со Стеллой, занимался этим без обычного увлечения. Ему нравилось приходить в типографию, надевать фартук и приниматься за набор какой-нибудь заметки местного корреспондента, залежавшейся со вчерашнего дня, или телеграммы, только что наколотой на крючок возле его кассы. Уильямс пробовал давать ему репортерские поручения для отдела местной хроники, но Юджин был медлителен и не выказывал способностей по этой части.

Когда ему предлагали взять у кого-нибудь интервью, он возвращался в редакцию с материалом, который нуждался в пополнении из других источников. Сколько ни бился с ним Уильямс, Юджин, в сущности, так и не постиг тех требований, какие предъявляет газета, и большей частью работал за своей кассой. И все же кое-чему он научился.

Взять хотя бы то, что он начал разбираться в существе рекламного дела. Местные торговцы изо дня в день помещали одни и те же объявления, и текст их почти не менялся. Юджин видел, как Лайл и Саммерс брали старые рекламы, которые месяцами печатались без всяких изменений, и, выправив одно-два слова, снова сдавали в цинкографию. Юджина удивляла эта косность, и, когда они наконец попадали к нему на просмотр, у него часто являлось желание переделать их – таким суконным языком они были написаны.

– Почему бы не давать к объявлениям маленьких рисунков? – спросил он однажды Лайла. – Вы не находите, что они очень выиграли бы?

– Гм! Право, не знаю, – ответил Лайл. – По-моему, и так сойдет. Здешней публике не понравилось бы такое новшество. Читатели скажут, что это несолидно.

Юджин присматривался к журнальной рекламе и находил ее несравненно эффектнее. Почему бы не изменить и газетную?

Но никто здесь, по-видимому, не нуждался в его советах. С клиентами имел дело сам мистер Берджес. Это он решал, каким должно быть объявление. Он никогда не советовался ни с Юджином, ни с Саммерсом и редко даже с Лайлом. Лишь иногда Уильямс по его требованию давал им предварительные указания.

Юджин был еще так молод, что вначале Уильямс не обращал на него внимания, но потом, приглядевшись к юноше поближе, стал охотно объяснять ему то одно, то другое: почему некоторые заметки должны быть краткими, а некоторые – пространными; почему сообщения, касающиеся их округа – городишек вокруг Александрии и их обитателей, – имеют для газеты с финансовой точки зрения гораздо большее значение, чем самый достоверный отчет о смерти турецкого султана. А всего важнее, говорил он, следить за тем, чтобы в имена и фамилии местных жителей не вкрались опечатки.

– Упаси вас бог неправильно набрать их, – сказал он однажды Юджину. – А особенно следите за инициалами. Люди на этот счет очень чувствительны. Если вы не будете осторожны, мы рискуем растерять всех подписчиков, а потом поди разберись, как это случилось.

Юджин старался все запомнить. Ему интересно было вникнуть в механику дела, хотя в глубине души он находил все это мелким. Да и люди казались ему мелкими, по крайней мере, большинство людей.

Но кое-что в типографском деле интересовало его. Он любил смотреть, как в машину закладывают бумагу и как она потом работает, любил помогать при заключке форм и наблюдать за тем, как ложатся друг на друга газетные оттиски и отсчитываются готовые листы. Он любил прислушиваться к ходу машины и вместе с другими переносить еще влажные кипы газет в экспедицию и к сортировочному столу. «Морнинг Эппил» выходила не очень большим тиражом, но в момент выпуска типография оживала, и это нравилось Юджину. Ему нравилось, что руки и лицо у него в чернилах и краске и что это его не

смущает, нравилось видеть в зеркале свою всклокоченную шевелюру. Он старался быть полезным где только мог, и работники газеты полюбили его, хотя иногда он раздражал их своей неловкостью и медлительностью. Здоровье его в то время было не из крепких, он часто страдал желудком. Иногда у него мелькала мысль, что воздух типографии вреден для его легких, но серьезного значения он этому не придавал.

Однако сколько ни радовался Юджин новым впечатлениям, этот мирок казался ему тесным. За пределами редакции был несравненно больший простор. Он это знал. И на этот простор он рассчитывал когда-нибудь выбраться. Он надеялся уехать в Чикаго.

Глава III

По мере того как Стелла проявляла все большую независимость, Юджином все сильнее овладевала хандра. Но эти его настроения только расхолаживали девушку. Немалую роль играл и успех, которым она пользовалась у других молодых людей, а то, что один из них, а именно добродушный, покладистый Харви Раттер, был и красивее Юджина и выгодно отличался от него приятным неназойливым нравом, сыграло, пожалуй, решающую роль. Юджин иногда встречал их вместе – Стелла ходила на каток с ним вдвоем или с компанией молодежи, где был и Харви. Юджин возненавидел его всей душой. Порою он ненавидел и Стеллу за то, что она не подчинилась его воле. Но ее красота по-прежнему сводила его с ума. Стелла помогла ему создать себе идеал женщины. Теперь он знал, что такое женская красота.

Настало время задуматься и над своим положением. До сих пор он всецело зависел, в отношении питания, одежды и карманных денег, от родителей, которые были не слишком щедры. Он знал мальчиков, которые могли себе позволить увеселительную поездку в Чикаго или Спрингфилд (последний был расположен ближе к Александрии) на субботу и воскресенье. Юджину эти развлечения были недоступны. Отец не разрешил бы ему, вернее, не дал бы денег. Другие мальчики благодаря щедрости родителей слыли первыми щеголями в городе. Юджин наблюдал по воскресеньям, а иногда и в будние дни, как они, готовясь куда-нибудь идти, прохаживались возле книжного магазина, где обычно гуляло местное «общество», одетые с такой изысканностью, о какой он не смел и мечтать. Тэт Мартинвуд, сын крупнейшего в городе торговца мануфактурой, сшил себе сюртук; он иногда заходил в нем к парикмахеру побриться, перед тем как идти к своей девушке. У Джорджа Андерсона имелась даже фрачная пара и лакированные туфли, в которых он щеголял на всех балах. Эд Уотербери разъезжал по городу в собственном экипаже. Правда, все эти юноши были немного старше Юджина и их интересовали взрослые девушки, но это не меняло дела. И Юджин страдал.

Для себя он не видел возможности разбогатеть. Отец его никогда не будет богат, это было всякому ясно. Сам Юджин не вынес из школы никаких практических знаний. Он ненавидел страховое дело – всю эту писанину и погоню за клиентами, презирал торговлю швейными машинами, но и не возлагал никаких надежд на то, что со временем ему удастся стать писателем или художником. Все, что он рисовал, казалось ему просто баловством, а то, что писал, – вернее, пытался писать, – казалось лишенным всякого значения и смысла. В эту пору Юджин часто с горечью размышлял о своем будущем.

Как-то Уильямс, давно уже приглядывавшийся к юноше, остановился у его реала.

– Послушайте, Витла, почему бы вам не уехать в Чикаго? – сказал он. – Там гораздо больше возможностей для такого парня, как вы. Работая в провинциальной газете, вы никогда ничего не добьетесь.

– Я знаю, – ответил Юджин.

– На меня вы не смотрите, – продолжал Уильямс, – я достаточно покружил по свету. У меня жена и трое детей, а когда у человека семья, он не имеет права рисковать. Вы же молоды. Почему бы вам не уехать в Чикаго и не поступить в какую-нибудь газету? Вы там легко устроитесь.

– Кем, например? – спросил Юджин.

– Да хотя бы наборщиком, если вступите в союз. Не знаю, выйдет ли из вас хороший репортер, – по-моему, это не ваше призвание, но вам надо учиться рисовать. Художники в газете недурно зарабатывают.

Юджин с горечью подумал о своем даровании художника. Немногого он стоит. Немногого он достиг. Все же он стал помышлять о Чикаго. Широкий мир манил его. Только бы выбраться отсюда, только бы найти приличный заработок, а не получать какие-то семь-восемь долларов в неделю! Это постоянно занимало его мысли.

Однажды в воскресенье он вместе с Миртл и Стеллой отправился навестить Сильвию; Стелла вскоре стала собираться домой, говоря, что мать будет беспокоиться. Миртл хотела было уйти вместе с ней, но сестра упросила ее дождаться чая.

– Пусть Юджин проводит Стеллу домой, – сказала Сильвия.

Юджин был в восторге. Неисправимый упрямец, он еще надеялся вернуть любовь Стеллы. Когда они очутились на улице, где уже пахло весной, он решил, что это удобный случай сказать девушке что-то такое, что вернуло бы ее к нему.

Они вышли на окраину города, где жила Стелла, и девушка уже хотела свернуть в своей переулок, но Юджин удержал ее.

– Ну, побудь со мной немного. Разве тебе так уж обязательно надо домой? – стал он упрашивать.

– Нет, я могу еще погулять, – ответила она.

Беседуя, они вышли за черту города; последний дом остался позади. Поддерживать разговор становилось все труднее. Прилагая все усилия к тому, чтобы быть занимательным, Юджин поднял с земли три прутика, намереваясь показать ей фокус, основанный на законе равновесия. Надо было два прутика сложить под прямым углом, а третьим поддерживать их в воздухе. Стелла не пожелала и пробовать. Ее это не занимало. Но Юджин настаивал, и, когда она согласилась, он взял ее за правую руку, чтобы помочь.

– Не надо, – сказала она, отдергивая руку. – Я сама!

Но она безуспешно возилась с прутиками и хотела уже бросить их, когда он взял обе ее руки в свои. Это произошло так внезапно, что Стелла не смогла высвободиться и невольно посмотрела ему в глаза.

– Оставь, Юджин. Пожалуйста, отпусти мои руки.

Он отрицательно покачал головой, глядя на нее в упор.

– Прошу тебя, отпусти, – повторила она. – Не смей этого делать. Я не хочу.

– Почему?

– Потому!

– Почему все-таки?

– Ну, просто не хочу!

– Я в самом деле больше не нравлюсь тебе? – спросил он.

– Нет, не нравишься… во всяком случае не так…

– А раньше нравился?

– Мне казалось, что да.

– Значит, ты ко мне переменилась?

– Да, если хочешь, переменилась.

Он отпустил ее руки и впился в нее трагическим взглядом. Но это на нее не подействовало. Они медленно повернули назад, к городу. У ее калитки он сказал:

– Что ж, видно, мне не стоит больше и приходить к тебе.

– Да, не стоит, – просто сказала она.

Она вошла в дом, ни разу не оглянувшись, а Юджин, вместо того чтобы вернуться к сестре, отправился домой. Ему было очень тяжело, и, посидев немного в гостиной, он ушел в свою комнату. Стемнело, а он все сидел и смотрел из окна на деревья и горевал о своей утрате. Должно быть, он недостаточно хорош для Стеллы, раз не мог добиться ее любви. Но в чем же причина? То ли он недостаточно красив (Юджин и в самом деле не считал себя красивым), то ли недостаточно силен и смел?

Он заметил, что луна висит над деревьями, как яркий щит. Два слоя легких облаков плыли навстречу друг другу на разной высоте. Юджин оторвался от своих мыслей и стал думать о том, откуда взялись эти облака. В солнечные дни, когда тучки бесконечными флотилиями плывут по небу, они тают прямо на глазах, а потом – о чудо из чудес! – снова появляются неизвестно откуда. Когда Юджин впервые обратил на это внимание, он был немало удивлен – тогда он еще понятия не имел, что такое облака. Потом он прочел об этом в учебнике физической географии. Сегодня ему вспомнились и эти облака, и бескрайние равнины, над которыми они проносятся, и трава, и деревья – бесконечные леса, что тянутся на много миль. Как чудесен мир! Ведь именно о таких вещах писали поэты – Лонгфелло, Брайант и Теннисон. Юджину вспомнились «Танатопсис» и «Элегия» – его любимые поэмы. Что же это такое – жизнь?

С болью в сердце вернулся он к мысли о Стелле. Она окончательно ушла от него, – она, такая прекрасная! Никогда больше они не будут разговаривать. Никогда не держать ему ее рук, не целовать ее. О, этот вечер на катке, и тот, другой вечер, в санях! Как это было прекрасно! Он разделся и лег в постель. Ему хотелось быть одному, отдаться своей тоске. Юджин лежал на белой подушке и грезил о том, что могло бы быть, – о поцелуях, ласках, о тысяче радостей.

Как-то в воскресенье, валяясь в гамаке и размышляя о том, какой Александрия скучный город, Юджин развернул субботний номер чикагской газеты (это был в сущности воскресный номер, так как в воскресенье газета не выходила) и стал от скуки ее просматривать. Газета, как всегда, была исполнена для него неотразимого интереса, чудеса большого города притягивали его, точно магнит. Вот большой отель, который кто-то собирается выстроить; вот портрет знаменитого пианиста, приезжающего в Чикаго на гастроли; дальше – рецензия на новую комедию; описание романтического уголка на Гусином острове, раскинувшемся посредине реки Чикаго, – старые баржи служили здесь жилищем, и между ними вперевалку бродили гуси. Внимание Юджина привлекла заметка о человеке, провалившемся в угольный люк на Южной Холстед-стрит. Это произошло в доме номер шесть тысяч двести с чем-то, – он и не представлял себе, что существуют такие длинные улицы. Какой это, должно быть, гигантский город. Мысль о мчащихся по мостовым вагонах конки, о толпах народа, о поездах до боли взволновала его, как манящий призыв.

Это чудо, эта красота, вся эта жизнь неотразимо влекли его к себе.

«Уеду в Чикаго!» – мысленно решил он и поднялся.

Вот перед ним родной дом, уютный, тихий. А в нем – мать, отец, Миртл. Но он уедет. Ничто не мешает ему вернуться обратно, если он захочет.

«Конечно, я могу вернуться», – произнес он про себя.

Словно движимый какой-то неодолимой силой, Юджин вошел в дом, поднялся к себе и достал маленький саквояж. Он сложил туда вещи, которые могли понадобиться ему в первую очередь. В кармане у него было девять долларов – с некоторых пор он копил деньги. Он спустился вниз и остановился в дверях гостиной.

– Что случилось? – спросила мать, глядя на его серьезное лицо, говорившее о внутренней борьбе.

– Я еду в Чикаго, – сказал он.

– Когда? – спросила она пораженная, не зная, что и думать.

– Сегодня, – ответил он.

– Не может быть! Ты шутишь! – воскликнула мать.

Она недоверчиво улыбалась. Конечно, это только мальчишеская выходка, не больше.

– Я еду сегодня же, – сказал он. – И хочу поспеть к четырехчасовому поезду.

Теперь на лице матери появилась тревога.

– Быть не может, – повторила она.

– Ведь я в любое время могу вернуться, если захочу, – сказал Юджин. – Пора мне поискать себе другое занятие.

Вошел отец. У него была маленькая мастерская в сарае, где он иногда чистил машины и чинил фургоны. Он все утро копался там.

– Что случилось? – спросил он, увидев их взволнованные лица.

– Юджин уезжает в Чикаго.

– Это когда же? – иронически спросил отец.

– Сегодня. Он говорит, что едет сейчас.

– Ты это, надеюсь, не всерьез? – сказал пораженный Витла. Он ушам своим не верил. – Что это тебе загорелось? Такой шаг надо хорошенько обдумать! На какие же средства ты будешь там жить?

– Проживу как-нибудь, – сказал Юджин. – Я еду. Хватит с меня Александрии. Я хочу выбраться отсюда.

– Ну что ж, – сказал отец, веривший в инициативу. Оказывается, он плохо знал своего сына. – Ты уложил чемодан?

– Нет, пусть мама вышлет мне вещи.

– Не уезжай сегодня, – стала упрашивать миссис Витла. – Подожди, Юджин, пока у тебя будет хоть что-нибудь на примете. Это слишком серьезный шаг. Подожди до завтра.

– Я поеду сегодня, мама. – Он обнял ее одной рукой. – Мамочка!..

Он был уже сейчас выше ее ростом и продолжал расти.

– Хорошо, Юджин, – тихо сказала она. – Но напрасно ты уезжаешь.

Ее мальчик покидал ее – сердце матери обливалось кровью.

– Я всегда могу вернуться. Ведь это всего лишь сотня миль.

– Что ж, поезжай, – сказала она наконец, стараясь держаться бодро. – Я уложу твой саквояж.

– Я уже все уложил.

Она пошла проверить.

– Ну что ж, скоро пора ехать, – сказал Витла, думавший, что Юджин еще колеблется. – Очень жаль. Хотя это, разумеется, пойдет тебе на пользу. Во всяком случае ты знаешь, что здесь тебе всегда будут рады.

– Знаю, – сказал Юджин.

Они отправились к поезду все вместе – Юджин, отец и Миртл. Мать не пошла с ними. Она осталась дома плакать.

По дороге на вокзал они зашли к Сильвии.

– Что ты, Юджин! – воскликнула она. – Что за странная фантазия! Не надо ехать!

– Он твердо решил, – сказал Витла.

Наконец Юджин вырывался на свободу. Любовь, семья, все близкое, родное крепко держало его в своих объятиях, и с каждым шагом он словно рвал эти узы. Они добрались до вокзала. Подошел поезд. Отец ласково и крепко пожал сыну руку.

– Будь молодцом, – сказал он и судорожно глотнул.

Миртл поцеловала брата.

– Какой ты чудила, Юджин! Пиши мне.

– Ладно.

Он поднялся в вагон. Прозвонил звонок, и поезд тронулся. Юджин смотрел на знакомые места, и боль, настоящая боль сжала его сердце… Стелла, мать, отец, Миртл, их милый домик… Все это уходило из его жизни.

– Гм-м! – чуть ли не застонал он, прочищая горло. – Черт побери!

Он откинулся на спинку скамьи и заставил себя ни о чем не думать. Он должен пробить себе дорогу. Это и есть жизнь. И это должно быть его целью. Он добьется своего.

Глава IV

Чикаго – кто его опишет! Кто опишет этот гигантский муравейник, выросший словно по мановению жезла на гнилых болотах приозерья! На целые мили протянулись мрачные домишки, на целые мили ушли вперед улицы с торцовыми мостовыми, газовыми фонарями, водопроводными магистралями и пустынными деревянными тротуарами, по которым скоро заснуют толпы прохожих. Стук сотен тысяч молотков, звонкие удары зубил в руках каменщиков! Длинные, смыкающиеся вдали ряды телеграфных мачт; тысячи и тысячи стоящих вразброс, словно часовые, домиков, заводов, устремленных ввысь фабричных труб, и среди них вдруг одинокая невзрачная церковка, смиренно приткнувшаяся на голом пустыре. Нетронутая целина прерии с выгоревшей на солнце травой. Широкие железнодорожные насыпи, по которым ползут стальные пути – десять, пятнадцать, двадцать, тридцать в ряд, – унизанные, словно бусинками, тысячами и тысячами грязных вагонов. Громыхающие паровозы, бегущие поезда, люди у переездов – пешеходы, возчики, кучера, подводы с пивом, платформы с углем, кирпичом, камнем, песком – зрелище новой, неприкрашенной, неукротимой жизни!

По мере приближения к Чикаго Юджин начинал все больше и больше понимать существо и значение огромного города. Какими невнятными казались ему теперь слабые газетные отголоски по сравнению с этой яркой, красноречивой, полнокровной жизнью! Перед ним раскрывался новый мир – мощный, влекущий, совсем особенный. Когда поезд стал подъезжать к городу, внимание юноши привлекла красивая пригородная станция – такой он еще никогда не видел. Никогда не приходилось ему видеть и такого скопления рабочих-иностранцев – целые толпы литовцев, поляков, чехов дожидались пригородного поезда. Никогда он не видел и настоящего большого завода, а здесь они вырастали перед ним один за другим – сталелитейные, фаянсовые, мыловаренные, чугунолитейные заводы, мрачные и неприступные на фоне вечереющего неба. Несмотря на воскресенье, что-то юное, энергичное, оживленное чувствовалось в атмосфере этих улиц. С интересом смотрел Юджин на конки, дожидавшиеся пассажиров. В одном месте переправа через реку производилась на канатном пароме; это была грязная, неприглядная речонка, но во всю ее ширь теснилось множество судов, а по обоим берегам тянулись огромные амбары, зерновые элеваторы, угольные склады – архитектура насущных нужд большого города. Воображение Юджина разыгралось. Как хорошо было бы передать эту картину в черных тонах, лишь кое-где тронув красным или зеленым огни вдоль мостов и на судах. В некоторых журналах художники делают такие вещи, но у них это получается недостаточно живописно.

Поезд, пробираясь среди длинных составов, подошел к бесконечной крытой платформе, где под гигантской выпуклой крышей из стекла и стали шипело штук двадцать дуговых фонарей. Толпы людей сновали взад и вперед, пыхтели паровозы, гулко звонили колокола.

У Юджина не было в этом городе ни родных, ни знакомых – никого, к кому он мог бы обратиться, но он не испытывал одиночества. Новая, невиданная картина жизни захватила его целиком. Он вышел из вагона и неторопливым шагом направился к выходу, гадая, куда идти. На углу, в свете зажженного фонаря, ему бросилась в глаза дощечка с надписью «Мэдисон-стрит». Он взглянул вдоль улицы: по обе стороны ее, уходя вдаль, выстроились магазины, тащились конки, торопливо сновали пешеходы. «Какое зрелище!» – мелькнуло у него в голове, и он повернул на запад. Погруженный в размышления, прошел он мили три, и только когда совсем стемнело, спохватился, что не позаботился о еде и ночлеге. Добродушный толстяк, сидевший на стуле с плетеным сиденьем у ворот извозного двора, казалось, сулил все необходимые сведения.

– Вы не знаете, где здесь поблизости сдается комната? – спросил Юджин.

Человек, наслаждавшийся вечерним воздухом, внимательно оглядел его. Это был владелец двора.

– Вон там, через улицу, в доме семьсот тридцать два, живет одна пожилая женщина, – сказал он. – У нее как будто есть комната. Может, она пустит вас.

Молодой человек явно внушал ему доверие.

Юджин перешел на ту сторону и позвонил у двери первого этажа. Ему открыла высокая приветливая женщина. В ее облике было что-то материнское. Волосы ее были белы.

– Что вам угодно? – спросила она.

– Джентльмен вот там, у извозного двора, сказал мне, что у вас можно снять комнату.

Женщина ласково улыбнулась. Растерянность юноши, его сияющие от возбуждения глаза, а также одежда и манеры выдавали провинциала.

– Да, войдите, – сказала она. – У меня есть комната. Можете ее посмотреть.

Это была маленькая спальня, совершенно изолированная, окнами на улицу – опрятная, скромная, удобная.

– Она мне нравится, – сказал Юджин.

Женщина снова улыбнулась.

– Платить мне будете два доллара в неделю, – сказала она.

– Хорошо, – сказал Юджин, ставя на пол свой чемодан. – Я беру ее.

– Вы ужинали? – спросила женщина.

– Нет, но я скоро пойду прогуляться, посмотреть город и найду, где поесть.

– А то я накормлю вас, – предложила хозяйка.

Юджин поблагодарил ее, и она опять улыбнулась. Вот что Чикаго делает с провинцией – забирает у нее молодежь.

Юджин открыл ставни, стал на колени и облокотился на подоконник. Он смотрел на улицу, где все казалось ему необыкновенным. Витрины залиты огнями. Люди спешат, – как гулко раздаются их шаги! И куда ни глянешь, – на восток, на запад, – везде то же самое, повсюду большой, огромный, изумительный город. Как хорошо здесь! Теперь он это знает. Ради этого стоило приехать. Как мог он так долго сидеть в Александрии! Он здесь устроится, непременно устроится. Он был глубоко уверен. Он знал это.

Чикаго в то время действительно представлял для новичка целый мир возможностей и надежд. Тут было столько нового, еще не тронутого – все находилось в стадии созидания. Протянувшиеся длинными рядами дома и магазины были по большей части временными постройками – одноэтажными и двухэтажными бараками, но кое-где попадались уже и трехэтажные и четырехэтажные кирпичные здания, возвещавшие лучшее будущее. Торговый центр, расположенный между озером и рекой, – между Северной и Южной сторонами, – таил в себе неограниченные возможности, так как здесь были сосредоточены магазины, обслуживавшие не только Чикаго, но и весь Средний Запад. Тут были внушительные банки, конторы, огромные розничные магазины, отели и постоянно бурлил людской поток, олицетворяющий юность, иллюзии, безыскусственные мечтания миллионов людей. Попав сюда, вы начинали чувствовать, что Чикаго – это неудержимый порыв, это людские надежды, людские желания. Это был город, вливавший жизненные силы в каждую колеблющуюся душу; новичка он заставлял грезить, пожилым внушал, что нет такого тяжелого положения, которое не могло бы измениться к лучшему.

За всем этим скрывалась, конечно, борьба. Юность, надежды и энергия вступали в бешеную гонку. Здесь надо было работать, не отставая, живей поворачиваться, не зевать. Здесь необходимо было обладать инициативой. Город требовал от человека самого лучшего, что было в нем, – иначе он просто от него отворачивался. Как юность в своих смутных исканиях, так и зрелость испытывали это на себе. Здесь не было места лежебокам.

Юджин, едва обосновавшись, понял это. На профессию наборщика он как-то махнул рукой. С этим у него было покончено. Ему хотелось быть художником или чем-то в этом роде, но он понятия не имел, как приступить к делу. Лучше всего устроиться в газету, да вряд ли там принимают начинающих. А ведь он ничего не умеет. Правда, его сестре Миртл очень нравились его наброски, но что она понимает? Если бы он мог где-нибудь подучиться, найти кого-нибудь, кто поучил бы его… А пока придется работать…

Прежде всего он, разумеется, попытал счастья в газетах, в этих великолепных учреждениях, куда тянет всякого, кто хочет проложить себе дорогу. Но Юджина испугали шумные редакции, хмурые заведующие художественными отделами и заносчивые редакторы. Один из этих власть имущих нашел небезынтересными те три-четыре наброска, которые показал ему Юджин, но он был в дурном расположении духа, и – нет, ему никто не нужен. Он так и сказал: «Нет, нам никого не надо». Юджин с горечью подумал, что, очевидно, его и на этом поприще ждет провал.

Вся беда юноши заключалась в том, что его способности еще дремали. Красота жизни, то изумительное, что есть в ней, уже держало его в своей власти, но он еще не в состоянии был передать это в линиях и красках. Он без конца бродил по шумным улицам, подолгу простаивал у витрин и часами глядел на лодки, скользившие по реке, и на сновавшие по озеру суда. Как-то днем, когда Юджин стоял на берегу озера, на горизонте показалась шхуна, плывшая под всеми парусами, – первый корабль, который он увидел в своей жизни. Чуткая душа его встрепенулась. Руки нервно сжались в кулаки, дрожь пробежала по телу. Он сел на парапет и все смотрел и смотрел, пока шхуна не скрылась из виду. Так вот они, великие озера! Каковы же должны быть великие моря – Атлантический, Тихий, Индийский океаны. О море! Когда-нибудь он, быть может, попадет в Нью-Йорк и увидит там море. Но оно и здесь перед ним – в миниатюре, и какое оно изумительное!

Однако человек не может жить праздно, проводя время в мечтаниях на берегу озера, у паромов и витрин, если у него нет средств к существованию, а у Юджина их не было. Покидая отчий дом, он твердо решил добиться самостоятельности. Он хотел иметь заработок, на который можно было бы кое-как жить. Он хотел иметь возможность написать домой, что неплохо устроился. Прибыли его вещи, от матери пришло ласковое письмо и немного денег, однако деньги он отослал обратно – всего лишь десять долларов, но он не так думал начинать новую жизнь. Он считал, что должен жить на собственные средства – во всяком случае он решил попытаться.

Прошло десять дней, капиталы Юджина сильно поубавились, – у него оставался доллар семьдесят пять центов, – надо было браться за любую работу. Нечего было сейчас и думать о месте художника или даже наборщика. Наборщик должен быть членом профессионального союза, а потому приходилось брать, что подвернется, – и он стал ходить из магазина в магазин, предлагая свои услуги. Убогие мастерские, в которых он справлялся о работе, были до того неприглядны, что Юджин внутренне морщился; но он подавил свою брезгливость. Он готов был взяться за какой угодно труд, хотя бы приказчика в булочной, кондитерской или мануфактурном магазине.

Однажды он зашел наугад в большую скобяную лавку. Человек, к которому он обратился, посмотрел на него с любопытством.

– Я могу вам предложить работу по ремонту печей, – сказал он.

Юджин не понял его, но охотно согласился. Ему положили шесть долларов в неделю, – на это все же можно было существовать. Юджина проводили на чердак, находившийся в ведении двух верзил-рабочих, мастеров по сборке, окраске и починке печей. Они сердито объяснили своему новому помощнику, что он должен будет счищать ржавчину со старых печей, а также помогать собирать их, красить и переносить на склад, – в этой лавке ремонтировались для продажи старые печи, которые хозяин скупал у старьевщиков по всему городу. Юджину была отведена низкая скамья у окошка, где ему полагалось чистить ржавые печи, но он часто забывал о работе, глядя вниз, в переулок, где во дворах густо росла зеленая трава. Город был для него полон чудес, он манил его каждой мелочью. Когда мимо проходил тряпичник, выкрикивая: «Тряпки, железо покупаю!» – или торговец овощами зазывал: «Вот помидоры, картошка, молодая кукуруза, зеленый горошек!» – Юджин поднимал голову и прислушивался: эта своеобразная музыка находила в нем живой отклик. В Александрии ничего похожего не услышишь. Все это было так непривычно. И Юджин представлял себе, как он стал бы делать наброски, и мысленно зарисовывал белье, развешанное во дворе на веревках, девушек с корзинками и тому подобное.

Однажды, когда ему казалось, что он усердно трудится (он работал в лавке уже две недели), один из мастеров крикнул ему:

– Эй ты, там, пошевеливайся! Не за то тебе платят, чтобы ты в окно глазел.

Юджин застыл на месте. Он и не заметил, что бездельничает.

– А вам что за дело? – сказал он обиженно и вызывающе. До сих пор он считал, что работает с этими людьми, как равный, и вовсе не подчинен им.

– Я тебе покажу, дерзкий мальчишка! – отозвался мастер постарше, грубый малый, вылитый Билл Сайкс из «Оливера Твиста». – Ты у меня узнаешь, кто твой начальник. Живей, говорю, и не нахальничать!

Эта неожиданная вспышка звериной грубости поразила Юджина. Зверь, за которым он наблюдал на расстоянии, как мог бы наблюдать художник, и который интересовал его как явление, теперь показал себя.

– Убирайтесь вы к дьяволу! – крикнул Юджин, лишь наполовину сознавая, какой опасности он себя подвергает.

– Что такое? – заорал мастер и кинулся на него.

Он оттолкнул Юджина к стене и хотел было пнуть носком своего тяжелого, подбитого гвоздями башмака. Юджин схватил с пола железную ножку от печки. Он был бледен как полотно.

– Лучше не пробуйте! – угрожающе сказал он, крепко зажав в руке железную ножку.

– Брось, Джим, – сказал другой мастер, понимавший всю неуместность такой вспышки. – Не тронь его. Гони его лучше вон, если он тебе не нравится.

– В таком случае проваливай ко всем чертям! – сказал великодушный начальник Юджина.

Все еще держа в руке печную ножку, Юджин подошел к гвоздю, на котором висели его пиджак и шляпа. Боясь, что нападение может повториться, он осторожно прошел мимо противника. Тот склонен был снова дать ему тумака в наказание за упрямство, но воздержался.

– Много понимаешь о себе, щенок. Проснись, сонная харя! – сказал он, когда Юджин направился к выходу.

Юноша тихонько проскользнул за дверь, чувствуя себя униженным и опозоренным. Какая сцена! Его, Юджина Витла, чуть не пнули ногой, чуть не вытолкали пинками вон, – и это на работе, за которую платят шесть долларов в неделю! На секунду острая спазма сдавила ему горло, но постепенно отлегло. Ему хотелось плакать, но он не мог. Он спустился вниз и подошел к конторке – лицо и руки у него были измазаны краской.

– Я ухожу, – сказал он нанявшему его человеку.

– Ладно. А что случилось?

– Эта скотина мастер хотел ударить меня ногой, – объяснил Юджин.

– Да, они довольно наглые ребята, – согласился хозяин. – Я так и думал, что вы с ними не поладите. Тут нужен человек покрепче вашего. Получите.

Он выложил на стол три с половиной доллара. Юджин с удивлением выслушал этот странный ответ. Он должен был поладить с этими людьми! А они не обязаны ладить с ним? Так вот какую жестокость таит в себе большой город!

Юджин вернулся домой, умылся и снова вышел на улицу, так как теперь не время было сидеть без работы. Неделю спустя он нашел место агента в конторе по продаже недвижимого имущества; он должен был узнавать и сообщать номера пустующих домов и наклеивать на окна ярлычок с надписью: «Сдается». Это приносило восемь долларов в неделю и открывало кой-какие перспективы. Юджина это место вполне устраивало, но не прошло и трех месяцев, как контора обанкротилась. Близилась осень, и надо было думать о зимнем костюме и теплом пальто, но Юджин не писал родным о своих злоключениях. Что бы ни было на самом деле, ему хотелось, чтобы они думали, будто он преуспевает.

Остроту и некоторую горечь его впечатлениям придавало зрелище роскоши, подступавшей к нему с разных концов. Его восхищали такие улицы, как Мичиган, Прери и Эшленд-авеню, а также бульвар Вашингтона, – районы, застроенные прекрасными домами, каких Юджин до сих пор никогда не видел. Он был поражен их великолепием, красотой окружающих газонов, зеркальными окнами, блеском выездов и слуг. Впервые в жизни увидел он швейцаров в богатой ливрее, стоящих у дверей. Он видел издали молодых девушек и женщин, казавшихся ему чудом красоты и таких изысканных в своих нарядах, видел молодых людей с горделивой осанкой. Должно быть, это и были представители «общества», о которых постоянно писали в газетах. Юджин еще не умел разбираться в этом. Красивая одежда и изысканная роскошь были для него свидетельством высокого общественного положения. Впервые у него открылись глаза, и он увидел бездонную пропасть между тем, что ждет

новичка из провинции, и теми благами, которыми располагает мир, – вернее, теми, что щедро сыплются на немногих, стоящих на самом верху. Все это несколько отрезвило, но и огорчило его. Жизнь была полна несправедливости.

В эти осенние дни, когда листва на деревьях стала бурой и пронизывающий ветер гнал перед собой клубы дыма и тучи пыли, он убедился, что город умеет быть жестоким. Навстречу попадались люди в потрепанной одежде, угрюмые и изможденные, с запавшими глазами, из которых глядело глубокое отчаяние. Очевидно, их довела до этого тяжелая жизнь. Если они просили милостыню, – правда, к Юджину обращались редко, так как вид его отнюдь не говорил о довольстве, – то обычно жаловались на жизненные неудачи. Ведь так легко потерпеть крушение. Можно попросту умереть с голоду, если не глядеть в оба, – город быстро научил этому Юджина.

В эти дни его грызла тоска. Юджин был не очень общителен и к тому же склонен к самоанализу. Он не имел возможности обзавестись друзьями, по крайней мере так он думал, и потому либо одиноко бродил вечерами по улицам, наблюдая жизнь большого города, либо сидел дома в своей комнатушке. Миссис Вудраф, его квартирная хозяйка, была добра и достаточно заботлива, но уже не молода, – не о таком обществе мечтал Юджин. Он думал о девушках и о том, как грустно, что нет ни одной, с кем можно было бы перемолвиться словом. Стеллы нет – с этой мечтой покончено. Когда-то он встретит другую, похожую на нее?

В конце месяца, в течение которого он вынужден был истратить часть денег, присланных матерью для покупки в рассрочку костюма, Юджин, наконец, устроился возчиком в прачечную, и эта работа, за которую платили десять долларов в неделю, представлялась ему очень хорошей. Время от времени, когда он чувствовал себя не слишком усталым, он брался за карандаш и делал наброски, но все они казались ему бездарными. А потому он продолжал работать в прачечной и развозить белье, тогда как ему следовало бы искать места в какой-нибудь редакции или учиться живописи.

В ту зиму Миртл написала ему, что Стелла Эплтон уехала в Канзас, куда перебрался ее отец, что мать хворает и просит Юджина хоть на неделю приехать домой. Незадолго перед этим Юджин познакомился с одной девушкой-шотландкой, по имени Маргарет Дафф, работавшей в той же прачечной; он быстро сошелся с ней, и эта связь положила начало его отношениям с женщинами. До этого он не знал женщин и с тем большей горячностью отдался теперь переживаниям, которые пробудили в его характере новую черту, если не порочную, то во всяком случае разрушительную и дезорганизующую. Он любил женщин, любил красивые линии их тела, их внешнее очарование, а впоследствии должен был полюбить и душевную красоту (он и сейчас ее любил, только смутно, бессознательно), но его идеал женщины еще не был ему ясен. Маргарет Дафф была непосредственна, добра и обладала некоторой грацией и миловидностью. Вот, пожалуй, и все. Но, найдя для себя благоприятную почву, чувственность Юджина стала быстро расти и за несколько недель почти целиком завладела им. Он дня не мог прожить без этой девушки, а она охотно шла ему навстречу, лишь бы их связь не слишком бросалась в глаза. Маргарет слегка побаивалась родителей, но они, люди рабочие, рано ложились и спали крепко. Они, по-видимому, ничего не имели против ее встреч с молодыми людьми. Юджин был у нее не первый.

В продолжение трех месяцев страсть их была безудержна. Юджин проявлял жадность, ненасытность, а девушка, хоть и более холодная, рада была угодить возлюбленному. Ей льстил его пыл, жаркое пламя, которое она в нем зажгла; вскоре, однако, она почувствовала утомление. Затем стала сказываться разница натур, противоположность вкусов, взглядов, стремлений. Юджину в сущности не о чем было говорить с Маргарет, он не мог найти в ней отклика на свои более тонкие переживания. Она же не встречала в нем интереса к тем пустякам, которые ее занимали, – к остротам, услышанным с эстрады, к забавным замечаниям знакомых молодых людей и девушек. Маргарет умела одеться, но во всем, что касалось искусства, литературы, социальных проблем, была совершеннейшей невеждой, тогда как Юджин, при всей своей молодости, горячо отзывался на все, что происходило в мире. Ему были близки имена великих людей – Карлейля, Эмерсона, Торо, Уитмена, – дороги отзвуки их великой славы. Он читал о гениальных философах, художниках, композиторах, которые метеорами пронеслись по небу западного мира, и размышлял. Его волновало смутное предчувствие, что и он призван совершить нечто великое, и в своем юношеском энтузиазме он уже наполовину верил, что это будет очень скоро. Он знал, что девушка, с которой он сошелся, не удержит его надолго. Она увлекла его, но, увлеченный, он оставался господином, критиком и судьей. У него не раз мелькала мысль, что она ему не нужна, что он может найти кого-нибудь получше.

Естественно, что такие мысли неизбежно должны были убить страсть, как пресыщение неизбежно должно было породить такие мысли. Маргарет постепенно охладевала к Юджину. Ее злило его высокомерие, его порой надменный тон. Они ссорились из-за пустяков. Как-то вечером он с обычной заносчивостью заметил, что ей следовало бы сделать то-то и то-то.

– Брось, пожалуйста, командовать, – сказала она. – Ты всегда со мной разговариваешь, будто я твоя собственность!

– Так оно и есть, – сказал он шутя.

– Ты так думаешь! – вспыхнула она. – Найдутся и другие.

– Ну и отправляйся к ним, когда тебе будет угодно. Я не возражаю.

Его тон задел ее за живое, хотя Юджин сказал это больше в шутку, чем всерьез, и в действительности ничего такого обидного не имел в виду.

– Мне сейчас угодно! Незачем ходить ко мне, раз ты этого не хочешь. Обойдусь и без тебя.

Она вызывающе вскинула голову.

– Не дури, Маргарет, – сказал он, поняв, какое вызвал озлобление. – Ты вовсе этого не думаешь.

– Не думаю? А вот посмотрим!

Она отошла в противоположный угол. Он последовал за нею, но ее гнев снова пробудил в нем раздражение.

– Впрочем, как хочешь, – сказал он, постояв в нерешительности. – Я пойду, пожалуй.

Она ничего не ответила, ни о чем не просила, ничего не предлагала. Юджин пошел за шляпой и пальто.

– Хочешь поцеловать меня на прощание? – спросил он вернувшись.

– Нет, – холодно ответила она.

– Покойной ночи, – сказал он.

– Покойной ночи, – равнодушно отозвалась она.

Они так и не помирились окончательно, хотя отношения их и продолжались еще некоторое время.

Глава V

Связь с этой девушкой возбудила в Юджине почти неудержимый интерес к женщинам. Большинство мужчин втайне гордятся своими любовными успехами, и всякое доказательство умения покорить женщину, увлечь и удержать ее рождает в них уверенность и смелость, которой порой не хватает тем, кто не избалован подобными победами.

Для Юджина это была первая победа такого рода, и она доставила ему огромное удовлетворение. Он чувствовал больше уверенности в себе и совсем не испытывал стыда. Что знали, размышлял он, глупые мальчики в Александрии о той жизни, какую он ведет здесь? Он, Юджин, живет в Чикаго. Это совершенно иной мир. Он стал мужчиной, человеком независимым, с установившейся индивидуальностью, представляющей интерес для других. Маргарет Дафф говорила ему много лестного о его особе. Она восхищалась его внешностью, манерами, его вкусом. Он испытал, что значит обладать женщиной. Все это вскружило голову Юджину, и даже то, что ему так бесцеремонно была дана отставка, не произвело на него никакого впечатления, – ведь он был готов ее принять. Теперь он стал тяготиться своей работой, так как десять долларов в неделю не могли удовлетворить уважающего себя молодого человека, особенно если он задался целью при первой же возможности вступить в новую связь, вроде только что оборвавшейся. Юджин решил искать место получше.

И вот однажды женщина, которой он доставлял белье на Уоррен-авеню, остановила его вопросом:

– Сколько вы, возчики, получаете в неделю?

– Я получаю десять долларов, – сказал Юджин. – Но некоторые, возможно, зарабатывают больше.

– Из вас вышел бы хороший инкассатор, – предложила она. Это была рослая женщина, с виду простая, но проницательная и прямая. – Хотели бы вы перейти на такую работу?

Юджину давно опротивело развозить белье. Рабочий день был убийственно длинный. В субботу, например, он кончал в час ночи.

– Еще бы не хотеть! – воскликнул он. – Я не знаю, что это за должность, но в моей теперешней веселого мало.

– Мой муж служит управляющим в компании «Дешевая мебель», – продолжала женщина. – Там нужны хорошие инкассаторы. Сейчас у них, кажется, есть вакантное место. Хотите, я поговорю с ним?

Юджин обрадовался и поблагодарил ее. Вот уж действительно как с неба свалилось! Ему очень хотелось узнать, сколько получает такой инкассатор, но он решил, что спрашивать неудобно. Однако женщина, по-видимому, угадала его мысли.

– Если он вас возьмет, вы будете, вероятно, получать для начала долларов четырнадцать, – сказала она.

Юджин был в восторге. Вот это действительно шаг вперед! На четыре доллара больше! При таком жалованье он мог бы одеться и иметь свободные деньги. Он мог бы учиться живописи. Его мечты росли и множились. Да, можно пробить себе дорогу, стоит только захотеть. Добросовестность, с какою он обслуживал клиентов прачечной, получила должную награду. А дальнейшие труды на новом поприще принесут ему, возможно, и больший успех. Ведь он еще так молод.

К тому времени он уже проработал в прачечной полгода. И вот полтора месяца спустя на его имя пришло письмо от мистера Генри Митчли, управляющего компанией «Дешевая мебель», с просьбой зайти к нему на дом в любой вечер после восьми. «Мне порекомендовала вас моя жена», – сообщал он в заключение.

Юджин отправился по адресу в тот же день, и там его встретил и внимательно оглядел худощавый, подвижный, обходительный до слащавости человек лет сорока, который задал ему множество вопросов относительно его родителей, работы, получаемого жалованья и так далее. Наконец он сказал:

– Мне нужен дельный молодой человек. Для солидного, честного и трудолюбивого работника у нас очень хорошее место. Моя жена хвалит вас, и я готов вас испробовать. Я могу предложить вам должность на четырнадцать долларов. Зайдите ко мне в следующий понедельник.

Юджин поблагодарил его. По совету мистера Митчли, он решил за неделю предупредить управляющего прачечной о своем уходе. Он рассказал Маргарет о своих планах, и она, по-видимому, была рада за него. Управляющий расстался с ним не без сожаления, так как Юджин работал добросовестно. За неделю он помог ввести в дело нового человека, взятого на его место, и в понедельник явился к мистеру Митчли.

Последний радушно встретил Юджина, так как угадывал в нем энергичного и способного работника. Он объяснил ему несложные обязанности инкассатора, которые заключались в том, чтобы взыскивать с клиентов текущие взносы за проданные им в рассрочку товары – часы, серебро, ковры и прочее, что составляло в среднем от семидесяти пяти до ста двадцати пяти долларов в день.

– В таком деле, как наше, у служащих обычно берут залог, – пояснил мистер Митчли, – но мы обходимся без этих новшеств. Мне кажется, я всегда отличу честного человека. К тому же у нас существует контроль. И если у человека дурные наклонности, с нами он не больно разживется.

Юджин никогда особенно не задумывался над тем, что значит быть честным. Дома ему не отказывали в небольших карманных деньгах, а служа в газете, он достаточно зарабатывал на свои нужды. С другой стороны, в его кругу быть честным считалось чем-то обязательным, само собой разумеющимся. Кто не был честен, попадал в тюрьму. Он отлично помнил один прискорбный случай в Александрии, когда его знакомого арестовали за то, что он забрался ночью в какой-то магазин. На Юджина это происшествие произвело огромное впечатление. Впоследствии он немало думал об этих вопросах, но так ни до чего и не додумался. Он знал, что от него могут в любую минуту потребовать отчета в сумме, предоставленной в его распоряжение, и был готов к этому. Его заработка, считал он, должно хватать на жизнь, тем более что ему не нужно никого содержать. Он, в сущности, легко скользил по поверхности жизни, и честность его оставалась неиспытанной.

Юджин взял приготовленные для него счета и стал добросовестно обходить дом за домом. Одни клиенты платили с готовностью, и он выдавал им расписки, другие просили об отсрочке или совсем отказывались платить, ссылаясь на какие-то недоразумения с компанией. Нередко выяснялось, что люди, которых он разыскивал, съехали, не оставив адреса и захватив с собой неоплаченные вещи. В таких случаях он был обязан, как объяснил ему мистер Митчли, расспросить о них соседей.

Юджин сразу понял, что эта служба по нем. Пребывание на свежем воздухе, всегда в движении, сравнительная простота обязанностей – все нравилось ему. Эти обязанности заводили его в незнакомые части города и сталкивали с незнакомыми дотоле типами и характерами. Если работа возчика – необходимость ездить от дома к дому – действовала на него освежающе, то и новая его служба была в таком же роде. Он наблюдал сценки, которые могли в будущем послужить ему прекрасным материалом для картин. Темные массивы фабрик, высящиеся в светлом небе; широкое железнодорожное полотно, скрещивающиеся, переплетающиеся пути под дождем, под снегом, на ярком солнце; гигантские черные трубы, устремленные навстречу утренним или вечерним облакам. Особенно нравились ему эти трубы под вечер, когда они рельефно выделялись на фоне красного или тускло-фиолетового заката. «Изумительно!» – восклицал он про себя и думал о том, как будет поклоняться

мир ему, Юджину, если он когда-нибудь создаст такие же великие произведения, как Гюстав Доре. Он восхищался грандиозным воображением этого мастера. Юджин никогда не представлял себя пишущим маслом, акварелью или мелом, – только тушью, и притом большими, грубыми пятнами черного и белого. Вот как нужно писать. Вот чем достигается сила впечатления.

Но он еще не мог создавать образы. Он мог только мыслить ими.

Больше всего восхищала его река Чикаго, ее черная, невероятно грязная вода, которую тяжело вспенивали пыхтящие буксиры, ее берега, где выстроились огромные красные элеваторы, черные желоба для погрузки угля и отливающие яркой желтизной склады лесных материалов. Вот где были настоящие краски, настоящая жизнь – вот что следовало писать. И другой пейзаж: приземистые, исхлестанные дождем сиротливые коттеджи, их серые унылые ряды на фоне голой прерии и одинокое корявое деревце где-нибудь сбоку. Он брал первый попавшийся конверт и силился запечатлеть главное, – передать ощущение, как он выражался, – но у него ничего не выходило. Все, что он рисовал, казалось ему жалким и шаблонным, – одни ничего не говорящие линии и безжизненные, тяжеловесные массы. Как достигали великие художники естественности и простоты рисунка? – спрашивал себя Юджин.

Глава VI

Юджин добросовестно работал – собирал взносы по счетам, сдавал собранные деньги – и уже успел кое-что скопить для себя. Маргарет была для него теперь далеким прошлым. Квартирная хозяйка Юджина, миссис Вудраф, уехала к дочери в Сидейлию, штат Миссури, и он перебрался в другой дом, поприличнее, на Двадцать первой улице, в восточной части города. Перед домом на лужайке в пятьдесят квадратных футов росло дерево, это-то и привлекло Юджина. Его новая комната, как и первая, стоила недорого, и он жил в семье. Он договорился платить двадцать центов за каждый завтрак, обед или ужин, который будет получать от хозяев, и, таким образом, расходовал на питание всего пять долларов в неделю. Из остальных девяти он тратил какие-то суммы на одежду, проезд и развлечения – на последние почти ничего. Как только у него появились кое-какие сбережения, он стал подумывать о том, чтобы наведаться в Институт искусств, который представлялся ему дорогой к успеху, и узнать условия поступления на вечерние курсы по рисунку. Юджин слышал, что плата там умеренная, всего пятнадцать долларов в семестр, и решил туда зачислиться, если к поступающим не предъявляют слишком строгих требований. Он постепенно приходил к убеждению, что рожден быть художником и рано или поздно им будет.

Старое здание Института искусств на углу Мичиган-авеню и Монро-стрит, еще до переезда Института в нынешнее внушительное помещение, являло образец изящества, которого так не хватает большинству общественных зданий того времени. Большое, шестиэтажное, из бурого песчаника, оно, помимо залов для выставок и классов, вмещало ряд рабочих студий отдельных художников, скульпторов и преподавателей музыки. Курсы были утренние и вечерние, и они уже в то время привлекали немало учащихся. Красота, таящаяся в искусстве, до некоторой степени расшевелила западного американца. Так мало красоты было в жизни этого народа, а между тем какой славы достигли те, кто сумел проявить себя на этом поприще и жил в этой изысканной атмосфере. Уехать в Париж! Поучиться там в какой-нибудь прославленной мастерской! Или в Мюнхен, Рим! Познакомиться с художественными сокровищами Европы, с жизнью артистических кварталов – одно это чего стоило! В груди многих неискушенных юношей и девушек горело поистине непреодолимое желание вырваться из болота будничной жизни, воспринять вкусы и нравы, присущие – как тогда считали – служителям искусства, усвоить их отчасти изысканные, отчасти небрежные манеры; поселиться в студии, пользоваться известной свободой, недоступной для простых смертных, – вот что надо делать, к чему стремиться. Разумеется, некоторая роль во всем этом отводилась и самому искусству. Предполагалось, что когда-нибудь вы обогатите мир замечательными полотнами и великолепными статуями, а пока вам можно и должно жить жизнью художника. Какая прекрасная, привольная жизнь!

Юджину давно уже грезилось нечто подобное. Он знал, что в Чикаго немало известных мастерских, что есть художники, создающие, судя по отзывам газет, превосходные произведения. В печати то тут, то там попадались сообщения о выставках, по большей части бесплатных, ибо публику и так было довольно трудно туда залучить. Однажды Юджин прочел о выставке картин Верещагина, прославленного русского баталиста, какими-то судьбами оказавшегося в западном полушарии. В одно из воскресений Юджин отправился посмотреть его картины и был потрясен великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темперамента. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким.

В другой раз Юджин увидел картину, которая затронула в нем иные струны, хотя природа впечатления и на этот раз была художественной. Это была картина французского художника Бугро – крупное, теплое по колориту нагое женское тело. Совсем недавно этот художник произвел сенсацию своими смелыми изображениями обнаженной натуры. Излюбленными образами Бугро были не жеманные, миниатюрные, хрупкие существа, лишенные силы и страсти, а прекрасные, полнокровные женщины, со сладострастными линиями шеи, рук, груди, бедер и ног, женщины, созданные для того, чтобы зажечь лихорадочный огонь в крови молодого мужчины. Художник, несомненно, понимал и знал страсть, любил форму, чувственность, красоту. За его прекрасными образами угадывалось брачное ложе, материнство и пухлые, цветущие младенцы, радостно прижимаемые к груди. Его женщины вставали во всей своей красе и притягательной силе: с полуоткрытыми сочными губами, с румянцем

страсти на щеках, с манящим желанием в глазах. Нечего и говорить, что консерваторы и пуритане, люди религиозного и строгого воспитания, предавали такие картины анафеме. Уже одного того, что это полотно было привезено в Чикаго для продажи, оказалось достаточно, чтобы вызвать бурю возмущения. Нельзя рисовать такие вещи, кричали газеты, во всяком случае незачем показывать их публике. Многие хотели видеть в Бугро одного из тех, кто сеет соблазн и пытается своим талантом внести разложение в общественные нравы. Поднялся вопль, что картину надо убрать, и, как всегда бывает при взрывах общественного протеста, она вызвала в публике огромный интерес.

Юджин тоже заинтересовался дискуссией. Он не только не видел раньше полотен Бугро, он вообще никогда не видел ни одной настоящей картины, изображающей обнаженное тело. Освобождаясь обычно в три часа, он успевал посещать выставки, тем более что его теперешняя работа позволяла ему всегда носить хороший костюм. Юджин выглядел серьезным, солидным молодым человеком, и его просьба показать что-либо в художественном салоне не должна была вызвать недоумения. По внешнему виду он вполне мог принадлежать к интеллигенции или к племени художников.

Не будучи уверен в том, какой прием будет оказан столь молодому человеку (ему еще не исполнилось и двадцати лет), Юджин тем не менее рискнул зайти в магазин, где был выставлен Бугро, и попросил показать ему картину. Служитель с любопытством оглядел его, но все же проводил в глубь магазина, в комнату с темно-красными портьерами, включил электрическую люстру в нише, затянутой красным бархатом, и отдернул занавес, скрывавший картину. Юджин никогда не видел такого тела, такого лица. Это была красота, которая является только в мечтах, – его идеал, воплощенный в жизнь. Он смотрел, не отрываясь, на это лицо и шею, на пышный узел чувственных каштановых волос, на губы, раскрытые, словно лепестки, на нежные щеки. С изумлением разглядывал он мягко намеченные груди и живот – это обещание материнства, которое так воспламеняет мужчин. Он мог бы часами стоять, созерцая и наслаждаясь, но служитель, оставивший его одного на несколько минут, вернулся.

– Сколько она стоит? – спросил Юджин.

– Десять тысяч долларов, – последовал ответ.

Юджин понимающе усмехнулся.

– Да, вещь замечательная, – сказал он и направился к выходу. Служитель выключил свет.

Эта картина, как и полотна Верещагина, оставила глубокий след в душе Юджина. Но, как ни странно, у него не было желания создать что-либо в этом роде. Он лишь испытывал радостное волнение, разглядывая ее. Эта картина воплотила его идеал женщины – идеал красоты, и он всем существом жаждал найти подобное создание, которое отнеслось бы к нему благосклонно.

Были и другие выставки (на одной он, между прочим, увидел подлинного Рембрандта), которые произвели на него немалое впечатление, но ни один художник не взволновал его так глубоко, как Верещагин и Бугро. Юджина все неудержимее влекло к искусству; ему хотелось побольше узнать и самому испытать свои силы. Однажды, набравшись смелости, он зашел в Институт искусств и навел справки у секретарши. Это была женщина с весьма практическим складом ума. Она сообщила ему, что занятия продолжаются с октября по май, что он может записаться в класс живой натуры, или гипсов, или в тот и другой – хотя гипсы для начала целесообразнее, – или в класс иллюстрации, где натурщиков и натурщиц пишут в костюмах различных эпох, а также сказала, сколько ему придется платить за это. Он узнал, что в каждом классе свой преподаватель (человек с именем и весом), – но Юджину пока нет надобности обращаться к кому-либо из них, – а также свой староста. От учащегося требуется добросовестная работа – ради его же собственного блага. Юджин не видел самые классы, но вынес впечатление, что здесь каждый уголок насыщен искусством; даже коридоры и служебные комнаты были изящно отделаны, и всюду висели гипсовые слепки – руки, ноги, торсы, бедра и головы.

Юджину казалось, что он постоял у открытой двери и заглянул в новый мир. Он с радостью узнал, что ему предоставляется возможность учиться рисовать пером или кистью в классе иллюстрации, а также, если он пожелает, заниматься вечерами по классу живой натуры и посещать, без особой доплаты, от пяти до шести класс эскиза. Он несколько удивился, узнав из врученного ему печатного проспекта, что в классе живой натуры пишут с обнаженных моделей – мужчин и женщин. Он и впрямь был на пути в новый мир. Этот мир казался ему естественным и необходимым, но вместе с тем от него веяло чем-то неприступным, наводившим на мысль о священном храме, куда доступ открыт лишь избранным и одаренным. Одарен ли он? Погодите! Он еще покажет себя, хоть он и неотесанный провинциал!

Юджин решил записаться, во-первых, в класс живой натуры, где занятия происходили по понедельникам, средам и пятницам от семи до десяти, и, во-вторых, в класс эскиза, который работал ежедневно с пяти до шести. Он понимал, что знает очень мало – вернее, ничего не знает – о строении и анатомии человеческого тела и что ему лучше всего поработать над этим. Костюм и иллюстрация подождут, а что касается пейзажей, тех самых видов города, которые его особенно увлекали, то с этим надо повременить, пока он не постигнет основного.

До сих пор Юджин никогда не пытался рисовать лицо или человеческую фигуру – разве только очень мелким планом, как деталь более крупной композиции. Теперь ему предстояло делать углем наброски головы или тела с живой натуры, и это его пугало. Он знал, что придется работать в одном классе с пятнадцатью – двадцатью другими студентами, которые увидят его работы и будут критиковать их. Дважды в неделю их будет просматривать преподаватель. Как он узнал из проспекта, тот, кто в течение месяца обнаружил наибольшие успехи, получает право выбирать себе лучшее место всякий раз, когда группа приступает к новой работе. Преподаватели представлялись Юджину людьми хорошо известными среди американских художников – все это были «Н. А.», «национальные академики». Он и не подозревал, с каким презрением относились к этому званию в некоторых кругах.

Однажды вечером, в один из октябрьских понедельников, запасшись несколькими листками бумаги, которую он приобрел, следуя указаниям все того же всеведущего проспекта, Юджин приступил к занятиям. Он слегка нервничал, оглядывая ярко освещенные коридоры и классы, и вид проходивших мимо молодых людей и девушек отнюдь не способствовал его успокоению. Ему сразу бросились в глаза их веселость и непринужденные манеры. Студенты производили впечатление интересных, мужественных и в большинстве красивых мужчин, а студентки – изящных, бойких и уверенных в себе молодых особ. Одна или две из них, как мысленно отметил Юджин, выделялись какой-то своеобразной, непонятной ему красотой. О, это был прекрасный мир.

Классные комнаты поразили его не меньше. Они так давно служили своему назначению, что все стены их были измазаны краской, соскобленной с палитр. Не было даже мольбертов, одни только стулья и маленькие скамеечки; стульями, как узнал Юджин, студенты пользовались вместо мольбертов, перевернув их ножками кверху, скамеечки заменяли им стулья. Посередине класса были устроены подмостки высотой с обыкновенный стол, где позировали натурщицы или натурщики, а в одном углу комнаты стояла ширма, за которой они одевались. Ни картин, ни статуй – голые стены, и у одной из них почему-то рояль. В коридорах и в общем зале висели изображения нагого тела или его частей во всевозможных положениях, и для Юджина, при его непосредственности и молодости, это служило немалым соблазном. Он посматривал на них с тайным удовольствием, но понимал, что никому не должен признаваться в таких мыслях. Люди искусства, говорил он себе, должны казаться равнодушными к подобным искушениям, они должны быть выше таких чувств. Ведь они приходят сюда работать, а не мечтать о женщинах.

Когда настал час, назначенный для занятий, студенты засуетились и забегали, некоторые стали совещаться между собой, и вскоре мужчины заняли один ряд комнат, а женщины – другой. В своем классе Юджин увидел молоденькую девушку, которая сидела у самой ширмы и со скучающим видом смотрела по сторонам. Черноволосая и черноглазая, она была хороша собой; ее лицо выдавало ирландское происхождение. На ней была шапочка, напоминавшая национальный головной убор польских женщин, и красный плащ. Юджин подумал, что это натурщица, и втайне спрашивал себя, неужели он и в самом деле увидит ее нагой. Спустя несколько минут, когда все расселись, по рядам прошло легкое движение, и в класс неторопливо вошел высокий мужчина лет тридцати шести, весьма живописной внешности. Он гуляющей походкой прошел через всю комнату и потребовал внимания. На нем был поношенный серый шерстяной костюм и небрежно сдвинутая набекрень коричневая шляпа с небольшими полями, которую он не нашел нужным снять. Под пиджаком виднелась голубая в полоску рубашка с отложным воротником и без галстука – все вместе придавало ему чрезвычайно самодовольный вид. Это был высокий, стройный мужчина, с длинным, узким лицом, твердо очерченной линией большого рта, крупными руками и ногами; ходил он вперевалку, как моряк. Юджин догадался, что это и есть «м-р Темпл Бойл, Н. А.», их преподаватель, и ожидал, что сейчас будет произнесено нечто вроде вступительной речи. Но тот лишь заявил, что старшим по классу назначен мистер Уильям Рэй, и выразил надежду, что не услышит жалоб на беспорядок и напрасную трату времени. По средам и пятницам он будет регулярно просматривать работы и надеется, что все студенты постараются заниматься успешно. Затем он предложил классу приступить к делу и так же неторопливо удалился.

Юджин узнал от одного из студентов, что это действительно был мистер Бойл. Молодая ирландка прошла за ширму, и Юджин со своего места увидел, что она раздевается. Это смутило его, но он взял себя в руки, чтобы не опозориться в присутствии стольких студентов. Он перевернул стул ножками кверху, как это сделали другие, и сел на скамеечку. Уголь в маленькой коробочке лежал рядом. Он разгладил бумагу, натянутую на доску, и нетерпеливо ждал, сохраняя внешнее спокойствие. Некоторые студенты переговаривались между собой. Наконец натурщица сбросила с себя тонкую, прозрачную сорочку, и в следующее мгновение показалась из-за ширмы нагая и совершенно спокойная. Поднявшись на помост, она стала в позу лицом к студентам, опустив руки вдоль бедер и запрокинув голову. У Юджина зазвенело в ушах, краска залила лицо, сначала он даже боялся посмотреть на девушку. Потом, взяв уголь, он начал наносить на бумагу какие-то робкие штрихи, пытаясь хотя бы отчасти передать ее позу и черты лица. Все происходившее казалось ему необыкновенным – и то, что он в этой комнате, и то, что перед ним натурщица, – словом, что он учится живописи. Так вот каков этот мир, столь не похожий на тот, который он знал до сих пор. И он вступил в него, так как нашел свое призвание.

Глава VII

Только окончательно решив поступить в Институт искусств, Юджин впервые навестил свою семью. Несмотря на то, что его родной дом находился в каких-нибудь ста милях от Чикаго, у него никогда не возникало желания поехать туда, даже на рождественские праздники. Но теперь у него есть что сказать родным – он будет художником. А что до его службы, тут все обстояло как нельзя лучше. Мистер Митчли был им, по-видимому, доволен. Юджин ежедневно сдавал ему деньги и

неоплаченные счета. Тот проверял наличность, а на неоплаченных счетах делал пометку «Ко взысканию». Случались у Юджина и просчеты: денег оказывалось то слишком много, то слишком мало. Но так как излишками покрывались недостающие суммы, то в конечном итоге счет выравнивался. В денежных вопросах Юджин не был способен к обману. Ему многое хотелось бы приобрести, но он готов был терпеливо ждать, пока это достанется ему честным путем. Именно эта черта в его характере и нравилась мистеру Митчли. Он стал подумывать, что из Юджина, пожалуй, выйдет толк.

Юджин выехал из Чикаго в пятницу вечером, перед Днем труда – праздником, который, как известно, приходится на первый понедельник сентября и который неукоснительно отмечался в городе всеми. Он сообщил мистеру Митчли о своем желании выехать в субботу после рабочего дня, чтобы провести дома воскресенье и понедельник, но тот предложил ему сделать за четверг и пятницу все, что у него намечено на субботу, и выехать в пятницу вечером.

– Тем более что в субботу мы работаем только полдня, – добавил он. – Таким образом, вы и с делами справитесь и дома пробудете не два, а три дня.

Юджин поблагодарил мистера Митчли и последовал его совету. Он уложил в чемодан все лучшее, что у него было из одежды, и сел в поезд, думая о том, что его ждет дома. Многое изменилось за это время! Стелла уехала. Его юношеская наивность и неопытность отошли в прошлое. Теперь он едет домой как человек бывалый, с кое-какими перспективами на будущее. Он и не догадывался, каким мальчиком он еще выглядел, как мало еще знал жизнь и как далеко было ему до того трезвого благоразумия, которое так высоко ценит мир.

На вокзале в Александрии Юджина встретили отец, Миртл и Сильвия со своим двухлетним сынишкой. Они приехали в семейной коляске, в которой было место и для него. Юджин ласково поздоровался со всеми и с подобающей скромностью принял их восторженные похвалы своей внешности.

– Здорово ты вырос! – воскликнул отец. – Оказывается, Юджин, ты будешь высоким мужчиной. Я уже боялся, что ты перестал расти.

– А мне и не заметно, что я сколько-нибудь вырос, – сказал Юджин.

– Нет, правда, – вставила Миртл. – Ты стал гораздо выше, Джин. И потому кажешься похудевшим. Ну как ты, поздоровел, окреп?

– Еще бы мне не окрепнуть, – смеясь, ответил Юджин, – когда я за день делаю миль пятнадцать – двадцать и все время на свежем воздухе!

Сильвия справилась насчет его желудка. В общем, все то же самое, ответил Юджин. То как будто лучше, то опять хуже. Один врач посоветовал ему выпивать утром стакан горячей воды, но он никак себя не заставит. Противно глотать эту гадость.

Так, за разговорами и расспросами, они и не заметили, как доехали до дому, где миссис Витла ждала их на крыльце. Завидев ее в поздних сумерках, Юджин соскочил на ходу и бросился к ней.

– Мамочка! – воскликнул он. – Не ждала меня так скоро, правда?

– Скоро, говоришь?.. – только и вымолвила она и припала к его груди. Несколько секунд она не выпускала его из объятий, а потом сказала: – Ты стал совсем взрослым, Юджин!

Юджин прошел в гостиную и огляделся. Все здесь было по-прежнему. Те же книги, тот же стол и стулья, та же лампа, спускающаяся на блоке с потолка. Ничего нового не прибавилось ни в другой, парадной, гостиной, ни в спальных комнатах, ни в кухне. Мать немного постарела, отец – нисколько. Сильвия заметно изменилась. Ее круглое личико слегка осунулось и заострилось. «Печать материнства», – подумал Юджин. Лицо Миртл светилось спокойствием и счастьем. У нее был теперь жених, некий Фрэнк Бэнгс, управляющий местной мебельной фабрикой. Он был совсем еще молод и недурен собой. В семье считали, что со временем он будет состоятельным человеком. Старый Билл – одна из двух рабочих лошадей – был продан. Не было в живых Бродяги – одной из овчарок, и кот Джек погиб где-то во время ночных прогулок.

Юджин стоял в кухне и наблюдал за матерью, которая жарила для него увесистый бифштекс и готовила в честь его приезда бисквит со сладкой подливкой, и у него было такое ощущение, словно этот мир стал ему чужим. Он был еще теснее и меньше, чем ему представлялось. Да и самый город, когда он проезжал по улицам, показался ему меньше, меньше стали и дома. Конечно, здесь было хорошо. Но эти уютные, тихие дворики чересчур уж напоминали деревню. А отец, со своей торговлей швейными машинами, – до чего же он ограничен. Типичный провинциал. Как это дико, вдруг подумал Юджин, что у них в доме никогда не было рояля. А ведь Миртл любит музыку. И сам он тоже обнаружил в себе страстную любовь к музыке. В

Центральном музыкальном зале в Чикаго по вторникам и пятницам давались органные концерты, и он иногда успевал попасть на них после работы. Кроме того, выступления некоторых видных проповедников, – людей, известных своими либеральными взглядами, как, например, профессор Суинг, преподобный Г. У. Томас, преподобный Гансолус, профессор Солтас, – всегда сопровождались прекрасной музыкой. Все это Юджин открыл для себя в своем стремлении узнать жизнь и бежать от одиночества. И теперь он понимал, что старый мир, в котором он жил когда-то, был просто глухим, захолустным городишкой. Никогда он не вернется к такой жизни.

На другой день, отлично выспавшись в своей прежней спальне, Юджин пошел в «Морнинг Эппил» повидаться с мистером Калебом Уильямсом и мистером Берджесом, с Джонасом Лайлом и Джоном Саммерсом. На площади возле суда он повстречал Эда Митчела и Джорджа Тэпса, а потом Билла Грониджера и еще четырех или пятерых товарищей по школе. От них он узнал все новости. Джордж Андерсон женился на здешней девушке и теперь живет в Чикаго – работает там на бойнях. Эд Уотербери уехал в Сан-Франциско. Хорошенькая дочка мистера Сэмпсона, Бесси Сэмпсон, когда-то так дружившая с Тэдом Мартинвудом, сбежала с приезжим из Андерсона, что в штате Индиана. Об этом в свое время было много разговоров.

Юджин слушал. Но каким все это казалось ему ничтожным по сравнению с той новой средой, в которую он попал. Ни один из этих молодых людей и не догадывался, какие виды на будущее рисовались ему, Юджину. В Париж! Ни в коем случае не меньше! И в Нью-Йорк! Хотя он не мог бы сказать, какой дальней дорогой туда доберется. А Билл Грониджер устроился на службу в багажное отделение одного из местных вокзалов и рад. Бог ты мой!

В редакции «Морнинг Эппил» все было по-старому. Юджин после двух лет думал найти здесь большие перемены, а между тем изменился он сам. Это он попал в круговорот всяких ломок и превращений. Он чистил ржавые печи, он был помощником агента по продаже недвижимого имущества, возчиком, инкассатором. Он узнал Маргарет Дафф, и мистера Редвуда, заведующего прачечной, и мистера Митчли. Большой город озарил его своим светом – Верещагин, Бугро, Институт искусств. Он шел вперед семимильными шагами, а этот городок тоже двигался, но так же, как раньше, понемножку, не торопясь.

Калеб Уильямс, как и встарь, носился по комнате веселый, разговорчивый, исполненный участия.

– Рад тебя видеть, Юджин, – заявил он, уставившись на него своим единственным, слезящимся глазом. – Рад, что ты делаешь успехи. Это хорошо. Со временем будешь художником, а? Что ж, я лично считаю, что ты для того и создан. Я не всякому молодому человеку посоветовал бы ехать в Чикаго, но ты будешь там как раз на месте. Если б у меня не было жены и троих детей, ни за что бы оттуда не уехал. Но когда у человека семья… – Он сделал выразительную паузу и покачал головой. – О-хо-хо! По одежке протягивай ножки.

И ушел искать запропастившуюся куда-то заметку.

Джонас Лайл был все так же осанист, флегматичен и философски настроен. Он приветствовал Юджина серьезным, испытующим взглядом.

– Ну-с, как дела?

Юджин улыбнулся.

– Неплохо.

– Наборщиком, значит, не собираетесь быть?

– Как будто нет.

– Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Их и без того слишком много.

Пока они разговаривали, подошел бочком Джон Саммерс.

– Как поживаете, мистер Витла? – спросил он.

Юджин посмотрел на него. Джон был уже отмечен печатью смерти. Он еще больше исхудал, лицо приняло мертвенный оттенок, плечи ссутулились.

– Очень хорошо, мистер Саммерс, – сказал Юджин.

– А я не могу похвастаться, – сказал старый печатник. Он многозначительно постучал себя по груди. – Эта штука скоро меня доконает.

– Не верьте ему, – вмешался Лайл. – Джон вечно ноет. Он здоров, как никогда. Я ему говорю, что он еще лет двадцать проскрипит.

– Нет, нет, – сказал Саммерс, качая головой. – Я-то знаю.

И он тут же куда-то исчез, пояснив предварительно: «Это здесь рядом, через дорогу», как всегда говорил, когда шел выпить.

– Он и года не протянет, – сказал Лайл, едва за ним закрылась дверь. – Берджес только потому его терпит, что стыдно выгонять больного на улицу. Но его песенка спета.

– Это сразу видно, – сказал Юджин. – Выглядит он ужасно.

И они продолжали беседовать в том же духе.

В двенадцать часов Юджин вернулся домой. Миртл заявила, что вечером он непременно должен пойти с ней и с мистером Бэнгсом в гости. Там будут игры, угощение. Ему никогда раньше не случалось задумываться над тем, что молодежь в городе не танцевала и почти не занималась музыкой. Редко у кого в доме был рояль.

После ужина пришел мистер Бэнгс, и все трое отправились на типичную для провинциального городка вечеринку. Она немногим отличалась от тех, на которых Юджин бывал когда-то со Стеллой, – разве только участники ее почти все были постарше. Два года играют огромную роль в жизни молодых людей. Человек двадцать юношей и девушек с трудом помещались в трех просторных комнатах и на веранде; окна и двери на веранду были раскрыты. За окнами была пожелтевшая трава и редкие осенние цветы. Трещали кузнечики, запоздалые светлячки носились в воздухе. Был тихий, теплый вечер.

Первые попытки создать непринужденное настроение были не очень успешны. Кого-то с кем-то знакомили, местные денди перебрасывались остротами и шутками. Было довольно много новых лиц, преимущественно среди девушек; одни перебрались сюда из других мест, другие за время отсутствия Юджина успели расцвести и созреть.

– Выходите за меня замуж, Мэдж, я куплю вам котиковые сережки! – услышал он слова одного из юнцов.

Юджин улыбнулся, а девушка посмотрела на него и рассмеялась.

– Он воображает, что это остроумно.

Юджину всегда стоило больших усилий преодолеть сковывавшую его в таких случаях застенчивость. Он боялся уронить себя во мнении окружающих – в этом проявлялось его тщеславие, его повышенное самолюбие. И сейчас он нерешительно прислушивался к разговорам, пытаясь с помощью двух-трех остроумных замечаний присоединиться к общей беседе, и уже начал было оживляться, когда в комнату вошла незнакомая ему девушка в сопровождении жениха Миртл – Бэнгса. Она весело смеялась чему-то, и этот веселый, мелодичный смех сразу привлек к себе внимание Юджина. На ней было белое платье, отделанное золотисто-коричневой лентой, пропущенной на подоле по краю оборки. Длинные толстые косы оттенка матового золота обвивали ее голову. У нее был прямой нос, тонкие и румяные губы и чуть выдающиеся скулы. Что-то было в ней, выделявшее ее среди окружающих, – едва уловимое обаяние незаурядности. Юджина безотчетно потянуло к этой девушке.

Подвел ее к Юджину Бэнгс. Это был подтянутый, всегда улыбающийся молодой человек, крепкий, как молодой дубок, простой и честный.

– Позвольте вас представить, Юджин, это – мисс Блю. Она из Висконсина и часто бывает в Чикаго. Я говорю ей, что вы непременно должны познакомиться. Вы можете как-нибудь встретиться там.

– Как это удачно! – обрадовался Юджин. – Я чрезвычайно рад познакомиться с вами. Где вы живете в Висконсине?

– В Блэквуде, – смеясь, ответила она, и в ее зеленовато-голубых глазах заплясали огоньки.

– Волосы у нее желтые, глаза голубые, а сама из Блэквуда[2], – сказал Бэнгс. – Каково?

Он широко улыбался, поблескивая ровными белыми зубами.

– Вы упустили синее имя и белое платье. Мисс Блю[3] должна всегда носить белое.

– Да, этот цвет подходит к моей фамилии, верно? – воскликнула она. – Дома я и хожу обычно в белом. Ведь я всего только скромная провинциалка и почти всегда сама шью себе платья.

– Вы и это сами шили? – спросил Юджин.

– Конечно, сама.

Бэнгс отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть платье.

– Гм, оно и вправду, красиво! – объявил он.

– Мистер Бэнгс ужасный льстец, – с улыбкой сказала девушка, обращаясь к Юджину. – Он все время говорит мне комплименты.

– Он прав, – сказал Юджин. – Я согласен с ним насчет платья и считаю, что оно очень идет к вашим волосам.

– Вот видите, он тоже пал жертвой, – рассмеялся Бэнгс. – Это общая участь. Ну, а теперь я вас покину. Мне пора, а то я оставил вашу сестру, Юджин, на попечении своего соперника.

Юджин повернулся к девушке и улыбнулся ей своей сдержанной улыбкой.

– Я сейчас как раз думал о том, что с собой делать. Я здесь не был два года и как-то совсем разошелся с людьми.

– Мое положение еще хуже. Я всего две недели в Александрии и почти никого не знаю. Миссис Кинг вывозит меня в свет и знакомит со здешним обществом, но все это так для меня ново, что я никак не могу освоиться. Я нахожу, что Александрия славный город.

– Хороший городок. Вы, вероятно, уже видели озера?

– Да, конечно. Мы ловили рыбу, катались на лодке, спали в палатках. Я чудесно провела время, но завтра мне уже надо уезжать.

– Неужели? – сказал Юджин. – Да ведь и я завтра еду. Поездом в четыре пятнадцать.

– И я еду тем же поездом! – сказала она, смеясь. – Быть может, поедем вместе?

– Непременно. Вот удачно. А я думал, что придется ехать одному. Я вырвался сюда всего на несколько дней. Я работаю в Чикаго.

Они принялись рассказывать друг другу о себе. Она была родом из Блэквуда – городка в восьмидесяти пяти милях от Чикаго – и там провела всю свою жизнь. У нее несколько братьев и сестер. Ее отец, местный фермер, по-видимому, увлекался политикой, но был не чужд и других интересов. Из беглых замечаний своей новой знакомой Юджин понял, что ее семья, хоть они и небогаты, пользуется всеобщим уважением. Один ее зять работает в банке, другой – владелец элеватора. Сама она школьная учительница и уже несколько лет преподает в Блэквуде.

Она была на целых пять лет старше Юджина – он тогда не знал этого, и обладала тактом и теми огромными преимуществами, какие дает такая разница в возрасте. Ей надоело быть учительницей, надоело нянчиться с детьми замужних сестер, надоела необходимость работать и жить дома, между тем как проходили ее лучшие годы. Ее влекло к способным людям, глупые деревенские юнцы не интересовали ее. Вот и сейчас один такой блэквудский житель просил ее руки, но это был бесцветный человек, право же, недостойный ее и неспособный создать ей обеспеченную, благоустроенную жизнь. С грустью, с отчаянием, со смутной надеждой и затаенной страстью ждала она чего-то лучшего и не находила. Встреча с Юджином не сулила ей желанного выхода. Да и не так уж безоглядно гналась она за счастьем, чтобы на каждое знакомство смотреть под определенным углом. Но этот молодой человек привлекал ее больше всех, с кем ей случалось знакомиться в последнее время.

По-видимому, у них было что-то общее в характере. Ей нравились его большие ясные глаза, темные волосы, его эффектная бледность. Он казался лучше всех, кого она знала, и она надеялась сойтись с ним поближе.

Глава VIII

Остаток вечера Юджин провел если не исключительно в обществе мисс Анджелы Блю (он узнал, что ее зовут Анджелой), то во всяком случае вблизи нее. Она привлекала его не только своей внешностью – хотя была прелестна, – но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус. Он решил, что она очень молода, и был очарован ее – как ему казалось – невинностью и наивностью. На деле же Анджела была не столь уж молода и наивна, – скорее она бессознательно разыгрывала простодушие. Это была хорошая в общепринятом смысле слова девушка, преданная, честная, порядочная до мелочности, с твердыми нравственными правилами. Брак и материнство она считала долгом и уделом всякой женщины, но, вдоволь намучившись с чужими детьми, не испытывала особенного желания обзаводиться собственными, а тем более иметь много детей. Она, конечно, не надеялась избежать этой общей, столь превозносимой многими участи, и полагала, что и ей, по примеру сестер, предстоит выйти замуж за преуспевающего дельца или человека солидной профессии, что у нее будет трое, четверо или пятеро здоровых ребят, что она станет хозяйкой образцового дома среднего достатка и будет преданной служанкой своего мужа. В ней таилась глубокая страстность, которая – как она постепенно начала сознавать – никогда не найдет полного удовлетворения. Ни один мужчина не способен ее понять, ни один из тех, во всяком случае, кто может оказаться на ее пути, а между тем она знала, что любовь – это ее призвание. Если бы ей встретился человек, который сумел бы зажечь в ней чувство и был бы этого достоин, каким вихрем страсти она ответила бы ему! Как бы она любила, как жертвовала бы собой! Но, по-видимому, ее мечтам не суждено было сбыться: столько времени прошло, и ни разу еще не появился на ее горизонте «настоящий» мужчина. И вот теперь, в двадцать пять лет, когда она так грезила о счастье и тянулась к нему, перед нею неожиданно предстал предмет ее мечтаний, а она даже не сразу поняла это.

Взаимное влечение мужчины и женщины сказывается очень скоро, Юджин был во многом зрелее Анджелы. Он был осведомленнее ее в некоторых вопросах и обладал более широким кругозором, к тому же в нем были заложены силы, недоступные ее пониманию. Но вместе с тем он был беспомощной игрушкой своих чувств и желаний. Чувства Анджелы, – хотя, возможно, и более сильные, – питались другим. Звезды, ночь, красивый пейзаж, все то чарующее, что есть в природе, волновало Юджина до грусти. Что касается Анджелы, то природа, в ее наиболее ярких проявлениях, оставалась ей, в сущности, чуждой. Горячий отклик, как и в Юджине, находила в ней музыка. В литературе он ценил реалистическое направление, ей же нравились чувствительно-возвышенные истории, имеющие порой отдаленное отношение к реальности. Искусство в своих чисто эстетических формах ничего не говорило ее душе, для Юджина же оно было источником утонченных наслаждений. История, философия, логика, психология оставались для нее закрытой книгой, тогда как для Юджина это уже были распахнутые двери, вернее, поросшие цветами тропы, по которым он радостно бродил. И, несмотря на все это, их влекло друг к другу.

Были между ними и другие различия. Для Юджина условности ничего не значили, и его представления о добре и зле показались бы непонятными рядовому человеку. Он склонен был симпатизировать всякому человеческому существу, независимо от его характера и положения, – высокоразвитому и невежественному, опрятному и нечистоплотному, веселому и грустному, с белой, желтой или черной кожей. Анджела, наоборот, отдавала явное предпочтение людям, которые вели себя соответственно с правилами добропорядочности. Ей с детства внушали уважение к тем, кто особенно усердно работает, по возможности во всем себе отказывает и сообразует свои действия с общепринятыми понятиями о том, что хорошо и что дурно. Ей и в голову не приходило критиковать установившиеся взгляды. То, что записано на скрижалях общественного и морального кодекса, не подлежало для нее изменению. Возможно, что существуют милейшие люди и за пределами ее круга, но с ними немыслимо общаться и им нельзя сочувствовать. Для Юджина же всякий человек был прежде всего человеком. Находясь среди отверженных и неудачников, он мог весело смеяться с ними и над ними. Все на свете восхитительно, прекрасно, занятно. Даже суровый трагизм жизни, и тот был для него как-то оправдан, хотя Юджин не оставался к нему равнодушен. Почему он все-таки почувствовал такое влечение к Анджеле, остается загадкой. Возможно, что они в то время как-то дополняли друг друга, подобно тому, как спутник дополняет более крупное светило, так как эгоизм Юджина требовал похвалы, сочувствия, женской ласки. Анджелу же воспламенила горячая страстность его натуры.

На другой день, в поезде, они провели почти три часа в упоительной беседе. Чуть ли не с первых слов он рассказал ей, как два года назад ехал по той же дороге, тем же поездом и в те же часы. Рассказал, как бродил по улицам большого города в поисках ночлега, как получил работу и не возвращался домой в Александрию, пока не убедился, что обрел свое призвание. Теперь он будет учиться живописи, а затем поедет в Нью-Йорк или Париж, будет работать в журналах, а возможно, и писать картины. Он любил порисоваться перед теми, кто восхищался им, а здесь он был уверен в восхищении. Его спутница смотрела на него глазами, которые ничего, кроме него, не видели. Этот человек действительно не был похож на тех, кого она когда-либо знала, – он был молод, талантлив, честолюбив, обладал богатым воображением. Он хотел пробить себе дорогу в мир, куда стремилась и она, – без малейшей, впрочем, надежды его увидеть, – в мир искусства. И вот будущий художник рассказывает ей о своих планах, говорит о Париже. Как это прекрасно!

Когда они стали подъезжать к Чикаго, Анджела сказала, что ей придется немедленно пересесть в поезд, следующий из Чикаго в Сент-Пол и останавливающийся в Блэквуде. По правде сказать, у нее было немного тоскливо на душе и сердце чуть щемило, так как летние каникулы подошли к концу и ей предстояло снова вернуться к занятиям в школе. Две недели, которые она

провела в гостях у миссис Кинг, своей бывшей школьной подруги, уроженки Блэквуда, промелькнули как чудесный сон. Подруга приложила все старания, чтобы Анджеле было весело. И вот все миновало. Да и знакомство с Юджином скоро оборвется, он еще ни словом не обмолвился о том, чтобы снова встретиться с нею. Но она только подумала, что хорошо было бы поближе узнать тот мир, который он обрисовал ей в таких ярких красках, как Юджин сказал:

– Мистер Бэнгс говорил мне, что вы время от времени наведываетесь в Чикаго?

– Да, правда, – ответила она. – Я иногда приезжаю, чтобы побывать в театре и кое-что купить.

Анджела не рассказала ему, что эти поездки вызываются соображениями практического свойства, так как она славилась в семье умением покупать, и для больших закупок родные часто посылали ее в Чикаго. Практичностью и хозяйственностью она превосходила их всех, а кроме того, сестры и друзья чрезвычайно ценили ее за то, что она охотно брала на себя всякие хлопоты. При ее любви к труду ей грозила опасность превратиться в рабочую лошадь для всей семьи. За что бы она ни бралась, она все делала добросовестно, но занималась почти исключительно хозяйственными мелочами.

– А скоро вы рассчитываете снова побывать в Чикаго? – спросил он.

– Трудно сказать. Обычно я приезжаю зимой, когда открывается опера. Но в этом году, возможно, попаду в Чикаго ко Дню благодарения.

– Не раньше?

– Едва ли, – ответила она лукаво.

– Как жаль! А я надеялся, что увижу вас еще этой осенью. Во всяком случае, когда приедете, дайте мне знать. Я с удовольствием сводил бы вас в театр.

Юджин очень мало тратился на развлечения, но тут он решился на некоторый риск. Ведь она не часто будет приезжать. Кстати, он надеялся получить в ближайшие дни прибавку, а это существенно меняло дело. К тому времени, когда девушка соберется приехать, он уже будет учиться в Институте и для него откроется новое поприще. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила Анджела. – Я вас извещу, когда приеду. Ведь я такая провинциалка, – добавила она, тряхнув головкой, – в кои-то веки мне удается попасть в большой город.

Юджину нравилось в ней то, что он принимал за бесхитростное простодушие, – откровенность, с какою она признавалась в своей бедности и неискушенности. Обычно девушки так не держатся. В ее устах бедность и неискушенность казались чуть ли не добродетелями; как признание, во всяком случае, это звучало очаровательно.

– Смотрите же, без обмана, – сказал он.

– Зачем же. Я с удовольствием вас извещу.

Поезд подходил к вокзалу. Юджин забыл в эту минуту, что эта девушка не так красива и недосягаема, как Стелла, и что по темпераменту ей, вероятно, далеко до Маргарет. Он смотрел на нее прекрасные матовые волосы, тонкие губы и совсем особенные голубые глаза, восхищаясь ее прямотой и безыскусственностью. Как только приехали, он взял ее чемодан и помог ей разыскать поезд, а потом горячо пожал руку на прощание; ведь она была так мила и с таким сочувствием и интересом слушала его.

– Помните же! – весело повторял он, усаживая ее в вагон местного поезда.

– Я не забуду.

– И не сердитесь, если я вам напишу.

– Напротив. Буду очень рада.

– Хорошо, тогда я буду вам писать, – сказал он, выходя из вагона.

Юджин стоял на перроне и смотрел на нее, пока поезд не отошел. Его радовало это знакомство. Вот славная девушка – чистая, прямая, бесхитростная. Такою и должна быть хорошая женщина – порядочной и чистой; это не разнузданная девчонка, как Маргарет; и не равнодушная, бесстрастная красавица, как Стелла, хотелось ему прибавить, но у него не хватило духу. Какой-то голос нашептывал ему, что с эстетической точки зрения Стелла была совершенством, ему и сейчас было больно вспоминать о ней. Но Стелла навсегда ушла из его жизни – в этом не было никакого сомнения.

В последующие дни Юджин часто думал об Анджеле, мысленно гадая о том, что представляет собою Блэквуд, какая обстановка и какие люди ее окружают. Наверно, они так же милы и простодушны, как и его родные в Александрии. Жители большого города, которых он встречал на своем пути, – в особенности девушки, а также люди, избалованные богатством, – не представляли в то время интереса для Юджина. Они были слишком далеки, слишком чужды всему, к чему он мог стремиться, тогда как такая девушка, какой была, очевидно, мисс Блю, – сокровище для кого угодно. Он не переставал твердить себе, что напишет ей. У него в то время не было никакой другой знакомой девушки, и перед поступлением в Институт он набросал коротенькое письмо, в котором с благодарностью вспоминал их совместную поездку и спрашивал, скоро ли она собирается приехать. В ответном письме, пришедшем через неделю, Анджела сообщала, что предполагает быть в Чикаго в середине или в конце октября и будет рада, если он навестит ее. Она сообщала ему адрес своей тетки, жившей на Северной стороне, на Огайо-стрит, и писала, что о дне своего приезда известит особо. Сейчас она так занята в школе, что ей даже некогда вспомнить, как чудесно она провела лето.

«Бедная девочка, она заслуживает лучшей участи, – подумал Юджин. – Когда она приедет, я непременно повидаю ее», – решил он, а к этой мысли примешивались и многие другие: «Какие у нее волосы!»

Глава IX

С поступлением в Институт для Юджина началась новая жизнь. Теперь он понимал, – или так ему по крайней мере казалось, – в чем разница между служителями искусства и рядовыми людьми. После дневных скитаний по бедным кварталам Чикаго он внезапно переносился в другой мир, и ему с трудом верилось, что для него, Юджина Витла, нашлось здесь место. Студенты казались ему существами иной породы, – во всяком случае некоторые из них. Даже те, кто не был прирожденным художником, все имели богатое воображение – душу артиста. Эти молодые люди собрались сюда, как постепенно узнавал Юджин, со всех концов страны, с запада и юга – из Чикаго и Сент-Луиса, из Канзаса, Небраски и Айовы, из Техаса, Калифорнии и Миннесоты. Один юноша был из Саскачеваны – на северо-западе Канады, другой – из Новой Мексики, которая в то время еще именовалась «территорией». Этого последнего звали Джил, и товарищи прозвали его «гила-монстр»[4], – им казалось, что звучит достаточно похоже. Юноша из Миннесоты был сыном фермера и собирался на следующую весну и лето поехать домой – пахать, сеять и жать. А тот, что из Канзас-Сити, был сыном миллионера.

Юджин вначале особенно увлекся рисунком. Уже в первый вечер он убедился в неправильности своего представления о светотени. При изображении человеческого тела ему никак не удавалось передать ощущение плотности и объема.

– Самая густая тень лежит всего ближе к яркому свету, – лаконично заметил ему преподаватель в одну из сред, заглядывая через его плечо, – а у вас все одинаково тускло и монотонно.

Так вот в чем дело!

– Вы рисуете эту фигуру так же, как стал бы строить дом каменщик, который не разбирается в архитектурном деле. Вы кладете кирпичи без всякого плана. Где ваш план?

Голос принадлежал мистеру Бойлу, незаметно подошедшему сзади.

Юджин поднял глаза. Он только что начал вырисовывать голову.

– План! Где план? – повторил мистер Бойл, широким движением руки намечая очертания рисунка. – Прежде всего набросайте главные линии. Деталями займетесь потом.

И Юджину сразу стало ясно.

В другой раз преподаватель наблюдал за ним, когда он рисовал женскую грудь. Все у него получалось какое-то деревянное, и красота линий не давалась.

– Они бывают только круглые! Только круглые, уверяю вас! – разразился, наконец, долго молчавший мистер Бойл. – Если вы когда-нибудь увидите четырехугольные, сообщите мне, пожалуйста!

Юджин расхохотался, но вместе с тем и сильно покраснел, понимая, сколько ему еще надо учиться.

Самое жестокое, что он услышал однажды из уст этого человека, были слова, обращенные к одному юноше, неумелому и тупому, но очень старательному.

– Ни черта у вас не выйдет, – грубо сказал он. – Послушайтесь моего совета и поезжайте домой. Вы больше денег заработаете, нанявшись ломовым извозчиком.

Весь класс вздрогнул, но таков был этот человек, – он не выносил бездарности. Мысль о том, что кто-то попусту отнимает у него время, была ему нестерпима. Он смотрел на искусство по-деловому и отказывался нянчиться с неудачниками, дураками и тупицами. Ему хотелось внушить классу, что искусство требует больших усилий.

Однако если откинуть эти суровые и настойчивые напоминания о трудностях, которые должен преодолеть художник, жизнь в Институте имела немало приятных и, по-своему, даже заманчивых сторон. Между получасовыми сеансами, в течение которых позировала натурщица, за вечер бывало несколько четырех– или пятиминутных перерывов, когда студенты разговаривали, зажигали потухшие трубки и каждый делал, что хотел. Иногда в комнату заглядывали слушатели из других классов.

Юджина удивляла вольность, с какою натурщица обращалась со студентами, а те с нею. Постепенно освоившись, он стал замечать, что некоторые студенты, учившиеся уже не первый год, поднимались на подмостки, где сидела девушка, и вступали с нею в разговор. Прозрачный розовый шарф, которым она закрывала плечи и грудь, не только не скрадывал, а скорее подчеркивал соблазнительность ее наготы.

– Что вы скажете? – обратился однажды к Юджину сидевший рядом с ним юноша. – Признаюсь, меня от такого зрелища даже пот прошибает.

– Да, – рассмеялся Юджин. – Картина весьма пикантная.

Студенты часто шутили и смеялись с девушкой, и она тоже смеялась и кокетничала с ними. Юджин видел, как она расхаживала по классу, заглядывая в их альбомы, или же останавливалась поговорить с кем-нибудь, спокойно глядя ему в глаза. Он испытывал в таких случаях сильное волнение, но подавлял и скрывал его, как нечто такое, чего надо стыдиться и чего не следует показывать. Однажды, когда он рассматривал снимки, принесенные кем-то из студентов, девушка, этот цветок улицы, подошла и стала смотреть через плечо. На ней был легкий шарф; губы и щеки ее были накрашены. Она стояла совсем близко, прижимаясь мягкой грудью к его плечу и руке. Юджину показалось, будто по всему его телу прошел ток, но он сделал вид, что нисколько не смущен.

В классе был рояль, и студенты нередко пели и играли во время перерывов. Иногда и натурщица присаживалась к инструменту, под ее аккомпанемент кто-нибудь запевал песню, а двое-трое подтягивали. Юджина почему-то особенно волновало такое пение, ему чудилось в нем что-то вакхическое. Он едва владел собой и чувствовал, как у него начинают стучать зубы. Когда же девушка снова становилась в позу, волна страсти спадала, и верх брало холодное, эстетическое восприятие ее красоты. Только такие случайные эпизоды и выводили его из равновесия.

Юджин мало-помалу делал успехи в рисунке и развивался как художник. Он любил рисовать человеческое тело. Это давалось ему не так легко, как разнообразные очертания ландшафтов и зданий, но он умел передавать красивыми, чувственными линиями изгибы тела, – в особенности женского, – линиями, которые начинали производить впечатление. Он давно уже миновал ту стадию, когда Бойл вынужден был говорить ему: «Они бывают только круглые». Его контуры приобрели изящество, которое не замедлило привлечь к себе внимание преподавателя.

– Вот теперь вы улавливаете не только частности, а и все в целом, – негромко сказал он ему однажды.

Юджин вспыхнул от удовольствия. В другой раз Бойл заметил:

– Спокойнее, мой мальчик, спокойнее. Слишком много чувственности. В фигуре этого нет. Из вас вышел бы со временем неплохой мастер фрески, если вы имеете к этому склонность, – продолжал Бойл. – У вас есть чувство красоты.

Трепет прошел по телу Юджина. Итак, он начинает овладевать искусством. Этот человек заметил его способности. Значит, у него действительно есть талант.

Как-то вечером на доске, где вывешивались всякие объявления, он увидел следующий красноречивый плакат:

ХУДОЖНИКИ! ВНИМАНИЕ!

Мы ужинаем! Мы ужинаем!

16 НОЯБРЯ У СОФРОНИ.

Все желающие участвовать сообщите свои имена классным старостам.

Юджин, ничего не слышавший об этом раньше, подумал, что затея эта, по всей вероятности, исходит не от его класса. Он все же справился у старосты и узнал, что должен внести всего семьдесят пять центов. Желающие могут приводить с собой девушек. Большинство так и сделают. Юджин решил принять участие в ужине. Но где взять даму?

«Софрони» был итальянский ресторанчик в нижней части Кларк-стрит – квартале, заселенном преимущественно рабочими-итальянцами. Дом, где находился ресторан, был не много лучше других. Во дворе стояли простые деревянные столы, и летом там ставили скамейки. Для защиты от дождя над столами был натянут тент. Впоследствии тент уступил место стеклянной крыше, благодаря чему помещением стали пользоваться и зимой. В ресторане было чисто, да и кормили неплохо.

#Какой-то начинающий журналист или художник случайно набрел на это заведение, и мало-помалу синьор Софрони стал замечать, что клиентура его улучшается. Он начал здороваться с новыми посетителями, отвел для них особый уголок, а однажды накормил небольшую компанию почти что бесплатным обедом. Слава ресторана росла – один студент приводил другого, и теперь синьор Софрони мог и зимою устраивать банкеты на сто человек, беря по семьдесят центов с персоны за ужин с довольно разнообразным ассортиментом вин и крепких напитков. Все это немало способствовало его популярности.

Ужин, назначенный на шестнадцатое ноября, был завершением ряда пирушек, которые до того устраивались в самом классе. Существовала традиция – при появлении нового студента или вообще постороннего человека приветствовать его криками: «Угощение! Угощение!» Новичок должен был внести в пивной фонд свою лепту – два доллара, в противном случае его могли выкинуть вон или же сыграть с ним какую-нибудь злую шутку. Как только появлялись деньги, занятия на этот вечер прекращались. Студенты устраивали складчину и посылали за бочонком пива и бутербродами с сыром, а затем начиналось веселье – выпивка, пение, игра на рояле и всякие дурачества. Однажды, к великому изумлению Юджина, студент из штата Омаха, рослый, благодушный кутила, поднял голую натурщицу, посадил ее к себе на шею и, приплясывая, понес вокруг комнаты, – девушка изо всех сил дергала его за волосы, а следом с воплями скакали остальные. Студентки из соседнего вечернего класса живой натуры бросили работу и прильнули к отверстиям в перегородке, специально просверленным для таких оказий. Представшее перед ними зрелище так их поразило, что весть об этом мгновенно разнеслась во всему зданию. Узнало об этой выходке и начальство, и провинившийся студент был на другой день исключен. Но вакхический танец все же состоялся, и память о нем надолго сохранилась в стенах Института.

Во время таких пирушек Юджина тоже заставляли пить, и он пил, хоть и весьма умеренно. Он не находил вкуса в пиве. Пробовал он и курить, но и это ему не понравилось. Порою, при одном виде такого разнузданного веселья, он испытывал нечто вроде нервного опьянения и тогда обычная скованность исчезала, и он смеялся и шутил напропалую. Во время одной вечеринки какая-то натурщица даже сказала ему:

– Однако вы лучше, чем кажетесь. Я вас считала ужасным букой.

– Да что вы! – воскликнул он. – Это на меня временами находит. На самом деле я совсем не такой. Вы меня еще не знаете.

И он обнял ее за талию, но она оттолкнула его. Как он жалел тогда, что не танцует. Привлечь бы ее к себе и закружить по комнате. Он решил непременно научиться танцевать.

Вопрос о том, где найти девушку, которую можно было бы пригласить на ужин, не выходил у Юджина из головы. Он никого не знал, кроме Маргарет, но считал маловероятным, чтобы она танцевала. Оставалась мисс Блю из Блэквуда, с которой он виделся, когда она приезжала в Чикаго, но мысль о ней в связи с чем-либо подобным казалась ему просто нелепой. Интересно, подумал он, что бы она сказала, если бы увидела то, что видел он.

Однажды, заглянув в канцелярию, Юджин застал там мисс Кенни, натурщицу, позировавшую у них в тот вечер, когда он впервые присутствовал на уроке. Юджин не забыл свою первую модель, к тому же девушка была прехорошенькая. Это она однажды подошла к нему во время перерыва и стала так близко. С тех пор он не встречал ее. Юджин нравился девушке, но казался нелюдимым и бесцветным. Однако с недавних пор он стал носить свободно повязанный галстук и круглую мягкую шляпу, которая была ему очень к лицу. Волосы он теперь зачесывал назад и старался подражать свободной, размашистой походке мистера Бойла. Этот человек представлялся ему своего рода божеством – могущественным и беспечным. Как ему хотелось походить на него!

Девушка заметила в Юджине эту перемену. Какой он стал интересный, подумала она, какая у него белая кожа и ясные глаза. В нем чувствуется сила.

Она притворилась, будто рассматривает какой-то эскиз.

– Здравствуйте, – сказал Юджин улыбаясь. Он отважился заговорить с ней, так как чувствовал себя одиноким и, кроме нее, никого не знал.

Она повернула голову и ответила на его приветствие ласковой улыбкой.

– Я давно вас не видел, – сказал он. – Опять у нас работаете?

– Только эту неделю, – ответила она. – Я позирую в частных студиях. Когда есть возможность, я предпочитаю работать там.

– А мне казалось, что вам у нас нравится! – удивился он, вспомнив, какая она всегда бывала веселая.

– Я не сказала бы, что не нравится, но в частных студиях условия лучше.

– Мы постоянно вспоминаем вас. Другие натурщицы не сравнятся с вами.

– Однако вы льстец! – рассмеялась она, лукаво посматривая на него своими черными глазами.

– Нет, правда, – ответил он, а затем спросил с тайной надеждой: – Вы будете на нашем ужине шестнадцатого?

– Возможно, – сказала она. – Я еще не решила. Все зависит…

– От чего?

– От того, какое у меня будет настроение и кто меня пригласит.

– В приглашениях, я полагаю, недостатка не будет, – заметил Юджин. – Я тоже пошел бы, да не с кем, – продолжал он, делая отчаянное усилие приблизиться к цели.

Мисс Кенни угадала его намерение.

– Как прикажете это понимать? – смеясь, сказала она.

– А вы пошли бы со мной? – осмелился он спросить, воспользовавшись столь открыто предложенной помощью.

– Разумеется! – ответила она. Он все больше нравился ей.

– Вот чудесно! Где вы живете? Мне понадобится ваш адрес.

Он полез в карман за карандашом. Она назвала ему номер дома на западном конце Пятьдесят седьмой улицы.

Благодаря своей работе инкассатора Юджин хорошо знал этот район. Улица эта – на южной окраине города – состояла сплошь из жалких деревянных домишек. Ему вспомнились тесные ряды лавчонок, немощеные тротуары и сырые незастроенные пустыри. Его нисколько не удивляло, что эта девушка – цветок, выросший среди мусора и угольной пыли, – стала натурщицей.

– Я непременно зайду за вами, – продолжал он весело. – Вы не забудете, не правда ли, мисс…

– Просто Руби, – прервала она его. – Руби Кенни.

– У вас красивое имя, – сказал он. – Очень благозвучное. Не разрешите ли заехать к вам как-нибудь в воскресенье, чтобы посмотреть, где это?

– Пожалуйста, – ответила она, польщенная тем, что ему нравится ее имя. – В воскресенье я большей частью дома. Приезжайте в это воскресенье днем, если хотите.

– Непременно приеду, – сказал Юджин.

Он вышел вместе с ней на улицу в чрезвычайно приподнятом настроении.

Глава X

Руби Кенни была приемной дочерью старого рабочего-ирландца и его жены. Они взяли ее, сжалившись над четырехлетней малюткой, совсем заброшенной своими вечно ссорившимися родителями. Это была неглупая добрая девушка, которая, однако, плохо разбиралась в том, какие силы правят миром, – простодушное создание, жаждавшее интересных приключений, но не умевшее предвидеть заранее, куда они ее заведут. Начав трудовую жизнь кассиршей в универсальном магазине, она уже в пятнадцать лет лишилась невинности. К счастью для себя, она обладала тем типом красоты, который привлекает мужчин со вкусом, благоразумных и осмотрительных, и, к счастью для них, и сама была довольно разборчивой, идя навстречу, только если чувствовала серьезное расположение, а в двух-трех случаях и настоящую любовь, да и тогда после долгого ухаживания, так что ее симпатии и пристрастия значили не меньше, чем желания ее любовников.

Приемные родители Руби не могли сколько-нибудь разумно руководить ее воспитанием. Они любили ее, и так как она по своему развитию была выше их, подчинялись ей во всем, принимая как должное ее взгляды, суждения и доводы. Она только смеялась в ответ на их робкие замечания, повторяя, что ей дела нет, что подумают соседи.

Посещения Юджином дома Руби и завязавшаяся между ними связь ничем существенно не отличались от других его знакомств подобного рода. Он прежде всего искал в женщине красоту, хотя ни разу не случалось, чтобы наряду с этим он не обнаружил в ней и тех качеств ума и сердца, которые особенно привлекали его. Кроме красоты, он искал в женщине отзывчивости и сочувствия. Избегая неприязненной критики и холодности, он никогда не выбрал бы себе подруги, которая превосходила бы его в тонкости ощущений, быстроте восприятия или возвышенности мыслей.

В ту пору ему нравились простые вещи, простые жилища, простая, невзыскательная среда, будничная атмосфера простой жизни, тогда как более изысканная и утонченная среда пугала его. Пышные особняки, мимо которых ему случалось проходить, великолепные магазины, люди, занимающие высокое общественное положение, представлялись ему чопорными, холодными. Он предпочитал людей скромных, ничем не прославившихся, но добрых и ласковых. Если ему удавалось найти женскую красоту в таком кругу, он был счастлив и ничего лучшего не желал. Поэтому его и потянуло к Руби.

В воскресенье шел дождь, и та часть города, где жила Руби, навевала уныние. На пустырях между домами на побуревшей, мертвой траве блестели огромные лужи. Пробираясь по бесконечному лабиринту усыпанных черным шлаком железнодорожных путей, на которых стояло бесчисленное множество паровозов и вагонов, Юджин думал о том, какой благодарный материал для художника эти гигантские черные паровозы, выбрасывающие клубы дыма и пара в серый, насыщенный влагой воздух, это скопление двухцветных вагонов, мокрых от дождя и потому особенно красивых. В темноте на скрещениях путей вспыхивали, подобные ярким цветам, огни стрелок. Юджину нравились эти желтые, красные, зеленые и синие пятна, горевшие словно живые глаза. К такому материалу Юджин был особенно чувствителен, и он испытывал смутную радость оттого, что эта простая девушка-цветок живет где-то близко.

Он подошел к двери, позвонил, и ему открыл старый, весь трясущийся ирландец, по-видимому, человек малоразвитый, – Юджин подумал, что ему подошло бы служить сторожем у шлагбаума. На старике была грубая, но не лишенная живописности одежда; от долгой носки она приняла естественные очертания человеческого тела. В руке у него дымилась коротенькая трубка.

– Мисс Кенни дома? – спросил его Юджин.

– Угу! – ответил он. – Заходите. Я позову ее.

Он указал на дверь в глубине прихожей, где, очевидно, была гостиная. Кто-то позаботился о том, чтобы все здесь было выдержано в красных тонах – большая лампа под шелковым абажуром, семейный альбом, коврик на полу и цветастые обои.

В ожидании Руби Юджин открыл альбом и стал просматривать фотографии, по-видимому, ее родственников. Все это был мелкий люд – приказчики, лавочники, коммивояжеры. Вскоре вошла Руби, и глаза Юджина заблестели: в этой девушке (ей едва исполнилось девятнадцать лет) чувствовалось очарование юности, которое всегда приводило его в восторг. На ней было черное кашемировое платье, отделанное красным бархатом у шеи и на рукавах, с красным галстучком, завязанным небрежным узлом, как у мальчика. Она вошла нарядная и оживленная и весело протянула ему руку.

– Ну как, трудно было нас найти? – спросила она.

Он покачал головой.

– Я довольно хорошо знаком с этими местами. Мне приходится собирать здесь взносы – я, видите ли, служу в компании «Дешевая мебель».

– Значит, я напрасно беспокоилась, – сказала она, радуясь его откровенности. – Я боялась, что вы совсем измучаетесь, пока разыщете нас. Ужасная погода, не правда ли?

Юджин согласился с нею, а потом рассказал о тех мыслях, которые навеял ему окрестный пейзаж.

– Если бы я был художником, я рисовал бы именно такие вещи. Это так величественно, так чудесно.

Он подошел к окну и стал смотреть на открывавшийся оттуда вид.

Руби с интересом наблюдала за ним. Каждое его движение доставляло ей удовольствие. Она чувствовала себя с этим юношей необычайно просто, словно заранее уверенная, что полюбит его. Так легко было с ним разговаривать. Институт, ее работа натурщицы, его надежды, местность, где она живет, – все это были темы, сближавшие их.

– А много здесь художественных мастерских, пользующихся известностью? – спросил он, когда они заговорили о ее работе. Ему хотелось знать, что представляет собой художественный мир Чикаго.

– Не так уж много. Во всяком случае, хороших мало. Ведь много художников только воображают, будто умеют писать картины.

– А кто из них считается крупным мастером? – спросил он.

– Видите ли, я ведь знаю только то, что слышу от других. Мистер Роуз, говорят, очень талантлив, Байэм Джонс недурен в жанровых картинах, Уолтер Лоу хороший портретист и Менсон Стил тоже. Да, постойте, есть еще Артур Бигс, он пишет только пейзажи. В его мастерской я никогда не была. Затем Финли Вуд – тоже портретист, и Уильсон Брукс, – тот пишет многофигурные композиции. Но всех не запомнишь, их немало.

Юджин слушал, как зачарованный. Этот непритязательный разговор о вещах, касающихся искусства, давал ему большее представление о здешних художниках, чем все слышанное до сих пор. Очевидно, эта девушка много знала. Она была в этом мире своим человеком. Любопытно, думал Юджин, какие у нее отношения со всеми этими людьми.

Через некоторое время они снова стали смотреть в окно.

– Не очень-то здесь красиво, – сказала она, – но отцу и матери нравится. Отцу близко ходить на работу.

– Это ваш отец открыл мне дверь?

– Он мне не родной отец, – объяснила она. – Я приемная дочь. Но они относятся ко мне, как к родной. Я им очень многим обязана.

– Вы, верно, недавно начали позировать? – спросил Юджин, подумав о том, как она еще молода.

– Да, примерно с год.

Она рассказала ему, что раньше служила кассиршей в «Базаре», и вот ей и одной ее подруге пришла мысль пойти в натурщицы. В воскресном номере «Трибюн» они увидели снимок девушки, позирующей перед студентами. Это показалось им заманчивым. Они стали советоваться, не попробовать ли им тоже? И с тех пор работают натурщицами. Ее подруга тоже будет на ужине.

Юджин слушал ее с наслаждением. Слова Руби напомнили ему, как в свое время его увлекали снимки в газетах: виды Гусиного острова на реке Чикаго, утлые рыбачьи домишки, перевернутые вверх дном лодки, служившие людям пристанищем. Он рассказал ей об этом, а также про свой приезд в Чикаго, и она слушала с большим интересом. Она подумала, что он славный малый, хотя, пожалуй, и чересчур сентиментален. И какой высокий, – она рядом с ним совсем маленькая.

– Вы, кажется, играете? – спросил он.

– Чуть-чуть. У нас нет рояля. Я немного научилась в студиях, где позировала.

– И танцуете?

– Конечно.

– Мне тоже хотелось бы научиться танцевать, – сказал он огорченно.

– Так за чем же дело стало? Это легче легкого. Я за один урок научу вас.

– Пожалуйста, – попросил он.

– Это совсем не трудно, – повторила Руби, отходя от него на шаг. – Я покажу вам все па. Обычно начинают с вальса.

Приподняв платье, она приоткрыла свои маленькие ножки и показала ему первые па. Он попробовал повторить, но у него ничего не вышло. Тогда она обвила его рукой свою талию, а другую сжала в своей руке.

– Я поведу вас, – сказала она.

Какое это было наслаждение чувствовать ее в своих объятиях! И, по-видимому, она нисколько не спешила кончать урок, – терпеливо возилась с ним, объясняя различные движения, и то и дело останавливалась, чтобы поправить его и посмеяться над его и своими промахами.

– Понемножку получается, – сказала она после того, как они сделали несколько туров.

Взгляды их не раз встречались, и, когда он улыбался, она отвечала ему радостной улыбкой. Он вспомнил вечер в студии, как она стояла возле него и смотрела через его плечо. Конечно, будь он посмелее, он мог бы сразу перешагнуть через все условности. Он слегка прижал ее к себе, а когда они остановились, не отпустил.

– Как вы добры, – сказал он, сделав над собой усилие.

– Вовсе нет, просто у меня хороший характер, – засмеялась она, не торопясь высвободиться из его объятий.

Как всегда в таких случаях, его охватило волнение.

Ее же влекло к нему то, что она принимала за властную уверенность. Он был не такой, как другие мужчины, которых она знала.

– Я вам нравлюсь? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

Руби внимательно оглядела его волосы, лицо, глаза.

– Не знаю, – спокойно ответила она.

– Может быть, не нравлюсь?

Снова наступила пауза, во время которой девушка задорно глядела на него, а потом, опасливо покосившись на дверь, ведущую в коридор, сказала:

– Мне кажется, что нравитесь.

Он схватил ее на руки.

– Вы прелесть! – воскликнул он и понес ее на красный диванчик. Остаток дождливого дня она провела, нежась в его объятиях и упиваясь его поцелуями. Таких, как он, она еще не встречала.

Глава XI

Незадолго до этого Анджела Блю, вняв горячим просьбам Юджина, впервые за ту осень приехала в Чикаго. Ей стоило большого труда вырваться из дому, но она преодолела все препятствия, увлеченная страстностью, какою Юджин умел окрашивать каждую свою фразу, особенно когда дело касалось какого-нибудь его желания. Он владел не только кистью, но и пером. Правда, у него еще не было ни законченного стиля, ни умения логически излагать свои мысли, но зато чрезвычайно развит был дар описания. Он с не меньшим умением, чем кистью, живописал пером людей, дома, лошадей, собак, пейзажи, сообщая своим описаниям проникновенную нежность. Он в самых заманчивых красках описывал Анджеле город и весь окружающий его мир. У него был на счету каждый час, но он не жалел времени, чтобы рассказать Анджеле о своей жизни. Он увлекал ее своеобразием того мира, в котором вращался, и обаянием своей незаурядной личности (о последнем Юджин не говорил открыто, но не скупился на намеки). По контрасту собственный мирок стал казаться Анджеле страшно жалким.

Она приехала вскоре после начала занятий в Институте, и, получив ее приглашение, Юджин поспешил на Северную сторону в тихий переулок, где в хорошеньком кирпичном домике жила тетка Анджелы. Все здесь дышало мещанским уютом и покоем. Юджин с первого взгляда пленился этой, полной тихой прелести, как ему казалось, атмосферой старосветского быта. Это был вполне подходящий дом для столь изящной и утонченной девушки, как Анджела.

Юджин пришел в субботу, рано утром, так как оказался в этой части города по делам службы. Анджела играла ему на рояле, – лучшей игры он никогда не слыхал. Это еще больше подняло ее в глазах Юджина. Она любила чувствительную музыку, романсы и мелодии, полные ласковой нежности. За те полчаса, что он пробыл у нее, она сыграла ему несколько пьес; Юджин с восхищением смотрел на ее миниатюрную, словно точеную, фигурку в простом облегающем платье, и на пышные волосы, заплетенные в толстые косы, свисающие ниже талии. В этом костюме и прическе она немножко напоминала Маргариту из «Фауста».

Вечером Юджин примчался опять, в своем лучшем костюме, сияющий и воодушевленный. Он был весь во власти открывшихся ему надежд стать художником и радовался свиданию с этой девушкой, в которой уже заранее видел предмет своей страсти. В ней чувствовалось что-то сильное, доброжелательное, и это влекло его к ней. А ей хотелось обласкать талантливого юношу, хотелось нравиться ему, и это благоприятствовало их сближению.

В тот же вечер они отправились в оперу, где давали какую-то феерию. Прекрасная постановка этой музыкальной фантазии, навевающая безмятежное, радостное настроение, роскошные костюмы, прелестные хористки и чарующие мелодии заворожили Юджина и Анджелу. Оба они давно не были в театре, обоим было как нельзя более по душе такое фантастически условное изображение жизни. Эти впечатления придали какую-то особую праздничность их встрече после короткого знакомства в Александрии.

По выходе из театра Юджин через толпу проводил Анджелу к трамваю, связывавшему центр с Северной стороной (за время его пребывания в Чикаго городские дороги были электрифицированы); молодые люди с увлечением обсуждали красоты и удачи спектакля. Он попросил разрешения снова навестить ее и на другой день, зайдя после обеда, предложил послушать знаменитого проповедника, выступавшего по вечерам в Центральном музыкальном зале.

Анджела была в восторге от находчивости Юджина; ей хотелось побыть с ним вместе, а тут представлялся такой благовидный предлог. Они отправились заблаговременно и слушали проповедь с большим увлечением. Для Юджина искусство проповедника было свидетельством того, сколько свежести, красоты и власти над людьми таится в человеческом слове. Ему захотелось быть таким же оратором, и он высказал эту мысль вслух, а потом доверил своей спутнице и другие сокровенные свои мысли. На нее произвела сильное впечатление разносторонность его интересов и тонкий вкус. Она была уверена, что ему суждено стать выдающимся человеком.

Были у них и другие встречи. Анджела снова приезжала – один раз в начале ноября, затем перед рождеством, и Юджин все больше запутывался в сетях ее прекрасных волос. Несмотря на то, что в ноябре он познакомился с Руби и между ними началось сближение на менее идеальных, как Юджин выразился бы в то время, началах, он хранил в душе дружбу с Анджелой, как нечто более возвышенное и драгоценное. Анджела восхищала его своей чистотой. В мыслях, которыми она делилась с ним, в музыкальности ее игры чувствовалась натура более глубокая, чем у Руби. Кроме того, она олицетворяла собой далекую провинцию, тихий дом, вроде его собственного, милый, простой городок, милых людей. Зачем ему расставаться с нею, зачем приоткрывать перед ней тот, другой мир, с которым он соприкасался? Он считал, что не должен этого делать. Его пугала возможность потерять ее, так как он был убежден, что она может составить счастье любого мужчины, который на ней женится. Когда она приехала в декабре, он чуть было не сделал ей предложение. Он чувствовал, что не должен позволять себе с нею никаких вольностей, не должен слишком торопливо искать сближения. Она сумела внушить ему сознание святости любви и брака. И в январе он действительно сделал предложение.

Артистическая натура – это смесь утонченных чувств и желаний, не поддающихся определению. Ни одна женщина не могла бы в тот период полностью удовлетворить Юджина. Красота играла для него главную роль. Всякая девушка, в которой молодость, свежесть чувств и душевная отзывчивость соединялись с внешним очарованием, могла привлечь его и на время удержать. Ему нужна была красота, а не жизнь по чьей-то указке. Он мечтал о карьере художника, а вовсе не о том, чтобы обзаводиться семьей. Девичья красота, обаяние молодости волновали его как художника, и он страстно тянулся к ним.

В противоположность Юджину Анджела была установившейся натурой с твердыми взглядами и ровными чувствами. Она с детства привыкла видеть в браке нечто нерушимое. Она верила, что человеку дана одна жизнь и одна любовь, и когда вы нашли такую любовь, все другое теряет значение. Есть дети – хорошо; нет детей – неважно: брак от этого не перестает быть браком. И если он даже не дал вам счастья, все равно – нужно страдать и терпеть во имя того хорошего, что жизнь еще приберегла для вас. Такой союз может принести вам жестокие разочарования, но порвать его – значит, навлечь на себя бесчестье. Если нет больше сил страдать – значит, жизнь потерпела полный крах.

Юджин, разумеется, и не догадывался, какую он затеял опасную игру. Он и понятия не имел о характере тех отношений, навстречу которым шел, и не переставал безотчетно мечтать об Анджеле как о своем идеале, предвкушая возможный брак с нею. Когда это осуществится, трудно было сказать, так как, несмотря на прибавку к жалованью, полученную на рождество, ему платили всего восемнадцать долларов в неделю. Но он успокаивал себя тем, что это время наступит и что оно не за горами.

Между тем его свидания с Руби привели к неизбежному результату. Все, казалось, способствовало этому. Девушка была молода, она жаждала романтических приключений, ее восхищали в мужчинах молодость и сила. Бледное лицо Юджина, овеянное меланхолией, притягательная сила его темперамента, его любовь к красоте волновали ее воображение. Сначала, возможно, в ней преобладала необузданная страсть, но очень скоро к страсти примешалось настоящее чувство, так как эта девушка умела любить. Она была очень миловидна, простодушна и совершенно несведуща во многих жизненных вопросах. Юджин представлялся ей воплощением всех совершенств, какие только она могла вообразить. Она рассказала ему о своих приемных родителях, об их простодушии и о том, как она может делать все, что хочет. Они и не подозревают, что она позирует обнаженной. Она также призналась ему в своих более чем дружеских отношениях с некоторыми художниками, утверждая, впрочем, что сейчас у нее ни с кем ничего нет. «Все это дело прошлое», – говорила она, но Юджин ей не верил. Он подозревал, что она принимает домогательства других с такою же готовностью, как и его ухаживания. Это возбуждало в нем ревность и настойчивое желание, чтобы она немедленно бросила работу натурщицы. Он так и сказал ей, но она расхохоталась. Она знала, что он этого захочет, и это служило ей доказательством его настоящего интереса к ней.

Для Юджина начались чудесные дни и вечера в обществе Руби. Однажды, незадолго до ужина у Софрони, она пригласила его позавтракать с нею в ближайшее воскресенье. Ее приемные родители уезжали куда-то, и дом оставался на весь день в полном ее распоряжении. Ей хотелось угостить Юджина завтраком главным образом, чтобы показать ему, как хорошо она готовит, и еще потому, что в этом было что-то новое. Она не приступала к приготовлениям до его прихода, а в девять часов, когда он явился, Руби, в хорошеньком, ловко сидевшем на ней домашнем платьице светло-сиреневого цвета и в белом переднике с оборками, принялась за работу: накрыла на стол, приготовила рагу из почек в крепком вине, горячие бисквиты и кофе.

Юджин был в восторге. Он ходил за нею по пятам и то и дело обнимал и осыпал поцелуями, мешая ей работать. Она выпачкала нос в муке, и он стер муку поцелуем.

В это утро Руби показала ему забавный танец, который она исполняла в особых башмаках на толстой подошве, притопывая и отбивая ритм каблучками. Подобрав юбки чуть повыше щиколоток, Руби с невероятной ловкостью и проворством выделывала

сложнейшие па, ножки ее так и мелькали в вихре танца. Юджин был вне себя от восторга; он решил, что никогда еще не встречал такой девушки – прекрасно позирует, играет на рояле, танцует и так молода. Жизнь с этим созданием казалась ему раем, и он жалел, что у него нет для этого средств. В эту минуту восторга, да случалось и потом, он был почти готов на ней жениться.

В день ужина он заехал за ней и был поражен, увидев ее в красном платье с большими черными кожаными пуговицами, посаженными по диагонали во всю его длину, в красных чулках, такого же цвета туфлях и с красной гвоздикой в волосах. Платье было низко вырезано на груди и спине, с короткими рукавами. Она показалась Юджину ослепительной, и он сказал ей это. Руби рассмеялась. Они отправились в кэбе: Руби заранее предупредила его, что придется нанять экипаж. Это обошлось ему по два доллара в каждый конец – непозволительное мотовство! – но Юджин говорил себе, что оно вызвано исключительными обстоятельствами. Однако подобные мелочи вынуждали его серьезно задумываться над тем, как бы лучше устроить свою жизнь.

В ужине принимали участие студенты всех курсов, как утренних, так и вечерних. Собралось больше двухсот человек, сплошь молодежь. Тут были студентки, натурщицы и просто приглашенные девушки самого разного общественного положения и умственного развития. В огромной столовой стоял невероятный шум от звона посуды, нестройного пения, шутливых выкриков и приветствий. У Юджина и кроме однокурсников было здесь достаточно знакомых, чтобы не скучать и не оставаться в стороне от общего веселья.

С первой же минуты выяснилось, что все знают Руби и что она пользуется общим расположением. Она резко выделялась благодаря своему смелому туалету. Со всех концов неслось: «Здорово, Руби!»

Это удивило и неприятно поразило Юджина. К его спутнице подходили молодые люди, которых он никогда в глаза не видел, и заговаривали с ней о вещах, о которых он не имел ни малейшего понятия. В течение каких-нибудь десяти минут она раз десять убегала от него, отзываясь на чей-либо оклик, и он то и дело замечал ее в противоположном конце комнаты: окруженная гурьбой студентов, она весело смеялась и оживленно болтала.

По мере того как проходили часы, настроение молодежи делалось все развязнее и легкомысленнее. По окончании ужина в одном конце зала освободили место и угол затянули куском зеленой материи вместо ширмы. Это была артистическая для выступающих. Какой-то студент, встреченный громкими аплодисментами, на глазах у всех нацепил зеленые бакенбарды и прочел монолог, подражая акценту ирландца. Другой вышел на эстраду, держа в руках большущий, туго свернутый бумажный свиток, исписанный стихами. Можно было подумать, что это целая поэма, которую он будет читать весь вечер. Все ахнули. Студент актерским жестом поднял руку, требуя тишины, и, дав свитку развернуться, приступил к декламации. Стихи оказались неплохими, но самое забавное было то, что поэма заключала в себе не более двадцати строк. Все остальное были попросту каракули, чтобы ввести публику в заблуждение. И этот номер заслужил аплодисменты. Кто-то из второкурсников спел романс «В долине Лигай», кто-то изобразил, как Темпл Бойл и другие преподаватели просматривают работы студентов и сами показывают свое мастерство на удивление всему классу. Это доставило зрителям большое удовольствие. Потом после долгих криков «Десмонд! Десмонд!» одна из натурщиц прошла за зеленую ширму и через несколько минут показалась в коротенькой юбочке испанской танцовщицы, усыпанной черными и серебряными блестками, с кастаньетами в руках. У кого-то из студентов нашлась мандолина, и под ее аккомпанемент натурщица протанцевала «Ла Палому».

Все это время Юджин почти не видел Руби. Она пользовалась слишком большим успехом. Не успела первая натурщица закончить свой танец, как чей-то голос крикнул: «Эй, Руби! А ты почему не покажешь свое искусство?» «А ну-ка, Руби!» – поддержал его другой поклонник ее таланта. Скоро весь зал подхватил этот крик, и студенты, окружив девушку, стали подталкивать ее к площадке, очищенной для танцев. Кто-то подхватил ее на руки, а затем Руби в шутку стали перебрасывать от одной группы к другой. Раздались аплодисменты. Юджина, для которого она была близким существом, эта фамильярность выводила из себя. Казалось, она принадлежала не только ему, а была достоянием всех и каждого. А Руби беспечно хохотала.

Лишь только девушку опустили на пол, она подобрала подол платья – как делала это, танцуя для него, – и с увлечением пустилась в пляс. Студенты обступили ее стеной. Юджину пришлось протиснуться поближе, чтобы ее увидеть. А она, словно забыв о его существовании, задорно плясала, постукивая каблучками. Когда Руби кончила, трое или четверо особенно напористых юнцов стали упрашивать ее станцевать еще, бесцеремонно дотрагиваясь до ее рук и плеч. Кто-то очистил стол, чьи-то руки подхватили девушку и поставили на эту импровизированную эстраду. Руби танцевала еще и еще. Кто-то крикнул: «Эй, Кенни, а ведь без красного-то платья, пожалуй, удобнее?»

Так вот что представляла собой его временная подруга!

Когда около четырех часов утра Руби решила наконец ехать домой, – вернее, когда студенты согласились ее отпустить, – она едва помнила, что приехала сюда с Юджином, и заметила, что он дожидается ее, лишь в ту минуту, как двое студентов вызвались ее проводить.

– Нет, у меня есть провожатый! – воскликнула она, завидев его. – Мне пора ехать. До свидания! – И она направилась к Юджину.

У него было холодно на душе, он чувствовал себя здесь совсем чужим.

– Поедем? – спросила она.

Он кивнул угрюмо и укоризненно.

Глава XII

От рисования обнаженной натуры, в чем он достиг за зиму большого успеха, Юджин перешел к занятиям по классу иллюстрации, где позировали модели в костюмах. Здесь он впервые испробовал свои силы в акварели, которой в то время особенно интересовались журналы, и вскоре его работы стали хвалить. Хвалили, впрочем, не всегда, так как преподаватели, убежденные в том, что суровая критика является лучшим стимулом роста, высмеивали иной раз его удачнейшие вещи. Но Юджин верил в свое призвание и после минутных взрывов отчаяния еще сильнее утверждался в своей вере.

Служба в мебельной компании становилась ему уже в тягость, когда в одну из сред преподаватель класса иллюстрации Винсент Бирс, взглянув на его набросок, сказал:

– А знаете, Витла, вы скоро сможете кое-что зарабатывать своими рисунками.

– Вы думаете? – спросил Юджин.

– Конечно. Для такого человека, как вы, должно найтись место в какой-нибудь газете, – хотя бы в вечерней. Вы никогда не обращались в газету?

– Обращался, как только приехал в Чикаго. Но нигде не нашлось вакантного места. Теперь я рад, что никому не понадобился. Я думаю, что долго бы меня держать не стали.

– Вам удаются наброски тушью, не правда ли?

– Сначала это было мне больше всего по вкусу.

– Вот видите. Вы можете быть очень полезны в газете. Но я бы на вашем месте долго не засиживался в Чикаго. Вам надо ехать в Нью-Йорк и стараться попасть в журнал. А сейчас было бы невредно поработать в газете.

Юджин решил обратиться в дневные газеты – такая работа не помешала бы ему продолжать занятия в Институте. Вечера он может отдавать работе по классу иллюстрации и урывать часок-другой для живой натуры. Ничего лучшего нельзя было и желать. В течение нескольких дней он один час после работы посвящал поискам места в газете, причем брал с собой образцы своих набросков тушью. Кое-где его рисунки понравились, но свободного места нигде не оказалось. Нашлась, впрочем, одна газета – из самых захудалых, – где Юджину кое-что обещали. Главный редактор сказал ему, что им в скором времени понадобится художник. Пусть Юджин наведается недели через три-четыре, тогда это выяснится. Начинающим они платят немного – двадцать пять долларов в неделю.

Юджину эти условия показались весьма заманчивыми, и, когда, явившись через три недели, он окончательно договорился, его радости не было границ. Теперь он вполне уверовал, что находится на пути к успеху. Ему отвели стол в маленькой комнатке на четвертом этаже, по счастливой случайности выходившей окнами на северо-запад, во двор. В отделе, где он работал, было, кроме него, еще два человека, постарше, и один из них разыгрывал из себя «шефа».

По условиям работы здесь приходилось не только рисовать тушью, но и гравировать по цинку, то есть наносить рисунок иглой на цинковую пластинку, покрытую слоем мела, что давало возможность легко воспроизводить клише. Юджин не был знаком с этой техникой, и «шефу» пришлось показать ему, но он быстро научился. Вскоре он обнаружил, что эта работа вредна для легких, так как, царапая острием по меловой поверхности пластинки, надо все время сдувать мел, и белая пыль набивается в рот и в нос. Он надеялся, что с такой гравировкой придется иметь дело не часто, но как раз вначале ее оказалось очень много, главным образом потому, что оба его товарища сваливали все на него, пользуясь тем, что он новичок. Скоро Юджин стал догадываться об этом, но к тому времени он успел подружиться со своими сослуживцами, и все более или менее утряслось.

Эти новые знакомые не играли в жизни Юджина большой роли, однако они ввели его в чикагский газетный мир, что расширило его кругозор и принесло ему практическую пользу. Один из них – «шеф» – был фатоват и любил пофрантить. Звали его Хорейс Хау. Второй, Джеремайя Мэтьюз, или попросту Джерри, был маленького роста, полный, с круглой, веселой, вечно улыбающейся физиономией и копною жестких черных волос. Он жевал табак и был не слишком опрятен в одежде, зато трудолюбив, отзывчив и добр. Юджин обнаружил, что за ним водятся три страстишки: он любил хорошо поесть, увлекался археологией и экзотическими безделушками. Кроме того, он живо интересовался всем, что происходит на свете, и был совершенно чужд всяких предрассудков, как социальных, так и нравственных и религиозных. Дело свое он любил и, работая, насвистывал или болтал. Юджин с самого начала почувствовал к нему симпатию.

Работая в газете, Юджин впервые открыл у себя литературные способности. Произошло это совершенно случайно, так как он давно отказался от мысли чего-либо достичь в журналистике, хотя когда-то серьезно об этом подумывал. Газета нуждалась для воскресных приложений в маленьких фельетонах на темы местного характера. Читая некоторые такие фельетоны, которые ему поручали иллюстрировать, Юджин приходил к убеждению, что мог бы написать несравненно лучше.

– Скажите, кто у нас пишет эти статьи? – спросил он однажды Мэтьюза, просматривая воскресный номер.

– Да все, кому не лень, обычно штатные репортеры. Кое-что заказывают, кажется, на сторону. Платят всего четыре доллара за столбец.

Интересно, будут ли ему платить, подумал Юджин. Но, так или иначе, ему хотелось этим заняться. Возможно, ему даже позволят поставить под фельетоном свое имя, – он видел, что некоторые были подписаны. Юджин заметил вслух, что с удовольствием написал бы что-нибудь в этом роде, но Хау, который не только рисовал, но и пописывал статейки, лишь неодобрительно фыркнул в ответ. Такое пренебрежение уязвило Юджина, и он решил испытать свои силы, как только представится случай. Ему хотелось написать что-нибудь о реке Чикаго, – он мог бы, как ему казалось, богато иллюстрировать такой фельетон. Он описал бы Гусиный остров – вспомнив, кстати, то, что ему пришлось прочитать о нем несколько лет назад, – а также незатейливые красоты городских парков, в которых он любил гулять по воскресеньям, наблюдая влюбленных. Были у него и другие темы, но именно к этим напрашивались очаровательные, проникнутые настроением рисунки, и Юджину хотелось попробовать. В разговоре с редактором воскресного номера Митчелом Голдфарбом, с которым у него установились приятельские отношения, Юджин как-то намекнул, что река Чикаго чрезвычайно благодарный материал для иллюстрирования.

– Что ж, действуйте, – сказал этот достойный муж, здоровый, сильный, молодой американец лет тридцати, который смеялся взахлеб, словно ему плеснули за ворот ледяной воды. – Нам такие вещи нужны. А вы вообще-то умеете писать?

– Я думаю, у меня получится, если я постараюсь.

– Так за чем же дело стало! – продолжал тот, предвкушая возможность получить бесплатный материал. – Дерзайте. Может, состряпаете что-нибудь подходящее. Если вы пишете не хуже, чем рисуете, тогда все в порядке. Гонорара мы штатным сотрудникам не платим, но будет ваша подпись.

Юджину этого было достаточно. Он немедленно взялся за дело. Как художник, он уже начинал обращать на себя внимание сослуживцев. В его рисунках была грубоватая сочность, смелость, острота и какая-то задушевность. Хау втайне ему завидовал. Мэтьюз был преисполнен восхищения. После разговора с Голдфарбом Юджин в следующее же воскресенье объехал рукава реки Чикаго, отмечая все ее красивые места и достопримечательности, и заготовил рисунки. Затем он отправился в публичную библиотеку, ознакомился там с историей реки, причем случайно натолкнулся на докладные записки правительственных инженеров о ее возможностях как средства сообщения. То, что он написал, было не столько статьей, сколько маленьким панегириком. Умиляясь крохотными размерами реки, он восхищался ее красотами, которые находил там, где никому не пришло бы в голову их искать. Голдфарб с удивлением прочитал его статью. Он и не предполагал, что у Юджина такие литературные способности.

Сильная сторона писательских опытов Юджина заключалась в том, что, наряду с поэтичностью и чувством колорита, он обладал логическим умом и тяготел к фактам, а это придавало написанному существенный интерес. Он любил покопаться в истории занимавшего его предмета и умел связать свою тему с современностью. Он написал ряд очерков о парках, о Гусином острове, о Брайдуэлской тюрьме, обо всем, что привлекало его.

Однако главной его страстью оставался по-прежнему рисунок. Он был для него более естественным, более органичным средством выражения. Его радовало, что он может описать что-то словами, а затем и нарисовать. Это казалось Юджину прекрасным даром, его увлекала возможность придавать самым простым вещам характер чего-то захватывающе интересного. Он во всем умел найти интерес: и в повозке, проезжавшей по улице, и в высоком здании, и в уличном фонаре – словом, в каждой вещи.

Своих занятий в Институте он тоже не запускал и, по-видимому, двигался вперед.

– Я не пойму, Витла, что мне так нравится в ваших рисунках, – заметил ему однажды Мэтьюз, – но что-то такое в них есть. Вот скажите, например, зачем вы поместили над трубой летящих птиц?

– Сам не знаю, – ответил Юджин. – Просто я так чувствую. Должно быть, я когда-то видел это.

– А ведь как это важно, – продолжал Мэтьюз. – Да вы и в композиции сильны. Я никого не знаю у нас, кто бы рисовал так, как вы.

«У нас» означало в Америке, так как и он и Хау, эти труженики на поприще изобразительного искусства, считали себя знатоками по части рисования тушью и вообще всякой графики. Они выписывали «Югенд», «Симплициссимус», «Пик-Ми-Ап» и европейские художественные журналы радикального направления. Им были известны и Стейнлен, и Шере, и Муша, и вся молодая школа французских мастеров художественного плаката. Юджин с удивлением узнавал об этих людях и об этих журналах. Он все больше проникался верою в себя и начинал думать о себе как о человеке недюжинном.

Как раз в эту пору, когда он набирался знаний и усиленно знакомился с современным искусством и различными художественными школами, его роман с Анджелой Блю пришел к своему логическому завершению: он стал женихом. Несмотря на свою связь с Руби Кенни, продолжавшуюся и после студенческого вечера, Юджин считал, что не может жить без Анджелы. Отчасти это объяснялось тем, что после Стеллы ни одна девушка не сопротивлялась ему так упорно; отчасти тем, что Анджела казалась ему такой невинной, непосредственной и доброй. К тому же она была само очарование. Ее прелестной фигурки не мог скрыть даже неуклюжий, провинциальный покрой ее платьев. Нельзя было не обратить внимания на ее роскошные волосы и большие, манящие, светло-голубые глаза. У нее были румяные губы и щеки и природное изящество походки; она танцевала, играла на рояле. Юджин все больше приходил к убеждению, что она не уступает по красоте ни одной из знакомых ему девушек, зато значительно превосходит их душою. Всякий раз, как он пытался взять ее за руку, обнять или поцеловать, она ускользала от него, действуя обдуманно, оставаясь все время настороже и вместе с тем наполовину уступая. Она ждала от него официального предложения не потому, что стремилась завлечь его в свои сети, а потому, что воспитанная в духе преклонения перед условностями, считала такие вольности недопустимыми, пока они не помолвлены. Она в сущности была уже влюблена в него, но хотела сначала стать его невестой. Когда он делался настойчивее, Анджелу тянуло броситься в его объятия, но она сдерживала себя, терпеливо выжидая.

Наконец однажды вечером, когда она сидела за роялем, он внезапно обнял ее и, порывисто прижав к себе, поцеловал.

Анджела вскочила и вырвалась из его объятий.

– Не смейте этого делать! – воскликнула она. – Это нехорошо. Я запрещаю вам.

– Но я люблю вас, Анджела! – воскликнул он, следуя за ней. – Я хочу, чтобы вы были моей женой. Вы согласны выйти за меня замуж, Анджела? Хотите быть моею?

Девушка не сводила с него нетерпеливых глаз. Она понимала, что заставила этого непосредственного, не знающего жизни юношу с темпераментом художника поступить так, как она хотела. Она рада была бы дать согласие сейчас же, не задумываясь, но что-то нашептывало ей, что нужно подождать.

– Я не дам вам сейчас ответа, – сказала она, – я должна посоветоваться с родителями. Ведь они ничего еще не знают. Мне важно услышать их мнение, а когда я снова приеду сюда, я вам отвечу.

– О Анджела! – взмолился он.

– Нет, мистер Витла, прошу вас, подождите. – Она еще ни разу не назвала его по имени. – Я вернусь недели через две-три. Дайте мне хорошенько подумать. Так будет лучше.

Юджин сдержал свой порыв и решил ждать, но это лишь укрепило в нем уверенность, что лучшей жены, чем Анджела, ему не найти. Она, как ни одна другая женщина, заставляла его умерять свою страсть и делать вид, будто его чувства носят возвышенный платонический характер. Он даже себе пытался внушить, что речь идет только о духовной близости, но в действительности его пожирал огонь, зажженный ее красотой, прелестью ее тела, ее темпераментом. Чувства Анджелы еще дремали, скованные условностями и религиозными традициями. Если бы разбудить ее!

Он закрывал глаза и грезил.

Глава XIII

Через две недели Анджела вернулась, готовая связать себя с Юджином обетом верности. Юджин нетерпеливо ждал, горя желанием услышать из ее уст этот ответ. Он хотел встретить ее под дымным навесом вокзала, пообедать вместе у Кингсли, преподнести ей цветы и надеть заранее приготовленное кольцо (оно стоило семьдесят пять долларов и поглотило почти все его сбережения). Но она слишком хорошо понимала всю серьезность момента и хотела встретиться с ним только в гостиной тетки, где она будет ждать его во всеоружии своей красоты. Она написала ему, что приезжает рано утром, и когда он в субботу в восемь вечера явился к ней, Анджела вышла к нему в платье, которое считала наиболее «романтичным», – том самом, что было на ней при их первой встрече в Александрии. Она не украсила свой корсаж цветами, так как ждала их от него, и, когда он поднес ей красные розы, приколола их к поясу. Анджела была воплощением изящества и сияющей молодости, она и впрямь походила на ту, чьим именем он прозвал ее, – на прекрасную Илэйн, одну из придворных дам короля Артура. Ее золотистые волосы были собраны на затылке в тяжелый узел, лицо разрумянилось от волнения, губы были влажны, глаза горели. Всем своим сияющим видом она показывала Юджину, что рада ему.

Юджин сам себя не помнил от восторга. Всякая романтическая ситуация приводила его в экстаз. Красота любви, неописуемая прелесть юности песней отдавались в его душе, зажигая в крови лихорадку волнения.

– Наконец-то вы здесь, Анджела! – сказал он, пытаясь удержать обе ее руки в своих. – Ну что?

– Не торопите меня, – ответила она. – Я хочу сперва поговорить с вами. Я вам что-нибудь сыграю.

– Нет, я хочу знать сейчас, – сказал он, следуя за ней к роялю. – Я должен знать. Я не в силах больше ждать.

– Я еще не решила, – уклончиво отвечала она. – Дайте мне подумать. Лучше я вам сыграю.

– Нет, нет! – настаивал он.

– Пожалуйста, дайте мне поиграть.

Невзирая на его просьбы, она отдалась звукам, все время ощущая его присутствие, словно какую-то нависшую над нею силу. Когда она кончила играть и под действием музыки все ее ощущения еще более обострились, он обнял ее за плечи, как уже было однажды, но она снова вырвалась и отбежала в угол, точно загнанный зверек. Он с восторгом смотрел на ее разрумянившееся лицо, растрепавшиеся волосы, на розы, повисшие у пояса.

– Ну, – проговорил он, останавливаясь перед нею, – согласны вы быть моей женой?

Девушка низко опустила голову, как бы борясь с сомнениями и страшась его настойчивости. Он стал на колено, чтобы заглянуть ей в глаза, и обвил руками ее талию.

– Да, Анджела?

Она смотрела на его мягкие волосы, темные и густые, на его чистый, белый лоб, черные глаза и красиво очерченный подбородок. Ей хотелось сказать «да» как можно театральнее, и она сочла момент подходящим. Она обхватила руками его голову и посмотрела ему в глаза.

– Ты будешь любить меня? – спросила она, не сводя с него взгляда.

– Да, да! – воскликнул он. – Ты сама это знаешь, Анджела. Ведь я без ума от тебя.

Она закинула его голову назад и коснулась губами его губ. В этом поцелуе была мучительная страсть. Она долго не отпускала его, но, наконец, он поднялся и стал осыпать поцелуями ее лицо, рот, глаза, шею.

– Мой бог! – вырвалось у него. – Как ты прекрасна!

Его голос испугал ее.

– Так нельзя.

– Но я не в силах бороться с собой. Как ты хороша!

Она охотно простила ему все за этот комплимент.

Последовали жгучие минуты, когда они сидели рядом, крепко обнявшись, и он, прижав ее к себе, шептал ей о своих планах на будущее. Он достал кольцо, которое купил для нее, и надел ей на палец. Он будет великим художником, она – женою художника. Он будет рисовать ее прелестное лицо, волосы, ее тело. Когда ему захочется написать любовную сцену, он запечатлеет на полотне ту, которую они только что пережили. Они проговорили до часу ночи, и она стала просить его уйти домой, но он не уходил. Он простился только в два часа, но лишь с тем, чтобы снова вернуться рано утром и пойти с нею в церковь.

Для Юджина наступила чудесная пора – пора бурного расцвета всех его душевных и творческих сил, когда его способность воспринимать явления литературы и искусства стала глубже и изощреннее, а любовь к Анджеле рождала в нем тысячи новых непривычных мыслей. Чрезвычайно обострившаяся восприимчивость помогала ему понимать многое, над чем он раньше не задумывался: несообразность требований, предъявляемых человеку религиозными догмами; безнадежность той путаницы, которая царит в вопросах нравственности; то обстоятельство, что внутри нашего общественного организма существует рядом множество различных миров и что в сущности не выработано никаких определенных, твердых взглядов, обязательных для всех и каждого. Мэтьюз говорил ему о различных течениях в философии – о Канте, Гегеле, Шопенгауэре, – и благодаря ему Юджин отчасти познакомился с их мыслями и теориями. От Хорейса Хау он слышал о таких популярных в то время писателях, глашатаях новых исканий, как Пьер Лоти, Томас Гарди, Метерлинк, Толстой. Юджин был не из тех, кто зачитывается книгами – слишком сильна была в нем жажда жизни, – но он многому научился в спорах, которым отдавался с увлечением. Ему уже начинало казаться, что он может справиться с любым делом, со всем, за что бы он ни взялся, – может сочинять стихи, пьесы, повести, рисовать, писать, иллюстрировать и так далее. Он воображал себя то полководцем, то оратором или политическим деятелем и мечтал о том, каких высот он мог бы достигнуть, если бы твердо остановился на чем-нибудь одном. Иногда он вслух произносил отрывки зажигательных речей, которые сочинял, бродя по улицам. Но все эти юношеские мечтания искупались искренней любовью к труду. Он ни от чего не уклонялся и охотно брал на себя любые обязанности.

После вечерних занятий в Институте Юджин иногда ехал к Руби и добирался до ее дома часов в одиннадцать. Они заранее договаривались, и наружная дверь оставалась открытой, что позволяло ему входить, никого не беспокоя. Не раз случалось, что он находил ее спящей в ее маленькой комнатке рядом с гостиной; она лежала как темнокудрый ребенок, свернувшись клубочком в своем красном шелковом халатике. Руби знала, что Юджину нравится ее тяготение к красивому и изысканному, и старалась одеваться и делать все по-особенному. Она ставила на столик возле кровати свечу под красным колпачком и оставляла на одеяле небрежно брошенную книгу, чтобы он, войдя, подумал, будто она читала. Он входил беззвучно, брал ее сонную на руки, будил поцелуем в губы и, прижав к груди, уносил в гостиную, а там, лаская, нашептывал ей на ухо страстные признания. Он не переставал любить Руби даже тогда, когда объяснялся в любви Анджеле, искренне считая, что эти чувства не мешают одно другому. Он говорил себе, что любит Анджелу, но и Руби ему нравилась, и он находил ее прелестной. Временами ему становилось жаль ее: она была таким слабым, легкомысленным созданием. Кто на ней женится? Что станет с нею в будущем?

В ответ на такое отношение своего возлюбленного девушка страстно привязалась к нему и вскоре готова была ради него на любые жертвы. Как было бы хорошо, мечтала она, жить с Юджином вдвоем в маленькой квартирке вдали от людей. Она отказалась бы от своего ремесла натурщицы и вела бы хозяйство. Он и сам заводил об этом разговор, мысленно играя такой возможностью и вполне отдавая себе отчет в том, что этому, вероятно, никогда не бывать. Жениться он хотел на Анджеле, но, будь у него деньги, рассуждал Юджин, он мог бы устроить Руби где-нибудь отдельно. Что сказала бы на это Анджела, нисколько его не тревожило, важно было лишь, чтобы она ничего не знала. Он ни одной из них ни словом не обмолвился о другой, но нередко спрашивал себя, какого мнения они были бы друг о друге, если бы знали правду. Деньги, деньги – вот главное препятствие! Не имея денег, он ни на ком не мог сейчас жениться – ни на Анджеле, ни на Руби. Для того чтобы серьезно думать о женитьбе, надо сперва добиться обеспеченного положения. Он знал, что Анджела ждет этого от него. И этого же он должен достигнуть, если хочет сохранить Руби.

Юджина все больше тяготило его стесненное положение. Он начинал понимать все убожество и скудность своего существования. Мэтьюз и Хау, получавшие больше, чем он, имели возможность жить лучше. Они посещали ночные рестораны, театры и всякие увеселительные места тех кварталов Чикаго, которые для представителей богемы приобретают особую прелесть с наступлением темноты. Мол, так называлась известная часть набережной реки Чикаго, Гемблерс-Роу, в южной части Кларк-стрит, а также клуб «Уайтчепел», где собирались газетчики, и многие другие места, излюбленные литературной братией и более видными журналистами. Будучи натурой созерцательной, склонной к самоанализу, Юджин не принимал участия в этих развлечениях; свойственная этим местам крикливая безвкусица оскорбляла его эстетическое чувство, а кроме того, у него не хватало на это средств. На занятиях в Институте студенты рассказывали ему о своих вчерашних похождениях, не жалея красок, чтобы придать им большую соблазнительность. Правда, Юджин не выносил грубых, вульгарных женщин и разнузданных кутежей, но это не мешало ему сознавать, что даже при желании он не мог бы позволить себе таких развлечений. Для того чтобы кутить, требовались деньги, а у него их не было.

Оттого, возможно, что он был молод и явно неопытен и непрактичен, его хозяева и не думали прибавлять ему жалованье. Они, по-видимому, считали, что он удовлетворится и небольшим заработком и не станет спорить из-за денег. Целых полгода работал он в редакции без малейшего намека на прибавку, хотя заслуживал ее больше, чем кто-либо другой. Юджин не принадлежал к

разряду людей, умеющих отстаивать свои интересы, однако это в конце концов стало волновать его. Раздражение его все возрастало, а вместе с тем и желание уйти из газеты, хотя работал он, как всегда, добросовестно.

Это равнодушие со стороны хозяев и побудило Юджина уехать из Чикаго, хотя, конечно, главными причинами были Анджела, его карьера, беспокойный от природы характер и крепнущая вера в свои силы. В Анджеле воплотилась его мечта о будущем. Если бы он мог жениться на ней и где-нибудь твердо обосноваться, он был бы счастлив. Что же касается Руби, то он уже пресытился ею и, в сущности, готов был с ней расстаться. Едва ли она примет разлуку близко к сердцу. Для этого ее чувства недостаточно глубоки. Но вместе с тем он прекрасно понимал, что несправедлив к Руби, и, когда он стал реже навещать ее и не так интересовался ее жизнью в среде художников, ему нередко становилось стыдно за свою жестокость. Если Юджин долго не показывался, все поведение Руби говорило о том, что она страдает и догадывается о его растущем равнодушии.

– Ты придешь в воскресенье вечером? – спросила она его однажды.

– Нет, никак не могу, – начал он оправдываться, – у меня работа.

– Знаю я, какая у тебя работа. Но делай, как хочешь. Мне все равно.

– Руби, зачем ты так говоришь! Не могу же я вечно сидеть с тобой.

– Я прекрасно знаю, в чем дело, Юджин. Ты меня больше не любишь. Впрочем, это совершенно неважно.

– Руби, милая, полно, не надо, – говорил он.

А когда он уходил, она подолгу стояла у окна, глядя на унылую улицу, и грустно вздыхала. Этот человек значил для нее больше, чем все, кого она встречала до сих пор. Но Руби была не из тех, кто плачет.

«Он меня скоро бросит, – была ее постоянная мысль. – Он меня скоро бросит».

Голдфарб уже давно присматривался к Юджину. Он интересовался его работой, понимал, как тот талантлив. Сам он собирался в скором времени перейти в другую, более крупную газету на должность редактора воскресного номера и находил, что Юджин попусту теряет время и что необходимо указать ему на это.

– Я думаю, что вам следовало бы перебраться в одну из здешних влиятельных газет, – сказал он ему однажды в субботу, незадолго до окончания занятий. – В нашей вы ничего не достигнете. Слишком она мелка. Поищите себе что-нибудь посолиднее. Почему бы вам не толкнуться в «Трибюн»? А не то поезжайте в Нью-Йорк. Мне кажется, вам следовало бы работать в журнале.

Юджин упивался каждым его словом.

– Я уже подумывал об этом, – сказал он. – По всей вероятности, я поеду в Нью-Йорк. Там я лучше устроюсь.

– Я на вашем месте предпринял бы что-нибудь. Когда засидишься в такой газете, как эта, ничего, кроме вреда, не получается.

Юджин вернулся к своему столу. Из головы его не выходила мысль о предстоящей перемене. Надо уезжать. Он начнет откладывать деньги, пока не соберет полтораста – двести долларов, и тогда попытает счастья на Востоке. Он расстанется с Анджелой и Руби – с первой только на время, а с последней, вероятно, навсегда, хотя он лишь робко признавался себе в этом. Он заработает много денег, вернется обратно и женится на своей блэквудской мечте. Его воображение, забегая вперед, рисовало ему романтическое венчание в деревенской церковке и стоящую рядом Анджелу в белом платье. И он увезет ее в Нью-Йорк – он, Юджин Витла, к тому времени уже прославившийся в Восточных штатах художник. Он не переставал думать об огромном городе на Востоке, с его дворцами, богатством, славой. Это был тот замечательный город, про который он столько слышал, город, достойный сравнения с Парижем и Лондоном. Он поедет туда, не откладывая, в самом скором времени. Чего он там добьется? Удастся ли ему прославиться? И скоро ли это будет?

Так он мечтал.

Глава XIV

Задумав поехать в Нью-Йорк, Юджин без большого труда привел эту мысль в исполнение. Он успел положить на книжку шестьдесят долларов уже после того, как потратился на кольцо для Анджелы, и теперь решил возможно скорее утроить эту сумму и отправиться в путь. Важно было кое-как протянуть первое время, пока не удастся устроиться. Если его рисунков не примут в журналах, он поищет работу в газете. Да и вообще он был уверен, что как-нибудь проживет. Он сообщил Хорейсу Хау и Мэтьюзу о своем намерении в самом скором времени перебраться на Восток, и каждый из них откликнулся на эту новость по-своему. Хау, давно уже завидовавший Юджину, был рад от него избавиться, но вместе с тем его грызла мысль о той блестящей карьере, какую, казалось, сулила этому щенку его решимость. «Пожалуй, он и в самом деле добьется исключительного успеха, – думал Хау, – он так эксцентричен, так своенравен». Мэтьюз радовался за Юджина, хотя и не без чувства горечи. Эх, будь у него смелость Юджина, его огонь, его талант!..

– Вы там добьетесь успеха, – сказал он как-то, когда Хорейса не было в комнате; он понимал, что тот завидует Юджину. – У вас для этого все данные. Кое-что из ваших здешних работ послужит вам недурной рекомендацией. Как бы и мне хотелось поехать!

– Почему же вы не едете? – спросил Юджин.

– Кто? Я? Куда мне! Мне еще рано. Я еще не дорос. Может, когда-нибудь и рискну.

– Мне очень нравятся ваши работы, – великодушно соврал Юджин. На самом деле он не считал работы Мэтьюза настоящим искусством, хотя, как газетные наброски, они были недурны.

– Вы этого не думаете, Витла, – отозвался Мэтьюз. – Я прекрасно знаю свои способности.

Юджин промолчал.

– Пишите нам по крайней мере из Нью-Йорка, хоть изредка, – продолжал Мэтьюз. – Я буду рад услышать, как пойдет у вас дело.

– Непременно напишу, – ответил Юджин, польщенный тем интересом, который вызвало его решение. – Обязательно.

Но он ни разу не написал.

В лице Руби и Анджелы перед Юджином вставали две трудные проблемы, которые ему необходимо было так или иначе разрешить. Он думал о Руби с грустью, с раскаянием, с сожалением, скорбя о ее беспомощности, о ее загубленной жизни. Она была по-своему прелестна и мила, но ни умом, ни сердцем ему не пара. Разве мог бы он довольствоваться ею, если бы даже и захотел! Разве могла она заменить ему такую девушку, как Анджела? А теперь он далеко завлек и Анджелу, ибо с тех пор как она стала его невестой, он узнал ее с новой стороны. Эта девушка, с виду такая скромная и невинная, минутами загоралась, точно охваченное огнем сено. Когда Юджин распускал ее роскошные волосы и перебирал их густые пряди, глаза ее вспыхивали огнем. «Дева Рейна! – говорил он. – Моя крошка Лорелей! Ты, как русалка, завлекаешь юного возлюбленного в сети своих волос. Ты – Маргарита, а я Фауст. Ты прелестная Гретхен. Как я люблю эти дивные волосы, когда они заплетены в косы. О моя радость, мой идеал! Когда-нибудь я увековечу твой образ на полотне. Я прославлю тебя!»

Анджела вся трепетала от этих слов. Она сгорала на жарком костре, который он разжигал. Она прижималась губами к его губам в долгом, горячем поцелуе, садилась к нему на колени, обвивала волосами его шею и ласкала ими его лицо, словно омывая его в этих шелковых прядях. В такие минуты он терял власть над собою, осыпал ее безумными поцелуями и не ограничился бы этим, если б не девушка, которая при первом проявлении смелости со стороны Юджина вырывалась из его объятий, ища спасения не столько от него, сколько от самой себя. Она укоряла его, говоря, что была лучшего мнения о его любви, и Юджин, дорожа ее доверием, старался взять себя в руки. Это удавалось ему, так как он прекрасно знал, что не добьется того, чего хочет. Излишняя горячность только отпугнула бы ее. И любовной борьбе их не предвиделось конца.

Осенью, спустя несколько месяцев после помолвки с Анджелой, Юджин покинул Чикаго. Лето он прожил кое-как, поглощенный беспокойными мыслями о будущем. Он все больше и больше избегал Руби и наконец уехал, даже не повидавшись с нею, хотя до последней минуты убеждал себя, что должен проститься.

С Анджелой Юджин расставался в подавленном, угнетенном состоянии духа. Теперь ему казалось, что он едет в Нью-Йорк не по собственному желанию, а по горькой необходимости. Здесь, на Западе, у него нет возможности заработать достаточно на жизнь. Они не могли бы существовать на его доходы. А потому он должен ехать и, уезжая, рискует потерять Анджелу. Положение рисовалось ему в самых трагических красках.

В доме ее тетки, куда Анджела приехала перед его отъездом, вырвавшись на субботу и воскресенье, он угрюмо расхаживал по комнате, считая немногие оставшиеся им часы и рисуя в воображении день, когда он вернется за нею. Анджелу томил смутный

страх перед событиями, которые могли этому помешать. Ей приходилось читать повести о поэтах и художниках, которые, уехав в большой город, уже не возвращались. Ведь и Юджин был выдающейся личностью, – а вдруг ей не удастся удержать его? Но он дал ей обещание, он от нее без ума, в этом не могло быть сомнения. Этот упорный, страстный, полный душевной муки взгляд – что другое мог он выражать, как не вечную любовь? Жизнь подарила ей бесценное сокровище – большую любовь и дала ей художника в возлюбленные.

– Поезжай, Юджин, и не тревожься! – трагически воскликнула она наконец, обхватив его голову обеими руками. – Я буду ждать тебя. Когда бы ты ни вернулся, ты найдешь меня здесь. Только приезжай скорее, ведь ты скоро приедешь, правда?

– И ты спрашиваешь! – отозвался он, целуя ее. – Ты спрашиваешь! Посмотри мне в глаза. Разве ты не чувствуешь?

– Да, да, да! Конечно, чувствую! – воскликнула Анджела, бросаясь к нему в объятия.

Затем они расстались. Он ушел, подавленный сложностью и трагизмом жизни. Глядя на звезды, ярко сверкавшие в октябрьском небе, он погрузился в мрачные размышления. Мир прекрасен, но жить в нем порою тяжело. Все, однако, можно претерпеть, и, вероятно, в будущем его ждут счастье и покой. И то и другое он найдет в союзе с Анджелой, наслаждаясь ее поцелуями, упиваясь ее любовью. Так должно быть. Весь мир этому верит, и даже сам он – после Стеллы, и Маргарет, и Руби. Даже он.

В поезде, уносившемся из Чикаго, сидел молодой человек, погруженный в глубокое раздумье. Пока поезд, пробираясь по бесчисленным подъездным путям, проезжал мимо жалких дворов и домишек, мимо уличных перекрестков, мимо гигантских фабрик и элеваторов, Юджин вспоминал о другой своей поездке, когда он впервые рискнул отправиться в большой город. Как все переменилось! Какой он был неотесанный, наивный. С тех пор он успел стать художником-иллюстратором, он недурно пишет, он пользуется успехом у женщин и имеет некоторое представление о том, что такое жизнь. Правда, он не скопил денег, зато учился в Институте искусств, подарил Анджеле кольцо с бриллиантом и сейчас у него с собою двести долларов, при помощи которых он намерен произвести разведку в величайшем городе Америки. Поезд пересекал Пятьдесят седьмую улицу. Юджин узнал места, где он нередко бывал, навещая Руби. Он так и не простился с нею. Вон там, вдали, виднеются ряды двухквартирных деревянных домиков, в одном из них живут ее приемные родители. Бедная маленькая Руби! Ведь она любит его. Он поступил позорно, но что делать! Он разлюбил ее. Правда, мысли о ней доставляли ему искреннее огорчение, но тем скорее он постарался от них избавиться. Этим, столь обычным в мире, трагедиям не поможешь сочувственными размышлениями.

Поезд мчался теперь по отлогим полям северной части Индианы, и, когда мимо замелькали провинциальные городки, Юджин вспомнил Александрию. Что-то поделывает Джонас Лайл и Джон Саммерс? Миртл писала, что ее свадьба состоится весной: она считает, что с этим успеется и ей незачем торопиться. Юджину порой приходило в голову, что Миртл похожа на него, – у нее тоже быстро меняются настроения. Он твердо знал, что никогда не захочет вернуться в Александрию, иначе как ненадолго, в гости, но ему приятно было вспомнить об отце и матери, о старом доме, где он родился. Отец – как мало он знает настоящий мир!

Когда поезд миновал Питсбург, Юджин впервые увидел высокие горы, торжественно и величаво поднимавшие свои вершины к небу, и гигантские ряды коксовальных печей, из труб которых вырывались огненные языки.

Он видел людей за работой, видел спящие, быстро сменявшиеся города. Какая обширная страна Америка! Как хорошо быть художником в этой стране! Ведь здесь миллионы людей, а между тем до сих пор еще нет ни одного гениального творения, которое отобразило бы все это – хотя бы такие вот исполненные пафоса обычные вещи, как коксовальные печи ночью. Если бы ему это удалось! Если бы у него достало сил всколыхнуть всю страну, чтобы его имя зазвучало здесь подобно имени Доре во Франции или Верещагина в России! Если бы ему удалось вдохнуть огонь в свои произведения, тот огонь, который он ощущал в себе!

Поздно вечером Юджин забрался на свою полку и долго лежал, устремив мечтательный взгляд в окно, где темнела ночь и сверкали звезды, а потом задремал. Когда он проснулся, было уже утро. Поезд миновал Филадельфию и теперь летел по широким лугам, приближаясь к Трентону. Юджин встал и оделся, не переставая разглядывать мелькавшие мимо, как бы выстроившиеся в боевом порядке, города – Трентон, Нью-Брансвик, Метучен, Элизабет. Эта местность чем-то напоминала ему штат Иллинойс – она была такая же ровная. За Нью-Арком поезд вырвался на широкий степной простор, и Юджин ощутил близость моря; оно должно было находиться за этой степью. Тут протекали питаемые приливом реки Пассаик и Хакенсак – у причалов стояли маленькие суденышки и баржи, груженные кирпичом и углем. Трепет охватил его, когда проводник стал объявлять по вагонам: «Джерси-сити», а когда он вышел на гигантский перрон, сердце его сжалось. Он будет один, совершенно один в Нью-Йорке, этом богатом, холодном, враждебном городе. Каким образом добьется он здесь успеха?

Юджин вышел за ворота вокзала, туда, где за низкими сводами виднелись паромы, и в следующее мгновение его взору открылись силуэт города, и залив, и Гудзон, и статуя Свободы, и паромы, и пароходики, и океанские суда – все окутанное серой пеленою ливня, сквозь шум которого прорывались унылые голоса сирен. Перед его глазами была картина, которую бессилен представить себе тот, кто ее никогда не видел, а шум настоящей соленой воды, набегавшей на берег высокими валами, настраивал его на торжественный лад, как музыка. Какое оно изумительное, это море, чье лоно бороздят суда и мощные киты, чьи глубины полны неизъяснимых тайн! Какое изумительное место Нью-Йорк, этот город, стоящий на берегу океана и омываемый его волнами, – сердце обширной страны! Вот оно море, а там – гигантские доки, откуда суда отправляются во все порты мира. Взорам Юджина предстали их внушительные корпуса, выкрашенные в серый и черный цвет, – они стояли пришвартованные к длинным молам, выступающим далеко в море. Он прислушивался к сиренам, к шуму прибоя, наблюдал за кружившими над головой чайками и думал о том, какие сонмы людей населяют этот город. Здесь живут Джей Гулд и Рассел Сейдж, Вандербильды и Морганы – настоящие, живые, – и все здесь. Уолл-стрит, Пятая авеню, Мэдисон-сквер, Бродвей – сколько он слышал про эти улицы! Как-то сложится теперь его жизнь? Чего он здесь добьется? Окажет ли ему когда-нибудь Нью-Йорк тот триумфальный прием, какой выпадает на долю избранных? Юджин смотрел, широко раскрыв глаза, всем сердцем устремляясь навстречу городу и бесконечно восторгаясь им. Ну что ж, он дерзнет, он приложит все усилия, а там кто знает… быть может… Но на душе у него была тоска. Как ему хотелось быть сейчас с Анджелой, обрести надежный приют в ее объятиях. Как ему хотелось ощущать на своем лице прикосновение ее рук, ее волос. Ему не пришлось бы тогда бороться одному. Но он был один, а вокруг него бушевал город, шумный, как океан. Он должен пойти туда и начать борьбу.

Глава XV

Не зная, куда направиться в совершенно незнакомом ему городе, Юджин сел на паром у пристани Деброcс-стрит и, очутившись на Вест-стрит, долго бродил по этой оживленной улице, разглядывая подъездные пути к докам. С этой стороны Манхэттен показался ему совсем неприглядным. Но, говорил он себе, пусть этот город не блещет красотой, зато в других отношениях в нем должно быть много замечательного. Когда же он увидел массивы прижатых друг к другу домов, нескончаемый людской поток, потрясающую картину уличного движения, он понял, что огромное скопище людей уже само по себе создает впечатление величественности и что в этом-то и заключается основная особенность Манхэттена. Но были и другие особенности: преобладание низких строений в старом городе, целые кварталы тесных улочек, неприглядные потемневшие кирпичные и каменные дома, добрую сотню лет терпящие непогоду, – все это вызывало в Юджине порою любопытство, а порою и гнетущую тоску. Он легко поддавался внешним впечатлениям.

Во время своих блужданий Юджин не переставал высматривать себе место для жилья – небольшой дом с садиком или хотя бы деревцом перед окнами. Наконец в нижнем конце Седьмой авеню внимание его привлек ряд домов с железными балкончиками. Он стал спрашивать, и в одном из них оказалась комната за четыре доллара в неделю. Пока что, подумал он, можно будет остановиться на этом. В гостинице стоило бы дороже. Хозяйка, неимоверно унылая особа в черном затрепанном платье, показалась ему каким-то безликим существом, вид которого вызывал одну мысль: какое, должно быть, печальное занятие – держать постояльцев! Да и комната была такая же уныло-заурядная, но Юджин стоял у преддверия нового мира, и все его интересы и мысли были там. Ему не терпелось увидеть город. Он оставил в комнате чемодан, послал за сундуком и вышел на улицу – ведь он приехал сюда для того, чтобы учиться и познавать.

В этот начальный период знакомства с Нью-Йорком Юджин всецело отдался своим впечатлениям. Он и не пробовал думать о том, что делать дальше, а выходил на улицу и попросту брел куда глаза глядят. Так, в первый же день он прошел вниз по Бродвею до здания муниципалитета, а вечером – вверх от Четырнадцатой улицы до Сорок второй. Вскоре он был уже знаком с Третьей авеню, с Бауэри, с роскошью Пятой авеню и Риверсайд-Драйв, с красотами Ист-Ривер, Баттери, Сентрал-парка и нижней частью Ист-Сайда. В самое короткое время он успел повидать все чудеса столичной жизни: толпы народа на улицах в обеденный час и перед открытием театров на Бродвее, ужасающую толчею утром и днем в торговых кварталах, бесконечные вереницы экипажей на Пятой авеню и в Сентрал-парке. В свое время его поражали богатство и роскошь Чикаго, но от того, что он увидел сейчас, захватывало дыхание. Здесь все было так обнажено, так наглядно, так понятно. Во всем чувствовалась та пропасть, которая отделяет простого смертного от представителей богатых классов. От этого сознания у Юджина кровь застывала в жилах; какое-то отупение охватывало его при мысли о том, как низко он стоит на общественной лестнице. До приезда в этот город он был довольно высокого мнения о себе, теперь же, чем больше он смотрел вокруг, тем делался меньше в собственных глазах. Что такое он сам? Что такое искусство? Какое дело до всего этого городу? Город больше интересовался другим – нарядами, едой, визитами, путешествиями. Нижнюю часть острова заполнило холодное торгашество, наводившее на Юджина ужас; в верхней же части, где тон задавали женщины и показная роскошь, царило сладострастное сибаритство, вызывавшее в нем зависть. У него было всего двести долларов; с этими деньгами он должен был пробить себе дорогу, – и вот каков был тот мир, который ему предстояло покорить.

Люди с темпераментом Юджина легко поддаются чувству подавленности. Он чересчур жадно упивался зрелищем открывшейся перед ним жизни и теперь страдал от «умственного несварения». Он слишком много увидел за слишком короткий срок. Неделями бродил он по городу, изучая витрины, библиотеки, музеи, широкие проспекты, и с каждым днем отчаяние все глубже проникало в его душу. Ночью он возвращался в свою убогую комнату и садился писать пространные послания Анджеле, рисуя ей все, что он видел, и уверяя в вечной любви; эти письма были для него единственной возможностью дать выход своей бьющей через край энергии и своим настроениям. Это были вдохновенные письма, полные ярких красок и сильных переживаний, но Анджела толковала их по-своему. Для нее они были свидетельством нежных чувств и искренней тоски, поскольку она считала, что их диктует разлука с нею. Так оно и было отчасти, но в гораздо большей степени эти письма

вызывались одиночеством и желанием выразить те ощущения, которые пробудила в Юджине грандиозная панорама развернувшейся перед ним жизни. Он посылал ей также зарисовки сценок, которые ему случалось наблюдать: толпа в глубоких сумерках на Тридцать четвертой улице; суденышко на Ист-ривер, неподалеку от Восемьдесят шестой улицы, в проливной дождь; баржа на буксире, груженная вагонами. Юджин и сам не знал, что он будет делать с этими этюдами, но ему хотелось испробовать свои силы в журнальной графике. Эти великолепные издания немного пугали его; теперь, когда он мог зайти в редакцию и предложить свои услуги, он гораздо меньше верил в себя.

В одну из первых недель пребывания в Нью-Йорке Юджин получил письмо от Руби. Прощальное письмо, которое он отправил ей по прибытии в Нью-Йорк, принадлежало к тем вымученным посланиям, которые диктуются угасшей страстью. Он очень сожалеет, писал Юджин, что вынужден был уехать, не простившись с нею. Он уже совсем собрался зайти, но из-за спешки, вызванной неотложными приготовлениями… и так далее и тому подобное. Он надеется на днях побывать в Чикаго и тогда непременно навестит ее. Он по-прежнему ее любит, но ему необходимо было уехать туда, где для него таятся величайшие возможности.

«Я помню, как ты была очаровательна, когда мы впервые встретились, – писал он в заключение, – и я никогда не забуду моего первого впечатления, Руби!»

Говорить об этом сейчас было величайшей бестактностью, но Юджин не мог побороть в себе художника. Эти слова острой болью отозвались в сердце Руби: она поняла, что Юджин любит только красоту и что теперь ее красота потеряла для него свою прелесть.

Она ответила ему через некоторое время, ей хотелось взять вызывающий, безразличный тон, но это ей никак не удавалось. Она хотела придумать что-нибудь резкое, но кончила тем, что написала так, как чувствовала.

«Дорогой Юджин, – писала она, – уже несколько недель, как я получила твое письмо, но до сих пор не могла заставить себя ответить. Я знаю, что между нами все кончено, да иначе и не могло быть. Мне кажется, ты неспособен долго любить одну женщину. Ты прав, конечно, что тебе необходимо было поехать в Нью-Йорк, там тебя ждет более широкое поле деятельности. Все это так, но мне очень больно, что ты не пришел проститься. Все же мог бы зайти. Однако я ни в чем тебя не упрекаю, Юджин. В сущности, конец немногим отличается от того, что было между нами все последнее время. Я тебя любила, но я знаю, что так или иначе перенесу это и никогда не буду упрекать тебя. Пожалуйста, верни мне мои письма и фотографии. Теперь они тебе больше не нужны.

Руби».

А в самом конце была приписка:

«Ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Луна сияла, ветер раскачивал голые деревья. Вдали, среди лугов, блестел пруд, и в нем отражалась луна. Он казался серебряным. О Юджин, лучше бы мне умереть!»

Юджин вскочил, прочитав эти слова, и скомкал письмо. Оно до глубины души тронуло его. Он невольно проникся уважением к Руби и даже подумал, не совершил ли ошибку, покинув эту девушку. В конце концов он и в самом деле любил ее. В ней столько очарования. Будь Руби в Нью-Йорке, они могли бы жить вместе. Она могла бы устроиться здесь натурщицей. Он совсем уже готов был написать ей это, но как раз пришло одно из тех пространных посланий, которые почти ежедневно отправляла ему Анджела, и его настроение изменилось. Разве мыслимо продолжать связь с Руби перед лицом такого большого и чистого чувства, как любовь Анджелы? Очевидно, его былая привязанность к Руби угасает. Стоит ли пытаться воскресить ее?

Это столкновение противоречивых чувств было очень характерно для Юджина, и, будь в нем развита способность к трезвому самоанализу, он пришел бы к выводу, что по натуре он мечтатель, влюбленный в красоту, влюбленный в любовь, и что ему несвойственно хранить верность какой-либо одной женщине – кроме единственной, несуществующей.

Так или иначе, он написал Руби письмо, которое дышало сожалением и раскаянием, но не заключало в себе приглашения приехать. Он не мог бы долго содержать ее, если бы она приехала, говорил он себе. Кроме того, он хотел добиться Анджелы. И прерванный роман так и не возобновился.

Между тем Юджин начал наведываться в редакции журналов.

Уезжая из Чикаго, он уложил на дно сундука целую пачку рисунков, которые в свое время сделал для газеты «Глоб». Тут были этюды реки Чикаго, Блю-Айленд авеню, которую он однажды зарисовал в перспективе, Гусиного острова и набережной озера Мичиган, а также кое-какие уличные сценки. Все они производили сильное впечатление благодаря особой, свойственной Юджину манере создавать мозаику из черных пятен, среди которых неожиданно мелькало несколько белых бликов и линий. В этих рисунках сквозило чувство, ощущалась жизнь. Их должны были бы оценить с первого взгляда. Но достаточно было даже намека на радикальное новаторство, чтобы работы его многим показались примитивными, даже грубыми. Пальто он рисовал одним штрихом, одним пятном изображал лицо. Даже вглядываясь в его работы, трудно было уловить отдельные детали, а зачастую они и вовсе отсутствовали. Под действием похвал, которые он слышал в институте, а также от Мэтьюза и Голдфарба, Юджин постепенно приходил к убеждению, что у него сложилась собственная манера письма, и, дорожа своей самостоятельностью, он склонен был этой манеры придерживаться. Теперь он производил впечатление весьма самоуверенного молодого человека, и это отталкивало от него людей. Когда он показывал свои рисунки в редакции журнала «Сенчури», а также у Харпера и Скрибнера, их разглядывали с видом усталой учтивости. На стенах редакций, где он бывал, красовались десятки великолепных рисунков, подписанных (как уже знал к этому времени Юджин) лучшими художниками-иллюстраторами страны. И он возвращался к себе домой, убежденный, что его работы не произвели впечатления. Очевидно, в редакциях привыкли иметь дело с художниками в тысячу раз лучше его.

На самом же деле то, что так смущало Юджина, было лишь видимостью. Рисунки, которые висели на стенах редакционных кабинетов, были во многих случаях нисколько не лучше его собственных, а возможно, и хуже. Их преимущество заключалось в массивных деревянных рамах и во всеобщем признании. Юджин не был еще мэтром, признанным в журналах, но в его ранних работах было не меньше огня, чем в картинах позднейшего периода. Последние отличались большей зрелостью письма, в них не замечалось уже такой нетерпимости к деталям, но экспрессии в них было не больше, если не меньше. Дело, однако, заключалось в том, что руководителям художественных отделов до смерти надоели молодые художники, приносившие им свои рисунки. Пусть немного помучаются, это пойдет им впрок. И Юджин повсюду натыкался на отказ, сопровождаемый скупою похвалой, которая была для него хуже уничтожающей критики. В результате он совсем пал духом.

Оставались, однако, газеты и журналы помельче, и Юджин неутомимо рыскал по городу, стараясь найти себе какую-нибудь работу. В двух-трех журнальчиках ему удалось получить заказ – несколько рисунков, в общей сложности на тридцать пять долларов. Нужно было еще платить натурщице. Теперь понадобилась и комната, которая заменяла бы мастерскую и куда можно было бы приглашать натурщиц. После долгих поисков он нашел в западной части Четырнадцатой улицы подходящее помещение – в конце коридора, окнами во двор, откуда можно было попадать прямо к нему по запасной лестнице. Комната стоила двадцать пять долларов в месяц, но он решил, что должен рискнуть этой суммой. Только бы получить несколько заказов, тогда можно будет прожить.

Глава XVI

Художественный мир Нью-Йорка весьма своеобразен. В период, о котором идет речь, да и долгое время спустя он состоял из разрозненных групп, почти не входивших между собой в соприкосновение. Особое место в нем занимали, например, скульпторы, человек тридцать-сорок, едва знакомых между собой; они злобно критиковали друг друга и предпочитали жить, замкнувшись каждый в тесном кругу близких и друзей. Свой, отдельный, мирок составляли и живописцы; они держались особняком от графиков и насчитывали в своей среде до тысячи, если не больше, человек, именовавших себя художниками. В большинстве своем это были мужчины и женщины, обладавшие достаточным дарованием для того, чтобы разок-другой добиться чести выставить свои работы в залах Национальной академии и от поры до времени продать картину или получить случайный заказ на декоративную работу или портрет. В городе было немало домов, где квартиры сдавались под студии: на Вашингтон-сквере, на Девятой и Десятой улицах, а также кое-где на Макдугал-эли или в кварталах между Вашингтон-сквером и Пятьдесят девятой улицей. Дома эти были населены живописцами, графиками, скульпторами, а также представителями различных видов прикладных искусств. Художники были больше связаны между собой, чем скульпторы, которые, впрочем, отчасти примыкали к ним. У художников было несколько клубов – «Салмагунди», «Кит-Кэт», «Лотос»; нередко устраивались выставки – тушь, акварель, масло, – сопровождавшиеся дружескими встречами, на которых можно было обменяться взаимными одобрениями и советами. В студиях на Десятой улице, в общежитии ХАМЛ[5] на Двадцать третьей улице, в студиях имени Ван Дейка и в ряде других мест художники часто селились вместе. В то время нетрудно было встретить такую небольшую группу лиц, вступивших во временное содружество, и даже присоединиться к ней, – если вы, как принято было говорить, оказались своим. Вне этого жизнь художника в Нью-Йорке протекала скучно, и он с большим трудом находил подходящую для себя среду.

Живописцам противостояли графики. В большинстве своем это была зеленая молодежь, к которой примыкали те, кто сумел снискать себе прочное расположение господ редакторов. Формально они не принадлежали к миру живописцев и скульпторов, но по духу были родственны им. У них тоже были свои клубы, а их мастерские всегда оказывались по соседству с мастерскими

художников и скульпторов; поскольку графики пробавлялись больше надеждами на будущее, то они обыкновенно селились по трое-четверо в одной студии – отчасти из соображений экономии, но также из чувства товарищества, чтобы поддерживать и вдохновлять друг друга в работе. В Нью-Йорке в ту пору существовало много таких групп, но Юджин, конечно, не знал о них.

Новичку требуется немало времени, чтобы обратить на себя внимание. Все мы должны пройти через годы учения, на какое бы поприще мы ни вступили. Юджин был одарен и преисполнен решимости, но у него не было ни жизненного опыта, ни близких друзей или знакомых. Этот город был такой чужой и холодный, и если бы Юджин с первых же минут не воспылал к нему безграничной любовью, он чувствовал бы себя в нем одиноким и несчастным. А сейчас он был весь во власти очарования, которым были исполнены для него прекрасные зеленые скверы – Вашингтон, Юнион и Мэдисон, изумительные улицы вроде Бродвея, Пятой авеню, Шестой авеню и такие необычайные панорамы, как Бауэри при ночном освещении, Ист-ривер, набережные и Баттери.

Юджин подпал под гипноз таившегося в этом городе чуда, имя которому красота. Какие бурлящие толпы людей! Какой водоворот жизни! Гигантские отели, опера, театры, рестораны – все, все восхищало его своей красотой. Прелестные женщины в великолепных нарядах, вереницы желтоглазых экипажей, напоминавших чудовищных насекомых, приливы и отливы людских масс утром и вечером – вот что заставляло его забывать о своем одиночестве. У него не было ни лишних денег, ни надежд быстро добиться успеха, а потому он мог сколько угодно бродить по этим улицам, смотреть на окна домов, любоваться прекрасными женщинами и с жадностью читать в газетах о триумфах, ежечасно выпадающих на долю счастливцев, преуспевших в той или иной области. Газеты то и дело сообщали об авторе нашумевшей книги, об ученом, сделавшем новое открытие, о философе, выступившем с новой теорией, или о финансисте, основавшем крупное предприятие. Писали о готовящихся театральных постановках, о предстоящих гастролях приезжих знаменитостей, об успехах молодых девушек, впервые выезжающих в свет, и о шумных общественных кампаниях. Одно было ясно: слово принадлежит молодости и честолюбию. Если у человека выдающиеся способности – это лишь вопрос времени, когда о нем услышит мир. Юджин мечтал, что придет час и его торжества, но боялся, что очень и очень не скоро, и это часто повергало его в уныние. Перед ним лежал еще долгий путь.

Одним из его любимых занятий в те дни и вечера было бродить по улицам – и в дождь, и в туман, и в снег. Нью-Йорк притягивал его к себе и под косыми струями ливня и запорошенный снегом. Особенно любил Юджин площади. Однажды он увидел Пятую авеню в сильную метель, при свете шипящих дуговых фонарей, и на следующее утро поспешил к мольберту, чтобы воссоздать эту картину в черно-белой гамме. Ничего у него не вышло – так, по крайней мере, ему казалось, – и, провозившись около часу, он с отвращением бросил кисть. Но такие зрелища привлекали его. Ему хотелось запечатлеть их на бумаге, хотелось увидеть изображенными в красках. Возможный успех в будущем служил ему единственным утешением в ту пору, когда на обед он решался потратить не более пятнадцати центов и когда во всем городе не было ни одной живой души, к кому он мог бы зайти перекинуться словом.

Характерной чертою Юджина было стремление к полной материальной независимости. Еще в Чикаго он имел возможность в тяжелые минуты написать домой и попросить помощи; он мог бы и сейчас занять у отца немного денег, но предпочитал заработать сам: пусть думают, что ему живется лучше, чем в действительности. Если бы кто-нибудь спросил Юджина, как его дела, он ответил бы, что не может пожаловаться. В таком духе Юджин и писал Анджеле, а то обстоятельство, что он все еще медлит со свадьбой, объяснял желанием добиться больших средств. Он изо всех сил старался подольше растянуть свои двести долларов и кое-что подработать мелкими заказами, как бы мизерно они ни оплачивались. Свои расходы он строго ограничил десятью долларами в неделю, и ему удавалось не выходить за пределы этой суммы.

Дом, где Юджин обосновался, не был, в сущности, предназначен для студий. Это было старое здание, занятое дешевым пансионом и меблированными комнатами, а также торговыми конторами. В верхнем этаже находились три полноценных комнаты и две темных каморки, и в каждой из них обитал какой-нибудь одинокий служитель муз. Соседом Юджина оказался мелкий работяга-иллюстратор, получивший образование в Бостоне и теперь утвердивший свой мольберт в Нью-Йорке, в надежде как-нибудь прокормиться. Вначале соседи мало общались между собой, хотя уже на второй день после переезда Юджин понял, что рядом с ним живет художник, так как в открытую дверь виден был мольберт.

Поскольку ни одна натурщица не являлась к нему с предложением своих услуг, Юджин решил обратиться в Лигу молодых художников. Он зашел к секретарю и получил у него адреса четырех натурщиц, которые не преминули откликнуться на его приглашение. Он выбрал одну из них – молодую американку шведского происхождения, отдаленно напоминавшую ему героиню повести, которую он предполагал иллюстрировать. Она была очень изящно одета, миловидная, с темными волосами, прямым носиком и чуть заостренным подбородком и с первого же взгляда понравилась Юджину. Но он стыдился своей неприглядной обстановки и потому вел себя робко. Натурщица тоже держалась скромно, и он постарался закончить эскизы возможно скорее, без лишних затрат.

Юджин не принадлежал к людям, умеющим заводить случайные знакомства, хотя довольно быстро сходился с теми, кто был равен ему по развитию. В чикагском Институте искусств он был дружен с несколькими молодыми художниками, но здесь никого не знал, так как приехал без всяких рекомендаций. Все же он познакомился со своим соседом, Филиппом Шотмейером. Юджину хотелось расспросить его о том, что представляет собой художественный мир Нью-Йорка. Однако Шотмейер оказался человеком не блестящего ума и не мог ничего толком рассказать ему. Правда, Юджин узнал от него кое-что о крупнейших

мастерских, о выдающихся деятелях искусства и о том, что начинающие художники работают группами. Шотмейер и сам еще год назад состоял в такой группе, но почему он теперь работает один – этого он Юджину не сообщил. Его иллюстрации появлялись в нескольких журналах – правда, мелких, однако более солидных, чем те, куда был вхож Юджин. Но одну важную услугу он оказал Юджину: он не скрывал своего восхищения его работами. Как и многие другие до него, Шотмейер разглядел в эскизах соседа что-то, выделявшее его из общей массы художников, – а он не пропускал ни одной выставки, – и однажды подсказал ему шаг, положивший начало блестящей карьере Юджина в области журнальной графики. Юджин работал в то время над одной из своих уличных сценок – дело, за которое он брался всякий раз, когда был свободен. Шотмейер как-то зашел к нему в комнату и стал следить за тем, как под его кистью оживает на полотне сценка из жизни Ист-Сайда: толпы работниц, наводняющих улицы в шесть часов вечера, по окончании работы; тесные стены зданий, один или два мигающих фонаря, несколько витрин, залитых желтым светом, и множество утопающих в тени, едва различимых лиц. Это были лишь скупые намеки, но они передавали ощущение живой толпы и пульсирующей жизни.

– А знаете, – сказал Шотмейер, – эта вещичка вам здорово удалась. По-моему, очень похоже.

– Правда? – обрадовался Юджин.

– Я уверен, что какой-нибудь журнал обязательно возьмет у вас рисунок для вкладки. Почему бы вам не отнести его в редакцию «Труф»?

«Труф» был еженедельник, которым Юджин восхищался, еще живя на Западе, так как в каждом его номере печаталась какая-нибудь цветная репродукция вразворот, и зачастую именно такие сценки, какие пытался рисовать он. Как-то всегда получалось, что, когда Юджин слишком долго безвольно плыл по течению, он нуждался в побудительном толчке, который заставил бы его действовать. Под влиянием слов Шотмейера он особенно усердно поработал над этюдом и, закончив, решил отнести его в редакцию «Труф». Заведующему художественным отделом рисунок понравился с первого же взгляда, но он ничего не сказал, а пошел показать его главному редактору.

– Вот, по-моему, настоящая находка! – И он с гордостью положил этюд на стол редактора.

– Гм, – произнес тот, оторвавшись от рукописи, которой был занят, – действительно замечательная вещь, а? Кто это принес?

– Какой-то парень по имени Витла. Я его вижу у нас впервые. Настоящий художник, верно?

– Как выразительны эти намеки на лица в глубине, – восхищался редактор. – Что вы скажете? Немного напоминает массовые сцены Доре. Хорошо сделано, а?

– Прекрасно, – вторил ему заведующий художественным отделом. – Я думаю, это будущий мастер, если только с ним ничего не случится. Надо взять у него несколько рисунков для вкладок.

– Сколько он хочет за это?

– Да он и сам, видно, не знает. Сколько дадут, столько и возьмет. Я предложу ему семьдесят пять долларов.

– Идет, – сказал редактор, отодвигая от себя лист с рисунком. – Здесь чувствуется какая-то свежая струя. С этим художником надо поддерживать знакомство.

– Я так и сделаю, – ответил тот. – Но он еще молод. Не следует слишком баловать его.

Выйдя из кабинета, он придал своему лицу выражение суровости.

– Этюд мне нравится, – сказал он. – Мы, пожалуй, возьмем его для журнала. Оставьте ваш адрес, я вам в скором времени вышлю чек.

Юджин назвал свой адрес. Сердце его радостно колотилось. Он не думал о том, сколько получит, сейчас эта мысль меньше всего занимала его, он уже видел в воображении свой этюд воспроизведенным в журнале на развернутом листе. Итак, ему действительно удалось поместить свою работу, да еще в таком журнале, как «Труф»! Теперь он может со спокойной совестью сказать, что кое-чего достиг. Он сейчас же напишет Анджеле и поделится с ней новостью. А когда выйдет журнал, пошлет ей несколько экземпляров. В дальнейшем у него будет возможность ссылаться на эту работу. А самое главное – теперь он знает, что такие сценки ему удаются.

Он шел по улице, ступая по серому булыжнику, как по воздуху Откинув голову назад, он дышал всей грудью. Воображению его уже рисовались другие сценки, которые он изобразит. Его мечты начинают сбываться, он, Юджин Витла, автор цветного разворота в журнале «Труф»! В голове у него уже готова была серия таких рисунков – все, о чем он когда-то мечтал. Ему захотелось поскорее бежать к Шотмейеру рассказать ему о своих успехах и угостить хорошим ужином. Он даже почувствовал нежность к этому бедному ремесленнику от искусства за то, что тот подал ему такой удачный совет.

– Послушайте, Шотмейер, – сказал он, просовывая голову в его дверь, – сегодня мы идем с вами ужинать! «Труф» взял мой рисунок.

– Вот это замечательно! – воскликнул сосед без малейшего признака зависти. – Очень рад за вас. Так я и думал.

Юджин чуть не прослезился. Бедняга Шотмейер! Не бог весть какой художник, но сердце у него золотое. Никогда он не забудет его доброты.

Глава XVII

Крупная удача с продажей рисунка, сопутствовавший ей чек на семьдесят пять долларов и спустя некоторое время появление репродукции в журнале окрылили Юджина: наконец-то он на твердом пути! Он уже стал подумывать, не поехать ли ему в Блэквуд навестить Анджелу. Но нет, раньше он как следует поработает.

Юджин приготовил еще несколько уличных сценок, зарисовал Грили-сквер в моросящий дождь и поезд воздушной железной дороги над Бауэри, мчащийся по высокой кружевной эстакаде. Он умел улавливать контрасты, резко выделяя свет и тень, и писал эффектными, расплывчатыми пятнами, которые неуловимостью красок и скрытой в них многозначительностью напоминали игру драгоценных камней. Спустя месяц после первого посещения редакции «Труф» Юджин снова отправился туда, и опять заведующий художественным отделом не устоял перед ним. Он старался казаться равнодушным, но ему это плохо удавалось. В этом молодом человеке было именно то, что ему требовалось.

– Приносите мне все, что у вас будет в таком роде, – сказал он. – И если рисунки будут не хуже этих, мы всегда найдем для них место.

Юджин вышел из редакции с высоко поднятой головой. Он начинал проникаться верой в свои способности.

Не мало требуется рисунков по семьдесят пять и сто пятьдесят долларов, чтобы обеспечить себе приличный доход! Не говоря уже о том, что художников в Нью-Йорке хоть отбавляй и не так-то легко выдвинуться. Прошло много месяцев, прежде чем первые работы Юджина увидели свет. Он избегал мелких журналов в надежде, что ему удастся вскоре утвердиться в более крупных, но последние не так уж стремились залучить к себе молодые дарования. Шотмейер познакомил Юджина с двумя живописцами, сообща занимавшими студию на Уеверли-плейс. Оба чрезвычайно понравились Юджину. Мак-Хью, родом из штата Вайоминг, мастерски рассказывал о жизни на рудниках и горных фермах. Смайт был сыном канадского рыбака из Нова-Скотии. Мак-Хью, высокий и худой, при первом знакомстве казался типичным деревенским увальнем, но это впечатление очень скоро сглаживалось – столько ума и живого юмора было в его взгляде. Юджина сразу потянуло к этому приятному, располагавшему к себе человеку. От Джозефа Смайта исходило дыхание моря. Невысокого роста, коренастый и крепкий, он напоминал кузнеца. У него были большие руки и ноги, большой рот, глубокие, резко очерченные глазные впадины и жесткие каштановые волосы. Говорил он медленно, с расстановкой, зато, когда улыбался или смеялся, лицо его преображалось. В минуту волнения или радости все тело его приходило в движение, физиономия покрывалась забавной сеткой добродушных морщин, косноязычия как не бывало, он начинал говорить легко и быстро. Он любил пересыпать свою речь забористыми словечками, так как, работая среди моряков, накопил обширный запас весьма живописных выражений. Впрочем, в этом не чувствовалось злости. Смайт был само доброжелательство и благодушие. Юджину хотелось подружиться с этой парой, и он старался поддерживать с ними знакомство. Друзья, как он замечал, бывали ему рады, и они часами рассказывали друг другу забавные эпизоды и обменивались мнениями о людях. Он все чаще и чаще стал заходить к ним, а через некоторое время и они начали к нему заглядывать. Но лишь спустя много месяцев Юджин почувствовал, что по-настоящему сошелся с ними.

В течение этого года он приобрел знакомства среди натурщиц, стал посещать выставки и благодаря заведующему художественным отделом журнала «Труф», Хадсону Дьюла, несколько раз получал приглашения на интимные обеды художников и их подруг. Он не встретил никого, кто особенно понравился бы ему, если не считать Ричарда Уилера, редактора довольно жалкого журнальчика под названием «Крэфт». Это был белокурый молодой человек с поэтическим темпераментом. Он сразу угадал в Юджине неудержимое влечение к красоте и постарался сдружиться с ним. Юджин охотно шел ему навстречу, и Уилер стал бывать у него в мастерской. Юджин еще не зарабатывал в те дни достаточно, чтобы обзавестись лучшим жилищем, но он постарался приобрести для своей студии несколько гипсовых слепков и красивых бронзовых вещиц. На стенах были развешаны его собственные рисунки, преимущественно виды Нью-Йорка. Выражение, с каким их разглядывали знатоки, постепенно убеждало Юджина, что он призван сказать свое слово в искусстве.

Весною на второй год пребывания в Нью-Йорке, когда Юджин уже свыкся с новой атмосферой, он решил съездить на Запад навестить Анджелу, а заодно побывать в Александрии у родителей. Шестнадцать месяцев прошло со дня его отъезда из Чикаго, и за это время он не встретил ни одной женщины, которая увлекла бы его или встала между ним и Анджелой. В марте он написал ей, что, возможно, приедет в мае или в июне, но вырваться ему удалось только в июле, когда Нью-Йорк изнывал от невыносимой жары. Он не особенно много сделал за это время, всего лишь иллюстрации к десятку рассказов и четыре рисунка в развернутый лист для журнала «Труф», из которых один был уже напечатан, – но все же он продвигался. Как раз в этот день, когда он собрался ехать в Чикаго и Блэквуд, в киосках появился второй номер журнала с его рисунком, и Юджин, сияя от гордости, купил один экземпляр, чтобы захватить с собою в вагон. Рисунок изображал поезд воздушной железной дороги над ночным Бауэри. Репродукция очень удалась; Юджин испытывал необычайную гордость и знал, что Анджела будет радоваться вместе с ним. Она с таким восторгом писала ему о его зарисовке Ист-Сайда, которую он назвал «Шесть часов».

Сидя в поезде, Юджин мечтал.

Наконец, пробежав огромное расстояние между Нью-Йорком и Чикаго, поезд прибыл в Город Озер, и Юджин, даже не посетив тех мест, где он делал свои первые шаги на пути к самостоятельности, отправился пятичасовым в Блэквуд. Было душно, и пока он ехал, в небе скопились густые грозовые тучи, вскоре разразившиеся летним ливнем. Деревья и трава напились вволю, на дорогах улеглась пыль. Освежающий холодок ласкал усталое от жары тело. Мимо проносились, быстро скрываясь из глаз, маленькие городки, утопавшие в густой зелени, и наконец показался Блэквуд. Он был меньше Александрии, но в общем мало отличался от нее. Как и в Александрии, здесь прежде всего бросались в глаза церковный шпиль, лесопильный завод, красивая торговая улица с кирпичными домами и множеством вековых развесистых деревьев. Город с первого взгляда понравился Юджину. Именно в таком месте должна была жить Анджела.

Было уже семь часов, надвигались сумерки. Юджин не сообщил Анджеле точный час своего приезда и решил заночевать в маленькой гостинице, вернее, харчевне, которую заметил неподалеку от станции. У него был с собою только большой чемодан и саквояж. Он справился у содержателя гостиницы, как проехать на ферму Блю и далеко ли до нее, и узнал, что утром его в любое время довезут туда за доллар. Поужинав бифштексом с жареным картофелем и запив его скверным кофе, он сел в качалку на террасе, выходившей на улицу, чтобы в тишине поглядеть, как живет этот городишко, и насладиться вечерней прохладой. Он мысленно представлял себе очаровательное гнездышко, в котором, вероятно, обитает Анджела. Какой маленький городок, как тут тихо! До одиннадцати поездов из Чикаго уже не будет.

Немного погодя Юджин вышел пройтись и подышать вечерним воздухом. Вернувшись в гостиницу, он широко распахнул окно душного номера и стал смотреть на улицу. Летняя ночь, сохранявшая свежесть пролившегося дождя, непросохшие деревья, аромат сочной, влажной растительности – все это оставляло свой след в его душе, как рельефный узор на глине. Он чувствовал нежность к маленьким домикам с лучистыми окнами и к случайным прохожим, которые обменивались простыми дружескими приветствиями. Его глубоко трогало и трещание кузнечиков, и кваканье лягушек, и мерцание далеких звезд – солнц и планет, словно повисших над верхушками деревьев. Ночь дышала плодородием, вокруг кипела невидимая мельчайшая работа, очень мало или совершенно не зависящая от человека, хотя человек и является участником этого таинства. Наконец веки его начали слипаться, он лег в постель и уснул крепким, безмятежным сном.

На другое утро Юджин проснулся рано и едва дождался часа, когда можно будет тронуться в путь. Он считал неудобным выехать раньше девяти и, чтобы скоротать время, разгуливал по городу, привлекая общее внимание, так как его высокая, худощавая, изящная фигура и резкий профиль бросались здесь в глаза. В девять часов ему подали какой-то шарабан прадедовских времен, и он покатил по глинистой, размытой вчерашним дождем дороге, местами затемненной густыми деревьями. Столько прелестных полевых цветов росло вдоль дороги, так пышно разросся цветущий кустарник за решеткою оград – желтый и красный шиповник, жимолость и прочее, – что сердце Юджина замирало от восторга. Музыкой звучала в его душе эта чудесная природа – желтеющая пшеница, молодая, чуть ли не в человеческий рост кукуруза, луга и клеверные поля, разделенные небольшими рощами, ласточки, стремительно проносящиеся в воздухе в погоне за насекомыми, и парящий высоко в небе коршун, еще в детстве представлявшийся Юджину воплощением красоты.

Юджин вспомнил, как мальчуганом он радовался порханию бабочек и птиц и воркованию горлицы (вот оно как раз прорезало тишину вдали) и восхищался мужественной силою сельских жителей. Сидя в своем шарабане, он думал о том, что хорошо было бы написать серию деревенских этюдов, таких же безыскусственных, как дворики, мимо которых он проезжал, как этот пересекающий дорогу ручей, образовавший невдалеке заводь, где поили скот, как этот остов заброшенного дома – без дверей и окон, с провалившейся крышей, до самых стропил заросший жимолостью и повиликой. «Мы, жители городов, не знаем всего этого», – подумал он со вздохом, совершенно позабыв, что, как и все юноши и девушки, уезжающие в столицу, он унес с собой глубоко врезавшиеся в душу впечатления детства, проведенного на лоне природы.

Ферма семейства Блю была расположена посреди довольно широкой долины, между отлогими склонами лесистых холмов. В одном ее конце, неподалеку от дома, в густо заросших ивняком и орешником берегах, журча по камешкам, бежал ручеек, не дальше как в миле оттуда разливаясь небольшим озерком. Прямо перед усадьбой на десять акров раскинулось поле, засеянное

пшеницей; справа от него – выгон, а слева – клеверное поле. За домом, к которому вела длинная лужайка с тенистой аллеей из высоких старых вязов, виднелись сарай, колодец, свинарник, амбар для кукурузы и несколько сарайчиков поменьше. Прилегавший к дому палисадник был отделен от лужайки низеньким забором, вдоль которого росла сирень, а в самом палисаднике были разбиты незатейливые клумбы с розами и золотистыми ноготками. Галерея, соединявшая черный ход с летней кухней, была вся увита плющом, а торчащий неподалеку пень был сплошь увит цветущей жимолостью. Газон во дворе содержался аккуратно, а большая лужайка перед домом, на которую падала тень развесистых деревьев, казалась бархатной. Дом был длинный, одноэтажный, по его фасаду тянулись в ряд шесть комнат. Две из них, расположенные посередине, представляли собою, вероятно, его старую часть, построенную лет семьдесят назад. Остальные четыре появились позднее, а кроме них, была еще пристройка, где помещались зимняя кухня и столовая. К западу от галереи, ведущей в летнюю кухню, стояла некрашеная, сколоченная из досок кладовая. Весь дом был стар и запущен, но по-своему живописен.

Юджин не ожидал, что попадет в такое чудесное место. Ему понравился и самый дом – длинный и низкий, с дверями, открывавшимися прямо в сад, и окнами, обрамленными диким виноградом, и кусты сирени, зеленой стеной отделявшие дом от лужайки, и тенистые вязы, напоминавшие часовых. Когда шарабан въезжал в ворота, он сказал себе:

«Вот место, созданное для любви! И подумать только, что Анджела живет здесь!»

Шарабан прогремел по усыпанной крупной галькой дороге, слева от лужайки, и остановился у садовой калитки. Из дома вышла Мариетта. Ей было двадцать два года, и насколько старшая сестра была рассудительна и сумрачна, настолько эта была жизнерадостна и весела. Беспечная, как котенок, склонная видеть во всем светлую сторону, она повсюду приобретала друзей. По ней вздыхал целый рой поклонников, писавших ей пылкие письма, но она всех отвергала с подкупающим добродушием. Казалось бы, что здесь, в деревне, не было таких возможностей, как в городе; в смысле светских развлечений, однако кавалеры под тем или иным предлогом проникали и сюда. Мариетта притягивала их, точно магнит, и Анджела принимала участие в веселье, которое умела создавать ее младшая сестра.

Анджела была в столовой, и позвать ее не составляло большого труда. Но Мариетте хотелось сперва собственными глазами убедиться, что представляет собою возлюбленный ее сестры, которого та завлекла в свои сети. Она была поражена его ростом, его живописной наружностью и проницательным взглядом. Она не ожидала, что у Анджелы такой завидный жених. Она с ласковой улыбкой протянула ему руку.

– Вы мистер Витла, не правда ли? – спросила она.

– Он самый, – ответил Юджин несколько торжественно. – Какая чудесная дорога к вам!

– Да, когда хорошая погода, – смеясь, сказала девушка. – Зимой она вам не так понравилась бы. Заходите, пожалуйста, и поставьте чемодан вот сюда. Дэвид отнесет его в вашу комнату.

Юджин повиновался, не переставая, однако, думать об Анджеле, о том, когда она, наконец, покажется и какой предстанет перед ним. Он вошел в просторную, низкую, прохладную гостиную и немало обрадовался, увидев там рояль и ноты, сложенные на этажерке. За открытым окном виднелись гамаки, висевшие среди деревьев на лужайке. «Какой чудесный уголок, – подумал он, – сама поэзия». И тут появилась Анджела. Она была в простом белом полотняном платье. Толстые косы обвивали ее голову – это так всегда нравилось Юджину. Она успела сорвать и приколоть к корсажу большую красную розу. Завидев Анджелу, Юджин протянул ей обе руки, и она бросилась ему на шею. Он крепко поцеловал ее, так как Мариетта тактично оставила их одних.

– Наконец-то я с тобой! – шептал он между поцелуями.

– Да, да, – вздохнула она. – Тебя так долго не было.

– О, я страдал еще больше, чем ты, – утешал он ее. – Я так мучился и все ждал, ждал, ждал.

– Забудем, – сказала Анджела. – Мы снова вместе. Ты здесь.

– Да, я здесь! – расхохотался он. – Во всеоружии ума и таланта и в единственном своем коричневом костюме! Но как у вас красиво – эти изумительные деревья, эта чудесная лужайка!

Он на минуту оторвался от нее, чтобы посмотреть в окно.

– Я рада, что тебе у нас нравится, – отозвалась Анджела, и глаза ее радостно заблестели. – Мы любим наш дом, хотя он очень старый.

– Потому-то он мне и нравится! – воскликнул Юджин. – Какая прелесть эти кусты, эти розы! Если б ты знала, дорогая, как у вас хорошо! И ты – ты такая чудная!

Он отодвинул ее от себя, разглядывая, а она залилась румянцем и еще больше похорошела. Его порывистость и смелость приводили Анджелу в смятение, и сердце ее учащенно билось.

Немного погодя они вышли во дворик, и тогда снова появилась Мариетта, а вместе с нею и миссис Блю, добродушная, полная женщина лет шестидесяти. Она сердечно поздоровалась с Юджином. Он сразу почувствовал, что она во всех отношениях похожа на его мать – на всякую хорошую мать: она так же любила порядок и покой, так же пеклась о благополучии своих детей, так же дорожила общественным мнением и правилами чести и морали. Все эти черты Юджин искренне уважал в других. Его радовало, когда он обнаруживал их в окружающих, он считал, что они имеют большое значение для общества, но не был уверен, что они обязательны и для него. В душе он всегда считал, что жизнь богаче, сложнее и загадочнее, чем любая шаблонная теория или устоявшийся жизненный уклад. Разумеется, похвально, когда мужчина или женщина следуют законам чести и морали в соответствии со своим положением и с характером самого общества, но, если смотреть в глубь вещей, это не играет никакой роли. Всякий уклад, всякий строй, рассчитывающий на долгое существование, должен иметь в своем составе таких миссис Блю, согласующих свое поведение с высшими принципами и установлениями данного общества. При встрече с такими людьми можно, конечно, умиляться, но что они значат перед изменчивыми, неисповедимыми силами природы. Они – проявления случайной гармонии, необходимые для данного строя, но не имеющие никакой ценности для вселенной в целом. Таковы были взгляды Юджина в двадцать два года, и он спрашивал себя, удастся ли ему когда-нибудь высказать их и что подумали бы люди, если бы могли прочитать его мысли; он спрашивал себя, существует ли что-нибудь – что бы то ни было – действительно устойчивое, как незыблемая скала, на которой можно утвердиться, или же все в мире лишь зыбкие тени и призраки.

Миссис Блю ласковым взглядом окинула жениха своей дочери. Она много наслышалась о нем. Воспитав своих детей в правилах долга, чести и морали, она верила, что они будут общаться с людьми таких же правил. Она заранее решила, что и Юджин принадлежит к таким людям, а его открытое, без малейшего лукавства лицо, смеющиеся глаза и приятная улыбка убедили ее в том, что он и по натуре порядочный человек. И, наконец, достаточно было его замечательных рисунков, оттиски которых он время от времени посылал Анджеле, – а в особенности рисунка, изображавшего толпу на Ист-Сайде, – чтобы заранее расположить ее в его пользу. Ни одна из ее дочерей – а три из них были уже замужем – не могла похвалиться супругом, который выдерживал бы сравнение с этим молодым человеком. Она смотрела на Юджина как на будущего зятя, рассчитывая, что он с радостью и как нечто должное возьмет на себя все общепринятые в этих случаях обязательства.

– Спасибо вам, миссис Блю, за ваше любезное приглашение, – почтительно сказал Юджин. – Мне давно хотелось побывать у вас. Я столько слышал от Анджелы о вашей семье.

– У нас самый обыкновенный деревенский дом; ничего он собой не представляет, но мы его любим, – отвечала миссис Блю.

Она ласково улыбнулась Юджину, спросила, как у него подвигается работа в Нью-Йорке, предложила отдохнуть в гамаке и опять пошла на кухню, где у нее уже готовился обед для гостя.

Молодые люди направились вдвоем к лужайке и там уселись под деревьями. Юджин испытывал какое-то восторженное чувство. Он был еще так молод, а между тем жизнь осыпала его своими лучшими дарами; он любил и был любим; недавние успехи в Нью-Йорке сулили ему исполнение самых честолюбивых надежд. А теперь он вкушал душевный мир, радуясь заслуженному отдыху и наслаждаясь любовью, красотой, поклонением и лучезарным летом.

Погруженный в эти мысли, Юджин раскачивался в гамаке и любовался чудесной лужайкой; наконец взгляд его остановился на Анджеле, и он подумал:

«В мире не может быть ничего прекраснее!»

Глава XVIII

Около полудня вернулся домой старый Джотем Блю, пропалывавший в поле кукурузу. Несмотря на свои шестьдесят пять лет и белоснежные волосы и бороду, он производил впечатление крепкого человека, который может прожить до девяноста, а то и до ста лет. У него были голубые глаза и проницательный взгляд, на лице играл румянец. Широкие, могучие плечи и тонкая талия показывали, что в молодости это был стройный мужчина.

– Здравствуйте, мистер Витла, – сказал он необычайно просто и сердечно, подходя к Юджину. Он был в сапогах, на которых засохла принесенная с поля желтая грязь. Достав из кармана большой складной нож, старик принялся строгать тоненький сучок, подобранный с земли. – Очень рад вас видеть. Анджела мне кое-что рассказывала о вас.

Он, улыбаясь, посмотрел на Юджина. Анджела, сидевшая рядом с гостем, встала и медленно пошла к дому.

– И я рад вас видеть, – сказал Юджин. – Мне очень у вас нравится. Благодатный край.

– Край благодатный, что и говорить, – сказал старый Джотем и, придвинув к себе стул, стоявший под деревом, сел. Юджин снова занял свое место в гамаке.

– У нас здесь почва богата известью, углеродом и калием – самая пища для растений. Искусственного удобрения требуется очень мало. Главное – тщательно возделывать землю и бороться с сорняками и вредителями.

Он задумчиво строгал свой сучок. Юджина удивило обнаруженное им знакомство с физикой и химией в применении к земледелию. Приятно было видеть человека, у которого искусство землепашца сочеталось с незаурядными познаниями.

– По дороге к вам я видел прекрасные пшеничные поля, – заметил он.

– Да, пшеница у нас тут хорошо родится, когда погода более или менее благоприятная, – словоохотливо отозвался старик Блю, – да и кукуруза тоже. Яблони дают богатейшие урожаи, и виноград часто вызревает. Я всегда был того мнения, что штат Висконсин имеет некоторые преимущества перед другими штатами в бассейне Миссисипи; природа благословила нас умеренным климатом, обилием проточной воды и прекрасным, разнообразным рельефом. На севере богатейшие рудники, и лесу сколько угодно. У нас, в Висконсине, привольное житье. Этому штату предстоит большое будущее.

Пока он говорил, Юджин успел заметить, как широко расставлены у него глаза. Ему понравилось, что старик так заинтересован судьбами своего штата и своей родины. Это был не жалкий раб земли, а земледелец в истинном смысле слова, фермер, знающий свое дело, американец, любящий свой штат и родину.

– Мне долина Миссисипи всегда представлялась краем великих возможностей, – сказал Юджин. – История знает такие густо заселенные места – долина Нила, например, или долина Евфрата, но наша несравненно больше. Я верю, что в будущем сюда устремятся толпы поселенцев.

– Наш штат – новый земной рай, – сказал Джотем Блю; он перестал на минуту строгать и поднял правую руку, чтобы придать больше силы своим словам. – Мы еще не знаем полностью всех его богатств. Здесь можно вырастить достаточно плодов, кукурузы, пшеницы, чтобы прокормить весь мир. Меня иногда поражает плодородие нашей почвы. Она так щедра. Это великая мать. Она просит только, чтобы с ней хорошо обращались, и тогда она дает все, что у нее есть.

Юджин улыбнулся. Широкий кругозор его будущего тестя удивлял его. Он чувствовал, что готов полюбить этого человека.

Они поговорили о характере местного населения, о росте Чикаго, об угрожавшей еще недавно войне с Венесуэлой, о новом лидере демократической партии, которым Джотем Блю восхищался. Он стал рассказывать о нем во всех подробностях – выяснилось, что тот недавно посетил их в Блэквуде, – но тут на пороге дома появилась миссис Блю.

– Джотем! – позвала она.

– Жене, вероятно, нужно ведерко воды, – сказал он, вставая, и неторопливо направился к дому.

Юджин улыбнулся. Как все это трогательно! Вот именно такой должна быть жизнь – воплощением здоровья, силы, добродушия, полной взаимного понимания и простоты отношений. Он был бы рад стать человеком, подобным Джотему Блю, таким же здоровым, сердечным, чистым и сильным. Подумать только – ведь этот фермер вырастил восемь человек детей! Не удивительно, что у него такая очаровательная дочь, как Анджела! И все другие дети, наверно, такие же.

Юджин качался в гамаке, когда вернулась Мариетта; она улыбнулась, ветер растрепал ее белокурые волосы.

У нее были голубые глаза, как у отца, и его живая, подвижная натура, исполненная сердечности и теплоты. Юджина потянуло к ней. Она немного напоминала ему Руби и немного Маргарет. Она цвела юностью и здоровьем.

– Вы, должно быть, сильнее Анджелы, – сказал он, глядя на девушку.

– Еще бы! – воскликнула она. – Нашему Ангелочку ни за что за мной не угнаться. И когда мы деремся, я всегда побеждаю. Иногда я даже чувствую себя старше – ведь это я всегда все затеваю.

Юджин оценил прозвище «Ангелочек», решив, что оно подходит Анджеле. Она и действительно напоминала ангелов, как их изображают в старых фолиантах или на церковных витражах. У него мелькнула смутная мысль, что у Мариетты, пожалуй, более приятный характер и что в ней больше душевной теплоты и женского обаяния. Но он заставил себя выкинуть эту мысль из головы. Он чувствовал, что здесь он должен быть верен Анджеле.

Во время их беседы подошел Дэвид, самый младший, и уселся на траву. Это был мальчик невысокого роста, довольно плотный для своих шестнадцати лет, с умным лицом и живыми глазами. Юджин почувствовал в нем уравновешенность и спокойную силу. Он приходил к заключению, что молодежь унаследовала от родителей и крепкое здоровье и характер. Это был дом, где росли удачные дети. Немного спустя к ним подошел Бенджамен – высокий, даже слишком высокий для своего возраста юноша, производивший впечатление пуританина – его западноамериканской разновидности, – а затем и самый старший из сыновей, Сэмюэл, наиболее интересный из всех. Это был крупный мужчина с невозмутимо спокойным, как у старого Джотема, выражением лица, сильно загорелый и крепкий, словно молодой дуб. Из разговора выяснилось, что он работает на железной дороге в Сент-Поле и домой приехал ненадолго – провести отпуск после трехлетнего отсутствия. Его дорога называлась «Великая Северная», он занимал уже должность второго помощника начальника станции, и в семье считали, что он далеко пойдет. Юджину было ясно, что все эти юноши и девушки, так же как и Анджела, отличаются непреклонно честным и правдивым характером. Все они были воспитаны в христианских понятиях о добродетели – это были не церковные догмы, а именно христианские понятия, окрашенные терпимостью и доброжелательностью. Они по мере сил соблюдали десять заповедей, и жизнь их не выходила за рамки того, что именуется нравственностью и приличием. Это заставило Юджина задуматься. Его собственная беспринципность в вопросах морали была загадкой для него самого. Может быть, они действительно правы, а он глубоко заблуждается? Но для кого же тогда весь этот сложный механизм мироздания со всеми его тайнами? Юджин чувствовал, что в пределах сложившегося общественного уклада он явно не на месте, но что касается жизни в более широком понимании – тут трудно что-либо сказать.

В половине первого в дверях показалась миссис Блю и объявила, что обед на столе. Все тотчас же встали. Это была простая домашняя трапеза, обычная в культурных фермерских семьях. Были поданы в изобилии свежие овощи: зеленый горошек, молодая фасоль в стручках и молодой картофель. Мясо для жаркого было куплено у мясника, разъезжавшего в своей тележке по всей округе. Кроме того, миссис Блю приготовила горячие воздушные бисквиты. Юджин признался, что он большой любитель пахтанья, и ему принесли полный кувшин, заметив, что обычно его примешивают в корм свиньям, так как никто из детей его не любит. За столом шла оживленная беседа, раздавались шутки, и до слуха Юджина доносились обрывки новостей, касавшихся окрестных жителей. У такого-то фермера пала лошадь, такой-то собирается снимать пшеницу. То и дело упоминались три старшие сестры, жившие в других городах того же штата. У них, по-видимому, было много детей, доставлявших им изрядные хлопоты. Они часто приезжали навестить своих родных, с которыми были связаны крепкими узами.

– Чем ближе вы познакомитесь с семейством Блю, – заметил Сэмюэл Юджину, когда тот удивился такой общности интересов, – тем яснее вам станет, что это не столько семья, сколько клан. Все ее члены крепко спаяны между собой.

– Это, по-моему, очень хорошая черта, – смеясь, ответил Юджин, отнюдь не питавший такого интереса к своим родным.

– А я вам скажу, – вставил живший по соседству фермер, по имени Джейк Долл, – что если вы хотите узнать, как все Блю держатся друг за друга, попробуйте обидеть кого-нибудь из них.

– А ведь это верно, согласна, сестричка? – заметил Сэмюэл Анджеле, рядом с которой сидел, и ласково прикоснулся к ее руке.

Это движение не укрылось от Юджина. Девушка так же ласково кивнула головой.

– Да, все Блю крепко держатся друг за друга.

Юджин готов был приревновать Анджелу к ее брату. Он невольно задумался на тем, можно ли такую девушку вырвать из родной атмосферы, полностью от нее изолировать и перенести в совершенно иной мир? Сможет ли она понять его, Юджина, сможет ли он навсегда остаться с нею? Он с улыбкой смотрел на ее отца и мать, говоря себе, что должен навсегда сохранить ей верность. Но все же в жизни много странного, трудно сказать, как она сложится.

За этот день Юджин вынес еще много приятных впечатлений. Вечером они с Анджелой целых два часа сидели вдвоем в прохладной гостиной, и Юджин снова и снова говорил ей о том, как она прекрасна, как он очарован этим старым домом, какие милые люди ее отец и мать, какие у нее интересные братья. Он сделал карандашный набросок с Джотема, возвращающегося с поля. Рисунок очень понравился Анджеле, и она оставила его у себя, чтобы показать отцу. Юджин попросил ее позировать ему

у окна и зарисовал ее головку в ореоле пушистых волос. Вспомнив про иллюстрацию, изображающую Бауэри ночью, он пошел разыскать ее и тут впервые увидел отведенную ему в самом конце дома уютную прохладную комнату. Окно выходило на запад – из него видны были кусты жимолости, – а дверь открывалась на тенистую, прохладную лужайку. Ему казалось, что он купается в красоте и видит вокруг себя одно лишь счастье. Больно было думать, что жизнь не может всегда быть такой радостной, – как будто красота не вечна и не вездесуща.

Увидев рисунок Юджина в журнале, Анджела была вне себя от гордости и счастья. Это служило неоспоримым доказательством одаренности ее возлюбленного. В своих письмах он почти ежедневно описывал ей художественный мир Нью-Йорка, так что у нее было некоторое представление о нем, – правда, сильно приукрашенное. Зато такие вот репродукции были чем-то конкретным, осязаемым. Весь мир увидит их. Она воображала, что Юджин уже знаменит.

В этот вечер, и на другой день, и в последующие дни, когда они сидели одни в гостиной, между Юджином и Анджелой стало все больше устанавливаться то взаимное понимание, которое рано или поздно наступает между любящими мужчиной и женщиной. Юджин неспособен был ограничиться целомудренными поцелуями и невинными ласками, если его постоянно не держали в узде. Ему казалось, что любовь должна идти своим естественным путем. Юджин не был женат, он не знал, какую ответственность налагает брак, и никогда не задавался мыслью о том, каких трудов стоило его родителям вырастить и воспитать его. У него отсутствовал тот инстинкт, который все это подсказал бы ему. Он не питал ни малейшей склонности к отцовству и не ведал того естественного стремления, которое заставляет человека мечтать о домашнем очаге и условиях, необходимых для создания семьи. Все мысли Юджина сосредоточивались на любовном периоде – на сопровождающих его поцелуях, ласках и объятиях. И чем больше Анджела противилась, упорно борясь сама с собой, тем острее предвкушал он всю полноту предстоящего им счастья. Порой, заглядывая в ее глаза, он замечал заволакивавшую их дымку, сулившую неудержимый порыв. Он сидел рядом с нею, гладил ее руки, прикасался к ее лицу, ласкал ее волосы, крепко прижимал ее к себе. Ей было трудно устоять перед этим недвусмысленным нажимом и держать его на безопасном расстоянии, так как она и сама жаждала восторгов любви.

В третий вечер своего пребывания в доме Блю Юджин, несмотря на все возраставшее уважение к каждому члену этого семейства, довел Анджелу до грани и, возможно, переступил бы вместе с нею заповедную черту, если бы, к счастью, в нем не взяли верх чувства совершенно иного порядка, чувства, вызванные бурным отчаянием Анджелы.

В этот день они купались в маленьком озере Оукуни, расположенном неподалеку от дома.

После купания Юджин с Анджелой, Дэвидом и Мариеттой поехали прокатиться. Стоял один из тех очаровательных вечеров, которые выдаются иногда летом и красноречиво говорят о красоте и любви. Погода была такая чудесная, такая теплая, в тени деревьев было так хорошо, что у Юджина защемило сердце. Сейчас он молод, жизнь прекрасна, но какой-то она будет в старости? Душу его словно терзало болезненное предчувствие надвигающейся катастрофы.

Солнце уже село, когда они подъезжали к дому. Жужжали насекомые, то и дело позвякивали колокольчики коров, свежий ветерок, предтеча близкого вечера, овевал их лица, когда они проезжали лощину. Приближаясь к дому, они завидели синий дымок, курившийся над кухней и возвещавший близость ужина. Юджин в экстазе сжимал руку Анджелы.

Ему хотелось грезить, сидя с нею в гамаке, когда надвинутся глубокие сумерки, и смотреть на окружающий мир. Повсюду жизнь била ключом. Старый Джотем и Бенджамен вернулись с поля, и вскоре из кухни, где они умывались, послышались их голоса и плеск воды. В конюшне нетерпеливо фыркали лошади в предвкушении корма, где-то вдали мычала корова, хрюкали голодные свиньи. Юджин вскинул голову, как будто стряхивал с себя какие-то чары, – кругом царила такая идиллия, такая гармония.

За ужином он едва прикоснулся к еде, – все его внимание захватило зрелище, которое представляла собою группа за столом. А после вечерней трапезы он вместе со всей семьей сидел на лужайке, вдыхая аромат цветов, глядя на звезды, мерцавшие сквозь деревья, и прислушиваясь к тому, что говорили Джотем и миссис Блю, Сэмюэл, Бенджамен, Дэвид, Мариетта и изредка Анджела. Чувствуя его настроение, его грусть, порожденную всем этим очарованием, она тоже притихла и только прислушивалась к словам Юджина и отца. Но когда она что-нибудь произносила, голос ее звучал мелодично.

Вскоре Джотем Блю встал и отправился спать, а за ним последовали один за другим и остальные. Дэвид и Мариетта ушли в гостиную, потом встали Сэмюэл с Бенджаменом. Каждый объяснял свой уход тем, что завтра предстоит тяжелый день. Сэмюэл собирался тряхнуть стариной и помочь отцу в молотьбе. Юджин взял Анджелу за руку и вместе с нею направился к палисаднику, где в полном цвету стояли гортензии – белые, как снег, днем и бледно-серебристые в темноте. Взяв ее лицо в ладони, Юджин вновь стал шептать ей о своей любви.

– Сегодня у меня был необыкновенный день, – сказал он. – Жизнь здесь так прекрасна. Какое чудесное, тихое место! А ты… ты… – Остальное досказали его поцелуи.

Они долго стояли обнявшись, а затем вернулись в гостиную, и Анджела зажгла лампу. Комната озарилась мягким желтым светом – достаточно ярким, чтобы придать ей теплоту, подумал Юджин. Сперва они уселись рядом в двух качалках, а потом пересели на диванчик, и Юджин обнял девушку. Перед ужином Анджела переоделась в свободное кремовое домашнее платье. Юджин уговорил ее вынуть шпильки из волос, чтобы он мог любоваться ее косами.

Истинная страсть молчалива. Юджин сидел, словно зачарованный, и смотрел на девушку. Она прислонилась головой к его плечу и гладила его волосы, а потом и совсем замерла, изнемогая от наплыва чувств. Он казался ей юным богом, могучим, мужественным, прекрасным. Его ждет блестящее будущее. Все эти годы она надеялась, что появится человек, который полюбит ее по-настоящему, и вот у ее ног этот талантливый юноша. Он гладил ее руки, шею, лицо, а потом, медленно обвив руками, прижался головой к ее груди.

Анджела была воспитана в строгих правилах добродетели, внушенных ей родителями, и во всем считалась с мнением своих родных. Но сейчас ей трудно было бороться. Сперва она позволила ему обнять себя, а потом покорилась и более интимным ласкам. Сопротивление казалось совершенно невозможным, так как он крепко прижимал ее к себе; она была вся во власти исходившей от него магнетической силы. Когда же, наконец, она почувствовала его руки на своем трепетном теле, она откинулась назад в порыве муки и наслаждения.

– Нет, нет, Юджин, не надо, – бормотала она. – Спаси меня от меня самой! Спаси меня, Юджин!

Он посмотрел на нее. Ее побледневшее лицо было искажено страданием и болезненной бледностью. Все ее тело безжизненно замерло в его объятиях. И только горячие, влажные губы выдавали ее душевное смятение. Юджин не мог сразу совладать с собой. Прежде чем отпустить ее, он нервными пальцами художника провел по ее шее и груди.

Тогда Анджела, напрягая последние силы, высвободилась из его объятий и опустилась на колени; платье ее расстегнулось у выреза.

– Не надо, Юджин, – взмолилась она. – Не надо! Подумай об отце, о матери! Я всегда гордилась своей чистотой. Они верят мне. Умоляю тебя, Юджин!

Он гладил ее волосы и лицо и смотрел ей в глаза так, как, должно быть, смотрел Абеляр на Элоизу.

– О, я знаю, знаю! – вдруг воскликнула Анджела прерывающимся голосом. – Я нисколько не лучше всякой другой. Я так долго, так долго ждала! Но я не должна этого делать, Юджин. Не должна! Помоги мне, Юджин!

Юджин стал смутно догадываться: у этой девушки никогда не было возлюбленного. Чем это объяснить? – подумал он. Ведь она так хороша. Он встал, готовый уже схватить ее на руки и унести к себе в комнату, но остановился в раздумье. Как она трогательно беспомощна! Что ж, разве он так уж жесток? Неужели он не в состоянии проявить благородство? Ее отец и мать приняли его как родного… Перед глазами встали Джотем и миссис Блю, братья и сестры Анджелы, с обожанием смотревшие на сестру. Он не сводил с девушки глаз, – слишком заманчива была добыча, – чувствуя, что теряет власть над собой. Все же он взял себя в руки.

– Встань, Анджела, – сказал он наконец с усилием, в упор глядя на девушку. – А теперь уходи, – продолжал он, когда она встала. – Уходи сейчас же, а то я не отвечаю за себя. Ты видишь, я стараюсь совладать с собой. Пожалуйста, уходи.

Она медлила и смотрела на него со страхом и сожалением.

– О, прости меня, Юджин!

– Ты меня прости, – сказал он. – Это я виноват. А теперь уходи, родная. Ты не знаешь, как это трудно, ты иди, чтоб мне не было так тяжело.

Она направилась к двери, а он тоскующим, горячим взглядом проводил ее до порога. Когда она тихо затворила за собою дверь, он прошел к себе в комнату и сел. Все его тело, казалось, было налито свинцом, он чувствовал себя совершенно разбитым. Ошеломленный, он стал перебирать в памяти все случившееся в последние минуты. Потом вышел и постоял немного под открытым небом прислушиваясь. Квакали лягушки, в траве что-то шуршало, словно там копошились жуки. Чуть слышно крякнула утка, где-то совсем неподалеку звенела колокольчиком пасшаяся у ручья корова. Он увидел над головой Большую Медведицу, ярко горел Сириус, в беспредельной вышине раскинулся Млечный Путь.

«Что такое жизнь? – спрашивал себя Юджин. – Что такое человеческое тело? Откуда эти пароксизмы страсти? Мы томимся лихорадкой желания, а потом сгораем, и жизнь кончена».

В голове его рождались обрывки стихов и вставали видения, которые так и просились на бумагу. И все время перед его мысленным взором, как на экране кинематографа, проносился образ Анджелы, какой он видел ее недавно, когда прижимал к себе и когда она стояла перед ним на коленях. Сегодня он заглянул ей в душу. Он держал ее в своих объятиях. Он по доброй воле отказался от наслаждения, которое она могла ему дать. Что бы там ни было, он не совершил зла. Он и впредь не совершит его.

Глава XIX

Трудно сказать, в какую сторону изменилось отношение Юджина к Анджеле под влиянием этой памятной ночи, если оно вообще сколько-нибудь изменилось. Он, пожалуй, проникся к ней еще более глубокой симпатией, обнаружив в ней то, что было для него естественным человеческим чувством. Его умиляло и ее откровенное признание в своей слабости, в своей неспособности защитить себя, и то, что он нашел в себе силу поступить великодушно. Он знал теперь, что может обладать ею, когда захочет, но, успокоившись, принял решение оставаться великодушным до конца и не настаивать. Он может подождать.

Что же касается Анджелы, то, когда она пришла в себя и добралась до своей комнаты в противоположном конце дома, которую делила с Мариеттой, ее душевное состояние заслуживало сожаления. Она так привыкла думать о себе как о достойной, целомудренной девушке. В характере Анджелы была некоторая доля пуританского ханжества; это могло привести ее к невеселому существованию старой девы, если бы на ее пути не появился Юджин, не признававший никаких условностей и старозаветных взглядов, или не понимавший их, или относившийся к ним с полным безразличием, – Юджин, чуждый соображений материального благополучия, не задумывавшийся над разницей в возрасте. Этот человек овладел всеми ее помыслами, он отдал ей свою любовь. Он явился для нее глашатаем взглядов, чуждых ее миру, и сам стал для нее непререкаемым законом. Он не был похож на других мужчин, это ей было ясно. Он стоял выше. Возможно, что он, как художник, и неспособен будет много зарабатывать, зато он может дать ей нечто более заманчивое. Слава, прекрасные картины, интересные знакомства – разве все это не важнее, чем деньги? Анджела не была избалована большими достатками, и сколько бы Юджин ни зарабатывал, ей бы хватило. По его мнению, брак требовал много денег, она же ради Юджина готова была на любые трудности.

Сцена в гостиной, развенчавшая Анджелу в собственных глазах, не только поставила под сомнение ее несокрушимую добродетель, но и заставила ее трепетать за любовь Юджина. Будет ли он так же предан ей теперь, после того, как она разрешила ему ласки, позволительные лишь на брачном ложе? Не сочтет ли он ее легкомысленным, порочным созданием, дожидающимся лишь удобного случая, чтобы уступить? Она сознавала, что утратила в ту минуту всякое представление о том, что хорошо и что дурно. Она позабыла и отца, с его строгими принципами, и мать, с ее понятиями о порядочности и добродетели, и своих братьев и сестер, чистых душою и не тревоживших себя сложными вопросами. Теперь она запятнана; хотя ничего непоправимого не произошло, она все же чувствовала себя опозоренной. Воспитанная в полном подчинении условностям, она терзалась угрызениями совести, и сердце ее разрывалось от горя.

Анджела вышла за дверь, опустилась на влажную от предрассветной росы траву и задумалась. Было прохладно, всюду царил покой, но только не в ее душе. Стиснув лицо руками и чувствуя, как горят щеки, она спрашивала себя, что думает о ней Юджин? Что сказали бы отец и мать? При одной мысли об этом она в отчаянии заломила руки. Наконец она вернулась в дом, в надежде уснуть. Нельзя сказать, чтобы Анджела не ощущала радости и красоты пережитого ею эпизода. Но мысль о том, что, по ее убеждению, ей надлежало чувствовать, и о том, как все это отразится на ее будущем, не давала ей покоя. Удержать Юджина после того, что случилось, казалось ей очень сложным делом. Сможет ли она смотреть на него по-прежнему с гордо поднятой головой? Сможет ли и дальше сдерживать его порывы? Под влиянием этих мыслей Анджела провела почти бессонную ночь. А наутро она встала расстроенная и бледная, но более влюбленная, чем когда-либо. Этот чудесный юноша открыл ей совершенно новый мир, исполненный яркого драматизма.

Перед завтраком они встретились на лужайке. На Анджеле было белое полотняное платье, она выглядела прозрачно-бледной и хрупкой, и глаза ее, обведенные темными кругами, показывали, какие тяжелые мысли тревожат ее. Юджин ласково взял ее за руку.

– Полно себя мучить, – сказал он. – Я все знаю. Тебе не из-за чего терзаться.

И он нежно улыбнулся ей.

– Ах, Юджин, я перестаю себя понимать, – скорбным голосом сказала она. – Я думала, что я выше этого.

– Никто из нас не выше этого, – просто ответил он. – Мы иногда только воображаем себя выше. Для меня ты все такая же. Напрасно ты себя упрекаешь.

– Правда? – обрадованно спросила она.

– Разумеется, – ответил он. – В любви нет ничего постыдного. Наоборот, в ней все прекрасно. Почему я должен думать о тебе хуже, чем раньше?

– Потому что порядочные девушки так не поступают. При моем воспитании я должна была бы понимать, что хорошо, а что дурно, и так и вести себя.

– Все это предрассудки, которые внушены тебе воспитанием. Ты думаешь, что это нехорошо. Но почему? Только потому, что так сказали тебе отец и мать. Разве не правда?

– Нет, не только потому. Все считают, что это нехорошо. Библия учит нас этому. Всякий отвернется от меня, как только узнает, какая я.

– Постой, постой, – сказал Юджин. Вступая с нею в спор, он, в сущности, пытался разрешить то, что было загадкой и для него самого. – Оставим в покое Библию, так как я в Библию не верю, – во всяком случае не считаю ее законом для человеческого поведения. Но ведь если даже все считают что-либо дурным, это еще не значит, что оно действительно дурно. Не правда ли?

Он отказывался признать понятие «все» верным отражением управляющих миром принципов.

– Конечно, – протянула Анджела с сомнением в голосе.

– Послушай, – продолжал Юджин, – в Турции Магомета считают святым пророком. Но разве отсюда следует, что это действительно так?

– Нет.

– Вот видишь! Точно так же нет ничего дурного в том, что было вчера вечером, хотя бы все здесь в доме и считали это дурным. Не правда ли?

– Да, пожалуй, – растерянно ответила Анджела.

Она говорила наугад. Ей трудно было с ним спорить. Его доводы были слишком тонки и казались неопровержимыми, а между тем внутренний голос подсказывал ей совсем другое.

– Ведь ты, собственно говоря, думаешь о том, как отнесутся к тебе люди. Ты говоришь, что они отвернутся от тебя. Но это уже вопрос практический. Твой отец, возможно, выгнал бы тебя из дому…

– Я думаю, что он именно так и поступил бы, – ответила Анджела, не понимавшая, какое у ее отца большое сердце.

– А я думаю, что нет, – сказал Юджин. – Впрочем, это никакого от ношения к делу не имеет. Ни один мужчина, возможно, не захочет на тебе жениться, но это опять-таки вопрос чисто практический. И ты едва ли станешь утверждать, что это может служить мерилом того, что хорошо и что дурно, не так ли?

Рассуждения Юджина ни к чему не вели. Он и сам не больше кого-либо другого знал, что здесь хорошо, а что дурно. Он говорил скорее для того, чтобы убедить самого себя, но вместе с тем достаточно логично, чтобы посеять смятение в душе Анджелы.

– Я, право, не знаю, – неуверенно сказала она.

– По мнению людей, хорошо то, – продолжал он наставительно, – что согласуется с истиной. Но кто же знает, что такое истина? Никто тебе этого не скажет. Ты можешь действовать разумно или неразумно лишь с точки зрения твоего личного благополучия. Если именно это тебя мучает, – а я знаю, что это так, – могу тебя заверить, что ничего дурного с тобой не случилось и ничто не угрожает твоему благополучию. Я бы сказал даже, что наоборот, так как теперь я еще больше люблю тебя.

Анджела дивилась тонкости его рассуждений. Она далеко не была уверена в том, что он не прав. Значит, ее страхи были неосновательны? Ведь она и так впустую растратила свои лучшие годы.

– Как ты можешь так говорить? – возразила она в ответ на его уверения, что теперь он любит ее еще больше.

– Очень просто, – ответил он. – Я ближе узнал тебя. Меня восхищает твоя прямота. Ты прелесть, никто с тобой не сравнится. Ты прекрасна вся.

И он пустился в подробности.

– Перестань, Юджин, – взмолилась она, прикладывая палец к губам. Кровь снова отхлынула от ее лица. – Пожалуйста, не надо.

– Хорошо, не буду, – сказал он. – Но, право же, ты прелесть. Хочешь, посидим в гамаке.

– Нет, я пойду приготовлю завтрак. Тебе пора что-нибудь поесть.

Он сполна наслаждался своими привилегиями гостя, так как в доме почти никого не было – Джотем, Сэмюэл, Бенджамен и Дэвид ушли в поле. Миссис Блю была занята шитьем, а Мариетта отправилась куда-то по соседству проведать подругу. Анджела – как в свое время Руби – стала хлопотать, готовя завтрак для Юджина. Она замесила тесто для бисквитов, поджарила свиной грудинки и начистила целую корзинку свежесобранной ежевики.

– Мне нравится твой молодой человек, – сказала ей мать, входя в кухню. – Он выглядит добрым малым. Но смотри, не испорти его. Если начнешь слишком баловать, потом пожалеешь.

– А ты разве не баловала папу? – спросила Анджела, подумав о том внимании, каким был окружен в семье ее отец.

– Твой отец человек долга, – ответила миссис Блю. – Его не грех и побаловать. Этим его не испортишь.

– Может быть, и Юджин такой же, – сказала дочь, переворачивая на сковородке ломтики грудинки.

Мать улыбнулась. Все ее дочери были счастливы в браке. Возможно, что брак Анджелы окажется даже самым удачным. Ее жених, вне всякого сомнения, на голову выше всех остальных ее зятьев. Все же она нашла нужным заметить, что осторожность не мешает.

Анджела задумалась. Если бы только мать знала! Или отец! Бог ты мой! Но Юджин такой милый. Ей хотелось прислуживать ему, баловать его. Если бы она могла быть с ним вечно и никогда больше не разлучаться!

«Только бы он женился на мне!» – вздохнула она. Это было самое высшее счастье, какого она могла ждать в жизни.

Юджин, кажется, век не расстался бы с этим гостеприимным домом. Он видел, что старый Джотем охотно беседует с ним. Старик живо интересовался вопросами внутренней и внешней политики, знал понаслышке о многих выдающихся, интересных людях и, по-видимому, был в курсе мировых событий. У Юджина создалось впечатление, что и сам он человек исключительный, но старый Джотем с добродушной усмешкой отмахнулся от подобного мнения.

– Я простой фермер, – сказал он. – Самым большим делом своей жизни я считаю то, что я воспитал хороших детей. Из мальчиков, я знаю, выйдут дельные люди.

Юджину впервые стало понятно, что значит быть отцом и продолжать жить в своих детях, но он не стал задумываться над этим. Он был слишком молод, слишком жизнерадостен, слишком жадно стремился к разнообразию в жизни, а потому истинный смысл этого чувства еще ускользал от него.

Но вот наступило воскресенье, и нужно было уезжать. Юджин пробыл на ферме девять дней – на два дня больше, чем предполагал. А теперь ему предстояло проститься с Анджелой, которая стала ему так близка и слушалась его, как ребенок. Прощай, идиллическая жизнь на лоне природы! Когда-то еще увидит он такого почтенного патриарха, как Джотем Блю, чистого душою, доброго, умного – этого землепашца, стоящего во весь рост на своем кукурузном поле, гордого тем, что он хороший отец, не стыдящегося бедности, не боящегося ни старости, ни смерти? Юджин чувствовал, как обогатилась его душа. Словно он посидел у ног мудрого пророка. Прощайте, великолепные поля, голубые холмы, тенистая аллея густых вязов и белые, красные и синие цветы вокруг дома. Как сладко спалось ему в его опрятной комнатке! С какою радостью прислушивался он к голосам птиц – лесной горлинки и сладкогласного дрозда! Он слышал неумолчное журчанье ручья, бежавшего по своему каменистому ложу Свиньи, коровы, лошади – как все это было ему по душе! Ему вспоминалась «Элегия» Грея, «Покинутое селение» и «Путник» Гольдсмита. Как напоминал этот уголок места, воспетые поэтами.

Когда наступило время отъезда и Юджин шел с Анджелой через лужайку, он, не переставая, твердил ей, как ему больно покидать ее. Дэвид запряг гнедую кобылку и дожидался их в конце аллеи.

– Радость моя, – со вздохом сказал Юджин, – я до тех пор не узнаю счастья, пока ты не станешь моей.

– Я буду ждать, – вздохнула Анджела, хотя в действительности ей хотелось крикнуть: «О, возьми, возьми меня с собой!»

Когда он уехал, она машинально вернулась к своим обязанностям, чувствуя, что все утратило для нее свою радость, свой блеск. Без яркого воображения Юджина, обладавшего способностью озарять все вокруг, жизнь стала казаться ей тусклой.

А Юджин ехал по дороге и мысленно прощался с каждой пядью этой прекрасной земли – с пшеничным полем и живописным ручейком, с озером Оукуни и с идиллическим домиком семейства Блю.

Он говорил себе: «Никогда в жизни я не узнаю ничего более прекрасного. Анджела в моих объятиях в этой маленькой простенькой гостиной! Боже мой! Ведь человек живет всего каких-нибудь семьдесят лет и из них не более десяти или пятнадцати бывает по-настоящему молод».

Глава XX

Юджин увез в душе не только значительно окрепшее чувство к Анджеле, что объяснялось их несколько изменившимися отношениями, но и растущее чувство уважения к ее семье. Какая внушительная фигура старый Джотем, как добра и прямодушна его жена! Юджин думал об их безукоризненном отношении к детям и друг к другу, о почетном положении, которое по праву принадлежит им в обществе. Другого наблюдателя могла бы оттолкнуть ограниченность и мизерность их существования. Но Юджин и сам был слишком мало знаком с роскошью, чтобы относиться с презрением к невзыскательной простоте такой жизни. Он нашел здесь прелесть самобытности, поэзию юности, ее честолюбивых устремлений и счастливых надежд. Сыновья Блю, стойкие и независимые, несомненно займут в жизни то место, какое они себе наметили. Мариетта, эта очаровательная девушка, удачно выйдет замуж. Сэмюэл уже и теперь быстро продвигается по службе в железнодорожной компании. Бенджамен готовится стать юристом, а Дэвида собираются послать в Вест-Пойнт[6]. Эти люди нравились ему своим естественным благородством. И все они обращались с ним, как с человеком, который со временем станет мужем Анджелы. К концу пребывания в их доме он так сроднился с семьей, словно знал ее всю жизнь.

Прежде чем вернуться в Нью-Йорк, Юджин побывал в Чикаго, где повидался с Хау и Мэтьюзом, продолжавшими корпеть на старой службе, и заехал на несколько дней в Александрию. Отец его был все так же погружен в свои дела. Он по-прежнему сам доставлял клиентам швейные машины, и его тележка бодро колесила по бесконечным проселкам, как и в ранние дни его карьеры. На этот раз Юджин не без сожаления подумал о том, как бесплодно отец прожил свою жизнь, но он не мог не восхищаться его терпением и трудолюбием. А на юркого агента по продаже швейных машин немалое впечатление произвели успехи сына, и он добросовестно старался проявить интерес к искусству. Как-то вечером, когда они вместе возвращались домой с почты, мистер Витла обратил внимание сына на какую-то уличную сценку и посоветовал зарисовать ее. Юджин подумал, что эта новоявленная любовь отца к живописи всецело вызвана его успехами. Отец, конечно, и раньше все это наблюдал, но считал пустяками, не заслуживающими внимания, пока не увидел рисунков сына, напечатанных в столичных журналах.

– Если тебя интересуют деревенские виды, ты мог бы нарисовать мельницу Кука, ту, что около водопада. Это одно из самых красивых мест, какие мне встречались, – сказал он как-то вечером сыну, стараясь показать, какое внимание он проявляет к его работе.

Юджин знал этот уголок. Он действительно был красив: живописная речка, катившая свои прозрачные воды у подножья отвесной сорокафутовой скалы из красного песчаника, падала здесь с высоты пятнадцати футов на серые мшистые камни. Место это находилось у самой дороги, на которой царило большое оживление, и было со всех сторон защищено густыми деревьями. Юджин еще в детстве восхищался этим чудесным тихим уголком.

– Да, там очень живописно, – ответил он. – Надо будет как-нибудь заглянуть туда.

Витла-старший почувствовал прилив гордости. Его сын оказывал ему честь, прислушиваясь к его советам.

На миссис Витла, как и на ее муже, начинал уже сказываться налет времени. Морщинки в уголках ее глаз стали глубже, резче обозначились складки на лбу. В первый вечер, увидев Юджина, она затрепетала: перед нею был возмужавший, вполне независимый человек. Жизненный опыт закалил ее сына, придал ему спокойствие и выдержку, говорившие о зрелости. Не стало мальчика, который еще недавно нуждался в ее внимании и уходе. Перед нею был мужчина, который сам мог бы ею руководить и который даже слегка подшучивал над нею, как взрослый над ребенком.

– Ты так вырос, что я просто не узнаю тебя, – сказала она, когда он ее обнял.

– Нет, мамочка, это ты становишься маленькой. Мне казалось раньше, что я никогда не вырасту настолько, чтобы ты не могла взять меня за плечи и потрясти. Но теперь это время ушло, правда?

– Да тебя и наказывать-то было не за что, – нежно сказала мать.

Миртл год тому назад вышла замуж за Фрэнка Бэнгса и уехала с мужем в городок Оттамву, в штате Айова, где Бэнгс получил место управляющего заводом, так что Юджину не удалось ее повидать. Зато он повидался с Сильвией, теперь матерью двух детей. Ее муж был все тем же старательным, консервативным чиновником, каким Юджин помнил его. Вновь посетив редакцию «Морнинг Эппил», Юджин узнал, что Джон Саммерс недавно умер. В остальном там ничего не изменилось. Всеми делами по-прежнему ведали Джонас Лайл и Калеб Уильямс. Юджин был рад, когда настало время уезжать, и с чувством большого облегчения сел в поезд, увозивший его в Чикаго.

И опять, как по приезде из Нью-Йорка и по возвращении из Блэквуда, в нем болезненно заговорили воспоминания о Руби. Он был многим ей обязан. Его первые впечатления в области искусства были в какой-то мере связаны с нею. Все же у него не было желания навестить ее. Впрочем, может быть, и было? Он задавал себе этот вопрос с грустью, так как продолжал любить ее, как любят героиню пьесы или романа. Что-то трагическое было в судьбе этой девушки. Ее жизнь, ее среда, ее преданная любовь – все это составляло как бы законченную новеллу. Когда-нибудь, думал Юджин, он напишет о ней стихи. Ему случалось писать неплохие стихи, хоть он никому их не показывал. Он писал очень просто, но с чувством и получалось у него очень наглядно. Недостаток его стихов заключался в том, что в них не было еще того благородства, какое придают поэзии отстоявшиеся и отточенные мысли.

Юджин не пошел навестить свою бывшую подругу. Он уверял себя в свое оправдание, что это было бы бестактно. Она, конечно, и не захотела бы сейчас его видеть. Возможно, она старается забыть его. К тому же у него есть обязанности перед Анджелой, это было бы нечестно по отношению к ней. Тем не менее, когда поезд, выйдя из пределов Чикаго, устремился на восток, он долго смотрел в ту сторону, где жила Руби, думая о том, как хорошо было бы снова пережить те памятные мгновения.

В Нью-Йорке жизнь, казалось, сулила Юджину повторение прошлого года, лишь с незначительными изменениями. Осенью он поселился вместе с Мак-Хью и Смайтом. Их студия состояла из большой мастерской и трех спален. Они решили, что хорошо уживутся вместе, и, как нечто временное, такое сожительство пошло им на пользу. Критика, которой они подвергали друг друга, содействовала их развитию, а кроме того, им было приятно вместе обедать, вместе гулять, вместе посещать выставки. Они много и плодотворно спорили, так как у каждого была на все своя точка зрения. Это напоминало Юджину его совместную работу с Мэтьюзом и Хау.

Зимою рисунки Юджина впервые появились в «Харперс мэгэзин» – одном из самых крупных периодических изданий того времени. Юджин отнес в этот журнал несколько своих старых рисунков: они понравились, и ему обещали работу, как только подвернется подходящий рассказ. И действительно, в скором времени Юджин получил приглашение зайти в редакцию, где ему было поручено сделать три рисунка за сто двадцать пять долларов. Он писал с натурщиц, прекрасно справился с работой, и в журнале она понравилась. Товарищи поздравляли его – они искренне восхищались его талантом. Он принял твердое решение «покорить», как тогда выражались, журналы «Скрибнерс» и «Сенчури», и по прошествии некоторого времени ему удалось получить у них заказы, хотя и мелкие. В одном случае ему поручили проиллюстрировать стихотворение, в другом – небольшой рассказ, нисколько не подходивший к его манере. Эта работа не принесла Юджину удовлетворения, он чувствовал, что ни то, ни другое нельзя назвать удачей. Ему хотелось либо получить для иллюстрирования подходящий материал, либо поместить в этих журналах одну из своих уличных сценок.

Не легко было создать себе прочную репутацию и обеспечить постоянный заработок. Правда, о Юджине уже заговорили художники, но все же он не мог считать себя сколько-нибудь значительной величиной в глазах публики или заведующих художественными редакциями. Он по-прежнему оставался подающим надежды начинающим художником. Он рос, но до признания было еще далеко.

Только один издатель склонен был оценить его по заслугам, но он располагал очень небольшими средствами. Это был Ричард Уилер, редактор «Крэфт», журнала совершенно безнадежного с коммерческой точки зрения, но горячо откликавшегося на все вопросы искусства. Уилер был еще молодой человек, энтузиаст, и, так как он восторгался работами Юджина, они быстро сдружились.

Этой зимою Уилер познакомил Юджина с Мириэм Финч и Кристиной Чэннинг – двумя женщинами, совершенно различными как по темпераменту, так и по призванию, и каждая из них открыла перед ним совершенно особый мир.

Мириэм Финч была скульптором по профессии, а по темпераменту принадлежала к тем натурам, у которых рассудок перевешивает чувство. Сама неспособная к сильным переживаниям, она тем более ценила их у других. Весь облик ее говорил о том, как много в женщине иной раз таится жизненных сил. Она не знала настоящей молодости, у нее не было ни одного настоящего романа, но она не переставала предаваться романтическим грезам, с почти безнадежной страстностью веря в их осуществление. Как-то вечером Уилер предложил Юджину отправиться к ней в студию; ему хотелось знать, какое впечатление она произведет на его юного друга. Мириэм, которой к моменту этого знакомства минуло уже тридцать два года, была миниатюрная женщина с гибким, как у кошки, телом и выразительными карими глазами. Ее изысканная речь и манеры сразу обличали в ней артистическую натуру. В эту пору в ней не оставалось уже и тени той нежной, расцветающей красоты, которая составляет очарование восемнадцати лет, но она была по-своему интересна и обаятельна. Волосы пушистым облачком обрамляли ее лицо, в быстром взгляде карих глаз сквозили живой ум, отзывчивость и доброта. Ее губы имели очертания лука Купидона, и улыбка их была пленительна. Желтоватый цвет ее лица гармонировал с каштановыми волосами и платьем из светло-коричневого бархата. Мириэм одевалась с благородной простотой, выделявшей ее среди других. Она мало считалась с модой, но все ее туалеты были ей удивительно к лицу; можно сказать, что, заказывая платья, она видела в себе как бы некое художественное целое, гармонически сочетающее индивидуальные запросы с требованиями, которые предъявляет окружающий мир.

Для такой натуры, как Юджин, всякое человеческое существо, наделенное умом и тонким вкусом, тактом и душевным равновесием, обладало неизъяснимым очарованием. Он тянулся к одаренным людям, как цветок тянется к свету. Он находил радость в созерцании законченности и совершенства такого существа. Независимость взглядов и убеждений покоряла его. Умение точно формулировать свои мысли и приходить к определенным убедительным выводам было в его глазах великим и завидным преимуществом. От таких людей он с радостью брал все, что мог, пока не насыщался, а затем отворачивался от них. И только когда у него снова просыпалась потребность в том, что они могли дать ему, он снова готов был вернуться к ним, – но не раньше.

До сих пор все его знакомые подобного рода были мужчинами, – он не знал ни одной сколько-нибудь выдающейся женщины. Начиная с Темпла Бойла и Винсента Бирса, преподавателей класса живой натуры и класса иллюстрации в Чикагском институте искусств, он встретил на своем жизненном пути Джерри Мэтьюза, Митчела Голдфарба, Питера Мак-Хью, Дэвида Смайта и Джотема Блю – и все эти люди с яркой индивидуальностью и ясными взглядами произвели на него сильное впечатление. Теперь ему впервые предстояло встретиться с сильными, незаурядными женщинами. Стелла Эплтон, Маргарет Дафф, Руби Кенни и Анджела Блю были по-своему прелестны, но они не умели мыслить самостоятельно. Ни одна из них не была устоявшейся личностью, способной к самовоспитанию и самоконтролю, как Мириэм Финч. Последняя, не задумываясь, признала бы себя стоящей выше любой из них или всех их вместе взятых – с точки зрения ума, вкуса и таланта, хотя оценила бы по достоинству их красоту и признала бы за ними их законное и необходимое место в обществе. Она изучала жизнь и любила критически анализировать человеческие чувства, но в то же время страстно тосковала именно по тому, чем обладали и Стелла, и Маргарет, и Руби, и даже Анджела, завидуя их молодости, красоте, привлекательности, магнетическому очарованию их лица и фигуры, способному вызвать в возлюбленном пылкую страсть. Ей хотелось быть любимой горячо и красиво, но она была лишена этого счастья.

Мисс Финч жила в одной квартире со своими родными, на восточном конце Двадцать шестой улицы; ее студия была расположена на третьем этаже и выходила окнами на север. Однако жизнь в лоне семьи не препятствовала развитию ее утонченной индивидуальности, открывшей Юджину как бы новый мир. В ее комнате, отделанной в серебристых, коричневых и серых тонах, в одном углу стоял огромный канделябр, вышиною не менее пяти футов, а в другом – великолепный резной ларь старинной фламандской работы. На письменном столе с книжными полками темного орехового дерева теснились прелюбопытные издания – «Марий эпикуреец» Пейтера, «Жены художников» Доде, «История моего сердца» Ричарда Джефриса, «Aes Triplex»[7] Стивенсона, «Касида» Ричарда Бертона, «Дом жизни» Россетти, «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше. Достаточно было Юджину окинуть взглядом комнату и ее хозяйку, как ему стало ясно, что самое присутствие здесь этих книг должно говорить за себя. Он с большим интересом вертел их в руках, прочитывая наугад отдельные абзацы, рассматривал картины на стенках, заглянул во все уголки мастерской, запечатлевая в памяти ее достопримечательности. Он понимал, что это чрезвычайно важное для него знакомство, и, чтобы закрепить его, старался произвести на хозяйку этой чудесной студии как можно лучшее впечатление.

Мириэм Финч с первого же взгляда заинтересовалась Юджином. В нем угадывалось столько силы, любознательности и умения понимать и ценить, что она не могла остаться к нему равнодушной. Что-то заставило ее мысленно сравнивать его с зажженной лампой, отбрасывающей ровный ласковый свет. Не успев познакомиться с хозяйкой студии, Юджин стал бродить по комнате, рассматривая картины, бронзовые и терракотовые фигурки, расспрашивая, чье это, кто рисовал, кто сделал.

– Ни об одной из этих книг я даже не слыхал, – откровенно признался он, просмотрев ее небольшую, тщательно подобранную библиотечку.

– Тут есть замечательные вещи, – сказала она, подходя к нему.

Ей нравилось его простодушное признание, – словно потянуло свежим ветерком. Ричард Уилер, приведший Юджина, нимало не обижался на то, что о нем забыли. Он хотел, чтобы Мириэм Финч полностью насладилась его «находкой».

– Знаете, – сказал Юджин, отрываясь от «Касиды» Бертона и глядя в карие глаза Мириэм, – у меня от Нью-Йорка голова идет кругом. Это такой замечательный город.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– А то, что в нем столько всевозможных чудес. Я на днях видел лавку, где полным-полно всяких старинных украшений, драгоценностей, невиданных камней и одеяний. И, бог ты мой, чего там только нет! Такого количества вещей я не видел за всю свою жизнь. Да взять хотя бы этот непритязательный с виду дом в тихом переулке – и вдруг такая комната! Снаружи как будто ничего особенного, а внутри – прямо дух захватывает, столько роскоши, такие произведения искусства!

– Вы говорите об этой комнате? – спросила она.

– Ну конечно, – ответил он.

– Прошу вас заметить, мистер Уилер, – сказала Мириэм, обращаясь к своему молодому другу-редактору, – в первый раз в жизни меня обвиняют в том, что я купаюсь в роскоши. Поэтому, когда будете писать обо мне, не забудьте упомянуть об окружающей меня роскоши. Мне это нравится!

– Непременно, я так и сделаю.

– Обязательно. И о произведениях искусства тоже.

– Разумеется, и о произведениях искусства тоже, – сказал Уилер.

Юджин улыбнулся. Ему нравилась живость Мириэм.

– Я знаю, что вы хотите сказать, – заметила она. – Я испытывала то же в Париже. Заходишь в маленький домишко, самый обыкновенный с виду, и наталкиваешься на изумительные вещи – груды прелестных нарядов, всякая старина, драгоценности. Где это я читала такую статью?

– Надеюсь, не в «Крэфт?» – сказал Уилер.

– Нет, не думаю. Кажется, в «Харперс базар».

– Какая гадость! – воскликнул Уилер. – «Харперс базар», – нашли что читать!

– Но ведь это как раз ваша тема. Почему бы вам не написать об этом в своем журнале?

– Обязательно напишу, – пообещал он.

Юджин подошел к роялю, стал перебирать кипу нот. И опять наткнулся на незнакомые ему и, очевидно, выдающиеся вещи – «Арабский танец» Грига, «Es war ein Traum»[8] Лассена, «Элегия» Массне, «Нимфы и пастушки» Перселя, – вещи, самые названия которых говорили о чем-то ярком и красивом. Глюк, Сгамбатти, Россини, Чайковский, итальянец Скарлатти… Юджину стало ясно, как мало он знает музыку.

– Сыграйте что-нибудь, – попросил он, и Мириэм с улыбкой подошла к роялю.

– Вы знаете романс «Es war ein Traum»? – спросила она.

– Нет, – сказал он.

– Очаровательная вещь, – сказал Уилер. – Спойте!

Юджин и раньше предполагал, что Мириэм поет, но это богатство красок в ее голосе было для него неожиданностью. Голос был не сильный, но приятный и теплый, и его вполне хватило для тех вещей, которые она бралась петь. Она подбирала для себя музыку так же, как туалеты, – сообразуясь со своей индивидуальностью. Лирические, исполненные поэзии интонации спетого ею романса произвели на Юджина огромное впечатление. Он был в восторге.

– Вы прекрасно поете! – воскликнул он, придвигая свой стул к самому роялю и глядя ей в глаза.

Она поблагодарила его быстрой улыбкой.

– Если вы будете и дальше говорить мне комплименты, я готова петь для вас, сколько хотите.

– Я ужасно люблю музыку, – сказал он. – Ничего в ней не понимаю, но вот такие вещи мне особенно нравятся.

– Вам нравится то, что действительно хорошо. Мне это понятно. Я и сама все это люблю.

Он был польщен и благодарен ей. Она спела «Соловья», «Элегию», «Последнюю весну» – все незнакомые Юджину вещи, но он понимал, что это музыка, которая свидетельствует об изощренном понимании, изысканном вкусе и подлинно артистическом темпераменте. И Руби играла на рояле, и Анджела – последняя даже очень недурно, но он был убежден, что ни та, ни другая понятия не имели об этих вещах. Руби наигрывала популярные песенки, Анджела же предпочитала избитые мелодии, красивые, но слишком уж приевшиеся. А этой женщине не было дела до вкусов широкой публики – она далеко опередила их. Юджину захотелось доставить удовольствие своей новой знакомой, обворожить ее. Он придвинулся поближе и, улыбаясь, смотрел на нее, а она отвечала на его улыбку. Как и многим другим, ей нравились его лицо, рот, глаза, волосы.

«Какой он милый», – подумала она, проводив Юджина. А он ушел от нее с ощущением, что это выдающаяся, исключительная женщина.

Глава XXI

Хотя Мириэм, по-видимому, нисколько не считалась со своей семьей, последняя оказала на ее жизнь немалое влияние. Родители ее были типичными представителями Среднего Запада, у которых права и требования такой изысканной натуры, как их дочь, не находили ни сочувствия, ни понимания. С тех пор как Мириэм еще шестнадцатилетней девочкой обнаружила склонность к искусству, родители стали ревниво оберегать ее от тлетворного, как они считали, влияния артистической среды. Когда из Огайо она переехала в Нью-Йорк, мать последовала за нею и, пока девушка училась в художественной школе, была при ней неотлучно и повсюду сопровождала ее. Затем, решив, что для Мириэм полезно побывать за границей, она отправилась туда вместе с нею. Вся жизнь молодой художницы протекала под самым пристальным наблюдением. Мать была с нею, когда она жила в Париже в Латинском квартале, мать не отходила от нее, когда она осматривала художественные галереи и дворцы Рима. И на развалинах Помпеи и Геркуланума, и в Лондоне, и в Берлине – повсюду ее сопровождала мать, маленькая сорокапятилетняя женщина с железной волей. Она была убеждена, будто знает точно, что именно необходимо для ее дочери, и ей до некоторой степени удавалось внушить это и Мириэм, пока у той постепенно не появились собственные взгляды и вкусы. И тогда между матерью и дочерью начались трения.

В душе девушки родилась смутная догадка, сменившаяся затем ясным сознанием, что ее жизнь зажата в тиски. Ее постоянно предостерегали от общения с тем или иным человеком, ей рисовали опасности, какие сулит молодому, неопытному существу жизнь беспечной богемы. О браке с каким-либо заурядным художником ей нельзя было даже и думать. Лепка с натуры, особенно с обнаженных натурщиков, первое время приводила ее мать в ужас. Она настояла на том, чтобы присутствовать на этих сеансах, и дочь считала, что иначе и быть не может. Но, наконец, вечный контроль матери, ее взгляды, ее интеллектуальное давление стали раздражать дочь, и тогда между ними произошел открытый разрыв. Это была одна из тех размолвок между отцами и детьми, которые могут стать настоящей трагедией для консервативных родителей. И сердце миссис Финч было разбито.

К сожалению, для самой Мириэм разрыв произошел с большим опозданием; лучшая пора ее жизни уже миновала. Из-за неусыпного надзора матери она упустила свою молодость, как раз то время, когда ей следовало бы пользоваться полной свободой. Она утратила любовь нескольких почитателей, которые добивались ее руки, когда ей было восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет, но не выдержали критики ее взыскательной мамаши. А в двадцать восемь лет, когда произошел разрыв, самый восхитительный период для любви миновал, и Мириэм стала ощущать неудовлетворенность и тоскливое разочарование.

Тогда-то она и настояла на полной и коренной перестройке своей личной жизни. Через посредство комиссионеров ей удалось получить заказы на копии с некоторых наиболее удачных ее работ. Публике нравилась ее статуэтка «Танцовщица», изображавшая Карменситу, прославленную балерину того времени, в одном из ее наиболее эффектных танцев, и комиссионер продал восемнадцать статуэток по сто семьдесят пять долларов. На долю Мириэм пришлось по сто долларов с каждой. Другая статуэтка – бронзовая, вышиной не более шести дюймов, под названием «Сон» – была распродана в количестве двадцати экземпляров по сто пятьдесят долларов каждый, и на нее находились все новые покупатели. Был спрос и на статуэтку «Ветер», изображавшую фигуру съежившегося от холода человека. Все это давало Мириэм надежду зарабатывать от трех до четырех тысяч в год.

Тогда Мириэм потребовала от матери, чтобы ей было предоставлено право иметь свою студию, уходить и приходить, когда вздумается, принимать у себя своих знакомых, и женщин и мужчин, и занимать их так, как ей нравится. Она воспротивилась контролю в какой бы то ни было форме, заранее отвергла чье бы то ни было право обсуждать ее действия и категорически заявила, что будет жить по-своему, не отдавая никому отчета. Осуществляя все это, завоевывая себе свободу, она с горечью думала о том, что ее лучшая пора ушла безвозвратно, что у нее не хватило ни ума, ни силы воли отстоять себя тогда, когда это было ей всего нужнее. А теперь ей уже и поздно и трудно меняться. Но ничего не поделаешь!

Кое-что из всего этого Юджин угадал уже при первом знакомстве с Мириэм. Ему открылось все своеобразие ее темперамента и взглядов и то, что можно было бы назвать ее обманутыми надеждами в области чувства. Она жадно тянулась к жизни; Юджин находил это странным, – так щедро, казалось, она была взыскана судьбой; потом, когда они стали большими друзьями, он заставил ее разговориться, и многое стало ему ясно.

Прошло три месяца, – это было еще до его знакомства с Кристиной Чэннинг, – и между Юджином и мисс Финч установились самые чистые, самые здоровые отношения, какие только могли у него быть с женщиной. У Юджина вошло в привычку раз, а то и два в неделю заходить к Мириэм. Он начал понимать ее жизненные устремления, которые носили отвлеченно-эстетический характер и были, в сущности, далеки от всякой чувственности. Ее идеал возлюбленного отчасти определился под влиянием греческой поэзии и скульптуры – Адонис, Персей – и тех юношей средневековья, которых изображали на своих полотнах Милле, Берн-Джонс, Данте Габриель Россетти и Форд Мэдокс Браун. Она мечтала о юноше прекрасно сложенном, с классическими чертами лица; он должен быть умным, мужественным и утонченным. Это был трудно достижимый идеал, в особенности для женщины, перешагнувшей за тридцать лет, но почему не помечтать?

Несмотря на то, что Мириэм по возможности окружала себя талантливой молодежью – молодыми людьми и девушками, – она еще не встретила предмета своих мечтаний. Не раз ей казалось, что она нашла его, но вскоре приходилось сознаваться, что надежды ее снова потерпели крушение. Все молодые люди, которых она знала, склонны были влюбляться в женщин моложе себя, часто в тех интересных девушек, с которыми она сама их знакомила. Не легко видеть, как твой идеал отворачивается от тебя, своего духовного двойника, увлеченный плотским очарованием, которое столь быстротечно. Но именно так складывалась ее судьба, и порой Мириэм была готова поддаться отчаянию. К тому времени, как она встретилась с Юджином, она уже почти убедила себя, что ей не суждено узнать любовь, и теперь не обольщалась надеждой, что он влюбится в нее. И все же он завладел ее воображением, и она порой мечтательно любовалась его интересным лицом и фигурой. Она говорила себе, что если этот человек кого-либо полюбит, то любовь его будет яркой и прекрасной.

Чем ближе они узнавали друг друга, тем больше старалась Мириэм выказывать молодому художнику свое расположение. Двери ее студии всегда были открыты для него. Мириэм была хорошо осведомлена по части выставок, знаменитостей, всяких движений в религии, искусстве, науке, политике и литературе. Она проявляла интерес к социализму и верила в необходимость восстановления справедливости на земле. Юджину казалось, что он разделяет ее взгляды, но жизнь интересовала его больше как зрелище, и он сознавал, что уделяет мало внимания этим вопросам. Она посещала с ним выставки, знакомила его с разными людьми, гордясь тем, что находится в обществе такого одаренного юноши. Ей доставляло удовольствие видеть, как его всюду охотно принимают. Юджин на всех производил самое выгодное впечатление, а в особенности на начинающих писателей, поэтов и музыкантов. Он был весел и остроумен, быстро осваивался в любом обществе и чувствовал себя со всеми легко и непринужденно. Он старался быть объективным и справедливым в своих суждениях, но по молодости о многом судил пристрастно. Он ценил дружбу Мириэм, но не стремился придать их отношениям более интимный характер. Юджин знал, что добиться ее любви можно только честным предложением руки и сердца, а для этого он недостаточно любил ее. К тому же он чувствовал себя связанным с Анджелой, да и возраст Мириэм, как ни странно, казался ему препятствием к браку. Юджин бесконечно восхищался Мириэм, дружба с нею помогла ему создать себе идеал женщины, но он был не настолько увлечен, чтобы домогаться ее любви.

Зато в Кристине Чэннинг, с которой он вскоре познакомился, он нашел не только женщину с более пылким темпераментом и словно созданную для любви, но и не менее яркую артистическую натуру. Кристина Чэннинг была певицей. Она жила в Нью-Йорке с матерью, но последняя не подавляла самостоятельности своей дочери, как миссис Финч, хотя Кристина еще не вышла из того возраста, когда мать может и должна оказывать на дочь известное влияние. Кристине было двадцать семь лет, она не достигла еще славы, которая впоследствии выпала на ее долю, но была полна той веры в свои силы, которая рано или поздно ведет к успеху. Пока что она усердно училась то у одного, то у другого преподавателя и уже имела на своем счету несколько романов. Правда, ни один из них не был достаточно серьезным, чтобы отвлечь ее от избранной карьеры, но она накопила изрядный жизненный опыт, не избежав обычной участи всех неискушенных дебютанток, постепенно узнающих, как устроен мир и что нужно делать для достижения успеха.

Артистическое дарование мисс Чэннинг не нашло своего выражения в создании такой утонченной атмосферы, какою окружила себя мисс Финч, но оно немало способствовало росту ее личного обаяния. В ее голосе, богатом и сочном контральто, была выразительность и глубина, сообщавшие задушевность даже самым задорным песенкам ее репертуара. Она была недурной музыкантшей и аккомпанировала себе с большим чувством и огнем. Будучи солисткой Нью-йоркского симфонического оркестра, она, однако, пользовалась правом получать ангажементы на стороне. Она готовилась ближайшей осенью гастролировать по Германии, надеясь заключить контракт с какой-нибудь придворной оперой и тем самым проложить себе

путь к успеху в Нью-Йорке. Кристину уже хорошо знали в музыкальных кругах и признавали, что она достойна петь на оперной сцене, так что ее будущий успех был скорее делом удачи, а не ее заслуг.

Несмотря на то, что Юджин был очарован обеими женщинами, на его любви к Анджеле это нисколько не отражалось. Он сознавал, что в отношении одаренности и интеллектуального развития она уступает им, зато сердцем она богаче. Ее письма были проникнуты пылкой нежностью, а в ее присутствии он незаметно подпадал под действие ее взволнованных чувств и сам испытывал невольное волнение. Что-то похожее на боль сопровождало каждое воспоминание о ней и вызывало в его представлении образы Сафо и Маргариты Готье. Порою у Юджина мелькала мысль, что, если он покинет Анджелу, это может оказаться для нее роковым. Он, правда, был далек от вероломства, но иногда задумывался над тем, какая пропасть отделяет ее от такой интеллектуалки, как Мириэм Финч. Среди его знакомых были теперь и женщины из общества – женщины, которых он до сих пор знал лишь по газетам да еще по модным журналам типа «Таун топикс» или «Вог», – и все они были по-своему совершенны. Но это были женщины совсем иного – так сказать, третьего типа. Он смутно понимал теперь, что мир необъятен и сложен и что ему предстоит еще узнать о женщинах много такого, о чем он раньше и не догадывался.

В чем Кристина Чэннинг могла соперничать с Анджелой – это во внешности. Она была высокого роста и прекрасно сложена; здоровый румянец, сочные губы и густая копна иссиня-черных волос оттеняли ее смуглое лицо. У нее были выразительные, лучистые карие глаза.

Юджин познакомился с нею через Шотмейера, которого один из его бостонских друзей снабдил рекомендательным письмом к Кристине. Тот, в свою очередь, рассказал ей о своем друге, выдающемся молодом художнике, и попросил разрешения как-нибудь привести его с собой. Мисс Чэннинг дала согласие, так как она видела несколько этюдов Юджина и уловила в них какую-то близкую ей поэтическую нотку. Шотмейер, гордившийся своими выдающимися знакомыми, которые, в сущности, только терпели его занимательную болтовню, расхвалил Юджину голос мисс Чэннинг и спросил его, не хочет ли он как-нибудь вечерком заглянуть к ней. «С большим удовольствием», – сказал Юджин.

Был назначен день, и они отправились вместе. Мисс Чэннинг занимала несколько комнат в одном из лучших пансионов на Девятнадцатой улице. Она приняла их, одетая в гладкое черное бархатное платье, отделанное красным. Это напомнило Юджину платье, в котором он впервые увидел Руби. Красота молодой певицы поразила его. Что же касается Кристины, то она, как не раз потом слышал от нее Юджин, почувствовала какое-то странное, неизъяснимое волнение.

– Когда я в тот вечер причесывалась, я хотела повязать темно-синюю ленту, которую как раз купила, – рассказывала она. – И вдруг подумала: «Нет, я ему больше понравлюсь в красной». Не правда ли, странно? Просто у меня было предчувствие, что ты меня полюбишь и что мы должны будем ближе узнать друг друга. Этот молодой человек – как его? забыла – описал мне тебя очень точно.

Это признание она сделала много месяцев спустя после их знакомства.

Юджин предстал перед ней с тем независимым и горделивым видом, какой он приобрел с тех пор, как его жизнь в Нью-Йорке стала входить в более широкое русло. К знакомству с талантливыми людьми, особенно женщинами, он относился серьезно. Он держался очень прямо, ходил размашистой походкой и испытующе смотрел на собеседника, как бы заглядывая ему в душу. Он быстро составлял себе мнение о людях и умел угадывать в них талант. Взглянув на мисс Чэннинг, Юджин почувствовал, как по всему его телу прошел трепет.

Здороваясь, она протянула ему белую, гибкую руку. Они поговорили о своем заочном знакомстве. Юджин выразил свое восхищение той областью искусства, которой она себя посвятила. «Музыка стоит гораздо выше», – сказал он, когда она заговорила о его собственном призвании.

Темно-карие глаза Кристины оглядывали его с ног до головы. «Он чем-то напоминает свои этюды, – подумала она, – на него так же приятно смотреть».

Она представила его матери. Они сели, и сразу завязался разговор, потом мисс Чэннинг спела «Che faro senza Euridica»[9]. У Юджина было ощущение, что она поет для него. Щеки у нее разрумянились, губы стали еще ярче.

– Ты сегодня удивительно в голосе, Кристина, – заметила ее мать, когда она кончила.

– Я прекрасно себя чувствую, – ответила та.

– Изумительный голос! – воскликнул Юджин. – Он словно огромный красный мак или большая желтая орхидея.

Кристина оценила это сравнение. Оно показалось ей очень верным. Нечто подобное ощущала и она, когда пела.

– Пожалуйста, спойте «Кто Сильвия?», – попросил он немного погодя. И она очень охотно исполнила его просьбу.

– Это написано для вас, – тихо сказал он, приблизившись к самому роялю, когда она кончила петь. – Для меня вы – Сильвия.

Горячий румянец разлился по ее лицу.

– Спасибо, – сказала она, кивнув головой, но глаза ее говорили красноречивее слов. Она приветствовала его смелость и давала ему почувствовать это.

Глава XXII

Главным источником огорчений для Юджина, в особенности с тех пор как в его жизнь вошли эти две женщины, был слишком маленький заработок. И эти огорчения все росли. В первый год ему удалось заработать около тысячи двухсот долларов, во второй – около двух тысяч, а в этом, третьем, году его заработок был, пожалуй, даже еще больше. Но по сравнению с тем, что он видел вокруг себя, по сравнению с той жизнью, с которой он начал знакомиться, это было ничто. Нью-Йорк являл собой зрелище такого материального преуспеяния, о каком он и не подозревал. Богатые выезды на Пятой авеню, обеды в дорогих ресторанах, светские балы, о которых ежедневно писали газеты, – все это кружило ему голову. Его тянуло на улицы наблюдать за нарядной толпой, а замечая господствующую повсюду роскошь и изысканность, он все больше приходил к заключению, что сам не живет, а прозябает. Давно ли искусство казалось ему дорогой не только к славе, но и к богатству? Теперь, по мере того как он изучал окружающий мир, выходило, что это совсем не так. Художники никогда не бывают особенно богаты. Он вспомнил, что читал в повести Бальзака «Кузина Бетта» про выдающегося художника, до которого снизошла богатая семья парижан, выдав за него дочь, и все считали, что девушка сделала плохую партию. Еще недавно он не поверил бы этому, такими недосягаемыми существами представлялись ему служители искусства. Но теперь он все больше убеждался в том, что французский писатель очень верно изобразил отношение к художникам со стороны так называемого света. В Америке были художники, которые пользовались большой популярностью, некоторые из них – по мнению Юджина, совершенно незаслуженно – зарабатывали от десяти до пятнадцати тысяч долларов в год. На какую же ступень социальной лестницы, спрашивал себя Юджин, это ставило их в том мире подлинной роскоши, где заправляли пресловутые «четыреста семейств» – эти обладатели высокого положения и несметных богатств? Он читал в газетах, что на одни только туалеты для молодой особы, начинающей выезжать в свет, требуется от пятнадцати до двадцати пяти тысяч долларов в год. Он знал, что есть люди, которым ничего не стоит заплатить пятнадцать – двадцать долларов за обед в ресторане. По сравнению с теми деньгами, которые выбрасывались на портных и модисток, по сравнению с драгоценностями и нарядами, какие можно было видеть в театрах, жалкий доход художника казался совершенной безделицей. Мисс Финч постоянно рассказывала ему о той выставке роскоши и богатства, какую она наблюдала в домах своих друзей, – благодаря свойственному ей такту она приобрела много знакомых в высшем обществе. Мисс Чэннинг, когда они ближе сошлись с Юджином, то и дело упоминала о прославленных певцах или музыкантах, получавших тысячу долларов за выступление, об огромном жаловании, которое выплачивалось оперным знаменитостям. И, вспоминая свой собственный ничтожный доход, Юджин снова чувствовал себя жалким нищим, совсем как в первые дни своего пребывания в Чикаго. Оказывается, что искусство, если не считать славы, ничего не дает. Оно не обеспечивает настоящей жизни. Оно ведет лишь к своего рода духовному расцвету, который все готовы признать, что не мешает, однако, даже гению оставаться бедным, больным, голодным и жалким. Разве не таким был Верлен, недавно умерший в Париже?

Умозаключения Юджина отчасти объяснялись тем, что все это происходило в начале «золотого века» роскоши, который переживал Нью-Йорк, и он везде и всюду сталкивался с нею. За предшествующие пятьдесят лет многие люди накопили огромные состояния, и теперь в Нью-Йорке были тысячи жителей, «стоивших» от миллиона до пятидесяти, а то и до сотен миллионов долларов. Город – главным образом на острове Манхэттен, за Пятьдесят девятой улицей – зарастал домами, словно сорной травой. В разных частях так называемого «района белых огней»[10] воздвигались огромные отели. То было время первой организованной попытки капитала удовлетворить вновь возникшую потребность – появились современные роскошные восьми-, десяти– и двенадцатиэтажные жилые дома, предназначенные для огромного числа новоявленных капиталистов, представителей недавно разбогатевшей средней буржуазии, которые со всех концов страны устремлялись в Нью-Йорк. На Западе, на Юге и Севере люди наживали огромные состояния. И едва у них появлялось достаточно средств, чтобы прожить остаток дней в довольстве и роскоши, как они переезжали на Восток, занимали дорогие квартиры, наводняли гигантские отели и роскошные рестораны, сообщая городу атмосферу расточительства. Все отрасли, служившие нуждам богатства и роскоши, достигли необычайного расцвета – антикварные лавки, магазины, где вы могли приобрести ковры, портьеры, мебель и безделушки, картины, драгоценности, фарфор и хрусталь – все, все, что только способствовало комфорту и блеску.

Бродя по городу, Юджин все это видел; он ощущал происходившие вокруг него перемены, улавливал эту неуклонную тенденцию к росту населения, к росту роскоши, к росту красоты. Все его помыслы были заняты лишь одним: жить нужно теперь, пока он молод и полон энергии, пока все его увлекает. Скоро это утратит для него всякий смысл – ведь только семь десятков лет отпущено человеку, и из них у него ушло уже двадцать пять. Что, если ему так и не суждено узнать роскошь, что, если высшее общество окажется для него недоступным, если он никогда не получит возможности жить так, как живут богачи? Эта мысль причиняла ему боль. Он испытывал бешеное желание вырвать у мира деньги и славу. Жизнь должна отдать ему его долю, в противном случае он будет проклинать ее до конца своих дней. Таковы были ощущения Юджина на двадцать шестом году жизни.

И все это особенно обострилось под влиянием дружбы с Кристиной Чэннинг. Она была немногим старше его, обладала таким же, как у него, темпераментом, лелеяла те же надежды и стремления и не хуже разбиралась в ходе вещей. Нью-Йорку предстояло увидеть золотой век роскоши. Он уже вступал в него. И те, кто достиг вершин на каком-либо поприще, – особенно в музыке или сценическом искусстве, – могли, по-видимому, рассчитывать на участие в одном из наиболее ярких зрелищ богатства, какие только известны человечеству. Кристина Чэннинг разделяла эти надежды. Она была уверена, что получит свою долю, а после нескольких бесед с Юджином склонна была верить, что и он может рассчитывать на это. Он был такой блестящий и умный.

– Вы какой-то особенный, – сказала она ему, когда он во второй раз пришел к ней. – В вас столько силы. Мне кажется, вы можете добиться всего, чего захотите.

– Ну нет, – возразил он. – Вовсе я не такой ужасный. Поверьте, мне с таким же трудом, как и всем, дается то, чего я хочу.

– Но вы все-таки добиваетесь своего. У вас есть цель.

Понадобилось немного времени, чтобы эти двое пришли к полному взаимопониманию. Они рассказывали друг другу о себе – вначале, конечно, с известной сдержанностью. Кристина посвятила Юджина в историю своей музыкальной карьеры, начавшейся в Хагерстауне в штате Мэриленд, а он вспоминал дни своей ранней юности в Александрии. Они говорили о своих родителях и о том весьма различном влиянии, которое те оказали на них. Он узнал, что отец ее – владелец устричных промыслов, и, со своей стороны, признался, что его отец – агент по продаже швейных машин. Они беседовали о влиянии маленького городка на развитие личности, о своих ранних иллюзиях и начинаниях. Кристина пела в методистской церкви родного городка, собиралась одно время стать модисткой, потом попала к учителю музыки, который чуть не уговорил ее выйти за него замуж. Но тут что-то случилось – не то она уехала на лето, не то что-то другое, – и она передумала.

Один раз Юджин возил ее в оперу, еще как-то ужинал с нею в ресторане, потом опять нанес ей визит и в это третье посещение, проведя в ее обществе тихий вечер, осмелился наконец взять ее за руку. Кристина стояла у рояля, и он смотрел на ее лицо, на большие глаза, в которых дрожал вопрос, на нежную, красиво округленную шею и подбородок.

– Я вам нравлюсь, – сказал он вдруг, безотносительно к чему-либо, если не считать сильного взаимного влечения, которое оба испытывали друг к другу.

Она, ни минуты не колеблясь, утвердительно кивнула, хотя яркая волна краски залила ее лицо и шею.

– Вы мне кажетесь такой прекрасной, что словами этого не выразишь, – продолжал он. – Я могу только написать ваш портрет, или же вы – передать это в пении, – слова тут бессильны. Я не раз бывал влюблен, но в таких, как вы, – никогда.

– Разве вы влюблены в меня? – простодушно спросила она.

– А разве нет? – сказал Юджин, обнимая ее и привлекая к себе. Она отвернула голову, и ее порозовевшая щека оказалась у его губ. Он поцеловал сперва ее щеку, потом губы, шею. Приподняв ее подбородок, он заглянул ей в глаза.

– Осторожнее, – сказала она, – мама может войти.

– Да провались она, – рассмеялся он.

– Как бы вам самому не провалиться, если она сейчас зайдет. Она ведь и не подозревает, что я способна на такие вещи.

– Это доказывает только, как мало мама знает свою Кристину, – сказал он.

– Достаточно знает, – рассмеялась та. – Ах, если бы сейчас быть в горах!

– В каких горах? – полюбопытствовал он.

– В Голубых. У нас там дача в Флоризеле. Вы должны приехать летом, когда мы так будем.

– И мама тоже там будет? – спросил он.

– Да, и папа, – смеясь, ответила Кристина.

– И, надо полагать, кузина Энн?

– Нет, но братец Джордж будет.

– В таком случае бог с ней, с дачей, – сказал Юджин.

– Но я прекрасно знаю окрестности. Там чудесные дороги и тропинки для прогулок.

Она произнесла это с наивным намеком, и ее выразительное, умное лицо засветилось.

– Тогда дело другое, – с улыбкой сказал он. – Но пока что…

– А пока что вам придется подождать. Вы видите, каково положение, – и она кивком указала на соседнюю комнату, где лежала с легкой головной болью миссис Чэннинг, – мама не слишком часто оставляет меня одну.

Юджин не мог понять Кристину. Он еще не встречал такой девушки. Ее прямота наряду с несомненной одаренностью поражала его. Он не ожидал этого, не думал, что она признается ему в любви, не знал, как понимать ее слова насчет Флоризеля. Он чувствовал себя польщенным, он вырос в собственных глазах. Если такая красивая, талантливая женщина, как Кристина, могла признаться ему в любви, значит, он человек незаурядный. Она мечтает о более удобной обстановке… для чего?

Юджин не хотел слишком ускорять события, да и Кристина не стремилась к этому – она предпочитала оставаться для него загадкой. Но в ее взгляде он читал любовь и восхищение и был счастлив и горд этим, не желая пока ничего другого.

Кристина была права – для поцелуев пока было мало возможностей. Мать не спускала с нее глаз. Кристина пригласила Юджина послушать ее концерты в Филармонии. И вот сначала в огромном концертном зале отеля «Уолдорф-Астория», затем в великолепной аудитории Карнеги-холл и в третий раз в прекрасном помещении общества «Арион» он с восторгом видел, как она – такая прекрасная – быстрой походкой приближалась к рампе и останавливалась перед ожидающим ее оркестром и публикой, держась уверенно и даже несколько надменно. Когда огромный зал рукоплескал, Юджин наслаждался воспоминаниями:

«Вчера вечером она обвила мою шею руками. Сегодня, когда я приду к ней и мы останемся одни, она меня поцелует. Эта прелестная и необыкновенная девушка, которая раскланивается и улыбается там, на эстраде, любит меня и никого другого. Если бы я предложил ей, она вышла бы за меня замуж, – если бы я мог это сделать, если бы у меня были средства».

«Если бы я мог…» Эта мысль, как ножом, резнула Юджина, так как он знал, что не может. Он не мог предложить ей стать его женой. Да и не захочет она его, если он скажет ей, как мало зарабатывает. А впрочем, как знать?

Глава XXIII

По мере того как весна близилась к концу, в Юджине все больше крепла мысль не ехать снова к Анджеле, а отправиться в горы, куда-нибудь неподалеку от дачи Кристины. Под действием напряженной, волнующей жизни столицы образ Анджелы несколько потускнел в его душе. Воспоминания о ней оставались все такими же восхитительными, – они по-прежнему были исполнены красоты, – но понемногу Юджином начали овладевать сомнения. Блестящее нью-йоркское общество состоит из людей иного типа; Анджела прелестна и мила, но будет ли она здесь на своем месте?

Тем временем Мириэм Финч – этот утонченный эклектик – продолжала воспитывать Юджина. Она вполне могла бы заменить ему школу. Он сидел у нее и слушал ее рассказы о той или иной пьесе, ее суждения о той или иной книге, ее мнение по тому или иному модному философскому вопросу и чувствовал, что растет не по дням, а по часам. Она знала множество людей и всегда могла сказать, куда следует пойти, чтобы увидеть то, что его интересовало. Не было ни одной выдающейся личности – оратора, которого стоило бы послушать, или нового актера, – о которой у нее не было бы самых исчерпывающих сведений.

– А знаете, Юджин, – восклицала она, увидев его, – вам непременно нужно пойти посмотреть Хейдена Бойда в пьесе «Клеймо»!

Или:

– Вам следует посмотреть Эльмину Деминг в ее новых танцах.

Или:

– Не забудьте взглянуть на картины Уинслоу Хомера – они выставлены у Нэдлера.

И мисс Финч самым подробным образом объясняла ему, почему она хочет, чтобы он видел то или иное, и что, по ее мнению, это может ему дать. Она не скрывала, что считает его гением, и всегда требовала, чтобы он рассказывал ей, над чем работает. Когда в печати появлялась какая-нибудь удачная его работа, она спешила высказать ему свою похвалу. У Юджина нередко бывало такое чувство, словно он владеет и ее комнатой и ею самой, словно ему принадлежит все, что у нее есть, – ее мысли, ее друзья, ее переживания. Все это было полностью к его услугам, сидел ли он у ее ног или шел куда-нибудь вместе с нею. С наступлением весны она с удовольствием стала совершать с ним прогулки, прислушиваясь к тому, что он говорил о природе и жизни.

– Замечательно! – восклицала она. – Почему бы вам не написать это?

Или:

– Почему бы вам не зарисовать это?

Он показал ей некоторые свои стихи, и она тотчас переписала их и вклеила в альбом, который называла своим собранием шедевров. Так она не переставала баловать его.

С другой стороны, и Кристина доставляла ему не меньше радости. Она не уставала говорить Юджину, какого она высокого мнения о нем, каким интересным его считает.

– Вы такой большой, такой умный, – говорила она ему как-то, крепко сжав его руки и ласково заглядывая в глаза. – И мне нравится, как вы причесываетесь. Вы во всех отношениях такой, каким должен быть художник.

– Вы изобрели легкий способ испортить меня, – отвечал он. – Позвольте лучше сказать вам, как вы прелестны. Хотите, скажу?

– М-м-м, – с улыбкой протянула она, отрицательно качая головой.

– Подождите, пока мы очутимся в горах. Там я вам скажу, – и он запечатлел на ее губах такой долгий поцелуй, что девушка чуть не задохнулась.

– Боже, какой вы сильный! – воскликнула она. – Вы точно из стали…

– А вы как большая алая роза. Поцелуйте меня.

Кристина научила его разбираться в музыке и познакомила с именами крупнейших исполнителей. Он приобрел кое-какое понятие о разных ее жанрах – оперном, симфоническом, камерном. Он познакомился с различными формами музыкального творчества, с терминологией, с тайной голосовых связок, с методами вокального обучения. Он узнал, каких интриг полна эта среда, какого мнения крупнейшие музыкальные авторитеты о том или ином композиторе или певце. Он понял, как трудно пробить себе дорогу в оперном мире, какая жестокая идет там борьба, как быстро публика готова отвернуться от заходящей звезды. Кристина ко всему относилась с такой беспечностью, что Юджин готов был полюбить ее за одну эту отвагу. Она была так умна, так добродушна.

– Если хочешь быть хорошей певицей, приходится от многого отказываться, – сказала она однажды Юджину. – Нельзя жить обычной жизнью и оставаться верной искусству.

– Я не совсем понимаю вас, Крисси, – сказал он, нежно гладя ее руку, так как они были одни.

– Очень просто. Нельзя выходить замуж и иметь детей, нельзя играть заметную роль в обществе. Я знаю, что некоторые певицы выходят замуж, но мне кажется, что это ошибка. Большинство артисток, связанных семьей, не слишком преуспевает, насколько мне известно.

– И вы что же, не собираетесь выходить замуж? – полюбопытствовал Юджин.

– Не знаю, – ответила она, догадываясь, к чему он клонит, – во всяком случае, я бы очень и очень подумала. Да и вообще положение артистки дьявольски трудное. Ей над многим приходится задумываться.

– Например?

– Ну, скажем, над тем, что скажут о ней люди и семья, и еще над многим. Для нас, служителей сцены, следовало бы изобрести третий пол, вроде как у пчел.

Юджин улыбнулся. Он тоже догадывался, к чему она клонит. Но он не мог знать, что Кристина не впервые пытается разрешить конфликт между добродетельной жизнью и стремлением к успеху в искусстве. Она не хотела усложнять браком свою карьеру артистки. Она знала почти наверняка, что успех на оперной сцене – а тем более шансы на блестящий успех за границей – для начинающей певицы в сильной степени зависит от какой-нибудь связи. Некоторым удавалось избежать этого, но лишь немногим. Она не переставала спрашивать себя, должна ли она в угоду господствующей морали оставаться девственницей. По общепринятому мнению, девушки должны блюсти себя для того, чтобы потом выйти замуж, но применимо ли это к ней, к артистическому темпераменту? Ее беспокоила мысль о матери и родных. Она оставалась добродетельной, но молодость и страстная натура были для нее источником многих горьких минут. А тут еще появился Юджин.

– Да, это трудный вопрос, – подтвердил он, думая о том, как же она в конце концов поступит.

Он чувствовал, что ее взгляды на брак самым непосредственным образом касаются его. Неужели она готова пожертвовать любовью во имя искусства?

– Не вопрос, а целая проблема, – сказала она и направилась к роялю, чтобы что-нибудь ему спеть.

Под влиянием этого разговора у Юджина создалось впечатление, что Кристина замышляет какой-то очень серьезный шаг. Какой именно – он не решался и подумать, но его крайне интересовало, как она разрешит эту проблему. Ее пренебрежение к условностям поражало Юджина, оно даже его заставило смотреть на вещи шире. Любопытно, думал он, какого мнения была бы его сестра Миртл о девушке, которая подобным образом рассуждает о браке, – в духе, так сказать, «быть или не быть»? И что сказала бы Сильвия? Интересно было бы знать, многие ли девушки так рассуждают? Большинство женщин, которых он знал, было как будто последовательнее его в этих вопросах. Он вспомнил, что спросил однажды Руби, не считает ли она «незаконную любовь» грехом, и в ответ услышал: «Нет. Некоторые считают, что это грех, но вовсе не значит, что и я должна так думать». И вот еще одна девушка, и еще одна теория.

Они и после этого говорили о любви, и Юджин спрашивал себя, почему ей хочется, чтобы он летом приехал в Флоризель. Не может быть, чтобы она… Нет, нет, она слишком для этого консервативна. Однако он догадывался, что она не думает о браке с ним, что сейчас она вообще ни за кого не выйдет замуж. Очевидно, ей просто хотелось быть любимой, хотя бы недолго.

Наступил май, концертные выступления Кристины кончились, да и уроки пения не связывали ее больше с Нью-Йорком. В течение зимы она то и дело уезжала и приезжала – Питтсбург, Буффало, Чикаго, Сент-Пол, – а сейчас, после года тяжелой работы, вместе с матерью на несколько недель уехала в Хагерстаун, предполагая потом отправиться в Флоризель.

«Если бы ты был здесь! – писала она Юджину в начале июня. – Месяц светит к нам в сад, розы в цвету. Какие дивные запахи, какая роса! Некоторые окна открываются вровень с травой, и я пою, пою, пою!»

Ему хотелось бросить все и помчаться на ее зов, но он воздержался, так как она сообщала, что через две недели уезжает в горы. У него был заказ на серию рисунков для одного журнала, его очень торопили, и он решил сначала закончить работу.

В последних числах июня он отправился в Голубые горы, в южной части штата Пенсильвания, где был расположен Флоризель. Он, собственно, рассчитывал на приглашение Чэннингов, но Кристина предупредила его, что будет безопаснее и удобнее, если он остановится в одном из близлежащих отелей. Их было несколько на склонах прилегающих гор, причем плата колебалась от пяти до десяти долларов в день. Хотя это были для него большие деньги, Юджин все же решил поехать. Ему хотелось увидеть эту удивительную девушку, узнать, чем объяснялось ее желание быть с ним вместе в горах.

У него было около восьмисот долларов в сберегательной кассе, и он взял из них триста на поездку. Он захватил с собой для Кристины изящно переплетенный экземпляр Вийона, которого она любила, и несколько томиков новых стихов. Овеянные грустью, они гармонировали с владевшими им в последнее время настроениями, – в них говорилось о тщете жизни, о ее неизбывной скорби, хотя и превозносилась ее совершенная красота.

К этому времени Юджин окончательно пришел к заключению, что никакой загробной жизни нет, что нет ничего, кроме слепой и темной силы, бесцельно играющей человеком, – тогда как раньше он безотчетно верил в провидение и задумывался над вопросом, существует ли ад. Книги служили ему проводниками по торным дорогам и извилистым тропинкам логики и философии. За последнее время он много читал и учился мыслить. Он одолел «Основные начала» Спенсера – книгу, которая буквально перевернула все его взгляды и надолго выбила его из привычной колеи. От Спенсера он вернулся назад – к Марку

Аврелию, Эпиктету, Спинозе и Шопенгауэру, к мудрецам, которые разнесли в прах все его собственные теории и заставили его задуматься над тем, что же такое жизнь. После чтения таких книг он долго бродил по улицам, размышляя о неисповедимых целях природы, о распаде вещества и о том, что человеческие мысли не более постоянны, чем облака в небе. Философские теории возникают и исчезают, формы правления приходят и уходят, человеческие расы нарождаются и вымирают. Однажды он зашел в Музей естественных наук и увидел гигантские остовы доисторических животных, обитавших на земле, как известно, два, три, пять миллионов лет назад. Юджин с удивлением думал о тех силах, которые вызвали их к жизни лишь для того, чтобы потом с такою безучастностью обречь на вымирание. Природа казалась необычайно расточительной в многообразии своих творений, но вместе с тем абсолютно равнодушной к сохранению их. Юджин приходил к выводу, что и сам он всего лишь пустая раковина, слабый отголосок, гонимый ветром листок, не имеющий в сущности никакого значения, и это сознание причиняло ему в то время невероятные муки, грозя сокрушить его эгоизм, подавить всю его гордость мыслящего существа. Он бродил по городу, ошеломленный, обиженный, расстроенный, словно заблудившийся ребенок, но мысль его продолжала упорно работать.

А потом на сцене появились Дарвин, Гексли, Тиндаль, Лэббок, целая плеяда английских мыслителей, которые, подтверждая первоначальные выводы других философов, открыли ему красоту, закономерность, многообразие форм и идей в методах природы, и он был зачарован. Он все еще продолжал читать стихи, а также книги и статьи по естествознанию, но по-прежнему оставался мрачен. Жизнь все так же казалась ему игрой темных, бесцельно мятущихся сил.

То, какие выводы он делал из этого для себя, было весьма характерно для него – человека ярко индивидуалистического склада. Мысль, что красота расцветает лишь ненадолго, чтобы затем исчезнуть, вызывала в нем грусть. Мысль, что жизнь длится лишь семьдесят лет, после чего наступает неизбежный конец, приводила его в ужас. Он и Анджела, думал Юджин, лишь случайные знакомые, связанные неким избирательным сродством, и им не суждено больше встретиться в вечности. Он и Кристина, он и Руби, он и кто бы то ни было другой могли провести вместе всего лишь несколько ярких часов, после чего наступало великое безмолвие, распад, конец всему. Эти мысли, с одной стороны, причиняли боль, с другой – вызывали в нем еще более сильное желание изведать жизнь и любовь, пока он жив. Если бы еще можно было всегда находить забвение в объятиях любимой!

В таком настроении он добрался до Флоризеля, проведя целую ночь в дороге, и Кристина, которая и сама временами склонна была поразмышлять и пофилософствовать, не могла не заметить этого. Она дожидалась его на станции в собственном изящном маленьком кабриолете, чтобы отправиться вместе на прогулку.

Кабриолет катился по мягким, покрытым желтой пылью дорогам. Горная роса еще лежала на земле, и насыщенная влагой пыль не поднималась в воздух. Зеленые ветви деревьев низко нависали над ними, но за каждым поворотом открывались очаровательные виды. Юджин целовал Кристину, так как кругом никого не было, повернув к себе ее лицо и прижимаясь губами к ее губам.

– Счастье, что лошадь такая смирная, не то бы дело кончилось несчастным случаем. Но почему ты так мрачен? – спросила она.

– Я вовсе не мрачен… А впрочем, возможно… Я в последнее время много думал, и все больше о тебе.

– И мысль обо мне вызывает у тебя грусть?

– Отчасти да.

– А почему, разрешите узнать, сэр? – спросила она с притворной строгостью.

– Потому что ты так прекрасна, так очаровательна, а жизнь так коротка.

– И у тебя остается всего пятьдесят лет, чтобы любить меня! – расхохоталась она. – О Юджин, какой ты еще мальчик! Подожди-ка минуточку, – добавила она после маленькой паузы и остановила лошадь у придорожных деревьев. – Подержи, – сказала она, передавая ему вожжи, а когда он взял их, она обвила руками его шею и воскликнула: – Глупенький! Я люблю тебя! Люблю! Люблю! Я еще никогда такого, как ты, не встречала. Ну, это тебя немножечко утешит? – закончила она, с улыбкой заглядывая ему в глаза.

– Да, – ответил он. – Но не совсем. Семьдесят лет жизни – меня никак не удовлетворяет. Для такой жизни, как сейчас, мало целой вечности.

– Да, как сейчас, – взяв из его рук вожжи, словно эхо, повторила она, так как и сама прониклась его чувствами и мечтой о вечной молодости и вечной красоте – обо всем том, что, увы, живет лишь миг и обречено на быстрое увядание.

Глава XXIV

Семнадцать дней провел Юджин в горах в обществе Кристины и за это время дошел до такого восторженного состояния, какого никогда еще не испытывал. Дело в том, что он никогда не встречал женщины, подобной Кристине, такой прекрасной, физически совершенной, с таким проницательным умом и тонкой душой артистки. Она с поразительной быстротою схватывала все, что он хотел выразить. Ее мысли и чувства бесконечно обогащали его. Как и он, она много думала о тайнах жизни, о сложности человеческого организма, о его загадочных функциях, об их сознательных и подсознательных проявлениях и существующей между ними взаимосвязи. Человеческие страсти, желания, потребности были для нее тончайшим узором, в созерцание которого она любила погружаться. У нее не было времени продумать свои мысли до конца, не было желания писать, зато она в своем выразительном пении передавала то прекрасное и возвышенное, что испытывала. И при случае она умела говорить, говорить красиво, с поэтической грустью, хотя в груди ее было столько юной отваги и силы, что ни одна сторона жизни не пугала ее, – не пугало даже и то, что сделает природа с ничтожной горсточкой вещества, из которого она была создана, когда вещество это растворится в пространстве. «Для каждого из нас пробьет последний час», – цитировала она Юджину, и он серьезно кивал головой.

Гостиница, где остановился Юджин, блистала такой роскошью, какой он еще не видел. И никогда в жизни не было у него столько денег, и никогда еще он не чувствовал себя призванным так свободно их тратить. Номер, который он занял, был одним из лучших в отеле; при выборе его Юджин руководствовался тем, что подумает Кристина. По ее же совету он несколько раз приглашал ее обедать вместе с матерью и братом (остальные члены ее семьи еще не приехали). В свою очередь, и он получал приглашения на дачу к завтраку и к обеду.

Сразу по приезде Юджин понял, что Кристина намерена проводить в его обществе возможно больше времени. С этой целью она предложила подняться на три ближайших горы – Высокую, Смелую и Трубу. Она знала превосходные гостиницы в радиусе семи, десяти, пятнадцати километров, куда можно было поехать поездом или в кабриолете, с тем чтобы потом возвращаться при свете луны. В лесной чаще и рощицах она облюбовала два-три укромных уголка, где среди деревьев были крохотные полянки; здесь они привязывали гамак и, раскидав возле себя томики стихов, наслаждались беседой и поцелуями.

Эти прогулки наедине, прекрасные июньские дни, безоблачное небо привели к тому, что Кристина приняла решение, о котором Юджин не смел и мечтать. Они постепенно прошли через все стадии любви. Они много говорили о любви и страсти, с презрением отвергая мысль о том, будто есть что-либо греховное хотя бы и в самой интимной близости между мужчиной и женщиной. И, наконец, Кристина сказала откровенно:

– Я не хочу выходить замуж. Брак не для меня, во всяком случае, до тех пор, пока я не добьюсь серьезного успеха. Я предпочитаю подождать, если только можно любить тебя и сохранить свободу.

– Почему ты хочешь отдаться мне? – спросил Юджин.

– Я не уверена в том, что хочу этого. Я могла бы довольствоваться просто твоей любовью, если бы это тебя удовлетворило. Но я хочу дать тебе счастье. Я хочу дать тебе все, что только могу.

– Странная ты девушка, – сказал он, проводя рукой по ее высокому лбу. – Ты для меня загадка, Кристина. Я не могу понять, как ты пришла к такой мысли. Зачем ты решаешься на это? Если что-нибудь случится, ведь пострадаешь ты.

– О нет, – улыбнулась она. – Если бы это случилось, я бы вышла за тебя замуж.

– Как, решиться на такой шаг просто так, потому, что ты меня любишь, потому, что ты хочешь видеть меня счастливым!.. – Он умолк.

– Я и сама этого не понимаю, золотой мой, – сказала она. – Я просто иду на это.

– Но почему, если ты готова на это, ты не предпочитаешь поселиться со мной? Вот чего я не пойму.

Она сжала его голову в своих ладонях.

– Мне кажется, я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я не думаю, что ты будешь счастлив, если женишься. Может случиться, что ты разлюбишь меня. Или я разлюблю тебя. Возможно, ты пожалеешь об этом. Если мы познаем счастье сейчас, может быть, потом я уже буду тебе не нужна. И, понимаешь, тогда я не буду терзаться мыслью, что мы так и не узнали счастья.

– Что за логика! – воскликнул он. – Ты, вероятно, хочешь сказать, что это я буду не нужен тебе?

– О нет! Мне ты будешь нужен, но не так. Как ты не понимаешь, Юджин, ведь, по крайней мере, я буду знать, что дала тебе все, что могла.

Юджин был опечален тем, что она способна так рассуждать, приводить такие доводы. Какой странный, жертвенный, фаталистический склад ума! Возможно ли, чтобы так рассуждала молодая, прекрасная, талантливая девушка? Поверит ли этому хоть один человек на свете, если рассказать? Он посмотрел на нее и грустно покачал головой.

– Подумать только, что нельзя сохранить навсегда самое лучшее, что есть в жизни, – вздохнул он.

– Нет, золотой мой, ты хочешь слишком многого, – ответила она. – И тебе только кажется, что ты хотел бы это сохранить. Нет, ты хочешь, чтобы все прошло. Ты не согласился бы жить со мной всю жизнь, я уверена в этом. Так бери же то, что посылают тебе боги, и ни о чем не жалей. Гони прочь мысли – ведь ты это умеешь.

Юджин порывисто привлек ее к себе. Он целовал ее без конца, забыв на ее груди все свои прошлые привязанности. И она отдалась ему охотно и радостно, не переставая повторять, что счастлива.

– Если б ты мог видеть со стороны, как мне хорошо с тобой, тебя бы это не удивляло, – говорила она.

Он пришел к заключению, что она самое удивительное существо, какое только встречалось на его пути. Ни одна женщина не проявила в любви к нему такой царственной щедрости. Ни одна женщина из всех, кого он знал, не имела столько мужества, чтобы так сознательно, так просто, так прямо идти к своей цели. Когда он слушал, как эта блестящая артистка, девушка такой красоты, спокойно рассуждает о том, пожертвовать ли ей добродетелью ради любви, пригоден ли брак в его обычных формах для служителей искусства, следует ли ей насладиться его любовью сейчас, пока они оба молоды, или же, подчинившись предрассудкам, дать молодости промчаться, – Юджин чувствовал, что в его еще скованной условностями душе все возмущается против этого, ибо вопреки своему стремлению к личной свободе, вопреки сомнениям и моральным софизмам он продолжал питать глубокое уважение к такой семье, какую создали Джотем Блю и его жена, и к тому, что отсюда следует, – к нормальному, здоровому, послушному потомству. Природе, несомненно, стоило больших трудов и усилий довести человека до его теперешнего состояния, и едва ли она так легко отступится от своего. Да и действительно ли необходимо от всего этого отказываться? Захочет ли он, Юджин, увидеть мир, в котором женщина согласна будет принять его на время, как это делала сейчас Кристина, а затем бросить? Это новое переживание заставило Юджина задуматься, оно опрокидывало все его теории и взгляды, оно перемешало все представления о жизни, какие успели у него сложиться. Он ломал голову над сложностью жизни и любви и, сидя на просторной террасе гостиницы, думал и думал без конца о том, каков же все-таки ответ и почему он не может, подобно другим мужчинам, оставаться верным одной женщине и быть счастливым. Он спрашивал себя, действительно ли это так, действительно ли он не может быть таким, как другие. Пожалуй, что и может. Он знал, что еще до сих пор не разобрался в себе и не умеет управлять своей волей и своими желаниями.

Эти блаженные дни оставили в нем глубокий след. Он был поражен тем, какого совершенства может достигнуть жизнь в иные редкие минуты. Высокие, безмолвные горы, такие однообразные в своих округлых очертаниях, такие зеленые, такие мирные, давали отдых его душе. Однажды он вместе с Кристиной взобрался на гору, которая с высоты двух тысяч футов господствовала – как мелькнуло в голове Юджина – «над всеми царствами мира»: над огромными пространствами зеленых лугов и шахматной доской полей, над скромными поселками и городами, над холмами, поднимавшимися в отдалении, словно дружные братья.

– Посмотри на этого человека там, в палисадничке, – говорила Кристина, показывая на микроскопическое существо, коловшее дрова перед деревенским коттеджем на расстоянии доброй мили от утеса.

– Не вижу, – отвечал Юджин.

– Смотри туда, на этот красный амбар, сразу за рощицей, неужели не видишь? Вот там, на лугу, где пасутся коровы.

– Я не вижу никаких коров.

– О Юджин, что у тебя с глазами?

– А! Теперь вижу, – сказал он, сжимая ее руку. – Он похож на таракана, не правда ли?

– Да, – засмеялась она.

– Как обширна земля и как мы ничтожны! Взгляни только на этого крохотного человечка со всеми его надеждами и мечтаниями, со всей сложной машиной его мозга и нервов и скажи мне, может ли какой-то бог всем этим заниматься. Ну скажи, Кристина, как ты думаешь, может?

– Конечно, нет, дорогой мой, бог не может заниматься одним таким человечком. Но он, возможно, занят мыслью о человеке вообще и о человеческом роде в целом. Впрочем, я и сама не уверена, золотой мой. Я знаю только одно: сейчас я счастлива.

– И я, – словно эхо, отозвался он.

Тем не менее разговор на этом не оборвался, и они продолжали все больше и больше углубляться в вопросы о происхождении жизни и о ее цели.

Они говорили о невероятной древности земли, о бурях рождений и смертей, бушевавших на земле в разные эпохи.

– Не нам решать все эти вопросы, Eugenio mio[11], – рассмеялась она. – Лучше пойдем домой. Моя бедная дорогая мамочка будет беспокоиться за свою Кристину. Знаешь, она, по-моему, начинает подозревать, что я влюблена в тебя. Ей дела нет до того, сколько человек влюбляется в меня, но как только я выказываю кому-либо малейшие знаки предпочтения, она начинает волноваться.

– А много было таких случаев предпочтения? – спросил он.

– Нет. Но зачем этот вопрос? Не все ли равно? Ну скажи, Юджин, не все ли тебе равно? Ведь сейчас я люблю тебя.

– Не знаю, все равно или нет, – ответил он, – но мне больно, когда я думаю о твоем прошлом. Я не могу тебе сказать почему. Однако это так.

Она задумчиво смотрела вдаль.

– Как бы то ни было, ни один человек не был со мной так близок, как ты. Разве этого недостаточно? Разве этим не все сказано?

– Да, дорогая. Этим все сказано. Да, да, все! Прости меня. Я не буду больше тебя расстраивать.

– Не надо, – сказала она. – Ты делаешь больно и мне и себе.

Бывали вечера, когда Юджин сидел в гостинице на одной из террас и смотрел, как развешивали между колоннами китайские фонарики, горевшие мягким светом, и шли приготовления к вечерним танцам. Он любил наблюдать, как собирались мужчины и женщины, жившие в этой летней колонии. Девушки в прозрачных белых платьях и белых туфельках, мужчины в белых полотняных и фланелевых костюмах, весело болтая, шли по дороге. Кристина приходила на эти вечера в сопровождении матери и брата, такая очаровательная в белом полотняном или батистовом платье, отделанном кружевами. Юджин с огорчением думал о том, что он так и не постиг в совершенстве искусства танцев. Он умел танцевать, но далеко не так, как брат Кристины или десятки других мужчин, легко скользивших по навощенному полу, и это заставляло его страдать. Временами после прекрасного вечера, проведенного с возлюбленной, он сидел совсем один, грезя о красоте окружающей природы. Звезды были, как бесчисленные алмазные зерна, раскиданные рукою равнодушного сеятеля. В отдалении высились темные горы. Повсюду были тишина и покой.

Почему жизнь не может всегда быть такою, думал Юджин, и сам себе отвечал, что со временем это сделалось бы убийственно скучным, как и всякая не подверженная переменам красота. Человеческая душа жаждет движения, а не покоя. Покой – на короткое время после деятельности, а затем снова деятельность… Так и должно быть. Он понимал это.

Перед самым его отъездом в Нью-Йорк Кристина сказала ему:

– Теперь, когда мы снова встретимся, я буду мисс Чэннинг, а ты – мистер Витла. Мы почти забудем, что были когда-то вместе. Нам будет с трудом вериться, что мы видели то, что мы видели, делали то, что мы делали.

– Кристина, ты говоришь, как будто между нами все кончено. Ведь это же не так, правда?

– В Нью-Йорке ничего похожего быть не может, – вздохнула она. – У меня нет времени, да и тебе нужно работать.

В ее голосе слышалось твердое решение.

– Кристина, не говори так, прошу тебя! Я не могу себе этого представить.

– Хорошо, не буду, – сказала она. – Посмотрим. Подождем, пока я вернусь.

Он раз десять поцеловал ее на прощание и уже на пороге снова крепко прижал к груди.

– Ты меня совсем забудешь? – спросил он.

– Нет, ты меня забудешь. Но помни одно, дорогой. Ты получил все, правда? Позволь же мне остаться твоей лесною нимфой. Все остальное недостойно нас.

Он вернулся к себе в гостиницу. На душе у него было горько: он знал, что они испытали все, что им было суждено испытать. Кристина полностью насладилась проведенным с ним летом. Она целиком отдала ему себя. А теперь она хотела быть свободной, чтобы работать. Он не мог этого понять, но знал, что это так.

Глава XXV

Грустно возвращаться летом в раскаленный город после чудесных дней в горах. Душою Юджина еще владело безмолвие горных склонов, блеск и журчание быстрых ручьев, он еще видел перед собою ястребов, орлов и коршунов, реющих в хрустальной синеве неба. Он испытывал в первое время тоску, недомогание, чувствовал себя не в силах вернуться к обычной жизни и работе. Время от времени, напоминая о пережитом недавно счастье, приходили письма и коротенькие записки от Кристины. Но он терзался предчувствием конца, тревожившим его еще при расставании.

Необходимо было написать Анджеле. Он совершенно не думал о ней за время своей поездки. У него сложилась привычка писать ей не реже чем каждые три-четыре дня, и хотя в последнее время в его письмах уже не было прежней страстности, все же они приходили регулярно. Теперь же, когда он так внезапно замолчал на целых три недели, Анджела испугалась, не заболел ли он, но где-то внутри у нее уже шевелилось подозрение, что в нем происходит какая-то перемена. В письмах он все реже упоминал о тех радостях, которые они пережили вместе, и о счастье, которое их ждет впереди, и все чаще описывал нью-йоркскую жизнь, все больше говорил о своих честолюбивых стремлениях. Анджела готова была многое ему простить, помня о том, что Юджин прилагает все усилия, чтобы добиться успеха и обеспечить средства для их совместной жизни. Но трудно было объяснить трехнедельное молчание, не предположив какой-нибудь серьезной причины.

Юджин понимал это. Он пытался оправдаться болезнью, писал, что теперь уже встал с постели и чувствует себя много лучше. Но Анджела сразу уловила в его письмах нотку неискренности и задумалась над тем, что это означает. Уж не поддался ли он соблазну той распутной жизни, какую, говорят, ведут художники? Она мучилась сомнениями и тревогой, так как время уходило, а Юджин все не назначал окончательного срока их уже не раз обсуждавшейся свадьбы.

Положение Анджелы было тем более тяжелым, что с Юджином были связаны все ее надежды. Она была пятью годами старше его. Она давно уже утратила ту юность и жизнерадостность, которые свойственны девушке в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Краткая пора вслед за этим, когда девушка цветет, точно роза, и дышит свежестью и красками богатой, новой, яркой жизни, тоже осталась для нее позади. Впереди был неизбежный путь вниз, навстречу более будничному, трезвому и суровому существованию. У некоторых женщин это увядание протекает медленно и аромат юности держится годами, так что нет большой нужды в искусстве портнихи, парфюмера и ювелира. У других оно происходит быстро, и никакие средства не в состоянии остановить тех разрушений, которые производит беспокойная, мятущаяся, неудовлетворенная душа. Иногда искусный уход за собой при медленном разрушении может дать женщине почти неувядаемое очарование, особенно когда красоте физической сопутствует красота духовная и когда ко всему этому присоединяются вкус и такт.

Годы были милостивы к Анджеле, к тому же ее спасала пылкость воображения и чувств. Но внутреннее горение и тревога уже наложили бы на нее печать стародевичества, если бы не благотворное действие домашней среды и счастливая – или злосчастная – встреча с Юджином в минуту, когда она уже готова была поставить крест на своих мечтах о любви. Она не принадлежала к тому новому типу девушек, которые жаждут войти в широкий мир, чтобы расти, развиваться и найти свой, самостоятельный интерес в жизни. Скорее она принадлежала к тем домовитым женщинам, которые мечтают о муже, требующем заботы и любви. И вот ее дивной, прекрасной мечте о счастье с Юджином угрожало крушение, и Анджела с ужасом думала о том, что ей предстоит и дальше влачить бессмысленное, убийственно-тоскливое существование скупо оплачиваемой учительницы в деревенской глуши.

Между тем Юджин, по мере того как лето близилось к концу, приобретал все новые знакомства среди женщин. Мак-Хью и Смайт уехали на лето к родным, и Юджин, пребывавший в полном одиночестве, испытал большое облегчение, когда однажды

познакомился в редакции одного журнала с Нормой Уитмор – темноволосой темпераментной и чрезвычайно экспансивной журналисткой и редактором, которая, как и многие до нее, живо им заинтересовалась. Их познакомил заведующий художественным отделом этого журнала Янс Янсен. Поболтав некоторое время с молодым художником, она зазвала его к себе в кабинет.

Норма привела его в маленькую комнату, не более шести футов на восемь, где стоял ее стол. Юджин успел заметить, что она худощава, что у нее желтоватый цвет лица, что она одних с ним лет или чуть постарше и чрезвычайно умна. Его внимание привлекли ее руки – тонкие, красивые, свидетельствовавшие об артистической натуре. Ее глаза горели каким-то особенным блеском, а свободно сидевшее платье говорило о большом вкусе. У них завязался разговор о его работе, с которой она была знакома и которой восхищалась, а затем она пригласила его к себе в гости. Он смотрел на Норму бессознательно-оценивающим взглядом.

Кристины еще не было в городе, но даже воспоминание о ней мешало Юджину писать Анджеле с прежней страстностью. Все же Анджела по-прежнему представлялась ему очаровательной. Он говорил себе, что надо писать ей регулярно и что в скором времени придется поехать в Блэквуд и жениться на ней. Уже близилось время, когда он в состоянии будет содержать ее и обзавестись собственной студией, если они будут жить скромно. Но в сущности ему вовсе не хотелось жениться.

Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их отношениях и все больше – о чем угодно другом. Ему трудно становилось писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, он остерегался трезво разбираться в своих чувствах – это привело бы его к мучительному заключению, что он не может жениться на Анджеле, и заставило бы так или иначе освободиться от данного ей слова. Этого он не хотел делать. Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости – тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу, и, наконец, мыслью о том, как незавидна будет ее участь, если ей придется сообщить родным, что он ее бросил. Юджин страшно не любил обижать людей. Ему тяжело было сознавать, что он кому-то причинил горе, а причинять горе, не сознавая этого, он тоже не мог. Он был слишком мягкосердечен. Он дал Анджеле обещание жениться на ней. Он был связан словом, он подарил ей кольцо и просил ждать его, он грубо обманывал ее, изливаясь в нежности и страсти. И теперь, после трех лет, опозорить ее перед всей ее милой семьей – старым Джотемом, матерью, сестрами и братьями – казалось такой жестокостью, что он не осмеливался и думать об этом.

Анджела с ее болезненно-мнительной, страстной и робкой натурой не могла, конечно, не чувствовать надвигающейся катастрофы. Она горячо любила Юджина, и долго сдерживаемое пламя ее страсти в течение стольких лет ждало возможности разгореться, – а такой возможностью мог быть только брак. Однако Юджин своими чарующими манерами и обаянием, силою своей чувственности, вспыхивавшей в нем в известные минуты, и неотразимостью доводов, когда разговор заходил о вопросах пола, внушил ей надежды на столь полное осуществление ее грез, что она уже готова была пожертвовать своей девственностью, забыть о добродетели. Воспоминание о том единственном знаменательном вечере мучило ее. Она говорила себе, что если его любовь сменится полным равнодушием, то лучше было бы тогда уступить ему. Зачем она старалась спасти себя? Возможно, у нее родился бы ребенок, и Юджин остался бы верен ей из сострадания и чувства долга. Она испытала бы это величайшее для женщины блаженство – слияние с любимым. В худшем случае она могла бы умереть.

Мысли Анджелы невольно обращались к тихому маленькому озеру неподалеку от их усадьбы, на стеклянной поверхности которого отражалось небо, и она представляла себе, как лежит на его песчаном дне: светлые волосы разметались, и вода шевелит их пряди, глаза закрылись навеки, руки скрещены на груди. Но ее воображение далеко опережало отвагу. Она не способна была бы это сделать, а могла лишь думать об этом, и такие мысли еще усиливали ее горе.

По мере того как время шло, а пыл Юджина не оживал, Анджела все больше мучилась неразрешенными сомнениями любви и все серьезнее задумывалась над тем, что предпринять, чтобы вернуть его привязанность. В свое последнее посещение он так стремился обладать ею, что она и сейчас верила в его любовь, пусть даже разлука и бурная столичная жизнь временно затмили воспоминание о ней. Анджеле пришло на ум выражение из той оперетты, которую она смотрела вместе с Юджином: «Разлука – это темная комната, в которой не видно даже любви» – оно очень подходило к данному случаю. Если бы вернуть его, если бы только он снова очутился подле нее, прежний огонь разгорелся бы в нем, и тогда она, может быть, пошла бы на то, чтобы отдаться ему. Смутная мысль о самопожертвовании уже мелькала у нее и тревожила ее сознание.

Этому в немалой степени способствовали те испытания, которым она подвергалась у себя дома. Ее сестра Мариетта была окружена поклонниками, которые тянулись к ней, как пчелы к медвяной росе цветка, и Анджела понимала, что на нее они смотрят как на нечто вроде гувернантки, приставленной к младшей сестре. Мать и отец с сожалением поглядывали на Анджелу, огорчаясь при мысли, что такая хорошая девушка страдает, потому что ее не ценят и не понимают. Ей не удавалось скрыть свои чувства; родители видели, что она несчастна, и ей было ясно, что они это видят. Тяжело было говорить сестрам и братьям, которые иногда справлялись о Юджине, что у него все благополучно, – а как бы ей хотелось сказать, что он в самом скором времени приедет за ней.

Мариетта сначала завидовала сестре. Ей приходило в голову, что неплохо было бы отбить у нее Юджина, и только мысль о годах Анджелы и о том, что сестра не пользуется большим успехом у мужчин, удерживала ее. Теперь же, когда стало ясно, что Юджин пренебрег Анджелой или, во всяком случае, непозволительно медлит с женитьбой, Мариетта прониклась к ней глубокой жалостью. Однажды – еще задолго до того возраста, когда за девушкой начинают ухаживать, – она заметила Анджеле: «Я буду ласкова с мужчинами. Ты слишком холодна. Ты никогда не выйдешь замуж». Анджела поняла тогда, что дело не в излишней холодности, а в ее инстинктивном предубеждении против типа мужчин, с которыми ей преимущественно приходилось встречаться. Кстати, заурядные мужчины и не увлекались ею. Она не могла заставить себя находить удовольствие в их обществе. Только Юджину удалось зажечь в ней пламя любви, и, однажды познав это чувство, она не могла уже думать ни о ком другом. Мариетта понимала чувства сестры. А теперь, после этих трех лет, Анджела окончательно оттолкнула от себя всех поклонников, в том числе и того, кто оказался всех больше ей предан, – верного Виктора Дина. Единственное, что могло еще спасти ее от опасности полного пренебрежения, была романтическая мечтательность, благодаря которой она сохранила моложавый вид и свежесть чувств.

Страшась быть покинутой, Анджела начала намекать Юджину в письмах, что ему следовало бы приехать навестить ее, и выражала надежду, что он не захочет оттягивать и дальше их брак из-за трудностей, связанных с их будущим устройством. Она снова и снова повторяла, что будет счастлива с ним и в бедности, что тоскует по нем. Юджин поневоле задумался над тем, как же ему поступить.

Преимуществом Анджелы при создавшихся обстоятельствах было то, что она больше, чем какая-либо другая женщина, привлекала его физически. Что-то в ней сулило ему более сильное, более глубокое, более яркое наслаждение, чем он знавал до сих пор. Ему вспоминались дивные дни, проведенные с нею, и особенно тот памятный вечер, когда она молила его спасти ее от нее самой. Красота благодатного лета, обаяние этой приветливой, дружной семьи, аромат цветов и благостная сень деревьев – все способствовало тому, что ее пленительный образ сохранил в его воображении всю свою свежесть. Мог ли он грубо оборвать этот незавершенный роман, отбросить в сторону этот прелестный цветок?

В то время у Юджина не было никакой любовной связи. Мириэм Финч была чересчур консервативна и интеллектуальна. Норма Уитмор не привлекала его с этой стороны. Что же касается других прелестных женщин, с которыми Юджин встречался в том или ином кругу, то ни он не чувствовал к ним влечения, ни они к нему. Он переживал душевное одиночество – состояние, которое всегда обостряло его впечатлительность. И он не мог заставить себя прийти к выводу, что с Анджелой все кончено.

Наконец Мариетта, долго наблюдавшая за развитием романа своей старшей сестры, пришла к заключению, что нужно попытаться помочь ей. Анджела, очевидно, затаила в душе горе, которое лишало ее покоя и душевного равновесия. Она была глубоко несчастна, и это очень огорчало ее сестру. Мариетта любила ее всей душой, несмотря на то, что Юджин мог бы стать между ними яблоком раздора, – и однажды ей пришло в голову написать ему по-дружески и рассказать, как обстоит дело. Она считала, что у него доброе и нежное сердце, что он любит Анджелу, что, возможно, Анджела права, и он медлит лишь из желания обзавестись средствами для их совместной жизни. Быть может, если по-настоящему поговорить с ним, он бросит охотиться за призрачным богатством и поймет, что лучше соединиться с Анджелой сейчас, пока они еще молоды, чем ждать, когда оба настолько состарятся, что вся прелесть брака будет утрачена навсегда. Она долго носилась с этой мыслью, твердила себе, что Анджела вполне заслуживает такого счастья, и наконец набравшись смелости, написала письмо, которое и отправила Юджину.

«Дорогой Юджин!

Вы будете удивлены, получив мое письмо. Только никому про это ни слова, а тем более Анджеле. Юджин, я давно слежу за нею и знаю, что она несчастна. Она без памяти любит Вас. Когда от Вас долго нет писем, Анджела просто места себе не находит, и у нее одна мечта – быть с Вами. Юджин, почему Вы не женитесь на ней? Она такая душечка, такая красавица, и характер у нее чудный. Она не хочет дожидаться хорошо обставленной квартиры и роскоши, – ни одной девушке это не нужно, если она любит так, как, я знаю, Анджела любит Вас. Она хочет быть с Вами сейчас, пока вы оба молоды и можете дать друг другу счастье, а не ждать нарядной квартиры и хороших вещей, которые Вы когда-нибудь сможете ей дать. Юджин, имейте в виду, я ничего не говорила ей, ни полслова, и я знаю, что она ужасно рассердится, если догадается, что я написала Вам. Она никогда не простит мне этого. Но я не могу удержаться, чтобы не написать Вам. Мне тяжело видеть, как она грустит и тоскует, и я уверена, что, узнав об этом, Вы приедете и заберете ее с собой. Только, пожалуйста, ни одним намеком не выдайте меня и не отвечайте на это письмо, разве только уж очень захочется. Но лучше не надо. И разорвите мое письмо. Но только приезжайте за ней поскорее, Юджин, пожалуйста, приезжайте. Анджела так ждет Вас, и она будет Вам прекрасной женой, потому что это чудесная девушка. Мы все ее так любим – и папа, и мама, и все. Надеюсь, Вы простите меня. Я не могла не сделать этого.

Любящая Вас *Мариетта*».

Письмо не только удивило, но и больно поразило Юджина, – он огорчился и за себя, и за Анджелу, и за Мариетту. В самом деле, какое прискорбное положение! Оно занимало его не только потому, что касалось его самого, но и потому, что в нем вообще было нечто трагическое. Бедная Анджела, с золотистыми волосами и ангельским личиком! Какой стыд, что они до сих пор еще не вместе, когда ей этого хочется, как, до известной степени, хочется и ему. Она прекрасна, в этом нет сомнения! Она нисколько не хуже любой другой хорошенькой женщины, не считая, правда, тех, которые выделяются своим умом и развитием. Зато чувством она богаче и Мириэм Финч, и Кристины Чэннинг. Она только не умеет говорить об этом, вот и вся разница. Она умеет лишь страдать. Юджин представлял себе все многообразие ее душевных мук – отношение родных, с недоумением поглядывающих на нее, смятение, в которое повергают ее эти взгляды, ее собственные терзания, холодное участие знакомых, пытающихся разгадать эту загадку. Бедняжка, в какое мучительное положение он ее поставил. Не лучше ли ему поехать к ней? Она может дать ему счастье. Они будут жить в студии, и со временем все устроится. Или лучше остаться жестоким и не ехать? Ему было трудно примириться с этой мыслью.

Так или иначе, но Мариетте он не ответил и, как она просила, разорвал ее письмо на мелкие клочки. «Если бы Анджела знала, – подумал он, – это, конечно, глубоко оскорбило бы ее».

Размышления Анджелы тем временем привели ее к выводу, что, пожалуй, разумнее отдаться возлюбленному, если он когда-либо к ней вернется, – он тогда сочтет себя обязанным жениться на ней. Она и вообще-то плохо знала жизнь, а в то время в ее суждениях царила полная путаница. Она не отдавала себе отчета в том, как неразумны подобные уловки. Она любила Юджина, она чувствовала, что он должен принадлежать ей, что лучше умереть, чем лишиться его, и мысль о таком недостойном шаге пришла ей в голову как последнее средство. Если он откажется жениться, ей остается только броситься в озеро – это она твердо решила. Она покинет этот ужасный мир, где лучшие надежды любви осуждены на гибель. Она забудет все свои муки. Если там ее ждут покой и тишина, больше ей ничего не надо.

Месяцы шли, близилась весна, и так как Юджин догадывался о настроениях Анджелы по тем патетическим фразам, которые часто повторялись в ее письмах, он постепенно пришел к решению, что должен поехать к ней. Письмо Мариетты не выходило у него из головы. В нем родилось предчувствие неминуемой катастрофы. Он не мог хладнокровно сесть и написать ей, что они никогда больше не увидятся. Слишком свежи были в его памяти впечатления от поездки в Блэквуд – благоухание лета и свежая красота того мира, в котором она жила. В апреле он написал, что приедет в июне, и Анджела была вне себя от радости.

Решению Юджина способствовало и то обстоятельство, что Кристина Чэннинг не предполагала в этом году вернуться из Европы. Она несколько раз писала ему в течение зимы, но в чрезвычайно сдержанном тоне. Посторонний человек, прочитав ее письмо, никогда бы не подумал, что между нею и Юджином что-то было. Его письма звучали, конечно, более пылко, но Кристина предпочитала игнорировать его страстные намеки и постепенно внушила Юджину, что ему нечего ждать от нее в будущем. Они останутся добрыми друзьями, но вряд ли будут когда-либо любовниками и, во всяком случае, никогда не будут мужем и женой. Его бесила мысль, что она с таким спокойствием относится к вещам, казавшимся ему чрезвычайно важными. Гордость его была уязвлена тем, что она так равнодушно вычеркнула его из своей жизни. В конце концов он обозлился, и верность Анджелы начала представляться ему в новом свете. Вот девушка, которая не стала бы с ним так обращаться. Она по-настоящему любит его. Это верная, преданная душа. Теперь поездка в Блэквуд стала казаться ему более привлекательной, а к началу июня он уже горел желанием увидеть Анджелу.

Глава XXVI

Наступили прекрасные июньские дни, и Юджин во второй раз отправился в Блэквуд. Странное чувство овладело им – он и хотел увидеть Анджелу, и вместе с тем мучился сознанием, что, возможно, совершает ошибку. Мысль о какой-то роковой неизбежности томила его. Или так уж ему суждено жениться на Анджеле? Но это глупо – ведь решение зависит только от него. Он сам решил ехать за нею, – а впрочем, может быть, и нет?.. Юджин готов был допустить, что следует голосу страсти, но, говоря по правде, он и не видел в любви ничего, кроме страсти. Разве не влечение толкает мужчину и женщину в объятия друг друга? Правда, бывает еще и обаяние личности, но основой все-таки остается страсть. Если физическое тяготение достаточно сильно, то разве не довольно этого для союза двух людей? И что, собственно, еще требуется? Это была логика пылкой и неопытной молодости, но на время она устраивала Юджина и успокаивала его. В Анджеле не было того, что влекло его к Мириэм Финч и к Норме Уитмор, не было у нее также чудесного таланта Кристины Чэннинг. И все же он ехал в Блэквуд.

За истекшую зиму его интерес к Норме Уитмор усилился. Юджина восхищала широта ее взглядов и утонченность ума. Он мало встречал людей с таким независимым вкусом, который делал бы для них доступным все новое и оригинальное в искусстве. Ее влекло к выразительному реализму в литературе и тому свежему, непосредственному искусству, представителем которого он считал себя. Необычайная чуткость и восприимчивость, которая позволяла ей по достоинству ценить то новое и свежее, что он пытался сделать, служила для него огромным поощрением, не говоря уже о популярности, которую она создавала ему и его исканиям среди своих друзей. Не ограничиваясь этим, Норма пыталась заинтересовать работами Юджина двух знакомых владельцев художественных салонов. Как-то, встретившись с ними, она выразила удивление, что они до сих пор проходят мимо такого крупного и значительного явления, как молодой Витла.

– Поймите же, – говорила она Эбергарту Зангу, владельцу крупнейшего художественного салона на Пятой авеню, который давал ей картины для репродукций, – поймите же, это нечто совершенно новое.

– Витла, Витла? – отозвался тот со свойственной ему немецкой сдержанностью, потирая подбородок. – Что-то я не встречал его картин.

– Конечно, не встречали, – так же настойчиво продолжала Норма. – Я вам и говорю, что это новое явление. Он только недавно приехал. Просмотрите номера журнала «Труф» за последний месяц и в одном из них – не помню, в каком именно, – разыщите этюд «Грили-сквер». Тогда вы поймете, что я хочу сказать.

– Витла, Витла? – повторил Занг, стараясь запомнить имя. – Пришлите его ко мне. Я не прочь посмотреть что-нибудь из его вещей.

– Пришлю, – обрадованно ответила Норма.

Ей очень хотелось направить к нему Юджина, но тот не склонен был выставлять свои вещи, пока их не наберется побольше. Он считал, что может рискнуть вынести на суд публики только значительное количество работ. Между тем его серия нью-йоркских видов еще не была закончена. К тому же он надеялся выставить свои картины в еще более крупном художественном салоне.

Отношения между Юджином и Нормой приняли к тому времени такой характер, что их можно было бы назвать отношениями между братом и сестрой, вернее, между двумя приятелями. Бывая у нее, он иногда обнимал ее за талию, без всякого стеснения брал ее руки в свои и ласково похлопывал ее по плечу. С его стороны это было не более, как изъявление дружеской привязанности, в ней же легко могли вспыхнуть чувства совершенно другого порядка, если бы его добродушное, чисто братское поведение не расхолаживало ее. Он никогда не рассказывал ей о других своих приятельницах. И сейчас, направляясь на Запад, Юджин спрашивал себя, как отнесутся к его браку Норма и Мириэм Финч, если предположить, что он действительно женится на Анджеле. Что касается Кристины Чэннинг, то он не хотел, вернее, боялся слишком много о ней думать. От романа с нею у него осталось какое-то ощущение утраченной красоты, чувство, причинявшее боль.

Чикаго в июне показался ему малоприятным и по царившей в городе сутолоке, и по воспоминаниям, которые невольно нахлынули на него здесь. Институт искусств, здание газеты, где он когда-то работал, улица и дом, где жила Руби. Он задумался о ней, как и в прошлый раз, едва поезд стал приближаться к городу. У него было сильное желание разыскать Руби и повидаться с нею. Он побывал в редакции «Глоб», но Мэтьюза там уже не было. Благодушный веселый Джерри незадолго до этого уехал в Филадельфию по приглашению журнала «Норс-Американ»; остался один Хау, такой же мелочный и ничтожный, как раньше. Голдфарба, конечно, тоже не было, и Юджин почувствовал себя в этом городе совсем чужим. Он был рад, когда пришло время сесть в поезд, отправлявшийся в Блэквуд, и покинул Чикаго с щемящим сердцем, скорбя о бесследно канувших годах своей юности и размышляя о бессмысленности, загадочности и тщете жизни.

«Как грустно, что мы стареем, – думал он. – Все то, что было для меня самой сутью жизни, теперь живет только в моем воспоминании».

Дни, предшествовавшие приезду Юджина в Блэквуд, были полны для Анджелы самых бурных переживаний. Теперь ей предстояло узнать, любит ли он ее, как любил когда-то. Она вновь изведает радость его близости, его обаяния и убедится, удастся ли ей удержать его подле себя. Мариетта, узнав, что он приезжает, очень возгордилась ролью, которую сыграло в этом ее письмо, но ее беспокоило, что сестра не сумеет должным образом воспользоваться возможностями, которые открывает ей этот приезд. Ей хотелось, чтоб Анджела выглядела как можно лучше, и она давала ей советы, что надеть, в какие игры играть (со времени последнего приезда Юджина в число развлечений семьи вошли теннис и крокет) и какие совершать с ним прогулки. Она боялась, что у Анджелы не хватит хитрости, чтобы с должным искусством пустить в ход все свои чары: Юджину не миновать ее сетей, пусть только она оденется как следует и покажет себя в наиболее выгодном свете. Сама же Мариетта решила пореже попадаться Юджину на глаза, да и вообще по мере сил стушевываться перед сестрой. Дело в том, что она превратилась в настоящую красавицу и помимо своей воли разбивала сердца мужчин.

– Ты помнишь, Ангелочек, мою нитку кораллов, – сказала она Анджеле однажды утром, дней за десять до приезда Юджина, – надень ее с моим суровым полотняным платьем и твоими коричневыми туфельками. Ты будешь прелесть как хороша и понравишься Юджину. Почему бы тебе не взять новую двуколку и не встретить его в Блэквуде? Ты непременно должна встретить его.

– Нет, знаешь, Бэбиетт, мне, право, не хочется, – ответила Анджела, боясь первого впечатления, которое она произведет на Юджина. Пусть не думает, что она гоняется за ним.

«Бэбиетт» было прозвище, данное Мариетте в детстве и так и сохранившееся за ней.

– Какие глупости, Ангелочек, не будь такой отсталой. Я в жизни не видела более застенчивой девушки. Ведь это же сущие предрассудки. Поверь мне, он тебя еще крепче полюбит, если ты проявишь больше смелости. Ну, как, поедешь его встречать?

– Нет, нет, – ответила Анджела. – Это не для меня. Пусть сперва приедет, и тогда я как-нибудь вечерком покатаюсь с ним.

– Ах какая ты, Ангелочек! Ну, надень хотя бы к его приезду розовое платье в цветочках, а в волосы вплети зеленые листья.

– Полно, Бэбиетт. Ничего подобного я не стану делать.

– Нет, станешь! – заявила сестра. – Ну хоть раз меня послушайся. Розовое тебе удивительно к лицу, а с зелеными листьями будет просто чудно.

– Я не про платье говорю. Я знаю, что оно очень миленькое. Я говорю про листья.

Это новое проявление неуместной скромности окончательно рассердило Мариетту.

– Не будь ты дурочкой, Анджела! – воскликнула она. – Ты старше меня, но я знаю мужчин куда лучше, чем ты когда-либо будешь знать. Разве ты не хочешь понравиться ему? Надо быть более решительной. Бог ты мой! Сколько на свете девушек, которые не то еще сделали бы на твоем месте!

Она обняла сестру за талию и посмотрела ей в глаза.

– Ты сделаешь так, как я говорю, – заявила она, и Анджела поняла, чего Мариетта от нее требует: она должна всеми средствами завлечь Юджина, заставить его окончательно объясниться и назначить точный день свадьбы или же взять ее с собой в Нью-Йорк.

У Анджелы с младшей сестрой еще не раз заходил разговор на эту тему, причем в программу развлечений было включено катание по озеру, несколько партий в теннис, на которые Анджела должна была надеть белый костюм и туфли, и танцы (по слухам, знакомый фермер милях в семи от них затевал в своем новом амбаре вечеринку с танцами). Мариетта решила, что Анджела должна показать себя молодой, веселой, предприимчивой, то есть сделать все, чтобы очаровать Юджина.

Наконец Юджин приехал. Поезд его прибыл в Блэквуд в полдень. Несмотря на все свои возражения, Анджела все же встретила его, хорошо одетая, держась с большим достоинством, как советовала ей Мариетта. Она надеялась произвести на него впечатление своим независимым видом, но, когда он вышел из вагона и она увидела его дорожный костюм с поясом, серое английское дорожное кепи и модный зеленый кожаный чемодан, сердце ее упало. Перед нею был многоопытный, светский человек. Видно было, что Блэквуд для него глухая провинция, которую он ни во что не ставит. Он знал другой, большой мир.

Анджела ждала в своей двуколке в самом конце станционной платформы и, завидев Юджина, замахала ему рукой. Он быстро направился к ней.

– Здравствуй, дорогая! – воскликнул он. – Ну, вот мы наконец и увиделись. Как ты чудесно выглядишь!

Он вскочил в двуколку и сел рядом, критически оглядывая ее, и она всем своим существом почувствовала этот испытующий взгляд. После первого радостного впечатления от встречи Юджин слегка растерялся: эта девушка была так далека от того нового мира, в котором он теперь жил. К тому же она постарела, в этом не могло быть сомнения. Нельзя было рассчитывать, что три года надежд, ожидания и тревог не оставят по себе следа. И все же это было нежное, преданное и милое создание. Юджин почувствовал это, и ему стало чуть больно и за нее и за себя.

– Ну, как ты тут жила? – спросил он.

Они еще не выехали из поселка, и нельзя было давать воли своим чувствам. Пока они не достигли безлюдной проселочной дороги, надо было держаться официально.

– Как всегда, Юджин. Ждала тебя.

Она посмотрела ему в глаза, и ему передалось то волнение, которое охватывало ее в его присутствии. Что-то было во всем ее существе, что раздувало в пламя теплившуюся в нем симпатию к ней. Она пыталась скрыть свои чувства, притвориться веселой и довольной, но глаза выдавали ее. Взгляд этих глаз вызывал в нем смесь желания и душевного волнения.

– Как хорошо снова очутиться в деревне, – сказал он, пожимая ей руку, так как правила она. – А тем более увидеть тебя и эти зеленые поля после большого города.

Он посмотрел вокруг на маленькие одноэтажные домишки, каждый с крохотным газоном, несколькими деревьями и аккуратной изгородью. После Нью-Йорка и Чикаго такая деревушка производила забавное впечатление.

– Ты по-прежнему любишь меня?

Она кивнула. Он стал расспрашивать ее об отце, матери, братьях и сестрах, а когда убедился, что кругом никого нет, обнял и привлек к себе.

– Теперь можно, – сказал он.

Она почувствовала силу его страсти, но – увы! – исчезло обожание, с которым он когда-то смотрел на нее. Да, он сильно изменился. Он не мог не измениться. После впечатлений и встреч большого города она должна была много потерять в его глазах. Анджеле больно было сознавать, что жизнь так жестоко обошлась с нею. Но, может быть, ей еще удастся завоевать его, удержать подле себя?

Они поехали по направлению к Оукуни, маленькому поселку на скрещении двух дорог у небольшого озера того же названия, неподалеку от фермы Блю. Семья Блю считала это место как бы частью своей усадьбы. По дороге Юджин узнал от Анджелы, что ее младший брат, Дэвид, поступил в Вест-Пойнт и делает там большие успехи. Сэмюэл заведует багажным отделением на одной из станций Великой Северной железной дороги и снова ждет повышения. Бенджамен закончил курс юриспруденции и теперь практикует в городе Расине. Он очень интересуется политикой и намеревается выставить свою кандидатуру в законодательное собрание штата. Мариетта по-прежнему беспечна и весела и не проявляет ни малейшего желания сделать наконец выбор среди своих многочисленных поклонников. Юджин вспомнил про ее письмо и подумал, что скажут ему глаза этой девушки, когда он увидит ее.

– Мариетта все такая же опасная кокетка, как и раньше, – ответила Анджела на его вопрос о младшей сестре. – Все в нее влюбляются.

Юджин улыбнулся. Воспоминание о Мариетте всегда доставляло ему удовольствие. И сейчас у него мелькнуло сожаление, что приехал он не к ней, а к Анджеле.

Но Мариетта была не только лукава, – при желании она умела быть и доброй. Встретив Юджина, она намеренно всем своим видом выказала к нему полное безразличие и напустила на себя скромность и серьезность. При этом она не раз вздохнула в душе, так как он ей очень нравился. Не будь это Анджела, думала младшая сестра, она оделась бы как можно лучше и стала бы напропалую кокетничать с Юджином. Ей ничего не стоило бы вскружить ему голову. И она-то уж сумела бы сохранить его любовь. Мариетта чрезвычайно верила в свою способность очаровать, повергнуть к своим ногам любого мужчину, а Юджина она с радостью и сохранила бы для себя. Но сейчас она старалась меньше попадаться ему на глаза и только изредка поглядывала на него украдкой, думая о том, удастся ли Анджеле снова приворожить его. Она очень волновалась за сестру. Никогда, говорила она себе, не станет она на ее пути к счастью.

Семейство Блю встретило Юджина так же сердечно, как и в первый раз. Не прошло и часа, как он почувствовал себя здесь так, словно никогда и не уезжал. Эти широкие поля и старый дом с его чудесной лужайкой навеяли на него волнующие воспоминания. Как только Юджин поздоровался с миссис Блю и Мариеттой, последняя представила ему своего поклонника, приехавшего из городка Вокеша, и предложила сыграть партию в теннис с ней и Анджелой. Юджин не умел играть и отказался.

Анджела появилась в теннисном костюме, и Юджин увидел ее во всем ее очаровании. Она много бегала, разрумянилась и много и весело хохотала, обнажая ровные белые зубы, а он любовался ее быстрыми, ловкими движениями. Она казалась такой хорошенькой и изящной, что Юджин снова пленился ею и, встретившись с ней после тенниса в тихой и темной гостиной, прижал ее к груди почти с былою страстью. Анджела сразу почувствовала в нем перемену. Мариетта оказалась права: Юджин любит веселье и яркие краски. Еще недавно, когда они ехали со станции, она была в отчаянии, но этот порыв вселил в нее надежду.

Юджин редко увлекался наполовину. Если что-нибудь захватывало его, то уж всего целиком. Очарование минуты владело им безраздельно, так что он в конце концов готов был вообразить себя совсем не таким, каким был в действительности. И сейчас он охотно поддался тому настроению, которое хотели пробудить в нем Анджела и Мариетта, и уже готов был видеть свою нареченную в прежнем свете. Он сознательно закрывал глаза на многое, что не ускользнуло бы от него в нью-йоркской студии, где на его суждение оказали бы влияние другие обстоятельства и причины. Анджела была недостаточно молода для него; она придерживалась устарелых взглядов. Она была очаровательна, спору нет, но ему никогда не удалось бы привить ей свое, легкое, отношение к жизни. А между тем она не знала его с этой стороны, и он ничего не говорил ей об этом. Он выступал

перед Анджелой в роли героического однолюба, преданного Ромео, рождая в ней отраднейшие для женского сердца иллюзии. Юджин уже догадывался, что он человек ненадежный, но ему все еще не хотелось признаваться в этом даже самому себе.

Прозрачные июньские сумерки сгустились, в небе зажглись звезды. К вечеру вернулся с поля старый Джотем, это был все тот же почтенный патриарх. Он сердечно пожал Юджину руку.

– Я часто вижу ваши рисунки в журналах, – заметил он. – Вы делаете успехи. Тут у нас поблизости, у озера, живет молодой пастор, который жаждет с вами познакомиться. Его интересуют ваши работы, и я посылаю ему каждую книжку с вашими рисунками, как только Анджела ее прочитает.

Он говорил – то книжки, то журналы; казалось, они не больше значили в его глазах, чем, скажем, листья на деревьях – да в сущности так оно и было. Человеку, привыкшему наблюдать чередование времен года, посевов и урожаев, вся жизнь, с ее неугомонным мельканием образов и форм, кажется игрою преходящих теней. Даже люди были для него подобны листьям, падающим с деревьев.

Джотем притягивал к себе Юджина, как магнит притягивает железо. Мировоззрение этого патриархального фермера находило отклик в душе молодого художника, и Анджелу он видел как бы в лучах исходящего от него сияния. Если у нее такой замечательный отец, то и она должна стоять выше женщин среднего уровня. У такого человека должны быть исключительные дети.

Едва ли можно было ожидать, чтобы Анджела и Юджин, оставшись наедине, не возобновили прежних отношений. А поскольку они так далеко зашли в прошлый раз, было вполне естественно, что они не остановятся и пойдут дальше. Когда она после обеда вышла к нему из своей комнаты, одетая, по настоянию сестры, в облегающее вечернее платье из мягкой ткани и с довольно глубоким вырезом, Юджину передалось ее волнение. Он и сам не знал, как будет вести себя, насколько он может за себя ручаться. Под влиянием страсти Юджин терял голову, она порой завладевала им с неодолимой силой. Она дурманила его сознание, как снотворный порошок или газ. Он мысленно принимал решение взять себя в руки, но, если он сразу же не обращался в бегство, спасения не было, он терял способность бежать. Он колебался и медлил, но уже через несколько минут страсть одерживала верх, и он слепо, безвольно повиновался ей, хотя бы это грозило ему опасностью и даже гибелью.

В этот вечер, когда Анджела вышла к нему, он спрашивал себя, что мог значить ее приход. Должен ли он дать себе волю? Женится ли он на ней? Удастся ли ему сохранить свободу? Они сели и стали беседовать, но вскоре он привлек ее к себе. Повторилась старая история: с каждой минутой страсть разгоралась. И вскоре Анджела, обессиленная долгим ожиданием и тоской, перестала сопротивляться. А Юджин…

– Если что-нибудь случится, мне придется уйти из дому, – с мольбою в голосе сказала она, когда он, подняв на руки, понес ее к себе в комнату. – Мне нельзя будет остаться здесь.

– Молчи, – сказал он. – Приедешь ко мне.

– Это правда, Юджин?

– Такая же правда, как то, что я держу тебя в своих объятиях, – ответил он.

В полночь Анджела открыла испуганные, удивленные, растерянные глаза, чувствуя себя безвозвратно погибшей. Две картины сменялись у нее в голове, чередуясь с равномерностью маятника. В одной главное место занимали брачный алтарь и прелестная студия в Нью-Йорке, куда Юджина приходили навещать друзья, как он не раз описывал ей. Другая представляла собою тихие воды голубого озера Оукуни, на дне которого она лежит, бледная и неподвижная. Да, если он и теперь не женится на ней, она умрет. Жить тогда не стоит. Она не станет принуждать его. Она просто выйдет как-нибудь ночью потихоньку из дому – если окажется, что больше не на что надеяться, что позора не скроешь, – и на другой день найдут ее труп.

Бедная Мариетта, как она будет плакать. А старик отец, – Анджела мысленно рисовала себе его горе. Впрочем, он никогда не узнает всей правды. А мать…

«О боже милосердный, как тяжело жить на свете, – думала она, – какой страшной бывает жизнь».

Глава XXVII

После этой ночи вся атмосфера в доме казалась Юджину насыщенной укоризной, хотя внешне это не проявлялось ни взглядом, ни словом. Когда он проснулся на другое утро и через полуоткрытые ставни увидел окружающий зеленый мир, вместе с

утренней свежестью его охватило чувство глубокого стыда. Как это жестоко – явиться в такой дом и сделать то, что он сделал! Ведь в конце концов сколько ни философствуй, разве такой славный старик, как Джотем Блю, честный и добропорядочный гражданин, прямой и искренний в своих понятиях о морали, в своем уважении к правам ближнего, – разве не заслужил он лучшего отношения со стороны человека, которым восхищался? Джотем так тепло отнесся к нему. В их беседах было столько взаимного уважения и понимания. Юджин чувствовал, что Джотем считает его честным человеком. Он и сам знал, что располагает к себе людей. Он был откровенен, добродушен, уважителен, не любил никого осуждать; но женщины и женская красота – вот где было его слабое место. И, однако, разве вопрос о взаимоотношении полов не имеет важнейшего значения? Разве на этом не зиждется весь мир? Разве от порядочности и честности отдельных людей не зависят добрые устои и нравы? Разве семья не краеугольный камень общественного здания? Как можно ожидать, чтобы человек был порядочным, если не были порядочными его отец и мать? Как может общество надеяться чего-либо достигнуть, если люди будут метаться по воле своих страстей и повсюду заводить беспорядочные связи? Каково было бы ему, например, если б кто-нибудь обесчестил его сестру Миртл? Задав себе этот вопрос, Юджин не мог точно ответить, чего он хочет и чему сочувствует. Миртл – такой же свободный человек, как и всякая другая девушка. Она вольна поступать, как хочет. Возможно, что ему это было бы не совсем по душе, но…

Юджин переходил от одного вопроса к другому, снова и снова пытаясь распутать этот гордиев узел. Взять хотя бы дом Анджелы, который представлялся ему таким милым и чистым, когда он впервые вошел в него; теперь на него легла тень, и эту тень набросил он сам. Но так ли уж он виноват? – продолжал рассуждать Юджин. Теперь уже не оставалось ничего, что он принимал бы за истину. Он метался в заколдованном кругу. Это ли истина? Или это? Или вот то? Но ответа не было. Жизнь казалась неразрешимой загадкой. Иногда она заставляла его стыдиться своих поступков. Вот и сейчас он сгорал от стыда. И вместе с тем спрашивал себя, в самом ли деле он должен чего-то стыдиться. Может быть, это глупо? Разве мы живем не для того, чтобы жить, а для того, чтобы мучить себя упреками? Ведь не он создал заложенные в нем страсти и желания.

Юджин распахнул настежь ставни, и его ослепило сияние яркого дня. За окном все зеленело, цветы распустились во всей своей красе, деревья отбрасывали прохладную тень. Щебетали птицы. Гудели пчелы. В воздухе стоял запах сирени.

«Бог ты мой! – воскликнул Юджин, вскидывая руки над головой. – Как хороша жизнь. До чего она прекрасна!..»

Юджин глубоко вдохнул в себя воздух, насыщенный ароматом цветов. Если бы можно было всегда так жить – вечно, вечно!

Он обтерся холодной водой, оделся, выбрав мягкую сорочку с отложным воротником и темный галстук, и вышел из комнаты бодрый и свежий. Анджела уже встала и ждала его. Лицо ее было бледно, но вся она светилась какою-то грустной красотой.

– Полно, полно, – сказал он, ласково взяв ее за подбородок. – Ну что это!

– Я сказала всем, что у меня болит голова, – шепнула она ему. – Она у меня действительно болит. Ты понимаешь?

– Я понимаю твою головную боль, – рассмеялся он. – Но все будет хорошо, очень, очень хорошо. Какой чудесный день, правда?

– Прекрасный, – грустно ответила она.

– Не горюй, – настойчиво повторил он. – Полно терзаться, все будет чудесно.

Он подошел к окну и выглянул в сад.

– Твой завтрак будет сейчас готов, – сказала она и, пожав ему руку, исчезла.

Юджин вышел из дому и направился к гамаку. Теперь, очутившись среди простора лугов и полей, он испытывал такое наслаждение, такую радость, что от его тревог не осталось и следа. Эти мощные, вечно юные силы обновленной природы, которые он ощущал вокруг себя, заставили его позабыть свой страх перед злом и нравственным падением, страх, которому так легко поддаются смертные. Юджин чувствовал, что молодость и любовь оправдывают все, особенно при взаимном влечении. Почему было ему не взять Анджелу? Почему им не принадлежать друг другу?

Когда Анджела позвала его завтракать, он с большим аппетитом съел все, что она ему приготовила. Он держался с ласковой непринужденностью победителя, Анджелу же, подобно человеку, пустившемуся в опасное плавание, томили страх и неуверенность. Она подняла парус, но куда плывет она, к какой пристани прибьет ее челн? Что сулит ей судьба – смерть на дне озера или блаженство с Юджином в его нью-йоркской студии? Будет ли она жить и познает счастье, или ее ждет смерть и черная загадка небытия? Существует ли ад, как уверяют проповедники, это страшное обиталище погибших душ, воспетое

поэтами? Она смотрела на тот же мир, который Юджин находил таким прекрасным, и в самой его красоте ей чудилась опасность.

А между тем ей предстояло еще много-много таких дней. Несмотря на все ее тревоги, запретный плод, которого она однажды вкусила, теперь казался сладостным и соблазнительным. Как только они с Юджином оставались вдвоем, волнение снова охватывало их.

Днем она предавалась своим опасениям, но наступала ночь, в небе загорались звезды, веяло упоительной прохладой, и, покорная зову страсти, Анджела забывала все свои муки. Юджин был ненасытен, она стосковалась по ласке. Малейшее прикосновение его было подобно искре, упавшей на трут. Она уступала ему, твердя, что не уступит.

Родные Анджелы пребывали, конечно, в блаженном неведении. Анджеле казалось удивительным, что самые стены, которые видели ее с Юджином, не кричат о ее падении. В том, что им удавалось много времени проводить наедине, не было ничего странного, так как ухаживания Юджина всячески поощрялись – ради нее же, – но Анджелу даже пугало, что ее грех оставался необнаруженным: то, что можно было объяснить лишь случайностью, представлялось ей зловещим предзнаменованием. Что-то непременно случится, шептал ей какой-то недобрый голос. Ей не хватало смелости, которая была бы под стать ее страсти и в которой она так нуждалась.

Прошла неделя, и хотя Юджин проявлял уже меньше пыла и был до некоторой степени угнетен сознанием, что он, по-видимому, до конца исчерпал свою победу, он все еще не решался уезжать. Ему жаль было покидать этот дом, обрывать медовый месяц, насыщенный красотой и радостью (тем более восхитительной и чарующей, что никто не делил с ними их тайны), но постепенно в нем стала просыпаться мысль о связывающих его цепях долга и ответственности. Ведь Анджела отдалась на его милость, доверившись его чести. Она добилась от него обещания жениться не настойчивостью, не коварными уловками, рассчитанными на то, чтобы завлечь его в свои сети, а лишь сказав, что в противном случае ей придется умереть. Достаточно было посмотреть на нее, чтобы убедиться, что это не ложь. К тому же теперь, когда Юджин добился своего, когда он познал всю глубину ее чувств и желаний, он еще больше оценил ее. Хотя она была старше его, она дышала такой юностью и красотой, что он был заворожен. Ее тело было восхитительно прекрасно. Ее представления о жизни и любви были преисполнены нежности и красоты. Как рад он был бы осуществить ее мечту о блаженстве без ущерба для себя.

Когда его пребывание в Блэквуде близилось к концу, Анджеле пришла удачная мысль съездить в Чикаго, так как надо было сделать кое-какие покупки. Мать не возражала, и Анджела решила ехать вместе с Юджином. Это смягчало тяжесть разлуки и давало возможность обо всем поговорить. Анджела, как всегда, должна была остановиться у своей тетки.

По дороге она снова и снова задавала Юджину вопрос о том, как он будет теперь относиться к ней. Не станет ли он презирать ее за то, что произошло. Он уверял, что нет. С грустью она сказала ему, что только смерть или замужество может сейчас спасти ее.

– Что это значит? – спросил он, прижав к груди золотистую головку Анджелы и глядя в ее печальные темно-синие глаза.

– Если ты на мне не женишься, мне придется покончить с собой. Я не смогу тогда оставаться дома.

Он представил себе, во что превратит смерть ее прекрасное тело, ее чудесные волосы, и с сомнением спросил:

– Неужели ты решилась бы на это?..

– Да, – печально ответила она. – У меня нет выхода.

– Тсс, Ангелочек! – остановил он ее. – Ничего подобного ты не сделаешь. Тебе не придется горевать. Я женюсь на тебе… А как бы ты это сделала?

– О, я уже все обдумала, – мрачно ответила она. – Ты помнишь наше маленькое озеро? Я утоплюсь в нем.

– Что ты, родная, – взмолился он, – не говори так. Это ужасно. Не поддавайся сомнениям! Все будет хорошо, увидишь!

Подумать только, что она будет лежать на дне маленького Оукуни, этого тихого озерца с зелеными берегами и желтыми песчаными отмелями! Подумать только, что этим может кончиться вся ее любовь, вся ее страсть! Смерть ее пала бы на его голову. Эта мысль была для Юджина невыносима. Она пугала его. Такие драмы иногда описываются в газетах со всеми душераздирающими подробностями, но его это не должно коснуться. Он женится на ней. В конце концов она хороша собой. Ему придется жениться. Самое лучшее – теперь же принять решение. Он задумался над тем, как скоро придется это

осуществить. Из семейных соображений Анджела требовала официального бракосочетания: если ее родные и не будут на нем присутствовать, пусть они по крайней мере знают, что оно состоялось. Она согласна поехать с ним на Восток – это нетрудно будет устроить. Но они должны сочетаться браком. Юджин так ясно отдавал себе отчет в том, как сильны в ней условности, что ему и в голову не приходило предложить ей что-либо другое. Она не согласилась бы, она ответила бы презрением. Единственной альтернативой для нее была смерть.

В тот вечер, их последний вечер, когда Анджеле предстояло вернуться в Блэквуд, он проводил ее, печальную, на вокзал, а сам, донельзя расстроенный, отправился в Джексон-парк, где однажды при свете луны любовался очаровательным озером. Были последние дни июня, и воды озера отливали серебристыми, розовыми и лиловыми тонами. Деревья на западе и на востоке тонули во мгле. В небе догорал последний оранжевый румянец зари. Воздух был насыщен ароматом, теплыми июньскими благоуханиями. Бродя тихими тропинками, где песок и галька чуть хрустели под ногами, Юджин думал о промчавшейся неделе. Как богата и разнообразна жизнь, и сколько в ней высокой романтики! Взять хотя бы любовь Анджелы – как она прекрасна! Хорошо любить и чувствовать себя молодым. Что ждет его впереди – еще более прекрасные мгновения, или же он так и будет брести, то и дело оступаясь, попусту тратя время, расточая себя и свои силы в разврате? Но разве это называется развратом? Настанет ли когда-нибудь для него час возмездия? Будет ли он любить Анджелу после того, как женится на ней? Будут ли они счастливы?

Юджин стоял на берегу тихого озера и любовался бесчисленными оттенками света, отраженными в его водах, испытывая восторг художника перед совершенной красотой природы, которая пробуждает мысли о любви, смерти, поражении и славе. Как романтично, что в таком вот озере могут найти труп Анджелы, если он поступит с ней жестоко. Такой же мрак, какой сейчас заливает землю, погасил бы ее яркие мечты. Чем это не сюжет для поэтической новеллы? Он подумал, что какой-нибудь великий писатель, вроде Доде или Бальзака, мог бы воспользоваться этим мотивом для своего талантливого произведения. И художник нашел бы здесь тему для романтического образа. Бедная Анджела! Будь он искусным портретистом, он написал бы ее. Обнаженное тело, густые пряди волос ниспадают на шею и грудь, – это была бы прекрасная картина. Должен ли он жениться на ней? Да, должен. Хотя неизвестно, к чему это приведет. Возможно, что это будет ошибка, но…

Он смотрел на бледнеющие краски озера, отливавшего то серебристыми, то розовыми, то свинцово-серыми тонами. Над его головой ярко загорелась звезда. Что будет с Анджелой, если над ней действительно сомкнутся неподвижные воды озера? Как пережил бы он ее смерть? Это было бы слишком ужасно, слишком горько. Нет, он должен жениться на ней.

Юджин вернулся в город, чувствуя в душе всю скорбь мира, и в таком настроении, забрав в отеле свой чемодан, сел в ночной поезд, отправлявшийся в Нью-Йорк. Забыты были и Руби, и Мириэм, и Кристина. Он оказался участником любовной драмы, от которой зависела жизнь Анджелы и его будущее душевное спокойствие. Он не мог предугадать, чем все это кончится, и только чувствовал, что должен жениться на ней. Когда – он еще и сам не знал, обстоятельства подскажут. Возможно, что даже немедленно. Необходимо позаботиться о студии, объявить о предстоящем переезде друзьям – Смайту и Мак-Хью, и еще больше напрячь все силы, чтобы добиться успеха и средств для совместной жизни с Анджелой. Он в таких ярких красках расписал ей свою жизнь художника, что теперь боялся ее суда. Главное, чтобы студия ей понравилась. Он должен будет представить Анджеле своих друзей. Всю дорогу в Нью-Йорк эта мысль не давала ему покоя – Смайт, Мак-Хью, Мириэм, Норма Уитмор, Кристина… Что подумает Кристина, если, вернувшись в Нью-Йорк, найдет его женатым? Конечно, между этими людьми и Анджелой лежит пропасть. В них, как бы это сказать, больше смелости, больше понимания, пожалуй, больше души. Подумают ли они, увидев ее, что он сделал ошибку? Или сочтут его глупцом? У Мак-Хью есть девушка, но совсем другого типа – интеллигентная, умная. Юджин думал и думал и неизменно приходил к одному заключению. Он должен жениться. Другого выхода нет. Так надо.

Глава XXVIII

Октябрь ознаменовался в студии господ Смайта, Мак-Хью и Витла на Уеверли-плейс неким из ряда вон выходящим событием.

Даже в большом городе пора, когда листья начинают желтеть и опадать, навевает грусть, которая еще усиливается при появлении обычных предвестников зимы: серого неба, резкого, порывистого ветра, что гонит по улицам щепки, солому, обрывки бумаги, – даже из дому выйти неприятно. Бедняки зашевелились: надвигаются лишения, непогода, холод. Но и тот, кто праздно провел лето, с новым рвением берется за работу. Купля, обмен, продажа в полном разгаре. В промышленности, в избранных кругах общества, в мире искусства, медицины, юриспруденции, финансов и литературы – повсюду жизнь бьет ключом, люди снова прониклись стремлением что-то делать, чего-то добиваться. Весь город, в предвидении близкой зимы, испытывает прилив энергии и жажду деятельности.

В этой атмосфере Юджин, достаточно ясно представлявший себе, на чем зиждется окружающая его жизнь и в чем секрет преуспеяния, ревностно работал над решением той задачи, которую он себе поставил. Расставшись с Анджелой, он пришел к выводу, что необходимо закончить кое-что для выставки, о которой он не переставал думать последние два года. Другого пути для того, чтобы привлечь к себе внимание общества, у него не было, это он хорошо знал. По возвращении в Нью-Йорк он успел уже многое пережить. Во-первых, напрасную тревогу из-за письма Анджелы, которой показалось, что с ней происходит что-то неладное. Предположение это, хотя и совершенно искреннее, было вызвано игрой больной фантазии, сулившей ей всякие

бедствия, и ничем в действительности не подтверждалось. Несмотря на некоторый свой опыт, Юджин все же недостаточно разбирался в таких вещах. Впрочем, если бы он даже что-нибудь и знал, то не решился бы расспрашивать. Во-вторых, испугавшись этих новых осложнений, он написал ей, что готов жениться, и, принимая в расчет ее тяжелое душевное состояние, решил не медлить с этим. Ему надо было лишь закончить некоторые этюды, собрать немного денег и найти подходящую квартиру, где они могли бы устроиться. Он побывал во многих студиях в разных частях города, но все еще не нашел ничего, что было бы ему по вкусу и вместе с тем по карману. Найти студию с подходящим освещением, ванной, спальней и хотя бы небольшим чуланчиком под кухню было трудно. Цены казались ему очень высокими – от пятидесяти до ста двадцати пяти и ста пятидесяти долларов в месяц. Были и новые студии, которые строились специально для богатых бездельников и лентяев, плативших за них, по предположению Юджина, от трех до четырех тысяч в год. Интересно знать, размышлял он, достигнет ли он когда-нибудь таких высот?

Беспокоил его и вопрос о меблировке. Мастерская, которую он занимал вместе со Смайтом и Мак-Хью, напоминала скорее казарму. Там не было ни коврика, ни дорожки. Стоявшие в спальнях две складные кровати и койка, крепко сколоченные, но весьма убогие на вид, перешли к ним по наследству от прежних жильцов. Картины, мольберты и по шкафчику на брата – вот в сущности и все их хозяйство. Дважды в неделю приходила уборщица, вытирала пыль, относила белье в прачечную и приводила в порядок постели.

Чтобы устроиться с Анджелой, необходимо было, по мнению Юджина, множество вещей, и притом вещей совсем другого сорта. Свою будущую студию он представлял себе примерно такой, как у Мириэм Финч или Нормы Уитмор. В ней должна стоять стильная мебель – старофламандская или колониальная, хепелуайт, чиппендейл или шератон – вроде той, какую ему случалось видеть в антикварных лавках или в магазинах подержанных вещей. Если иметь время, можно такую мебель подобрать. Анджела, конечно, ни о чем этом понятия не имеет. В студии должны быть ковры, занавески, всякие безделушки из бронзы, гипса и даже, если позволят средства, из старинного серебра. Он мечтал раздобыть со временем бронзовое или гипсовое изваяние Христа на грубом кресте из орехового или тикового дерева и повесить или поставить его в углу студии. По бокам возвышались бы два огромных подсвечника с большущими свечами, закопченные и залитые воском. Зажжешь такие свечи в темной студии, и в полумраке смутно выступят на стене контуры распятия, запляшут пугливые тени, и сразу создастся особое настроение.

Обстановка, о какой мечтал Юджин, должна была обойтись примерно в две тысячи долларов. Сейчас, конечно, об этом нечего было и думать. У него и всего-то едва ли найдется такая сумма. Он уже собирался написать Анджеле о том, как трудно подыскать подходящее помещение, но вдруг услышал про студию на южной стороне Вашингтон-сквер, которую ее владелец, литератор, сдавал на зиму. Говорили, что студия хорошо обставлена, а плата не выше обычной квартирной. Владельцу важно было, чтобы в ней поселился человек, который позаботился бы о ее сохранности до его возвращения будущей осенью. Юджин немедленно отправился по адресу и был пленен и расположением дома, и видом из окон, и красивой обстановкой. Он решил, что жить здесь будет одно удовольствие. А какой превосходный случай познакомить Анджелу с Нью-Йорком! Тут она получит свои первые приятные впечатления о городе. Как и во всякой хорошо обставленной студии, какие ему приходилось видеть, тут были книги, картины, статуэтки, много бронзовых и даже серебряных вещиц. Мастерскую отделяла от алькова большая рыболовная сеть, окрашенная в зеленый цвет и усыпанная осколками зеркала, которые должны были изображать рыбью чешую. Был там и рояль под черное дерево и разрозненные образцы стильной мебели – «миссионерской», фламандской, венецианской XVI века и английской XVII века, – и все это, несмотря на такое смешение стилей, отлично гармонировало друг с другом и вполне соответствовало своему назначению. Кроме мастерской, там была спальня, ванная и маленький отгороженный уголок, который можно было приспособить под кухню. Если кое-какие из развешанных по стенам картин с толком заменить собственными этюдами, подумал Юджин, получится прекрасное жилище для него и его жены. Стоило это пятьдесят долларов в месяц, и он решил рискнуть.

Дав понять владельцу, что он снимет студию (один вид ее до некоторой степени примирил его с неизбежностью женитьбы), Юджин решил, что женится в октябре. Анджеле можно будет тогда приехать в Нью-Йорк или в Буффало – она еще не видела Ниагарского водопада, – и там они повенчаются. Анджела предполагала навестить своего брата в Вест-Пойнте, а потом они вернутся в Нью-Йорк, чтобы там обосноваться. Приняв это решение, он написал о нем Анджеле, а также намекнул Смайту и Мак-Хью, что в скором времени, возможно, женится.

Известие это чрезвычайно огорчило обоих приятелей, которые сжились с Юджином. У него была привычка подшучивать над людьми, которые ему нравились. Вставая поутру, он сразу начинал свой день каким-нибудь забавным замечанием:

– Нет, вы взгляните, какая благородная решимость озаряет сегодня чело Смайта.

Или же:

– Мак-Хью, ленивый раб, слезай с кровати и постарайся заработать себе на кусок хлеба.

Мак-Хью в ответ с головой закутывался в одеяло.

– Ох уж эти мне горе-художники, – сокрушенно вздыхал Юджин. – Ничего путного от них не жди. Им всего-то и нужно несколько вареных картофелин в день да охапка соломы.

– Да заткнись ты! – ворчал Мак-Хью.

– Ко всем чертям и дьяволам! – доносился откуда-то голос Смайта.

– Если б не я, – продолжал Юджин, – право, не знаю, что сталось бы с этой студией. Вот что значит, когда какие-то рыбаки и всякая темная деревенщина пытаются стать художниками.

– Не забудь, кстати, возчиков из прачечных, – добавлял Мак-Хью, приподнимаясь на кровати и причесывая всей пятерней свои лохмы (Юджин рассказал приятелям кое-что из своей биографии). – Не забудь о том ценном вкладе в искусство, который сделала Американская компания паровых прачечных.

– Что ж, воротнички и манжеты – это и в самом деле произведения искусства, – отпарировал Юджин, – не то что гвозди или, с позволения сказать, рыба. Тьфу!

Иногда эта пикировка продолжалась добрых полчаса, пока наконец чье-либо остроумное замечание не вызывало громкого хохота. К работе приступали после утреннего завтрака, – завтракали обычно все вместе в ресторане, – и трудились без перерыва до пяти часов дня, разве что надо было куда-нибудь пойти, или же приходил кто-нибудь в гости, или хотелось перекусить.

Они работали бок о бок уже два года, успели за это время изучить друг друга и хорошо знали, насколько можно рассчитывать на преданность, отзывчивость, доброту или щедрость товарища. Они, не скупясь, критиковали один другого, но это была благожелательная критика, с искренним намерением помочь. Их совместные прогулки то в серые, пасмурные дни, то в дождь, то в солнечную погоду, поездки на острова – Кони-Айленд и Фар-Рокэуей, посещение театров и выставок, а также забавных ресторанчиков, где подаются национальные блюда, были проникнуты духом веселого товарищества. Они добродушно подшучивали друг над другом, иронизируя по поводу дарования, наклонностей, отдельных черт характера или нравственных качеств каждого, – и эти шутки принимались без всякой злобы. То Юджин и Мак-Хью, объединив усилия, разделывали на все корки Джозефа Смайта, то жертвою острот становился Юджин либо Мак-Хью, и против него выступали остальные двое. Искусство, литература, философия, выдающиеся люди, те или иные жизненные вопросы – все было предметом их споров. Как и раньше, когда Юджин работал с Джерри Мэтьюзом, он узнавал от друзей много нового. От Джозефа Смайта – о жизни моряков и о свойствах и особенностях океана; от Мак-Хью – о природе и жителях великого Запада. У того и у другого был неистощимый запас воспоминаний, которые давали интересный материал для бесед изо дня в день, из года в год. Особенно горячие споры вызывала какая-нибудь выставка или продающаяся коллекция картин, так как тут каждый высказывал свои самые заветные убеждения относительно того, что в искусстве ценно и вечно. Все трое не признавали установленных авторитетов, но чрезвычайно ценили истинные заслуги, независимо от того, шла ли речь о человеке с именем или совершенно неизвестном. Они то и дело знакомились с произведениями малоизвестных в Америке художников и распространяли весть об их таланте. Так постепенно в поле их зрения появились Моне, Дега, Мане, Рибейра, Монтичелли, и они не переставали изучать их и превозносить.

И потому, когда Юджин в конце сентября заявил, что, возможно, в скором времени покинет их, поднялся вопль протеста. Джозеф Смайт работал в то время над морским пейзажем, прилагая все усилия к тому, чтобы добиться гармоничного по краскам изображения прогнившей палубы торгового суденышка, полуобнаженного негра у руля и иссиня-черных волн вдали, которые должны были создать впечатление бесконечного морского простора.

– Ври больше!.. – недоверчиво протянул Смайт, думая, что Юджин шутит.

Правда, откуда-то с Запада еженедельно на имя Юджина приходили письма, но и Мак-Хью получал письма, и к этому так привыкли, что уже не обращали внимания.

– Ты женишься? Какого черта! Ну и муженек же из тебя выйдет, нечего сказать. Я непременно наведаюсь к твоей жене и кое-что расскажу про тебя.

– Нет, правда, я, очевидно, женюсь, – ответил Юджин, которого рассмешила уверенность Смайта в том, что это шутка.

– Брось, пожалуйста, – подал голос Мак-Хью, стоявший у мольберта и работавший над сценкой из деревенской жизни – группа фермеров перед зданием почты. – Неужели ты захочешь разорить наше гнездо?

Оба они любили Юджина. Его общество много им давало – он всегда был готов помочь товарищу, всегда полон жизнерадостности и оптимизма.

– Об этом не может быть и речи. Но разве я не вправе жениться?

– Я голосую против, клянусь богом! – патетически воскликнул Смайт. – Не даю моего согласия. Питер, неужели мы это потерпим?

– Разумеется, нет, – ответил Мак-Хью. – Если он попробует выкинуть такой номер, мы вызовем полицию. Я подам на него в суд. А кто она, Юджин?

– Держу пари, что знаю, – вмешался Смайт. – Что-то он уж слишком часто бегает на Двадцать шестую улицу.

Джозеф Смайт имел в виду Мириэм Финч, с которой Юджин познакомил своих сожителей.

– Вздор! – сказал Мак-Хью, внимательно посмотрев на Юджина.

– Нет, друзья, не вздор: расстаться должно нам!

– Ты что же, не шутишь, Витла? – сказал Джозеф уже серьезным тоном.

– Не шучу, Джо, – спокойно ответил Юджин.

Он стоял у мольберта и изучал перспективу своего шестнадцатого нью-йоркского этюда, на котором были изображены три паровоза в ряд, въезжающие в железнодорожный парк. Дым, туманный воздух, грязные подпрыгивающие товарные вагоны – красные, зеленые, синие, желтые, – в этом была красота, сила и красота неприкрашенной действительности.

– И скоро? – так же серьезно спросил Мак-Хью, испытывая легкий прилив грусти, которая овладевает нами, когда что-то приятное близится к концу.

– Вероятно, в октябре, – ответил Юджин.

– Печально, черт возьми! – сказал Смайт.

Он отложил кисть и медленно отошел к окну. Мак-Хью, менее склонный к проявлению своих чувств, продолжал задумчиво работать.

– Когда ты принял такое решение, Витла? – спросил он немного погодя.

– Видишь ли, Питер, это давнишняя история. В сущности, я бы раньше женился, если б средства позволяли. У меня есть обязательства перед вами, а то я не стал бы обрушивать на вас эту новость. Я буду платить свою долю за студию, пока вы не подыщите кого-нибудь другого.

– К черту студию, – сказал Смайт. – Мы не хотим никого другого. Что ты скажешь, Питер? Жили же мы раньше вдвоем.

Смайт молча потирал свой квадратный подбородок, посматривая на приятеля с таким видом, точно они очутились перед катастрофой.

– Пустяки, – сказал он, – ты прекрасно знаешь, что нас не интересует твоя доля за студию. Но, может быть, ты все-таки скажешь, на ком женишься? Мы ее знаем?

– Нет, не знаете, – ответил Юджин. – Она из Висконсина. Та, от которой я получаю письма. Ее зовут Анджела Блю.

– В таком случае за здоровье Анджелы Блю! – воскликнул Смайт, к которому вернулось обычное веселое настроение, и, схватив кисть, он, словно чашу, поднял ее вверх. – За здоровье миссис Витла, и пусть, как говорят в Нова-Скотии, ее парус пройдет невредимым через все бури, а ее якорь выдержит любой шторм.

– Ура! – подхватил Мак-Хью, заражаясь настроением приятеля. – Присоединяюсь! Когда же свадьба?

– Собственно говоря, день еще не назначен. Приблизительно в первых числах ноября. Только я просил бы вас никому об этом не говорить. Хотелось бы избежать лишних расспросов.

– Никому не скажем, хотя, надо признаться, нелегко нам слышать это, старый ты морж! Почему, черт возьми, ты не дал нам времени подготовиться к этой мысли, скотина ты этакая?

И Смайт укоризненно ткнул его в бок.

– Поверьте, я огорчен не меньше вашего, – сказал Юджин. – Мне грустно уходить из нашей студии, право, грустно. Но мы не будем терять друг друга из виду. Я ведь остаюсь в Нью-Йорке.

– Где же ты намерен поселиться? В самом городе? – спросил Мак-Хью, все еще хмурясь.

– Разумеется. Тут неподалеку, на Вашингтон-сквер. Помните студию Дикстера, про которую рассказывал Вивер, ту самую, на третьем этаже, на Шестьдесят первой улице? Вот это она и есть.

– Не может быть! – воскликнул Смайт. – Здорово ты устроился. Как тебе удалось?

Юджин объяснил.

– Гм, повезло, – сказал Мак-Хью. – Твоей жене там понравится. Надеюсь, у вас найдется уютный уголок для бродяги-художника, если он как-нибудь заглянет к вам?

– Фермерам, морякам и бездарным художникам вход категорически воспрещен! – торжественно заявил Юджин.

– К чертовой бабушке! – сказал Смайт. – Когда миссис Витла узнает нас поближе…

– …она пожалеет, что приехала в Нью-Йорк, – закончил Юджин.

– Она пожалеет, что не познакомилась с нами раньше, – сказал Мак-Хью.

Книга вторая

Борьба

Глава I

Бракосочетание Юджина и Анджелы состоялось в Буффало второго ноября. Как было решено заранее, их сопровождала Мариетта. Предполагалось, что потом все трое поедут посмотреть Ниагарский водопад, затем отправятся в Вест-Пойнт, где сестры повидаются с Дэвидом, после чего Мариетта вернется домой, чтобы рассказать обо всем родителям. Волею обстоятельств все было обставлено чрезвычайно скромно, не надо было проходить через церемониал поздравлений, никто не подносил подарков, за которые нужно было бы благодарить. Анджела объяснила своим родным и друзьям, что Юджину в это время года нельзя надолго отлучаться из Нью-Йорка. Она знала, что он против свадебных торжеств, на которые слетелась бы вся ее родня (Юджин называл это «быть прогнанным сквозь строй»), и охотно согласилась приехать к нему. Семья Юджина еще ничего не знала. В последний приезд домой он намекнул, что, вероятно, женится и что невеста его не кто иная, как Анджела. Но из всех родных только Миртл однажды видела Анджелу, а она жила теперь в Оттумве, в штате Айова. Старик Витла был несколько разочарован. Он надеялся, что Юджин сделает блестящую партию. Его сын, такой видный малый, знаменитый художник, чьи рисунки то и дело печатаются в журналах, должен был, по его мнению, жениться (в Нью-Йорке, где столько возможностей!) уж по крайней мере на богатой наследнице. Разумеется, если Юджину угодно осчастливить какую-то провинциалку, это его дело, но не о том мечтали его родные.

Настроение, при котором проходило брачное торжество, – во всяком случае, что касается Юджина, – едва ли соответствовало важности момента. Его мучило сознание, что он, по-видимому, совершает ошибку. Он не мог отделаться от чувства, что только стечение обстоятельств и его собственная слабохарактерность принуждают его выполнить обещание, от которого, пожалуй, следовало отказаться. Единственное, чего он этим, безусловно, достиг, это избавил Анджелу от злополучной участи старой девы. Но это представлялось ему слабым утешением. Анджела была мила и преданна, она чрезвычайно серьезно относилась к

жизни, к нему лично и ко всему, что взывало к ее чувству долга. Но не такой Юджин рисовал себе настоящую подругу – возлюбленную, которая была бы смыслом и венцом его существования. Где же тот священный огонь, который должен сейчас гореть в его душе? Где они, возвышенные мысли о будущей совместной жизни? Где то чувство, которое он испытал, впервые увидев Анджелу в доме ее тетки в Чикаго? Что-то произошло. Не сам ли он опошлил свой идеал излишней интимностью, – сорвал прекрасный цветок и втоптал в грязь? Неужели в браке действительно нет ничего, кроме физической страсти? Или же истинный брак представляет собой нечто более благородное – союз высоких мыслей и чувств? В таком случае разделяет ли их с ним Анджела? Она как будто тоже обнаруживала порой возвышенные чувства и стремления. Нельзя сказать, чтобы она отличалась широтою ума и большим развитием, но это не мешало ей чувствовать хорошую музыку и разбираться в прочитанном. Она ровно ничего не понимала в искусстве, но душа ее тянулась к прекрасному. Почему же этого недостаточно, чтобы их жизнь была сносной, спокойной и даже приятной? И действительно ли этого недостаточно?

Но сколько Юджин ни раздумывал над этим, у него не проходило ощущение, что в их союзе что-то неладно. Правда, он честно выполнил свой долг – обязательство, которое он сам на себя взвалил, – и все же не чувствовал себя счастливым. Он шел на этот брак, как человек, соглашающийся на известную жертву в угоду общественному мнению. Возможно, что все обойдется, а возможно, что и нет. Он не мог согласиться с существующими взглядами, что браки заключаются на всю жизнь и что если он сегодня женится на Анджеле, то должен будет жить с ней до конца дней своих. Он знал, что таков общепринятый взгляд на брак, но ему этот взгляд был отнюдь не по душе. Союз двух людей, по его мнению, должен основываться на сильном желании жить вместе и ни на чем другом. Он не имел представления о чувстве долга, которое внушает человеку привязанность к своему потомству, так как у него не было ни детей, ни желания ими обзаводиться. Дети – это только лишняя неприятность. Брак – уловка, с помощью которой природа вынуждает человека осуществлять ее цели, состоящие в продолжении человеческого рода. Любовь – западня, страсть – наспех состряпанная приманка. Природа и закон продолжения жизни заставляют человека выполнять то, что ему назначено, как, скажем, ломовую лошадь заставляют тащить тяжелый груз. Юджин считал, что ничем не обязан ни природе, ни закону продолжения жизни на земле. Он не просил, чтобы его произвели на свет. Путь его не был усыпан розами. Так почему же он должен делать то, чего требует от него природа?

Встретившись с Анджелой, он нежно поцеловал ее, так как при виде ее в нем снова вспыхнуло желание, еще недавно настойчиво владевшее им. Со времени их последней встречи он не прикасался к женщине, главным образом, потому, что никого поблизости не было, но еще и потому, что воспоминания и ожидания, связанные с Анджелой, были слишком живы, и сейчас с нетерпением ждал конца брачной церемонии. Еще утром он позаботился о разрешении на брак, и с поезда, которым прибыли Анджела с Мариеттой, отвез их прямо к методистскому священнику. Обряд, который так много значил для Анджелы, в глазах Юджина не играл никакой роли. Клочок бумаги, полученный им в отделе регистрации браков, и стереотипная фраза о том, что отныне он должен «любить, беречь и почитать», казались ему простой формальностью. Конечно, он будет любить, уважать и беречь ее, если это окажется возможным, – в противном же случае не станет этого делать. Анджела между тем, надев обручальное кольцо и услышав знаменательные слова: «этим кольцом обручаю тебя», почувствовала, что все ее мечты сбылись. Теперь она действительно по-настоящему «миссис Юджин Витла». Ей незачем больше терзаться мыслью, что придется кончать с собой, что она будет опозорена или что ей суждена одинокая, достойная жалости жизнь. Она стала женою художника, многообещающего художника, и будет жить в Нью-Йорке. Какая будущность открывается перед нею! Значит, Юджин все же любит ее. Она считала, что он доказал это. Он потому медлил с женитьбой, что ему трудно было надлежащим образом устроить их совместную жизнь. Иначе он давно бы на ней женился.

Они отправились в отель «Ирокез», записались там как муж и жена и сняли отдельный номер для Мариетты. Последняя под тем предлогом, что ей хочется после езды в вагоне скорее принять ванну, покинула их, обещав поспеть к обеду. Юджин и Анджела остались наконец одни.

И тут он убедился, что, вопреки всем прекрасным теориям, радость этой минуты в значительной мере притуплена для него прежней близостью с Анджелой. Правда, он снова может обладать ею. Желание, которое так сильно владело им, будет удовлетворено, но с него сорван покров заманчивой тайны. Их настоящая свадьба была отпразднована в Блэквуде несколько месяцев назад, а то, что происходило сейчас, было буднями брака. Юджин вновь испытал острое и сладостное ощущение их близости, но обаяние чего-то чудесного, неизведанного исчезло. Он жадно обнял Анджелу, но теперь в нем говорило скорее грубое физическое влечение, чем благоговейный восторг.

Для Анджелы же ничто не изменилось. У нее было любящее сердце, и в Юджине заключался для нее весь мир. В ее глазах он вырастал в героическую фигуру. Его талант был священным огнем. Ни один человек на свете не мог знать столько, сколько знал Юджин. Никто не мог сравниться с ним как художник. Правда, он не был практичен, как другие мужчины (ее братья и зятья, например), зато он гений – незачем ему быть практичным. Она уже думала о том, какой будет ему преданной женой, верной помощницей на пути к успеху. Ее опыт учительницы, ее умение дешево покупать, ее практический ум – все это окажет ему большую помощь.

Два часа, оставшиеся до обеда, они предавались любовным утехам, а затем оделись и спустились в ресторан. Анджела сшила себе к свадьбе несколько нарядных платьев, истратив на это сбережения многих лет, и сейчас была исключительно красива в черном шелковом платье со вставкой и рукавами из светло-серого шелка, расшитого мелким жемчугом и черным бисером. Мариетта в бледно-розовом шелковом платье, нежном, как цвет персика, сильно вырезанном, с короткими рукавами, блистала юностью, свежестью и жизнерадостностью. Теперь, когда она благополучно выдала сестру замуж, она ни в коей мере не

считала себя обязанной прятаться от Юджина или скрывать свою красоту из боязни затмить Анджелу. Она была в исключительно веселом настроении, и Юджину трудно было – даже в эту минуту – не сравнивать ее с сестрой. Улыбка Мариетты, ее остроумие, ее безотчетная смелость – все это представляло резкий контраст с тихой Анджелой.

Кричащая роскошь современных отелей теперь никого уже не удивляет; но для Анджелы и Мариетты в этом было достаточно новизны, и окружающая обстановка произвела на них сильное впечатление. В пышном убранстве отеля Анджела видела знамение ожидающего их с Юджином блистательного будущего. Ковры, портьеры, лифты и официанты – вся эта дешевая роскошь говорила ей о чем-то возвышенном. После дня, проведенного в Буффало, куда их привлекли красоты Ниагарского водопада, новобрачные отправились в Вест-Пойнт. Здесь они побывали на параде в честь какого-то заезжего генерала и на балу в военной академии. Прелестную Мариетту встретил такой успех среди товарищей ее брата, что она решила остаться в Вест-Пойнте еще на неделю, так что Юджин и Анджела могли отправиться в Нью-Йорк и побыть там некоторое время одни. Они пробыли в Вест-Пойнте ровно столько, сколько потребовалось, чтобы сдать Мариетту в надежные руки, а затем уехали в Нью-Йорк, спеша вступить во владение своими апартаментами на Вашингтон-сквер.

Поезд прибыл вечером, и панорама освещенного города, открывшаяся перед ними с берега Северной реки, против Сорок второй улицы, произвела на Анджелу огромное впечатление. Она не имела ни малейшего представления о Нью-Йорке, и когда кэб, по указанию Юджина, свернул на Бродвей и, часто останавливаясь, направился к Пятой авеню, ее глазам впервые открылся тот сверкающий мишурным блеском проспект, который впоследствии получил название «великого белого пути». Юджин давно уже научился видеть здесь характерные для нью-йоркской жизни дешевку и фальшь, но все же эта выставка красоты, нарядов и дутых репутаций еще не потеряла для него своей заманчивости и невольно действовала на его воображение. Здесь можно было встретить театральных критиков и известных актеров, актрис и хористок – богинь и одновременно игрушек жадных, невежественных, ненасытных богачей. Юджин показывал Анджеле театры, обращал ее внимание на известные имена, описывал рестораны, отели, магазины и лавки, в которых продаются всякие безделушки и побрякушки, пока наконец они не свернули на нижнюю часть Пятой авеню, где еще царило спокойное величие внушительных особняков и атмосфера консервативного богатства. На Четырнадцатой улице Анджела издали увидела арку Вашингтона, залитую желтовато-белым заревом электрических фонарей.

– Что это такое? – заинтересовалась она.

– Это арка Вашингтона, – ответил Юджин. – Она видна из нашей квартиры, с южной стороны площади.

– Как красиво! – воскликнула она.

Арка привела Анджелу в восторг, а когда они миновали ее и их взорам открылась вся площадь, ей показалось, что она в раю и что жить тут просто наслаждение.

– Здесь? – спросила она, когда кэб остановился у здания, где находилась студия.

– Да, здесь. Тебе нравится?

– Очень, – ответила она.

Они поднялись по белым каменным ступеням старинного дома и далее по лестнице, устланной красной дорожкой, на третий этаж и вошли в тесную студию, где Юджин, чиркнув спичкой, зажег (для большего эффекта) восковые свечи. По мере того как он зажигал одну свечу за другой, мягкий свет все ярче озарял комнату, и тогда Анджела увидела старинные стулья чиппендейл, письменный стол хепелуайт, фламандский ларь, в котором хранились старые и новые рисунки, зеленую сеть, усыпанную блестящими осколками, напоминавшими рыбью чешую, четырехугольное зеркало в золоченой раме над камином, а на мольберте – большую, сразу бросившуюся ей в глаза картину: три паровоза в серую, пасмурную погоду. Все это показалось Анджеле верхом красоты. Теперь она поняла, насколько велика разница между банальной роскошью отеля и обстановкой студии, в которой чувствовался своеобразный вкус ее владельца. Тяжелые канделябры-семисвечники по обеим сторонам квадратного зеркала ошеломили ее, а черный рояль, стоявший в углублении за наполовину задернутой сетью, вызвал у нее возглас восхищения.

– О, как красиво! – воскликнула она, подставляя Юджину лицо для поцелуя.

Он обнял ее, и она снова принялась изучать картины, мебель, медные и бронзовые безделушки.

– Когда же ты все это раздобыл? – спросила она, потому что Юджин не успел ей рассказать о своей удаче: как он узнал о предстоящем отъезде Декстера и снял у него студию, с условием вносить за нее арендную плату и содержать в порядке.

– Студия не моя, – небрежно ответил он, растапливая камин, в котором швейцар заранее приготовил дрова. – Я снял ее на время у Рассела Декстера. Он уехал в Европу, где пробудет до следующей зимы. Я подумал, что это лучше, чем ждать твоего приезда и потом уже обставлять квартиру. Мы успеем это сделать и будущей осенью.

Он надеялся, что весною ему удастся устроить выставку и что-нибудь выгодно продать. Так или иначе, выставка принесет ему известность и даст возможность больше зарабатывать.

У Анджелы упало сердце, но уже через секунду она овладела собой. Разве не чудо, что Юджину удалось снять хотя бы на время такую замечательную студию. Она глянула в окно. Перед нею расстилалась окаймленная рядами домов огромная площадь с купами деревьев, еще сохранявших редкую пыльную листву, с десятками фонарей, которые шипя излучали ослепительно яркий свет, с изящными контурами желтовато-белой арки у выхода на Пятую авеню.

– До чего здесь хорошо! – снова воскликнула она и, подбежав к Юджину, обвила его шею руками. – Я и думать не могла, что будет так чудесно. Как ты меня балуешь.

Она протянула ему губы, и он ущипнул ее за щеку и поцеловал. Они вместе обошли кухню, спальню и ванную, а немного спустя задули свечи и отправились на покой.

Глава II

После тишины маленького городка, после однообразия и простоты провинциальной жизни и скучных, утомительных обязанностей сельской учительницы незнакомый мир, в который окунулась Анджела, показался ее изумленному взору исполненным красоты, радостной новизны и счастья. Если человеческие чувства быстро притупляются под действием часто повторяющихся впечатлений, то столь же свойственно им преувеличивать красоту и прелесть непривычного. Раз это ново, то должно быть лучше, чем все, что было раньше. Как часто внешняя обстановка, которой мы себя окружаем, меняет наше отношение к жизни! Если человек был беден, богатство сделает его на время как будто счастливым. Если он находится среди людей чуждых взглядов, то, очутившись в благоприятном окружении, он будет некоторое время думать, что все его затруднения разрешены. Это показывает, как мало знакомо нам то внутреннее спокойствие, которое не могут поколебать никакие изменения в наших материальных условиях.

Когда Анджела проснулась на другое утро, студия, где ей предстояло жить, показалась ей верхом совершенства. Она восхищалась вкусом, с каким все было расставлено, и радовалась таким удобствам, как ванна с горячей и холодной водой тут же, рядом со спальней, и кухня с аккуратными рядами необходимой посуды и утвари. Из небольшого уголка, где они устроили столовую, видна была сама студия. Здесь Анджела получила свои первые представления об искусстве, предметом которого является природа, красота форм человеческого тела, многообразие красок и оттенков. Как это было непохоже на существование школьной учительницы! Когда она сравнивала длинный, приземистый старенький дом в Блэквуде, его подслеповатые окошки, затененные плющом, небрежно разбросанные клумбы и большую лужайку с этой студией, тесно заставленной и замысловато убранной, с окнами, выходящими на Вашингтон-сквер, все было в пользу последней. Впрочем, по мнению Анджелы, их даже и сравнивать было нельзя. Если бы она прочитала мысли Юджина, ей трудно было бы понять, что ее родной городок, уединенная ферма ее отца, голубые воды маленького озера и тени высоких деревьев на лужайке сроднились в его представлении не только со всем, что есть истинно прекрасного, но и с ее собственным очарованием. Среди всей этой красоты она и сама была прекрасной. Она не понимала, как много теряет, расставшись с ней. Самой Анджеле эти спутники ее прежней жизни казались теперь неприглядными, ненужными, не стоящими внимания.

Зато новый мир был для нее в своем роде чудесной пещерой Аладина. Когда она утром глянула из окна на огромную площадь и впервые увидела ее, залитую ярким солнцем, с рядом внушительных кирпичных зданий на севере и с гигантским небоскребом на востоке, увидела грузовики, подводы, трамваи и экипажи, грохотавшие внизу по мостовой, на нее повеяло молодостью и энергией.

– Придется нам одеться и идти завтракать в ресторан, – сказал Юджин. – Я не догадался что-нибудь припасти. Признаться, я не знал бы даже, что купить, если б и захотел. Мне еще никогда не приходилось хозяйничать.

– Не важно, – ответила Анджела, гладя его руки. – Давай лучше не ходить в ресторан, разве только не удастся ничего придумать. Сначала я загляну сюда.

Не теряя времени, она направилась в крохотный чуланчик, отведенный под кухню, посмотреть, что там есть из посуды. Она мечтала о том, как будет готовить, вести хозяйство, ухаживать за Юджином, баловать его, и вот теперь ей представлялась эта возможность. Оказалось, что у Декстера, их щедрого хозяина, было много всяких необходимых в хозяйстве вещей: два фарфоровых сервиза, – обеденный и кофейный – коричневый и голубой, кофеварка, прелестный матово-синий чайник с такими же чашками, вафельницы всех фасонов и размеров, сотейник для жаркого, всевозможные кастрюли и сковородки, а также в

изобилии ножи и вилки, серебряные и простые. По-видимому, он время от времени принимал гостей, так как Анджела нашла хлебницу, сухарницу, банки для сахара, муки и соли, а в маленьком шкафчике с выдвинутыми ящиками всякие пряности.

– Да тут ничего не стоит самой что-нибудь приготовить, – сказала Анджела, зажигая газ, чтобы убедиться, в порядке ли плита. – Я сбегаю только в магазин, если ты меня проводишь, и закуплю все, что нужно. Это займет несколько минут. Потом я уж сама осмотрюсь.

Юджин охотно согласился. Анджела всегда считала, что из нее выйдет идеальная хозяйка, и теперь, когда ее Юджин был с нею, ей не терпелось скорее приступить к делу. Вот будет удовольствие показать ему, как она прекрасно управляется с хозяйством, как работа спорится у нее в руках, как бережно она обращается с деньгами – их общим достоянием.

Убедившись, что искусство не бог весть какое доходное занятие, Анджела сокрушалась в душе, что не принесла мужу приданого. Но она знала, что Юджин не придает этому значения. Ведь он так непрактичен. Он, конечно, великий художник, но в житейских делах совершенное дитя, особенно по сравнению с ней. Да и не удивительно – ведь она столько времени покупала все необходимое для своих братьев и сестер, выгадывая каждый цент.

Анджела свернула волосы в аккуратный узел, вынула из саквояжа (сундуки еще не прибыли) изящное домашнее светло-зеленое платьице, надела его и с Юджином в качестве проводника отправилась разыскивать магазины. Когда они стояли вместе у окна, он объяснил ей, что в переулках, радиусами расходящихся к югу от площади, тянутся рядами лавки итальянских торговцев – мясников, булочников, зеленщиков, в один из таких переулков они сейчас и направились.

Очутившись на оживленной улице, Анджела ахнула – такое кругом было движение и столько толпилось народа.

Они купили картофеля, помидоров, яиц, муки, масла, бараньих котлет и соли – с десяток всяких пакетов и всего понемножку – и поспешили обратно в студию. Некоторые лавки своим видом произвели на Анджелу отталкивающее впечатление. Попадались, правда, и довольно опрятные, и все же ей представлялось странным делать покупки в итальянском квартале, среди шумливой, оживленно жестикулирующей оравы женщин и детей со смуглыми, как дубленая кожа, лицами и лихорадочно горящими глазами. Юджин, в коричневом костюме и мягкой зеленой шляпе, казался здесь человеком из другого мира. Он был такой стройный и так выделялся среди окружающих своим спокойным достоинством и сдержанной речью, когда, обращаясь к ней, делился своими впечатлениями.

– Они особенно хороши с серьгами в ушах, – сказал он про итальянок.

– Этот угольщик – настоящий корсиканский бандит, – заметил он в другом случае.

– Посмотри на ту старуху, с нее можно писать Эндорскую волшебницу.

Анджела была целиком поглощена покупками. Она весело улыбалась Юджину, но думала о своем. Все ее мысли были заняты тем, в каких количествах закупить продукты, где хранить молодой картофель, вполне ли чист ледник, сколько времени потребуется на то, чтобы осторожно обмахнуть пыль со всего, что стоит в студии. Голые кирпичные стены зданий, грязь и отбросы в водосточной канаве, голодные, тощие бродячие собаки и кошки, густые толпы пешеходов – во всем этом она не находила ровно ничего живописного. И, лишь прислушавшись к замечаниям Юджина, звучавшим очень серьезно, она стала догадываться, что окружающее представляет в глазах художника какой-то интерес. Если Юджин так говорит, – значит, так и есть. Удивительный это мир, каков бы он ни был, – и, несомненно, она будет очень, очень счастлива.

Они позавтракали горячими бисквитами с маслом, омлетом с помидорами, жареным картофелем со сметаной и кофе. Юджин, столько времени довольствовавшийся однообразной ресторанной стряпней, нашел этот завтрак идеальным. Сидеть в собственной квартире, против очаровательной жены, которая только и думает, как бы тебе угодить, перед обильным столом, уставленным блюдами, лучше которых ты никогда не едал, – ничего более приятного нельзя и представить. И он мысленно рисовал себе счастливое будущее, если только удастся добыть средства для такой жизни. Конечно, денег потребуется много, гораздо больше, чем он до сих пор зарабатывал, но он все же рассчитывал свести концы с концами. После завтрака Анджела играла на рояле, а потом, когда Юджин выразил желание поработать, она уже по-настоящему взялась за свои хозяйственные обязанности. Как раз прибыл багаж, не говоря уже о том, что надо было позаботиться о втором завтраке и обеде, – а тут и любовь предъявляла свои права, – словом, дел у нее набралось больше чем достаточно.

Первое время эта жизнь казалась им восхитительной. Юджин предложил пригласить к обеду Смайта и Мак-Хью – самых близких своих приятелей. Анджела охотно согласилась, тем более, что и сама горела желанием познакомиться с друзьями Юджина. Пусть убедятся, что она не хуже других умеет принять гостей. Она стала усиленно готовиться к среде – на этот день был назначен обед – и уже с самого утра была как на иголках, до того ей хотелось увидеть, что представляют собой друзья Юджина, и узнать, какого они будут мнения о ней.

Званый обед сошел как нельзя лучше. Студия произвела на двух веселых друзей большое впечатление, и они не скупились на похвалы, а Юджина поздравляли с тем, что судьба наградила его такой женой. Анджела в том же платье, что и на обеде в Буффало, была очень эффектна, а ее густые золотистые волосы совершенно очаровали Смайта и Мак-Хью.

– Ух, какие косы! – потихоньку заметил Смайт своему приятелю, так чтобы хозяева не услышали.

– Да, ничего не скажешь, – ответил Мак-Хью. – И вообще хозяюшка у него хоть куда, не правда ли?

– Еще бы! – сказал Смайт, которого восхищали безыскусственность и добродушие этой девушки с Запада.

Немного погодя они в несколько более изысканных выражениях высказали свое восхищение вслух, и Анджела была чрезвычайно довольна.

Мариетта, только что приехавшая в Нью-Йорк, еще не показывалась гостям. Она переодевалась в единственной спальне, которой располагала студия. Анджела, в своем очаровательном наряде, лично наблюдала за приготовлениями к обеду. С помощью швейцара она раздобыла девушку, которая помогла ей прислуживать за столом, но кухарку так и не удалось найти. Обед состоял из супа, рыбного блюда, жареных цыплят и салата. Наконец вышла Мариетта, совершенно обворожительная в своем розовом шелковом платье. При виде ее Смайт и Мак-Хью остолбенели, и Мариетта немедленно пустила в ход свои чары. Для этой девушки не существовало разницы между мужчинами – она каждого готова была сделать своим рабом, надеть на вертел своей красоты и томить в соку любовных терзаний. Впоследствии Юджин прозвал улыбку Мариетты кинжалом. Стоило ей улыбнуться, как он восклицал:

– А! Клинок снова вынут из ножен! В кого-то он сегодня вонзится? Бедная жертва!

Теперь он был зятем Мариетты и мог позволить себе обнять ее за талию, а она пользовалась родственными отношениями, чтобы целоваться с ним. В Юджине было что-то, что всегда влекло ее, и в течение этих первых дней после свадьбы сестры она давала волю своему давнишнему желанию чувствовать себя в его объятиях, оставаясь, однако, начеку и тем самым заставляя его держаться в рамках. Втайне ее очень интересовало, насколько она ему нравится.

Едва она показалась, Смайт и Мак-Хью вскочили и принялись хлопотать вокруг нее. Мак-Хью предложил ей свое место у камина. Смайт не отставал от друга.

– Я провела чудесную неделю в Вест-Пойнте, – весело затараторила Мариетта. – Вы представляете, все время танцы, парады, прогулки с военными.

– Предупреждаю вас обоих – вы на краю пропасти, – сказал Юджин, уже усвоивший привычку дразнить Мариетту. – Эта женщина опасна. И вам, как художникам с именем, не мешает поостеречься.

– Как вам не стыдно, Юджин, – рассмеялась Мариетта, показывая свои прелестные зубки. – Ну вы подумайте, мистер Смайт, разве это не безобразие так рекомендовать сестру своей жены? Тем более что я приехала всего на несколько дней, у меня и времени-то в обрез. Я нахожу, что это возмутительно.

– Это просто позор, – отозвался Смайт, обнаруживая полную готовность сделаться ее жертвой. – Не такой вам нужен был зять. Если б вы имели дело с человеком, которого я хорошо знаю…

– Форменное издевательство, – добавил со своей стороны Мак-Хью. – Впрочем, много времени вам и не понадобится.

– Ну, уж это совсем не по-рыцарски, – рассмеялась Мариетта. – Я вижу, что все здесь против меня, за исключением мистера Смайта. Но ничего, вы еще пожалеете, когда я уеду.

– Охотно этому верю, – с чувством сказал Мак-Хью.

Смайт ничего не сказал. Он просто млел от восторга перед этой девушкой, у которой цвет лица напоминал персики со сливками. Он пожирал взглядом ее волнистые каштановые волосы, блестящие голубые глаза и точеные руки. Каким раем должна быть жизнь с этим веселым и добродушным созданием. «Интересно было бы знать, – думал он, – что представляет собой семья, с которой Юджин породнился. Анджела, Мариетта, брат в Вест-Пойнте – не иначе как милые, добропорядочные и состоятельные люди». Мариетта отправилась на кухню помогать сестре, и Смайт, воспользовавшись отсутствием Юджина, шепнул приятелю:

– Что ты скажешь? Ведь он совсем не плохо устроился? А эта, помоложе, – настоящая красотка! Она, пожалуй, перещеголяет сестру.

Мак-Хью только глазел по сторонам. Все здесь приводило его в восхищение. Старинная мебель, ковры, портьеры, картины, горничная в белом передничке и наколке, Анджела, Мариетта, стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный разноцветным фарфором, серебряные канделябры – подумать только, что в каких-нибудь десять дней с Юджином произошло такое превращение. Уж действительно кому повезет… Эта студия была редкостной находкой… Ведь вот другим… И Мак-Хью задумчиво покачал головой.

– Ну, – спросил Юджин, который выходил в спальню, чтобы переодеться к обеду, – что ты скажешь, Питер?

– Скажу, что ты идешь в гору, Юджин. Я никак не ожидал. Благодари небо. Тебе, безусловно, везет.

Юджин загадочно улыбнулся. «Действительно ли это так?» – подумал он. Ни Смайту, ни Мак-Хью, ни кому другому и невдомек, при каких обстоятельствах все произошло. Сколько, в общем, лицемерия на свете! Даже смешно, до чего обманчива видимость! Если бы кто-нибудь знал, какая необходимость толкнула его на поиски квартиры и с каким тяжелым сердцем он взялся за это.

Мариетта вернулась в студию, а с нею и старшая сестра. Анджела прониклась теплым чувством к обоим друзьям мужа – к этим мальчикам, как она уже мысленно их называла.

Юджин усвоил себе манеру характеризовать каждого, о ком бы ни заговорил, как «славного малого» – его обычное определение. Так и эти двое одаренных молодых людей были для него всего лишь славными ребятами из провинции, как и сам он, и Анджела стала относиться к ним так же.

– Мне бы очень хотелось как-нибудь набросать ваш портрет, миссис Витла, – сказал Мак-Хью, когда Анджела снова заняла свое место у камина. В последнее время он пробовал свои силы в портретной живописи и рад был случаю попрактиковаться.

Анджела пришла в восторг и от лестного предложения и оттого, что услышала в первый раз «миссис Витла» из уст старого друга Юджина.

– Я буду очень рада, – ответила она зардевшись.

– Честное слово, ты прелестна, Ангелочек! – воскликнула Мариетта, обнимая сестру за талию. – Нарисуйте ее с косами, мистер Мак-Хью, ведь она совершеннейшая Гретхен.

Анджела снова вспыхнула.

– Я, собственно, сам об этом подумывал, Питер, – сказал Юджин. – Но так и быть, попробуй ты. Я не большой мастер по части портрета.

Смайт улыбнулся Мариетте. Ему бы очень хотелось нарисовать ее, но человеческие фигуры давались ему плохо, разве лишь как детали для его морских видов. При этом мужчины удавались ему лучше женщин.

– Вот если б вы были старым морским волком, мисс Блю, – сказал он, обращаясь к Мариетте, – я бы создал из вас шедевр.

– Что ж, за этим дело не станет, если только вы напишете мой портрет, – весело отозвалась она. – Воображаю, как бы я была хороша в высоких сапогах и в непромокаемом плаще, не правда ли, Юджин?

– По-моему, вы были бы красавицей, – сказал Смайт. – Приходите к нам в студию, и я вас наряжу. У меня есть полный костюм моряка.

– Непременно приду, – рассмеялась Мариетта. – Вы только скажите – когда.

Мак-Хью почувствовал, что Смайт обгоняет его, и, чтобы наверстать упущенное, удвоил внимание к Мариетте.

– Послушай, Джозеф, – запротестовал он, – я только собрался предложить мисс Блю написать ее портрет.

– Опоздал, – ответил Смайт. – Ты бы еще подольше думал.

Мариетту поразила обстановка, в какой жили Анджела и Юджин. Она была подготовлена к тому, что увидит, как живут художники, но эта студия превзошла все ее ожидания. Анджела рассказала ей, что квартира не принадлежит Юджину, но в глазах Мариетты это не играло большой роли. Факт тот, что сейчас это его студия. Он получил ее благодаря своим связям в обществе и в кругах художников. Он и Анджела блестяще начинали совместную жизнь. Если бы она могла рассчитывать на такой прелестный уголок для начала своей замужней жизни, она была бы вполне довольна.

Потом все сели за круглый стол из тикового дерева – одно из сокровищ Декстера, – и временная горничная Анджелы стала подавать обед. Беседа велась легко и непринужденно – собственно, ни о чем, больше для того, чтобы поближе познакомиться друг с другом. Молодые художники очень понравились Анджеле и Мариетте, поскольку обе они угадывали в своих собеседниках некоторую житейскую положительность. Те, не рисуясь, говорили об испытаниях и удачах, которые выпадают на долю художника, о том, как трудно добиться хорошего заработка; они, по-видимому, были на дружеской ноге со знаменитостями из разных кругов общества – величайшая награда всякого таланта.

За обедом Смайт рассказывал о своих приключениях на море, а Мак-Хью – о жизни в горняцких поселках Запада. Мариетта принялась описывать своих висконсинских поклонников, высмеивая простоватых блэквудских обывателей, и Анджела вторила ей. Наконец Мак-Хью сделал карандашный набросок, изобразив Мариетту в сопровождении длинного хвоста деревенских воздыхателей, от которых она лицемерно отворачивается, воздев очи к небу.

– Ну, это уж совсем жестоко! – воскликнула она, когда Юджин, увидев рисунок, стал от души хохотать. – Я никогда так не закатываю глаза.

– Нет, он правильно тебя нарисовал, – заявил Юджин. – Ты – широкая, усыпанная цветами тропа, которая ведет к погибели.

– Не обращай внимания, Бэбиетт, – вставила Анджела, – я за тебя заступлюсь, если никто другой не заступится. Ты милая, скромная, робкая девушка, и вообще ни на кого не смотришь, не правда ли?

Анджела встала и шутливо прижала к себе голову Мариетты, как бы выражая сочувствие ее безутешному горю.

– Вот чудесное имя, – восхитился Смайт, растроганный красотой Мариетты.

– Бедная Мариетта, – сказал Юджин. – Подойди ко мне, я тебя тоже пожалею.

– Вы не так поняли мой рисунок, мисс Блю, – весело заметил Мак-Хью. – Я просто хотел показать, каким успехом вы пользуетесь.

Когда провожали гостей, Анджела стояла рядом с Юджином, охватив его гибкой рукой. Мариетта кокетничала на прощанье с Мак-Хью. Какое большое преимущество у его друзей, думал Юджин, они холостяки и могут сколько угодно шутить с Мариеттой и ухаживать за нею. Для него все это кончено. Он уже никогда не сможет любезничать ни с одной девушкой. Он должен вести себя серьезно, быть сдержанным и осторожным. Юджину стало больно от этой мысли. Он вдруг почувствовал, что это вовсе ему не свойственно. Ему хотелось быть таким, как всегда, – ухаживать за Мариеттой, если бы она позволила, а вот и нельзя. Когда дверь за гостями закрылась, он подошел к камину.

– Какие они оба милые! – воскликнула Мариетта. – Мак-Хью такой забавный. Он с большим юмором.

– Смайт тоже славный, – заступился Юджин за своего друга.

– Оба они чудесные, просто чудные.

– И мне понравился Мак-Хью, он такой оригинал, – заметила Анджела. – Но и мистер Смайт тоже славный и очень положительный. Большего нельзя и требовать от мужчины. А все-таки нет никого на свете лучше моего Юджина, – нежно сказала она, обнимая его.

– О боже, вы опять за свое! – воскликнула Мариетта. – Ну, я иду спать.

Юджин вздохнул.

Они припасли кушетку для Мариетты, с тем чтобы по уходе гостей поставить ее в альков за унизанный блестками занавес.

Юджин с грустью думал о том, что любовь Анджелы для него уже не новость. Этого не было бы, если б он женился на Мариетте или Кристине. Он все больше убеждался, что питает к жене только физическое влечение. И этим ему придется довольствоваться? Разве это возможно? Эта мысль повлекла за собой множество других мыслей, которые с этих пор уже не покидали его, хотя он не всегда замечал их присутствие и ощущал их не с одинаковой остротой. Мгновенная вспышка жалости, страсть, восхищение могли на время заглушить их, но, в сущности, они не оставляли его. Он сделал ошибку. Он сам накинул себе петлю на шею. Он подчинился условностям, которых отнюдь не одобрял. Как поправит он теперь совершившееся? И поправимо ли оно вообще?

Глава III

Но какие бы мысли Юджин ни таил в душе, он начал свою семейную жизнь с видом человека, достаточно серьезно относящегося к браку. Раз уж он женат и связан законными узами, решил он, остается только примириться. Было время, когда у него мелькала надежда, что можно будет скрывать от всех свою женитьбу и не показывать Анджелу друзьям, но такую мысль пришлось отбросить, когда он увидел, как отнеслись к его браку Мак-Хью и Смайт. А главное, приходилось считаться с самой Анджелой. Он стал подумывать о том, что нужно бы известить о своей женитьбе друзей – Мириэм Финч и Норму Уитмор, а возможно, и Кристину Чэннинг, – когда она вернется. В этих трех женщинах заключалась для него самая большая трудность. Он понимал, какое невыгодное впечатление Анджела будет производить рядом с ними. Что они подумают о нем, о ней? Теперь, когда она была тут, в Нью-Йорке, он не мог не видеть, что она представляет здесь совершенно иной, чуждый мир. Пригласив к обеду Смайта и Мак-Хью, он открыл кампанию, которую теперь предстояло продолжить.

Юджина тревожила, главным образом, мысль, как примет эту новость Мириэм Финч, поскольку Кристина Чэннинг была в отъезде, а Норма Уитмор не так уж много значила для него. Он твердил себе, что должен был известить их раньше и что необходимо поскорее исправить эту ошибку. В конце концов он так и поступил, написав Норме Уитмор кратко, но выразительно: «Ваш покорный слуга женился. Разрешите приехать к Вам с женой, чтоб познакомить вас».

Мисс Уитмор была поражена. Вначале она огорчилась – и даже очень, так как Юджин чрезвычайно интересовал ее и она опасалась за удачность его выбора. Но она поспешила улыбнуться на эту очередную насмешку судьбы и ответила ему коротенькой запиской:

«Дорогие Юджин с супругой!

Вот так новость! Поздравляю. Непременно забегу к вам, как только приду в себя от изумления. А потом вы оба должны побывать у меня.

Норма Уитмор».

Юджин обрадовался и в душе поблагодарил Норму за то, что она так мило отнеслась к этому, но Анджелу чуть-чуть задевало втайне, что он не рассказал ей про Норму раньше. Почему он скрыл от нее существование этой женщины? Уж не та ли это, которой он интересовался? Три года, в течение которых она, терзаемая сомнениями, ждала Юджина, обострили ее подозрительность и посеяли в душе ее немало страхов. Все же она решила не придавать этому значения и притворилась, что ей будет очень приятно познакомиться с мисс Уитмор. Юджин рассказал ей, как хорошо относится к нему эта женщина, как она верит в его дарование, сколько вокруг нее талантливой молодежи, начинающих художников и литераторов, и как считаются с ее мнением влиятельные люди. Она еще не раз окажет ему услугу. Анджела терпеливо слушала, но не могла подавить легкого недовольства от того, что он такого высокого мнения о другой женщине. С какой стати он, Юджин Витла, должен зависеть от услуг какой-то своей приятельницы? Она, по всей вероятности, очень милый человек, и они будут друзьями, но…

Норма пришла два дня спустя под вечер и принесла с собою ту атмосферу восторженности, которая, как казалось Юджину, была от нее неотъемлема. В ее преклонении перед его талантом он черпал уверенность и силу.

– Юджин Витла, скверный вы поросенок! – пожурила она Юджина, так как была чуть обижена на него – самую малость, за измену их дружбе. – Что это вы вздумали вдруг удрать и жениться, никому ни слова не сказав? Вы даже лишили меня возможности сделать вам свадебный подарок, но лучше поздно, чем никогда. Какой очаровательный уголок, просто прелесть! – И, положив на стол пакет с подарком, Норма стала оглядываться, ища глазами миссис Юджин Витла.

Анджела тем временем заканчивала в спальне свой туалет. Она ожидала нападения и приготовилась к нему, надев для этого случая свое светло-зеленое домашнее платье. Услыхав фамильярный тон, которым мисс Уитмор разговаривала с ее мужем, она слегка вздрогнула, так как подобное обращение говорило о продолжительном и близком знакомстве. Юджин почти не упоминал о мисс Уитмор раньше и только недавно стал рассказывать про нее, но теперь стало ясно, что они давнишние и близкие друзья. Анджела заглянула в студию и увидела высокую, не очень красивую, но грациозную женщину, все существо которой дышало умом и энергией и говорило о богатстве и утонченности чувств и восприятий. Юджин жал гостье руку и радостно смотрел ей в глаза.

«Чем она его обворожила? – тотчас же возник у нее вопрос. – Почему он на нее так смотрит?»

Слова «Юджин Витла, скверный поросенок» вызвали в ней раздражение. Это звучало так, будто Норма сама влюблена в него. Через несколько минут Анджела вышла к гостье с любезной, приветливой улыбкой, но мисс Уитмор сразу почувствовала в этой любезности оттенок неприязни.

– Так это и есть миссис Витла! – воскликнула она, целуя Анджелу. – Страшно рада познакомиться с вами. Меня всегда интересовало, на ком женится мистер Витла. Вы должны простить меня, что я называю его попросту Юджином. Поскольку он теперь человек женатый, я постараюсь отделаться от этой привычки. Но мы с ним старые друзья, и я большая поклонница его таланта. Ну, как вам нравится жизнь художника, или, может быть, вам это не в новинку?

Анджела, жадно изучавшая старую приятельницу Юджина, ответила не без наигранной наивности, что, напротив, ей все здесь в новинку, она ведь прямо из деревни, самая настоящая фермерская дочка, да еще из такого медвежьего угла, как Блэквуд, в штате Висконсин. Она сделала паузу, чтобы дать Норме возможность выразить дружеское изумление, а потом добавила, что Юджин, по-видимому, мало кому говорил про нее, хотя писал ей достаточно часто. Как ни оскорбительно было для Анджелы сознание, что Юджин так упорно утаивал ее от своих друзей, она не могла не торжествовать при мысли, что достался он в конце концов ей, а не мисс Уитмор. Восторженность этой женщины наводила на мысль, что Юджин ей очень нравится. Так вот, значит, какого рода женщины заставляли его медлить с женитьбой. Интересно, каковы же другие?

Разговор зашел о нью-йоркской жизни. В это время вернулась Мариетта, бегавшая по магазинам вместе с некоей миссис Линк, женой армейского капитана, служившего инструктором в Вест-Пойнте, и тотчас же был подан чай. Мисс Уитмор настойчиво приглашала их к себе обедать. Юджин сообщил ей, что посылает одну из своих картин на выставку в академию.

– Ее, разумеется, примут, – сказала Норма. – Но вам следовало бы устроить самостоятельную выставку своих картин.

Мариетта принялась тараторить о том, какое чудо эти большие магазины, и вскоре мисс Уитмор стала прощаться.

– Вы придете ко мне, не правда ли? – обратилась она к Анджеле, так как, невзирая на какое-то чувство отчужденности, мешавшее их сближению, твердо решила хорошо относиться к ней. Мисс Уитмор думала, что только неопытность и самонадеянность могли толкнуть Анджелу на брак с Юджином. Она очень опасалась, что эта женщина ему не пара. Хотя, с другой стороны, Анджела оригинальна и довольно пикантна. Возможно, что они и поладят. Анджела же не переставала думать о том, что мисс Уитмор чересчур подчеркивает свою старую дружбу с Юджином и что она какая-то неестественная и слишком восторженная.

А потом настал день, когда с визитом явилась Мириэм Финч. Вездесущий Ричард Уилер, узнав от Смайта и Мак-Хью о женитьбе Юджина и его новом местожительстве, поспешил к нему, а от него отправился прямиком к Мириэм Финч. Сам немало удивленный, он знал, что мисс Финч будет поражена еще больше.

– Витла женился! – воскликнул он, врываясь к ней и еще не отдышавшись.

И в первое мгновение Мириэм настолько потеряла самообладание, что чуть ли не трагическим тоном воскликнула:

– Да вы в своем ли уме, Ричард Уилер! Не может этого быть!

– Женился! – уверял Уилер. – Они живут на Вашингтон-сквер, дом номер шестьдесят один. И у него премиленькая жена с золотыми волосами.

Анджела очень ласково приняла Уилера и успела обворожить его. Атмосфера уюта, царившая в студии, тоже произвела на него впечатление, и он подумал, что для Юджина это будет очень полезно. Ему необходимо остепениться и как следует приняться за работу.

Мириэм внутренне содрогнулась, слушая повествование Уилера.

Она была сильно обижена вероломством Юджина: он не нашел нужным даже намекнуть, что собирается жениться.

– Они уже десять дней как женаты, – сообщил Уилер и этим огорчил ее еще больше, а то обстоятельство, что Анджела «премиленькая и с золотыми волосами», вконец расстроило ее.

– Однако! – воскликнула она с притворной веселостью. – Он мог бы все-таки поделиться с нами этой новостью, не правда ли?

Она постаралась скрыть свое замешательство под маской беспечного равнодушия. Конечно, по отношению к ней Юджин проявил возмутительную небрежность, но, с другой стороны, почему ему было вести себя иначе? Он никогда не делал ей предложения. Правда, духовно они были очень близки.

Ей не терпелось увидеть Анджелу. Интересно, что представляет собой эта женщина. «Премиленькая! С золотыми волосами!» Ну, конечно, Юджин, как и все мужчины, пожертвовал очарованием ума и души ради хорошенькой фигурки и смазливого личика. Почему-то ей всегда казалось, что он не способен на такой поступок, что его жена – если он вообще когда-нибудь женится – будет высокая, изящная женщина, блестящего ума – одним словом, существо исключительное. Чем объяснить, что мужчины, высокоразвитые и талантливые, да и все мужчины вообще, в вопросах брака ведут себя как дураки? Ну что ж, она поедет к нему и посмотрит.

Узнав, что Уилер сообщил Мириэм о его женитьбе, Юджин написал ей, стараясь быть возможно лаконичнее, что он женился и хотел бы навестить ее с Анджелой. В ответ Мириэм явилась сама, веселая, улыбающаяся, безукоризненно одетая, горя желанием как-нибудь уязвить Анджелу за то, что ей досталась эта победа. Она также хотела показать Юджину, как мало ее затрагивает перемена в его жизни.

– И скрытный же вы молодой человек, мистер Юджин Витла! – воскликнула она, здороваясь с ним. – Отчего вы не заставили его уведомить нас, миссис Витла? – лукаво обратилась она к Анджеле, вкладывая в свои слова тайный яд. – Можно подумать, что он хотел утаить вас от друзей.

Анджела вздрогнула, как от удара бичом. В словах Мириэм ей послышался явный намек на то, что Юджин пытался скрыть их брак, словно он стыдился ее. И сколько еще у него таких приятельниц, как Норма Уитмор и Мириэм Финч?

Юджин находился в блаженном неведении насчет истинных чувств Мириэм и, когда миновали первые тягостные минуты, стал без умолку говорить о всякой всячине, стараясь, чтобы все, по возможности, выглядело просто и естественно. Когда вошла Мириэм, он как раз работал над одной из своих картин, и ему очень хотелось услышать ее мнение, так как вещь была почти готова. Мириэм, прищурившись, посмотрела на мольберт. Она нашла картину исключительной, но ничего не ответила на его вопрос, хотя раньше рассыпалась бы в похвалах. Она расхаживала по мастерской с безразличной миной, разглядывая с видом знатока то одну вещь, то другую, расспрашивала Юджина, как ему удалось заполучить студию, и поздравляла с удачей. Анджела, решила она, хорошенькая женщина, но по своему умственному уровню не подходит Юджину и с ней считаться не стоит. Юджин промахнулся. Это ясно.

– Вы непременно должны прийти ко мне с миссис Витла, – сказала она на прощание. – Я вам сыграю и спою несколько моих новинок. Я недавно откопала очаровательные итальянские и испанские романсы.

Анджела, всегда выставлявшая себя перед Юджином музыкантшей, была возмущена этим приглашением, сделанным таким снисходительным тоном, а также всем поведением Мириэм, которая не сочла даже нужным поинтересоваться ее музыкальными способностями и вкусами. Почему она разговаривает так высокомерно, тоном превосходства? Что ей за дело до того, рассказывал ли Юджин кому-нибудь про свою жену или нет?

Она ни словом не обмолвилась о том, что сама тоже играет, но ее удивило, почему молчит Юджин. Это показалось ей признаком неуважения и невнимания. А Юджин был весь поглощен мыслью, понравилась ли Мириэм его картина. Прощаясь, она крепко пожала ему руку и сказала с лукавой улыбкой:

– Я убеждена, что вы оба будете *безумно* счастливы.

До Юджина дошло, наконец, скрывавшееся в каждом ее слове раздражение. Он понял, что оно не могло ускользнуть и от его жены. Мириэм внутренне кипела – вот чем все объяснялось. Она чувствует себя оскорбленной. Она, по-видимому, успела составить себе мнение об Анджеле, и едва ли оно благоприятное. Во всем ее поведении явно сквозило желание показать, что его жена ровно ничего собой не представляет, что она никакого отношения не имеет к тому избранному кругу художников, к которому принадлежат они – Мириэм и Юджин.

– Как она тебе понравилась? – спросил Юджин, нащупывая почву; он угадывал в Анджеле скрытое возмущение, хотя не знал в точности, чем оно вызвано.

– Она мне не понравилась, – с обидой ответила Анджела. – Воображает себя лучше всех. С тобой обращается, точно ты ее собственность. Меня она открыто оскорбила, сказав, что ты утаил от всех мое существование. И мисс Уитмор тоже меня оскорбляла. Все меня оскорбляют! И будут оскорблять! О!

Она вдруг разразилась слезами и, рыдая, кинулась в спальню. Юджин пошел за нею, ошеломленный, пристыженный, растерянный, виноватый.

– Что ты, Анджела! – начал он умоляющим голосом, наклонившись над женой и пытаясь поднять ее. – Ты прекрасно знаешь, что это неправда.

– Нет, правда, правда! – настаивала она. – Не трогай меня! Не смей подходить ко мне! Ты знаешь, что это правда! Ты меня не любишь! Все время, что я здесь, ты со мной обращаешься не так, как должно. Ты не сделал ничего, чтобы меня защитить. Она прямо в лицо оскорбляла меня.

Голос ее прерывался рыданиями, и Юджину было и больно и жутко от этого неожиданного и бурного взрыва чувств. Он никогда еще не видел Анджелу в таком состоянии. Он еще ни одну женщину не видел в таком состоянии.

– Полно, Ангелочек, – начал он ее утешать. – Как ты можешь так говорить? Ты прекрасно знаешь, что это неправда. Что я такого сделал?

– Ты не рассказал своим друзьям о нашем браке, вот что ты сделал! – воскликнула она, судорожно всхлипывая. – Они по-прежнему считают тебя холостяком. Ты держишь меня взаперти, точно я какая-то… какая-то… бог знает кто! Твои приятельницы приходят сюда и открыто оскорбляют меня. Да, да! Оскорбляют, оскорбляют! О!

И она снова разрыдалась. Несмотря на душившую ее злобу и ярость, она прекрасно отдавала себе отчет в том, что делает. Она была уверена, что действует правильно. Юджину необходимо дать хороший урок. Он очень дурно поступил по отношению к ней, и это надо пресечь в корне. Его поведению нет никакого оправдания, и только то обстоятельство, что он – художник, витающий в туманном мире искусства, а не человек, который считается с обычными жизненными условностями, спасало его в ее глазах. То, что она сама уговорила его жениться на ней, не играло роли, и то, что он это сделал, не давало ему отпущения грехов. Анджела считала, что он только выполнил свой долг. Как бы там ни было, теперь они муж и жена, и он должен вести себя подобающим образом.

Юджин стоял под этим градом обвинений, как оглушенный. Ему казалось, что у него не было никаких задних мыслей, когда он скрывал ее существование. Он только пытался защитить себя – самую малость, да и то лишь временно.

– Не надо так говорить, – сказал он умоляющим тоном. – Теперь не осталось никого, кто не был бы извещен, по крайней мере из тех, кто что-то для меня значит. Просто я не подумал об этом. Я ничего не намеревался скрывать. Хочешь, я напишу каждому, кого это может интересовать?

Он все еще был сильно уязвлен тем, что она – как ни велико ее горе – так грубо набросилась на него. Он не прав, это верно, – ну, а она? Разве так нужно вести себя? Разве так выражается истинная любовь? У него было очень смутно и скверно на душе.

Обняв ее и гладя ее волосы, он стал просить прощения. И наконец, когда Анджела решила, что он достаточно наказан, что он искренне огорчен и больше это не повторится, она сделала вид, что прислушивается к его словам, а потом вдруг бросилась к нему на шею и начала обнимать и целовать его. Кончилось все, разумеется, взрывом страсти, но эта сцена оставила в душе Юджина отвратительный осадок. Он терпеть не мог сцен. Он предпочитал высокомерное равнодушие Мириэм, веселое притворство Нормы, неподражаемый стоицизм Кристины Чэннинг. Напрасно он дал вторгнуться в свою жизнь этим шумным, бурным, злобным чувствам. Он не мог представить себе, что любовь их от этого окрепла.

И все же Анджела очень мила, размышлял он. В сущности, она всего лишь простенькая девушка – не такая разумная, как Норма Уитмор, не умеющая постоять за себя, как Мириэм Финч или Кристина Чэннинг. Возможно, в конце концов, что она действительно нуждается в его заботах и нежности. Пожалуй, это к лучшему, что они поженились, и для него и для нее.

Размышляя, он продолжал крепко держать ее в объятиях, и Анджела, лежа рядом с ним, внутренне торжествовала. Она чувствовала себя победительницей. Она с самого начала взяла правильный курс. Она повела Юджина по правильному пути. Она сумеет одержать над ним верх во всем – в вопросах нравственности, ума и чувства – и поставит на своем. И пусть эти

женщины, которые считают себя выше ее, делают, что хотят. Юджин будет принадлежать ей, он будет великим человеком, а она – его женой. А больше ей ничего не нужно.

Глава IV

Эта вспышка Анджелы привела к тому, что Юджин поспешил известить о своей женитьбе всех, кого еще не успел уведомить: Шотмейера, своих родителей, Сильвию, Миртл, Хадсона Дьюла, – и получил в ответ поздравительные карточки и письма, которые и показал жене, чтобы ее успокоить. Как только все улеглось, Анджела поняла, что на Юджина эта сцена произвела тягостное впечатление, и теперь она горела желанием загладить своей нежностью те страдания, которые причинила ему из тактических соображений. Юджин и не догадывался, что в лице Анджелы – при всей ее миниатюрности и ребяческом, как ему казалось, уме – он имел дело со зрелой женщиной, прекрасно знавшей, чего она хочет. Правда, она была в какой-то мере рабой своей любви к нему, и это отчасти путало ее расчеты, а кроме того, многие его чувства и мысли были ей чужды и непонятны. Зато она инстинктивно угадывала, в чем залог незыблемости отношений между мужем и женой, а также между любой женатой парой и остальным миром. Для нее даваемая у алтаря клятва означала именно то, что в ней и говорилось, что муж и жена должны навеки прилепиться друг к другу, и отныне она не признавала никаких мыслей, чувств, переживаний, а тем более поступков, которые не находились бы в полном согласии с буквой и духом этого брачного обета.

Юджин отчасти догадывался о ее настроениях, но не придавал им должного значения. Он недооценивал узость ее взглядов и правил, их непреклонность и надеялся, что сумеет заразить Анджелу своей терпимостью и добродушием. Она должна знать, что люди, особенно мужчины, по натуре своей в большей или меньшей степени непостоянны. Для них нельзя установить твердых, нерушимых законов. Это всякому понятно. Можно и должно стараться держать себя в руках, во имя самосохранения, во имя внешних приличий, требуемых обществом, но если человек согрешил – что легко может случиться, – то нельзя считать это преступлением. И уж конечно, не преступление – любоваться другой женщиной. А если даже, поддавшись соблазну, человек сошел с прямого пути, то разве это не в природе вещей? Разве человек сам создает свои желания? Ни в коем случае. И, если ему не удается полностью ими управлять, что ж…

Жизнь у них наладилась в общем довольно интересная, хотя Юджину отравлял существование страх перед возможностью неудачи, ибо он по складу своего характера принадлежал к людям, склонным вечно волноваться, готовым все видеть в мрачном свете. Сознание, что он женился на Анджеле против своей воли, что у него еще до сих пор нет крепких связей в художественном мире, что его заработок едва достигает двух тысяч долларов в год, что он принял на себя известные материальные обязательства, удвоившие его расходы на стол, платье, развлечения и квартиру (он платил за студию на тридцать долларов в месяц больше, чем когда жил вместе со Смайтом и Мак-Хью), сильно угнетало его. Обед, который он дал в честь своих бывших сожителей, повлек за собой дополнительный расход в восемь долларов. Таких обедов будет еще немало, и стоить они будут столько же, если не больше. Придется иногда водить Анджелу в театр. Будущей осенью им предстоит обзавестись обстановкой, разве только снова подвернется что-нибудь вроде этой студии. Затем, хотя Анджела и запаслась довольно разнообразным и добротным гардеробом, его хватит не навеки. Уже вскоре после свадьбы стала появляться необходимость то в одном, то в другом. И Юджин начал понимать, что если они и впредь будут жить так же нерасчетливо и беспечно, как он жил до женитьбы, то ему необходимо иметь гораздо более высокий и верный заработок.

Энергия, которую пробудили в нем эти мысли, дала кой-какие результаты. Прежде всего он послал на выставку в академию оригинал своей картины «Шесть часов», изображавшей уголок Ист-Сайда. Он давно мог бы это сделать, но почему-то так и не собрался.

Анджела слышала от Юджина, что Национальная художественная академия – это своего рода форум, где выставляются произведения искусства и куда широкая публика допускается по пригласительным билетам или за плату. Добиться того, чтобы картина была принята и выставлена в залах академии, значило для художника добиться признания своего таланта и заслуг. Сам Юджин, впрочем, был не слишком высокого мнения об этом учреждении. Оценку картине давало жюри из художников, решавших – принять ее или отвергнуть, и если принять, то где повесить – на почетном месте или там, где ее никто не увидит. Почетным местом считался нижний ряд, где было прекрасное освещение и где посетители выставки могли хорошо разглядеть картину. В течение первых двух лет пребывания в Нью-Йорке Юджин не решался представить свои полотна на суд жюри, находя, что они еще не заслуживают этой чести; позднее он стал подумывать о собственной выставке, считая критерии академии в сущности пошлыми и отсталыми. Все, что ему до сих пор приходилось там видеть, было, по его мнению, бездарно и отдавало мертвечиной, и быть допущенным на такую выставку не представляло особой чести. Но теперь, возможно, увлеченный примером Мак-Хью, отчасти же потому, что он и сам собрал почти достаточное количество картин для выставки в какой-нибудь частной галерее (которую он надеялся заинтересовать ими), Юджин решился на этот шаг. Ему хотелось узнать мнение авторитетов американского художественного мира о своей работе. Может быть, они отвергнут ее. Но это послужит лишь доказательством того, что они не способны оценить искусство, порывающее с общепринятым методом и сюжетами. Он знал, что так когда-то игнорировали импрессионистов. Ну что ж, придет время, и они признают его. Если же они допустят его на выставку, это будет доказательством того, что они лучше разбираются в своем деле, чем он предполагал.

– Пожалуй, это самое разумное, – рассуждал он. – Так или иначе, интересно знать их мнение.

Картина была отправлена и, к великому удовлетворению Юджина, принята и повешена в зале выставки. Почему-то она не привлекла к себе того внимания, какого следовало ожидать, но свою долю похвал получила. Поэт Оуэн Овермэн, повстречавшись с Юджином в вестибюле академии в день вернисажа, горячо поздравил его.

– Мне помнится, я видел ваш этюд в журнале «Труф», – сказал он, – но в действительности он несравненно лучше. Прекрасная вещь. Вам следует побольше писать в этом духе.

– Я так и делаю, – ответил Юджин. – И рассчитываю в ближайшее время устроить свою собственную выставку.

Он подозвал Анджелу, которая отошла в сторону, чтобы посмотреть на какую-то статую, и представил ее.

– Я только что говорил вашему мужу, как мне понравилась его картина, – сказал ей Овермэн.

Анджела была очень польщена тем, что ее мужу оказана такая честь; ведь картина его принята на большую выставку, где все стены увешаны прекрасными полотнами и где среди многочисленной публики так много видных людей. Расхаживая с Анджелой по выставочным залам, Юджин указывал ей то на того, то на другого известного художника или писателя и почти про каждого говорил, что он «не без способностей». Юджин знал в лицо нескольких знаменитых коллекционеров, членов жюри и меценатов и объяснял Анджеле, кто они такие. На выставку пришло много натурщиц, привлекавших внимание своей элегантной внешностью; Юджин знал их – либо понаслышке, либо лично; это были – Зелма Десмонд, позировавшая ему когда-то, Гедда Андерсон, Анна Магрудер, Лора Мэтьюсон и другие. Красота и элегантность этих женщин поразили Анджелу. Они вели себя так непринужденно и свободно, что она была изумлена. У Гедды Андерсон был вызывающий вид, но одета она была замечательно. Каждым своим движением она, казалось, подчеркивала, насколько неинтересны все обыкновенные женщины, как мало они заслуживают внимания. Она увидела Анджелу рядом с Юджином и задержала на ней недоуменный взгляд.

– Правда, эффектная женщина? – заметила Анджела, не зная, что Юджин знаком с ней.

– Я ее хорошо знаю, – ответил он, – это натурщица.

И как раз в этот миг мисс Андерсон в ответ на его кивок подарила Юджину обворожительную улыбку. У Анджелы защемило сердце.

Мимо них прошла Элизабет Стейн, и Юджин поклонился ей.

– А это кто? – спросила Анджела.

– Известная социалистка и агитатор. Она часто выступает с речами на улицах Ист-Сайда.

Анджела стала внимательно разглядывать эту женщину. Восковой цвет ее лица, гладкие черные волосы, заплетенные в косы и уложенные на голове короной, прямой, точеный нос, правильно очерченные румяные губы и невысокий лоб говорили о бесстрашии и душевной утонченности. Анджела не могла себе представить, чтобы такая красивая девушка занималась подобными делами и вместе с тем держала себя так смело, свободно и непринужденно. Странные у Юджина знакомства, подумала она. Юджин представил ей также Уильяма Мак-Коннела, Хадсона Дьюла, который еще ни разу не навестил их, Яна Янсена, Луи Диза, Леонарда Бейкера и Пэйнтера Стоуна.

О картине Юджина газеты, за исключением одной, не обмолвились ни словом. Но этот единственный отзыв, по мнению Юджина и Анджелы, стоил многих. Статья появилась в газете «Ивнинг сан», которая славилась своим отделом искусства; в ней в ясных, веских выражениях высказывалось мнение о работе Юджина.

«Молодой художник Юджин Витла выставил картину под названием «Шесть часов». По четкости и смелости рисунка, по остроте восприятия, по верной передаче деталей и того, что мы, за отсутствием лучшего термина, назовем целеустремленностью замысла, это полотно представляет собой лучшее из того, что можно встретить на выставке. Эта картина кажется не на месте среди слащавых, прилизанных пейзажиков, которые так охотно выставляются академией, – но она нисколько от этого не теряет. Художнику присуща новая, резкая, почти грубая манера письма, однако полотно его действительно передает то, что он видит и чувствует. М-ру Витла, очевидно, придется еще подождать, – если только эта картина не случайная, единичная вспышка таланта, – но со временем к его голосу станут прислушиваться. В этом не может быть никакого сомнения. Юджин Витла – подлинный художник».

Юджин с восторгом читал эти строки. Это было как раз то, что сказал бы он сам, если бы посмел. Анджела была вне себя от счастья. Кто автор этой заметки? – задавалась она вопросом. Что он собой представляет? Бесспорно, это человек с широким

кругозором. Юджину хотелось пойти и разыскать его. Если нашелся хотя бы один критик, который сумел заметить его талант, то со временем найдутся и другие. Именно это обстоятельство и придало ему решимости (хотя картина в конце концов вернулась непроданной и не удостоилась ни похвального отзыва, ни премии) устроить собственную выставку.

Глава V

Мечты о славе! Каких только высоких раздумий, восторженных порывов и лихорадочных усилий не рождает эта наиболее обманчивая из всех иллюзий! Какое человеческое сердце не тянется к этой обольстительной приманке, к этому ignis fatuus[12]? Но особенно ярко горит она в юных сердцах, источая красоту и благоухание весенних костров. Ибо в эту пору жизни нам больше чем когда-либо представляются незыблемой действительностью увлекательные иллюзии – тени, отбрасываемые великими людьми. В эту пору кажутся достижимыми покой, довольство и сладостное удовлетворение, эти спутники славы – отблеск побед, о которых можно только мечтать. Слава дышит красотой и свежестью утренней зари. Слава – это и аромат розы, и шелковистость тончайшей ткани, и нежный румянец юности. О, если бы мы могли добиться славы в дни, когда мы о ней грезим, а не в том возрасте, когда в волосах уже серебрится седина, когда лицо изборождено морщинами – следами пережитой борьбы, когда глаза померкли от долгих лет напряжения, разочарований и горя. Покорить мир на заре жизни, шествовать среди рукоплесканий и приветственных кликов, пока молода любовь, молода вера! Ощущать себя молодым и чувствовать любовь человечества, пока ты еще юн и здоров, – какая это дивная мечта! Легкое, окрашенное багрянцем облачко в небе, месяц, играющий в зеркале вод, воспоминание о чудном, прерванном сне – вот что такое слава в юности, и только в юности.

Этой иллюзии поддался и Юджин. Он не мог знать, что уготовила ему в будущем судьба, но полагал, что, если ему удастся устроить выставку где-нибудь на Пятой авеню, – как в свое время была выставлена в Чикаго «Венера» Бугро, – и публика побежит туда, как бежал когда-то на выставки он сам, это доставит ему огромную радость и удовлетворение. Если бы он мог создать полотно, которое приобрел бы у него Нью-йоркский музей, он в некотором роде приобщился бы к числу классиков, оказался бы в одном ряду с французскими живописцами Коро, Добиньи и Руссо или англичанами Тернером, Уотсом и Милле, – самыми излюбленными фигурами его пантеона. Эти художники, как ему представлялось, обладали тем, чего недоставало ему: более богатой техникой, более совершенным восприятием красочного и характерного, ощущением неуловимых оттенков, которыми так богата жизнь. Обширный опыт, широкий кругозор, широта чувства – вот что он видел в замечательных полотнах, украшавших стены этого музея, и что заставляло его сомневаться в своих силах. И только отзыв «Ивнинг сан» поддерживал его в минуты, когда мысли о поражении не давали ему покоя. Он – *подлинный художник*.

Собрав все свои картины, писанные маслом (всего в общей сложности двадцать шесть – виды реки, улиц, сценки из ночной жизни и так далее), он наново прошел их, подчеркнув некоторые детали, которые раньше были только чуть намечены, усиливая кое-где эффект какого-нибудь яркого пятна, кое-где изменяя тона и оттенки, и, наконец, после длительных размышлений над возможным исходом своего предприятия, отправился искать художественный магазин, который принял бы его полотна для демонстрации и продажи.

Сам Юджин был того мнения, что его работы несколько еще сыроваты и поверхностны и что они мало скажут сердцу зрителя. Они в большинстве своем изображали фабричные здания, буксирные суда, баржи, паровозы, надземную железную дорогу – все в грубых ярко-красных, желтых и черных тонах. Правда, и Мак-Хью, и Дьюла, и Смайт, и мисс Финч, и Кристина, и «Ивнинг сан», и Норма Уитмор хвалили его вещи, – во всяком случае некоторые. Но не больше ли увлекают публику классические представления о красоте, которая раскрывается нам в полотнах сэра Джона Милле? Не отдаст ли она предпочтение «Благословенной деве» Россетти перед любой уличной сценкой? Юджина одолевали сомнения. Даже в минуты ликования, после хвалебной оценки «Ивнинг сан», им овладевал смутный страх при мысли, что его произведения слабы. Привлекут ли они публику? Будут ли их покупать когда-нибудь? Представляют ли они собою действительную ценность?

«Нет, о сердце художника! – можно было бы ему ответить. – Они представляют не большую ценность, чем всякий другой труд на этом свете, но и не меньшую. Солнечные лучи на колосьях, нежный отблеск зари на лице девушки, серебристый свет луны на воде – все это ценно или ничего не стоит, в зависимости от того, кто и как это воспринимает. Не бойся. Мир соткан из прекрасных грез».

Фирма «Кельнер и сын» на Пятой авеню, близ Двадцать восьмой улицы, торговавшая художественными произведениями как старых, так и современных мастеров, была единственной фирмой в городе, пользовавшейся авторитетом. Картины, появлявшиеся в витринах магазина «Кельнер и сын», выставки, устраиваемые в его открытых лишь для избранного общества залах, строгий вкус – все это в течение тридцати лет привлекало к ней художников и публику. С первого же дня своего приезда в Нью-Йорк Юджин с большим интересом следил за выставками «Кельнер и сын». Ему самому случалось видеть в огромных витринах фирмы изумительные творения той или иной школы; о других вещах он слышал восторженные отзывы художников. Первое крупное произведение школы импрессионистов (весенний ливень в роще серебристых тополей, кисти Уинтропа), очаровавшее Юджина своим мастерством, было выставлено в витрине «Кельнер и сын». У них же видел он серии декадентских рисунков Обри Бердслея, работы «сухой иглой» Элле, изумительные скульптуры Родена и импозантные творения Толоу, свидетельствовавшие о монументальном эклектизме скандинавов. Фирма имела агентов, по-видимому, во всех странах света, так как порой в ее залах появлялись картины новейших мастеров Италии, Испании, Швейцарии и Швеции, сменяя шедевры наиболее известных английских, французских и немецких художников. «Кельнер и сын» были знатоками искусства в полном

смысле этого слова, и, хотя основатель фирмы, по происхождению немец, умер много лет назад, его методы ведения дела и строгость требований удерживались на прежней высоте.

Юджин в то время не знал, как трудно устроить выставку у Кельнера; фирма была завалена письмами от лиц, желавших продать то или иное произведение искусства, и предложениями крупных художников, изъявлявших полную готовность уплатить за место и время и обладавших для этого достаточными средствами. Фирма имела твердо установленную таксу и никогда не отступала от нее, за исключением тех редких случаев, когда художнику, не обладавшему средствами, но обладавшему талантом, из каких-либо соображений предоставлялись льготы. Двести долларов за один из выставочных залов сроком на десять дней считалось довольно умеренной платой.

Юджин не располагал такой суммой, но однажды в январе, не имея точного представления об условиях фирмы, он отправился туда, захватив с собой четыре репродукции из числа напечатанных в свое время в журнале «Труф», уверенный в том, что ему есть что показать. Мисс Уитмор не раз напоминала ему, что Эбергарт Занг просил его заглянуть, но Юджин полагал, что если уже идти к кому-нибудь, то к «Кельнеру и сыну». Он намеревался сказать мистеру Кельнеру, если таковой существует, что у него еще много других вещей, которые он считает даже лучше этих, так как они ярче отражают его понимание американской жизни, его самого и его технику. Он вошел, испытывая некоторую робость, – хотя и держась с достаточным достоинством, – ибо его очень беспокоил исход этой затеи.

Управляющий американской конторой «Кельнер и сын», мосье Анатоль Шарль, француз по рождению и воспитанию, был знаком с духом и историей французского искусства и со всеми течениями и школами в искусстве многих других стран. Главная контора фирмы в Берлине направила его в Нью-Йорк не только потому, что он прекрасно изучил английский художественный мир, и не только потому, что он умел находить картины, привлекавшие внимание публики и поднимавшие репутацию фирмы, а попутно и ее благосостояние как в Америке, так и в Европе, – мосье Шарль обладал способностью приобретать друзей среди сильных мира, где бы ему ни случалось быть, и продавал одну картину за другой, ибо обладал особым талантом, какой-то магнетической силой, притягивавшей к нему людей, которые ценили подлинные шедевры и готовы были платить за них. Специальностью его были полотна современных крупных иностранных мастеров. Он по опыту знал, какие картины пойдут в Америке, какие во Франции, Англии и Германии. У него сложилось убеждение, что американское искусство не дало еще в сущности ничего ценного, и не только с коммерческой, но и с художественной точки зрения. Если не считать нескольких полотен Иннеса, Хомера, Сарджента, Уистлера, Аббея (художников, которые по своему направлению скорее могли почитаться иностранцами, вернее космополитами), американское искусство все еще было незрелым, сырым и даже грубым. «У меня такое впечатление, что здешние художники еще не вышли из детского возраста, – говорил мосье Шарль своим близким друзьям. – Они достигают эффекта по мелочам, но, по-видимому, не умеют еще охватить вещи в целом. В их полотнах я не нахожу того ощущения вселенной в малом, какое дают нам картины великих европейских мастеров. Иллюстраторы в Америке куда лучше, чем художники, – не знаю, чем это объяснить».

Мосье Шарль более чем в совершенстве владел английским языком. Он был светский человек в полном значении этого слова – изысканные манеры, чувство собственного достоинства, безукоризненные костюмы, консервативный образ мыслей и сдержанная речь. К нему часто приходили критики и восторженные ревнители искусства, хвалившие того или иного художника. Но он только поднимал брови с видом умудренного опытом человека, покручивал холеные усы, поглаживал артистическую бородку и произносил: «Вот как!» или: «Неужели?» Он сам признавал, что ищет таланты, таланты, сулящие доход, – однако при случае фирма «Кельнер и сын» (при этом мосье Шарль красноречиво разводил руками и слегка вздергивал плечи) готова послужить по мере сил искусству ради искусства, отвлекаясь от финансовых интересов.

– Но где они, ваши живописцы? – спрашивал он. – Я ищу их, ищу. Уистлер, Аббей, Сарджент, Иннес?.. Да, но все это старые мастера, а где же новые?

– Как раз тот, про кого я вам рассказываю… – настаивал иногда критик.

– Хорошо, хорошо, я пойду. Я посмотрю. Но у меня мало надежды, признаюсь, очень, очень мало надежды.

Уступая давлению, он нередко появлялся то в одной, то в другой студии, присматривался и выносил суждение. Увы, лишь немногие картины удостаивались чести быть отобранными им для выставок, да и цену за услуги он обычно назначал очень высокую.

Таков был этот лощеный, в своем роде неподражаемый человек, с которым Юджину было суждено встретиться в то утро. Когда он вошел в роскошно обставленный кабинет мосье Шарля, тот сейчас же встал. Он сидел до этого за маленьким столиком розового дерева, на который падал свет от лампы под зеленым шелковым абажуром. Стоило ему взглянуть на Юджина, как он понял, что перед ним художник, возможно талантливый, более чем вероятно – очень впечатлительный и нервный. Мосье Шарль давно убедился, что любезность и обходительность стоят недорого. Это был первый шаг к тому, чтобы завоевать расположение художника. Визитная карточка Юджина, переданная ему служителем в ливрее, достаточно красноречиво говорила о цели его посещения. Когда Юджин подошел ближе, мосье Шарль движением приподнятых бровей дал понять, что он был бы рад узнать, чем может служить мистеру Витла.

– Я хотел бы показать вам несколько репродукций моих картин, – начал Юджин, призвав на помощь всю свою смелость. – Я написал целую серию с целью устроить выставку и подумал, не согласитесь ли вы познакомиться с ними и взять на себя устройство такой выставки. Всего у меня двадцать шесть холстов и…

– Видите ли, очень трудно что-нибудь обещать, – осторожно перебил его мосье Шарль. – У нас уже есть большая предварительная запись: ее хватило бы на два года, если бы даже мы пожелали ограничиться только ею. Помимо того, у нас известные обязательства по отношению к художникам, с которыми мы уже имели дело раньше. Иногда наши выставочные залы здесь, в Нью-Йорке, целиком заполнены картинами, которые присылают нам наши берлинские и парижские отделения. Конечно, мы всегда рады выставить интересную вещь, если обстоятельства позволяют. Кстати, вам известно, сколько мы берем за выставку?

– Нет, – ответил Юджин, удивленный тем, что за это нужно платить.

– Двести долларов за две недели. На более короткий срок мы договоров не заключаем.

У Юджина вытянулось лицо. Он ожидал совершенно иного приема. Тем не менее он развязал папку, в которой принес репродукции.

Мосье Шарль стал с любопытством рассматривать их. Изображенная на листе уличная толпа Ист-Сайда сразу же произвела на него впечатление, а когда он увидел другой этюд – Пятую авеню в снежную метель (жалкий, видавший виды омнибус, запряженный парою тощих, грязных кляч с выпирающими ребрами), он был поражен его выразительностью. Он по достоинству оценил ту живость, с какою был передан кружащийся в воздухе, подгоняемый ветром снег. С огромным вниманием рассматривал он обычно запруженную толпой, а теперь пустынную улицу, редких прохожих в застегнутых на все пуговицы пальто, съежившихся от холода, сгорбленных, торопливых, и такие красноречивые детали, как снег, наметенный на подоконники, на карнизы, на ступеньки домов и даже на окна омнибуса.

– Эффектная деталь, – заметил он Юджину тоном, каким один критик делится мнением с другим, указывая на полоску снега на оконной раме омнибуса. Потом другая деталь привлекла его внимание – опушенные снегом поля шляпы у одного из прохожих.

– Так и чувствуется ветер, – добавил он.

Юджин улыбнулся.

Мосье Шарль стал молча рассматривать другой лист: буксирный пароход на Ист-Ривер, дымя, тянет за собой две огромные баржи. Мысленно он отметил: все искусство этого Витла, в сущности, заключается в том, что он умеет схватывать и запечатлевать эффектные моменты. Главную роль в его работах играли не столько краски и углубленное истолкование жизни, сколько умение создавать чисто сценические эффекты. Этот стоявший перед ним человек умел подмечать живописное в самом обыденном. И тем не менее…

Мосье Шарль взял в руки последнюю репродукцию – Грили-сквер под моросящим дождем. Благодаря какому-то неведомому свойству своего таланта Юджину удалось в точности передать впечатление дождевых капель, брызжущих на серые каменные плиты, ярко освещенные фонарями. Он уловил также разнообразие оттенков света – огни кэбов, трамваев, освещенных витрин, уличных фонарей, подчеркивающих черноту толпы и неба. Эта работа была, безусловно, значительной и по краскам.

– Каков размер оригиналов? – спросил мосье Шарль.

– Почти все тридцать дюймов на сорок.

По его тону Юджин не мог догадаться, вызван ли этот вопрос интересом к его картинам или просто любопытством.

– И все, надо полагать, писаны маслом?

– Да, все.

– Недурно сделано, должен вам сказать, – осторожно заметил мосье Шарль. – Есть, конечно, излишний нажим в сторону драматического эффекта, но…

– Это репродукции… – начал было Юджин, надеясь обратить его внимание на несовершенство печати и заинтересовать более высоким качеством оригиналов.

– Да, да, я понимаю, – перебил его мосье Шарль, прекрасно зная, что он скажет. – Репродукции никуда не годятся. Но все же они дают достаточное представление об оригинале. Где помещается ваша студия?

– Вашингтон-сквер, номер шестьдесят один.

– Как я уже говорил вам, – продолжал мосье Шарль, записывая адрес Юджина на его визитной карточке, – наши возможности в смысле устройства выставок чрезвычайно ограниченны, и плату мы взимаем высокую. У нас есть много вещей, которые мы просто вынуждены выставлять. Трудно сказать заранее, когда представится возможность. Но, если вам угодно, я могу как-нибудь зайти взглянуть на ваши картины.

Лицо Юджина выражало огорчение. Двести долларов! Целых двести долларов! Под силу ли ему такая сумма? А между тем выставка может иметь для него огромное значение. Но, по-видимому, этот человек вовсе не горит желанием сдать ему зал даже за эту цену.

– Я зайду к вам, если разрешите, – повторил мосье Шарль, заметив его настроение. – Я думаю, что это и для вас лучше. Мы должны очень осторожно выбирать вещи для выставок. Ведь у нас не обычная галерея для продажи картин. Как только представится возможность, я дам вам знать, если угодно, и вы мне сообщите, подходит ли вам время, которое я укажу. Я буду весьма рад посмотреть ваши этюды. Они по-своему очень хороши. Наверняка, конечно, сказать не могу, но может представиться случай – через неделю, дней десять – как-нибудь в промежутке между двумя выставками.

Юджин незаметно вздохнул. Так вот как это делается! Его самолюбие было задето. Но, так или иначе, устроить выставку нужно. Если понадобится, он пожертвует на это двести долларов. Где-нибудь в другом месте выставка не будет иметь такого значения. Хотя, по правде говоря, он надеялся, что его картины встретят лучший прием.

– Я буду очень рад, если вы ко мне заглянете, – задумчиво сказал он наконец. – Я думаю все-таки снять у вас зал, если удастся. И мне интересно будет узнать ваше мнение о моих работах.

Мосье Шарль поднял брови.

– Отлично, – сказал он. – Я вас уведомлю.

Юджин вышел.

Какая неприятность, думал он. Он мечтал, что ему устроят выставку у Кельнера бесплатно, так как его картины произведут большое впечатление. А там, оказывается, даже не интересуются ими, с него еще возьмут двести долларов, чтобы выставить их. Это было большим ударом, большим разочарованием.

Все же это принесет ему некоторую пользу, размышлял он по дороге домой. Критики будут обсуждать его работы, как они обсуждают работы других художников. Если действительно осуществится наконец то, о чем он столько мечтал и на чем строил столько планов, они увидят, на что он способен. Выставка у Кельнера представлялась ему радостным событием, венчающим его карьеру художника, а ведь он, возможно, уже близок к этой цели. Она вполне достижима. Мосье Шарль захотел увидеть остальные его вещи. Он не отказался познакомиться с ними. Уже одно это – большая победа!

Глава VI

Прошло, однако, некоторое время, прежде чем мосье Шарль соизволил написать Юджину и сообщить, что, если удобно, он зайдет в среду, шестнадцатого января, в десять утра. Но важно было то, что письмо все же пришло и рассеяло сомнения и страхи Юджина. Наконец-то ему представится случай показать свои работы! Этот человек, возможно, оценит его картины и, пожалуй, даже заинтересуется ими. Как знать? Он с небрежным видом показал письмо Анджеле, словно не придавая ему большого значения, но сам загорелся надеждой.

Анджела привела студию в идеальный порядок, ибо понимала, как много значило для Юджина это посещение, и жаждала быть по возможности ему полезной. Она купила у итальянца на углу цветов и расставила их в вазах по всей студии. Она без конца подметала и вытирала пыль, затем оделась с большой тщательностью, выбрав домашнее платье, которое было ей больше всего к лицу, и в сильном волнении стала ждать звонка. Юджин делал вид, будто поглощен работой над одной из своих картин, хотя он давно ее кончил. На ней была изображена облупленная, грубо сложенная стена дома на Ист-Сайде, а возле нее – кучка ребят,

жалкие тележки уличных торговцев и безликая толпа куда-то спешащих, чего-то ищущих людей. Вся картина дышала неприкрашенными буднями. Но сейчас душа Юджина не лежала к работе. Он снова и снова спрашивал себя, что скажет мосье Шарль. Хорошо еще, что у него такая прекрасная студия. Хорошо, что Анджела так изящна в своем бледно-зеленом платье, без всяких украшений, кроме булавки с красным кораллом у ворота. Он подошел к окну и стал смотреть на Вашингтон-сквер, на оголенные деревья, раскачивающиеся под напором ветра, на снег, на прохожих, суетливо, словно муравьи, снующих взад и вперед. О, будь у него деньги – как спокойно он мог бы работать! Он послал бы тогда к дьяволу этого мосье Шарля!

Раздался звонок.

Анджела нажала кнопку входной двери, и по лестнице неторопливой походкой поднялся мосье Шарль. Послышались его шаги в коридоре. Он постучал, и Юджин, сильно нервничая, сказал: «Войдите!» Наружно он был спокоен и держался с достоинством. Мосье Шарль вошел. На нем было подбитое мехом пальто, меховая шапка и желтые замшевые перчатки.

– Доброе утро! – приветствовал он хозяев. – Сегодня прекрасный день. Какой бодрящий воздух, не правда ли? У вас отсюда изумительный вид. Миссис Витла? Рад познакомиться с вами! Я немного запоздал, но меня задержали, и я ничего не мог сделать. В Нью-Йорк только что прибыл один из наших немецких компаньонов.

Сняв пальто, мосье Шарль стал греть руки, потирая их перед горевшим в камине огнем. Поскольку он уже снизошел до визита, он старался быть до конца любезным и внимательным. Так лучше, если ему предстоит в будущем вести дела с Юджином. К тому же картина, которая красовалась перед ним на мольберте возле окна, – и которой он как будто не замечал, – дышала изумительной силой. Чью это кисть она ему напоминает? Впрочем, действительно ли она кого-нибудь напоминает? Перебирая в памяти многочисленные произведения искусства, он вынужден был признаться, что не может вспомнить ничего похожего. Красные и зеленые пятна, резкие и грубые, грязно-серый тон булыжника, и эти лица! Картина в полном смысле слова кричала о фактах. Она, казалось, говорила: «Да, я – грязь, я – будни, я – нужда, я – неприкрашенная нищета, но я – жизнь!» Тут не было ни малейшей попытки что-либо оправдать, что-либо сгладить. С грохотом, скрежетом, оглушительным треском сыпались факты один за другим, вопя с жестокой, звериной настойчивостью: «Это так! Это так!» Ведь если подумать, то и ему, мосье Шарлю, случалось замечать в те дни, когда на душе у него было особенно скверно и тяжко, что некоторые улицы имеют именно такой вид. И вот сейчас такая улица стояла перед ним – грязная, неопрятная, жалкая, наглая, пьяная, все что хотите, – но она была фактом. «Слава богу, наконец-то он послал нам реалиста», – мысленно сказал себе мосье Шарль, разглядывая полотно, так как он знал жизнь, этот холодный знаток искусства. Но внешне он и виду не подал, что картина его заинтересовала. Он окинул взглядом высокую, стройную фигуру Юджина, отметил слегка впалые щеки, глаза, горящие внутренним огнем (художник в полном смысле слова!), затем Анджелу – маленькую, взволнованную, миловидную любящую женщину, и в глубине души порадовался, что скажет им сейчас о своей готовности взять на себя устройство выставки.

– Ну что ж, – сказал он, делая вид, будто его взгляд впервые упал на картину на мольберте, – приступим к делу. Насколько я понимаю, это один из ваших холстов? Прекрасная вещь, по-моему. Чрезвычайно сильная. Что у вас еще есть?

Юджин подумал, что картина далеко не так понравилась мосье Шарлю, как он надеялся, и поспешил отставить ее в сторону, взяв другую из десятка холстов, стоявших у стены за зеленой занавеской. На ней были изображены в ряд три паровоза, въезжающих в железнодорожный парк. Клубы дыма поднимались из труб прямо вверх, словно гигантские серовато-белые султаны, и расплывались в сыром холодном воздухе; в небе низко нависли черно-серые тучи. Из сырой мглы выступали красные, желтые и синие вагоны. Так и чувствовался холодный моросящий дождик, и влажные рельсы, и усталость стрелочников, дежурящих на путях. Вот один такой на переднем плане выкинул вперед руку с красным фонарем. Он кажется совсем черным, видно, промок насквозь.

– Симфония в серых тонах, – лаконично заметил мосье Шарль.

После этого просмотр пошел быстрее, сопровождаясь лишь редкими замечаниями мосье Шарля и Юджина. Последний ставил перед гостем холст за холстом и, продержав его на мольберте несколько минут, тут же заменял другим. Нельзя сказать, чтобы его мнение о собственном таланте при этом сильно возросло, так как мосье Шарль оставался по-прежнему холодным, хотя один раз он не удержался и вслух выразил свое одобрение при виде этюда «Театральный разъезд», изображавшего разодетую толпу, суетящуюся в ярком свете фонарей. Он понял, что произведения Юджина охватывают почти все стороны жизни большого города, таящие в себе что-то драматическое, и еще многое такое, что казалось лишенным драматизма, пока его не коснулась кисть художника: вот опустевшее к трем часам утра ущелье Бродвея; вот длинный обоз огромных молочных фургонов с забавно покачивающимися фонарями, который тянется с пристаней на рассвете; вот пожарная команда, она мчится на своих машинах, а прохожие бегут вдогонку или глазеют вслед, разинув рот; вот лощеная публика, покидающая здание оперы; очередь за бесплатной булкой у дверей благотворительного заведения; мальчик-итальянец, выпускающий голубей из корзины, висящей у него на руке. Чего бы ни касалась кисть Юджина, все приобретало своеобразную красоту и романтичность, и вместе с тем это был реалист, большей частью бравший своей темой суровую нужду и серые будни.

– Разрешите вас поздравить, мистер Витла! – воскликнул наконец мосье Шарль, взволнованный сознанием, что перед ним большой талант, и чувствуя, что теперь можно отбросить излишнюю осторожность. – В ваших картинах я вижу изумительный

материал. Они, несомненно, гораздо эффектнее, в них больше драматизма и выразительности, чем в репродукциях, которые вы мне показывали. Я далеко не уверен, что вы много выручите за них, так как в Америке спрос на произведения отечественного искусства очень невелик. Они, пожалуй, найдут лучший сбыт в Европе. Во всяком случае, на них должен найтись покупатель, но это уже вопрос другого порядка. Хорошие вещи далеко не всегда продаются быстро. Нужно время. Однако я сделаю все, что будет в моих силах. В первых числах апреля я на две недели выставлю у нас ваши картины и ровно ничего не возьму с вас за это.

Юджин вздрогнул.

– Я обращу на них внимание некоторых моих знакомых и поговорю с людьми, покупающими картины. Позвольте вас заверить, что я почту это для себя за честь. В моих глазах вы – художник в полном смысле этого слова. Я даже сказал бы – крупный художник. Вы далеко пойдете, очень далеко, но надо беречь и осторожно расходовать свой талант. Я с большим удовольствием пришлю за этими картинами, когда придет время.

Юджин не знал, что отвечать. Ему не совсем понятны были ни эта европейская серьезность в отношении к делу, ни эта оценка его дарования, выраженная так непринужденно и искренне и в то же время так официально. Мосье Шарль говорил от души. Это была одна из тех редких и радостных минут в его жизни, когда он мог позволить себе удовольствие высказать не признанному еще гению свою уверенность в том, что его ждет слава и всеобщее признание. Он стоял, ожидая, что скажет Юджин, но тот молчал, и только легкий румянец показался на его бледных щеках.

– Я очень рад, – сказал он наконец, как-то невыразительно и буднично, чисто по-американски. – Мне тоже казалось, что вещи недурны, но я не был уверен в этом. Я вам очень обязан.

– Вы не должны чувствовать себя обязанным мне, – ответил мосье Шарль, переходя на менее официальный тон. – Вы обязаны всем себе, своему таланту. Я уже говорил вам, что считаю это для себя честью. Мы устроим чудесную выставку. У вас нет рам к картинам? Ну, это неважно, мы одолжим вам свои.

Он улыбнулся, пожал Юджину руку и поздравил Анджелу. Та слушала его с изумлением и с чувством все возрастающей гордости. От нее не ускользнуло, в какой тревоге находится Юджин, несмотря на наружное спокойствие, какие огромные надежды он возлагает на этот визит. Тон мосье Шарля сначала ввел ее в заблуждение. Она решила, что ему не бог весть как понравились картины и что Юджина ждет разочарование. И теперь, услышав этот восторженный дифирамб, она не знала, как его принять. Посмотрев на Юджина, она увидела, что он взволнован и испытывает не только облегчение, но и горделивую радость. Все это ясно читалось на его бледном, смуглом, без румянца лице. Достаточно было Анджеле увидеть, какой тяжелый груз свалился с плеч глубоко любимого человека, – и она от счастья совсем перестала владеть собой. Ее охватило такое сильное волнение, что, когда мосье Шарль обратился к ней, слезы брызнули у нее из глаз.

– Не нужно плакать, миссис Витла, – торжественно сказал он, заметив ее слезы. – Вы имеете полное право гордиться вашим мужем. Он великий художник. Берегите его хорошенько.

– Ах, я так счастлива! – воскликнула Анджела, плача и смеясь. – Не обращайте на меня внимания.

Она подошла к Юджину и прижалась головой к его груди. Юджин обнял ее одной рукой и сочувственно ей улыбнулся. Мосье Шарль тоже улыбался, гордясь впечатлением, которое произвели его слова.

– Вы оба вправе чувствовать себя очень счастливыми, – сказал он.

«Милая Анджела! – подумал Юджин. – Вот она, верная подруга, преданная жена! Успех мужа – для нее все. Своей собственной жизни у нее нет – нет ничего, что не было бы связано с ним и его благополучием».

– Ну, мне пора идти, – сказал наконец мосье Шарль и снова улыбнулся. – Когда нужно будет, я пришлю за картинами. А тем временем вы оба должны у меня отобедать. Я пришлю вам приглашение.

Когда он наконец откланялся, заверив их в своих самых теплых чувствах, Анджела и Юджин переглянулись.

– О, какое счастье, котик! – воскликнула она, смеясь и плача. (Она с первого дня замужества стала звать его «котиком».) – Мой Юджин – великий художник! Он сказал, что ты оказываешь ему большую честь. Какое счастье! И скоро весь мир узнает об этом. Кто бы мог подумать! О, как я горжусь тобой, дорогой мой!

И она в восторге бросилась ему на шею. Юджин нежно поцеловал ее. Но сейчас он думал не столько о ней, сколько о фирме «Кельнер и сын» – об их огромном выставочном зале, о том, какой вид будут иметь его двадцать семь или тридцать картин, когда они будут оправлены в золоченые рамы, о тех, кто посетит выставку, о критических отзывах в газетах, о словах одобрения. Отныне все его друзья-художники будут знать, что его считают крупным мастером. А если он как-нибудь встретится с такими людьми, как Сарджент или Уистлер, он будет вправе чувствовать себя с ними на равной ноге. Весь мир услышит о нем. Слава его донесется до самых отдаленных уголков земного шара.

Он подошел к окну и поглядел на улицу. Ему вспомнилась Александрия, типография, чикагская компания «Дешевая мебель», студенческий союз художников, газета «Глоб»…

Да, не сразу пришел он к своей цели.

– Черт возьми! – вырвалось у него наконец. – Вот обрадуются Смайт и Мак-Хью, когда услышат об этом! Надо будет пойти рассказать им.

Глава VII

Выставка, состоявшаяся в апреле, принадлежала к числу тех событий, которые выпадают на долю одних только счастливцев, – когда человек получает возможность раскрыть перед миром россыпи своих чувств, ощущений, восприятий и взглядов. У каждого есть свои чувства и восприятия, но не каждому дана способность найти им выражение. Правда, труды и поступки человека в какой-то мере выражают его сущность, но это совсем другое дело. Он не может выставить для всеобщего обозрения то, чем он живет. Едва ли можно увидеть в одно какое-то мгновение все мысли и чувства человека, собранные воедино. Даже художнику не всегда и не слишком часто удается публично выступить со своими произведениями в таких условиях, чтобы можно было привлечь широкое внимание публики. Это счастье выпадает на долю одиночек, а не большинства. Юджин понимал, что фортуна осыпала его своими щедротами.

Когда подошло время выставки, мосье Шарль был настолько любезен, что прислал за картинами и позаботился обо всех мелочах. Они с Юджином решили, что наиболее подходящими для его полотен – поскольку важно было оттенить выразительность письма и преобладающую гамму красок – будут черные рамы. Главный выставочный зал в первом этаже, где предполагалось развесить холсты, был задрапирован тяжелыми занавесями из красного бархата, и картины эффектно выделялись на этом фоне. Пока их развешивали, Юджин побывал в этом зале вместе с Анджелой, со Смайтом и Мак-Хью, с Шотмейером и другими. Он задолго до выставки оповестил о ней Норму Уитмор и Мириэм Финч, хотя последней уже успел рассказать обо всем Уилер. Мириэм была очень огорчена, так как снова почувствовала, – как это было, когда Юджин женился, – что он намеренно забывает о ней.

Мечта Юджина претворилась наконец в действительность. В зале размерами восемнадцать футов на сорок, сплошь затянутом темно-красным бархатом, в мягком свете скрытых от глаз электрических лампочек его картины выступали во всей своей выразительности и ощутимости, резкие, как сама жизнь. А для некоторых – для тех, кто видит жизнь не своими глазами, а через других людей, – даже резче.

Именно поэтому выставка Юджина была для большинства посетителей поразительным зрелищем. Она вскрыла такие стороны жизни, на которых обычно внимание людей не задерживается и которые, вследствие своей обыденности и будничности, считаются темой, недостойной художника. Особенно сильное впечатление производила картина, где был изображен огромный, нескладный, некрасивый негр, скорее животное, чем человек, с толстыми оттопыренными ушами, с мясистыми губами, приплюснутым носом и выдающимися скулами; всем своим существом он выражал грубую силу и чисто животное равнодушие к грязи и холоду. Он стоял на одной из жалких серых улиц Ист-Сайда рано утром, в январе или феврале. Это был мусорщик, и художник запечатлел его в тот момент, когда он ставил на край неуклюжего обитого железом фургона громадный жестяной бак с золой, обрывками бумаги и всякими отбросами. Его большие руки утопали в заплатанных красных кожаных рукавицах, грязных, заскорузлых, явно ему мешавших. Голову и уши защищал от холода какой-то красный фланелевый платок или просто лоскут, завязанный под упрямым подбородком, а поверх платка был нахлобучен коричневый холщовый картуз с жетоном, на котором значился номер мусорщика. Вокруг пояса у него был обмотан кусок дерюги, а руки и ноги были такие бесформенные, словно он надел на себя две или даже три пары штанов, две или три теплые фуфайки. Его отупелый взгляд был устремлен на грязную улицу, покрытую свежевыпавшим снегом и усеянную жестянками из-под консервов, бумагою, всяким сором и отбросами. Из мусорного бака, который он опорожнял в фургон, летела пыль, смешанная с золой. Вдали двигалась тележка молочника и брели одинокие прохожие, а перед гастрономической лавкой стояла бедно одетая девочка. Выше виднелись окна с маленькими квадратиками подслеповатых стекол, ставни с выломанными планками, чья-то лохматая голова – очевидно, человек хотел узнать, какая сегодня погода.

Юджин предъявил здесь жизни поистине жестокое обвинение. Он, казалось, без малейшего милосердия нагромождал все эти вещественные доказательства. С беспощадностью рабовладельца, избивающего раба, он не ослаблял ярости своей бичующей кисти. «Вот так, так и так обстоит дело, – казалось, говорил он. – А что вы скажете на это, это и это?»

Публика приходила и удивлялась. Приходили и молодые светские дамы, и владельцы художественных салонов, и критики, и литераторы из числа тех, которые интересуются искусством, и музыканты, а также – благодаря тому, что газеты особо отметили выставку, – немало праздных зрителей, которые бывают повсюду, где можно увидеть что-нибудь новенькое и интересное. Выставка, длившаяся две недели, вылилась в целое событие. На ней побывали Мириэм Финч (хоть она и не призналась в этом Юджину, не желая доставить ему это удовольствие), Норма Уитмор, Вильям Мак-Коннел, Луи Диза, Оуэн Овермэн, Пэйнтер Стоун, – одним словом, вся компания знавших его литераторов и художников. Пришел также кое-кто из выдающихся мастеров, которых Юджин раньше никогда не встречал. Ему доставило бы неизмеримое удовольствие, если бы он мог наблюдать со стороны, как разглядывали его картины некоторые виднейшие представители нью-йоркского общества. Посетители изумлялись мужественной силе художника, любопытствовали, кто он такой, каковы его взгляды и вес в художественном мире и чем он руководствовался при выборе сюжетов. Люди, не слишком сведущие в искусстве, хватались за газеты, чтобы узнать, какого мнения об этой живописи печать, какой ярлык нацепит она на художника. Благодаря силе и выразительности картин и установившейся репутации выставлявшей их фирмы, а также благодаря проявленному публикой интересу почти все критические отзывы были положительными. Правда, нашелся один журнал по вопросам искусства, тесно связанный с неким крупным издательством и служивший рупором его консервативных взглядов, который отрицал в картинах Юджина какую бы то ни было эстетическую ценность, высмеивал стремление художника находить красоту в грубых, неприглядных сторонах жизни, утверждал, что он не владеет рисунком, что ему вовсе чужды идеалы «чистого искусства» и единственная его цель – ошеломить широкую публику.

«Мистер Витла, – писал критик, – несомненно, был бы польщен, если бы о нем заговорили как об американском Милле. В грубом преувеличении, на котором зиждется искусство английского мастера, он, возможно, ищет для себя оправдания. Но он глубоко заблуждается. Великий Милле любил человечество, он по духу своему был реформатором, он был мастером рисунка и композиции. У него не заметно ни тени желания бить на дешевый эффект и оскорблять чьи бы то ни было чувства. Помилуй нас бог от того, чтобы нам под видом искусства навязывали помойные ведра, паровозы и старых, заезженных кляч. Тогда уж лучше сразу обратиться к простой фотографии и на этом успокоиться. Разбитые ставни, грязные мостовые, полузамерзшие мусорщики, карикатурные фигуры полицейских, безобразные старухи, нищие, попрошайки, сэндвичмены[13] – вот что такое искусство с точки зрения Юджина Витла».

Читая это, Юджин внутренне ежился. В данную минуту он готов был согласиться с этим суждением. Его творчество действительно изображало все неприглядное. Нашлись, однако, и такие критики, как Люк Севирас, которые ударились в противоположную крайность.

«Истинное понимание волнующих и ярко драматических сторон жизни, дар сообщать вещам яркий колорит, отнюдь не фотографируя их, как это может показаться поверхностному критику, но выявляя их более возвышенное, духовное значение; способность вынести беспощадный приговор беспощадной жизни и бичевать с пророческой силой ее жестокость и подлость, в надежде этим уврачевать ее раны; умение обнаружить красоту там, где она действительно есть, – даже в позоре, страдании и унижении, – таково творчество этого художника. Он, по-видимому, пришел в искусство из толщи народа, с непочатыми силами, готовый осуществить свою великую задачу. Вы не обнаружите в его работах ни робости, ни преклонения перед традициями, ни признания каких бы то ни было общепринятых методов. Мне могут сказать, что он и не знает этих общепринятых методов. Тем лучше! Мы видим перед собой новый метод. Он обогатит мировое искусство. Повторяем, мистеру Витла потребуется, очевидно, какое-то время, чтобы добиться признания. Можно сказать с уверенностью, что его картины не так-то быстро будут распроданы, не так-то скоро будут развешаны в роскошных гостиных. Наши любители искусства неохотно принимают все новое. Но если мистер Витла и впредь будет неуклонно следовать по избранному им пути и если дарование ему не изменит, то придет и его черед. Скажем прямо: талант не может изменить ему. Он большой художник. Пожелаем же ему дальнейшего роста и вполне осознанного развития своих способностей и сил».

На глазах Юджина при чтении этих строк выступили слезы. Мысль, что он является носителем какой-то великой, благородной идеи, вызвала в горле спазму, точно там застрял какой-то клубок. Он жаждал стать великим живописцем, жаждал оправдать ту лестную оценку, которую ему дали. Сколько писателей, художников, музыкантов и знатоков искусства прочтут этот отзыв и запомнят его имя! Возможно, что на некоторые картины даже найдутся покупатели. Как он был бы счастлив всецело посвятить себя живописи и навсегда покончить с работой иллюстратора. Какое это мизерное занятие для художника, как оно ограниченно, как незначительно! Отныне только крайняя необходимость может заставить его вернуться к этой профессии. Напрасно будут его об этом просить. Он – художник в полном смысле этого слова, великий художник, имя которого будут упоминать рядом с такими именами, как Уистлер, Сарджент, Веласкес и Тернер. Пусть журналы с их ничтожными тиражами оставят его в покое! Его искусство – для всего мира.

Как-то раз, когда выставка была еще в полном разгаре, он стоял в своей студии у окна рядом с Анджелой и перебирал в уме все то лестное, что было сказано о нем в последнее время. Ни одна картина еще не была продана, но мосье Шарль обнадеживал его, уверяя, что некоторые, вероятно, будут куплены перед закрытием выставки.

– Если что-нибудь удастся продать, мы летом, пожалуй, поедем в Париж, – сказал Юджин Анджеле. – У меня всегда было желание побывать там. А осенью вернемся и снимем студию в верхней части города. На Шестьдесят пятой улице как раз строится великолепный дом, специально под студии.

Он подумал о художниках, которые имеют возможность платить за студию по три-четыре тысячи в год. О художниках, которые получают четыреста, пятьсот, шестьсот и даже восемьсот долларов за каждый свой холст. Вот бы ему так! Или получить бы на будущую зиму заказ на стенную роспись. Его сбережения были очень скудны. Большую часть зимы он провозился над своими картинами.

– О Юджин, – воскликнула Анджела, – все это кажется мне каким-то чудом! Даже не верится, что это правда. Ты настоящий, великий художник! Подумать только, мы поедем в Париж! Как это прекрасно! Это похоже на сон. Я все думаю, думаю, и иногда мне не верится, что я здесь, что твои картины выставлены у Кельнера и… о!..

В порыве восторга она бросилась ему на шею.

В парке только еще распускались почки на деревьях. Казалось, вся площадь была окутана прозрачно-зеленой сетью, затканной крохотными зелеными листьями, вроде блесток на сети в студии Юджина. Голосистые птицы распевали на солнышке. Воробьи шумными стайками носились в воздухе. Голуби лениво искали корма на мостовой между рельсами.

– Я мог бы написать серию картин из жизни Парижа. Мало ли что там может подвернуться. Мосье Шарль обещает мне будущей весной устроить еще одну выставку, если накопится достаточно материала.

Он потянулся и сладко зевнул.

Интересно, что думает о нем мисс Финч? Где сейчас Кристина Чэннинг? Газеты пока ни словом не упоминали о ней. Что думает Норма Уитмор, он знал. Она, казалось, была так счастлива, словно выставлены ее собственные картины.

– Ну, котик, мне нужно пойти купить тебе что-нибудь к завтраку! – заторопилась Анджела. – Да еще надо сбегать в гастрономическую лавку, к мистеру Джиолетти, и к мистеру Руджиере в овощную.

Она расхохоталась: эти итальянские имена забавляли ее.

Юджин вернулся к мольберту. Его мысли были заняты Кристиной – где-то она сейчас? Он и не подозревал, что в этот самый момент, только что вернувшись из Европы, она смотрит его картины. Она прочитала о выставке в «Ивнинг пост».

«Какое мастерство! – думала Кристина. – Какая сила! Какой замечательный художник! И когда-то он был моим!»

Ее мысли перенеслись в Флоризель, к круглой поляне среди деревьев.

«Он назвал меня горной Дианой, своей дриадой, своей богиней охоты».

Она знала, что Юджин женился. Об этом ей написала еще в декабре одна знакомая. Прошлое в глазах Кристины было прошлым. У нее не было желания вернуть его. Но вспоминать о нем было чудесно – какое восхитительное воспоминание!

«Странная, однако, я женщина», – подумала она.

И все же ей хотелось снова увидеть Юджина. Не встретиться с ним лицом к лицу, а взглянуть на него издали, чтобы он ее не видел. Интересно было бы знать, изменился ли он, изменится ли вообще. В те памятные дни он казался ей таким прекрасным!..

Глава VIII

Мечта о Париже ярко засияла в воображении Юджина, а к этому примешивались и другие заманчивые мысли. Теперь, когда его картины удостоились публичной выставки, широко отмеченной в газетах и специальных журналах и привлекшей такое множество избранной публики, его имя стало известным в кругах художников, критиков, писателей. Немало людей искало знакомства с ним, чтобы выразить ему свой восторг. Установилось мнение, что Юджин – крупный художник; правда, талант его еще не достиг своего расцвета, но явно находится на пути к этому.

В глазах своих знакомых Юджин благодаря выставке чуть ли не в один день вознесся на недосягаемую высоту, оставив далеко позади таких мелких художников, как Смайт, Мак-Хью, Мак-Коннел и Диза, чьи полотна дважды в год наводняли залы Национальной академии и Общества акварелистов и из чьей среды он до некоторой степени вышел. Он стал крупной фигурой – это признавали выдающиеся критики, разбиравшиеся в искусстве, – и теперь от него будут ждать больших вещей. Одна фраза из статьи Люка Севираса, опубликованной в «Ивнинг сан» в дни выставки, не выходила у него из головы: «Если мистер Витла

и впредь будет неуклонно следовать по избранному им пути и если дарование ему не изменит…» «Но почему оно мне может изменить?» – спрашивал себя Юджин.

После закрытия выставки он с огромным удовлетворением услышал от мосье Шарля, что три его картины проданы: одна банкиру Генри Мак-Кенна за триста долларов, другая за пятьсот долларов – Айзеку Вертхейму (уличная сценка на Ист-Сайде, которой так восхищался мосье Шарль) и третья (три паровоза, въезжающие в железнодорожный парк) – тоже за пятьсот долларов – Роберту Уинчону железнодорожному магнату, вице-президенту одной из крупнейших нью-йоркских компаний. Юджин никогда не слышал ни про мистера Мак-Кенна, ни про мистера Уинчона, но все уверяли его, что это люди с большими деньгами и вкусом. По совету Анджелы, он попросил мосье Шарля принять от него одну из картин в знак признательности за все, что тот для него сделал. Юджин сам не додумался бы до этого – он был страшно непрактичен и безалаберен, но зато Анджела, та вот подумала и позаботилась, чтобы он это сделал. Мосье Шарль был очень польщен и выбрал этюд Грили-сквер, который он считал шедевром по колориту. Этот подарок скрепил их дружбу, и мосье Шарль стал всячески заботиться об интересах Юджина. Он предложил ему оставить на время три картины в выставочном зале его фирмы – уж он постарается приискать для них покупателя. А Юджин, прибавивший тысячу триста долларов к тысяче с лишним, остававшимися у него в банке от прежних сбережений, проникся уверенностью, что его карьера обеспечена, и решил, как рассчитывал раньше, съездить в Париж, по крайней мере на лето.

Это путешествие, которое для Юджина было исключительным событием, знаменующим новую эру в его жизни, не потребовало больших приготовлений. За годы своего пребывания в Нью-Йорке он слышал от друзей больше рассказов о Париже, чем о каком-либо другом городе в мире. Парижские улицы, кварталы, музеи, театры, опера – все было знакомо ему до мелочей. Что стоит жизнь в Париже, какой выбрать маршрут, как лучше всего там устроиться, что осматривать, – как часто приходилось ему слышать об этом. А теперь он сам туда поедет. Анджела приняла на себя все хлопоты – изучала проспекты пароходных компаний, решала, какого размера чемоданы нужно купить, какие вещи взять в дорогу, позаботилась насчет билетов и разузнала цены в разных отелях и пансионах, в которых, возможно, придется жить. Она была так ошеломлена славой, неожиданно свалившейся на ее мужа, что с трудом отдавала себе отчет в происшедшем.

– Знаешь, Юджин, что говорит мистер Байердет? – сказала она однажды, имея в виду пароходного агента, с которым неоднократно совещалась. – Он уверяет, что, если мы едем только на лето, нет никакого смысла брать с собой много вещей – разве что самое необходимое. Он говорит, что, если понадобится, мы купим там что угодно из платья, и осенью я смогу привезти это сюда беспошлинно.

Юджин одобрил эту мысль. Он подумал, что Анджеле доставит удовольствие походить по магазинам. Они решили ехать через Лондон, а на обратном пути сесть на пароход в Гавре. Десятого мая они выехали, через неделю были в Лондоне, а первого июня прибыли в Париж. Лондон произвел на Юджина большое впечатление. Он вовремя приехал туда: сезон туманов и холодов миновал, и город, купавшийся в золотистой дымке, мог кого угодно привести в восторг. Лондонские магазины не понравились Анджеле, она считала, что это «второй сорт». Ее также неприятно поразили условия жизни неимущих классов, обилие ужасающе бедных и нищенски одетых людей. И она, и Юджин отметили тот любопытный факт, что все англичане на редкость одинаковы – одинаково одеваются, одинаково ходят, одинаково носят шляпы, одинаково держат в руках трости. Мужчины, элегантные, подтянутые, произвели на Юджина хорошее впечатление. Женщины ему не понравились. Он нашел, что они неуклюжи, некрасивы и безвкусно одеты.

Но какая разница во всем, едва они очутились в Париже! В Лондоне, не имея свободных средств (Юджин считал, что не может позволить себе дорогих столичных развлечений и комфорта) и не привезя с собой никаких рекомендательных писем, он был вынужден довольствоваться поверхностным знакомством с тем, что видит случайный путешественник, – кривые улицы, сутолока на перекрестках, Тауэр, виндзорский замок, старинные подворья юридических коллегий, Стрэнд, Пиккадилли, собор св. Павла и, конечно, Национальная галерея и Британский музей. Он побывал и в Южно-Кенсингтонском музее и в прочих сокровищницах, где хранятся шедевры искусства. Но главное впечатление, полученное им от Лондона, был консервативный дух, империализм, военщина. Он нашел Лондон серым, однообразным, менее характерным, чем Нью-Йорк, и даже менее живописным. Другое дело Париж. Этот город вечного праздника, город, пестрящий веселыми заманчивыми, свежими красками, напоминал ему человека, собравшегося на загородную прогулку. Сойдя на пристани в Кале, по дороге в Париж, а потом и в самом Париже Юджин все время чувствовал, насколько велика разница между Францией и Англией. Первая казалась юной, полной надежд, по-американски до смешливости веселой, вторая – серьезной, угрюмой и кислой.

У Юджина было много рекомендательных писем от мосье Шарля, Хадсона Дьюла, Луи Диза, Леонарда Бейкера и других. Едва они узнали о его планах, как вызвались дать ему адреса своих друзей в Париже, которые могли быть ему полезны. Самое разумное, уверяли они его, если он не хочет обзаводиться собственной студией и желает овладеть французским языком, это – устроиться в какой-нибудь приятной французской семье; там он будет слышать только французскую речь и быстро освоится с ней. Если же этот план ему не улыбается, то лучше всего поселиться на Монмартре, где он без труда найдет прекрасную студию и встретит много американских и английских студентов. Некоторые из американцев, к которым у него были рекомендательные письма, жили в Париже постоянно. Как только он обзаведется небольшим кружком друзей, говорящих по-английски, все пойдет отлично.

– Вы будете поражены, Витла, – сказал ему однажды Диза, – как превосходно французы понимают английский язык, если он сопровождается выразительной мимикой.

Юджин хохотал, слушая рассказы Диза о его затруднениях и удачах. Но теперь он убедился, что Диза был прав. Жестикуляция очень помогала, и его в большинстве случаев понимали.

Прожив несколько дней в отеле, Юджин и Анджела в конце концов сняли студию, которую рекомендовал им парижский представитель фирмы «Кельнер и сын» мосье Аркен. В студии этой, находившейся на третьем этаже и хорошо обставленной, жил американский художник Финли Вуд (Юджин вспомнил, что о нем когда-то упоминала Руби Кенни), на лето уезжавший из Парижа. Благодаря рекомендации мосье Шарля мосье Аркен приложил все старания устроить Юджина возможно удобнее, причем заявил, что платить он может по своему усмотрению, – скажем, франков сорок в месяц. Осмотрев студию, Юджин пришел в восторг. Она была расположена в глубине двора и окнами выходила в садик. Участок, на котором стоял дом, представлял собой небольшую возвышенность, отлого спускавшуюся к западу, и так как сплошная линия зданий в этом месте прерывалась, из окон открывался широкий вид на Париж, на силуэт Нотр-Дам и на устремленную ввысь Эйфелеву башню. Вечером, когда город загорался огнями, зрелище было волшебное. Возвратившись к себе, Юджин придвигал стул к своему любимому окну и наслаждался видом ночного Парижа, пока Анджела готовила чай с лимоном или со льдом или поджаривала что-нибудь на скорую руку. Она кормила Юджина традиционными американскими блюдами, вкладывая в это всю свою энергию и трудолюбие: сама ходила в ближайшие гастрономические магазины, овощные палатки, кондитерские, закупала нужные продукты в минимальных количествах, всегда выбирая все лучшее, и готовила с большой тщательностью. Анджела была отличной кулинаркой и любила, чтобы стол был красиво сервирован, чтобы все сверкало. Она не искала никаких знакомств, чувствуя себя вполне счастливой в обществе Юджина и считая, что и он должен быть так же счастлив с нею. У нее не было ни малейшего желания пойти куда-либо одной – она ходила в город только вместе с ним. Она подстерегала каждую его мысль, каждое движение, стараясь угадать малейшую его прихоть.

Главной прелестью Парижа в глазах Юджина были колоритность и богатство вкуса, проявлявшиеся во всем. Ему не надоедало смотреть на низкорослых французских солдат в широченных красных штанах, голубых мундирах и красных кепи, или на полицейских в плащах и с саблями, или на кучеров, с видом благодушного превосходства восседавших на козлах своих фиакров. Сена, по которой в это время года оживленно шныряли лодки, сад Тюильри с его мраморными статуями, аккуратными дорожками и каменными скамьями, Булонский лес, Марсово поле, Трокадеро, Лувр, изумительные парижские улицы и музеи – все это производило на Юджина впечатление чудесного сна.

– Да! – вырвалось у него однажды, когда он шел с Анджелой по набережной Сены в направлении Исси. – Для художника здесь поистине рай земной. Ты только вдохни, какой аромат (аромат, кстати, исходил от видневшейся в отдалении парфюмерной фабрики), взгляни на эту баржу! – Он прислонился к парапету. – Ах, как здесь хорошо! – вздохнул он.

Обратно они возвращались в сумерки на открытом империале омнибуса.

– После смерти я надеюсь попасть в Париж, – со вздохом сказал Юджин. – Лучшего рая мне не нужно.

Однако спустя некоторое время пребывание в Париже, как и всякое затянувшееся удовольствие, потеряло для него часть своей прелести. Юджин чувствовал, что он мог бы поселиться здесь, если бы позволила ему работа. Но сейчас ему необходимо было вернуться в Америку.

Вскоре Юджин стал замечать, что Анджела если не развилась духовно, то, во всяком случае, стала более уверенной в себе. Состояние робости, в котором она находилась в ту осень, когда впервые приехала в Нью-Йорк, и которое еще более усилилось, когда она окунулась в атмосферу искусства и очутилась среди странных друзей Юджина, уступило место уверенности, порожденной опытом. Убедившись, что Юджин всеми своими мыслями, чувствами и интересами живет в мире возвышенного, что его внимание всецело поглощают уличные толпы, типы людей, бульвары, здания и их силуэты на фоне неба, смешное и трогательное в жизни, – она целиком взяла на себя все дела хозяйственного порядка. Очень скоро ей стало ясно, что Юджин рад предоставить все заботы о своем благополучии кому угодно, лишь бы нашелся такой человек. Ему не доставляло ни малейшего удовольствия покупать что-нибудь для себя. Он терпеть не мог всякие домашние мелочи. Доставать билеты, искать что-нибудь в железнодорожном указателе, наводить справки, вступать в пререкания и что-то кому-то доказывать – все это вызывало у него чувство отвращения.

– Послушай, Анджела, ты сама достанешь билеты, правда? – говорил он умоляющим голосом.

Или же:

– Поговори уж ты с ним. Мне сейчас некогда. Хорошо?

Анджела спешила выполнить поручение, в чем бы оно ни заключалось, стремясь доказать, что она действительно полезна и необходима ему. Забравшись на крышу омнибуса, Юджин, как бывало в Нью-Йорке, все рисовал, рисовал и рисовал, – кебы, фиакры, пассажирские пароходики на Сене, характерные фигуры и лица в парках, садах, мюзик-холлах – словом, все, что ни попадалось на глаза. Он был неутомим. Он хотел только одного – чтобы его не слишком беспокоили, чтобы ему не мешали заниматься своим делом. Обыкновенно та же Анджела и расплачивалась всюду, где им приходилось побывать за день. Его бумажник был у нее, она распоряжалась всеми чеками, в которые они превратили свою наличность, вела строгую запись расходов, ходила по магазинам, покупала и платила. Юджину предоставлялась полная возможность смотреть на что ему угодно и думать о чем угодно. В этот первый период их брака Анджела возвела его на пьедестал, и Юджин не прочь был восседать на нем, скрестив ноги, как индийский божок.

Только по ночам, когда его внимание не отвлекали посторонние звуки и впечатления, когда даже его искусство не стояло между ними преградой, когда она могла сжимать его в своих объятиях и его неугомонный дух смирялся под пьянящим действием ее страсти, – лишь тогда она чувствовала себя равной ему, действительно достойной его.

Восторги, которыми они упивались во тьме или при мягком свете небольшого ночника, свисавшего на цепях с потолка над их широкой кроватью, или при свете зари, когда утренняя свежесть вливалась в окна вместе с щебетанием птиц, гнездившихся на единственном дереве их крошечного садика, – были с ее стороны проявлением и безоглядной щедрости и бездонного эгоизма. Она жадно впитала философию Юджина о наслаждении радостями жизни, поскольку это касалось их самих, и тем охотнее восприняла его взгляды, что они совпадали с ее собственными смутными воззрениями и пылкими порывами.

Анджела взошла на брачный алтарь после многих лет самоотречения, после многих лет, проведенных в горьких сомнениях и тоске по замужеству, которое могло и вовсе миновать ее, и принесла с собою на брачное ложе всю накопившуюся у нее бурную страсть. Она была незнакома с этикой и физиологией брака (если не считать того, что позволялось ей, девственнице, знать). Рассказы приятельниц о вещах, которые они и сами знали лишь понаслышке, двусмысленные признания замужних подруг, советы старшей сестры (в каких выражениях они были преподаны – одному богу известно!) – все это нисколько не рассеяло невежества Анджелы. Поэтому сейчас, позабыв обо всем на свете, она с упоением познавала тайны брака, убежденная, что необузданное удовлетворение страсти – явление вполне естественное. Это было к тому же, как она постепенно обнаружила, универсальным средством против всяких расхождений во взглядах и характере, грозивших их душевному покою. С первых же дней их совместной жизни в студии на Вашингтон-сквер и особенно теперь, в Париже, они предавались нескончаемой оргии страсти, хотя это ни в коем случае не было потребностью их натур и еще меньше соответствовало тем требованиям, которые предъявляли Юджину его труд и творчество.

Для Юджина Анджела была источником изумления и радости, и не столько, пожалуй, радости, сколько изумления. Она была, в известном смысле, элементарна. Юджин – нет. Он и в этом оставался художником, как и во всем другом, и пребывал неизменно в таком состоянии восторженности, которое физические силы, надорванные напряженной работой мозга, не могли питать без конца. Волнующая радость неизведанного, романтика приключения или, если хотите, интриги, раскрытие всего, что таится в женщине, – вот в сущности что составляло главную прелесть его романов или даже стимул, толкавший его на романы. Одержать победу над женщиной – прекрасно, но если вдуматься, то это борьба, в которую прежде всего вовлечен интеллект. Осуществить свои мечтания, добиться того, чтобы желанная женщина отдала себя всю целиком, – вот что неизменно увлекало в нем и чувство и воображение.

Но все это напоминало головокружительную пропасть, над которой протянуты тончайшие серебряные нити, – и он знал красоту этой пропасти, но опасностей ее не подозревал. Он наслаждался плотской радостью, которую давала ему Анджела. Это было то, чего, как ему казалось, он сам хотел. Анджела же видела в своей способности удовлетворять его неистощимую как будто страсть не только выражение любви к нему, но и свой долг.

Установив свой мольберт в новой студии, Юджин работал иногда с десяти утра до двенадцати, иногда с двух до пяти. В пасмурные дни они с Анджелой либо предпринимали всевозможные прогулки и поездки, либо шли осматривать музеи, картинные галереи или общественные здания. Часто они отправлялись бродить по рабочим кварталам или вдоль железнодорожного полотна. Юджина больше всего привлекали сумрачные фигуры бедняков, и он особенно тяготел к темам, говорившим о заботе и нужде. Он зарисовывал не только танцовщицу из мюзик-холла и эффектные фигуры апашей в кварталах, которые впоследствии так и стали называться кварталами апашей, не только участников пикника где-нибудь в Версале или Сен-Клу и пароходных пассажиров на Сене, но и рабочих при выходе из фабричных ворот, железнодорожных сторожей у шлагбаумов, рыночных торговцев, рынки ночью, уличных подметальщиков, газетчиков, цветочниц – всегда на фоне какой-нибудь яркой, своеобразной уличной сцены. Наиболее любопытные уголки города – башни, мосты, виды реки, фасады – служили фоном для его типов, суровых, живописных или трогательных. Он надеялся этими вещами заинтересовать Америку, показать новой выставкой не только силу и многогранность своего таланта, но и то, насколько он вырос, насколько окрепло его чувство цвета, его искусство тонкой психологической характеристики, его вкус в композиции и деталировке. Он не отдавал себе отчета в том, что его усилия могут оказаться тщетными, что его невоздержание может обескровить его талант, убить все краски в окружающем мире, притупить воображение, парализовать волю раздражительностью, помешать успеху. Он не имел понятия о том, как сильно отражается половая жизнь на трудоспособности человека, какой вред может причинить самому талантливому художнику злоупотребление в этой области – как под его влиянием искажается чувство цвета, ослабевает способность суждения о типическом, столь необходимая для правильного истолкования жизни, обрекаются на безнадежность

все попытки чего-либо добиться, блекнут самые заветные цели и жизнь начинает казаться лишенной смысла, а смерть – избавлением.

Глава IX

Лето прошло, а вместе с ним свежесть и новизна парижских впечатлений, хотя нельзя сказать, чтобы Париж утратил для Юджина свое очарование. Своеобразие жизни незнакомого ему народа, другие, по сравнению с его собственной страной, идеалы и вкусы, более снисходительное и человечное отношение к вопросам нравственности, более спокойное приятие ударов судьбы, человеческих слабостей и классовых различий, не говоря уже о разнице во внешнем облике, в одежде, жилье и развлечениях, – все это в равной мере удивляло и занимало его. Он мог без устали изучать европейскую архитектуру, сравнивая ее с американской, он отмечал терпимость французов, ту легкость, с какою они относятся к жизни, выслушивал нескончаемые рассуждения Анджелы о любви французских хозяек к чистоте, об их трудолюбии и бережливости, радовался, что здесь не заметно присущей американцам потребности всегда что-то делать. Анджелу поражали исключительная дешевизна стирки белья и ловкость, с какой их консьержка (которая верховодила всем кварталом и достаточно знала английский язык, чтобы объясняться с жилицей-американкой) справлялась со своей работой: и провизию сама закупала, и готовила, и шила, и принимала гостей. Здесь не знали ни изобилия продуктов, ни бессмысленного расходования их, столь характерного для Америки. Анджела и сама была бережлива, поэтому она очень подружилась с мадам Бургош и училась у нее, как лучше навести экономию и порядок в хозяйстве.

– Странный ты человек, Анджела, – сказал ей однажды Юджин. – По-моему, тебе больше нравится сидеть внизу под лестницей и болтать с этой француженкой, чем бывать в обществе самых знаменитых художников и писателей. О чем ты можешь говорить с ней?

– Да ни о чем особенном, – ответила Анджела, от которой не укрылся легкий намек на отсутствие у нее интереса к искусству. – Просто она умная женщина. И к тому же очень практичная. У мадам Бургош за полчаса скорее научишься разным хитростям экономии, чем у любой американской хозяйки за всю жизнь. А интересует она меня не больше, чем другие. Твои художественные натуры, насколько я могла наблюдать, только и умеют, что без толку носиться повсюду и разыгрывать из себя бог весть кого, хотя на самом деле ничего собой не представляют.

Юджин услышал в ее словах обиду, вызванную его замечанием, которое было сделано не совсем в том духе, как она его восприняла.

– Я вовсе не хотел сказать, что у нее нет своих достоинств, – начал он оправдываться. – Для всего нужен талант, надо полагать. Мадам Бургош, несомненно, производит впечатление неглупой женщины. А где ее муж?

– Убит на войне, – с сокрушением ответила Анджела.

– Ну что ж, ты, наверно, столькому научишься у нее, что в Нью-Йорке сможешь управлять целым отелем. Мне кажется, ты и без мадам Бургош недурно справлялась с нашим хозяйством.

Юджин произнес этот комплимент с улыбкой. Ему хотелось отвлечь мысли Анджелы от искусства и художников. Он надеялся, что она почувствует или поймет, что он не хотел ее обидеть; но утихомирить ее было не так-то легко.

– Ты, очевидно, считаешь меня полным ничтожеством, Юджин, – сказала она немного погодя. – Почему ты с таким презрением говоришь о моих беседах с мадам Бургош? Она далеко не скучный человек. Это исключительно умная женщина. Ты ее не знаешь, ты никогда не разговаривал с ней. Она говорит, что ей достаточно было взглянуть на тебя, и она сразу поняла, что ты совсем не такой, как другие. Ты напоминаешь ей какого-то мистера Дега, который когда-то жил здесь. Это правда был знаменитый художник, Юджин?

– Был ли Дега великий художник? – воскликнул Юджин. – Еще бы! И он занимал эту студию?

– Да, но только давно – лет пятнадцать назад.

Юджин просиял от удовольствия. Это был серьезный комплимент, и теперь уж он не мог не проникнуться симпатией к мадам Бургош. Она, несомненно, умница, иначе бы ей и в голову не пришло такое сравнение. Анджела, не в первый раз добившись от него признания, что ее домовитость и хозяйственные способности играют такую же важную роль в этом мире, как и всякие другие дарования, успокоилась и развеселилась. Как мало влияет на человеческую натуру искусство, окружающие условия, перемена климата или места, подумал Юджин. Вот он в Париже, он материально неплохо обеспечен, достиг славы, или по крайней мере находится на пути к ней, а между тем они ссорятся с Анджелой из-за сущих пустяков, совсем как, бывало, дома, в Нью-Йорке, на Вашингтон-сквер.

К концу сентября большинство парижских этюдов Юджина было уже в таком состоянии, что он мог закончить их где угодно. Холстов пятнадцать были совсем готовы, другие близки к завершению. Юджин решил, что лето у него не пропало даром. Он много работал, и результат его трудов был налицо – двадцать шесть полотен, нисколько не уступавших, по его мнению, написанным в Нью-Йорке. Они отняли у него меньше времени, но это объяснялось тем, что он стал увереннее в себе, увереннее в своих методах работы. Он с большой неохотой расставался со всем, что нашел в Париже, но уезжал с мыслью, что серия его парижских этюдов произведет на американцев такое же впечатление, как и нью-йоркские. Мосье Аркен, например, и многие другие, включая знакомых, к которым направили его Диза и Дьюла, были в восторге от них. Мосье Аркен выразил даже мысль, что на некоторые нашлись бы покупатели и во Франции.

Юджин вернулся с Анджелой в Америку и, узнав, что может оставаться в старой студии до первого декабря, засел кончать работу к предстоящей выставке.

Первые признаки, по которым Юджин стал догадываться, что с ним происходит что-то неладное (не считая все возраставших опасений насчет того, как примет американская публика его парижские этюды), заявили о себе осенью, когда ему начало казаться, – а может быть, это действительно было так, – что на него плохо действует кофе. Уже несколько лет как он избавился от старого своего недуга – желудочных недомоганий, но теперь болезнь стала постепенно возвращаться, и он жаловался Анджеле, что его мутит после еды, а кофе определенно вызывает у него тошноту.

– Придется попробовать пить чай или что-нибудь другое, если это не прекратится, – сказал он.

Анджела предложила перейти на шоколад, и он так и сделал. Но результаты получились ничуть не лучше, если не хуже. У Юджина начались нелады с работой. Не в состоянии добиться желанного эффекта, Юджин переделывал картину снова и снова, пока она не утрачивала всякое сходство с первоначальным замыслом, – и впадал в отчаяние. А когда ему уже казалось, что он достиг нужного эффекта, утро возвращало его к прежним сомнениям.

– Ну вот, теперь получилось как будто хорошо, – обычно говорил он.

Анджела вздыхала с облегчением, так как вместе с ним переживала его тревоги, его вспышки отчаяния и неверия в свои силы, но радость ее обыкновенно длилась недолго. Спустя несколько часов Анджела обнаруживала, что он снова работает над тем же полотном и что-нибудь переделывает. Он похудел, побледнел, и его опасения насчет будущего вскоре приняли явно болезненный характер.

– Черт возьми! – сказал он однажды Анджеле. – Недоставало только, чтобы я слег. Меньше всего мне хочется сейчас болеть. Нужно как следует подготовиться к выставке, а потом ехать в Лондон. Стоит мне написать серию лондонских и чикагских видов вроде нью-йоркских, и репутация моя утвердится. Но если я свалюсь…

– Ну что ты, Юджин, – прервала его Анджела. – Тебе это только так кажется. Вспомни, как много ты работал этим летом, как много ты работал прошлой зимой. Тебе необходим хороший отдых, вот что тебе нужно. Почему бы в самом деле не сделать передышки, когда все будет готово к выставке, и не позволить себе как следует отдохнуть? Денег у нас на некоторое время хватит. Мосье Шарль, возможно, продаст еще несколько старых картин, да найдутся покупатели и на новые, и тогда ты можешь не торопиться. Зачем тебе ехать весною в Лондон? Лучше всего отправляйся куда-нибудь побродить или поезжай на юг, или попросту поживи где-нибудь спокойно. Вот что тебе нужно.

Юджин смутно догадывался, что нуждается не столько в отдыхе, сколько в душевном покое. Он не чувствовал усталости. Только нервы были возбуждены и донимали всякие сомнения и страхи. Его терзала бессонница, мучили кошмары, стало пошаливать сердце. В два часа ночи, когда в силу непонятных для человека причин в его организме происходят какие-то внутренние потрясения, он просыпался с чувством, словно летит в бездну. Сердце едва билось, и он нервно хватался за пульс. Иногда его бросало в холодный пот, и, чтобы прийти в себя, он вставал с постели и начинал ходить по комнате. Анджела в таких случаях тоже вставала и ходила вместе с ним. Как-то днем, стоя перед мольбертом, он вдруг почувствовал странную слабость: яркие круги поплыли у него перед глазами, в ушах зашумело, казалось, что его колют десятки тысяч иголок. Что-то странное происходило с его нервной системой, как будто у него сдал каждый нерв. В первый момент им овладел ужас, он вообразил, что сходит с ума, но никому не сказал ни слова. Он понял, что причина его расстройства – невоздержание, что единственное для него лекарство – воздержанность, полная или хотя бы частичная, что он, по всей вероятности, так измотался и физически и нравственно, что ему будет трудно восстановить свои силы, что его дарование художника находится под серьезной угрозой, и, следовательно, вся его жизнь может быть искалечена.

Он стоял перед холстом с кистью в руке, погруженный в раздумье. Когда припадок миновал, он дрожащей рукой отложил кисть. Потом подошел к окну, вытер лоб, покрытый холодной испариной, и повернулся к шкафу, чтобы достать пальто.

– Куда ты идешь? – спросила Анджела.

– Немного прогуляться. Я скоро вернусь. Мне что-то не по себе.

Она проводила его до двери и поцеловала, но на душе у нее было тревожно.

«Как бы он не заболел, – подумала она. – Ему необходимо бросить работу».

Глава X

Так начался период, которому суждено было длиться пять-шесть лет, период, когда Юджин был сам не свой, чтобы не сказать больше. Он ни в коем случае не потерял рассудка, если считать, что признаками здравого ума является способность ясно рассуждать, умно острить, осмысленно спорить и читать. Но в глубине его души царил хаос, в нем боролись самые противоречивые мысли, чувства и ощущения. Обладая умом, склонным к самоанализу и рефлексии, он всю свою исключительную способность глубоко мыслить и переживать обратил теперь на самого себя и на свое душевное состояние, и, как всегда бывает, когда мы слишком близко заглядываем в тайны бытия, результатом было полное смятение чувств. Юджин давно уже пришел к заключению, что человек ровно ничего не знает. Ни в религии, ни в философии, ни в науке нельзя найти ответа на ту загадку, которая именуется жизнью. Вот крохотный, слабо мерцающий мирок человеческой мысли, а что за ним, над ним? В далях, не доступных для сильнейших телескопов, в бездонных пространствах мира виднеются звездные туманности. Что происходит там? Кто управляет их движением? И были ли когда-либо вычислены их орбиты? Жизнь представлялась ему отталкивающей, сумрачной тайной, жалким, полубессмысленным функционированием, бесцельно протекающим во мраке. Никто ничего не знает, – в том числе и творец мироздания, – а сам он, Юджин, и подавно. Взаимная вражда, жизнь, питающаяся смертью, открытое насилие – вот человеческое существование. Если человек изнемог и свалился у дороги, если судьба обделила его при распределении своих благ, если он не родился под заботливым крылышком фортуны, его ждет прозябание. Даже в то время, когда Юджин был полон сил, когда он преуспевал, жизнь представлялась ему довольно грустным зрелищем; а сейчас, когда ему грозило вынужденное безделье и полное крушение надежд, она внушала ему ужас. Ведь если талант изменит ему, что у него останется? Ничего! Жалкая, эфемерная репутация, которую он не в состоянии поддержать, полное безденежье, жена, о которой нужно заботиться, годы страданий, а затем – смерть. Пучина смерти! Стоило Юджину унестись мыслями к тому, что ждет человека за пределами жизни и мечтаний, и как страшно, как больно ему становилось! С одной стороны – жизнь, счастье, любовь и здоровье, с другой – смерть и небытие, бесконечное небытие.

Юджин не сразу утратил всякую надежду, не сразу впал в отчаяние перед лицом этих грозных симптомов, хотя и видел, что все вокруг него рушится. Он месяцами пытался уверить себя, что это только временное состояние, что лекарства и врачи помогут ему. В газетах усиленно рекламировались всевозможные патентованные средства – очищающие кровь, восстанавливающие нервную систему, дающие питание мозговому веществу; все они, судя по объявлениям, обещали исцеление от той или иной болезни. И хотя Юджин с недоверием относился к патентованным лекарствам, он все же делал исключение для тонических средств, вернее, для одного определенного тонического средства. Врач, к которому он обратился, прописал ему покой и какое-то превосходное, как он уверял, укрепляющее снадобье. Он спросил Юджина, не страдает ли тот какой-нибудь изнурительной болезнью. Юджин сказал, что нет, но признался, что позволяет себе излишества в половой жизни. Врач, однако, не допускал и мысли, чтобы это могло, при отсутствии других причин, вызвать расстройство нервной системы. Его состояние, несомненно, связано с переутомлением, с душевной тревогой. Такие натуры, как Юджин, от рождения предрасположены к нервным срывам, и им необходимо соблюдать строжайший режим. Больному следует вести нормальный образ жизни, вовремя принимать пищу, спать возможно больше, ложиться в определенный час. Неплохо было бы заняться гимнастикой. Он может обзавестись гирями или другим гимнастическим снарядом – это быстро восстановит его здоровье.

Юджин заявил Анджеле, что займется, пожалуй, гимнастикой, и записался в гимнастический клуб. Он стал принимать прописанное ему тоническое средство, много гулял с Анджелой и старался отвлечься от мысли, что находится в состоянии нервной депрессии. Но все это, в сущности, не приносило никакой пользы, так как его здоровье было сильно подорвано и ему предстояло пройти через все муки и весь ужас упадка сил, пока организм не возьмет свое.

А между тем его отношения с Анджелой продолжали оставаться прежними, несмотря на все растущую уверенность Юджина, что это в какой-то мере вредит его здоровью. Но воздержаться было нелегко, и каждая новая попытка давалась все труднее и труднее. Он то и дело решал, что надо взять себя в руки, но это было лишь зароком пьяницы, который ищет для себя оправдания в постоянных обещаниях исправиться.

Теперь, когда Юджин был на виду как художник и его имя приобрело некоторую известность среди живописцев, критиков и писателей, нет-нет да и проявлявших интерес к его работе, ему необходимо было приложить все старания, чтобы доказать публике, что его талант полностью сохранил свою силу. Когда выяснилось, что его ждет долгая полоса вынужденного безделья, Юджин был рад, что ему удалось еще до болезни почти закончить свои парижские этюды. К тому времени, как им овладела та странная нервная слабость, которая, по-видимому, являлась предвестницей настоящей болезни, он уже успел окончательно отделать двадцать два холста, и Анджела умолила его больше не прикасаться к ним. Огромным напряжением воли и без всякой уверенности в себе он довел до конца еще пять. Мосье Шарль время от времени заходил взглянуть на его полотна и очень лестно отзывался о них. Он далеко не был убежден, что они будут иметь такой же успех, как американские этюды, так как Париж был достаточно разработан в иллюстрациях и жанровых картинах. В новых вещах Юджина не было той свежести, какая

отличала его виды Нью-Йорка, и выбор сюжетов был не так оригинален. Тем не менее мосье Шарль искренне говорил, что он в восторге от этюдов. Если они не подойдут для Нью-Йорка, можно будет впоследствии выставить их в Париже. Он выражал Юджину соболезнование по поводу его болезни и настойчиво уговаривал беречь себя.

Юджину пришло в голову, что он родился под несчастливой звездой. Наслушавшись рассказов об астрологии и хиромантии, увлекаемый любопытством и безотчетным страхом, он однажды обратился к астрологу, и тот за небольшую мзду сообщил ему, что его ждет громкая слава не то в искусстве, не то в литературе, но что сейчас он входит в неблагоприятную полосу, которая продлится несколько лет. Услышав это, Юджин даже изменился в лице. Старый, словно замшелый джентльмен качал головой над своими астрологическими фолиантами. У него была белая грива, придававшая ему весьма почтенный вид, и совершенно белая борода, но жилет его носил следы пролитого кофе и был обсыпан табачным пеплом, а воротничок и манжеты казались серыми от грязи.

– Звезды предвещают вам большие огорчения в возрасте от двадцати восьми до тридцати лет. После этого наступит длительный период благополучия. Приблизительно на тридцать восьмом или тридцать девятом году жизни вас снова ждут испытания, правда, не столь значительные, и вы с ними справитесь… по крайней мере похоже на то. Гороскоп показывает, что у вас чрезмерно чувствительная натура и сильно развитое воображение и что вы принимаете все близко к сердцу. Кроме того, у вас, видимо, больные почки. Не злоупотребляйте лекарствами; судя по гороскопу, у вас к ним склонность, но они вам впрок не пойдут. Вы будете женаты дважды, но детей я не вижу.

Он долго еще бубнил что-то себе под нос, и Юджин вышел от него сильно расстроенный. Итак, даже звезды предвещают ему продолжительный период упадка, и в недалеком будущем его снова ждут неудачи. Правда, астролог говорил о периоде благополучия в возрасте между тридцатью двумя и тридцатью восемью годами. Что ж, и это утешительно. Кто же та вторая женщина, на которой ему предстоит жениться? А как же Анджела – умрет? В этот декабрьский день он долго бродил по улицам и все думал, думал.

С тех пор как Анджела поселилась в Нью-Йорке, ее семья много слышала от нее об успехах Юджина. Каждую неделю одно, а то и два письма обходило всех ее родных. Адресовались эти письма Мариетте, но читали их и миссис Блю, и Джотем, и братья, и сестры. Таким образом, многочисленная родня была полностью в курсе дел молодых супругов и даже сверх того, потому что Анджела, описывая успехи своего мужа, не удовлетворялась голыми фактами. Она придавала своим описаниям восторженную окраску, не то чтобы сознательно привнесенную, но навеянную тем ореолом блеска и славы, которым Юджин был окружен в ее собственном воображении. У всех ее родных, и у Мариетты в особенности, сложилось убеждение, что жену такого талантливого человека ждут почет и полное благоденствие. Анджела подробнейшим образом описывала жизнь художников в нью-йоркских и парижских студиях, красоты Лондона и Парижа, всех знаменитостей, с которыми они встречались в Америке и за границей, – мосье Шарля, мосье Аркена, Айзека Вертхейма, Генри Томлинса, Люка Севираса и других. Не было ни одного званого обеда или завтрака, ни одного банкета или чая, который она не описала бы во всех подробностях, не жалея ярких красок. В конце концов Юджин превратился в глазах своих западных родичей в какого-то полубога. Никто не сомневался в его гениальности. Каждый готов был видеть в нем будущего богача или во всяком случае человека со средствами.

Нечего и говорить, что все родственники звали Юджина и Анджелу домой погостить. Подумать только, что она вышла замуж за такого выдающегося человека!

То же самое было и в семье Витла. Юджин не виделся с родителями со времени своей последней поездки в Блэквуд, но и они не оставались без вестей. Юджин был нерадивым сыном, и отчасти поэтому Анджела вменила себе в обязанности переписку с его матерью. Она очень жалеет, писала она миссис Витла, что до сих пор лишена удовольствия познакомиться с нею. Она очень любит Юджина и надеется быть ему хорошей женой, а его матери – доброй невесткой. Юджин ужасный лентяй по части писем, а потому она, Анджела, будет теперь писать за него и каждую неделю посылать его матери весточку. Она спрашивала, не соберутся ли мистер и миссис Витла как-нибудь навестить их. Это доставило бы им большую радость и Юджину принесло бы пользу. Она просила сообщить ей адрес Миртл (последняя переехала куда-то из Оттавы), и пусть им как-нибудь напишет Сильвия. К письму были приложены: фотография, изображавшая ее и Юджина, набросок студии, как-то сделанный Юджином, и другой, где она, Анджела, стоит у окна и задумчиво смотрит на улицу. Газетные репродукции его картин с первой выставки, статьи о его работе, критические отзывы – все это Анджела посылала и своим родственникам, и родным мужа, так что обе семьи были осведомлены обо всех их делах.

Когда здоровье Юджина стало совсем плохо, Анджела начала задумываться над тем, как бы поэкономнее устроиться, чтобы иметь какие-то средства на случай, если Юджин совсем сляжет. Вот тут-то ей и пришло в голову, что было бы целесообразно поехать погостить домой. Правда, семья ее была небогата, но на жизнь вполне хватало. Мать Юджина тоже не переставала спрашивать в письмах, когда же они приедут хоть ненадолго; она не видела причин, почему бы Юджин не мог закончить свои картины в Александрии с таким же успехом, как в Нью-Йорке или в Париже. Юджин охотно согласился на это предложение, – ему пришло в голову вместо поездки в Лондон заняться сперва Чикаго. Он мог бы некоторое время провести с Анджелой в Блэквуде, а потом у своих родных. Их примут с распростертыми объятиями.

Финансы их в то время были хоть и не совсем в плохом состоянии, но и далеко не в блестящем. Из тысячи трехсот долларов тысяча сто ушли на поездку за границу. Из остававшихся у него (вместе со старыми сбережениями) тысячи двухсот он успел истратить еще триста долларов. Но так как мосье Шарлю снова удалось продать две картины по четыреста долларов за каждую, то текущий счет Юджина вырос до тысячи семисот долларов. На эти деньги, однако, им предстояло жить до следующей продажи картин. Он каждый день надеялся услышать о каком-нибудь новом покупателе, но их что-то не было.

Мало того, выставка, устроенная в январе, произвела далеко не такое впечатление, как он ожидал. Его полотна привлекали общее внимание: и критика и публика высказывали мнение, что Юджин становится популярен, – в противном случае, разве стал бы мосье Шарль так с ним возиться? Однако сам мосье Шарль находил, что парижские этюды не могут рассчитывать на такой же успех у американцев, как работы на американские темы. Возможно, говорил он, они встретят лучший прием во Франции. Юджин был удручен общим тоном отзывов, но это объяснялось больше его болезненным состоянием, чем какими-либо действительными причинами. Можно было еще попытать счастья в Париже, могли найтись покупатели и здесь. Но так как эти последние о себе не заявляли и так как в феврале Юджин уже не в состоянии был работать и необходимо было соблюдать строжайшую экономию, он решил принять приглашение своих родителей и родных Анджелы и провести некоторое время в Иллинойсе и Висконсине. Может быть, он за это время поправится. Он надеялся также, если позволит здоровье, поработать в Чикаго.

Глава XI

Только укладывая вещи перед отъездом из студии на Вашингтон-сквер (которую им так и не пришлось освобождать, ибо мистер Декстер все еще не возвращался), Анджела впервые наткнулась на доказательство двоедушия Юджина. С присущей ему беспечностью во всем, что не имело отношения к его работе, Юджин положил все письма, полученные в свое время от Кристины Чэннинг, и единственное письмо от Руби Кенни в коробку из-под почтовой бумаги и сунул ее на дно сундука. Он давно успел забыть про эти письма, хотя у него осталось впечатление, что они лежат в таком месте, где никак не могут быть обнаружены. Когда Анджела принялась разбирать вещи в сундуке, она наткнулась на коробку, открыла ее и достала письма.

В тот период Анджела жила только Юджином. Все ее помыслы, все ее чувства были целиком поглощены связывавшими их отношениями. Юджин и его дела – других интересов для нее не существовало. Она в недоумении посмотрела на письма, а потом открыла одно их них – со штемпелем Флоризеля. Оно было написано три года назад, в то самое лето, когда Анджела так нетерпеливо ждала приезда Юджина в Блэквуд. Начиналось оно довольно невинно: «Дорогой Ю.». Но дальнейшее его содержание говорило об очень интимной близости.

«Я поехала сегодня утром взглянуть, не осталось ли каких-нибудь вещественных доказательств пребывания Дианы и Адониса в Аркадии. Ничего существенно важного я не нашла. Несколько шпилек, обломок перламутровой пуговицы от летней блузки, огрызок карандаша, которым некий гений делал наброски. Деревья, казалось, и понятия не имели о каких бы то ни было нимфах или дриадах. Трава не была помята, как будто никто никогда по ней и не ходил. Даже удивительно, как много могут знать деревья и как они умеют хранить тайну.

Каково-то сейчас в жарком городе! Тоскуете ли Вы по мерному качанию некоего гамака? О, этот аромат листвы и росы! Не переутомляйте себя работой. Будущее лежит у Ваших ног, а жизненных сил у Вас, пожалуй, даже слишком много. Вам нужно побольше спокойствия, сэр. И значительно больше оптимизма. Шлю свои наилучшие пожелания.

Диана».

«Кто она, эта Диана?» – тотчас же заволновалась Анджела, так как, едва взяв письмо в руки, она сразу взглянула на подпись на другой странице; а прочитав первое письмо, стала с лихорадочной быстротой перебирать остальные, горя желанием узнать имя этой женщины. Но имени нигде не было. «Диана гор», «Дриада», «Лесная нимфа», «К.», «К.Ч.» – вот какие подписи следовали одна за другой, сбивая с толку, вызывая раздражение и ярость. Но наконец она набрела на имя незнакомки. Оно значилось под письмом из Балтиморы, в котором Юджина приглашали в Флоризель, – «Кристина».

«А! – подумала Анджела. – Кристина! Вот как ее зовут!» Потом снова принялась за письма и стала читать их все подряд, в надежде найти ключ к разгадке – фамилию. Все они были написаны в одном и том же тоне, в этом, столь присущем студиям и столь презираемом Анджелой, вычурном, неестественном, непристойном, лицемерном, вульгарном и притворно-высокопарном тоне. Как возненавидела Анджела эту женщину! Она могла бы задушить ее, она размозжила бы ей голову об одно из тех деревьев, про которые та писала. Противная тварь. Как она смела! А Юджин – как он мог! Так вот она, награда за ее любовь! Вот чем он отвечал на ее преданность! В то самое время, когда она так терпеливо ждала его, он был в горах, у этой Дианы. А

она еще упаковывает его сундук, словно рабыня какая-то. Он не любит ее по-настоящему, он, наверно, никогда по-настоящему ее не любил! Разумеется, не любил! Никогда не любил! Боже мой!

И, со свойственной ее натуре страстностью, она театрально заломила руки, обезумев от неистовства и чувства обиды. Но вдруг остановилась. Среди писем было одно, написанное другим почерком и на более простой бумаге. Подпись гласила: «Руби».

«Дорогой Юджин, уже несколько недель, как я получила твое письмо, но до сих пор не могла заставить себя ответить. Я знаю, что между нами все кончено, да иначе и не могло быть. Мне кажется, ты неспособен долго любить одну женщину. Ты прав, конечно, что тебе необходимо было ехать в Нью-Йорк, там тебя ждет более широкое поле деятельности. Все это так, но мне очень больно, что ты не пришел проститься. Все же мог бы зайти. Однако я ни в чем тебя не упрекаю, Юджин. В сущности, конец немногим отличается от того, что было между нами все последнее время. Я тебя любила, но я знаю, что так или иначе перенесу это и никогда не буду упрекать тебя. Пожалуйста, верни мне мои письма и фотографии. Теперь они тебе больше не нужны.

Руби.

Ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Луна сияла, ветер раскачивал голые деревья. Вдали, среди лугов, блестел пруд, и в нем отражалась луна. Он казался серебряным. О Юджин, лучше бы мне умереть!»

Прочитав это письмо, Анджела вскочила, как и Юджин в свое время. Грустный тон его проник ей в сердце, она сама могла бы написать такое письмо. Руби! Кто она такая? Где он скрывал ее, когда она, Анджела, приезжала в Чикаго? Неужели это было в ту осень и зиму, когда она стала его невестой? Да, несомненно. Достаточно взглянуть на число. В ту осень он надел ей на палец бриллиантовое колечко. Он клялся ей в вечной любви. Он клялся, что во всем мире нет женщины, подобной ей. И в то же время он, по-видимому, ухаживал за этой женщиной и, может быть, не только ухаживал. Боже! Неужели такие вещи бывают? Он твердил ей о своей любви и одновременно волочился за этой Руби! Он целовал и ласкал ее – и эту Руби! Случалось ли кому-нибудь попадать в такое положение? Подумать только, что он, Юджин Витла, мог так обмануть ее! Надо ли удивляться, что по приезде в Нью-Йорк он хотел отделаться от нее, точно так же, как от своей Руби! А Кристина! А эта Кристина! Где она сейчас? Кто она такая? Что она сейчас делает? Анджела готова была бежать к Юджину и бросить ему в лицо обвинение во всех его подлостях, но вспомнила, что его нет дома – он вышел пройтись. К тому же он болен, очень болен. Осмелится ли она упрекать его за эти преступные эпизоды прошлого?

Анджела вернулась к раскрытому сундуку и села. Ее глаза смотрели холодно и жестко, но в них отражался страх и мучительная любовь. Ее лицо, которое в минуты спокойствия напоминало лик мадонны, заострилось и побледнело. По-видимому, думала она, Кристина бросила его, хотя, впрочем, кто знает, быть может, они продолжают тайком переписываться. При этой мысли Анджела встала. Нет, письма были давнишние. Вероятно, переписка прекратилась еще два года назад. А что было в его письмах? Любовные излияния? Нежные уверения вроде тех, какими он обольщал ее? О, это вероломство мужчин, эта лживость, это незнание никакой ответственности, долга! Взять ее отца – вот это совсем другой человек. Или ее братья – их слово свято. А она стала женой обманщика, который даже в дни самого пылкого увлечения изменял ей. И она позволила ему совратить ее, опозорить ее семью. Слезы хлынули у нее из глаз, горячие слезы, которые, казалось, жгли ей щеки.

Но теперь он ее муж, и он болен, и ей придется примириться со своим положением. Да она и готова примириться, так как в конце концов она ведь любит его. Но, бог ты мой, какое мучение, сколько во всем этом притворства, бездушия, жестокости!

Юджин вернулся домой лишь через несколько часов, и у Анджелы было вполне достаточно времени, чтобы обдумать свои действия. Веря безгранично в гениальность своего мужа, – чему способствовали и чужое мнение и ее собственная любовь к нему, – она могла думать лишь о том, чтобы излить на Юджина всю накопившуюся в ее душе желчь, излечить его от скверных наклонностей, пристыдить за его возмутительное прошлое, сделать так, чтобы он понял, как дурно он обошелся с ней и как должен об этом сожалеть. Ей хотелось, чтобы он раскаялся, глубоко раскаялся, чтобы он помучился; но она далеко не была уверена в том, что этого добьется. Он вечно парил в облаках, он так безразлично относился ко всему окружающему, он до такой степени был погружен в созерцание жизни, что трудно было заставить его думать о ней, Анджеле. Вот чего она ему не могла простить. У него были иные боги, которых он ставил выше ее, – богом было для него искусство, богом была природа, богом был человек как объект для живописи. Она не раз пеняла ему за последний год:

– Ты не любишь меня. Не любишь!

А он отвечал ей:

– Ты ошибаешься, я тебя люблю. Но пойми же, Ангелочек, я не могу целыми днями болтать с тобой. У меня есть моя работа, я должен развивать свое дарование. Я не могу все время целовать тебя.

– Ах, не в этом дело, не в этом дело! – горячо возражала она. – Просто ты меня не любишь так, как должен был бы любить. Видно, я тебе безразлична. Если бы ты любил меня, я бы это чувствовала.

– Зачем ты это говоришь, Анджела! – отвечал он. – И к чему все это? Странная ты женщина, как я посмотрю. Ну, прошу тебя, будь благоразумна. Попробуй смотреть на вещи немного философски. Не можем мы любезничать с утра до ночи.

– Любезничать! Вот как ты выражаешься! Вот как ты об этом думаешь! Словно это какая-то обязанность, которую ты должен выполнять! О, я ненавижу любовь! Ненавижу жизнь! Ненавижу философию! Лучше бы я умерла!

– Ради бога, Анджела, перестань! Я не выношу этого! Я не в силах терпеть эти сцены! В этом нет ни капли здравого смысла. Ты отлично знаешь, что я тебя люблю. Разве я этого не доказал? Зачем бы я иначе женился на тебе? Разве я обязан был жениться?

– Боже мой! Боже мой! – продолжала она рыдать, ломая руки. – Нет, ты совсем меня не любишь! Нисколько не любишь! Так оно теперь и пойдет – все хуже и хуже, все меньше и меньше любви, пока ты наконец и смотреть на меня не захочешь! Ты возненавидишь меня! О боже, боже!

Чувство, с которым она рисовала себе эту будущую беду, было понятно Юджину. В сущности, ее страх перед катастрофой, которая грозила опрокинуть утлую ладью ее счастья, был в достаточной мере обоснован. Вполне возможно, что его любви придет конец, тем более что и сейчас это не было любовью в истинном смысле слова, то есть страстным желанием духовной близости. Он, собственно, никогда не любил ее за ум или за душевную красоту. Теперь, размышляя над этим, он отдавал себе отчет, что между ними никогда не было того взаимопонимания, которое создается общностью взглядов и стремлений. Их близость зиждилась на чем-то подсознательном, на естественном влечении, идущем не от разума, не от духовного восприятия мира, а только от чувственности и желания, чисто физического желания – сильного, стихийного, неукротимого. И по какой-то причине он, как это ни странно, всегда испытывал к ней жалость. Она такая маленькая, она так мучается предчувствием несчастья, она так боится жизни и того, что жизнь может с нею сделать. Было бы жестоко разрушить все ее надежды и помыслы. Но вместе с тем ему было обидно, что он сам отдал себя в это рабство, сам подставил шею под это ярмо. Он мог бы гораздо лучше устроить свою жизнь. Он мог бы жениться на богатой женщине или на женщине с артистической душой, с философским складом ума вроде Кристины Чэннинг, которая была бы с ним спокойна и счастлива. Анджела никогда не будет с ним счастлива. И в самом деле, он не может восхищаться ею, носиться с нею так, как ей этого хочется. Даже в те минуты, когда Юджин старался успокоить ее, рассеять ее страхи, он внутренне соглашался с ней, что между ними далеко не все обстоит благополучно, и не переставал думать о том, насколько иначе могла бы сложиться его жизнь.

– Нет, Анджела, вовсе этим не кончится, – говорил он ей в таких случаях. – Ну, полно плакать. Мы будем с тобой счастливы. Я всегда буду любить тебя нисколько не меньше, чем сейчас. И ты будешь любить меня. Разве этого недостаточно? Ну, перестань, развеселись! Не будь такой пессимисткой. Перестань, Анджела! Пожалуйста, прошу тебя!

Анджела снова оживлялась. И опять на нее нападали тоска и страх. Это стало обычным явлением, и такой припадок мог разразиться совершенно неожиданно, подобно летней грозе.

Анджела пыталась обмануть себя, поверить, что в Юджине говорит не только жалость, а и более сильное чувство. Но теперь когда она обнаружила эти письма, иллюзии ее рассеялись. Письма подтвердили ее подозрение, что Юджина привязывает к ней только жалость, и снова на нее нахлынуло то ощущение трагического разочарования и отчаяния, которое так часто овладевало ею. И надо же, чтобы это случилось как раз в такое время, когда Юджин особенно нуждался в ее внимании, заботливости, нежности, когда он находился в таком удрученном состоянии. Начать с ним ссору сейчас, выйти из себя, впасть в ярость и заставить его утешать ее – было опасно. Не такое у него было душевное состояние. Подобная сцена не пройдет ему даром.

Юджина тянуло к жизнерадостным, беззаботным людям, общение с которыми позволило бы ему забыться, исцелило бы его. Он нередко заходил к Норме Уитмор, к Айседоре Крейн, с успехом выступавшей на сцене, к Гедде Андерсон, которая, хоть и была натурщицей, но обладала обаятельным умом и неистощимой веселостью, а порой и к Мириэм Финч. Мириэм была довольна, что Юджин приходит один. Это давало ей оружие против Анджелы, и она отнюдь не склонна была скрывать, что Юджин у нее бывает. Другие его приятельницы предполагали (хотя Юджин ничего им не говорил), что раз он приходит без жены, значит, не хочет, чтобы об этом было известно, и молчали. Они считали, что, женившись на Анджеле, он совершил ошибку и теперь одинок духовно и интеллектуально. Все они были очень огорчены и встревожены его болезнью. Как обидно, думали они, что здоровье подводит его именно в такой момент. Юджин пребывал в вечном страхе, как бы Анджела не проведала, что он навещает своих приятельниц. Он не хотел рассказывать ей об этом, так как она обиделась бы, что он не берет ее с собой, а вздумай он ее позвать, стала бы противиться, или попросила бы отложить посещение до другого раза, или начала бы задавать

нелепые вопросы. Юджину приятно было чувствовать себя свободным и ходить куда вздумается, никому не докладываясь и не спрашиваясь. Он тосковал по своей прежней свободе, а теперь, томясь от вынужденного безделья, чувствовал себя особенно несчастным и ощущал потребность в развлечениях и непринужденной товарищеской беседе. Жизнь стала казаться ему мрачной и унылой.

В тот день, возвращаясь домой и по обыкновению терзаясь страхами из-за своего здоровья, Юджин думал найти какое-то утешение в обществе Анджелы. Он пришел в час дня – время, установленное для второго завтрака, – и, увидев, что Анджела продолжает укладывать вещи, воскликнул:

– Все еще возишься! Я вижу, ты любишь доводить дело до конца, когда за что-нибудь берешься. Настоящая маленькая труженица. Что, досталось тебе?

– Н-нет, – протянула она.

От Юджина не укрылся ее тон. Она не очень вынослива, подумал он, и эта укладка, по всей вероятности, сказалась на ее нервах. Хорошо еще, что вещей не так много, посуда, например, вся принадлежит владельцу студии. Все же Анджела, по-видимому, утомилась.

– Ты устала? – спросил он.

– Н-нет, – ответила она.

– А вид у тебя утомленный, – сказал он, обнимая ее одной рукой за талию, а другой приподнимая ей подбородок. Лицо у нее было бледное, напряженное.

– Усталость тут ни при чем, – ответила она трагическим тоном, отворачиваясь от него. – Только сердце болит. Вот здесь! – и она прижала руку к груди.

– Ну, что опять случилось? – спросил Юджин, подозревая что-то неладное, хотя он при всем желании не мог бы догадаться, в чем дело. – У тебя что-то с сердцем?

– Нет, не с сердцем, – ответила она. – У меня душа болит… Впрочем, какое это имеет для тебя значение.

– Что-нибудь случилось, дорогая? – настаивал он, так как ему было жаль ее. Повышенная чувствительность Анджелы всегда волновала его. Может быть, это игра, а может, и нет. Может быть, у нее настоящее горе, а может быть, она сама его выдумала. Но так или иначе ей от этого не легче.

– Ну, так как же, Анджела? – повторил он. – Видно, дело не только в усталости. А не лучше ли бросить работу и пойти куда-нибудь поесть? Ты немного встряхнешься.

– Нет, я не в состоянии есть, – ответила она. – Работу я пока оставлю и приготовлю тебе завтрак, но сама есть не стану.

– Но в чем же дело, дорогая? – не переставал допрашивать Юджин. – Я вижу, что-то случилось. Но что именно? Либо ты устала и больна, либо что-то стряслось. Может быть, я в чем-либо виноват? Посмотри на меня. Я, да?

Анджела отворачивалась от него и не поднимала глаз. Она не знала, с чего начать, но ей хотелось заставить его мучиться – так же, как мучилась она сама. Он должен почувствовать свою вину, думала она; если в нем осталась хоть капля стыда, хоть капля жалости, он поймет, как он перед нею виноват. Сейчас, когда она узнала о его позорном прошлом, ее положение просто ужасно. Некому ее любить, и не к кому ей обратиться, – так круто изменилась вся ее жизнь. Ведь она теперь не та, что была раньше, она человек другого мира, особа с положением. Для своей семьи она уже чужая. Дни, проведенные с Юджином – в Нью-Йорке, Париже и Лондоне, да и до замужества – в Чикаго и Блэквуде, совершенно изменили ее взгляды на жизнь. От прежних ее воззрений, как ей представлялось, не осталось и следа, теперь оказаться совсем покинутой, открыть, что тебя не любят по-настоящему и никогда в сущности не любили, что с тобой только играли, что ты была лишь куклой, забавой, – это было ужасно!

– О боже! – вырвалось у нее каким-то криком. – Я не знаю, что мне делать! Я не знаю, что сказать! Я не знаю, что думать! Если б только я знала, как отнестись к этому!

– Но в чем же дело? – взмолился, наконец, Юджин, отпуская ее. Теперь он думал не только о ней, но и о себе. Под действием этой пытки нервы у него напряглись до последней степени, голову как будто тисками сдавило. Руки дрожали. Раньше, когда он был здоров и нервы были в порядке, он обращал на такие сцены мало внимания. Но теперь, при его болезненном состоянии, когда его собственное сердце, как ему казалось, шалило, а нервы расстраивались из-за малейшего пустяка, это было выше его сил.

– Почему ты молчишь? – настаивал он. – Ты знаешь, что я этого не выношу. А тем более в моем состоянии. Что случилось? Зачем эта сцена? Скажешь ты мне или нет?

– Вот! – сказала Анджела, указывая пальцем на коробку с письмами, которую она поставила на подоконник. Она знала, что, увидев их, он сейчас же вспомнит и все поймет.

Юджин посмотрел в указанном направлении. Он сразу узнал коробку. Растерянно он взял ее с окна, – это был удар прямо в лицо, и он встретил его безоружным. В памяти воскресли его отношения с Руби и с Кристиной, но уже не в том свете, в каком он их видел в свое время, а в том, в каком они могли представиться Анджеле. Что она о нем думает? Ведь он не переставал уверять ее в своей любви, не переставал говорить, что вполне счастлив и доволен жизнью с ней, что его нисколько не интересуют другие женщины, которые, как было известно Анджеле, весьма им интересовались и вызывали в ней безумную ревность, что он всегда любил только ее и никого, кроме нее. И вдруг откуда-то выплывают на свет эти письма, выдавая всю ложь его уверений и клятв, выставляя его тем трусом, подлецом и нравственным вором, каким он сам себя сознавал. Теперь, когда вышел наружу так долго спасавший его обман, когда нельзя было больше играть на неведении Анджелы, когда перед лицом неопровержимых доказательств с полной ясностью выступило его поведение, он беспомощно оглядывался, весь охваченный нервной дрожью, голова у него разламывалась от боли, – ему действительно не под силу были сейчас такие объяснения.

И вот Анджела плачет. Она отошла от него и, прислонившись к камину, разрыдалась так, что, казалось, сердце ее должно разорваться. В этих рыданиях слышалось неподдельное горе, это были звуки, говорившие о чувстве невозвратимой утраты, безнадежности, отчаянии. Юджин не сводил глаз с коробки, спрашивая себя, как он мог быть таким ослом, чтобы оставить письма в сундуке, и зачем он вообще хранил их.

– Мне, конечно, нечего сказать, – проговорил он наконец, медленно подходя к Анджеле.

Сказать ему, правда, было нечего. Но ему было мучительно жаль ее – и жаль себя.

– Ты все прочла? – с любопытством спросил он.

Она утвердительно кивнула головой.

– Собственно говоря, Кристину Чэннинг я не так уж и любил, – небрежным тоном заметил он.

Он чувствовал, что надо что-то сказать, безразлично что, лишь бы облегчить горе Анджелы, и понимал, что в его распоряжении очень мало средств для этого. Хорошо, если ему удастся убедить ее хотя бы в том, что ничего серьезного в этих романах не было, что это были лишь простые увлечения. Но письмо Руби Кенни выдавало ее беззаветную любовь. О Руби говорить в таком тоне он не мог.

Анджела ясно уловила имя Кристины Чэннинг, с тем чтобы уже никогда его не забыть. Она вспомнила теперь, что именно об этой женщине время от времени слышала из уст Юджина лестные отзывы. Он рассказывал знакомым, какой у нее прекрасный голос, как она эффектна на сцене, с каким чувством поет, какой глубиной отличаются ее взгляды на жизнь, как она хороша, и, наконец, что она когда-нибудь вернется на американскую сцену. И, оказывается, он был с нею в горах, он ухаживал за нею в то время, когда она, Анджела, терпеливо ждала его в Блэквуде. В мгновение вспыхнула вся накопившаяся в ней бешеная ревность, та самая ревность, которая уже заставила ее однажды принять твердое решение удержать Юджина наперекор всем, как ей казалось, лукавым замыслам, всем заговорам, которыми ее окружили. Нет, он не достанется им, этим отвратительным зазнайкам из студий, ни кому-либо из них в отдельности, ни всем вместе, – пусть только попробуют вырвать его у нее. Они обращались с нею самым бесстыдным образом с первого дня ее приезда в Нью-Йорк. Все они делают вид, что не замечают ее. Разумеется, они заходят к Юджину, а теперь, когда он стал знаменит, так и вертятся вокруг него, но что касается ее – о, до нее им нет никакого дела. Разве она этого не видит! Разве она не замечает, какими глазами они смотрят на нее, как они ее критикуют, осуждают! Она для них недостаточно умна! Она недостаточно сведуща в литературе и в искусстве. Но она столько же знает о жизни, сколько и они, а может быть, и больше, в тысячу раз больше! И только потому, что она не умеет ломаться, позировать и говорить напыщенно, они считают себя выше ее! И Юджин, несчастный, с ними заодно! Выше ее! Эти жалкие, завистливые бабы, скверные эгоистки, выскочки! Да ведь они нищие, большинство из них! Ведь их платья, если хорошенько присмотреться, – сплошное тряпье, кое-как скроенное из скверного материала, на живую нитку сметанное! А с каким важным видом они их носят! Но она им покажет! Она и сама в скором времени разоденется, как только у Юджина будут средства. Уже

и сейчас она одета гораздо лучше, чем вначале, когда только приехала, а дай срок – она всех их заткнет за пояс. Эти противные злюки, мерзкие интриганки, лживые твари! Она им еще покажет! О-о! Как она их ненавидит!

И она плакала, думая о том, как мог Юджин писать любовные письма этой отвратительной Кристине Чэннинг. Это тоже одна из таких, сразу видно по письмам.

О-о! Как она ее ненавидит! Добраться бы до нее и отравить! Рыданья Анджелы больше говорили о жалости к себе, чем о гневе. Она в некотором смысле была беспомощна и сознавала это. Она не осмеливалась полностью открыть Юджину свои переживания. Она боялась его. Он мог ее бросить. Не так уж сильно он ее любит, чтобы стерпеть что угодно, – а может быть, любит? Вот это сомнение и было самым страшным, самым отчаянным, самым убийственным. Если бы она только знала, любит ли он ее!

– Напрасно ты плачешь, Анджела, – с мольбою в голосе снова начал Юджин после тягостного молчания. – Ты, видно, бог весть что себе рисуешь. Я понимаю, что все это должно казаться очень некрасивым, но ведь я тогда еще не был женат. И не так уж я любил этих женщин, далеко не так, как ты воображаешь. Право, не любил. Ты можешь думать что угодно, но я правду говорю.

– Не любил! – воскликнула Анджела, снова выходя из себя. – Не любил! Действительно, можно поверить, что ты их не любил, когда одна называет тебя своим дорогим мальчиком и Адонисом, а другая говорит, что хотела бы умереть! Попробуй после этого убедить кого-нибудь, что ты их не любил! А я сидела в Блэквуде и тосковала и ждала твоего приезда, а ты был в это время где-то в горах с другой женщиной. О, теперь я знаю, как ты меня любил! Какая же это любовь, раз ты мог бросить меня в Блэквуде, заставив ждать тебя и изнывать от тоски, в то время как сам блаженствовал в горах с этой женщиной! «Дорогой Ю.»! «Мой милый, дорогой мальчик», «Адонис»! Вот как ты меня любил, правда?

Юджин беспомощно озирался вокруг. Горечь и ярость Анджелы изумляли и бесили его. Он не поверил бы, что она способна на такую страшную злобу, но в то же время прекрасно сознавал, что ей есть на что жаловаться. Только зачем так резко, чуть ли не грубо! Ведь он болен. Неужели она совершенно не считается с этим?

– Уверяю тебя, что все это гораздо невиннее, чем ты воображаешь, – упрямо повторял он, и в голосе его впервые прозвучали нотки протеста и озлобления. – Мы с тобой не были тогда женаты. Кристина Чэннинг мне нравилась и Руби Кенни тоже. Но что из этого? Прошлого не воротишь. Чего ты хочешь от меня? Что, по-твоему, я должен сказать тебе? Что я должен сделать?

– О! – захныкала Анджела, сразу меняя тон и от бессильной ярости обличительницы переходя к жалобной мольбе и жертвенному отчаянию. – И ты еще можешь спокойно стоять тут и спрашивать меня, что из этого? Что из этого? А я-то верила, что ты порядочный, честный человек! О, если бы я знала! Если бы только я знала раньше! Лучше бы мне было сто раз утопиться, чем вдруг очнуться и обнаружить, что ты меня никогда не любил! О боже! Что со мной будет! Что мне делать?

– Но ведь я же люблю тебя, – уговаривал ее Юджин, готовый что угодно сказать или сделать, лишь бы только унять этот жестокий шторм.

Как мог он быть таким разиней и так беспечно бросить письма! Бог ты мой! Какую кашу он теперь заварил! Почему он не спрятал письма где-нибудь вне дома? Почему не уничтожил их? Но ему хотелось сохранить письма Кристины, в них столько очарования.

– Да, еще бы, любишь! – снова рассвирепела Анджела. – Вижу я, что это за любовь! Эти письма все доказывают! О боже, боже! Лучше смерть!

– Послушай, Анджела, – сказал Юджин, теряя терпение. – Я отлично понимаю, что эти письма неприятно поразили тебя. Я не отрицаю, я ухаживал за мисс Кенни и за Кристиной Чэннинг, но ты сама видишь, я не настолько любил их, чтобы жениться. В противном случае я бы это сделал. Если бы я одну из них любил по-настоящему, я женился бы на ней. Но я любил тебя. Можешь мне верить или не верить, это как тебе угодно. Женился-то ведь я на тебе. Почему я это сделал? Что ты мне на это ответишь? Разве я был обязан? Почему же я так поступил? Разумеется, потому, что любил тебя. Что другое могло меня заставить?

– То, что ты не мог добиться Кристины Чэннинг, – злобно отрезала Анджела, наугад делая вывод из фактов, имевшихся в ее распоряжении. – Вот что. Если бы ты мог, ты женился бы на ней. Это ясно. По ее письмам видно.

– Ничего подобного по ее письмам не видно! – рассердился Юджин. – Я не мог добиться ее? Да я без всякого труда мог ее добиться. Но я не хотел этого. Если бы я пожелал, она вышла бы за меня замуж. Можешь не сомневаться!

Юджин ненавидел себя за эту ложь, но чувствовал, что у него нет другого выхода. Ему не хотелось фигурировать в роли отвергнутого любовника. Он даже наполовину внушил себе, что действительно мог бы жениться на Кристине, если бы приложил все старания.

– Так или иначе, – сказал он, – я не намерен об этом спорить. Факт тот, что я не женился ни на ней, ни на Руби Кенни. Ты можешь думать, что хочешь, но я-то ведь знаю. Они мне обе нравились, но я не женился ни на той, ни на другой. Я женился на тебе. Будь хоть сколько-нибудь справедлива. Я женился на тебе – значит, надо полагать, любил тебя. Ведь это ясно, не правда ли?

Он даже себя почти убедил, что любил ее – хотя бы немного.

– Знаю я, как ты меня любишь! – упиралась Анджела, сбитая с толку этим доводом, на котором Юджин так настаивал и который трудно было опровергнуть средствами логики. – Ты женился на мне потому, что не сумел отвертеться, только поэтому. О, я знаю! Я тебе вовсе не нравилась! Это ясно. Ты хотел жениться на другой. О боже, боже!

– Что ты заладила, – жениться на другой! – возмутился Юджин. В голосе его слышался вызов. – На ком же, по-твоему, я хотел жениться? У меня было достаточно возможностей жениться, стоило мне только захотеть. Но я из всех выбрал тебя, вот и все. Хочешь верь, хочешь не верь. Я хотел жениться на тебе, и так и сделал. Не понимаю, на каком основании ты считаешь себя вправе оспаривать это. Все, что ты говоришь, сплошная нелепость, и ты это прекрасно знаешь.

Анджела опять задумалась. Ведь он действительно на ней женился. Но почему он это сделал? Возможно, что, любя Кристину и Руби, он любил и ее. Как же она об этом не подумала? Очевидно, в том, что он говорит, есть доля правды, а не только желание обмануть ее. И, очевидно, она не слишком многого добьется, продолжая этот разговор. В Юджине заговорило упрямство, он начал изобретать доводы, увлекся спором. Она никогда еще не видела его таким.

– О! – разрыдалась она, ища убежища от неподвластной ей логики в надежных и милых ее сердцу слезах. – Не знаю, что мне делать! Не знаю, что думать!

Факт оставался фактом – Юджин поступил с нею дурно. Вся ее жизнь разбита. Но сколько в нем притягательной силы даже сейчас, когда он стоит перед ней точно школьник, растерянно озираясь по сторонам и то принимая вызывающий тон, то моля о снисхождении. Она не могла не чувствовать, что он, в сущности, вовсе не плохой человек. У него только одна слабость – он неравнодушен к красивым женщинам. А те так и норовят завладеть им. Возможно, он даже не виноват в этом. Но он обязан проявить раскаяние, и тогда вся эта история будет предана забвению. О прощении не может быть и речи. Она никогда не простит ему этого обмана. Идеал, который она создала себе, был навсегда и окончательно разрушен. Но она могла бы согласиться жить с ним и дальше, подвергнуть его испытанию.

– Анджела, – сказал Юджин, видя, что она все еще рыдает, и чувствуя, что необходимо просить прощения, – почему ты не хочешь мне поверить? Неужели ты не простишь меня? Мне больно видеть, как ты плачешь. Было бы бессмысленно уверять, что я ни в чем не виноват. Вообще бессмысленно что-либо говорить, право. Ты мне все равно не поверишь. Я и не требую, чтобы ты мне верила. Но мне очень жаль, что так вышло. Этому, надеюсь, ты веришь? И, может быть, ты все-таки простишь меня?

Анджела жадно слушала его, а мысли ее вертелись словно в каком-то заколдованном кругу, – в ней говорили отчаяние, обида, жажда мести, жалость к Юджину, страх потерять свое положение, желание завоевать и удержать его любовь, желание наказать его, желание сделать еще сотни противоречивых вещей. О, как было бы хорошо, если бы ничего этого не было! А тут еще его болезнь! Ведь он нуждается в ее внимании.

– Неужели ты не простишь меня, Анджела? – тихо сказал Юджин, прикасаясь к ее руке. – Уверяю тебя, это никогда больше не повторится. Можешь ты мне поверить? Ну, полно, Анджела! Перестань плакать, прошу тебя.

Анджела все еще колебалась, упиваясь своим безутешным горем. Она действительно не знала, что делать, что сказать. Быть может, он и в самом деле никогда больше не даст ей повода для огорчения. До сих пор, насколько ей было известно, он вел себя безукоризненно. Все же это было чудовищное открытие. Но тут Юджин улучил удобный момент и, воспользовавшись тем, что она и сама устала от слез и бурной ссоры и истосковалась по его жалости и ласке, быстро привлек ее к себе. Склонив голову на его плечо, она расплакалась еще неудержимей. Юджину было искренне жаль ее. Он чувствовал себя виноватым. Действительно, ему должно быть стыдно. Не следовало так поступать.

– Мне очень жаль, – продолжал он шептать ей на ухо, – право, жаль. Может быть, ты простишь меня, Анджела?

– Ах, я не знаю, как быть, – после маленькой паузы простонала Анджела.

– Ну, прости меня, Анджела, – продолжал он уговаривать ее, заглядывая ей в глаза.

Долго еще продолжались эти мольбы и чувствительные объяснения, пока наконец Анджела, совершенно измученная, не сказала «да». У Юджина от этой схватки нервы напряглись до крайности. Он побледнел, обессилел, он чувствовал, что теряет рассудок. «Еще несколько подобных сцен, – мелькнуло у него в голове, – и я окончательно сойду с ума». Тем не менее ему необходимо было пройти даже сейчас через весь ритуал нежностей и любовных ласк. Нелегко было вернуть Анджелу в ее обычное, нормальное состояние. «Скверная штука, – подумал Юджин, – это волокитство. И самому одни неприятности, да еще Анджела ревнует. Бог ты мой, какой она становится злой, сварливой, бешеной, если ее вывести из себя!» Он никогда не предполагал этого в ней. Может ли он любить ее, если она так ведет себя? Может ли жалеть ее? Ему вспомнилось, с какой язвительной насмешкой она утверждала, что Кристина отвергла его. Он испытывал ужасную усталость, он был взбудоражен, ему хотелось отдохнуть и поспать, а от него требовались ласки. Постепенно ему удалось привести Анджелу в более мирное расположение духа. Он продолжал ласкать Анджелу, и постепенно ему удалось вывести ее из состояния глубокой меланхолии. Но в душе она его не простила. Она только стала лучше понимать его. Не вернулось к ней и прежнее беззаботное счастье, – а только робкая надежда. И настороженность.

Глава XII

Весну, лето и осень Юджин и Анджела провели частью в Александрии, частью в Блэквуде. Болезнь и необходимость покинуть Нью-Йорк помешали Юджину пожать лучшие плоды своих успехов на поприще искусства: мосье Шарль и многие другие лица проявляли к нему большой интерес и охотно устраивали бы ему чествования и приемы. Он мог бы много бывать в обществе, но его нынешнее душевное состояние не располагало к этому. Он сделался чрезвычайно угрюм, часто заводил разговоры на самые грустные темы; жизнь представлялась ему в высшей степени печальной, а люди – все без исключения – дурными. Жадность, бесчестность, эгоизм, зависть, лицемерие, клевета, ненависть, воровство, прелюбодеяние, убийство, слабоумие, помешательство, душевная опустошенность – вот что занимало его мысли, да еще смерть и наступающее за нею тление. Ни в чем, казалось, не было просвета – повсюду он видел неистовство зла и смерти. Эти мысли, к которым присоединялись еще неприятности с Анджелой, сознание, что он не в силах работать и что его брак ошибка, страх перед смертью или сумасшествием привели к тому, что эта зима превратилась для него в сплошную пытку.

Анджела, когда первый порыв бури улегся в ее душе, снова стала относиться к нему внимательно, но в ее поведении все же сквозило какое-то недоверие. Правда, она ничего не говорила, она согласилась не поминать старое, но Юджин чувствовал, что она ничего не забыла, что в душе она продолжает упрекать его, что она ждет новых проявлений его слабости и остается настороже, чтобы вовремя предупредить их.

Весна, которая началась вскоре по их приезде в Александрию, принесла Юджину некоторое облегчение. Он решил временно оставить всякие попытки вернуться к работе, отказаться от мысли ехать в Лондон или в Чикаго и только отдыхать. Может быть, он и в самом деле просто устал? Правда, у него не было такого ощущения. Он не мог спать, не мог работать, но чувствовал себя достаточно бодрым, и только то, что к нему не возвращалась работоспособность, делало его несчастным. Все же он решил испробовать полный отдых. Может быть, это воскресит в нем его чудесный дар. А тем временем он не переставал думать о том, что дни уходят, – с какими бы он мог познакомиться интересными людьми, в скольких новых местах побывать! Ах, Лондон, Лондон! Как он мечтал его писать!

Старики Витла были бесконечно рады, что их сын снова с ними. Люди простые и немудрящие, они никак не могли понять, почему так внезапно пошатнулось его здоровье.

– Никогда в жизни Юджин не выглядел так скверно, – заметил жене Витла-отец в день приезда сына. – У него совсем ввалились глаза. Как ты думаешь, что бы это могло быть?

– Что я могу сказать? – ответила ему жена, страшно огорченная состоянием своего мальчика. – Просто он переутомился. Немного отдохнет и поправится. Только смотри не проговорись, что замечаешь в нем что-то неладное. Делай вид, будто он вполне здоров. А что ты скажешь о его жене?

– Она производит приятное впечатление, – ответил Витла. – И уж, конечно, любит его. Я, правду сказать, никогда не думал, что Юджин женится на женщине такого типа. Но ему, разумеется, виднее. В свое время, вероятно, никто не предполагал, что я женюсь на такой женщине, как ты, – шутя добавил он.

– Да, это была действительно ошибка с твоей стороны, – в том же тоне ответила миссис Витла. – Но, между прочим, ты приложил немало усилий, чтобы совершить ее.

– Я был молод! Молод! Не забывай этого. Я мало что понимал в то время.

– Я бы сказала, что ты не многим больше понимаешь и сейчас, а?

Он улыбнулся и ласково похлопал ее по плечу.

– Ну что ж, остается покориться судьбе. Дела не поправишь, поздно.

– Да, поздновато, – сказала жена.

Юджину с Анджелой отвели его прежнюю комнату на втором этаже, откуда открывался красивый вид на двор и на тихую улицу, и они начали устраиваться, чтобы провести в этом доме, как надеялись старики Витла, немало мирных дней. Юджину было странно опять очутиться в Александрии, вновь увидеть этот мирный уголок, где он вырос, увидеть деревья, лужайку, гамак, уже несколько раз сменявшийся со времени его отъезда, но висевший все на том же месте. С удовольствием вспоминал он о маленьких озерах и речке, опоясывавшей город. Он мог удить рыбу, кататься на лодке, совершать приятные прогулки. Чтобы развлечься, он на первой же неделе отправился с удочкой к озеру, но было еще холодновато, и он решил пока что ограничиться прогулками.

Однообразное времяпрепровождение, как правило, скоро приедается. Для человека с таким складом ума, как у Юджина, в Александрии было мало интересного. После Лондона и Парижа, после Чикаго и Нью-Йорка тихие улицы родного города вызывали у него улыбку. Он отправился в редакцию «Морнинг Эппил», но и Джонас Лайл и Калеб Уильямс уехали – первый в Сент-Луис, а второй в Блюмингтон. Старый Бенджамин Берджес, свекор его сестры, был все тот же, разве только постарел. Он сообщил Юджину, что собирается на ближайших выборах выставить свою кандидатуру в конгресс – республиканская партия достаточно ему обязана и поддержит его. Его сын Генри, муж Сильвии, занимал теперь в местном банке должность казначея, работал все так же терпеливо и усердно, по воскресеньям ходил в церковь, время от времени ездил по делам в Чикаго и давал советы по вопросам мелкого кредита фермерам и торговцам. Он внимательно прочитывал те несколько журналов, посвященных банковскому делу, которые издавались в Америке, и, по-видимому, материально преуспевал. От Сильвии нельзя было много узнать о его делах. Прожив с мужем одиннадцать лет, она заразилась его необщительностью; Юджин невольно улыбался, глядя на этого человека, который, несмотря на свою молодость, был так расчетлив и себе на уме. Он был очень тихий, очень ограниченный и очень ревностно добивался всяких мелочей, из которых составляется то, что принято называть успехом. Подобно искусному краснодеревщику, он хлопотал над отдельными мелкими деталями, из которых в конечном итоге должно получиться прекрасное целое.

Анджела с рвением взялась за хозяйство, хотя миссис Витла весьма неохотно согласилась уступить ей часть своих обязанностей. Анджела любила работать, и, пока миссис Витла мыла посуду после завтрака, она приводила в порядок дом. Она готовила для Юджина всевозможные печения и пирожки, если это удавалось сделать, не обижая миссис Витла, и вообще старалась снискать ее расположение. Хозяйство в доме велось скромное, примерно такое же, как у ее родителей в Блэквуде, кое в чем, пожалуй, даже скромнее. Но, так или иначе, это был родной дом Юджина, – с этим нельзя было не считаться. Надо заметить, однако, что между Анджелой и свекровью существовало некоторое расхождение во взглядах на жизнь и на то, как нужно жить. Миссис Витла смотрела на вещи проще и более терпимо. Все, что случалось в жизни, она принимала как должное, без излишних волнений, тогда как Анджела по натуре была склонна волноваться по всякому поводу. У обеих женщин был один общий, присущий многим людям недостаток: обе они не любили, чтобы им помогали в работе. Каждая предпочитала делать все самостоятельно и ни с кем не делить своих обязанностей; но так как обе всячески старались ужиться ради Юджина и ради сохранения мира в семье, то опасность разногласий была невелика, тем более, что каждая не лишена была такта. Все же в воздухе носилось ощущение, что не все вполне благополучно. Миссис Витла находила Анджелу немного черствой и эгоистичной, а та, со своей стороны, считала, что миссис Витла немного скрытна, или, быть может, застенчива, или же просто избегает сближения. Но на поверхности царило безоблачное спокойствие, и обе женщины рассыпались друг перед другом в бесконечных «разрешите мне это сделать» и «пожалуйста, прошу вас». Миссис Витла, будучи много старше Анджелы, с большим тактом и достоинством продолжала занимать свое руководящее место в семейном кругу.

Для того чтобы целыми днями сидеть в кресле, валяться в гамаке, бродить по лесам и полям, предаваясь в одиночестве лени и созерцанию, и чувствовать себя при этом вполне счастливым, требуется известное предрасположение. Было время, когда Юджин воображал, что создан как раз для такого образа жизни, и того же мнения были его родители. Но теперь, заслышав зов славы, он уже не мог усидеть на месте. Именно сейчас ему нужны были не одиночество, не праздное созерцание, а разнообразие и смена впечатлений. Ему необходимо было иметь вокруг себя подходящее общество, людей жизнерадостных, восприимчивых и восторженных. Кое-что из этого было в Анджеле, когда ее не донимали никакие тревоги. Общество родителей, сестры и старых знакомых давало ему несколько больше, но они не могли проводить все свое время в беседах с ним и без конца уделять ему внимание. А кроме них, никого кругом не было. Александрия ничего не могла ему дать. Юджин бродил с Анджелой по длинным проселочным дорогам, катался на лодке, ловил рыбу, но все это не избавляло его от чувства одиночества. Он подолгу сидел на террасе или лежал в гамаке, перебирая в памяти все, что видел в Лондоне и в Париже, и мысленно представлял себя за работой. Собор св. Павла, окутанный туманной дымкой, набережная Темзы, Пикадилли, Блэкфрайерский мост, трущобы Уайтчепела и Ист-Энда – как хотелось ему сейчас быть подальше от Александрии и рисовать все это! Только бы иметь возможность писать. Он приспособил под студию отцовский сеновал, источником света служила ему дверь, выходившая на север. Там он пытался кое-что писать по памяти, но у него получалось не то, что он хотел. В нем укрепилось убеждение, – вернее, это была навязчивая мысль, – что ни одна его работа ему не удается. Сколько бы ни уверяли Анджела, мать, отец, мнения которых он порою спрашивал, что картина прекрасная, превосходна, – он не верил этому. Под

влиянием все новых и новых мыслей он начинал переделывать, переделывать и снова переделывать, но в конце концов приходил в ярость от своего бессилия и предавался полному отчаянию, проникаясь жалостью к самому себе.

«Нет, – говорил он, бросая кисть, – придется просто сидеть и ждать, пока это пройдет. В таком состоянии я ничего не могу сделать».

И он уходил гулять, брался за книгу, катался по озеру, раскладывал пасьянс или слушал игру Анджелы на рояле, который отец его когда-то купил для Миртл. Но и тут он не переставал думать о своей болезни, о том, как много он теряет из-за нее, о том, что где-то в мире бьет ключом жизнь, а он – неизвестно когда поправится, да и поправится ли вообще. Он заводил разговор о поездке в Чикаго, чтобы там испытать свои силы, но Анджела каждый раз уговаривала его еще немного отдохнуть. Она обещала увезти его на лето в Блэквуд с тем, чтобы осенью вернуться в Александрию, или же поехать в Нью-Йорк, или пожить в Чикаго, одним словом, как ему будет угодно. Но сейчас ему необходим отдых.

– К осени Юджин, наверно, поправится, – говорила Анджела его матери, – и тогда он решит, куда ехать – в Чикаго или в Лондон.

Она очень гордилась возможностью говорить о том, куда они поедут и что будут делать.

Глава XIII

Если бы у Юджина в глубине души не шевелилась смутная надежда на какой-нибудь новый интересный роман, он окончательно затосковал бы. Но эта мысль никогда не оставляла его, подобно тому, как страдающего запоем не покидает мысль о вине. Только она и вливала в него бодрость и не давала впасть в полное отчаяние; только она и отвлекала его от горестного признания, что жизнь пошла прахом. Если бы ему встретилась девушка, красивая, веселая, пикантная, которая влюбилась бы в него, – вот было бы счастье! Но Анджела была вечно настороже, а кроме того, при его состоянии всякое новое увлечение грозило неприятными последствиями для его здоровья. И все же так сильна была эта иллюзия, этот животный магнетизм красоты, что стоило Юджину увидеть красивую девушку, родственную ему по темпераменту и наклонностям, как он терял над собою власть. Достаточно было призыва манящих глаз, достаточно взгляда на нежное, тонкое личико, говорившее о молодости и здоровье, – этом украшении всякой девушки, – и он был уже сам не свой. Словно очертания лица сами по себе, независимо от того, кому оно принадлежало, гипнотически действовали на него. Арабы приписывали магическую силу слову «абракадабра». Для Юджина таким могуществом обладали линии женского лица и тела.

Во время своего пребывания в Александрии, где они прожили с февраля по май, Юджин однажды познакомился у Сильвии с девушкой, которая произвела на него чрезвычайно сильное впечатление своей красотой, – она принадлежала к тому типу женщин, которыми он всегда восхищался, а кроме того, представляла собою в высшей степени удобный объект для флирта. Она была дочерью коммивояжера по имени Джордж Рот, потерявшего жену и жившего с сестрою в старом доме, окруженном тенистыми деревьями, на самом берегу Зеленого озера, неподалеку от того места, где Юджин когда-то пытался поцеловать свою первую любовь – Стеллу Эплтон. Ее звали Фридой. Она была необычайно хороша, не старше восемнадцати лет, с большими ясными голубыми глазами, густыми каштановыми волосами, с пышной, но очень изящной фигуркой. Она только что кончила школу в Александрии, но была уже совсем взрослой девушкой. Живая, цветущая, жизнерадостная, она обладала ясным природным умом, который не замедлил очаровать Юджина. Его всегда тянуло к людям бодрым и веселым от природы, а тем более теперь, при его болезненном состоянии. И сама девушка и ее приемная мать много слыхали про Юджина от его родителей и сестры, с которыми были хорошо знакомы и у которых часто бывали. Джордж Рот поселился в Александрии уже после того, как Юджин уехал в Чикаго; все свое время он проводил в разъездах, и Юджин никогда его не видел. Что касается Фриды, то в предыдущие его приезды в Александрию она была еще ребенком и не обращала внимания на мужчин, тогда как теперь, когда она стала почти взрослой, мысли ее были заняты только ими. Она не думала, что этот Витла может представлять для нее интерес, так как было известно, что он женат, но, поскольку он считался видным художником, ее любопытство было задето.

В Александрии все знали, кто такой Юджин. Местные газеты писали о его блестящих успехах и как-то даже поместили его портрет. Фрида предполагала, что это мужчина лет сорока, суровый и сдержанный. А вместо этого увидела приветливого молодого человека двадцати девяти лет, изможденного, с глубоко запавшими глазами, но тем не менее очень привлекательного. Юджин – с одобрения Анджелы – по-прежнему небрежно повязывал галстук-бант, носил мягкие отложные воротнички, мягкую шляпу и коричневый вельветовый костюм с поясом, придававшим пиджаку вид охотничьей куртки; на одном из его пальцев красовался перстень из вороненой стали с каким-то затейливым рисунком. Руки у него были очень белые, с тонкими пальцами, лицо бледное. Фрида, румяная, беспечная, как бабочка, в прелестном платье из синего полотна, смеющаяся, несколько напуганная молвой о приезжем художнике, с первого взгляда остановила на себе его внимание. Она понравилась ему, как нравилась каждая молодая, здоровая, веселая девушка, которая попадалась ему на пути. Как ему хотелось снова быть свободным, чтобы без всяких опасений завести с нею оживленную, шутливую беседу. Она с первой же минуты, как показалось Юджину, проявила к нему расположение.

Однако Юджин должен был соблюдать осторожность и сдерживаться в присутствии Анджелы и приемной матери Фриды. Дамы беседовали об искусстве; Сильвия и мисс Рот внимательно слушали Анджелу, описывавшую эксцентричность Юджина, его привычки и всякие забавные случаи из его жизни, служившие ей неисчерпаемым источником увлекательных повествований для простых смертных. Юджин в таких случаях обыкновенно сидел тут же в удобном кресле, с усталым, благодушным или безразличным видом, в зависимости от того, в каком он находился настроении. В этот вечер он особенно томился и чувствовал себя не в своей тарелке. Никто из присутствующих не интересовал его, кроме девушки, красивое лицо которой давало пищу его мечтам. Как хорошо было бы всегда иметь подле себя такое юное существо! Отчего женщины не остаются вечно молодыми?

Пока дамы смеялись и разговаривали, Юджин взял лежавшую на столе книгу «Рыцари Круглого стола» Говарда Пайла с иллюстрациями, тепло и чуть грубовато изображавшими героев и героинь повествований о короле Артуре, и стал разглядывать величавые и вычурные фигуры этих персонажей.

Сильвия купила эту книгу для своего семилетнего сына Джека, спавшего сейчас в спальне наверху. Фрида читала ее в детстве. Она бродила по комнате, не находя себе места, чувствуя, что ее тянет к Юджину, и выжидая удобного повода для разговора. Улыбка, с которой он иногда на нее поглядывал, покоряла ее.

– Я когда-то читала это, – сказала она, увидев, что он рассматривает книгу. Каким-то образом она вдруг очутилась возле окна, неподалеку от Юджина, позади его кресла. Сперва она делала вид, будто смотрит на улицу, а потом завела с ним разговор. – Я прямо без ума была от всяких рыцарей и дам – сэр Ланселот, сэр Галахад, Тристрам, Гавейн, королева Гвиневера.

– А вы знаете, кто такой сэр Бред? – спросил он лукаво. – И сэр Вред? Или сэр Вздор?

Он смотрел на нее с веселой улыбкой.

– Таких не существует! – расхохоталась Фрида, которую и удивили и рассмешили эти имена.

– Не позволяйте ему дразнить вас, Фрида, – сказала Анджела; ей приятно было смотреть на жизнерадостную девушку, приятно, что ее веселость передалась и Юджину. Она не боялась простодушных девушек Запада, таких, как Фрида или ее собственная сестра Мариетта, считая, что они откровенней, простодушней, добрей тех женщин, которых она встречала в нью-йоркских студиях, и, уж конечно, не воображают себя лучше других. Здесь Анджела и сама была не прочь задать тон на правах столичной дамы.

– Разумеется, существуют, – с серьезным видом сказал Юджин, обращаясь к Фриде. – Это герои новой книги о рыцарях Круглого стола. Разве вы не слыхали про нее?

– Нет, не слыхала, – весело отвечала Фрида, – такой книги и на свете нет. Вы смеетесь надо мной.

– Смеюсь? Что вы, я никогда бы себе этого не позволил. Книга существует. Она выпущена издательством «Харпер и братья» и называется «Новые рыцари Круглого стола». Просто она вам не попадалась, вот и все.

Фрида, сбитая с толку, не знала, верить ему или нет. Она с детским любопытством смотрела на него, и этим еще больше нравилась Юджину. Как хотелось ему быть свободным, чтобы поцеловать эти прелестные румяные, наивно раскрытые губы! Анджела тоже не была уверена, правду он говорит или шутит.

– Сэр Бред – знаменитый рыцарь, – продолжал он. – И сэр Вред тоже. В этой книге они неразлучные друзья. Что касается сэра Вздора и сэра Сора, а также леди Чушь…

– Ох, перестань, Юджин! – смеясь воскликнула Анджела. – Вы только послушайте, мисс Рот, что он рассказывает Фриде. Но вы на него не обижайтесь, он всегда кого-нибудь дразнит. Почему вы так плохо воспитали его, Сильвия? – обратилась она к сестре Юджина.

– Ах, и не спрашивайте! Мы никогда ничего не могли поделать с Юджином. Но, между прочим, я и не подозревала, что он такой шутник.

– Они просто душки, – продолжал Юджин рассказывать Фриде, – все такие напыщенные краснощекие леди и джентльмены.

Юджин совсем очаровал Фриду. Какой он милый, приветливый. По-видимому, он так же молод душою и так же полон жизни, как она сама. Она сидела напротив него и смотрела в его смеющиеся глаза, а он не переставал поддразнивать ее то тем, то

другим. Кто, например, ее поклонники? Как она кокетничает с ними? Сколько молодых людей выстраивается по воскресеньям у церкви в ожидании ее выхода? Он уже все о ней знает!

– Держу пари, что они точь-в-точь солдаты на параде, – продолжал он. – Все в новеньких галстуках, с накрахмаленными платочками в кармашке, башмаки начищены до блеска…

– Ха-ха-ха! – звонко рассмеялась Фрида. Это описание чрезвычайно понравилось ей. Она еще долго смеялась и шутила с ним, и дружба их была окончательно закреплена. Она решила, что Юджин очень славный.

Глава XIV

Юджину не нужно было искать случая для дальнейших встреч с Фридой – это выходило само собой. Сарайчик на берегу озера, где хранилась единственная лодка семьи Витла, стоял у самой воды, и туда как раз спускалась усадьба Ротов. От дома можно было выйти к озеру либо тихим переулком, куда редко кто заглядывал, либо – с заднего крыльца – дорожкой, окаймленной густыми зарослями дикого винограда, скрывавшими идущего от посторонних взоров, в конце которой стояла старая деревянная скамья у самой воды. Когда у Юджина являлось желание покататься или половить рыбу, он приходил сюда за лодкой. Анджела раза два-три увязывалась за ним, но она не была большой любительницей гребли и рыбной ловли и легко отпускала его одного.

К тому же мисс Рот, благоволившая к мистеру и миссис Витла, часто навещала их вместе с племянницей, и Фрида нет-нет, да и забегала в импровизированную студию Юджина посмотреть, как он работает. Обманутая ее молодостью и невинностью, Анджела не мешала этой дружбе, а Юджину только того и надо было. Он был очарован красотой девушки и мечтал полюбезничать с ней, не причиняя ей зла. Его забавляла мысль, что Фрида живет совсем близко от того места, где когда-то, зимним вечером, он объяснился в любви Стелле Эплтон. И чем-то она напоминала Стеллу, но только Фрида была мягче по натуре, она охотнее откликалась на его прихоти и настроения.

Однажды, увидев, что Юджин пошел за лодкой, Фрида спустилась на берег и поздоровалась с ним.

– Сегодня, я вижу, мы сверкаем совсем как яркая бабочка, – сказал он с улыбкой, любуясь ее свежим личиком и обращаясь к ней с той дружеской простотой, которая так пленяет молодежь. – Бабочки, надо полагать, не слишком утруждают себя, не правда ли?

– Вы так думаете? – возразила Фрида. – Много вы знаете!

– Разумеется, откуда мне знать, но, может быть, одна из этих бабочек расскажет мне – вы, например?

Фрида улыбнулась. Она не знала, как отнестись к его словам, но Юджин чрезвычайно ей нравился. Она и представления не имела о том, как глубока и сложна его натура и сколько в нем порывистой ласковости и непостоянства. Этот красивый, улыбающийся, далеко еще не старый человек, такой остроумный и добродушный, стоявший у светло-зеленого озера и спускавший на воду лодку, казался ей таким жизнерадостным, таким беззаботным. В ее представлении он сливался со свежестью земли и яркой зеленью молодой травы, с глубокой синевой неба, с щебетанием птиц и даже со сверкающей рябью воды.

– Одно я знаю – бабочки ничего не делают, – сказал он, показывая, что не хочет относиться к ней серьезно. – Они только пляшут на солнышке и веселятся. Вам никогда не приходилось говорить об этом с бабочками?

Фрида в ответ только улыбнулась.

Юджин столкнул лодку на воду, слегка придерживая ее за веревку, достал пару весел, кинул их в лодку и вскочил в нее сам. Потом он посмотрел на девушку и спросил:

– Давно вы живете в Александрии?

– Около восьми лет.

– Вам здесь нравится?

– Когда как. Далеко не всегда. Мне хотелось бы жить в Чикаго. О, какая прелесть! – воскликнула она, чуть задрав кверху свой очаровательный носик и принюхиваясь к доносившемуся из сада аромату цветов.

– Да, чудесно. Герань, не правда ли? Она сейчас в полном цвету. Такие дни, как сегодня, сводят меня с ума.

Он сел и вложил весла в уключины.

– Ну, поеду попытаю счастья, – авось, кита поймаю. А вы не хотели бы поехать со мной ловить рыбу?

– Очень хотела бы, – ответила Фрида. – Только тетя, наверно, меня не пустит. Я бы с удовольствием поехала. Это так интересно, когда рыба ловится.

– Да, когда ловится! – рассмеялся Юджин. – Так и быть, я вам привезу небольшую симпатичную акулу, и непременно кусачую. Хотите? В Атлантическом океане водятся акулы, которые кусаются и тявкают. По ночам они вылезают из воды и лают по-собачьи.

– Ха-ха-ха! – заливалась Фрида. – Вот забавно!

Юджин стал медленно грести, направляя лодку на середину озера, а она крикнула ему вслед:

– Смотрите же: не забудьте привезти мне рыбу!

– Смотрите, будьте здесь к моему возвращению, тогда и получите ее, – ответил он.

Он смотрел на ее фигурку, выделявшуюся на кружевном фоне весенней листвы, на старый дом, красиво расположенный на холме, на ласточек, круживших в утреннем небе.

«Какая прелестная девушка, – думал он. – Она хороша и свежа, как цветок. Девичья красота – вот единственная в мире стоящая вещь!»

Вскоре он вернулся, надеясь найти Фриду на берегу, но тетка услала ее куда-то с поручением. И Юджин почувствовал острое разочарование.

После этого они встретились еще раз, когда Юджин вернулся с рыбной ловли, почти ничего не поймав, и Фрида подняла его на смех; в другой раз он издали увидел ее, когда она, вымыв голову, сидела на заднем крыльце и сушила волосы. Спустившись к нему, она остановилась под деревьями – обворожительная, с мокрыми волосами, словно наяда. У него было сильное желание обнять ее, но он не знал, как она к этому отнесется, и воздержался.

Однажды она принесла ему в студию, по поручению миссис Витла, лепешку из остатков теста, поджаренную прямо на плите.

– Когда Юджин был мальчиком, он обожал такие лепешки, – сказала ей миссис Витла.

– Дайте я снесу ему! – весело воскликнула Фрида, обрадовавшись случаю, сулившему нечто интересное.

– Что ж, это идея, – сказала ничего не подозревавшая Анджела. – Подождите, я положу ее на блюдце.

Фрида схватила блюдце и побежала. Она застала Юджина у мольберта – он как-то странно уставился на свой холст, лицо его было мрачно. Но едва головка Фриды показалась в двери, это выражение исчезло, и на губах у него заиграла обычная ласковая улыбка.

– Угадайте, что я вам принесла? – сказала девушка, прикрывая блюдце белым фартучком.

– Земляники?

– О нет!

– Персиков со сливками?

– Откуда быть сейчас персикам?

– Из гастрономического магазина!

– Попытайтесь в третий раз.

– Слоеные пирожки? – Он был большим любителем всякой сдобы, и Анджела иногда пекла для него.

– Опять не угадали. Ничего вы не получите!

Он протянул руку, но она отступила. Он шагнул за нею, и она расхохоталась.

– Нет, нет, теперь вы ничего не получите!

Он схватил девушку за полную мягкую руку и притянул к себе.

– Вы уверены?

Их лица почти соприкасались.

Она мгновение смотрела ему в глаза, затем опустила ресницы. У Юджина голова закружилась от ее красоты. Это было все то же старое волшебство. Он прижался губами к ее губам, и она с лихорадочной страстностью ответила на поцелуй.

– А теперь нате, ешьте ваше гадкое тесто! – сказала она, со сконфуженным видом протягивая ему блюдце, едва он отпустил ее. Она была так взволнована, что не могла даже шутить.

– Что сказала бы миссис Витла, если б увидела нас! – добавила она.

Юджин замер и прислушался. Он боялся Анджелы.

– Я с детства люблю эти лепешки, – сказал он непринужденным тоном.

– Ваша мама как раз говорила об этом, – сказала Фрида, приходя немного в себя. – Дайте хоть взглянуть, что вы рисуете. – Она подошла и стала рядом, а он взял ее за руку. – Теперь мне пора идти, – добавила она тоном благоразумия. – Меня ждут.

Юджин мысленно поразился рассудительности девушек – по крайней мере тех, которые ему нравились. Оказывается, они умеют при известных обстоятельствах соблюдать осторожность. Он видел, что Фрида инстинктивно приготовилась защищать и его и себя. Казалось, ее не особенно ошеломило то, что с нею произошло. Пожалуй, она не прочь воспользоваться представившимся ей случаем.

Юджин снова обнял ее.

– Вы – и пирожок, и земляника, и персики со сливками! – сказал он.

– Не надо! – сказала она. – Не надо! Мне нужно идти. – Она быстро сбежала с лестницы, бросив ему на прощание улыбку.

Таким образом, в списке одержанных им побед прибавилось имя Фриды. Юджин серьезно задумался. Если бы Анджела увидела эту сцену, – какая разыгралась бы буря! Узнай она только, что тут происходит, как бы она стала беситься! Это было бы ужасно. Даже думать об этом не хотелось после недавней истории с письмами. Но, с другой стороны, блаженство, которое дают ласки юного существа, – разве не стоило заплатить за него любою ценой? Чувствовать, как обвиваются вокруг твоей шеи руки прелестной, жизнерадостной восемнадцатилетней девушки, – чем не рискнешь ради этого! Закон общества гласил: одна жизнь – одна любовь. Может ли он согласиться с этим? Может ли одна женщина удовлетворить его? Могла ли бы навсегда удовлетворить его, скажем, Фрида, если бы она принадлежала ему? Он не находил ответа. У него не было желания думать об этом. Но какое наслаждение ходить по благоухающему саду! Ощущать розу у своих губ!

Анджела долго не замечала этого увлечения. Бедняжка! Привыкнув целиком полагаться на условности, как она их понимала, она еще не догадывалась о том, что мир полон злых козней и интриг, ловушек, силков, волчьих ям. Жизненный путь добросовестной и преданной мужу жены должен быть прост и легок. Она не должна страдать из-за неуверенности в его любви, из-за его злосчастного характера, равнодушия или измены. Если она усердно работает – Анджела же работала не щадя себя, –

если она старается быть хорошей женою, экономной, услужливой, готовой в любую минуту жертвовать ради мужа своим спокойствием, своими прихотями, желаниями и вкусами, то как не рассчитывать на такое же отношение с его стороны? Анджела понятия не имела о двойной морали, и если бы ей стали об этом говорить, она не поверила бы. Родители внушили ей совершенно определенное представление о браке. Отец был верен ее матери. Отец Юджина был верен своей жене – это не подлежало сомнению. Ее зятья были верны ее сестрам, зятья Юджина были верны его сестрам. Как же может Юджин не быть верен ей?

До сих пор, правда, у нее не было явных улик против него. Вполне возможно, что он был и останется ей верен. Он так и сказал ей. Но как объяснить его похождения до брака? Ужасно, что он способен был обмануть ее. Она никогда не забудет этого. Он гений – это несомненно. Весь мир ждет его слова. Он великий человек, которому подобает лишь общество великих людей, но если это невозможно, у него вообще не должно быть желания с кем-либо общаться. Смешно подумать, что он может волочиться за какими-то гусынями! Размышляя, Анджела приходила к выводу, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы не допустить этого. Место Юджина, по ее мнению, было на престоле величия, а ее место – на ступеньках у его ног, в качестве преданного служки, размахивающего кадильницей славословий и восторгов.

Проходили дни, и Юджин еще много раз виделся с Фридой, иногда невзначай, иногда преднамеренно. Как-то раз днем он сидел у сестры, когда Фрида пришла туда по поручению своей приемной матери за какой-то выкройкой. Она пробыла у них час с лишним, и Юджин раз десять улучил возможность поцеловать ее. И долго еще после ее ухода его преследовало воспоминание об ее прелестных глазах и улыбке. В другой раз, застав Фриду в сумерки близ лодочной пристани, он увлек ее в чащу дикого винограда и целовал там без помехи. Такие мимолетные тайные встречи происходили и в доме его родителей и в его студии на сеновале, куда девушка несколько раз поднималась, ссылаясь на его обещание нарисовать ее портрет. Анджеле это очень не нравилось, но она ничего не могла поделать. Фрида проявляла в любви то особенное терпение, которое свойственно в таких случаях женщинам и которого мужчина никогда не поймет. Она выжидала своего часа, пока Юджин придет и найдет ее, тогда как он, с присущей влюбленному мужчине ненасытностью, все время жаждал ее видеть. Он ревновал ее, когда она отправлялась на невинные прогулки со знакомыми молодыми людьми. То обстоятельство, что он не всегда мог ее видеть, было для него огромным лишением, а его брак с Анджелой казался ему катастрофой. Присутствие жены он теперь ощущал как помеху своей любви к Фриде и смотрел на Анджелу почти с ненавистью. Зачем он на ней женился? Если Фрида бывала поблизости, а он не имел возможности подойти к ней, он провожал каждое ее движение тоскующим, жадным взглядом. Ее чарующая красота причиняла ему страдание. А девушка и не догадывалась, какой всепожирающий огонь она зажгла в нем.

Ничего неестественного не было в том, что они несколько раз, совершенно случайно, вместе возвращались с почты. В порядке вещей было и то, что мисс Анна Рот приглашала к обеду мистера Витла с женою и Юджина с Анджелой. Однажды, когда Фрида была в гостях в доме Витла, Анджеле показалось, что при ее появлении в гостиной девушка с какой-то странной поспешностью отошла от Юджина. Однако уверенности у нее не было. Фрида и раньше в ее присутствии позволяла себе с самым невинным лицом вертеться около Юджина. «Уж не волочится ли за ней Юджин?» – подумала Анджела, но у нее не было никаких доказательств. Она пробовала выследить их, но Юджин был так ловок, а Фрида так осторожна, что ей это не удавалось. Тем не менее перед отъездом из Александрии между супругами произошла сцена – со слезами, истерикой и бурными излияниями, во время которой Анджела обвиняла Юджина в ухаживании за Фридой, а он решительно отвергал ее обвинения.

– Если бы не мое уважение к твоим родным, – заявила она, – я изобличила бы ее тут же, в твоем присутствии! И она не посмела бы отрицать!

– Да ты с ума сошла! – возражал Юджин. – Я в жизни не видел такой ревнивой женщины! Боже мой! Неужели мне больше на женщин смотреть нельзя? Эта девочка! Что же мне, уж и не говорить с ней?

– Говорить! Говорить! Знаю я, как ты с ней говоришь! Я это вижу! Я это чувствую! Боже, почему ты дал мне мужа, который обманывает меня!

– Ах, перестань, пожалуйста! – рассердился Юджин. – Вечно ты подглядываешь за мной! Я шагу не могу ступить без твоего надзора! Ты думаешь, я не вижу? Ну что ж, следи, если тебе нравится! Много пользы это тебе принесет! Только смотри, как бы я действительно не дал тебе повода для ревности в самом скором времени! Надоело мне это!

– Нет, вы только послушайте, как он со мной разговаривает! – простонала Анджела. – А мы всего год как женаты! Как ты только можешь, Юджин! Неужели у тебя нет ни жалости, ни стыда? Да еще здесь, в доме твоих родителей! О-о-о!

Эти истерики бесили Юджина. Он не понимал, как можно так вести себя. Да, он беззастенчиво лгал ей насчет Фриды, но ведь Анджела ничего не знает (он не сомневался в том, что она ничего не знает). Все эти придирки вызваны исключительно подозрениями. А если она способна так вести себя на основании одних только подозрений, то чего же следовало ожидать, случись ей узнать правду?

Однако Анджела все еще способна была слезами вызвать в нем жалость и раскаяние. При виде ее горя ему становилось стыдно за свое поведение, вернее, его огорчало, что он не может справиться с собой. Подозрения Анджелы положили конец его любовной идиллии. В глубине души он проклинал тот день, когда женился на ней, так как образ Фриды неотступно стоял перед ним и звал к любви, к страсти. В эти минуты жизнь казалась ему до ужаса печальной. Все прекрасное, что человек ищет и находит в мире, волею враждебного рока осуждено на гибель. Пепел истлевших роз – вот все, что могла предложить ему жизнь. Плоды мертвого моря, рассыпающиеся в прах при первом прикосновении! Ах, Фрида, Фрида! Ах, юность, юность! Неужели перед его глазами вечно будет сиять, подобно Святому Граалю, недостижимый идеал красоты? О жизнь! О смерть! Что же в конце концов лучше – пробуждение или сон? Если бы он мог беспрепятственно любить Фриду, тогда стоило бы жить, а без нее…

Глава XV

Несомненной слабостью Юджина было то, что в каждом из своих новых увлечений он готов был видеть сущность и квинтэссенцию блаженства и, загораясь восторженным чувством, внушал себе, что именно здесь и нигде больше, именно в данном неповторимом образе заключен его идеал. Так он был влюблен в Стеллу, Маргарет, в Руби, Анджелу, Кристину, а теперь – в Фриду. И все же это ничему не научило его, разве только, что любовь – восхитительнейшее чувство. Порою он задумывался, пытаясь постичь, почему черты того или иного лица обладают таким волшебным очарованием. Поистине магнетическая сила таится иной раз в завитке волос, в белизне или покатости лба, в красивой форме носа или уха, в изгибе алых и свежих, как распустившаяся роза, губ. А щеки, подбородок, глаза в сочетании со всем этим, – откуда в них такие колдовские чары? Отдаваясь во власть этих чар, он обрекал себя на трагедии, но он меньше всего думал об этом.

Весьма сомнительно, удавалось ли когда-нибудь человеческой воле самой побороть ту или иную слабость, – и способна ли она на это. Человеческие склонности – область чрезвычайно тонкая. Они заложены в самих клетках организма, в химических свойствах этих клеток. Тот, кто углубляется в тайны биологии, часто обнаруживает любопытные явления: некие формы микроскопической животной жизни существуют как бы для того, чтобы стать добычею других форм животной жизни, иными словами, в силу присущих им химических и физических свойств обречены на гибель. Так, у Калькинса читаем: «Некоторые простейшие, по-видимому, строго ограничены в выборе пищи. Туфлевидная парамеция (Paramecium) и колоколообразная вортицелла (Vorticella) питаются определенными видами бактерий, да и многие другие микроорганизмы, питающиеся более мелкими простейшими, обнаруживают ярко выраженное расположение лишь к определенным видам пищи. Я наблюдал за одним из таких микроскопических созданий (Actinobulos), лежавшим совершенно неподвижно, хотя сотни бактерий и мельчайших видов простейших натыкались на него. Но едва возле него оказывалась бактерия известного типа (Halteria grandinella), как оно выбрасывало вперед микроскопическую стрелу или «трохоцисту», прикрепленную к довольно длинному жгуту. Стрела неизменно попадала в цель, и после короткой борьбы жертва заглатывалась и пожиралась. Результаты многочисленных опытов показывают, что этот якобы свободный выбор пищи обусловлен неизбежным действием определенных законов химии и физики, которым не может не подчиняться организм того или иного индивидуума, как невозможно не подчиняться закону тяготения. Смертоносная стрела, о которой говорилось выше, реагирует только на один вид добычи, и притом с такою же непреодолимой силой, с какою железные опилки реагируют на притягательную силу магнита».

Юджин ничего не знал об этих любопытных биологических опытах, но он подозревал, что влечения такого рода сильнее человеческой воли. Порою он думал, что должен бороться со своими инстинктами, а в другие минуты спрашивал себя: зачем это нужно? Если в них заключалось для него высшее благо и он, борясь с ними, терял его, – то что у него оставалось? Сознание собственной безупречности? Но это ничего не говорило ни уму, ни сердцу. Уважение сограждан? Но в большинстве своих сограждан он видел лишь гробы повапленные, что пользы ему от их лицемерного уважения? Так что же оставалось – справедливость по отношению к другим? Но других не касается или не должно касаться естественное влечение, которое может возникнуть между мужчиной и женщиной. Это их личное дело. Да и вообще-то в мире очень мало справедливости. Что же до его жены – верно, он дал ей слово, но дал его не по доброй воле. Как может человек клясться в верности до гроба и сдержать слово, когда в самой природе торжествуют эгоизм, вероломство, разрушительные силы и непостоянство? Подобно цинику Фальстафу, Юджин не раз задавался вопросом: «Может ли честь приставить новую ногу?» или, как лукавый Макиавелли, утверждал, что сила есть право. Он был убежден, что для успеха в этом мире нужна не добродетель, а расчет, а сам меньше кого-либо был способен на расчет. Конечно, в этих рассуждениях сказывалось анархическое проявление его эгоизма, но он приводил в свою защиту тот довод, что не он создал свой разум и свои чувства, как и все прочее. Однако хуже всего было то, что он хитрил, уверяя себя, будто ничего не берет силою, безоглядно. Он только принимает то, что дарит ему судьба-искусительница.

Гипнотические состояния такого рода, подобно заразной болезни или лихорадке, имеют свое течение, свое начало, кризис и конец. Утверждают, будто любовь бессмертна, но это говорится не о плоти, не о лихорадке желания. Брачный союз двух душ, для которого, как писал Шекспир, нет никаких преград, это явление совсем другого порядка – здесь вопросы пола играют ничтожную роль. Дружба Дамона и Фития, о которых говорит древнегреческое предание, была союзом в лучшем смысле этого слова, хотя оба они были мужчины. Точно так же возможен и духовный союз между мужчиной и женщиной. И такой союз бессмертен, но лишь потому, что он отражает духовные идеалы человечества. Все другое – мимолетная иллюзия, которая рассеивается, как дым.

Когда пришло время покинуть Александрию, к чему Юджин сам вначале стремился, у него не было ни малейшего желания уезжать, наоборот, предстоящая разлука причиняла ему страдания. Юджин видел, что любовь к нему Фриды превращается в неразрешимую проблему. Он все больше приходил к убеждению, что девушка не понимает и не может правильно разобраться ни в своих чувствах к нему, ни в его чувствах к ней. Их взаимное влечение лишено было той твердой опоры, которую дает сознание ответственности. Оно принадлежало к тому неосязаемому и невещественному миру, который соткан из солнечных лучей, сверкания воды, игры бликов в ярко освещенной комнате. Юджин был бы неспособен во имя одной лишь прихоти сознательно совратить девушку. Его чувства неизменно усложнялись более тонкими переживаниями: исканием духовного родства, поклонением красоте, а также предвидением всех мыслимых последствий, последствий не столько для себя, сколько для девушки, хотя себя он тоже не забывал. Если девушка была еще неопытна, а он не мог оказать ей покровительство, если он не мог жениться на ней или быть с ней неразлучно и поддерживать ее материально (тайно или открыто), если он не мог хранить их отношения в секрете от окружающего мира, – он склонен был колебаться. Он не решался на опрометчивые шаги как ради нее, так и ради самого себя. То обстоятельство, что он не мог жениться на Фриде, не мог бежать с нею, поскольку был болен и материально не обеспечен, что он жил в семейной обстановке, обязывавшей его вести себя осмотрительно, имело для него огромное значение. Все же и здесь могла произойти трагедия. Если бы Фрида по своей натуре была легкомысленна и своевольна; если бы Анджела не была так бдительна, так болезненно ревнива и не обезоруживала его своей беспомощностью; если бы мнение семьи и всего города не значило для него так много; если бы он был здоров и располагал большими средствами, он, вероятно, бросил бы Анджелу, увез бы Фриду куда-нибудь в Европу, – он мечтал очутиться с ней в Париже – и впоследствии ему пришлось бы иметь дело с разгневанным отцом, или же он постепенно пришел бы к заключению, что прелести Фриды вовсе не являются смыслом и целью его существования. А возможно, что случилось бы и то и другое. Джордж Рот, хоть и скромный коммивояжер, был человек решительный. Он вполне способен был убить соблазнителя дочери, нисколько не считаясь с его славой художника. Он обожал Фриду, в которой видел живой образ своей покойной жены, и безусловно был бы потрясен.

Однако ничего подобного случиться не могло, так как Юджин не был склонен к опрометчивым поступкам. Он слишком много рассуждал. При известных условиях он мог бы проявить безрассудную смелость, но только не в теперешнем своем состоянии. Жизнь его не настолько была тягостна, чтобы вынуждать его к действию. Так или иначе, он не видел выхода. А потому в июне он вместе с Анджелой уехал в Блэквуд, внешне сохраняя полное безразличие, но чувствуя себя так, словно вся жизнь его пошла прахом.

Естественно, что, когда он очутился в Блэквуде, его охватило отвращение ко всему окружающему. Тут не было Фриды. Александрия, раньше казавшаяся скучнейшим в мире болотом, где люди не живут, а прозябают, вдруг стала рисоваться ему земным раем. Маленькие озера, тихие улицы, площадь со зданием суда, дом сестры, усадьба Фриды, родительский дом – все это он видел теперь в романтическом свете, в том ореоле, который создается чувством и который невозможен без иллюзий любви. Во всем и повсюду чудилось ему лицо Фриды, ее фигура, ее взгляд. Для него теперь ничего не существовало, кроме лучезарного образа девушки. Словно безотрадный, пустынный пейзаж вдруг озарился мягким светом полночной луны.

А между тем Блэквуд был не менее красив, чем раньше, но только Юджин не в состоянии был это видеть. Его отношение к Анджеле изменилось, а вместе с ним изменилось и восприятие окружающего ее мира. Он отнюдь не считал, что ненавидит Анджелу. Она была та же, что и прежде, в этом не могло быть сомнений. Перемена была в нем самом. Он не мог одновременно без памяти любить двух женщин. Правда, было время, когда он питал нежные чувства к Анджеле и к Руби, к Анджеле и Кристине, но тогда им не владела такая любовная лихорадка, какую он переживал сейчас. Он не мог изгнать из сердца образ этой девушки. Минутами он чувствовал жалость к Анджеле. А иногда ненавидел ее за то, что она навязывает ему свое общество, за то, что она, как он говорил себе, ходит за ним по пятам. Боже милосердный! Если бы можно было как-нибудь отделаться от нее, не причинив ей зла! Если бы можно было высвободиться из этих тисков! Подумать только, что сейчас он мог быть с Фридой, они вместе гуляли бы где-нибудь, катались бы на лодке, он сжимал бы ее в своих объятиях! Никогда не забыть ему то утро, когда она впервые пришла к нему в его студию на сеновале, а как обворожительна она была в тот вечер, когда он впервые увидел ее в доме сестры. Что за отвратительная, в общем, штука жизнь! И вот, сидел ли Юджин в гамаке на ферме Блю, или качался на качелях, которые старый Джотем в свое время устроил для кавалеров Мариетты, или с книгой в руках грезил в тени дома, повсюду он ощущал тоску и одиночество, и у него была одна мечта – Фрида.

Тем временем здоровье его, как и следовало ожидать, нисколько не улучшалось. Вместо того чтобы воздерживаться от плотских излишеств в своих отношениях с Анджелой, он по-прежнему предавался им. Казалось, любовь к Фриде должна была бы положить этому конец, но присутствие Анджелы, их до некоторой степени вынужденная близость, ее настойчивые притязания снова и снова разбивали тот защитный барьер, каким служила его неприязнь. Будь он один, он вел бы целомудренный образ жизни до той минуты, пока его не захватило бы какое-нибудь новое чувство. Но сейчас ему некуда было бежать – ни от Анджелы, ни от самого себя, и их отношения, порою вызывавшие в нем чуть ли не физическую тошноту, оставались прежними.

Все родные его жены – а их было немало как на ферме Блю, так и в округе – были в восторге от приезда Юджина. Блестящий успех его первой выставки, о которой писали газеты, и то, что его популярность нисколько не пошатнулась после второй, – мосье Шарль сообщал, что вскоре в Париже состоится выставка его картин, – все это еще больше укрепило престиж Юджина в глазах всей семьи.

Сама Анджела чувствовала себя в этой обстановке королевой; что же до Юджина, то ему предоставлялась привилегия всех гениев: он мог делать все, что ему заблагорассудится. Юджин был в центре внимания, впрочем, внешне это ни в чем не проявлялось, так как его четыре зятя – почтенные граждане Запада – ничем не обнаруживали, что считают его необыкновенным человеком. Он не принадлежал к знакомому им типу людей – он не был ни банкиром, ни адвокатом, ни хлеботорговцем, ни агентом по продаже недвижимого имущества, но тем не менее они гордились им. Он был не такой, как все, но держал себя естественно, добродушно, скромно и склонен был выказывать гораздо больше интереса к их делам, чем испытывал в действительности. Часами он выслушивал подробнейшие отчеты об их деятельности, вникал в их политические, финансовые, хозяйственные и общественные интересы. Мир представлялся Юджину пестрой смесью характеров и нравов – его всегда интересовало, как живут другие люди. Он любил хороший анекдот и хотя сам редко рассказывал – был прекрасным слушателем. Глаза его блестели, и все лицо светилось от удовольствия, которое доставлял ему забавный рассказ.

Несмотря на все это, на внимание, каким он был окружен, на сердечный прием, который ему оказывали родные Анджелы, и на то, что интерес к искусству в нем отнюдь не угас (в парижской выставке нашел свое завершение лишь первый, юношеский период его творчества), – Юджин остро ощущал, что катится под гору. С ним происходило что-то неладное, это было несомненно. Дела его шли все хуже и хуже. Правда, он мог еще надеяться на продажу нескольких картин (в Нью-Йорке не нашлось ни одного покупателя на его парижские этюды), но уверенности в этом не было никакой. Поездка на родину обошлась им в двести долларов из капитала в тысячу семьсот, и предстояли еще расходы осенью, если состоится его поездка в Чикаго. На полторы тысячи долларов он и года не проживет, этого едва ли хватит больше чем на шесть месяцев, а между тем ни писать при теперешнем своем состоянии, ни давать иллюстрации для журналов он был не в силах. Необходимо было возможно скорее продать несколько картин, – в противном случае он мог очутиться в очень тяжелом положении.

Между тем Анджела, исполненная самых радужных надежд, внушенных ей их пребыванием в Нью-Йорке и Париже, снова начала находить радость в жизни, так как, по ее мнению, она в конце концов научилась справляться с Юджином. Возможно, что у него и наклевывался легкий флирт с Фридой (ничего серьезного быть не могло, иначе это от нее бы не укрылось), но ей удалось пресечь его в самом начале. Правда, Юджин был раздражителен, однако причиной этому были скорее всего сцены, которые она ему устраивала. Этим бурным вспышкам чувств, далеко не всегда преднамеренным, она придавала большое значение. Надо же заставить Юджина понять, что он женатый человек, что он не может заглядываться на девушек и волочиться за ними, как раньше. Анджела прекрасно сознавала, что Юджин несравненно моложе ее по темпераменту, что в нем еще много мальчишеского и это может оказаться для нее источником великих неприятностей, где бы они ни жили. Но если она будет следить за ним, если будет настойчиво требовать от него внимания, тогда все обойдется само собой. К тому же она отдавала должное его прекрасным качествам – красивой внешности, приветливым манерам, славе, таланту. Разве не приятно, бывая в обществе, называть себя «миссис Юджин Витла» и видеть, как оглядываются те, кому имя Юджина знакомо? Его друзья – это не простые обыватели, им восхищались большие люди, известные художники, да и обыкновенные, заурядные люди без всяких претензий, считали его милым, тактичным, способнейшим и достойнейшим человеком. В общем, он всюду пользовался симпатией. Чего же еще можно было желать?

Анджела и не догадывалась об истинных чувствах Юджина. Жалость, сознание, что он несправедлив к жене, крепко засевшее в голове болезненное представление, что в мире царит несправедливость, желание по возможности щадить Анджелу – в крайнем случае обманывать, но отнюдь не оскорблять – все это вынуждало Юджина постоянно притворяться, будто он любит ее, делать вид, что ему с ней очень хорошо, и приписывать все свои настроения только потере работоспособности. Анджела была плохая отгадчица мыслей, да и переживания Юджина были иногда слишком сложны, чтобы она могла их понять. Она жила в воображаемом раю и, в сущности, строила свой дом на дремлющем вулкане.

Юджин не поправлялся, и к осени в нем укрепилось убеждение, что самое лучшее для него – перебраться в Чикаго. Там, очевидно, вернется к нему утраченное здоровье. Блэквуд ему осточертел. Тенистая лужайка потеряла для него всякую прелесть. Маленькое озеро, речка, поля – все, что так восхищало его когда-то, теперь ему вконец прискучило. Правда, беседы со старым Джотемом, этим добрым и принципиальным, неизменно дружелюбным ко всем и всему человеком, по-прежнему доставляли ему удовольствие, а Мариетта развлекала его своим добродушным остроумием и неожиданной наблюдательностью. Но он не мог удовлетвориться разговорами с нормальными, трезвыми, уравновешенными людьми, пусть даже достойными и доброжелательными. Простая жизнь и будничные дела начинали вызывать в нем раздражение. Его тянуло в Лондон, в Париж, тянуло приняться за дела. Безделье становилось невыносимым. Не важно, что он не в состоянии работать. Он чувствовал, что должен попытаться. Эта оторванность от жизни действовала на него ужасающе.

Шесть месяцев прожил Юджин в Чикаго и за это время не написал ни одной картины, которая удовлетворила бы его, которую он не «замучил» бы бесконечными переделками. Затем последовали три месяца в горах штата Теннесси, куда они поехали, потому что кто-то рассказал ему про чудодейственный источник в живописной долине, где весна изумительно хороша, а жизнь необычайно дешева. Четыре летних месяца они провели в горах на юге Кентукки, где царила вечная прохлада, а после этого пять месяцев в Билокси, в штате Миссисипи, на берегу Мексиканского залива, так как кто-то посоветовал Анджеле поехать на этот зимний курорт. За это время деньги Юджина (полторы тысячи долларов, остававшиеся у него при отъезде из Блэквуда, плюс сумма, вырученная от продажи в течение осени и зимы трех картин с парижской выставки, – двести долларов за одну, сто пятьдесят за другую и двести пятьдесят за третью, да еще двести пятьдесят долларов за нью-йорский вид, проданный мосье Шарлем несколькими месяцами позже) почти разошлись. У него оставалось пятьсот долларов, но так как старые картины больше не находили покупателей, а нового он ничего не написал, их материальное положение в смысле перспектив на будущее было очень тяжелым. Он мог бы, конечно, вернуться в Александрию и там прожить еще с полгода, почти ничего не тратя, но

после истории с Фридой ни ему, ни Анджеле это не улыбалось. Анджела боялась Фриды и твердо решила не ехать в Александрию, пока там живет эта девушка. А Юджину было стыдно туда возвращаться, так как это открыло бы людям глаза на то, какой плачевный оборот приняли его дела. О Блэквуде не могло быть и речи. Они и без того достаточно долго жили на средства родителей Анджелы. Если он не поправится, ему придется окончательно отказаться от всякой мысли об искусстве, так как одними попытками создать что-то не проживешь.

Юджину стало казаться, что он жертва какого-то дьявольского наваждения, ведь есть же люди, которых преследуют злобные силы, люди, родившиеся под несчастливой звездой, обреченные на горе и неудачи. Откуда мог знать нью-йоркский астролог, что ему предстоят четыре незадачливых года! Вот уже три года из этих четырех прошли. Почему чикагский хиромант, как и нью-йоркский астролог, предсказал, что ему предстоят два тяжелых периода и что, по всей вероятности, к середине жизни у него произойдет решительный перелом? Неужели человеческая жизнь подчинена каким-то таинственным влияниям? И что знают об этом философы-естествоиспытатели, те натуралисты, произведения которых он читал? В их книгах так много говорится о неизменных законах, управляющих вселенной, о незыблемых законах химии и физики, – почему же с помощью физики и химии нельзя объяснить его странный недуг? Или же раскрыть истинный смысл предсказаний астролога, а также тех примет и знамений, которые, как он заметил, обычно предшествуют каждой его удаче и неудаче? В последнее время, например, он стал замечать, что если у него дергается левый глаз, значит, его ждет ссора с кем-нибудь – и уж обязательно с Анджелой. Если он находил цент или вообще какую-нибудь монету, то ему предстояло получить деньги; каждому извещению о продаже его картин предшествовала находка какой-нибудь монеты. Как-то в Чикаго в страшный дождь он нашел цент на Стэйт-стрит и сразу же получил от мосье Шарля письмо, что в Париже за двести долларов продана его картина. В другой раз на пыльной дороге в штате Теннесси он поднял трехцентовую монету старой чеканки, и мосье Шарль вскоре сообщил, что один из его нью-йоркских видов продан за полтораста долларов. Был еще случай, когда на песчаном пляже в Билокси ему попался цент – и снова он получил уведомление о продаже картины. Странно, но факт. Юджин заметил также, что если в доме начинает скрипеть дверь, кто-нибудь обязательно заболеет, а если под окном завоет черная собака – кто-то умрет. Мать говорила ему об этой примете, и он сам проверил ее правильность на одном человеке в Билокси. Человек этот внезапно заболел, и вот откуда ни возьмись на улице появилась собака, черная собака, которая остановилась под его окном. И вскоре он умер. Юджин не поверил бы, если бы это не произошло у него на глазах – он сам видел и собаку, и объявление о смерти. Собака завыла в четыре часа пополудни, а к утру человека не стало. Юджин собственными глазами видел, как дверь обивали черным крепом. Анджела смеялась над его суеверием, но Юджин стоял на своем. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Глава XVI

Близился момент, когда их средства должны были иссякнуть, и Юджину пришлось задуматься над тем, как жить дальше. От постоянной тревоги и чувства мрачной безнадежности он сильно исхудал, и взгляд у него стал бегающий, боязливый. Часами ходил он по комнате, размышляя о тайнах природы и ломая голову над тем, как выйти из положения; что станется с ним, скоро ли будет продана еще какая-нибудь картина, когда именно и будет ли вообще продана? Анджела, вначале полагавшая, что его болезнь – только временное недомогание, теперь стала понимать, что она принимает затяжной характер. Он не был болен физически – он ходил, ел и разговаривал совсем как нормальный человек, но он не мог работать и без конца изводил себя всякими тревогами.

Анджела, как и Юджин, прекрасно видела, что их денежные дела из рук вон плохи, хотя он никогда не говорил с ней об этом. Ему было совестно признаться – после такого блестящего начала в Нью-Йорке, – что он боится краха. Как это глупо – при его-то даровании! Конечно, эта полоса пройдет, и пройдет скоро!

Огромную услугу в этот период оказали Анджеле привитая ей в семье бережливость и врожденная расчетливость, – она делала покупки с величайшим разбором, выгадывая каждый цент. Она умела сама шить на себя, в чем Юджин убедился, когда впервые навестил ее в Блэквуде, и сама мастерила себе шляпки. В Нью-Йорке, когда Юджин стал хорошо зарабатывать, она мечтала о том, что будет заказывать наряды у лучших портних, но так и не собралась этим заняться. Как женщина благоразумная, она решила еще немного подождать, а когда здоровье Юджина пошатнулось, ей пришлось и вовсе распроститься с этой мечтой. Опасаясь, что буря, разразившаяся над ними, может затянуться, она принялась чинить, чистить, утюжить и переделывать все, что только возможно. Даже когда Юджин предлагал купить ей какую-нибудь обновку, она отказывалась. Ее удерживали опасения за будущее, страх перед трудностями, которые могли стать на его пути.

Юджин это видел, хотя и не говорил ничего. От него не укрылось, что она живет в вечном страхе, проявляет огромное терпение, приносит ему в жертву все свои желания и прихоти, и он не мог не оценить этого. Слишком уж очевидно было, что она думает только о нем, только об его интересах. Она была его тенью, его alter ego[14], его служанкой, всем, чем бы он ни пожелал ее видеть. Он шутя называл ее «песик», потому что на Западе, в детстве, они называли так всякого, кто был на побегушках у других. Когда играли в мяч и кому-нибудь из играющих было лень бежать за мячом, говорил: «А ну, Вилли, сбегай за меня, песик». Анджела и была таким «песиком» для Юджина.

За эти два года их странствований по разным штатам Юджин не давал Анджеле никаких поводов к ревности, потому что она всегда находилась с ним, была почти единственной его собеседницей, а также и потому, что они не засиживались подолгу на одном месте и не жили достаточно широко, чтобы он мог завязать где-нибудь интимную дружбу, грозившую катастрофой. Ему

встречались девушки, которые привлекали его внимание, – как всегда привлекало все незаурядное, все юное и физически совершенное, – но не было случая познакомиться с ними. Они не посещали дома, куда он был вхож раньше, не вращались в тех кругах, где им прежде случалось бывать. Юджин мог только издали смотреть на этих юных красавиц. Трудно было ему мириться с цепями, которые налагал на него брак, и делать вид, будто у него чисто бескорыстный интерес к красоте, но он именно так должен был вести себя в присутствии Анджелы (как, впрочем, и в присутствии всех подобных ей рабов ходячей морали), так как малейшее внимание к какой-нибудь женщине встречало с ее стороны решительный отпор. Он должен был высказывать свое мнение в безличной форме и сдержанных выражениях. Стоило ему проявить хотя бы тень личного интереса или восхищения, как Анджела принималась критиковать его вкус и доказывать, насколько необоснованны его восторги. Если же он проявлял к какой-нибудь женщине особый интерес, она всячески старалась разнести его очередной идеал в пух и прах. Тут она не знала пощады, и ему было ясно, на чем зиждется ее критика. Он улыбался про себя, но ничего не говорил. Его даже восхищали героические усилия, которые она прилагала, чтобы настоять на своем, хотя каждая ее призрачная победа укрепляла железную решетку его клетки.

Именно в этот период Юджин волей-неволей вынужден был оценить то терпение, ту беззаветную преданность, которую Анджела проявляла во всем, что касалось его материального благополучия. В ее глазах он, несомненно, был самым великим человеком на свете – несравненным художником, несравненным мыслителем, несравненным любовником, личностью, выдающейся во всех отношениях. То, что он ничего не зарабатывал, не играло для нее в то время большой роли. Будет же он опять зарабатывать! Ведь у нее оставался ореол его славы! Быть «миссис Юджин Витла» после всего, что их окружало в Нью-Йорке и в Париже, – могла ли она желать большего? Не важно, что теперь ей приходится беречь каждый цент и самой мастерить себе платья и шляпки, экономить, чинить, утюжить и переделывать! Через несколько лет, когда Юджин станет постарше, он излечится от своей нелепой влюбчивости, и тогда все пойдет хорошо. Да и сейчас он как будто любит ее, а это чего-нибудь да стоит. А Юджин, чувствуя себя одиноким, терзаясь страхами, не уверенный в себе, не уверенный в будущем, с благодарностью принимал ее нескончаемые заботы, чем и вводил ее в заблуждение. От кого еще мог он этого ожидать? – размышлял он. Кто был бы ему столь предан в такое время? Он готов был поверить, что способен снова полюбить Анджелу и не изменять ей, если б только удалось избежать интересных встреч. Если бы удалось подавить в себе это неукротимое влечение к другим женщинам, восторг перед их красотой, желание слышать похвалу из их уст.

Эти мысли объяснялись прежде всего тем, что он был болен и одинок. Вернись к нему здоровье, улыбнись ему снова успех, о котором он так жадно мечтал, все пошло бы, как раньше. Он был капризен, как сама природа, изменчив, как хамелеон. Только две реальные ценности существовали для него, и им он оставался неизменно верен, как стрелка компаса, которая всегда показывает на север: красота окружающего мира, которой он восхищался и которую жаждал передать на полотне, и женская красота – вернее, красота девушки в восемнадцать лет. О, это пробуждение женского начала в восемнадцатилетней девушке! Ничто под солнцем, казалось ему, не может сравниться с ним. Оно напоминает первые весенние почки, цветы, раскрывающие свои венчики навстречу новому дню, аромат роз и росы, игру солнца на поверхности вод или игру бриллиантов. Этому он не способен был изменить. От этого он не мог отказаться. Это преследовало его подобно чудесному видению. И то, что очарование Стеллы, Руби, Анджелы, Кристины и Фриды, в котором на какой-то миг, частично или полностью, проглядывала эта красота, что очарование это было мимолетнее тени, не играло для него большой роли. Красота оставалась его светлой властительницей. Презреть ее, забыть – он не мог. Она неотступно стояла перед ним каждый час, каждую минуту. И хотя он называл себя глупцом, хотя говорил себе, что красота, как блуждающий огонек, приведет его к гибели, что он останется ни с чем, как последний нищий, – все же он не мог с собой совладать. Красота юности, красота восемнадцати лет! Без этого жизнь казалась скверной шуткой, участью ломовой лошади, отвратительной свалкой, где все вертится только вокруг пошлых материальных интересов (мебель, дома, вагоны, лавки) и все вовлечено в борьбу – ради чего же? Ради удовлетворения нужд каких-то жалких людишек? Да нет же! Чтобы воздвигнуть храм красоте? Да, разумеется, – но какой красоте? Красоте старости? Как глупо! Красоте средних лет? Бессмыслица! Красоте зрелости? Нет! Красоте юности? Да! Красоте восемнадцати лет. Именно так. Это была для него неопровержимая истина, доказанная всей мировой историей. Что же, как не красота и ее манящая сила, как не возникавшие из-за нее войны и совершающиеся ради нее преступления служило вечной темой для искусства, литературы, истории и поэзии? Он, Юджин, поклонялся красоте. Все прошлое мира подтверждало его правоту. Кто мог это отрицать?

Глава XVII

Из Билокси, где с наступлением лета жара сделалась невыносимой, Юджин решил ехать в Нью-Йорк. Деньги были на исходе, и необходимость толкала его на решительный шаг, хотя бы даже это привело к полной катастрофе. У Кельнера находился на хранении ряд картин еще от первой выставки и почти все холсты с выставки парижских работ (мосье Шарль любезно вызвался позаботиться о них). Парижские этюды расходились плохо. Идея Юджина заключалась в том, чтобы втихомолку от друзей и знакомых приехать в Нью-Йорк, снять комнату в каком-нибудь глухом переулке, либо в Джерси-Сити, либо в Бруклине, где он не рискует ни с кем встретиться, и забрать картины у мосье Шарля, – авось, ему удастся заинтересовать ими кого-нибудь из более мелких барышников и комиссионеров, про которых он не раз слышал, и те придут посмотреть его работы и уплатят ему за них наличными. А если из этого ничего не выйдет, можно попробовать снести их по одной в магазины и там продать. Он вспомнил, что в свое время Эбергарт Занг через Норму Уитмор приглашал его зайти. Юджин предполагал, что раз фирма «Кельнер и сын» проявила к нему такой интерес и газетные критики столь благосклонно отзывались о его работах, то мелкие торговцы рады будут иметь с ним дело. Разумеется, они купят у него все его работы. Как же иначе – ведь его картины превосходны, совершенно превосходны!

Юджин забыл, а может быть, ничего и не знал о метафизической стороне успеха и неудачи. Он не отдавал себе отчета в том, что «каким человек мыслит себя, таков он и есть», и таким мыслит его весь мир, ибо важно не то, каков он на самом деле, а каким он себе представляется. Почему это так, мы не знаем, но что это чувство передается другим – неоспоримый факт.

Душевное состояние Юджина, растерянного, беспомощного, запутавшегося во всяких сомнениях и страхах, – ладья, потерявшая руль и блуждающая во мраке, – словно по беспроволочному телеграфу передавалось всем, кто знал его или слыхал о нем. Когда выяснилось, что Юджин заболел и перестал работать, мосье Шарль был сперва удивлен и расстроен, а затем его интерес к молодому художнику стал заметно падать. Подобно всем способным и преуспевающим дельцам, мосье Шарль любил иметь дело с людьми сильными, в расцвете славы, в зените успеха. Малейшее отклонение от этой нормы сейчас же отмечалось им. Когда человеку грозил крах, – когда он заболевал и находился в состоянии апатии или же когда его воззрения подвергались ломке, – весьма прискорбно, конечно, но при таких обстоятельствах оставалось одно – уйти от него подальше. С людьми, потерпевшими крушение, опасно иметь дело. Это прежде всего бьет по карману. Темпл Бойл и Винсент Бирс, бывшие учителя Юджина, слыхавшие у себя в Чикаго о его славе, Люк Севирас, Уильям Мак-Кеннел, Орен Бенедикт, Хадсон Дьюла и многие другие не могли понять, что сталось с ним. Почему он больше не работает? Его давно не видели ни в одном из уголков Нью-Йорка, где встречаются любители искусства. Во время выставки его парижских работ носились слухи, что Юджин собирается в Лондон, где будет работать над такой же серией картин, но выставка его лондонских этюдов так и не состоялась. Весной, уезжая из Нью-Йорка, он говорил Смайту и Мак-Хью, что теперь, вероятно, займется Чикаго, но из этого тоже ничего не вышло. Иначе кто-нибудь видел бы его новые работы. Слухи были разноречивые: говорили, что Юджин очень разбогател, что дарование окончательно ему изменило и даже что рассудок его угас, – а потому в той части художественного мира, где его знали и где им интересовались, вскоре перестали и вспоминать о нем. «Очень жаль, – размышляли его соперники по ремеслу, – но одним серьезным конкурентом стало меньше». Что же касается друзей Юджина, то они жалели его, но утешались тем, что такова жизнь. Возможно, он еще поправится. А если нет – что ж…

По мере того как проходило время – год, другой, третий, – память о его внезапном и блестящем успехе и последующем исчезновении превратилась в своего рода излюбленную легенду, поучительную притчу для молодых талантов. Как много обещал этот человек! Почему же дарование его иссякло? Иногда его имя упоминалось в разговоре или в печати, но сам он, можно сказать, умер для всех.

К тому времени, когда Юджин решил поехать в Нью-Йорк, все его состояние заключалось в трехстах долларах, и из этой суммы он сто двадцать пять дал Анджеле, чтобы она могла вернуться в Блэквуд и жить там, пока он не устроит свои дела. После долгих споров они порешили, что это будет наилучший выход из положения. Трудно было сказать, чем Юджин займется, так как ни к живописи, ни к иллюстрированию журналов он вернуться не мог. Было бы неблагоразумно ехать обоим в Нью-Йорк с такими деньгами. У нее есть родной дом, где ее с радостью примут, – во всяком случае, на время. А он пока что один потягается с превратностями судьбы.

Юджин не был в Нью-Йорке два с лишним года, два с лишним года он провел в скитаниях, и вид города произвел на него огромное впечатление. После гор Кентукки и Теннесси, после пустынного побережья Билокси он радовался возвращению в Нью-Йорк, в этот муравейник, где кишат миллионы людей, – в город, где неудачи и успех одного человека растворяются в необозримой толще жизни. Здесь строилась подземная железная дорога. Автомобиль, который всего лишь несколько лет назад робко начинал свою карьеру, теперь получил большое распространение. Повсюду встречались лимузины новых конструкций. Еще стоя на пристани в Джерси-Сити, Юджин мог заметить значительные перемены в открывшейся перед ним перспективе города, и достаточно было ему один раз пройтись по Двадцать третьей улице и по Седьмой авеню, как он увидел мир, менявшийся буквально на глазах, – грандиозные отели, многоэтажные жилые дома, оглушительный шум кичливой жизни, лепившей город по своему вкусу. На Юджина это подействовало угнетающе, – ведь когда-то он надеялся и сам стать частицей этого великолепия и блеска, и вот это ему не удалось и вряд ли удастся в будущем.

Было сыро и холодно, весна еще только начиналась, и Юджин вынужден был купить себе легкое пальто. Своего единственного демисезонного он не захватил, а ничего другого у него не было. В конце концов этого требует приличие, рассуждал он. Из бережно хранимых ста семидесяти пяти долларов он истратил сорок на возвращение в Нью-Йорк, пятнадцать отдал за пальто, и теперь у него оставалось сто двадцать пять долларов, с которыми ему и предстояло сызнова начинать жизнь. Его сильно тревожила мысль о будущем, но какое-то подсознательное чувство говорило ему, что еще не все потеряно, что все еще образуется.

Он снял дешевую комнату в довольно неприглядном районе западной части города на Двадцать четвертой улице, близ Одиннадцатой авеню, с единственной целью – держаться подальше от тех мест, где особенно кипит интеллектуальная жизнь, и по возможности избегать знакомых, пока не удастся стать на ноги. Это был старый, неприглядный кирпичный дом, стоявший среди таких же старых, неприглядных строений, вроде того, какой он изобразил однажды на картине. Впрочем, новое его жилище оказалось не таким уж плохим. Обитатели дома были люди бедные, но довольно интеллигентные. Юджин избрал именно это густозаселенное беднотой место, потому что здесь неподалеку протекала Нортривер, с ее оживленным пароходным движением, а так как перед его окном (единственным и выходящим на запад) тянулся ряд пустырей, служивших стоянкой для подвод, вся жизнь вокруг была перед ним как на ладони. За углом, на Двадцать третьей улице, в другом таком же ветхом доме, помещался сравнительно недорогой ресторан и пансион, где можно было поесть за двадцать пять центов. Жизнь окружающих людей совершенно не интересовала Юджина. Здесь все было жалко, убого и грязно, но он надеялся когда-нибудь выбраться

отсюда. Никто из здешних жителей не знал его. А вместе с тем его новый адрес – «Западная сторона, Двадцать четвертая улица, дом 552» – звучал совсем неплохо. Это могло сойти за один из тех старых кварталов, которыми пестрит Нью-Йорк и в которых любят селиться художники.

Сняв комнату у хозяйки-ирландки, жены портового весовщика, Юджин решил повидаться с мосье Шарлем. Он знал, что, несмотря на бедность и упадок сил, вид у него еще вполне приличный. На нем был хороший костюм, новое пальто, держался он бодро и решительно. Но, думая так, Юджин и не подозревал, что лицо у него изможденное и больное, а лихорадочный блеск глаз говорит о гложущей его душевной тревоге. Не доходя полквартала до конторы «Кельнер и сын» на Пятой авеню, Юджин остановился и задумался – стоит ли заходить и что сказать? Время от времени он писал мосье Шарлю, что здоровье его в скверном состоянии и что он не может работать, но неизменно добавлял при этом, что надеется скоро поправиться. И каждый раз он тревожно ждал ответа, который сообщил бы ему о продаже еще одной из его картин. Прошел год, затем два, теперь шел уже третий, а Юджин все еще был болен. Мосье Шарль испытующе посмотрит на него. Надо будет мужественно выдержать этот взгляд. Трудное это дело при теперешнем состоянии его нервов, но даже и сейчас в душе Юджина не угас еще какой-то задор. Он не сложил оружия и был уверен, что вернет себе милость судьбы.

Наконец он собрал все свое мужество и вошел. Мосье Шарль радушно приветствовал его.

– Как я рад! Я уже совсем потерял надежду увидеть вас в Нью-Йорке. Ну, как здоровье? Как поживает миссис Витла? Даже не верится, что прошло уже три года… Вы прекрасно выглядите. А ваша работа? Чувствуете себя в состоянии работать?

В первый момент Юджину показалось, что мосье Шарль в самом деле находит, что у него прекрасный вид, тогда как этот наблюдательный и неглупый человек спрашивал себя, что могло быть причиной такой невероятной перемены. Юджин, казалось, постарел лет на восемь. Между бровями у него пролегли резкие складки, и во всем облике чувствовались усталость и апатия. И мосье Шарль думал про себя: «Этот человек, пожалуй, окончательно погиб для искусства. Он что-то утратил – как раз то, что я заметил в нем при первой встрече, – огонь и восторженность, которые он излучал, как дуговая лампа свет. Теперь у него такой вид, точно он ищет опоры, чтобы хоть как-то удержаться и не пойти ко дну. Он без слов взывает о снисхождении. Какая жалость!»

Как это ни печально, но мосье Шарль считал, что в таких случаях ровно ничего нельзя сделать. Художнику, который сам себе не может помочь, помочь нельзя. Талант его угас. Самое разумное в таких случаях – прекратить всякие попытки, взяться за какой-нибудь другой труд и забыть об искусстве. Возможно, что он и поправится, но уверенности в этом нет никакой. Нервные расстройства принимают нередко хроническую форму.

Юджин подметил кое-что из этого в поведении мосье Шарля. Он не мог бы сказать, что именно, но мосье Шарль казался более озабоченным, более осторожным и более чужим, чем раньше. Он был не то чтобы холоден, но сдержан, словно боялся, что его попросят о чем-то таком, чего он, при всем желании, сделать не может.

– Насколько я вижу, парижские этюды не имели успеха ни здесь, ни там, – заметил Юджин небрежным тоном, словно речь шла о пустяках, но он так надеялся услышать в ответ что-нибудь утешительное. – Я думал, они будут лучше приняты. Но нельзя, конечно, рассчитывать, что удастся все продать. Зато нью-йоркские виды очень неплохо разошлись.

– Да, очень неплохо, гораздо лучше, чем я ожидал. По правде сказать, я не надеялся, что нам удастся продать столько картин. В них было слишком много нового, и они выходили за рамки интересов широкой публики. Но вот парижские этюды оказались чужды американцам в совершенно другом смысле; я хочу сказать, что их нельзя причислить к тем произведениям жанровой живописи, которые приходят к нам из-за границы и все значение которых основано на мотивах общечеловеческого, а не местного характера, – я имею в виду их тематику, конечно. В глазах людей, способных разбираться в красках, композиции и замысле, ваши парижские этюды можно назвать шедеврами в истинном смысле этого слова, но рядовому любителю они, по-видимому, представлялись попросту сценками из парижской жизни. Вы понимаете, что я хочу сказать? Вот в этом-то смысле они и чужды американцам, тем более что Париж не новая тема для художников. Возможно, виды Лондона или Чикаго пришлись бы больше ко двору. Тем не менее вы можете с полным правом поздравить себя. Ваше творчество произвело впечатление и здесь и во Франции. Когда вы опять вернетесь к работе, вы убедитесь – я нисколько не сомневаюсь, – что длительный перерыв вам нимало не повредил.

Он старался быть вежливым и внимательным, но был рад, когда Юджин ушел.

Юджин вышел на улицу в самом безотрадном настроении. Теперь ему было ясно, как обстоит дело. Сейчас он вычеркнут из жизни, и остается только ждать.

Глава XVIII

Юджин решил обратиться к владельцам художественных магазинов и попытаться продать им оставшиеся у него картины. А картин было довольно много. Если выручить за них приличную сумму, можно будет прожить на эти деньги изрядный срок – пока он снова не станет на ноги. Когда картины прибыли в его одинокую комнату и он с какой-то нерешительностью и грустью стал распаковывать и расставлять их, они показались ему превосходными. Неужели они не найдут себе покупателей, после того как критики приняли их так восторженно да и мосье Шарль высказал о них такое высокое мнение? Разумеется, их купят, их с руками оторвут. Но когда он стал приглядываться к витринам художественных магазинов, его постигло разочарование: здесь вовсе не так уж гонялись за картинами. Пусть его полотна и хороши, нельзя, однако, забывать, что художников много, и притом превосходных художников. Ему неудобно было обращаться в крупные магазины, так как его имя было связано с фирмой «Кельнер и сын». В более мелких у него, пожалуй, и возьмут что-нибудь, но не все, – может быть, один, в лучшем случае два этюда, да и то за гроши. Как зло посмеялась над ним судьба! Он, Юджин Витла, уже три года назад видевший себя на пороге благополучия, сидит сейчас в своей комнате, в каком-то темном переулке, и ломает голову над тем, откуда взять денег, чтобы перебиться лето, как сбыть картины, которые всего два года назад казались ему основой будущего благосостояния! Он решил обратиться к какому-нибудь комиссионеру средней руки, предложить ему зайти посмотреть его произведения, а в случае крайней нужды продать мелким барышникам часть картин за наличные. Так или иначе, он должен поскорее раздобыть денег. Нельзя же до бесконечности оставлять Анджелу в Блэквуде.

Он зашел к Джейкобу Бергману, Анри Ларю и братьям Потль и спросил, не хотят ли они посмотреть его картины. Бергман, который сам управлял своим магазином, вспомнил Юджина – он был на обеих его выставках, – но не проявил особого энтузиазма; все же он полюбопытствовал, сколько холстов было продано и за какую цену, и Юджин ответил ему.

– Что ж, принесите две-три картины и оставьте на комиссию. Ведь вы знаете, как эти дела делаются, – может, кому-нибудь и понравится. Трудно сказать заранее.

Он добавил, что за комиссию берет двадцать пять процентов и в случае продажи даст Юджину знать. Прийти и посмотреть картины он отказался. Пусть Юджин выберет по своему вкусу. То же самое повторилось и у Анри Ларю и у братьев Потль, причем оказалось, что последние даже не слыхали про него. Они предложили ему показать что-нибудь из его работ. Юджин был не слишком оскорблен таким невежеством, – судя по тому, как шли дела, он понимал, что в дальнейшем можно еще и не того ожидать.

Другим художественным магазинам он не решался доверить продажу своих картин, а таскать их по редакциям журналов (где можно было в случае удачи рассчитывать на сто двадцать пять и даже сто пятьдесят долларов за каждую) считал неудобным. Ему не хотелось, чтобы в журнально-художественном мире стало известно, в каком он положении. Хадсон Дьюла был его лучшим другом, но кто знает, заведует ли он еще художественным отделом журнала «Труф». (Между прочим, Дьюла действительно там больше не работал.) Оставался Ян Янсен и еще кое-кто, но они, несомненно, продолжают считать его преуспевающим художником. Таким образом, гордость создавала для Юджина дополнительные затруднения. Как же он будет существовать, если обращаться в журналы не хочет, а что-нибудь новое создать не в состоянии? Юджин решил походить по небольшим магазинам с одной какой-нибудь картиной, предлагая ее за наличные. Там, вероятно, никто не знает его, а картина может понравиться. Это позволит ему без большого ущерба для своего самолюбия согласиться на любую цену, какую ему предложат, если только она не будет совсем уж мизерной.

В одно ясное майское утро он сделал такую попытку, и, хотя она принесла известные результаты, прекрасный день был для Юджина совершенно испорчен. Захватив с собою один из нью-йоркских этюдов, он понес его в третьестепенный магазинчик, который как-то заметил на Шестой авеню. Не вдаваясь в объяснения, он спросил, не купят ли у него эту вещь. Владелец, маленький, смуглый человечек семитского происхождения, с любопытством посмотрел на художника, а затем на картину. Ему с первого же взгляда стало ясно, что человек этот в затруднительном положении и что ему до зарезу надо продать свой этюд. Он подумал, что может купить эту вещь за бесценок, но сомневался, стоит ли покупать. Сюжет картины был не слишком популярный – знаменитый ресторан на Шестой авеню, за аркой надземной железной дороги, сквозь густую сетку дождя прорываются яркие полосы света. Много лет спустя один коллекционер из Канзас-Сити откопал эту картину на аукционе старой мебели и поместил ее среди своих шедевров. В это утро, однако, ее достоинства были не так очевидны.

– У вас в окне, я вижу, иногда выставляются картины. Вы покупаете подлинники?

– Случается, – равнодушно отозвался владелец. – Только не часто. Что у вас там?

– У меня картина маслом, которую я не так давно написал. Я иногда занимаюсь этим. Может быть, посмотрите?

Владелец магазина стоял возле Юджина с безразличным видом, пока тот развязывал тесемку, распаковывал полотно и ставил его перед ним. Картина произвела на него впечатление, но он подумал, что она едва ли придется по вкусу среднему покупателю.

– Вряд ли я мог бы продать здесь это, – заметил он, пожимая плечами. – Вещь хорошая, но у нас очень небольшой спрос на картины. Будь это обыкновенный пейзаж, или марина, или женская головка… Вот женские головки лучше всего идут. А ваша – очень сомневаюсь, удастся ли мне сбыть ее. Оставьте на комиссию, если хотите. Может быть, кому-нибудь понравится. А покупать мне ее, пожалуй, не к чему.

– А мне не к чему оставлять ее на комиссию, – с раздражением ответил Юджин.

Оставить свою картину в какой-то лавочке, где-то в переулке, да еще на комиссию! Нет, на это он не согласен. Ему хотелось ответить резкостью, но он подавил в себе вспышку гнева и спросил:

– А сколько бы вы дали за нее, если бы она вам подошла?

– Гм, – владелец магазина задумчиво поджал губы, – долларов десять – не больше. Тут у нас нельзя запрашивать больших цен. Настоящий покупатель идет на Пятую авеню.

Юджина передернуло. Десять долларов! Боже, какая унизительная сумма! Стоило приходить сюда! Уж лучше иметь дело с журналами и с большими магазинами. Но где они? К кому вообще обратиться? Где они, эти магазины, которые были бы лучше вот этой лавчонки, если не считать крупных фирм, куда он уже наведывался? Так не разумнее ли придержать полотна, а пока что взяться за какую-нибудь работу? Ведь у него всего тридцать пять холстов, и если отдавать их по такой цене, он за все выручит каких-нибудь триста пятьдесят долларов. Какой от них прок! Его настроение и эта последняя попытка говорили ему, что больше выручить не удастся. Ему будут предлагать долларов пятнадцать, а возможно, и того меньше, и в результате положение его нисколько не улучшится. И картины уйдут, и денег не будет. Надо найти работу и сохранить картины. Но чем заняться?

Человеку в положении Юджина (ему исполнился тридцать один год, и он не имел никакого образования, кроме того, что сумел получить в процессе развития своего вкуса и таланта) было очень трудно приискать себе какую-нибудь работу. Главным препятствием было, конечно, нервное расстройство, которое сказывалось и на его внешности. Он производил впечатление растерянного, удрученного человека и уже тем самым был мало приемлем для всякого, кто хотел бы видеть своим служащим здорового, энергичного мужчину. Вдобавок весь его вид и манеры безошибочно выдавали в нем художника – изысканного, замкнутого и чувствительного. Временами он держался с надменной холодностью, особенно когда находился среди людей, казавшихся ему вульгарными, или таких, которые старались показать свое превосходство над ним. А главное, он не мог придумать ничего такого, чем ему хотелось бы заняться. Мысль вернуться к искусству не давала Юджину покоя; только оно и могло выручить его в этот критический период его жизни. Ему не раз приходило в голову, что было бы недурно устроиться заведующим художественным отделом в каком-нибудь журнале, – из него, пожалуй, вышел бы дельный редактор. Было время, когда ему казалось, что он мог бы заняться литературой, но с этим давно покончено. После фельетонов в Чикаго он ничего не писал, а в теперешнем состоянии ему нечего и думать об этом занятии – оно не для него. Какого труда стоило ему даже составить связное и разумное письмо Анджеле. Оглядываясь на свою жизнь в Чикаго, он вспомнил, что был когда-то инкассатором и возчиком в прачечной, и подумал, что мог бы, пожалуй, найти что-нибудь в этом роде. Почему не попытаться получить место вагоновожатого или конторщика в мануфактурном магазине? Регулярный рабочий день и постоянные обязанности могут оказать на него самое благотворное действие. Но как найти такую работу?

Если бы Юджин не был в столь угнетенном состоянии, это было бы вовсе не трудно, так как физически он был достаточно крепок и мог справиться с любой несложной работой. Ему достаточно было просто и откровенно поговорить с мосье Шарлем или Айзеком Вертхеймом и, воспользовавшись их влиянием, приискать себе занятие, которое дало бы ему возможность перебиться. Но он был слишком щепетилен, а болезнь делала его к тому же застенчивым и робким. Мысль, что придется отказаться от искусства и работать в другой области, вызывала у него одно только желание – укрыться возможно дальше от людских глаз. Как может он со своей внешностью, со своей репутацией, со своими изысканными вкусами якшаться с вагоновожатыми, продавцами, железнодорожными рабочими и возчиками? Нет, это невозможно, это выше его сил. Да и работа такого рода для него – дело далекого прошлого, так по крайней мере ему казалось. Он покончил с нею раз навсегда еще в дни своей учебы в Институте искусств. Снова искать такую работу – да разве он способен на это? Целыми днями бродил он по улицам, а по возвращении домой бросался к мольберту, чтобы посмотреть, не вернулся ли к нему его дар, или писал длинные, бессвязные, взволнованные письма Анджеле. Это было поистине жалкое состояние. Иногда в припадке отчаяния Юджин хватал какую-нибудь картину и, исходив с ней немало миль, отдавал за десять-пятнадцать долларов. Единственное, что его спасало, – это ходьба, он чувствовал себя тогда лучше. Красота природы, кипучая человеческая деятельность занимали его и отвлекали от тяжких мыслей. Бывали вечера, когда он приходил домой с ощущением, что в нем произошла чудодейственная перемена, что дело идет на поправку; но это продолжалось недолго, а потом прежнее настроение овладевало им… Так провел он три месяца, беспомощно плывя по течению, пока не понял наконец, что время не ждет, осень и зима не за горами, а у него скоро не останется ни одного цента.

В полном отчаянии Юджин сперва пытался найти место художественного редактора, но, побывав в трех журналах, очень скоро убедился, что такого рода места не раздаются направо и налево, да еще неопытным людям. Для этого надо было иметь определенный стаж, как и во всякой другой области, и предпочтение отдавалось тому, кто уже занимался такой работой где-

нибудь в другом месте. Ни имя Юджина, ни его внешность, по-видимому, не производили никакого впечатления на джентльменов, к которым он обращался. Они слыхали о нем как об иллюстраторе и художнике, но его вид говорил о том, что место нужно ему лишь как временное прибежище для поправления расстроенного здоровья, а не для энергичной вдохновенной работы, и потому они не желали иметь с ним дела. Он решил попытать счастья в трех крупнейших книгоиздательствах, но там не оказалось вакансий. Надо сказать, что Юджин имел весьма слабое представление о сложности и ответственности редакторской работы, но сам он этого не понимал. Теперь оставались только мануфактурные магазины, городской трамвай и конторы по найму рабочих при крупных железных дорогах и фабриках. Он с сомнением смотрел на сахарные заводы, на табачные фабрики, на транспортные конторы, на товарные склады и гадал, удастся ли ему найти службу, хотя бы за десять долларов в неделю. В случае удачи (и если к тому же найдется покупатель на одну из его картин, выставленных у Джейкоба Бергмана, Анри Ларю и у братьев Потль) он как-нибудь обернется. Он может даже прожить на эти деньги вместе с Анджелой, если будет время от времени продавать этюд за десять-пятнадцать долларов. Сейчас комната и стол обходились ему в семь долларов в неделю, и ему стоило большого труда сохранить неприкосновенными те сто долларов, которые остались у него после первых затрат на обзаведение. Его пугала мысль, что, распродав все картины за бесценок, он впоследствии пожалеет об этом.

Найти работу нелегко даже при самых благоприятных условиях, когда человек здоров, молод и честолюбив, а о том, как трудно найти ее при условиях неблагоприятных, не приходится и говорить. Представьте себе – если вы обладаете воображением – толпы людей в сорок, пятьдесят, сто человек, дожидающиеся у каждого бюро по найму, у каждого трамвайного парка (в те особые дни, когда принимаются и рассматриваются заявления), у каждого крупного магазина, фабрики, мастерской или конторы, где, согласно объявлению в газете, требуется тот или иной работник или работница. Сплошь и рядом, когда Юджин пробовал обращаться в такие места, оказывалось, что его уже опередила целая толпа людей, которые с любопытством разглядывали его и, очевидно, недоумевали, – неужели этот франт пришел искать работы? Они казались ему совсем не такими, как он сам. Здесь были люди почти без образования, хорошо знакомые с тяготами жизни, которые очерствили их сердца; молодые люди, вялые, жалкие, рано изжившие себя; люди, подобные ему самому, один вид которых говорил о том, что они знавали лучшие дни, и люди, на чьих лицах было написано, что они уже побывали во всяких переделках. Но больше всего смущало Юджина то, что среди чаявших работы он неизменно встречал жизнерадостных, энергичных юношей, лет девятнадцати, двадцати, таких, каким был он сам, когда впервые приехал в Чикаго. Они были всюду, куда бы он ни направился. Их присутствие каждый раз мешало ему открыть цель своего прихода. Он не мог заставить себя это сделать. Последнее мужество покидало его. Он понимал, что у него неподходящий вид для человека, ищущего работы. Стыд и смущение овладевали им.

Он узнал, что эти люди встают в четыре часа утра, чтобы купить газету, и мчатся по адресу, указанному в объявлении, стремясь занять очередь поближе и обогнать других. Он узнал, например, что официанты, повара, служащие гостиниц часто дежурят всю ночь напролет и в два часа ночи, – будь то зимой или летом, в дождь или в снег, в зной или в стужу, – купив газету, спешат по адресам, указанным в объявлениях. Он узнал, что люди, ждущие в очереди, могут становиться насмешливыми, грубыми, воинственными, по мере того как прибытие все большего числа претендентов уменьшает их шансы на получение места. И такая погоня за работой идет непрерывно – и зимою, и летом, и в зной, и в стужу, и в дождь, и в снег. С видом безучастного зрителя Юджин, отойдя в сторонку, следил за толпой и слушал, как люди, измученные ожиданием или утратившие всякую надежду, отпускали непристойные шутки, кляли свою жизнь и судьбу и на чем свет ругали каких-то влиятельных лиц – всех вместе и порознь. Для него в его теперешнем состоянии это было жуткое зрелище, напоминавшее работу двух жерновов: эти люди представлялись ему мякиной, и сам он был на положении такой вот мякины или ему грозило стать ею. Жизнь перестала с ним церемониться. Он будет падать все ниже и ниже и, может быть, никогда уже не поднимется на поверхность.

Мало кто из нас толком разбирается в том процессе расслоения, который делит людей на категории и классы, препятствуя свободному переходу отдельных лиц из одного класса в другой. Мы принимаем как нечто должное материальную среду, которую жизнь навязывает нашему темпераменту, нашим запросам и способностям. Священники, врачи, адвокаты, торговцы будто так и родятся с определенной склонностью к той или иной профессии, и то же самое можно сказать про конторского служащего, продавца, землекопа и дворника. У них свои житейские правила, свои объединения, свои классовые чувства. И хотя духовно люди разных профессий могут оказаться в близком родстве, физически они далеки друг от друга. После месяца, проведенного в поисках работы, Юджин узнал больше об этом расслоении общества на классы, чем когда-либо рассчитывал узнать. Он обнаружил, что многие профессии ему недоступны – одни в силу особенностей его темперамента, другие из-за недостатка физической сноровки, третьи вследствие неопытности, четвертые по возрасту и так далее. И те, кто отличался от него в том или другом отношении, а то и во всех, склонны были смотреть на него косо. Взгляд их, казалось, говорил: «Ты не такой, как мы. Зачем ты здесь?»

Однажды Юджин подошел к толпе, дожидавшейся у ворот трамвайного парка, и с присущим ему видом превосходства спросил у одного из стоявших поближе рабочих, где находится контора. Этот вопрос стоил ему немалых внутренних усилий.

– Уж не хочет ли и этот получить место кондуктора? Ты как думаешь? – услышал он чьи-то слова.

Почему-то это замечание сразу убило всю его решимость. Он поднялся по деревянной лестнице в маленькую контору, где выдавались бланки для заявлений, но даже не отважился попросить такой бланк. Он сделал вид, будто ищет кого-то, и тотчас

же вышел. В другой раз, ожидая своей очереди у кабинета управляющего мануфактурным магазином, он услышал замечание какого-то юнца: «Гляди-ка, кто в продавцы лезет!», – и холод пробежал по его телу.

Трудно сказать, сколько еще продолжались бы эти бесцельные блуждания, если бы Юджин случайно не вспомнил, что кто-то из художников рассказывал ему, как один писатель, заболев нервным расстройством, обратился к президенту какой-то железнодорожной компании, и тот из уважения к его профессии пристроил его к разведывательной партии. Его отправили на какой-то отдаленный участок, и он работал там, получая ставку чернорабочего, пока не выздоровел. Юджин подумал, что вот и выход. Удивительно, как это раньше не пришло ему в голову. Ведь он тоже может обратиться с подобной просьбой, объяснив, что он художник, и его внешность подтвердит это. А так как он с полным правом может говорить о себе, как о человеке, временно выбывшем из строя по нездоровью, то у него, несомненно, много шансов на успех.

Конечно, это не должность, которой он достоин, но все же работа; а поскольку она будет оплачиваться, – это лучше, чем копать грядки на ферме у отца Анджелы.

Глава XIX

Осуществить эту мысль и обратиться к президенту одной из нью-йоркских железнодорожных компаний не представляло больших трудностей. На следующее утро Юджин тщательно оделся и отправился в железнодорожное управление на Сорок второй улице; там он просмотрел список должностных лиц, вывешенный в одном из коридоров, и, узнав, что кабинет президента находится на третьем этаже, поднялся туда. Огромным напряжением воли заставив себя открыть дверь, он обнаружил, что попал всего лишь в приемную, где находился целый штат лиц, обслуживающих президента, к нему же самому доступ был только по вызову.

– Поговорите с секретарем, если он не занят, – посоветовал Юджину клерк, повертев в руках его визитную карточку.

В первый момент Юджин не знал, на что решиться, но затем подумал, что и секретарь, вероятно, в состоянии помочь ему. Он попросил передать свою карточку и сказал, что объяснит цель своего прихода только секретарю лично. Через несколько минут кто-то вышел к нему; это был один из младших секретарей – молодой человек лет двадцати восьми, полный, невысокого роста, любезный и, по-видимому, добродушный.

– Чем могу быть полезным? – спросил он.

Юджин уже сформулировал в уме свою просьбу, – ему хотелось изложить ее просто и кратко.

– Я желал бы повидать мистера Уилсона, чтобы узнать, не возьмет ли он меня чернорабочим на какой-нибудь участок своей дороги. Я художник по профессии, но сейчас страдаю неврастенией. Все врачи, к которым я обращался, советуют мне на некоторое время заняться простой физической работой. Я знаю, что мистер Уилсон помог таким образом одному писателю, мистеру Сэйвину, быть может, он не откажет и мне.

Услышав имя Сэйвина, младший секретарь оживился. К счастью для Юджина, он читал одну из книг Сэйвина, к тому же подкупающая наружность просителя, его рассказ о больном писателе и несомненная искренность произвели на него впечатление.

– Конторской работы вам не смогут предложить, это я точно знаю, – ответил он. – Такие места предоставляются только за выслугу лет. Но вы можете получить работу на каком-нибудь строительном участке, под руководством мастера. Трудно сказать что-нибудь определенное. Однако это очень тяжелый труд. Мистер Уилсон, конечно, не оставит вашей просьбы без внимания. Но я сильно сомневаюсь, – добавил он с сочувственной улыбкой, – достаточно ли вы крепки для такой работы. Кирка и лопата требуют изрядных сил.

– Мне кажется, сейчас об этом не стоит беспокоиться, – сказал Юджин с усталой улыбкой. – Я попробую и посмотрю, может быть, она мне поможет. Боюсь, что в моем состоянии это единственное средство. – Он опасался, как бы младший секретарь не раздумал и не ответил категорическим отказом.

– Можете вы подождать немного? – спросил тот, внимательно глядя на странного просителя; он решил, что перед ним важная персона, так как Юджин вызвался представить рекомендации от влиятельных лиц.

– Разумеется, – сказал Юджин.

Секретарь ушел и через полчаса вернулся с письмом в конверте.

– По нашему мнению, – сказал он, не скрывая, что президент компании тут ни при чем и он говорит от себя и от имени старшего секретаря, согласившегося с ним, что Юджину надо помочь, – вам лучше всего обратиться в технический отдел. Мистер Хобсен, наш главный инженер, устроит вас. С этим письмом вы, я полагаю, получите то, о чем просите.

Юджин воспрянул духом. Он посмотрел на конверт, увидел, что письмо адресовано мистеру Вудрафу Хобсену, главному инженеру, и, не теряя времени на чтение, горячо поблагодарил младшего секретаря и вышел. В вестибюле, в достаточном отдалении от кабинета президента, он вскрыл конверт и обнаружил, что в записке весьма бесцеремонно говорится о нем, как о «м-ре Юджине Витла – художнике, временно потерявшем трудоспособность вследствие неврастении» и так далее, «желающем получить работу на каком-нибудь строительном участке. Секретариат президента ходатайствует об удовлетворении просьбы».

Прочитав письмо, Юджин понял, что место ему обеспечено. И это навело его на любопытные мысли по поводу расслоения общества. Как чернорабочий он ничто, но, будучи художником, он может получить место чернорабочего. Следовательно, его дарование художника все же чего-нибудь да стоит. Оно дало ему возможность найти себе какое-то прибежище. Юджин с радостью за нее ухватился и несколько минут спустя вручил конверт младшему секретарю главного инженера. Он не был принят никем из заправил, но получил взамен другое письмо, адресованное мистеру Уильяму Хейверфорду, начальнику службы пути, малокровному джентльмену лет сорока, под началом которого, как Юджин узнал не далее чем через полчаса, работало тринадцать тысяч человек. Мистер Хейверфорд внимательно пробежал глазами письмо из конторы главного инженера. Он был очень удивлен странной просьбой Юджина и его внешним видом. Художники – люди странные. Вот, например, этот. В наружности Юджина он заметил какое-то сходство с самим собой.

– Художник? – внимательно переспросил он. – И вы хотите поступить к нам чернорабочим?

Он вперил в Юджина взгляд зорких, черных, как уголь, глаз, оживлявших его длинное грушевидное лицо. Юджин обратил внимание на его тонкие, белые пальцы и на копну темных волос над высоким бледным лбом.

– Неврастения? Мне в последнее время часто приходится слышать о ней, но сам я никогда этой болезнью не страдал. Я нахожу, что, когда нервы начинают пошаливать, очень полезно прибегнуть к гантелям. Вы, вероятно, знаете эти штуки?

– Да, видел, – ответил Юджин. – Но моя болезнь, пожалуй, слишком серьезна, чтобы ее можно было вылечить такими средствами. Я много путешествовал, но и это не пошло мне на пользу. Мне, должно быть, полезно поработать физически, заняться делом, которое я обязан буду выполнять. Комнатная гимнастика тут не поможет. Вероятно, мне необходимо переменить обстановку. Буду чрезвычайно признателен, если вы возьмете меня на какую-нибудь должность.

– Что ж, может быть, вы и правы, – мягко сказал мистер Хейверфорд. – Но только работа поденщика, как вы убедитесь, дело нелегкое. По правде говоря, я не уверен, что вы долго выдержите.

Он подошел к карте под стеклом, на которой были изображены все участки железной дороги от Новой Англии до Чикаго и Сент-Луиса, и спокойно заметил:

– Я могу вас направить куда угодно – в Пенсильванию, в Нью-Йорк, Огайо, Мичиган, Канаду. – Его палец неторопливо двигался по карте. – В моем распоряжении тринадцать тысяч человек, и они разбросаны чуть не по всей стране.

Юджин с изумлением смотрел на него. Какой пост! Какая ответственность! Этот бледный смуглый человек сидит, как механик у распределительного щита, и управляет такой гигантской машиной.

– У вас под началом целая армия, – просто сказал он, и мистер Хейверфорд улыбнулся в ответ своей бледной улыбкой.

– Советую вам послушаться меня и не бросаться сразу на работу на строительном участке. Вы вряд ли способны сейчас на тяжелый труд. У нас есть тут, под самым городом, в Спионке, небольшая столярная мастерская, которая, по-моему, как нельзя лучше отвечает вашей цели. Она расположена на излучине у впадения одной небольшой речушки в Гудзон. Сейчас лето, и поставить вас на работу под палящим солнцем с партией итальянцев было бы, пожалуй, жестоко. Мой совет: отправляйтесь в Спионк. Там тоже будет достаточно трудно. После того как вы слегка закалитесь, я с удовольствием переброшу вас на другую работу, если вы пожелаете. Денежный вопрос, возможно, не играет для вас большой роли, но вы будете получать определенную плату – пятнадцать центов в час. Я дам вам письмо к мистеру Литлбрауну, инженеру участка, и он позаботится о том, чтобы вы получили соответствующее назначение.

Юджин поблагодарил Хейверфорда. Мысленно он улыбнулся замечанию этого человека, что денежный вопрос не играет для него большой роли. Пожалуй, это и в самом деле разумное предложение. Спионк – недалеко от города. Да и по описанию маленькая столярная мастерская, расположенная у речной излучины, понравилась ему. Это место, как он обнаружил,

ознакомившись с картами участка, находилось почти в черте города. При желании он может жить в Нью-Йорке, в худшем случае – на окраине его.

Последовало новое письмо, на этот раз адресованное мистеру Генри С. Литлбрауну, высокому, хмурому человеку, которого Юджин разыскал два дня спустя в Ионкерсе, в конторе участка; тот, в свою очередь, написал распоряжение мистеру Джозефу Бруксу, начальнику строительства в Монт-Хейвене, а секретарь последнего снабдил Юджина письмом к мистеру Джеку Стиксу, старшему мастеру столярной мастерской в Спионке. В пятницу Юджин вручил его по назначению, и в ответ ему было сказано, что он должен явиться на работу в понедельник в семь утра. Итак, Юджин мог поздравить себя с должностью поденщика.

Небольшая мастерская, о которой шла речь, была расположена в чрезвычайно живописном месте. Будь она построена по специальному заказу Юджина, и тогда нельзя было бы придумать ничего лучше. На небольшом мысе между рекой с одной стороны и железнодорожным полотном и маленькой речушкой (которую железная дорога пересекала выше по течению) – с другой стояло длинное приземистое двухэтажное строение с зеленой крышей, с красными стенами и огромным количеством окон, из которых открывался прекрасный вид на проходившие мимо яхты, пароходы и катера, на лодки, стоявшие у причала в небольшой тихой заводи, образуемой речкой. В воздухе звучала настоящая песня труда, так как мастерская была сплошь уставлена строгальными и токарными станками и тисками всевозможных размеров; огромный штат столяров изготовлял здесь столы, стулья, письменные столы – словом, всякую конторскую мебель, снабжая этими изделиями железнодорожные конторы и станции. На втором этаже перед каждым окном стояло по верстаку, а середину помещения занимало несколько машин – маленькая механическая ножовка, поперечная, ленточная и круглая пилы, строгальный станок и четыре или пять токарных. Внизу помещались машинное отделение, кузница, гигантский струг, большая ножовка и большая поперечная пила, склад и шкафы для инструментов. Во дворе высились штабеля лесоматериалов; здесь проходили рельсы, и дважды в день местный товарный поезд, так называемая «кукушка», останавливался, чтобы сгрузить лес или принять готовую мебель и прочее. Направляясь к мастерской, чтобы предъявить письмо, Юджин остановился у невысокой аккуратной ограды, прислушиваясь к мелодичному гудению пил и любуясь красивой заводью.

«Не может быть, чтобы работа здесь была так уж тяжела», – подумал он. Он видел столяров, выглядывавших из окон верхнего этажа, и двух рабочих в коричневых комбинезонах и свитерах, разгружавших платформу. Они несли на плечах огромные брусья, имевшие в поперечнике три дюйма на шесть. Неужели и ему предложат заняться этим? Едва ли. Мистер Хейверфорд совершенно определенно указывал в своем письме к мистеру Литлбрауну, что Юджина следует нагружать работой постепенно. Перетаскивание тяжелых брусьев представлялось ему не слишком подходящим началом, но письмо он все же передал. Предварительно он оглядел противоположный высокий берег с намерением присмотреть местечко, где он мог бы жить и питаться, но ничего подходящего не увидел. Живописные склоны берега были застроены особняками нью-йоркских богачей, предпочитавших жить за городом, и их не могло интересовать предложение новоиспеченного подсобного рабочего сдать ему на некоторое время комнату со столом. Юджину рисовался уже уютный домик и приятные люди, ибо, как это ни странно, удача с приисканием хотя бы и столь ничтожной работы внушила ему уверенность, что близится конец злополучной полосе в его жизни. Теперь он, очевидно, пойдет в гору. Вот только бы найти пристанище на лето в какой-нибудь тихой семье. Осенью, если его здоровье пойдет на поправку, – а он не сомневался, что так и будет, – он выпишет сюда Анджелу. Возможно, что к этому времени какая-нибудь из комиссионных фирм – братья Потль, Джейкоб Бергман или Анри Ларю – продаст что-нибудь. Полтораста или двести долларов вместе с его заработком дадут им возможность прожить вполне сносно. При изобретательности и бережливости Анджелы, не говоря уже о его собственном вкусе, можно любому уголку придать красивый и благоустроенный вид.

Найти комнату было делом нелегким. Юджин по шпалам прошел до поселка, который виден был в отдалении из окон мастерской, и, не найдя ничего заманчивого в смысле месторасположения, вернулся в Спионк и прошел около полумили вверх по берегу речки. Эта разведка доставила ему огромное удовольствие: перед ним открылся полукруг хорошеньких коттеджей, раскинувшихся по склону холма, у подножия которого протекал серебристый ручей. Вдоль излучины реки тянулась дорога, а повыше – вторая. Юджину с первого взгляда стало ясно, что здесь царство преуспевающих средних буржуа, о чем свидетельствовали аккуратно подстриженные лужайки, яркие маркизы над окнами, цветы в синих, желтых и зеленых горшках на террасах и у дверей. Автомобиль, стоявший перед одним из домов, указывал на то, что местное население старается не отставать в своих вкусах от богачей, а летний ресторан по дороге в Нью-Йорк, у маленького моста через речку, говорил о том, что живописное расположение этого поселка не является тайной для любителей загородных прогулок. Ресторан был защищен от солнца тентами, а один из его балконов, уставленный столиками, висел прямо над водой. Юджина охватило желание поселиться в этой местности. Он бродил по поселку в прохладной тени деревьев, заглядывая то в один, то в другой дворик и думая о том, как хорошо было бы с помощью рекомендательного письма получить доступ к кому-нибудь из здешних обитателей. Эти люди должны были бы только радоваться присутствию в своей среде одаренного художника и утонченного человека. То обстоятельство, что он ради восстановления здоровья работает поденщиком на мебельной фабрике или на железной дороге, должно придать ему лишь особый интерес в их глазах. Бродя по поселку, Юджин увидел методистскую церковь своеобразной архитектуры, сложенную из красного кирпича и отделанную серыми каменными плитами. Пока он разглядывал цветную роспись высоких окон и четырехугольную, похожую на крепостную башенку, колокольню, у него мелькнула мысль – не обратиться ли к священнику? Он объяснит ему, чего хочет, покажет рекомендательные письма (Юджин захватил несколько старых писем от редакторов, издателей и художественных фирм) и подробно расскажет, зачем ему понадобилось сюда приехать. Его расстроенное здоровье и репутация художника должны расположить этого человека в его пользу, и тот, возможно, направит его к кому-нибудь, кто не прочь будет принять его к себе в дом. Было пять часов дня, когда

он постучался в дверь пасторского домика; его проводили в кабинет пастора – большую комнату, тишину которой нарушало только жужжание мух на затененных шторами окнах. Через несколько минут вошел хозяин – высокий седой мужчина, одетый с суровой простотой и державшийся непринужденно, как человек, привыкший обращаться к большим собраниям. Он хотел уже спросить, чем может быть полезен Юджину, но тот предупредил его:

– Вы меня, конечно, не знаете. Я здесь совершенно чужой. По профессии я художник, но с понедельника буду работать в Спионке в железнодорожной мастерской для восстановления своего здоровья. Я страдаю нервным расстройством и намерен временно заняться физическим трудом. Мне хотелось бы поселиться здесь в какой-нибудь приятной семье, и я подумал, что вы, вероятно, знаете кого-нибудь поблизости, кто согласился бы на время приютить меня. Я могу представить самые лучшие рекомендации. Поближе к мастерской ничего подходящего как будто нет.

– Она стоит совсем на отлете, – ответил старый священник, внимательно вглядываясь в Юджина. – Я часто думал, как это рабочие соглашаются ездить так далеко. Никто из них здесь не живет.

Он испытующе оглядел Юджина и, видимо, остался доволен полученным впечатлением. Судя по всему, это был скромный, серьезный, порядочный молодой человек; все выдавало в нем художника. Ему показалось весьма интересным, что тот избрал для излечения своих нервов такое радикальное средство, как труд поденщика.

– Дайте-ка мне подумать, – продолжал он и, опустившись на стул, поднес руку к глазам. – Сейчас трудно что-нибудь сказать. Тут есть много семейств, в чьем доме нашлось бы для вас место, но я очень сомневаюсь, пожелают ли они вас принять. По правде говоря, я даже уверен, что не пожелают. Дайте-ка я еще подумаю.

Юджин смотрел на его крупный орлиный нос, косматые седые брови и густые щетинистые седые волосы. Он мысленно уже зарисовывал и его самого, и письменный стол, и тонущие в полумраке стены, и всю уютную затененную комнату.

– Нет, – медленно произнес священник, – я ничего не могу придумать. Есть тут одна дама – миссис Хиббердел. Живет она – сейчас соображу, – раз, два, три – десятый дом отсюда, если идти вверх. Недавно к ней переехал ее племянник, молодой человек, приблизительно ваших лет. Больше мне никто не приходит на память. Я далеко не уверен, что она согласится принять вас к себе, но с другой стороны, это вполне возможно. В доме у нее очень просторно. Одно время с ней жила дочь, но она, кажется, уехала. Как будто уехала.

Он говорил так, точно думал вслух.

При упоминании о дочери Юджин насторожился. После отъезда из Нью-Йорка он ни разу, если не считать Фриды, не имел случая хотя бы отвести душу в разговоре с какой-нибудь женщиной. С ним повсюду неизменно находилась Анджела. А со времени возвращения в Нью-Йорк он жил в таких отвратительных условиях, что ему было не до молодости, не до любви. В сущности, ему и сейчас не следовало бы помышлять об этом, но летний воздух, поселок, утопавший в тени деревьев, а главное – сознание, что у него есть работа, – пусть даже ничтожная, но все же работа, в которой он может быть уверен и которая, несомненно, облегчит его душевное состояние, – все это воскресило его интерес к жизни. Он не пропадет. Он еще поправится. Вот он уже нашел работу. Возможно, что, поселившись в этом доме, он встретит очаровательную девушку, которая его полюбит. Анджелы нет. Он один. Снова к нему вернулась свобода юных дней. Только бы выздороветь и начать работать!

Юджин учтиво поблагодарил старого пастора и пошел в указанном направлении. Он узнал дом по описанию: веранда с двумя выступами в виде балкончиков, несколько красных качалок, две желтые жардиньерки у дверей, старый беленый забор и ворота. Он решительно подошел к двери и позвонил. Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти или шестидесяти, совершенно седая, с умным спокойным лицом и ясными голубыми глазами, в руке она держала книгу. Юджин изложил свою просьбу. Она выслушала его с большим интересом, внимательно его оглядывая. Это была интеллигентная женщина, много читавшая, и рассказ Юджина заинтересовал ее. Выслушав его, она сказала:

– По правде сказать, я не собиралась сдавать комнату. Но я живу одна с племянником, а в доме свободно можно разместить еще дюжину человек. Я не хочу ничего решать без племянника, но приходите завтра утром, и я дам вам ответ. Мне лично ваше присутствие не помешает. Не знаете ли вы случайно художника по фамилии Диза?

– Да, я хорошо его знаю, – ответил Юджин. – Это мой старый друг.

– Он, кажется, дружен с моей дочерью. Вы где-нибудь еще справлялись насчет комнаты?

– Нет, – ответил Юджин.

– Тем лучше, – сказала она.

Юджин принял намек к сведению.

Значит, дочки здесь нет. Ну что ж, какое это имеет значение? Вид отсюда замечательный. По вечерам можно сидеть в качалке и любоваться рекой. Вечернее солнце, клонившееся к западу, золотило ее воды. Очертания холмов на другом берегу были величаво-безмятежны. Он будет работать поденщиком, хорошо спать и не задумываться над жизнью. Ему представляется возможность поправиться, – теперь у него для этого все условия. Поденщик! Как это оригинально, как красиво, интересно! Он чувствовал себя странствующим рыцарем, попавшим в новую, диковинную страну.

Глава XX

Вопрос о комнате в доме миссис Хиббердел разрешился очень быстро. Племянник, молодой человек лет тридцати четырех, добродушный и неглупый, как позднее убедился Юджин, не возражал против того, чтобы пустить жильца. У Юджина создалось впечатление, что дом частично содержится на средства этого человека, хотя миссис Хиббердел и сама была, очевидно, состоятельной женщиной. Юджину отвели во втором этаже уютно обставленную комнату с ванной (ванных комнат было несколько) и предложили пользоваться столовой и гостиной. В доме были книги, рояль (на котором некому было играть), гамак, горничная с неограниченным кругом обязанностей, – словом, во всем чувствовалась атмосфера довольства и покоя. Миссис Хиббердел, много лет назад овдовевшая, обладала большим житейским опытом и кругозором и умела внушать к себе уважение. Она не выказывала особого любопытства и, насколько Юджин мог судить, была тактична и сдержанна. Это не мешало ей понимать шутку и самой шутить – лукаво и умно. Юджин при первом же знакомстве откровенно рассказал ей, что у него есть жена; она живет на Западе и приедет к нему, как только его здоровье немного поправится. Миссис Хиббердел беседовала с ним об искусстве, литературе и о жизни. Музыка, по-видимому, не входила в круг ее интересов, она была к ней равнодушна. Племянник ее, Дэвис Симпсон, был чужд и литературы, и искусства, а музыки совершенно не признавал. Он служил агентом по снабжению в одном универсальном магазине, был тщедушен, франтоват, чтобы не сказать фатоват, с худым лицом (но бодрым, а не изможденным), носил короткие черные усики и интересовался главным образом своим делом, бейсболом и всевозможными развлечениями. Юджину понравились его бесхитростность, прямодушие, доброта и учтивость. Он не отличался ни любопытством, ни навязчивостью, но любил затевать споры на общие темы и при этом довольно удачно острил. Его любимыми занятиями было разводить цветы и ловить рыбу. По утрам и вечерам он возился с цветочными грядками, составлявшими единственное украшение крошечного палисадника позади дома.

После той бури, которая бушевала над головой Юджина последние три года, а особенно последние три месяца, он испытывал огромное удовольствие, очутившись в этой атмосфере доброжелательства и покоя. За квартиру спросили всего лишь восемь долларов в неделю, но он прекрасно понимал, что такого домашнего уюта нельзя получить ни за какие деньги. Прислуга заботилась о том, чтобы у него на туалетном столике всегда были свежие цветы. К его услугам была отдельная ванная, свежее постельное белье и полотенца, а по вечерам, сидя на балконе и любуясь рекой, он мог наслаждаться полным отдыхом, не опасаясь быть потревоженным, или же уходить в библиотеку и там читать. Завтрак и обед были для Юджина каждый раз источником подлинного наслаждения. Хотя он вставал без четверти шесть, чтобы успеть принять ванну, позавтракать и попасть к семи часам на работу, миссис Хиббердел к этому времени была уже на ногах. Она привыкла рано вставать. Юджину, при его постоянной усталости, трудно было понять это. Дэвис спускался к столу за несколько минут до ухода Юджина. У него всегда находилось несколько веселых слов, – хмуриться или сердиться было не в его характере. Дела его, каковы бы они ни были, по-видимому, нисколько его не отягощали. Миссис Хиббердел приветливо беседовала с Юджином о его работе, о всяких местных делах и обстоятельствах (поселок, в котором они жили, именовался Ривервуд), о новых событиях в политике, религии, науке и так далее. Иногда она упоминала о своей единственной дочери – она была замужем, жила в Нью-Йорке и время от времени навещала мать. Юджин был в восторге от того, что так удачно нашел себе жилище. Он надеялся понравиться этим людям, чтобы они не раскаивались в своем гостеприимстве, и это ему вполне удавалось. Беседуя о новом жильце, миссис Хиббердел и Дэвис сходились в том, что это милейший человек и что очень приятно иметь его в доме.

В мастерской, где Юджин работал и где он попадал в совершенно другой мир, ему удалось создать для себя вполне сносную обстановку, хотя не все у него поначалу шло гладко. В первое утро, например, его поставили на работу с двумя рабочими, чрезвычайно недалекими, как ему показалось, людьми, которых на фабрике звали просто Джон и Билл. Юджину оба они представлялись машинами – их движения скорее напоминали работу механизмов, чем проявление свободной человеческой воли. Оба были среднего роста (не более пяти футов девяти дюймов) и весили фунтов по ста восьмидесяти каждый. У того, что постарше, была круглая, невыразительная физиономия, весьма напоминавшая яйцо, и густые рыжеватые усы. Один глаз у него был стеклянный, на носу торчали очки, державшиеся на больших оттопыренных ушах с помощью неуклюжих стальных дужек. На голове красовалась старая коричневая шляпа, давно уже превратившаяся в какой-то блин. Звали его Билл Джеффордс, но он откликался также на прозвище «Одноглазый».

Его товарищ, Джон – он же Джек – Данкен был одного роста с Биллом и такого же сложения, да и лицо у него было разве лишь чуть выразительнее и благообразнее. Юджину показалось, что он понятливее своего товарища, и даже понимает шутку, но в этом он ошибался. Что же до Джеффордса, то в отношении его такой ошибки даже и возникнуть не могло. Джек Стикс, старший мастер, высокий, угловатый, с рыжей гривой и рыжими усами, с бегающим взглядом голубых глаз и большими руками и ногами, предложил Юджину поработать с этой парой. Он считал, что чужаку здесь не место, и надеялся сразу же отпугнуть его тяжелой работой.

Стикс поделился своими соображениями с другим мастером, под началом которого находилась партия чернорабочих-итальянцев, занятых в то утро на лесном складе.

– Говорит, приехал к нам для поправления здоровья, – сказал Стикс. – Откуда он, понятия не имею. Мистер Брукс прислал его и велел поставить на работу. Любопытно, как он будет вести себя, если заставить его попотеть как следует.

– Смотри только, чтобы он себе чего не повредил, – заметил другой. – На мой взгляд, силенок у него маловато.

– Хватит на то, чтобы перетащить несколько брусьев. Если Джимми может их носить, так и он справится. Конечно, долго я его там держать не стану.

Юджин ничего этого не знал, но, когда его окликнули: «Ну-ка, новичок, пойдем!» – и подвели к штабелям круглых неотесанных ясеневых колод, шести дюймов в диаметре и восьми футов длиною, мужество изменило ему. Эти колоды он должен был перетащить на второй этаж, а сколько штук, никто ему не говорил.

– Снесете к Томсону и сложите там в углу, – угрюмо сказал ему Джеффордс.

Юджин неумело взялся тонкими, белыми руками за одну из колод у самой середины. Он не знал, что обращаться с колодами надо так же умеючи, как и с кистью. Он попытался поднять ее, но не мог и только жестоко разодрал себе пальцы о грубую кору.

– Раньше чем приниматься за такую работу, не мешает немного поучиться, – сказал Джек Данкен, стоявший рядом и пристально наблюдавший за ним.

Джеффордс куда-то отлучился.

– Да, я мало понимаю в этом деле, – сконфуженно признался Юджин, ожидая дальнейших наставлений.

– Давайте я вам покажу, – сказал его новый товарищ. – Ведь и в этих делах нужна сноровка. Возьмите вот так, за самый конец, и поднимайте, пока не поставите колоду стоймя. Теперь наклонитесь и подставьте плечо под самую середину. Рубаха на плечах у вас подбита ватой? Надо подбить. А теперь вытяните правую руку вперед и положите на колоду. Вот и готово.

Юджин выпрямился, увесистая колода легла ему на плечо, совершенно придавив его своей тяжестью. Казалось, она размозжит ему все мышцы; спина и ноги сразу заныли от боли. Он смело двинулся вперед, не подавая и виду, как ему больно, но не успел сделать и пятидесяти шагов, как боль превратилась в пытку. Тем не менее он прошел всю мастерскую, поднялся по лестнице и добрался до окна, где работал Томсон. На лбу у него выступил пот, в ушах стучало. Шатаясь, добрел он до машины и тяжело бросил свою ношу.

– Что это ты делаешь? – раздался голос позади него. Это и был Томсон, работавший на токарном станке. – Разве не можешь опустить полегоньку?

– Нет, не могу, – с раздражением ответил Юджин; лицо его от страшного напряжения покрылось горячим румянцем.

Юджин был удивлен и взбешен тем, что его поставили на такую работу, особенно после уверений мистера Хейверфорда, что его чрезмерно нагружать не будут. Он сразу заподозрил заговор с целью выжить его. Он хотел добавить: «Они слишком тяжелы для меня, черт побери!» – но сдержался и побрел вниз, думая о том, удастся ли ему перетаскать все колоды. Тут он стал возиться со второй, надеясь что боль тем временем утихнет и он вновь соберется с силами. Наконец он поднял вторую колоду и, шатаясь, с трудом взобрался на второй этаж. Мастер поглядывал на него, но молчал. Его забавляли страдания Юджина. «Ничего ему от этого не станется, – размышлял он, – даже на пользу пойдет».

– Когда он перенесет четыре штуки, отпусти его, – сказал он, однако, Томсону, чувствуя, что перебарщивать, пожалуй, не стоит.

Томсон краешком глаза следил за Юджином, и от него не укрылись страдальческие гримасы на лице новичка, но он только ухмылялся. Когда на пол были сброшены четыре колоды, он сказал: «Пока хватит!» Юджин со вздохом облегчения сердито поплелся вниз. Как всегда нервный, мнительный и возбужденный, он уже вообразил, что станет здесь калекой. Не растянул ли он себе где-нибудь сухожилие, не лопнул ли у него какой-нибудь кровеносный сосуд?

«Боже мой, я этого не вынесу, – подумал он. – Если работа и дальше будет такая, придется бросить. Хотел бы я знать, почему они со мной так обращаются? Ведь меня не для этого направили сюда».

Ему уже рисовались дни и недели непосильного физического труда. Ничего хорошего из этого не выйдет. Он долго не выдержит. Но тут он представил себе, как опять ищет работу, и эта мысль вызвала страхи другого порядка.

«Не надо так легко сдаваться, – убеждал он себя наперекор отчаянию. – Во всяком случае, нужно продержаться еще немного».

В этот первый час испытаний Юджин, казалось, очутился между молотом и наковальней. Он медленно спустился во двор, чтобы разыскать Джеффордса и Данкена. Те были заняты погрузкой вагона – один, внутри, принимал материал, а другой снизу подавал.

– Слезай, Билл, – сказал Джон, стоявший внизу. – Залезай ты туда, новичок. Как тебя звать?

– Витла, – сказал Юджин.

– А меня Данкен. Мы будем подавать материал, а ты складывай его.

Юджин со страхом увидел, что ему опять предстоит ворочать тяжести – толстые брусья, предназначенные для какой-то стройки, – «четыре на четыре», как называли их рабочие. Но когда ему показали, как нужно действовать, он убедился, что это вовсе не так уж трудно. Существовали разные приемы, позволявшие двигать брусья и держать их в равновесии, не слишком напрягаясь при этом. К несчастью, Юджин, не позаботился запастись рукавицами и исцарапал себе все руки. Когда он остановился, чтобы вытащить занозу из большого пальца, Джеффордс, который опять поднялся наверх, спросил:

– У тебя, что ж, нет рукавиц?

– Я не думал об этом, – ответил Юджин.

– Этак ты себе обдерешь руки. Может, Джозеф одолжит тебе свои на сегодня. Сходи попроси у него.

– А где этот Джозеф? – спросил Юджин.

– Там, в мастерской. Принимает на струге.

Юджин не совсем понял это выражение. Он знал, что такое струг, он все утро прислушивался к его мощному гудению и видел, как с досок летели стружки, но что значит «принимать на струге»?

– Где Джозеф? – спросил он строгальщика.

Тот кивнул головой в сторону высокого, сутулого рабочего лет двадцати двух. Это был крупный, простоватый парень. Лицо у него было длинное и узкое, широкий рот, водянисто-голубые глаза, взлохмаченные каштановые волосы были густо посыпаны опилками. Фартуком ему служил большой кусок дерюги, подвязанный пеньковой веревкой. На голове торчал старый выцветший шерстяной картуз с длинным козырьком, защищавшим глаза от летевших ему в лицо стружек и опилок. Когда Юджин подошел к нему, он одной рукой прикрывал глаза.

– Мне сказали на дворе, что у вас, может быть, найдется пара рукавиц для меня на сегодня, – просительно обратился к нему Юджин. – Я гружу колоды и все руки себе ободрал. Понимаете – забыл купить рукавицы.

– Это можно, – благодушно ответил Джозеф, делая знак строгальщику, чтобы тот остановился. – Они у меня там в шкафчике. Знаю я эту работу. Мне тоже пришлось на ней помучаться. Когда я в первый раз сюда явился, они и с меня спустили стружку, как вот сейчас с вас. Но вы не обращайте внимания. Все образуется. Вы ведь здесь для поправки здоровья? Тут не всегда такая запарка, бывает, что и совсем делать нечего. А потом опять, глядишь, работы подвалит. Что ж, это труд здоровый, должен вам сказать. Я почти никогда не болею. У нас тут воздух свежий и все такое.

Продолжая приговаривать, он рылся в карманах под фартуком в поисках ключа; потом открыл шкафчик и, достав пару огромных старых желтых рукавиц, приветливо протянул их Юджину. Тот поблагодарил. Юджин с первого взгляда понравился ему, как и он Юджину.

«Славный малый, – подумал Юджин, направляясь обратно к своему вагону. – Подумать только, с какой охотой он дал мне рукавицы. Прямо удивительно! Будь все люди так добры и расположены друг к другу, как этот паренек, до чего легко жилось бы на свете!»

Юджин надел рукавицы и сразу убедился, что работать стало легче, так как теперь он мог крепко браться за брусья и доски, не испытывая ни малейшей боли. Он продолжал работу до полудня, когда раздался гудок, а затем, усевшись в стороне, приступил к своей одинокой трапезе. После часа его позвали носить стружки, корзину за корзиной, через кузнечный цех в машинное отделение, где стоял огромный ящик для стружек. К четырем часам дня Юджин успел уже разглядеть всех, с кем ему предстояло встречаться на работе. Кузнец Гарри Форнз – «деревенский кузнец»[15], как прозвал его позднее Юджин, Джимми Садз, его помощник («мальчик на побегушках», по определению Юджина), механик Джон Питерс, Малаки Демси, работавший на огромном строгальном станке, Джозеф Мьюз, целый штат плотников, слесарей, водопроводчиков, маляров, несколько краснодеревщиков, время от времени заходивших на нижний этаж, а также чернорабочие, то появлявшиеся, то снова исчезавшие, – все они с удивлением разглядывали Юджина.

Юджин и сам изучал их с большим любопытством. Он всегда интересовался людьми. Особенный интерес возбудили в нем Гарри Форнз и Джимми Садз. Первый – низкорослый американец ирландского происхождения, широкоплечий, с огромными, словно вздутыми бицепсами и квадратным лицом, уверенностью в себе и силой напоминал титана в миниатюре. Он трудился с необычайным усердием, и оглушительные удары его молота далеко разносились по холмам и лощинам. Джимми Садз, его помощник, был такой же низкорослый, как он, грязный, весь какой-то искривленный и узловатый, точно старое дерево; желтые зубы торчали у него изо рта наподобие гнилых пней, уши топорщились, словно маленькие веера, глаза косили, но в лице его было столько благодушия, что безобразие его просто не замечалось. Его все любили, потому что это был честный, прямой человек, совершенно неспособный на лукавство. Пиджак у него был втрое шире его самого, брюки – вдвое, а башмаки он, по-видимому, приобрел у старьевщика. Зато Джимми обладал одним огромным достоинством – он был живописен. Юджин был очарован им, а тут он еще убедился, что Джимми Садз искренне верит, будто в окрестностях Буффало в штате Нью-Йорк можно охотиться на бизонов[16].

Кроме них, внимание Юджина привлек механик Джон Питерс. Он был неимоверно толст и поэтому получил прозвище «Джон-Бочка». Это был не человек, а слон в образе человеческом. Ростом шесть футов, он весил свыше трехсот фунтов. Когда он стоял в летние дни в жарком машинном отделении, скинув верхнюю рубаху и спустив подтяжки, весь в огромных складках жира, выпиравших сквозь тонкую нижнюю фуфайку, можно было подумать, что он невыносимо страдает. В действительности же это было совсем не так. Джон ко всему относился философски. Обычно он часами простаивал в тени, в дверях машинного отделения, и глядел на сверкающие воды реки, нет-нет да и приговаривая, что хорошо было бы не работать, а целый день полеживать да спать.

– Эти молодчики, надо полагать, чувствуют себя недурно, вишь, сидят себе на палубе и раскуривают сигары, – сказал он однажды Юджину, когда мимо них проплыла нарядная яхта.

– Еще бы! – отозвался Юджин.

– Хо-хо-хо! Вот житье, так житье! Я бы тоже не прочь поплавать на такой яхте. Хо-хо-хо!

Юджин весело расхохотался.

– Да, это жизнь! – сказал он. – От этого никто бы не отказался.

Малаки Демси, работавший на огромном струге, был унылый, неразговорчивый малый, что объяснялось полным отсутствием у него всяких мыслей. К тому же такая необыкновенная молчаливость была для Демси вернейшим средством избежать земных напастей. Подобно устрице, он прятался от всяких зол, наглухо закрывая створки своей раковины. Юджин очень скоро это понял и, случалось, подолгу смотрел на этого человека, думая о том, какое любопытное явление он собой представляет. Надо заметить, однако, что Юджин и сам представлял любопытное зрелище для окружающих – даже в большей мере, чем они для него. Он не был похож на простого рабочего, и никто никогда не смешал бы его с ними. Слишком высоко парили его мысли, слишком много проницательности и огня было в его взгляде. Он смеялся над собой в душе, когда корзинами носил стружки из строгальной, где они сыпались дождем и откуда, за отсутствием отсасывающей трубы, приходилось перетаскивать их на плечах в жаркое машинное отделение – в царство Джона-Бочки. Последний проникся большой симпатией к Юджину, но это было расположение такого рода, какое пес чувствует к своему хозяину. Мысли этого человека вертелись в узком кругу – паровая машина, садик, жена, дети и трубка. Это, да еще сон, составляло единственную его радость, его отдых, весь его мир.

Глава XXI

Прошло много дней – в общей сложности три месяца, – и за это время Южин получил совершенно новое представление о мире повседневного труда. Ему и раньше приходилось работать в подобных условиях, но его жизненный опыт в Чикаго был лишен

того проникновения в глубь вещей, которое пришло к нему позднее. Раньше для него оставалась непонятной иерархия власти на земле да и во всей вселенной. Мир казался ему каким-то хаосом. Здесь же, встречая людей невежественных, стоящих на очень низком уровне развития, управляемых людьми более искушенными и подчас, как он подозревал, злонамеренными (впрочем, насчет этого у него не было полной уверенности), а главное, более сильными, подчинявшими слабых своей воле, Юджин пришел к выводу, что и при этой системе существует возможность, хотя бы в самых грубых чертах, организовать жизнь более или менее удовлетворительно. Правда, и здесь шла борьба за первенство. Как и везде, люди стремились добиться тех привилегий и почестей, которые связаны с руководством и властью, – пусть даже в таких мелочах, как укладка лесных материалов, строгание досок, изготовление столов и стульев, и ревниво отстаивали свое превосходство, но только это была ревность того рода, которая не мешает, а способствует достижению разумной цели. Все стремились делать работу осмысленно, не тупо. И гордились, при всем своем невежестве, тем, что было в них лучшего, а не худшего. Они могли жаловаться на свою работу, огрызаться друг на друга, огрызаться на своих начальников, но все это в конце концов объяснялось тем, что они не в состоянии были – или им не давали – выполнять работу более высокого порядка или осуществлять распоряжения более высокого разума. Каждый из них стремился делать свое дело возможно лучше, возможно совершеннее и добиться тех почестей и наград, какие влечет за собой выполняемая в совершенстве работа. Если же они не получали вознаграждения в соответствии с тем, как сами оценивали свой труд, это вызывало у них гнев, протест, ропот и обиду, но каждый из них по-своему, пусть ощупью и догадкой, стремился к осмысленной, разумной деятельности.

Не так еще много времени прошло после того, как кончились его невзгоды, чтобы Юджин мог забыть о них; не было у него также уверенности в том, что дарование живописца вернется к нему. Все это нередко отражалось на его настроении, хотя он таил свои горести про себя. Только эта мысль, а с нею перспектива бедности и неизвестности страшила его: время шло, молодость уходила. Но когда Юджин не думал об этом, он производил впечатление довольного человека. Более того, он умел притворяться таким и тогда, когда на душе у него скребли кошки. Благодаря тому, что он не был постоянной частицей этого мира тяжелого труда, а также и потому, что ему нечего было бояться потерять место, предоставленное в виде особой любезности, он испытывал чувство превосходства над рабочими. Он старался не обнаруживать это чувство, а наоборот, всячески его скрывал, но ни сознание исключительности своего положения, ни безразличие ко всяким мелочам, волновавшим других, никогда не оставляли Юджина. Он бегал взад и вперед, таская корзины со стружками, шутил с «деревенским кузнецом», дружил с Джоном-Бочкой, с Малаки Демси, с коротышкой Джимми Садзом, одним словом, со всеми, кто готов был принять его дружбу. Однажды во время полуденного перерыва он взялся за карандаш и нарисовал Гарри Форнза у наковальни с поднятым молотом, его помощника Джимми Садза на заднем плане и горн, в котором пылал огонь. Форнз глянул через его плечо и едва поверил своим глазам.

– Что это ты делаешь? – с удивлением спросил он.

Юджин рисовал за столом, у окна, в которое струилось яркое солнце, и поглядывал на блестевшую вдали реку. Он уже поел – он успел обзавестись коробкой-бутербродницей и приносил с собой вкусные завтраки миссис Хиббердел – и, подкрепившись, сидел, лениво раздумывая о красоте пейзажа, о необычайности своего положения, о любопытных вещах, которые наблюдал в мастерской, – обо всем, что приходило ему в голову.

– А вот увидишь, – благодушно ответил он, так как они с кузнецом были большие друзья.

Кузнец продолжал смотреть с интересом и, наконец, воскликнул:

– Ба, да ведь это я! Верно?

– У-гу! – отозвался Юджин.

– А куда ты эту штуку денешь, когда кончишь? – с жадным любопытством спросил кузнец.

– Отдам тебе, а то что ж еще!

– Да ну? Вот спасибо! – ответил восхищенный кузнец. – Жена-то как обрадуется! Ты ведь, говорят, художник? Я слыхал от ребят. А мне, знаешь, никогда не случалось видеть настоящего художника. Вот здорово, прямо замечательно. Вылитый я, верно?

– Да, похож, – спокойно ответил Юджин, продолжая рисовать.

Подошел помощник кузнеца.

– Ты что делаешь? – спросил он.

– Картину рисует, простофиля ты этакий, не видишь, что ли? – авторитетным тоном сообщил ему кузнец. – Ну, куда лезешь? Не мешай.

– А кто ему мешает? – раздраженно отозвался помощник кузнеца.

Джимми сразу стало ясно, что начальство пытается в этот исторический момент оттеснить его на задний план, но он твердо решил не поддаваться. Кузнец сердито глянул на него, но слишком уж интересно было следить за тем, как подвигается у Юджина работа, и он не стал настаивать, так что Джимми получил возможность подойти совсем близко и, в свою очередь, посмотреть.

– Хо-хо-хо! Да ведь это никак вы? – с горячим любопытством спросил он кузнеца, указывая большим грязным пальцем на рисунок.

– Не мешайся, – ответил тот высокомерно. – Конечно, я. Говорю, не налезай!

– А это я? Хо-хо-хо! Вот здорово! И каким я здесь молодцом. А что, нет? Хо-хо-хо!

Маленький помощник кузнеца радостно осклабился, рот его растянулся до ушей. Он не обращал ни малейшего внимания на окрики начальства.

– Если ты будешь хорошо вести себя, Джимми, – весело сказал Юджин, не отрываясь от работы, – я, пожалуй, и тебя как-нибудь нарисую, отдельно.

– Ну? Неужели нарисуешь? Брось шутить! Нет, ей-богу, вот это будет дело! Хо-хо-хо, что ты скажешь на это? Небось, там на родине меня и не узнают. А уж как мне хотелось бы иметь такую штуку.

Юджин улыбался. Кузнец был огорчен. Такое разделение почестей было ему не по душе. Но так или иначе, а его собственный портрет вышел прекрасно. И кузница тоже. Юджин продолжал работать, пока не раздался гудок. Когда захлопали передаточные ремни и загудели маховики, он встал.

– Ну, вот и готово, Форнз, – сказал он. – Нравится?

– Чего лучше, черт возьми! – ответил тот и понес набросок в свой шкафчик. Немного спустя он, однако, достал его оттуда и повесил на стене, против горна, чтобы все видели. Это было для него целое событие. Набросок Юджина тотчас же сделался темой самых оживленных обсуждений. Он, оказывается, художник, он умеет рисовать картины – уже одно это было необычайной новостью. К тому же сходство разительное – и Форнз, и Садз, и кузница вышли как живые. Всех разбирало любопытство и зависть. Все отказывались понимать, почему кузнецу такое предпочтение. Почему Юджин не нарисовал их сначала? И сейчас не предлагает нарисовать? Первым явился Джон-Бочка, которого Джимми Садз успел уже обо всем оповестить и привести лично.

– Ну и ну! – воскликнул он, еще больше выкатив свои рачьи глаза. – Вот это класс, а? И как вы похожи, Форнз! Провалиться мне, если не похожи. А Садз-то! Убей меня бог, ежели это не Садз! Ведь это же ты, чучело! Как живой! Будь я проклят, коли вру! Вот здорово! Сберегите эту штуку, кузнец.

– Я и сберегу, – гордо ответил тот.

Джон-Бочка с сожалением вернулся к себе в машинное отделение. После него явился Джозеф Мьюз, сутулый и по-утиному качающий на ходу головой.

– Нет, что вы скажете! – воскликнул он. – Вот красота! Да он рисует нисколько не хуже тех, которых во всяких там журналах печатают. Я иногда смотрю эти штуки. Прямо замечательно! Вы только поглядите на Садза, там, сзади. Ну, Садз, это тебе повезло, ей-ей! А теперь ему бы и нас нарисовать. Хуже мы, что ли? Чем вы можете перед нами похвастать, а?

– Как же, станет он возиться с вами, рисовать всякий сброд! – добродушно ответил кузнец. – Он только стоящих людей рисует. Не забывай этого, Мьюз. Ему нужны настоящие ребята, каких не жаль и нарисовать, а не такие, как вы, несчастные строгальщики и пильщики!

– Ну уж нет, не скажи, – презрительно отозвался Джозеф, в котором под действием этой перепалки заговорило чувство юмора. – Если он искал стоящих ребят, нечего было ходить сюда. Настоящие ребята там – снаружи. Не советую тебе забывать это, кузнец. И никогда я не видал, чтобы они водились в кузницах!

– Эй, вы, потише! – крикнул Садз, занявший наблюдательный пост в дверях. – Старшой идет!

Джозеф сделал вид, будто направляется в машинное отделение попить воды, а кузнец – будто ему необходимо раздуть пламя в горне. В мастерскую, не торопясь, вошел Джек Стикс.

– Это кто рисовал? – спросил он, окинув взглядом помещение и заметив набросок на стене.

– Мистер Витла, новичок, – почтительно ответил кузнец.

– Здорово сделано, а? – сказал мастер довольным тоном. – Картина хоть куда. Выходит, он художник?

– И мне думается, что так, – вкрадчиво сказал кузнец, всегда старавшийся ладить с начальством. Он подошел к мастеру и, став рядом, добавил: – Он эту штуку в перерыв за полчаса нарисовал.

– Вишь ты! А ведь славно! – И мастер в раздумье пошел своей дорогой.

Если Юджин умеет делать такие вещи, то зачем он здесь? Не иначе, как из-за расстроенного здоровья. И он, пожалуй, дружен с кем-нибудь из большого начальства. Надо быть с ним полюбезнее. До сих пор мастер относился к новичку с чувством опасливой подозрительности, этот человек был для него загадкой. Кто его знает, зачем он здесь – может, подослан за ним шпионить? Теперь же он подумал, что, вероятно, ошибался.

– Не давайте новичку слишком тяжелой работы, – сказал он Биллу и Джону. – Он еще недостаточно окреп. Ведь его прислали к нам для поправки здоровья.

Его распоряжение было выполнено, так как спорить с мастером не полагалось, но это откровенное заступничество было единственным, что могло повредить популярности Юджина. Рабочие не любили мастера. И Юджин пользовался бы большей симпатией, если бы мастер меньше благоволил к нему или был настроен определенно против него.

Последовавшие за этим дни хотя и были тяжелыми для Юджина, все же принесли ему душевный покой; вскоре он обнаружил, что постоянно кипевшая здесь работа, в которой он нес свою долю участия, отражалась на нем благотворно. Впервые за многие годы он стал хорошо спать. По утрам, незадолго до семичасового гудка, он надевал свой синий рабочий комбинезон и фуфайку и до полудня, а потом с часу до шести таскал стружки и щепки, складывал пиломатериалы, помогая рабочим на дворе, грузил и разгружал вагоны и вместе с Джоном-Бочкой поддерживал огонь в топках. На голове у него была старая шляпа – миссис Хиббердел нашла ее в чулане, – мягкое коричневое сомбреро, немало перевидавшее на своем веку. Он напяливал ее на голову, лихо надвигая на одно ухо. У него были большие желтые рукавицы, которые он не снимал весь день, сильно изношенные и измятые, но вполне еще пригодные для работы в мастерской и на дворе. Он научился совсем неплохо расправляться с пиломатериалами, искусно складывал бревна, «принимал со струга», за которым стоял Малаки Демси, работал на механической ножовке и выполнял всякие другие поручения. Его энергия была неистощима, потому что он устал от дум и надеялся физическим трудом заглушить и преодолеть в себе мысли об утрате своего таланта, надеялся забыть о том, что не сможет больше писать, что его карьера художника загублена. Юджина самого удивляли и радовали сделанные им наброски, так как еще недавно первой его мыслью было бы, что ничего у него не выйдет. Благодаря живому интересу рабочих и выпавшим на его долю похвалам он сделал эти рисунки шутя, и, как ни странно, сам находил их удачными.

Дома перед обедом он снимал рабочий комбинезон и, приняв холодный душ, надевал новый коричневый костюм, купленный в магазине готового платья; он решился истратить на него восемнадцать долларов, так как имел теперь верный заработок. Ему нелегко было отлучаться из мастерской за какой-нибудь покупкой, поскольку заработная плата (пятнадцать центов в час) полагалась только за фактически проработанное время. Свои картины он сдал на хранение в Нью-Йорке, но не мог съездить туда (или, вернее, не хотел терять время), чтобы заняться их продажей. Он узнал, что может отлучиться в любую минуту, не вызывая никаких расспросов, – придется только пожертвовать заработком, – но если ему хотелось сохранить плату, то для отпуска требовалась серьезная причина. Внешний вид его – вечером, по возвращении с работы в шесть тридцать, и в воскресные дни – был весьма привлекателен. Он производил впечатление человека воспитанного, чрезвычайно выдержанного и даже изысканного, а в тех случаях, когда ни с кем не разговаривал, – немного печального. Его грызла тоска и тревога, он чувствовал себя выбитым из колеи. Дома ему было скучно. Как и в Александрии, до встречи с Фридой, он тосковал по обществу молодых девушек. Где-то сейчас Фрида, думал он, что она делает? Не вышла ли замуж? Как жаль, если вышла. О, если бы жизнь послала ему такую девушку, как Фрида, – такую юную, прекрасную! Когда спускалась ночь, Юджин подолгу сидел, глядя на озаренную луною реку, – созерцание природы было его единственным утешением, – и мечтал. Как красиво все вокруг! Как прекрасна жизнь – и этот поселок, и деревья в летнем уборе, и мастерская, где он работает, и река, и Джозеф, и

коротышка Джимми, и Джон-Бочка, и звезды. О, если бы снова начать писать, снова полюбить! Любить! Любить! Разве может что-нибудь сравниться с тем счастьем, какое приносит любовь!

Весенний вечер, воздух, напоенный благоуханием, – как вот сегодня, – темные деревья, склонившие верхушки; или призрачные сумерки, пронизанные серебряными, зеленоватыми и оранжевыми бликами, ласковый шепот ветерка, отдаленное кваканье лягушек – и девушка. Боже мой! Что может быть прекраснее этого? И какое значение имеет все остальное? Девушка – ее нежные юные руки обвиваются вокруг вашей шеи, ее губы прижались к вашим губам в упоении чистой любви, ее глаза поблескивают во мраке, как два светлых озера!

Так было еще совсем недавно с Фридой и когда-то с Анджелой. И как давно он пережил это со Стеллой! Милая, славная Стелла, как она была прелестна! А теперь он здесь, он болен и одинок, он женат на Анджеле, она скоро приедет, и… Он вставал, чтобы прогнать эти мысли, брался за книгу, расхаживал по террасе или шел спать. У него было тоскливо на душе, мучительно тоскливо. Где бы Юджин ни находился, для него существовала лишь одна радость – весенняя пора и любовь.

Глава XXII

В те дни, когда Юджин, живя словно в полусне, работал, мечтал, фантазировал, в Ривервуд приехала к матери Карлотта Уилсон – миссис Норман Уилсон, как ее называли в том мире, где она вращалась. Это была высокая брюнетка тридцати двух лет, красивая, изящная женщина английского типа, знавшая людей не только благодаря природному уму и ярко выраженному чувству юмора, но и на основании житейского опыта – иногда горького, показавшего ей и блеск жизни и ее изнанку Начать хотя бы с того, что Карлотта была женою игрока, игрока-профессионала, одного из тех субъектов, которые, изображая джентльменов и действительно сходя за таковых, пользуются этим, чтобы беспощадно обирать своих неосторожных партнеров. Карлотта Хиббердел познакомилась с ним на скачках в Спрингфилде, куда приехала с отцом и матерью. Уилсон случайно был в этом городе по какому-то делу. Отец Карлотты, агент по продаже недвижимого имущества, одно время довольно преуспевавший, интересовался скаковыми лошадьми, и за его конюшней числилось несколько рекордов, правда, не мировых. Норман Уилсон тоже выдавал себя за агента по продаже недвижимости и довольно удачно провел несколько весьма крупных сделок с земельными участками, но главным его искусством и основой его благосостояния была игра. Ему были известны все возможности, какие предлагает город для азартных игр, он имел обширный круг знакомых среди тех, кто увлекается игрой, – мужчин и женщин, как в Нью-Йорке, так и в других городах, – и его удача или искусство временами бывали поистине феноменальны. Но случалось, что его упорно преследовали неудачи. Были периоды, когда он мог позволить себе жить в самых роскошных квартирах, есть в лучших ресторанах, посещать самые дорогие загородные клубы и всячески развлекаться в обществе друзей. Но вдруг наступала полоса невезения, и Уилсон проигрывался в пух, но так как он упорно цеплялся за прежний образ жизни, то приходилось влезать в долги. Как и все игроки, он был до некоторой степени фаталистом и упрямо не сдавался, веря, что счастье вновь улыбнется ему. И так и случилось, потому что, когда положение становилось особенно затруднительным, его мозг начинал усиленно работать, и всегда находился какой-нибудь способ вывернуться. Система его заключалась в том, что он, как паук, плел паутину и ждал, пока в его сети не залетит какая-нибудь неосторожная муха.

Когда Карлотта Хиббердел выходила за него замуж, она не знала за своим пылким возлюбленным ни этого редкого таланта, ни его тайной пагубной страсти. Как и все люди его типа, он был нежен, вкрадчив, настойчив и страстен. Было что-то кошачье в его манерах, и это, как магнит, влекло ее к нему. Она не могла понять его в то время – да, в сущности, не понимала и позднее. Распутные повадки, которые она стала замечать за ним – и не только по отношению к себе, но и по отношению к другим женщинам, – изумляли Карлотту и вызывали в ней чувство гадливости. Она убедилась, что он эгоист, самодур, что это черствый, скучный, ограниченный человек, недалекий во всем, что выходит за пределы его специфического мирка. Когда у него водились деньги, он не отказывал себе ни в чем, что в его глазах способствовало украшению жизни, но Карлотта обнаружила, к своему прискорбию, что у него на этот счет самые превратные понятия. В обращении с нею и с другими он был высокомерен и покровительственно-снисходителен. Его напыщенная речь временами приводила ее в бешенство, временами забавляла. И когда страсть прошла, Карлотта за всем его позерством разгадала низкие мотивы и поступки, и на смену влюбленности пришло равнодушие, а затем и отвращение. Она стояла достаточно высоко по своему умственному уровню, чтобы не вступать с ним в частые пререкания, и была настолько равнодушна к жизни в целом, что ничто не могло огорчить ее по-настоящему. Единственной ее мечтой был идеальный возлюбленный, а так как она горько разочаровалась в муже, то и стала осматриваться в поисках такого идеального мужчины.

В доме у них бывали всякие люди – игроки, светские хлыщи, специалисты горного дела, биржевики. Иногда они приходили с женами, иногда без них. От этих людей, а также от мужа и благодаря собственным наблюдениям Карлотта узнала о всякого рода мошеннических проделках, неравных браках, любопытных случаях несходства характеров и половых извращений. Она была хороша, изящна, проста в обхождении, а потому открытым предложениям и намекам – прямым и косвенным – не было конца. Она давно уже к этому привыкла. Поскольку муж изменял ей с другими женщинами и не стеснялся это афишировать, она не видела оснований избегать других мужчин. Любовников она выбирала осторожно, с большим вкусом, начав после долгих колебаний с человека, который ей очень нравился. Она искала в мужчине чуткости и утонченности чувств в сочетании с некоторой одаренностью, которая возвышала бы его над другими, а таких людей найти было нелегко. Подробный перечень ее связей был бы здесь неуместен, но надо сказать, что они наложили на нее известный отпечаток.

Внешне Карлотта почти ко всем и всему проявляла полное безразличие, хотя хороший анекдот или шутка всегда вызывали у нее искренний смех. Книги ее не интересовали, за исключением немногих романов реалистической школы, произведений совершенно особого порядка, о которых она говорила, что их следует издавать только для ограниченного круга читателей. Искусство – настоящее, высокое искусство – обладало для нее необычайно притягательной силой. Она восхищалась картинами Рембрандта, Франса Гальса, Корреджио и Тициана и – с меньшим разбором, скорее с точки зрения чувственности – любовалась нагими женщинами Кабанеля, Бугро и Жерома. В произведениях этих художников она видела действительность, украшенную богатым воображением. Люди вообще интересовали ее: странности их ума, их извращенные наклонности, лживость,увертки, притворство и страхи. Карлотта знала, что она женщина опасная, и двигалась тихо, по-кошачьи, с полуулыбкой на лице, несколько напоминавшей улыбку Моны Лизы, но меньше всего думала о себе – в ней было слишком много смелости. Вместе с тем она была снисходительна к чужим слабостям, великодушна до крайности и очень щедра. Когда ей говорили, что она чересчур далеко заходит в своей неразборчивости, она отвечала:

– А почему бы и нет? Мне ли судить других?

Ее теперешний приезд домой объяснялся тем, что между нею и мужем произошел разрыв. Он по каким-то соображениям должен был уехать в Чикаго, главным образом потому, как подозревала Карлотта, что дальнейшее пребывание в Нью-Йорке было для него небезопасно. Но так как Карлотта и слышать не желала об этом городе, да и общество мужа ей претило, она отказалась сопровождать его. Он приходил в ярость, подозревая ее в неверности, но ничего не мог сделать. Карлотте он был совершенно безразличен. К тому же она располагала другими источниками материальных благ помимо него или же могла в любое время ими обзавестись.

Уже несколько лет один богатый еврей не давал ей покоя, убеждая добиться развода и выйти за него замуж. Его автомобиль и состояние были к ее услугам. Но она удостаивала его лишь самых ничтожных милостей. Сплошь и рядом он вдруг звонил ей и спрашивал, нельзя ли приехать за ней на машине. У него их было три. Большинство его предложений она отклоняла с равнодушным видом. «К чему?» – был ее излюбленный ответ. Случалось, что и у ее мужа бывал собственный автомобиль. Она имела возможность пользоваться машиной, когда ей было угодно, одеваться, как ей нравилось, ее приглашали на интересные загородные прогулки. Миссис Хиббердел были прекрасно известны и не совсем обычные взгляды Карлотты, и ее семейные нелады, и ссоры, и склонность к флирту. Она всеми силами старалась сдержать дочь, заботясь о том, чтобы та сохранила за собой право добиться развода, а затем снова вышла замуж, на этот раз удачно. Норман Уилсон не хотел, однако, расстаться с ней по доброй воле, хотя было очевидно, что в их супружеском разладе он виноват больше, чем она. И если бы Карлотта скомпрометировала себя, пропала бы всякая надежда принудить его к разводу. Миссис Хиббердел подозревала, что дочь уже скомпрометировала себя, но трудно было сказать что-либо с уверенностью. Карлотта была слишком изворотлива. Во время семейных сцен муж не раз обвинял ее в измене, но эти обвинения объяснялись его ревнивым характером. На самом деле он ничего не знал.

Карлотта слыхала про Юджина. Как художник он был ей неизвестен, но сдержанные упоминания матери о его присутствии в доме, то, что он был художником, а теперь работал простым рабочим для восстановления здоровья, – все это пробудило в ней интерес. Она предполагала на время отсутствия мужа отправиться в Нарагансет с компанией знакомых, но решила заехать сперва на несколько дней домой, чтобы составить себе мнение о Юджине. Узнав об этом решении, миссис Хиббердел почувствовала, что любопытство дочери задето, и, надеясь расхолодить ее, заметила как бы вскользь, что ее жилец, вероятно, скоро уедет – к нему возвращается жена. Карлотта расслышала в этих словах желание воспротивиться ее планам и помешать ее знакомству с интересным человеком. Тем более решила она настоять на своем и поехать к матери.

– У меня нет никакого желания ехать в Нарагансет, – заявила она. – Я устала. Норман меня совсем издергал. Я, пожалуй, приеду домой на недельку.

– Хорошо, – сказала миссис Хиббердел. – Только, пожалуйста, веди себя осторожно. Этот мистер Витла, по-видимому, очень порядочный человек, и он любит свою жену. Так что не вздумай с ним кокетничать, а то я немедленно предложу ему съехать.

– Ах, к чему эти разговоры! – раздраженно отозвалась Карлотта. – Будь хоть сколько-нибудь справедлива ко мне. Я вовсе не для того еду, чтобы знакомиться с ним. Я тебе говорю, я устала. Но если ты против, я не приеду.

– Дело не в этом. Я, разумеется, буду тебе рада. Но ты ведь немножко знаешь себя. Как можешь ты добиться свободы, если не будешь осмотрительна? Ведь ты…

– О боже мой, опять эти проповеди! – рассердилась Карлотта. – Что толку начинать все сначала? Мы уже тысячу раз обо всем переговорили, но что бы я ни сделала, куда бы ни поехала, ты непременно поднимаешь шум. Я тебе говорю, что еду домой только для того, чтобы отдохнуть и ничего больше. Почему ты всегда стараешься испортить мне настроение?

– Но послушай, Карлотта, ведь ты сама прекрасно знаешь…

– Ах, оставь, пожалуйста. Я не поеду! Ко всем чертям Ривервуд! Поеду в Нарагансет. Как мне надоели твои нравоучения!

Миссис Хиббердел посмотрела на свою высокую, изящную, красивую дочь и, вопреки владевшему ею раздражению, залюбовалась этой прелестной женщиной. Будь она благоразумна и осторожна, какую блестящую роль играла бы она в обществе! Цвет ее лица напоминал старую, чуть розоватую слоновую кость, губы – сочную малину, в больших голубовато-серых, широко расставленных глазах было столько ласки и доброты… Какая жалость, что она с самого начала не вышла замуж за какого-нибудь солидного, достойного человека. Но быть связанной с этим игроком, – хотя они и жили на довольно широкую ногу, в роскошной квартире в западной части Сентрал-парка, – какое несчастье! И все же это лучше, чем бедность или позор, а ведь можно ожидать и того и другого, если Карлотта не будет осторожна. Миссис Хиббердел хотела, чтобы дочь приехала в Ривервуд, так как ее общество было ей приятно, но она хотела также, чтобы Карлотта прилично вела себя. Оставалось надеяться на Юджина. Судя по его манерам и речам, он, несомненно, человек очень тактичный. Миссис Хиббердел уехала в Ривервуд, и Карлотта, едва сгладилось впечатление от ссоры, последовала за матерью.

Когда она приехала, Юджин был на работе, и она не видела, как он возвратился домой. На нем было его старое сомбреро, в одной руке он нес кожаную сумку для завтрака и весело размахивал ею. Он прошел прямо к себе, принял ванну, а затем, в ожидании обеда, вышел на террасу. Миссис Хиббердел находилась в своей комнате на третьем этаже, а «кузен Дэйв», как Карлотта называла Симпсона, копался в саду. Сгущались сумерки. Юджин сидел, погруженный в размышления о красоте окружающего мира, о своем одиночестве, о товарищах по работе, об Анджеле и о многом другом, когда решетчатая дверь отворилась и вошла Карлотта. На ней было домашнее платье из синего шелка в крапинку, с короткими рукавами, отделанными, как и ворот, суровым кружевом. Платье мягко обтягивало ее красивую фигуру, которая поражала своей пропорциональностью. Волосы, заплетенные в толстые косы, лежали на затылке, подхваченные коричневой сеткой с блестками. Вид у нее был задумчивый, держала она себя просто и казалась ко всему безучастной.

Юджин встал.

– Я, наверное, мешаю вам? Садитесь, пожалуйста, сюда.

– Нет, благодарю вас. Я сяду здесь, в углу. Но разрешите мне сперва представиться, раз никого нет, кто бы это сделал за меня. Я – миссис Уилсон, дочь миссис Хиббердел. А вы – мистер Витла?

– Да, я мистер Витла, – с улыбкой ответил Юджин.

В первую минуту Карлотта не произвела на него особого впечатления. Она показалась ему очень милой и, по-видимому, неглупой, правда, немного старше того возраста, в каком женщины обычно интересовали его. Она села и стала глядеть на реку. Юджин снова молча опустился в качалку. У него не было желания разговаривать. Все же смотреть на эту женщину было приятно. Ее присутствие как бы осветило все вокруг.

– Я с большим удовольствием приезжаю сюда, – решилась наконец Карлотта прервать молчание. – В городе невыносимо душно. Я думаю, немногие еще знают про это местечко. Оно как-то в стороне.

– Мне здесь очень нравится, – сказал Юджин. – Я так отдыхаю. Что бы я стал делать, если б ваша матушка не приютила меня? При моем теперешнем занятии нелегко найти квартиру.

– Я бы сказала, что вы избрали довольно утомительный способ для восстановления здоровья, – заметила она. – Черная работа – это, наверно, очень трудно. Вам она не в тягость?

– Нисколько. Я доволен. Работа занятная и не такая уж трудная. Все это ново для меня и потому кажется легким. Мне нравится, что я поденщик, что я среди рабочих. Одно меня беспокоит – здоровье, оно в таком скверном состоянии. Ужасно неприятно болеть.

– Еще бы! – ответила она. – Но, возможно, работа снова поставит вас на ноги. Все мы склонны преувеличивать наши невзгоды – со мной по крайней мере всегда так бывает.

– Спасибо за утешение, – сказал он.

Она не смотрела на него; он продолжал молча раскачиваться. Наконец гонг возвестил обед, миссис Хиббердел спустилась из своей комнаты, и все пошли в столовую.

За обедом разговор зашел о работе Юджина, и тот со всеми подробностями стал описывать Джозефа, и Билла, и Джона-Бочку, и маленького Садза, и кузнеца Гарри Форнза. Карлотта слушала с большим вниманием, стараясь, однако, не показывать этого. Все в Юджине ей нравилось и казалось каким-то особенным – его худощавая фигура и тонкие руки, его темные волосы, черные глаза. Ей нравилось, что он утром одевается в платье рабочего, целый день проводит в мастерской и, несмотря на это, появляется к обеду в таком безукоризненном виде. У него были непринужденные манеры, а в движениях, как будто бы сонных, чувствовалась какая-то стремительная сила. Его присутствие вносило в дом живую струю.

С первого же взгляда угадывалось, что он художник и, по всей вероятности, талантливый. Юджин ничего не говорил о своей профессии, он старательно избегал всяких разговоров на эту тему и только внимательно слушал. У Карлотты было ощущение, что он изучает ее и всех остальных, и от этого она становилась еще оживленнее. «Вот мужчина, с которым приятно было бы познакомиться поближе», – неоднократно мелькало у нее в голове.

Карлотта жила в доме матери десять дней; но, несмотря на то что Юджин уже на третий день стал встречать ее не только за обедом (что было вполне естественно), но и за завтраком (что несколько его удивило), он не уделял ей большого внимания. Она была мила, бесспорно, но Юджин мечтал о женщине совсем иного типа. Он находил ее исключительно приятной и очень любезной собеседницей; его восхищали ее умение одеваться и ее красота, он присматривался к ней с большим интересом и думал о том, какой жизнью она живет. Из обрывков разговоров, которые ему приходилось слышать, он сделал вывод, что она довольно состоятельна. Были упоминания о квартире в западной части Сентрал-парка, где, по-видимому, велась крупная игра, об автомобильных прогулках, о ложах в театре и о людях, – очевидно, близких знакомых, – зарабатывавших большие деньги. Он слышал, как Карлотта рассказывала о горном инженере докторе Рауленде; о преуспевающем биржевике, держателе угольных акций Джералде Вудсе; о некоей миссис Хэйл, вложившей большой капитал в медные рудники и, должно быть, очень богатой. «Как это обидно, что Норман не может заняться чем-нибудь в этом роде», – расслышал он однажды слова Карлотты, обращенные к матери. Юджин понял, что Норманом зовут ее мужа и что он должен скоро вернуться. Поэтому он держался на расстоянии, испытывая к ней интерес, скорее похожий на любопытство, чем на что-либо другое.

Миссис Уилсон, однако, не принадлежала к числу людей, которых легко обескуражить. Однажды вечером, сейчас же после обеда, к дому подкатил огромный красный лимузин, и Карлотта сказала как бы невзначай:

– Мы собираемся на прогулку. Не хотите ли присоединиться к нам, мистер Витла?

Юджину до этого еще не случалось ездить в автомобиле.

– С большим удовольствием, – ответил он, так как при виде подъехавшей машины у него тотчас же мелькнула мысль о предстоящем ему тоскливом вечере в опустевшем доме.

За рулем сидел шофер – представительная личность в желтом соломенном картузе и коричневом пыльнике, но миссис Уилсон сумела выкроить место и для Юджина.

– Ты, дорогой, садись с шофером, – сказала она Симпсону и, последовав за матерью в машину, предложила Юджину сесть рядом. – В ящике, должно быть, есть еще кепи и плащ, – заметила она, обращаясь к шоферу. – Передайте, пожалуйста, мистеру Витла.

Шофер достал тонкий полотняный плащ и соломенный картуз, и Юджин надел их.

– Прекрасная вещь – автомобильная езда, правда? – приветливо обратилась Карлотта к Юджину. – Она так освежает. Если существует на свете отдых от земных забот, так это быстрая езда.

– Мне еще не приходилось ездить на автомобиле, – просто сказал Юджин.

Тон, каким он произнес эти слова, тронул Карлотту. Ей стало жаль его, – таким он выглядел одиноким и грустным. Его равнодушие к ней дразнило ее любопытство и задевало гордость. Почему он так мало обращает на нее внимания? В то время как машина, то в гору, то под гору, мчалась по узким дорогам, обсаженным тенистыми деревьями, Карлотта при свете звезд разглядывала Юджина. Лицо его было бледно и выражало задумчивость и безразличие.

– Ох, уж эти серьезные мужчины! – пожурила она его. – Какой ужас быть философом!

Юджин только улыбнулся.

Вернувшись домой, все разошлись по своим комнатам, и Юджин решил спуститься в библиотеку за книгой. Проходя мимо спальни Карлотты, он увидел, что дверь раскрыта и Карлотта сидит, слегка откинувшись в глубоком кресле, положив ноги на стул, – платье ее немного приподнялось, и красивая ножка видна была до щиколотки. Она не шевельнулась, а только с ласковой улыбкой подняла на него глаза.

– Разве вы еще не устали, что не ложитесь? – спросил он.

– Не совсем еще, – ответила она.

Он спустился вниз, зажег свет в библиотеке и стал просматривать корешки книг. Вдруг он услышал чьи-то шаги – Карлотта подошла к нему и тоже стала разглядывать книги.

– Не хотите ли пива? – предложила она. – В леднике должно быть несколько бутылок. Я и не подумала, что вам, возможно, хочется пить.

– Нет, мне не хочется, – сказал он. – Я вообще не пью.

– Ну вы не очень-то компанейский человек, – рассмеялась она.

– В таком случае давайте пить пиво, – сказал он.

Она принесла в столовую бутылки, швейцарский сыр и бисквиты и томно опустилась в одно из массивных кресел.

– Если я не ошибаюсь, там в углу, на столике, должны быть папиросы.

Он дал ей огня, и она с удовольствием затянулась.

– Вам, наверно, скучно здесь, вдали от друзей и знакомых? – заговорила она первая.

– О, я так долго болел, что не уверен, есть ли у меня еще друзья.

Он рассказал ей кое-что о своей жизни, упомянул о своих воображаемых недугах – она внимательно слушала его. Когда в бутылке ничего не осталось, она спросила, не хочет ли он еще, но он отказался. Немного спустя он устало потянулся, и она вскочила.

– Ваша матушка подумает, что мы тут устроили нечто вроде ночного кабачка, – сказал он.

– Не беспокойтесь. Ее комната на третьем этаже, к тому же она вообще неважно слышит. А кузен Дэйв ничего не скажет. Он меня достаточно хорошо изучил и знает, что я привыкла поступать так, как мне нравится.

Она придвинулась ближе к Юджину, но он, казалось, не замечал этого. Когда он направился к выходу, она погасила свет и последовала за ним по лестнице.

«Либо он самый робкий человек на свете, либо самый холодный, – подумала Карлотта, но вслух она тихо сказала:

– Спокойной ночи. Приятных сновидений. – И пошла к себе.

Юджин отнесся к ней, как к доброму товарищу: он подумал, что ее манеры немного чересчур свободны для замужней женщины, но она, вероятно, достаточно осторожна. С ним она, по-видимому, просто любезна. Все это объяснялось тем, что Карлотта не очень интересовала его.

Но на этом дело не кончилось. Однажды утром он проходил мимо ее двери – миссис Хиббердел была уже внизу. Глазам Юджина неожиданно представилась нежная рука и обнаженное плечо – Карлотта лежала, откинувшись на подушку, по-видимому, и не подозревая, что дверь открыта. Красота этой идеальной по форме руки вызвала в Юджине чувственный трепет. В другой раз он увидел ее перед обедом, в тот момент, когда она застегивала ботинки. Юбка ее была поднята до колен, а плечи и руки обнажены – на ней был лишь корсет и сорочка. Она, казалось, не знала, что он находится поблизости. Однажды вечером после обеда он стал насвистывать какую-то мелодию. Карлотта подошла к роялю и начала подбирать аккомпанемент. В другой

раз, когда он сидел на веранде и тихонько что-то напевал, она стала ему подпевать. Однажды в библиотеке он придвинул кресло к окну, возле которого стояла кушетка (миссис Хиббердел уже отправилась на покой), и Карлотта подошла и прилегла на нее.

– Вы не возражаете, если я полежу здесь? – сказала она. – Я сегодня что-то устала.

– Нисколько. Я вам очень рад. Мне скучно.

Она смотрела на него с улыбкой. Он стал тихо напевать, она вторила ему.

– Покажите мне вашу руку, – сказала она вдруг. – Я хочу узнать кое-что.

Он протянул ей руку. Она стала перебирать его пальцы, явно искушая его. Но даже это его не пробудило.

Вскоре она уехала дней на пять по каким-то делам, а когда вернулась, он очень обрадовался ей. Ему было скучно, и он понял теперь, что с Карлоттой в доме как-то светлее и веселее. Он с необычной сердечностью приветствовал ее.

– Как я рад, что вы вернулись! – сказал он.

– Уж будто рады? – ответила она. – Я вам не верю.

– Почему?

– Мало ли почему! У меня есть кое-какие приметы. Вы, по-моему, не очень любите женщин.

– Я?!

– Да, я думаю, что не любите.

Она была очаровательна в зеленовато-сером шелковом платье. Юджин невольно залюбовался нежными очертаниями ее шеи и тем, как вьются ее волосы на затылке. Нос у нее был прямой, прекрасной формы, с тонкими чувственными ноздрями. Юджин последовал за нею в библиотеку, и они вместе вышли на террасу. Вскоре он вернулся в дом – было уже десять часов, – и она вошла за ним. Дэйвис отправился к себе в комнату, миссис Хиббердел – к себе.

– Я, пожалуй, почитаю, – рассеянно сказал Юджин.

– Ну вот еще что вздумали, – шутливо отозвалась она. – Никогда не занимайтесь чтением, когда можно заняться чем-нибудь другим.

– Чем же, например?

– Мало ли чем! Играть в карты, предсказывать судьбу, гадать по руке, пить пиво…

Она капризно посмотрела на него. Он уселся в свое любимое кресло между кушеткой и окном. Карлотта подошла и бросилась на кушетку.

– Поухаживайте за мной, дайте мне подушку, – приказала она.

– С удовольствием, – ответил он.

Он принес одну из подушек и приподнял ее голову, так как она не шевелилась.

– Так хорошо? – спросил он.

– Еще одну, пожалуйста.

Он просунул руку ей под голову и приподнял ее. Она ухватилась за его свободную руку и, не выпуская, рассмеялась странным, возбужденным смехом. И Юджину вдруг открылся смысл всего, что она делала. Он уронил подушку и пристально посмотрел на Карлотту Она отпустила его руку и откинулась назад, томная и улыбающаяся. Тогда он взял ее левую руку, потом правую, сел рядом и вдруг, склонившись, прижался губами к ее губам. Она закинула руки ему за шею, прильнула к нему всем телом, потом, отстраняясь, заглянула ему в глаза и облегченно вздохнула.

– Вы любите меня? – пробормотал он.

– Наконец-то, – со вздохом сказала она и снова привлекла его к себе.

Глава XXIII

Карлотта Уилсон была прекрасна, обладала пылким темпераментом и тонкой изобретательностью, преодолевавшей любые преграды. Она задалась целью покорить Юджина. Во-первых, он ей очень нравился, а во-вторых, своим равнодушием раззадорил ее тщеславие и задел самолюбие. Впрочем, она искренне полюбила его и восхищалась им, гордясь своей победой, как ребенок новой игрушкой. Едва он обнял ее, по всему ее телу прошел жгучий трепет, и когда она позднее пришла к нему, она вся горела жаждой его ласк. Она осыпала его поцелуями, шепча ему на ухо слова страсти и любви. И Юджину, под действием вспыхнувшей страсти, казалось, что он никогда не встречал более прекрасной женщины. Он забыл и Фриду, и Анджелу, и свое одиночество, и то, что он должен соблюдать благоразумие, и целиком отдался тем радостям, которые дарил ему благосклонный случай.

Карлотта была неутомима в своем внимании к нему. Едва она убедилась, что Юджин любит ее, – или воображает, что любит, – как вся ушла в свою страсть. Ее мысли были всецело заняты Юджином, и она не упускала ни малейшей возможности видеть его и быть с ним. Она неустанно сторожила его, помогая ему использовать для любви каждый удобный случай, проявляя необычайную находчивость. Она знала все привычки матери и кузена и могла с точностью до одной секунды определить, где они в данный момент находятся и через сколько времени дойдут до такой-то двери, до такого-то места. Она передвигалась бесшумно, каждый жест ее, каждый взгляд был многозначителен и красноречив. В течение месяца или около того она, буквально играя с огнем, ставила Юджина в самые рискованные положения, выпуская его из своих объятий лишь в самую последнюю минуту, целуя его беззвучно и быстро в самые неожиданные моменты и при самых неожиданных обстоятельствах. Исчезли ее усталая томность, ее кажущееся безразличие, она вся ожила, – но только, когда она была наедине с ним. В присутствии других она была, как всегда, холодна и равнодушна и даже старалась это подчеркнуть, решив держать свою мать и кузена в полном неведении, и артистически играла свою роль, делая вид, будто находит Юджина, правда, очень милым молодым человеком, но скучным и недостаточно светским.

– Он, возможно, хороший художник, – говорила она матери, – но уж совсем не кавалер. В нем нет ни капли галантности.

Миссис Хиббердел была очень рада. Прекрасно, по крайней мере, можно не опасаться никаких неприятностей. Она боялась Карлотты, боялась Юджина, но кажется, можно было не беспокоиться. В ее присутствии соблюдалась подчеркнутая вежливость, а временами ей даже казалось, что ее дочь и Юджин сторонятся друг друга. Миссис Хиббердел было бы очень неприятно уговаривать дочь не приезжать в родной дом, пока здесь находится Юджин, или просить его уехать. Правда, Карлотта не скрывала, что Юджин ей нравится, но это ничего не значит. Любая замужняя женщина могла бы это сказать. А между тем почти на глазах у миссис Хиббердел разыгрывался роман, который кого угодно мог бы привести в смущение. Она была бы поражена, если бы знала, что происходит в комнатах Карлотты и Юджина и даже в ванной. Они пользовались каждой минутой, когда оказывались не под надзором.

Юджин охладел к своей работе. Было время, когда она нравилась ему. Он смотрел на нее как на полезную гимнастику, тем более что надеялся скоро избавиться от нее, если здоровье его быстро восстановится. Теперь же работа тяготила его, и ему жаль было отдавать ей столько времени. Карлотта имела в своем распоряжении чей-то автомобиль, а кроме того, могла позволить себе и нанять машину. Началось с того, что она стала назначать ему свидания вне дома, чтобы покататься вместе, и этим отрывала его от работы.

– Разве ты обязан ходить на работу каждый день? – спросила она его как-то к концу воскресного дня, когда они были одни. Симпсон и миссис Хиббердел отправились на прогулку, и Юджин сидел у Карлотты, на втором этаже. Комната матери была на третьем.

– Нет, не обязан, – ответил он, – но я не хочу терять свой заработок. Я получаю пятнадцать центов в час, и эти деньги мне нужны. Ты не должна забывать, что я сейчас работаю как простой рабочий.

– Ах, оставь, – сказала она. – Что такое пятнадцать центов в час? Я дам тебе в десять раз больше, только будь со мной.

– Ну нет, – сказал он. – Ничего ты мне не дашь. Так у нас ничего не выйдет.

– Юджин, не говори глупостей! У меня сейчас много денег – больше, чем у тебя, во всяком случае. И эти деньги так или иначе уйдут. Все равно от них проку не будет, я могу тратить их на что угодно. Так почему же тебе не воспользоваться хотя бы частью? Ты потом мне вернешь.

– Ну уж нет, – повторил Юджин. – Так у нас дело не пойдет. Я предпочитаю работать. А впрочем, дела мои совсем не так уж плохи. Возможно, мне удастся продать картину. В любой день может прийти сообщение о продаже. А что ты хотела предложить?

– Поедем завтра кататься. Мама уезжает в Бруклин к тете Элле. У тебя в мастерской есть телефон?

– Конечно, есть. Только я не советовал бы тебе звонить туда.

– От одного раза ничего не станется.

– Пожалуй, что и ничего. Но лучше нам этого не делать, во всяком случае не вводить в правило. Там народ очень строгий. Им приходится быть строгими.

– Понимаю, – сказала Карлотта. – Ну ладно, не буду. Я просто думала, как бы это устроить. Но давай условимся. Ты знаешь верхнюю дорогу по ту сторону реки?

– Знаю.

– Так вот, иди завтра по этой дороге в час дня, а я догоню тебя на машине. Тебе можно будет на этот раз уйти?

– Конечно, можно, – сказал Юджин, – я ведь только шутил. Я и денег могу раздобыть.

Когда он устроился на работу, у него еще оставались от его сбережений сто долларов. До сих пор он отчаянно цеплялся за них, но теперь, когда положение его несколько прояснилось, он решил, что может, пожалуй, позволить себе потратить кое-что. По всем признакам он находился на пути к выздоровлению. Счастье снова возвращалось к нему.

– Хорошо, в таком случае я вызову автомобиль. Ты ведь не прочь покататься?

– Нет, – ответил он. – Я захвачу с собой новый костюм и переоденусь в мастерской.

Она весело рассмеялась: его щепетильность и простодушие умиляли ее.

– Ты мой принц, мой прекрасный принц из детской книжки! – воскликнула она и бросилась ему на шею. – Ты ангел небесный, мое божество! Ты даже не догадываешься, как долго я тебя ждала! Мой волшебник, мой принц! Я люблю тебя, люблю! Лучше тебя нет на свете.

– А ты моя волшебница. Но оба мы с тобой нехорошие, и ты и я. Ты отступница, отщепенка, а я – мне даже страшно подумать, что я такое.

– Это что еще за слово – отщепенка? – спросила Карлотта. – Я такого и не слыхала.

– Отщепенка – это женщина, отвергнутая обществом, отбившаяся от стаи голубка.

– Что ж, на меня похоже, – сказала Карлотта, вытягивая свои сильные, гладкие руки и задорно смеясь. – Не желаю я связываться ни с какой стаей! Ко всем чертям стаю. – Она заговорила нарочито вульгарным тоном. – Лучше мне улететь с моим волшебником. Он мне дороже всего на свете. Только я да ты, мой принц! Так, значит, я твоя любимая отщепенка? Ну, скажи, ты любишь голубок, отбившихся от стаи?

– Это немыслимо! Ужасно! Ты невозможная женщина! – пытался остановить ее Юджин.

Но она закрыла ему рот поцелуем.

– Любишь, да?

– Эту – люблю. Эту голубку – да, – отвечал он, нежно гладя ее лицо. – Как ты хороша, Карлотта, как ты прелестна! Какая ты изумительная женщина!

Она бросилась ему на шею.

– Кто бы я ни была, я твоя, мой волшебник. Можешь требовать от меня все, что угодно, делать со мною все, что захочешь. Ты сладкий дурман, Юджин, мой ненаглядный! Когда ты со мною, я не помню себя от счастья, я ничего не вижу и не слышу. Ты заставляешь меня забывать обо всем. С тобой я ни о чем не думаю! И мне дела нет ни до чего. О, почему ты не свободен? Почему и я не свободна? Уехали бы мы с тобой на необитаемый остров! О, черт возьми! Жизнь – это сплошное недоразумение, правда? Так давай же брать от нее все, что она может нам дать!

Карлотта достаточно знала к этому времени о жизни Юджина, чтобы понимать его положение. Она знала, что он болен, хотя и не видела, в чем состоит его болезнь, но полагала, что причина ее в переутомлении. Ей было известно, что он беден, что у него ничего нет, если не считать нескольких картин, сданных на комиссию, но она не сомневалась, что к нему снова вернется дарование и он займет свое место в жизни. Знала она кое-что о его жене и очень радовалась, что ее здесь нет, ей хотелось бы, чтобы та никогда не приезжала. Карлотта побывала в Нью-Йорке, где путем расспросов в нескольких художественных магазинах узнала кое-что о карьере Юджина как художника, о том, какой это был многообещающий талант, и это еще больше подняло его в ее глазах. Она даже купила одну из его картин, выставленных у братьев Потль, предварительно расспросив Юджина, каким порядком картины сдаются на комиссию и как художник получает за них деньги за вычетом комиссионных. Она прямо заявила управляющему братьев Потль, что покупает картину для того, чтобы помочь художнику, и попросила поторопиться с отправкой чека. Будь Юджин один, этот чек в триста долларов послужил бы ему для того, чтобы выписать Анджелу. Теперь же он дал ему возможность весело проводить время в обществе Карлотты. Юджин не знал, что обязан ей этими деньгами, не знал и того, кому продана картина. Ему была сообщена вымышленная фамилия. Продажа картины до некоторой степени восстановила его веру в свою удачу. Если после столь долгого перерыва была продана картина – и за хорошую цену, – то будут проданы и другие.

Последовавшие за этим дни протекали в восхитительном разнообразии. Утром Юджин уходил в своем старом рабочем костюме, с сумкой, в которой лежал завтрак, а Карлотта, стоя у окна, махала ему на прощанье; если же в этот день у него было назначено где-нибудь свидание с нею, он надевал новый костюм, рассчитывая, что рабочий комбинезон и фуфайка защитят одежду от грязи и пыли. Он работал целый день с Джоном и Биллом, или с Малаки Демси и Джозефом (они теперь спорили между собой из-за него), либо, уйдя из мастерской пораньше, уезжал куда-нибудь с Карлоттой на автомобиле, а вечером возвращался домой, где она встречала его как ни в чем не бывало. Она терпеливо дожидалась его возвращения, как жена дожидается мужа, и, как жена, заботливо следила за тем, не нужно ли ему чего-нибудь. В мастерской Малаки и Джозеф или Джон и Билл, а порою и кое-кто из столяров и плотников со второго этажа наперебой старались залучить к себе Юджина. Малаки и Джозеф жаловались, что им скоро нельзя будет работать, – вон какие горы навалило стружек, красивых стружек ясеня, желтой сосны и ореха, пахнущих смолою и ладаном и напоминающих девичьи кудри. А Джон с Биллом уверяли, что не справляются с работой и им нужна помощь – грузить вагоны. Даже механик Джон-Бочка – и тот пытался представить дело так, будто ему нужен кочегар, но это ему не удавалось. Главный мастер прекрасно понимал, в чем дело, но молчал и посылал Юджина работать то с одними, то с другими, смотря по тому, где, по его мнению, он будет полезнее. Юджин относился ко всему этому добродушно. Ему было все равно, где работать, нравилось и грузить вагоны, и складывать материалы, и помогать в строгальном цехе. Нравилось также стоять, держа корзину под мышкой, и беседовать с Джоном-Бочкой или с Гарри Форнзом – «валять с ними дурака», по его выражению. Куда бы он ни шел, вслед неслись шутки и дружелюбные остроты, и он не чувствовал усталости.

По окончании работы он спешил домой по правому берегу речки, пока не доходил до тропинки, которая вела к улице, где стоял дом миссис Хиббердел. Часто он останавливался и подолгу глядел на тихую воду, по которой плыли соломинки и щепки, сравнивая ее как будто безмятежное течение со своей собственной тревожной жизнью. Изменчивость воды напоминала ему о коварстве природы. Как поразителен контраст между идиллическим спокойствием этого тихого берега и суматошной жизнью мастерской! Ну а те, кто в ней работает?.. Что знает Малаки Демси о красоте природы? Джон Стикс смыслит в искусстве не больше, чем неотесанные колоды, которые он ворочает. А Джону-Бочке разве доступны те волнующие и сложные переживания, которые рождают в его, Юджина, душе любовь и красота! Все они живут словно на другой планете.

А ниже по реке его ждала Карлотта, изящная, уверенная в себе, на все готовая, эта равнодушная к требованиям морали сибаритка, в известной степени представлявшая собою мир, который живет эксплуатацией чужого труда, и нисколько этим не смущенная. Когда он рассказывал ей про Джозефа Мьюза, который по вечерам относил сестре охапку щепок или досок, чтобы сэкономить на топливе, она только улыбалась. Если он говорил ей о нищете, в которой живут массы, она отвечала: «Расскажи что-нибудь повеселее, Юджин». Ей хотелось говорить и думать об искусстве, о роскоши, о любви, она упивалась красотой природы. В окрестностях Спионка были загородные рестораны, куда они отправлялись на машине, и, сидя там, потягивали крюшон или вино, а Карлотта вслух мечтала о том, что бы они стали делать, если бы оба были свободны. Карлотте часто приходили в голову мысли об Анджеле, а Юджина они не покидали ни на минуту, так как он не мог не чувствовать своей вины перед нею.

Анджела была так терпелива и ласкова с ним все эти годы, она, как мать, ходила за ним, прислуживала ему, как раба. Совсем еще недавно он писал ей нежные письма, уверяя, что тоскует о ней. А теперь это снова умерло. Писать стало трудно. Что он ни скажет, все будет ложью, а лгать ему не хотелось. Ему ненавистна была мысль, что он лицемерит. Но если он перестанет писать, размышлял Юджин, Анджела будет ужасно мучиться и, того и гляди, приедет разыскивать его. Только с помощью писем, любовных клятв и объяснений, почему ей пока не стоит приезжать, ему удавалось удерживать ее в Блэквуде. Тем более это было необходимо теперь, когда он был так влюблен в Карлотту. Он отнюдь не обманывал себя надеждой, что когда-нибудь они смогут пожениться. Он знал, что не получит развода, так как для этого не было законных оснований. Да и совесть его, твердившая, что он несправедлив, помешала бы этому. Будущее Карлотты было тоже в высшей степени туманно. Норман Уилсон хотя и пренебрегал ею, однако не хотел окончательно ее терять. Он писал ей и грозил, что приедет в Нью-Йорк, если она не приедет к нему, хотя его несколько успокаивало то, что она находится у матери, где он считал ее в безопасности. Анджела просила Юджина разрешить ей приехать. Они как-нибудь проживут. Сколько бы он ни зарабатывал, с ней ему будет лучше, чем одному Она представляла себе, что он живет в каком-нибудь неуютном пансионе, заброшенный и одинокий.

Приезд Анджелы вынудил бы Юджина покинуть дом миссис Хиббердел, так как последняя дала ему понять, что их соглашение остается в силе только до приезда его жены, и таким образом наступил бы конец его роману с Карлоттой. Конец поездкам в рестораны и восхитительным обедам вдвоем на укромных террасах. Конец прогулкам в ее машине, которой она так ловко правила, прекрасно обходясь без шофера. Конец свиданиям под деревьями и у живописных ручейков, где он целовал и ласкал ее и где она нежилась в его объятиях.

– Если бы мама нас видела! – шутила она.

Или:

– Как ты думаешь, узнали бы тебя Билл и Джон, если б увидели сейчас?

А однажды она заметила:

– Здесь лучше, чем в машинном отделении, не правда ли?

– Ты ужасно испорченная женщина, – говорил он; и тогда она улыбалась своей загадочной улыбкой Моны Лизы.

– Но ты ведь любишь испорченных женщин? Отбившиеся голубки – великолепная дичь.

Согласно своей философии, она брала от жизни все, что жизнь могла дать ей.

Глава XXIV

Такие отношения не могли длиться бесконечно. В самом зародыше их сидел червь. Юджин грустил. Иногда ему не удавалось скрыть свое уныние, и если Карлотта спрашивала, что с ним, он говорил:

– Долго это не может тянуться. Скоро наступит конец.

– Ты пессимист, Джини, – говорила она с укоризной, так как надеялась, что ей удастся оттянуть развязку на долгий срок. Юджин же был убежден, что никакое, даже самое тонкое притворство не обманет Анджелу. Очень уж хорошо она разгадывала его невысказанные чувства и настроения. Скоро она приедет, хочет он того или нет, и тогда всему конец. Однако непредвиденное стечение обстоятельств приблизило развязку и разлучило любовников еще до приезда Анджелы.

Миссис Хиббердел все чаще и чаще стала задумываться над тем, почему Карлотта не только удовлетворена своим пребыванием у нее, но даже, кажется, хочет остаться и подольше. У нее была своя квартира в городе, по всей видимости, закрытая на лето, так как Карлотта собиралась на самые жаркие месяцы в Нарагансет. Но после знакомства с Юджином она решила время от времени пользоваться квартирой для свиданий с ним, хотя это было сопряжено с риском, поскольку Норман Уилсон мог в любую минуту вернуться. Тем не менее они с Юджином несколько раз заезжали туда, чем достигалась двойная цель – побыть без помехи вдвоем и ввести в заблуждение ее мать. Карлотта доказывала Юджину, что ей полезно на какое-то время уезжать из Ривервуда, – тогда ее пребывание там становится менее подозрительным и меньшей опасности подвергается их счастье. Поэтому она и пользовалась иногда квартирой. Но в то же время она не могла совсем покинуть Ривервуд, так как Юджину необходимо было находиться там утром и вечером.

И все-таки в конце августа в душе миссис Хиббердел зародилось подозрение. Однажды Карлотта позвонила ей из города, что у нее болит голова и она не приедет. Миссис Хиббердел как раз собиралась в город за покупками и предупредила дочь, что

вечером будет у нее. Подходя к Сентрал-парку, она заметила машину, где, как ей показалось, сидели Юджин и ее дочь. Правда, Юджин с утра ушел на работу, но уж очень похож был на него человек, которого она видела. Впрочем, утверждать, что это были именно они, она не могла бы. Когда она пришла к Карлотте, та оказалась дома, – она чувствовала себя лучше, но никуда не выходила. Миссис Хиббердел решила, что ошиблась.

В Ривервуде ее комната помещалась на третьем этаже, и несколько раз, когда ей случалось спускаться за чем-нибудь в кухню, столовую или библиотеку (уже после того, как все расходились по своим комнатам), ей как будто слышались легкие шаги. Но она каждый раз успокаивала себя тем, что это игра воображения, так как, достигнув второго этажа, неизменно убеждалась, что он погружен в безмолвие и мрак. Все же она нередко задавала себе вопрос, не встречаются ли Юджин и Карлотта втихомолку. Раза два ей почудилось, будто в промежутках между завтраком и уходом Юджина на работу она слышит на втором этаже чей-то тихий разговор. Однако доказательств у нее не было. Казалось странным, что Карлотта так охотно встает по утрам, чтобы в половине седьмого завтракать вместе с Юджином, не говоря уже о том, что она так легко променяла Нарагансет на Ривервуд. Словом, достаточно было случая, чтобы подозрения миссис Хиббердел превратились в уверенность и чтобы она уличила Карлотту в самом бессовестном обмане.

Этот случай не заставил себя долго ждать. Как-то в воскресенье утром Дэвис и миссис Хиббердел решили покататься на машине. Юджин тоже был приглашен, но отказался – Карлотта, услышав еще за несколько дней о приготовлениях к поездке, предупредила его и стала строить планы, как провести с ним весь день. Она посоветовала Юджину отговориться необходимостью поехать в город, чтобы кое-кого повидать, – сама же дала согласие, но в назначенный день притворилась, что плохо себя чувствует. Дэвис и миссис Хиббердел отправились на Лонг-Айленд. Прогулка была рассчитана на целый день. Но через час после отъезда что-то случилось с машиной, и, просидев два часа в ожидании починки, – достаточно долгий срок, чтобы расстроить всякие планы, – они на трамвае вернулись домой. Юджин, конечно, не ездил в город. Он был даже не одет, когда парадная дверь отворилась и миссис Хиббердел вошла в дом.

– Карлотта! – позвала она дочь, остановившись на лестнице и ожидая, что та выглянет из своей комнаты, из гостиной или гардеробной, расположенной в передней части второго этажа, но Карлотта сидела у Юджина, а его дверь была видна с того места, где находилась миссис Хиббердел. Карлотта не рискнула отозваться.

– Где ты? Карлотта! – снова позвала мать.

Миссис Хиббердел собиралась уже поискать ее в кухне, но передумала и стала подниматься по лестнице, направляясь в гардеробную. Карлотте показалось, что мать вошла туда, и, воспользовавшись этим, она прошмыгнула в ванную, рядом с комнатой Юджина, но, очевидно, действовала недостаточно быстро. Ее мать не вошла в гардеробную, а только приоткрыла дверь и заглянула туда. Она не видела, как Карлотта выскользнула из комнаты Юджина, но видела, как та вошла в ванную, и заметила, что туалет дочери в полном беспорядке. А выйти она могла только из комнаты Юджина, ибо ее собственная спальня, между комнатой Юджина и гардеробной, находилась шагах в десяти от ванной. Было мало вероятно, чтобы Карлотта вышла оттуда – она не успела бы дойти до ванной, а кроме того, почему она тогда не отозвалась?

Первой мыслью миссис Хиббердел было окликнуть дочь. Но потом она решила сделать вид, будто Карлотте удалась ее хитрость. Она была убеждена, что Юджин находится у себя, и действительно, через несколько минут услышала, как он предостерегающе кашлянул.

– Карлотта, ты в ванной? – спокойно спросила она, заглянув сперва в комнату дочери.

– Да, – послышался голос, в котором не чувствовалось уже никакого волнения. – У вас что-нибудь случилось с машиной?

Они обменялись несколькими замечаниями через закрытую дверь, после чего миссис Хиббердел отправилась к себе. Она хотела обдумать положение, так как не на шутку разгневалась. Ведь речь шла не о проступке, совершенном добродетельной, достойной доверия дочерью. Никто не совращал Карлотту. Она была взрослая, замужняя и опытная женщина. Она знала жизнь так же хорошо, как и ее мать, а во многих отношениях и лучше. Разница между ними заключалась в том, что если мать руководилась соображениями морали и доводами, которые подсказывали ей здравый смысл и чувство приличия и самосохранения, то у дочери все это отсутствовало. А ведь Карлотте следовало быть осторожной: от этого зависело все ее будущее. Она должна была бы отнестись с уважением и к будущему Юджина, и к правам и интересам его жены, и к дому своей матери и ее принципам. Как это недостойно, что Карлотта все время лгала, притворяясь равнодушной, делая вид, будто уезжает куда-то, а сама, несомненно, давно уже находилась в связи с их жильцом. Миссис Хиббердел была возмущена не столько Юджином (правда, ее уважение к нему сильно поколебалось, хотя у художников ведь свои нравы!), сколько Карлоттой. Не может вести себя прилично! Как ей не стыдно, она должна была остерегаться такого человека, а не завлекать его. Вина целиком ложилась на Карлотту, и миссис Хиббердел твердо решила высказать ей все начистоту и немедленно положить конец этой злосчастной связи.

На другой день утром (миссис Хиббердел решила молчать, пока Юджин и Дэвис не уйдут из дому) разразилась бурная и ожесточенная ссора. Миссис Хиббердел хотела объясниться с дочерью наедине, и стычка произошла вскоре после завтрака, когда мужчины ушли. Карлотта успела предупредить Юджина, что предстоят неприятности и что он ни в коем случае не должен ни в чем сознаваться, разве только она сама ему разрешит. Прислуга была на кухне и не могла ничего слышать, а миссис Хиббердел с дочерью находились в библиотеке, когда был дан первый выстрел. Карлотта была отчасти подготовлена к этому, предполагая, что мать замечала кое-что и раньше. Она встретила нападение с достоинством Цирцеи, так как подобные сцены не были для нее новостью. Ее собственный муж неоднократно изобличал ее в неверности и даже грозил ей физической расправой. Она была бледна, но спокойна.

– Послушай, Карлотта, – решительным тоном начала ее мать, – я видела, что происходило здесь вчера утром, когда мы вернулись домой. Ты была в комнате мистера Витла и притом раздетая. Я видела, как ты вышла оттуда. Не вздумай, пожалуйста, отпираться. Я это видела. Неужели тебе не стыдно? Как ты могла так поступить после всех обещаний, что в моем доме будешь вести себя как следует?

– Ты не видела, как я выходила из его комнаты, и меня в его комнате не было, – бесстыдно солгала Карлотта. Вся кровь отхлынула от ее лица, но она очень недурно разыгрывала благородное негодование. – Зачем же ты говоришь такие вещи?

– Как? Ты еще смеешь отрицать, Карлотта Хиббердел? Ты еще смеешь лгать! Ты вышла из его комнаты! Ты знаешь, что это так, что ты была там! Ты знаешь, что я тебя видела! Я думала, ты, по крайней мере, постыдишься, – ведь ты ведешь себя как уличная девка. Ты поступила позорно, нагло в доме, где живет твоя мать. Неужели тебе не стыдно? Неужели в тебе не осталось ни капли совести? О Карлотта, я знаю, что ты скверная женщина, но зачем тебе понадобилось приезжать сюда и проделывать такие гадости здесь? Почему ты не могла оставить этого человека в покое? Он жил тут хорошо и тихо. Недостает еще, чтобы миссис Витла приехала и избила тебя до полусмерти!

– Что за разговоры! – раздраженно воскликнула Карлотта. – Ты в конце концов действуешь мне на нервы. Это неправда, что ты видела. Вечно одна и та же история – какие-то подозрения! Всегда ты меня в чем-нибудь уличаешь. Ты меня не видела, и меня не было в его комнате. Напрасно ты поднимаешь такой шум!

– Напрасно поднимаю шум? И ты смеешь это говорить, мерзкая женщина! Напрасно поднимаю шум! Да как у тебя духу хватает говорить это? Прямо не верится, что ты можешь так бесстыдно лгать мне в глаза! Я тебя видела, а ты осмеливаешься отрицать это!

Миссис Хиббердел не видела, как ее дочь выходила из комнаты Юджина, но она была убеждена в своей правоте. Карлотта не сдавалась.

– Ты меня не видела, – настаивала она.

Миссис Хиббердел даже растерялась от такой наглости. У нее перехватило дыхание.

– Карлотта! – воскликнула она. – Честное слово, я начинаю думать, что ты самая дурная женщина на свете! Мне трудно поверить, что ты моя дочь, – до того ты бесстыдна! И весь ужас в том, что ты действуешь с расчетом. Ты знаешь, что делаешь, ты все обдумала. Ты испорчена до мозга костей! Ты всегда добиваешься своего. Так и сейчас. Ты поставила себе целью завлечь этого человека и ни перед чем не останавливаешься. Ты понятия не имеешь ни о стыде, ни о гордости, ни о порядочности, ни о чести, ни об уважении ко мне или к кому-нибудь другому. Ты этого человека не любишь. Ты прекрасно знаешь, что не любишь. Если бы ты его любила, ты никогда не опозорила бы так ни его, ни меня, ни себя. Ты попросту вступила в новую постыдную связь, потому что тебе так захотелось. А теперь, когда тебя поймали чуть ли не на месте преступления, ты надеешься взять наглостью. Ты скверная женщина, Карлотта, ты самая низкая женщина на свете, хоть ты и моя дочь.

– Все это неправда, – ответила Карлотта. – Ты говоришь только для того, чтобы слушать себя.

– Нет, это правда, – накинулась на нее мать, – и ты знаешь, что это правда. Ты жалуешься на Нормана. А он в жизни не совершил бы такого низкого поступка. Пусть он игрок, пусть он безнравственный, эгоистичный человек, равнодушный к интересам других. Ну, а ты? Как можешь ты стоять тут и уверять меня, что ты лучше его? Ха! Если б у тебя была хоть капля стыда, все это было бы не так ужасно, но ты его совершенно лишена. Ты просто мерзкая, скверная женщина, больше ничего!

– Как ты можешь так говорить, мама? – спокойно возразила Карлотта. – Ты поднимаешь шум, а ведь у тебя нет ничего, кроме подозрений. Ты не видела меня. Даже если я и была там, ты меня не видела, а на самом деле я там и не была. Ты подняла бурю просто потому, что тебе так захотелось. Мистер Витла мне нравится, я его нахожу очень милым, но он меня мало интересует, и я ровно ничего плохого ему не сделала. Можешь выгнать его из дома, если тебе угодно. Это совершенно меня не касается. Ты нападаешь на меня, по обыкновению, без всяких оснований.

Карлотта в упор смотрела на мать. Она не была особенно взволнована. История, несомненно, вышла скверная, но Карлотта думала не столько об этом, сколько о том, как глупо было так попасться. Мать знает теперь наверняка, хотя она, Карлотта, будет отпираться. Конец всему их летнему роману! Таких удобств у них уже больше не будет. Юджину предстоят неприятности – придется переезжать в другое место. Мать может наговорить ему бог знает что. Карлотта считала себя гораздо лучше Нормана, потому что не водила компании с такими людьми, как он. И она не груба, не тупа, не жестока, она не употребляет грязных выражений, не проповедует грязных теорий, как Норман. Пусть она лжет, пусть хитрит, но ведь она никому не причиняет зла. Ею попросту руководит страсть, и она смело идет к любви, добиваясь счастья. «Неужели я дурная женщина?» – не раз спрашивала она себя. Так утверждала ее мать. Что ж, отчасти это, пожалуй, правда. Но мать просто вспылила, она не думает того, что говорит. Она опомнится. В то же время Карлотта не собиралась признавать справедливость обвинений, которые предъявила ей мать, и уступить без борьбы. Среди этих обвинений были совершенно нестерпимые, совершенно непростительные.

– Карлотта Хиббердел, ты самое бесстыдное создание, какое я когда-либо встречала в жизни! Ты возмутительная лгунья! Как ты смеешь смотреть мне в глаза и говорить бог весть что, когда ты знаешь, что я права? Зачем ты еще увеличиваешь свою вину ложью? О Карлотта, какой позор! Неужели ты совсем лишена чувства чести? Как ты можешь так лгать? Как ты можешь?

– Я не лгу, – заявила Карлотта, – и я бы очень хотела, чтобы ты прекратила этот шум. Ты меня не видела. Ты прекрасно знаешь, что не видела. Я вышла из своей комнаты, а ты была в гардеробной, – зачем же ты так говоришь? Ты меня не видела. Но допустим, что я лгунья. Я твоя дочь. Пусть я дурная женщина! Я не сама себя сделала такой! Ну, а уж в данном случае я нисколько не дурная женщина. Но какова бы я ни была, я дошла до этого не по своей вине. Жизнь у меня была не очень-то сладкая!.. Зачем ты затеваешь этот глупый скандал? У тебя нет никаких оснований, кроме подозрений. Тебе непременно нужно устраивать сцены. Меня нисколько не интересует твое мнение обо мне. Но в данном случае я ни в чем не виновата, ты можешь думать про меня, что угодно. А тебе должно быть стыдно обвинять меня в том, в чем ты сама не уверена.

Она подошла к окну и выглянула в сад. Миссис Хиббердел покачала головой. Подобная наглость была выше ее понимания. Но как это похоже на Карлотту! Она пошла и в мать и в отца. Оба они, если их раззадорить, становились своевольными и упрямыми. Но вместе с тем миссис Хиббердел жалела дочь, так как Карлотта была неглупая женщина. Очень уж ей не повезло в жизни!

– Я все-таки думаю, что тебе стыдно, Карлотта, независимо от того, сознаешься ты или нет, – продолжала она. – Правда остается правдой, и, наверно, тебе сейчас неприятно. Ты была в его комнате. Но не будем больше спорить. Ты сама затеяла это и добилась своего. А теперь послушай, что я тебе скажу. Ты сегодня же вернешься в город, а мистер Витла уедет отсюда, как только подыщет себе комнату. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прекратить эту позорную связь. Если ничего не поможет, я напишу его жене, а заодно и Норману. Ты оставишь этого человека в покое. Ты не имеешь права становиться между ним и его женой. Это безнравственно, и только порочная, бессовестная женщина способна на такой поступок. Я ему ни слова не скажу, но он уедет отсюда, и ты тоже. Когда все это кончится, ты можешь вернуться, если захочешь. Мне стыдно за тебя! Мне стыдно за себя! Если бы я не щадила своих собственных чувств и чувств Дэвиса, я бы еще вчера выгнала вас обоих из этого дома. И ты это знаешь. Только уважение к самой себе заставило меня действовать так мягко. А он – какая низость – после всего внимания, которое я ему оказала! Но все-таки его я не столько виню, сколько тебя, он на тебя и смотреть не стал бы, если бы ты не заставила его. Моя родная дочь! В моем доме! И не стыдно тебе!

Разговор еще долго продолжался в том же духе – бесконечные перепевы все одних и тех же гневных обвинений. Юджин – дурной человек, Карлотта – низкая женщина. И миссис Хиббердел никогда бы этому не поверила, если бы не видела собственными глазами. Если Карлотта не исправится, она расскажет все Норману, и так снова и снова, угроза за угрозой.

– А теперь, – заявила она, наконец, – ты уложишь вещи и сегодня же уедешь к себе домой. Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь хотя бы один лишний день.

– Нет, я не уеду, – дерзко ответила Карлотта, перебирая в уме то, что было сказано. Все это очень мучительно, но сейчас она не уедет. – Я уеду завтра утром. Я не могу так быстро уложиться. Не говоря о том, что уже поздно. Я не позволю, чтобы меня выгоняли, как служанку!

Миссис Хиббердел застонала, но вынуждена была уступить. Карлотту не заставишь сделать что-нибудь против воли. Молодая женщина отправилась к себе, и вскоре до слуха матери донеслось ее пение. Миссис Хиббердел покачала головой. Какой человек! Мудрено ли, что Юджин поддался соблазну! Ни один мужчина не устоял бы.

Глава XXV

Последствия этой сцены не замедлили сказаться. За обедом миссис Хиббердел объявила в присутствии Карлотты и Дэвиса, что собирается закрыть дом, и даже в очень скором времени. Они с Карлоттой поедут в Нарагансет на весь сентябрь и часть октября. Юджин, которого Карлотта успела предупредить, принял это известие с вежливым изумлением. Он очень сожалеет.

Он провел в этом доме столько хороших дней. Миссис Хиббердел не могла быть уверенной, сказала ли ему что-нибудь Карлотта, – у него было такое невинное выражение лица, – но она все же предполагала, что дочь говорила с ним и что он, как и Карлотта, притворяется. Племяннику она еще раньше сообщила о своем отъезде, не вдаваясь в объяснения. Симпсон догадывался о мотивах: от него не укрылось, что между Юджином и Карлоттой что-то происходит. Он не видел в этом большой беды, так как Карлотта была женщина светская, независимая и к тому же «славный малый». Она всегда хорошо к нему относилась. У него не было ни малейшего желания ставить ей палки в колеса. И Юджин ему нравился. Однажды в разговоре с Карлоттой он шутя сказал:

– Ну что ж, руки у него почти такие же длинные, как у Нормана, хотя, возможно, не совсем.

– Иди ты к черту! – последовал учтивый ответ.

Вечером разразилась гроза, прекрасная, ослепительная летняя гроза. Юджин вышел на террасу полюбовался ею. Пришла и Карлотта.

– Итак, мой волшебник, – сказала она под раскаты грома, – здесь все кончено. Но ты не унывай. Я с тобой буду видеться, куда бы ты ни уехал. Но как здесь было хорошо! Какое счастье было жить с тобой рядом! Только не вешай голову. Мама говорит, что напишет твоей жене, но я не думаю, чтобы она решилась это сделать. Если она будет уверена, что я веду себя паинькой, она этого не сделает. Придется как-нибудь обмануть ее. Но все это очень обидно. Я люблю тебя безумно, Джини!

Теперь, когда им грозила опасность расстаться, Юджин особенно восторгался Карлоттой. Он узнал ее так близко, наблюдал при столь различных обстоятельствах, что был без ума не только от ее красоты, но и от ее душевных качеств. Одна из слабостей Юджина заключалась в том, что он склонен был видеть в людях, которые ему нравились, гораздо больше достоинств, чем у них было в действительности. Он облекал их всей романтикой своих грез, наделял своими собственными душевными качествами. Этим он, конечно, льстил их тщеславию, пробуждал их веру в себя – под его влиянием им начинало казаться, что они обладают такими силами и дарованиями, какие им раньше и не снились. Так было с Маргарет и Руби, с Анджелой и Кристиной, так было и с Карлоттой. Благодаря Юджину они вырастали в собственных глазах. И сейчас, глядя на Карлотту, он испытывал жгучую боль – это была такая спокойная, милая, такая умная и уверенная в себе женщина. В эти тяжелые дни она была для него огромным утешением.

– Цирцея! – воскликнул он. – Как обидно! Как жаль! Мне так больно терять тебя.

– Ты и не потеряешь меня, – ответила она. – Об этом не может быть и речи. Я тебя не отпущу. Я тебя нашла, и теперь ты мой. Все это пустяки! Мы придумаем, где встречаться. Постарайся, если можешь, снять комнату в доме, где есть телефон. Когда ты собираешься переехать?

– Сейчас же, – ответил Юджин. – Я завтра утром отпрошусь с работы и буду искать комнату.

– Бедный Юджин, – сочувственно сказала она. – Как это грустно. Но не горюй. Все уладится.

Карлотта по-прежнему отказывалась принимать в расчет Анджелу. Она полагала, что если даже та и приедет, – а Юджин говорил, что ждет ее скоро, – можно будет как-нибудь устроиться. Юджин будет немного и с нею, Карлоттой. Она не променяет его ни на кого на свете.

Уже к полудню следующего дня Юджин нашел себе комнату. Прожив в этой местности много времени, он заранее составил план, куда обратиться. Здесь была еще одна церковь, а кроме того, библиотека и почта, и тут же жил кассир железнодорожной станции. Юджин прежде всего отправился к начальнику почты и узнал, что поблизости живут две семьи, одна из них – гражданского инженера, где его, наверно, примут. В семье этого инженера он в конце концов и поселился. Место было не такое живописное, но все же очень приятное, и комната была хорошая, и кормили недурно. Он предупредил хозяев, что, вероятно, вселяется к ним не надолго, так как скоро к нему приедет жена. Письма Анджелы становились все более и более настойчивыми.

Собрав свои вещи, Юджин почтительно распрощался. После его ухода миссис Хиббердел, конечно, передумала закрывать дом, а Карлотта вернулась в свою квартиру в Нью-Йорке. Она не только связалась с Юджином по телефону, но прислала ему письмо с посыльным, и на другой же день после его переселения они встретились в загородной гостинице. Она уже собиралась снять отдельную квартиру для их встреч, когда Юджин сообщил ей, что Анджела выехала в Нью-Йорк и сейчас ничего нельзя предпринимать.

Семь месяцев, которые прошли с момента их расставания в Билокси, были тоскливым временем для Анджелы. Она вконец измучилась от постоянных тревог, так как воображала, что Юджин страдает от одиночества, и глубоко сожалела, что вообще рассталась с ним. Она могла бы с таким же успехом быть при нем. Уже после его отъезда она сообразила, что могла занять

несколько сот долларов у кого-нибудь из братьев, чтобы вместе с Юджином вести борьбу за восстановление его здоровья. Едва он уехал, как она стала думать, что сделала большую ошибку, отпустив мужа одного: ведь при его впечатлительности он мог еще кем-нибудь увлечься. Впрочем, он находился в таком состоянии, что, по ее мнению, не способен был думать ни о чем, кроме своего здоровья. К тому же его отношение к ней в последнее время говорило о сильной привязанности и, до некоторой степени, о зависимости от нее. Все его письма после отъезда были исключительно нежны, он жаловался на их вынужденную разлуку и высказывал надежду, что скоро они снова будут вместе. Его жалобы на одиночество вынудили ее наконец принять решение, и она написала ему, что приедет, хочет он этого или нет.

Ее приезд, в сущности, не вносил больших изменений в жизнь Юджина, если не считать того, что он опять внутренне охладел к ней, что у него был новый идеал и только одно желание – быть с Карлоттой. Ее богатство, туалеты, ее привычки к комфорту и роскоши, о какой Юджин раньше и мечтать не смел, беспечность, с какою она тратила деньги (поездки на автомобиле, шампанское и самые дорогие блюда воспринимались ею как обыденные вещи), – все это слепило и чаровало его. «Странно, – думал он, – что такая необыкновенная женщина могла полюбить меня». А наряду с этим ее пренебрежение предрассудками, ее презрение к условностям, ее жизненный опыт, интерес к литературе и искусству делали Карлотту полной противоположностью Анджеле, и она казалась Юджину исключительно сильной и яркой натурой. Ему хотелось быть свободным, чтобы полностью насладиться ее любовью.

Таково было положение, когда ясным сентябрьским субботним днем в Спионк приехала Анджела. Она очень стосковалась по Юджину. Измученная тревогой, она примчалась к нему, чтобы делить с ним его невзгоды, каковы бы они ни были. Она думала только о том, что он болен, угнетен и одинок. Все его письма выражали печаль и безнадежность, так как он не осмеливался, конечно, писать о том, какое наслаждение давало ему общество Карлотты. Чтобы удержать жену в Блэквуде, он вынужден был притворяться, будто главным препятствием к ее приезду служит отсутствие денег. Мысль о том, что он тратит (а к моменту приезда Анджелы почти истратил) те триста долларов, которые принесла ему продажа картины, очень угнетала его. Его мучила совесть, и сильно мучила, но это забывалось при свидании с Карлоттой или при чтении писем от Анджелы.

«Я, право, не знаю, что со мной творится, – говорил он себе. – Наверно, я дурной человек. Хорошо еще, что никто не догадывается, какой я на самом деле».

Одна из особенностей Юджина, на которую следует тут же указать и которая поможет нам пролить свет на мотивы его поведения, заключалась в том, что в душе его шла непрестанная борьба, вызываемая особой способностью к анализу, вернее к самоанализу, – когда он словно сам себя выворачивал наизнанку, чтобы заглянуть в свою душу и разобраться в себе. Если ничто другое его не отвлекало, он то и дело приподымал завесу со своих тайных чувств и помышлений, как приподнимают крышку колодца, чтобы заглянуть в глубину. И то, что он видел там, было не особенно привлекательно и приводило его в немалое смущение: это был не тот безупречный, точный, как часы, механизм, на который можно было бы положиться во всех случаях жизни. Те нравственные качества, которые Юджин открывал в себе, ни в коей мере не соответствовали общепринятому идеалу мужчины. Наблюдения над людьми привели его к выводу, что нормальный человек честен, и если один отличается высокой нравственностью по самой своей натуре, то другим руководит чувство долга. А бывает, что эти добродетели, не говоря уже о многих других, сочетаются в одном. Таким, например, был отец Анджелы. Таким был, по-видимому, мосье Шарль. Близко зная Джерри Мэтьюза, Филиппа Шотмейера, Питера Мак-Хью и Джозефа Смайта, Юджин полагал, что все они люди очень порядочные и принципиальные в вопросах морали. И у них, конечно, бывают минуты искушения, но они, очевидно, умеют ему противостоять. Уильям Хейверфорд, начальник службы пути, и Генри Литлбраун, начальник одного из участков этой гигантской железной дороги, производили на него впечатление людей, которые всегда верны долгу и законам общежития и которые непрерывно и тяжело трудятся, – иначе они не достигли бы своего теперешнего положения. Да и вся эта железнодорожная система, работу которой он имел возможность видеть со своего скромного наблюдательного поста, представлялась ему ярким примером того, насколько необходимы для человека чувство долга и твердость характера. Служащие железнодорожной компании не имели права болеть, они должны были являться на свои места точно, секунда в секунду, и честно исполнять свои обязанности, так как малейшее нарушение порядка грозило бедствием. Большинство этих людей – кондукторы, машинисты, кочегары, начальники участков – добились своих более чем скромных должностей в результате тяжелого многолетнего труда. Другие, более одаренные или более удачливые, становились начальниками дорог, главными инспекторами, директорами и их помощниками. И все они неуклонно карабкались вверх, последовательные в своем чувстве долга, неутомимые в своем усердии, точные, рассудительные. А он?

Юджин заглядывал в колодец своей души и не видел ничего, кроме неверных, изменчивых течений. Там царил густой мрак. Ему, например, незнакомо чувство чести, говорил он себе, разве лишь в денежных вопросах, – почему он честен в денежных вопросах, он и сам не знал. Он не правдив. Он аморален. Любовь к красоте, которая ни на мгновение не покидала его, казалась ему важнее всего на свете, но выходило, что в погоне за нею он действовал наперекор веками установленному порядку. Он убедился, что люди, как правило, держатся невысокого мнения о человеке, который только и думает, что о женщинах. Над отдельной провинностью могут посмеяться, могут отнестись к ней с сочувственным снисхождением, даже найти ей оправдание, но с человеком, подпавшим полностью под власть этого порока, обычно просто не желают иметь дела. Один такой эпизод, привлекший к себе внимание Юджина, разыгрался совсем недавно в железнодорожном депо в Спионке. Работавший там механик бросил жену и ушел к какой-то красотке из Уайт-Плейнс, за что был немедленно уволен. Оказалось, между прочим, что это с ним не впервые и что каждый раз его увольняли, но затем прощали. И эта единственная слабость создала ему дурную славу среди товарищей-железнодорожников – такую же, в сущности, какую мог заслужить, скажем, отпетый пьяница. Однажды в разговоре с Юджином Джон-Бочка дал довольно меткое определение этому человеку. «Эд Бауэрс, – сказал он, –

готов отдать душу дьяволу за любую шкуру», – последнее слово употреблялось в этих местах по отношению к дурным женщинам. Все, казалось, презирали Бауэрса, и сам он как будто презирал себя. Когда его восстановили на работе, у него был вид побитой собаки, а между тем, если бы не эта слабость, он был бы на хорошем счету в депо. Теперь же все считали, что он человек пропащий.

На основании этого Юджин доказывал себе, что и он человек пропащий, что и ему несдобровать, если так будет продолжаться дальше. Этот порок был равносилен воровству и пьянству, против него восставал весь мир. Юджину даже казалось, что он часто идет рука об руку с воровством и пьянством и что все такие люди – «одного поля ягода». Вот и он предан этому пороку, и он не больше, чем Эд Бауэрс, способен побороть его в себе. Неважно, что женщины, которых он выбирал, исключительно красивы и обаятельны. Все равно он не должен их желать! У него жена. Он дал торжественный обет любить и лелеять ее, во всяком случае он прошел через этот обряд, – и вот извольте, волочится теперь за Карлоттой, как раньше волочился за Кристиной и Руби! И разве он не ищет постоянно именно таких женщин? Разумеется, ищет. Разве не лучше было бы, если б он добивался богатства, почета и честного имени, добродетели, стремился к нравственной непогрешимости? Конечно, лучше. Именно на этом пути ждут его, при его таланте, почет и успех, а он то и дело сворачивает в сторону. Единственным препятствием для него служит совесть, совесть, не подчиняющаяся велениям холодного себялюбия. «Позор!» – стыдил себя Юджин и упрекал в малодушии, в неспособности бороться с соблазном красоты. Вот какие мысли приходили ему в голову в минуты трезвого самоанализа.

Но двойственность натуры Юджина заключалась в том, что он умел направлять прожектор своего ума и в другую сторону, словно гигантским белым лучом прорезая и небеса и бездны. Тогда ему открывалось неисповедимое коварство и очевидная несправедливость природы. Он не мог не видеть, что большие рыбы пожирают маленьких, что сильные угнетают слабых, что ворам, взяточникам и убийцам во многих случаях разрешается беспрепятственно паразитировать на теле общества. Далеко не всегда добродетель вознаграждается – обычно ей приходится очень туго. А порок, как мы видим, часто процветает, и еще вопрос, будет ли он когда-нибудь наказан. Карлотта, например, в это не верила. Она не считала свои отношения с Юджином греховными. Это еще вилами по воде писано, говорила она, кто прав, а кто виноват, и уверяла, что у него гипертрофия совести. «Я не считаю, что это дурно, – сказала она ему однажды, – многое, вероятно, зависит от того, какое человек получил воспитание». В обществе, очевидно, существует какая-то система, но, очевидно опять-таки, эта система себя не оправдывает. Только для глупцов сдерживающим началом служит религия, – ведь в ней все построено на плутовстве, вымогательстве и лжи. Честность – похвальное качество, но с ней в жизни далеко не уйдешь. Все кричат о нравственности, но большинство либо забывает о ней, либо просто ее игнорирует. Зачем же мучиться? Думай лучше о своем здоровье! Не поддавайся укорам совести! Так советовала Карлотта, и Юджин соглашался с нею. Других устраивает принцип выживания наиболее приспособленных – чего же ему изводить себя? Ведь он – талант!

Так Юджина бросало из стороны в сторону, и в таком-то настроении – погруженным в печальные мысли – нашла его Анджела, когда приехала в Ривервуд. Временами он забывался и делался очень весел, но он страшно исхудал, глаза у него ввалились, и Анджела вообразила, что до такого состояния его довели переутомление и душевная тревога. Зачем она оставила его одного? Бедный Юджин! Она отчаянно держалась за те деньги, которые он дал ей, и большую часть их привезла с собой, чтобы сейчас же истратить на него. Ее очень беспокоило его здоровье и душевное состояние, она сама готова была взяться за любую работу, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить его жизнь. Ей казалось, что судьба ужасно несправедлива к Юджину, и, когда в первую ночь он уснул рядом с нею, она долго лежала без сна и плакала. Бедный Юджин! Подумать только, какие испытания посылает ему судьба. Но, как бы там ни было, где может, она избавит его от страданий. Она постарается создать ему уют и сделать его настолько счастливым, насколько это в ее силах. И Анджела тут же принялась подыскивать хорошую квартирку или две-три комнаты, где им было бы спокойно и где она могла бы сама для него готовить. Вероятно, без нее он плохо питался. Надо создать ему возможно лучшие условия, надо, чтобы он всегда видел ее сильной и бодрой, быть может, ему передастся частица ее мужества, и он начнет поправляться. И она энергично взялась за дело, не переставая в то же время любовно ухаживать за Юджином, так как была убеждена, что в этом он особенно нуждается. Анджела и не представляла себе, каким фарсом все это ему казалось. Каким негодяем он представлялся себе! А между тем ему вовсе не хотелось быть негодяем – разбить все ее иллюзии и бросить ее на произвол судьбы. Эта двойная жизнь была так мучительна! Он не мог не признавать, что Анджела во многих отношениях лучше Карлотты. Однако Карлотта обладала более широким кругозором, в ней было больше утонченности. Это была светская львица, королева – лукавая, убийственно расчетливая, но все же королева. А вот Анджела больше подходила под общепринятое определение «хорошей женщины» – честная, энергичная, предприимчивая, готовая во всем подчиниться традициям и условностям своего времени. Юджин знал, что общественное мнение было бы всецело на ее стороне, а Карлотту оно осудило бы, но все же его больше влекло к Карлотте. Ах, если б можно было сохранить и ту и другую! Вот было бы прекрасно! – думал Юджин.

Глава XXVI

Однако в действительности все обстояло далеко не так просто и мило, как хотелось бы Юджину Анджела была бдительна до крайности, она по-прежнему стояла на страже долга и добропорядочности и как зеницу ока оберегала те привилегии и почести, которые по праву принадлежали ей как жене одаренного художника, правда временно потерявшего трудоспособность, но все же человека с большим будущим. Она обманывала себя надеждой, что невзгоды, свалившиеся на голову Юджина, закалили его и развили его практические способности, научили заботиться о себе, возбудили в нем инстинкт самозащиты и бережливость. Хорошо, что он сумел прожить на такой небольшой заработок, думала она. Но она добьется большего, они будут делать сбережения. Она откажется от своей мечты о роскошной студии и приемах и, каков бы ни был их доход, немедленно начнет

откладывать деньги, хотя бы немного, пусть даже только десять центов в неделю. Если Юджин, трудясь каждый день, в состоянии заработать лишь девять долларов в неделю, – они будут жить на эти деньги. Юджин сказал ей, что у него осталось еще девяносто семь долларов из тех ста, которые он привез с собой, и их она решила немедленно положить в банк. Но он ни словом не обмолвился ни о проданной картине, ни о том, что промотал вырученные за нее деньги. Они будут класть в банк все, что принесет им продажа его картин в будущем, пока он опять не станет на ноги. В самое ближайшее время – как только у них заведутся деньги – они купят домик, чтобы не платить за квартиру. Часть их сбережений (очень незначительную) можно лишь в крайнем случае расходовать на одежду, но, вообще говоря, они к этим деньгам не будут прикасаться. Анджела и сейчас нуждалась кое в чем из платья, но решила, что с этим можно подождать. К девяноста семи долларам Юджина она прибавила те двести двадцать восемь, которые привезла с собой, и эта сумма в триста двадцать пять долларов была немедленно положена в Ривервудский банк.

Пустив в ход всю свою энергию и красноречие, Анджела нашла четыре комнатки в доме одного мебельного фабриканта. Тут раньше жила его дочь, вышедшая замуж, и владельцы готовы были сдать квартиру художнику с женой почти даром в сравнении с ее действительной стоимостью, так как это был красивый особняк, стоявший на живописной лужайке. Хозяева спросили с них двенадцать долларов в месяц. Миссис Дизнес, жена фабриканта, была так очарована Анджелой, что распорядилась специально для нее переделать небольшую спальню во втором этаже с прилегавшей к ней ванной под кухню и поставить там газовую плиту. Анджела немедленно начала хозяйничать, применяясь к своему скудному бюджету. Пришлось купить кое-что из мебели, так как квартирка не была полностью обставлена, но Анджела порыскала по лавкам старьевщиков в Нью-Йорке, обошла все универсальные магазины, побывала на аукционах, и ей удалось дешево купить несколько вещей, подходящих к предоставленной им мебели – кровати, туалету и столам в гостиной и столовой. Занавески для окон в ванной и в кухне она сама накроила, вышила и повесила. Отправившись на склад, где хранились непроданные картины Юджина, которые он не сдал на комиссию, она привезла оттуда семь полотен и развесила их в гостиной и в столовой. Затем она занялась гардеробом Юджина, особенно его бельем и носками, и скоро привела в порядок весь его скудный запас платья и белья. Она покупала на местном рынке хорошие овощи и немного мяса и готовила превосходные жаркое, рагу и вкусные омлеты с мясным соусом, на французский лад. Все ее искусство хозяйки было пущено в ход, чтобы квартира имела красивый и опрятный вид, чтобы стол (при очень небольших расходах) был обилен и разнообразен, чтобы не только можно было жить на девять долларов в неделю, но еще откладывать доллар на текущий счет в банке. У нее была маленькая коричневая копилка в форме кувшинчика, рассчитанная на пятнадцать долларов мелочью и открывавшаяся лишь тогда, когда кувшинчик наполнялся до краев, и Анджела добросовестно старалась опустить туда возможно больше монет. Она задалась целью восстановить положение мужа в обществе, – на этот раз прочно, – и твердо решила, что добьется своего.

С другой стороны, хорошенько поразмыслив, а также посоветовавшись кое с кем, Анджела пришла к заключению, что как для нее самой, так и для Юджина вредны половые излишества. Какая-то женщина – еще в Блэквуде – указала ей на случай прогрессивного паралича, явившийся результатом невоздержанности; Анджела узнала также, что это влечет за собой и другие нервные заболевания. Возможно, что такая же история произошла и с Юджином. Она твердо решила спасти его от него самого. За себя она не беспокоилась, но у Юджина такая хрупкая и чувствительная натура.

Между тем Юджин горевал о потерянной свободе и болезненно переживал эту столь резкую перемену в своем образе жизни. Он видел, что Анджела всем довольна – главным образом потому, что, как ей казалось, он проводит все дни благонравно, в тяжелом труде. Она и не подозревала о существовании Карлотты. В ее представлении они начинали новую трудовую жизнь, простую и идиллическую, стремясь к одной цели – к его, а следовательно, и ее, успеху.

Юджин был преисполнен всяческого уважения к такой программе, но лишь в теории, применительно к другим. Сам же он – художник, а жизнь художника не укладывается в обычные рамки человеческого поведения: он должен пользоваться интеллектуальной свободой, правом бывать где угодно и общаться с кем угодно. Для Юджина брачный договор был ненавистным ярмом, исключавшим всякую возможность наслаждаться жизнью, и вот теперь, после короткой передышки, когда он пользовался свободой, это ярмо снова тяжело ложится ему на шею. Растаяли, как дым, прекрасные мечты о счастье, недавно еще такие реальные, – надежда жить с Карлоттой, легко и свободно встречаться с нею в том мире, где она вращалась. Неколебимое убеждение Анджелы, что он будет работать каждый день и еженедельно приносить домой девять долларов (вернее, месячное жалованье из этого расчета), заставили его припрятать небольшую сумму, оставшуюся от трехсот долларов, с тем чтобы пополнять дефицит в заработке, который могли вызвать его отлучки из мастерской. У него уже не было возможности видеться с Карлоттой по вечерам, и для встреч с нею приходилось по нескольку раз в неделю отлучаться днем или утром. Он уходил из дому по обыкновению без четверти семь утра, в своем обычном городском костюме (во избежание расспросов он сказал Анджеле, что надевает рабочий костюм в мастерской), и потом либо шел, либо не шел в мастерскую. Неподалеку от нее он садился на трамвай, быстро доставлявший его в город, и там катался или гулял с Карлоттой. Оба они не переставали думать о том, что это сопряжено с риском, но тем не менее продолжали встречаться. Как назло – а может быть, и к счастью – Норман Уилсон вернулся из Чикаго, и Карлотта должна была рассчитывать каждый свой шаг. Но ее это мало беспокоило. Больше всего она доверяла автомобилю – она всегда могла нанять где-нибудь машину, которая увозила их из тех мест, где их могли увидеть.

Это была сложная жизнь, напряженная и опасная. В ней не было покоя, ибо нет покоя и счастья в обмане. Жгучая радость неизменно сменялась мучительным раскаянием. Все было против них – мать Карлотты, Норман Уилсон и Анджела, не говоря уже о собственной совести.

Известно, однако, что такое положение не может длиться долго. Оно порочно в самом своем существе. Нам кажется, что если мы скрываем свои поступки, то они скрыты и от людских глаз и тем самым как бы не существуют, – но это неверно. Они неотъемлемая часть нас самих и, вопреки всем нашим уловкам, рано или поздно выступают наружу. Как тут не согласиться с учением браминов о психическом теле, которое все видит и само видимо даже тогда, когда, как нам кажется, все окутано густым мраком. Нет никакой другой гипотезы, которой можно было бы объяснить явление интуиции. А между тем интуиция свойственна очень многим людям, и они часто ссылаются на свою уверенность в чем-либо, хотя сами не могут сказать, откуда она у них.

Анджела обладала такой интуицией во всем, что касалось Юджина. Под влиянием своей любви к нему она терзалась смутными страхами задолго до того, как что-нибудь случалось. Все время разлуки с ним ее неотступно преследовала мысль, что ей надо было бы находиться подле него. А теперь, когда они были вместе, когда прошло первое возбуждение, вызванное встречей и устройством новой жизни, она почуяла что-то недоброе. Юджина как будто подменили. Он был совсем не тот, каким она помнила его последнее время перед разлукой. Все его отношение к ней, несмотря на внешние проявления любви, говорило об отчужденности и озабоченности. Юджин ничего не умел скрывать. Временами, особенно когда они оставались вдвоем, он погружался в свои мысли. Ему было скучно, его томила любовная тоска, ибо Карлотта, занятая теперь семейными делами, уже не могла так часто видеться с ним. К тому же с приближением осени ему все больше и больше надоедала мастерская. Из-за сырой погоды и легких заморозков приходилось закрывать все окна, и это существенно меняло картину: пропадала та атмосфера романтичности, которая так очаровала Юджина, когда он впервые пришел сюда. Он не мог уже отправляться по вечерам на прогулку вдоль берега ручья, чтобы очутиться в объятиях Карлотты. Утратило для него всю прелесть новизны и общение с Джоном-Бочкой, Джозефом Мьюзом, Малаки Демси и коротышкой Садзом. Юджин начинал понимать, что эти люди – в сущности самые обыкновенные рабочие, которых возмущает, что им платят не более пятнадцати или семнадцати с половиной центов в час, которые завидуют друг другу и тем, кто занимает более высокое положение, – короче говоря, что они наделены всеми присущими человеку слабостями.

Появление Юджина в мастерской вначале послужило для них некоторым развлечением, но теперь в его странностях не было уже ничего нового. Они тоже начинали видеть в нем самого обыкновенного человека. Правда, он был художник, но его поступки и стремления не так уж отличались от поступков и стремлений простых смертных.

Работа в такой мастерской, как и во всяком другом предприятии, где люди в силу обстоятельств вынуждены трудиться бок о бок и в хорошую и в плохую погоду, когда им весело и когда грустно, легко может стать – и действительно часто становится – сущим адом. Человеческая натура – это тонкий механизм, реагирующий на малейшее раздражение и редко действующий сообразно с разумом. Она не столько подчинена правилам этики и законам логики, сколько настроениям и темпераменту. Юджину, с его наблюдательностью, нетрудно было заметить, что рабочие приходили в мастерскую, волоча за собой груз домашних неприятностей, скрытых недомоганий и всяческих невзгод, но они считали, что причиной всех их горестей является не их собственное состояние, а то, что творится вокруг. Сердитый взгляд вызывал сердитый взгляд, на грубый вопрос следовал грубый ответ. Иногда между отдельными рабочими устанавливались неприязненные отношения только из-за того, что кто-то давным-давно сделал какое-то резкое замечание. Юджину казалось, что, создавая атмосферу веселости и неизменного – хотя бы и притворного – благодушия, он как бы способствовал смягчению и умиротворению их нравов. Но это было лишь относительно верно. Его веселость порой так же раздражала тех, кто не был весело настроен, как его выводила из себя их грубость. Поэтому у него возникло сильное желание скорее поправиться и уйти из мастерской или по крайней мере переменить работу, так как здесь он уже не ожидал для себя ничего хорошего. Его присутствие всем приелось. Его способность развлекать людей, его обаяние точно исчезли.

Все это делало положение Юджина, не говоря уже о неусыпном надзоре Анджелы, достаточно неприятным. Но судьбе было угодно, чтобы оно стало еще хуже. Наблюдая за Юджином и стараясь разгадать его настроение, Анджела стала что-то подозревать, что именно, она сама не знала. Он уже не любил ее, как раньше. В его ласках ощущался какой-то холодок, которого не было, когда он расставался с нею. Что случилось? – спрашивала она себя. Объясняется ли это разлукой или, может быть, чем-то другим? Однажды, когда он вернулся, проведя день в обществе Карлотты, и, здороваясь с Анджелой, обнял ее, она серьезно спросила:

– Ты действительно любишь меня, котик?

– Ты ведь знаешь, что люблю, – сказал он, но это прозвучало неубедительно, так как он не испытывал к ней никакого чувства. От прежнего пыла и следа не осталось; было лишь сочувствие к Анджеле, жалость и какая-то обида за нее, – вот что она получает за все свои жертвы!

– Нет, не любишь, – ответила она, уловив в его тоне неискренность. Голос ее прозвучал печально, а в глазах выразилось безысходное отчаяние, в которое она так легко впадала.

– Да ты что, Ангелочек, конечно, люблю! – настаивал он. – Почему ты вдруг спрашиваешь? Что случилось?

Он испугался: уж не прослышала ли она о чем-нибудь, не видела ли чего, не это ли скрывается за ее вопросом?

– Ничего не случилось, – ответила она. – Только ты меня не любишь. Я не знаю, в чем дело. Я ничего не могу объяснить. Но я это чувствую – вот здесь, – добавила она, приложив руку к сердцу.

Жест был искренний, естественный, какой-то совсем детский. Юджину стало больно.

– Полно, полно! Не говори так, – взмолился он. – Ты знаешь, что я тебя люблю. Зачем эти мрачные мысли! Я тебя люблю, – разве ты не чувствуешь? – И он поцеловал ее.

– Нет, нет, – твердила Анджела. – Ты меня не любишь. О боже мой! Если б ты только знал, до чего мне больно!

Юджин опасался, как бы за этим не последовала обычная истерика, но этого не случилось. Анджела поборола себя, так как у нее не было серьезных оснований подозревать его, и принялась хлопотать об обеде. Настроение ее, однако, продолжало оставаться угнетенным, и Юджин тревожился. Что, если она когда-нибудь узнает?

Проходили дни. Карлотта изредка звонила Юджину в мастерскую, так как там, где он жил, не было телефона, а если бы даже и был, она не рискнула бы звонить домой. Она посылала ему заказные письма «до востребования» на имя Генри Кингсленда в Спионке. Никто не знал там Юджина, и он без труда получал эти послания, обычно составленные в очень осторожных выражениях и говорившие о ближайшем свидании. В них давались самые туманные и таинственные указания места встречи, понятные только ему. Так, например, Карлотта писала: «Если я не приеду в четверг в два часа, тогда в пятницу в то же время, а если не в пятницу, то в субботу. В случае невозможности выехать дам знать срочным заказным письмом». Так оно и шло.

Однажды около полудня Юджин пошел в Спионк на почту узнать, нет ли ему письма, так как накануне Карлотта не могла с ним встретиться и передала по телефону, что напишет. Он получил письмо и, пробежав глазами заключавшиеся в нем несколько слов, хотел было по обыкновению разорвать его и выбросить. Однако обращение: «О, Джини!» и подпись «Испепеленная роза» так живо напомнили ему его любовницу, что ему жалко было расстаться с письмом. Он решил оставить его у себя еще на некоторое время – хотя бы на несколько часов. Ведь даже попадись оно кому-нибудь на глаза, все равно никто ничего не поймет. «Мост. В среду. Два». Речь шла о мосте через реку Гарлем близ Морис-Хайтс. Юджин пришел на свидание, как было указано, но по роковой случайности забыл о письме и вспомнил только, когда уже входил к себе в дом. Вынув письмо из кармана, он быстро разорвал его на несколько частей и, сунув обрывки в жилетный карман, пошел наверх, намереваясь выбросить их при первой возможности.

Между тем Анджела, впервые за все время их пребывания в Ривервуде, решила часов около шести пойти по направлению к мастерской, чтобы встретить Юджина, когда он будет возвращаться. Она столько раз слышала от него о том, как красива река и какое наслаждение утром и вечером идти по берегу. Ему так нравилось любоваться зеркальной гладью воды и нависшими над ней деревьями. Анджела уже несколько раз гуляла с ним там по воскресеньям. В этот вечер она думала о том, каким это будет для него приятным сюрпризом; прежде чем выйти из дому, она все приготовила, и Юджину не придется долго дожидаться ужина. Неподалеку от мастерской она услышала гудок и, притаившись за кустами, окаймлявшими дорогу со стороны реки, стала ждать, с намерением выскочить и испугать Юджина, как только он покажется. Но Юджин не шел.

Человек сорок или пятьдесят рабочих прошли мимо нее, подобные цепочке черных муравьев, и так как Юджин все не показывался, Анджела направилась к воротам, которые Джозеф Мьюз, исполнявший после гудка обязанности привратника, уже собирался запереть.

– Скажите, мистер Витла здесь? – спросила Анджела, глядя на него через решетку. Юджин так точно описал ей Джозефа, что она сразу узнала его.

– Нет, мэм, – отвечал Джозеф, пораженный этим видением, так как красивые женщины не часто появлялись у ворот мастерской. – Он ушел уже часа четыре или пять тому назад. Если я не ошибаюсь, еще в час дня. Сегодня он не работал с нами. Он был занят на дворе.

– А вы не знаете, куда он пошел? – спросила Анджела, изумленная этой новостью. Юджин не говорил ей, что собирается куда-то. Где же он мог быть?

– Нет, мэм, не знаю, – с готовностью ответил Джозеф. – Он нередко так уходит, – довольно часто, мэм. Жена звонит ему по телефону… э-э… не вы ли будете его жена?

– Да, я, – сказала Анджела, уже не думая о том, что говорит. Юджин часто уходит? Она первый раз об этом слышит! Жена звонит ему по телефону! Неужели опять какая-то женщина! В этот миг в Анджеле пробудились все ее былые подозрения, ревность, страхи, и она стала спрашивать себя, как она раньше не догадывалась. Ну, конечно, этим и объясняется равнодушие Юджина! Этим и объясняется его рассеянный вид. Он думал не о ней, негодяй! Он думал о ком-то другом! Все же нельзя

знать, – ведь у нее нет никаких доказательств. С помощью двух-трех дипломатично заданных вопросов она выяснила, что никто в мастерской не видел его жены. Просто он куда-то уходил. И какая-то женщина звонила ему по телефону…

Анджела направилась домой, теряясь в догадках. Юджина еще не было, – он часто запаздывал, объясняя это тем, что задержался по дороге, чтобы полюбоваться рекой. Это было вполне естественно для художника. Анджела поднялась наверх, сняла соломенную шляпу с большими полями и повесила ее в шкаф, а затем направилась в кухню дожидаться возвращения мужа. Опыт совместной жизни с ним и знание своего собственного характера привели ее к решению на этот раз схитрить. Она подождет, пока он сам не заговорит, она сделает вид, будто не выходила из дому. Она спросит его, много ли он работал в этот день, чтобы убедиться, скажет ли он ей о своей отлучке с фабрики. Тогда ей станет ясно, как он проводит время, обманывает ее или нет.

Юджин поднялся по лестнице в отличном расположении духа, но озабоченный мыслью о том, что нужно выбросить обрывки письма. Однако случая для этого ему не представилось, так как Анджела встретила его при входе.

– У тебя был сегодня тяжелый день? – спросила она, мысленно отметив, что сам он ничего не говорит о своей отлучке с работы.

– Нет, не особенно. А разве у меня усталый вид?

– Нет, – ответила она с затаенной горечью. Ей хотелось убедиться, насколько изощренно и обдуманно он будет лгать.

– Я просто боялась, что ты много работал. Ты сегодня тоже останавливался по дороге полюбоваться рекой?

– Да, – без запинки отвечал Юджин. – Там очень хорошо. Никогда не надоедает смотреть. Особенно теперь, когда лучи солнца падают на желтеющие листья. Это напоминает витражи в окнах храма.

Услышав это, Анджела чуть не закричала: «Зачем ты лжешь, Юджин?» – так как характер у нее был вспыльчивый и временами она совершенно теряла самообладание. Но она сдержалась. Ей хотелось выведать побольше. Как это сделать, она еще не знала, но время поможет – надо только выждать. Юджин направился в ванную, поздравляя себя с тем, что так легко отделался и избежал долгих расспросов. Но мысль о клочках письма, все еще лежавших в жилетном кармане, вытеснила из его памяти это минутное чувство успокоения, – впрочем, не надолго. Он повесил пиджак и жилет на крючок и направился в спальню за чистым воротничком и галстуком. Пока он находился там, Анджела проскользнула в ванную. Она всегда уделяла много внимания платью Юджина, чистила, гладила, чинила, но сегодня ею руководили другие мотивы. Она быстро обшарила все его карманы и обнаружила обрывки письма; тогда она сняла пиджак и жилет с вешалки, будто бы для того, чтобы вычистить на них какие-то пятна. В этот момент Юджин спохватился. Он поспешно вышел из спальни, но письмо было уже в руках у Анджелы, и она с любопытством рассматривала его.

– Что это такое? – спросила Анджела, вся насторожившись; она учуяла в этих клочках новое доказательство измены мужа. Зачем было Юджину хранить в кармане разорванное письмо? В последнее время ее не покидало предчувствие беды. Все в муже казалось ей подозрительным. И вот теперь правда выплывала наружу.

– Ничего, – сказал он, слегка нервничая. – Какая-то записка. Брось ее в корзину.

От Анджелы не укрылось что-то странное в его голосе и поведении. Ее поразил его виноватый взгляд. Что-то тут неладно! Его беспокоят эти бумажки. Может быть, в них ответ на мучившую ее загадку? Возможно, в них имя той женщины? У нее мелькнула мысль сложить эти клочки, но она тут же решила, что надо проявить полное спокойствие. Так будет лучше. Нужно потерпеть сейчас, чтобы больше разузнать потом. Она кинула бумажки в корзину, решив позднее, на досуге, сложить их. Юджин заметил, что она колеблется и словно что-то заподозрила. Он испугался, – ведь она может что-то предпринять? – но что?.. Когда обрывки бумаги полетели в корзину, он вздохнул с облегчением, но не успокоился. Если бы можно было сжечь их! Он считал мало вероятным, что Анджела вздумает их складывать, но ему было страшно. Он все что угодно отдал бы сейчас, лишь бы этого не случилось, и ругал себя за глупейшую сентиментальность, которая завела его в такую ловушку.

Глава XXVII

Анджела не стала терять ни минуты. Едва Юджин прошел в ванную, она быстро схватила обрывки, кинула на их место другие, похожие, и начала собирать письмо, разложив его на гладильной доске. Это не представляло большой трудности, так как клочки были крупные. На одном, треугольном, обрывке она прочла: «О Джини!», на другом «мост», а на третьем – «роза». Достаточно было взгляда, чтобы убедиться, что это любовная записка, и все ее нервы напряглись от сознания важности сделанного ею открытия. Значит, у Юджина кто-то есть? Не этим ли объясняется его холодность, его притворная ласковость? Не потому ли он не хотел, чтобы она приезжала? Боже мой, неужели конца не будет ее пыткам? С белым, как мел, лицом, судорожно сжимая в руках предательские клочки бумаги, она быстро прошла в гостиную и снова занялась письмом, решив

довести дело до конца. На это не потребовалось много времени. В минуту письмо было сложено, и тогда Анджела прочла все. Любовное послание! От какой-то развратной твари! Ну, конечно. За всем этим крылась какая-то таинственная женщина. «Испепеленная роза»! Будь она проклята, эта искусительница, эта воровка чужой любви, эта сирена, притягивающая, завлекающая мужчин взглядом своих змеиных глаз. А Юджин! Пес! Негодяй! Подлый трус! Изменник! Неужели же он вовсе лишен всякой порядочности, душевной доброты и чувства благодарности? Так поступить с ней в награду за все ее долготерпение, за все страдания и жертвы. Писать, что он болен и одинок, что он не может предложить ей приехать, и в то же время волочиться за другой! «Испепеленная роза»! Будь она трижды проклята! Пусть господь поразит ее смертью за то, что она так бесстыдно, так бессовестно похитила священную собственность другой женщины!

Анджела в отчаянии ломала руки. Она была вне себя. В ее красивой головке теснились ярость, ненависть, зависть, горе, обида и звериная жажда мести. О, если бы она могла добраться до нее! Если бы она могла бросить Юджину в лицо все, что она о нем думает! Если б она могла застать их вместе и убить обоих! С каким наслаждением она закатила бы пощечину этой шлюхе! Она вырвала бы ей все волосы, она выцарапала бы ей глаза! Что-то в Анджеле напоминало дикую кошку, когда при мысли о той в глазах ее вспыхивало неукротимое бешенство. Очутись она лицом к лицу с Карлоттой, она способна была бы пытать ее каленым железом, вырвать у нее язык, исхлестать ее так, чтобы на ней живого места не осталось. Она превратилась в тигрицу, глаза ее горели, алые губы были влажны. Она убьет ее! Убьет! Видит бог, она убила бы ее, если б могла найти, а заодно и Юджина и себя! Да, да, убила бы! Лучше смерть, чем такая мука! В тысячу раз лучше умереть, лежать мертвой рядом с трупами этой подлой женщины и обманщика-мужа, чем так страдать! Она не заслужила этого. За что бог посылает ей такие испытания? Почему она должна ежечасно исходить кровью из-за своей жертвенной любви? Разве не была она преданной женой? Разве не принесла она на алтарь любви нежность, долготерпение, забвение себя, самопожертвование и добродетель? Чего еще может бог требовать от нее? Чего еще может желать мужчина? Разве не заботилась она о Юджине, и о здоровом и о больном? Она отказывала себе в платьях, она лишила себя общества, она целых семь месяцев проторчала в Блэквуде, пока он здесь растрачивал свое здоровье и время на любовь и разврат. Так-то она вознаграждена! И в Чикаго, и в Теннесси, и в Миссисипи – разве не ухаживала она за ним, разве не просиживала с ним ночи, не ходила с ним по комнате, когда он нервничал, не утешала его, когда им овладевал страх перед нищетой и крушением его карьеры? И вот после бесконечных месяцев терпеливого ожидания она снова страдает, снова покинута. О непостижимая жестокость мужского сердца! Подумать только, что человек может быть таким подлым, таким неблагодарным! Подумать только, что черноглазый Юджин с его мягкими волосами и обаятельной улыбкой оказался изменником, хитрецом, негодяем! Неужели он действительно такой, как это видно по письму? Возможно ли, что он так жесток, так эгоистичен? Не сон ли это? Ах, боже мой, нет, это не сон! Это мучительная, горькая действительность… И виновник всех ее страданий сидит в ванной и спокойно бреется!

На мгновенье у нее мелькнула мысль пойти к Юджину и дать ему пощечину. Ей казалось, что она могла бы вырвать его сердце, зарезать его живьем. Но едва она представила себе Юджина, залитого кровью, мертвого, как ужаснулась своим мыслям. Нет, нет! Этого она не сделает! О нет! Только не его… Но все же… все же…

«Господи, добраться бы мне до этой женщины! – думала она. – Я убью ее! Убью!»

Буря бешенства и возмущения еще клокотала в ее груди, когда в ванной щелкнула ручка двери и Юджин вышел оттуда в брюках, ботинках и в нижней сорочке, чтобы взять чистую рубашку. Он все еще сильно нервничал из-за письма, обрывки которого были брошены в корзину, но, заглянув в кухню и убедившись, что они лежат на месте, немного успокоился. Анджелы в кухне не было. Как только он узнает, где она, он вернется и заберет эти обрывки. Он направился в спальню, но по пути заглянул в гостиную. Анджела стояла у окна и, по-видимому, дожидалась его. Возможно, в конце концов, что она вовсе не так подозрительна. Всему виною его воображение. Он слишком нервничает, слишком сильно реагирует на всякие пустяки. Ну вот, если удастся, он сейчас соберет обрывки и выбросит их. Лучше, чтобы они не попадались Анджеле на глаза. Он проскользнул на кухню, быстро схватил горстку бумажек, швырнул за окно, и они разлетелись в воздухе. У него сразу отлегло от сердца. Теперь уж он никогда не принесет домой ни одного письма, можете быть уверены! Очень уж ему не везет.

Когда в ванной щелкнула дверная ручка, это сразу отрезвило Анджелу. Злоба душила ее, сердце учащенно билось, все ее существо было потрясено до основания, и, однако, она понимала, что ей нужно время. Прежде всего она должна разузнать, кто эта женщина. Нужно найти ее. Юджин ничего не должен подозревать. Где она сейчас? Что это за мост? Где они встречаются? Где она живет? Почему, спрашивала себя Анджела, не может она постичь этого усилием ума? Почему ее не озарит догадка, не посетит чудесное откровение? Если б только знать!

Через несколько минут Юджин вошел в столовую, чисто выбритый, с улыбкой на лице. Его душевное и умственное равновесие было почти восстановлено. Письма нет. Анджела никогда не узнает о нем. Она могла что-то подозревать, но грозившая ему вспышка ревности пресечена в корне. Он подошел к ней, чтобы обнять ее, но она быстро увернулась под предлогом, что ей нужно пойти за сахаром. Он не настаивал на своей попытке быть ласковым – вольному воля! – и, усевшись за маленький столик, накрытый белоснежной скатертью и уставленный аппетитными блюдами, стал дожидаться Анджелы. День выдался очень хороший – было начало октября, – Юджин любовался игрою лучей заходящего солнца на желтых и красных листьях. Дворик был очарователен. Маленькая квартирка, несмотря на бедность ее обитателей, выглядела так уютно! На Анджеле было изящное домашнее платье – коричневое с зеленым. Его прикрывал темно-синий передничек. Она была очень бледна и как-то рассеянна, но Юджин сначала даже не заметил этого, такое он чувствовал облегчение.

– Ты очень устала, Анджела? – участливо спросил он наконец.

– Да, – ответила она. – Я что-то нездорова сегодня.

– Что ты делала? Гладила?

– Да. Гладила и убирала. Сегодня занялась буфетом.

– Тебе не следовало бы так много делать сразу, – продолжал он. – Ты недостаточно крепка. Работаешь, как ломовая лошадь, а сил у тебя не больше, чем у жеребенка. Зачем ты так утомляешь себя?

– Да я и не буду, когда все приведу в порядок, – ответила она.

Она отчаянно боролась с собой, чтобы скрыть свои настоящие чувства. Никогда еще не терпела она такой нравственной пытки. Когда-то в нью-йоркской студии, обнаружив те письма, она думала, что сильно страдает, но разве могло это сравниться с тем, что она переживала сейчас? Что значила по сравнению с этим ее ревность к Фриде? Что значили ее одиночество и тоска в Блэквуде, горе и тревоги, вызванные его болезнью? Ничего, ровно ничего. Вот это действительно измена. Теперь у нее в руках все улики. Эта особа где-то здесь, совсем близко. Он обманывал ее, Анджелу, после стольких лет супружеской жизни, когда они делили вместе и горе и радость. Возможно, что он встречался с этой женщиной даже сегодня, вчера, позавчера. На письме не было числа. Неужели это родственница миссис Хиббердел? Юджин как-то упоминал, что у нее есть замужняя дочь, но никогда не говорил, что она живет в Ривервуде. Но если бы она жила у миссис Хиббердел, зачем бы он стал переезжать? Нет, тогда он не переехал бы. Может быть, это его последняя квартирная хозяйка? Нет, та чересчур проста. Анджела видела ее. Юджин не мог бы увлечься ею. Только бы узнать кто! «Испепеленная роза»! Красные круги поплыли у нее перед глазами. Но не имело смысла поднимать сейчас бурю. Лучше сохранить спокойствие. Если бы она могла хоть поделиться с кем-нибудь, поговорить со священником или с близкой подругой! Можно обратиться в сыскное агентство. Там помогут. Сыщик легко выследит эту парочку. Сделать так? Но это стоит денег, а они сейчас очень бедны. Ха! С какой стати будет она тревожиться из-за того, что они бедны, чинить и перешивать платья, отказывать себе в шляпке, в приличной обуви, – чтобы он растрачивал себя и свое время на какую-то бесстыжую девку? Будь у него деньги, он тратил бы их на нее. Хотя, правда, он отдал ей, Анджеле, почти все, что привез с собой в Нью-Йорк. Чем это объяснить?

Пока Анджела предавалась этим размышлениям, Юджин сидел против нее и ел с большим аппетитом. Если бы история с письмом не разрешилась так благополучно, ему было бы не до еды. Но сейчас у него было легко на душе. Анджела сказала, что не голодна и есть не будет. Она пододвигала ему хлеб, масло, картофельную запеканку и чай, и он с удовольствием пил и закусывал.

– Я все думаю о том, как бы развязаться с этой мастерской, – дружелюбно сказал он, прерывая тягостное молчание.

– Почему? – машинально спросила Анджела.

– Наскучило мне там. Товарищи по работе меня больше не интересуют. Надоели они мне. Я думаю, что мистер Хейверфорд переведет меня, если я ему напишу. Он обещал. Я предпочел бы работать с какой-нибудь артелью на открытом воздухе. Когда фабрику законопатят на зиму, там будет страшно тоскливо.

– Что ж, пожалуй, это лучше, если тебе там надоело. Я знаю, у тебя уж такой характер, тебе нужна перемена обстановки. Почему же ты не напишешь мистеру Хейверфорду?

– Я напишу, – ответил он.

Однако он не стал этим заниматься. Он прошел в гостиную и зажег газовый рожок, почитал газету, потом книгу, потом его сморила усталость, и он начал зевать. Немного спустя вошла Анджела, бледная и измученная. Она принесла рабочую корзинку с носками, нуждавшимися в штопке, и приступила к работе, но мысль, что она делает это для Юджина, была ей нестерпима. Она отложила носки в сторону и принялась за юбку, которую шила для себя. Юджин некоторое время следил за нею сонным взглядом, изучая и соразмеряя глазом художника линии ее лица. «У нее очень правильные черты», – решил он. А затем обратил внимание на игру света в ее волосах – это придавало им своеобразный отлив – и подумал, удалось ли бы ему передать это масляными красками. Писать при искусственном освещении труднее, чем при дневном. Тени – чрезвычайно коварная штука. Наконец он встал.

– Ну, пора на боковую, – сказал он. – Устал что-то. А завтра вставать в шесть. Эта поденная работа мне осточертела. Хоть бы она уж кончилась!

Анджела не решалась заговорить, она еще недостаточно владела собой. У нее так наболело в душе, что казалось, она закричит, если только откроет рот. Юджин направился к двери, бросив на ходу: «Ты скоро?» Она молча кивнула. Когда он вышел, словно плотину прорвало – слезы хлынули жгучим потоком. Она плакала не столько от горя, сколько от ярости и сознания своего бессилия. Она убежала на балкончик и там рыдала в одиночестве, а вокруг нее задумчиво мерцали ночные огни. После первой вспышки горя сердце ее окаменело и слезы иссякли, так как не в ее характере было зря проливать слезы, когда ею владело бешенство. Она вытерла глаза, и на ее мертвенно-бледном лице снова застыло отчаяние.

«Пес, негодяй, злодей, зверь!» – проносилось у нее в голове. Как могла она полюбить его? Как может она любить его сейчас? О, сколько в жизни ужаса, несправедливости, жестокости, позора! Подумать только, что ей суждено быть втоптанной в грязь вместе с таким человеком! Какая обида! Какой срам! Если это и есть так называемое искусство, то пропади оно пропадом! Но как бы она ни ненавидела Юджина, как бы ни ненавидела эту распутницу, эту «испепеленную розу», она все же любила его. Тут она была беспомощна. Это было сильнее ее. О, какая мука сгорать одновременно на двух кострах! Почему бог не пошлет ей смерти? Как хорошо было бы умереть!

Глава XXVIII

Муки, причиняемые любовью, по праву могут называться муками ада. После описанного случая Анджела непрестанно следила за Юджином, потихоньку кралась за ним по берегу реки и даже не стеснялась бежать следом, как только он удалялся шагов на восемьдесят от дома. Она сторожила у Ривервудского моста и в час дня и в шесть часов вечера, ожидая, что быть может, когда-нибудь Юджин и его любовница встретятся там. Но, по счастью, Карлотте понадобилось дней на десять уехать с мужем из Нью-Йорка, и Юджину не грозила никакая опасность. Раза два, стосковавшись по прежней жизни, он съездил в Нью-Йорк – побродить по наиболее оживленным улицам, где Анджела, которая отправлялась за ним, немедленно теряла его след. Он, однако, ничего предосудительного не делал, а только ходил по улицам, раздумывая о том, где-то сейчас Мириэм Финч, Кристина Чэннинг и Норма Уитмор, помнят ли они его и чем объясняют его исчезновение. Из всех своих старых знакомых он лишь однажды видел Норму Уитмор, вскоре после возвращения в Нью-Йорк. Он наплел ей что-то весьма невразумительное о своей болезни, сказал, что намерен приступить к работе, и выразил желание навестить ее. Но в общем Юджин старался избегать таких встреч, боясь, что ему придется объяснять, почему он не может работать. Мириэм Финч даже слегка злорадствовала по поводу крушения его карьеры; она не могла простить ему небрежного, как ей казалось, отношения к ней. Кристина Чэннинг, как узнал Юджин, пела в оперном театре, – он как-то прочел в газете объявление, где ее имя было напечатано крупным шрифтом. В ноябре она должна была выступать в «Богеме» и в «Риголетто». Кристина стала настоящей оперной дивой, которая заботилась только о своих сценических успехах.

В одном Юджину посчастливилось – ему удалось переменить работу. Как-то, придя в мастерскую, он увидел там новое лицо. Это был десятник Тимоти Диган, ирландец; под его началом находилось человек двадцать поденщиков-итальянцев, которых он называл не иначе, как «морские свинки». Юджину он сразу понравился. Диган был среднего роста, коренастый, с толстой шеей и веселым румяным лицом; у него были проницательные, хитрые серые глазки, жесткие, коротко остриженные седые волосы и щетинистые усы. Его прислали в Спионк поставить в машинном отделении фундамент под динамо-машину, которая должна была питать фабрику энергией на случай ночных работ. Следом за ним прибыл вагон с инструментом, досками, тачками, лотками для известкового раствора, кирками и лопатами. Юджина рассмешил и поразил повелительный и грубый тон его приказаний.

– Ну-ка, живее, Мэтт! Пошевеливайся, Джимми! Тащи лопаты! Тащи кирки! – доносились его окрики. – Песку давайте сюда! Щебню! А где же цемент? Где цемент, я вас спрашиваю? Мне нужен цемент, черт возьми! Чем вы все заняты, хотел бы я знать? А ну-ка, поживее! Давайте его сюда!

– Вот кто умеет командовать, – заметил Юджин стоявшему рядом Джону-Бочке.

– Еще бы, – ответил тот.

Едва начались окрики, Юджин мысленно обозвал ирландца «хамом». Немного спустя, однако, он заметил в глазах Дигана лукавый огонек; тот стоял на пороге и с вызывающим видом посматривал по сторонам. Во взгляде его не было и намека на злобу; начальственный пыл вызывался лишь срочностью работы – этим объяснялась его видимая самоуверенность и напористость.

– Ну и фрукт же вы! – сказал ему немного погодя Юджин и расхохотался.

– Ха! Ха! Ха! – передразнил его Диган. – Поработайте, как работают мои люди, а тогда и смейтесь.

– Я не над ними смеюсь, а над вами, – ответил Юджин.

– Ну и смейтесь! – сказал Диган. – А мне, думаете, не смешно на вас смотреть?

Юджин снова расхохотался. Ирландец решил, что это и в самом деле смешно, и тоже расхохотался. Юджин похлопал его по могучей спине, и они сразу стали друзьями. Дигану потребовалось не много времени, чтобы выведать у Джона-Бочки, как Юджин попал сюда и что делает.

– Художник? – воскликнул он. – Тогда ему полезнее быть на свежем воздухе, чем сидеть тут взаперти. И хватает же нахальства у парня – еще смеется надо мной.

– По-моему, он и сам предпочел бы свежий воздух.

– Пусть тогда идет ко мне. Он славно поработал бы с моими морскими свинками. Покряхтел бы так несколько месяцев, небось, сразу стал бы человеком, – и он указал рукой на Анджело Эспозито, месившего лопатой глину.

Джон-Бочка счел своим долгом передать эти слова Юджину. Он не думал, чтобы Юджину улыбалось работать с «морскими свинками», но с Диганом они, пожалуй, споются. Юджин увидел в этом счастливый случай. Диган ему нравился.

– Не согласитесь ли вы принять на работу художника, который нуждается в поправлении здоровья? – шутливым тоном спросил Юджин. Вероятнее всего, Диган откажет ему, но это не имело значения. Почему не попытаться!

– Отчего же! – И мне придется работать вместе с итальянцами?

– Найдется для вас достаточно работы и без кирки и лопаты – разве что сами захотите. Ясно, что это не работа для белого человека.

– А они кто, по-вашему, Диган? Разве не белые?

– Ну, ясно, нет.

– А кто же они в таком случае? Ведь и не черные?

– Да уж известно, черномазые.

– Так это же не негры.

– Ну и не белые, черт возьми! Стоит только посмотреть на них, каждый скажет.

Юджин улыбнулся. Он сразу оценил, какой чисто ирландской невозмутимостью должен обладать этот человек, чтобы искренне прийти к такому заключению. И порождено оно вовсе не злобой. Диган и не думает презирать этих итальянцев. Он любит своих рабочих, – но все же они для него не белые. Он не знает в точности, кто они, но только не белые. Несколько секунд спустя он уже снова командовал: «Подымай выше! Подымай выше! Опускай! Опускай!» – и, казалось, горел одним желанием – выжать последние силы из этих горемык, тогда как на самом деле работа была вовсе не такая уж тяжелая. Выкрикивая свои приказания, он даже не смотрел на рабочих, да и они мало обращали на него внимания. Время от времени среди его окриков слышалось: «А ну-ка, Мэтт!», сказанное таким мягким тоном, какого нельзя было и ожидать от него. Юджину все стало ясно. Он «раскусил» Дигана.

– Если вы не против, я попрошу, пожалуй, мистера Хейверфорда перевести меня к вам, – сказал он к концу дня, когда Диган стал стягивать с себя рабочий комбинезон, а итальянцы принялись укладывать инструменты и материал.

– Ясно, – сказал Диган, на которого имя всемогущего Хейверфорда произвело должное впечатление. Если Юджин надеется добиться перевода через посредство такого замечательного и недосягаемого лица, то он, должно быть, и сам необыкновенный человек. – Валите ко мне. Я с удовольствием приму вас. Достаточно, если вы будете заполнять мои требования и накладные, присматривать за рабочими в мое отсутствие и… э-э… одним словом, работы хватит.

Юджин улыбнулся. Перспектива была заманчивая. Джон-Бочка еще утром рассказал ему, что Диган разъезжает взад и вперед по всему пути между Пикскиллом (на главной линии), Чэтемом, Маунт-Киско (на боковой ветке) и Нью-Йорком. Он прокладывал дренажные трубы, возводил кирпичные фундаменты, строил колодцы, угольные ямы и даже небольшие здания, – все, что угодно, все, что только можно было требовать от способного каменщика-десятника, – и был вполне доволен и счастлив своей работой. Юджин имел возможность лично убедиться в этом. Дигана окружала здоровая атмосфера. Он действовал как укрепляющее лекарство, и его живительная сила передавалась больному, измученному интеллигенту.

В этот вечер, возвращаясь домой к Анджеле, Юджин думал о том, как забавна и романтична будет его новая работа. Эта перемена была ему по душе. Ему хотелось рассказать Анджеле про Дигана – посмешить ее. Увы! Его ждал совершенно не располагающий к этому прием.

Дело в том, что Анджела, все еще находясь под впечатлением своего недавнего открытия, не в состоянии была больше владеть собой. Если до сих пор она покорно выслушивала измышления Юджина, зная, что все это ложь, то, наконец, терпение ее иссякло. Слежка ни к чему не привела, а перемена места работы должна была только затруднить ее наблюдения. Кто теперь уследит за Юджином, когда он и сам не будет знать, куда и когда его пошлют? Он будет работать то здесь, то там – где придется. Соображения собственной безопасности вместе с чувством вины заставили Юджина быть особенно внимательным к Анджеле во всем, что не требовало от него больших усилий. Когда он давал себе труд подумать, он испытывал стыд, жгучий стыд. Подобно пьянице, он находился всецело во власти своей слабости – так, пожалуй, можно было бы наилучшим образом охарактеризовать его поведение. Он ласково обнимал Анджелу, так как при виде ее осунувшегося лица боялся, что она вот-вот заболеет. Ему представлялось, что она страдает от тревоги за него, от переутомления или от какого-то надвигающегося недуга.

Несмотря на то что Юджин изменял Анджеле, он чувствовал к ней глубокое сострадание. Он по достоинству ценил ее превосходные качества – честность, бережливость, преданную и самоотверженную любовь. Ему жаль было ее мечты о простом, бесхитростном счастье с ним, так мало совместимом с его стремлением к свободе. Он знал, что о той любви, которой она от него требовала, не могло быть и речи, и все же временами сожалел об этом, очень сожалел. Иногда он незаметно наблюдал за Анджелой, восхищаясь ее красивой фигуркой, удивляясь ее трудолюбию, терпению, той бодрости, с какой она переносила лишения и невзгоды, и искренне огорчался, что судьба не отнеслась к ней милостивее и не послала ей другого мужа.

Все это приводило к тому, что Юджину невыносимо было видеть страдания Анджелы. Когда она казалась ему больной, его неудержимо тянуло к ней. Ему хотелось спросить, как она себя чувствует, ободрить ее теплым словом и лаской, которые – он знал это – так много значили для нее. В этот вечер он обратил внимание на ее застывшее, измученное лицо и не удержался от настойчивых расспросов.

– Что с тобой творится в последнее время? У тебя такой утомленный вид. Ты нездорова? У тебя что-нибудь болит?

– Да нет, ничего, – устало ответила она.

– Но ведь я вижу, что это не так, – настаивал он. – Не может быть, чтобы ты себя хорошо чувствовала. Что у тебя болит? Ты на себя не похожа. Почему ты не хочешь мне сказать, дорогая? Что с тобой?

Именно потому, что Анджела упорно молчала, он решил, что все дело в физическом недомогании. Душевные страдания она не умела долго скрывать.

– Разве тебя это интересует? – осторожно спросила Анджела, нарушая добровольно взятый на себя обет молчания. Она думала о том, что Юджин и эта женщина (кто бы она ни была) в заговоре против нее, что они решили извести ее, и им это удается. В ее голосе, который за минуту до того выражал усталую покорность судьбе, зазвучала плохо скрытая жалоба и обида, и Юджин заметил это. Еще раньше чем она успела что-нибудь добавить, он спросил:

– А почему бы мне не интересоваться и почему ты так говоришь? Что еще стряслось?

Анджела, в сущности, не собиралась продолжать. Ответ вырвался у нее невольно – очень уж сочувственный был у него тон. Да, жалость к ней у него осталась. И это только усиливало ее душевную боль и гнев. Но больше всего расстроили ее эти, последние, расспросы.

– Что тебе за дело до меня? – со слезами спросила она. – Ведь я тебе не нужна. Ты меня не любишь. Ты только делаешь вид, что жалеешь меня, когда я чуть хуже выгляжу, – вот и все. А любить ты меня не любишь. Если бы можно было, ты бы с удовольствием от меня избавился. Это так ясно.

– Что с тобой! Что ты говоришь? – воскликнул он, пораженный.

Неужели она что-нибудь узнала? Так ли уж бесследно прошел инцидент с разорванным письмом? Может быть, ей кто-нибудь рассказал про Карлотту? Он сразу растерялся, но все же решил играть свою роль до конца.

– Ты знаешь, что я тебя люблю, – сказал он. – Как ты можешь так говорить?

– Нет, не любишь. И знаешь, что не любишь! – вспыхнула она. – Зачем эта ложь? Ты меня не любишь! Не тронь меня! Не подходи ко мне близко! Как мне опротивело твое лицемерие! О!

Она выпрямилась и сжала руки так, что ногти вонзились в ладони. При первых ее словах Юджин успокаивающим жестом положил ей руку на плечо, и Анджела невольно он него отшатнулась. Он отступил, удивленный, встревоженный, чуть обиженный. С ее яростью было легче справиться, чем с ее горем, хотя, по правде говоря, его тяготило и то и другое.

– Да что с тобой? – спросил он с невинным видом. – Что я еще такое сделал?

– Ты лучше спросил бы, чего ты не сделал! Ты – пес! Ты – трус! – разразилась Анджела. – Заставить меня сидеть в Блэквуде, пока ты здесь волочился за какой-то бесстыжей женщиной! Не отрицай! Не смей отрицать! – это было сказано в ответ на протестующее движение Юджина. – Я все знаю! Я знаю больше, чем хотела бы знать! Я знаю, как ты себя вел, знаю все твои проделки. Ты тут путался с какой-то низкой, подлой, мерзкой тварью, а я сидела в Блэквуде и изнывала от тоски – вот что ты делал! «Дорогая Анджела», «Дорогой Ангелочек», «Моя мадонна»! Ха-ха! А как ты ее называл интересно знать? Лживый, лицемерный трус! Какие прозвища у тебя для нее, лицемер, животное, лжец! Я знаю твои дела! О, я хорошо их знаю! Зачем только я родилась на свет? Зачем? Зачем?

Голос ее сорвался. Юджин стоял как громом пораженный, он потерял всякую способность соображать. Он не знал, что сказать, что делать. Он совершенно не представлял себе, на чем она строит свои обвинения. Очевидно, ей известно гораздо больше, чем содержалось в той записке, которую он разорвал. Записки она не видела, в этом он был уверен, а впрочем, может быть, и видела? Уж не вынула ли она из корзинки обрывки письма, пока он был в ванной, а потом снова бросила их туда? Вполне возможно. В тот вечер она очень скверно выглядела. Что она знает? От кого она получила эти сведения? От миссис Хиббердел? От Карлотты? Быть не может! Уж не виделась ли она с ней? Но где? Когда?

– Ты сама не знаешь, что говоришь, – вяло протянул он, главным образом чтобы выиграть время. – Ты совсем с ума сошла! Что тебе взбрело на ум, хотел бы я знать! Ничего подобного не было!

– Да неужели? – накинулась на него Анджела. – Ты, значит, не встречался с нею у мостов, в загородных гостиницах, в трамвае? Лжец! Ты не называл ее «испепеленной розой», «речной нимфой», «божеством»? – Анджела сама придумывала эпитеты и места их свиданий. – Ты, должно быть, давал ей те же ласковые прозвища, что и Кристине Чэннинг? Ей это, наверное, нравилось, этой подлой потаскухе! А ты, ты все время меня обманывал, притворялся, будто жалеешь меня, будто ты одинок, огорчен, что я не могу приехать! Очень тебе нужно было знать, как я жила, о чем думала, как страдала! О, до чего же я ненавижу тебя, подлый трус! Ненавижу ее! Как я была бы рада, если б с вами случилось что-нибудь ужасное! Только бы мне добраться до нее, я убила бы ее, убила бы вас обоих, а потом себя! Убила бы! О, если бы мне умереть! Если б я только могла умереть.

По мере того как Анджела говорила, Юджину открывалась вся глубина его падения. Он видел, как жестоко оскорбил ее, какой подлостью представлялись ей его измены. Да, скверная это штука – бегать за другими женщинами. Это всегда кончается вот такой бурей, и приходится выслушивать самые ужасные оскорбления, даже не имея права возражать. Он слышал, что подобные истории случались с другими, но никогда не думал, что это может случиться с ним. А хуже всего было то, что он действительно виноват и заслужил ее упреки, – это унижало его в собственных глазах, унижало и его и ее, поскольку ей приходилось вести с ним такую борьбу. Зачем он это делал? Зачем ставил ее в такое положение? Это убивало его гордость, то чувство, без которого человек не решается смотреть в лицо окружающим. Зачем он позволяет себе впутываться в такие истории? Разве он действительно любит Карлотту? Так ли сильна в нем жажда наслаждений, чтобы из-за нее переносить подобные оскорбления? Какая гадкая сцена! И чем она кончится? Все его нервы были напряжены, голову словно тисками сдавило. Если бы он мог побороть в себе тяготение к другим женщинам и оставаться верным Анджеле, – но какой ужасной казалась ему эта мысль! Ограничить свои желания одной Анджелой? Нет, это невозможно! Все это проносилось у него в голове, пока он стоял и ждал, чтобы буря немного утихла. Страшная пытка, но даже она не могла привести его к полному раскаянию.

– Что пользы устраивать такие сцены, Анджела? – мрачно произнес он, выслушав ее до конца. – Вовсе это не так ужасно, как тебе кажется. И я не лжец и не пес. Ты, по-видимому, прочла письмо, которое я кинул в корзину. Когда же это ты успела?

Его мучил вопрос, что она знает. Что она намерена предпринять по отношению к нему и к Карлотте? К чему она, собственно, ведет?

– Когда я успела? Какое это имеет значение? Какое право ты имеешь меня спрашивать? Где эта женщина, вот что я хочу знать. Я хочу найти ее! Хочу посмотреть ей в глаза! Хочу сказать ей в лицо, что она гнусная тварь! Я ей покажу, как красть чужих мужей! Я ее убью! Убью! И тебя убью! Слышишь? Убью тебя!

Она двинулась на него с вызовом в пылающих глазах. Юджин был поражен. Он еще никогда не видел женщины в таком бешенстве. В этом было что-то ошеломляющее, что-то прекрасное, что-то напоминающее сильную грозу и сверкание молний.

Анджела, оказывается, способна метать громы. Он этого не знал. Это поднимало ее в его глазах, придавало ей новое очарование, так как сила всегда прекрасна, в чем бы она ни выражалась. Анджела была такая маленькая, но такая суровая, решительная. Он увидел ее с совершенно новой стороны и невольно залюбовался ею, хотя и был уязвлен ее оскорблениями.

– Нет, нет, Анджела, – сказал он мягко, движимый искренним желанием облегчить ее горе. – Ты на это не способна. Ты не могла бы.

– Нет, могла бы! Могла бы! – воскликнула она. – Я убью и ее и тебя!

Но тут гнев ее достиг своей высшей точки и наступил перелом. Теплота и сочувствие в обращении Юджина переполнили чашу. Терпеливое молчание, с которым он выслушивал ее упреки, искреннее сожаление, что он не может или не хочет ничего с этим поделать (она читала это на его лице), та непосредственность, с какой он, вопреки всему, продолжал верить, что она любит его, – все это было выше ее сил. Она с таким же успехом могла бы пробить лбом каменную стену. Она может убить его и эту женщину, кто бы она ни была, но этим не изменит его отношения к ней. А между тем ей только это и нужно. Душераздирающие рыдания вырвались у нее из груди, сотрясая все ее тело, как тростинку. Она уронила руки на кухонный стол, припала к ним головой и, упав на колени, рыдала, рыдала без конца. Юджин растерянно стоял над ней и думал о том, что это он разрушил ее мечту. Как это ужасно! Она права, он – лжец, он – пес, он – негодяй. Бедная маленькая Анджела! Но все равно, сделанного не воротишь. Чем он может помочь ей! Можно ли вообще чем-нибудь помочь в таких случаях? Нет, конечно. Она сражена горем, сердце ее разбито. На земле нет исцеления от этого. Священники отпускают грехи тем, кто преступил закон, но кто исцелит раны сердца?

– Анджела, – ласково окликнул он ее. – Анджела! Прости. Не плачь, Анджела, не надо плакать.

Но она не слышала его. Она ничего не слышала. В безысходном отчаянии она продолжала судорожно рыдать, и ее изящная, хрупкая фигурка, казалось, вот-вот сломится под тяжестью горя.

Глава XXIX

Но на этот раз Юджин не дал чувству жалости увлечь себя. При подобных обстоятельствах у мужчины всегда есть возможность заключить в объятия жертву своей жестокости, нашептывая ей участливые или покаянные слова. Другое дело – истинная доброта и раскаяние, которые влекут за собою исправление. Но для этого требуется полное бескорыстие и умение закрыть глаза на зло, причиняемое тебе. Юджин не принадлежал к числу тех, кого может исправить зрелище чьих-то страданий. Он глубоко сочувствовал Анджеле. Он остро переживал вместе с ней ее горе, но не настолько, чтобы отрешиться от своего, как ему казалось, законного права наслаждаться всем прекрасным. Что плохого, спрашивал он себя, в том, что он тайно обменивался ласковыми взглядами и нежными излияниями с Карлоттой или с какой-нибудь другой женщиной, которая нравилась ему и которой нравился он? Неужели такая близость – в самом деле зло? Он не тратил на Карлотту денег, принадлежащих по праву Анджеле – разве что какие-то гроши. Он не помышлял о женитьбе на ней, и она не рассчитывала выйти за него замуж – да это и невозможно было бы. Он только хотел наслаждаться ее обществом. Какое же зло причинял он этим Анджеле? Ровно никакого – если бы она ничего не узнала. Другое дело, когда она знает, – это, конечно, очень печально и для нее и для него. Но если бы роли переменились и Анджела вела себя так, как он по отношению к ней, это его нисколько не огорчало бы. Рассуждая таким образом, Юджин одно упускал из виду: что он не любил Анджелу, а она любила его. Такие доводы напоминают кружение белки в колесе. Да это собственно и не доводы. Это анархия чувств и ощущений. Здесь не видно желания найти какой-то выход.

Сцены повторялись, за первым припадком бешенства и горя последовали другие, но уже менее сильные. Проявление всякого чувства только однажды достигает своей высшей точки. Далее это уже лишь отголоски затихающего грома, сверкание зарниц. Анджела обличала Юджина во всех его недостатках и дурных наклонностях, а он только смотрел на нее своим мрачным взглядом и время от времени вставлял: «Да ничего подобного! Ты знаешь, что я вовсе не такой уж дурной человек». Или: «Зачем ты меня оскорбляешь? Ведь это все неправда». Или: «Зачем ты так говоришь?»

– А затем, что это так, и ты знаешь, что это так! – отвечала Анджела.

– Послушай, Анджела, – сказал ей как-то Юджин, стараясь воздействовать на нее логикой, – какой тебе смысл так меня унижать? Ну что толку, что ты бранишь меня всякими словами? Ты хочешь, чтобы я тебя любил, да? Ведь все дело в этом? Ничего другого тебе не нужно? Но разве ты заставишь любить себя тем, что будешь оскорблять меня? Если я не могу любить – значит, не могу. Зачем же эти ссоры?

Анджела слушала его с поникшей головой; она понимала, что ее ярость бесполезна или почти бесполезна. Он в выгодном положении. Она любит его. В этом все несчастье. И подумать только, что никакие слезы, никакие мольбы, никакой гнев не помогут ей! Его может вернуть к ней только чувство, в котором он не волен. В этом крылась горькая правда, которую Анджела, хоть и смутно, начинала сознавать.

Сидя с опущенными на колени руками, бледная, осунувшаяся, она сказала ему однажды, глядя в пол:

– Не знаю, что и делать! Может быть, мне лучше уйти от тебя. Если б только не мои родные! Для них брак – святыня. Они по натуре своей постоянные и порядочные люди. Вероятно, человек должен родиться на свет с такими качествами – приобрести их нельзя. Для этого его нужно совершенно переделать.

Юджин прекрасно знал, что она не уйдет от него. Прозвучавшая в ее последних словах высокомерная нотка, – правда, невольная, – вызвала у него улыбку. Подумать только – ему предлагают взять за образец родных Анджелы!

– Но только куда девать себя, не знаю, – продолжала она. – К своим в Блэквуд я не могу вернуться. Я не хочу там жить. Делать я ничего не умею, разве что детей обучать, но об этом мне и думать не хочется. Если б я могла научиться хотя бы стенографии или счетоводству.

Она говорила так, раздумывая вслух, обращаясь больше к себе, чем к нему. Она действительно не знала, как быть.

Юджин слушал, опустив голову; ему тяжело было думать, что Анджела окажется выброшенной из своего дома, что ей придется работать где-нибудь конторщицей или секретаршей. Он вовсе не хотел обрекать ее на такую жизнь. Он предпочел бы, чтоб она осталась с ним, конечно, на приемлемых для него условиях, – ведь водится же так у мормонов[17]. Какое одиночество ждет Анджелу, если она уйдет от него! Нет, это не для нее. Не для нее, домовитой и заботливой жены, черствый мир дельцов и торгашей. Ему хотелось бы уверить ее, что в дальнейшем у нее не будет поводов для таких огорчений, уверить искренне, – но с таким же успехом больной мог бы взяться за труд, доступный только человеку здоровому и сильному. У Юджина путались мысли, и только одно он знал ясно – если он попытается поступить как должно, ему это, возможно, и удастся, но сам он будет несчастлив. И он предпочитал не принимать никаких решений, полагаясь во всем на волю судьбы.

Как Юджин задумал, так и получилось. Он действительно перешел под начало Дигана и, работая с ним, пережил много любопытного. Когда Диган заявил ему в свое время, что готов взять его к себе, Юджин написал Хейверфорду почтительное письмо, в котором просил перевести его на другую работу, и немедленно получил ответ, что его желание удовлетворено. Хейверфорд сохранил о Юджине самое лучшее воспоминание. Осведомляясь о здоровье мистера Витла, он выражал надежду, что тот находится на пути к выздоровлению. Начальник строительного отдела как раз запрашивал о дельном помощнике для Дигана, у которого были вечные недоразумения из-за отчетности, и Хейверфорд считал молодого художника вполне подходящим кандидатом для этой должности. В результате Диган получил приказ принять к себе на работу Юджина, а Юджину, согласно другому распоряжению за подписью начальника строительного отдела, было предложено явиться к Дигану. Юджин застал его за постройкой угольной ямы под зданием железнодорожного депо в Фордс-Сентре. Диган, по обыкновению, метал громы и молнии, но Юджина он встретил широкой, довольной улыбкой.

– А! Вот и вы! Ну что ж, как раз вовремя. Я сейчас же направлю вас в контору.

Юджин рассмеялся.

– Ясно, – сказал он.

Диган стоял в только что вырытом котловане; от его одежды пахло свежей землей. В руках у него были отвес и ватерпас. Отложив их в сторону, он прошел с Юджином к станционному перекрытию, вытащил из кармана старого серого пиджака грязное, измятое письмо, осторожно развернул его толстыми, заскорузлыми пальцами и с возмущенным видом поднял в вытянутой руке.

– Поезжайте в Вудлон, – приказал он, – разыщите для меня болты, их там должен быть целый бочонок. Распишитесь в получении и вышлите мне их сюда. Потом отправляйтесь в контору и отвезите им эту накладную. – Он снова стал шарить в карманах и достал еще одну измятую бумажку. – Вот еще канитель! – воскликнул он, глядя на нее с возмущением. – С ума они там все посходили, что ли! Вечно пристают ко мне с этими накладными. Можно, черт возьми, подумать, что я их украсть собираюсь! Что, я их слопаю? Накладные, накладные! С утра до вечера накладные! Кому это нужно? Этакая ерунда!

Лицо его еще больше побагровело и выражало возмущение. Юджину стало ясно, что Диган чем-то нарушил железнодорожные правила и получил за это взбучку, или же, как говорят дорожники, ему «хвост накрутили». Он был крайне возмущен и бушевал во весь размах своего ирландского темперамента.

– Ладно, – сказал Юджин. – Все будет в порядке. Предоставьте это мне.

Диган начал понемногу успокаиваться. Наконец-то у него толковый помощник. Расставаясь с Юджином, он не преминул, однако, метнуть в свое начальство последнюю молнию.

– Вы им там скажите, что я распишусь за болты только тогда, когда получу их, и ни в коем случае не раньше! – прогудел он.

Юджин рассмеялся. Он заранее знал, что не станет передавать слов Дигана, но рад был дать ему возможность отвести душу. С большим рвением приступил он к новой работе, довольный возможностью быть на воздухе, наслаждаться сиянием солнца и совершать короткие поездки взад и вперед по всей дороге. Это было восхитительно. Теперь дело пойдет на поправку, он был уверен в этом.

Юджин поехал в Вудлон и расписался в получении болтов. Затем он зашел в контору и познакомился с управляющим, которому лично передал накладную, и тот объяснил ему, в чем главное затруднение Дигана. Оказалось, что нужно ежемесячно заполнять до двадцати пяти отчетных бланков, не говоря уже о бесконечных накладных, на которых надо расписываться при получении материалов. Будь то целая секция мостовой фермы, или один болт, или фунт замазки, – все равно нужно было расписываться в получении. Достаточно было умело настрочить отчет о своей работе, чтобы снискать расположение управляющего конторой. (Что работа производилась надлежащим образом, это разумелось само собой.) И вот эти-то отчеты никак не давались Дигану, несмотря на то, что в составлении их ему порою помогали и жена и все трое детей – мальчик и две девочки. Он постоянно попадал в беду.

– Боже ты мой! – воскликнул управляющий конторой, когда Юджин сказал ему, что, по мнению Дигана, болты могли преспокойно лежать на станции, пока они ему не понадобятся, а тогда он и расписался бы в их получении. – Вот так так! – он даже за голову схватился от огорчения. – Пусть они лежат там, пока ему не понадобятся – слыхали? Ну, а как мне быть с моей отчетностью? Я-то должен иметь эти накладные! Вы скажите Дигану, что он обязан это понимать, он не первый день работает на железной дороге. Передайте ему от моего имени категорическое требование расписываться на соответствующем бланке за все, что ему выдано, как только его уведомят, что материал для него выписан. Я настаиваю на этом без всяких оговорок. Чтобы немедленно являлся за материалом. Обалдеть можно! И пусть берется за ум, пока не поздно, не то ему несдобровать! Я больше не стану этого терпеть. Уж вы помогите ему. Ведь с меня-то требуют отчет.

Юджин сказал, что поможет Дигану. Это была работа как раз по нем. Он чувствовал, что будет ему полезен. Он снимет с него часть забот.

Время шло. Стало холоднее, и хотя сначала новые обязанности казались Юджину интересными, постепенно, как это всегда бывает, они начали ему надоедать. Приятно было, конечно, в хорошую погоду стоять под деревьями у источника или ручейка, где прокладывался мостик или строился колодец, питавший соседнюю водокачку, и любоваться окружающим пейзажем. Но когда похолодало, все это потеряло свою прелесть. Диган по-прежнему оставался интересным объектом для изучения. Этот человек не переставал со всеми препираться. Вся его неутомимая, хотя и ограниченная узкими рамками деятельность проходила среди досок, тачек, щебня, цемента и состояла лишь в стройке – без той радости, которую дает пользование плодами своих усилий. Едва успев достроить и отделать что-нибудь, Диган со своими рабочими перекочевывал в другое место, где им снова предстояло рыть и копать. Глядя на развороченную землю, на кучи желтоватой глины, на чумазых итальянцев (достаточно чистых душою, но выпачканных в земле и скрюченных от работы), Юджин размышлял о том, долго ли еще он сможет это выдержать. Подумать только, что он, именно он, должен работать здесь с Диганом и с его «морскими свинками»! Временами он чувствовал себя всеми покинутым, до ужаса одиноким и несчастным. Он тосковал по Карлотте, тосковал по студии художника, по благоустроенной, культурной жизни. Судьба обошлась с ним несправедливо, но он бессилен; он не обладает способностью «делать деньги».

Приблизительно в это время Дигану была поручена постройка довольно большого четырехэтажного здания для мастерской, в двести футов по фасаду и столько же в глубину. Диган получил эту работу главным образом потому, что благодаря Юджину все узнали, какой он работник. Юджин быстро и точно составлял все его отчеты и докладные записки, и начальство строительного участка, наконец, оценило своего десятника по заслугам. Диган был в восторге от этого нового ответственного поручения, предвкушая возможность отличиться.

– Как только мы начнем строить этот домик, Юджин, мой мальчик, для нас наступят славные деньки! – восклицал он. – Это вам не дренажная труба и не угольная яма! Вот подождите, пусть явятся каменщики, тогда вы кое-что увидите.

Юджин был очень доволен, что их работа заслужила такое признание, но для него в ней, конечно, не было никакого будущего. Он чувствовал себя одиноким и грустил.

Кроме того, Анджела не переставала жаловаться, – и совершенно справедливо, – что слишком уж тяжела их жизнь. Для чего все это, что это ей даст? Сам он, вероятно, поправит свое здоровье и к нему вернется дарование, – пережитая встряска и перемена образа жизни, по-видимому, действительно вели к тому, – а что будет с нею? Юджин ее не любит. Если он снова станет на ноги, то, очевидно, лишь для того, чтобы бросить ее. В лучшем случае он даст ей средства и положение в обществе, – но разве это ее утешит? Ей нужна любовь, его любовь. А этого не было, или, вернее, была лишь тень любви. После недавней памятной сцены Юджин решил не выказывать Анджеле чувств, которых он к ней не питал, и это еще ухудшило их отношения. Анджела верила, что он по-своему привязан к ней, но эта привязанность шла от рассудка, не от сердца. Ему было жаль ее.

Жаль! Как ненавистна была ей мысль о жалости! Если он ничего больше не способен ей дать, то что же, кроме горя, принесет ей будущее?

Как ни странно, подозрительность Анджелы в этот период до такой степени обострила все ее чувства и восприятия, что она почти безошибочно могла сказать, – не имея на то никаких данных, – что вот сейчас Юджин у Карлотты или возвращается от нее. Когда он вечерами приходил домой, что-то в его поведении (не говоря уж об излучаемых мозгом волнах, которые передавались от него Анджеле, когда он бывал у Карлотты) мгновенно подсказывало ей, где он был и что делал. Она иногда спрашивала его об этом, и он небрежно отвечал: «Да так, ездил в Уайт-Плейнс». Или «Был в Скарборо». Но почти каждый раз, когда он на самом деле был с Карлоттой, она вся вспыхивала и кричала:

– Ну конечно! Знаю я, где ты был! Ты опять виделся с этой подлой тварью! О, господь еще покарает ее! И тебе тоже не миновать наказания! Погоди, увидишь!

При этом слезы ручьем лились у нее из глаз, и она жестоко кляла его.

Юджин испытывал чуть ли не священный ужас перед этими необъяснимыми доказательствами ее всеведения. Он не понимал, как могла Анджела знать или хотя бы с такой уверенностью подозревать что-то. Он до известной степени увлекался спиритуалистическими теориями и учением о подсознательном мышлении. Он верил в существование у человека некоего подсознательного «я», которое обладает способностью воспринимать окружающее и передавать свои впечатления дальше, и предполагал, что сознанию Анджелы сигналы эти передаются в виде смутных страхов и подозрений. Но если все непостижимые силы природы ополчились на него, то как может он продолжать подобный образ жизни, да еще и наслаждаться им? Очевидно, так нельзя. Он будет когда-нибудь жестоко наказан за это. Его страшила мысль, что существует какой-то закон возмездия, воздающий злом за зло. Правда, немало преступлений и пороков остается ненаказанными, но многое, надо полагать, сурово карается, доказательством чему могут служить такие явления, как самоубийство, преждевременная смерть и потеря рассудка. Так ли это? Неужели избежать расплаты за грехи можно, только воздерживаясь от них? Юджин много размышлял над этим.

Что касается возврата к материальной обеспеченности, то дело это было отнюдь не легкое. За несколько лет Юджин так отошел от искусства, от журналов, редакций, выставок, художественных магазинов и галерей, что ему представлялось почти невозможным снова вернуться туда. Вдобавок, он сомневался в своих силах. У него накопилось много набросков – типы рабочих и улицы в Спионке, Диган с его артелью, Карлотта, Анджела, но он знал, что все это вещи невысокого качества, что в них недостает той мощи, той выразительности, какими когда-то отличались его работы. Придется, думал он, сначала испробовать силы на журнальном поприще, если только удастся завязать отношения в этом мире, – поработать в каком-нибудь захудалом журнальчике, пока не почувствуешь себя способным на что-то большее. Но у него не было уверенности, что для него найдется даже такая работа. Серьезный душевный надлом вселил в Юджина страх перед жизнью, внушил ему потребность в моральной поддержке такой женщины, как Карлотта, или даже в еще более надежной и крепкой опоре, и предстоящие поиски работы пугали его. Обязанности, которые он выполнял сейчас, не оставляли ему ни одной свободной минуты. Но он понимал, что с этой жизнью надо покончить. Он устало думал обо всем этом, поглощенный желанием добиться чего-то лучшего, и в конце концов все-таки набрался смелости и распростился с железной дорогой, обеспечив себе сначала другую работу.

Глава XXX

Только по истечении изрядного срока, видя, как Анджела ведет почти безнадежную борьбу, чтобы жить на его заработок да еще кое-что откладывать, Юджин взялся за ум и стал серьезно искать более подходящую работу. Все это время он внимательно присматривался к Анджеле и наблюдал, как упорно и настойчиво, невзирая на все трудности и лишения, выполняла она все, что требовалось по дому. Она готовила, убирала, ходила за покупками; перешивала свои старые платья так, чтобы они возможно дольше служили и выглядели к тому же модными; сама мастерила себе шляпки – одним словом, делала все, что было в ее силах, стремясь к тому, чтобы денег, лежавших в банке, хватило, пока Юджин не станет на ноги. Она охотно мирилась с тем, что он брал из этих денег, чтобы одеться, тогда как сама не соглашалась ни цента израсходовать на себя. Она жила надеждой на лучшее. Очевидно, когда-нибудь Юджин поймет, как она нужна ему. Впрочем, она не верила, что их прежние отношения вернутся. Ей никогда не забыть прошлого, да и он не забудет.

Роман Юджина с Карлоттой, под давлением различных неблагоприятных обстоятельств, медленно близился к концу. Эта связь не могла противостоять бурям, обрушившимся на нее с самого ее возникновения. Во-первых, мать Карлотты осторожно дала понять зятю, что у него есть все основания не оставлять жену надолго одну, и это сильно связывало Карлотту. При этом миссис Хиббердел не переставала упрекать дочь в распущенности – примерно так же, как Анджела Юджина, – и Карлотте все время приходилось отбиваться. Она была настолько прижата к стене, что не рискнула снять отдельную квартиру, а Юджин ни за что не хотел брать у нее деньги, чтобы оплачивать дорогостоящие посещения загородных ресторанов и отелей. Карлотта надеялась, что у него когда-нибудь снова появится своя студия и она будет видеться с ним, как со знаменитостью, в его родной стихии. Так было бы во всех отношениях лучше.

Промежутки между их свиданиями, когда-то приносившими обоим столько радости, все увеличивались, и Юджин мирился с этим, хотя и не без сожаления. Если честно признаться, то после недавно пережитого недуга его романтические наклонности представлялись ему в плачевном свете. Ему казалось, что он начинает понимать, к чему они ведут. Богатства он таким образом, безусловно, не наживет, – Юджин все больше убеждался в том, что судьбы мира находятся в руках людей, чье счастье состоит в труде. Тунеядцы, как правило, теряют все, в том числе и уважение своих сограждан. Распутные люди быстро изнашиваются и сами себя позорят своими нездоровыми и недостойными наклонностями. Женщины и мужчины, живущие невоздержанно, оказываются рабами своей болезненной чувственности, и всякое здоровое общество если не выбрасывает их за борт, то игнорирует. Если хочешь достигнуть богатства, ты должен быть сильным, энергичным, решительным, воздержанным – да и сохранить богатство можно только с помощью этих качеств. Нельзя давать себе волю, в противном случае человек становится таким, каким был сейчас он, Юджин, – развинченным, угрюмым, больным душевно и физически.

Итак, пройдя через любовные увлечения и нужду, через болезнь и унижения, Юджин стал ясно понимать одно – если он хочет добиться успеха, он должен вести себя благоразумно. Улыбается ли ему такая жизнь? Этого он не мог сказать. Но у него нет другого выхода, как это ни печально, – а раз так, он постарается сделать все, что возможно. Задача трудная, но жизненно важная.

Надо сказать, что Юджин все еще сохранял подчеркнуто артистическую наружность и манеры, которые он усвоил в дни юности. Но теперь он стал подозревать, что это придает ему нелепый и слегка несовременный вид. В последнее время он стал замечать, что некоторые художники, из наиболее преуспевающих, внешне ничем не отличались от обыкновенных дельцов. Это объясняется тем, решил Юджин, что они живут в реальном мире, а не витают в эмпиреях. Мысль эта заставила его последовать их примеру: он отказался от свободно повязанных галстуков и небрежной прически и придал своей внешности строгую простоту. Он продолжал носить мягкие шляпы, считая, что они ему больше к лицу, но во всем остальном предпочел расстаться с артистическими замашками.

Работая у Дигана, он понял, что такое настоящий тяжелый и честный труд. Диган был простым рабочим. В нем не было ничего романтического, он и слыхом не слыхивал ни о какой романтике. Лопаты, кирки, раствор и опалубка – вот что составляло его жизнь, и он никогда не жаловался. Юджину запомнилось, как однажды он посочувствовал Дигану: десятник ежедневно вставал в четыре утра, чтобы поспеть к поезду, доставлявшему его на работу к семи часам. Но темнота и холод ничего не значили для Дигана.

– Ясно, а как же иначе, – отозвался он с обычной усмешкой. – Надо же вовремя быть на месте. Никто не будет мне платить за то, что я валяюсь в постели. Если бы вам пришлось с годик вставать так каждое утро, вы бы человеком сделались.

– Едва ли, – поддразнил его Юджин.

– Уж поверьте, – настаивал на своем Диган. – За один год. Будьте покойны, я вижу, что вы за фрукт.

Юджину было неприятно слышать подобные замечания, но все же он принимал их к сведению. Диган имел обыкновение делать окружающим весьма полезные внушения касательно труда и воздержанности, причем это выходило у него совершенно не намеренно. Просто эти два свойства – трудолюбие и умеренность – составляли его сущность.

Однажды Юджин отправился на Типографскую площадь в надежде, что, может быть, у него хватит смелости зайти в редакцию какой-нибудь газеты и предложить свои услуги. Там он неожиданно наткнулся на Хадсона Дьюлу, которого не видел уже много лет. Дьюла очень обрадовался ему.

– Ба! Да это Витла! – воскликнул он, пораженный невероятной худобой и бледностью Юджина. – Где же вы столько времени пропадали? Ужасно рад вас видеть. Что вы поделывали? Зайдемте к Гану, закусим, и вы мне все расскажете.

– Я был болен, Дьюла, – откровенно сказал Юджин. – У меня было очень серьезное нервное расстройство, и, чтобы переменить обстановку, я работал на железной дороге. Я обращался ко всяким специалистам, но они мне не помогли. Тогда я решил взяться за труд чернорабочего и посмотреть, что из этого выйдет. Я совершенно выбился из колеи и вот четвертый год только и занимаюсь тем, что привожу себя в норму. Но теперь я, по-видимому, на пути к выздоровлению. Собираюсь в ближайшие дни уйти с железной дороги и вернуться к живописи. Мне кажется, что я опять могу писать.

– Не странно ли? – задумчиво произнес Дьюла. – Я на днях как раз думал о вас и спрашивал себя, куда это вы могли запропаститься. Должен вам сказать, что я переменил род занятий. «Труф» приказал долго жить, и я занялся литографским делом. Я состою младшим компаньоном в одной фирме на Бонд-стрит и работаю в ней управляющим. Буду очень рад, если вы как-нибудь загляните ко мне.

– Непременно зайду, – сказал Юджин.

– А теперь насчет ваших нервов, – продолжал Дьюла, когда они вошли в ресторан. – У меня есть зять, с которым произошла такая же штука. Он и сейчас все бегает по врачам. Я ему расскажу про вас. Вид у вас совсем неплохой.

– Я чувствую себя значительно лучше, – сказал Юджин, – да, значительно лучше, хотя мне пришлось довольно тяжко. Но я уверен, что снова вернусь к жизни и буду теперь осторожнее. Я переутомился тогда с первыми картинами.

– Должен сказать, что в своем роде это были лучшие вещи, какие мне когда-либо попадались у наших художников, – сказал Дьюла. – Если помните, я был на обеих ваших выставках. Они были великолепны. А что же сталось с вашими полотнами?

– Некоторые были проданы, остальные я сдал на хранение, – ответил Юджин.

– Странно, – сказал Дьюла. – Я готов был биться об заклад, что они все будут проданы. В них было столько нового и яркого. Вы должны крепко взять себя в руки и больше не сдаваться. Вас ожидает большое будущее.

– Ну уж, право, не знаю, – пессимистически отозвался Юджин. – Заслужить известность – конечно, вещь хорошая, но прожить на это, как вы сами знаете, невозможно. На живопись у нас в Америке не слишком большой спрос. Большинство моих работ остались непроданными. Любой бакалейщик, переезжающий с места на место со своим фургоном, куда обеспеченнее самого лучшего нашего художника.

– Ну, дело не так уж плохо, – с улыбкой заметил Дьюла. – Художник все-таки не лавочник. У него совершенно иной взгляд на вещи. Духовно он живет в другом мире. Да и материально можно устроиться совсем недурно, – главное, прожить, а что вам еще нужно? Зато перед вами открыты все двери. Художник пользуется тем, чего никогда не добиться лавочнику, – почетом; он служит обществу мерилом всех достоинств – сейчас или в будущем. Если бы я обладал вашим талантом, я никогда не стал бы завидовать мяснику или булочнику. Ведь вас знает теперь каждый, во всяком случае каждый хороший живописец. Вам остается только работать дальше и добиваться большего. А зарабатывать мало ли чем можно.

– Чем, например? – спросил Юджин.

– Как чем? Пишите панно, займитесь стенной росписью. Я только на днях говорил кому-то, что бостонская публичная библиотека совершила большую ошибку, не поручив вам часть работы по росписи стен. Вы могли бы создать для них прекрасные вещи.

– Вы, я вижу, еще верите в меня, – растроганно сказал Юджин.

После стольких тоскливых дней слова Дьюлы были подобны теплу, исходящему от яркого пламени. Значит, его не забыли. Значит, он на что-то годен.

– Помните Орена Бенедикта? Вы, кажется, знали его по Чикаго, не правда ли? – спросил Дьюла.

– Конечно, – ответил Юджин. – Я работал вместе с ним.

– Он сейчас в газете «Уорлд», заведует художественным отделом, совсем недавно перешел туда.

И когда Юджин удивился, заметив, что вот как меняются времена, Дьюла вдруг добавил:

– А ведь это мысль! Вы говорите, что собираетесь расстаться с железной дорогой. Почему бы вам не устроиться у Бенедикта и не поработать немного тушью, чтобы набить руку? Это вам очень пригодилось бы. А он, я уверен, с радостью возьмет вас.

Дьюла догадывался, что финансы Юджина в плохом состоянии, и хотел дать ему возможность без большой затраты сил заняться работой, которая постепенно привела бы его назад, к настоящей живописи. Он любил Юджина и очень хотел помочь ему. С удовольствием вспоминал он, что первый поместил в журнале цветную репродукцию его этюда.

– Мысль неплохая, – сказал Юджин, – я и сам подумывал заняться чем-нибудь таким, если удастся. Я зайду к нему, может быть, даже сегодня. Это было бы как раз то, что мне сейчас нужно, – небольшая практика, ведь я совсем отстал.

– Хотите, я ему позвоню, – любезно предложил Дьюла. – Мы с ним большие приятели. Он спрашивал на днях, не могу ли я рекомендовать ему одного или двух действительно сильных художников. Обождите минутку.

Дьюла вышел, и Юджин откинулся на спинку стула. Возможно ли, что его возвращение к жизни совершится так легко и просто? Ему мерещились всякие трудности. И вот счастливый случай обещает избавить его от всех страданий.

– Он сказал: «Разумеется!» – воскликнул Дьюла, возвращаясь на свое место. – «Пусть сейчас же зайдет». Советую вам сегодня же повидаться с ним. Это будет самое лучшее. А когда устроитесь, навестите меня. Где вы сейчас обитаете?

Юджин дал ему свой адрес.

– Ах, да, ведь вы женаты, – сказал Дьюла, когда Юджин сообщил ему, что они с Анджелой занимают крохотную квартирку. – Как поживает миссис Витла? Я ее помню, очаровательная женщина. А мы с миссис Дьюла снимаем квартиру на площади Грэмерси. Вы не знали, что я женился? Да, представьте. Приходите к нам с супругой. Вы нас очень обрадуете. Мы будем ждать вас к обеду, надо только договориться о дне.

Юджин был очень доволен. Он думал о том, как рада будет Анджела. За эти годы они совершенно отошли от общества художников. Юджин поспешил к Бенедикту, и тот встретил его как старого приятеля. Они не были раньше особенно близки, но всегда хорошо относились друг к другу. Бенедикт слышал про болезнь Юджина.

– Вот что я вам скажу, – сказал он, когда кончился обмен приветствиями и воспоминаниями, – много я платить не могу – пятьдесят долларов здесь считается высоким окладом, а у меня сейчас только одно вакантное место на двадцать пять долларов в неделю. Если хотите попробовать свои силы, вы можете его получить. Временами у нас бывает гонка, но этого вы, кажется, не боитесь. Когда я наведу здесь порядок, у меня, возможно, найдется для вас и что-нибудь получше.

– Неважно, – весело отозвался Юджин, – я и этим доволен. (Он действительно был очень доволен.) А что касается спешки, то это меня не пугает. Даже приятно, для разнообразия.

Бенедикт на прощание дружески пожал ему руку. Он рад был заполучить Юджина, так как знал, чего от него можно ожидать.

– Вот только мне едва ли удастся приступить к работе раньше понедельника. Я должен предупредить об уходе за несколько дней. Можно будет подождать?

– У меня нашлись бы для вас дела и раньше, но уж так и быть – в понедельник так в понедельник, – ответил Бенедикт, и они тепло распрощались.

Юджин поспешил домой. Ему не терпелось рассказать обо всем Анджеле – ведь это намного скрасит их суровую жизнь. Конечно, не особенно приятно снова начинать карьеру с газетного иллюстратора на жалованье в двадцать пять долларов в неделю, но ничего не поделаешь, – это лучше, чем ничего. По крайней мере это поставит его на ноги. Он был уверен, что в самом скором времени добьется чего-нибудь получше. С работой он вполне справится, в этом он не сомневался, а остальное пока неважно. Разве мало ударов было нанесено его гордости? Все же это неизмеримо лучше, чем работать поденщиком. Он быстро взбежал по лестнице в свою тесную квартирку и, увидев Анджелу у плиты, крикнул:

– Ну, хватит с нас, кажется, железной дороги.

– Что случилось? – испугалась Анджела.

– Ничего не случилось, – ответил он. – Я нашел лучшую работу.

– Какую?

– Иллюстратором в «Уорлде».

– Когда же ты это придумал? – спросила она, просияв, так как их тяжелое материальное положение страшно угнетало ее.

– Сегодня, и с понедельника уже приступаю к работе. Двадцать пять долларов в неделю – это не то, что девять, неправда ли?

– Еще бы! – улыбнулась Анджела, и слезы радости брызнули у нее из глаз.

Юджин понимал, чем были вызваны эти слезы. Он всячески хотел избежать сейчас неприятных воспоминаний.

– Не плачь, – сказал он. – Все будет хорошо.

– О, я так надеюсь! – пробормотала Анджела, и когда она прижалась к его груди, он ласково погладил ее по голове.

– Ну-ну, полно! Гляди веселей, слышишь? Теперь мы заживем на славу!

Анджела улыбнулась сквозь слезы и живо принялась накрывать на стол.

– Вот уж действительно хорошие новости, – смеясь, заговорила она немного спустя. – Но мы все-таки еще долго будем тратить не больше, чем сейчас. Надо отложить немного денег, чтобы снова не очутиться в таком тяжелом положении.

– Об этом не может быть и речи, – весело отозвался Юджин, – если только я еще не совсем забыл свое ремесло. – И он направился в крохотную комнатку, которая служила ему и для работы, и для отдыха, и для приема гостей, и, развернув газету, принялся насвистывать. Он был так взволнован, что почти забыл про свои огорчения с Карлоттой и вообще про всякие любовные дела. Он снова пойдет в гору и будет счастливо жить с Анджелой. Он станет художником, или дельцом, или еще кем-нибудь. Взять, например, Хадсона Дьюлу. У него своя литография и квартира на площади Грэмерси. Мог бы жить так кто-либо из художников, которых знает он, Юджин? Едва ли. Надо будет об этом подумать. Да и об искусстве вообще. Все это надо хорошенько взвесить. Может быть, удастся получить место художественного редактора, заняться литографским делом или еще чем-нибудь? Работая на железной дороге, Юджин не раз подумывал о том, что из него вышел бы недурной начальник строительства, если бы он мог целиком этому отдаться.

И Анджела задумалась над тем, что сулит ей перемена в их жизни. Бросит ли Юджин свои дурные повадки? Хватит ли у него характера медленно, но верно продвигаться в гору? Ведь он уже не мальчик. Пора бы ему позаботиться о том, чтобы занять прочное место в жизни, если он вообще надеется чего-нибудь достигнуть. Ее любовь к нему была уже не та, что раньше, негодование и неприязнь отравляли ее временами, но все же Анджела знала, что он нуждается в ее помощи. Бедный Юджин, если бы только судьба не покарала его этой слабостью! Но, может быть, он преодолеет ее? – думала Анджела.

Глава XXXI

Работа в художественном отделе газеты «Уорлд» ничем не отличалась от той, какая у Юджина была лет десять назад в Чикаго. Но, несмотря на весь его опыт, ему сейчас приходилось не легче, чем тогда, а пожалуй, даже и труднее, так как работа не удовлетворяла его, и он чувствовал себя не на месте. Теперь у него появилось желание найти что-нибудь такое, что приносило бы ему вознаграждение в соответствии с его способностями. Сидеть вместе с какими-то мальчишками (были там и люди одних с ним лет и старше его, но не в этом дело) казалось ему унизительным. Он считал, что Бенедикт мог бы отнестись с большим уважением к его таланту и не предлагать ему такое маленькое жалованье. Но в то же время Юджин был благодарен и за это. Он энергично принялся выполнять то, что ему поручали, и поражал своего начальника быстротой, с какою разрабатывал каждую тему, проявляя при этом необыкновенную изобретательность. На следующий же день он изумил Бенедикта прекрасной фантазией на тему «Черная смерть» – рисунок должен был идти в воскресном номере к статье об опасностях современных эпидемий. Мистер Бенедикт сразу понял, что ему не удастся удержать Юджина на таком жалованье. Он сделал большую ошибку, назначив ему для начала столь скромную плату, но он боялся, что после серьезной болезни талант Юджина сильно пострадал. Будучи новичком в газетном деле, Бенедикт не знал, как трудно потом добиться повышения жалованья для своих подчиненных: чтобы исхлопотать кому-нибудь прибавку в десять долларов, нужно было долго спорить и убеждать заведующего финансовым отделом, а о том, чтобы удвоить или утроить оклад (как в данном случае требовала справедливость), не могло быть и речи. Раньше шести месяцев нельзя было и надеяться на прибавку – таковы были твердые установки главной администрации, но в отношении Юджина это было, конечно, смешно и несправедливо. И все же, поскольку Юджин был болен, он мирился с этой работой, надеясь добиться лучших условий, как только к нему вернутся силы и у него появятся некоторые сбережения.

Анджелу, конечно, радовала перемена в их жизни. Она так долго страдала, так долго ничего не видела впереди, кроме новых невзгод и горя, что для нее было большим утешением ходить по вторникам в банк (Юджин получал жалованье в понедельник) и откладывать по десять долларов про черный день. Они решили, что могут позволить себе тратить шесть долларов в неделю на одежду (в которой оба очень нуждались) и на кое-какие развлечения. Юджин иногда приглашал к обеду кого-нибудь из товарищей по службе и, в свою очередь, получал приглашения вместе с Анджелой. Они уже столько времени обходились без нового платья, без друзей, почти не бывали в театре – нигде! Теперь в их жизни наметился поворот. А вскоре они стали встречаться и с прежними знакомыми, тем более что у Юджина появилось свободное время.

Прошло полгода, в течение которых Юджин тянул лямку в газете; и вот опять, как прежде на железной дороге, им овладело беспокойство, и наконец наступил момент, когда он почувствовал, что больше ни одной минуты не выдержит такой жизни. Жалованье ему повысили сперва до тридцати пяти, а затем до пятидесяти долларов, но работа казалась до ужаса скучной и с точки зрения искусства насквозь фальшивой. Единственные ощутимые ее результаты заключались в том, что впервые в жизни он получал твердый, хотя и скромный оклад, которого вполне хватало на жизнь, да еще в том, что голова его была всегда занята

мыслями о работе и на размышления о себе не оставалось времени. Он работал в огромной комнате с людьми, наделенными чрезвычайно острым чувством юмора, предприимчивыми и смело предъявлявшими к жизни свои требования. Они так же, как и Юджин, мечтали о роскоши и богатстве, с той лишь разницей, что у них было больше веры в себя и зачастую больше той уравновешенности, которую дает идеальное здоровье. Вначале они готовы были заподозрить Юджина в зазнайстве, но постепенно полюбили его – все без исключения. У него была такая подкупающая улыбка, и он больше чем кто-либо умел ценить шутку, а это привлекало к нему всякого, кто мог рассказать хороший анекдот.

«Это надо рассказать Витле», – то и дело слышалось в редакции, и Юджин постоянно кого-нибудь выслушивал. Он приходил домой завтракать то с одним, то с другим приятелем, а то и сразу с тремя или четырьмя, и скоро у Анджелы появилась обязанность дважды, а иногда и трижды в неделю принимать у себя друзей Юджина. Она часто протестовала, и из-за этого происходили ссоры, так как у них не было горничной, и она считала, что Юджин перегружает этими приемами их скромный бюджет. Она хотела, чтобы гости приходили, как принято, по уговору и приглашению, но все чаще случалось так, что Юджин, придя домой, весело кричал ей с порога, что с ним Ирвинг Нелсон, или Генри Хейр, или Джордж Бирс, и только потом, улучив минуту, нервно спрашивал: «Ничего, что я их привел?» Анджела в таких случаях отвечала: «Ну конечно, милости прошу!», – но лишь в присутствии гостей. Когда же они оставались одни, следовали упреки, и слезы, и категорические заявления, что она этого не потерпит.

– Ну, ладно, я больше не буду, – виноватым голосом говорил Юджин. – Я просто забыл.

Однако он хотел, чтобы Анджела наняла горничную и позволила ему приглашать кого угодно. Ему было так приятно сознание, что он снова живет в кругу друзей и что их становится все больше.

Когда Юджину окончательно надоела низкооплачиваемая работа в «Уорлде», он узнал об одном деле, обещавшем гораздо большие возможности в смысле карьеры. Ему не раз приходилось слышать то от одного, то от другого знакомого, какую роль начинает играть искусство в области рекламы. Он прочел несколько статей на эту тему в каком-то второстепенном журнале и время от времени видел любопытные и подчас прекрасно выполненные серии реклам, которые разные фирмы одна за другой стали помещать в периодических изданиях с целью более широкого распространения какого-нибудь продукта. Разглядывая их, Юджин думал, что мог бы создать хорошую серию реклам на любую тему, и задавался вопросом, кто этим ведает. Однажды вечером, возвращаясь с работы вместе с Бенедиктом, он заговорил с ним об этом.

– Видите ли, насколько мне известно, – сказал Бенедикт, – это дело с огромным будущим. В Чикаго есть некий Салджерьян, американский сириец, – то есть отец его был сирийцем, а сам он родился здесь, так вот он создал колоссальное предприятие, снабжая крупные корпорации художественной рекламой. Он выпустил, например, знаменитую серию «Молли Мэгайр», рекламирующую жидкость для выведения пятен. Не думаю, чтобы он сам непосредственно что-нибудь делал. Он приглашает для этой цели художников, и, как я понимаю, на него работают наши крупнейшие силы. Он берет за такую рекламу большие деньги. Этим делом занимаются также и некоторые рекламные агентства. Одно из них я знаю. Компания «Саммерфилд» создала у себя специально для этой цели большой художественный отдел. Там постоянно работает от пятнадцати до восемнадцати художников, а иногда и больше. По-моему, есть очень удачные работы. Помните, например, серию реклам «Корно»?

Бенедикт имел в виду пищевой продукт, который некая фирма рекомендовала американцам к завтраку, – она поместила в печати одну за другой десять прекрасно выполненных и остроумных картинок.

– Помню, – ответил Юджин.

– Ну вот они как раз и выпущены компанией «Саммерфилд».

Юджин подумал, что это должно быть исключительно интересное дело. Реклама интересовала его еще в те времена, когда он в Александрии работал наборщиком. Мысль о том, чтобы заняться чем-нибудь подобным, завладела его воображением. Это было самое новое из всего, с чем он сталкивался за последнее время. Может быть, здесь таились и для него какие-то возможности. Картины его оставались непроданными. Приступить к работе над новой серией полотен у него не хватало духу. Если бы ему удалось заработать сперва немного денег, тысяч десять, скажем, чтобы иметь шестьсот – семьсот долларов годового дохода, он, пожалуй, рискнул бы заняться искусством. Слишком уж он настрадался; бедность до такой степени страшила его, что сейчас ему хотелось одного – добиться постоянного заработка или твердого годового дохода.

Как раз в то время, когда Юджин упорно думал об этом, к нему заглянул один художник, который раньше работал в «Уорлде», а теперь перешел в другую газету. Это был молодой человек по имени Моргенбау – Адольф Моргенбау, – очень полюбивший Юджина и восхищавшийся его талантом. Моргенбау горел желанием сообщить Юджину важную новость: по дошедшим до него слухам, в художественном отделе компании «Саммерфилд» намечается смена руководства. Он думал, на основании некоторых соображений, что Юджину небезынтересно будет узнать об этом. Моргенбау всегда считал, что Юджину не место в

газете. Это не соответствовало ни его уму, ни призванию. Что-то подсказывало молодому человеку, что Юджину предстоит блестящее будущее, и, движимый этой догадкой, он хотел как-нибудь помочь ему и тем завоевать его расположение.

– Мне нужно кое-что рассказать вам, мистер Витла, – сказал он.

– Выкладывайте, я слушаю вас, – улыбнулся Юджин.

– Вы пойдете завтракать?

– Непременно, пошли вместе!

Они отправились завтракать, и Моргенбау сообщил Юджину о том, что слышал. Компания «Саммерфилд» только что уволила (а может быть, отпустила или не сумела удержать) своего заведующего художественным отделом, чрезвычайно способного человека, по имени Фримен, и теперь ищет ему преемника.

– Почему бы вам не предложить свои услуги? – сказал в заключение Моргенбау. – Вы вполне могли бы справиться с этой работой. То, что вы сейчас делаете, как раз подошло бы для прекрасных реклам. И, кроме того, вы умеете обращаться с людьми. Вас все любят, например, здесь, в газете, вся молодежь любит вас. Почему бы вам не повидаться с мистером Саммерфилдом? Его агентство помещается на Тридцать четвертой улице. Возможно, вы окажетесь для него подходящим работником и получите в свое ведение целый отдел.

Юджин смотрел на Моргенбау и спрашивал себя, что могло ему внушить такую мысль. Он решил немедленно позвонить Дьюле и посоветоваться. Дьюла ответил, что лично он Саммерфилда не знает, но что у них есть общие знакомые.

– Вот что я вам посоветую, Юджин, – сказал он. – Повидайтесь с Бейкером Бейтсом из компании «Сатина». Это на углу Бродвея и Четвертой улицы. У нас крупные дела с этой фирмой, а у нее крупные дела с Саммерфилдом. Я вам сейчас пришлю с рассыльным рекомендательное письмо, которое вы захватите с собой, а затем позвоню Бейтсу, и он, вероятно, согласится поговорить с Саммерфилдом. Конечно, он захочет раньше повидать вас.

Юджин горячо поблагодарил и стал с нетерпением ждать письма. Он попросил Бенедикта отпустить его и отправился к мистера Бейкеру Бейтсу Последний, достаточно наслышавшись о Юджине от Дьюлы, встретил его очень приветливо. Дьюла рассказал ему что у Юджина редкостный талант, что сейчас он переживает тяжелый период, но тем не менее прекрасно справляется с работой и будет еще лучше делать свое дело на новом месте, поскольку оно больше ему подходит. На Бейтса произвела очень хорошее впечатление внешность Юджина, так как тот давно сменил костюм «свободного художника» на более солидный. Юджин показался ему человеком способным и, вне всякого сомнения, очень приятным.

– Я поговорю с мистером Саммерфилдом, – сказал он, – но на вашем месте я не стал бы возлагать на это слишком большие надежды. Он человек трудный, и лучше всего не показывать вида, что вам очень хочется поступить к нему. Надо сделать так, чтобы он сам обратился к вам. Подождем до завтра. Я встречусь с ним по другому делу, а за завтраком расспрошу, что, и как, и кого он имеет в виду на это место – если он имеет кого-нибудь в виду. Если вакансия действительно открыта, я скажу ему про вас. А дальше видно будет.

Юджин расстался с ним, горячо поблагодарив. Он шел и думал, что Дьюла всегда приносит ему счастье. Не кто иной, как Дьюла, в свое время поместил в журнале его первое крупное произведение. Картинами, репродукции которых печатались в его журнале, Юджин завоевал расположение мосье Шарля. Благодаря Дьюле он получил свою теперешнюю работу. Уж не получит ли он, с его легкой руки, и это место?

Возвращаясь в трамвае на работу, Юджин встретил косого парнишку. Кто-то недавно сказал ему, что косоглазые мужчины приносят счастье, а косоглазые женщины – несчастье. Трепет радостного предчувствия пробежал по его телу. Ну, конечно, он получит работу у Саммерфилда и, если это сбудется, окончательно уверует в приметы. Они и раньше оправдывались, но это будет настоящей проверкой. Юджин с веселым видом уставился на мальчика, а тот в ответ выпучил на него глаза и широко улыбнулся.

«Ну, все в порядке, – подумал Юджин. – Место за мной!»

Все же он не был в этом уверен.

Глава XXXII

«Рекламное агентство Саммерфилда», президентом которого был Дэниел К. Саммерфилд, представляло собою нередко встречающееся в деловом мире явление – некое выражение или даже воплощение одной недюжинной личности. Идеи, темперамент и энергия мистера Дэниела К. Саммерфилда – вот в сущности чем определялась и исчерпывалась деятельность его рекламного агентства. Правда, этот человек содержал огромный штат – агенты по сбору объявлений, составители реклам, финансовые работники, художники, стенографистки, счетоводы и т. д., – но все они были в своем роде эманацией или излучением личности Дэниела К. Саммерфилда. Это был подвижный человек маленького роста, черноглазый и черноусый, с оливковым цветом лица и ровным рядом красивых (хоть и смахивающих порой на волчьи) белых зубов, выдававших его алчную, ненасытную натуру.

Мистер Саммерфилд поднялся к богатству – или по крайней мере благосостоянию – из глубочайшей бедности, и при этом способом самым элементарным: собственными усилиями. В штате, где он родился – в Алабаме – семью его, те немногие, кому она была известна, причисляли к «белой голи». Отец его был нерадивым полунищим хлопководом-арендатором, снимавшим с акра разве что один бушель. Он плелся за тощим мулом, еле державшимся на ногах от старости и усталости, по бороздам своего еще более тощего поля и вечно жаловался на боль в груди. Его медленно точила чахотка, или это только так казалось ему, – не важно, ибо суть дела от этого не меняется. Вдобавок он страдал солитером, хотя этот паразитический возбудитель неизлечимой усталости еще не был в те времена открыт и не получил еще имени.

Дэниел Кристофер, его старший сын, не получил почти никакого образования, так как семи лет от роду был отдан на хлопчатобумажную фабрику. И тем не менее очень скоро оказался главой и разумом своей семьи. В течение четырех лет он работал на фабрике, а потом благодаря своей исключительной смышлености получил место в типографии викхемской газеты «Юнион», где так понравился своему тугодуму-хозяину, что в конце концов сделался главным мастером наборной, а затем и управляющим. В то время он ничего еще не понимал ни в типографском, ни в издательском деле, но тот небольшой опыт, который он получил в газете, раскрыл ему глаза. Он сразу сообразил, что представляет собою газетное дело, и решил им заняться. Позже, когда он подрос, он обратил внимание на то, как мало людей разбирается в рекламном деле, и решил, что именно он призван навести здесь порядок. Мечтая о широком поприще, на котором можно было бы по-настоящему развернуться, он немедленно приступил к подготовке, читал по возможности все, что было когда-либо написано о рекламе, и учился искусству показывать вещи с самой выгодной стороны и писать о них так, чтобы это запечатлевалось в памяти. Он прошел такую жизненную школу, как вечные драки со своими подчиненными (однажды он сбил рабочего с ног ударом тяжелого гаечного ключа), постоянные пререкания с отцом и матерью, когда он говорил им в лицо, что они ничего не стоят и что для них же было бы лучше поучиться у него уму-разуму. Он ссорился с младшими братьями, стараясь подчинить их себе, и ему удалось достичь этого в отношении самого младшего – главным образом, по той простой причине, что тот глупо и безоглядно к нему привязался. Этого младшего брата он впоследствии взял к себе в рекламное дело. Он ревностно копил гроши, которые зарабатывал, часть их вложил в расширение газеты «Юнион» и, кроме того, купил своему отцу ферму в восемь акров и сам же показал ему, как ее надо эксплуатировать; но в конце концов решил податься в Нью-Йорк и связаться там с каким-нибудь крупным рекламным концерном, в котором можно почерпнуть полезные сведения по единственному интересовавшему его вопросу. К тому времени он был уже женат и привез с собой в Нью-Йорк молодую жену-южанку.

Вскоре Саммерфилд поступил в одну крупную фирму агентом по сбору объявлений и быстро пошел в гору. Он всегда мило улыбался, был вкрадчив и настойчив и так умел очаровать клиента, что заказы сами шли к нему в руки. Он сделался «столпом» фирмы, и Альфред Кукмэн, ее владелец и управляющий, стал подумывать, как бы удержать Саммерфилда у себя. Но ни один человек, ни одна фирма не могли удержать надолго Дэниела К. Саммерфилда, стоило ему только понять, что он способен на большее. За два года он овладел всем, чему мог научить его Альфред Кукмэн, и еще многим, чему последний не мог его научить. Он знал своих клиентов и их требования и недостатки в работе фирмы Кукмэна. Он предугадал появление художественной рекламы на товары первой необходимости и решил заняться именно этой отраслью. Для этого нужно было основать агентство, которое сумело бы дать своим заказчикам такую действенную и эффектную рекламу, чтобы всякий, кому она будет по карману, получал он нее значительную выгоду.

В то время когда Юджин впервые услыхал о фирме Саммерфилда, она существовала уже шесть лет и дело быстро росло. Это было крупное предприятие, приносившее большие доходы и отличавшееся той же энергией и напористостью, что и сам его владелец. Когда вопрос касался судьбы отдельного человека, Дэниел К. Саммерфилд не знал пощады. Он изучил биографию Наполеона и пришел к выводу, что жизнь отдельного человека ровно ничего не стоит. В деловых отношениях жалость представлялась ему чем-то совершенно неуместным. Всякие разговоры о чувстве он считал глупой болтовней. Важно лишь нанимать нужных людей, платить им возможно меньше, выжимать из них все соки и немедленно гнать тех, кто в результате напряженной работы обнаруживает малейшие признаки изношенности. За пять лет у него перебывало пять заведующих художественным отделом; он нанимал и, как он выражался, гнал взашей бесконечное множество агентов по сбору объявлений, составителей реклам, бухгалтеров, стенографисток, художников, выбрасывая за дверь всякого, кто выказывал малейшие признаки неспособности или нерадивости. Огромный зал на первом этаже, занятый его конторой, мог бы по праву считаться образцом чистоты и порядка, – если хотите, даже красоты, с коммерческой точки зрения, – но это были чистота, порядок и красота бездушной, хорошо налаженной и хорошо смазанной машины. Дэниел К. Саммерфилд был в сущности и сам такой машиной, – он давным-давно решил, что именно таким и нужно быть, если не хочешь потерпеть поражение в жизни, оказаться в дураках и стать жертвой мошенников. Он считал, что это делает ему честь.

Мистер Бейкер Бейтс, отправившийся по просьбе Хадсона Дьюлы позондировать почву насчет вакансии, о которой ходили слухи (и которая действительно имелась), попал к мистеру Саммерфилду в чрезвычайно благоприятную минуту, – тот как раз

вел переговоры насчет двух очень крупных заказов, выполнение которых должно было потребовать известной фантазии и вкуса. А он как на грех лишился своего заведующего художественным отделом из-за размолвки, вышедшей у них в связи с выполнением одного старого контракта. Правда, во многих случаях – можно даже сказать, в большинстве случаев – его клиенты сами знали, что они хотят сказать и как они хотят это выразить, но все же далеко не всегда. Обычно они охотно прислушивались ко всяким советам, исправлениям и переделкам, а в ряде случаев, когда речь шла о крупном заказе, целиком препоручали его агентству Саммерфилда на его просвещенное усмотрение. Поэтому фирме необходимо было иметь людей, достаточно сведущих и в изготовлении реклам и в том, как и где их разместить. И как раз в изготовлении реклам очень важно было участие способного заведующего художественным отделом.

Как уже говорилось, Саммерфилд за пять лет сменил пятерых заведующих художественным отделом. И всякий раз он применял чисто наполеоновский метод, бросая в прорыв человека со свежим, неутомленным воображением, а едва тот обнаруживал малейшие признаки усталости, преспокойно вышвыривал его вон. Этот метод работы не допускал никакой жалости или угрызений совести. «Я нанимаю хороших работников и плачу им хорошие деньги, – было любимым доводом Саммерфилда. – Почему же мне не ожидать хороших результатов?» Если же он бывал расстроен или взбешен какой-нибудь неудачей, он умел выражаться и по-другому: «Будь они прокляты, эти безмозглые маляры! Чего от них ждать? Кроме своих жалких идеек насчет того, как что должно выглядеть, они ровно ничего не понимают! Они ничего не смыслят в жизни! В этом они, черт их побери, просто дети малые! С какой же стати считаться с их мнением? Кому какое дело до них? Они у меня вот где сидят!» Мистер Дэниел К. Саммерфилд очень любил прибегать к крепким словечкам, но это было у него скорее скверной привычкой, чем проявлением злобного характера; однако портрет его был бы неполон без некоторых образчиков его излюбленных выражений.

Когда Юджин впервые услышал об агентстве Саммерфилда, хозяин этой фирмы как раз думал о том, как ему быть с двумя новыми контрактами, о которых говорилось выше. Заинтересованные фирмы с нетерпением ждали его предложений. Одна из них ставила себе целью распространение по всей стране сахара новой марки, другая – ознакомление Америки и других стран с несколькими сортами французских духов, сбыт которых в значительной степени зависел от того, насколько заманчиво они будут преподнесены непосвященным. Духи предполагалось рекламировать не только в Соединенных Штатах и Канаде, но и в Мексике. В обоих случаях получение контрактов зависело от того, одобрят ли клиенты представленные Саммерфилдом эскизы газетной, трамвайной и уличной реклам. Дело было нелегкое, но оно могло принести в конечном итоге тысяч двести дохода, и мистеру Саммерфилду, естественно, было весьма желательно, чтобы человек, который возглавит его художественный отдел, обладал большой энергией и талантом, даже гением, если возможно, и своими идеями помог бы ему пожать золотой урожай.

Найти подходящего человека было, конечно, трудно. Последний, кто занимал эту должность, удовлетворял его не вполне. Человек солидный, с большим чувством собственного достоинства, он был вдумчив, внимателен и обладал большим вкусом и пониманием того, какими способами, применительно к обстоятельствам, можно внедрить в сознание публики те или иные несложные идеи; единственно, чего ему недоставало, это полета фантазии. В сущности ни один из тех, кто когда-либо занимал пост заведующего художественным отделом, не удовлетворял мистера Саммерфилда. Все они, по его мнению, были «слабачки», «шарлатаны», «мошенники», «мыльные пузыри» – иначе он и не называл их. А между тем требования к ним предъявлялись огромные. Всякий раз, когда мистер Саммерфилд старался создать рынок для какого-нибудь товара, он ставил перед их изобретательностью ряд труднейших задач, добиваясь бесчисленных предложений фирме относительно того, как привлечь внимание потребителя к выпускаемой ею продукции. Иногда это был легко запоминающийся и броский текст, вроде: «Как Вам Нравится Новое Мыло?» Или: «Вы Видели Сорезду? – Она Красная». Иногда цель достигалась изображением на плакате, с соответствующей объяснительной надписью, руки, пальца, рта или глаза. Когда речь шла о сугубо прозаическом продукте, нужно было дать столь же прозаическое изображение, сделанное четко, ярко, привлекательно. В большинстве случаев, однако, требовалось нечто совершенно оригинальное, так как, согласно теории мистера Саммерфилда, его рекламы должны были не только бросаться в глаза, но и запечатлеваться в памяти, доводя до сознания зрителя факты, к которым он уже не мог оставаться равнодушным. Это был поединок с одной из наименее изученных и весьма интересных сторон человеческой психики.

Последний заведующий художественным отделом, Олдер Фримен, оказался по-своему весьма полезен мистеру Саммерфилду. Он окружил себя одаренными художниками – людьми, которые временно переживали тяжелую полосу и так же, как Юджин, мирились с подобной службой, – и из них настояниями, лестью, наглядным примером и всякими другими средствами он выколачивал немало интересных идей. Их рабочий день был с девяти до половины шестого, оклад они получали скудный – от восемнадцати до тридцати пяти долларов (только настоящие мастера своего дела получали изредка пятьдесят-шестьдесят) и были загружены до крайности. Их труд учитывался по специальной шкале, показывавшей, сколько каждый из них выработал за неделю и во что фирма оценивает его услуги. Идеи, которые они разрабатывали, принадлежали большей частью заведующему художественным отделом или же самому мистеру Саммерфилду, хотя зачастую они и сами выдвигали интересные предложения. Но заведующий художественным отделом в известной мере нес личную ответственность за должное выполнение работы, за время, на нее потраченное, и за неудачи. Он не мог показать хозяину рисунок, плохо осуществлявший хорошую идею, или же предложить ему плохую идею, когда требовалось нечто исключительное, – тогда бы он долго не удержался на своем месте. Мистер Дэниел К. Саммерфилд был слишком хитер и слишком требователен. Энергия его была неистощима. По его мнению, обязанность заведующего художественным отделом состояла в том, чтобы давать хорошие идеи для хороших рисунков и заботиться о быстром и безупречном их выполнении.

Все, что не соответствовало этим требованиям, мистер Саммерфилд объявлял безнадежным браком и при этом не стеснялся в выражениях. Иначе говоря, он временами бывал нестерпимо груб.

– На кой черт нужна мне такая мазня! – кричал он Фримену. – Да я мог бы добиться больших результатов от последнего мусорщика. Нет, вы только взгляните на руки этой женщины! Посмотрите на ее уши! Кто согласится принять такую вещь! Это мертвечина! Дрянь! Что за бараны у вас работают, хотел бы я знать? Если «Рекламное агентство Саммерфилда» не может дать ничего лучшего, мне остается только закрыть лавочку. Ведь не пройдет и шести недель, как мы станем всеобщим посмешищем! Вы, Фримен, лучше не пытайтесь подсовывать мне такой хлам! Вы сами должны понимать, что наши клиенты не потерпят ничего подобного. Проснитесь, Фримен! Я плачу вам пять тысяч в год. Каким же образом, по вашему мнению, окупятся мои затраты при таких порядках? Вы попросту выбрасываете мои деньги на ветер. Вы зря тратите время, если позволяете кому-то рисовать подобные вещи, черт возьми!

Заведующий художественной частью, кто бы он ни был, постепенно приучившись к грубому обращению, обычно смиренно выслушивал эти оскорбительные тирады. Проработав у Саммерфилда известный срок, он оказывался в роли человека, продавшегося в рабство: он привыкал к комфорту, который давало ему его жалованье, комфорту, о каком он раньше, возможно, и не мечтал, и ему уже казалось, что иначе он не умеет жить. Где еще мог он надеяться получить за свою работу пять тысяч долларов в год? Как сможет он существовать, привыкнув жить на широкую ногу, если потеряет это место? Художественных отделов, которые нуждались бы в заведующих, было не так уж много; люди, могущие с успехом занять этот пост, не такая уж редкость. Если человек этот вообще способен был думать и если он не был гением, отмеченным свыше, невозмутимым в сознании своего высокого дарования, – ему оставалось только волноваться, мучиться, покорно склонять голову и терпеть. Большинство людей при подобных обстоятельствах именно так и поступают. Они крепко думают раньше, чем бросить в лицо своим притеснителям хотя бы ничтожную часть выслушанных от них оскорблений и грубостей. К тому же нельзя забывать, что в предъявляемых им упреках обычно есть и какая-то доля правды. Такие встряски полезны людям, они толкают их на путь совершенствования. Мистер Саммерфилд это знал. Он знал также, под каким гнетом нужды и вечного страха живет большинство его подчиненных, а может быть, и все. И его нисколько не мучили угрызения совести, когда он прибегал к этому оружию, как сильный человек, пускающий в ход дубину. Он и сам прожил нелегкую жизнь и ни в ком не встречал сочувствия. А кроме того, он считал, что если хочешь преуспеть, нельзя поддаваться состраданию. Лучше смотреть фактам в лицо, иметь дело с исключительно способными людьми, без колебания освобождаться от всех, кто не знает своего дела в совершенстве, и идти по линии наименьшего сопротивления, только когда сталкиваешься с более сильным противником. Пусть люди строят всевозможные иллюзии хоть до второго пришествия, но дела следует вести именно так, и именно так он и предпочитал их вести.

Эти деловые принципы, утвердившиеся в фирме Саммерфилда, были неизвестны Юджину. Мысль о работе в ней была подана ему так внезапно, что ему некогда было раздумывать; но, будь даже у него время, ничего от этого не изменилось бы. Жизненный опыт научил Юджина, как учит всякого, что слухам и пересудам доверять не следует. Узнав про это место, он тотчас же решил предложить свои услуги и надеялся, что его возьмут. Бейкер Бейтс на следующий же день заговорил о нем с мистером Саммерфилдом во время завтрака.

– Кстати, – сказал он (это было совсем не кстати, так как он только что обсуждал с мистером Саммерфилдом вопрос о том, каковы шансы на распространение его продукции в Южной Америке), – вам случайно не требуется заведующий художественным отделом?

– Всяко бывает, – осторожно ответил мистер Саммерфилд, считавший, что мистер Бейкер Бейтс очень мало разбирается в том, что должен представлять собой заведующий художественным отделом, да и вообще в этой стороне рекламного дела. Возможно, мелькнула у него мысль, Бейтс слышал о его затруднениях и намерен подсунуть ему кого-нибудь из своих друзей – человека, ничего, конечно, в этом не смыслящего. – А почему это вас интересует?

– Видите ли, я только что говорил с Хадсоном Дьюлой, управляющим литографией, и он мне рассказал про одного человека, который работает в «Уорлде» и мог бы вам быть очень полезен. Я немного знаю его. Он несколько лет назад написал ряд прекрасных видов Нью-Йорка и Парижа. Дьюла говорит, что это были замечательные вещи.

– Молодой? – прервал его Саммерфилд, что-то мысленно прикидывая.

– Да, относительно, – лет тридцать, тридцать два.

– И он хочет заведовать художественным отделом? А чем он сейчас занимается?

– Он работает в «Уорлде», но, насколько я понимаю, собирается уходить оттуда. Помнится, вы в прошлом году говорили, что ищете такого человека, вот я и подумал, что это может вас заинтересовать.

– А как он попал в «Уорлд»?

– Он, кажется, болел и теперь постепенно становится на ноги.

Это объяснение показалось Саммерфилду достаточно правдоподобным.

– Как его зовут? – спросил он.

– Витла, Юджин Витла. Несколько лет назад в одной из художественных галерей была выставка его картин.

– Боюсь я этих настоящих знаменитых художников, – брюзгливо сказал Саммерфилд. – Они обычно до того помешаны на своем искусстве, что с ними невозможно сговориться. Для моей работы нужен человек с трезвым, практическим умом. Не дурак и не рохля. Он должен быть хорошим начальником, хорошим администратором. Одного таланта к живописи недостаточно. Хотя, конечно, у него должен быть и талант, по крайней мере, в чужой работе он должен уметь разобраться. Ну что ж, пришлите его ко мне, если вы его знаете. Я не прочь поговорить с ним. Мне, возможно, скоро понадобится такой работник. Я подумываю о кое-каких изменениях в штате.

– Если увижу, пошлю, – сказал Бейкер безразличным тоном и больше уже не заводил разговора на эту тему. На Саммерфилда, однако, имя Юджина произвело известное впечатление. Где он слышал его? Оно наверняка ему знакомо. Пожалуй, надо бы разузнать про этого Витлу.

– Когда будете посылать его ко мне, дайте ему рекомендательное письмо, – поспешил он добавить, пока Бейтс не забыл об их разговоре. – Столько народу пытается пролезть ко мне, что я могу и забыть.

Бейкер сразу понял, что Саммерфилду очень хочется повидать его протеже. Он в тот же день продиктовал стенографистке рекомендательное письмо и отправил его Юджину.

«Насколько я могу судить, – писал он, – мистер Саммерфилд склонен принять Вас для переговоров. Я бы советовал Вам повидаться с ним, если Вас это интересует. Предъявите прилагаемое письмо. Преданный Вам и проч.».

Юджин с изумлением взглянул на письмо и вдруг почувствовал, что может заранее предсказать исход дела. Судьба благоприятствует ему. Он получит это место. Странная штука жизнь! Вот он сидит в «Уорлде» и работает за пятьдесят долларов в неделю, и вдруг, прямо с неба, сваливается на него место заведующего художественным отделом, то есть то, о чем он мечтал годами. Он решил немедленно позвонить мистеру Дэниелу Саммерфилду, чтобы сказать ему о письме мистера Бейкера Бейтса и спросить, когда тот может его принять. Но затем подумал, что не стоит зря тратить время, а лучше прямо пойти и предъявить письмо. В три часа дня он получил от Бенедикта разрешение отлучиться с работы до пяти, а в половине четвертого был уже в приемной «Рекламного агентства» и с нетерпением ожидал разрешения войти в кабинет его главы.

Глава XXXIII

Когда мистеру Дэниелу К. Саммерфилду доложили о Юджине, он не был занят ничем особенно спешным, но решил, по своему обыкновению, заставить просителя подождать. И Юджин ждал целый час, после чего один из клерков сообщил ему, что, к сожалению, неотложные дела задержали мистера Саммерфилда, и он не может принять его сегодня. Он будет рад, однако, видеть его завтра в двенадцать часов. На следующий день Юджин был, наконец, допущен к мистеру Саммерфилду и с первого взгляда понравился ему. «Малый с головой, – подумал тот, откидываясь в кресле и уставившись на Юджина, – и, кажется, не робкого десятка. Молод, глаза открыты настежь, быстро соображает, приятен на вид. Возможно, что я нашел, наконец, человека, из которого выйдет хороший заведующий художественным отделом». Он улыбнулся, – мистер Саммерфилд всегда был очень мил при первом знакомстве, и особенно к людям, желавшим поступить к нему на работу.

– Садитесь! Садитесь! – пригласил он Юджина, и тот сел, охватив взглядом дорогие обои на стенах, большой мягкий светло-коричневый ковер на полу и письменный стол красного дерева, покрытый толстым стеклом и уставленный всякими принадлежностями из серебра, слоновой кости и бронзы. Мистер Саммерфилд показался ему чрезвычайно проницательным и энергичным человеком; внешне он чем-то напоминал японскую резную фигурку из твердого и гладкого дерева.

– Ну-с, а теперь расскажите мне подробно о себе, – начал Саммерфилд. – Откуда вы? Кто вы? Чем занимались раньше?

– Полегче, полегче! – непринужденно и добродушно ответил Юджин. – К чему такая спешка? Моя жизнь не бог весть как сложна. Биография у меня простая и короткая, как у всякого бедняка. Ее можно рассказать в двух словах.

Саммерфилд несколько опешил от этой резкости, вызванной в сущности его же собственным тоном, однако ничуть не рассердился. В этом было что-то для него новое. Проситель нисколько не робел и, по-видимому, даже не волновался. «Чудаковат, – подумал он, – но в меру. Очевидно, человек, видавший виды. Держит себя свободно и не злой».

– Ну, я вас слушаю, – сказал он, улыбнувшись. Ему очень понравилось, что Юджин не торопится. У этого человека было чувство юмора, а такой черты Саммерфилд до сих пор не встречал в заведующих художественным отделом. Насколько он мог припомнить, ни у одного из предшественников этого кандидата не было ни крупицы юмора.

– Итак, я художник, – начал Юджин, – работаю в «Уорлде». Надеюсь, это не будет поставлено мне в минус.

– Не будет, – сказал мистер Саммерфилд.

– И я хочу заведовать художественным отделом, так как думаю, что из меня выйдет хороший заведующий.

– Почему вы так думаете? – спросил Саммерфилд, любезно осклабившись.

– Видите ли, я люблю руководить людьми, – или так по крайней мере мне кажется. И умею завоевывать их расположение.

– Вы в этом уверены?

– Да, уверен. Во-вторых, та мелкая работа, которую я сейчас выполняю, не соответствует моим познаниям и опыту в области искусства. Я способен на гораздо большее.

– Это мне тоже нравится, – одобрил Саммерфилд.

Слушая Юджина, он думал о том, что человек этот очень привлекателен, немного, пожалуй, бледен и чересчур худощав для роли энергичного начальника, но, может быть, это только кажется. Волосы у него слишком длинные. И манеры, возможно, немного развязны. Но все же он ничего. Зачем только он носит мягкую шляпу? Почему художники непременно носят мягкие шляпы, во всяком случае большинство художников? Это придает им такой комичный и неделовой вид.

– Сколько вы получаете сейчас, если дозволено будет спросить?

– Меньше, чем я заслуживаю, – ответил Юджин. – Всего пятьдесят долларов в неделю. Но я согласился на это, так как рассматривал свою работу как средство для поправления здоровья. У меня было несколько лет назад сильное нервное расстройство. Теперь мне много лучше, и я не хочу оставаться на этой работе. Заведование же художественным отделом – мое призвание, так по крайней мере мне кажется. И вот я здесь, к вашим услугам.

– Вы хотите сказать, что раньше никогда не заведовали отделом? – спросил Саммерфилд.

– Никогда.

– Понимаете ли вы что-нибудь в рекламном деле?

– Когда-то мне казалось, что понимаю.

– Давно это было?

– Когда я работал в газете «Морнинг Эппил» в Александрии, штат Иллинойс.

Саммерфилд не мог удержаться от улыбки.

– Это, надо полагать, такой же крупный орган, как и викхемская «Юнион»? И, надо полагать, с такой же обширной сферой влияния?

– О, с гораздо большей, с гораздо большей, – невозмутимо отозвался Юджин. – Из всех провинциальных газет к югу от Сангамона александрийская «Морнинг Эппил» выходила самым большим тиражом.

– Понятно, понятно, – шутливым тоном согласился Саммерфилд. – То же самое можно сказать и про «Юнион». Но как же случилось, что вы разуверились в своем призвании к рекламе?

– Во-первых, я стал немного старше, – сказал Юджин. – А затем я решил, что мне суждено сделаться великим художником. Я приехал в Нью-Йорк и в горячке растерял все свои идеи относительно рекламы.

– Понимаю.

– Но, хвала небу, я опять нашел их, – теперь они у меня всегда при себе. И вот я здесь.

– Знаете, Витла, откровенно говоря, вы на обыкновенного и вполне надежного заведующего художественным отделом мало похожи. Но, возможно, что вы и справитесь. Если исходить из утвердившихся у нас здесь вкусов, вы, пожалуй, недостаточно «брызжете талантом». Все же я не прочь пойти на отчаянный риск. Вероятно, – как это всегда случалось, – я буду потом раскаиваться, но я так часто раскаивался, что пора мне уже привыкнуть к этому. Все мое тело покрыто болячками от укусов ос, которых я принимал за пчел. Но предположим, что вы получите в свое ведение настоящий, в натуральную величину художественный отдел, – что, по-вашему, можете вы с ним сделать?

Юджин подумал, раньше чем ответить. Эта пикировка забавляла его. Он чувствовал, что теперь, поговорив с ним, Саммерфилд его возьмет.

– Прежде всего я получил бы жалованье, а затем позаботился бы о том, чтобы допуск ко мне в кабинет был обставлен должным образом, – чтобы каждый, кто захочет меня видеть, думал, что я английский король… А потом уж…

– Я действительно был вчера занят, – извиняющимся тоном вставил Саммерфилд.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – весело ответил Юджин. – И, наконец, если бы меня хорошенько попросили, я снизошел бы до того, чтобы немного поработать.

Эта манера разговаривать и раздражала и забавляла Саммерфилда. Он любил людей с характером. С человеком, который не трусит, даже в том случае, когда не знает по-настоящему, как взяться за дело, можно будет сговориться. А у Юджина был, очевидно, изрядный запас знаний. К тому же его манера говорить и вести себя была сродни саркастическому и полушутливому тону самого Саммерфилда. В устах Юджина насмешка звучала значительно мягче, чем в его собственных, но это был тот же веселый, подтрунивающий тон. Он решил, что Юджин ему подходит. Во всяком случае испытать его нужно, и немедленно.

– Вот что я вам скажу, Витла, – сказал он наконец. – Я не знаю, справитесь вы с этим делом или нет, – весьма вероятно, что не справитесь, – но у вас есть, по-видимому, кое-какие идеи или они могут возникнуть под моим руководством, и я, пожалуй, дам вам возможность показать себя. Заметьте, однако, что большой уверенности в успехе у меня нет. Личные симпатии обычно роковым образом подводят меня. Но как бы там ни было, вы здесь, вы мне нравитесь, никого другого у меня нет на примете, так что…

– Благодарю, – сказал Юджин.

– Не благодарите. Вам предстоит тяжелая работа, если я решусь вас взять. Это не детская забава. Однако не мешает вам, пожалуй, пойти со мной и взглянуть на нашу контору. – И он повел Юджина в огромный главный зал, где в это время находилась лишь часть служащих (перерыв на завтрак еще не кончился), но по всему видно было, какое это внушительное предприятие.

– Здесь работает семьдесят два человека – стенографистки, счетоводы, агенты по сбору объявлений, составители реклам и коммерческие консультанты, – заметил он, сопровождая свои слова небрежным жестом, и двинулся дальше по направлению к художественному отделу, расположенному в другом корпусе, окна которого выходили на север и восток. – А вот это интересующий вас отдел, – сказал он, распахивая дверь в комнату, в которой стояло тридцать два рабочих стола и столько же мольбертов. Большинство художников ушло завтракать. Юджин был изумлен.

– Неужели вы столько народу держите? – спросил он, чрезвычайно заинтересованный.

– От двадцати до двадцати пяти человек постоянно, а иногда и больше, – ответил Саммерфилд. – Часть работы мы отдаем на сторону. Все зависит от степени загруженности.

– И сколько вы, как правило, платите?

– Это, видите ли, смотря кому. Вам я думаю положить для начала семьдесят пять долларов в неделю, если мы договоримся. Если вы оправдаете мои надежды, я через три месяца повышу ваш оклад до ста долларов в неделю. А дальше видно будет. Другие столько не получают. Это вам подтвердит управляющий конторой.

Юджин понял, что Саммерфилд увиливает от прямого ответа, и слегка сощурил глаза. Все же здесь перед ним открывались большие возможности. Семьдесят пять долларов много лучше, чем пятьдесят, тем более что в дальнейшем эта сумма может увеличиться. Он будет сам себе хозяин, человек с весом. Он не мог не испытать горделивого трепета при виде комнаты, которую показал ему Саммерфилд, заметив, что здесь, если они договорятся, будет его кабинет. В ней стоял огромный письменный стол полированного дуба и несколько обитых кожей стульев. На стенах были развешаны эскизы, на полу лежал прекрасный ковер.

– Вот где вы будете работать, если поступите к нам, – повторил Саммерфилд.

Юджин огляделся по сторонам. Действительно, в его жизни наступил просвет. Как ему получить это место? От чего это зависело? Мысли его забежали далеко вперед, и он уже представлял себе, какие это внесет изменения в их домашний быт: у Анджелы будет хорошая квартира, она сможет лучше одеваться, расширится круг их знакомств и развлечений, они избавятся от вечных забот о будущем. Ясно, что такое место скоро повлечет за собой и текущий счет в банке.

– Большой у вас оборот? – полюбопытствовал Юджин.

– Как сказать, – миллионов около двух в год.

– И вы делаете эскизы к каждой рекламе?

– Обязательно. И не один, а иногда шесть, а то и восемь. Все зависит от заведующего художественным отделом. Если он работает как следует, он сберегает мне немало денег.

Юджин понял, что это намек.

– Что сталось с моим предшественником? – спросил он, заметив, что на двери еще значится имя Олдера Фримена.

– Он сам уволился, – сказал Саммерфилд, – вернее, он понял, что его ждет, и предпочел уйти подобру-поздорову. Он никуда не годился. Слюнтяй, каких мало. Такую работу мне подсовывал, что просто смешно, – некоторые вещи приходилось переделывать по восемь, по девять раз!

Так вот какие трудности, какие обиды и нарекания ждут его здесь! Саммерфилд – черствый человек, это ясно. Пусть он сейчас смеется и шутит, но рука его будет давить на всякого, кто займет у него пост заведующего. На мгновенье у Юджина шевельнулась мысль, что ему не справиться, что лучше даже не пытаться, но затем он подумал: «А почему бы и нет? Ведь я же ничем не рискую. В случае неудачи у меня всегда останется мое искусство».

– Итак, все ясно, – сказал он. – Если я провалюсь, меня, надо полагать, ждет дверь?

– О нет, далеко не так просто – мусорный ящик, – усмехнулся Саммерфилд.

Юджин обратил внимание, как он лязгнул при этом зубами, словно норовистая лошадь; этот человек, казалось, излучал энергию. Ответ Саммерфилда заставил его вздрогнуть. Он вступал в атмосферу беспощадной борьбы. Здесь ему придется драться за жизнь, это ясно.

– Ну вот, – продолжал Саммерфилд, когда они, не торопясь, возвращались в его кабинет. – Мы могли бы с вами сделать следующее. У меня есть на руках два предложения – одно от парфюмерной компании «Сэнд», другое от Американской сахарной компании. Обе фирмы согласны заключить со мной крупные контракты, если мне удастся представить им подходящие идеи для реклам. Компания «Сэнд» ждет от меня образцов этикеток для флаконов, газетных объявлений, афиш, трамвайных плакатов и тому подобного. А сахарозаводчики хотят распространять свой товар небольшими пакетами, – сахарный песок, пудру, кубики, шестигранники. Им нужны эскизы пакетов и этикеток, плакатов и прочего. Вся суть в том, чтобы при минимальных размерах реклам дать максимум оригинальности, простоты и эффекта. В таких вещах, надо вам сказать, я завишу от того, что скажет мой заведующий художественным отделом. Я вовсе не требую, чтобы он все делал сам. Напротив, я во всякое время здесь и рад помочь ему. У меня в отделе коммерческой консультации сидят ребята, каждый просто кладезь новых идей, но заведующий художественным отделом должен нам помогать. Он-то и должен обладать вкусом и облекать в окончательную форму поданные ему мысли. Я предложил бы вам разработать эти две темы, – посмотрим, что у вас

получится. Принесите мне эскизы. Если они придутся мне по вкусу и я увижу, что вы подошли к делу правильно, место за вами. Если же нет, вы этого места не получите и ничем не пострадаете. Идет?

– Идет, – отозвался Юджин.

– Можете посмотреть вот это, – сказал Саммерфилд, подавая ему кипу каталогов, проспектов и брошюрок. – Возьмите с собой, а потом вернете.

Юджин встал.

– Мне понадобится на это дня два-три, – сказал он. – Задача для меня новая. Я не уверен, конечно, но думаю, что дам вам несколько хороших идей. Так или иначе, я попробую.

– Валяйте несите, – сказал Саммерфилд. – И чем больше, тем лучше. Принесете, тогда поговорим. Пока у меня тут есть человек – помощник Фримена, временно заведующий отделом. Желаю успеха! – и он небрежно помахал ему на прощанье.

Юджин ушел. Впервые в жизни встречал он такого человека – черствого, холодного, практичного! Для Юджина это было в новинку. Он был поражен – главным образом вследствие неопытности. Ему не приходилось еще вступать в поединок с деловым миром, в который вынужден вступать всякий, кто пускается в крупную игру Этот человек уже разбередил ему душу, внушил ему сознание величия его нового дела, заставил поверить, что мирное царство искусства – глухое захолустье, где люди осуждены на прозябание. Все, кто вершит большие дела, кто находится в первых рядах, это бойцы, как Саммерфилд, – простые дети земли, беспощадные, надменные, хладнокровные. Если бы он, Юджин, мог стать таким! Если бы он умел быть сильным, властным, дерзким! Не колебаться, не отступать, а стоять, не дрогнув перед целым миром, и подчинять себе людей. О, какие горизонты открывались перед ним!

Глава XXXIV

Эскизы рекламы для товаров «М. Сэнд и Ко» и Американской сахарной компании, которые Юджин представил своему будущему патрону, были очень своеобразны. Как уже говорилось, Юджин обладал богатой, искрящейся фантазией, и, когда он был здоров, идеи так и теснились в его голове и без всяких усилий принимали зримую форму. Мистеру Саммерфилду требовались трамвайные плакаты, афиши и газетные объявления всевозможных размеров, и от Юджина он ожидал не столько текста или подбора шрифтов, сколько художественной выдумки и яркости исполнения. В каждом отдельном случае надо было довести до сознания покупателя одну определенную мысль – с помощью яркого, обращающего на себя внимание рисунка или эскиза. Юджин отправился домой и сначала взялся за рекламу для сахара. Он ничего не сказал Анджеле о цели своей работы, чтобы потом не разочаровать ее, а сделал вид, будто занялся набросками просто так, для собственного удовольствия, но с тем, чтобы потом за небольшую плату предложить их какой-нибудь компании. При свете рабочей лампы под зеленым абажуром он рисовал руки, захватившие квадратные кусочки сахара серебряными или золотыми щипчиками или просто пальцами; сахарницы, до краев наполненные блестящими кристалликами сахарного песку; синюю с золотом чашку и шестигранный кусочек сахара на белоснежной скатерти и многое другое в том же роде. Работа подвигалась быстро и легко, и когда на одну эту тему у Юджина набралось штук тридцать пять набросков, он переключил свое внимание на парфюмерию.

Сначала его смутило то, что он не знает флаконов, выпускаемых компанией, но потом он сам придумал оригинальные образчики флаконов – некоторые из них были впоследствии приняты фирмой для производства. Он набросал для собственного развлечения несколько эскизов коробочек с этикетками, а затем сделал ряд композиций – например: коробка, флакон, изящный носовой платок и белая женская ручка. После этого мысли его обратились к производству парфюмерии, к разведению и сбору цветов; он старался представить себе типы мужчин и девушек, занятых этой работой, и на другой день поспешил в Центральную публичную библиотеку, надеясь найти там книгу или журнал по этому вопросу. Отыскав все, что ему было нужно, а вдобавок несколько статей о выращивании сахарного тростника и о сахароварении, подсказавших ему кое-какие мысли, Юджин решил поместить в правом верхнем или левом нижнем углу каждого эскиза изящный флакон духов или красивый пакетик сахара, а в центре изобразить какой-нибудь момент производственного процесса. Он стал припоминать, кто из художников мог бы осуществить его идеи; ему нужны были шрифтовики, жанристы, талантливые колористы, которых можно было бы пригласить за небольшую плату. Он вспомнил о Джерри Мэтьюзе, работавшем когда-то в чикагской газете «Глоб», – где-то он сейчас? о Филиппе Шотмейере, – под его руководством из Шотмейера вышел бы прекрасный работник, ведь он блестящий шрифтовик; о Генри Хейре, который работал в «Уорлде», – Юджин нередко беседовал с ним на тему о рекламе и афишах. Вспомнился Юджину и молодой Моргенбау, большой мастер по части изображения человеческих фигур, надеявшийся к тому же, что Юджин даст ему возможность показать себя, и еще человек восемь – десять, чью работу он знал по журналам, – самых первоклассных специалистов своего дела. Он решил сперва посмотреть, чего можно добиться с тем штатом, который был налицо, а затем часть работников уволить и быстро заполнить свободные вакансии, чтобы таким образом сколотить хорошую рабочую группу. Уже при первом соприкосновении с Саммерфилдом он воспринял кое-что от беспощадности, присущей этому неугомонному человеку, и был готов проявить ее по отношению к своим подчиненным. Все то, что сулило успех, всегда увлекало Юджина, и сейчас надежда выбиться из отчаянной нужды, от которой он так настрадался, обострила его способности. За два дня у него набралась внушительная папка эскизов и рисунков, которую он вполне мог

показать своему будущему патрону, и Юджин предстал перед ним, почти уверенный в успехе. Мистер Саммерфилд углубился в просмотр его эскизов и вскоре стал обнаруживать признаки оживления.

– Да, знаете ли, – соизволил он наконец сказать, – материал не скучный. Если вы будете продолжать в том же духе, пять тысяч в год вам обеспечены. Конечно, вы еще новичок в этом деле, но уже сумели уловить самую суть.

И он уселся рядом с Юджином, чтобы показать ему, какие усовершенствования можно внести в его идеи – с практической точки зрения.

– А теперь, профессор, – сказал он, окончательно придя к заключению, что Юджин именно и есть нужный ему человек, – мы можем считать, что договорились. Мне совершенно ясно: в вас есть то, что мне нужно. Некоторые из ваших идей превосходны. Я не знаю, конечно, как вы покажете себя в качестве начальника, но пока можете занять кресло в том кабинете, и давайте сразу же приступим к делу. От всей души желаю вам удачи. Энергии у вас, кажется, достаточно.

Юджин затрепетал от радости. Вот этого-то он и ждал. Не сдержанного одобрения, а восторженной похвалы. Он заслужил ее. Он всегда был уверен, что может ее добиться. Людей как-то, независимо от их воли, влекло к нему. Теперь он уже стал привыкать, начал относиться к этому, как к чему-то вполне естественному. Если бы не болезнь – проклятая неудача! – о, как высоко бы он уже взлетел! Он потерял пять лет, в сущности он и сейчас еще не вполне здоров, но, слава богу, с каждым днем ему становится лучше, и он приложит все усилия к тому, чтобы держать себя в узде. Этого требует от него жизнь.

Вместе с Саммерфилдом он вошел в комнату, где работали художники, и был им всем представлен. Мистер Дэйвис – мистер Витла, мистер Харт – мистер Витла, мистер Клеменс – мистер Витла, – и так далее. Вскоре каждому было известно, кто он такой.

После этого Саммерфилд провел его в следующий зал и представил заведующим различных отделов – управляющему конторой, устанавливавшему гонорар художникам, бухгалтеру, выплачивавшему жалованье, заведующему отделом составления реклам, заведующему отделом коммерческой консультации, а также единственной женщине, возглавлявшей бюро стенографии и машинописи. Юджина покоробила вульгарность этих людей. Ему, привыкшему вращаться среди художников и литераторов, они показались грубыми, жадными, – точно рыбы, готовые проглотить друг друга. В них не чувствовалось никакого воспитания. В их внешности и манерах сквозила неумеренная алчность. Особенно раздражал его ярко-красный галстук и желтые ботинки одного агента по сбору объявлений. Приказчичьи замашки и костюмы бесили его.

«К дьяволу весь этот сброд!» – думал он, хотя каждого, с кем его знакомили, дарил улыбкой и говорил, что будет счастлив с ним работать. Наконец процедура представления была окончена, и Юджин вернулся в свой отдел, чтобы приступить к работе, которая захлестывала здесь все бурным, взбаламученным потоком. Художники, с которыми ему предстояло работать, производили, правда, более приятное впечатление. Юджин подозревал, что и они, возможно, явились жертвами расстроенного здоровья или житейских неудач и работают здесь по необходимости. Он вызвал к себе мистера Дэйвиса, которого Саммерфилд представил ему как его будущего помощника, и попросил рассказать, что и как у них делается.

– У вас есть график работы? – спросил он товарищеским тоном.

– Да, сэр, – ответил его новый помощник.

– Покажите мне, будьте добры.

Дэйвис принес журнал и познакомил Юджина с системой работы. Каждый заказ поступал под своим номером, и на карточке записывалось время его поступления, фамилия художника, которому поручена работа, время, потраченное на ее выполнение, и так далее. Если один художник тратил на работу два часа, а другой, к которому она переходила, – четыре, то в журнале делалась пометка. Если первый рисунок был забракован и приходилось приступать к той же теме вторично, это тоже заносилось в журнал. Записи отмечали все: и недочеты и ошибки, а также быстрое выполнение и удачи. Юджин сразу увидел перед собой цель – позаботиться о том, чтобы люди, работающие под его началом, делали поменьше ошибок.

Ознакомившись подробно с журналом заказов, он встал и прошел в мастерскую, где трудились художники. Ему хотелось познакомиться с манерой и методом каждого из них. Одни работали над рекламой для фирм готового платья, другие делали этикетки для мясных консервов, третьи готовили серию плакатов для железнодорожных компаний и так далее. Юджин с любезным видом склонялся над работой каждого из них, так как ему хотелось завоевать дружбу и доверие своих подчиненных. Ему было по опыту известно, какой впечатлительный народ художники и как легко их пленить теплым, товарищеским отношением. Он возлагал большие надежды на свои мягкие, приветливые манеры. Наклоняясь то к одному, то к другому, Юджин спрашивал каждого, что он хотел выразить, сколько времени должна занять та или иная работа, а в тех случаях, когда художник находился в затруднении, советовал, что следовало бы, по его мнению, сделать. Он далеко не был уверен в себе, так как это была новая для него область, но надеялся ею овладеть. Как приятно чувствовать себя начальником, – если только дело

пойдет успешно. Он надеялся, что с его помощью эти люди лучше проявят себя, он заставит их хорошо работать и тем повысит и их заработок и свой собственный. Он во что бы то ни стало должен много зарабатывать, – пять тысяч, как было сказано, ни в коем случае не меньше.

– По-моему, это у вас хорошо задумано, – заметил он бледному, болезненному на вид художнику, в котором угадывался большой талант.

Художника, которого звали Диллон, подкупили ласковые, дружеские интонации в голосе Юджина и его внешность, хотя он далеко еще не решил, нравится или не нравится ему новый начальник. Ходили слухи, – об этом позаботился Саммерфилд, – будто перед этим человеком в свое время открывалась блестящая карьера. Диллон посмотрел на Юджина и улыбнулся.

– Вы находите? – спросил он.

– Убежден, – ободряющим тоном сказал Юджин. – Попробуйте-ка дать синее пятно вот здесь, рядом с желтым. Может, вам понравится.

Художник последовал его указанию и, сощурившись, стал рассматривать эскиз.

– А правда, сейчас много лучше! – заметил он таким тоном, точно эта мысль принадлежала ему самому.

– Много лучше, – сказал Юджин. – Очень удачная мысль.

И почему-то у Диллона осталось ощущение, будто он и вправду сам это придумал. Не прошло и двадцати минут, как весь отдел единогласно пришел к выводу, что новый начальник, по-видимому, очень милый человек и, пожалуй, оправдывает свое назначение. Он казался таким уверенным в своих силах. Они и не подозревали, как взволнован был Юджин, как ему хотелось взять скорее дело в свои руки и добиться ощутимых результатов. Со страхом думал он о той минуте, когда придется вступить в борьбу с чем-нибудь нежелательным.

Так, за работой, проходили дни и недели; Юджин становился все увереннее и почти освоился со своей должностью, хотя прекрасно понимал, что путь, на который он вступил, не усыпан розами. Он обнаружил, что атмосфера в этом предприятии царит грозовая, – это объяснялось тем, что Саммерфилд, по собственному его выражению, был «на месте» во всякое время, всегда энергичный и напористый. Он приезжал в контору из верхней части города, где он жил, без десяти девять утра и проводил в ней почти весь день – до половины седьмого, до семи, а то и до восьми и даже десяти часов вечера. У него была привычка, не считаясь ни с чем, задерживать до поздней ночи служащих, работавших над интересовавшими его заказами, а иногда он переносил совещание к себе домой, несмотря на то что люди еще не обедали, и сам он их к обеду не приглашал. Он часами вел переговоры с заказчиками, пока не приходило время закрывать контору, и только тогда собирал к себе измученных сотрудников, не успевших уйти домой, и начинал с ними какое-нибудь важное и чрезвычайное длительное совещание по поводу новых заказов. Когда что-нибудь выходило не так, он впадал в бешенство, сыпал проклятиями, безумствовал, и нередко дело кончалось увольнением того, кто был вовсе ни при чем. Он без конца устраивал утомительные и безалаберно-шумные совещания, на которых грубые окрики и колкости так и сыпались на головы сотрудников, ибо Саммерфилд не питал ни малейшего уважения ни к способностям, ни к достоинству своих подчиненных. Все они для него были машинами, и притом машинами никуда не годными. Ни одно их предложение не принималось, если только оно не было чем-то совершенно новым или же, как в случае с Юджином, если человек не обнаруживал исключительного таланта.

Саммерфилду было трудно понять Юджина, так как он никогда раньше не встречал людей такого сорта. Он зорко присматривался к нему, как и ко всем другим своим служащим, стараясь найти какой-нибудь изъян в его работе. Что-то дьявольское было в сверкающем пристальном взгляде этого человека. Он постоянно с остервенением жевал сигару, весь дергался, то и дело вскакивал и принимался расхаживать по кабинету или перебирал вещи на столе, давая выход своей беспокойной, неукротимой энергии.

– Ну-ка, профессор, – говорил он, когда Юджин входил к нему в кабинет и спокойно и скромно садился где-нибудь в углу, – нам предстоит сегодня решить очень важный вопрос. Я хочу знать ваше мнение по такому-то и такому-то делу, – и он принимался излагать его.

Юджин напрягал свой мозг, стараясь что-то придумать, но Саммерфилд не допускал размышлений.

– Ну-ка, профессор! Ну-ка! – восклицал он.

Юджин раздраженно пожимал плечами. Эта манера разговаривать сбивала его с толку, и он воспринимал ее как унижение.

– Очнитесь, профессор! – не унимался Саммерфилд, давно избравший своим постоянным орудием тычки и понукания.

Юджин вежливо высказывал свое мнение, мысленно посылая Саммерфилда ко всем чертям, но этим дело не ограничивалось. Нисколько не стесняясь присутствием подчиненных – составителей реклам, агентов по сбору объявлений, коммерческих консультантов, а порой и одного или двух художников, работающих над обсуждаемой темой, Саммерфилд восклицал: «Бог ты мой! Что за бездарное предложение!» Или: «Неужели вы, профессор, ничего умнее не могли придумать?» Или: «Да у меня самого наберется десяток куда более удачных предложений». В лучшем случае он удостаивал заметить: «Ну что ж, в этом, пожалуй, что-то есть», хотя позднее, с глазу на глаз, он, случалось, высказывал свое полное удовлетворение. Прежние заслуги в его глазах ничего не стоили, – это было Юджину совершенно ясно. Недостаточно было целый день ковать для него золото и серебро, – он и на следующий день требовал золота и серебра, да еще в большем количестве. Алчности его не было предела, не было предела и жестокости, с какой он выжимал из своих подчиненных последние соки. Не было предела всеотравляющему тлетворному действию идеи чистогана, которую он проповедовал. Он сам показывал пример, как должно без конца донимать и выматывать людей, и этого же требовал от своих подчиненных. В результате его контора превратилась в зверинец, в притон головорезов, воров и грабителей, нахалов с пудовыми кулаками, где каждый открыто и нагло преследовал только свои интересы, плюя на весь остальной мир.

Глава XXXV

Время между тем шло, и хотя в агентстве Саммерфилда с приходом Юджина мало что изменилось, в его личной жизни наступило заметное улучшение. Главное, Анджела несколько успокоилась. Страдания, которые еще недавно причинял ей Юджин своим бездушным отношением, стали постепенно утихать, так как она видела, что он много работает и ведет себя вполне благоразумно. Впрочем, она еще не вполне доверяла ему. Она далеко не была убеждена, что он окончательно порвал с Карлоттой Уилсон (личность которой так и осталась для нее тайной), но все, казалось, подтверждало это. В аптекарском магазине под их квартирой был телефон; Анджела звонила Юджину в контору в разные часы дня, и он всегда оказывался на месте. Он находил теперь время бывать с ней в театре и не обнаруживал желания избегать ее общества. Однажды Юджин откровенно сказал, что не намерен больше притворяться, будто еще любит ее, хотя по-прежнему питает к ней добрые чувства, – и это очень испугало Анджелу. Несмотря на все ее озлобление, на все страдания, Юджин был ей дорог, и она не теряла надежды, что когда-нибудь его любовь вернется – должна вернуться.

Анджела решила играть роль любящей жены, независимо от их истинных отношений, и, если он не возражал, обнимала его, целовала и всячески хлопотала вокруг него, как будто ничего и не было. Юджин не мог понять этого. Неужели она еще любит его! Ему казалось, что Анджела должна питать к нему ненависть, ибо долгая разлука с Карлоттой и тяжелый упорный труд отрезвили его, он начал понимать, какое жестокое, незаслуженное горе причинил жене, и хотел искупить свою вину. Он не любил ее и считал, что любовь уже никогда не вернется, но вполне готов был вести себя благоразумно, приложить все старания к тому, чтобы побольше зарабатывать, ходить с ней в театр, создать круг знакомых, возобновив и старые знакомства, – словом, делать все, что, казалось ему, могло заменить Анджеле его любовь. Мало-помалу он приходил к убеждению, что на свете не существует честного и более или менее благополучного разрешения сердечных дел. У большинства людей, насколько он мог судить, брачная жизнь складывалась неудачно. Он не знал никого, кто не ошибся в выборе спутника жизни! Он, вероятно, не более других. Пусть пока все идет, как идет. Сейчас ему нужно постараться заработать немного денег и восстановить свою репутацию. Быть может, когда-нибудь судьба улыбнется ему.

Материальное положение Юджина – еще до его ухода из газеты – значительно улучшилось. Путем упорной экономии, позволяя себе только самые необходимые расходы, Анджела сумела отложить свыше тысячи долларов, а затем эта сумма возросла до трех тысяч. Теперь они немного ослабили узду, стали лучше одеваться, бывали в гостях и регулярно принимали у себя. Их маленькая квартирка, в которой они продолжали жить, не вмещала больше трех-четырех человек гостей. Анджела считала даже, что хорошо принять она может только двоих. Но это не мешало Юджину то и дело приглашать к себе кого-нибудь. Постепенно возобновились некоторые старые связи, в том числе с Хадсоном Дьюлой, Джерри Мэтьюзом (жившим теперь в Нью-Йорке), Вильямом Мак-Коннелом и Филиппом Шотмейером. Мак-Хью и Смайта не было в городе: первый уехал на этюды в Нова-Скотию, второй работал в Чикаго. Что же касается старого круга знакомых из художественного мира, а также социалистов и радикалов, то Юджин по возможности избегал их. Где были Мириэм Финч и Норма Уитмор, он понятия не имел, зато о Кристине Чэннинг слышал очень часто – она выступала в Большой опере, и он видел в газетах и на афишах ее портреты. У него прибавилось и много новых знакомых, вроде Адольфа Моргенбау, – преимущественно молодых художников-иллюстраторов, которые льнули к Юджину и считали себя в некотором роде его учениками.

Время от времени приезжали родственники Анджелы, и среди них Дэвид Блю, новоиспеченный младший лейтенант американской армии во всем блеске своего офицерского положения и ранга. Бывали и приятельницы Анджелы, но они очень мало интересовали Юджина: миссис Десмас, жена мебельного фабриканта из Ривервуда, у которой они в свое время снимали комнаты; миссис Вертхайм, жена мультимиллионера, с которым их познакомил мосье Шарль; миссис Линк, когда-то приезжавшая вместе с Мариеттой в старую студию Юджина на Вашингтон-сквер, а теперь жившая с мужем, армейским капитаном, в форте Гамильтон в Бруклине, и, наконец, миссис Юргенс, соседка. Покуда они были бедны, Анджела возобновляла знакомства осторожно, но когда у них завелись деньги, она решила, что может несколько удовлетворить свое желание развлечься и хоть отчасти скрасить свое одиночество. Она мечтала установить крепкие связи в обществе ради Юджина, но не представляла себе, как за это взяться.

Когда вопрос о поступлении Юджина в рекламное агентство Саммерфилда окончательно решился, для Анджелы это было большим сюрпризом. Она была рада, что если уж Юджину пришлось на время оставить высокое искусство, условия его новой, практической деятельности складываются так благоприятно: он будет сам начальником, а не подчиненным. Она давным-давно решила в душе, что он никогда не добьется успеха в деловом мире, и теперь с любопытством, хотя и без большой веры, наблюдала за тем, как он идет в гору. Надо откладывать деньги – таков был ее девиз. Придется, конечно, переехать на другую квартиру, однако не следует расходовать больше, чем необходимо. Она все оттягивала переезд, пока Саммерфилд, заглянув к ним, не высказал по этому поводу своего мнения дельца и коммерсанта.

Саммерфилд высоко ставил художественное дарование Юджина. Он давно уже собирался посмотреть его работы, и, когда Юджин сказал ему, что часть их еще выставлена у братьев Потль, Джейкоба Бергмана и Анри Ларю, он решил зайти туда, но все откладывал. Однажды вечером, после закрытия конторы, Саммерфилд с Юджином ехали в поезде надземной железной дороги, и Саммерфилд, будучи благодушно настроен, решил заехать к Юджину и посмотреть его полотна. Юджину это было вовсе не по душе. Его огорчала необходимость показать Саммерфилду их убогую квартирку. Он пытался уговорить его зайти лучше к братьям Потль, где была выставлена одна из его картин, но Саммерфилд об этом и слышать не желал.

– Мне не хотелось показывать вам мою квартиру, – извиняющимся тоном сказал Юджин, когда они стали подниматься по лестнице пятиэтажного дома. – Мы скоро отсюда переедем. Я поселился здесь, когда работал на железной дороге.

Саммерфилд огляделся кругом. Это был бедный район; в двух кварталах от дома проходил канал. Неподалеку, с восточной стороны, тянулись черные угольные склады, а с северной простирался пустырь, к которому прилегал железнодорожный парк.

– О, это не играет роли, – сказал он, по обыкновению подходя к вопросу прямо и практично. – Мне-то все равно, но вам, Витла, не должно быть безразлично, где вы живете. Я держусь того мнения, что деньги нужно тратить, что каждый должен их тратить. Экономия ни к чему хорошему не приводит. Раскошеливайся! – вот мое правило. Я давно уже пришел к этому. Перебирайтесь отсюда поскорее, как только представится случай, и окружите себя дельными людьми.

Юджин подумал, что легко это говорить человеку, который преуспевает и которому все удается, но вместе с тем решил, что в этих словах есть доля правды. Саммерфилд посмотрел картины. Они понравились ему, понравилась и Анджела, хотя он не мог понять, как это Юджин выбрал себе такую жену. Она производила впечатление тихой, домовитой женщины. А в Юджине было много от богемы, хотя теперь, под воздействием Саммерфилда, он стал больше похож на клубмена. Мягкую фетровую шляпу давно сменил жесткий котелок, а костюм был самого что ни есть трезвого, делового покроя, благодаря чему Юджина можно было принять скорее за молодого коммерсанта, чем за художника. Саммерфилд пригласил к себе супругов на обед, но у них обедать отказался и отправился домой.

В скором времени, следуя его совету, они перебрались на другую квартиру. У них накопилось четыре тысячи долларов, и Анджела рассчитала, что если Юджин и впредь будет получать такое жалованье, они могут увеличить свои расходы до двух с половиной тысяч долларов в год, а то и до трех. Она настаивала, чтобы Юджин откладывал ежегодно две тысячи, на тот случай, если он когда-нибудь решит опять вернуться к искусству. В субботу, после его работы, и в воскресные дни они занимались поисками и, наконец, нашли на Западной стороне Сентрал-парка чудесную квартиру с окнами прямо в парк, в которой им, судя по всему, будет удобно и жить и принимать гостей. В квартире была большая столовая и гостиная, причем достаточно было вынести стол, чтобы соединить обе комнаты в одну. Затем было три спальни, одну из которых Анджела превратила в гардеробную, прекрасная ванная, удобная кухня с просторной кладовой и квадратная передняя, которая могла служить приемной. В доме было множество стенных шкафов, газ и электричество, лифт, обслуживаемый лифтером в красивой ливрее, и телефонный коммутатор. Как сильно отличалась эта квартира от той, откуда они выехали, где был длинный темный коридор, крутые, неудобные лестницы, был, правда, газ, но телефона не было. И район тут несравненно лучше. По улице то и дело сновали автомобили, в парке гуляла солидная публика, особенно по воскресеньям, и люди, с которыми здесь приходилось сталкиваться, относились к вам либо с вежливым безразличием, либо с подобострастной предупредительностью.

– Дело ясное, – сказал Юджин, когда они разместились в новой квартире, – мы начинаем новую жизнь.

Он отделал квартиру заново, в светлых, ярко-синих и голубых тонах, обставил гостиную и столовую мебелью под розовое дерево, купил несколько хороших картин, которые давно присмотрел на различных выставках, и повесил их вперемежку со своими собственными, а стандартную люстру заменил хрустальной. Книг у них накопилось как раз столько, чтобы заполнить красивый белый шкаф. Для спальни была куплена мебель светлого клена и белые эмалированные кровати, и вся квартира приняла элегантный и уютный вид. Они приобрели рояль, а также столовый и кофейный сервизы из гавиландского фарфора. Затем появились ковры, занавеси и портьеры, развешиванием которых руководила Анджела. Итак, они обосновались на новом месте и зажили новой и сравнительно приятной жизнью.

Анджела не простила Юджину его давнишние прегрешения, а тем более его откровенную резкость в последнем памятном случае, но это вовсе не значило, что она все время попрекала его прошлым. И теперь еще происходили иногда сцены, так сказать, отголоски пронесшейся бури. Но денег у них было достаточно, возобновились старые знакомства, и Анджела не намерена была ссориться с мужем. Юджин был внимателен к ней. Он очень много работал. Зачем же упрекать его? Вечером он

садился у окна, выходившего в парк, и до полуночи корпел над набросками и проектами реклам. К семи часам утра он бывал уже одет, в восемь тридцать являлся в контору, в час или немного позже шел завтракать и только к восьми или девяти вечера возвращался домой. Иногда Анджела ворчала на него за это, порою бранила Саммерфилда, называя его бездушным зверем, но разве могла она затевать ссоры, когда у них была такая очаровательная квартира и Юджин так быстро продвигался? Ведь он трудился столько же для себя, сколько и для нее. Ему лично ничего не было нужно. Деньги его, по-видимому, совсем не интересовали. Он только работал и работал. Ей даже делалось жаль его.

– Еще бы Саммерфилду не любить тебя! – сказала она однажды мужу отчасти в виде комплимента, отчасти досадуя на Саммерфилда, так много требовавшего от него. – Ему выгодно тебя держать. Я в жизни не видела, чтобы человек столько работал! Неужели у тебя не бывает желания передохнуть?

– Не беспокойся обо мне, Анджела, – отвечал он. – Я должен работать. И я ничего не имею против. Это куда лучше, чем бродить по улицам и ломать голову над тем, как быть дальше.

И он снова углублялся в работу. Анджела качала головой. Бедный Юджин! Вот уж действительно кто заслуживает награды за упорный труд. К тому же он опять стал таким милым, остепенился. Должно быть, это все возраст. Он еще, может быть, станет великим человеком.

Глава XXXVI

Настало, однако, время, когда вечная гонка, интриги и постоянные ссоры начали раздражать Юджина, и он почувствовал, что долго не выдержит такого напряжения. В конце концов он по натуре был художником, а вовсе не финансовым гением. Он был слишком нервным, слишком неуравновешенным человеком. Надругательство над справедливостью, искренностью, красотой и человеческими чувствами, происходившее на его глазах, сначала удивило его, потом некоторое время забавляло и наконец стало возмущать.

Жизнь, с которой сорваны все покровы иллюзий и обмана, представляет собой малопривлекательное зрелище. Беспощадный, неугомонный, придирчивый характер Саммерфилда служил примером для всех его служащих, и напрасно было бы ждать от них доброго отношения, справедливости или хотя бы элементарной вежливости. Чуть ли не с первых дней Юджин убедился, что сослуживцы (правда, не его подчиненные, а остальной персонал) смотрят на него как на человека, который долго не продержится на своем месте. Его не любили – и потому, что Саммерфилд проявлял к нему расположение, и за его манеры, так резко отличавшиеся от принятых здесь. Правда, благоволение Саммерфилда никогда не отражалось на его требовательности в деловых вопросах, но это не спасало Юджина от общей неприязни. Были и такие, что невзлюбили его потому, что он был настоящим художником, держался отчужденно и не мог скрыть своего пренебрежения к ним.

Большинство служащих представлялись ему жалкими марионетками – вторым, третьим или четвертым изданием Саммерфилда или копией с него. Все они подражали властным замашкам и резкому тону хозяина. Словно дети, повторяли они его язвительные замечания и остроты и, верные его системе, выжимали из своих подчиненных последние соки. Юджин был в достаточной степени философом, чтобы относиться к этому с известным юмором. Но ведь в конце концов его положение зависело от его работы и достигнутых результатов, и ему было крайне обидно, что он не мог ни от кого ждать не только услуги, но даже простой учтивости. Не проходило дня, чтоб заведующие другими отделами не врывались в его кабинет с требованием немедленной сдачи того или другого заказа. Художники жаловались на низкую оплату, а управляющий конторой кричал о перерасходах и уверял, что если Юджин кое-что и делает для повышения качества работы и быстроты ее выполнения, то уж слишком он расточителен. Другие бранили его в глаза и жаловались патрону, что некоторые рекламы разработаны отвратительно, что тот или иной заказ задерживается, что Юджин слишком медлителен и ни с чем не хочет считаться. Саммерфилд, следивший за Юджином, знал, что во всем этом очень мало правды, но он слишком любил натравливать служащих друг на друга и разжигать страсти, считая, что дело от этого только выигрывает, – и не находил нужным вмешиваться. Вскоре Юджина стали обвинять в том, что он систематически задерживает заказы, что у него в отделе некомпетентные люди (это, кстати, соответствовало истине), что он слишком медленно работает и вообще ведет себя свободным художником. Юджин сносил все спокойно, так как хорошо помнил свою недавнюю бедность, но он твердо решил рано или поздно дать бой. Он уже не был – вернее, не хотел быть – вялым, малодушным мечтателем, как когда-то. Он задумал дать отпор своим врагам, – и начал осуществлять это решение.

– Помните, Витла, – сказал ему как-то Саммерфилд, – в этом отделе за все спросится с вас. За все неудачи отвечать будете вы. Не допускайте промахов. Не позволяйте никому клеветать на вас. И не вздумайте бегать ко мне с жалобами. От меня вы помощи не получите.

Столько бездушия было в этой программе, что против нее хотелось бороться. Теперь, думал он, жизнь его закалила, и он стал совсем другим человеком, он тоже, если придется, не пожалеет и не даст спуску.

– Провались они все к дьяволу! – крикнул он однажды Саммерфилду после страшного скандала по поводу задержки заказа, когда какой-то служащий, настроенный против него, пытался его очернить. – Все, что здесь сейчас утверждали, – ложь! Я работаю не хуже, а лучше других. Этот тип, – указал он на своего противника, – просто подкапывается под меня. В следующий раз, когда он явится ко мне в кабинет и начнет разнюхивать, я выгоню его вон! Он бессовестный враль, и вы это отлично знаете. Все это выдумка с начала до конца, вы прекрасно это понимаете.

– Молодец, Витла! – похвалил его Саммерфилд, восхищенный тем, что Юджин оказался способен на такой отпор. – Вы начинаете просыпаться! Теперь вы далеко пойдете. Вы человек неглупый, но если вы будете с этой сворой миндальничать, она вас живьем сожрет. И я не смогу вам ничем помочь. Все они ни черта не стоят. Я здесь ни одному человеку не верю, будь они все прокляты!

Так бывало не раз. Юджин усмехался про себя. Удастся ли ему когда-нибудь свыкнуться с этой обстановкой? Сумеет ли он ужиться с этими жалкими, наглыми щенками, которые так и норовят вцепиться вам в икры? Очевидно, Саммерфилда такие работники устраивают, но ему они не по душе. Может быть, это и в самом деле остроумнейшая система руководства, но он, Юджин, держится иного мнения. Для него это своего рода отражение взглядов и темперамента мистера Дэниела К. Саммерфилда – и только. Человеческая натура, надо полагать, лучше.

Удивительно, как жизненная удача заживляет старые раны, прикрывает трещины словно густым плющом и создает иллюзию безмятежного счастья там, где притаились страдания и душевная усталость. Так было и у Анджелы с Юджином, – они снова жили вместе, к ним стали постепенно возвращаться старые друзья, и внешне они были так счастливы, будто никакая буря не проносилась над ними и не омрачала их благополучного плавания. Несмотря на все неприятности, Юджин очень увлекался работой. Ему льстила роль главы отдела, где трудилось два десятка человек, приятно было сидеть за своим красивым письменным столом, слышать подобострастное обращение подчиненных и получать время от времени приглашения от Саммерфилда, который по-прежнему к нему благоволил. Работа была трудная, но зато она приносила ему больше материальных благ, чем любое его прежнее занятие. Анджела, казалось, тоже успокоилась – впервые за много лет ей не надо было думать о деньгах, муж ее снова становился на ноги. Старые друзья заходили все чаще, появились и новые. Им были теперь доступны летние и зимние поездки на взморье и обеды с тремя-четырьмя приглашенными. Они наняли горничную. Обед под личным наблюдением Анджелы подавался с большой помпой. Ей было лестно слышать то, что говорилось о Юджине в ее присутствии; в художественных кругах, с которыми они теперь опять соприкасались, считали, что успехом своих реклам Саммерфилд в значительной мере обязан таланту ее мужа. Юджину не стыдно было теперь сказать, где он работает, – он получал хороший оклад и заведовал целым отделом. Некоторые его рекламы имели шумный успех и принесли рекламодателям огромные барыши. Сначала знатоки, а вслед за ними и широкая публика стали интересоваться, кто автор этих удачных работ.

За все шесть лет своего существования агентство Саммерфилда не могло похвастать такими успехами. А сейчас они столь быстро следовали один за другим, что это открывало новую страницу в истории фирмы. Саммерфилд, как стали поговаривать в конторе, начал коситься на Юджина, так как не в его характере было терпеть рядом человека, который затмевал его. Тем более что Юджин, имея на пять тысяч долларов сбережений в двух банках, обстановку, стоившую не менее двух с половиной тысяч, да еще страховой полис в десять тысяч долларов на имя Анджелы, держал себя весьма независимо. Он уже не боялся за будущее.

Это замечала Анджела. Это замечал и Саммерфилд. Он находил, что Юджин слишком уж явно подчеркивает свое превосходство художника. У него выработался резкий, повелительный, чуть ли не диктаторский тон. Сколько Саммерфилд ни старался, ему так и не удавалось подавить его. Наоборот, он окреп, возмужал и развился. Этот тощий, бледный художник в мягкой фетровой шляпе приобрел солидность, и теперь в своем котелке, щегольском костюме и галстуке с булавкой по последней моде, с экзотическим перстнем на среднем пальце больше походил на дельца, чем на художника.

Характер Юджина в общем мало изменился, но кое-какие перемены были уже налицо, – в нем не осталось и следа прежней робости. Он начинал понимать, что обладает весьма разносторонними способностями, и это сознание давало ему все больше уверенности в себе. Пять тысяч долларов сбережений, к которым ежемесячно прибавлялось долларов двести или триста, плюс нараставшие на них четыре процента годовых, внушали ему веру в свои силы. Юджин позволял себе теперь подшучивать над самим Саммерфилдом, так как не сомневался, что всегда найдет место в каком-нибудь другом рекламном агентстве. Ему однажды передали, что компания «Альфред Кукмэн» (где его патрон когда-то проходил курс обучения) намеревается предложить ему работу и что компания «Твайн-Кембл», самое крупное из существующих рекламных агентств, тоже интересуется им. Художники его отдела, в большинстве своем люди очень ему преданные, так как он успешно руководил ими и добился для них лучшей оплаты, всячески раздували его славу. Они готовы были приписать его заслугам все успехи фирмы Саммерфилда, хотя это далеко не соответствовало истине.

Целый ряд оригинальных замыслов, возможно даже большинство, исходил от Юджина, но наброски просматривал и «доводил» Саммерфилд, обрабатывал отдел текстов, проверяли заказчики и так далее до тех пор, пока не вносились те существенные изменения, которые и приводили наконец к успеху. Безусловно, во всем этом большая заслуга принадлежала Юджину. Его замыслы вдохновляли и заражали других. Он оживил деятельность компании «Саммерфилд» уже самим своим появлением, но он был отнюдь не единственным, на ком зиждилась работа, и отлично понимал это сам.

Юджин отнюдь не страдал самомнением и чванством – просто он стал увереннее в себе, спокойнее, добродушнее, его уже не так легко было вывести из равновесия; но и это раздражало Саммерфилда. Ему нужен был человек, который бы его боялся, и, понимая, что Юджин может от него ускользнуть, когда окончательно встанет на ноги, он стал подумывать, как бы помешать его неожиданному бегству или дискредитировать его, чтобы он ничего не выгадал при уходе. Ни тот, ни другой не выказывали открытой неприязни друг к другу и ничем не обнаруживали своих истинных чувств, но, тем не менее, дело обстояло так. То, что Саммерфилд задумал, было не легко осуществить, тем более в отношении Юджина. Последний постепенно завоевывал популярность в деловых кругах и держался все более и более независимо. Рекламодатели – крупные фабриканты, которым случалось знакомиться с ним, проявляли к нему большой интерес. Они, конечно, еще не знали ему истинную цену, но угадывали в его таланте большую силу. Один из них, видный финансист (бывший сенатор Кенион С. Уинфилд из Бруклина), занимавшийся операциями с недвижимым имуществом, встретил как-то Юджина в кабинете у Саммерфилда и позже, когда они отправились вдвоем завтракать, спросил:

– У вас тут служит один очень интересный человек, – Витла, кажется. Откуда он?

– Откуда-то с Запада, – уклончиво ответил Саммерфилд. – Право, толком не знаю. У меня перебывало столько заведующих художественным отделом, что я всех не упомню.

Уинфилд уловил в тоне собеседника нотку враждебности и пренебрежения к своему подчиненному.

– Он показался мне очень способным человеком, – заметил он, намереваясь кончить на этом разговор.

– Да, да, он способный, – отозвался Саммерфилд. – Но, как и у всех художников, у него ветер в голове. Это самый ненадежный народ на свете. На них нельзя ни в чем положиться. Сегодня он клад, а завтра – глядишь, ничего не стоит. С ними прямо, как с детьми, приходится возиться. Такой, случается, встанет с левой ноги и уже ни на что не способен.

Уинфилд подумал, что в этом есть доля правды. Художники, как правило, никуда не годятся в деловом отношении.

Все же он сохранил о Юджине приятное воспоминание.

В том же духе Саммерфилд отзывался о Юджине и в конторе и в других местах. В беседах с подчиненными он начал поговаривать, что Юджин, в сущности, не справляется со своим делом и что придется, видно, с ним расстаться. Это, конечно, очень печально, но все художники, даже лучшие из них, хороши лишь до поры до времени и скоро выдыхаются. Он и сам, мол, не может понять, чем это объяснить, но это факт. Ни один из них еще не оправдал его надежд. Таким путем Саммерфилд хотел подчеркнуть собственные неисчерпаемые способности и доказать, что Юджин не такая уж крупная фигура. Все, кто хоть сколько-нибудь знал Юджина, не верили этому. Однако сотрудникам конторы стало ясно, что Юджина ждет отставка. Он был слишком талантлив, слишком любил повелевать, и все понимали, что такому сотруднику не ужиться в предприятии, где существует полное единовластие. Это брожение умов сильно мешало работе. Кое-кто из сотрудников Юджина склонен был перейти на сторону неприятеля.

Время шло. Резко изменившееся отношение Саммерфилда не мешало Юджину все больше вырастать в собственных глазах. Он еще не потерял головы, однако день ото дня становился все увереннее в себе. Работа с художниками помогла ему возобновить прежние связи с такими людьми, как Луи Диза, мосье Шарль, Люк Севирас и многие другие. Все они знали теперь, что он делает, и удивлялись, почему он не возвращается к настоящей живописи. Мосье Шарль негодовал. «Это большая ошибка с его стороны», – говорил он. Он всегда утверждал, что дезертирство Витлы – незаменимая потеря для американского искусства. Как ни странно, но одна из картин Юджина была продана весной, уже после его поступления к Саммерфилду, и еще одна – зимою того же года. За каждую он получил по двести пятьдесят долларов, причем одна была продана братьями Потль, а другая Джейкобом Бергманом. Эти сделки и полученные от обеих фирм предложения выставить взамен проданных другие его полотна сильно подбодрили Юджина, по крайней мере он знал, что в случае чего прокормится живописью и как-нибудь не пропадет.

И вот настал день, когда Юджин получил приглашение для переговоров от мистера Альфреда Кукмэна, владельца издательства, в котором работал когда-то Саммерфилд. Переговоры ни к чему не привели, так как Кукмэн не намеревался платить больше шести тысяч, а Саммерфилд обещал Юджину, что со временем доведет его оклад до десяти тысяч, если он останется у него работать. К тому же Юджин считал неудобным уйти сейчас; останавливало его и то, что Кукмэн не имел в деловом мире ни того веса, ни того престижа, каких достиг в то время Саммерфилд. Действительно заманчивое предложение пришло полгода спустя, когда одно из филадельфийских издательств, стремясь поднять тираж своего еженедельника, начало подыскивать заведующего отделом рекламы.

Это издательство имело обыкновение привлекать молодые силы, причем преимуществом пользовался тот кандидат, который уже как-то зарекомендовал себя и сумел к тому же произвести выгодное впечатление на владельца фирмы. Следует заметить, что Юджин имел так же мало опыта в заведовании отделом рекламы, как и в заведовании художественным отделом. Но, проработав у Саммерфилда почти два года, он стал неплохо разбираться в вопросах рекламы, а люди, с которыми он

соприкасался, приписывали ему даже больше того, что он знал. Юджин до некоторой степени постиг организацию дела у Саммерфилда, понял, как тот расставляет силы, поручая одному одну часть работы, другому – другую. Участвуя в совещаниях и консультациях, он имел возможность изучить, чего хотят клиенты, как они представляют себе рекламирование своего товара и какие требования предъявляют к тексту. Он понял, что решающими факторами являются новизна, убедительность и красота оформления, и ему так часто приходилось переделывать работу сообразно с этими требованиями, что теперь он хорошо знал, как это делается. В вопросах о комиссионных, скидках, долгосрочных договорах и тому подобном он чувствовал себя как дома. Ему не раз приходило в голову, что он мог бы с успехом открыть свое собственное маленькое агентство, попадись ему честный и способный заведующий коммерческой частью или компаньон. Но такой человек все не попадался, и Юджин спокойно выжидал.

В филадельфийском издательстве Кэлвина слышали о Юджине. В поисках нужного человека основатель фирмы Обадия Кэлвин внимательно знакомился с кандидатами, которых рекомендовали ему всевозможные агентства в Чикаго, Сент-Луисе, Балтиморе, Бостоне и Нью-Йорке, но еще ни на ком не остановился. Он никогда не спешил принимать решение и с гордостью говорил, что, сделав однажды выбор, может быть уверен в хороших результатах. О Юджине он узнал уже после долгих поисков. Как-то он встретил в филадельфийском «Юнион-клубе» одного агента, с которым у него были крупные дела, и тот между прочим спросил:

– Говорят, вы ищете заведующего рекламным отделом для вашего еженедельника?

– Совершенно верно, – сказал Кэлвин.

– Мне на днях рассказывали про человека, который, кажется, подошел бы вам. Он работает в Нью-Йорке, у Саммерфилда. Это агентство, как вы, может быть, заметили, выпустило в последнее время много превосходных реклам.

– Да, кажется, я видел некоторые из них, – сказал Кэлвин.

– Не помню точно, как его зовут, – не то Витла, не то Гитла, что-то в этом роде. Так вот, он там работает, и, по слухам, очень дельный человек. Не скажу вам, какую должность он занимает. Вы можете справиться.

– Благодарю вас, я так и сделаю, – сказал Кэлвин.

Он действительно был благодарен своему собеседнику, так как ни один кандидат, о которых ему говорили до сих пор, полностью его не удовлетворял. Кэлвин, человек уже старый, обладал исключительной способностью угадывать в людях дарование и наряду с энергией ценил в них образование и вкус. Он был ревностный христианин и возглавлял целый ряд печатных изданий так называемого «христианского», – иначе говоря, заведомо консервативного направления. Вернувшись к себе в контору, он посоветовался со своим компаньоном мистером Фредериксом, имевшим в предприятии небольшую долю, и попросил его навести справки о рекомендованном ему лице. Фредерикс так и сделал. Он позвонил в Нью-Йорк Кукмэну, и тот, обрадовавшись случаю насолить своему бывшему служащему Саммерфилду, лишив его лучшего сотрудника, ответил Фредериксу, что, по его мнению, Юджин очень талантливый человек, быть может, самый талантливый из всей работающей в этой области молодежи. Пожалуй, он именно тот, кто нужен издательству «Кэлвин», – человек деловой и с инициативой.

– Я и сам хотел взять его к себе, – сказал Кукмэн. – Он с выдумкой, сразу видно.

Результатом этого разговора и было неофициальное письмо, адресованное мистеру Витле, в котором мистер Фредерикс спрашивал, не найдет ли он возможным побывать в Филадельфии в ближайшую субботу к концу дня, чтобы обсудить важное деловое предложение, которое издательство «Кэлвин» намерено ему сделать.

Уже по самому бланку, на котором было написано письмо, Юджин заключил, что речь идет о чем-то очень серьезном, и рассказал Анджеле. У той заблестели глаза.

– По-моему, непременно поезжай, – сказала она. – Они, по-видимому, предложат тебе место коммерческого директора, заведующего художественным отделом или что-нибудь в этом роде. Ты получишь не меньше, чем здесь, а ведь мистер Саммерфилд возмутительно с тобой обращается. Ты работаешь на него, как каторжник, а он так и не повысил тебе оклада, хотя обещал. Вероятно, нам придется расстаться с Нью-Йорком, ну что ж, не беда – ведь это только на время. Ведь ты не собираешься посвятить рекламе всю жизнь. Ты бросишь ее, как только мы обеспечим себя приличным и твердым доходом.

Надо сказать, что в последнее время, когда у Анджелы завелись деньги, а впереди вставал соблазн еще большего богатства, она уже не мечтала так горячо, как прежде, о возвращении Юджина к карьере художника. Приятно было заезжать в лучшие магазины и заказывать себе платья и шляпки по сезону или же летом, в субботу, по окончании занятий, совершать с Юджином поездки в Атлантик-Сити, на Спринг-Лейк или Шелтер-Айленд.

– Да, я тоже думаю, что надо поехать, – сказал Юджин и в соответствующем духе ответил мистеру Фредериксу.

Последний встретил его в собственном автомобиле на Центральном филадельфийском вокзале и отвез в свой загородный дом в районе Хаверфорда. По дороге он занимал его разговором о чем угодно – о погоде, о местности, по которой они проезжали, о текущих событиях, о работе Юджина и о том, насколько она интересна, – но только не о деле. Они приехали как раз к обеду, и пока ожидали приглашения к столу, мистер Обадия Кэлвин случайно заглянул к своему компаньону, якобы с целью поговорить с ним по делу, а в действительности, чтобы, не выдавая своих намерений, посмотреть на Юджина. Их познакомили, и они обменялись сердечным рукопожатием. За столом он перекинулся с Юджином несколькими словами, хотя ни разу не заикнулся о деле, и Юджин стал недоумевать, зачем его пригласили. Он догадывался, что Кэлвин, который, как ему было известно, являлся президентом компании, пришел поглядеть на него. После обеда мистер Кэлвин распрощался, и только тогда Юджин увидел, что мистер Фредерикс готов наконец приступить к переговорам.

– Дело, по которому я пригласил вас сюда, касается нашего еженедельника, а также отдела рекламы в нашем издательстве. Видите ли, мы издаем популярный журнал и рассчитываем в будущем значительно увеличить его тираж. Мистеру Кэлвину необходим человек, который взял бы на себя руководство отделом рекламы. Мы уже давно подыскиваем подходящего кандидата. Несколько лиц называли нам ваше имя, и у меня есть основание предполагать, что мистер Кэлвин был бы доволен, если бы вы согласились взяться за это дело. Он очень кстати заглянул сегодня ко мне. Теперь он видел вас, так что, если я назову ему вашу кандидатуру, он будет знать, о ком идет речь. Мне думается, что наша фирма, как вы и сами убедитесь, будет для вас прекрасным полем деятельности. Мы не преследуем грошовой экономии. Нам известно, что всякое дело обязано своим успехом людям, на которых оно держится, и мы не прочь платить хорошим работникам хорошие деньги. Я не знаю, сколько вы получаете сейчас, и, признаться, мне до этого мало дела. Если наше предложение вас заинтересует, я поговорю с мистером Кэлвином, и если, опять-таки, мне удастся заинтересовать его, я сведу вас с ним для окончательных переговоров. Что касается оклада, вам беспокоиться нечего, мы вас не обидим. Мистер Кэлвин не мелочный человек. Коль скоро ему кто-нибудь понравится, а вы, насколько я могу судить, произвели на него благоприятное впечатление, – он никогда не станет скупиться. А там уж ваше дело дать согласие или нет. Но я еще ни разу не слыхал, чтобы кто-нибудь остался недоволен предложенным у нас жалованьем.

Юджин слушал с величайшим удовольствием. Радостная дрожь пронизывала его. Вот оно – предложение, которое он давно жаждал услышать! Сейчас он получает пять тысяч. Ему предлагали шесть, а мистер Кэлвин едва ли предложит меньше семи или восьми, если не все десять. А уж семь с половиной можно просить, не стесняясь.

– Признаюсь, – сказал он простодушно, – ваше предложение звучит заманчиво. Правда, работа несколько отличается от той, какую я выполняю сейчас, но думаю, что я с ней справлюсь. Конечно, все дело в том, какие условия вы мне предложите. У меня нет оснований жаловаться на мою теперешнюю службу. Я только недавно устроился в Нью-Йорке и вовсе не горю желанием его покинуть. Но я не возражаю и против того, чтобы перейти к вам. Договором я с мистером Саммерфилдом не связан. Он не пожелал заключить его со мной.

– Мы тоже не склонны связывать себя договором с нашими сотрудниками, – сказал мистер Фредерикс. – Тем более что, как вам известно, это не является надежной гарантией. Но если вы настаиваете, мы не постоим за этим. Как вы смотрите на то, чтобы сегодня же переговорить с мистером Кэлвином? Он живет недалеко отсюда.

Юджин предполагал, что свидание с мистером Кэлвином произойдет значительно позднее; но мистер Фредерикс тут же позвонил своему патрону и обстоятельнейшим образом (как будто это и в самом деле было необходимо) стал объяснять, что, как мистеру Кэлвину известно, он давно уже подыскивает человека для заведования отделом рекламы, но найти подходящего кандидата довольно трудно.

– Я сейчас беседовал с мистером Витлой, с которым вы сегодня познакомились у меня, и рассказал ему про наш еженедельник. Из разговора с ним я вынес впечатление, что он, пожалуй, как раз тот человек, который нам нужен. И я подумал, не пожелаете ли вы с ним переговорить.

По-видимому, мистер Кэлвин ответил согласием, так как немедленно была подана машина, и они отправились к президенту издательства, жившему на расстоянии приблизительно мили. По дороге Юджин размышлял об открывавшихся перед ним перспективах. Правда, разговоры о работе в знаменитом издательстве «Кэлвин» были пока довольно туманны, но вместе с тем все это было так грандиозно, так много обещало! Неужели он действительно расстанется с Саммерфилдом, да еще при таких благоприятных обстоятельствах? Это казалось сном.

В доме, стоявшем, на обширной лужайке, было темно, светились только окна библиотеки, в которой мистер Кэлвин и принял их. Переговоры возобновились. Мистер Кэлвин был седой, как лунь, небольшого роста, с необыкновенно маленькими руками и ногами, очень тихий, но с живым, проницательным взглядом. Его спокойствие вызывало представление о гладкой поверхности озера в безветренную погоду. Он очень рад, сказал мистер Кэлвин, произнося слова медленно и негромко, что мистер Витла и мистер Фредерикс уже имели возможность побеседовать. Ему кое-что говорили о Юджине, – правда, немного. Он желал бы

узнать поподробнее мнение мистера Витлы насчет современных тенденций в рекламном деле, как он смотрит на некоторые новшества в этой области, и так далее.

– Так вы не прочь поработать у нас? – сухо заметил он к концу разговора, словно Юджин приехал в Филадельфию по своей инициативе.

– Я, пожалуй, ничего не имел бы против – при известных условиях.

– А каковы эти условия?

– Я предпочел бы, мистер Кэлвин, услышать, что вы мне предложите. Право же, я не стремлюсь менять службу. Мне и там совсем не плохо.

– Что ж, вы кажетесь мне вполне подходящим кандидатом, – ответил мистер Кэлвин. – Вы обладаете теми качествами, которые нужны в нашем деле. Скажем так: восемь тысяч первый год, а если результаты вашей работы будут удовлетворительны, я через год повышу вам оклад до десяти тысяч. А дальше видно будет.

«Восемь тысяч! Через год десять! – пронеслось в голове Юджина. – Должность заведующего отделом рекламы в таком крупном издательстве. Да, это большой скачок».

– Что ж, это не так плохо, – сказал он после минутного раздумья. – Я, пожалуй, готов принять ваши условия.

– Я был уверен, что вы согласитесь, – со скупой усмешкой сказал мистер Кэлвин. – Что касается деталей, то договоритесь с мистером Фредериксом. Ну, желаю успехов. – И он дружески пожал ему руку.

Сидя в машине, уносившей их к дому мистера Фредерикса, который пригласил его переночевать у себя, Юджин с трудом верил, что все это происходит наяву. Восемь тысяч в год! Неужели из него в конце концов выйдет не художник, а крупный делец? Конечно, может быть, дело еще и сорвется, но все же как странно все изменилось! Восемь тысяч уже в этом году! Десять тысяч, если он справится! А там двенадцать, пятнадцать, восемнадцать тысяч… Он слышал о таких окладах в рекламном деле. А кроме того, он может получать изрядный доход со сбережений, если вложит их в выгодное предприятие. Он уже мысленно рисовал себе квартиру в Нью-Йорке на Риверсайд-Драйв и даже загородный дом, так как едва ли приятно будет все время оставаться в городе. Может быть, и собственный автомобиль, рояль для Анджелы, мебель в стиле шератон или чиппендейл, друзья, слава – что значит по сравнению со всем этим карьера художника! Разве зарабатывает кто-нибудь из знакомых живописцев столько, сколько зарабатывает он уже сейчас? Зачем же непременно быть живописцем?.. Разве художники достигают чего-нибудь? Разве признание грядущих поколений даст ему возможность разъезжать сейчас в автомобиле? Правда, Дьюла говорит, что художник, будь он даже беден, на голову выше толпы. Юджин усмехнулся, вспомнив эти слова. Ко всем чертям бедность! Ко всем дьяволам грядущие поколения! Он хочет жить сейчас, в этой жизни, а не в памяти потомства!

Глава XXXVII

Даже самый блестящий пост не всегда избавляет от известных трудностей, так как большие преимущества обычно связаны с большой ответственностью. Юджин, однако, с легким сердцем готовился занять новую должность, зная, что она едва ли будет труднее той, которую он оставляет. Да, работать у Саммерфилда было дьявольски тяжело. Этот человек делал все возможное, чтобы мелкими придирками, требованиями все новых вариантов, пристрастными и грубыми замечаниями сломить добродушие Юджина и заставить его почувствовать, что без его, Саммерфилда, советов и помощи ему нечего и думать справиться со своим делом. Но, поступая таким образом, Саммерфилд только содействовал выявлению и развитию способностей Юджина. Его вера в собственные силы, хладнокровие «под огнем», умение трудиться не покладая рук, даже когда душа не лежит к работе, только развились и окрепли.

– Ну что ж, желаю вам успеха, Витла, – сказал мистер Саммерфилд, когда Юджин по возвращении сообщил ему, что уходит и считает своим долгом заблаговременно предупредить об этом. – Вам незачем считаться со мной. Я не хочу вас задерживать, раз вы собрались уходить. И чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Продолжительные расставания не в моем вкусе. Толку от них никакого. Если угодно, можете сегодня же бросать работу. Я найду кого-нибудь на ваше место.

Юджин почувствовал себя задетым. Но он улыбнулся и сказал сердечным тоном:

– Если нужно, я могу остаться еще некоторое время. Я вовсе не хочу, чтоб это как-то отразилось на ваших делах.

– Нет, нет! Это нисколько не отразится на моих делах. Скатертью дорога и желаю удачи!

«Вот сатана!» – подумал Юджин, но пожал ему руку и выразил своим сожаления. Саммерфилд только усмехнулся в ответ. Юджин быстро закончил дела и ушел. «Слава богу, – говорил он себе, выходя из конторы, – наконец-то я выбрался из этого ада!» Но позднее он понял, что Саммерфилд оказал ему огромную услугу, заставляя давать максимум того, на что он способен, – этого до сих пор еще никто от него не добивался. Служба у Саммерфилда повлияла на характер Юджина и на его отношение к жизни, она отразилась даже на его внешности. От его робости и нервозности не осталось и следа. Теперь он производил впечатление скорее даже смелого и решительного человека. Он перестал бояться мелких жизненных трудностей – его ладью так долго трепали штормы, что небольшие бури как в настоящем, так и в будущем уже не пугали его. Этим он был обязан Саммерфилду.

В издательстве «Кэлвин» были совсем другие порядки. Здесь царили относительный мир и тишина. Кэлвину не пришлось добиваться успеха в жизни, попирая маленьких людей, изводя их булавочными уколами. Это был крупный делец, чьи начинания благодаря своим масштабам и новизне сами прокладывали себе дорогу, а заодно несли вперед и его. Он считал, что к работе нужно привлекать честных и значительных людей, самых значительных и честных, каких только можно найти. Он и в Юджине видел это значительное – очевидно, в его стремлении к совершенству.

Формальности, связанные с переходом на новую работу, были быстро закончены, и Юджин вступил в свои владения, предшествуемый слухами о том, что новый босс в высшей степени приятный человек. Главный редактор, Таунсенд Миллер, дружески приветствовал его, и так же сердечно он был встречен своими подчиненными. У Юджина дыхание захватывало при мысли, что отныне он, новичок в области рекламы, берет на себя ответственность за работу пятнадцати способных и опытнейших людей. И это в одной только Филадельфии, не считая еще восьми человек в чикагском филиале да многочисленных агентов в различных частях Америки – на Дальнем Западе, на Юге, а также на северо-западе Канады. Сфера его деятельности на новой службе была куда более обширная, чем у Саммерфилда. Сущность его работы заключалась в том, чтобы, зорко следя за работой промышленности, делать интересные предложения преуспевающим дельцам и фабрикантам, еще не пробовавшим рекламировать свою продукцию на страницах «Норс-Америкен», и заключать с ними одинаково выгодные для обеих сторон договоры, с тем чтобы завоевать расположение клиентов и не утратить его. Все это не представляло особенных трудностей, поскольку «Норс-Америкен» благодаря оригинальности и новизне самого типа издания очень нравился публике – журнал выходил уже полумиллионным тиражом, и тираж этот все возрастал. В большинстве случаев, как вскоре обнаружил Юджин, агентам мистера Кэлвина не представляло труда убедить рекламодателя, что предложение, которое ему делается, заслуживает внимания. Если прибавить к этому изобретательность Юджина по части новых методов рекламирования, его способность очаровывать людей и умение соблазнять своими планами самых упрямых дельцов, а также увлекать и вдохновлять своих сотрудников, то можно было не сомневаться в его успехе на новом посту и даже не просто в успехе, а в триумфе.

Юджину и Анджеле, казалось, предстояла жизнь, исполненная довольства и комфорта. Без особых затруднений и не вызывая почти никакого недовольства, Юджину удалось перестроить свой штат так, что люди, работавшие под его началом, полностью удовлетворяли его. К нему перешли и некоторые сотрудники Саммерфилда. Он выписал их из Нью-Йорка, так как считал, что может привить им тот дух содружества и взаимопонимания, которого добивался Кэлвин. Правда, нельзя сказать, что Юджин достигал на своем новом поприще таких результатов, как Саммерфилд, который к тому же имел в своем распоряжении куда более ограниченные ресурсы. Но издательство «Кэлвин» было богатой фирмой, не требовавшей и не ожидавшей от своих служащих таких отчаянных усилий, какие приходилось с самого начала и по сей день требовать компании «Саммерфилд». Деловая этика в издательстве стояла высоко. Здесь все строилось на доверии и честности, на справедливой оплате труда и добросовестном выполнении обязанностей. Юджин нравился Кэлвину, и приблизительно через год после его поступления у Кэлвина был с ним знаменательный разговор. Слова старого издателя крепко запали в душу его молодого подчиненного и принесли ему немалую пользу. Этот человек ясно видел, в чем сила и слабость Юджина. Однажды он заметил Фредериксу:

– Мне особенно нравится в этом человеке его изобретательный ум. Всегда у него наготове какая-нибудь идея, – я не знаю никого, в ком было бы так развито чувство нового. Его воображение неистощимо. Надо только сдерживать его, чтобы он не зарывался и не брался за невыполнимое. В остальном я им доволен.

Фредерикс был согласен с ним. И ему их новый служащий внушал симпатию. Он всячески старался помочь Юджину, но перед тем стояли задачи, которые требовали самостоятельного разрешения. И когда пришло время повысить ему жалованье, Кэлвин сказал:

– Я имел возможность наблюдать вашу работу в течение года, и я сдержу свое обещание увеличить вам оклад. Вы прекрасный работник. У вас много прекрасных качеств, которые я могу только приветствовать в человеке, занимающем ваше место, – но есть также и недостатки. Мне не хотелось бы обижать вас, но в роли хозяина своего предприятия я подобен отцу, возглавляющему большую семью, а мои помощники – это мои сыновья. Я обязан интересоваться ими, раз они заинтересованы во мне. Так вот я хочу сказать, что вы хорошо справляетесь с работой, и даже очень хорошо. Но у вас есть один недостаток, который может причинить вам большие неприятности. Вы чересчур увлекаетесь, вы, я бы сказал, не даете себе достаточно труда подумать. Идей у вас – хоть отбавляй! Они роятся у вас в голове, словно пчелы в улье, но вы порою выпускаете их на волю все сразу, и они приводят в смятение и вас самих и всех, кто с вами соприкасается. Вы были бы еще более ценным работником, если бы… я не скажу, если б у вас было меньше идей, – но если бы вы держали их в узде. Вы слишком много

хотите сделать зараз. Умерьте свой пыл. Не торопитесь. Времени у вас достаточно. Вы еще молоды. Думайте! Если у вас бывают сомнения, приходите посоветоваться со мной, – я опытнее вас и постараюсь вам помочь.

Юджин улыбнулся и сказал:

– Вероятно, вы правы.

– Да, я прав, – сказал Кэлвин. – А теперь мне хочется коснуться вопроса более интимного свойства и повторяю, прошу на меня не обижаться, мною руководят только самые добрые побуждения. Если я хоть сколько-нибудь разбираюсь в людях, – а я позволю себе думать, что это так, – ваша главная слабость (заметьте, у меня нет никаких фактических доказательств, ни единого) заключается, мне кажется, не столько даже в любви к женщинам, сколько вообще в любви к роскоши, а женщины всегда составляют одну из главных статей роскоши.

Юджин слегка покраснел от смущения и досады; он считал, что за время пребывания у Кэлвина, да и вообще после ривервудского эпизода, вел себя безупречно.

– Признайтесь, вас удивляет, почему я это говорю. Но я, видите ли, вырастил двух сыновей. Оба они умерли, один из них был немного похож на вас. В вас так много кипучей энергии, что ее с избытком хватает не только на деловые замыслы, но и на то, чтобы со вкусом одеваться, наслаждаться жизненными благами, придумывать развлечения и заводить знакомства. Будьте осторожны в выборе друзей. Старайтесь иметь дело с людьми положительными, консервативными. Возможно, вам это меньше улыбается, но, с точки зрения практической, это в ваших интересах. Если только мои наблюдения и моя интуиция не обманывают меня, вы принадлежите к людям, способным до самозабвения увлечься призраками – красотой, женщинами, театрами. Я отнюдь не придерживаюсь аскетических взглядов, но для вас женщины представляют большую опасность – пока, во всяком случае. По правде сказать, я не вижу в вас задатков настоящего, трезвого дельца, но вы прекрасный помощник. Не скрою, у меня, кажется, еще не было на этой должности никого, кто мог бы сравниться с вами, и едва ли будет. Вы человек недюжинный, но именно талант делает вас в некотором роде гадательной величиной. Вы стоите сейчас на пороге вашей карьеры. Эти дополнительные две тысячи в год откроют перед вами новые возможности. Смотрите же, не увлекайтесь. Не поддавайтесь на посулы ловких людей. Держитесь подальше от легкомысленных женщин. Вы женаты и, я хочу надеяться ради вашего же блага, любите свою жену. Но если даже и нет, делайте вид, что любите, и оставайтесь в границах общепринятого. Остерегайтесь скандала – поскольку это касается вашей службы у меня, скандал будет иметь для вас роковые последствия. Мне не раз приходилось расставаться с прекрасными работниками, потому что деньги вскружили им голову и они наделали глупостей – из-за какой-нибудь женщины или просто из-за женщин вообще. Пусть этого не случится с вами. Вы мне симпатичны. Я бы хотел, чтобы вы преуспели в жизни. Держите же себя в руках, если можете. Будьте благоразумны. Не действуйте сгоряча. Это лучший совет, какой я могу вам дать. А засим желаю успехов!

Мистер Кэлвин жестом показал, что разговор окончен, и Юджин поднялся. Он недоумевал, как этот человек мог так глубоко заглянуть в его душу. Все, что он сказал, была правда, и Юджин знал это. Каким-то образом мистер Кэлвин сумел прочитать его самые затаенные чувства и мысли. Недаром он стоял во главе такого большого предприятия. Люди были для него открытой книгой.

Юджин вернулся к себе в кабинет, решив принять к сведению преподанный урок. Он всегда должен сохранять трезвую голову. «Я, кажется, сам давно мог прийти к такому выводу – мало ли била меня жизнь», – пронеслось у него в голове, и больше он об этом не думал.

Весь тот год, как и следующий, когда оклад его повысился до двенадцати тысяч, Юджин процветал. Он очень сдружился с Миллером. У Миллера бывали хорошие мысли по части рекламы, а у Юджина оформительские и издательские идеи. Они охотно появлялись повсюду вместе и получили прозвище «сынки Кэлвина» и «блистательные близнецы». У Миллера Юджин научился играть в гольф (хотя ему плохо давалась эта наука, и он так и не стал хорошим игроком), а также в теннис. Он играл вместе с миссис Миллер, Анджелой и Таунсендом на своем теннисном корте или у них. Вместе они совершали частые прогулки верхом и в автомобиле. Во время танцев, которые он очень полюбил, на званых обедах и вечерах Юджин знакомился с интересными молодыми женщинами. Обе супружеские пары получали частые приглашения, но Юджин вскоре убедился, – так же, как и Миллер и его жена, – что светские женщины определенного типа больше интересуются им, чем Анджелой.

«О, Витла – умница!» – восторгались дамы. На Анджелу эти восторги не распространялись, а нередко добавлялось даже, что ее нельзя и сравнить с мужем. Она, конечно, очень милая и достойная женщина и все такое, но «Знаете, что я вам скажу, дорогая, с ней так трудно; она какая-то вялая – ни рыба, ни мясо».

В этот период Анджела впервые серьезно задумалась над тем, что на Юджина может отрезвляюще подействовать рождение ребенка. Хотя они давно уже могли бы позволить себе иметь детей и хотя Юджину, при его увлекающейся натуре, полезно было бы взвалить на плечи какой-то дополнительный груз, до сих пор Анджела не решалась подвергнуть себя этому испытанию. Надо сказать, что она не только страшилась забот и тревог, с которыми (благодаря опыту с племянниками)

связывалось у нее представление о детях, но еще и очень опасалась за исход родов. От своей матери она слыхала, будто уже в раннем детстве можно сказать, будет ли девочка хорошей и здоровой матерью или нет и будут ли у нее вообще дети. У Анджелы, как говорила ее мать, детей не будет. Анджела склонна была верить этому предсказанию (хотя никогда не сообщала о нем Юджину) и в то же время принимала все меры, чтобы не иметь детей.

Теперь, однако, прожив с Юджином столько лет, она видела, в какую сторону направлены его мысли и какое влияние оказывает на него материальное благополучие, и это наводило ее на мысль о ребенке (конечно, если это не будет связано с большими жертвами и опасностью для жизни), как о средстве держать мужа в руках и влиять на него. Может быть, он полюбит ребенка. Во всяком случае, у него появится чувство ответственности. Поскольку все окружающие будут ждать от него благоразумного поведения, он постарается соответственно и вести себя, – ведь он сейчас так на виду! Анджела долго и со всех сторон обдумывала этот вопрос, но из страха перед всякими трудностями не принимала никакого решения. Она внимательно прислушивалась к разговорам знакомых женщин и приходила к выводу, что с ее стороны, пожалуй, было ошибкой не иметь детей, по крайней мере одного или двух, и что она, вероятно, могла бы быть матерью, если бы захотела. Некая миссис Санифор, довольно часто бывавшая у нее в Филадельфии (они познакомились у Миллеров), уверяла Анджелу, что ей рано отказываться от надежды стать матерью, хоть она и пропустила лучшее время для первых родов. Миссис Санифор знала много таких случаев.

– На вашем месте, миссис Витла, я поговорила бы с врачом, – посоветовала она ей однажды. – Он вам скажет. Я убеждена, что вы можете родить. Медицина теперь знает много способов, облегчающих роды, – диета, гимнастика. Хорошо бы вам побывать у моего врача.

Анджела решила, что последует этому совету, – из любопытства, да и вообще на всякий случай когда-нибудь в будущем. И эскулап, осмотревший ее, сказал, что, по его мнению, она может родить. Придется, конечно, подчиниться строгому режиму и с помощью гимнастики и массажа хотя бы отчасти восстановить эластичность мышц. Во всем остальном она здоровая и нормальная женщина, и ей нечего опасаться каких-то сверхъестественных страданий. Это очень обрадовало и успокоило Анджелу. У нее в руках появилось оружие против ее господина, цепь, которой она могла привязать его. Она не хотела решаться на это немедленно. Вопрос был слишком серьезный. Нужно было подумать. Но ей приятно было сознание, что это в ее власти. Разве только Юджин образумится…

Работая в агентстве Саммерфилда, а потом в Филадельфии, в издательстве «Кэлвин», Юджин, несмотря на высокий, с каждым годом возраставший оклад, не сделал в сущности больших сбережений. Анджела позаботилась о том, чтобы вложить часть их капитала в акции Пенсильванской железной дороги, казавшиеся ей достаточно надежными, а также в участок земли (в Верхнем Монтклере, штат Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка) размером двести на двести футов, где они при желании могли когда-нибудь поселиться. Деловые связи Юджина влекли за собой неизбежные траты; кроме того, приходилось ежегодно платить членские взносы (расход, им дотоле неизвестный) в целый ряд клубов, куда он был принят, – «Болтусрол гольф-клуб», «Ийр теннис-клуб», «Филадельфийский загородный клуб» и другие. Необходимость иметь скромный автомобиль – конечно, не пятиместный – была совершенно очевидна. Однако кратковременный опыт с собственной машиной послужил Юджину хорошим уроком. Выяснилось, что содержание автомобиля обходится непомерно дорого. Бесконечные починки, жалованье шоферу и, наконец, авария, во время которой сильно пострадал внешний вид автомобиля, быстро заставили Юджина отказаться от этого вида собственности. В случае надобности можно пользоваться и такси. Таким образом, с этим символом роскоши было покончено.

Любопытно отметить, что в тот период они заметно отдалились от своих родственников на Западе. Юджин уже почти два года не бывал на родине, а что касается Анджелы, то она после переезда в Филадельфию видела из всей своей семьи только брата Дэвида. Осенью, на третьем году их пребывания в Филадельфии, скончалась ее мать, и Анджела ненадолго съездила в Блэквуд. Весной следующего года умер отец Юджина. Миртл переехала в Нью-Йорк, ее муж служил теперь представителем одной провинциальной мебельной фирмы, содержавшей здесь постоянную выставку. Она захворала сильным нервным расстройством и, как слышал Юджин, увлеклась «христианской наукой». Генри Берджес, муж Сильвии, стал директором банка, в котором работал уже много лет, а когда старик Берджес внезапно умер, он продал кому-то его газету. Мариетта писала, что приедет в будущем году, пусть Юджин найдет ей богатого жениха. Но Анджела по секрету сообщила мужу, что ее сестра помолвлена на сей раз окончательно и выходит замуж за крупного лесопромышленника из Висконсина. Все старые знакомые были в восторге от удачи Юджина, хотя очень жалели, что он отказался от карьеры художника. Его успех в области рекламного дела привлекал внимание; говорили, что он влиятельное лицо в редакции «Норс-Америкен». Итак, он процветал.

Глава XXXVIII

Однако самое лестное предложение было сделано Юджину осенью, на третьем году его работы в Филадельфии, и случилось это совершенно для него неожиданно, когда он совсем уже свыкся с мыслью, что обрел прочное пристанище, и прекрасно чувствовал себя среди своих сослуживцев. В то время не только в издательском деле, но и в других отраслях промышленности часто случалось, что люди, занимавшие сколько-нибудь видные административные должности, выдвигались на посты еще гораздо более видные и ответственные. Большинство крупных предприятий, которые ранее управлялись своими основателями, теперь переходили в руки наследников, пайщиков или акционеров, причем лишь очень немногие из этих новых владельцев имели хоть какое-то понятие о деле, которым призваны были управлять.

Хайрем С. Колфакс не был издателем по призванию. Контрольный пакет акций компании «Суинтон-Скадер-Дэйвис» достался ему в результате одной из тех финансовых комбинаций, которые нередко отдают овец отнюдь не самым опытным и внимательным пастырям. Колфакс был достаточно энергичным человеком, и любое его предприятие оказывалось доходным, так как в крайнем случае он умел выгодно сбыть его с рук. Иными словами, это был финансист. Отец его, разбогатевший мыловар из Новой Англии, набравшийся радикальных идей, решил заняться пропагандой таких популярных в то время доктрин, как теория единого земельного налога Генри Джорджа, социализм и тому подобное. Эти идеи он всеми способами пытался пропагандировать, но, не будучи ни опытным оратором, ни опытным публицистом, а всего лишь опытным дельцом и мыслящим человеком, успеха не имел. Неудачи эти очень огорчали его. Было время, когда он подумывал купить или даже основать газету в Бостоне, но, познакомившись с делом поближе, убедился, что коммерческая газета – весьма рискованное предприятие. Тогда он принялся субсидировать небольшие еженедельники, которые должны были распространять его взгляды, однако это давало ничтожные результаты. Его интерес к журнальному миру привлек к нему внимание Мартина У. Дэйвиса, одного из компаньонов фирмы «Суинтон-Скадер-Дэйвис», чья торговая марка на книгах, журналах и еженедельниках была известна в стране не менее, чем марка Оксфорда на английской Библии.

Компания «Суинтон-Скадер-Дэйвис» находилась в тяжелом финансовом положении. Издательство по разным причинам пришло в полный упадок. Джона Джейкоба Суинтона и Оуэна Б. Скадера, людей, по-настоящему преданных книжному и журнальному делу, давным-давно не было в живых. Мистер Дэйвис пытался вести дело разумно и честно, в интересах многочисленных наследников, но разум и честность приносили мало пользы, так как не могли заменить знаний и опыта, которых у него не было. В издательстве было достаточно редакторов, рецензентов, критиков, заведующих производством и редакциями, коммерческих директоров, агентов по распространению книг и так далее, из которых каждый в отдельности мог бы отлично справиться со своей частью работы, но в целом они с ней не справлялись и только переводили много денег.

Большой ежемесячник, пользовавшийся широкой популярностью, находился в ведении старика, просидевшего в редакторском кресле чуть ли не сорок лет. Еженедельником руководил неопытный юнец, молодой человек двадцати девяти лет. Еще один журнал – приключенческий – был в ведении другого молодого человека, двадцати шести лет, а критический ежемесячник выпускало несколько авторитетных критиков, работавших на постоянном жалованье. Книгоиздательство делилось на отделы: юношеский, прозы, научный, учебный и так далее, и каждый из них имел самостоятельного заведующего. Обязанностью мистера Дэйвиса было следить за тем, чтобы редакции возглавлялись компетентными лицами и чтобы все эти люди работали согласованно под его руководством. Но он не обладал ни достаточным умом, ни достаточной энергией для этой роли. Он был стар и бросался от одного метода руководства к другому. В издательстве тем временем создавались различные клики и группировки. Самой влиятельной была группировка, возглавляемая Флоренсом Дж. Уайтом, ирландцем по происхождению, который в качестве коммерческого директора (хотя фактически он занимал пост директора-распорядителя, подчиненного только Дэйвису) заведовал производственным отделом и типографиями и распоряжался огромными суммами, выделенными на бумагу, краски, печатание и распространение.

Это Уайт, с одобрения Дэйвиса, устанавливал ассигнования на бумагу, краски, набор, печатание и жалованье служащим. Это Уайт через посредство своего подручного – заведующего типографией – утверждал график сдачи в производство журналов и книг, и от него зависело, будут ли работы выполнены в срок или нет. Это Уайт через другого преданного ему заведующего держал под наблюдением экспедицию и склады и благодаря исключительным административным способностям угрожал захватить в свои руки также отделы рекламы и распространения.

Большой недостаток Уайта (впрочем, характерный для всякого ставленника Дэйвиса) заключался в том, что он не только ничего не понимал в искусстве, литературе и науке, но и не интересовался этим, – его занимало исключительно производство. Он так быстро поднялся по административной лестнице, что его жалованье сильно отставало от очутившейся в его руках власти. Дэйвис, его патрон, тоже не имел никаких других средств, кроме пая в издательстве, весьма, надо сказать, обесцененного. Некомпетентное руководство редакциями привело к тому, что качество книг и журналов становилось все хуже, и дело шло к полному краху. Надо было что-то предпринять, так как за последние три года не удавалось добиться положительного баланса.

Тогда-то и был призван на помощь Маршал П. Колфакс – отец Хайрема Колфакса. Колфакс-старший был известен как человек, интересовавшийся всякими левыми идеями, а значит, также и литературой, и обладавший к тому же крупным состоянием. По слухам, у него было от шести до восьми миллионов долларов. Предложение, которое сделал ему Дэйвис, сводилось к следующему: Колфакс приобретает у наследников все акции, за исключением части, принадлежащей лично Дэйвису, то есть приблизительно шестьдесят пять процентов всего акционерного капитала, вступает в дело на правах директора-распорядителя и реорганизует его по своему усмотрению. Дэйвис был стар. Он мечтал сложить с себя ответственность за издательство и к тому же не хотел рисковать собственным капиталом. Он, как и все, понимал, что в дело необходимо влить новые соки. Нельзя было доводить фирму до провала – ее репутация была бы утрачена навсегда. У Уайта не было денег, а кроме того, он был для Дэйвиса новым и чуждым явлением. Дэйвис не умел оценить ни честолюбивых стремлений своего помощника, ни его незаурядных способностей. Это был для него человек из другого мира. Ему претила напористость Уайта – вот почему, размышляя о том, как быть с издательством, он меньше всего принимал в расчет Уайта.

Состоялся ряд совещаний. Старик Колфакс был очень польщен сделанным ему предложением. У него было три сына, из которых мыловарением интересовался только один. Двое младших, Эдвард и Хайрем, знать ничего не хотели о мыле. Старик

думал, что предложение Дэйвиса может открыть поле деятельности для одного из них, а то и для обоих, но скорее всего, очевидно, для Хайрема, обладавшего более разносторонними интересами, хотя больше всего его занимали финансы. Кроме того, издаваемые фирмой книги и журналы могли явиться проводниками его излюбленных идей, а это сильно подняло бы его личный престиж. Он занялся тщательным изучением положения фирмы, использовав для этого в качестве ревизора и уполномоченного своего сына Хайрема, в финансовые способности которого очень верил. Убедившись, что акции компании можно приобрести в рассрочку и по очень сходной цене (за полтора миллиона долларов, при реальной стоимости в три миллиона), он поставил условие, что Хайрем получит пост директора-распорядителя и президента компании, и стал думать о том, что можно сделать с этим предприятием.

В предстоявшей реорганизации Флоренс Дж. Уайт увидел выгодный для себя случай выдвинуться и не преминул воспользоваться им. С первого же взгляда ему стало ясно, что Хайрему понадобятся некоторые сведения и большая помощь и что он, вероятно, по достоинству вознаградит того, кто окажет ему содействие. Уайт прекрасно видел, в чем состоят главные недостатки дела – отсутствие сведущего руководства в редакциях, склока и грызня между сотрудниками и неумелое финансовое управление. Он отлично знал, в чьих руках находятся акции и как можно запугать акционеров, чтобы заставить их продать свои паи по дешевке. Уайт с большим рвением работал для Хайрема, потому что тот ему нравился, и Хайрем платил ему тем же.

– Вы просто гениально провели эту операцию, Уайт, – сказал ему однажды Хайрем. – Вы, можно сказать, передали мне дело прямо в руки. Я этого не забуду.

– Ладно, – сказал Уайт. – Я заинтересован в том, чтобы во главе фирмы стал наконец настоящий хозяин.

– Когда я сделаюсь президентом, вы будете вице-президентом, а это значит двадцать пять тысяч в год. (Сейчас Уайт получал двенадцать тысяч.)

– Когда я сделаюсь вице-резидентом, ваши интересы будут надежно охраняться, – угрюмо ответил Уайт.

Уайт, детина шести футов ростом, худой, долговязый, был дикарь, с трудом выражавший свои мысли. Колфакс был маленький, живой, стремительный, о таком человеке говорят, что он может горы сдвинуть. Предприимчивый, честолюбивый и во многих отношениях блестящий человек, он мечтал занять руководящее положение в обществе, но не знал еще, как этого достичь.

Они крепко пожали друг другу руки.

Через три месяца Колфакс был избран директором-распорядителем и президентом компании, а Флоренс Дж. Уайт – ее вице-президентом. Уайт стоял за то, чтобы сразу освободиться от всех старых сотрудников и влить в дело свежие силы. Колфакс же предпочитал действовать не спеша, с оглядкой, пока ему самому не станет ясно, чего он хочет. На первых порах были уволены лишь двое стариков – заведующие отделами распространения и рекламы. Шесть месяцев спустя, когда Хайрем и Уайт еще были заняты реорганизацией дела и подысканием новых людей, Колфакс-старшний скончался, и издательство «Суинтон-Скадер-Дэйвис» – вернее, принадлежащий умершему контрольный пакет акций – перешло по наследству к Хайрему. Заняв президентское кресло, доставшееся ему чисто случайно, Колфакс-младший оказался полным хозяином издательства и стал думать, как бы превратить его в золотое дно, а Флоренс Дж. Уайт сделался его правой рукой и верным союзником.

Колфакс уже три года стоял во главе компании «Суинтон-Скадер-Дэйвис», которую намеревался превратить в корпорацию под названием «Юнайтед мэгэзинс», когда он впервые услышал про Юджина. К этому времени он успел провести ряд реформ, частью радикальных, частью половинчатых и осторожных. Он пригласил нового заведующего отделом рекламы, которым был уже недоволен, и произвел некоторые изменения в художественном отделе и в редакциях, – главным образом, впрочем, по совету других и преимущественно Уайта, а не по собственной инициативе. Мартин У. Дэйвис ушел на покой. Он был стар и немощен, и ему вовсе не улыбалось оставаться в издательстве на положении мебели. Только такие люди, как редакторы «Нейшнл ревью», «Суинтон мэгэзин» и «Скадер уикли», и пользовались еще некоторым влиянием, но их голос, конечно, имел ничтожное значение по сравнению с авторитетом Хайрема Колфакса и его ближайшего помощника.

С приходом Флоренса Уайта в издательстве установилась атмосфера взаимной вражды и недоверия. Уайт провел тяжелое детство в бруклинской трущобе, и ему были ненавистны высокомерие и самомнение многочисленных редакторов и литературных работников издательства. Как истый ирландец, он был недурной организатор и ловкий дипломат, но особенно сильна была в нем жажда власти. Удачный ход, с помощью которого он добился расположения Хайрема Колфакса в ту пору, когда колоссальное предприятие переходило из одних рук в другие, пробудил в нем беспредельное честолюбие. Он хотел не только официально, но и на деле управлять издательством от имени Колфакса, подбирая по своему усмотрению редакторов, заведующих отделами и их помощников. Однако, на его беду, у Колфакса, при полном отсутствии интереса к деталям дела, был свой конек – люди. Как и Обадия Кэлвин, Глава издательства «Кэлвин» (теперь, между прочим, его единственный крупный конкурент), Колфакс гордился умением подбирать людей. Его главная забота заключалась в том, чтобы найти еще одного крупного работника вроде Флоренса Уайта, который возглавил бы художественный и книжный отделы, – не с точки зрения

производственной и коммерческой, а человека всесторонне развитого, с большой инициативой, который сумел бы заручиться содействием писателей, редакторов, ученых и окружить себя способными помощниками. Тогда успех был бы обеспечен. Он считал, – и не без оснований, – что в издательском деле вполне возможно разделить эти функции: Уайт должен обеспечить производство, сбыт и снабжение, а тот, другой, кто бы он ни был, – поднять литературный и художественный престиж издательства. Вскоре вся Америка убедится, что под его руководством старая фирма снова достигла прежней популярности и процветания. Колфаксу хотелось заслужить имя лучшего издателя своего времени, а потом уже с достоинством удалиться от дел или посвятить себя другим финансовым операциям, более отвечающим его вкусам.

Надо сказать, что он очень мало знал Флоренса Дж. Уайта, который был мастер лицемерить и притворяться. Уайта не увлекал тот план, которому Колфакс придавал такое значение. Он не был в состоянии справиться с делами, требовавшими определенных знаний и широкого кругозора, и тем не менее хотел быть королем, подчиненным только императору, силой, руководящей троном, и не намерен был добровольно делить с кем-либо власть. Держа в своем ведении типографию, он имел возможность доставлять большие неприятности всякому, кто был ему не по нутру. Гранки задерживались, пропадали рукописи, к редакциям предъявлялись постоянные претензии из-за невыполнения графика и так далее, до бесконечности. Помимо всего прочего, Уайт был большой охотник копаться в интимной жизни своих сослуживцев, и стоило ему обнаружить в прошлом своего противника малейшее пятно, как факт этот таинственным образом всплывал на поверхность, причем в самый неблагоприятный для жертвы момент. От всех своих подчиненных он требовал абсолютной преданности. Если человек не догадывался действовать в интересах Уайта, его вскоре под тем или иным предлогом увольняли, хотя бы он был безукоризненным работником. Заведующие редакциями, не уверенные в своих силах и чуявшие, куда дует ветер, заискивали перед ним. Те, кто нравился Уайту и был его послушным орудием, процветали. Зато те, кто был у него в немилости, вечно должны были оправдываться перед Колфаксом либо бегать к нему с жалобами. А тот понятия не имел о коварстве своего помощника и готов был считать этих людей плохими работниками.

Колфакс все еще надеялся найти такую фигуру из кругов, близких к искусству, которая могла бы разделить руководство с Уайтом, когда он впервые услышал про Юджина. До сих пор он еще не набрел на такого человека, так как все, кто внушал ему уважение и кого он считал достойным занять этот пост, имели свои собственные предприятия. Он вел переговоры то с одним, то с другим, но безуспешно. А тут как раз потребовалось найти человека на освободившееся место заведующего отделом рекламы, и притом такого, который мог бы поставить дело по-настоящему. Колфакс начал расспрашивать сведущих в этой области людей. Кроме того, он стал присматриваться к специалистам рекламного дела, работающим в других предприятиях, и вскоре услышал о Юджине Витле. Рассказывали, что Витла достиг блестящих результатов и пользуется большой популярностью среди своих сотрудников. Два дельца, не сговариваясь друг, с другом, хвалили Колфаксу Юджина как исключительно способного человека. Третий рассказал ему про успехи Юджина у Саммерфилда, а с помощью четвертого, знакомого Юджина, пригласившего однажды их обоих позавтракать в «Харвард-клуб», Колфакс получил возможность встретиться с ним, не выдавая своих намерений.

Не зная, кто такой Колфакс, вернее, зная о нем лишь то, что этот человек занимает пост президента в конкурирующем предприятии, Юджин держался свободно и просто. Он никогда не ломался, всегда готов был учиться у всякого, кто мог его чему-нибудь научить, и приветливо относился к людям.

– Так вы, значит, «Суинтон-Скадер-Дэйвис»? – сказал он, знакомясь с Колфаксом. – Не иначе как эта троица основательно усохла, чтобы уместиться в вас одном; но сила, надо полагать, осталась все та же!

– Вот уж не знаю, не знаю! – сказал Колфакс, охотно откликаясь на шутливый тон Юджина: он никогда не отказывался принять вызов. – Суинтон и Скадер, говорят, оба были могучего сложения. Но вам-то уж, наверно, не на что жаловаться, если только ваши силы соответствуют вашему росту.

– Да я и не жалуюсь, только бы меня оставили в покое, – сказал Юджин. – Но меня беспокоят мелкие людишки, очень уж они все хитрющие.

Колфакс радостно закудахтал. Ему понравилась внешность Юджина, его приятные манеры – непринужденные, спокойные – и умные глаза. Да и вся повадка этого Витлы отвечала его собственной неукротимой энергии, в нем не было излишней мягкости и уступчивости.

– Так это вы, значит, заведующий отделом рекламы в «Норс-Американ»? Как же им удалось так привязать вас к себе?

– Они меня не привязывали, – ответил Юджин. – Я сам дался им в руки. А чтоб я не ворочался, они придавили меня хорошим, жирным жалованьем. Ничто другое не заставило бы меня сидеть смирно.

Он самодовольно усмехнулся.

– Ну что ж, дорогой мой юноша, ребра они вам не обломали, и что-то не видно, чтоб у вас впали бока. Ха-ха-ха-ха! Не впали ведь? Ха-ха-ха!

Юджин с интересом смотрел на этого маленького человека. Он был поражен его острым, пытливым взглядом. Какая разница между ним и Кэлвином, – тот, пожалуй, не больше его ростом, но такой степенный, тихий, и так полон достоинства. Крикливый, неугомонный Колфакс, казалось, был насыщен электрической энергией. Он весь был как на шарнирах. «Точно у него под тонким слоем кожи голые электрические провода, – подумал Юджин. – Стремительный, как молния».

– Дела у вас там, как видно, идут недурно, – продолжал Колфакс. – Мне приходится иногда о вас слышать. Не много, правда, не много! Самую малость! Но ничего плохого, нет, ничего плохого.

– Надеюсь, – небрежно отозвался Юджин.

Он еще не понимал, почему Колфакс так интересуется им. Этот человек разглядывал его, словно скаковую лошадь. Глаза их время от времени встречались, и Юджин замечал во взгляде Колфакса лукавый, но приветливый огонек.

– Ну, так в чем дело? – спросил его наконец Юджин.

– Дайте подумать, дорогой мой юноша! Дайте подумать, – ответил тот, и больше Юджин ничего от него не добился.

Но вскоре после этой странной встречи, хорошо запомнившейся Юджину, Колфакс письмом пригласил его к себе в Нью-Йорк. «Очень прошу Вас уведомить меня, – писал он, – когда Вы намерены побывать в Нью-Йорке. Я буду рад Вас видеть у себя к обеду. Нам с Вами стоило бы познакомиться поближе и поговорить по душам».

Письмо было написано на бланке корпорации «Юнайтед мэгэзинс», недавно организованной вместо компании «Суинтон-Скадер-Дэйвис», и на штампе значилось: «Секретариат президента».

Юджин решил, что за этим кроется что-то серьезное. Уж не собирается ли Колфакс сделать ему какое-то предложение? Что ж, тем лучше. Правда, ему и сейчас неплохо и он привязан к мистеру Кэлвину, да и вообще ему нравится окружающая обстановка. Но так как всякое деловое предложение является очевидным признанием ваших заслуг, Юджин готов был его выслушать. На крайний случай это поможет ему еще больше укрепиться у Кэлвина. Он придумал повод для поездки в Нью-Йорк, но сначала ознакомил с содержанием письма Анджелу, которая отнеслась к нему с холодным любопытством. Он рассказал ей, какое внимание проявил к нему Колфакс при встрече, и высказал предположение, что его, очевидно, пригласят на службу в «Юнайтед мэгэзинс».

– Особенно меня туда не тянет, – сказал Юджин, – но любопытно узнать, в чем дело.

Анджела посоветовала ему оставить письмо без внимания.

– Это, конечно, крупная фирма, – сказала она, – но нисколько не крупнее, чем издательство мистера Кэлвина, который относится к тебе очень хорошо. Я бы на твоем месте не стала делать ничего такого, что может ему не понравиться.

Юджин задумался над ее словами. Совет казался благоразумным, но его разбирало любопытство.

– Ни в какие переговоры я вступать не стану, – сказал он. – Но интересно, что он мне скажет.

Он в тот же вечер написал Колфаксу, что будет в Нью-Йорке двадцатого числа и с большим удовольствием принимает его приглашение к обеду.

Первое же свидание Юджина с Колфаксом заложило основу для их последующей дружбы. Так же, как и Саммерфилд, Колфакс обладал темпераментом, родственным Юджину, но в смысле способности управлять людьми он стоял несравненно выше Саммерфилда.

В доме Колфакса Юджину был оказан исключительно сердечный прием. Колфакс пригласил его зайти в контору и оттуда повез к себе домой. Его новый, только что отстроенный особняк с облицованным белым мрамором фасадом, с огромными чугунными воротами и внушительным подъездом, украшенным небольшими пальмами и карликовыми кедрами, был расположен в верхней части Пятой авеню. Юджин сразу убедился, что этот человек живет в той напряженной атмосфере коммерческого и финансового соперничества, которое придает жизни в Нью-Йорке такую остроту. Во всем доме чувствовался суровый,

холодный порядок и погоня за блеском, сдерживаемая лишь тем чувством меры, которое диктуется знанием господствующих вкусов и моды. Автомобиль у Колфакса был тоже новый и очень большой, самой последней марки – темно-синяя громада с бесшумным, как у швейной машины, ходом. Им открыл дверь лакей шести футов ростом, в панталонах до колен и во фраке. В комнатах прислуживал безмолвный, почтительный и внимательный японец. Юджин был представлен миссис Колфакс, грациозной женщине с несколько наигранными манерами. Немного позднее горничная-француженка привела двух детей – мальчика и девочку.

Юджин успел уже привыкнуть к роскоши во всех ее видах, и этот дом не слишком поразил его по сравнению с многими другими, где ему приходилось бывать. Но, во всяком случае, он принадлежал к числу наилучших. Колфакс держал себя дома очень просто. Он небрежно кинул пальто лакею, подбросил поочередно в воздух обоих детей, а жену, которая была чуть выше его, звонко чмокнул в щеку, воскликнув:

– Ну как, понравилось, Сита? (Как узнал впоследствии Юджин, это было уменьшительное от Сесилия.) Познакомься с мистером Витлой. Он художник, заведующий художественным отделом, специалист по рекламному делу, и…

– …в высшей степени скромный человек, – с улыбкой закончил Юджин, – далеко не такой ужасный, каким он может вам показаться. Характеристика, данная мне вашим супругом, сильно раздута.

Миссис Колфакс ласково улыбнулась.

– Я готова сейчас же скинуть добрую половину, – отозвалась она. – А позднее, вероятно, и остальное. Может быть, мы пройдем в библиотеку?

Обмениваясь шутками, они поднялись наверх. Все, что Юджин видел, было ему по душе. Миссис Колфакс вскоре извинилась и вышла, и Колфакс завел разговор на общие темы.

– Теперь я покажу вам свой дом, – сказал он, – а после обеда побеседуем о деле. Вы очень интересуете меня, не стану скрывать от вас.

– И вы интересуете меня, Колфакс, – весело отозвался Юджин. – Вы мне нравитесь.

– Убежден, что нравлюсь вам не больше, чем вы мне, – ответил тот.

Глава XXXIX

Вечер, проведенный в этом доме, доставил Юджину большое удовольствие, но его немало смутило то, что Колфакс хочет уговорить его бросить работу у Кэлвина и перейти к нему.

– Дело у вас там прекрасное, – говорил он, – но разве может оно сравниться с тем предприятием, которое мы сейчас создаем? Какое значение имеют ваши два журнала по сравнению с нашими семью? У вас только один действительно ходкий журнал – тот, где вы работаете, – но вы совсем не издаете книг! А у нас семь журналов, которые прекрасно расходятся, плюс книгоиздательство, не уступающее никакому другому в Америке. Вы это знаете. Если бы прежнее руководство не развалилось окончательно, дело вообще никогда не попало бы в мои руки. Я приведу вам, Витла, один маленький факт, касающийся нашего предприятия, и он покажет вам, что там творилось до моего появления. На одну только краску эти чудаки расходовали лишних двадцать тысяч долларов в год. Они выпускали сотни никому не нужных книг, которые не окупали даже стоимости печатания, не говоря уже о расходах на бумагу, клише, набор и распространение. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что таким образом ежегодно вылетало в трубу свыше ста тысяч долларов. Тиражи журналов падали. Там и до сих пор народ еле-еле раскачивается. Вот мне и нужны люди. В сущности, мне нужен один человек, который со временем взял бы на себя обязанности главного редактора и добился бы настоящих результатов. Это должен быть человек, умеющий управлять другими. Если мне удастся найти такое лицо, я отдам в его ведение и отдел рекламы, – так как он, по существу, составляет одно целое с литературным и художественным отделами. Все зависит от того, найду ли я нужного человека.

Он многозначительно посмотрел на Юджина, который внимательно слушал, рассеянно водя пальцем по верхней губе.

– Да, – задумчиво произнес Юджин. – Прекрасная должность. А кого вы на нее прочите?

– Пока никого, – во всяком случае, никого, в ком я был бы совершенно уверен. У меня есть на примете один человек, который, пожалуй, мог бы занять этот пост, ознакомившись сначала с нашим предприятием и изучив его нужды. Это нелегкий пост. Он требует воображения, такта и умения критически разбираться в материале. Человек этот должен быть вице-Колфаксом, так

сказать, поскольку сам я не могу всю жизнь заниматься этим издательством. Не могу и не хочу. Меня интересуют более важные вещи. И мне нужен работник, который со временем стал бы в этих отделах моим вторым «я», который сумел бы спеться с Флоренсом Уайтом и всем издательским персоналом и упорно проводил бы свою линию в порученной ему области. Я хочу создать, так сказать, комитет из двух человек, причем каждый должен править безраздельно в своей области.

– Это звучит очень интересно, – задумчиво сказал Юджин. – Кто же ваш кандидат?

– Как я вам говорил, он, по-моему, еще не совсем доспел, но уже близок к этому, и он – самый подходящий человек. Кстати, он здесь, налицо. Я имею в виду вас, Витла.

– Нет, – спокойно произнес Юджин.

– Да, вас! – повторил Колфакс.

– Вы мне льстите, – сказал Юджин и сделал движение рукой, словно отводя от себя непрошеный комплимент. – Я далеко не уверен, что я тот, кто вам нужен.

– Да, да, именно тот, надо только, чтоб и сами вы так думали! – горячо сказал Колфакс. – Счастье не станет попусту стучаться в дверь своего избранника. И я не могу поверить, чтобы вы его не впустили, раз оно постучалось в вашу дверь. Поймите, что для начала мы будем платить восемнадцать тысяч в год за одно только заведование рекламой.

Юджин выпрямился в кресле. Сейчас он получает двенадцать тысяч. Может ли он позволить себе пренебречь таким предложением? В состоянии ли компания «Кэлвин» дать ему такое жалованье? Правда, ему платят неплохо. Но сможет ли компания «Кэлвин» обещать ему что-либо подобное?

– Я вам больше скажу, – продолжал Колфакс. – Общий контроль над всем предприятием, пост директора издательства, который я намереваюсь создать и который вы займете, как только почувствуете себя в силах, повлечет за собой оклад в двадцать пять тысяч долларов в год. И этого, между прочим, вам пришлось бы ждать недолго.

Юджин молчал и думал. Предложение, сделанное так горячо и решительно, взволновало и испугало его. Это было нечто грандиозное – полный контроль над литературным, художественным и рекламным отделами такого крупного предприятия, как «Юнайтед мэгэзинс»! Кто такой этот Уайт? Что он собой представляет? Можно ли будет с ним ужиться? А этот человек, что сидит напротив, – такой настойчивый, живой, целеустремленный! Требования его будут огромны.

И опять же он, Юджин, так сработался с Таунсендом Миллером, так привык к руководству Кэлвина. Как много нового узнал он из одних только бесед с этими более опытными людьми, в совместной с ними работе над издательскими планами. Сейчас он хорошо представляет себе, что такое хроника, обзорная статья, дающая анализ и прогноз событий общегосударственного значения, и что такое «смесь», сенсационный рассказ, биографический очерк. Кэлвин научил его, как определяются мастера своего дела. Конечно, о многом он и сам догадывался, но лишь там, в Филадельфии, на совещаниях с Миллером и Кэлвином, он всем этим овладел. Вместе с Миллером он фактически руководил небольшим художественным отделом издательства, что не требовало от него особой затраты энергии. Так неужели он не справится с этой, пусть и более обширной задачей? Если он откажется, на это место найдется, конечно, кто-нибудь другой. Неужели же тот, другой, много талантливее его?

– Я вовсе не требую, чтобы вы действовали сгоряча, – успокаивающим тоном сказал Колфакс после короткой паузы, заметив, что Юджин серьезно взвешивает в уме все «за» и «против» и что дилемма перед ним встала нелегкая. – Я понимаю ваши сомнения. Вы работаете прекрасно. К вам хорошо относятся, что, впрочем, вполне естественно. Вам не хочется уходить. Ну что же, подумайте хорошенько. Вам представляется единственный в своем роде случай. Так или иначе, вы мне нравитесь, и я считаю вас именно тем человеком, который справился бы с этой задачей. Заходите ко мне завтра в контору, и я ознакомлю вас с нашим предприятием. Я хочу, чтобы вы увидели, каковы наши возможности. Едва ли вы представляете себе масштаб дела.

– Нет, почему же, вполне представляю, – улыбнувшись, ответил Юджин. – Ваше предложение, конечно, очень заманчиво. Но сейчас я не могу ничего сказать. Нужно подумать. Дайте мне время. Если разрешите, я сообщу вам ответ немного погодя.

– Думайте, сколько хотите! Думайте, сколько хотите, мой дорогой! – воскликнул Колфакс. – Я подожду. Это не так уж к спеху. Такие дела не делаются в одну минуту. Когда вы решите, дайте мне знать, а теперь не поехать ли нам в театр – что вы скажете?

Была подана машина, и к ним присоединилась миссис Колфакс со своей гостьей, мисс Джинир. Они прекрасно провели время. В антрактах Юджин умело поддерживал веселую и занимательную беседу, а после театра вся компания отправилась к «Шерри» ужинать. Переночевав у Колфакса, Юджин на другое утро побывал вместе с ним в издательстве и в полдень уехал в Филадельфию.

У него буквально голова шла кругом от всего, что он увидел и услышал. Колфакс – большой человек, думал он, это в некоторых отношениях значительно более крупная величина, чем Кэлвин. Он более энергичен, более предприимчив, и он моложе. Ему нечего бояться краха. Он слишком богат для этого. Колфакс добьется успеха со своей корпорацией, большого успеха, и, приняв это предложение, он, Юджин, разделит с ним этот успех. Это было бы замечательно! Это не то, что работать в предприятии, которое своим расцветом обязано кому-то другому. Неужели же отклонить такое предложение? Жизнь в Нью-Йорке, работа, неразрывно связанная с искусством и литературой, крупный административный пост, видное положение в обществе, известность, деньги – все это манило его к себе. Ведь при окладе в восемнадцать или двадцать пять тысяч долларов он сможет поселиться в прекрасной квартире-студии, хотя бы даже на Риверсайд-Драйв, устраивать блестящие приемы, иметь собственную машину, не беспокоясь о связанных с нею расходах. Анджела перестанет наконец думать об экономии. Это предел того, чего можно достигнуть, оставаясь служащим. А дальше можно будет подумать и о доле в предприятии или же о собственном деле. Какими далекими казались ему сейчас дни, когда он юношей бродил по улицам того же Нью-Йорка в поисках угла за три доллара в неделю, или когда он, нищий художник, обивал пороги магазинов, чтобы сбыть свои картины по десять – пятнадцать долларов за штуку. Боже мой, какие забавные штуки выкидывает иногда судьба!

Разговор с женой только усилил его колебания: хоть Анджела и была приятно удивлена предложением Колфакса, все же она опасалась, как бы Юджин не промахнулся, покинув нынешнего своего хозяина. Ведь Кэлвин так хорошо относится к нему. Правда, он не поддерживал с ним близкого знакомства, но Юджин и Анджела бывали у него на торжественных приемах, и Юджин рассказывал, что Кэлвин не раз давал ему отеческие советы. Он не придирался к служащим и всегда был справедлив и снисходителен.

– Он прекрасно ко мне относится, – говорил Юджин Анджеле за завтраком, – да и все они там любят меня. Просто не знаю, как от них уйти. Но все же чем больше я думаю, тем для меня яснее, что у Кэлвина дело никогда не приобретет такого размаха, как в «Юнайтед мэгэзинс». Они издают и журналы и книги. А у Кэлвина ничего этого нет и не будет. Кэлвин слишком стар. Кроме того, корпорация Колфакса – в Нью-Йорке, и это для меня один из главных плюсов. Мне бы хотелось снова поселиться в Нью-Йорке. А тебе?

– Это было бы прекрасно, – сказала Анджела: она с первых же дней невзлюбила Филадельфию, считая, что это глухая провинция по сравнению с Нью-Йорком и Парижем. Только хороший оклад Юджина и жизненные блага, которыми они пользовались, заставляли ее мириться с пребыванием здесь.

– Почему бы тебе не переговорить с мистером Кэлвином и не рассказать ему об этом предложении? – придумала она. – Когда он узнает, он, возможно, положит тебе такое жалованье, что ты предпочтешь остаться.

– Ну нет, – ответил Юджин. – Может, он немного и повысит мне оклад, но платить двадцать пять тысяч в год ему не по силам. Да и не за что платить мне такие деньги. Это может позволить себе только такое предприятие, как «Юнайтед мэгэзинс». В нашем издательстве нет ни одного человека, который получал бы столько, – разве что Фредерикс. Да я и не могу здесь рассчитывать ни на что другое. В редакторском кресле крепко сидит Миллер. И так в сущности и должно быть. Он прекрасно знает свое дело. Предложение Колфакса открывает мне новое поле деятельности. Я вовсе не желаю оставаться всю жизнь заведующим отделом рекламы.

– И я тоже не хотела бы этого, Юджин, – вздохнула Анджела. – Прямо стыдно, что ты не можешь бросить все эти дела и посвятить себя искусству. Я ни минуты не сомневаюсь, что ты многого достиг бы, если бы занялся живописью. Нервы твои теперь в порядке. Вопрос лишь в том, чтобы некоторое время жить скромнее и дать тебе возможность работать. Я убеждена, что ты далеко бы пошел.

– Искусство уже не так влечет меня, как когда-то, – ответил Юджин. – Слишком хорошо нам жилось последнее время и я узнал, что такое настоящая жизнь. Разве я мог бы иметь двенадцать тысяч долларов в год, если бы оставался художником? Будь у меня тысяч сто или двести сбережений, тогда другое дело. Но у нас их нет. У нас только и есть, что акции Пенсильванской железной дороги да несколько стальных акций и два земельных участка в Монтклере, и то налоги по ним съедают уйму денег. Как только вернемся в Нью-Йорк, надо будет что-нибудь на них построить, и если мы сами не захотим там жить, сдадим их в аренду. Брось я сейчас службу, у нас не будет ничего, кроме двух тысяч дохода и того, что я в состоянии заработать, а как жить на это?

Анджела подумала, что им действительно пришлось бы распроститься с привольной, беспечной жизнью, которую они теперь вели. Быть женой выдающегося художника, конечно, очень приятно, но даст ли это ей возможность заказывать такие завтраки, как тот, за которым они сидели? Будет ли у них такая квартира и так много друзей? Искусство – великая вещь, но смогут ли они позволить себе такие прогулки на машине, как теперь? Сможет ли она так хорошо одеваться? Чтобы иметь разнообразные туалеты – для дома, для улицы, утренние и вечерние, – нужны большие деньги. Расходы в тридцать пять – сорок долларов на шляпку, как правило, не входят в бюджет жены художника. Согласна ли она вернуться к скромной жизни во имя его искусства? Не лучше ли, чтобы Юджин поступил к мистеру Колфаксу и проработал у него какое-то время, получая двадцать пять тысяч долларов в год, а потом уже бросил службу?

– Поговори все-таки с мистером Кэлвином, – снова посоветовала она. – Так или иначе, тебе придется это сделать. Послушай, что он скажет. А потом сам реши, как поступить.

Юджин сначала колебался, но, поразмыслив, пришел к заключению, что именно так и нужно сделать.

Вскоре после этого, встретив мистера Кэлвина на этаже, где помещались редакции, он обратился к нему:

– Не могли бы вы, мистер Кэлвин, уделить мне несколько минуть по личному делу? Я был бы вам очень признателен.

– Пожалуйста. Хоть сейчас, – ответил тот. – Зайдемте ко мне.

– Мистер Кэлвин, – начал Юджин, когда они вошли в кабинет президента компании и он закрыл за собой дверь. – Я получил предложение, о котором должен поговорить с вами. Предложение чрезвычайно заманчивое, оно совсем выбило меня из колеи. Мне очень хотелось бы посоветоваться с вами, – я считаю это своим долгом.

– В чем же дело? – с участливым вниманием спросил Кэлвин.

– Мистер Колфакс, президент «Юнайтед мэгэзинс», недавно предложил мне перейти к нему на службу. Он обещает мне для начала восемнадцать тысяч в год, как заведующему отделом рекламы, с тем, что позднее я возьму на себя руководство и художественным отделом и редакциями, а тогда он увеличит мне жалованье до двадцати пяти тысяч долларов. Это будет, как он говорит, пост директора издательства. Я серьезно обдумал это предложение, так как я ведал рекламой и художественным отделом у вас и у Саммерфилда и кое-что понимаю в книжно-журнальном деле. Я знаю, что работа ответственная, но полагаю, что мог бы справиться.

Мистер Кэлвин внимательно выслушал его. Он понимал, в чем заключается план Колфакса, и одобрял его. Мысль была хорошая, но для этого требовался исключительный работник. Был ли Юджин таким работником? В этом Кэлвин сомневался, хотя и допускал такую возможность. Колфакс, думал он, человек с огромными способностями – пусть он новичок в издательском мире, но, во всяком случае, это крупный делец. Если он найдет нужного ему человека, он, пожалуй, добьется больших результатов. Возможно, что Юджин с первого взгляда ему понравился: у него многообещающая внешность, он подтянутый, энергичный, с живым умом и свежими взглядами. К тому же его успех здесь, в этом издательстве, придает этому молодому человеку большую цену в глазах Колфакса, чем он того заслуживает. Витла – хороший, даже прекрасный работник, но только под чьим-нибудь руководством. Хватит ли у Колфакса терпения, интереса и внимания, чтобы работать с ним и понимать его?

– Так, так, давайте хорошенько подумаем, Витла, – тихо произнес он. – Предложение лестное. Было бы, конечно, глупо не отнестись к нему со всей серьезностью. Знаете ли вы что-нибудь о том, как поставлено там дело?

– Нет, не знаю, – ответил Юджин, – если не считать того, что я мельком уловил из короткой беседы с мистером Колфаксом.

– А вы хорошо знаете мистера Колфакса как человека?

– Очень мало. Я только дважды встречался с ним. Он энергичный, живой, с большой инициативой, насколько я понимаю, он очень богат, – кто-то говорил мне, что у него три или четыре миллиона.

Кэлвин пренебрежительно махнул рукой.

– Он вам нравится?

– Я затрудняюсь вам на это ответить. Он меня очень интересует. Жизнь так и кипит в нем. Могу только сказать, что первое впечатление было хорошее.

– И он хочет со временем поручить вам руководство всеми журналами и книгоиздательством?

– Так по крайней мере он говорил, – сказал Юджин.

– Я бы на вашем месте не торопился взвалить на себя такую ответственность. Я бы сначала постарался убедиться, что хорошо знаю дело. Не забывайте, Витла, что заведовать одним отделом под чьим-либо руководством, да еще при сочувственном отношении и внимании руководящего вами лица – совсем не то, что брать на себя ответственность за четыре или пять отделов,

не имея над собой никого, кроме человека, который сам ждет от вас разумных указаний. Колфакс, насколько я знаю, не издатель ни по склонности, ни по образованию, ни по опыту. Он финансист. Если вы примете его предложение, он захочет, чтобы вы говорили ему, как и что нужно делать. Вы окажитесь перед очень трудной задачей, разве только вы обладаете большими познаниями в издательском деле. Мне вовсе не хочется, чтобы вы думали, будто я рад окатить вас холодной водой. В вас говорит естественное стремление продвинуться в жизни. Растите, если можете. Уверяю вас, что, вздумай вы уходить, никто из ваших знакомых не пожелает вам счастья более искренне, чем я. Я только просил бы вас тщательно все взвесить. Здесь вы себя чувствуете прочно, насколько может себя прочно чувствовать человек, если он должным образом ведет себя, если он отдает работе все свои способности и энергию. Вполне естественно, что после сделанного вам предложения вы вправе ожидать повышения оклада, и я охотно пойду на это. Вы, верно, и сами догадываетесь, что я намеревался несколько повысить ваш оклад в январе. Так вот, я вам заявляю, что если вы пожелаете остаться у нас, вы будете получать четырнадцать тысяч долларов, и, возможно, шестнадцать тысяч через год-полтора. Я не хочу перегружать ваш отдел накладными расходами, в которых не вижу необходимости. Я бы сказал, что шестнадцать тысяч долларов будет, пожалуй, слишком высокой платой, но вы прекрасный работник, и я охотно буду вам столько платить.

Вам остается решить, какое предложение надежнее и больше вам по вкусу – мое или Колфакса. У него вы сейчас же начнете получать восемнадцать тысяч, у меня – шестнадцать, и то не раньше чем через год. У него перед вами откроются блестящие перспективы, на какие вы никогда не сможете рассчитывать здесь. Но, с другой стороны, вы должны помнить, что и трудности вам предстоят там несравненно большие. Меня вы теперь немного знаете. Что же касается мистера Колфакса (не подумайте, что я хочу сказать про него что-либо дурное, у меня и в мыслях этого нет), то вам еще нужно его узнать. Мой вам совет – хорошенько подумайте, прежде чем действовать. Разузнайте получше, как там обстоят дела, до того как принять предложение. «Юнайтед мэгэзинс» – крупное предприятие. Я нисколько не сомневаюсь, что под руководством мистера Колфакса его ждет блестящее будущее. Он способный человек. Если надумаете уйти, зайдите ко мне и сообщите, и могу вас уверить, что мы расстанемся друзьями. Если же вы решите остаться, мое предложение насчет вашего нового оклада немедленно вступит в силу. Собственно говоря, я согласен даже дать указание мистеру Фредериксу перевести вас на новый оклад задним числом, и вы сможете тогда сказать, что получали здесь столько-то. Вам это не повредит. И все у нас останется, как было. Я знаю, что неразумно пытаться удержать человека, которому обещают более выгодные условия, – именно поэтому я и предлагаю вам на этот год только четырнадцать тысяч. Мне нужна уверенность в том, что вы и сами тверды в своем желании остаться. Понятно?

Он улыбнулся Юджину.

Юджин встал.

– Понятно, – сказал он, – и вы, мистер Кэлвин, лучший человек, какого я когда-либо встречал. На такое отношение, как ваше, я нигде не могу рассчитывать. Для меня было огромным удовольствием и большой честью работать у вас. Если я решу остаться, то лишь потому, что действительно захочу остаться, и потому, что я дорожу вашей дружбой.

– Ну что ж, это приятно слышать, – спокойно сказал Кэлвин, – и я очень ценю ваши слова. Но пусть ваши дружеские чувства или благодарность не удерживают вас от шага, который вы, по вашему мнению, должны сделать. Примите предложение мистера Колфакса, если оно вам по душе. Я нисколько не буду на вас в претензии. Мне будет очень жаль, но это к делу не относится. Жизнь требует, чтобы мы постоянно приспосабливались к новым обстоятельствам, каждый опытный делец это знает.

Он пожал протянутую ему Юджином руку.

– Желаю вам успехов, – сказал он.

Это было его любимое выражение.

Глава XL

После длительных колебаний Юджин принял предложение «Юнайтед мэгэзинс» и расстался с мистером Кэлвином. Произошло это так: однажды он получил от Колфакса письмо, в котором тот спрашивал, к какому решению он пришел. Чем больше Юджин обдумывал сделанное ему предложение, тем более соблазнительным оно ему представлялось. Колфакс строил в самом сердце делового района Нью-Йорка, близ Юнион-сквер, огромное здание в восемнадцать этажей, в котором должны были разместиться все отделы. Когда Юджин обедал у Колфакса, тот сказал ему, что шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый этажи будут отведены целиком под книгоиздательство, редакции журналов, отдел распространения, а также художественный и рекламный. Он попросил Юджина посоветовать, как лучше расположить отделы, и тот с обычной легкостью набросал на клочке бумаги примерный план. Редакции и художественный отдел он поместил на самом верху, предназначив для директора издательства, кто бы он ни был, одну из центральных комнат, с окнами на запад, откуда открывался великолепный вид на Нью-Йорк от Юнион-сквер до Гудзона. Для отдела рекламы и части редакционных помещений он отвел семнадцатый этаж, а отдел распространения с примыкающей к нему регистратурой, экспедицией и картотеками поместил на шестнадцатом. Кабинеты

президента и его заместителя он предложил отделать в старофламандской гамме цветов, которая давно его привлекала, – ее зеленые, темно-синие, густокрасные и матово-черные тона должны были резко контрастировать с белым снопом дневного света.

– Делать, так уж делать как следует, – сказал он Колфаксу. – Почти все издательские кабинеты, какие мне приходилось видеть, напоминают бараки. Роскошь в помещениях редакций, а также художественного и рекламного отделов будет способствовать успеху вашей компании. Это в сущности та же реклама.

Рассуждая таким образом, Юджин вспомнил теорию Саммерфилда, что чуть ли не самое важное для предприятия – это его внешний вид, говорящий о процветании.

Колфакс согласился и сказал, что Юджин окажет ему большую любезность, если заедет взглянуть на строительство, когда придет время.

– У меня работают два хороших архитектора, – пояснил он, – но в вопросе убранства кабинетов я больше доверяю вашему вкусу.

И когда Юджин наедине с собою обсуждал этот последний категорический запрос о его решении, он не переставал думать о том, как будут выглядеть эти этажи, как богато они будут отделаны. Со временем, если все пойдет хорошо, он сделает свой кабинет самым роскошным во всем здании. И он, Юджин Витла, будет, не считая Колфакса, самой видной фигурой в этом колоссальном предприятии.

Мотивы подобного рода должны занимать последнее место в расчетах делового человека, но для Юджина они имели первостепенное значение. Это объяснялось тем, что он был не дельцом, а художником и оставался художником в душе, хотя и долго вращался в коммерческом мире. Мысли об ожидающей его должности и высоком общественном положении заставляли его забывать о связанной с этим огромной ответственности. Он понимал, что Колфакс – жесткий человек, более жесткий, чем даже Саммерфилд, так как он меньше говорил и больше делал. Но это не очень его тревожило. Он слишком верил в свои силы, в то, что сумеет постоять за себя при любых условиях.

Анджела, собственно говоря, не противилась этой перемене, хотя по свойственной ей нерешительности все чего-то опасалась и не торопилась одобрить решение Юджина. Если он добьется успеха, это будет огромная победа, но что, если он просчитается!

– Колфакс безгранично верит в меня, – сказал ей Юджин. – Он убежден, что я справлюсь, а такая вера сама по себе – большая поддержка. Так или иначе, мне хочется попробовать. Попытка не пытка. Если я увижу, что руководить издательством мне не по силам, ограничусь рекламой.

– Ну что ж, – отвечала Анджела. – Я, право, не знаю, что тебе посоветовать. Здесь, у Кэлвина, к тебе так хорошо относились…

– Попробую, – решительно сказал Юджин. – Риск – благородное дело. – И он в тот же день сообщил о своем решении Кэлвину.

Тот серьезно посмотрел на него, и взгляд его проницательных серых глаз говорил, что он всесторонне взвешивает этот вопрос.

– Ну что ж, Юджин, вы берете на себя большую ответственность. Дело это трудное. Тщательно обдумывайте каждый свой шаг. Мне жаль, что вы покидаете нас. Прощайте.

Он чувствовал, что Юджин делает ошибку, что в его интересах было бы остаться еще некоторое время на старом месте, но убеждать его было бесполезно. Это только заставило бы молодого человека возомнить о себе и осложнило бы их дальнейшие отношения.

Кэлвин довольно много слышал в последнее время о Колфаксе и полагал, что Юджину будет трудно сработаться с ним. Говорили, что его симпатии и антипатии носят случайный характер и не выдерживают испытания временем. По общему мнению, Колфаксу для успешного руководства таким крупным предприятием не хватало человечности.

И надо сказать, что это мнение было правильным. Колфакс был тверд, как кремень, но те, кому он благоволил, видели перед собою улыбающегося, любезного человека. Его главной чертой было честолюбие, а его тщеславие не знало границ. Он надеялся добиться огромного успеха в жизни, желал, чтобы на него смотрели, как на выдающегося финансиста, и старался окружить себя сильными людьми. Именно таким сильным человеком и показался Колфаксу Юджин, и, когда от последнего пришло письмо, в котором он сообщал, что согласен, но хотел бы предварительно кое о чем переговорить, Колфакс подбросил в воздух котелок, хлопнул по плечу своего подручного Уайта и воскликнул:

– Ура, Флорри! Вот когда я залучил работничка для нашей корпорации! Или я ничего не понимаю в людях, или этот человек для нас находка. Он еще молод, но это ничего не значит. Красотой он нас с вами, конечно, забьет, но мы это как-нибудь стерпим. Верно?

Уайт изобразил на лице радость, которой отнюдь не испытывал. Он видел на своем веку много редакторов и специалистов по рекламе и считал, что это легковесные люди: их тщеславие удовлетворяется пустой игрушкой, которой их забавляют или которой они сами себя тешат. Витла, по-видимому, принадлежит именно к такой категории людей. Однако, если бы в корпорации появился настоящий знаток издательского дела, это невыгодно отразилось бы на нем, Уайте. Такой человек попытался бы, пожалуй, ущемить его авторитет или по меньшей мере разделить его с ним. Это ни в коем случае не устраивало честолюбивого Уайта, ибо значило бы, что кто-то захочет стать ему поперек дороги, а ведь он надеялся когда-нибудь править здесь единолично. Почему Колфакс так настаивает, чтобы власть в корпорации была поделена? Уж не потому ли, что немного его боится? Очевидно, так, решил Уайт. И надо признать, что он был недалек от истины.

«Флорри – прекрасный помощник, – рассуждал Колфакс, – но ему необходимо противопоставить человека большой культуры и умственного превосходства, человека с качествами, перед которыми преклоняется мир».

Он хотел, чтобы эта культура и это умственное превосходство привлекли читателей к его журналам и книгам и, следовательно, способствовали увеличению их тиражей. Эти два человека будут дополнять друг друга и сдерживать. Таким образом, одна сторона дела не будет перевешивать другую. А управлять этой упряжкой должен он, Колфакс, тот, кто их обоих выбрал, чьи идеи они проводят в жизнь, с чьим мнением обязаны считаться. Весь торговый и финансовый мир должен знать, что без него они ничто. Что же касается Юджина и Уайта, то каждый из них считал, что другой будет играть второстепенную роль, а сам, он, подчиненный одному только Колфаксу, станет столпом и украшением фирмы. Юджин был убежден, что в предприятие Колфакса только тогда можно будет вдохнуть новую жизнь, когда на первое место в нем будут поставлены художественно-интеллектуальные задачи. Уайт же был убежден, что без здравого коммерческого руководства предприятию грозит крах и что на это и должен быть сделан упор. За деньги можно купить лучшие умы.

Колфакс представил Уайту своего нового помощника в то утро, когда последний явился, чтобы приступить к работе, так как во время предыдущих его посещений Уайт отсутствовал. Они внимательно посмотрели друг на друга, но ни тот, ни другой не торопились с окончательными выводами, так как оба были люди не глупые. Уайт показался Юджину занятным типом – долговязый, жилистый, держится вызывающе; в нем угадывался бывший уличный заправила, приобретший с годами внешнее подобие джентльмена, Юджин же произвел на Уайта впечатление нервного, утонченного человека, типичного представителя литературной и художественной богемы, обладающего, однако, необычайно гибким умом и энергией, редко встречающейся у людей этой категории. В нем чувствовалась немалая сила, но и некоторая неуравновешенность. Уайт не сомневался, что сможет в крайнем случае выжить его из концерна, – если не удастся сделать из него послушное орудие своей воли. Однако это будет нелегко – Витла пользуется поддержкой Колфакса, у него установившаяся репутация. Присутствие этого человека беспокоило Уайта. Он смотрел на него и думал: действительно ли Колфакс передаст в его руки управление литературным, художественным и рекламным отделами, или же он останется попросту заведующим отделом рекламы, в качестве какового явился сюда? Колфакс пригласил его пока только на эту должность.

– Вот рекомендую, Флорри, – сказал Колфакс, представляя Юджина. – Тот самый, о ком я вам говорил. Витла – мистер Уайт. Уайт – мистер Витла. Вам предстоит теперь работать вместе на благо нашего издательства. Ну, что вы скажете друг о друге?

Юджин уже раньше отметил грубоватую фамильярность, которой Колфакс явно бравировал. Этот человек, казалось, не имел ни малейшего понятия о необходимости придерживаться известных рамок в житейском обиходе.

– Нет, черт меня побери! – продолжал Колфакс, ударяя кулаком правой руки по ладони левой. – Если только я не ошибаюсь, наше дело теперь на мази. Давайте, Уайт, пройдемся по этажам и представим его.

Уайт важной поступью направился к двери.

– С удовольствием, – сказал он.

«С этим трудно будет иметь дело», – решил он про себя.

Колфакс чувствовал себя на седьмом небе, – ему были свойственны такие порывы; ведь, ухаживая за Юджином, он только упивался собственным величием. Он шел впереди, крупными шагами (несмотря на свой маленький рост), и это тоже свидетельствовало о хорошем расположении духа. Говорил он громко, давая всем понять, что он, Хайрем Колфакс, здесь и преисполнен сил, как и подобает хозяину такого огромного предприятия. В припадке раздражения или когда кто-нибудь ему перечил, он способен был впадать в безудержную ярость и визжать, как женщина, но Юджин еще не знал этого.

– Это только один из этажей, занятых типографией, – сказал Колфакс, распахивая дверь в помещение, наполненное оглушительным грохотом гигантских печатных машин. – Мальчик, где Додсон? Позови-ка Додсона! Скажи, чтоб шел сюда! Додсон – старший мастер нашей типографии, – добавил он, поворачиваясь к Юджину, когда работавший у машины ученик помчался искать своего начальника. – Я вам говорил, кажется, что у нас тридцать таких машин. Типография занимает еще четыре этажа.

– Да, говорили, – отозвался Юджин. – Действительно огромное предприятие. Я только теперь начинаю понимать, как безграничны возможности такого дела.

– Вот именно – безграничны! Все зависит от того, как у вас работает вот это, – и Колфакс постучал пальцем по лбу Юджина. – Если вы как следует справитесь со своим делом, а он со своим, – он повернулся к Уайту, – тогда возможностям этого издательства и в самом деле не будет границ. Поживем – увидим!

К ним торопливым шагом подошел Додсон, хитрый и проницательный приспешник Уайта, и с любопытством оглядел Юджина.

– Додсон, это – мистер Витла, новый заведующий отделом рекламы. Он должен помочь нам покрывать те непроизводительные расходы, в которые вы меня тут вводите. Витла, это – мистер Додсон, заведующий типографией.

Юджин и Додсон пожали друг другу руки. Юджин решил, что разговаривает с какой-то мелкой сошкой, и не уделил этому человечку никакого внимания. Додсон обиделся в душе, но не подал и виду. Он был всецело предан Уайту и чувствовал себя под его крылышком в полной безопасности.

Затем они прошли в наборный цех, где целая армия наборщиков возилась у касс и линотипов. Здесь их подобострастно приветствовал маленький толстенький мастер в зеленом полосатом фартуке, сшитом точно из матрацного тика. Присутствие начальства явно нервировало его, и когда Юджин протянул ему руку, он спрятал свою за спину.

– Она у меня слишком грязная, – сказал он. – Разрешите считать, что вы ее пожали.

Снова объяснения и снова восторженные восклицания по поводу колоссальных масштабов дела.

Затем последовал отдел распространения, начальник которого, высокий смуглый мужчина, исподлобья оглядел Юджина, гадая про себя, какое место этот человек займет в деле и какую позицию надо будет занять по отношению к нему. Дома он говорил жене, что Уайт «повсюду тычет нос», и неизвестно, чем это кончится. До него доходили слухи, будто скоро явится новый человек, который возглавит сразу несколько отделов. Так уж не этот ли?

Наконец начался обход редакторов, с презрением наблюдавших за триумфальным шествием администрации, так как Колфакс и Уайт в их глазах были грубыми, неотесанными выскочками, всячески афишировавшими свое превосходство. Колфакс любил покричать и разговаривал со всеми свысока. Уайт был черств, злобен и недоступен никаким доводам. Редакторы в душе ненавидели их обоих, но из повиновения не выходили. Страх потерять место держал их в рабской покорности.

– Это мистер Марчвуд, – заметил Колфакс пренебрежительно, – редактор «Интернейшнл Ревью». Он считает, что издает замечательный журнал, но мы в этом далеко не уверены.

Юджину стало неприятно за Марчвуда. Тот производил впечатление спокойного, серьезного человека, знающего свое дело.

– Очевидно, качество журнала определяется у вас только числом подписчиков, – просто отозвался тот, угадывая в улыбке Юджина сочувствие.

– И только, и только!

– Возможно, что и так, – вставил Юджин. – Но было бы неплохо приучить публику читать хорошие вещи так же охотно, как она читает всякую дрянь. Попытаться во всяком случае стоило бы.

Мистер Марчвуд улыбнулся. В этой атмосфере злобной придирчивости слова Юджина прозвучали дружеским участием.

– Да, предприятие у вас большое, – сказал Юджин, когда они наконец вернулись в кабинет президента. – Так разрешите мне приступить к работе, и посмотрим, что удастся сделать.

– Желаю удачи, дорогой! Всяческих успехов! – провозгласил Колфакс. – Я возлагаю на вас большие надежды, вы это знаете.

– Только не слишком большие, – возразил Юджин. – Не забывайте, что я один, а дело огромное.

– Знаю, знаю! Но именно этот один мне и нужен – один, поняли?

– Понял, понял, – рассмеялся Юджин. – Не унывайте! Я уверен, что мы кое-чего добьемся.

– Замечательный парень! – сказал Колфакс Уайту, когда Юджин ушел. – Он сделан из настоящего теста – запомните мои слова, на него можно положиться. У него голова на месте. Ну, Флорри, если только я не ошибаюсь, теперь у нас пойдет работа.

Уайт улыбнулся угрюмо, чуть цинично. Он далеко не был в этом уверен. Новичок, возможно, и дельный малый, но что-то уж чересчур независим, в нем слишком сильно сказывается художник. Такой не может быть надежным, преданным работником. Он, конечно, не побежит к нему, Уайту, за советом и, надо ожидать, наделает ошибок. Зарвется. Что же ему пока предпринять, чтобы отразить это покушение на его власть? Развенчать молодца? Разумеется! Впрочем, нечего беспокоиться. Он непременно наделает ошибок. Уайт был уверен в этом.

Глава XLI

Первые дни после их вторичного возвращения в Нью-Йорк были для Анджелы исполнены радостных надежд. Как это непохоже на ее возвращение сюда к больному мужу, к жизни без всяких перспектив, после семи месяцев тоскливого одиночества! Забыв о прежних сомнениях, она рисовала себе блестящее будущее, видное положение в обществе, достаток. Юджин стал теперь важной персоной. Карьера его совершенно ясно определилась и почти не вызывала опасений. У них были изрядные сбережения в банке. Общая сумма их ценных бумах, дававших в среднем около семи процентов дохода, составляла капитал в тридцать тысяч долларов. Были у них и два земельных участка в Монтклере размером двести футов на двести, стоимость которых, по слухам, все возрастала. Юджин оценивал их приблизительно в шесть тысяч долларов. Он поговаривал о том, чтобы в дальнейшем вкладывать сбережения в бумаги, приносящие более высокий процент, или поместить их в какое-нибудь надежное коммерческое предприятие. А когда – немного погодя – наступит подходящий момент, он, вероятно, бросит издательское дело и вернется к своему искусству. Возможность эта с каждым днем становилась все реальнее.

Квартира-студия, которую они выбрали себе в Нью-Йорке, находилась в новом, роскошно отделанном доме на Риверсайд-Драйв близ Семьдесят девятой улицы, где Юджин давно мечтал поселиться, – дом этот был специально приспособлен под студии. Риверсайд-Драйв – район всевозможных выставок (и вместе с тем одна из главных артерий города), с его атмосферой аристократического парка, с великолепной панорамой величавого Гудзона и изумительными закатами – всегда манил к себе Юджина. Когда он впервые приехал в Нью-Йорк, для него было наслаждением бродить здесь, наблюдая поток элегантных экипажей, кативших по направлению к могиле Гранта. Сколько раз, бывало, сидел он днем на этой самой скамье – или чуть подальше – и смотрел, как беззаботные всадники и амазонки веселыми кавалькадами проносились мимо, раскланивались со знакомыми, снисходительно и свысока разговаривали со сторожами и метельщиками парка и лениво любовались рекой. Каким недоступным представлялся ему этот мир! Только миллионеры могут жить в нем, думал Юджин, – так мало понимал он тогда, к каким неожиданностям приводят финансовые махинации. Эти элегантные мужчины в редингтотах и бриджах, эти грациозные женщины в черных шляпках, в длинных черных амазонках и желтых перчатках, с изящными короткими хлыстиками, больше похожими на тросточки, – восхищали его. В те времена ему представлялось, что прогулки в парке верхом – привилегия высшей знати.

Много воды утекло с тех пор и многое успел Юджин узнать, но эта улица по-прежнему казалась ему средоточием элегантности и роскоши столичной жизни, и именно здесь ему хотелось жить. После долгих обсуждений Анджела была уполномочена приступить к поискам квартиры в девять – одиннадцать комнат, с двумя или более ванными, стоимостью от трех до трех с половиной тысяч в год. И действительно ей попалась превосходная квартира из девяти комнат с двумя ванными, с прекрасной студией – сорок футов на двадцать два и восемнадцать футов в высоту – за три тысячи двести долларов, – плата не слишком высокая при тех средствах, которыми они теперь располагали. Комнаты были прекрасно отделаны старым английским дубом с резьбой в стиле XV века. Что же касается обивки стен, то это оставлялось на усмотрение съемщика, к его услугам было все, что он пожелает, – гобелены, шелк и прочее.

Юджин выбрал для своей студии зеленовато-коричневые гобелены, на которых были изображены старинные рейнские замки, а для остальных комнат – голубые или коричневые шелка. Он осуществил также свою давнишнюю мечту, приобретя большое распятие темного дуба с фигурой истекающего кровью Христа, которое поставил в углу, между двух гигантских восковых свечей в высоких массивных канделябрах. Когда зажигали свечи, погасив все другие огни, их колеблющийся свет придавал веселому сборищу гостей своеобразное очарование. Один угол занимал огромный рояль старого английского дуба, а рядом с ним стоял великолепный нотный шкафчик французской работы. В студии были стулья с высокими резными спинками, резной мольберт, на котором стояла одна из лучших картин Юджина, а на черном мраморном пьедестале красовался желтый бюст

Нерона, похотливое лицо которого, с явными признаками вырождения, злобно улыбалось миру. Комнату освещали два золоченых канделябра на северной стене в одиннадцать рожков каждый.

Из широких двойных окон во всю вышину стен открывался вид на запад – на Гудзон. Одно из них выходило на каменный балкончик, где помещались четыре стула и откуда, с высоты девяти этажей, можно было любоваться набережной. Летом над балкончиком натягивался тент. По ту сторону спокойных вод реки торчали трубы и высилась громада какого-то завода, на рейде всегда стояли суда – военные корабли, грузовые пароходы и парусники, а вверх и вниз по течению сновали взад и вперед бесчисленные мелкие суденышки, за которыми так приятно было следить взглядом и в ясную и в пасмурную погоду.

Это была прелестная, хорошо отделанная квартира, и мебель, которую они привезли с собой из Филадельфии, почти вся отлично с ней гармонировала. В эту тихую гавань и причалили они, чтобы насладиться плодами долгой борьбы и относительной победы, приближавшей их наконец к желанной цели – к прочному и нерушимому достатку, которого не могли бы поколебать самые тяжелые удары судьбы.

Юджин был счастлив, что добился для себя и для Анджелы той роскоши, комфорта и видного положения, о которых он так долго мечтал. Многие из нас отчетливо представляют себе в мечтах убранство замка, который они когда-нибудь построят, но редко кому выпадает счастье увидеть эти мечты осуществленными. Мы с большим вкусом и знанием дела выбираем картины, и занавеси, и слуг. И вот для Юджина это стало реальностью.

Глава XLII

Дела издательства во всем, что касалось рекламы, производства и сбыта, вовсе не находились в таком печальном положении, чтобы с помощью такта, деловой сметки и усердной работы нельзя было надеяться их поправить. С приходом Флоренса Уайта в коммерческой и финансовой стороне дела наметился поворот к лучшему. Правда, Уайт не имел представления о том, что такое злободневная статья, интересная книга или ходкое художественное издание, но он обнаруживал исключительную сметливость, когда речь шла о производстве, снабжении, сбыте и умелом руководстве рабочей силой с точки зрения ее стоимости и эффективности; это и сделало его влиятельным человеком и заставляло с ним считаться. Нанимая людей, он с первого взгляда видел, насколько работник сведущ в своем деле. Он знал, где какие книги могут найти сбыт, закупал бумагу огромными партиями и по самой выгодной цене и умел свести к минимуму типографские и прочие накладные расходы. Ни один цент не тратился нерационально. Он умел использовать машины до их предельной мощности – с помощью графиков, в значительной мере снижавших непроизводительную трату энергии, и при минимальном количестве обслуживающего персонала. У него были вечные конфликты с профессиональными союзами, так как последние протестовали против его жестких методов, исключавших всякий параллелизм в работе и тем самым сокращавших число занятых рабочих. Он правил железной рукой и был несдержан, непристойно груб и циничен в обращении с представителями профсоюзов, – там его боялись, но и считались с ним.

Хуже обстояло дело с рекламой, и это объяснялось тем, что журналы, которым отдел рекламы должен был поставлять клиентов, находились на крайне низком уровне. Они были оторваны от жизни, они не умели опережать мысли и настроения своего времени, и читающая публика в поисках духовной пищи должна была обращаться к другим источникам. Когда-то эти журналы выходили большим тиражом и пользовались популярностью. Это было в ранние дни их существования, когда первые их издатели и редакторы были в расцвете сил. А потом наступила усталость, безразличие, начался разброд. Лишь с приходом к власти Колфакса появилась надежда на оживление. Как уже говорилось, он стремился подобрать для каждого участка работы энергичных людей, но прежде всего искал такого человека, который указал бы ему, как управлять этими энергичными людьми, коль скоро он их заполучит. От кого будут исходить идеи, которые могли бы приковать внимание читающей публики к тому или другому журналу? Кто привлечет к его книжному издательству крупных, признанных писателей? Кто вызовет в людях, руководящих отделами, то воодушевление, которое обеспечит издательству всеобщее признание и материальный успех? Возможно, что Юджин и окажется тем человеком, которого он надеялся найти, – но когда это еще будет? Теперь, имея Юджина в своем распоряжении, Колфаксу хотелось подтолкнуть его и поторопить.

Юджину не понадобилось много времени, чтобы оценить истинное положение вещей в издательстве. Его сотрудники, которых он созвал на совещание, все в один голос жаловались на падение тиражей.

– Говорите что угодно, мистер Витла, – мрачно заявил один из них, – но все дело в тиражах. Нужно поднять престиж наших журналов. Промышленники прекрасно знают, когда реклама дает результаты. Мы все время гонимся за новыми клиентами, но не можем их удержать. Нет, не можем. Нас подводят журналы. Что прикажете делать?

– Я вам скажу, что мы сделаем, – спокойно ответил Юджин. – Мы прежде всего постараемся подтянуть журналы. Насколько мне известно, кое-какие шаги в этом направлении уже предприняты. Журналы постепенно улучшаются. Производственный отдел, кстати, находится в прекрасном состоянии. В скором времени хорошо заработают и редакции. Но я хочу, чтобы вы, друзья мои, и при существующих условиях проявили всю энергию, на какую только способны. Я приложу все усилия к тому, чтобы не производить никаких перемен в штатах этого отдела. Я научу вас, каждого в отдельности, как добиваться цели. Мне бы хотелось, чтобы вы прониклись сознанием, что наше предприятие – самое крупное в мире и что мы в силах преодолеть все

препятствия на нашем пути. Посмотрите на мистера Колфакса! Неужели вы думаете, что этот человек способен потерпеть поражение? Мы – может быть, но он – никогда!

Сотрудникам нравилось и обращение Юджина и его решительный тон. Его вера в их способности льстила им, и не понадобилось и десяти дней, как он полностью завоевал их уважение. Он брал с собой домой, вернее в гостиницу, где они с Анджелой временно поселились, все новые номера журналов и внимательно знакомился с ними. Он приносил с собой только что вышедшие книги и просил Анджелу прочитать их. Он старался представить себе, каким должно быть лицо каждого журнала, кто тот человек, который вдохнет в них силу и жизнь, и где его найти. Вдруг ему пришел на ум подходящий кандидат в редакторы журнала приключений. Этот человек, с которым Юджин был знаком уже много лет, добился значительных успехов, работая в воскресном приложении одной газеты. Его звали Джек Безина. Он начал свою деятельность писателем левого направления, но потом угомонился и стал ловким журналистом. За последние годы Юджин несколько раз встречался с ним, и каждый раз тот удивлял его своими смелыми и разумными суждениями о жизни. Однажды в разговоре Юджин сказал:

– А знаете, Джек, вам следовало бы издавать свой собственный журнал.

– И буду издавать, и буду! – последовал ответ.

И вот теперь, занявшись подбором людей, Юджин подумал о Безине как о человеке, которого стоило привлечь в журнал, так как нынешнего редактора он находил уж слишком вялым.

Для еженедельника нужен был человек вроде Таунсенда Миллера, но где найти такого! У нынешнего редактора бывали интересные идеи, однако он недостаточно принимал во внимание требования широкого читателя. Юджин заходил к редакторам различных журналов, якобы для того, чтобы познакомиться с ними, а на самом деле, чтобы приглядеться к их работе, но ни один из них не удовлетворял его.

Убедившись в том, что его собственный отдел не нуждается в его неотступном внимании, он однажды сказал Колфаксу:

– Хуже всего у нас работают редакции. Я как следует познакомился с моим отделом, и он, как я убедился, не настолько безнадежен, чтобы нельзя было наладить работу. О журналах этого не скажешь. Я бы хотел, чтобы вы мне разрешили произвести кое-какие перемены, – безотносительно к вопросу о моем окладе. У вас там совсем не те люди, какие вам нужны. Я постараюсь действовать не слишком круто, но считаю, что замена кое-кого из редакторов делу не повредит.

– Все это мне известно! – сказал Колфакс. – Давно известно! Но что же вы предлагаете?

– Да просто привлечь лучших работников, – ответил Юджин. – Новых сотрудников с новыми идеями. Это, возможно, приведет на первых порах к некоторым лишним расходам, но в конечном итоге они окупятся, и с избытком.

– Вы правы! Вы правы! – с воодушевлением воскликнул Колфакс. – Я давно жду, чтобы кто-нибудь, с чьим мнением можно и стоит считаться, пришел и сказал мне то, что я услышал от вас. Можете хоть сейчас взять руководство в свои руки, с моей стороны возражений не будет. И одновременно вы начнете получать обещанный оклад. Но позвольте вам сказать кое-что. Вы приступаете к делу, облеченный всеми полномочиями. Так не вздумайте же оступиться, расшибить себе нос, выдохнуться или наделать ошибок. Если что-нибудь подобное случится, – помоги вам бог! Я вас живьем проглочу! Я хороший хозяин, Витла, я готов сколько угодно платить хорошему работнику – в пределах благоразумия, конечно, – но если я вижу, что человек морочит меня или делает не то, что следует, тогда я не знаю пощады!.. Я человек простой и того, кто так поступит со мною, я пошлю к… (он непечатно выругался). Вот все, что я могу сказать о себе. Теперь мы понимаем друг друга.

Юджин в изумлении смотрел на своего собеседника. Уже не в первый раз ловил он в глазах Колфакса этот жесткий, холодный блеск. От него, казалось, исходил электрический ток, в его взгляде было что-то сатанинское.

– Нечто в этом роде мне однажды уже было сказано, – ответил Юджин, вспомнив Саммерфилда и его слова насчет мусорного ящика. Он никак не ожидал, что чуть ли не на другой же день после его вступления в должность с ним будут говорить таким холодным, таким безапелляционным тоном. Но факт остается фактом – он здесь и отступления быть не может. В эту минуту он пожалел, что ушел от Кэлвина.

– Я нисколько не боюсь ответственности, – сухо продолжал он. – Я не собираюсь ни оступаться, ни расшибать себе нос, ни делать ошибок, – если это будет в моих силах. А если это все-таки случится, я не приду к вам жаловаться.

– Ну что ж, мое дело было предупредить вас, – ответил Колфакс, снова добродушно улыбаясь. Холодный блеск в его глазах погас. – И то, что я вам сказал, вызвано самыми благими побуждениями. Я окажу вам поддержку всем своим авторитетом и властью, но если вы сорветесь, один лишь бог поможет вам, – я не помогу.

Он вернулся к своим занятиям, а Юджин отправился наверх. У него было такое ощущение, словно его облачили в красную мантию кардинала и в то же время занесли над ним топор. Придется обдумывать каждый шаг. Придется действовать с оглядкой, но тем не менее – действовать. Вся власть отдана в его руки, все полномочия. Он может сию минуту отправиться наверх и уволить любого служащего, и Колфакс поддержит его, – но уволенного надо заменить другим. И нужно сделать это быстро и с пользой для дела. Да, должность серьезная – почетная, но нелегкая.

Прежде всего Юджин вызвал Безину. Они уже давно не виделись, но бланк корпорации, в углу которого значилось «Секретариат директора издательства», возымел действие. Довести таким образом до всеобщего сведения – а ведь здесь работало немало опытнейших литераторов, – что он – директор издательства, было довольно смело, но это нисколько не смущало Юджина. Надо же когда-нибудь начать, а эти бланки уже в процессе их изготовления лучше всякого приказа оповестят сотрудников, что он взял бразды правления в свои руки. Весть эта, точно степной пожар, распространилась по всему зданию, так как в секретариате Юджина было достаточно народа (начиная с его стенографисток), чтобы разнести ее. Редакторы и их помощники недоумевали, что бы это могло значить, но не задавали вопросов, разве только в разговорах между собой. Никакого приказа не последовало. На таком же бланке Юджин написал письмо Адольфу Моргенбау, который прекрасно зарекомендовал себя, когда был его помощником у Саммерфилда, а теперь занимал пост заведующего художественным отделом журнала «Сфир», с каждым днем приобретавшего все большую популярность. Юджин решил, что Моргенбау вполне может взять на себя заведование всей художественной частью под его, Юджина, руководством, и он не ошибся. Моргенбау успел приобрести значительный опыт; он показал себя человеком большой инициативы и ума. Ему было чрезвычайно приятно снова работать вместе со своим старым шефом. Юджин расспросил также различных специалистов рекламного дела, художников и писателей, кого они считают наиболее энергичными людьми в издательском деле, и пригласил этих лиц для переговоров. Они стали приходить к нему один за другим, так как по городу разнеслась весть, что Витла вернулся в Нью-Йорк и взял на себя руководство в «Юнайтед мэгэзинс» не только отделом рекламы, но и редакциями. Вскоре это стало известно всем, кто имел какое-либо касательство к искусству, литературе, рекламе и редакторской работе. Люди, знавшие Юджина в прошлом, не верили своим ушам. Откуда у него такие таланты?

Вскоре Юджин сказал Колфаксу, что настало время сообщить всем сотрудникам о его новом назначении.

– Я достаточно присмотрелся к делу, – сказал он, – и составил мнение о том, как нужно действовать.

В кабинет президента были вызваны редакторы журналов, заведующие отделами и крупные работники книгоиздательства, и Колфакс заявил, что желает сделать сообщение, касающееся всех собравшихся.

– Делами издательства будет руководить теперь мистер Витла, которого вы здесь видите. Я предоставляю ему самые широкие полномочия, так как убедился, что он разбирается в деле лучше, чем я, и хочу, чтобы впредь вы обращались к нему за советом и руководством, как до сих пор обращались ко мне. Мистер Уайт будет по-прежнему заниматься вопросами производства и сбыта. Мистер Уайт и мистер Витла будут работать рука об руку. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Сотрудники разошлись, и Юджин вернулся в свой кабинет. Он решил прежде всего найти специалиста по рекламе, который мог бы выполнять его указания и вести дело не хуже его. Потратив довольно много времени на поиски такого человека, он наконец нашел его в лице одного из служащих компании «Рикерт», о котором слышал в прошлом как об исключительно дельном работнике. Картер Хейз, энергичный мужчина тридцати двух лет, горевший желанием выдвинуться, охотно принял это предложение, так как увидел в нем большие возможности. Лично к Юджину он не чувствовал особой симпатии, считая, что этого человека переоценили, но все же решил поработать у него. Юджин положил ему десять тысяч долларов в год и, наладив таким образом работу рекламного отдела, все внимание сосредоточил на своих новых обязанностях.

И редакторская работа и издательское дело были для Юджина с точки зрения организаторской совершенно новой областью. Он разбирался в них много хуже, чем в вопросах искусства и рекламы, и с самого начала допустил ряд ошибок. Первая заключалась в предвзятом мнении, будто все сотрудники издательства так или иначе требуют замены просто потому, что неудовлетворительны самые журналы, тогда как на самом деле в издательстве был целый ряд превосходных работников. Задавленные неблагоприятными условиями работы, они ожидали только малейшего признания своих заслуг, чтобы развернуться. Вторая его ошибка заключалась в том, что, не зная, какой линии придерживаться в отношении того или другого издания, он не желал прислушиваться к голосу тех, кто мог бы дать ему разумный совет. Ему следовало бы действовать исподволь, изучать своих ближайших помощников, знакомиться с их методами работы и помогать им тактичным советом. Вместо этого он решил произвести коренную ломку и приступил к ней, даже не успев как следует оглядеться. Марчвуд, редактор «Интернейшнл ревью», был уволен, так же как и Гейлер, редактор еженедельника. К редактированию журнала приключений был привлечен Безина.

Надо сказать, что ни в одном предприятии такого рода нельзя добиться больших успехов сразу – нужны недели и даже месяцы, чтобы стали заметны какие-то сдвиги. И вот вместо того, чтобы всю ответственность за тот или иной отдел возложить на своих помощников и предоставить им полную самостоятельность, лишь время от времени делая свои указания, Юджин старался вникать во все сам. Это было нелегко, и временами он запутывался. Ему нужно было еще многому учиться. Зато у него возникало много интересных предложений по самым разнообразным вопросам, и это не замедлило дать свои результаты.

Журналы заметно изменились к лучшему. Как только вышли первые номера, на которых сказалось влияние Юджина и его нового штата, они тотчас же подверглись самому тщательному изучению со стороны Колфакса и Уайта. Особенно Уайту не терпелось знать, в чем заключаются эти новшества, и, если он не в состоянии был судить сам, то к его услугам было мнение других. Почти все отзывы были положительные – к великому его разочарованию, так как он надеялся, что именно журналы дадут материал для критики нового директора.

На Колфакса большое впечатление произвела решительность Юджина и легкость, с какою тот принимал на себя огромную ответственность, и он все больше восхищался им. К тому же общество Юджина доставляло ему удовольствие, и по окончании работы он частенько приглашал его к себе обедать. В отличие от Кэлвина он в таких случаях обычно не упоминал об Анджеле, так как, познакомившись с нею, не почувствовал к ней интереса. «Очень милая женщина, – решил он, – но без блеска, не то что муж». К тому же миссис Колфакс отозвалась о ней пренебрежительно. Колфакс от души жалел, что Юджин не холост.

Время шло. По мере того как Юджин ближе знакомился с делом, он становился все увереннее и спокойнее. Всякий, кто когда-либо занимал сколько-нибудь важный административный пост, знает, как легко, при наличии необходимых знаний и таланта, привлекать к себе на службу энергичных и способных людей. Родственные души тянутся друг к другу, и тот, кто хочет добиться в этом мире признания своих способностей, естественно рад видеть в человеке, занимающем высокий пост, своего соратника и собрата. Работники рекламного дела, художники, редакторы, критики, писатели и все те, кто понимал и ценил Юджина, видя в нем своего человека, лавиной устремились к нему, – их было столько, что вскоре он стал направлять просителей к заведующим отделами. Постепенно обстоятельства приучили его в известной степени полагаться на своих помощников, а раз начав, он уже склонен был впасть в противоположную крайность и стал слишком полагаться на них. Особенное доверие внушал ему своей деловитостью Картер Хейз, заведующий отделом рекламы, и Юджин полностью препоручил ему всю практическую часть работы, знакомясь только с его планами и приходя на помощь советом в затруднительных случаях. Тот ценил это, так как был чрезвычайно самолюбив, но подобное отношение отнюдь не зародило в нем чувства преданности. Он видел в Юджине человека, случайно попавшего на такой крупный пост, и считал, что он чужд рекламному делу. Хейз надеялся, что в недалеком будущем в издательстве произойдут перемены, и тогда он станет полноправным заведующим отделом рекламы и будет иметь дело непосредственно с Колфаксом и Уайтом, на которых он и решил делать ставку как на лиц, имеющих финансовый интерес в предприятии. Были у Хейза единомышленники и в других отделах.

Существенным недостатком Юджина было то, что он не умел добиться преданности своих помощников. Он воодушевлял их, подсказывал им полезные мысли, но они, как правило, использовали его замыслы в своих собственных интересах, стараясь поскорее выдвинуться и стать независимыми. Оттого, что Юджин не был ни горд, ни высокомерен, ни придирчив, с ним вскоре переставали считаться. Люди, которых он выбирал (а он обладал даром отыскивать исключительно способных работников, порою значительно превосходивших его в своей области), скоро начинали видеть в нем не столько начальника, сколько удачливого соперника, который стал им поперек дороги. Он производил впечатление на редкость добродушного, на редкость мягкого человека. Иногда он, правда, давал себе труд поставить кого-нибудь из них на место, но в общем отношение сотрудников мало его трогало. Дело шло хорошо, журналы завоевывали популярность, отделы рекламы и распространения достигли заметных успехов, и жизнь Юджина, казалось, стала приближаться к полному расцвету. Случались бури, бывали затруднения, но все это не носило серьезного характера. В трудные минуты Колфакс всегда готов был дать ему совет, да и Уайт неизменно выражал к нему дружеские чувства, которых отнюдь не испытывал.

Глава XLIII

Опасность положения заключалась в том, что жизнь слишком баловала теперь Юджина, доставляя ему больше власти, довольства и роскоши, чем он когда-либо имел, и это превращало его в восточного властелина не только среди его многочисленных подчиненных, но и в собственном доме. Анджела, с величайшим интересом следившая за всеми перипетиями его карьеры, уверовала, наконец, в его гениальность и в то, что ему суждено достигнуть вершин в искусстве, или литературе, или в финансовом мире, если не во всех трех сферах сразу. Она по-прежнему строго наблюдала за его нравственностью, будучи больше чем когда-либо убеждена, что достигнуть тех головокружительных высот, к которым Юджин поднимался так быстро, можно, только соблюдая величайшую осмотрительность. Ведь люди следят за каждым его шагом. Пусть они раболепствуют, от этого они не менее опасны. В его положении надо быть в высшей степени осторожным, все тщательно обдумывать – и как одеться, и что сказать, и как вести себя.

– Да не шуми ты из-за всяких пустяков, – отвечал ей обычно Юджин. – Оставь меня, ради бога, в покое!

И они начинали ссориться, так как Анджела твердо решила направлять его жизнь по надлежащему руслу, даже вопреки его желаниям.

Солидные люди из различных кругов общества – художники, литераторы, филантропы, коммерсанты – стали искать знакомства с Юджином, во-первых, потому, что он был человек широких и разносторонних интересов, во-вторых (и это было много важнее) – потому, что он стоял у источника земных благ. Всегда и во всех слоях общества находятся люди, которые стараются чего-то добиться с помощью счастливцев; есть и другие, которые стремятся стать спутниками восходящего светила, чтобы

сверкать его отраженным светом, – эти две категории и составляют обычно свиту баловня судьбы. У Юджина была своя свита из мужчин и женщин, стоявших на одном с ним уровне или ниже, которые горячо жали ему руку и льстиво восклицали: «Директор «Юнайтед мэгэзинс»? Очень, очень приятно!» Особенно ласково улыбались женщины, обнажая ровные белые зубки и с грустью отмечая, что все красивые и преуспевающие мужчины женаты.

В июле того же года, когда супруги переехали из Филадельфии в Нью-Йорк, издательство перебралось в новое здание, и Юджин водворился в кабинете, превосходившем по роскоши все помещения, в каких ему когда-либо приходилось работать. Некий ловкий сотрудник, желая снискать расположение нового директора, предложил устроить сбор и купить цветы. Кабинет, отделанный в светлых голубых и золотистых тонах и обставленный мебелью розового дерева (чтобы комната выделялась из общей декоративной системы и производила большее впечатление), был весь уставлен букетами роз, душистого горошка и гвоздики в прелестных вазах всевозможных форм, расцветок и стилей. Цветы стояли на огромном письменном столе, покрытом толстым зеркальным стеклом, сквозь которое блестело полированное дерево. В первое же утро Юджин устроил импровизированный прием, и по этому случаю его навестили Колфакс и Уайт, ознакомившиеся предварительно со своими собственными кабинетами. Недели три спустя состоялся грандиозный вечер с участием виднейших представителей столичного общества, и приглашенные – художники, писатели, редакторы, издатели, публицисты и специалисты рекламного дела – увидели Юджина во всем блеске. Вместе с Колфаксом и Уайтом он играл роль хозяина. Неискушенные юнцы издали восхищались новым директором и недоумевали, как он сумел взлететь так высоко. Карьера его была поистине молниеносна. Казалось невероятным, чтобы человек, начавший жизнь художником, был так высоко вознесен фортуной и теперь в качестве главы одного из крупнейших издательств вершил судьбы литературы и искусства.

Но не меньшим ореолом был окружен Юджин у себя дома; здесь он чувствовал себя таким же властелином, как в своем служебном кабинете. Даже когда они оставались с Анджелой вдвоем (что случалось не слишком часто, так как они отдавали много времени приемам), он казался ей теперь другим человеком. Правда, она давно привыкла думать о нем как о человеке, который со временем займет выдающееся место в мире искусства. Но Юджин – одна из виднейших фигур коммерческой жизни столицы, Юджин – представитель крупнейшего нью-йоркского издательства, Юджин – с собственным автомобилем и лакеем, Юджин, завтракающий в самых фешенебельных ресторанах и клубах и всегда находящийся в обществе значительных людей, – это совсем другое дело.

Она уже далеко не была так уверена в себе и в душе начинала сомневаться в своей власти над ним. И теперь еще, случилось, они ссорились из-за пустяков, но Анджела не обнаруживала былой готовности затевать такие ссоры. Ей казалось, что Юджин уже совсем не тот, что он стал еще более непроницаем. Ее по-прежнему беспокоила мысль, что он может сделать какой-нибудь промах и все потерять, что злой рок, недоброжелательство, зависть, без которых не обходится, очевидно, жизнь и которые налетают внезапно, как разрушительный ураган, могут повредить ему. Юджин, по-видимому, был совершенно спокоен, хотя порою, задумываясь о своем будущем, он испытывал тревогу; ведь он не состоял в издательстве пайщиком и так же зависел от Колфакса, как любой мальчишка-рассыльный, разве что без него не так легко было обойтись.

Но пока что он работал хорошо, и Колфакс был им доволен. Правда, его удивляло, что производственные графики систематически нарушаются и что срываются все сроки выпуска журналов, но у Уайта всегда находилось этому оправдание. Колфакс приглашал Юджина к себе на дачу или в свой охотничий домик в горах, они катались вместе на его яхте или удили рыбу. Беседы с молодым художником, видимо, доставляли ему удовольствие, но Анджелу он приглашал редко – почти никогда. Он, очевидно, не считал это нужным. А Юджин не решался дать ему понять, что его поведение оскорбительно, хоть и ежился внутренне при мысли о том, как смотрит на это Анджела. Колфакс не отпускал Юджина ни на шаг. Только и слышно было: «Где вы пропадаете, дорогой?» – он, казалось, минуты не мог без него обойтись.

– Что ж, мой милый, – говорил он, оглядывая его с ног до головы, точно перед ним была чистокровная лошадь или породистая собака, – вид у вас прекрасный. Работа, очевидно, идет вам на пользу. Не таким вы были, когда в первый раз приезжали ко мне, – и он щупал материю, из которой был сшит последний костюм Юджина, высказывал свое мнение о его галстуке или булавке, или замечал, что обувь у него несколько не дотягивает до совершенства. Колфакс ухаживал за своей «находкой», как ухаживают за чистокровным рысаком. Он постоянно рассказывал Юджину всякие подробности из жизни избранного общества, наставлял его насчет того, где бывать и что смотреть, словно Юджин был совершенным невеждой.

– Кстати, когда мы в пятницу поедем к миссис Сэвидж, захватите с собой трактонский чемодан – вы видели их? Они сейчас в большой моде. А есть у вас лондонское пальто? Обязательно заведите. В этих домах слуги все ваши вещи пересмотрят и сделают соответствующее заключение. И не забудьте: каждому по два доллара чаевых, а дворецкому – пять.

Этот тон был чрезвычайно неприятен Юджину, как неприятно было, что Колфакс игнорирует Анджелу, но он не осмеливался возражать. Он видел, что Колфакс изменчив в своих симпатиях, что он может так же возненавидеть, как и полюбить, и что середины для него не существует: Сейчас Юджин был любимцем.

Собираясь куда-нибудь на воскресенье, Колфакс говорил Юджину:

– Я пришлю за вами машину ровно в два (как будто у того не было своего автомобиля). Смотрите же, будьте готовы.

В назначенный день ровно в два огромный синий лимузин Колфакса подкатывал к дому, лакей Юджина выносил чемоданы, принадлежности для гольфа и тенниса и всякие мелочи, которые могли понадобиться его хозяину, и машина уезжала. Иногда Анджела оставалась дома, порою же, когда Юджину удавалось это устроить, он брал ее с собой; но он убедился, что лучше соблюдать такт и мириться с пренебрежением, выказываемым его жене. Он всячески старался успокоить ее. Отчасти ему было жаль Анджелу, но, с другой стороны, он чувствовал, что Колфакс в известной мере прав, делая между ними различие. Анджела не совсем подходила к тому обществу, где стал вращаться Юджин. Люди там были суше, дипломатичнее, чем Анджела, они лучше владели собой. Не по ней были эти искусственные манеры и интонации, эта наигранность чувств, и вряд ли она когда-нибудь их усвоит. На самом деле Анджела была не менее – если не более – изящна и мила, чем многие представительницы «четырехсот семейств», но она не обладала ни бойкостью ума, ни плоским и пошлым самодовольством или развязной самоуверенностью тех, кто блистает в высшем свете. А Юджин легко подражал их манерам, независимо от своих истинных чувств.

– О, это не важно, – говорила в таких случаях Анджела. – Ведь ты так поступаешь из деловых соображений.

Но все же это обижало ее, и даже очень. Анджела чувствовала себя в таких случаях оплеванной. Но делать было нечего. Колфакс подбирал угодное ему общество, ничем не стесняясь. Он считал, что Юджин годится для светской жизни, а Анджела – нет, и, не задумываясь, подчеркивал это различие.

Таким образом, Юджин познакомился с интересным явлением в жизни привилегированных кругов: он узнал, что здесь нередко принимают одного из супругов, но не принимают другого, и это считается в порядке вещей.

– Это, кажется, Берквуд, – сказал однажды при нем некий молодой щеголь, отзываясь об одном филадельфийце. – И зачем только его приглашают? Жена у него очаровательная. Но сам он совершенно невозможен.

В другой раз в Нью-Йорке он был свидетелем того, как дочь хозяйки, узнав о приходе дамы, муж которой сидел тут же за столом, спросила мать:

– Кто ее пригласил?

– Я, право, не знаю, – отвечала та. – Только не я. Вероятно, явилась по собственному желанию.

– Надо же быть такой бесцеремонной! – пробормотала дочь.

Когда эта женщина вошла, Юджин понял, в чем дело. Она была некрасива и неумело и безвкусно одета. Юджина поразило такое отношение, однако отчасти он его понимал. Но ведь этого нельзя сказать об Анджеле. Она хороша собой, стройна, изящна. Единственное, чего ей не хватает, это томно-пресыщенного выражения. Ну что ж, очень жаль.

У себя дома и в своем кругу он старался вознаградить ее за это приемами, которые раз от разу становились все более блестящими. Вначале, когда они только приехали из Филадельфии, Юджин просто приглашал к обеду несколько человек – обычно старых друзей, – так как еще не слишком был уверен в себе и не знал, кто пожелает прийти и поздравить его с новыми успехами. Он и сейчас не возгордился, сохранив теплое чувство к тем, кого знал в молодости. Правда, теперь как-то само собой получалось, что он сходился главным образом с богатыми, видными людьми. Но он по-прежнему любил своих скромных друзей, которые были дороги ему и в память о минувших днях, и просто сами по себе. Многие приходили занять денег – в прежние времена Юджин часто завязывал дружбу с такими людьми, из которых выходят вечные неудачники. Но главным образом их привлекала его слава.

Юджин был близко знаком с большинством своих выдающихся современников, видных деятелей искусства и литературы, и в их обществе проводил много приятных часов. За его столом можно было встретить художников, издателей, оперных певиц, актеров и драматургов. Его видный пост, его квартира, расположенная в таком прекрасном месте, и радушное гостеприимство – все это завербовывало ему друзей. Он любил подчеркнуть, что нисколько не изменился, что ценит людей простых, милых, безыскусных, что именно это и есть великие люди, и сам не сознавал при этом, каким разборчивым стал в знакомствах. Его тянуло к людям богатым, с именем, к людям красивым, сильным и одаренным, – другие его уже не интересовали. Он их почти не замечал. Разве только, чтобы пожалеть или подать милостыню.

Тому, кто никогда не знал перехода от бедности к роскоши, от неприглядного серенького существования к изысканной светской жизни, трудно и представить себе, до какой степени эти новые впечатления покоряют и очаровывают неопытную душу, заново перекрашивая весь мир. Жизнь, кажется, только и делает, что создает новые обольщения и совершенствует иллюзии. Собственно говоря, все в жизни – иллюзия и обольщение, кроме разве той первичной субстанции или принципа, который лежит в основе мироздания. Таким обольщением является жизненная гармония для тех, кто знал в жизни одну лишь борьбу, а людям, которые всегда жили в бедности, роскошь представляется прекрасной мечтой. Юджин, благоговевший перед красотой и ценивший все то изощренное и совершенное, что способен создать изобретательный ум человека, всецело подпал

под обаяние более утонченного мира, который теперь его окружал и влиянию которого он незаметно для себя все больше поддавался. Он необычайно быстро усваивал все новое, на чем останавливался его глаз или что давало особенное удовлетворение его эмоциональной натуре. Ему уже казалось, что он всегда жил этой жизнью избранных, неотъемлемыми атрибутами которой были загородные дома, роскошные особняки, городские и загородные клубы, дорогие отели, туристские гостиницы, автомобили, курорты, красивые женщины, изысканные манеры, требовательный и тонкий вкус и общая слаженность и гармония. Вот где был тот истинный рай, то воплощение материального и духовного совершенства, о котором мечтал мир и к которому он постоянно стремился, изнывая от тяжелого труда, беспорядка, убожества мысли, душевного разлада, взаимного непонимания и всяческих неустройств, представляющих удел человека на земле.

Здесь, казалось, не знали болезней, усталости, расшатанного здоровья, превратностей судьбы. Все, что вызывает беспокойство, что вносит разлад, все, что есть неприглядного в человеческом существовании, тщательно скрывалось, и глаз видел только красоту, здоровье и силу. По мере того как Юджин достигал новых ступеней благосостояния, его все больше поражало, с какой готовностью и рвением сама жизнь как будто поощряет здесь пристрастие к роскоши. Он увидел столько незнакомого и увлекательного для него как для художника – великолепные загородные виллы, содержавшиеся в образцовом порядке, загородные клубы, отели и приморские курорты на лоне неподражаемо живописной природы. Он узнал, как безупречно организованы все виды спорта, развлечений и путешествий для избранных, узнал, что есть тысячи людей, которые этому посвящают всю жизнь. Правда, такая беззаботная жизнь была ему не по карману, но он получил возможность проводить в этих удовольствиях хотя бы свой досуг и мечтал о том, что когда-нибудь ему можно будет совсем не работать. Он знал, что прогулки на яхте и в автомобиле, игра в гольф, рыбная ловля, охота, теннис или поло являются единственным занятием многих богачей и что среди них числятся даже рекордсмены. Карты, танцы, банкеты, просто безделье – вот все, что, казалось, наполняло целые дни множества его знакомых. Юджин мог только восхищаться такой жизнью, как мимолетным зрелищем, но и это было неплохо, – раньше ему даже одним глазом нельзя было на это взглянуть. Он начинал понимать, как организован мир, каких высот достигает богатство, в каких пучинах тонет бедность. От унизительной бедности до вершин благополучия – какое расстояние!

Анджела не поспевала за Юджином в этих его внутренних блужданиях. Правда, она одевалась теперь только у лучших портних, покупала прелестные шляпки и самую дорогую обувь, разъезжала в наемных экипажах и в автомобиле своего мужа, но воспринимала она все иначе, нежели он. Эта жизнь представлялась ей сном наяву, счастьем, нахлынувшим так внезапно и в таком изобилии, что в долговечность его не верилось. Она не могла отрешиться от мысли, что Юджин в сущности и не издатель, и не редактор, и не финансист, а только художник и художником останется. Возможно, что его случайная профессия даст ему богатство, и славу, и деньги, но когда-нибудь он все это бросит и вернется к искусству. Свои сбережения он вкладывал в верные предприятия, – по крайней мере ей они казались верными, – и эти ценные бумаги, преимущественно такие, которые всегда можно было превратить в наличность, представлялись ей надежным обеспечением на будущее, гарантией душевного покоя. Но откладывали они немного. У них уходило на жизнь около восьми тысяч в год, и расходы не только не уменьшались, а постоянно росли. Юджин становился все более расточительным.

– Не слишком ли часто мы устраиваем приемы? – пыталась однажды запротестовать Анджела.

Но он только беспечно отмахнулся, сказав:

– Мне нельзя иначе, раз я занимаю такой пост. Наши приемы создают мне престиж. Люди в моем положении вынуждены это делать.

В конце концов у Юджина стали бывать действительно выдающиеся люди, самые блестящие представители различных кругов и профессий. Они ели за его столом, пили его вина, завидовали его богатству и мечтали занять его место.

Между тем Анджела и Юджин не только не сближались духовно, а, наоборот, отдалялись друг от друга. Анджела ничего не забыла, она так и не простила Юджину его ужасной измены и не верила, что он окончательно излечился от своих гедонистических наклонностей. В их доме бывало много красивых женщин, для которых Анджела устраивала то чай, то завтрак или вечерний прием. С помощью Юджина затевались интересные вечера, так как ему не стоило никакого труда собрать у себя талантливых музыкантов, актеров, литераторов и художников. Среди его знакомых было много мужчин и женщин, которые умели делать с присутствующих моментальные наброски карандашом или углем, показывать фокусы, выступать с имитациями, петь, танцевать, играть, декламировать, рассказывать смешные анекдоты. Он настаивал на том, чтобы приглашения рассылались только признанным красавицам, так как ему не доставляло никакого удовольствия смотреть на уродин, и, как ни странно, находились десятки женщин, которые не только были необычайно красивы, но к тому же и пели, танцевали, играли на сцене, сочиняли романсы, рассказы и драмы. Почти все они были прекрасными собеседницами, их нетрудно было развлекать, – вернее, они сами себя развлекали. Излюбленным номером Юджина, по его собственному выражению, было втиснуть человек пятнадцать – двадцать в три-четыре машины и в три утра, после званого вечера, отправиться в загородный ресторан завтракать и любоваться восходом солнца. Такой пустяк, как семьдесят пять долларов за автомобили или тридцать пять долларов за завтрак, нисколько его не смущал. Какое это ни с чем не сравнимое удовольствие – достать кошелек и вынуть четыре, пять или шесть десятидолларовых бумажек, зная, что такой расход тебе нипочем: ведь будут еще деньги, и из того же источника. Юджин мог в любое время послать к кассиру за пятьюстами или тысячей долларов. Он

всегда имел при себе от ста пятидесяти до двухсот долларов наличными, не говоря уже о чековой книжке, и чаще всего расплачивался чеками. Ему было приятно доказывать себе, что его имя всем известно, и его действительно все знали.

«Юджин Витла! Юджин Витла! Еще бы! Замечательно милый человек!»

Или: «Это просто изумительно, как ему удалось так высоко взлететь!»

Или: «Я был вчера у Витлы. Смею вас уверить, что вы в жизни не видали такой очаровательной квартиры! Просто чудо! Какой у них там замечательный вид!»

Люди делились друг с другом впечатлениями о значительных лицах, которых приглашал Юджин, о знаменитостях, которых можно встретить в его доме, о красивых женщинах и о чудесной панораме, открывавшейся из его окон. «А миссис Витла – какая милая женщина!»

Но во всех этих разговорах было немало пренебрежения и зависти, а в отзывах о миссис Витла обычно недоставало тепла. Она не считалась такой обаятельной личностью, как ее супруг, хотя мнения на этот счет расходились. Те, кто искал в людях ум, лоск, остроумие, непринужденность обхождения, превозносили Юджина и далеко не так симпатизировали Анджеле. Те же, кто ценил в человеке положительность, искренность, постоянство и такие безыскусственные добродетели, как преданность и трудолюбие, восхищались Анджелой. Всем было ясно, что она – верная слуга своего мужа, что она перед ним преклоняется.

«Очаровательная маленькая женщина, совсем в домашнем вкусе. Непонятно, как он мог на ней жениться. Они так не похожи друг на друга. И все-таки между ними, кажется, много общего. Странно, не правда ли?»

Глава XLIV

В те дни, когда Юджин приближался к вершине своего успеха, на его пути снова появился Кенион С. Уинфилд, – Уинфилд, бывший сенатор штата Нью-Йорк, президент Лонгайлендской компании недвижимых имуществ, основатель новых поселков, скупщик земельных участков, финансист, художник, человек, близкий Юджину по типу и темпераменту. В обществе много говорили о его необыкновенных операциях с земельными участками. Высокого роста, худощавый, с черными волосами и в меру крючковатым носом, Уинфилд был любезен, умен, преисполнен чувства собственного достоинства и неиссякаемого оптимизма. В свои сорок восемь лет он мог служить прекрасным примером светского человека, обладающего инициативой, пылким воображением и организаторскими способностями – вместе с изрядной долей хладнокровия и здравого смысла, необходимых для того, чтобы удержаться на ногах в мире, где идет борьба не на жизнь, а на смерть. Он не был великим человеком, но так близко подходил под это определение, что многие обманывались на его счет. Его черные глаза, глубоко сидевшие в орбитах, сверкали каким-то странным блеском, в них даже чудился красноватый огонек. Бледный, с чуть впалыми щеками, он смахивал на салонного Мефистофеля, но в нем не было ничего дьявольского в обычном смысле этого слова, – в нем жила душа артиста, гибкая, изворотливая, проницательная. Его система заключалась в том, чтобы, снискав расположение людей с деньгами, вытягивать у них те огромные суммы, которые нужны были ему для осуществления проектов, вернее, фантазий, рождавшихся у него беспрестанно. Эти фантазии всегда значительно превосходили емкость его бумажника: но в них было столько прелести, что люди увлекались и вместе с Уинфилдом строили воздушные замки.

Уинфилд был прежде всего спекулянтом недвижимым имуществом, а затем – мечтателем и прожектером. Прожекты его заключались в том, чтобы строить близ города уютные поселки, где хорошенькие коттеджи, гладко вымощенные, обсаженные тенистыми деревьями улицы, канализация, газ, электричество, удобное железнодорожное сообщение, трамвай и прочие атрибуты цивилизации создавали бы идеальные условия жизни для преуспевающих горожан. Такой поселок должен был стать прибежищем для избранных, местом приятным и спокойным, достаточно уединенным и в то же время неразрывно связанным с сердцем Нью-Йорка – города, которым Уинфилд горячо восхищался. Он родился и вырос в Бруклине и был политиком, оратором, страховым агентом, подрядчиком и так далее. Ему удалось создать целый ряд пригородных поселков – Уинфилд, Санисайд, Руритания, Вязы – на площади в сорок, пятьдесят, сто и двести акров, которые с помощью «Ч. Д.» (как он сокращенно именовал чужие деньги) он разбил на кварталы, засадил деревьями, кое-где распланировал скверы и проложил бетонные тротуары, закрепив единство своего архитектурного замысла множеством ограничительных правил. Всякий, кто приезжал присмотреть себе участок в одном из усовершенствованных поселков Уинфилда, неизменно обнаруживал, что самый лучший участок, расположенный в центре всяческих благоустройств по последнему слову науки и техники, отведен под великолепный особняк, который мистер Кенион С. Уинфилд собирается строить лично для себя. Надо ли говорить, что эти особняки так никогда и не были построены. Покупателям рассказывали, что мистер Уинфилд объездил весь мир, видел на своем веку много красивых мест, но выбрал Уинфилд, или Санисайд, или Руританию, или Вязы, как единственный уголок на земном шаре, где он желал бы провести остаток своих дней.

Когда Юджин встретился с Уинфилдом, тот строил планы создания нового курорта Минета-Уотер на берегу залива Грейвсенд. Это был самый грандиозный из всех его честолюбивых замыслов. Уинфилд пользовался поддержкой целого ряда бруклинских политиков и финансистов, на глазах у которых он успешно провел несколько мелких операций с участками в десять, двадцать и

тридцать акров, получив от трехсот до четырехсот процентов прибыли. Но, несмотря на все эти удачи, дело подвигалось медленно. Сейчас у Уинфилда было триста или четыреста тысяч долларов собственных денег, и это давало ему новое, доселе незнакомое в финансовых делах чувство свободы, внушая мысль, что он может достичь чего угодно. У него было множество всяких знакомых – адвокатов, банковских служащих, врачей и коммерсантов, – представителей «беспечных классов», как он их называл. Каждый имел немного свободных денег, которые он мог вложить в какое-нибудь дело, и Уинфилду удавалось вовлечь в свои спекуляции сотни состоятельных людей. Самые обширные его прожекты, однако, не были еще осуществлены. Так, его воображению рисовалась целая система товарных складов и транспортных контор на берегу Джамэйка-Бей, – эта идея должна была принести ему миллионы. Он мечтал также создать великолепный курорт, но проект этот был, собственно говоря, еще не вполне ему ясен. Газеты пестрели его объявлениями, его плакаты с названиями новых поселков были расклеены по всему Лонг-Айленду.

Юджин впервые познакомился с Уинфилдом, когда работал у Саммерфилда, а на этот раз они встретились в доме некоего В. В. Уилибрэнда на северном побережье Лонг-Айленда, близ Хемпстеда. Юджин отправился туда однажды в субботу вечером по приглашению миссис Уилибрэнд, с которой познакомился где-то на балу. Ей понравилась его веселая, оживленная манера держаться, и она позвала его к себе. Уинфилд также заехал туда на своей машине.

– Да, да, я вас хорошо помню, – любезно сказал Уинфилд. – Мне рассказывали, что вы работаете в «Юнайтед мэгэзинс», – одном из наиболее процветающих наших издательств. Я хорошо знаю мистера Колфакса. У нас как-то вышел о вас разговор с Саммерфилдом. Занятный человек и, между прочим, необыкновенно способный. Вы тогда изготовили ему серию реклам для сахарозаводчиков, или их готовили под вашим руководством. Признаюсь, я позаимствовал идею ваших рисунков, когда рекламировал Руританию. Может быть, заметили? Вы, однако, преуспели с тех пор. Я пытался тогда разъяснить Саммерфилду, что в вашем лице он приобрел исключительного работника, но он и слушать не хотел. Этот человек живет только для себя, он не понимает, что значит работать с кем-нибудь на равных основаниях.

Юджин улыбнулся при воспоминании о Саммерфилде.

– Да, способный человек, – просто сказал он. – Я многим обязан ему.

Это понравилось Уинфилду. Он ждал, что его собеседник будет ругать Саммерфилда. Его приятно поразило добродушие Юджина и его умное, выразительное лицо. Он подумал, что если ему понадобится рекламировать какой-нибудь из своих крупных проектов, он обратится к Витле или к тому, кто делал эскизы для сахарозаводчиков, – вот кто даст ему правильную идею.

Родство душ – странное явление. Оно легко соединяет людей помимо их сознания и воли. Несколько минут спустя Юджин и Уинфилд уже сидели рядом на веранде, смотрели на простиравшийся перед ними зеленый лес, на широкую лагуну, испещренную белыми парусами, на видневшийся вдали берег Коннектикута и беседовали – в самых общих чертах – о сделках с недвижимостью, о ценах на землю и о том, какие результаты дают финансовые операции в этой области. Юджин нравился Уинфилду, а тот с интересом разглядывал бледное лицо собеседника, его тонкие, очень белые руки и серый костюм из мягкой шерсти. Вид этого человека вполне соответствовал его репутации, вернее даже превосходил ее. Юджин видел и Руританию и Вязы. Не бог весть что, конечно, но все-таки, пожалуй, недурны. Как раз то, что требуется для людей среднего достатка, – подумал он тогда.

– Вам, вероятно, доставляет удовольствие работать над планом нового поселка? – заметил Юджин во время беседы. – Взять девственный кусок земли и превратить его в улицы и дома, должно быть, страшно увлекательная штука. Планировать улицы и делать наброски домов применительно к той или другой категории застройщиков – это как раз по мне. Я иногда жалею, что не родился архитектором.

– Да, это большое удовольствие, – ответил Уинфилд. – Если бы работа состояла только в этом! Но, к сожалению, главное – финансовая сторона. Нужно добывать деньги для приобретения земли и на благоустройство. Если благоустройство не ограничивается самым необходимым, оно стоит очень дорого. И, в сущности говоря, вы не можете ожидать больших прибылей с помещенного капитала, пока строительство не доведено до конца. А когда вы все закончили, опять нужно ждать. Если вы застроили участки, остерегайтесь сдавать дома внаем; как только вы это сделаете, вам уже не удастся продать их, как новые. Кроме того, благоустройство на уровне современных требований вызывает увеличение налогов. Опять же, если вы продали участок и покупателю почему-либо не нравится ваш план, он может построить дом, который уничтожит эффект всего целого. Ведь никто вам не позволит обусловить в контракте все архитектурные особенности; вы можете только предусмотреть минимальную сумму, которая должна быть израсходована на дом и материалы, из которых он будет строиться. Понятия о красоте у всех разные, тем более что вкусы со временем меняются. А иногда целый город, вроде, скажем, Нью-Йорка, может вдруг прийти к заключению, что он хочет расти на запад, тогда как вы все расчеты построили на том, что он будет расти на восток. Тут приходится, как видите, многое принимать в соображение.

– Все это звучит убедительно, – сказал Юджин. – Но не кажется ли вам, что если правильный замысел правильно преподнести, то это привлечет как раз тех людей, какие вам нужны? Разве в самом замысле не содержатся все условия?

– Да, да, это так, – не задумываясь, ответил Уинфилд. – Если посвятить делу достаточно внимания, то можно добиться своего. Беда лишь в том, что тут легко перемудрить. Мне случалось видеть, что попытки достигнуть совершенства ровно ни к чему не приводили. Люди со вкусом, традициями и деньгами не селятся, как правило, в новых пригородах. Обычно приходится иметь дело с теми, кто разбогател недавно. Немало также людей среднего достатка готовы до крайности напрячься, лишь бы жить в лучших условиях, но они далеко не всегда знают, что им нужно. Итак, если у человека есть деньги, это еще вовсе не значит, что у него достаточно вкуса и что он в состоянии схватить вашу мысль; а если у него есть вкус, то у него нет денег. Он и рад бы следовать вашим советам, но не имеет возможности. Человек в моем положении – это художник, учитель, духовник и финансист в одном лице. Когда пускаешься в серьезные операции с недвижимостью, приходится быть и тем, и другим, и третьим. Мне часто везло, но бывали и неудачи. Поселок Уинфилд – одна из крупнейших неудач. Мне сейчас и думать о нем противно.

– Моя давнишняя мечта – разработать проект приморского курорта или дачного поселка, – задумчиво сказал Юджин. – Мне пришлось за свою жизнь побывать на двух-трех заграничных курортах. И я убедился, что у нас ни один не удовлетворяет современным требованиям – во всяком случае из ближайших к Нью-Йорку. А возможности изумительные. То, что создано до сих пор, ужасно. Никакого плана, ни одной красивой детали!

– Это и мое мнение, – сказал Уинфилд. – Я уже много лет об этом думаю. Такой курорт вполне можно построить, и, при правильной постановке дела, успех был бы грандиозный. Хотя тем, кто взялся бы за эту затею, пришлось бы долго ждать своих денег.

– Зато именно тут можно создать нечто подлинно значительное! – подхватил Юджин. – Никто, по-видимому, не отдает себе отчета в том, какой красоты можно достигнуть.

Уинфилд ничего больше не сказал, но мысль эта крепко засела у него в голове. Он мечтал о таком приморском курорте, который был бы в своем роде совершенством и прославил бы имя своего основателя. Если у Юджина есть это представление об истинно прекрасном, его советы могут пригодиться. Во всяком случае, когда придет время, с ним можно будет посоветоваться. Вероятно, он даже захочет вложить в дело немного денег. Подобный проект потребует миллионов, но и каждый доллар пригодится. К тому же у Юджина могут возникнуть и другие идеи, которые принесут прибыль и ему самому и Уинфилду. Об этом стоило подумать. Так они расстались, и, хотя до новой встречи прошли недели и месяцы, они не забыли друг друга.

Книга третья

Бунт

Глава I

С миссис Эмили Дэйл Юджин познакомился в то время, когда успех его достиг наивысшей точки.

Миссис Дэйл – необычайно умная и красивая женщина, на редкость сохранившаяся для своих тридцати восьми лет, родом из богатой и довольно известной нью-йоркской семьи голландского происхождения – была вдовой крупного банкира, погибшего во время автомобильной катастрофы в окрестностях Парижа задолго до описываемых событий. У нее было четверо детей – Сюзанна, восемнадцати лет, Кинрой – пятнадцати, Адель – двенадцати и Нинет – девяти. Такая большая семья нисколько не мешала ей играть видную роль в обществе, – она сохранила все свое женское обаяние и утонченную светскость. Высокая, изящная, с гибкой фигурой и копной темных волос, причесанных так, чтобы возможно лучше подчеркнуть красоту ее лица, она казалась безмятежно спокойной, хотя и не утратила способности к глубоким переживаниям. В ее обращении чувствовалась изысканная любезность и хорошее воспитание, а в тоне – снисходительное превосходство, которое так свойственно людям, выросшим в обеспеченной, привилегированной среде.

Миссис Дэйл отнюдь не считала себя страстной натурой, хотя и не отрицала, что хочет нравиться и блистать. Живая и наблюдательная, она искренне любила искусство и литературу и сама немного писала, но на первое место ставила свое положение в обществе. Юджина познакомил с нею Колфакс. От Колфакса же он узнал, что она была несчастлива в замужестве, – если не считать материальной стороны этого брака, – и что смерть мужа не была для нее непоправимой утратой. Тот же Колфакс рассказал ему, что она прекрасная мать и прилагает все усилия к тому, чтобы воспитать своих детей в полном соответствии с их положением и возможностями. Муж ее не мог похвалиться происхождением, зато она происходит из самого избранного круга. Она блистает в обществе, ее повсюду приглашают, и она часто принимает у себя, отдавая предпочтение молодым людям не только перед стариками, но и перед людьми своего возраста. Вокруг нее всегда увиваются искатели богатых невест, видящие в ее красоте, богатстве и связях ключ к успеху в обществе.

У миссис Дэйл было несколько домов в разных местах – один в Морристауне, штат Нью-Джерси, другой – на Стейтен-Айленде, в самом его фешенебельном районе Граймс-Хилл, третий – в Нью-Йорке, на Шестьдесят седьмой улице близ Пятой авеню (ко времени ее знакомства с Юджином он был сдан в долгосрочную аренду), и, наконец, дача в Леноксе в штате

Массачусетс, которая обычно тоже сдавалась в аренду. Вскоре после того, как состоялось их знакомство, дом в Морристауне был закрыт, и лето семья проводила в Леноксе.

Зимой миссис Дэйл предпочитала жить на Стейтен-Айленде, в своем фамильном особняке на холмах Граймс-Хилл, откуда открывался великолепный вид на залив и нью-йоркскую гавань. На севере туманной грядой тянулись менее высокие здания Манхэттена. На востоке зыбилось море, то голубое, то серое, то свинцовое. На западе виднелся Килл-ван-Кал с многочисленными судами и склоны Орендж-Хиллс. В яхт-клубе Томкинсвилла у миссис Дэйл была своя моторная лодка, которой пользовался Кинрой, а в ее городском гараже стояло несколько автомобилей. Она держала верховых лошадей, в доме у нее было четверо постоянных слуг – словом, в ее распоряжении были все те преимущества и удобства, из которых состоит жизнь беспечных богачей.

Две ее младшие дочки учились в фешенебельном пансионе в Территауне, а сын Кинрой готовился в Гарвардский университет. Старшая дочь Сюзанна жила теперь дома с матерью; она только что вышла из пансиона и уже начала выезжать.

Было что-то свое, особенное в этой цветущей девушке, то порывистой, то мечтательно безразличной, с улыбкой, подобной дыханию ветерка, оживляющего поверхность вод. Большие голубовато-серые глаза Сюзанны, румяные, красиво очерченные губы и еще по-детски округлое розовое личико в ореоле пышных русых волос были полны неизъяснимого очарования, а ее девичий стан дышал и невинностью и сладострастием. Смех ее напоминал журчанье ручья, – а она часто и заразительно смеялась, потому что радовалась каждой шутке. Это была одна из тех от природы мудрых, но еще не вполне сложившихся поэтических натур, которые в невинности своей сердцем угадывают глубочайшие тайны жизни; они вырываются на простор жизни, такие же прекрасные и – увы! – такие же хрупкие, как легкокрылая бабочка, выпорхнувшая из куколки на утренней заре. Юджин впервые увидел Сюзанну много времени спустя после знакомства с ее матерью, но, увидев, был поражен ее красотой.

Жизнь подчас лепит свои загадки из грубой глины, одним взглядом двенадцатилетней девочки вдохновляя великого Данте. Она может быка сделать богом, и обожествить ибиса или жука, и воздвигнуть алтарь золотому идолу, которому толпа будет поклоняться. Парадокс? Да, парадокс. В Сюзанне за незрелой, но уже близкой к совершенству красотой скрывалось детски поэтическое, туманное представление о мире. Это было существо столь юное, с душою столь ищущей, что невольно возникал вопрос – неужели в такой оболочке таится трагедия?

Вы скажете – безрассудное дитя?

Нет, не совсем так, но такая мечтательность, такая аморфность представлений при первом опрометчивом шаге грозили серьезной бедой.

Ведь щедро одаренная природой и судьбой, она несла в себе опасность, соблазн, хотя и совершенно бессознательный. Если бы настоящий художник задумал написать портрет Сюзанны, воплотив в нем гармонию ее души и тела, он изобразил бы ее стоящей на вершине горы в развевающихся по ветру прозрачных, облепивших ее одеждах, со взглядом, устремленным к далеким холмам или на падающую звезду. Жизнь была полна для Сюзанны неразгаданных тайн. Ее сознание было подобно облачной дымке, сквозь которую пробивается утреннее солнце, окрашивая все вокруг в розовые и золотистые тона, подобно раковинам-жемчужницам тропических морей, чуждым творческого замысла, но таящим в себе совершенство и красоту. Мечты! Мечты об облаках, о вечерней заре, о ярких красках, о звуках, – мечты, которые прозаический мир постарается потом осквернить. То, что Данте видел в Беатриче, Абеляр – в Элоизе, Ромео – в Джульетте, то же мечтательный юноша мог увидеть и в ней и, подобно им, пасть жертвой рока.

Юджин познакомился с миссис Дэйл в субботу вечером в одном доме на Лонг-Айленде, и они сразу подружились. Их представил друг другу Колфакс; его резкая прямолинейная шутка с первых же слов рассеяла все иллюзии, какие могли возникнуть у миссис Дэйл насчет семейного положения Юджина.

– Не советую вам на него заглядываться! – смеясь сказал он. – Мистер Витла женат.

– Что ж, тем приятнее, – с легким смехом ответила она, протягивая Юджину руку.

– Я рад, что и бедного женатого человека еще где-то ценят, – подхватил шутку Юджин.

– Вы должны радоваться, – ответила миссис Дэйл. – Ведь в этом ваша свобода и защита. Подумайте, в какой вы безопасности!

– Понимаю, понимаю, – сказал Юджин. – Иными словами, все стрелы госпожи судьбы минуют меня?

– Да, и вам ничто не угрожает!

Он предложил ей руку, и они вместе вышли на террасу.

В этот день миссис Дэйл немного скучала. Гости надолго засели за карты – и пожилые дамы, и молодые девушки играли с одинаковым увлечением. Юджин не был особенно силен в бридже да и вообще мало соображал в картах, а миссис Дэйл и вовсе была к ним равнодушна.

– Я пыталась подбить публику на автомобильную прогулку, но ничего не вышло, – пожаловалась она. – Сегодня все одержимы лихорадкой стяжательства. Может быть, и вы такой алчный?

– Такой же, смею вас уверить, но я плохой игрок. Моя алчность в том и выражается, что я держусь подальше от ломберного стола. Это у меня своего рода способ копить деньги. На днях, представьте, этот негодяй Фарадэй обчистил меня и еще двоих партнеров на четыреста долларов! Удивительно, право, как некоторым людям везет! Стоит им только взглянуть на колоду или осенить ее какими-то таинственными знаками, и эти проклятые карты сами складываются в выгодные для них комбинации. Право же, это преступление, которое следовало бы карать по всей строгости уголовного кодекса, – особенно, когда обыгрывают меня. Меня, безобиднейшего представителя семейства двуногих, не играющих в бридж!

– Бедненький, как вас напугали. Ну, и не надо вам играть. Давайте сядем. Здесь никто не станет на вас покушаться.

Они уселись в зеленые камышовые кресла, и слуга предложил им кофе. Миссис Дэйл взяла чашку. Разговор после бриджа перешел на светских знакомых – был обсужден некто Бристоу, преуспевающий фабрикант чемоданов, с него перескочили на путешествия, а с путешествий – на искателей богатых невест, с которыми миссис Дэйл случалось иметь дело. Автомобильная прогулка все же состоялась по требованию других гостей. Но Юджина вполне удовлетворяло общество этой женщины, и он остался с ней. Они говорили о книгах, об искусстве, о журналах, о том, как делаются состояния и создаются репутации. Миссис Дэйл была особенно любезна с Юджином, потому что он мог оказать ей некоторые услуги на литературном поприще. Прощаясь, она спросила его:

– Где вы живете в Нью-Йорке?

– В данное время на Риверсайд-Драйв, – ответил он.

– Приезжайте как-нибудь ко мне вместе с миссис Витла на воскресенье. У нас обычно собирается несколько человек, – места в доме достаточно. Если хотите, я назначу вам день.

– Благодарю вас. Мы будем очень рады. Я уверен, что моей жене это доставит большое удовольствие.

Дней десять спустя миссис Дэйл послала Анджеле приглашение, и таким образом завязалось светское знакомство.

Миссис Дэйл нашла Анджелу безусловно приятной женщиной, какую бы роль она ни играла в свете. Во время своего первого посещения Юджин и Анджела не видели ни Сюзанны, ни кого другого из детей миссис Дэйл, так как их не было дома. Юджин восхищался открывавшимся из окон видом, и было ясно, что он рассчитывает на вторичное приглашение. Миссис Дэйл ничего лучшего и не желала. Юджин нравился ей и сам по себе, хотя прежде всего ее привлекало то, что он занимает крупный издательский пост. Ей очень хотелось печататься, а она слышала от многих, что Юджин – восходящее светило в этом мире. Дружеские отношения с ним могли оказаться ей на руку, если бы пришлось иметь дело с кем-нибудь из его редакторов, и она всячески подчеркивала свое расположение к нему. Он был приглашен еще и еще раз – вместе в Анджелой, – и между ними, казалось, стало завязываться, или во всяком случае могло завязаться, нечто более содержательное, чем простое знакомство встречающихся в обществе людей.

Спустя полгода после первой встречи Юджина с миссис Дэйл Анджела устраивала прием, и Юджин, помогая ей составить список приглашенных, предложил, чтобы конфеты и печенье разносили две очень хорошенькие девушки, часто бывавшие у них, – Флоренс Рил, дочь известного писателя, и Марджори Мак-Теннен, дочь видного издателя. Барышни были и красивы и талантливы – одна пела, другая рисовала. Анджела кстати вспомнила, что видела на городской квартире у миссис Дэйл фотографию Сюзанны, – красота девушки и очарование ее юности произвели на нее большое впечатление.

– Как ты думаешь, – сказала она Юджину, – не разрешит ли нам миссис Дэйл пригласить на помощь Сюзанну? Мы, правда, ни разу не видели ее, но это не важно, – так она легче со всеми познакомится. Я уверена, что это доставит ей удовольствие, – ведь у нас будет много интересных людей.

– Что ж, мысль неплохая, – одобрительно отозвался Юджин.

Он видел портрет Сюзанны, и девушка понравилась ему, но не более. Он всегда считал фотографии самым бездарным жульничеством и всегда принимал их с поправкой. Анджела написала миссис Дэйл, и та дала согласие, она и сама выразила готовность приехать. Она и раньше бывала у Витла и находила, что это очень приятный дом. В день приема Анджела попросила Юджина вернуться пораньше.

– Я знаю, тебе не слишком улыбается роль гостеприимного хозяина, но будут мистер Гудрич и Фредерик Эллан (один из немногих друзей, питавших искренне расположение к Юджину). Артуро Скальчеро споет нам, а Бонавита сыграет.

Скальчеро, иначе Артур Скалджер, был уроженец Порт-Джервиса в штате Нью-Джерси; после кратковременного пребывания в Италии он изменил свою фамилию на итальянский лад, считая, что это повысит его шансы на успех. Бонавита же был настоящий испанец, пианист, пользовавшийся некоторой известностью. Он всегда охотно отзывался на приглашения Юджина.

– По правде говоря, меня это не очень прельщает, но я приеду, – сказал Юджин.

Эти званые чаи и приемы в сущности тяготили его, и он предпочел бы провести вечер на службе, где у него было достаточно дела. Тем не менее он рано ушел из издательства и в половине шестого уже входил в гостиную. Здесь царило большое оживление: Флоренс Рил только что кончила петь. Как многие молодые девушки, честолюбивые мечтательницы, наделенные темпераментом и воображением, она чувствовала интерес к Юджину, угадывая в его улыбке что-то близкое и родственное.

– О, мистер Витла! – воскликнула она. – Вы пришли, когда я уже спела! А мне так хотелось, чтобы вы меня послушали!

– Не огорчайтесь, Флори, – фамильярным тоном отозвался Юджин, не выпуская ее руки и ласково глядя ей в глаза. – Вы еще раз повторите – специально для меня. Кое-что я все-таки успел услышать, поднимаясь в лифте. А! Миссис Дэйл! – Он выпустил руку девушки. – Как я рад вас видеть! Вот мило! Артуро Скальчеро! Здорово, Скалджер, старый морж! Где это вы раздобыли свое итальянское имя? Бонавита! Вот чудесно! Надеюсь, вы нам сыграете? Я опоздал? Как жаль! Марджори Мак-Теннен! Вы сегодня очаровательны! Если бы миссис Витла не видела нас, я бы вас расцеловал! И какая восхитительная шляпка! А, Фредерик Эллан! Вы тут на кого заглядываетесь? Ладно, ладно, я все вижу! И миссис Шенк у нас? Очень рад! Анджела, почему ты мне не сказала, что будет миссис Шенк? Я бы примчался домой в три часа.

Здороваясь с гостями, он прошел в глубину просторной студии. Здесь у сверкающего серебром чайного стола стояла молодая цветущая девушка, с прелестным овалом лица и свежими, полураскрытыми в улыбке губами. Ее русые волосы были стянуты вокруг лба серебряной лентой, из-под которой выбивались легкие завитки. Юджин обратил внимание на ее полные красивые руки. Она держалась очень прямо и вместе с тем непринужденно, в глазах ее светился чуть насмешливый огонек. Белое с розовой каймой платье красиво облегало девичью фигуру.

– Я, конечно, вас не знаю, – начал Юджин, – но сейчас попробую угадать. Это… это… Сюзанна Дэйл! Правда?

– Да, вы угадали, – отвечала она смеясь. – Можно предложить вам чашку чаю, мистер Витла? Я догадалась, что вы мистер Витла, по описанию мама и по тому, как вы со всеми разговариваете.

– А как же я со всеми разговариваю, разрешите узнать?

– Это не так просто объяснить. Я знаю, но не нахожу нужного слова. Фамильярно – вот, по-моему, как. Сколько вам сахару – один кусок или два?

– Лучше три. Помнится, ваша матушка говорила, что вы поете или играете?

– Не верьте всему, что говорит про меня мама. Она вам много чего расскажет, – ха-ха! Даже смешно – это я-то играю! Мой учитель говорит, что ему хочется бить меня по пальцам. О боже! (Она залилась смехом.) И это я пою! Вот потеха!

Юджин внимательно изучал хорошенькое личико девушки. Ее губы, нос и глаза были очаровательны. Как она прелестна! Он любовался линиями ее рта, округлостью щек и подбородка. Изящный нос правильной формы, чуть широкий и не нервный, уши маленькие, глаза большие, широко расставленные, высокий, наполовину закрытый завитками лоб. На лице у нее было несколько веснушек, а на подбородке – чуть заметная ямочка.

– Кто это разрешил вам так смеяться? – сказал Юджин с притворным негодованием. – Смотрите, как бы вам не пришлось отвечать за свой смех. Во-первых, он противоречит уставу этой обители. Здесь никому никогда не разрешается смеяться, а тем более девицам, разливающим чай. Чай, как правильно выразился Эпиктет, требует самого внимательного отношения.

Разливательницы чая пользуются некоторой привилегией – им дозволено изредка улыбаться, – но никогда ни за что и ни при каких обстоятельствах…

Губы Сюзанны уже начали складываться в восхитительную улыбку, предвещавшую новый взрыв смеха.

– Что тут происходит, Витла? – спросил подошедший к ним Скалджер. – Почему вы здесь застряли?

– Чай, сын мой, – ответил Юджин. – Не выпьете ли со мной чашку?

– С удовольствием.

– Представьте, мистер Скалджер, мистер Витла хочет убедить меня, что мне нельзя смеяться, – пожаловалась Сюзанна, протягивая Скалджеру чашку чаю. – Можно только улыбаться. – Губы ее раскрылись, и она весело расхохоталась. Юджин невольно рассмеялся вместе с ней. – Мама (она каждый раз произносила «мама») уверяет, что я вечно хихикаю! Меня, наверно, прогонят отсюда, правда?

Она снова повернулась к Юджину и посмотрела на него своими большими смеющимися глазами.

– Допускаются, конечно, исключения, – сказал он, – и я готов, пожалуй, сделать одно, но ни в коем случае не больше!

– А зачем одно? – лукаво улыбаясь, спросила она.

– Ах, только ради того, чтобы услышать естественный смех, – протянул он чуть жалобно. – Чтобы услышать настоящий беззаботный смех. Вы умеете смеяться беззаботно?

Она снова расхохоталась, и он уже собирался сказать, что у нее смех действительно беззаботный, но тут Анджела позвала его слушать Флоренс Рил, которая опять собиралась петь, специально для него. Юджин нехотя отошел от мисс Дэйл, мысленно сравнивая ее с яркой мейсенской статуэткой. Она казалась ему изменчивой в своем совершенстве, как весенний вечер, нежной, трепетной и пленительной, как отдаленная музыка, звучащая в ночи над водой. Он подошел к роялю и, отдавшись чувству легкой грусти, стал слушать романс «Летний ветер веет, веет» в прекрасном исполнении Флоренс Рил.

Юджин слушал и думал о Сюзанне. Его взгляд невольно обращался в ее сторону. Он разговаривал с миссис Дэйл, с Генриеттой Тенмон, с Люком Севирасом, с мистером и миссис Дьюла, с Паялеем Стояном (который был теперь специальным корреспондентом какой-то газеты) и с другими, а сам ни на минуту не забывал о ней. Как она прелестна! Как очаровательна! Если бы еще хоть раз в жизни насладиться любовью такой девушки!

Гости начали разъезжаться, Анджела и Юджин провожали их. Поскольку Сюзанна все еще была занята исполнением своих обязанностей, миссис Дэйл тоже задержалась, продолжая беседовать с Артуром Скалджером. Юджин ходил из студии в переднюю и обратно, поглядывая украдкой на Сюзанну, скромно стоявшую у самовара и чашек. Давно не видел он такого молодого и свежего существа. Она напоминала ему только что распустившуюся белую водяную лилию. Она была свежа, как ветка цветущей яблони, как первая сочная весенняя травка. Глаза ее были ясны, как прозрачный ключ, а кожа – белее слоновой кости. Ее не коснулись еще ни усталость, ни забота, ни черные мысли, – все в ней говорило о здоровье и счастье. «Какое лицо!» – восторгался он, издали наблюдая за ней. – Трудно себе представить более прелестное создание. Она сверкает, как солнечный луч.

Перед его глазами встал образ Фриды Рот, а из далекого-далекого прошлого вынырнуло воспоминание о Стелле Эплтон.

Молодость, молодость! Что в этом мире может быть прекраснее и желаннее? Что может сравниться с нею? После пыльных грязных улиц, после печального зрелища старости и увядания (морщинки у глаз, складки кожи на шее, массаж, румяна, пудра) вдруг – настоящая молодость, не только тела, но и души, – глаза, улыбка, голос, движения – все молодое. Такое чудо невозможно изобразить на полотне! Кто мог бы на это отважиться? Кому это удавалось?

Юджин пожимал гостям руки, кланялся, деланно улыбался, смеялся, шутил, но думал неотступно об одном – о чуде, каким была молодость и красота Сюзанны Дэйл.

– О чем это ты замечтался? – спросила Анджела, подходя к мужу, который уселся в качалку у окна и при свете догорающей зари следил за игрой серебристо-серых и фиолетовых бликов на поверхности воды. В воздухе носились запоздалые чайки. Огромная фабрика на противоположном берегу выбрасывала из высоких труб спирали черного дыма. В ее стоглазой стене

замерцали огоньки. Едва на соседней башне пробило шесть, раздался пронзительный рев сирены. Стоял конец февраля, и день был холодный.

– Да так, смотрю в окно. Красиво, – устало ответил он.

Анджела не поверила ему. Какая-то смутная тревога закралась ей в душу, но прошло то время, когда они могли ссориться из-за того, о чем Юджин думал. Слишком уж богато и беспечно им жилось. И все же ее мучило беспокойство.

Для Сюзанны Дэйл эта встреча прошла в сущности незаметно. Мистер Витла очень милый, приятный и красивый мужчина, а миссис Витла очень мила и моложава.

– Мама, ты смотрела из окна квартиры мистера Витлы?

– Да, детка, смотрела.

– Правда, чудный вид?

– Прекрасный!

– А тебе, мама, не хотелось бы жить на Риверсайд-Драйв?

– Возможно, мы когда-нибудь там и поселимся.

Миссис Дэйл задумалась. Да, Юджин интересный мужчина – молодой, блестящий, талантливый. Какую ошибку совершают молодые люди, когда так рано женятся. Вот вам преуспевающий человек, он принят в высшем обществе, у него привлекательная внешность, весь мир, можно сказать, открыт перед ним, а он женат на женщине, которая хоть и очень мила, но все же никак ему не пара.

«Ну что ж? – подумала она. – Такова жизнь. Стоит ли над этим задумываться? Каждый живет, как может».

Она решила, что недурно было бы написать на эту тему рассказ и попросить Юджина напечатать его в одном из своих журналов.

Глава II

Пока происходили эти события, дела «Юнайтед мэгэзинс» неуклонно улучшались. Уже к концу первого года Юджин справился со многими трудностями как в рекламе, так и в издательском деле, и теперь они больше не беспокоили его, а к концу второго года предприятие было, можно сказать, на верном пути к расцвету. Юджин приобрел в издательстве такое большое влияние, что в огромном доме, где работало свыше тысячи человек, все знали его в лицо. Перед ним лебезили и расстилались почти так же, как перед Колфаксом и Уайтом, хотя последний, по мере того как улучшалось общее положение дел, становился все более властной и внушительной фигурой. Этот человек, получавший двадцать пять тысяч в год и имевший звание вице-президента, боялся, как бы новый директор не забрал себе всю власть. Его крайне раздражала самоуверенность Юджина, так как тому действительно недоставало такта и, вместо того чтобы держаться скромно, он склонен был подчеркивать свои заслуги. Он то и дело сообщал Колфаксу о своих новых успехах, не смущаясь присутствием Уайта, которого попросту не замечал. То он заполучил видного автора, то раздобыл новую рукопись для того или иного журнала, то придумал остроумный способ улучшения работы отделов или же заключил новый прибыльный контракт на изготовление реклам. Стоило ему появиться в кабинете президента, как он становился предметом всеобщего внимания – его хвалили, поздравляли, так как он вел дело энергично, и Колфакс это понимал. Уайт едва переносил его.

– Ну, какой еще подвиг удалось вам совершить? – весело спросил его однажды Колфакс в присутствии Уайта; он знал, что Юджин, как ребенок, любит похвалу и что над ним можно слегка подшутить. Уайт скрыл свое бешенство за притворной улыбкой.

– Подвигов особенных нет, но Хейз добился договора с консервной компанией Хамонд. Это значит, что в будущем году издательство получит лишних восемнадцать тысяч долларов. Пригодится, не правда ли?

– Молодчина Хейз! Черт возьми, Витла, я начинаю думать, что он, пожалуй, больше вашего смыслит в рекламе. Конечно, откопали его вы, никто не отрицает, но этот малый знает свое дело. Если бы с вами что-нибудь случилось, я непременно удержал бы его у себя.

Уайт сделал вид, будто ничего не слышит, но обрадовался и про себя решил оказывать Хейзу покровительство.

У Юджина вытянулось лицо; неожиданный интерес к успехам его помощника – в пику ему – подействовал на него, как ушат холодной воды. Не очень это приятно, когда вам противопоставляют ваших помощников и умаляют вашу собственную роль. Разве не он разыскал всех этих людей и вдохнул жизнь в предприятие? Уж не собирается ли Колфакс отвернуться от него?

– Ну что ж, – невозмутимо ответил он.

– Что это вы надулись? – как ни в чем не бывало спросил Колфакс. – А-а, понимаю! Но я вовсе не в упрек вам говорю. Разумеется, вы нашли этого человека. Я только довожу до вашего сведения, что, случись с вами что-нибудь, я никуда не отпущу Хейза.

Юджин почувствовал в этих словах скрытый намек. Это было равносильно предупреждению, что он не имеет права увольнять Хейза. Колфакс не сказал этого, но такой напрашивался вывод. И Юджин вышел из кабинета, думая о том, какой неблагоприятный оборот принимает дело. Ведь если он будет подбирать толковых работников без права их увольнять, в какое положение попадет он сам, вздумай они повести себя вызывающе? Стоит им только пронюхать о таком настроении высшего начальства, – что вполне возможно благодаря Уайту, – и они набросятся на него, как львы на укротителя! Да, все это было весьма неожиданно и неприятно.

Надо сказать, что раньше подобная мысль не пришла бы Колфаксу в голову, так как Юджин был его любимцем. Но постоянные злонамеренные предупреждения и намеки Уайта принесли свои плоды. Успехи, достигнутые Юджином в реорганизации издательства, бесили Уайта. Он считал, что Юджина вознесли не по заслугам, а главное – в ущерб другим работникам. Необходимо положить этому конец. Колфакс одно время был так увлечен Юджином, что не уделял должного внимания Уайту, и тот отнюдь не согласен был с этим мириться. Несомненно, человек, который умеет подбирать хороших работников и способен вдохнуть в дело новую жизнь, – ценная находка, но как же насчет него самого, Уайта? Он знал, что Колфакс подозрителен и ревнив по натуре. Вряд ли он допустит, чтобы кто-нибудь из служащих затмил его своим авторитетом. До сих пор у Колфакса и не возникало таких опасений. Но Уайт решил заронить в него это подозрение и пробудить ревность. Он видел, что хозяин его в общем не питает большого интереса к издательскому делу, хотя, познакомившись с ним ближе и убедившись, что оно обещает быть доходным, он уже не жалел, что связался с этим делом. Его жене тоже нравилось, что знакомые постоянно расспрашивают о делах издательства, о новых журналах, книгах, художественных альбомах. Правда, издание книг было далеко не таким прибыльным делом, как производство мыла, или теплого белья, или, скажем, железнодорожные акции, с которыми имя Колфакса было особенно тесно связано, но зато оно было более почетным, и миссис Колфакс хотелось, чтобы издательство находилось в непосредственном ведении ее мужа и делало ему честь.

В поисках оружия, которым можно было бы сразить Юджина, Уайт учитывал все это. Он несколько раз осторожно заговаривал с Колфаксом на эту тему и заметил, как у того сразу начинают раздуваться ноздри. Если бы ему удалось заручиться доверием редакционных работников так, чтобы они при всякой надобности обращались к нему, а не к Юджину, он потом с помощью Колфакса забрал бы в руки и самого главного директора. Он унизил бы его, сломил, доказал ему, что он, Уайт, является той силой, которая стоит за троном.

– Что вы скажете насчет Витлы? – спрашивал его иногда Колфакс, и Уайт пользовался всяким удобным случаем, чтобы разжечь в хозяине ревность.

– Что ж, он способный малый, – говорил он, по-видимому, вполне искренне, – каждому ясно, что он недурно управляется со своими отделами. Но вам, по-моему, не следовало бы упускать из виду его честолюбие. Он из тех людей, у которых голова кружится от власти. Не забывайте, что для своего поста он еще очень молод. (Уайт был на восемь лет старше Юджина.) Эти художники и литераторы все на один лад. У них нет настоящей практической жилки. Если ими руководить как следует, они могут быть прекрасными помощниками, и вы с ними чего угодно добьетесь. Но, повторяю, нужно знать, как с ними обращаться, и крепко держать их в руках. Этот парень, насколько я мог его раскусить, как раз такой человек, какой нам нужен. Он нашел дельных работников и добился, не спорю, кое-каких результатов, но с него нельзя спускать глаз, а то он способен в один прекрасный день разогнать всех своих людей или же взять да и уйти вместе с ними. На вашем месте я бы этого не допустил. Пускай подбирает служащих, какие, по вашему мнению, годятся для дела, а уж потом я постарался бы удержать их. Конечно, начальник должен пользоваться авторитетом, но есть же какие-то границы. По-моему, вы даете ему слишком много воли.

Колфаксу это мнение казалось искренним и убедительным, и он мысленно отдавал должное проницательности Уайта, так как при всем своем расположении к Юджину, в обществе которого он много бывал, Колфакс не вполне доверял ему. Он часто думал, что в Юджине слишком много внешнего блеска, и подозревал его в некоторой беспечности и легкомыслии.

Под видом помощи Юджину Уайт старался, не вмешиваясь фактически, давать Колфаксу советы, касавшиеся то отдела рекламы, то отдела распространения. Он пытался даже высказывать свои соображения (одному богу известно, откуда он их брал!) насчет руководства журналами и выпуска книг и, передавая их неизменно через Колфакса, принимал все меры к тому, чтобы начальники отделов знали, от кого они исходят. Его тактика заключалась в том, чтобы сперва обсудить какую-нибудь пришедшую ему в голову мысль с Хейзом или Гилмором (заведующим отделом распространения), или с кем-либо из редакторов, а потом устроить так, чтобы эта идея попала в отдел уже как распоряжение, исходящее от Юджина. Последний так стремился добиться хороших результатов, что простодушно принимал к сведению все разумные советы, и ему долго и в голову не приходило, что его разыгрывают. Подчиненные Юджина стали, однако, понимать, что тут что-то неладно, так как все знали, что Уайт – подголосок Колфакса и между ним и Юджином нет полного единодушия. Они решили, что Юджин вынужден считаться с Уайтом, и вскоре в отделах укрепилось мнение, что Юджин и Уайт не могут ужиться друг с другом, но что Уайт сильнее и Юджину несдобровать.

Было бы утомительно рассказывать о бесчисленных интригах и происках, представляющих изнанку жизни всякого предприятия, – каждый, кто когда-либо работал в небольшом или большом учреждении, достаточно знаком с этим. Юджин не был дипломатом. Он понятия не имел о коварстве, с каким Уайт и прочие, родственные ему по духу и наклонностям люди представляли в неверном свете все, что касалось его работы. Уайт невзлюбил Юджина и поставил себе целью сломить его влияние. Прошло немного времени, и некоторые редакторы стали обнаруживать, что любая их попытка добиться чего-либо от типографии наталкивается на затруднения, а когда они жаловались, всегда выходило, будто всему виной их собственная беспорядочность или скверный характер. Случалось, что в отделе рекламы сотрудники допускали ошибки в передаче фактов или в оформлении, и, как ни странно, эти ошибки непременно выходили наружу. Юджин заметил, что его работники быстро преодолевают всякие трудности, если обращаются к Уайту, а когда они прибегают к нему, ничего не получается. Вместо того чтобы закрывать глаза на эти мелкие неприятности и заниматься своим делом, Юджин тратил время на стычки и жалобы, и это лишь выставляло его в невыгодном свете как руководителя, не способного сохранять мир и порядок в своем ведомстве. Уайт был неизменно любезен, невозмутим, всегда готов дать убедительные объяснения.

– Возможно, он просто не умеет ладить с этой публикой, – говорил он Колфаксу, и если кого-нибудь увольняли, это принималось как доказательство слабости руководства.

Иногда Колфакс, по совету Уайта, просил Юджина быть осторожнее, но тот уже ясно понимал, что происходит, и не сомневался в том, кто стоит за спиной патрона. Он даже собирался раскрыть игру Уайта и привлечь его к ответу в присутствии Колфакса, но потом махнул рукой на эту затею, поскольку у него не было явных улик. Уайт же умел внушить Колфаксу, что он все делает в интересах Юджина. Решительное сражение откладывалось.

Тем временем Юджин, по этой ли причине, или, вернее, потому, что он не рассчитывал долго удержаться на своем посту, так как не имел пая в предприятии Колфакса и не мог приобрести его, стал сильно задумываться над предложением, которое сделал ему Кенион Уинфилд, не забывший о молодом издателе после их памятной беседы в доме Уилибрэндов на Лонг-Айленде. Уинфилд часто вспоминал о Юджине в связи со своим новым планом, который заключался в том, чтобы на южном побережье Лонг-Айленда, километрах в тридцати пяти от Нью-Йорка, создать первоклассный курорт. Этот курорт по своим санаториям и отелям должен был превзойти Палм-Бич и Атлантик-Сити и явить, в непосредственной близости от Нью-Йорка, такое воплощение красоты и роскоши, чтобы толпы праздных богачей и преуспевающих спекулянтов устремились туда со всех других курортов. Уинфилд много размышлял об этом, но не разработал еще проекта, который удовлетворял бы его полностью; и ему пришла мысль, что Юджин мог бы заинтересоваться этим как художник.

К сожалению, план этот словно был создан для того, чтобы увлечь Юджина, хотя он и так был занят по горло. Ничто не вдохновляло его так, как художественное сочетание роскоши и красоты. Подобный курорт, построенный действительно на широкую ногу, с отелями, клубами, павильонами, с участками для застройки, с деревянной или каменной набережной вдоль пляжа, а возможно, и с игорным домом, превосходящим Монте-Карло, должен был, как представлялось Юджину, рано или поздно возникнуть в окрестностях Нью-Йорка. Они с Анджелой не раз бывали в таких местах, как Палм-Бич, Олд-Пойнт-Комфорт, Вирджиния-Хот-Спрингс, Ньюпорт, Шелтер-Айленд, Атлантик-Сити и Таксидо, и эти поездки чрезвычайно расширили его представление о том, что такое красота и роскошь. Ему нравилась внутренняя отделка отеля «Чемберлен» в Олд-Пойнт-Комфорт и «Роял-Понсиана» в Палм-Бич. Он с интересом присматривался к отелям в Атлантик-Сити и в других местах, изучая черты новой архитектуры, и мысленно представлял себе участок на побережье Атлантического океана, скажем, близ залива Грейвсенд, где наряду с обширным пляжем имелись бы живописные островки, каналы или речки. Здесь можно было бы построить два-три больших отеля и проложить прекрасную аллею – по новому образцу, параллельно берегу. Вокруг постепенно вырос бы великолепный приморский город, в котором земельные участки продавались бы по такой цене, что они были бы доступны только избранным. Он рисовал себе нечто необычайно эффектное, что привлекло бы внимание представителей веселящегося общества, с которыми он недавно познакомился. Надо только оповестить их, что такое место существует, что оно очень живописно, что стоимость пребывания в нем исключает приток простых смертных, и они тысячами хлынут туда.

«Самое прибыльное дело – это роскошь, надо только знать, кому и как преподнести ее», – сказал ему однажды Колфакс, и Юджин был с ним согласен. Все, что он видел за последнее время, подтверждало это. Люди не жалели миллионов для удовлетворения своих прихотей. Ему случалось видеть сады, лужайки, павильоны и беседки, стоившие тысячи, сотни тысяч долларов, и притом в таких местах, где некому было ими любоваться. В Сент-Луисе он видел мавзолей, построенный по образцу индийской гробницы Тадж-Махал и окруженный лужайкой, под которой на известной глубине были проложены трубы парового отопления, чтобы там круглый год могли произрастать тропические растения. Ему никогда и не снилось, что наступит день, когда он будет причастен к подобной затее, но по своему характеру он, как никто другой, способен был ею увлечься.

Проект, который Уинфилд дружески изложил ему, был довольно прост. Уинфилд слышал, что Юджин недурно зарабатывает, что он получает в год двадцать пять тысяч долларов, если не больше, что у него есть недвижимость и надежные ценные бумаги, и ему пришло в голову, что он, пожалуй, не прочь будет вложить некоторую сумму в какую-нибудь сделку с землей, обещающую со временем большую прибыль. Мысль Уинфилда сводилась к следующему: он организует компанию под названием «Строительная компания Синее море» с капиталом в десять миллионов долларов, из которых тысяч двести или триста как основной капитал должны быть депонированы в банке. Исходя из этой наличности, компания выпускает акции на сумму в миллион долларов. Это значит, что всякий, кто вносит сто долларов, получает три акции основных и две привилегированных, по сто долларов каждая, из восьми процентов годовых. Но таким положение останется лишь до тех пор, пока не будет покрыт основной капитал в двести тысяч долларов. После этого за каждые сто долларов акционер получит только две акции основных и одну привилегированную, пока компания не будет располагать наличным капиталом в миллион долларов. А затем уж акции начнут котироваться по своей номинальной стоимости или же выше, в зависимости от обстоятельств.

На первоначальную сумму в двести тысяч долларов предполагалось купить пустующий участок – наполовину болото, наполовину остров – на побережье Атлантического океана, у залива Грейвсенд (участок принадлежал самому Уинфилду), где на протяжении трех миль тянулся прекрасный песчаный пляж. Это позволяло Уинфилду развязаться с имуществом, стоившим тысяч шестьдесят и не находившим покупателя, а в то же время давало ему в новой корпорации прекрасный пай. Чтобы полностью обеспечить свои интересы, он намеревался заложить в банке как самый участок, так и все то, что компания позднее на нем построит. В западном конце участка была красивая бухта, не глубокая, но открывавшая доступ к целому ряду рукавов и лагун, окружавших девять островков. Если эти каналы хорошенько расчистить, по ним могут ходить яхты и другие мелкие суда. Попутно Уинфилду пришло в голову, что ил и песок, вычерпанные из водоемов, можно будет использовать для осушения болот между островками и сушей и получить таким образом ценный участок сухой земли. Оставалось выработать схему застройки, и об этом-то Уинфилд и хотел поговорить с Юджином.

Глава III

Они быстро столковались. Не успел Уинфилд произнести и десяти слов, как Юджин начал угадывать его мысли.

– Мне этот участок немного знаком, – сказал он, рассматривая маленькую контурную карту, заготовленную Уинфилдом. – Я ездил туда с Колфаксом и еще с кем-то – охотиться на уток. Прекрасное место, что и говорить. Сколько за него просят?

– Видите ли, участок, собственно говоря, принадлежит мне, – сказал Уинфилд. – Пять лет тому назад, когда он представлял собою сплошное непролазное болото, я уплатил за него шестьдесят тысяч долларов. Никаких работ там с тех пор не производилось. Теперь он стоит двести тысяч, и за эту сумму я и передам его новой компании, а чтобы обеспечить себя, заложу в банке. После этого компания может делать с ним что угодно, хотя я в качестве ее президента буду, конечно, руководить этим делом. Если вы хотите составить себе состояние и если у вас есть свободные пятьдесят тысяч, – пользуйтесь случаем. За пять лет участок вырос в цене с шестидесяти тысяч до двухсот. Сколько же, по-вашему, он будет лет через десять, при тех темпах, какими растет Нью-Йорк? В Нью-Йорке чуть ли не четыре миллиона жителей, и можно смело сказать, что через двадцать пять лет в нем будет четырнадцать – пятнадцать миллионов населения на территории диаметром в двадцать пять миль. Конечно, до моего участка по прямой – тридцать две мили, но какое это имеет значение? Лонгайлендская железнодорожная компания с радостью проведет туда ветку, и таким образом участок окажется на расстоянии какого-нибудь часа езды от города. Вы только представьте – один из лучших пляжей на побережье Атлантического океана в часе езды от Нью-Йорка! Я думаю, что мне удастся заинтересовать моим проектом мистера Уилтси, президента Лонгайлендской железной дороги, и он вложит в дело значительный капитал. Аналогичное предложение я делаю и вам, так как очень ценю ваше мнение в вопросах художественной планировки и рекламы. Вы можете согласиться или отказаться, но, прежде чем принять решение, поедемте посмотреть участок.

В общей сложности – в ценных бумагах, в недвижимом имуществе и банковских вкладах – у Юджина было около пятидесяти тысяч твердого, надежного капитала, которым он мог при желании распорядиться. Он был убежден, что предложение Уинфилда – одна из тех редчайших удач, которая, сумей он ею воспользоваться, сделает его богатым человеком. Но вместе с тем пятьдесят тысяч – это пятьдесят тысяч, и сейчас они у него в руках. А с другой стороны, как только дело пойдет на лад, ему не придется больше беспокоиться, удержится ли он у Колфакса, и думать о том, как сохранить свое теперешнее положение. Нельзя, конечно, сказать заранее, что может принести подобное помещение капитала. Сам Уинфилд, по его словам, рассчитывал нажить на этой спекуляции от шести до восьми миллионов долларов. Он собирался заручиться акциями отелей, казино и других предприятий нового курорта. Ясно, что через некоторое время, когда вся территория у Грейвсендского залива будет осушена и приведена в порядок, участки в сто на сто футов (а меньше продавать не предполагалось) будут стоить от трех

до пятнадцати тысяч. Кроме того, там есть островки, которые можно будет сдавать под клубы или дачи, – это тоже принесет немалый доход. А арендная плата с яхт-клубов! Ведь вся земля будет принадлежать компании.

– Будь у меня достаточно собственных денег, я сам взялся бы за эксплуатацию участка, – сказал Уинфилд. – Но я хочу, чтобы работы велись в гигантских масштабах, а для этого у меня нет средств. Я хочу создать нечто такое, что будет памятником и мне и всем, кто будет связан с этим предприятием. Я готов идти на одинаковый риск с другими и, чтобы доказать это, намерен приобрести возможно больше акций, из того расчета, о котором я вам говорил, – пять акций за одну. И вы и всякий другой можете сделать то же самое. Ну, каково ваше мнение?

– Проект грандиозный, – сказал Юджин. – У меня такое чувство, словно вдруг сбылась мечта, которую я незаметно для себя вынашивал годами. Мне просто не верится, что это правда, но вместе с тем я понимаю, что это так и что вы добьетесь всего, о чем говорите. Нужно, однако, быть чрезвычайно осторожным при планировке участка. Вам достался счастливый жребий, который выпадает на долю человека лишь раз в жизни. Ради бога, не наделайте ошибок. Пусть у нас будет хоть один по-настоящему красивый курорт.

– Как раз моя мысль, – ответил Уинфилд, – потому-то я и обратился к вам. Я хочу, чтобы вы вошли в это предприятие, так как очень рассчитываю на ваш вкус и фантазию. Вы поможете мне разработать план и организовать рекламу.

Они еще долго обсуждали проект во всех подробностях, и в конце концов Юджину, несмотря на все его опасения, начало казаться, что его заветные мечты близки к осуществлению. Пятьдесят тысяч долларов, вложенные в это дело, дадут ему две с половиной тысячи акций – полторы тысячи основных и тысячу привилегированных, – номинальная стоимость которых, гарантированная этим прекрасным участком, равна двумстам пятидесяти тысячам. Подумать только! Двести пятьдесят тысяч! Четверть миллиона. И эта сумма будет все расти. Да так он без труда выйдет в миллионеры! Его способности тоже найдут себе применение, – Уинфилду очень хотелось привлечь его к разработке проекта, и тогда Юджин не только завяжет отношения с крупнейшими агентствами по продаже недвижимого имущества, но и придет в соприкосновение с многими финансистами – людьми, которые несомненно заинтересуются этим делом. Уинфилд называл архитекторов, подрядчиков, железнодорожных магнатов и президентов строительных компаний, которые с радостью войдут пайщиками в его предприятие, зная, какие выгоды оно сулит. Он также говорил, что надо будет пустить в ход все знакомства и связи, чтобы избавить компанию от лишних расходов, исчисляющихся миллионами. Взять хотя бы предполагаемую ветку Лонгайлендской железной дороги, – она обойдется дороге в двести тысяч, а компании ничего не будет стоить и в то же время даст возможность тысячам туристов посетить курорт, как только он будет готов принять их. То же относится и к отелям, которые в свою очередь внесут оживление в деловую жизнь курорта. «Компании Синее море» придется лишь сдавать в аренду земельные участки. Крупные концерны будут сами строить отели, сообразуясь, однако, с правилами и планами, выработанными компанией. Больших расходов потребует лишь прокладка улиц, канализация, освещение, водопровод, зеленые насаждения и набережная в сто футов шириною, с гранитным парапетом – лучшая набережная в мире. Но все эти виды благоустройства можно будет вводить не сразу, а постепенно.

Юджин слушал как зачарованный. Он видел перед собой грандиозные перспективы.

– Я сейчас ничего не могу сказать, – осторожно ответил он. – Вы рисуете увлекательную картину, но у меня, пожалуй, не хватит средств. Мне нужно хорошенько подумать. А пока я с удовольствием поеду с вами и посмотрю участок.

Уинфилд видел, что Юджин пленился его идеей. Когда проект будет разработан до конца, его нетрудно будет завербовать. Юджин, вероятно, захочет построить себе дачу в новом курорте и выезжать туда на лето. Он заинтересует проектом своих многочисленных знакомых. Уинфилд расстался с ним, уверенный, что положил хорошее начало, и он не ошибался.

Юджин обсудил вопрос с Анджелой – единственным человеком, с которым он в таких случаях советовался, – но она, как и всегда, не сказала ни да, ни нет и только выразила ему свои сомнения, не высказываясь ни за, ни против. Анджела была очень осторожна, но в делах разбиралась плохо. Она ничего не могла ему посоветовать. До сих пор все начинания Юджина приводили к хорошим результатам. Он, по-видимому, делал блестящую карьеру, но лишь как ценный помощник, а не как прирожденный руководитель.

– Решай сам, Юджин, – сказала она наконец. – Я не знаю. Все это звучит соблазнительно. Конечно, ты не вечно же будешь работать у мистера Колфакса. И если, как ты говоришь, там начинают под тебя подкапываться, то лучше заранее создать себе возможность для отступления. Ведь у нас и сейчас хватило бы на жизнь, если бы ты захотел опять заняться живописью.

– Живопись! – с улыбкой произнес Юджин. – Бедная моя живопись! Много я сделал, чтобы развить свой талант!

– Куда тебе еще развивать его? Он у тебя и так есть. Я не могу себе простить, что позволила тебе бросить искусство. Конечно, мы живем лучше, но разве можно сравнить твою работу с тем, что ты делал раньше. Что толку – если не говорить о материальной стороне дела, – что ты стал преуспевающим издателем? Ты пользовался не меньшим, если не большим

уважением, когда впервые вступил в коммерческий мир. Да и теперь ты больше известен как Юджин Витла – художник, чем как Юджин Витла – издатель.

Юджин чувствовал, что она права. Его картины и сейчас служили ему верой и правдой. Слава его росла. Полотна, которые он продавал когда-то по двести и четыреста долларов, стоили теперь от трех до четырех тысяч, и цены на них все повышались. Владельцы художественных салонов нередко спрашивали его, неужели он окончательно забросил живопись. Да и в обществе к нему то и дело обращались с вопросом. «Почему вы не пишете?»; «Не стыдно вам отказываться от искусства?», «О, ваши картины – я их никогда не забуду!»

– Сударыня, – с торжественным видом отвечал на это Юджин, – никогда мои картины не дадут мне того, что дает руководство журналами. Искусство – прекрасная вещь, и я готов допустить, что я – талантливый художник. Но мой талант оказался для меня плохой опорой, и только забросив его, я узнал, что значит жить хорошо. Печально, но факт. Если бы я мог надеяться, что труд художника даст мне хотя бы половину тех земных благ, какими я пользуюсь сейчас, если бы я не боялся, что мне скоро придется слоняться по улицам с картиной под мышкой, в надежде продать ее за бесценок, – я с удовольствием вернулся бы к живописи. Но вся беда в том, что общество у нас с удовольствием взирает на чудаков, приносящих себя в жертву на алтарь искусства и литературы, считая, что так им и надо. Хватит! Не желаю. Вот и все.

– Как это обидно, как обидно, – сокрушалась его собеседница, но Юджин был не слишком огорчен.

Миссис Дэйл тоже пожурила его, – она видела его картины, еще больше слышала о них.

– Погодите, погодите, – снисходительно отвечал ей Юджин. – Еще придет время!

Теперь проект создания курорта, казалось, расчищал дорогу для всего. Если он войдет в это дело, ему, по всей вероятности, со временем поручат и какую-нибудь официальную роль. Да и все возрастающая прибыль с двухсот пятидесяти тысяч тоже что-нибудь да значит. Впереди была независимость, свобода! Вот когда он сможет и писать и путешествовать – словом, делать все, что ему заблагорассудится.

После двух поездок в автомобиле к ближайшему доступному месту на участке Уинфилда и после тщательного изучения островков и пляжа Юджин разработал проект строительства, включавший четыре отеля разных размеров, ресторан и казино с залом для танцев, игорный дом по образцу Монте-Карло, летний театр, павильон для оркестра, три очаровательные пристани, яхт-клубы со стоянками для моторных лодок, а также разбивку парка, где аллеи расходились бы радиусами от центра и пересекались другими, расположенными по кольцу. План предусматривал и создание великолепной эспланады, на которой должны были расположиться четыре отеля, набережной (в три мили длиной для начала), постройку железнодорожной станции и разбивку участков под пять тысяч дач – ценою от пяти до пятнадцати тысяч долларов каждый. Острова отводились под частные резиденции, под клубы и под парки. Один из отелей должен был стоять у самой бухты, над которой предполагалось построить открытый ресторан. Отсюда ступеньки должны были вести к самой воде, так что останется лишь поставить ногу в гондолу или катер, и вас увезут на один из островов слушать музыку. Здесь должно было найти себе место все, что только могли пожелать люди с деньгами. План должен был осуществляться постепенно, но так, чтобы каждый шаг обеспечивал успех следующего.

Юджин медлил с вступлением в это грандиозное дело до тех пор, пока вместе с ним не набралось десяти человек, обязавшихся взять на пятьдесят тысяч долларов акций каждый. В числе их был мистер Уилтси, президент Лонгайлендской железной дороги, мистер Кенион Уинфилд и Милтон Уилибрэнд, богатый человек, видный представитель избранного общества, в доме которого Юджин познакомился с Уинфилдом. «Компания Синее море» была превращена в акционерное предприятие, и акции были распределены между пайщиками пакетами по десять тысяч долларов, реализуемыми в несколько сроков (причем каждый срок устанавливался по общему соглашению и в зависимости от произведенных работ), а деньги были депонированы в банке. Уже спустя два года после первого разговора с Уинфилдом на руках у Юджина оказалась внушительная пачка тисненых золотом акций «Компании недвижимых имуществ Синее море», строившей приморский курорт, который широко рекламировался и, по словам заинтересованных лиц, обещал стать лучшим курортом в мире. Судя по тому, что на них значилось, эти акции представляли двести пятьдесят тысяч долларов, и потенциально они этого стоили. Разглядывая их и отдавая должное предприимчивости и дальновидности мистера Уинфилда и его компаньонов, Юджин и Анджела с уверенностью думали о том дне, когда эти ценные бумаги действительно поднимутся до своей номинальной стоимости, а может быть, и значительно выше.

Глава IV

Все это время, пока Юджин был занят планами Уинфилда и своими взаимоотношениями с «Компанией Синее море», он чаще и с возрастающим интересом думал о Сюзанне Дэйл, которая крепко запомнилась ему с первой же встречи. Только через полтора месяца довелось ему снова увидеть Сюзанну на балу, который миссис Дэйл давала для дочери. Вместе с Юджином была приглашена и Анджела. В противоположность многим миссис Дэйл не делала оскорбительного различия между супругами. Анджела не блистала в свете, но она была достойной, порядочной женщиной, самоотверженной и преданной женой. На самом

деле Юджин больше интересовал миссис Дэйл – прежде всего потому, что у них было много общего в характере, а кроме того, он был блестящий человек и пользовался большим успехом. Ей нравилось, что он так просто смотрит на жизнь, нравилась его уверенность в том, что талант должен открыть перед ним все двери. Он, очевидно, считал себя не хуже других, а пожалуй, даже и лучше. Она слышала отовсюду, что он быстро выдвигается на издательском поприще и участвует еще во многих предприятиях, к числу которых принадлежит и проект создания первоклассного курорта. Уинфилд был личным другом миссис Дэйл, но он никогда не пытался втянуть ее в свои спекуляции. Правда, как-то раз он посулил ей, что когда-нибудь купит у нее земельные владения на Стейтен-Айленде и разобьет их на участки для застройки. Это была одна из причин ее расположения к нему.

В день бала Юджин с Анджелой отправились в Дэйлвью в своем автомобиле. Юджин всегда восхищался этой местностью, она вызывала в нем ощущение величия и простора, какие редко можно испытать в окрестностях Нью-Йорка. Стояла зима, вечер выдался морозный и ясный. Большой дом с застекленными террасами был ярко освещен. Там собралось уже многочисленное общество мужчин и женщин, которых Юджин встречал и раньше, а также много незнакомой молодежи. Ему пришлось представлять Анджеле своих друзей, и при этом он снова ощутил всю бессмысленность, нелепость своего брака. Анджела была очень мила, но совсем не похожа на этих женщин, державшихся с таким апломбом. В них было что-то величественное, не говоря уже об ослепительной красоте и жизненной умудренности, и когда контраст оказывался слишком уж разительным, Юджин с отчаянием думал, что его брак с Анджелой был роковой ошибкой. Зачем он сделал эту глупость? Он мог в свое время напрямик сказать Анджеле, что не женится на ней, и тем дело и кончилось бы. Он забывал при этом, что сам не мог разобраться в обуревавших его противоречивых чувствах. Но как бы там ни было, он ощущал себя глубоко несчастным. Ведь будь он сейчас холостым человеком, его жизнь только еще начиналась бы!

В этот вечер, расхаживая по залу, он радовался свободе, хотя и кратковременной. К счастью для него, то один, то другой из гостей брал на себя труд занимать Анджелу. Это избавляло Юджина от необходимости неотлучно быть при ней, так как, если он не уделял ей достаточно внимания или же другие мало интересовались ею, она осыпала его дома упреками. Она жаловалась, что его невнимание к ней всем бросается в глаза. Раз никто не хочет занимать ее, его долг не оставлять ее одну. Юджин всем своим существом восставал против такой обязанности, но не знал, как от нее избавиться. Анджела часто говорила, что если он и сделал ошибку, женившись на ней, то теперь поздно жалеть. Это ясно всякому порядочному человеку.

Сейчас, на балу, Юджин с интересом приглядывался к молодым женщинам и поражался – сколько среди них красавиц. Он думал о том, какого полного расцвета – физического и душевного – достигают девушки в восемнадцать лет. По своим вкусам, проницательности и зрелости они годятся в подруги любому мужчине, даже сорокалетнему. Некоторые из них казались Юджину особенно привлекательными – они были такие свежие, такие цветущие, в их жилах струился огонь честолюбия и желания. Прекрасные девушки, настоящие цветы, розы – бледные и яркие. И подумать только, что для него время любви прошло, прошло безвозвратно! Откуда-то с верхнего этажа спустилась в залу Сюзанна с подругами, и его, как и в первый раз, поразила ее простота и непосредственность, искренность и сердечность ее обращения. Русые волосы, стянутые широкой голубой лентой в тон глаз, хорошо оттеняли свежесть ее лица. На ней было воздушное нежно-розовое платье, перехваченное в талии лентой и украшенное цветами, а ножки были обуты в мягкие белые сандалии.

– А, мистер Витла! – весело сказала она и, протягивая ему свою белую гибкую руку, сперва грациозным движением подняла ее на уровень глаз. Ее румяные губы расцвели в радостной улыбке, обнажив ровные белые зубы. В широко открытых глазах – какими Юджин и запомнил их – светилось безотчетное наивное удивление. «Посмотрел бы я, – думал Юджин, – какие розы, обрызганные утренней росой, могли бы выдержать сравнение с девушкой в полном цвету. Нет ничего прекраснее женщины в семнадцать-восемнадцать лет».

– Да, вы не ошиблись – мистер Витла, – ответил он, весь сияя от радости. – А я уж думал, вы меня забыли. Бог ты мой, как мы сегодня обворожительны! Когда я гляжу на вас, мне вспоминаются розы, свежесрезанные цветы, витражи старинного собора, ларчики с драгоценностями и… и… и…

Он сделал вид, будто подыскивает слова, и комически поднял глаза к потолку.

Сюзанна рассмеялась: как и Юджин, она умела ценить шутку. Сравнение с розами, драгоценностями и цветными стеклами показалось ей необыкновенно смешным.

– Боже мой, какой ассортимент! – расхохоталась она. – Я бы с удовольствием стала всем, что вы сейчас назвали, а тем более драгоценностями. Мама не разрешает мне их носить. Она не дает мне даже брошки!

– Мама у вас просто злючка, – сказал Юджин убежденным тоном. – Придется нам поговорить с ней. Но она, должно быть, знает, что вы не нуждаетесь в них. В вашем распоряжении кое-что не хуже и даже лучше любых драгоценностей. Но оставим эту тему, хорошо?

Сюзанна испугалась было, что Юджин начнет расточать ей комплименты, и ей очень понравилось, что он так просто оборвал разговор. Ее немного смущала мысль, что он такой важный и одаренный человек, но неудержимо влекла к себе его веселость и простота.

– А знаете, мистер Витла, я начинаю думать, что вам доставляет удовольствие дразнить людей, – сказала она.

– О, что вы! – возразил Юджин. – Нет, нет! Это на меня не похоже. Да разве я посмею! Дразнить людей! Боже упаси! Я всегда подхожу к людям с трагическим и серьезным видом и выкладываю им самую горькую, самую ужасную правду. С ними нельзя иначе. Им это нужно. Чем больше правды я им говорю, тем лучше себя чувствую и тем больше они меня ценят.

Первую половину этой комической тирады Сюзанна выслушала с любопытством, удивленно раскрыв глаза. Потом на лице ее мелькнула улыбка, и наконец она расхохоталась.

– Ха-ха-ха! О боже, как вы смешно говорите!

Ее смех звучал, словно переливчатое журчание ручейка, но Юджин грозно нахмурился.

– Это еще что такое? – сказал он. – Прошу вас не шутить со мной. Помните, смеяться не дозволено. Маленьким девочкам не полагается такая вольность. Красота требует серьезности. Никогда не улыбайтесь. Ведите себя чинно. Сделайте умное лицо. А потому… и посему… и так далее и тому подобное.

Он строго поднял палец, и Сюзанна застыла на месте. Он не сводил с нее взгляда, тайно любуясь ее точеным подбородком, носом и изящными очертаниями рта, а она смотрела на него и не знала, что думать. Он был такой странный, похожий и на мальчика и на придирчивого, грозного наставника.

– Вы меня даже испугали, – сказала она.

– Полноте, полноте, что вы! Я пошутил! Сеанс окончен. Можете смеяться и дышать. Будете сегодня танцевать со мной?

– Конечно, буду, если вы меня пригласите. Кстати, я вспомнила – у нас есть карточки для танцев. Вы взяли себе?

– Нет.

– Тогда пойдемте, они, кажется, вон там.

Она повела его в первую гостиную, и Юджин взял у лакея, стоявшего в дверях, две карточки.

– Можно мне пожадничать? – спросил он, приготовившись писать.

Сюзанна промолчала.

– Если я запишу за собой третий, шестой и десятый танцы, это не будет слишком много?

– Н-нет, – нерешительно ответила Сюзанна.

Он записал танцы и на своей и на ее карточках, после чего они вернулись в большой зал, где толпились многочисленные гости.

– Вы не забудете, что обещали мне эти танцы?

– Нет, конечно, – ответила она, – ни в коем случае.

– Вы прелесть. А вот и ваша мама. Так помните, вы никогда, никогда не должны смеяться. Это не полагается.

Сюзанна отошла от него в недоумении. Шутки этого человека, такого жизнерадостного и самоуверенного, нравились ей. Он, казалось, относился к ней, как к маленькой девочке, не то что молодые люди, которые в ее присутствии напускали на себя

томный вид и притворялись безнадежно влюбленными. С этим человеком можно было весело провести время, не рискуя произвести дурное впечатление и навлечь на себя гнев мама. Кстати, и мама он тоже нравился.

Вскоре, однако, она забыла про него в оживленной болтовне с другими гостями.

А Юджин думал о том, что за непонятная сила влечет его к этой девушке. Что же это в самом деле? Он встречал за последние годы сотни очаровательных созданий, но почему-то только она… Невзирая на молодость и наивность, в ней угадывалась большая сила, какое-то уверенное спокойствие, позволявшее ей бесстрашно смотреть на жизнь и не видеть вокруг ничего дурного. Да, несомненно, все дело в этом, – отчасти, во всяком случае, – потому что немалую роль играла, конечно, и ее необычайная красота. Но главное – в глазах ее светилась отважная вера в жизнь. Она чувствовалась в ее смехе, в ее настроении. Казалось, ничто не могло испугать эту девушку.

Бал начался после десяти, Юджин танцевал и с Анджелой, и с миссис Дэйл, и с миссис Стивенс, и с миссис Уилли. Когда начался третий танец, он отправился искать Сюзанну и нашел ее в обществе подруги и двух светских щеголей.

– Мой танец, разрешите напомнить, – улыбаясь, сказал он.

Она засмеялась и мягким движением протянула ему руки, даже не подозревая, как она очаровательна в этот миг. У нее была манера слегка откидывать голову назад, и это придавало особую прелесть красивой линии ее шеи. Она прямо и открыто смотрела в глаза Юджину, отвечая улыбкой на его улыбку. И когда они начали танцевать, у него было такое чувство, точно он танцует первый раз в жизни.

Ему вспомнились слова какого-то поэта, воспевавшего поэзию танца. Как это верно! Как верно! Эта девушка танцевала чудесно, восхитительно, ее танец был как песня, свободно льющаяся из горла. Легко, как ветерок, двигалась она под звуки музыки, доносившейся откуда-то из-за цветочных кадок. И Юджин, точно под каким-то гипнозом, всецело отдался этим чарам. Он забыл обо всем на свете, кроме чудесного видения, которое держал в своих объятиях, кроме его прелести. Ничто не могло сравниться с этим ощущением. Ничего подобного он еще не испытывал. В этом была радость, неземной восторг, ни с чем не сравнимое ощущение гармонии. Он был весь во власти этих чувств, когда музыка внезапно, как ему показалось, смолкла. Сюзанна с любопытством заглянула ему в глаза.

– Вы любите танцевать, правда? – спросила она.

– Да, люблю, но танцую неважно.

– О, нет, нет! Вы танцуете необыкновенно легко.

– Это благодаря вам, – просто сказал он. – В вас живет душа танца. А я танцую не лучше других.

– Нет, нет! – повторила она и, взяв его под руку, направилась к стулу. – А вот и Кинрой! Следующий танец я обещала ему.

Юджин чуть не со злобой посмотрел на ее брата. И зачем только ее отнимают у него! Кинрой был красивый мальчик, очень похожий на Сюзанну.

– Ну что ж, придется уступить. Ничего не поделаешь.

Он отошел от нее и стал нетерпеливо дожидаться шестого и десятого танцев. Он говорил себе, что это бессмысленное, безнадежное увлечение. Она очень молода и к тому же тщательно ограждена всякими условностями и барьерами, – ведь к этому в сущности и сводится воспитание молодой девушки из общества. Что же до него, то он не в том возрасте, когда мог бы представлять для нее интерес, тем более что и его держат в плену тысячи условностей и тысячи интересов. Между ними не может быть ничего общего, и все-таки его тянуло к ней, тянуло к маленькому глотку того божественного напитка, каким является иллюзия. Пусть он женат, пусть между ними большая разница в возрасте, но несколько минут в ее обществе, возможность подразнить ее были для него счастьем. А ощущение, которое вызвал в нем танец, это ощущение идеальной гармонии и красоты, – разве испытал он в жизни что-либо подобное?

Бал близился к концу. В час ночи Юджин и Анджела уехали домой. Анджела развлекалась в обществе молодого офицера из форта Уодсворт, знавшего ее брата Дэвида, и осталась очень довольна вечером. По дороге она расхваливала миссис Дэйл, восхищаясь ее приветливостью и гостеприимством, а о Сюзанне сказала, что та была на редкость хороша сегодня и весела. Но Юджин выслушал ее довольно безучастно, не желая показывать, что Сюзанна интересует его больше, чем кто-либо другой.

– Да, она очень милая девушка, – сказал он. – Довольно хорошенькая. Впрочем, в ее возрасте все девушки хороши. Мне нравится подтрунивать над ними.

«Неужели он окончательно остепенился?» – подумала Анджела. Он стал гораздо спокойнее и разумнее говорить о женщинах. Возможно, его излечила работа и связанная с нею ответственность. И все-таки Анджела была уверена, что красота некоторых женщин не оставляет его равнодушным.

Прошло пять недель, и Юджин случайно встретил мать и дочь на Пятой авеню, когда они выходили из антикварной лавки. Миссис Дэйл объяснила, что они заходили справиться, не возьмутся ли там починить старинное кресло. Юджину и Сюзанне удалось обменяться лишь несколькими шутками. Спустя месяц он снова встретил их в доме Брентвуда Хэдли в Вестчестере. Наступила весна, и Сюзанна и ее мать увлекались верховой ездой. Юджин приехал в субботу с тем, чтобы остаться на воскресенье. Он встретил Сюзанну в тот момент, когда она возвращалась с прогулки, – в амазонке, разрумянившаяся и очень оживленная. Ветер растрепал на висках ее волосы.

– А, здравствуйте, – воскликнула она, как всегда, с какой-то милой непринужденностью протягивая ему высоко поднятую руку. – В последний раз мы виделись с вами на Пятой авеню, не правда ли? Мама, помнится, хлопотала насчет починки кресла. Ха-ха-ха! Она где-то еще далеко. Я обогнала ее на несколько миль. Вы надолго?

– Только на сегодня и на завтра.

Он смотрел на нее, стараясь казаться веселым и беспечным.

– Миссис Витла с вами?

– Нет, она не могла приехать, у нас гостит ее родственник.

– О, я должна немедленно принять ванну! – сказала его очаровательница и побежала дальше, бросив на ходу: – Мы еще, вероятно, увидимся до обеда.

Юджин вздохнул.

Час спустя она появилась в легком, открытом кисейном платье с черной шелковой ленточкой вокруг шеи. Проходя мимо столика, на котором лежали журналы, она захватила один и вышла на террасу, где, кроме Юджина, никого не было. Ему приятно было, что она так непринужденно и по-дружески с ним держится. Юджин нравился Сюзанне ровно настолько, чтобы она могла чувствовать себя в его обществе легко и свободно, и сейчас, увидев его, она не убежала, а подошла.

– Вот вы где! – сказала она, усаживаясь в кресло, стоявшее неподалеку от него.

– Да, вот я где, – ответил он и по обыкновению принялся подшучивать над нею, не зная, как вести себя с нею иначе. Она весело отвечала ему, тон Юджина забавлял ее. Его юмор ей очень нравился.

– Знаете, мистер Витла, – сказала она вскоре, – я больше не буду смеяться вашим шуткам. Ведь, в сущности, все они по моему адресу.

– Вот это-то и хорошо, – возразил он. – Неужели вы хотите, чтобы они были по моему адресу? Это были бы невеселые шутки!

Она рассмеялась, а он улыбнулся. Они смотрели на золотые лучи вечернего солнца, пронизывающие молодую кленовую рощицу. Весна только еще начиналась, на деревьях распускались почки.

– Какой прекрасный вечер! – сказал он.

– Да, – воскликнула она, и голос ее прозвучал мелодично и задушевно. Впервые Юджин расслышал в нем нотки глубокой искренности.

– Вы любите природу? – спросил он.

– Я? Я эти дни прямо не нагляжусь на деревья! У меня бывает иногда странное ощущение, мистер Витла. Будто я не живое существо, а только звук или солнечный зайчик на листве.

Юджин внимательно посмотрел на нее. Это сравнение поразило его, как поразила бы всякая интересная черта в любом человеке. Ему хотелось постичь душу этой девушки. Неужели она так глубоко мыслит, так тонко чувствует? И столько в ней первозданной поэтичности, что природа имеет для нее такое значение? Неужели красота этой девушки есть только отблеск, отражение еще более чудесной души?

– Ах, вот как? – удивился он.

– Да, – тихо сказала она.

Он снова посмотрел на нее, и она ответила ему серьезным взглядом.

– Почему вы так смотрите на меня? – спросила она.

– А почему вы говорите такие странные вещи?

– Что же особенного я сказала?

– Вы, пожалуй, сами себя не понимаете, Сюзанна. Впрочем, не будем говорить об этом. Хотите пройтись? До обеда еще целый час. Мне хочется посмотреть, что там, за этой рощей.

Они пошли по узенькой тропинке, терявшейся в густой траве, под ветками, на которых наливались зеленые почки. Тропинка привела их к ограде, а за ней открывался зеленый, усеянный камнями луг, где паслись коровы.

– Ах, весна, весна! – воскликнул Юджин.

И Сюзанна тотчас же отозвалась:

– Знаете, мистер Витла, мне кажется, у нас с вами много общего. Я чувствую сейчас то же, что и вы.

– Как вы можете знать, что я чувствую?

– А по звуку вашего голоса.

– В самом деле?

– Конечно. Почему же нет?

– Сюзанна, вы необыкновенная девушка, – задумчиво произнес он. – Мне просто трудно вас понять.

– Что вы! Разве я не такая, как все?

– Нет, вы совсем, совсем особенная, – сказал он. – По крайней мере мне так кажется. Такой, как вы, я еще не встречал.

Глава V

После этого разговора у Сюзанны зародилось подозрение, что мистер Витла (как она всегда мысленно называла его) относится к ней не только «очень мило». Он был так ласков, так задумчив и вместе с тем так весел в ее присутствии. Казалось, жизнь бьет в нем ключом. У него, по-видимому, никогда не было причин чувствовать себя угнетенным, как это случалось временами с нею, когда она оставалась одна. Одевался он безукоризненно, и мать рассказывала ей, что он занят очень важными делами. Однажды, когда они сидели за столом в Дэйлвью, разговор зашел о Юджине, и миссис Дэйл отозвалась о нем очень сердечно.

– Он самый симпатичный из всех, кто у нас бывает, – вставил Кинрой. – Никакого сравнения с этим дубиной Вудвордом.

Он имел в виду преданного поклонника миссис Дэйл, приблизительно одних лет с Юджином.

– А миссис Витла – престранное маленькое существо, – подхватила Сюзанна. – Как мало общего между нею и мистером Витла! Он такой веселый, душа нараспашку, а она всегда прячется в свою раковину. Как ты думаешь, мама, она одних с ним лет?

– Едва ли, – сказала миссис Дэйл, которую ввела в заблуждение моложавость Анджелы. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – ответила Сюзанна, испытывавшая какой-то смутный интерес ко всему, что касалось Юджина.

Они виделись после этого еще несколько раз, причем одну из встреч устроил Юджин, уговоривший Анджелу пригласить Сюзанну с матерью на весенний бал, который они давали у себя в студии. Другая встреча произошла в доме у Уилибрэндов, куда были приглашены супруги Витла и миссис Дэйл с дочерью.

Юджин бывал всюду с Анджелой, а Сюзанна выезжала в сопровождении матери. И если им удавалось поговорить, то это были лишь шутливые, мимолетные беседы – «для вида», во время которых Юджин неизменно притворялся веселым. Сюзанна не угадывала под этой веселостью глубокого раздумья и затаенной тоски.

Так продолжалось до июля, когда Анджела, которую Юджин повез на несколько дней на взморье, внезапно слегла. Она легко простужалась, у нее постоянно болело горло, и эти симптомы, которые врачи приписывают скрытой форме ревматизма, в конце концов действительно вылились в эту болезнь. Врачи утверждали также, что у нее сердце не в порядке, и это в сочетании с серьезным приступом ревматизма надолго уложило ее в постель. Юджин пригласил сиделку и вызвал Мариетту. Он попросил Миртл, жившую теперь в Нью-Йорке, взять в свои руки уход за Анджелой и временно, до приезда Мариетты, присмотреть за его домом. Под ее наблюдением все в доме шло довольно гладко. Между прочим, Миртл, будучи поклонницей «христианской науки» и ее методов лечения, которое она проверила на себе (она недавно излечилась от продолжительного нервного расстройства), настаивала на том, чтобы Юджин пригласил к больной какого-нибудь практикующего лекаря из этой секты, но Юджин и слышать об этом не хотел. Он нисколько не сочувствовал увлечению Миртл и считал, что Анджела больше всего нуждается в помощи обыкновенного врача. Позвали опытного специалиста, и тот заявил, что Анджела должна полтора-два месяца провести в постели.

– Весь ее организм расшатан ревматизмом, – сказал он. – Положение очень серьезное. Но полный покой и постоянный уход и наблюдение поставят ее на ноги.

Юджин был очень огорчен. Ему тяжело было видеть страдания Анджелы. Но вместе с тем болезнь нисколько не изменила его отношения к ней. Да он и не видел причин к этому. Ведь болезнь не внесла никакой перемены в ее взгляды. Их отношения опекунши и беспокойного питомца оставались все теми же.

Балы и приемы прекратились, и Юджин стал проводить все вечера дома. Он присматривал за сиделкой и хотел всякий раз слышать мнение врача. Работы у него было по горло: ему приходилось много читать, давать консультации, и люди, нуждавшиеся в его совете, часто приходили вечерами к нему домой. Друзья и знакомые заезжали выразить соболезнование или присылали сочувственные письма – и среди них миссис Дэйл и Сюзанна. Миссис Дэйл проявляла к семейству Витла особенно много внимания, так как Юджин собирался в скором времени напечатать ее первый роман. Она присылала цветы, часто заезжала сама и предлагала помощь Сюзанны на тот случай, если не явится сиделка или же Миртл не сможет прийти. Она спрашивала, не хочет ли Анджела, чтобы Сюзанна приходила почитать ей. Это были любезные предложения, и делались они без всякой задней мысли.

Вначале Сюзанна посещала их только вместе с матерью, но болезнь Анджелы затянулась, и она стала приезжать одна. Юджин целый месяц стойко переносил удушливую жару городской квартиры, лишь бы повидаться с девушкой. Но как-то миссис Дэйл предложила ему провести у них за городом субботу и воскресенье. Это недалеко. Можно все время сноситься с Нью-Йорком по телефону. Он немного отдохнет.

Несмотря на то, что Анджела не раз предлагала ему съездить куда-нибудь на взморье, хотя бы дня на два, Юджин отказывался под предлогом, что ему не хочется ехать одному. В действительности же он все больше и больше увлекался Сюзанной и хотел быть только там, где мог увидеться с нею.

Приглашение миссис Дэйл обрадовало его; однако раз он до сих пор притворялся, надо было притворяться и дальше. Но миссис Дэйл настаивала. Анджела поддерживала ее. Миртл тоже считала, что он должен поехать. И однажды в пятницу после обеда Юджин отправился в Дэйлвью на своей машине, которую затем отослал обратно в город. Сюзанна куда-то ушла, и он вышел на террасу полюбоваться великолепной панорамой залива. Кинрой с товарищем и двумя девушками играли в теннис. Юджин пошел посмотреть на их игру, и в это время вернулась разрумянившаяся после прогулки Сюзанна. Она заходила к кому-то из соседей. При виде ее Юджин почувствовал, как напряглись все его нервы, его охватил восторг, и девушка, казалось, испытывала ответное волнение. Она была очень весела, и смех ее звучал заразительно.

– У них уже составилась партия, – сказала она Юджину. – Давайте возьмем ракетки и сыграем друг против друга.

– Я должен вас предупредить, что играю скверно.

– Но уж, наверно, не хуже меня! Я такой плохой игрок, что Кинрой отказывается играть со мной в паре. Ха-ха-ха!

– Ну, если так… – беззаботным тоном произнес Юджин, и они отправились за ракетками.

Они прошли на второй корт и здесь оказались совершенно одни. Каждый удачный удар служил поводом для взаимных комплиментов, каждый промах вызывал взрыв смеха или шутку. Юджин пожирал девушку глазами, и она, сама того не сознавая, тоже не сводила с него больших сияющих глаз. Она не понимала, почему ей так хорошо. Словно в нее вселился неукротимый дух веселья. Впоследствии она признавалась ему, что чувствовала в тот день огромную радость, какой-то необъяснимый восторг, и всей душой отдавалась игре, – и в то же время ее томил безотчетный страх. Юджину она казалась обворожительной. Играла она действительно плохо, но это было ему совершенно безразлично. Движения ее были прелестны.

Миссис Дэйл давно уже восхищалась душевной молодостью Юджина. И сейчас, наблюдая за ним из окна, она говорила себе, что он еще совсем мальчик. Юджин и Сюзанна представляли очаровательную пару. У нее мелькнула мысль, что, будь он холост, он был бы неплохой партией для ее дочери. Хорошо, что он такой благоразумный, трезвый в своих взглядах и милый человек, – он держится с Сюзанной совсем как опекун. И расположение, которое Сюзанна чувствует к нему, можно считать признаком здоровой натуры.

После обеда Кинрой предложил своим друзьям и Сюзанне пойти потанцевать в клуб, расположенный неподалеку от форта на берегу залива. При мысли, что Сюзанна уйдет и оставит его одного, Юджин приуныл, и миссис Дэйл, заметив это, предложила ехать всем вместе. Сама она не была большой любительницей танцев, но у Сюзанны не было кавалера, – Кинрой с товарищем все свое внимание уделяли гостившим у них девушкам. Вся компания села в машину и поехала в клуб; увешанный китайскими фонариками, он утопал в полумраке. Из зала доносилась тихая музыка.

– Ну, вы идите танцевать, – сказала миссис Дэйл Сюзанне, – а я посижу здесь и полюбуюсь заливом. Дверь открыта, и мне будет видно, как вы танцуете.

Юджин подал Сюзанне руку, и в следующую минуту они уже кружились в танце. Какое-то безумие сразу охватило их. Не произнося ни слова и даже не обменявшись взглядом, они прижались друг к другу и танцевали в каком-то упоении.

– Боже, как красиво! – воскликнула Сюзанна, когда, проносясь мимо открытой настежь двери, они увидели далеко в заливе ярко освещенную шхуну, беззвучно плывущую мимо. Ее единственный огромный парус утопал в глубокой тени; она приближалась неслышно, словно призрак.

– Вам нравятся такие картины? – спросил Юджин.

– Ну еще бы! – Она дрожала в его объятиях, как натянутая струна. – У меня от них дух захватывает. Смотрите, какая прелесть!

Юджин подавил вздох. Теперь он понял. Никогда еще его душа художника не встречала такой родственной души, до такой степени исполненной чувства прекрасного. Жажда красоты, которая томила его, жила и в ней и влекла ее к нему. Разница была лишь в том, что ее душе драгоценной оправой служили юность, красота и обаяние чистоты, и это вызывало в нем благоговейный трепет. Казалось немыслимым, чтобы она полюбила его. Ее глаза, ее лицо – как они его пленяли! Его толкала к ней неодолимая сила, и такое же неодолимое влечение было у нее к нему. Юджин весь день находился во власти этого чувства, и теперь оно окончательно завладело им. Он прижал девушку к груди, и она, послушная каждому его движению, вся трепеща, отдалась его объятию. Ему хотелось воскликнуть: «О Сюзанна, Сюзанна!» – но он боялся. Стоит ему произнести слово, и он спугнет ее. Она не догадывалась, что все это означает.

– Знаете, – сказал он, когда музыка смолкла, – я не пойму, что со мной. Меня словно опоили каким-то дурманом, я чувствую себя мальчишкой.

– О, если бы они играли, не переставая! – только и ответила Сюзанна, и они вместе вышли на темную террасу, над которой мерцали бесчисленные звезды.

– Ну, как? – спросила миссис Дэйл.

– По-видимому, вы не разделяете моего увлечения танцами? – спокойным голосом спросил Юджин, опускаясь рядом с ней на стул.

– Думаю, что нет, судя по тому, какое удовольствие они вам доставляют. Я смотрела, как вы сейчас танцевали. Вы прекрасная пара. Кинрой, попроси, пожалуйста, чтобы нам принесли мороженого.

Сюзанна незаметно ускользнула и присоединилась к друзьям брата. Она стала весело болтать с ними, чувствуя, что Юджин не спускает с нее глаз, вся во власти его присутствия и обаяния. Она пыталась разобраться в том, что с ней происходит, но почему-то ей это не удавалось. Опять заиграла музыка, из приличия Юджин дал ей потанцевать с товарищем брата. Следующий танец принадлежал ему, а потом они опять танцевали вместе, так как и Кинрой и его приятели заявили, что хотят отдохнуть. Юджин и Сюзанна продолжали танцевать, охваченные все возрастающим восторгом, не находившим выхода в словах, если не считать особенной интонации, сквозившей в тех редких, ничего не значащих фразах, которыми они обменивались. Зато говорили их руки, когда соприкасались, говорили взгляды. Сюзанной владели робость и страх. Ее пугало сознание того, что она делает, ей было страшно, как бы у Юджина не вырвалось неосторожное слово, но хотелось, чтобы эта радость длилась вечно. В перерыве между двумя танцами, когда она стояла у перил террасы, глядя вниз, на темную воду, он подошел к ней, и наклонившись, сказал:

– Какая изумительная ночь!

– Да, чудесная! – отозвалась она, отводя от него взгляд.

– Вы когда-нибудь задумывались над тайной жизни?

– Конечно. Очень часто.

– Но ведь вы так еще молоды! – вырвалось у Юджина с затаенной страстностью.

– А иногда мне совсем не хочется думать, – вздохнула она.

– Почему?

– Не знаю, право. Не могу вам объяснить. У меня нет для этого слов. Не знаю.

В трогательной простоте ее ответа таился для него глубокий и важный смысл. Ведь это так понятно, что истинно богатая душа не находит нужных слов, особенно когда она еще молода и не располагает достаточным земным лексиконом. Он вспомнил слова Вордсворта о том, что мы «славою венчанные приходим сюда». Но откуда? В ее душе, должно быть, много мудрости, почему бы иначе его так влекло к ней? О, сколько трогательно-прекрасного в ее немоте!

Они вернулись из клуба в автомобиле, и поздно ночью, когда Юджин вышел на террасу и сел покурить, чтобы успокоить свой воспаленный мозг, между ними произошла еще одна встреча. Ночь была удушливо-жаркая, и только здесь, на холме, дул прохладный ветерок. В заливе и дальше, в открытом море, виднелось много судов – крохотные мерцающие огоньки, – а в небе горели мириады звезд. «Смотри, как свод небесный весь выложен миллионами кружков из золота блестящего…»[18] – вспомнилось ему. Отворилась дверь, и на террасу из библиотеки вышла Сюзанна. Юджин не ожидал еще раз увидеть ее; она тоже удивилась. Красота ночи выманила ее на террасу.

– Сюзанна, – сказал он, едва дверь открылась.

Она посмотрела на него, застыв в нерешительности, ее прелестное белое личико светилось во мраке.

– Здесь так красиво! Идите сюда, садитесь.

– Нет, – сказала она. – Мне нельзя. Но действительно, как чудесно! – Она растерянно оглянулась по сторонам, потом посмотрела на него. – Ах, какой ветерок! – Она откинула голову назад, жадно вдыхая воздух.

– У меня в ушах все еще звучит музыка, – сказал Юджин, подходя к ней. – Я не могу забыть сегодняшний вечер.

Он говорил тихо, почти шепотом. Сигару он кинул прочь. Голос Сюзанны звучал глухо. Она посмотрела на него, глубоко вздохнула и снова откинула голову так, что видна была ее прелестная шея.

– Ах! – со вздохом вырвалось у нее.

– Давайте потанцуем еще, – сказал он и, взяв ее правую руку, обнял девушку за талию.

Она не отшатнулась, а только смотрела на него не то рассеянным, не то завороженным взглядом.

– Без музыки? – спросила она. Ее охватила дрожь.

– Вы сами музыка! – ответил он, задыхаясь от волнения.

Они отошли влево, к той части террасы, где не было окон и где никто не мог их видеть. Юджин крепко прижал к себе девушку, глядя ей в глаза, но не смея сказать того, что было у него на душе. Они сперва двигались бесшумно, а потом из груди Сюзанны вырвался тот переливчатый нежный смех, который так очаровал Юджина при первом их знакомстве.

– Что о нас подумали бы! – сказала она.

Они подошли к балюстраде. Он все еще держал руку Сюзанны, но теперь она ее высвободила. Юджин отдавал себе отчет в страшной опасности. Он чувствовал, что рискует испортить свои блаженно-легкие отношения с ней. Наконец он сказал:

– Может, нам лучше разойтись?

– Да, – ответила она. – Мама очень огорчится, если узнает.

Она первая направилась к двери.

– Спокойной ночи! – шепнула она.

– Спокойной ночи! – ответил он, вздохнув.

Юджин вернулся к своему креслу и стал думать о том, что он делает. Риск был колоссальный. Продолжать ли? Перед ним встал образ Сюзанны – ее прелестное, как цветок, лицо, ее гибкое тело, ее непередаваемая грация и красота. Нет, пожалуй, не следует. Но какая это утрата! Как обидно дать бесследно промелькнуть подобному очарованию. Возможно ли, чтобы в этой юной головке обитали такие сложные мысли и чувства! Никогда, никогда в жизни не встречал он такой девушки. Ни в ком не видел он столько прелести. Она вызывала представление о весеннем лесе, о полевых цветах. О, если бы жизнь вняла его мольбам и подарила ему это создание.

– О Сюзанна, Сюзанна! – шептал он про себя, наслаждаясь звуками ее имени.

В четвертый или пятый раз в жизни Юджину казалось, что он страстно, отчаянно, безумно влюблен.

Глава VI

Вспышка чувства в Юджине и эта неожиданная душевная близость полностью изменили его отношение к жизни. К нему вернулась молодость. Несмотря на свои успехи в деловом мире, он все эти годы не переставал грустить о том, что время проходит, что с каждым днем, с каждым часом надвигается старость, – а чего в сущности он достиг? Чем больше он всматривался в жизнь сквозь призму своего опыта, тем больше убеждался в бессмысленности всяких усилий. Что в сущности дает человеку успех? Неужели он стремится только к тому, чтобы приобретать дома, землю, красивые вещи и друзей? Существует ли в жизни истинная дружба и что приносит она с собой? Глубокое удовлетворение? Да, но только в единичных случаях, а в общем – какая горькая насмешка скрыта в этом слове, как часто дружба связана с тонким расчетом, с эгоистическими целями, со всякими происками! Ведь большей частью заводишь дружбу с теми, кто равен тебе по положению. Близкий друг – да есть ли такой? Долго ли считал бы он своим другом человека, которому не повезло в жизни? Общество делится на группы, и каждая живет по известным законам, придерживается в своем поведении известных правил, пользуется известной степенью влияния и уважения. Колфакс – его друг до поры до времени. То же самое можно сказать про Уинфилда. Сотни людей вокруг него, по-видимому, почитают за счастье пожать ему руку, – но чем это вызвано? Его славой? Разумеется. Его талантом? Не иначе. Отношение к нему друзей измеряется его собственной силой и влиянием и больше ничем.

Что касается любви… В сущности, что дала ему любовь до сих пор? Оглядываясь на свое прошлое, Юджин приходил к заключению, что во всех его романах преобладающую роль играла грубая чувственность. Разве мог он сказать, что когда-нибудь любил по-настоящему? Уж, конечно, не Маргарет Даф, и не Руби Кенни, и не Анджелу, – хотя его чувство к ней было ближе всего к истинной любви, – и не Кристину Чэннинг. Все эти женщины ему очень нравились, нравилась и Карлотта

Уилсон, но любил ли он которую-нибудь из них? Ни в коем случае. Анджела, говорил он себе, воспользовалась его жалостью. Он женился на ней из чувства долга и прошел весь жизненный путь, так и не познав любви. Но вот в его жизнь вошла Сюзанна Дэйл, совершенная душой и телом, и он без ума от нее. Это действительно любовь, а не грубая чувственность. Ему хотелось быть с нею, держать ее руки, целовать ее губы, ловить ее улыбку – и больше ничего. Конечно, и тело ее прекрасно. Рано или поздно страсть заявит о себе, но сейчас он был очарован ее внешним обаянием и красотой ее души. Сердце Юджина разрывалось при мысли, что он лишен возможности быть постоянно с нею, хотя ничто не давало ему надежды, что ему удастся когда-нибудь ее добиться.

Размышляя о своей жизни, он испытывал ужас и отвращение. Подумать только, что, познав этот единственный час неземного блаженства, он вынужден снова возвратиться в будничный мир! На службе его дела тоже шли неважно. Вместо того чтобы улучшаться, они день ото дня становились все хуже. Занятый другим, – главным образом планами «Компании Синее море», – Юджин все больше охладевал к своим обязанностям в издательстве. Правда, он посадил, где только можно было, надежных людей, но те, укрепившись на своем посту, очень мало считались с ним в работе, тем более что и Юджин не уделял им особого внимания. Уайт и Колфакс с многими из них сносились непосредственно. Некоторые работники, как, например, заведующий отделом рекламы Хейз, заведующий отделом распространения, редакторы «Интернейшнл ревью» и книжного отдела, оказались очень способными людьми, и как-то сама собой установилась молчаливая договоренность, что, хотя Юджин и нанял их, уволить их он не может. Колфакс и Уайт начинали понимать, что Юджин, умевший блестяще подбирать людей, сам не способен заниматься повседневной работой. Он не мог заставить себя сосредоточиться на практических вопросах. Будь он хозяином, как Колфакс, или ловким, практичным исполнителем вроде Уайта, он мог бы почитать себя в безопасности; но он был прирожденный вожак, вернее организатор, и, не сумев с самого начала взять руководство в свои руки, стал беспомощным и бесполезным теперь, когда начальный период работы кончился. Находились люди, которые лучше его умели разрешать отдельные вопросы. Колфакс успел изучить своих сотрудников и доверял им. В отсутствие Юджина – а он отсутствовал все чаще и чаще, по мере того как крепло его положение и возрастал его интерес к предприятию Уинфилда, – работники редакций стали обращаться за советом к Колфаксу, а если его не было, то и к Уайту. Тот принимал их с распростертыми объятиями. Помощники Юджина, рассуждая о своем начальнике, выражали мнение, что, проведя организацию – или, вернее, реорганизацию – дела, он тем исчерпал свою задачу. В свое время ему, может быть, и стоило платить двадцать пять тысяч долларов, но такой оклад уже не оправдывает себя, когда человек, выполнив свою миссию, только и делает, что сидит в кресле и смотрит в потолок. Уайт не переставал внушать Колфаксу, что в делах коммерческих Юджин совершеннейший ноль. «Он пытается взять на себя то, что вы могли бы делать гораздо лучше. Не забудьте, что вы многому научились с тех пор, как стали издателем, – так же, как и он. Но вы вошли в суть дела, а он – нет. Его помощники больше считаются с вами, чем с ним».

Колфаксу доставляло удовольствие это слушать. Юджин был ему приятен, но еще приятнее было сознавать, что дело его на верном пути. Мысль о том, что кто-нибудь из его сотрудников может настолько упрочиться в издательстве, что станет в нем незаменимым, крайне беспокоила Колфакса, а он предвидел такую опасность в те дни, когда Юджин только что приступил к работе и быстро шел в гору. Уж очень авторитетно он держался. Юджин считал, что должен импонировать Колфаксу и что добиться этого можно именно таким путем, наряду, конечно, с безупречной работой. Но Колфакса это вскоре стало раздражать, так как он и сам был воплощенным тщеславием и рядом с собой не терпел других богов. Уайт, напротив, раболепствовал перед своим патроном и всегда ограничивался смиренными советами. Разница была огромная.

Положение Юджина с каждым днем становилось все более шатким. Пока это еще ни в чем не проявлялось, но чувствовалось всеми. Если бы он не увлекался посторонними делами, давал себе труд вникать во все мелочи и не терял тесного контакта с Колфаксом и своими подчиненными, многое можно было бы еще спасти. Но Юджин все больше и больше пренебрегал делом, и это не могло не отразиться плачевно на его служебном положении.

Сначала его отвлекали дела «Компании Синее море», перед которой открывались самые блестящие перспективы. Это был один из тех проектов, осуществление которых требует многих лет, но по началу судить об этом было еще трудно. Напротив, казалось, что успехи налицо. В первый же год, после того как в дело был вложен значительный капитал, на участке произвели большие осушительные работы, благодаря чему во многих местах вода исчезла и позади главного пляжа появилась длинная полоса суши, где можно было строить отели и клубы. Началось сооружение деревянной набережной по плану, выработанному Юджином и одобренному, с небольшими изменениями, специально приглашенным архитектором. Было частично закончено строительство прекрасного здания под обширное казино с рестораном и дансингом, сочетавшее в себе три стиля – мавританский, испанский и старомиссионерский. По инициативе Юджина в проект строительства была внесена одна эффектная деталь: все здания курорта должны были быть выдержаны в красных, белых, голубых, желтых и зеленых тонах и в смелых, но простых линиях. Стены зданий предполагалось выкрасить в белый и желтый цвета, переплеты окон – в зеленый, крыши, портики, карнизы, фундамент и ступеньки – в красный, желтый, зеленый и голубой. И внутри зданий и на прилегавших к ним дворах намечалось соорудить круглые итальянские бассейны. Все отели – разных размеров – должны были представлять собой по стилю американские варианты испанской «Джиральды». Для насаждений были выбраны ели и высокие пирамидальные тополя. Что касается железной дороги, то она уже прокладывалась, как и обещал мистер Уинфилд; кроме того, строился вокзал в испанском стиле – поистине прекрасное сооружение. По всем признакам курорт «Синее море» должен был стать тем, чем надеялся видеть его Уинфилд, – лучшим морским курортом Америки.

Быстрое продвижение работ так увлекло Юджина – до появления Сюзанны, – что он уделял им больше внимания, чем мог себе позволить. Как и в первое время у Саммерфилда, он просиживал ночи над эскизами внутреннего и внешнего оформления зданий, над фасадами и лужайками, над всякого рода сооружениями на островках и так далее. Он часто ездил с Уинфилдом и

его архитектором смотреть, как подвигается работа, а также посещал денежных тузов, которых надеялся заинтересовать будущим курортом. Он набрасывал эскизы реклам и планы брошюр, делая зарисовки, и придумывал к ним тексты.

Но потом появилась Сюзанна, и Юджин забыл все на свете. Ее образ неотступно стоял перед ним и днем и ночью. Она занимала его мысли и в издательстве и дома, и во сне и наяву. Им овладела лихорадка, ни на минуту не отпускавшая его. Когда он снова ее увидит? Когда? Когда? Она рисовалась ему такой, какой запомнилась во время танцев в яхт-клубе и на качелях в Дэйлвью. Его терзала неистовая мучительная тоска; как безумец, одержимый одним желанием, одной мыслью, он нигде не находил покоя.

Однажды, вскоре после танцев в яхт-клубе, Сюзанна вместе с матерью приехала навестить Анджелу. Юджин улучил минутку, чтобы обменяться с девушкой несколькими словами, – это было в шестом часу, и он уже вернулся домой. Сюзанна смотрела на него, как зачарованная, не зная, что и думать. Он стал жадно расспрашивать ее, где она была, куда собирается ехать.

– Мы завтра едем к Бентвуду Хэдли, – сказала она. – Пробудем там неделю, а может быть, и больше.

– Вы обо мне часто вспоминали, Сюзанна?

– Да, да! Только не нужно говорить об этом, мистер Витла. Нет, нет, не надо. Я не знаю, что и думать.

– А если бы я приехал к Хэдли, вы были бы рады?

– Ну, конечно, – нерешительно ответила она. – Но вы не приезжайте.

К концу недели Юджин был уже там. Устроить это было легче легкого.

«Я безумно устал, – написал он миссис Хэдли. – Почему Вы не пригласите меня к себе?»

«Приезжайте», – гласил телеграфный ответ, и он поехал.

На этот раз его ждала большая удача, чем когда-либо. В момент его приезда Сюзанна каталась верхом, но, как сообщила Юджину хозяйка дома, в близлежащем загородном клубе устраивался в этот вечер бал, и Сюзанна собиралась туда вместе с другими гостями. Миссис Дэйл тоже решила поехать и пригласила Юджина. Он ухватился за это предложение, так как знал, что сможет танцевать с владычицей своих дум. Когда все направлялись к столу, он встретился с Сюзанной в вестибюле.

– Я тоже еду на бал, – сказал он возбужденно. – Приберегите для меня несколько танцев.

– Хорошо, – ответила она, замирая от волнения.

Они отправились на бал, и он записал за собою на ее карточке пять танцев.

– Только будем осторожны, – умоляющим голосом сказала она. – Мама это не понравится.

Из этих слов он понял, что ей все ясно и что отныне она – его сообщница. Но зачем он искушает ее? И зачем она поддается искушению?

– Наконец-то! – прошептал он, обхватив рукой ее талию, когда они закружились в первом танце. – Я так ждал этой минуты.

Она не ответила.

– Посмотрите на меня, Сюзанна, – попросил он.

– Не могу, – сказала она.

– Прошу вас, посмотрите на меня, – продолжал он умолять. – Один раз! Посмотрите мне в глаза.

– Нет, нет, – шептала она. – Я не могу!

– Сюзанна, я без ума от вас! Я, кажется, совсем потерял рассудок. Я не знаю, что со мной. Ваше лицо, как цветок. Ваши глаза – что мне сказать о ваших глазах? Взгляните на меня!

– Нет, – противилась она.

– Эти дни, что я не видел вас, показались мне вечностью! Я считал минуты. Сюзанна, я кажусь вам глупцом?

– Нет.

– Все считают меня умным и способным человеком, даже блестящим. Но вы, вы – самое совершенное существо, какое я когда-либо встречал. Я думаю о вас и днем и ночью. Я мог бы без конца писать вас. Благодаря вам я вновь обрел свое искусство. Если я буду жив, я напишу с вас сто портретов. Вы когда-нибудь видели портрет возлюбленной Россетти?

– Нет.

– Он написал с нее сто портретов. А я напишу с вас тысячу!

Она подняла глаза и посмотрела на него робко, с изумлением, завороженная его страстью, и встретила его обжигающий взгляд.

– О, посмотрите на меня еще раз! – прошептал он, когда она опустила глаза под этим пылающим взором.

– Не могу, – умоляла она.

– Нет, можете. Один только раз.

Она снова подняла глаза, и обоим показалось, будто их души слились воедино. У Юджина закружилась голова. Сюзанна пошатнулась.

– Вы любите меня, Сюзанна? – спросил он.

– Не знаю, – ответила она, вся дрожа.

– Вы меня любите?

– Не спрашивайте меня сейчас.

Музыка смолкла. Сюзанна исчезла.

Он увидел ее лишь много времени спустя; она спряталась от него, чтобы прийти в себя. Словно буря пронеслась над ней, всколыхнув все ее существо. Она испытывала страх, тревогу, растерянность и радостное волнение. Она вернулась в зал и опять танцевала с Юджином, но была уже значительно спокойнее. А затем они вышли на балкон, и там ему удалось шепнуть ей несколько слов.

– Пожалуйста, не надо, – остановила она его. – Мне кажется, на нас смотрят.

Он оставил ее одну, но в автомобиле, по дороге домой, шепнул ей:

– Я буду на западной террасе. Вы придете?

– Не знаю. Постараюсь.

Когда все в доме стихло, Юджин, медленно направился к назначенному месту и стал ждать Сюзанну. Постепенно в огромном доме замерли последние звуки. Пробило час, потом половина второго, и было уже около двух часов, когда дверь отворилась и на террасу выскользнула прелестная фигурка Сюзанны. Она еще не сняла бального платья, на голове у нее был кружевной шарф.

– Я так боюсь, – прошептала она. – Я сама не понимаю, что делаю. Вы уверены, что нас никто не увидит?

– Пойдемте по тропинке на луг.

Они пошли по дорожке, по которой уже шли однажды, когда встретились здесь ранней весной. Низко в небе висел желтый серп месяца, казавшийся в этот поздний час особенно большим.

– Помните, как мы были здесь весной?

– Помню.

– Я тогда любил вас. А вы?

– Нет.

Они шли под деревьями, он держал ее руку в своей.

– Какая ночь! Какая ночь! – воскликнул он, не в силах сдержать томившее его чувство.

Они вышли на поляну. В воздухе чувствовалось августовская сухость. Теплая ночь дышала страстью. Где-то гудел жук, что-то похрустывало, неясные шорохи наполняли тьму. Квакнула лягушка, а может быть, это был хриплый голос сонной птицы.

– Сюзанна, – сказал наконец Юджин, когда тропинка кончилась и они остановились на опушке, залитой ярким лунным светом. – Сюзанна, – повторил он, обнимая ее.

– Нет, – сказала она, – не надо.

– Посмотрите на меня, Сюзанна, – молил он. – Я хочу вам сказать, как я люблю вас. Я не нахожу слов. Смешно пытаться передать мои чувства словами. Скажите, что вы любите меня, Сюзанна. Скажите скорей. Я люблю вас безумно! Скажите, Сюзанна!

– Нет, нет, я не могу! – ответила она.

– Поцелуйте меня.

– Нет.

Он привлек ее к себе и насильно поднял ее голову за подбородок.

– Откройте глаза, Сюзанна. О, боже! Какое счастье! Теперь я мог бы умереть! Большего блаженства в жизни не может быть! Мой цветок! Моя фея! Мое божество! Вы само совершенство! И подумать только, что вы любите меня!

Он стал жадно целовать ее.

– Поцелуйте меня, Сюзанна! Скажите, что вы любите меня. Скажите, Сюзанна! Как я люблю ваше имя! Шепните, что вы любите меня.

– Нет.

– Но ведь вы любите меня?

– Нет.

– Посмотрите на меня, Сюзанна. Умоляю вас, взгляните на меня.

– Да, да, да! Люблю! – с рыданием вырвалось у нее вдруг, и она обвила руками его шею. – Люблю, люблю!

– Не плачьте, Сюзанна, не плачьте, родная! Я совсем потерял голову, я люблю вас! Теперь поцелуйте меня, один только раз. За вашу любовь я готов отдать душу. Поцелуйте меня!

Он прижался губами к ее губам, но она в ужасе вырвалась из его объятий.

– Мне страшно! – воскликнула она. – Боже, что мне делать? Я боюсь! Ради бога, не надо! У меня такой ужас в душе! Что мне делать! Отпустите меня!

Она побелела и, вся дрожа, ломала пальцы.

Юджин ласково притронулся к ее руке.

– Успокойтесь, Сюзанна, – сказал он. – Я больше не скажу ни слова. Вы ничего дурного не сделали. Я напугал вас. Мы сейчас пойдем домой. Успокойтесь. Вам нечего бояться.

Видя ее явный испуг, он сделал над собой усилие, и они направились к роще. Чтобы еще больше успокоить ее, он достал из кармана портсигар, как будто намереваясь закурить, но, убедившись, что она успокоилась, положил сигару обратно.

– Ну, прошло, дорогая? – спросил он нежно.

– Да, но вернемтесь домой.

– Слушайте, Сюзанна. Я пойду с вами только до конца рощи. А дальше идите одна. Я буду стоять на опушке, пока вы не подойдете к дому.

– Хорошо – сказала она успокоенная.

– И вы правда любите меня, Сюзанна?

– Да, да, люблю, но не говорите об этом. Только не сейчас. Не то вы снова меня напугаете. Идемте домой.

Они медленно двинулись дальше. Потом Юджин сказал:

– Только один поцелуй, дорогая, на прощанье. Только один. Жизнь снова открылась передо мной. Вы мой добрый гений. Вы сделали из меня другого человека. У меня такое чувство, будто я никогда раньше не жил. О, какое это дивное ощущение! Какое счастье узнать это, перемениться, как переменился я! Вы заново создали меня, вы вернули мне мое искусство! Теперь я опять могу работать. Я напишу ваш портрет.

Он вряд ли понимал, что говорит. Ему казалось, что, охваченный каким-то пророческим порывом, он внезапно открыл самого себя.

Сюзанна приняла его поцелуй, но была так испугана, так возбуждена, что у нее прерывалось дыхание. Какие-то новые, незнакомые чувства теснили ей грудь. В сущности, она не понимала, о чем он говорит.

– Завтра на опушке рощи, – сказал он. – Завтра. Пусть вам снятся золотые сны. А я никогда уже не буду знать покоя без вашей любви.

Со страстью, тоскою, мукой и восторгом следил он за ее удалявшейся фигуркой, пока она, словно призрак, не растаяла за черной, безмолвной дверью.

Глава VII

Невозможно, даже в таком подробном описании, как наше, передать всю необычайную сложность, всю красоту и весь ужас тех чувств, которые овладели Юджином, а потом передались и Сюзанне, когда любовь захватила его целиком. Миссис Дэйл принадлежала к числу самых близких светских друзей Юджина. С первого же дня их знакомства она стала его убежденной

поклонницей, всюду отзываясь о нем как о блестящем издателе и редакторе, художнике с большим дарованием, интересном собеседнике, порядочнейшем и приятнейшем человеке. Из неоднократных бесед с нею Юджин знал, что миссис Дэйл души не чает в старшей дочери. Она говорила ему о том, как трудно в наши дни воспитать светскую молодую девушку, сохранив в ней чистоту души и безыскусственность, и он даже обсуждал с нею этот вопрос. Она призналась ему, что считает нужным предоставить Сюзанне полную свободу в той мере, в какой это совместимо с хорошим воспитанием и здравыми понятиями. Она не стремилась развивать в дочери излишнюю смелость и самоуверенность, но вместе с тем хотела видеть ее естественной и правдивой. Сюзанна, как миссис Дэйл убедилась на основании долгих наблюдений и частых откровенных бесед с нею, была честной и искренней натурой. Миссис Дэйл не совсем понимала свою дочь – ни одна мать не понимает до конца своего ребенка, – но считала, что достаточно разбирается в ее душе, и видела в ней задатки сильной воли и больших способностей, – как у ее покойного отца, – а также естественное тяготение ко всему, что есть в жизни хорошего и достойного.

Были ли у нее какие-нибудь таланты? На этот вопрос миссис Дэйл не могла дать определенного ответа. В Сюзанне чувствовалось смутное стремление к чему-то, имевшему очень мало общего с развлечениями так называемого высшего общества. Ее нисколько не интересовали молодые люди и девушки, с которыми она встречалась. Она любила ездить в гости, но и тут ее больше всего прельщали прогулки верхом или в автомобиле. К азартным играм ее не тянуло. Салонные разговоры забавляли ее, но не больше. Ее влекло к интересным людям, она любила хорошие книги и картины. Она видела полотна Юджина, и они произвели на нее большое впечатление. Она зачитывалась стихами – но все это не мешало ей любить и понимать шутку. Чья-нибудь неожиданная неловкость могла вызвать у нее приступ безудержного смеха, и она всегда с удовольствием читала юмористические приложения к газете. Она внимательно присматривалась к людям, не исключая и собственной матери, и ей постепенно становилось ясно, – пожалуй, яснее, чем даже самой миссис Дэйл, – какими мотивами та руководствуется в своем отношении к ней. Если строго разобраться, то Сюзанна была одареннее матери, но ее способности были иного свойства. Ей не хватало еще уравновешенности и широкого умственного кругозора, но зато ее поэтическая натура сильнее откликалась на все окружающее, а суждения говорили о богатой фантазии и тонком своеобразии вкуса. Своей собственной волнующей красоты Сюзанна не замечала или не хотела замечать. Она знала, что хороша собой, что мужчины теряют голову из-за нее, но это ее почти не трогало. «Охота им так глупо себя вести», – думала она. Сама она ничего не делала, чтобы привлечь к себе поклонников, наоборот, избегала всего, что было похоже на флирт. Мать со всею откровенностью предупредила ее, как легко увлекаются мужчины, как мало им можно верить и как нужно следить за каждым своим взглядом, каждым жестом. И Сюзанна жила весело и беспечно, никому не причиняя зла, стараясь не вызывать ни в ком безнадежной любви и порой задумываясь над тем, что принесет ей будущее. А потом появился Юджин.

С его появлением, хотя она едва ли сознавала это, в жизни Сюзанны наступила новая полоса. Она встречала немало мужчин в обществе, но все те, кто принадлежал к особо избранному кругу, казались ей невыносимо скучными. Мать не раз говорила Сюзанне, как для нее важно найти себе богатого жениха с положением, но каков он будет как человек, это оставалось для Сюзанны загадкой. В типичных представителях «высшего» круга она не видела ничего «высокого». Ей приходилось встречать знаменитых богачей и отпрысков влиятельных фамилий, но в них было так мало человеческого, что для нее они просто не существовали. Почти все они представлялись ее поэтической натуре холодными, самовлюбленными и насквозь фальшивыми. Существовали, разумеется, люди действительно выдающиеся, о которых писали газеты, – финансисты, политические деятели, писатели, ученые, издатели, но, насколько понимала Сюзанна, мало кто из них был принят в высшем обществе, огромному большинству из них доступ туда был закрыт. Кое-кого из них она знала, но в большинстве случаев это были старики или же люди, настолько ушедшие в себя, что они не обращали на нее ни малейшего внимания. А Юджин появился на ее пути, окруженный славой талантливого, выдающегося человека, и к тому же он был молод. Он обладал красивой внешностью, был непринужденно весел и умел смеяться от души. Вначале Сюзанне даже не верилось, чтобы человек, столь молодой на вид, у которого не сходила с лица улыбка, мог занимать такое положение, как рассказывала ее мама. Впоследствии, узнав Юджина ближе, она решила, что его мало назвать одаренным. Казалось, он способен справиться с любой задачей, за какую бы ни взялся. Однажды она вместе с матерью зашла к нему в издательство, и ее поразило огромное, отделанное с большим вкусом здание и роскошно обставленный кабинет Юджина. Для нее он был самым замечательным из всех знакомых молодых мужчин. А потом началось пылкое ухаживание, когда каждая встреча приносила столько света и радости… А потом…

Юджина мучил вопрос, как быть дальше. После того памятного вечера перед ним встала во весь рост проблема всей его жизни. Он был женат и занимал значительное положение в обществе – более значительное, чем когда-либо. Он был тесно связан с Колфаксом, так тесно, что боялся его, ибо Колфакс, хотя и позволял себе шалости на стороне (как это было известно Юджину), тем не менее строго придерживался условностей. Он не допускал даже мысли, что подобные интрижки могут хоть в какой-то степени отразиться на его семейной жизни. Уинфилд тоже никогда не нарушал законов приличия. У него была любовница, но он, очевидно, раз и навсегда указал ей ее место. Юджин видел эту женщину на открытии нового казино и был поражен ее красотой. Она была эффектна, смела, элегантна. Глядя на нее, Юджин подумал о том, наступит ли время, когда и для него возможна будет подобная связь. Столько женатых людей поступали так. Отважится ли он когда-нибудь на такую попытку?

Теперь, однако, взгляды его резко переменились. Если до сих пор он мечтал о любовной связи, которая напоминала бы отношения Уинфилда с мисс де Кальб (так звали любовницу предприимчивого финансиста) и удовлетворила бы томившую его тоску по чему-то новому, прекрасному, – по женщине, в которой сочетались бы друг и возлюбленная, – то после встречи с Сюзанной он утратил всякий интерес к подобным вещам. Ему хотелось так изменить, переделать свою жизнь, чтобы иметь подле себя Сюзанну, одну лишь Сюзанну. Сюзанна! Сюзанна! Прекрасный сон! Но как добиться ее? Как убрать из своей жизни все, кроме ее близости? С ней он готов был прожить целый век. Да, да, целый век! О, какое видение, какая мечта!

В воскресенье, последовавшее за танцами в загородном клубе, Юджину удалось провести с Сюзанной весь день. Это произошло наполовину случайно, наполовину по безмолвному соглашению, так как если повод для их свидания и возник случайно, то оба постарались воспользоваться случаем и сделали это молча, не договариваясь, почти бессознательно. Если б их так сильно не тянуло друг к другу, ничего бы не было. Но так или иначе, новое свидание доставило им огромное наслаждение. Дело в том, что у миссис Дэйл на другой день после бала разыгралась мигрень. Кинрой предложил своим друзьям отправиться для разнообразия на Саут-Бич – самый жалкий, самый голый и неказистый пляж на всем побережье Стэйтен-Айленд, – и миссис Дэйл позволила Сюзанне поехать с ними, при условии, что Юджин согласится сопровождать ее. Она вполне доверяла ему как спутнику и наставнику.

Юджин ответил, что поедет с удовольствием. Он только и мечтал оказаться где-нибудь наедине с Сюзанной и надеялся, очутившись на пляже, улучить для этого удобную минуту, но старался не выдать себя. Была вызвана машина, которая доставила их к месту, откуда открывалась невзрачная панорама взморья. Шофера отпустили домой, условились, собираясь обратно, вызвать его по телефону. Вся компания двинулась по деревянным мосткам, тянувшимся вдоль пляжа, но почти тотчас же разбилась на группы.

Юджин с Сюзанной сперва остановились пострелять в тире. Затем они забавлялись бросанием колец. Юджин радовался каждой возможности смотреть на свою возлюбленную, видеть ее прелестное личико, ловить ее улыбку, слышать ее сладостный голос. Одно ее кольцо попало в цель. Каждое ее движение было совершенно, каждый взгляд вызывал в нем трепет наслаждения. Юджин чувствовал себя в раю, ничего общего не имевшем с той жалкой действительностью, которая их окружала.

Покатавшись на «чертовом колесе», они пошли по мосткам дальше. Волнение Юджина передалось Сюзанне, и в ней умолк голос благоразумия, который несомненно посоветовал бы ей бежать. Нужна была какая-то встряска, какой-то внезапный толчок, чтобы она увидела, куда ее несет течение, но этого не случилось. Они очутились у нового дансинга, где танцевали несколько официанток со своими кавалерами, и Юджин предложил смеха ради зайти туда. Снова они танцевали вместе, и, хотя окружающая обстановка была самая жалкая, а музыка отвратительная, Юджин чувствовал себя на седьмом небе.

– Давайте убежим от остальных, поедем в Терра-Марин, – предложил Юджин, вспомнив, что немного южнее на побережье есть отель. – Там очень хорошо. А здесь такое убожество…

– Где это? – спросила Сюзанна.

– Милях в трех отсюда, к югу. Мы можем даже пройти пешком.

Но, окинув взглядом раскаленный пляж, он тут же бросил эту мысль.

– А по-моему, останемся, – сказала Сюзанна. – Здесь все такое жалкое, что в этом есть своя прелесть. Мне интересно видеть, как эти люди веселятся.

– Нет, уж очень здесь скверно, – повторил Юджин. – Как бы мне хотелось иметь ваш здоровый взгляд на вещи. Впрочем, если не хотите, не поедем.

Сюзанна в задумчивости молчала. Убежать с ним? Но их будут искать. Остальные, наверно, и так удивляются, куда они запропастились. А впрочем, это не важно. Ее мать вполне спокойна, когда она с Юджином. Можно пойти.

– Хорошо, – сказала она наконец, – мне все равно, пойдемте.

– А что подумают остальные? – нерешительно заметил он.

– Им это совершенно безразлично, – сказала девушка. – Когда они захотят вернуться домой, они вызовут машину. Ведь они знают, что я с вами. И они знают, что я тоже могу вызвать машину, когда захочу. Мама не рассердится.

Они пошли на вокзал, чтобы поездом доехать до следующей станции. Юджин был счастлив, что проведет целый день вдвоем с Сюзанной. Он не думал ни об Анджеле, оставшейся дома, ни о том, как отнесется к этому миссис Дэйл. Ничего не случится. В их приключении не было ничего предосудительного.

Они сели в поезд и немного спустя очутились в другом мире – на террасе гостиницы, выходившей на набережную. Во дворе гостиницы стояло множество машин, в которых приехали такие же, как Юджин с Сюзанной, любители поразвлечься. Перед гостиницей раскинулась огромная лужайка, на которой высились качели под полосатыми красно-зелено-голубыми тентами, а вдали виднелась пристань, где стояли на якоре маленькие белые катера. Море было гладкое, как зеркало; в отдалении

проходили гигантские пароходы, за которыми тянулись пушистые султаны дыма. Солнце ярко пылало, но на террасе, где официанты разносили напитки и всевозможные блюда, было прохладно. На эстраде пел негритянский квартет. Сюзанна и Юджин сперва посидели в креслах, любуясь прекрасным видом, а потом спустились вниз к качелям. Не задумываясь, без слов тянулись они друг к другу, точно под действием какого-то колдовства, уносившего их далеко от реальной жизни. Сидя напротив Юджина на качелях, Сюзанна смотрела на него, – они улыбались или обменивались ничего не значащими шутками, ни словом не выдавая волновавших их чувств.

– Такого дня еще не было в моей жизни, – произнес наконец Юджин с тоской и страстью. – Посмотрите на этот пароход там, вдали. Он кажется совсем игрушечным.

– Да, – ответила Сюзанна. Она дышала неровно, голос ее дрожал. – Чудесно.

– Ваши волосы – вы не можете себе представить, как вы хороши сейчас на фоне моря.

– Прошу вас, не говорите обо мне, – взмолилась она. – Воображаю, какая я лохматая! Мне еще в поезде ветром растрепало волосы. Надо бы разыскать горничную и пойти в дамскую комнату.

– Не уходите, – сказал Юджин. – Не покидайте меня. Здесь так хорошо.

– Я не уйду. Я могла бы сидеть так целую вечность. Вот как сейчас – вы тут, а я тут.

– Вы читали «Оду греческой вазе»?[19]

– Да.

– Помните эти строки: «Прекрасный юноша, зачем бежишь…»

– Да, да! – с чувством откликнулась она.

Любовник пламенный, вотще твои порывы —

Она недостижима, хоть близка.

Но тем утешься, что пребудет на века

Твоя любовь и эта красота.

– Не надо, – попросила она.

Он понял. Слишком много волнующего было для нее в высоком пафосе этой мысли. Ей стало больно, как было больно ему. Какая глубокая душа!

Они тихо покачивались; время от времени Юджин отталкивался ногой, и Сюзанна помогала ему. А потом они прошлись по пляжу и уселись на крошечной лужайке, у самой воды. Мимо них проходили другие гуляющие. Юджин обнял Сюзанну за талию, взял ее руку в свою, но что-то в молодой девушке мешало ему заговорить. Они молчали и в гостинице во время обеда и на обратном пути к станции – Сюзанна не захотела вызывать машину, и они шли пешком в темноте. Когда луна засеребрилась в небе, они остановились под высокими деревьями, и он взял ее руку.

– Сюзанна! – произнес он.

– Не надо, – прошептала она, отодвигаясь от него.

– О Сюзанна! – повторил он. – Разрешите мне сказать…

– Нет, нет, – прервала она его. – Не говорите ничего. Прошу вас, не надо. Лучше пойдемте дальше. Только вы да я…

Он умолк, так как ее голос, печальный, испуганный, все же звучал повелительно. Он не мог не повиноваться ей.

Они направились к маленькому домику, стоявшему у железнодорожного полотна и заменявшему вокзал, напевая какую-то забавную песенку из старинной оперетты.

– Помните, Сюзанна, как мы с вами в первый раз играли в теннис? – спросил он.

– Помню.

– А знаете, я еще до вашего прихода и потом, во время игры, испытывал какое-то странное волнение. А вы?

– Я тоже.

– Что же это такое, Сюзанна?

– Не знаю.

– И не хотите знать?

– Нет, нет, мистер Витла. Сейчас не надо.

– «Мистер Витла»?

– А как же иначе?

– Сюзанна!

– Давайте думать каждый про себя, – умоляющим голосом сказала она. – Здесь так прекрасно.

Они вышли на какой-то станции, ближайшей к Дэйлвью, и оттуда пошли пешком. По дороге он осторожно обнял ее.

– Сюзанна, вы не сердитесь на меня? – с щемящей болью в сердце спросил он. – Правда?

– Не спрашивайте меня. Только не сейчас. Нет, нет!

Он хотел было крепче прижать ее к себе.

– Только не сейчас, – повторила она. – Я не сержусь на вас.

Юджин умолк, так как они уже подходили к дому; в гостиную он вошел веселый и много смеялся и шутил. Рассказ о том, как они в толпе потеряли спутников, не вызвал ни у кого сомнений. Миссис Дэйл добродушно улыбалась. Сюзанна ушла к себе в комнату.

Глава VIII

Зайдя так далеко и завладев этим чудеснейшим цветком, Юджин думал только о том, как бы сохранить его для себя. Казалось, с плеч у него свалилась вся тяжесть прожитых лет. Снова любить! Завоевать любовь этого чудного, совершенного создания! Просто не верилось, что судьба могла оказаться такой благосклонной и подарить ему такое счастье. Чем в сущности объяснить, что за последние годы он поднимался все выше и выше? После тяжелых дней в Ривервуде он одерживал одну победу за другой. Работа в газете «Уорлд», у Саммерфилда, у Кэлвина, в журнальном издательстве, встреча с Уинфилдом, прекрасная квартира в парке, – неужели боги стали милостивы к нему! Что все это значило? Почему судьба вдруг послала ему славу, богатство и

Сюзанну в придачу? Бывают ли на свете такие чудеса? И к чему это все приведет? Может быть, судьба будет благоприятствовать ему и в том, чтобы освободиться от Анджелы, – или же…

Мысль об Анджеле все эти дни была для него мучительна. Он в сущности не питал к ней неприязни – ни теперь, ни раньше. За долгие годы совместной жизни они научились понимать друг друга, и их внутренняя связь настолько окрепла, что во многих отношениях лучшего нельзя было бы желать. После истории в Ривервуде Анджела решила, что уже не любит Юджина, как раньше, что она не в силах его любить, так как он слишком эгоистичен. Но это был самообман. Она любила его, и даже больше, чем себя, в том смысле, что готова была всем ради него жертвовать. Но с другой стороны, ее любовь была эгоистичной, она требовала, чтобы и он в свою очередь всем жертвовал ради нее. А Юджин нисколько не был к этому расположен, – опять-таки ни теперь, ни раньше. Он считал, что его жизнь не может уложиться в тесные рамки брака. Ему нужна была свобода, которая позволила бы ему делать все что угодно, сближаться с кем угодно, но он боялся Анджелы, боялся общественного мнения и отчасти боялся самого себя, то есть того, к чему могла его привести неограниченная свобода. Он жалел Анджелу, зная, что если он так или иначе расстанется с ней, она будет страдать, – но в то же время жалел и себя. За все эти годы непрерывного карабкания вверх красота ни на миг не утрачивала для него своей притягательной силы.

Не странно ли, как иногда все в жизни складывается таким образом, чтобы скорее привести к развязке! Словно трагедии, подобно растениям и цветам, таятся в крошечном семени, и какие-то силы, помогая их внезапному росту, доводят их до роковой зрелости. Жизнь иных людей – это розы, расцветшие в преисподней и горящие всеми огнями ада.

Начать с того, что Юджин стал очень рассеян; он не мог сосредоточиться ни на делах издательства, ни на планах строительной компании, ни на положении в своем собственном доме, где лежала больная Анджела. На следующее утро после поездки в Саут-Бич, во время которой Сюзанна проявила такую странную молчаливость, ему удалось пробыть с ней несколько минут наедине на террасе в Дэйлвью. Она не казалась удрученной – во всяком случае, это не бросалось в глаза, – но в ней чувствовалась непривычная серьезность, свидетельствовавшая о том, что в душе ее происходит какая-то сложная работа. Когда она вышла к нему, чтобы сообщить, что уезжает в Территаун вместе с матерью и несколькими друзьями, ее большие глаза смотрели на него открыто и честно.

– Я должна ехать, – сказала она. – Мама договорилась по телефону.

– Значит, я вас больше не увижу здесь?

– Нет.

– Вы меня любите, Сюзанна?

– Да, да, – ответила она и как-то понуро отошла в дальний угол террасы, где никто не мог их видеть.

Он бесшумно последовал за нею.

– Поцелуйте меня, – сказал он.

Она испуганно и растерянно ответила на его поцелуй, тотчас же отвернулась и быстро пошла прочь. А он смотрел ей вслед, любуясь ее твердой, пружинистой походкой. Она была много ниже его ростом, хотя не такая маленькая, как Анджела, – крепкого сложения, с хорошо развитой фигурой. И душа у нее, должно быть, смелая, способная на подвиги, исполненная мужества и решимости, подумал Юджин. Когда она станет постарше, это будет сильная женщина, умеющая бесстрашно и последовательно мыслить.

Юджин не видел ее после этого дней десять и дошел до полного отчаяния. Его больше не удовлетворяли редкие, случайные встречи с Сюзанной. А вдруг она осенью уедет из Нью-Йорка, что будет тогда с ним? Если ее мать что-нибудь узнает, она увезет ее в Европу, и Сюзанна, вероятно, забудет его. Ужасно! Нет, пока этого не случилось, они должны бежать. Он превратит все свое состояние в наличность и увезет ее куда-нибудь. Жизнь без Сюзанны для него немыслима. Он должен добиться ее – любой ценой. Какое ему дело до Колфакса и его журналов! Работа опостылела ему. Пусть Анджела забирает себе все акции строительной компании, если ему не удастся выгодно продать их. А если удастся, он постарается обеспечить ее из вырученной суммы. У него есть немного денег наличными – несколько тысяч долларов. Эта сумма да то, что он заработает кистью, – ведь он еще может работать! – даст им возможность прожить. Они уедут в Англию или во Францию. Если Сюзанна любит его, – а он был уверен, что это так, – они будут счастливы. Пропади она пропадом, его старая жизнь! Какая тоска – жить без любви!

Так размышлял Юджин вначале. Впоследствии его взгляды несколько изменились, но это произошло после того, как он снова поговорил с Сюзанной. Добиться свидания с ней оказалось нелегко. В конце концов в порыве отчаяния он позвонил по

телефону в Дэйлвью и спросил, дома ли мисс Дэйл. К аппарату подошел слуга, и на его вопрос, о ком доложить, Юджин назвал имя одного молодого человека, знакомого Сюзанны. Когда она взяла трубку, он сказал:

– Вы меня хорошо слышите, Сюзанна?

– Да.

– Вы узнали мой голос?

– Да.

– Не называйте меня по имени, хорошо?

– Хорошо.

– Сюзанна, я схожу с ума. Вот уже десять дней, как я вас не вижу! Вы еще долго пробудете в городе?

– Не знаю. Вероятно.

– Если кто-нибудь войдет, Сюзанна, просто повесьте трубку, и я буду знать, в чем дело.

– Хорошо.

– А вы не могли бы выйти ко мне, если бы я подъехал на машине к какому-нибудь месту близ вашего дома?

– Не знаю.

– О Сюзанна!

– Я не уверена, но постараюсь. В котором часу?

– Вы знаете дорогу к старому форту у Хрустального озера, неподалеку от вас?

– Да.

– Помните, по этой дороге есть холодильник?

– Да.

– Вы могли бы прийти туда?

– В котором часу?

– Завтра в одиннадцать утра или сегодня в два или в три.

– Лучше сегодня в два.

– Как я вам благодарен, Сюзанна! Так или иначе, я буду ждать.

– Хорошо. До свидания.

И она повесила трубку.

Юджин был счастлив, что его попытка окончилась так удачно, и в первый момент не задумался над тем, как искусно Сюзанна вела разговор. Позднее он понял, сколько в ней смелости, если она способна так быстро принимать решения, – ведь вся эта

история давалась ей нелегко. Любовь Юджина была для нее чем-то совершенно новым, а ее положение – очень рискованным. И тем не менее, когда он назвал ее и она так неожиданно услышала его голос, она не обнаружила ни малейшего признака растерянности. Голос ее звучал ровно и твердо, тверже, чем голос Юджина, который был возбужден и нервничал. Она с первых же слов, не колеблясь, поняла его и охотно пошла на хитрость. Так ли она наивна, как кажется? И да, и нет. Просто она умная девушка, решил он, и при всей ее бесхитростности и честности ум сразу подсказал ей, что делать.

В тот же день, в два часа, Юджин был в условленном месте. Своему секретарю он сказал, что едет для деловых переговоров с одним известным писателем, у которого хочет получить рукопись, а сам, взяв закрытую машину, отправился на свидание. Попросив шофера ездить взад и вперед по дороге, он вышел из машины и присел под деревом, откуда ему хорошо видна была вся дорога. Вскоре показалась Сюзанна, свежая, как весеннее утро, в элегантном светло-сиреневом костюме. Большая мягкая шляпа с длинными перьями, в тон платью, необычайно шла ей. Она приближалась спокойной, грациозной походкой, но, когда Юджин взглянул ей в глаза, он прочел в них затаенную тревогу.

– Наконец-то! – радостно воскликнул он вставая. – Идемте сюда! Моя машина недалеко – не лучше ли нам сесть в нее, как вы думаете? Она закрытая. А то нас могут увидеть. Сколько времени в вашем распоряжении?

Он обнял ее стал жадно целовать, пока она объясняла, что им надо торопиться. Она сказала дома, что идет за книгой в библиотеку, в которой ее мать состояла попечительницей, и должна вернуться в половине четвертого, самое позднее – в четыре.

– О, мы успеем поговорить! – весело сказал он. – А вот и машина. Давайте сядем.

Он осторожно огляделся кругом, окликнул шофера, и, когда машина подъехала, они быстро сели в нее.

– Перт-Амбой, – сказал Юджин, и шофер дал полный ход.

Теперь им нечего было беспокоиться. Юджин приспустил шторы и обнял Сюзанну.

– Сюзанна, – сказал он, – я не видел вас целую вечность! Как бесконечно тянулось время! Вы меня любите?

– Да, люблю, вы это знаете.

– Но как же нам быть дальше, Сюзанна? Вы скоро уезжаете? Я должен видеть вас чаще.

– Не знаю, – ответила она. – Мама́ не говорила мне о своих планах. Известно только, что она осенью собирается в Ленокс.

– Ну вот! – устало вырвалось у Юджина.

– Послушайте, мистер Витла, – задумчиво сказала Сюзанна. – Ведь вы понимаете, что мы подвергаем себя страшному риску. Вдруг об этом узнают миссис Витла или мама? Это будет ужасно!

– Да, да, – сказал Юджин. – Конечно, мне не следовало бы так поступать. Но я безумно люблю вас, Сюзанна. Я не знаю, что со мной. Я знаю только, что люблю вас, люблю, люблю!

Он прижал ее к себе и осыпал страстными поцелуями.

– Как вы хороши! Как вы прекрасны! Цветок мой, ангел, божество! – И он прильнул к ее губам долгим безмолвным поцелуем, между тем как автомобиль мчался вперед.

– Но как же нам быть? – спросила она, широко раскрывая глаза. – Ведь это так неосторожно! Я как раз думала об этом утром, когда вы позвонили.

– Вы уже начинаете жалеть, Сюзанна?

– Нет.

– Вы любите меня?

– Вы знаете, что люблю.

– Тогда помогите мне найти выход.

– Я бы рада была… Но послушайте, мистер Витла… Выслушайте меня. Вот что я хочу вам сказать…

Она говорила серьезным тоном, который казался ему милым и забавным.

– Я готов выслушать все, что вы мне скажете, моя детка. Но только не называйте меня «мистер Витла». Зовите меня по имени, хорошо?

– Ну, хорошо. А теперь послушайте меня, мистер… мистер… Юджин.

– Нет, просто Юджин. Ну, скажите: Юджин.

– Теперь выслушайте меня, мистер… Слушайте, Юджин, – заставила она себя, наконец, выговорить, и он тотчас же закрыл ей рот поцелуем.

– Вот так, – сказал он.

– Да слушайте же, – продолжала она настойчиво. – Знаете ли вы, что мама страшно рассердится, если узнает?

– Да что вы! – шутливым тоном прервал ее Юджин.

Сюзанна как будто не слышала.

– Нам нужно быть очень осторожными. Мама такого прекрасного мнения о вас – ей и в голову не приходит ничего дурного. Она как раз сегодня утром говорила про вас.

– Что же она говорила?

– Да так… Какой вы симпатичный и способный человек.

– Не может быть, – снова шутливо отозвался Юджин.

– Да. А миссис Витла, мне кажется, хорошо относится ко мне. Мы можем иногда видеться у вас, но нужно держаться осторожно. И сегодня нам нельзя долго быть вместе. Мне о многом надо подумать. У меня столько всяких мыслей…

Юджин улыбнулся. Как непосредственна эта девушка, как наивна!

– Какие же это мысли, Сюзанна? – полюбопытствовал он.

Его очень интересовало, что происходит в ее юной душе, казавшейся ему такой нетронутой, такой чудесной. Радостно было видеть в этом прекрасном создании столько чуткости и преданной любви и вместе с тем такую вдумчивость и серьезность. Она была для него восхитительной игрушкой и в то же время вызывала в нем благоговейный восторг, какой испытываешь, глядя на бесценную вазу.

– Я хочу разобраться в том, что делаю. Это необходимо. Иногда мне кажется, что все так ужасно, а вместе с тем…

– А вместе с тем? – повторил Юджин нетерпеливо.

– А вместе с тем я не могу понять, что в этом дурного, раз мне этого хочется… раз я люблю вас.

Юджин с возрастающим интересом смотрел на нее. Эта попытка честно разобраться в жизни, особенно в связи с таким трудным, рискованным положением, изумляла его. До сих пор он считал Сюзанну беспечным ребенком, хоть и полным смутных, дремлющих сил. А она, оказывается, пытается разрешить одну из самых трудных задач, какие только бывают, и, по-

видимому, с большей смелостью и прямотой, чем он. Где же страх, что владел ею всего десять дней назад? Какие новые мысли зародились в этой головке?

– Странная вы девушка, – сказал он.

– Но почему же?

– Потому что странная. Я и не подозревал, что вы способны задаваться такими серьезными вопросами. Я полагал, что все это дело будущего. Но скажите, к какому вы пришли заключению?

– Вы читали «Анну Каренину»? – задумчиво спросила она.

– Да, читал, – ответил он, удивленный тем, что она уже знакома с этим произведением.

– Что вы думаете об этой книге?

– Там показано, что происходит с людьми, которые осмеливаются бросить вызов условностям, – довольно небрежно ответил он, продолжая удивляться ее уму.

– И вы думаете, всегда так бывает?

– Нет, я вовсе этого не думаю. Люди очень часто отказываются считаться с общественными предрассудками и добиваются своего. Впрочем, не знаю. По-видимому, бывает и так и этак. Одним удается, другим нет. Если человек достаточно настойчив или достаточно умен, он одерживает верх, в противном же случае покоряется обстоятельствам. Но почему вы об этом спрашиваете?

– Видите ли, – сказала Сюзанна, не поднимая глаз, – я думала, что такой конец вовсе не обязателен, вы не находите? Ведь может быть и совсем наоборот?

– Да, может, – задумчиво ответил он, спрашивая себя, действительно ли это так.

– А иначе плата за счастье была бы слишком высока, – продолжала она. – Оно того не стоит.

– Вы хотите сказать, – произнес Юджин, глядя на нее в упор, – вы хотите сказать, что способны были бы пойти на это?

У него мелькнула мысль, что она готова принести себя в жертву ради него. Что-то в ее задумчивости и глубокой сосредоточенности навело его на эту мысль.

Сюзанна отвернулась к окошку и кивнула головой.

– Да, – серьезно сказала она, – если бы это можно было устроить. Почему бы и нет? Я не вижу причины.

Лицо ее в эту минуту было прекрасно. Юджин не понимал, во сне это или наяву. Сюзанна так рассуждает! Сюзанна читала «Анну Каренину» и философствует! Сюзанна строит теории на основе жизни и книг, да еще невзирая на то, что история Анны Карениной целиком говорит против нее! Что за чудеса!

– Знаете, Юджин, – продолжала она после небольшой паузы. – Я думаю, мама не стала бы возражать. Она вас уважает. Она это не раз говорила… К тому же она часто высказывалась в этом духе про других… Она считает, что замуж надо выходить только по любви. И что не обязательно вступать в брак, – все зависит от взаимного согласия. Ведь мы могли бы, если бы захотели, просто жить вместе…

Юджин и сам слышал критические рассуждения миссис Дэйл о браке, но не придавал большого значения ее философической болтовне. Так же безответственно и бойко рассуждала она и на социальные темы. Он не знал, конечно, о чем она говорила с дочерью, но не допускал, чтобы она стала внушать ей мало-мальски радикальные взгляды.

– Не придавайте большого значения тому, что говорит ваша матушка, Сюзанна, – сказал он, любуясь ее прелестным личиком. – Она сама этому не верит. И уж во всяком случае она не станет применять свои теории к вам. Это слова, не больше. Если бы она думала, что с вами может случиться что-либо подобное, она заговорила бы иначе.

– Нет, едва ли, – задумчиво ответила Сюзанна. – Видите ли, мне кажется, что я знаю мама лучше, чем она сама. Она считает меня ребенком, но мне часто удается заставить ее поступить по-моему. Это уже не раз бывало.

Юджин в изумлении смотрел на Сюзанну. Он не верил своим ушам. Эта девушка так рано и так серьезно задумывается над такими вопросами! И неужели у нее более сильный характер, чем у матери?

– Сюзанна, – сказал он, – ради бога, будьте осторожны в том, что вы говорите и делаете. Не затевайте необдуманно никаких опасных разговоров. Это плохо кончится. Я люблю вас, но мы должны действовать осмотрительно. Если миссис Витла что-нибудь узнает, она сойдет с ума. Ваша мама при малейшем подозрении увезет вас в Европу, и только я вас и видел.

– О, нет, мама этого не сделает, – решительно ответила Сюзанна. – Я знаю ее лучше, чем вы думаете. Уверяю вас, я имею на нее влияние. Я убедилась в этом. – Она тряхнула своей очаровательной головкой, и Юджин потерял способность трезво рассуждать. Глядя на нее, он не в состоянии был спокойно думать.

– Сюзанна, – сказал он, привлекая ее к себе, – вы очаровательны, бесподобны, вы сама женственность! И подумать только, что вы способны так судить о жизни, вы, Сюзанна!

– А почему бы и нет? – спросила она, в недоумении поднимая брови. – Почему это вас удивляет?

– Да, разумеется, все мы задумываемся над жизнью, но далеко не так серьезно, моя радость.

– Но ведь теперь мы обязаны думать серьезно, – просто сказала она.

– Да, теперь мы обязаны думать серьезно. И вы действительно согласились бы поселиться со мной, если бы я снял отдельную студию? Сейчас мне ничего другого не приходит в голову…

– Согласилась бы, если бы знала, как это устроить. Мама такая странная. Она все следит за мной. Считает меня ребенком. А ведь вы знаете, что я не ребенок. Я иногда ее не понимаю, – говорит одно, а делает совсем другое. Я лично предпочла бы не говорить, а делать. Как вы находите?

Он молчал.

– Но все же я надеюсь, что мне удастся все уладить. Предоставьте мне действовать, хорошо?

– И если вам удастся, вы придете ко мне?

– О, да, да! – пылко воскликнула она и вдруг повернулась к нему и сжала его лицо в своих ладонях, мечтательно заглядывая ему в глаза.

– Но мы должны быть осторожны, – предостерег он ее. – Никаких необдуманных поступков!

– Обещаю, – сказала Сюзанна.

– И я тоже, – сказал Юджин.

Оба на время умолкли. Он не спускал с нее глаз.

– Я могла бы ближе сойтись с миссис Витла, – сказала она немного погодя. – Она ко мне хорошо относится, не правда ли?

– Да, – ответил Юджин.

– Мама ничего не имеет против того, чтобы я бывала у вас, и я могла бы заранее предупреждать вас.

– Чудесно. Так и сделайте, – сказал Юджин. – Смотрите же, не забудьте. Вы еще помните, за кого я выдал себя сегодня, когда звонил вам?

– Да, помню, – сказала она. – А знаете, мистер Витла, то есть Юджин, я ведь так и думала, что вы позвоните.

– Неужели? – с улыбкой сказал он.

– Да, думала.

– Вы придаете мне мужества, Сюзанна, – сказал он, прижимая ее к груди. – В вас столько веры, столько решительности! Жизнь еще не коснулась вас.

– Когда я не с вами, я далеко не такая храбрая. Мне приходят в голову ужасные мысли. Даже страшно становится.

– Но вы не должны бояться, моя радость, вы так нужны мне! Если б вы знали, как вы мне нужны!

Она посмотрела на него и в первый раз провела рукой по его волосам.

– Знаете, Юджин, в вас еще много мальчишеского.

– Неужели? – сказал он, польщенный.

– Да, а иначе я не могла бы так любить вас.

Он снова привлек ее к себе и стал осыпать поцелуями.

– Нельзя ли нам почаще совершать такие прогулки? – спросил он.

– Да, если мы не уедем.

– Можно мне звонить вам, – я буду называть чужую фамилию.

– Я думаю, что можно.

– Давайте подберем себе псевдонимы, специально для телефонных разговоров. Вы будете Дженни Линд, а я Эллан По.

А потом они снова предались пылким ласкам, пока не пришло время возвращаться. О работе в эту, вторую, половину дня уже не могло быть и речи.

Глава IX

За этим последовал ряд свиданий, сопряженных с большими трудностями и опасностью; они губительно сказывались на душевном покое Юджина, на появившемся у него столь недавно чувстве ответственности – моральной и деловой, отвлекая его от цели, к которой он так упорно стремился, притупляя его интерес к издательскому и литературному миру, которому он был столь многим обязан. Но свидания эти были полны для него такого острого блаженства, что они тысячу раз вознаграждали его за все ухищрения, к которым приходилось прибегать, за все его безумие. Иногда он приезжал на машине и ждал Сюзанну у холодильника, иногда она по телефону или запиской сообщала ему в издательство, что приедет в город. Однажды, когда у него была полная уверенность, что они никого не встретят, он повез ее в машине на строящийся курорт, посоветовав на всякий случай надеть густую вуаль, которую можно было в любой момент опустить на лицо. В другой раз – вернее, несколько раз – она приходила на Риверсайд-Драйв, якобы с целью проведать миссис Витла, но в действительности ради свидания с ним. Сюзанна не питала антипатии к Анджеле, но не чувствовала к ней и привязанности. Она находила ее довольно интересной женщиной, но считала, что она не пара Юджину. Юджин никогда не жаловался ей, что несчастлив в браке, и только говорил, что не любит жену. Теперь он любит ее, Сюзанну, одну ее.

Дальнейшие отношения Юджина и Сюзанны должны были осложниться еще одним исключительно важным обстоятельством, о котором он пока еще ничего не знал. Дело в том, что Анджела, с громадным удовлетворением следившая за деловой карьерой Юджина и со страхом и недоверием – за его успехами в обществе, решилась наконец на тот прыжок в неизвестность, каким для

нее и для Юджина был ребенок. Она надеялась, что появление ребенка упорядочит жизнь Юджина, пробудит в нем чувство ответственности, научит его находить радость не только в светских развлечениях и в чарах юных красавиц. Она не забыла совета, данного ей еще в Филадельфии миссис Санифор и ее врачом, и не переставала думать о том, как подействовало бы на Юджина появление в их жизни ребенка. Юджин нуждался в какой-то точке опоры. Его положение в обществе было еще слишком неустойчивым, да и на него самого было трудно положиться. Ребенок – она надеялась, что это будет девочка, так как маленькие девочки всегда приводили его в умиление, – заставит его остепениться. Если бы родилась девочка!

Месяца за два до своей болезни, как раз в то время, когда Юджин незаметно для нее начал увлекаться Сюзанной, она перестала соблюдать предосторожности, – вернее, совершенно отказалась от них, и с некоторых пор у нее возникли подозрения, что ее страхи или надежды, или то и другое вместе, начинают сбываться. Но нагрянувшая вскоре болезнь, отразившаяся вдобавок и на сердце, мешала ей особенно радоваться своему новому состоянию. Ее тревожили мысли об исходе, о том, как примет это известие Юджин. Он никогда не выражал желания иметь ребенка, и она ничего ему не говорила, так как хотела сначала убедиться сама. Если окажется, что она ошиблась, он будет отговаривать ее от дальнейших попыток, а если она права, ему останется лишь примириться. Как все женщины в таком положении, Анджела тосковала по сочувствию и вниманию и особенно остро замечала, насколько все интересы Юджина направлены в сторону того мира, к которому она не была причастна. От нее не ускользнул его интерес к Сюзанне, но она не слишком тревожилась, зная, что миссис Дэйл бдительно следит за дочерью. Времена меняются. За последний год Юджин стал все больше выезжать один. Ребенок ей поможет. Давно пора завести ребенка.

Когда Сюзанна начала бывать у них вместе с матерью, Анджела приняла это спокойно. Но во время ее болезни девушка несколько раз заезжала одна, когда Юджин бывал дома, и Анджела стала бояться, как бы между ними что-нибудь не возникло. Сюзанна была так очаровательна. Однажды, когда Анджела, погруженная в раздумье, лежала в своей комнате, – Сюзанна оставила ее на минутку и вышла в студию, – она услыхала, как Юджин шутит с девушкой и громко смеется. Переливчатый смех Сюзанны звучал так заразительно. Конечно, Юджину не стоило никакого труда рассмешить девушку, но Анджеле почудились какие-то необычные нотки в интонациях его голоса и в ее смехе. Когда Сюзанна приезжала, Юджин каждый раз вызывался отвезти ее домой. Все это наводило Анджелу на размышления.

Она начала уже поправляться после болезни, и Юджин пригласил знаменитого тенора, славившегося своим репертуаром, дать концерт в его доме. Он познакомился с ним в Бруклине, на вечере, к которому имел какое-то касательство Уинфилд. Юджин разослал довольно много приглашений, между прочим миссис Дэйл, Сюзанне и Кинрою. Но миссис Дэйл не могла приехать, а потому Сюзанна, которой нужно было на другое утро, в воскресенье, быть по делу в городе, решила переночевать у них. Юджин был в восторге. Он незадолго до этого завел альбом, в котором делал по памяти зарисовки Сюзанны, и надеялся показать их ей. Кроме того, он хотел, чтобы она послушала прекрасного тенора.

Компания собралась интересная. Кинрой довольно рано привез Сюзанну, а сам вскоре уехал. Поздоровавшись с Анджелой, Сюзанна вышла с Юджином на каменный балкончик, с которого открывался вид на реку. Юджин тихонько шептал ей о своей любви; когда никто не видел, он брал ее руку и украдкой целовал. Скоро начали съезжаться приглашенные, и наконец появился тенор. Сиделка и Юджин помогли Анджеле дойти до студии, где она, заняв место среди гостей, стала с увлечением слушать певца. Сюзанна и Юджин, захваченные красотой музыки, обменивались пылкими взглядами, которые так много говорят влюбленным. Юджину лицо Сюзанны представлялось каким-то магическим цветком. Ему трудно было хотя бы на миг отвести от нее взгляд. Тенор кончил петь, и гости разъехались. Анджела не сразу пришла в себя; она сидела в кресле и плакала, – так взволновала ее красота «Лесного царя». Затем она вернулась к себе в спальню. Сюзанна отправилась в отведенную ей комнату. Вскоре она вышла, чтобы пожелать миссис Витла спокойной ночи, а потом хотела пройти обратно к себе. Но в студии ее поджидал Юджин. Он схватил ее в объятия и молча стал целовать. Они делали вид, будто перебрасываются незначащими замечаниями, и он предложил ей выйти посидеть на балконе, полюбоваться рекой в лунном свете.

– Не надо, – сказала Сюзанна, когда в темноте он прижал ее к себе. – Она может войти.

– Нет, нет, – горячо уверял он.

Они прислушались, но все было тихо. Юджин заговорил о чем-то, не переставая гладить прекрасную обнаженную руку Сюзанны. Красота девушки, очарование ночи, опьянение музыкой – все это сводило его с ума. Невзирая на протесты Сюзанны, он обнял ее, и в это мгновение в противоположном конце студии показалась в дверях Анджела. Прятаться было поздно, – она все видела. Сюзанна едва успела вскочить, как Анджела быстрыми шагами направилась к балкону. Задыхаясь от ярости и ни на минуту не забывая о своем состоянии, сознавая, что над нею нависла страшная катастрофа, она все же чувствовала себя еще слишком слабой, чтобы устроить скандал или открыть все. Снова, казалось, рушился весь ее мир; увлеченная своими планами, она, несмотря на подозрения, была в сущности далека от мысли, что Юджин опять способен ей изменить. Правда, она пришла сюда с целью захватить его врасплох, но втайне надеялась и даже была уверена, что ничего не увидит. И что же? Вот они стоят друг против друга: эта красивая девушка, жертва вероломного обольстителя, сама она, Анджела, запутавшаяся в сетях своих планов и надежд, и, наконец, он, Юджин, трепещущий и пристыженный, смиренно ожидающий позорного конца своей нелепой связи, которую она пресечет в самом корне. Анджела не собиралась делать Сюзанну свидетельницей супружеской сцены, но страшная обида за себя, стыд за Юджина, невольная жалость к самой девушке и желание соблюсти приличия, теперь уже не столько ради себя, сколько ради ребенка, вызвали в ней былую ярость и вместе с тем заставили ее взять себя в руки. Случись

это шесть лет назад, она дала бы волю своему гневу. Но время научило ее сдержанности. Она понимала, что грубость тут не поможет.

– Сюзанна, – сказала она и, выпрямившись, остановилась в полумраке комнаты, слабо озаренной луной, – Сюзанна, как вы могли так поступить? Я была о вас лучшего мнения.

Лицо Анджелы, исхудавшее от продолжительной болезни и постоянной тревоги в связи с ее положением, все еще было красиво какой-то особенной, духовной красотой. На ней был бледно-желтый кружевной пеньюар в белых цветах, а длинные волосы, которые сиделка заплела в две косы, придавали ей сходство с Гретхен, как называл ее когда-то Юджин. Руки у нее были тонкие, белые, красивые, усталое от страданий лицо напоминало изображение скорбящей богоматери.

– Почему же? Почему? – воскликнула Сюзанна, страшно испуганная и потрясенная и все же готовая грудью встать на защиту того, что целиком владело ею. – Я люблю его, миссис Витла. Потому я так и поступаю.

– О нет, вы его не любите, вы только воображаете, что любите, как воображали многие женщины до вас, Сюзанна! – произнесла Анджела ледяным тоном, не забывая ни на мгновение о будущем ребенке. (О, почему она не сказала ему раньше!) – Какой стыд! И это в моем доме! Вы – молодая, невинная девушка, какой вас все считают! Что сказала бы ваша матушка, если бы я сейчас позвонила ей по телефону и рассказала все? Или ваш брат? Вы ведь знали, что Юджин женатый человек. Я могла бы еще простить вам, если бы вы этого не знали, если бы вы не были знакомы со мной, если бы не пользовались моим гостеприимством. Что же касается его, мне не о чем с ним говорить. Это случается уже не впервые, Сюзанна. У него было много женщин до вас. Много будет и после. Этим я расплачиваюсь за то, что вышла замуж за так называемого талантливого человека. Не думайте, Сюзанна, что вы сообщаете мне что-то новое, когда говорите, что любите его. Для меня это старая песня. Я уже не раз слышала ее от других женщин. Вы у него не первая и не последняя.

Сюзанна посмотрела на Юджина растерянным, беспомощным взглядом, как бы спрашивая, неужели все это правда?

Безжалостные обвинения Анджелы вызвали в Юджине злобу, но вначале он колебался, не зная, как вести себя. В первое мгновение у него даже мелькнула мысль, не лучше ли отказаться от Сюзанны и снова вернуться к старой жизни, как бы тосклива она ни была. Но прелестное личико девушки и резкий обличающий голос Анджелы заставили его принять решение.

– Анджела, – начал он, приходя в себя под пытливым взглядом Сюзанны, – зачем ты это говоришь? Ты великолепно знаешь, что все это неправда. Была одна только женщина, и я расскажу про нее Сюзанне. И было несколько до моей женитьбы, я расскажу ей и про них. Все эти годы, – и ты это знаешь, – моя жизнь была пуста. Эта квартира для меня та же клетка. Любви между нами давно уже нет, – по крайней мере с моей стороны, ты и это знаешь. Ты тоже не раз признавалась, что больше не любишь меня. Я не обманывал Сюзанну. Я рад, что могу ей сказать, какие у нас с тобой отношения.

– Какие отношения! Какие отношения! – гневно воскликнула Анджела, на мгновение теряя власть над собой. – Ты, может быть, расскажешь ей, каким ты был прекрасным, преданным мужем? Расскажешь, как честно вел себя, как сдержал слово, данное перед алтарем? Расскажешь, как я трудилась и всем для тебя жертвовала все эти годы? И как ты отплачивал мне такими вот историями, как эта? Но больше всего, Сюзанна, мне жаль вас, – продолжала Анджела, мучительно думая о том, сказать ли Юджину о своем положении, и опасаясь, что он не поверит ей, так как слишком уж это отдавало дешевой мелодрамой. – Вы просто глупая девочка, обольщенная опытным мужчиной, который некоторое время будет воображать, что любит вас, обманывая и вас и себя. Но скоро он опомнится. Ну, на что вы рассчитываете, скажите прямо? Выйти за него замуж вы не можете – я ему не дам развода… Я не могу пойти на это, – почему – он узнает после, а у самого у него нет оснований этого требовать. Вы хотите стать его любовницей? Ведь ни на что другое вы надеяться не можете. Какая прекрасная будущность для девушки вашего круга! Для девушки, которую все считают верхом добродетели! О, как мне стыдно! Мне жаль вашу мать. Меня удивляет, что вы способны так унизиться!

От Сюзанны не ускользнули слова Анджелы «я не могу пойти на это», но она, конечно, не понимала, что за этим кроется. Ей и в голову не приходило, что дело может осложниться рождением ребенка. Юджин говорил ей, что несчастлив, что между ним и Анджелой ничего нет и быть не может.

– Ведь я люблю его, миссис Витла! – сказала Сюзанна просто, но с глубоким волнением в голосе.

Все ее мускулы были напряжены, бледное лицо сияло красотой. Тяжелое испытание выпало ей на долю!

– Не говорите вздора, Сюзанна! – гневно воскликнула Анджела, доведенная до полного отчаяния. – Не обманывайте себя и не становитесь в глупую позу! Ведь вы сейчас играете. Вы повторяете слова, которые слышали со сцены. Юджин мой муж. Вы в моем доме. Будьте любезны собрать свои вещи! Я позвоню вашей матушке, расскажу ей, в чем дело, и она пришлет за вами машину.

– О нет, вы этого не сделаете! – воскликнула Сюзанна. – Если вы ей скажете, мне нельзя будет вернуться домой. Я должна сперва самостоятельно устроиться и найти работу, пока все не придет в полную ясность. Я не могу больше вернуться домой. О, что же мне делать?

– Успокойтесь, Сюзанна, – твердо сказал Юджин, взяв ее за руку и вызывающе глядя на Анджелу. – Она не будет звонить вашей матушке и ничего ей не скажет! Вы пробудете здесь до утра, как и было решено, а завтра поедете туда, куда собирались ехать.

– Ну, нет, этого не будет! – в бешенстве закричала Анджела и направилась к телефону. – Она немедленно уедет домой! Я сейчас же позвоню миссис Дэйл!

Сюзанна в волнении бросилась за ней, но Юджин взял ее за руку.

– Ты этого не сделаешь, – заявил он Анджеле. – Сюзанна не поедет домой, и ты не посмеешь подойти к телефону. Если ты это сделаешь, я тоже кое-что предприму, и притом не теряя ни минуты.

И он решительно загородил Анджеле путь к телефону, висевшему в коридоре за дверью.

Угроза в его тоне и в голосе заставила Анджелу одуматься. Ее поразило, что он мог так грубо отстранить ее. Он, ее муж, взял Сюзанну за руку и просит ее успокоиться!

– Юджин! – в отчаянии и ужасе воскликнула она. – Ты не понимаешь, что делаешь, и Сюзанна не понимает. Когда она поймет, она не захочет иметь с тобой ничего общего. Как она ни молода, в ней все же должна будет заговорить женщина.

– Это еще что? – вспыхнул Юджин. Он не подозревал, он даже отдаленно не догадывался, к чему клонит Анджела. – О чем ты говоришь? – сурово повторил он.

– Позволь мне сказать тебе несколько слов наедине, не в присутствии Сюзанны, – всего лишь два слова, и тогда ты, может быть, согласишься сейчас же отпустить ее домой.

Анджела лукавила, в ней говорило злорадство. Нельзя сказать, чтобы она очень благородно пользовалась своим оружием.

– В чем дело? – раздраженно спросил Юджин, подозревая какую-то новую хитрость. Он так долго пытался порвать связывающие его цепи, что мысль о возможности каких-то новых препятствий вызвала в нем страшное озлобление. – Почему ты не можешь сказать при Сюзанне? Не все ли равно?

– Далеко не все равно, уверяю тебя. Нам нужно поговорить наедине.

Не понимая, в чем дело, Сюзанна отошла в сторону. Что такое ей нужно сказать? – спрашивала она себя. Поведение Анджелы отнюдь не наводило на мысль, что речь идет о какой-то тайне. Едва Сюзанна отошла, Анджела шепнула Юджину несколько слов.

– Это ложь! – воскликнул он, и в голосе его прозвучало возмущение, ужас, отчаяние. – Ты это только сейчас придумала! Как это на тебя похоже! Ха! Я не верю тебе! Это ложь! Ложь! Ты сама знаешь, что ложь!

– Это правда, – гневно возразила Анджела, до глубины души оскорбленная тем, как он отнесся к ее словам, в отчаянии, что ей пришлось сказать Юджину о ребенке при таких обстоятельствах, что ее тайна была исторгнута у нее, как последнее средство спасения, и вызвала только презрение и насмешку. – Это правда! И тебе следовало бы стыдиться своих слов. Впрочем, чего можно ждать от человека, который способен привести в дом своей жены другую женщину!

Как это ужасно, что она подверглась такому унижению, да еще в минуту, когда меньше всего этого ждала! Она не могла сейчас спорить с ним. Ей самой было стыдно, что она об этом заговорила. Все равно он ей теперь не поверит. Это только взбесит его и ее. Юджин был вне себя. Слова Анджелы вызвали в нем неудержимую ярость; в эту минуту он чувствовал к ней лишь презрение, как к шантажистке, интриганке, как к женщине, прибегающей к самым бесчестным средствам, чтобы удержать его. Он даже отшатнулся от нее, так велико было его отвращение, и она поняла, что нанесла ему страшный удар, поступила с ним – с его точки зрения – нечестно.

– Неужели у тебя после этого не достанет порядочности отослать ее домой? – произнесла она вслух обиженно, горько, сердито.

Но Юджин не помнил себя от возмущения. Если он когда-нибудь действительно ненавидел и презирал Анджелу, так именно в эту минуту. Подумать только, что она оказалась способной на подобную подлость! Подумать только, что она сумела еще туже стянуть ненавистные ему путы! Как это низко! Как пошло! Вот оно, настоящее лицо этой женщины, готовой дать жизнь ребенку, совершенно не считаясь с его будущим, только из желания удержать подле себя его отца. Проклятие! Да будет проклята жизнь со всей ее неразберихой и путаницей! Нет, она лжет. Ей не удастся таким путем привязать его к себе. Это низкая, подлая, отвратительная уловка! Он не желает больше знать ее. Он ее проучит. Он уйдет от нее. Он докажет ей, что такие приемы бесполезны. Мало он от нее натерпелся! Ни за что, ни за что не допустит он, чтобы она ему помешала. О, какие отвратительные, мерзкие плутни!

Их разговор еще не кончился, когда вернулась Сюзанна. Она смутно догадывалась, о чем идет речь, и не знала, что делать, что думать. Слишком многое свалилось на нее в этот вечер, и слишком все было сложно. Юджин так решительно заявил, что это ложь, – о чем бы они ни говорили, – что она наполовину верила ему. Во всяком случае эта сцена доказывала, как мало между ними любви. Анджела не плакала. Ее бледное, исхудавшее лицо казалось каменным.

– Я не могу больше оставаться здесь, – сказала Сюзанна, обращаясь к Юджину. – Я куда-нибудь уеду. Лучше я проведу ночь в гостинице. Вызовите мне, пожалуйста, машину.

– Выслушайте меня, Сюзанна, – с силою сказал Юджин. – Ведь вы меня любите, да?

– Вы знаете, что люблю, – ответила девушка.

Анджела сделала насмешливую гримасу.

– В таком случае вы останетесь здесь. Я прошу вас не обращать на нее ни малейшего внимания, что бы она ни говорила. Сейчас она унизилась до лжи, и я знаю, с какой целью. Не поддавайтесь обману. Идите к себе и ложитесь спать. Завтра мы поговорим. Вам незачем уезжать. В этом доме достаточно места. Это просто глупо. Раз вы здесь, здесь и оставайтесь.

– А может быть, мне лучше уехать? – взволнованно сказала Сюзанна.

Юджин успокаивающе взял ее за руку.

– Послушайте, Сюзанна… – начал он.

– Она и сама не хочет оставаться, – прервала его Анджела.

– Она останется, – возразил Юджин, – или она поедет со мной. Я отвезу Сюзанну.

– Ты этого не сделаешь! – воскликнула Анджела.

– Вот что, Анджела, – со злобой сказал Юджин. – Сейчас не то, что шесть лет назад. Я – хозяин положения. Сюзанна останется здесь. Я сказал: либо она останется здесь, либо поедет со мной. А там – пеняй на себя. Я люблю Сюзанну. Я ни за что не откажусь от нее, а если тебе хочется устроить скандал, сделай одолжение. Пострадаешь ты, а не я.

– Юджин, опомнись, что ты говоришь! – в ужасе воскликнула Анджела.

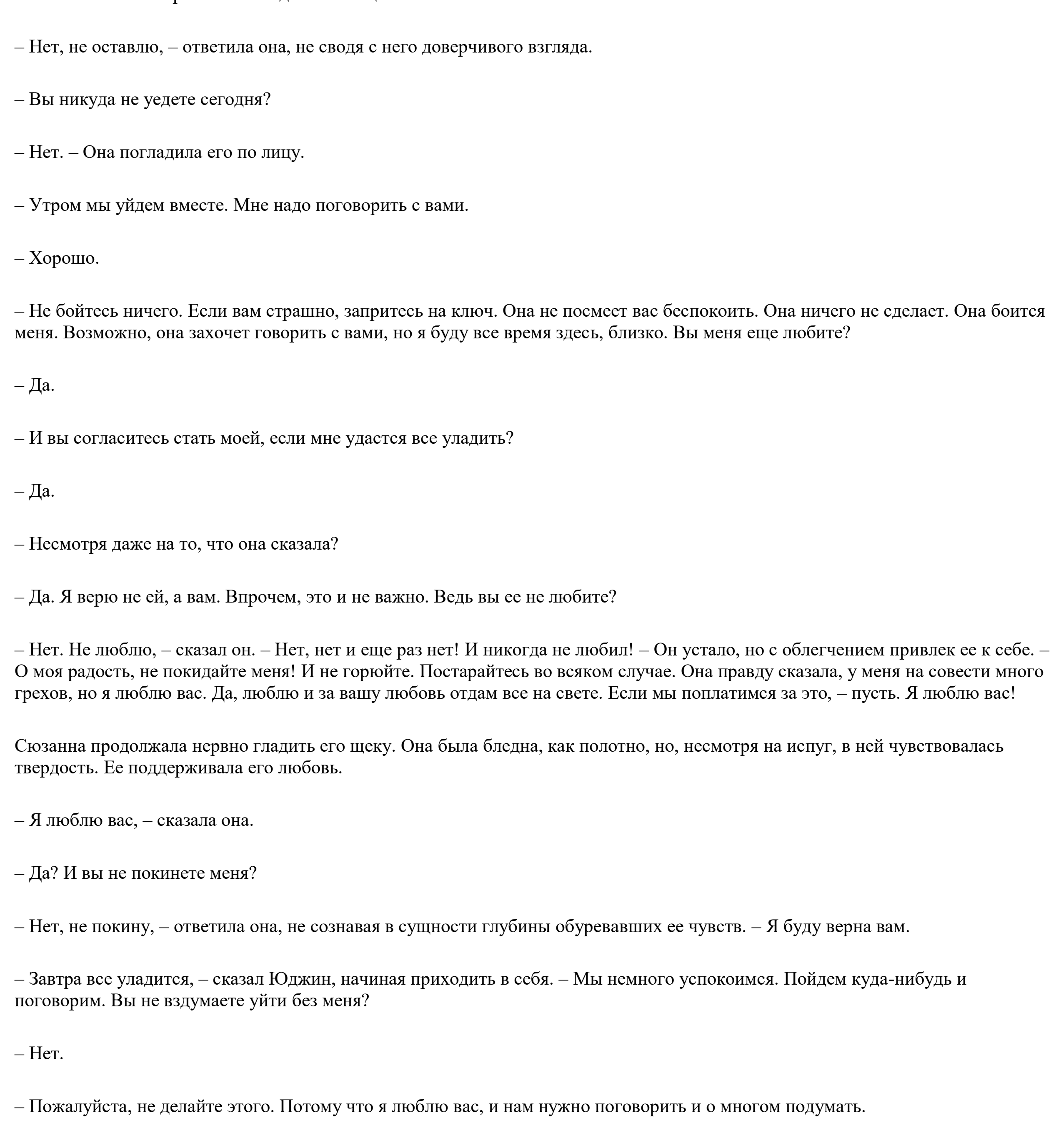
– То, что ты слышишь. А теперь ступай в спальню. Сюзанна пойдет к себе, а я к себе. На сегодня пора прекратить эту сцену. С тобой у меня все счеты кончены. Довольно с меня. Если Сюзанна захочет этого, она будет моей.

Анджела, еле держась на ногах, прошла к себе в спальню. Она была ошеломлена случившимся, она была в ужасе от мыслей, теснившихся в голове, от сознания, что ей не удалось убедить Юджина и изгнать Сюзанну. В горле у нее пересохло, голова раскалывалась на части, сердце бешено стучало, казалось, грудь вот-вот разорвется. Она говорила себе, что Юджин сошел с ума, но вместе с тем только сейчас, впервые за всю свою замужнюю жизнь, она поняла, какую страшную делала ошибку, пытаясь оказывать на него давление. Вот и сегодня все это ни к чему не привело – ни ее ярость, ни властный резкий тон. Она потерпела полное поражение. Провалился и ее план – замечательный план, бита карта, на которую она возлагала столько надежд. Упоминание о ребенке, на которое она рассчитывала, как на верный ход, не помогло. Он ей не поверил. Он не допускал и мысли, что это возможно. Он и не подумал прийти в восторг. Наоборот, почувствовал к ней презрение и отнесся к этому, как к хитрости! О, зачем только она сказала ему! Но Сюзанна должна понять, она все узнает, она не может потворствовать этому. Что он теперь предпримет? Он себя не помнит от злобы. Нечего сказать, удачное она выбрала время, чтобы объявить о предстоящем появлении ребенка. Устремив в пространство лихорадочно горящий взгляд, она беспомощно зарыдала.

Когда Анджела ушла, Юджин еще некоторое время задержался в коридоре с Сюзанной. Его лицо осунулось, волосы были взъерошены, взгляд, как никогда раньше, говорил о суровой решимости.

– Сюзанна, – сказал он, взяв ее за руки и глядя ей в глаза, – она солгала мне, солгала подло, жестоко, с наглым расчетом. Она скоро и вам повторит свою ложь. Она говорит, будто ждет от меня ребенка. Этого не может быть! Ей нельзя иметь детей. Это убило бы ее. Она давно уже родила бы, если бы это от нее зависело. Я ее хорошо знаю. Она надеется запугать меня. Она рассчитывает, что вы от меня отшатнетесь. Возможно ли это, Сюзанна? Это ложь, слышите, Сюзанна, ложь, что бы она вам ни говорила! Ах! – Он отпустил ее руку и схватился за горло. – Я больше этого не вынесу. Ведь вы не оставите меня, Сюзанна, правда, не оставите?

Сюзанна смотрела на его измученное лицо, на его красивые, выразительные глаза, полные отчаяния. Она читала в них всю его муку, все его горе, и ей стало больно за него. Он так достоин любви, так несчастлив, судьба незаслуженно преследует его. И все-таки ей было страшно. Но ведь она обещала его любить.

– Нет, не оставлю, – ответила она, не сводя с него доверчивого взгляда.

– Вы никуда не уедете сегодня?

– Нет. – Она погладила его по лицу.

– Утром мы уйдем вместе. Мне надо поговорить с вами.

– Хорошо.

– Не бойтесь ничего. Если вам страшно, запритесь на ключ. Она не посмеет вас беспокоить. Она ничего не сделает. Она боится меня. Возможно, она захочет говорить с вами, но я буду все время здесь, близко. Вы меня еще любите?

– Да.

– И вы согласитесь стать моей, если мне удастся все уладить?

– Да.

– Несмотря даже на то, что она сказала?

– Да. Я верю не ей, а вам. Впрочем, это и не важно. Ведь вы ее не любите?

– Нет. Не люблю, – сказал он. – Нет, нет и еще раз нет! И никогда не любил! – Он устало, но с облегчением привлек ее к себе. – О моя радость, не покидайте меня! И не горюйте. Постарайтесь во всяком случае. Она правду сказала, у меня на совести много грехов, но я люблю вас. Да, люблю и за вашу любовь отдам все на свете. Если мы поплатимся за это, – пусть. Я люблю вас!

Сюзанна продолжала нервно гладить его щеку. Она была бледна, как полотно, но, несмотря на испуг, в ней чувствовалась твердость. Ее поддерживала его любовь.

– Я люблю вас, – сказала она.

– Да? И вы не покинете меня?

– Нет, не покину, – ответила она, не сознавая в сущности глубины обуревавших ее чувств. – Я буду верна вам.

– Завтра все уладится, – сказал Юджин, начиная приходить в себя. – Мы немного успокоимся. Пойдем куда-нибудь и поговорим. Вы не вздумаете уйти без меня?

– Нет.

– Пожалуйста, не делайте этого. Потому что я люблю вас, и нам нужно поговорить и о многом подумать.

Глава X

Ошеломляющее сообщение Анджелы было так неожиданно и так все запутывало, что Юджин, хоть и отказывался ей верить, почти убежденный в лживости ее слов, все же терзался мыслью, что она, возможно, говорит правду. Он чувствовал одно: это страшно нечестно с ее стороны, страшно жестоко. Он ни на минуту не допускал, чтобы ее беременность была делом случая, – и был недалек от истины в своем предположении, – усматривая в этом лишь ловкий маневр, подстроенный в самый критический для него момент, чтобы взорвать его планы на будущее и привязать к старой жизни как раз тогда, когда ему особенно хотелось освободиться. Ведь только сейчас перед ним забрезжил новый день! Впервые он встретил женщину, о которой мечтал всю жизнь, такую юную, прекрасную, умную, чуткую! С ней он мог изведать все радости бытия. Без нее его ждала беспросветно-унылая жизнь. И вот является Анджела со своим сообщением о ребенке, – ребенке, который ей не нужен, который понадобился ей единственно для того, чтобы удержать своего пожизненного пленника против его воли, – и все идет прахом. Сейчас, как никогда, он ненавидел Анджелу за ее хитрость и расчетливый обман. Какое впечатление все это произведет на Сюзанну? Как убедить, ее, что это шантаж? Она должна понять, она поймет. Он не допустит, чтобы эта нечестная выходка разлучила их. Юджин лег в постель, но только ворочался с боку на бок, не смыкая глаз. Надо что-то предпринять, надо как-то действовать. Он встал, накинул халат и направился к Анджеле.

Между тем эта несчастная снова переживала все муки ада, от которых не спасли ее ни решительный характер, ни умение бороться. После всех ее стараний, надежд и ее последней попытки внести в свою семейную жизнь покой и счастье, пусть даже ценой собственной жизни, ей пришлось пережить такую сцену. Юджин пытается вернуть себе свободу. Он пришел к твердому решению. Видно, так и будет, это ясно. Когда же началась эта скандальная связь? Неужели ее усилия удержать его ни к чему не приведут? Но Сюзанна сама уйдет от него, как только узнает и поймет все. Иначе быть не может – ведь она женщина.

У Анджелы болела голова, горели руки. Ей казалось, что ее душит кошмар. Она чувствовала страшную слабость, все тело ныло. Но нет, она не бредит. Она лежит одна, у себя в комнате. Какой-нибудь час назад она сидела в студии своего мужа, среди друзей, окруженная всеобщим вниманием, – Юджин тоже казался внимательным и предупредительным, – и слушала прекрасный концерт, устроенный для гостей. А теперь она – брошенная жена, навсегда лишенная любви и счастья, жертва какого-то злого рока, который отнял у нее сердце мужа, отдав его другой женщине. Видеть, как Сюзанна, во всем обаянии своей юности и красоты, стоит перед ней, смело смотрит ей в глаза и, держа за руку ее мужа, заявляет с какой-то жестокой, безумной или пошлой театральностью: «Ведь я люблю его, миссис Витла» – ужасно! О боже, боже, неужели никогда не кончатся ее муки? Неужели рушатся навсегда ее заветные мечты? Неужели Юджин бросит ее, как грозил сейчас с каким-то остервенением? Никогда еще она не видела его таким, – таким решительным, холодным, грубым. Даже голос его звучал как-то гортанно, хрипло.

Дрожь охватила ее при этих мыслях, а потом захлестнула волна ярости, и ярость сменилась страхом. Ее положение ужасно. Эта девушка сейчас с ним, она молода и красива, она не побоится бросить вызов всему миру. Анджела слышала, как Юджин окликнул ее, как они разговаривали. Ей пришло в голову, что, может быть, сейчас самый подходящий момент для того, чтобы убить его, Сюзанну, себя и новую жизнь, которую она в себе носит, – сразу положить конец всему. Но теперь, когда она только что перенесла такую болезнь, когда она стала старше и ждала ребенка, она совсем растерялась. Анджела пыталась утешить себя мыслью, что Юджин оставит эту затею, когда до его сознания дойдет то, что она ему сказала: просто время для этого еще не наступило. Но что, если он успеет совершить что-нибудь необдуманное и бесповоротное, скомпрометировать себя и Сюзанну? Судя по его словам и по словам девушки, этого еще не произошло. Но как он намерен поступить? Как он намерен поступить?

Лежа в постели, она напряженно думала о том, что Юджин может бросить ее немедленно. Может произойти страшнейший скандал. Всем станут известны сокровенные тайны их жизни. Будущность ребенка под угрозой. Юджин, Сюзанна и она сама будут опозорены; хотя о Сюзанне она меньше всего беспокоилась. И в конце концов Сюзанна, пожалуй, добьется своего. Она может оказаться достаточно черствой и безжалостной. И свет, возможно, оправдает Юджина. А сама она, вероятно, умрет. Какой конец – после всех ее мечтаний о счастье, о лучшей, более спокойной жизни! Как все это страшно, как мучительно! Вот он, ужас и мрак загубленной жизни!

В комнату вошел Юджин, бледный, хмурый, взволнованный, глаза его выражали грозную решимость. Он немного постоял в дверях, прислушиваясь, затем, повернув выключатель, зажег маленький ночник у изголовья Анджелы и сел в качалку, которую сиделка ставила себе у столика с лекарствами. Анджела за последнее время настолько оправилась, что не было уже надобности дежурить подле нее ночью, и сиделка приходила только на день.

– Ну, – начал он торжественно, но холодно, увидев бледное, измученное лицо, еще хранившее прежнюю юную красоту, – и ты воображаешь, что тебе удался твой замечательный трюк, да? Ты думаешь, что поймала меня в западню? Я пришел сказать тебе, что ты глубоко ошибаешься, – это только начало конца. Ты уверяешь, что у тебя будет ребенок! Я этому не верю. Это ложь, и ты знаешь, что это ложь. Ты видела, что близится конец всей этой муке, и вот твой ответ. Так позволь тебе сказать, это ты хватила через край, ты передернула в игре и просчиталась. Твоя карта бита. На этот раз выиграл я. И я буду свободным человеком. Запомни это! Я добьюсь свободы, хотя бы мне пришлось все перевернуть вверх дном. Роди хоть двадцать детей, мне это совершенно безразлично, – не говоря уже о том, что это ложь. Но если даже правда, – все равно это низкая хитрость. Довольно я терпел и твою властность, и твои плутни, и твои пошленькие претензии! Теперь с этим покончено. Слышишь? Покончено!

Он нервно провел рукой по лбу. Голова у него трещала, он чувствовал себя совсем больным. В какой ловушке он очутился, какой волчьей ямой оказался этот брак! Он связан цепями супружества с женой-тиранкой, а тут еще ребенок, зачатый по хитрому расчету! Его ребенок! Какой насмешкой звучало это теперь. Как это отвратительно, как пошло!

Анджела лежала с широко раскрытыми глазами, совершенно без сил, с лихорадочным румянцем на щеках. Не поднимая головы, она спросила усталым, равнодушным голосом:

– Чего же ты хочешь, Юджин? Чтобы я ушла от тебя?

– Вот что, Анджела, – угрюмо ответил он, – я сейчас еще и сам не знаю, чего хочу от тебя. Знаю только, что прежней жизни настал конец. Прошлое погребено навеки. Одиннадцать или двенадцать лет я прожил с тобой, каждую минуту сознавая, что эта жизнь – сплошная фальшь. Я никогда в сущности не любил тебя с тех пор, как мы поженились. И ты прекрасно это знаешь. Вначале, быть может, и было какое-то чувство, да, было, – и потом в Блэквуде, давно, давно. Мне не следовало жениться на тебе. Это было ошибкой. Но я это сделал и заплатил за свою ошибку. Я изо дня в день платил за нее. Да и ты, положим, тоже. Ты все время твердила, что я должен любить тебя. Ты донимала меня, изводила, требовала того, чего я не мог дать тебе, как не мог бы летать. И сейчас, в последнюю минуту, ты вдруг решила сыграть на ребенке, чтобы удержать меня. И я знаю почему. Ты вообразила, будто какие-то высшие силы предназначили тебя быть моим стражем и наставником. Так позволь тебе сказать, что этого не будет! Кончено! И будь у нас целая куча детей, все равно было бы кончено. Сюзанна не поддастся такому дешевому обману, но если бы даже она и поверила тебе, она не оставит меня. Она знает, зачем ты это сделала. Кончилась для меня эта мучительная жизнь в вечном страхе. Я не обыкновенный человек и не намерен жить обыкновенной жизнью. Ты всегда стремилась удержать меня в рамках пошлых, мещанских условностей, – довольно! Сыт по горло. Я все брошу! И этот дом, и мою работу, и мой пай в строительной компании, все, все! Меня совершенно не трогает твое положение. Я люблю эту девушку, и она будет моей. Слышишь? Я люблю ее, и она будет моей. Она моя. Она создана для меня. Я люблю ее. И никакие силы в мире меня не удержат. Ты, может быть, думала, что этот фокус с ребенком меня остановит? Ну нет, ты не подденешь меня на удочку. Это хитрость, и я это знаю не хуже тебя. Ты просчиталась! Это могло иметь успех год или два назад. Сейчас из этого ничего не выйдет. Ты проиграла свой последний козырь. Эта девушка принадлежит мне, и я ее добьюсь.

Он снова устало провел рукой по лицу, на минуту умолк и слегка качнулся в качалке. Зубы его были стиснуты, в глазах блестел холодный огонь. Он сознавал, что, в сущности, положение его ужасно и что предстоит трудная борьба.

Анджела смотрела на него и не понимала, явь это или сон. Она знала, что Юджин очень изменился. За годы своего успеха он стал сильнее, настойчивее, увереннее в себе. Между ним и тем Юджином, который цеплялся за нее в свои черные дни в Билокси, было так же мало общего, как между младенцем и взрослым человеком. Он стал черствее, независимее, равнодушнее ко многому, но все же до сегодняшнего вечера в нем еще можно было обнаружить следы прежнего Юджина. Что же вдруг случилось с ним? Откуда такая ярость, такое озлобление? Всему причиной эта глупая взбалмошная эгоистка, эта девчонка, которая обольстила его своей красотой, благосклонно приняла его ухаживания, а возможно, и первая бросилась ему на шею. Она украла его у нее, Анджелы, несмотря на то, что она и Юджин казались счастливыми супругами. Сюзанна не могла знать, что это не так. При этом своем настроении он действительно способен бросить ее, даже сейчас, несмотря на ее состояние. Все зависит от этой девушки. Если не удастся подействовать на нее, если не удастся как-нибудь оказать на нее давление, Юджин будет навсегда для нее потерян, и тогда – какая ее ждет трагедия! Нельзя допустить, чтобы он сейчас ушел от нее. Ведь через шесть месяцев… Анджела вздрогнула при мысли о том, к каким ужасным последствиям привел бы разрыв. Его работа в издательстве, их ребенок, положение в обществе, дом – все ставилось на карту. Боже мой! Она с ума сойдет, если он теперь бросит ее!

– Ах, Юджин, – сказала она очень грустно и без малейшего гнева в голосе, так как была слишком потрясена и истерзана и в ее душе не оставалось места для иного чувства, кроме страха. – Ах, Юджин, ты даже не представляешь себе, как ужасно ты ошибаешься! Да, я действительно сделала это с целью. Это верно. Давно, еще в Филадельфии, я вместе с миссис Санифор ходила к врачу, чтобы узнать, могут ли у меня быть дети. Ты помнишь, я всегда думала, что это невозможно. Но доктор сказал, что я могу быть матерью. Я пошла к нему, так как считала, что это будет лучше для тебя, что это заставит тебя остепениться. Я знала, что ты не хочешь ребенка. Я так и думала, что ты рассердишься, когда я тебе расскажу об этом, и долго не решалась. Мне и самой не хотелось иметь ребенка. Но я надеялась, что родится девочка, я знаю, как ты неравнодушен к маленьким девочкам. Теперь, после того, что произошло сегодня, мне все это кажется глупым. Я вижу, как я ошиблась. Да, я вижу, но злого умысла у меня не было, Юджин правда, не было! Я хотела удержать тебя, привязать к себе, чтобы тебе же помочь. Неужели ты станешь винить меня за это? Ведь я как-никак твоя жена.

Юджин раздраженно пожал плечами, и Анджела умолкла, не зная, как продолжать. Она видела, что он страшно озлоблен, что у него тяжело на душе, и все же была возмущена его отношением. Так трудно было с этим примириться после полнейшей уверенности, что у нее на Юджина все права, и общественные и моральные, – права, которыми он не смеет пренебрегать. А теперь она лежит больная, измученная и молит о том, что естественно принадлежит ей и ее будущему ребенку.

– Да, Юджин, – продолжала она все с той же печалью в голосе и по-прежнему без малейшего признака гнева, – подумай, прошу тебя, подумай хорошенько, пока ты не совершил ничего непоправимого. Ты только воображаешь, будто любишь эту девушку,

на самом деле это не так. Тебе кажется, что она прекрасна, и чиста, и мила, и ты готов все вокруг себя растоптать и уйти от меня. Но ты ее не любишь, ты скоро сам убедишься… Ты никого не любишь, Юджин, ты не способен любить. Ты слишком для этого эгоистичен. Если бы ты был способен на какую-то привязанность, частица ее досталась бы и мне, – разве я не старалась изо всех сил быть тебе хорошей женой? Но все оказалось напрасным. Я знала все эти годы, что ты меня не любишь. Я читала это в твоих глазах, Юджин. Ты никогда не был по-настоящему мне близок, как бывает любящий человек, – ты просто терпел меня. В душе ты всегда был холоден и равнодушен, и теперь, оглядываясь назад, я вижу, что и сама сделалась такой. Я тоже стала холодной и черствой. Я старалась закалить себя, чтобы быть такой жестокой, и теперь мне ясно, к чему это привело. Мне очень жаль. Что касается Сюзанны, то ты и ее не любишь и никогда не будешь любить. Она слишком молода для тебя. Ее взгляды не могут сходиться с твоими. Ты воображаешь, что она ласковая и нежная и вместе с тем умная, с большой душой. Но неужели ты думаешь, что, будь она такой, она способна была бы стоять передо мною, как стояла сегодня, смотреть в глаза мне – твоей жене! – и говорить, что она любит тебя – моего мужа? Неужели ты думаешь, что, будь у нее хоть капля стыда, она оставалась бы сейчас в этом доме, зная, как обстоит дело, – ты ведь, конечно, все ей рассказал? Что же это за девушка, хотела бы я знать? И ты называешь ее порядочной! Порядочной?! Но разве порядочная девушка способна на что-либо подобное?

– Нельзя на таком основании судить о человеке, – возразил Юджин, который то и дело прерывал речь Анджелы возгласами протеста и едкими репликами. – При создавшемся положении все должно казаться некрасивым. У Сюзанны не было намерения объявлять тебе, что она меня любит. Она не за тем сюда приехала, чтобы целоваться со мною в твоем доме. Это я добивался ее любви. Во всем виноват только я. Теперь она любит меня. Я не знал ничего о твоей тайне. Но если бы даже и знал, это ровно ничего не изменило бы. Вообще не стоит об этом говорить. Факт остается фактом. Я люблю Сюзанну, а все остальное не имеет никакого значения.

Полулежа на высоко взбитых подушках, Анджела глядела в стену; у нее не было больше ни сил, ни мужества для дальнейшей борьбы.

– Я понимаю, что с тобой происходит, Юджин, – сказала она после некоторой паузы. – Дело не во мне, – тебя тяготит ярмо, ярмо брака. Тебе не следовало жениться. То же самое повторилось бы и со всякой другой женщиной – как бы она тебя ни любила и сколько бы у нее ни было детей, ты все равно захотел бы освободиться и от нее и от них. Да, Юджин, тебя тяготит брак. Тебе нужна свобода, и ты не успокоишься, пока не добьешься ее. Появление ребенка ничего не изменило бы. Теперь я это понимаю.

– Да, мне нужна свобода! – подтвердил он запальчиво и раздраженно. – И я ее добьюсь. Какое мне дело до чего бы то ни было! Мне опротивело лгать и притворяться. Мне опротивели твои пошленькие взгляды на жизнь, твои представления о том, что хорошо и что плохо. Вот уже одиннадцать или двенадцать лет, как я терплю это. Я как арестант сидел с тобой каждое утро за завтраком и каждый вечер за обедом. Я выслушивал твои рассуждения насчет жизни и возмущался каждым твоим словом и презирал твои теории. Я шел на все, чтобы не оскорблять твоих чувств. Но теперь с этим кончено. Что я получил взамен? Ты шпионила за мной, ты мешала мне на каждом шагу. Ты обыскивала мои карманы в поисках каких-то писем. Ты пилила меня, если я осмеливался хотя бы раз вернуться вечером домой и не отдать тебе отчета в том, где я был. Отчего ты не ушла от меня тогда, после истории в Ривервуде? Почему ты цепляешься за меня, зная, что я не люблю тебя? Точно я арестант, а ты мой тюремщик. Боже мой, мне тошно делается, когда я подумаю об этом. Впрочем, не о чем больше говорить. С этим все кончено. Кончено бесповоротно, я разделался с этой жизнью раз и навсегда. Теперь я заживу так, как мне хочется, и буду заниматься тем, что мне нравится. Я буду жить с человеком, который мне дорог. Вот и все. А ты можешь делать все, что тебе угодно.

Он был похож на молодого коня, закусившего удила и вообразившего, что, если он будет рваться и становиться на дыбы, он навсегда вернет себе свободу, – на коня, которому видятся зеленые поля и просторные пастбища. Он чувствовал себя свободным, несмотря даже на то, что сообщила ему Анджела. Эта ночь вернула ему свободу, и он будет свободным! Сюзанна не откажется от него, он был уверен. Он должен раз навсегда внушить Анджеле, что к прошлому нет возврата, как бы все ни сложилось.

– Да, Юджин, – грустно ответила она, выслушав его горячие речи. – Я тоже думаю, что тебе нужна свобода. Теперь я это вижу. Я начинаю понимать, как много она для тебя значит. Но я совершила ужасную ошибку. Обо мне ты совсем не хочешь подумать. Что же мне делать? Я говорю правду – если я не умру, у меня будет ребенок. Но, вероятно, я умру. Я боюсь этого, вернее, боялась раньше. Теперь мне все равно. Теперь мне незачем жить, может быть, только ради ребенка. Разве я знала, что у меня окажется ревматизм? Разве я знала, что это отразится на моем сердце? Разве я могла думать, что ты так поступишь? Теперь мне все безразлично. О! – с глубокой печалью воскликнула она, и горячие слезы хлынули у нее из глаз. – Какая это была ошибка! Зачем только я это сделала?

Юджин сидел, упорно не поднимая головы. Слезы Анджелы нисколько не тронули его. Он не верил, что она умрет, – и надеяться нечего! Он думал лишь о том, что положение страшно осложнилось, – или что она разыгрывает комедию, – но это ни в коем случае не должно быть для него препятствием. Зачем она пыталась обмануть его? Анджела во всем виновата. Теперь она плачет, но это все то же лицемерие, к которому она прибегала и раньше. Он вовсе не собирается бросить ее на произвол судьбы. Средств к жизни у нее будет достаточно. Но он не намерен больше жить с нею, – если это удастся устроить, или, в крайнем случае, – только для виду. Все свое время он будет отдавать Сюзанне.

– Мне дела нет до того, какой ценой тебе придется за это расплачиваться, – заговорил он наконец. – Я больше не хочу с тобой жить. Я не просил тебя производить на свет ребенка. Я тут ни при чем. Материально ты будешь обеспечена, но жить с тобой я не стану.

Он снова нервно задвигался в качалке. На лице Анджелы горел болезненный румянец. Черствость этого человека на минуту вызвала в ней ярость. Она, конечно, не думала, что ей грозит голод, но их дом, общественное положение, комфорт – на всем этом придется поставить крест.

– Да, да, я понимаю, – жалобно сказала она, стараясь взять себя в руки. – Но надо считаться не только со мной. Подумал ли ты о миссис Дэйл, о том, что она скажет и сделает? Напрасно ты надеешься, что она отдаст тебе Сюзанну и не попытается помешать вам. Она умная женщина. Сюзанну она любит, как бы своенравна та ни была. К тебе она хорошо относится, но неужели ты воображаешь, что она не изменит своего отношения, когда узнает, что ты сделал с ее дочерью? И как ты, кстати, собираешься поступить? Ты не можешь жениться на ней раньше чем через год, даже если бы я и согласилась развестись с тобой. Ты ведь знаешь, что эта процедура длится не меньше года.

– Я буду жить с Сюзанной – вот как я намерен поступить, – твердо заявил Юджин. – Она любит меня и согласна принять меня таким, какой я есть. Она не нуждается в брачных церемониях, в обетах, кольцах и прочем. Она презирает все это. Пока я люблю ее, она будет моей. А если я ее разлюблю, она сама не захочет оставаться со мной. Тебе это дико слышать, не правда ли, – с горькой иронией добавил он. – В Блэквуде так не рассуждают!

Анджела вспыхнула. Его насмешки были невыносимо жестоки.

– Это она только говорит так, Юджин, – тихо произнесла Анджела, – просто она еще не опомнилась. Сейчас она вторит тебе. Ты приворожил ее. Но впоследствии, когда она придет в себя, если в ней есть хоть капля рассудка, хоть капля гордости… А впрочем, к чему я говорю все это? Ты все равно не слушаешь. Ты не хочешь над этим задуматься. Но скажи, пожалуйста, – добавила она, – как ты предполагаешь уладить дело с миссис Дэйл? Неужели ты надеешься, что она сдастся без борьбы, даже если я не стану бороться? Не спеши и подумай хорошенько. То, что ты собираешься сделать, ужасно.

– Подумай! Подумай! – с горечью и бешенством воскликнул Юджин. – Как будто я мало думал все эти годы! Какого черта еще думать! Я только и делал, что думал. Я столько думал, что у меня вся душа изныла. Я столько думал, что рад бы разучиться думать. И насчет миссис Дэйл я тоже думал, можешь не сомневаться. С ней я потом сговорюсь. Сейчас я хочу только, чтобы ты раз навсегда поняла, какие у меня намерения. Сюзанна будет моей, и тебе не остановить меня.

– Ах, Юджин, – вздохнула Анджела, – если бы кто-нибудь мог открыть тебе глаза! Отчасти вина, конечно, моя. Я бывала строга с тобой, подозрительна, ревнива, но разве ты не давал мне поводов? Я вижу теперь, что поступала неправильно. Я была слишком черствой, слишком подозрительной. Но если бы ты дал мне хоть малейшую возможность, я исправилась бы (она уже не думала о смерти), честное слово, я исправилась бы. Ты рискуешь потерять очень многое. Стоит ли идти на это? Тебе известно, как у нас смотрят на такие вещи. Что, по-твоему, скажет общество, если тебе даже удастся получить свободу? Ведь ты не можешь отказаться от своего ребенка. Повремени, посмотрим, чем это кончится. Может быть, я умру. Мало ли бывает таких случаев. Тогда ты будешь свободен и поступишь, как тебе угодно. Ведь ждать осталось недолго.

Это был благовидный предлог, чтобы удержать его. Но он понял ее хитрость.

– Дудки! – крикнул он, в раздражении прибегая к одному из жаргонных словечек, которые недавно стали входить в моду. – Я все прекрасно понимаю и вижу, куда ты гнешь. Во-первых, я не верю, что ты беременна. Во-вторых, ты вовсе не умрешь. И я не намерен ждать, пока стану свободным… Я тебя знаю и не верю тебе. То, что я собираюсь делать, на тебе не отразится. Нуждаться ты не будешь. И никому не надо этого знать, если только сама ты не поднимешь, шума. Мы с Сюзанной сумеем договориться. Я прекрасно понимаю, о чем ты хлопочешь, но тебе не удастся мне помешать. А если ты пойдешь на это, я все брошу – и квартиру, и службу, и тебя…

Он в исступлении сжал кулаки. У Анджелы руки ныли от нервных спазм. Глаза жгло, сердце бешено колотилось. Этот угрюмый человек, такой властный, упрямый, такой неистовый, казался ей чужим. Неужели это тот самый Юджин, который всегда так считался с нею? Ведь он буквально на цыпочках ходил. Правда, случалось ему и вспылить, но потом он сам, бывало, пожалеет и попросит прощения. Она хвасталась перед некоторыми приятельницами, и особенно перед Мариеттой, – хотя хвастовство это было шутливое, безобидное, – что может обвести Юджина вокруг пальца. Он был такой покладистый и тихий. А сейчас перед нею мятежный демон, одержимый кощунственным желанием, готовый сокрушить и свою, и ее жизнь, и, пожалуй, жизнь Сюзанны. Впрочем, до Сюзанны и до миссис Дэйл ей было мало дела. Ее страшила мысль о собственной загубленной жизни и о жизни Юджина, над которой нависла такая угроза.

– А ты подумал, что сделает мистер Колфакс, когда узнает? – спросила она, в отчаянии хватаясь за этот довод и надеясь запугать его.

– Наплевать мне на то, что сделает мистер Колфакс. Наплевать мне на всех на свете. Я люблю Сюзанну Дэйл! Она любит меня! Я ей нужен! Вот и все! А теперь я пойду к ней. Попробуй только остановить меня!

Сюзанна Дэйл! Сюзанна Дэйл! Какую ярость, какой страх вызывало в Анджеле это имя! Никогда еще не понимала она так ясно, какая сила таится в красоте. Сюзанна Дэйл была молода и красива. Еще сегодня вечером Анджела смотрела на нее и думала, как она очаровательна, какое прелестное у нее личико, – и вот, оказывается, Юджин подпал под ее чары и погубил себя. О, какая страшная вещь красота! И эта так называемая светская жизнь! Зачем только она устраивала приемы? Зачем подружилась с семейством Дэйл? Но, с другой стороны, мало ли девушек среди их знакомых, ничем не уступающих Сюзанне, – Марджори Мак-Ленан, например, или Флоренс Рил, Генриетта Тэнмен, Аннета Кин. Любая из них могла оказаться на месте Сюзанны. Что же, надо было совсем устранить молодых девушек из жизни Юджина? Нет, все дело в нем самом. Все дело в его отношении к жизни, в той власти, какую имеет над ним красота, особенно женская. Теперь ей все ясно. Он просто слабовольный человек. Красота всегда кружила ему голову, Анджела знала это и по собственному опыту, – как он восхищался когда-то ее телом!

«Боже, – беззвучно шептала она, – научи меня, что делать! Я недостойна твоей помощи, но все же помоги мне. Помоги мне спасти его. Помоги мне самой спастись!»

– Ах, Юджин! – произнесла она вслух, уже ни на что не надеясь. – Не спеши, подумай. Позволь Сюзанне уйти утром домой, а сам успокойся, образумься. Меньше всего я думаю о себе. Я могу простить и забыть. Обещаю тебе никогда об этом не вспоминать. Если будет ребенок, я сделаю все, чтобы он тебе не мешал. И вообще постараюсь, чтобы его не было. Может быть, время еще не упущено. Я буду теперь совсем другая. О! – И она разразилась слезами.

– Нет, черт возьми! – воскликнул он, вставая. – Нет, нет и нет! Хватит! Кончено! Довольно с меня этих притворных слез и истерик! Сейчас слезы, а через минуту ярость, и ненависть, и бесконечные увертки. Нет уж! Хватит тебе быть моим хозяином, тюремщиком! Теперь мой черед! Попробую теперь я быть тюремщиком, попробую я для разнообразия покомандовать! Сейчас я на коне и постараюсь удержаться в этой позиции. Можешь плакать, сколько тебе угодно, можешь делать с ребенком все, что хочешь. Кончено! Я устал и иду спать. Но помни: все остается так, как я сказал. Кончено! И больше нам не о чем говорить!

Он быстрыми шагами вышел из комнаты, озлобленный и взбешенный, но, войдя к себе в спальню, расположенную по другую сторону студии, опустился в кресло, чувствуя, что не в силах уснуть. Его мозг был взбудоражен мыслями о Сюзанне, сознанием, что вся его прежняя жизнь так быстро, так бесповоротно разлетелась вдребезги. Теперь, если он сумеет поставить на своем – а это безусловно так и будет, – он завладеет Сюзанной. Если иначе нельзя, она согласится жить с ним тайно. У них будет студия, вторая квартира. Анджела, вероятно, не даст ему развода, особенно если то, что она сказала, – правда. Да он и не будет настаивать. Из разговора с ней он вынес впечатление, что она боится его и не станет поднимать скандала. Да и что в сущности может она сделать? Он действительно хозяин положения. Сюзанна принадлежит ему. Он обеспечит Анджелу и будет счастлив с Сюзанной.

Сюзанна! Сюзанна! Как она прекрасна! Как благородно, как смело держала она себя сегодня! Как это было восхитительно, когда она взяла его за руку и сказала: «Ведь я люблю его, миссис Витла!» Да, она любит его. Несомненно. Она молода, очаровательна, в ней зреют прекрасные чувства. Со временем она превратится в обаятельную женщину. И она так молода! Как обидно, что он еще не свободен. Ну что ж, подождем! Время все уладит, а пока Сюзанна будет принадлежать ему. Он поговорит с ней, он ей все объяснит. Бедная маленькая Сюзанна! Она там, в своей комнате, думает о том, что ждет ее, а он не может даже пойти ее утешить. Он чувствовал, что это неудобно, а кроме того, Анджела могла поднять шум. Но завтра! Завтра они пойдут вместе гулять, он поговорит с ней, они составят план действий, завтра он сообщит ей свои намерения и услышит, что она ему скажет.

Глава XI

Ночь прошла без новых треволнений, но уже и то, что произошло, казалось Юджину самым невероятным, самым крупным событием всей его жизни. До той минуты, как Анджела вошла в студию, он в сущности не ожидал, что дело примет такой трагический оборот, да, по правде говоря, он и вообще-то мало думал о том, что будет. В последнее время, когда, лежа по ночам, он предавался своим путанным грезам, ему нередко приходило в голову, что в конце концов надо будет расстаться с Сюзанной, хотя как, когда и почему, он сам бы не мог сказать. Он в буквальном смысле слова был без ума от нее, и разлука с ней казалась ему немыслимой. Бывали и другие минуты, когда ему представлялось, что некие неведомые силы заранее сговорились увенчать его жизненный путь, даровав ему полное счастье. Он всегда считал, что жизнью его управляет таинственный рок. И что его талант – дар природы, что на него возложена миссия произвести переворот в американском искусстве или по меньшей мере двинуть его вперед и что природа обычно посылает для таких целей своих избранников, осыпая их милостями. И тут же ему, наоборот, начинало казаться, что он забава, игрушка каких-то злокозненных сил, вроде тех, что толкали Макбета к его роковому концу, и что он обречен на гибель в назидание другим людям. Это, он успел заметить, именно так и бывает. Фортуна – обманщица. Она часто ставит на пути человека пагубные соблазны. Он знал людей, которые погибли ни за что. Неужели и его ждет та же участь?

Да, судя по неожиданному и ошеломляющему сообщению Анджелы, этого можно было ожидать. Но ему не хотелось верить. Судьба не без цели столкнула его с Сюзанной. Избранник неба, он влачил жалкое существование, и Сюзанна была послана ему в награду за его мытарства. Сейчас она вошла в его жизнь, – можно сказать, стремительно брошена ему в объятия, чтобы он возможно скорее насладился ею. Какою глупостью было привести ее к себе домой и тут расточать ей ласки, чтобы быть застигнутым на месте преступления! Но в сущности разве и в этом не виден перст судьбы? Несомненно, так было суждено. И стыд, который он испытал, стыд, который испытали Анджела и Сюзанна, мучительные минуты и часы, пережитые каждым из них, – все это были жертвы, неизбежные при всякой большой ломке. Очевидно, этим и должно было все кончиться. Уж лучше так, чем продолжать прежнюю жизнь. Право же, он достоин чего-то иного, – думал он, – большого личного счастья. Надо как-то уладить дело с Анджелой – либо уйти от нее, либо устроить так, чтобы постоянно и без помехи наслаждаться обществом Сюзанны. Никто не может им это запретить. Он ни за что от нее не откажется. Пусть Анджела родит ребенка. Что ж, он обеспечит его материально, вот и все. Ему вспомнились слова Сюзанны, что она готова уйти из дома по первому его зову. Время для этого пришло. Надо подумать об отдельной студии, но придется держать это в секрете. Анджела им нестрашна. Она бессильна что-либо сделать. Только бы события этой ночи не слишком испугали Сюзанну, не заставили ее передумать. Он никогда не говорил ей, как он предполагает освободиться от Анджелы. Сюзанна знает только то, что слышала этой ночью. Она, конечно, решила, что ничто не должно мешать их любви – они поселятся вместе, не считаясь с тем, как отнесется к этому свет, не считаясь с мнением ее матери, пренебрегая ее братом, и сестрами, и Анджелой, и будут счастливы. Он никогда не пытался рассеять ее иллюзии – он и сам весьма смутно представлял себе, что будет. Он стремился вперед без ясной цели, желая только сближения с нею – духовного и физического. Но теперь он должен действовать, не то он ее потеряет. Он должен убедить Сюзанну, невзирая на все, что сказала Анджела, или же расстаться с ней. Конечно, она не захочет расстаться с ним ни при каких условиях. Надо поговорить с ней, объяснить, заставить ее понять, что все это только хитрый маневр.

Анджела тоже не спала; она лежала с открытыми глазами, устремив в пространство взгляд, полный отчаяния. Когда наступило утро, ни один из участников этой драмы так ни до чего и не додумался, но каждый из них понял, как ужасна надвигающаяся трагедия. Сюзанна пыталась в ней разобраться, но она всем своим юным существом тянулась к Юджину, а потому могла рассуждать лишь с этой точки зрения. Она его любит, должна любить, раз он готов ради нее на любые жертвы. Но в то же время она была в крайнем замешательстве, ее мысли были настолько туманны, что Юджин пришел бы в ужас, если бы мог в эту минуту их прочесть. Она была в том состоянии, когда человек, впервые познав красоту жизни и любви, верит, свято верит, что будущее принесет ему радость – много радости и ничего кроме радости. Она не сознавала, как тяжело положение Юджина. Ей были непонятны страдания человека, которому не дано было насладиться высшим блаженством любви и который всегда безрассудно тянулся к тому, что может дать богатство, но все его усилия оставались тщетны. В ужасе от мысли, что бокал с волшебным напитком будет вырван у него из рук после первого же глотка, Юджин лежал во мраке своей комнаты, охваченный нервной дрожью, – в ушах у него звенело, сердце колотилось; он жадно простирал руки к той блестящей жизни, которая так манила его. Сюзанна же, чья жизнь была полной чашей, находилась в состоянии полузабытья, словно в каком-то сонном царстве радости и счастья, где к ее услугам были все наслаждения и оставалось только выбирать. Даже в самые критические минуты ей ничто не грозило. Взять хотя бы сегодняшнюю бурю, – она уже почти отшумела благодаря стараниям Юджина и, вероятно, пронесется, не оставив и следа. Нужно только дать событиям идти своим чередом, и все уладится. Она всегда была уверена, что с ней не может случиться ничего дурного. Вот и сейчас Юджин у себя в доме ухаживает за нею и оберегает ее!

Вот почему Сюзанна не особенно горевала ни о Юджине, ни об Анджеле, ни о себе. Она была не способна на это. Бывают такие натуры. Она считала, что Юджин в состоянии взять на себя материальную заботу и о ней и об Анджеле. Ее мысли уносились далеко вперед – к тому дню, когда этот злополучный брак будет расторгнут и Юджин станет счастлив, да и Анджела тоже. Ей так хотелось, чтобы Юджин был счастлив, и именно благодаря ей, поскольку счастье Юджина зависело, по-видимому, от нее. В отличие от Юджина она, однако, допускала, что могла бы прожить и без него, если бы так пришлось. Она, конечно, не хотела этого, она чувствовала, что для нее было бы величайшим счастьем вознаградить Юджина за все его прошлые муки и страдания. Но если, скажем, они должны будут на время расстаться, то и в этом нет ничего страшного. Ведь потом они опять соединятся. Ну, а если нет!.. Но этого быть не может! Не стоит даже думать об этом. Не странно ли, однако, что ее красота, только ее внешнее обаяние, которому сама она придавала так мало значения, внушили ему такую безумную любовь. Сюзанна, конечно, и не догадывалась о той чисто физической боли, которая терзала Юджина, но одно было для нее очевидно – он без ума от нее. Об этом говорило его лицо и его пылающие черные глаза, устремленные на нее с выражением безграничного восторга и страдания. Неужели она действительно так красива? Конечно, нет. И все же Юджин так стремится к ней. Как странно!

Едва рассвело, Сюзанна встала и начала тихо одеваться. Она решила выйти погулять, а Юджину оставить записку, где ее найти. В городе ей предстояло в этот день только одно дело. Потом она вернется домой, и все постепенно наладится. Раз Юджин заставил Анджелу отказаться от своего решения открыть их тайну миссис Дэйл, все будет хорошо. Они с Юджином встретятся, а потом она оставит свой дом, а он свой, и они уедут куда-нибудь, куда бы Юджин ни пожелал. Но, разумеется, Сюзанна предпочла бы убедить мать, чтобы та стала на ее точку зрения и помогла им. Она предпочла бы это из тех соображений, чтобы Анджела и Юджин не потеряли своего положения в обществе. Благодаря своей молодости и отвлеченным, поэтическим представлениям о жизни Сюзанна считала, что ей удастся одержать верх над матерью и они с Юджином смогут мирно жить где-нибудь вдвоем. Ее друзьям можно будет и не сообщать об этом – а можно и сказать, во всяком случае, некоторым, – и они, наверно, отнесутся сочувственно, ведь все это так красиво и вполне естественно!

Услыхав шаги в комнате Сюзанны, Юджин вскочил, подошел к ее двери и постучал. Когда она открыла ему, одетая для улицы, у него больно сжалось сердце при мысли, что она хотела ускользнуть тайком, даже не повидавшись с ним, – так мало в

сущности знают они друг друга. Но едва он увидел ее – чуть холодную, притихшую или отрезвленную непривычными думами и сознанием необычности своего положения, – она показалась ему прекраснее, чем когда-либо.

– Вы собирались уходить? – спросил он, когда она подняла на него вопрошающий взгляд.

– Я хотела пройтись.

– Без меня?

– Я надеялась повидаться с вами перед уходом, в крайнем случае оставила бы вам записку, чтобы сказать, где мы встретимся.

– Вы подождете меня? – спросил Юджин. У него было чувство, что он не должен ни на минуту отпускать ее, иначе всему – конец. – Только одну минуту. Мне надо переодеться.

Он прижал ее к себе.

– Хорошо, – тихо ответила она.

– Вы не уйдете без меня?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– О, как я вас люблю! – воскликнул он вместо ответа и, слегка запрокинув ее голову, жадно посмотрел ей в глаза.

Она нежно сжала ладонями его усталое лицо и ответила ему долгим взглядом. Это была ее первая любовь, и она настолько владела всем ее существом, что Сюзанна ничего не видела, кроме Юджина. Он был так прекрасен, он так изголодался по любви! Теперь ее нисколько не смущало, что она находится в доме его жены и что к их любви примешалось так много тяжелого и неприятного. Она любила его. Она всю ночь, не сомкнув глаз, думала о нем. При ее молодости ей было еще трудно все себе уяснить, но она чувствовала, что жизнь его сложилась очень тяжело, что подруга жизни попалась ему крайне неудачная и что он нуждается в ней, Сюзанне. Он так красив, так изыскан, так талантлив! Раз он больше не любит Анджелу, как она может цепляться за него! Конечно, ей будет без него тоскливо. Но неужели же этого достаточно, чтобы удерживать его подле себя? Будь она сама на месте Анджелы, она бы так не поступила. И что меняется от того, что Анджела ждет ребенка? Ведь Юджин не любит ее.

– Обо мне не тревожьтесь, – сказала она, чтобы успокоить Юджина. – Я вас люблю. Как вы можете в этом сомневаться? Мне нужно поговорить с вами. Как миссис Витла?

Она думала о том, что предпримет его жена – станет ли звонить ее матери, начнется ли борьба за Юджина сейчас же.

– Все то же, – устало ответил он. – У меня было с ней крупное объяснение. Я сказал ей о своих дальнейших намерениях, но мы после обо всем поговорим.

Он ушел переодеться, а потом зашел к Анджеле.

– Я иду погулять с Сюзанной, – сказал он тоном, не терпящим возражения.

– Хорошо, – сказала Анджела, от слабости она была близка к обмороку. – Придешь к обеду?

– Не знаю, – ответил он. – Разве это имеет какое-нибудь значение?

– Только то, что, если ты не придешь, я отпущу кухарку и горничную. Мне самой ничего не нужно.

– Когда придет сиделка?

– В семь часов.

– Ну что ж, вели приготовить обед, если хочешь, – сказал он. – Я постараюсь вернуться к четырем часам.

Он вошел в студию, где его ждала Сюзанна. Несмотря на бледность и тени под глазами, вид у нее был бодрый и уверенный. Он снова залюбовался тем спокойствием и силою, которые чувствовались в каждом движении ее молодого тела и всегда так восхищали его. Какая изумительная девушка! Сколько в ней выдержки и цепкости, несмотря на то, что жизнь так баловала ее. Когда ночью, накануне, она заявила, что намерена поехать в гостиницу и не вернется домой, пока ей не удастся устроить свою судьбу, Юджин был поражен. Не будь Сюзанна исключительным человеком, разве пришло бы ей в голову, что она должна стать независимой, приискать себе работу? Ведь он не раз слышал от миссис Дэйл, что Сюзанну ждет наследство, оставленное отцом. Вот и сейчас она смотрит на него с таким спокойствием и уверенностью.

Он не стал вызывать такси, а повел ее на набережную, и они пошли вдоль парапета по направлению к могиле Гранта. У него мелькнула мысль поехать в Клермонтскую гостиницу и там позавтракать, а потом нанять где-нибудь машину. Но кто-нибудь мог узнать Сюзанну да и его тоже.

– Куда мы с вами пойдем, дорогая? – спросил он, когда свежий ветерок пахнул им в лицо.

Утро было восхитительное.

– Мне все равно, – ответила Сюзанна. – Я обещала зайти сегодня к Элмердингам, но не условилась, когда именно. Это можно сделать и во второй половине дня. Как вы думаете, миссис Витла будет звонить мама?

– Вряд ли. Я даже уверен, что не будет. – Он вспомнил свой последний разговор с Анджелой, она сказала, что ничего не станет предпринимать. – А не может случиться, что ваша матушка будет вам звонить?

– Едва ли! Мама обычно не беспокоится, если знает, где я. А если она позвонит Элмердингам, ей скажут, что я еще не приходила. Вы думаете, что миссис Витла может все рассказать мамá, если та позвонит?

– Нет, – сказал он. – Я убежден, что она этого не сделает. Анджеле нужно время, чтобы подумать. Она не станет ничего предпринимать, она так и сказала мне ночью. Она будет выжидать, посмотрит, что я буду делать. Все зависит от того, как мы с вами разыграем свои карты.

Они продолжали путь, взявшись за руки и любуясь рекой. Было всего без четверти семь, и набережная была почти безлюдна.

– Если она расскажет мамá, выйдет очень нехорошо, – задумчиво произнесла Сюзанна. – Вы действительно считаете, что она этого не сделает?

– Убежден. Ни минуты не сомневаюсь. Она не решится ничего предпринять. Это слишком опасно. Она, вероятно, надеется, что я одумаюсь. О, как ужасно я жил до сих пор! Теперь, когда я узнал вас, все это кажется мне дурным сном. Вы так мало похожи на других женщин, вы так великодушны! В вас нет ни капли эгоизма! Подумать только, что я все эти годы подчинялся ей, даже в самых пустяках! А тут еще эта последняя хитрость!

Он грустно покачал головой. Сюзанна смотрела на его усталое лицо. Сама она была свежа, как росистое утро.

– О, если бы мне с самого начала встретилась такая девушка, как вы! – добавил он.

– Послушайте, Юджин, – сказала Сюзанна. – Мне страшно жаль миссис Витла. Нам не следовало вчера так вести себя. Это все вы виноваты. Вы никогда меня не слушаетесь. Вы такой упрямец. Я вовсе не хочу, чтобы вы ради меня покинули миссис Витла, – не делайте этого. Мне это не нужно. Я не хочу выходить за вас замуж. Во всяком случае не сейчас. Я скорей готова так стать вашей. Но нужно время, чтобы все подготовить и действовать с умом. Если мама сегодня же узнает, разразится ужасный скандал. Просто должно пройти какое-то время, и тогда мы, возможно, с ней договоримся. Мне нет дела до того, что вам сказала вчера миссис Витла. Вам не нужно оставлять ее. Как-нибудь все утрясется. Вся трудность в мама, вы понимаете?

Сюзанна шла, слегка размахивая рукой, которую он держал в своей, и пожимая его пальцы. Вопрос о матери серьезно тревожил ее, и она высказывала свои опасения вслух.

– Видите ли, Юджин, – продолжала она, – мамá никак нельзя назвать ограниченным человеком. Брак она не считает святыней, разве только идеальный брак. Положение миссис Витла ничего не меняет. Конечно, было бы лучше, если б ребенок уже родился. Я думала об этом. Мамá, наверное, разрешила бы нам как-нибудь устроить нашу жизнь, если ее убедить, что я буду счастлива и что это не вызовет скандала. Но мне необходимо время, чтобы поговорить с нею. Сразу ничего не выйдет.

Юджин слушал ее с изумлением, как и всегда, когда Сюзанна делилась с ним своими мыслями. По-видимому, она уже давно задумывалась над всеми этими вопросами. Ей не очень-то легко было излагать свои взгляды. Она то и дело останавливалась в поисках нужных слов, но, найдя их, говорила странные вещи. Вот только права ли она?

– Сюзанна, вы удивляете меня! Как много, оказывается, вы уже передумали! Но понимаете ли вы, что говорите? Хорошо ли вообще вы знаете свою мать?

– Мамá? Да, я думаю, что знаю ее. Видите ли, она совсем не мещанка. Она очень начитанна и даже несколько экзальтированна. Она часто говорит о том, что чувство нельзя неволить, правда, я не всему придаю значение. И все-таки мне кажется, она многим отличается от большинства женщин – это исключительная натура. Во мне она любит не столько свою дочь, сколько человека вообще. И она очень беспокоится за меня, а мне кажется, что я сильнее ее и в иных случаях могу на нее повлиять. Она часто ищет во мне поддержки, а меня не может заставить что-нибудь сделать, если я не хочу. Я думаю, что уговорю ее, это уже не раз бывало и удастся мне и теперь, если я буду действовать не спеша. Понадобится немало времени, чтобы убедить ее стать на мою точку зрения.

– А сколько? – задумчиво спросил Юджин.

– Ну, не знаю. Месяца три, а может быть, и полгода. Сейчас трудно сказать. Но я попытаюсь.

– А если вам не удастся?

– Ну что ж… Тогда я пойду против ее воли, только и всего. Я же говорю, что не уверена, но думаю, что мне удастся переубедить ее.

– А если нет?

– Я убеждена, что удастся. – И Сюзанна весело тряхнула головкой.

– И вы будете моей?

– И я буду вашей.

Они проходили под деревьями близ Сотой улицы. Никого вблизи не было, за исключением какого-то одинокого пешехода впереди. Юджин обнял Сюзанну и поцеловал в губы.

– О божество мое! – воскликнул он. – Моя прекрасная Елена! Цирцея!

– Не надо, – ответила она, и глаза ее весело заблестели. – Не надо здесь. Подождите, пока мы сядем в машину.

– Поедем завтракать в Клермонт?

– Мне не хочется есть.

– Ну все равно, мы можем прокатиться.

Они разыскали гараж и скоро уже мчались по направлению к северу. Чудесный утренний ветерок освежал их, умеряя лихорадку их чувств. Они то задумывались, то были неестественно веселы. Юджином владели то радость, то страх, а Сюзанна подбадривала его. Она была спокойнее его, увереннее, смелее. Она говорила с ним как сильная, разумная мать.

– Сюзанна, – сказал он, – временами я не знаю, что и думать. Мою жену я ни в чем обвинить не могу, – я могу только сказать, что не люблю ее. Я был так несчастлив. Как вы смотрите на такие вещи, Сюзанна? Вы слышали, что она говорила про меня?

– Да, слышала.

– Все это объясняется только одним. Я не люблю ее. И никогда в сущности не любил. Как вы смотрите на брак, в котором нет любви? В том, что она говорила, есть доля правды. Я любил других женщин, но потому, что тосковал по родственной натуре. Это случалось и после моей женитьбы. Я не могу сказать, что любил Карлотту Уилсон, но она мне нравилась. У нее было в

некоторых отношениях много общего со мной. Была еще одна девушка, похожая на вас, только не такая умница. Но с тех пор прошло много лет. О Сюзанна, я могу вам сказать, почему это происходит! Я люблю молодость. Я люблю красоту. Я жажду общения с человеком, который был бы мне близок по духу. Такого человека я нашел в вас, Сюзанна, и вот, смотрите, что из этого вышло! Вам не кажется, что это очень дурно с моей стороны? Но я ведь так несчастлив! Скажите мне, что вы думаете?

– Что мне сказать? – ответила Сюзанна. – Я нахожу, что если сделана ошибка, то ее нужно исправить.

– Объясните мне, что это значит?

– Ну вот. Вы говорите, что не любите ее. Вам с ней тяжело. Следовательно, ничего хорошего ни для вас, ни для нее нет в том, что вы останетесь с ней. Она не пропадет. Я, например, не стала бы вас удерживать, если б вы меня не любили. Да и сама не стала бы себя неволить, если б разлюбила вас, ни за что не стала бы. Я считаю, что брак должен быть счастливым. А если нет, то незачем и пытаться жить вместе только потому, что когда-то вам этого хотелось.

– А если б были дети?

– Это, конечно, несколько меняет дело. Но и тогда детей может взять к себе тот или другой, – не правда ли? И, значит, дети не так уж пострадают.

Юджин любовался очаровательным личиком Сюзанны. Странными казались ему такие рассуждения в устах молоденькой девушки.

– Но вы слышали, что она говорила, Сюзанна, – насчет своего положения?

– Знаю. Я думала об этом. И не нахожу, что это что-либо меняет. Вы можете взять на себя заботу о ней.

– И вы меня любите по-прежнему?

– Да.

– Даже если то, что она сказала, правда?

– Да.

– Но как же так, Сюзанна?

– Все обвинения относятся к далекому прошлому, а это не то, что сейчас. Сейчас, я знаю, вы любите меня. А до прошлого мне нет дела. Да и до будущего тоже. Любите меня, пока любите, Юджин, и уходите, когда любовь пройдет. Я бы не стала за вас цепляться, если бы вы меня разлюбили. И сама не посчиталась бы с вами, если бы не любила вас.

Юджин смотрел на нее, изумленный и очарованный ее рассуждениями, в которых он черпал бодрость и силу. Как это похоже на Сюзанну! – думал он. Ведь она, в сущности, еще ребенок, а какие у нее ясные, твердые взгляды. Ее юный разум справляется с любым жизненным затруднением.

– Вы чудесная девушка, Сюзанна! – сказал он. – Вы разумнее меня, сильнее. Меня тянет к вам, как замерзающего к огню. Вы такая добрая и рассудительная.

Они продолжали путь по направлению к Теритауну и Скарборо, и Юджин поделился с Сюзанной своими соображениями. Он готов не бросать Анджелу, если Сюзанна так хочет. Он готов соблюсти внешние приличия. Вопрос лишь в том, чтобы Сюзанна принадлежала ему.

Юджину непонятно было, как это Сюзанна соглашается его с кем-то делить. Но едва ли он вообще понимал ее, – он весь находился во власти ее чар. Она казалась ему самым умным, самым очаровательным и самым непостижимым существом в мире. Он попытался было расспросить, каким образом она надеется уговорить мать, но Сюзанна, по-видимому, и сама этого не знала, просто она верила в свою способность оказывать на нее влияние и надеялась переубедить ее.

– Знаете, – сказала она между прочим, – у меня скоро будут свои деньги. Папа завещал каждому из нас, детей, по двести тысяч долларов после достижения совершеннолетия, а я уже совершеннолетняя. Деньги должны оставаться под опекой, но я буду

получать со своего капитала двенадцать тысяч долларов в год, если не больше. Они нам пригодятся. До сих пор я никогда в эти дела не вмешивалась. Всем ведала мама.

Это еще больше подняло настроение Юджина. Благодаря Сюзанне у них будет дополнительный доход – что бы ни случилось, на эти деньги можно рассчитывать. Если бы ему удалось заставить Анджелу принять его условия, а Сюзанне – одержать победу над матерью, все было бы хорошо. Ему не пришлось бы даже рисковать своим служебным положением. Миссис Дэйл пока незачем что-либо знать. Он и Сюзанна будут некоторое время видеться тайком, а потом все устроится. Это сулило им восхитительный и вполне невинный роман, который должен был привести к еще более восхитительному браку.

Весь день прошел во взаимных уверениях в любви. Сюзанна рассказала Юджину о книге, которую она читала по-французски, под названием «Синяя птица». Эта аллегория очень заинтересовала Юджина – в ней шла речь о поисках счастья, и он тут же стал называть Сюзанну своей «Синей птицей». Попросив его остановить машину, Сюзанна потребовала, чтобы он сорвал ей бледно-лиловый мак на высоком стебле, – он рос на лугу, мимо которого они только что проехали. Юджин стал было шутливо отказываться, так как цветок рос за проволочной изгородью, среди репейников, но она настаивала.

– Нет, непременно! Извольте слушаться меня. Я займусь вашим воспитанием. Вас слишком баловали, вы скверный мальчик. И мама так говорит. Я вас перевоспитаю.

– Ну и работа же вам предстоит, радость моя! Я действительно скверный человек. Вы уже успели это заметить?

– Немного.

– И все же любите меня?

– Я этого нисколько не боюсь. Моя любовь заставит вас исправиться.

Юджин с радостью побежал исполнять ее приказание. Он сорвал прекрасный цветок и подал ей.

– Вот вам скипетр, – сказал он. – Этот цветок так подходит вам. В нем есть что-то царственное.

Сюзанна не обратила на этот комплимент никакого внимания. Она любила Юджина, и слова не имели для нее значения. Она была счастлива, как ребенок, но во многих вопросах более мудра, чем женщина вдвое старше ее годами. Как и Юджин, она любила природу и приходила в восторг от утренних и вечерних зорь, от шелеста листвы и дуновений ветерка. Ее зоркий глаз то и дело подмечал что-нибудь прекрасное, и она делилась с Юджином своими впечатлениями так естественно и просто, что он слушал ее как зачарованный.

Когда они вышли из машины и стали прогуливаться по лужайке, перед какой-то загородной гостиницей, Сюзанна обнаружила дырку на пятке своего шелкового чулка. Она приподняла ногу и задумчиво поглядела на нее.

– Жалко, нет чернил, – смеясь, сказала она. – Это было бы легко поправить.

– А что бы вы сделали? – спросил он.

– Замазала бы, – ответила она, указывая на свою розовую пятку, – или дала бы вам закрасить.

Он рассмеялся, а она беспечно вторила ему. Эти мелочи, эти шаловливые выходки забавляли и еще больше привлекали его к ней.

– Сюзанна, – восторженно воскликнул он, – вы уносите меня в сказочную страну моего детства!

– Я хочу, чтобы вы были счастливы, – ответила она. – Так же счастливы, как я.

– Ах, если бы это сбылось! Если б только это сбылось!

– Потерпите, – сказала она. – Не падайте духом. Не волнуйтесь. Все кончится хорошо. Я убеждена в этом. Мне всегда и все удается. Я хочу, чтобы вы были моим, и добьюсь своего, я знаю. Я буду принадлежать вам, а вы – мне. О, как все чудесно!..

В порыве восторга она сжала его руку и протянула ему губы для поцелуя.

– А вдруг нас кто-нибудь увидит? – сказал он.

– Мне все равно! – воскликнула Сюзанна. – Мне все равно! Я люблю вас!

Глава XII

После веселого обеда влюбленные вернулись в город. По мере приближения к Нью-Йорку Сюзанна начала волноваться, – ее беспокоила мысль о том, что могла за это время предпринять Анджела. Если она рассказала все ее матери, то Сюзанне хотелось быть на месте, чтобы самой защищаться. Она пришла в конце концов к вполне естественному для нее решению: если мать не пойдет ни на какие уступки, бежать с Юджином. Но ей все-таки хотелось сначала выяснить, как та отнесется к этому известию, а потом уже решить, что делать дальше. Еще утром Сюзанна была убеждена, что может уговорить мать не вмешиваться, даже если та все узнает. Но теперь она начала волноваться, и страхи ее отчасти были навеяны настроением Юджина.

У Юджина, несмотря на его притворную храбрость, было далеко не спокойно на душе. Его пугали не столько опасности, грозившие его материальному положению, сколько возможность потерять Сюзанну. До сих пор мысль о будущем ребенке не слишком беспокоила ни его, ни молодую девушку. Но Юджин ясно видел, что обстоятельства могут сложиться против него, и тогда ему не видать Сюзанны. Реальных оснований для тревоги не было. Возможно даже, что Анджела солгала. Все же у него было неспокойно на душе; в минуты самой сильной радости, самого бездумного счастья перед ним вдруг всплывал образ Анджелы, больной и одинокой, погруженной в горькие думы о своем будущем, о существе, которому ей предстояло дать жизнь. В ушах звучали ее просьбы, ее доводы. Он не мог избавиться от этих воспоминаний. Это была пытка. То, что он собирался делать, – неслыханная жестокость. И общественное мнение и установленный порядок против него. Если все станет известно, как его будут обвинять! Он не мог не думать об этом. Минутами на него находило отчаяние, и все же он твердо решил добиваться своего.

Юджин собирался проводить Сюзанну к ее знакомым, но она раздумала и предпочла ехать прямо домой.

– Я хочу знать, слышала ли что-нибудь мама, – настаивала она.

Он проводил ее до Стейтен-Айленда, после чего приказал шоферу гнать вовсю, чтобы поспеть домой к четырем часам. Его мучила совесть, но он утешал себя мыслью, что при их отношениях с Анджелой не важно, придет ли он вовремя или нет. Поскольку Сюзанна решила выжидать и действовать не спеша, положение Анджелы оказывалось не таким уж тяжелым. Он предложит ей на выбор: либо уехать и окончательно расстаться с ним, – сейчас или после рождения ребенка – и тогда он отдаст ей половину своего состояния в ценных бумагах и наличных деньгах, а также всего, что подлежит разделу, и обстановку в придачу, – либо продолжать жить с ним под одной крышей и закрыть глаза на его отношения с Сюзанной. Он не станет скрывать от нее, что он в этом случае сделает: наймет отдельную квартиру для Сюзанны или же будет встречаться с нею где-нибудь тайком. Поскольку Сюзанна была так великодушна, он решил не вступать с Анджелой в пререкания, а лишь настаивать на своем. Сюзанна должна принадлежать ему, и Анджеле придется уступить. Она может только ставить те или иные условия.

По возвращении домой Юджин обнаружил в Анджеле огромную перемену. Утром, когда он уходил, она казалась ожесточенной и озлобленной. Теперь же, несмотря на все свое горе, она казалась мягче и уступчивей, чем когда-либо прежде. Ее энергия была на время сломлена, она пыталась примириться с неизбежным, отнестись к этому, как к божьей воле. Возможно, она и в самом деле бывала черства и холодна, в чем Юджин не раз обвинял ее. Возможно, она слишком уж крепко держала его в узде. Правда, она делала это ради его же блага. Она пыталась молиться, просила небо просветить ее и указать ей выход, и наконец душу ее осенила какая-то тихая грусть. Не нужно больше бороться, говорила она себе. Нужно уступить. Бог направит ее. И ласковая и бледная улыбка, которой она встретила Юджина, застигла его совершенно врасплох.

Ее рассказ о том, как она молилась, какой перелом произошел в ее душе и как она решила дать ему свободу, если это окажется необходимым, несмотря на то, что ждет ее впереди, взволновал Юджина больше, чем что бы то ни было за всю их совместную жизнь. Сидя за столом напротив нее, он смотрел на ее исхудалые руки и лицо, на ее скорбные глаза и старался быть веселым и внимательным. А потом, когда он зашел к ней в комнату и услышал от нее, что она готова поступить так, как он найдет лучшим, слезы хлынули у него из глаз. Он плакал от избытка чувств, от того, что не мог совладать с собой. Едва ли он знал, о чем плачет, но так печально было все, – и жизнь и сложные человеческие отношения, Сюзанна и Анджела, и мысли о смерти и недалекой старости, которая ожидала всех, всех, – что он не выдержал и разрыдался как ребенок. Теперь наступила очередь Анджелы изумляться и жалеть его. Она не верила своим глазам. Уж не раскаивается ли он?

– Иди ко мне, Юджин! – ласково сказала она. – Ах, прости. Значит, ты так сильно любишь? О боже, боже! Если бы я могла помочь тебе! Ну, перестань плакать, Юджин. Раз эта любовь для тебя так много значит, я не стану мешать вам. У меня сердце разрывается от твоих слез. Ну прошу тебя, милый, перестань!

Низко склонив голову, он весь трясся от рыданий, а потом, видя, что она пытается встать, предупредил ее и пересел к ней на постель.

– Ничего, ничего, это пройдет, – говорил он. – Я не мог справиться с собой. Мне жаль и тебя и себя. Мне жаль, что наша жизнь так сложилась. Бог накажет меня за это. Ты хорошая, ты добрая, но я иначе не могу.

Он спрятал лицо в подушку рядом с нею. Тело его сотряслось от рыданий. Наконец он пришел в себя и сразу же спохватился, что своим поведением пробудил в Анджеле надежду. Как бы она не подумала, что может вернуть его любовь, вытеснить из его сердца Сюзанну. Юджин знал, что это невозможно, и жалел, что дал волю слезам.

Снова начался нескончаемый разговор, перешедший в ссору, посыпались взаимные упреки, потом снова они стали договариваться по-хорошему и опять рассорились. Анджела не могла примириться с мыслью, что вынуждена отказаться от него, а Юджин считал, что единственный его долг по отношению к Анджеле – это поделить с нею все, что у них вместе нажито. Он хотел только одного – не иметь с нею больше ничего общего. Он может согласиться жить с нею под одной крышей, вот и все. У него будет Сюзанна. Он будет жить только ради нее. Он стал грозить Анджеле самыми пагубными последствиями при малейшей ее попытке вмешаться в его жизнь. Если она сообщит миссис Дэйл, или скажет что-нибудь Сюзанне, или попытается повредить его служебному положению, он уйдет от нее.

– Вот как обстоит дело, – твердо заявил он. – Тебе остается либо примириться с этим, либо идти напролом и все разрушить. Если ты выберешь последнее, ты потеряешь и меня и все, что связано с моим положением. Если согласишься, я останусь жить здесь. Вероятно, останусь. Я вполне готов соблюдать внешние приличия, но мне нужна свобода.

Анджела все думала и думала. Ей приходило в голову пригласить к себе миссис Дэйл, тайком сообщить ей обо всем и настоять, чтобы та без всяких объяснений увезла куда-нибудь Сюзанну. Однако она этого не сделала. В сущности ей именно так и следовало бы поступить, и миссис Дэйл охотно пошла бы ей навстречу. Но страх и душевное смятение удерживали ее. Оставалось либо написать Сюзанне, либо поговорить с нею. И так как она боялась, что потеряет самообладание в присутствии счастливой соперницы, она решила написать. В понедельник, когда Юджин ушел в издательство, она в постели сочинила длинное послание, в котором описала всю жизнь Юджина, опять напомнила о том, что ей предстоит, и высказала свой взгляд на то, как Юджину следовало бы поступить.

«Как Вы можете надеяться, Сюзанна, – спрашивала она в письме, – что он будет Вам верен, если он способен бросить меня в таком положении? Юджин никогда и никому не был верен. Неужели Вы хотите погубить свою жизнь? Вы занимаете прочное положение в обществе. Что может он Вам дать такого, чего у Вас нет? Если Вы согласитесь жить с ним, об этом, несомненно, узнают. В результате пострадаете Вы, а не он. Мужчины быстро приходят в себя после подобных увлечений, и свет смотрит на их шалости снисходительно. Но Вам свет не простит. За Вами установится репутация легкомысленной женщины, – особенно если появится ребенок. Вам кажется, что Вы любите его, но подумайте, так ли велика Ваша любовь? Прочитайте это письмо и дайте себе труд подумать. Не забудьте, какой у Юджина характер. Я с ним смирилась. В свое время я сделала непоправимую ошибку, но теперь поздно каяться.

Жизнь уже ничего не может дать мне. Пусть меня не ждет ничего хорошего, я по крайней мере сохраню уважение знакомых и друзей. А Вы – у Вас вся жизнь впереди. Когда-нибудь Вам встретится человек, которого Вы полюбите, и он не потребует от Вас жертв и тем более сам не принесет Вас в жертву своей прихоти. О, умоляю Вас, одумайтесь! Юджин Вам не нужен. А я, как ни больно мне в этом сознаться, я нуждаюсь в нем. Я говорю Вам всю правду. Неужели Вы оставите без внимания мою мольбу?»

Это письмо привело Сюзанну в ужас. Анджела обрисовала Юджина в самом ужасном свете – вероломным, лживым и бесчестным в своем отношении к женщинам. Одна в своей комнате, Сюзанна глубоко задумалась. Но потом перед нею встал образ Юджина, вспомнились его обаятельный ум и окружавшая его атмосфера блеска и таланта. Он был в ее глазах воплощением всего прекрасного в жизни – милый, славный, веселый. Только бы он был рядом! Слышать его голос, ощущать его ласки! Что могла жизнь предложить ей взамен? К тому же он нуждался в ней. Она решила поговорить с ним, показать ему письмо Анджелы и уже потом принять решение.

Дня через два они увиделись, условившись предварительно по телефону. Он назначил ей свидание близ холодильника и явился веселый, улыбающийся, пылкий, как всегда. После того как он побывал на службе и убедился, что Анджела ничего не предприняла, к нему вернулось мужество. Он проникся надеждой на счастливую развязку, – у них будет отдельная студия, и он заживет душа в душу со своей красавицей Сюзанной. Но едва они сели в автомобиль, она достала письмо Анджелы и, не говоря ни слова, протянула его Юджину. Он молча прочел его.

Юджина тоже потрясло содержание письма, он и не предполагал, что Анджела затаила против него такую злобу. В глубине души, однако, он сознавал, что все это было правдой, горькой правдой, он только не верил, что его любовь принесет страдание

Сюзанне. Судьба, быть может, окажется на этот раз милостивее и пошлет им счастье. Как бы то ни было, Сюзанна должна принадлежать ему.

– Ну, и что же? – спросил он, возвращая письмо. – Вы верите всему, что она пишет?

– Вполне возможно, что это правда, но почему-то, когда я с вами, мне все равно. Когда вас нет, другое дело. Тогда меня одолевают сомнения.

– Вы боитесь, что я не такой, каким вы хотели бы меня видеть?

– Я не знаю, что и думать. По-видимому, все, что она пишет, – правда. И все же я не уверена. Когда вас нет, я начинаю колебаться. Когда вы со мной, у меня такое чувство, что все должно кончиться хорошо. Я так люблю вас! Я убеждена, что все кончится хорошо! – И она обвила руками его шею.

– Значит, письмо ничего не меняет?

– Ничего.

Она доверчиво устремила на него большие ясные глаза, и они отдались радостям бездумной любви. Отъехав подальше, они позавтракали в загородной гостинице (миссис Дэйл отправилась куда-то на весь день), а потом, очутившись у моря, остановились, чтобы насладиться чудесным видом, и целовались, целовались без конца. Сюзанна пришла в такой восторг, что уже предвидела благополучный исход их романа.

– Вы только предоставьте действовать мне, – говорила она. – Я буду зондировать почву дома. Если у мама есть хоть капля логики, мне, наверно, удастся ее убедить. Так, по-моему, будет лучше. Я ненавижу обман и предпочла бы попросту ей все рассказать, а потом уж, если ничего не выйдет, поступить по-своему. Но я думаю, что обойдется и без этого. Она ничего не может сделать.

– Я далеко не уверен в этом, – осторожно заметил Юджин.

Он преклонялся перед смелостью Сюзанны, он очень надеялся на доброе отношение миссис Дэйл, на то, что оно удержит ее от какого-либо отчаянного шага. И все же он не мог себе представить, каким путем они добьются своего.

Сам он стоял за то, чтобы через некоторое время вступить с Сюзанной в тайную связь. Он особенно не спешил, так как его чувство к Сюзанне не ограничивалось физическим влечением, хотя он и стремился обладать ею. А она, начитавшись всяких книг и набравшись новых идей, готова была бросить вызов всему миру. Она утверждала, что не видит, каким образом связь с Юджином может принести ей несчастье.

– Но, дорогая моя, вы не знаете жизни, – возражал Юджин. – Она сокрушит вас. Где бы вы не появились – за исключением разве только Нью-Йорка, – вас растерзают на мелкие кусочки. Нью-Йорк – столица мира, и здесь смотрят на вещи не совсем так, как везде, но и тут вам придется лгать и притворяться. Да так оно и легче.

– А вы сможете меня уберечь?.. – многозначительно спросила она, намекая на то, что случилось с Анджелой. – Мне бы не хотелось… Я бы не могла… Вы понимаете… пока…

– Я понимаю, – ответил Юджин. – Да, безусловно.

– Ну, хорошо, я подумаю, – сказала Сюзанна. – Но я предпочла бы играть в открытую. Мне бы гораздо больше хотелось попросту рассказать обо всем мама и поступить по-своему. Насколько это было бы лучше! Моя жизнь принадлежит мне, и я могу делать с ней все, что хочу. Мое поведение никого не касается, даже мама. Если бы я вздумала погубить себя, и тогда это никого бы не касалось. Но я считаю, что это все неправда. Я хочу жить, как мне нравится. Я не хочу выходить замуж.

Юджин слушал ее и удивлялся. Такой девушки он еще не встречал. Кристина Чэннинг? Но это совсем особый случай. Кристине приходилось думать о своем искусстве. Сюзанна же совсем в ином положении. У нее чудесный дом, блестящие связи, деньги и все основания для счастливой, спокойной и нормальной жизни. Конечно, она любит его, но все-таки Юджину это казалось странным. С другой стороны, столько произошло за последнее время благоприятных событий, что он готов был вообразить, будто о нем заботится некое всемогущее и всеблагое провидение.

Анджела в сущности уже сдалась. Почему не может это случиться и с матерью Сюзанны? Анджела ничего ей не скажет. И миссис Дэйл вряд ли будет упорствовать больше, чем Анджела. Возможно, Сюзанне и вправду удастся уговорить ее. Раз она так твердо решила, не станет же он ее останавливать. Сюзанна упряма и своевольна, но она быстро развивается и рассуждает очень здраво. Может быть, она действительно добьется своего? Как знать?

Они повернули назад, и автомобиль понесся по тенистым дорогам, где ветви деревьев почти касались их лиц, мимо зеленых лугов, где ветер колыхал высокие травы, и живописных ферм со стайками детей и уток за оградой, мимо прекрасных вилл, мимо резвящихся школьников и устало бредущих рабочих. И все это время они крепко сжимали друг друга в объятиях, не уставая твердить о своих надеждах и своей любви. Сюзанна – как и Анджела когда-то – любила брать голову Юджина в ладони и заглядывать ему в глаза.

– Посмотрите на меня, – сказала она, когда он жалобно заметил, что все может перемениться. – Посмотрите мне прямо в глаза. Ну, что вы там прочли?

– Смелость и решимость.

– А что еще?

– Любовь.

– И вы думаете, что я могу измениться?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да, уверен.

– Ну так вот, смотрите мне прямо в глаза и слушайте. Я никогда не изменюсь. Никогда, слышите? Я принадлежу вам и буду вашей, пока вы этого хотите. Теперь вы счастливы?

– Да.

– А когда у нас будет собственная студия…

– Когда у нас будет собственная студия, мы ее хорошо обставим и, возможно, через некоторое время начнем там кое-кого принимать, – сказал он. – Вы будете моей прекрасной Сюзанной, моим дивным цветком! Моей Еленой, моей Цирцеей, моей Дианой!

– Я буду вашей воскресной женой! – рассмеялась она. – Вашей возлюбленной в четные или нечетные дни, – как придется.

– Только бы это сбылось! – воскликнул он, расставаясь с нею. – Только бы сбылось!

– Потерпите и вы увидите, – сказала она.

Прошло несколько дней, и Сюзанна, по ее собственному выражению, открыла кампанию. Первый ее ход выразился в том, что она стала заводить речь о браке за обедом или когда оставалась наедине с матерью. Она выспрашивала ее по этому важному вопросу и тщательно запоминала все ответы. Миссис Дэйл принадлежала к числу философствующих дам, которые любят отвлеченные рассуждения, но никогда не применяют своих теорий к делам, близко их касающимся. В вопросах брака она придерживалась крайне либеральных взглядов – в отношении всех людей, кроме членов своей семьи. Она считала, что каждая девушка (только не ее дочь, разумеется) по достижении совершеннолетия и, так сказать, духовной зрелости, если она не удовлетворена тем, что может дать ей брак, и не питает ни к одному мужчине такой сильной любви, которая толкнула бы ее на замужество, имеет полное право поступать, как ей нравится. Надо только устроить жизнь так, чтобы удовлетворить потребность в любви, не подвергая опасности свою репутацию. Лично она, миссис Дэйл, не видела в этом ничего предосудительного. Она знала светских женщин, которые, связав себя несчастливым браком или браком по расчету, вступали потом в связь с избранником своего сердца. Если не считать тех представителей высших кругов, которые придерживались особо строгого кодекса нравственности, взгляды общества были на этот счет самые снисходительные, хотя говорить об этом и не полагалось. Кроме того, существовала так называемая веселящаяся молодежь, – с полной готовностью принимавшая в свою

среду и миссис Дэйл, – которая высмеивала ригористические требования староверов. Надо было только соблюдать осторожность и не попадаться. В остальном же считалось, что каждый волен поступать, как хочет.

Сюзанна, разумеется, не подходила ни под одну из этих теорий. Сюзанна была красива, она могла рассчитывать на самую блестящую партию, и она была дочерью миссис Дэйл. Последняя отнюдь не торопилась сбыть ее с рук, выдав замуж за какого-нибудь ничтожного обладателя титула или миллионов, ради одних денег или громкого имени, но она надеялась, что рано или поздно найдется вполне достойный молодой человек, один из тех, что занимают блестящее положение в обществе или в денежном мире, или человек с большим дарованием – вроде Юджина, – и что он выступит претендентом на руку и сердце ее дочери. Состоится торжественное венчание в одном из знаменитых соборов – вероятнее всего, в соборе св. Варфоломея, а затем – роскошный свадебный обед, и, осыпанные подарками и поздравлениями, молодые супруги отбудут в восхитительное свадебное путешествие. Часто, глядя на Сюзанну, миссис Дэйл думала о том, какая прекрасная мать выйдет из этой крепкой, пышущей здоровьем девушки, по-своему одаренной и пылкой натуры. Уже по тому, как она танцевала, было видно, с какой жадностью она упивается жизнью. Настанет время, и явится ее избранник. Ждать придется недолго. Прекрасные весенние дни сделают свое дело. И теперь уже находились десятки мужчин, которые отдали бы полжизни, чтобы привлечь внимание Сюзанны. Но ни один из них не интересовал ее. Она казалась робкой, застенчивой, она как будто даже сторонилась людей. Ее мать и не догадывалась, какая железная воля скрывалась за всем этим, как не догадывалась о смелых и бунтарских, чуждых ее кругу мыслях, роившихся в голове ее дочери.

– Как ты находишь, мама, – спросила однажды вечером Сюзанна, когда дома не было никого, кроме нее и матери. – Должна девушка выходить замуж, если она не уверена, что брак принесет ей счастье?

– Н-нет, – ответила миссис Дэйл. – А почему ты об этом спрашиваешь?

– Видишь ли, в нашем кругу так часто приходится наблюдать семейные неурядицы. Как посмотришь, брак не дает людям счастья. Не лучше ли жить одной, и даже, если найдется человек, которого полюбишь, разве непременно нужно выходить за него замуж, чтобы быть счастливой? Как ты думаешь?

– Что ты читала последнее время, Сюзанна? – спросила мать. В глазах ее мелькнуло изумление.

– Ничего особенного я в последнее время не читала. А почему тебя удивляет мой вопрос? – благоразумно спросила Сюзанна, заметив, как изменился тон матери.

– С кем ты разговаривала, в таком случае?

– Но какое отношение это имеет к моему вопросу, мама? Я не раз слышала, как ты сама это говорила.

– Что ж, возможно, я это и говорила. Но не кажется ли тебе, что ты еще слишком молода, чтобы задумываться над такими вещами? Мало ли что я говорю, когда рассуждаю отвлеченно. Все зависит от обстоятельств. Если девушка не может рассчитывать на хорошую партию, если она бедна или некрасива (мало ли какие бывают причины!), то ее, пожалуй, можно еще оправдать. Но тебе зачем над этим задумываться?

– Неужели, мама, из того, что я не урод, не бедна и представляю собой хорошую партию, непременно следует, что я должна выйти замуж? Я могу и не желать этого. Я ведь не хуже тебя вижу, к чему обычно приводят браки. Да и как я могу не видеть? Что же мне поэтому вообще сторониться мужчин?

– Да что с тобой, Сюзанна? Я никогда не слыхала от тебя таких рассуждений! Уж верно ты с кем-то беседовала или читала в последнее время что-нибудь такое ультрасовременное. Пожалуйста, без этих глупостей. Ты слишком молода и красива, чтобы увлекаться такими идеями. Ты можешь выбрать себе в мужья кого только пожелаешь. Разве можно сомневаться, что ты найдешь мужа, с которым будешь счастлива, или по крайней мере попытаешься устроить свое счастье? Другое дело, если ты увидишь, что ошиблась в человеке. Но об этом рано загадывать. Во всяком случае, не говори глупостей, пока не узнаешь получше, что такое жизнь. Ты слишком молода, смешно даже слушать!

– Мама, – сказала Сюзанна, и в голосе ее прозвучало легкое раздражение, – зачем ты так разговариваешь со мной? Я ведь не ребенок. Я женщина. И я мыслю, как женщина, а не как девочка. Ты забываешь, что у меня свое разумение и свои взгляды. А может, я вовсе не хочу выходить замуж? Да так оно, пожалуй, и есть. И уж, во всяком случае, я не стану выходить ни за кого из этих безмозглых людишек, которые сейчас увиваются вокруг меня! Почему я не могу просто сойтись с мужчиной, если мне захочется? Многие женщины так поступали до меня. Да хотя бы и не поступали, это не значит, что я не должна. Моя жизнь принадлежит мне.

– Сюзанна Дэйл! – воскликнула ее мать, поднимаясь с места и вся холодея от ужаса. – Что ты говоришь? Может быть, это я внушила тебе такие мысли? Тогда, признаюсь, я жестоко наказана. Ты еще не в состоянии судить, хочешь ты выходить замуж или не хочешь. Ты еще совсем не знаешь мужчин. Зачем тебе понадобилось уже сейчас делать подобные заключения? Ради бога, Сюзанна, не начинай так рано задумываться над этими ужасными вопросами! Подожди еще несколько лет, присмотрись к жизни. Разве я тороплю тебя выходить замуж? Ведь не исключена возможность, что тебе встретится человек, которого ты сильно полюбишь и который полюбит тебя. Если же ты станешь швыряться собой, исходя из какой-то глупой теории, не дав себе труда подождать того, что готовит тебе жизнь, что сможешь ты дать этому человеку? Сюзанна! – воскликнула она, увидев, что девушка нетерпеливо отвернулась к окну. – Ты меня пугаешь! Уж нет ли тут кого-нибудь? Нет, нет, быть не может!.. Умоляю тебя, будь осторожна в своих выводах, словах, поступках! Я не могу знать всего, о чем ты думаешь, ни одна мать этого не знает. Но, ради бога, не будь опрометчивой, опомнись, подумай!

Она не спускала глаз с дочери, которая подошла к зеркалу и стала поправлять бант в волосах.

– Мне, право, смешно, мама, – спокойно сказала Сюзанна. – Когда ты находишься в обществе, где-нибудь на званом обеде, ты говоришь одно, а здесь, со мной, – совсем другое. Я пока не сделала ничего, что могло бы тебя напугать. Я сама еще не знаю, как поступлю. Но я уже не ребенок, мама, прошу не забывать этого. Я взрослый человек и вправе сама устроить свою жизнь. И уж, конечно, я не стану поступать так, как ты, – проповедовать одно, а делать другое.

Миссис Дэйл вздрогнула от этой шпильки. В доводах Сюзанны прозвучала такая нотка решимости, спокойной уверенности и прямоты, что она пришла в ужас. От кого она всего этого набралась? С кем она встречалась? Миссис Дэйл перебрала в уме всех знакомых девушек и мужчин. Кто самые близкие подруги Сюзанны? Вера Элмердинг, Лизетта Вудворт, Нора Тэн-Эйк – девушки светские, неглупые, хорошо знакомые с требованиями общества. Неужели они говорят между собой о таких вещах? Уж нет ли в их кружке какого-нибудь – или каких-нибудь – нежелательных представителей мужского пола? Остается одно средство, и его следует применить немедленно, не то Сюзанна может пасть жертвой подобных субъектов. Надо поехать с нею путешествовать и года два или три без перерыва разъезжать по свету, пока не пройдет опасный период, когда девушки так легко поддаются всякому вредному влиянию. Другого выхода нет. О, как проклинала миссис Дэйл свой язык! К чему была эта глупая болтовня! Вообще-то, конечно, все это правда – в теории. Но Сюзанна! Ее Сюзанна – ни за что! Она увезет свое дитя, пока не поздно, чтобы годы и жизненный опыт образумили ее. Она ни в коем случае не позволит ей оставаться здесь, где девушки и молодые люди обсуждают и проповедуют подобные идеи! Впредь она будет просматривать все, что Сюзанна читает. Она будет тщательно следить за ее знакомствами. Не обидно ли, что такая прелестная девушка заражена отвратительными, недостойными ее круга анархистскими идеями. Боже мой, что будет с ее Сюзанной? К чему это приведет ее? Боже милосердный!

Миссис Дэйл заглянула в пропасть общественного скандала, разверзшуюся у ее ног, и в ужасе отступила.

Никогда! Никогда! Она спасет Сюзанну от нее самой и от этих ее сумасбродных идей – спасет немедленно!

И она задумалась о том, как бы тактично и невзначай завести разговор о путешествии. Она должна увлечь Сюзанну этой мыслью, не спугнув ее, не дав заподозрить, что на нее хотят оказать давление. Но отныне надо будет установить совершенно иные порядки – иначе говорить, иначе действовать. Ее долг – защитить Сюзанну и других ее детей от них самих, а также от всяких вредных влияний. Таков был урок, вынесенный миссис Дэйл из разговора с дочерью.

Глава XIII

Юджин и Анджела жестоко ссорились. Анджела снова и снова пыталась играть на его совести и чувстве порядочности, если уж нельзя было рассчитывать на его былую любовь. Ее прежние методы потерпели полный крах, и теперь она не знала, чем руководствоваться. Раньше Юджин, казалось, боялся ее гнева, а сейчас ему, по-видимому, было все равно. Когда-то он до известной степени поддавался на ласки, которым женатому человеку трудно противостоять, но теперь нет и этого. Ее чары не трогали его. Она лелеяла надежду, что мысль о будущем ребенке отрезвляюще подействует на него, – увы, и эта надежда растаяла как дым. Сюзанна, не желавшая от него отказаться, была в глазах Анджелы чудовищем, а Юджин – чуть ли не буйно помешанным, и все же она понимала, что все это в порядке вещей. Он зачарован, он во власти гипноза. У него одна цель – Сюзанна, Сюзанна! – и за нее он готов бороться до конца. Он так и заявил Анджеле. Он сказал, что знает про ее письмо Сюзанне, что сам читал его и уничтожил. Письмо, следовательно, нисколько ей не помогло. Анджела прекрасно сознавала, что Юджин вправе сердиться на нее. А он твердо стоял на своем, ожидая лишь решения Сюзанны: он часто встречался с девушкой и рассказывал ей, что, со своей стороны, одержал полную победу, и теперь свершение их надежд целиком зависит от нее.

Как уже говорилось выше, Сюзанна была страстной натурой. Чем больше она виделась с Юджином, тем нетерпеливее ждала того радостного мгновения, которое сулили ей его слова, его взгляды и чувства. По наивности и неопытности она создала себе мечту, которую можно было осуществить, лишь позабыв о сострадании, решившись на самые отчаянные меры. Ее план – сказать обо всем матери и одержать над ней верх с помощью доводов разума или открытого вызова, – в сущности, никуда не годился, так как задача была трудная и требовала много времени. На основании того, что при их первом разговоре миссис Дэйл говорила с ней умоляющим тоном, Сюзанна вообразила, будто одержала крупную победу: мать находится целиком под ее

влиянием и не может ее переспорить. Кроме того, Сюзанна сильно рассчитывала на уважение, которое миссис Дэйл питала к Юджину, а также на ее привязанность к ней самой. До сих пор мать никогда и ни в чем ей не отказывала.

Если Юджин еще не сделал Сюзанну своей любовницей, откладывая на неопределенный срок ту борьбу за их общее счастье, в какую неизбежно должен был вылиться такой незаконный союз, то это объяснялось тем, что он вовсе не был способен на отчаянные поступки, вовсе не был так смел, как казалось. Он хотел обладать Сюзанной, но немного робел перед ней: она находилась во власти сомнений, она хотела ждать, хотела по-своему строить свое будущее. Юджин никогда не умел быть настойчивым – он был чересчур для этого великодушен и покладист. Он не был способен вынашивать серьезные планы и принимать твердые решения; беспечная душа, он скорее предпочитал плыть по течению, отдаваясь на волю ветров, как благоприятных, так и неблагоприятных. Он, вероятно, мог бы проявить настойчивость, если бы им владело горячее желание чего-то добиться – денег, славы или любви, – но в том-то и дело, что он не умел желать чего-либо до конца, хотя сам об этом не догадывался. Конечно, за свое счастье нужно бороться, но стоит ли уж так ложиться костьми? Ведь на свете нет такого счастья, без которого человек, если понадобится, действительно не может существовать. Будет мучиться, тосковать, терзаться, но все это можно как-то пережить. Сейчас он был увлечен как никогда, но он не умел быть упорным и жадным.

Сюзанна между тем готова была ему отдаться – необходима была только известная твердость и решительность с его стороны. Она говорила себе, что хочет подождать и уладить все по-своему, а на самом деле просто грезила наяву и оттягивала развязку, потому что ее оттягивал Юджин. Если бы он не медлил, она была бы счастлива ему подчиниться, но Юджину недоставало той безрассудной энергии, которая сначала действует, а потом размышляет. Подобно Гамлету, он был слишком склонен к раздумью, старался избегать рискованных путей и тем самым подвергал риску то высшее блаженство, ради которого готов был пожертвовать всеми материальными благами, доставшимися ему в жизни.

Когда миссис Дэйл спустя несколько дней заметила с невинным видом, что она мечтает распроститься с Нью-Йорком на осень и зиму и вместе с Сюзанной и Кинроем съездить сперва в Англию, а затем на юг Франции и в Египет, Сюзанна тотчас заподозрила, что мать затеяла этот разговор неспроста. Или это злой умысел судьбы, затеявшей разбить ее счастье? Сюзанне давно приходило в голову, что надо бы пока что отделаться от слишком частых приглашений за город, которыми осаждали их друзья и которые мать охотно принимала от своего и от ее имени, – но до сих пор она еще ничего не придумала. Миссис Дэйл очень любили, она везде была желанной гостьей. Последнее предложение, высказанное как бы невзначай, но вместе с тем тоном, не допускающим противоречий, сперва испугало Сюзанну, а потом рассердило. Ведь надо же – и именно сейчас!

– Мне не хочется ехать в Европу, – осторожно ответила она. – Мы были там три года назад. Я предпочла бы никуда не ехать и посмотреть, как люди проводят время в Нью-Йорке.

– Но ведь это чудная поездка, Сюзанна, – настаивала миссис Дэйл. – Камероны собираются на всю осень в Шотландию. Они там сняли коттедж. Во вторник я получила письмо от Луизы. Я и подумала, что мы могли бы съездить к ним погостить, а оттуда на остров Уайт.

– Мне не хочется ехать, мама, – решительным тоном заявила Сюзанна. – Нам и здесь хорошо. Почему тебя вечно тянет носиться по свету?

– Я и не думаю носиться по свету, Сюзанна. И что за выражение! В первый раз слышу, чтобы ты отказывалась от путешествия. Я полагала, тебе будет интересно побывать в Египте и на Ривьере. Ведь ты еще ни разу не была там.

– Я знаю, что поездка прекрасная, но этой осенью меня никуда не тянет. Я предпочитаю остаться здесь. Что это ты вдруг решила уехать на целый год?

– Совсем не вдруг, – продолжала настаивать миссис Дэйл. – Ты сама знаешь, что я уже давно об этом думаю. Разве я не говорила, что надо будет как-нибудь провести зиму в Европе? Ты тогда очень ухватилась за мое предложение.

– Да, я помню, мама, но то было чуть ли не год назад… А теперь я предпочитаю остаться здесь.

– Но почему же? Мне кажется, этой зимой разъезжаются чуть ли не все твои подруги.

– Ха-ха-ха! – расхохоталась Сюзанна. – Чуть ли не все мои подруги! Чего ты только не придумаешь, мама, когда хочешь настоять на своем! Ты меня смешишь! Только потому, что тебе захотелось поехать в Европу, туда едут, оказывается, чуть ли не все мои подруги! – И она снова расхохоталась.

Сопротивление Сюзанны рассердило миссис Дэйл. Почему это она вбила себе в голову, что хочет остаться здесь? Должно быть, все дело в тех девушках, с которыми она дружит, хотя у Сюзанны как будто очень мало близких подруг. Элмердинги не собираются проводить зиму в Нью-Йорке. Они сейчас в городе, потому что на их загородной вилле был пожар, но долго они

здесь не останутся. Тэн-Эйки тоже. Не может быть, чтобы Сюзанна почувствовала интерес к какому-то мужчине. Единственный человек, к которому она питает большую симпатию, это Юджин Витла, но он женат и относится к ней чисто по-дружески, как брат и опекун.

– Знаешь что, Сюзанна, – решительно заявила миссис Дэйл, – мне надоело выслушивать весь этот вздор! Ты увидишь, какое удовольствие тебе доставит поездка. И нечего выдумывать глупости. Ты как раз в том возрасте, когда молодой девушке полагается путешествовать. Собирайся-ка лучше в дорогу, мы непременно поедем.

– Ты ошибаешься, мама, я не поеду, – сказала Сюзанна. – Странно – ты разговариваешь со мной, как будто я маленькая. Я не хочу в этом году ехать и не поеду. Если тебе хочется, поезжай сама.

– Да что с тобой, Сюзанна Дэйл? Что такое на тебя нашло? Конечно, ты поедешь! Где же ты будешь, если я уеду? Неужели ты думаешь, что я брошу тебя здесь одну? Разве я когда-нибудь так делала?

– Сколько угодно – когда я была в пансионе.

– Но это совсем другое дело. Тогда ты находилась под наблюдением. Мисс Хилл отвечала за тебя. А сейчас ты осталась бы одна. Неужели ты думаешь, что я соглашусь на это?

– Ну вот опять ты, мама, разговариваешь со мной, как с ребенком. Почему бы тебе не запомнить раз навсегда, что мне уже скоро девятнадцать лет? Я могу сама о себе позаботиться. А кроме того, найдется достаточно знакомых, к которым я могла бы на это время переехать!

– Сюзанна Дэйл, ты совсем с ума сошла! Не смей со мной так разговаривать! Ты моя дочь и находишься под моей опекой! Что за бредни? Нет, это все явно неспроста! Я не намерена уезжать и оставлять тебя здесь. Ты поедешь со мной. После всего, что я для тебя сделала, ты, надеюсь, хоть сколько-нибудь посчитаешься с моими чувствами. Как ты смеешь вступать со мною в пререкания?

– В пререкания? – высокомерно повторила Сюзанна. – Нет, мама, я не намерена вступать в пререкания. Просто, я не поеду. У меня есть свои соображения, и я не поеду – вот и все. А ты, если хочешь, поезжай.

Миссис Дэйл посмотрела на дочь и впервые прочла в ее глазах непоколебимое упорство. Но чем оно вызвано? Почему Сюзанне вздумалось проявить такую твердость – и откуда это упрямство, эта настойчивость? Миссис Дэйл обуревали разноречивые чувства – страх, гнев, изумление.

– Что это значит – «свои соображения»? – спросила она. – Какие у тебя могут быть соображения?

– Одно, но очень веское, – спокойно произнесла Сюзанна, переходя на единственное число.

– Какое именно, позволь полюбопытствовать?

В голове у Сюзанны теснились торопливые, хоть и не особенно ясные мысли. Сначала она рассчитывала на продолжительную принципиальную дискуссию на тему о здравом смысле и морали, надеясь, что увлечет мать и заставит ее высказать некоторые свои взгляды, от которых ей уж потом неудобно будет отказаться. Таким образом мечтала она добиться желанной свободы. Но из нескольких замечаний, оброненных миссис Дэйл и в тот и в этот раз, Сюзанна поняла, что она не способна на логическую последовательность мысли и что ее философские рассуждения не распространяются на дочь. Она могла отнестись сочувственно к любой теории, но все это переставало для нее существовать, как только дело касалось Сюзанны. Поэтому оставалось одно – открыто бросить ей вызов или бежать. Последнее не улыбалось Сюзанне. Она уже совершеннолетняя. Она может сама строить свою жизнь. Средства у нее тоже есть. Рассуждать она способна не менее здраво, чем мать. Да и позиция, которую последняя заняла по отношению к ней, казалась Сюзанне, умудренной чувством и некоторым опытом, весьма жалкой и недостойной. Что знает о жизни ее мать, чего не знала бы она, Сюзанна? Они обе много бывали в обществе, и Сюзанна чувствовала, что она сильнее матери, что она более трезво судит о некоторых вещах. Почему бы ей не открыться сейчас, а затем настаивать на своем? Она одержит верх, иначе быть не может. Она имеет влияние на мать, и как раз наступил момент этим воспользоваться.

– Потому что я не хочу расстаться с любимым человеком, – тихо произнесла она наконец.

Миссис Дэйл уронила руку, которую подняла было, собираясь разразиться какой-то тирадой. От удивления у нее приоткрылся рот, и она уставилась на дочь с каким-то растерянным, страдальческим и глупым видом.

– С любимым человеком?.. – повторила она, совершенно сбитая с толку, чувствуя себя ладьей, сорванной с якоря и унесенной в безбрежное море. – Кто же это?

– Мистер Витла, мама, Юджин! Я люблю его, и он любит меня. Не смотри так на меня, мама. Миссис Витла знает. Она согласна отказаться от него. Мы любим друг друга. И я останусь здесь, чтобы быть возле него. Я нужна ему.

– Юджин Витла! – воскликнула миссис Дэйл. Она задыхалась, в глазах ее застыл неописуемый ужас, руки похолодели от испуга и напряжения. – Ты любишь Юджина Витлу? Женатого человека! Он любит тебя? И ты говоришь мне это? Юджин Витла! Ты любишь его? Нет, я не могу этому поверить. Я, должно быть, сошла с ума! Сюзанна Дэйл! Не стой ты так передо мной! Не смотри на меня так! И ты говоришь это мне, твоей матери? Скажи мне скорей, что это неправда! Скажи мне скорей, что это неправда, пока я не лишилась рассудка! О боже, что со мной будет? Чем я согрешила? Юджин Витла! Именно Юджин Витла! О боже, боже, боже!

– Зачем так волноваться, мама? – спокойно произнесла Сюзанна.

Она ожидала приблизительно такой сцены, не столь, может быть, бурной, без таких истерических выкриков, но в общем чего-то в этом роде, и потому была отчасти подготовлена. Ее воодушевляла и вела эгоистическая любовь, – любовь, которой она убаюкивала себя, которая ни во что не ставила весь мир со всеми его законами. Надо признать, что Сюзанна не понимала как следует, что она делает. Ее околдовало обаяние ее возлюбленного, красота их любви. На уме у нее были не реальные факты, а прелесть летнего вечера, прохлада ветерка, очарование неба, сияние солнца и луны. Ласки Юджина, его поцелуи значили для нее больше, чем весь окружающий мир.

– Да, я люблю его. Разумеется, люблю. Что в этом странного?

– Что в этом странного? В своем ли ты уме, Сюзанна? Моя бедная, дорогая девочка. Моя Сюзанна! О, этот подлец! Негодяй! Втереться в мой дом и обольстить тебя, мое сокровище. Откуда тебе было знать? Как ты могла одна во всем разобраться! О Сюзанна, ради бога, ради меня замолчи! Не говори так! Не повторяй эти ужасные слова! О боже, боже! Зачем я дожила до этого! Мое сокровище! Моя Сюзанна! Моя прелестная, моя очаровательная детка! Я умру, если не смогу помешать этому. Я умру! Умру!

Сюзанна смотрела на мать, пораженная тем невероятным взрывом, который вызвало ее признание. Ее большие глаза словно стали еще больше, брови чуть поднялись, рот приоткрылся. Она казалась живым воплощением античной красоты, невозмутимо спокойным изваянием. Гладкий, как мрамор, лоб, безупречные очертания губ – все говорило о том, что она никогда не знала другого чувства, кроме радости. Взгляд, слегка насмешливый, но нисколько не надменный, придавал особую прелесть этим и без того прекрасным чертам.

– Что с тобой, мама? Ты все еще воображаешь, что я ребенок. А между тем я говорю тебе то, что есть. Я люблю Юджина, и он любит меня. Как только нам удастся это устроить без большого шума, я уйду к нему. Я считала нужным сказать тебе об этом, так как не собираюсь ничего делать тайком от тебя. Но так будет. Я бы хотела, мама, чтобы ты перестала на меня смотреть, как на младенца. Я знаю, что делаю. Я давно все обдумала.

«Давно обдумала! – проносилось в мозгу у миссис Дэйл. – Уйду к нему, как только удастся все устроить! Неужели она серьезно говорит о том, что будет жить с человеком, с которым она не обвенчана? С женатым человеком! Эта девочка окончательно сошла с ума! На нее нашло какое-то затмение! Иначе быть не может! Это не моя Сюзанна, моя дорогая, прелестная, очаровательная Сюзанна!»

Вслух она сказала:

– Ты говоришь, что будешь жить с ним… с этим… нет, я не в силах произнести его имя! Я умру, если не смогу помешать этому! Жить с ним без брака, не позаботившись даже о разводе? Уж не снится ли мне все это?

– Да, я именно так и сделаю, – ответила Сюзанна. – Мы уже обо всем договорились. Миссис Витла знает. Она дала согласие. И я надеюсь, что ты дашь свое, если ты хочешь, чтобы я осталась с тобой, мама!

– Дать свое согласие! Боже правый! Наяву ли это? Моя ли это дочь говорит со мной? Я… – У нее перехватило дыхание. – Если б все это не было так ужасно, я бы, кажется, смеялась до упаду! Я сейчас расхохочусь! У меня будет истерика! У меня голова кружится! Сюзанна Дэйл! Ты с ума сошла! Ты окончательно, бесповоротно сошла с ума! Если ты не замолчишь, если ты не прекратишь этот ужасный бред, я тебя упрячу в сумасшедший дом! Пусть тебя освидетельствуют и установят, в своем ли ты рассудке! Предлагать матери нечто столь дикое, жуткое, невообразимое! И подумать только, что я прожила с тобою восемнадцать лет, что я баюкала тебя на коленях и вскормила тебя своим молоком, а ты еще смеешь стоять передо мной и

говорить, что будешь жить в незаконной связи с человеком, у которого хорошая, преданная жена, жена, с которой он и сейчас живет! Никогда в жизни я не слышала ничего более ужасного! Просто невероятно! Ты этого не сделаешь! Это так же невозможно, как невозможно человеку летать! Я убью его! Я тебя убью! Мне было бы легче увидеть тебя мертвой у своих ног, чем допустить, что моя дочь может стоять передо мной и говорить такие вещи. Этому не бывать. Скорее я собственноручно отравлю тебя! Я что угодно сделаю, приму все меры, чтобы ты никогда больше не видела этого человека! Если он осмелится переступить порог моего дома, я убью его на месте. Я так тебя люблю, я просто молюсь на тебя, но этому не бывать, – слышишь, не бывать! И не смей меня уговаривать! Клянусь, что я убью тебя! Я предпочту тысячу раз видеть тебя мертвой! Подумать только! О, этот зверь! Этот изверг! Этот бессовестный негодяй! Войти в мой дом и так поступить со мной, так отблагодарить за мое доброе отношение! Ну, погоди! У него есть положение в обществе, у него есть имя. Я выживу его из Нью-Йорка! Я его разорю! Я сделаю так, что он не посмеет показаться на глаза порядочным людям! Погоди, увидишь!

Лицо ее побелело, руки были сжаты в кулаки, зубы судорожно стиснуты. Она была красива в этот момент дикой красотой тигрицы, обнажившей клыки. Глаза ее метали молнии. Сюзанна и не воображала, что ее мать способна на такой припадок бешенства.

– Странно, мама, – сказала она невозмутимо. – Ты говоришь так, словно имеешь право мною распоряжаться. Тебе хотелось бы, очевидно, доказать мне, что я не смею поступить, как хочу. Уверяю тебя, что я посмею. Моя жизнь принадлежит мне. Я твердо решила и так и поступлю. Ты меня не удержишь. Лучше не пытайся. Если я не сделаю этого сейчас, так сделаю потом. Я люблю Юджина и не намерена ни с кем считаться. Попробуй только помешать мне, и я уйду из дому. Лучше прекрати эти запугивания, все равно ни к чему это не приведет.

– Запугивания! Сюзанна Дэйл, ты не имеешь никакого представления ни о том, что ты говоришь, ни о том, что я намерена сделать! Если хоть малейший слух об этом просочится наружу, ты будешь навсегда изгнана из общества! Понимаешь ли ты, что у тебя не останется ни одного друга, что все твои знакомые, все, кем ты дорожишь, будут обходить тебя за милю? А если б ты была бедна и нуждалась в работе, тебя не приняли бы даже продавщицей в лавку. Ты уйдешь к нему! Нет, скорее ты умрешь здесь, у меня на глазах! Я слишком люблю тебя, чтобы живую отдать на поругание! Я тысячу раз предпочла бы умереть вместе с тобой! Ты больше не увидишь этого человека ни единого раза, а если он посмеет явиться сюда, я его растерзаю! Запомни мои слова. Я говорю серьезно. Попробуй только не покориться, и ты увидишь, что я сделаю.

Сюзанна лишь улыбнулась в ответ.

– Как ты странно разговариваешь, мама, слушать смешно.

Миссис Дэйл опешила.

– О Сюзанна! Сюзанна! – вдруг воскликнула она. – Пока еще не поздно, пока я не возненавидела тебя, пока ты не разбила мне сердце, скажи, что ты раскаиваешься, что с этим будет покончено раз и навсегда, что это был лишь отвратительный, кошмарный, страшный сон. О моя Сюзанна! Моя Сюзанна!

– Нет, нет, мама, – сказала Сюзанна, отступая на шаг. – Не подходи ко мне и не трогай меня! Ты сама не понимаешь, о чем говоришь, и не понимаешь меня и моих намерений. Ты меня не знаешь, мама, и никогда не знала. Ты всегда смотрела на меня сверху вниз, словно ты бог весть какая умная, а я ничтожная дурочка. Между тем это совсем не так. Это совершенно неверно. Я прекрасно знаю, что мне делать. Я прекрасно знаю, к чему стремлюсь. Я люблю мистера Витлу, и я буду ему принадлежать. Миссис Витла все понимает. Ей известно, как это бывает в таких случаях. Ты тоже поймешь. Мне нет дела до того, что обо мне скажут. Мне нет дела до того, как отнесутся ко мне наши друзья из общества. Не от них зависит моя жизнь, тем более что все это ограниченные, эгоистичные люди. Любовь – это нечто совершенно другое. Ты меня не понимаешь. Я люблю Юджина и буду принадлежать ему, а он будет принадлежать мне. Если ты решила разбить и мою жизнь и его, сделай одолжение, но это все равно ни к чему не приведет. Все равно он будет моим. И лучше прекратить этот разговор.

– Прекратить разговор? Прекратить разговор? Так позволь тебе сказать, что я и не начинала еще говорить! Я еще только пытаюсь собраться с мыслями! Ты безумствуешь, точно одержимая, обманутая девочка, за которой я недостаточно присматривала! Отныне, если только господь пощадит меня, я буду строго исполнять свой долг по отношению к тебе! Ты так нуждаешься в моем руководстве, о, как ты в нем нуждаешься! Бедная моя маленькая девочка!

– Перестань, мама! Прекрати эту истерику! – прервала ее Сюзанна.

– Я позвоню мистеру Колфаксу! Я позвоню мистеру Уинфилду! Я добьюсь, что его выгонят со службы! Я его разоблачу в газетах! Негодяй, подлец, вор! О, зачем я дожила до этого дня? Зачем только я дожила до этого!

– Ну что ж, мама, – устало проговорила Сюзанна. – Продолжай, если тебе угодно. Ты прекрасно знаешь, что все это только слова, и я тоже хорошо это знаю. Ты меня не переделаешь. Словами тут не поможешь. И глупо поднимать такой крик. Почему ты не хочешь успокоиться? Мы можем говорить спокойно, зачем выходить из себя?

Миссис Дэйл приложила руки к вискам. Она не могла опомниться.

– Ну, ладно, – сказала она. – Ничего. Мне нужно собраться с мыслями. Но повторяю: тому, что ты задумала, не бывать. О! О! – и, отвернувшись к окну, она разрыдалась.

Сюзанна смотрела на нее с изумлением. Странная вещь человеческие чувства, когда они касаются нравственности. Вот теперь ее мать плачет из-за того, что ей, Сюзанне, кажется самым желанным, самым чудесным, самым важным на свете. Да, она многое узнала о жизни за последнее время. Действительно ли она так сильно любит Юджина? Да, да, да, конечно! Тысячу раз да! Для нее это не слезы и страдания, а великая, всеобъемлющая, бесконечная радость.

Глава XIV

Буря не унималась: она продолжала бушевать до часу, до двух, до трех часов ночи, и на следующий день опять с раннего утра до полудня и потом до глубокой ночи, и на третий день, и на четвертый, и на пятый. Это была страшная осада, изнуряющая ум, надрывающая душу, иссушающая сердце. Миссис Дэйл худела. Румянец исчез с ее лица, в глазах появилась растерянность. Она была ошеломлена, терроризирована, доведена до крайности в поисках средств, с помощью которых можно было бы преодолеть сопротивление Сюзанны, ее так неожиданно и бурно проявившуюся волю. Кто мог ожидать, что эта спокойная, мягкая, сдержанная девушка способна действовать так убежденно и решительно? Словно жидкость вдруг приобрела крепость алмаза. Неужели она выкована из железа и сердце у нее каменное? Ничто не трогало ее – ни слезы матери, ни угрозы, сулившие Сюзанне изгнание из общества, гибель физическую и моральную, как ей самой, так и Юджину – огласку в газетах, дом умалишенных. Зная свою мать, Сюзанна считала, что она любит с апломбом, а порой и напыщенно порассуждать на философские темы, но не принимает этих рассуждений всерьез. Она не верила, что ее мать способна на решительный поступок – поместить ее, свою дочь, в сумасшедший дом или разоблачить Юджина и скомпрометировать себя, а тем более отравить кого-нибудь или убить. Она покричит, покричит – и сдастся. План Сюзанны состоял в том, чтобы довести мать до изнеможения, а самой упорно стоять на своем, пока та не сдастся, пока ее воля не сломится под этим напряжением. А тогда можно будет осторожно замолвить словечко за Юджина, и постепенно, поломавшись и поспорив, мать уступит. Юджин опять будет допущен на семейный совет, и они как следует все обсудят в присутствии матери. Они, пожалуй, даже условятся не во всем соглашаться друг с другом, но рано или поздно он будет принадлежать ей, а она ему. О, сколько счастья сулила эта радостная развязка! Сюзанне казалось, что цель близка, надо только немного потерпеть. Она будет бороться и бороться, пока мать не уступит, и тогда… О Юджин, Юджин!

Однако одержать победу над миссис Дэйл было не так-то легко. Как ни измучила ее эта борьба, она и не думала уступать. Однажды дело дошло чуть не до драки. Сюзанна в пылу спора решила позвонить Юджину и попросить его приехать, чтобы как-то договориться. Миссис Дэйл категорически заявила, что не допустит этого. Слуги и без того постоянно подслушивают за дверью, понимая, что происходит что-то серьезное. Сюзанна решила спуститься в библиотеку, где был телефон. Миссис Дэйл стала у двери, чтобы преградить ей путь. Тогда Сюзанна начала изо всех сил тянуть к себе дверь; миссис Дэйл попыталась оторвать ее руки от двери, но не могла, так как Сюзанна была сильнее.

– Какой позор! – воскликнула она, все еще стараясь удержать дочь. – Какой позор! Ты затеваешь с матерью драку. О, какое унижение!

Она горько, безудержно расплакалась.

– Боже мой, боже мой! – Задыхаясь от рыданий, миссис Дэйл упала в кресло. Волосы ее растрепались, один рукав лопнул по шву. – Как мне после этого смотреть в глаза людям!

Сюзанна глядела на нее с сочувствием. Она видела, что мать ее вне себя от горя.

– Мне очень жаль, мама, – сказала она, – но ты сама во всем виновата. Я могу и не звонить Юджину. Он сам мне позвонит, и я поговорю с ним. А все это оттого, что ты хочешь командовать мной. Ты не желаешь понять, что я взрослый человек, такой же, как и ты. Моя жизнь принадлежит мне, и я могу делать с ней все, что хочу. Все равно тебе не удастся мне помешать. Лучше не мучить друг друга. Я вовсе не хочу ссориться с тобой. И спорить не хочу, но только пора тебе понять, что я взрослая женщина. Давай же говорить разумно! Почему ты не выслушаешь меня и не войдешь в мое положение? Когда два человека любят друг друга, они имеют право соединиться. Никого больше это не касается.

– Никого не касается! Никого не касается! – злобно повторила миссис Дэйл. – Глупый бред влюбленной девчонки! Было бы у тебя хоть малейшее представление о жизни, о том, как устроено общество, ты сама бы над собой посмеялась. Пройдет каких-

нибудь десять лет, пройдет год, и тебе станет ясно, какую страшную ошибку ты собиралась совершить. Тебе трудно будет поверить, что ты способна была на подобный шаг или могла хотя бы думать об этом. Никого не касается! О боже милосердный! Неужели ничто на свете не заставит тебя понять, как дико, как безрассудно то, что ты задумала?

– Но я люблю его, мама! – сказала Сюзанна.

– Люблю! Люблю! Ты говоришь о любви! – горько и страстно воскликнула миссис Дэйл. – Что ты знаешь о любви? Неужели ты думаешь, что он действительно любит тебя, если он способен явиться сюда, выкрасть тебя из порядочного дома, опорочить в глазах общества, разбить твою жизнь, смешать твое имя с грязью, погубить и тебя, и меня, и твоих сестер, и брата на веки вечные? Что знает он о любви? Что знаешь ты о любви? Подумала ли ты об Адели, о Нинет, о Кинрое? Неужели они для тебя ничего не значат? Где твоя любовь к ним и ко мне? Больше всего я боюсь, как бы Кинрой не проведал об этой истории! Он пойдет к нему и убьет его! Я убеждена, что он это сделает! Я не могла бы ему помешать! Какой позор! Какой скандал! Все рушится вокруг меня! Неужели, Сюзанна, у тебя нет совести, нет сердца?

Сюзанна спокойно смотрела в пространство. Упоминание о Кинрое слегка взволновало ее. Кинрой – смелый мальчик. Он, пожалуй, действительно может убить Юджина. Но, с другой стороны, если бы мать вела себя благоразумно, не понадобилось бы ни убивать Юджина, ни разоблачать его, и вообще все обошлось бы без всяких волнений. Какое дело ей, или Кинрою, или кому бы то ни было до того, как она, Сюзанна, собирается распорядиться своей жизнью? Ведь если кто пострадает, так только она. А ее это не пугает. Ну, кому какое до этого дело?

Она высказала эту мысль вслух, и миссис Дэйл принялась умолять ее трезво смотреть на жизнь.

– Много ты знаешь таких дурных женщин, какой собираешься стать сама? Хотела бы ты вести с ними знакомство? Много ли их найдется в порядочном обществе? Попробуй стать на точку зрения миссис Витла! Хотелось бы тебе быть на ее месте? Хотелось бы тебе быть на моем месте? Вообрази на минутку, что ты миссис Витла, а миссис Витла – это ты, что бы ты тогда сказала?

– Я не стала бы удерживать Юджина, – ответила Сюзанна.

– Да, да, конечно! Ты не стала бы удерживать! Возможно – но каково бы у тебя было на душе? Каково было бы на душе у всякой другой женщины? Неужели ты не видишь, как это позорно, как унизительно? Неужели ты совсем уже ничего не понимаешь и не чувствуешь?

– О мама, какие странные рассуждения! То, что ты говоришь, просто неумно! Это ты не считаешься с фактами. Миссис Витла больше не любит Юджина. Это ее собственные слова. Она мне так и написала. Я получила от нее письмо и отдала его Юджину. И он не любит ее. Она это знает. Она знает, что он любит меня. Но если она его не любит, так в чем же дело? Разве он не имеет права любить кого-нибудь другого? А я люблю его и хочу быть с ним. И он хочет быть со мной. Почему же нам не соединиться?

Несмотря на все свои угрозы, миссис Дэйл не могла не задуматься над тем, к каким последствиям привела бы ее попытка предать поведение Юджина общественной огласке. А последствия были бы ужасные и не замедлили бы дать о себе знать. Юджин пользовался известностью. Убить его, – впрочем, она едва ли серьезно думала об этом, – убить и не суметь сохранить преступление в тайне значило вызвать невероятный скандал и всякие расследования, не говоря уже о толках в обществе. Очернить его в глазах Колфакса или Уинфилда значило опорочить Сюзанну не только в их мнении, но и в мнении других членов их круга, поскольку они вряд ли сохранят это втайне. Отставка Юджина вызвала бы немало толков. Если он уйдет со службы, Сюзанна может убежать с ним – и что тогда? Миссис Дэйл с ужасом думала о том, что малейшего намека на эту историю, одного неосторожно сказанного слова достаточно, чтобы вызвать катастрофу. С каким восторгом ухватилась бы за подобную сенсацию так называемая желтая пресса! Как смаковала бы она все подробности! Положение в высшей степени опасное. И тем не менее надо что-то сделать, и притом безотлагательно. Но что?

И тут ей пришла мысль, что все же есть меры, к которым можно прибегнуть, не подвергая себя большой опасности и не рискуя непоправимыми последствиями. Только бы выиграть время и убедить Сюзанну подождать. Если ей удастся взять с нее слово, что она в течение десяти или хотя бы пяти дней ничего не предпримет, все может еще окончиться благополучно. За это время она повидается с Анджелой, с Юджином и даже с мистером Колфаксом. Для этого ей нужно было заручиться словом Сюзанны – на которое, она знала, можно было полностью положиться, – что до истечения срока та ничего не предпримет. Под тем предлогом, что Сюзанне самой нужно время, чтобы подумать, миссис Дэйл долго упрашивала ее не спешить, пока девушка, наконец, не согласилась, при условии, что мать разрешит ей позвонить Юджину и сказать, как обстоит дело. Юджин звонил ей на другой день после ее первого разговора с матерью, но слуга, по распоряжению миссис Дэйл, ответил, что Сюзанны нет в городе. Он звонил и на следующий день, и снова с тем же результатом. Он написал письмо, но миссис Дэйл перехватила его и спрятала. И только на четвертый день Сюзанна сама позвонила ему и все рассказала. Юджин испытал острое сожаление, что она поспешила выдать матери их тайну. Но теперь уже ничего не оставалось, как бороться до конца. Он сказал, что готов на любой риск, на любые жертвы, лишь бы добиться Сюзанны.

– Не приехать ли мне, чтобы поддержать вас? – спросил он.

– Нет, не раньше чем через пять дней. Я дала слово.

– И я не увижу вас?

– Нет, Юджин. Только через пять дней.

– Неужели мне нельзя даже позвонить вам по телефону?

– Нет. Подождите пять дней. Тогда – пожалуйста.

– Хорошо, моя радость, мое божество, я подчиняюсь. Я сделаю все, что вы прикажете. Но если б вы знали, родная, какой это долгий срок!

– Я знаю. Но потерпите немного.

– И ваши чувства не изменятся?

– Нет.

– Вас не могут уговорить?

– Нет, конечно, нет. Вы ведь знаете, дорогой, что не могут. Почему же вы спрашиваете?

– О Сюзанна, мне страшно! Вы еще так молоды, любовь такое новое для вас чувство!

– Нет, нет! Мои чувства не изменятся. Мне незачем клясться. Они не изменятся.

– Хорошо, моя радость!

Она повесила трубку, и миссис Дэйл поняла, что ей предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

Прежде всего она тайком от Сюзанны и Юджина навестила миссис Витла, чтобы услышать, что та знает и что может посоветовать.

Надо сказать, что свидание это не дало никаких результатов, если не считать того, что оно еще более распалило сердце Анджелы, а миссис Дэйл снабдило богатым материалом против Юджина. Анджела не оставляла попыток воздействовать на Юджина доводами и мольбами, открыть ему глаза на чудовищность преступления, которое он хотел совершить. Однако, несмотря на ее состояние, несмотря на все ее доводы, он оставался холоден и тверд и так настойчиво повторял, что со старой жизнью покончено, что она приходила в бешенство. Вместо того чтобы уйти от него, положившись на то, что время заставит его одуматься (или же, наоборот, внушит ей, что надо вернуть ему свободу), она продолжала стоять на своем. В ней все еще жило какое-то чувство к Юджину, она привыкла к нему, он был отцом ее будущего ребенка, пусть нежеланного. Наконец, с ним было связано ее положение в обществе, все ее надежды. С какой же стати она уйдет от него. И, опять-таки, оставался страх за будущее, страх перед событием, которое ее ожидало. Ведь она может умереть. Что станется тогда с ребенком?

– Признаться, миссис Дэйл, – сказала она с некоторым вызовом в голосе, – признаться, я не понимаю Сюзанну. Она достаточно взрослый человек и достаточно давно вращается в обществе, чтобы знать, что женатый мужчина – это священная собственность другой женщины.

– Знаю, знаю, – с тайным раздражением отозвалась миссис Дэйл, – но ведь Сюзанна так молода. Уверяю вас, вы даже не представляете, себе, какой она в сущности ребенок. Она увлекается всякими глупыми сентиментальными теориями. Я немного подозревала это в ней, но не думала, что это может проявиться с такой силой. Не могу понять, от кого она это унаследовала. Отец ее был человек в высшей степени практический. Впрочем, я не знала за ней ничего дурного, пока она не поддалась влиянию вашего мужа.

– Возможно, что и так, – согласилась Анджела, – но и ее есть за что винить. Юджин – слабовольный человек, он увлекается только тогда, когда его завлекают. А девушка, которая не хочет, чтобы ее соблазнили, не поддастся соблазну.

– Сюзанна так молода, – снова вставила миссис Дэйл.

– Я убеждена, что если бы Сюзанна знала все о похождениях мистера Витлы, она отказалась бы от него, – продолжала Анджела, не сознавая, как опрометчивы ее слова. – Я написала ей. Она должна была бы понять. Его поведение бесчестно и безнравственно, и эта история только лишнее тому доказательство. Я могла бы простить, если бы это было впервые. Но совершенно аналогичный случай произошел лет шесть-семь назад, и года за два до того у него тоже был роман. Если бы он сошелся с Сюзанной, он и ей изменял бы. Сначала он, конечно, будет по уши влюблен, а потом она ему наскучит, и он бросит ее. Да вы и сами поймете, что это за человек. Представьте, совсем недавно он заявил, что намерен снять отдельную квартиру для Сюзанны, и потребовал, чтоб я не мешала ему и никому об этом не говорила! Подумайте только!

Миссис Дэйл многозначительно покачала головой. Конечно, со стороны Анджелы было глупо так отзываться о муже, но об этом не стоило сейчас говорить. Быть может, Юджин и сделал ошибку, женившись на ней. Впрочем, это не могло оправдать в глазах миссис Дэйл его желание увлечь Сюзанну. Будь он свободен, иное дело. Его положение, его ум, манеры – тут нечего было возразить, хотя бы он и был невысокого происхождения.

День уже клонился к вечеру, когда миссис Дэйл рассталась с Анджелой, довольно обескураженная тем, что она видела и слышала, и еще более утвердившаяся в мысли, что необходимы самые решительные меры. Анджела никогда в жизни не даст мужу развода. Юджин, с точки зрения нравственности, не может быть для ее дочери подходящим мужем. Все это грозит грандиозным скандалом, в результате которого имя Сюзанны будет опорочено. В полном отчаянии миссис Дэйл решила – за неимением лучшего выхода – повидать Юджина и попытаться убедить его не встречаться с Сюзанной, пока он не получит развода. А тогда, во избежание худшего, она даст согласие на их брак, – впрочем, только на словах. На деле ей хотелось лишь одного – чтобы Сюзанна отказалась от Юджина. Лучше всего было бы куда-нибудь увезти ее или уговорить не губить свою жизнь. Все же она решила повидаться с Юджином.

На следующее утро Юджин сидел в своем кабинете в издательстве, ломая голову над тем, что могла означать эта пятидневная отсрочка, и тщетно стараясь сосредоточиться на многочисленных делах, требовавших его неустанного внимания и в данный момент изрядно запущенных, как вдруг ему подали карточку миссис Дэйл. Юджин мгновенно отпустил секретаря и приказал никого не принимать, а затем распорядился провести к нему нежданную посетительницу.

Миссис Дэйл была бледна и печальна, но одета самым изысканным образом – в зеленовато-голубом шелковом платье и модной шляпке из черной соломки с перьями. Она и сама производила впечатление совсем еще молодой, красивой женщины, отнюдь не слишком старой для Юджина. Между прочим, было время, когда она подумывала о том, что он, пожалуй, способен в нее влюбиться. Но каковы бы ни были когда-то ее мысли, сейчас она гнала их прочь, ибо в них фигурировали развод или разрыв с Анджелой, или даже ее безвременная кончина, и страстная любовь Юджина к ней самой. Теперь, разумеется, с подобными мечтами было покончено, тем более что под влиянием пережитых волнений и страхов они почти изгладились из памяти миссис Дэйл. Юджин, со своей стороны, не забыл, что и он когда-то испытывал нечто подобное в отношении миссис Дэйл и что миссис Дэйл всегда выказывала к нему расположение. Сейчас, однако, ее привели сюда совершенно иные мысли и мотивы, и ему предстояло собрать все силы для борьбы с нею.

При появлении миссис Дэйл Юджин внимательно посмотрел на нее, любезно улыбнулся, хоть это и стоило ему некоторых усилий, и спросил деловым тоном:

– Чем могу служить?

– Злодей! – воскликнула она, словно в мелодраме. – Моя дочь мне все рассказала!

– Да, Сюзанна сообщила мне об этом по телефону, – ответил он примирительно.

– И мне следовало бы убить вас тут же, на месте, – продолжала она тихо, но возбужденно. – Подумать только, что я впустила в свой дом такое чудовище и позволила ему находиться вблизи моей дорогой невинной дочери! Сейчас это мне кажется невероятным! Я не могу прийти в себя от ужаса! Как вы осмелились, – да еще имея такую милую, прекрасную жену, зная, что она больна и в таком положении?.. Будь в вас хоть капля порядочности, хоть капля совести… Когда я думаю об этой несчастной достойной женщине и о том, что вы сделали или намереваетесь сделать… О, если бы я не боялась скандала, вы не вышли бы отсюда живым.

– О, господи! Зачем говорить заведомый вздор, миссис Дэйл? – сказал Юджин, с трудом скрывая раздражение. Ему противна была ее мелодраматическая поза. – Этой бедной и достойной женщине, за которую вы заступаетесь, вовсе не так уж плохо живется, и, уверяю вас, она не настолько нуждается в вашем сочувствии, как вы воображаете. Несмотря на болезнь, она

прекрасно умеет постоять за себя. Что же касается ваших планов предать меня смерти – собственноручно или через посредство третьих лиц, – то это, пожалуй, неплохая мысль, и я не стану вас отговаривать. Я не так уж влюблен в жизнь. Но позвольте вам заметить, что сейчас не сороковые годы, что мы живем в конце девятнадцатого века и притом в Нью-Йорке. Я люблю Сюзанну, и она любит меня, мы хотим принадлежать друг другу. Так вот надо найти такой выход из положения, который и для вас был бы приемлем, и устроил бы нашу судьбу. Сюзанна не меньше меня жаждет найти этот выход. Мысль эта принадлежит ей в такой же мере, как и мне. Отчего это вас так страшно волнует? Ведь вы хорошо знаете жизнь.

– Почему это меня волнует? Да как же мне не волноваться? И как можете вы, вы, человек, занимающий такое положение, стоящий во главе такого огромного дела, хладнокровно спрашивать, почему это меня волнует? Разве речь идет не о счастье моей дочери? Почему я волнуюсь? Моя дочь – девочка, только что выросшая из коротких платьиц и совершенно не знающая жизни! И вы осмеливаетесь говорить мне, что она сама подала вам такую мысль! О низкий негодяй! Подумать только, что я могла так ошибиться в человеке! Это вы обманули меня вашими вкрадчивыми манерами и вашими разговорами о счастливой семейной жизни! Не понимаю, как я не догадалась раньше, видя вас так часто без жены. Я должна была бы понять. Я и догадывалась, бог мне свидетель, но закрывала на это глаза. Меня обманула ваша мнимая порядочность. Я нисколько не виню бедняжку Сюзанну, я виню только вас. Вы обманщик, негодяй! И себя виню за свою глупость! Но я достаточно наказана.

Юджин только смотрел на нее и барабанил пальцами по столу.

– Но я пришла сюда не за тем, чтобы спорить с вами, – продолжала миссис Дэйл. – Я пришла сказать, что вы никогда больше не должны видеться с моей дочерью, ни разговаривать с ней, ни показываться там, где вы могли бы ее встретить, хотя могу вас уверить, что ноги ее не будет там, где будете вы. Очень скоро для вас будут закрыты двери всякого порядочного дома, об этом уж я позабочусь! Если вы сейчас же не дадите мне слово никогда больше не видеться с ней и не писать ей, я пойду к мистеру Колфаксу, с которым, как вам известно, я лично знакома, и все расскажу ему. Я убеждена, что, узнав о ваших прежних похождениях и о том, как вы намеревались поступить с моей дочерью, невзирая на положение вашей жены, он недолго пожелает пользоваться вашими услугами. Я пойду к мистеру Уинфилду, моему старому другу, и ему тоже все расскажу. Вам без всякого шума закроют доступ в общество, и моя дочь при этом нисколько не пострадает. Она так молода, что если история эта выплывет наружу, вся вина падет на вас. Миссис Витла рассказала мне вчера про ваше безобразное поведение. Вы рассчитывали сделать Сюзанну своей четвертой или пятой жертвой. Так нет же, это вам не удастся. Вы еще не знаете, что такое оскорбленная мать, – теперь вы это узнаете. Попробуйте поступить мне наперекор, если посмеете! Я требую, чтобы вы немедленно написали Сюзанне прощальное письмо, тут же, не сходя с места. Я лично передам его.

Юджин саркастически улыбнулся. Упоминание об Анджеле взбесило его. Миссис Дэйл была у них дома, и Анджела ей все выложила про него, про его прошлое. Какая низость! Ведь она все-таки его жена! Только сегодня утром она умоляла его, заклиная своей любовью, не бросать ее и ни единым словом не обмолвилась о посещении миссис Дэйл. Любовь, любовь! Хороша любовь, нечего сказать. Ведь он немало сделал для Анджелы, – могла бы она проявить хоть чуточку великодушия в такую трудную минуту, даже если это и тяжело ей.

– Написать вам официальное заявление о своем отказе от Сюзанны, не так ли? – сказал он с кривой усмешкой. – Какой абсурд! Разумеется, я этого не сделаю! Что же касается вашей угрозы пожаловаться мистеру Колфаксу, то я уже слышал ее от миссис Витла. Прошу вас, вот дверь. Его кабинет шестью этажами ниже. Если угодно, я велю курьеру проводить вас. Расскажите все мистеру Колфаксу, и вы увидите, много ли потребуется времени, чтобы это стало известно всем. Можете идти также к мистеру Уинфилду. Мне нет дела ни до него, ни до мистера Колфакса! Если вам хочется, чтобы об этой истории заговорили, тогда идите. Она получит широкую огласку, могу вас уверить. Я люблю вашу дочь. Я не могу жить без нее. Я буквально схожу по ней с ума. – Юджин встал. – И она любит меня, так, по крайней мере, мне кажется. Во всяком случае я все ставлю на эту карту. С точки зрения любви моя жизнь была пуста. Я никогда не любил по-настоящему. А теперь я безумно люблю Сюзанну Дэйл. Я ни о чем и ни о ком, кроме нее, не в состоянии думать. Если бы вы способны были посочувствовать человеку, никогда не знавшему счастья, изголодавшемуся по любви, не нашедшему идеала ни в одной женщине, вы бы отдали мне вашу дочь. Я люблю ее, люблю! Ко всем чертям! – Он стукнул кулаком по столу. – Я на все готов ради нее! Если только она согласится быть моей, пусть Колфакс подавится своей службой, а Уинфилд – своей строительной компанией. А вы можете взять себе все ее деньги, если ей угодно будет вам их отдать. Я могу уехать за границу и там заработать на жизнь своей кистью. Я так и сделаю. Так поступали до меня многие американцы. Я люблю ее, слышите? Я люблю ее, и можете не сомневаться, что она будет моей! Вам не удастся помешать мне. У вас не хватит ума, не хватит сил, не хватит находчивости, чтобы противостоять этой девушке! Она сильнее, она благороднее вас. Она выше всех современных понятий об обществе и жизни. Она любит меня и хочет быть моей, – она идет на это по доброй воле, свободно, с радостью. Найдете ли вы что-нибудь подобное в вашем высшем обществе с его мелкотравчатыми мыслями и чувствами? Вы говорите, что меня ждет изгнание? Но какое мне дело до вашего общества? До этого сборища пошляков, безмозглых ничтожеств, беззастенчивых грабителей, шулеров, воров, блюдолизов… Недурная компания! Мне смешно, что вы явились сюда с таким величественным видом читать мне нотацию. Какое мне до вас дело? Когда я познакомился с вами, вы показались мне совершенно другим человеком, не такой ограниченной мещанкой. Но вы нисколько не лучше всех остальных, вы такая же покорная раба предрассудков и условностей. Ну что ж, – он щелкнул пальцами чуть ли не перед самым носом миссис Дэйл, – делайте все, что вам вздумается! Все равно Сюзанна будет моей! Она сама придет ко мне. Она на вас не посмотрит. Бегите к Колфаксу! Бегите к Уинфилду! Ничто вам не поможет. Она моя. Она по праву моя. Сюзанна – человек в полном смысле этого слова. Само провидение послало ее мне. И она будет принадлежать мне, хотя бы мне пришлось сокрушить и вас, и вашу семью, и себя самого, и всех, кто станет мне поперек дороги. Она будет

принадлежать мне! Она моя! Моя! – Он конвульсивно выбросил вперед руку. – А теперь идите и делайте все, что вам угодно! Слава богу, я нашел хоть одну женщину, которая знает, что значит жить и любить! И она принадлежит мне!

Миссис Дэйл смотрела на него в изумлении, не веря своим ушам. Уж не сошел ли он с ума? Неужели он действительно так любит? До чего же Сюзанна вскружила ему голову! Вот странно. Она никогда не видела его таким. Она никогда не подумала бы, что он способен на такое чувство. Он всегда был такой спокойный, улыбающийся, мягкий, остроумный. А тут, – откуда взялся этот трагизм, этот огонь, эта страсть, эта жажда любви? Глаза его горели, видно было, что этот человек способен на все. Он, должно быть, действительно любит.

– О, зачем вы хотите причинить мне столько горя? – захныкала она вдруг. Лишь на одно мгновение прониклась она его душевной болью, и в ней заговорило сочувствие. – Зачем вы вторглись в мою семью и пытаетесь ее разрушить? На свете сколько угодно женщин, которые рады будут полюбить вас, сколько угодно женщин, которые больше подходят вам и по годам и по темпераменту, чем Сюзанна. Она не понимает вас. Она сама себя не понимает. Она просто девочка – глупенькая влюбленная девочка. Это какой-то гипноз. О, зачем вы добиваетесь ее? Вы, который настолько старше, настолько опытнее! Откажитесь от нее! Я совсем не хочу идти к мистеру Колфаксу. Я совсем не хочу довериться мистеру Уинфилду. Я это сделаю в крайнем случае, но я не хочу этого. Я всегда была самого высокого мнения о вас. Я знаю, что вы незаурядный человек. Так помогите же мне восстановить мое уважение, мое доверие к вам. Я, может быть, не забуду, но я прощу. Вероятно, вы и в самом деле несчастливы в семейной жизни. Мне очень жаль вас. Я совсем не хочу вам мстить. Я не хочу делать ничего, что могло бы привести к тяжелым для вас последствиям. Я только хочу спасти бедняжку Сюзанну. О, прошу вас! Пожалуйста! Я ее так люблю! Вы едва ли в состоянии понять мои переживания, переживания матери! Как бы сильна ни была ваша любовь, вы не можете не считаться с другими. Истинная любовь великодушна. Я знаю, что Сюзанна упряма и своевольна и сейчас готова на все. Но она изменится, если вы ей поможете. Если вы ее действительно любите, если в вас есть хоть капля сострадания ко мне, если вам хоть сколько-нибудь дороги ее и ваше собственное будущее, откажитесь от ваших планов и верните ей свободу. Скажите ей, что вы ошиблись. Напишите ей сейчас же. Объясните, что вы не решаетесь на такой шаг, так как это значило бы навлечь бесчестие на меня, на нее и на вас, и потому вы отказываетесь от нее. Скажите, что вы решили подождать, пока время не вернет вам свободу – если это вам действительно суждено, – и дайте ей возможность самой судить о том, не найдет ли она счастье без вас. Неужели вы решитесь погубить такое невинное существо? Ведь она так молода, так неопытна. Если вы знаете, что такое жизнь, если вы способны хотя бы на малейшее уважение и внимание к другим, умоляю вас, умоляю как любящая мать – откажитесь от Сюзанны!

Слезы выступили у нее на глазах, она тихо заплакала, спрятав лицо в платок. Юджин озадаченно смотрел на нее. Что он делает? На что идет? Неужели он такой дурной человек, каким его изображают? Может быть, он в самом деле обезумел? Или вовсе лишен сердца? Горе миссис Дэйл и Анджелы, угрозы рассказать о его поведении Колфаксу и Уинфилду – все это на мгновение отрезвило его. Словно яркая вспышка молнии вдруг озарила окружавший его мрак. На секунду в нем заговорило сочувствие: он понял, сколько горя он собирается причинить и как это безрассудно. Но это было лишь на миг, потом все прошло. Снова перед ним всплыл образ Сюзанны, ее точно высеченное из мрамора лицо, ее красота, ее глаза, губы, волосы, ее стремительные, словно натянутая тетива, полные жизни движения, ее улыбка. Отказаться от нее! Отказаться от Сюзанны, от мечты об отдельной студии, от постоянного радостного общения с ней! Разве Сюзанна этого от него хочет? Разве это говорила она ему в последний раз по телефону! Нет! Нет! Бросить ее сейчас, когда она всем своим существом рвется к нему? Нет, нет и нет! Никогда! Он еще поборется! Пусть даже его ждет гибель в борьбе. Ни за что! Ни за что!

Мысли его путались.

– Я не могу этого сделать, – сказал он, снова вскакивая, так как после своей предыдущей тирады он опять тяжело опустился на стул. – Я не могу этого сделать. Вы просите невозможного. Этого никогда не будет. Видит бог, я одержим любовью и не могу жить без Сюзанны. Идите и делайте все, что вам угодно, но она должна принадлежать мне, и она будет принадлежать мне. Она моя! Моя! Моя!

Его тонкие, худые руки сжались в кулаки, он скрипнул зубами.

– Моя, моя, моя! – бормотал он, словно злодей из дешевой мелодрамы.

Миссис Дэйл покачала головой.

– Да поможет господь нам обоим! – сказала она. – Никогда, никогда не будет она вашей! Вы недостойны ее! Вы ненормальны! Я буду бороться с вами всеми доступными мне средствами. Я ни перед чем не остановлюсь. Я богата и сумею постоять за себя. Она не достанется вам! Посмотрим, кто из нас одержит верх! – Она встала и пошла к двери. Юджин последовал за ней.

– Делайте, что хотите, – спокойно ответил он, – но помните, что вы проиграете. Сюзанна придет ко мне. Я это знаю. Я это чувствую. Я, возможно, потеряю многое другое, но она будет моей. Я добьюсь ее! Она моя!

– О! – устало вздохнула миссис Дэйл, наполовину убежденная его словами. – Это ваше последнее слово?

– Да.

– Тогда я ухожу.

– Прощайте, – сказал он торжественно.

– Прощайте, – ответила она.

Она вышла бледная как полотно, с широко раскрытыми глазами. Юджин бросился к телефону, но, вспомнив, что Сюзанна просила его не звонить и во всем на нее положиться, повесил трубку.

Глава XV

Пыл и пафос, которыми были проникнуты слова миссис Дэйл, должны были бы послужить Юджину предостережением. У него мелькнула на мгновение мысль догнать ее и попытаться еще как-то на нее воздействовать, сказать, что он приложит все усилия к тому, чтобы добиться развода и жениться на Сюзанне, но он вспомнил, что Сюзанна особенно настаивала на своем нежелании вступать в брак. Он не мог бы точно сказать, когда, где и при каких обстоятельствах она высказала это своеобразное желание, которое было, впрочем, вполне осуществимо при условии, что они будут вести себя тактично. Ничего ужасного нет в том, размышлял он, что два человека хотят сойтись подобным образом. Что тут особенного? Одному богу известно, сколько в мире таких незаконных, не совсем, может быть, обычных связей, и незачем обществу приходить в волнение из-за одного лишнего случая, особенно если люди действуют осмотрительно и дипломатично. Ни он, ни Сюзанна не собираются трубить на весь мир о своей связи. Вполне естественно, что он, выдающийся художник, – правда, забросивший на время свою кисть, но тем не менее законченный и признанный художник, – хочет иметь отдельную студию. Там он и Сюзанна могут встречаться. Никто не увидит в этом ничего предосудительного. Только зачем Сюзанна все рассказала матери? Прекрасно можно было обойтись без этого. Странные у нее принципы – говорить правду при любых обстоятельствах. А между тем она в сущности не всегда говорит правду. Она обманывала мать хотя бы уже тем, что так долго держала ее в полном неведении. Или это злая шутка судьбы, которая хочет над ним насмеяться? Не может быть. И все же настойчивость Сюзанны казалась ему теперь роковой ошибкой. Он сидел, погруженный в глубокое раздумье. Неужели он так страшно заблуждается? Неужели он когда-нибудь пожалеет? Вся его жизнь ставится сейчас на карту. Может быть, повернуть назад?

Нет! Нет! Нет! Никогда! Не бывать этому! Он должен идти напролом! Иногда выхода у него нет!

Юджин долго сидел и думал.

Следующий шаг, который предприняла миссис Дэйл, не доставил ей таких неприятностей, как первый, хотя пользы и он не принес. Она вызвала своего домашнего врача, доктора Летсона Вули, пользовавшегося неограниченным доверием своих пациентов. Будучи сам человеком строгих правил, непоколебимым в вопросах чести и морали, он проявлял достаточную широту взглядов и терпимость, когда речь шла о ближнем.

– Ну, миссис Дэйл, чем могу вам быть полезен сегодня? – спросил он, входя в библиотеку, расположенную на первом этаже, и сердечно, хотя и с несколько усталым видом, пожимая ей руку.

– Ах, доктор Вули, у меня такие неприятности! – сразу же начала миссис Дэйл. – У нас собственно никто не болен. Но уж лучше бы болезнь. Дело гораздо серьезнее. Я вызвала вас, потому что рассчитываю на вашу помощь и сочувствие. Речь идет о моей дочери Сюзанне.

– Так, так, – пробормотал доктор. Голос его звучал хрипловато, потому что его голосовые связки были стары. Глаза зорко смотрели из-под мохнатых седых бровей – это был взгляд человека, умеющего многое видеть и таить про себя. – Что же с ней случилось? Что она сделала такого, чего не следовало бы делать?

– Ах, доктор, – воскликнула миссис Дэйл, чуть не плача, так как переживания последних дней совсем лишили ее самообладания, – я не знаю даже, что вам сказать. Не знаю, с чего начать. Сюзанна, моя дорогая, моя бесценная Сюзанна, которой я так бесконечно доверяла, на которую так полагалась…

– Ну, ну, что же дальше? – прервал ее излияния доктор Вули.

И миссис Дэйл рассказала ему всю историю и ответила на некоторые в упор поставленные вопросы.

– Говоря по правде, вы должны еще быть благодарны судьбе, – сказал он. – Сюзанна могла уступить этому человеку тайком от вас и потом сообщить вам об этом как о свершившемся факте, а может быть, и совсем не сообщить.

– Не сообщить? О доктор! Моя Сюзанна!

– Миссис Дэйл, прежде чем стать вашим врачом, я был домашним врачом вашей матери. Я немного разбираюсь в человеческой природе вообще и неплохо изучил членов вашей семьи в частности. Ваш муж, если вам угодно будет вспомнить, был человек весьма решительный. Сюзанна, возможно, унаследовала его характер. Она очень молода, – прошу не забывать этого, – она сильная, здоровая девушка. Сколько лет этому Витле?

– Лет тридцать восемь, тридцать девять, доктор.

– Гм! Я так и думал. Опасный возраст. Надо только удивляться, что вы сами так благополучно миновали этот период. Ведь и вам под сорок, не правда ли?

– Да, доктор, но вы единственный человек, которому это известно.

– Знаю, знаю. Возраст опасный. Вы говорите, что он стоит во главе «Юнайтед мэгэзинс»? Я, кажется, слыхал про него. Я знаком с мистером Колфаксом. И вы находите, что этот человек способен так увлечься?

– Мне и в голову не приходило – до этой истории.

– Что ж, тут нет ничего невозможного. Тридцать восемь – тридцать девять, с одной стороны, и восемнадцать – девятнадцать, с другой, – никуда не годится. А где Сюзанна?

– Вероятно, наверху, у себя в комнате.

– Может быть, мне поговорить с ней, хотя вряд ли это поможет.

Миссис Дэйл вышла и не возвращалась добрых три четверти часа. Сюзанна была раздражена, она упрямилась и на все уговоры матери отвечала отказом. Зачем вмешивать в это дело посторонних людей, а тем более доктора Вули, которого Сюзанна хорошо знала и очень любила? Когда мать сказала ей, что доктор Вули хочет ее видеть, она сразу заподозрила, что это имеет какое-то отношение к Юджину, и спросила, зачем она понадобилась доктору. В конце концов она согласилась спуститься, хотя сделала это с единственной целью доказать матери всю бессмысленность и глупость этой суматохи.

Старый доктор сидел и думал о странной неразберихе, именуемой жизнью, где действуют непонятные законы физики и химии, где свирепствуют недуги и бушуют человеческие страсти – любовь и ненависть в их различных проявлениях; когда вошла Сюзанна, он поднял голову и внимательно посмотрел на нее.

– Рад вас видеть, Сюзанна, – с шутливой ласковостью сказал он, вставая и делая несколько шагов ей навстречу. – Как поживаете?

– Очень хорошо, доктор, а вы как?

– Да как видите, как видите, Сюзанна, – еще немного постарел, стал еще немного суетливее. Ничего не поделаешь, когда чужие горести – твои горести. Мне ваша матушка рассказала, что вы влюбились. Это очень интересно, не правда ли?

– Знаете, доктор, – вызывающе ответила Сюзанна, – я уже сказала мама, что у меня нет желания обсуждать этот вопрос, и я считаю, что она не имеет никакого права принуждать меня к этому. Я не хочу говорить на эту тему и не стану. Я нахожу, что это величайшая бестактность.

– Бестактность? – повторила миссис Дэйл. – Ты считаешь, что обсуждать твои намерения – бестактность? А я должна тебе сказать, что люди назовут то, что ты собираешься сделать, преступлением!

– Я уже сказала, мама, что пришла сюда не для того, чтобы спорить, и предпочитаю молчать! – сказала Сюзанна, поворачиваясь к матери. – Мне здесь нечего делать. Я не хотела обидеть доктора Вули, но и не намерена оставаться здесь и снова выслушивать все, что тебе вздумается сказать.

Она шагнула к двери.

– Вот что, миссис Дейл, вы нам не мешайте, – сказал доктор Вули, и уже самый тон, каким он это сказал, заставил Сюзанну остановиться. – Я тоже того мнения, что разговоры делу не помогут. Сюзанна убеждена, что задумала что-то очень хорошее. Возможно, что это и так. Кто знает? Единственное, что стоило бы, по-моему, обсудить, – если вообще тут можно что-либо обсуждать, – это вопрос о времени. Я считаю, что Сюзанне было бы лучше немного подождать, прежде чем приводить в исполнение свое намерение, которое, надо полагать, не так уж плохо. Я совершенно не знаю мистера Витлу. Быть может, это способнейший и достойнейший человек. И все же Сюзанне следовало бы немного подождать. Я сказал бы, месяца три, а то и полгода. Ведь решение такого вопроса влечет за собой всевозможные последствия, – обратился он к Сюзанне. – Подумайте об обязанностях, которые выпадут на вашу долю, к которым вы, быть может, еще не совсем готовы. Не забывайте, что вам только восемнадцать или девятнадцать лет. Может случиться, что вам придется отказаться от выездов в свет, от танцев, от путешествий, да мало ли еще от чего – и целиком посвятить себя обязанностям матери и заботам о муже. Ведь вы предполагаете навсегда остаться с ним, не так ли?

– Я не хочу говорить об этом, доктор Вули.

– Но ведь это так, не правда ли?

– До тех пор, пока мы будем любить друг друга.

– Гм! Но ведь вы будете любить его какое-то время, – вы не станете этого отрицать, конечно?

– Разумеется, но к чему этот разговор? Я приняла решение.

– Речь идет лишь о том, чтобы вы еще немного подумали, – ласково продолжал доктор Вули, уже одним своим тоном обезоруживая Сюзанну и удерживая ее на месте, – чтобы не торопились и хорошенько взвесили все обстоятельства. Ваша матушка любит вас, и в глубине души, я убежден, вы тоже любите ее, несмотря на эту небольшую размолвку. Я и подумал, что во имя сохранения добрых чувств вы могли бы пойти на некоторые уступки, – ну, скажем, подождать полгода или даже год, и за это время как следует все обдумать. Мистер Витла, вероятно, не станет возражать. За такой срок чувства его к вам не изменятся. Что же до вашей матушки, то ей было бы легче, если бы она знала, что вы приняли решение не опрометчиво, а после зрелых размышлений.

– Да, – с жаром воскликнула миссис Дэйл, – подожди и подумай, Сюзанна! Что значит один год?

– Нет, – нетерпеливо ответила Сюзанна. – Весь вопрос в том, хочу я ждать или нет. А я не хочу.

– Совершенно верно. Но все же вы могли бы принять мои слова в соображение. Согласитесь, что дело серьезное, под каким углом его ни рассматривай. Я не берусь это утверждать, но у меня такое чувство, что вы собираетесь совершить крупную ошибку. Опять-таки это только мое личное мнение. Вы имеете право судить по-своему. Я прекрасно понимаю, как вы на это смотрите, но общество, быть может, отнесется к такому шагу иначе, чем вы. Думать о мнении общества, Сюзанна, это, конечно, скучная материя, но все же нельзя с ним и не считаться.

Сюзанна упрямо и устало смотрела на своих мучителей. Их доводы не доходили до нее. Она думала о Юджине и о своем решении. Оно вполне осуществимо. Какое ей дело до общества? Она незаметно все ближе и ближе подвигалась к двери и наконец приотворила ее.

– Ну вот, как будто и все, – сказал доктор Вули, убедившись, что она твердо решила уйти. – До свидания, Сюзанна. Я рад, что повидал вас.

– До свидания, доктор Вули, – ответила она.

Она вышла, и миссис Дэйл в отчаянии заломила руки.

– Что же мне делать? – воскликнула она, глядя на своего советчика.

Доктор Вули подумал о том, как глупо давать советы людям, которые не желают их принимать.

– Не стоит волноваться, – сказал он, немного помолчав. – Я убежден, что она подождет, если вы правильно подойдете к ней. Сейчас она по какой-то причине крайне взвинчена и упорствует. Вы слишком на нее нажимаете. Действуйте мягче! Пусть она сама все хорошенько обдумает. Советуйте ждать, но не настаивайте. Силой вы ничего не добьетесь. У нее слишком непреклонная воля. Слезы тоже не помогут. Излишняя чувствительность раздражает. Уговорите ее еще подумать или лучше предоставьте это ей самой и просите только не торопиться. Если бы вам удалось увезти ее недели на три или, еще лучше, на несколько месяцев, чтобы она уехала по доброй воле и могла бы отдохнуть и от ваших доводов и от его влияния, если бы она сама попросила его оставить ее на некоторое время, все было бы хорошо. Вряд ли она уйдет к нему. Она думает, что сделает это, но мне что-то не верится. Как бы там ни было, сохраняйте спокойствие. И уговорите ее уехать из Нью-Йорка.

– А можно было бы, доктор, запереть ее в какой-нибудь санаторий или в дом для душевнобольных, пока она не образумится?

– На свете все можно, но я бы сказал, что это наименее благоразумно из всего, что вы могли бы сделать. Насилие в таких случаях ни к чему не приводит.

– Я знаю, но что, если она не одумается?

– Право же, миссис Дэйл, об этом рано судить. Вы не пробовали говорить с ней спокойно. Вы только ссоритесь. От этого мало пользы. Вы все дальше и дальше отходите друг от друга.

– Какой у вас практический ум, доктор, – польстила ему миссис Дэйл, несколько успокоенная его словами.

– Дело не в практичности, а в интуиции. Будь я человеком практического ума, я бы не посвятил себя медицине.

Он направился к двери, и его старческое тело под действием собственной тяжести, казалось, оседало на каждом шагу. Но у порога он еще раз обернулся. Усталые серые глаза чуть заискрились, когда он сказал:

– Ведь и вы когда-то любили, миссис Дэйл?

– Да, – ответила она.

– Вы помните, что вы тогда переживали?

– Да.

– Так будьте же благоразумны. Постарайтесь вспомнить ваши собственные чувства, ваше собственное поведение. Вполне вероятно, что вам никто не ставил преград. А она этого не может сказать про себя. Она готова сделать ошибку. Мы хотим воспрепятствовать этому, и нет сомнения, что нам это удастся. Будьте же терпеливы. Ведите себя спокойнее. Поступайте по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами.

Шаркая ногами, он прошел через веранду и спустился по широким ступенькам к ожидавшей его машине.

– Мама, – сказала Сюзанна после ухода доктора Вули, когда миссис Дэйл зашла к ней, чтобы посмотреть, не смягчилась ли она немного, и опять попросить ее не торопиться с решением. – Мама, зачем ты позоришь себя и меня? Для чего тебе понадобилось рассказывать все доктору Вули? Этого я тебе никогда не прощу. Я не считала тебя способной на это. Я думала, у тебя больше гордости, больше собственного достоинства.

Надо было видеть Сюзанну в эту минуту, когда она стояла в своем просторном будуаре, спиной к овальному зеркалу туалета и лицом к матери, чтобы понять, чем она приворожила Юджина. Комната была вся залита ярким солнцем, и девушка в своем белом с голубым утреннем платье казалась на этом фоне лучезарной и легкой.

– Пойми, Сюзанна, – сказала миссис Дэйл совсем убитым голосом, – я просто не могу больше. Нужно же мне с кем-нибудь посоветоваться. Ведь я совершенно одна, если не считать тебя, Кинроя и детей, – в разговоре с Сюзанной и Кинроем она называла Адель и Нинетту детьми, – а им мне, конечно, не хотелось бы говорить. Ты всегда была единственным человеком, с которым я делилась. Но раз ты пошла против меня…

– Вовсе я не иду против тебя, мама!

– Ах, вот как. Но не будем об этом говорить, Сюзанна. Ты разбила мне сердце! Ты меня буквально убиваешь. Мне необходимо было с кем-то посоветоваться. Доктор Вули наш старый друг. Он такой славный и отзывчивый.

– Ах, мама, я знаю, но к чему все это? Какая может быть польза от его слов? Разве он может меня переделать? Просто ты рассказываешь обо всем человеку, которому совершенно незачем это знать.

– Но я думала, что он может оказать на тебя влияние, – взмолилась миссис Дэйл. – Я думала, что ты послушаешься его. О боже, боже! Как я устала! Лучше бы мне не дожить до этого!

– Ну вот, опять ты начинаешь, мама, – уже более мягким тоном сказала Сюзанна. – Я не понимаю, почему ты в таком отчаянии. Я собираюсь устраивать свою жизнь, а не твою. Ведь это я так буду жить, а не ты.

– Разумеется, но то-то и пугает меня. Что у тебя за жизнь будет, если ты это сделаешь, если ты себя погубишь? Пойми только, что ты задумала, какой тебя ждет ужас! Никогда ты не будешь с ним жить, он слишком стар для тебя и слишком избалован женщинами, ему нельзя верить. Он скоро тебя разлюбит и ты останешься одна – незамужняя женщина, возможно, с младенцем на руках, отверженная обществом. Куда ты тогда денешься?

– Мама, – спокойно сказала Сюзанна, и ее розовые губы раскрылись, как у ребенка, – я обо всем этом думала. Я прекрасно все понимаю. Но мне кажется, что вообще из-за этого поднимают слишком много шуму – и не только ты, но и другие. Ты предусматриваешь все, что только может случиться, но ведь не всегда это случается. Я убеждена, что многие так поступают, и никто не придает этому такого значения.

– Да, в книгах, – сказала миссис Дэйл. – Я знаю, откуда это у тебя. Просто начиталась романов.

– Пусть так, но все равно будет по-моему. Я твердо решила. Пятнадцатого сентября я перееду к мистеру Витле, и лучше бы ты теперь же с этим примирилась.

Разговор происходил десятого августа.

– Сюзанна, – сказала миссис Дэйл, не сводя с дочери пристального взгляда, – я никогда не поверила бы, что ты способна говорить со мной таким тоном. Ничего подобного ты не сделаешь! Как ты можешь быть такой упрямой? Откуда в тебе это железное упорство? Так, значит, тебе безразлично все, что я сказала про Адель, и Нинетту, и Кинроя? Неужели у тебя совершенно нет сердца? Почему ты не хочешь подождать, как советует и доктор Вули, каких-нибудь полгода или год? Почему ты очертя голову решаешься на эту сумасбродную затею? Ведь это такой безумный, дикий эксперимент. Ты, в сущности, даже не дала себе труда подумать, у тебя не было на это времени.

– О нет, мама, я очень много думала. Я знаю, что делаю. Я говорю: пятнадцатого сентября, так как обещала Юджину, что не заставлю его ждать дольше, и я сдержу свое обещание. Я хочу уйти к нему. Уже прошло целых два месяца с тех пор, как мы с ним впервые об этом заговорили.

Миссис Дэйл передернуло. Ей и в голову не приходило уступить дочери, но этот срок, который с такой решительностью поставила Сюзанна, показывал, что надо действовать, не теряя ни секунды. Ее дочь ненормальна, вот и все. Времени оставалось в обрез. Необходимо было увезти Сюзанну – лучше всего за границу – или же запереть где-нибудь, причем сделать это так, чтобы не слишком восстановить ее против себя.

Глава XVI

Следующим шагом миссис Дэйл в этой борьбе был разговор с Кинроем, который заявил, как юный рыцарь, что немедленно пойдет к Юджину и убьет его. К счастью, миссис Дэйл сумела помешать этому, так как на сына она имела больше влияния, чем на Сюзанну. Она объяснила ему, какой это вызовет неописуемый скандал, и посоветовала действовать тонко и осторожно. Кинрой был очень привязан к сестрам, особенно к Сюзанне и Адели, и рад был выступить в роли их защитника. Обуреваемый рыцарскими чувствами, он торжественно обещал, что поможет матери, и они долго говорили о том, как ночью усыпить Сюзанну хлороформом и, выдавая за больную, увезти на машине в штат Мэн, или в Адирондакские горы, или куда-нибудь в Канаду.

Было бы утомительно приводить здесь все дальнейшие перипетии борьбы. По прошествии условленных пяти дней Юджин несколько раз пытался звонить Сюзанне по телефону, но все его попытки поговорить с ней были пресечены Кинроем, успешно выполнявшим теперь роль частного сыщика. Сюзанна хотела, чтобы Юджин принял участие в семейном совете, но миссис Дэйл решительно этому воспротивилась. Она чувствовала, что каждая новая встреча влюбленных только укрепит связывающие их узы. Кинрой, по собственной инициативе, написал Юджину, что ему все известно и что он убьет его, если тот осмелится

хотя бы близко подойти к их дому. Сюзанна догадалась, что мать держит ее в плену, и отправила Юджину письмо, которое ее горничная тайком опустила в ящик. Мать, писала она, рассказала обо всем доктору Вули и Кинрою. Она, Сюзанна, решила пятнадцатого сентября уйти из дому, если мать до этого времени не даст согласия на их тайный союз. Кинрой грозится убить Юджина, но это, конечно, ерунда. Просто Кинрой возбужден. Мать настаивает, чтобы она поехала с ней на полгода в Европу и за это время все хорошенько обдумала. Но она этого не сделает. Она никуда не уедет, и ему нечего за нее опасаться, если даже он несколько дней не будет получать от нее известий. Надо подождать, пока буря немного уляжется. «Я буду все время здесь, но, пожалуй, нам лучше сейчас не встречаться. Когда настанет время, я сама приду к Вам, но увидимся мы раньше, как только представится возможность».

Юджина изумил и страшно огорчил такой оборот дела. Но уверенность Сюзанны внушала ему надежду, что все кончится хорошо. Ее мужество придавало ему силы. Сколько в ней спокойствия, как твердо она идет к своей цели! Какой клад эта девушка.

Это послужило началом их переписки, но спустя несколько дней Сюзанна посоветовала ему прекратить ее. Споры между нею, матерью и братом все продолжались. Препятствия, которые ставились ей на каждом шагу, озлобили ее, и она не переставала препираться с матерью, причем теперь затевала ссоры, как правило, сама Сюзанна.

– Нет, нет и нет, – неизменно повторяла она. – Я не уеду. Ну и что же? Как это глупо! Оставь меня в покое! Я не хочу об этом говорить!

Миссис Дэйл все старалась придумать, как бы тайком увезти Сюзанну. Усыпить ее хлороформом, как она вначале предполагала, было делом далеко не простым. К тому же это значило подвергнуть Сюзанну опасности, она могла умереть под наркозом. Нельзя прибегать к таким мерам без врача. И слугам это покажется странным. Миссис Дэйл боялась, что они и так уже многое подозревают. Наконец она решила сделать вид, будто уступает дочери, но только просит ее съездить с ней в Олбэни к ее опекуну, вернее, юридическому представителю опекунской конторы Маркуорда, где хранилась принадлежащая Сюзанне доля наследства, оставленного покойным Вестфилдом Дэйлом. Сюзанне предстояло посоветоваться со своим опекуном насчет земельных участков в западной части Нью-Йорка, принадлежавших ей лично, и заодно подписать документ об отказе от всяких прав на какое-либо наследство после матери. А затем, как заявила миссис Дэйл, она даст ей полную свободу, предварительно составив завещание, в котором будет указано, что старшая дочь лишается наследства. По возвращении в Нью-Йорк Сюзанна может делать что хочет, мать не будет даже видеться с ней.

Чтобы внушить Сюзанне доверие, Кинрою было поручено рассказать сестре про намерения матери и просить ее ради нее самой, ради матери и остальных детей не соглашаться на этот разрыв. Миссис Дэйл стала вести себя совершенно по-иному. Кинрой так мастерски справился со своей задачей, а в поведении и разговорах матери появилось столько равнодушия и покорности судьбе, что Сюзанна почти поддалась обману. Она поверила, что в душе ее мама произошел полный переворот и что она, пожалуй, действительно решила сделать так, как говорил Кинрой.

– Мне все равно, – ответила Сюзанна на уговоры брата, – пусть лишит меня наследства. Я охотно подпишу все документы. Если мама хочет, чтобы я навсегда ушла от нее, я уйду. По-моему, она очень глупо вела себя во всей этой истории, да и ты тоже.

– Напрасно ты идешь на это, – сказал Кинрой, в восторге от того, что приманка проглочена. – Мама в полном отчаянии. Она хотела бы, чтобы ты выждала полгода или год, прежде чем на что-либо решаться, но если ты будешь настаивать, она потребует, чтобы ты отказалась от наследства. Я пытался отговорить ее. Мне будет очень больно, если ты уйдешь от нас. Неужели ты не передумаешь, Сюзанна?

– Я уже сказала, Кинрой. Не приставай ко мне.

Кинрой отправился к матери и сообщил ей, что Сюзанна по-прежнему упорствует, но что с поездкой дело, кажется, выгорит. Она сядет в поезд, уверенная, что едет в Олбэни, а очутившись в закрытом вагоне, едва ли догадается о чем-либо до утра. К этому времени они будут уже далеко в Адирондакских горах.

Заговор частично удался. Миссис Дэйл, как и Кинрой, разыграла свою роль как по нотам. Юной пленнице уже чудилась свобода. Они взяли с собой только саквояж, и Сюзанна довольно охотно села в машину, а затем и в поезд, поставив лишь условием, что ей будет разрешено позвонить Юджину по телефону и объяснить, в чем дело. И мать и Кинрой стали возражать, но вынуждены были уступить, так как Сюзанна категорически заявила, что иначе не поедет. Она позвонила ему в издательство (это было в четыре часа дня, а поезд уходил в пять тридцать) и рассказала обо всем. Юджин сразу заподозрил ловушку и так и сказал Сюзанне, но она ответила, что этого не может быть. Мать никогда не лгала ей, брат тоже. У нее нет никаких оснований им не верить.

– Юджин говорит, что это ловушка, мама, – сказала она, поворачиваясь к матери, стоявшей тут же возле телефона. – Это правда?

– Ты сама прекрасно знаешь, что это неправда, – ответила миссис Дэйл, не сморгнув.

– Но если и так, все равно у вас ничего не выйдет, – громко сказала Сюзанна, чтобы Юджин мог ее услышать. Ее решительный тон успокоил Юджина, и он перестал возражать. Вот удивительная девушка – умеет подчинять себе и мужчин и женщин.

– Ну что ж, поезжайте, если думаете, что все в порядке, – сказал он. – Но мне будет очень тоскливо без вас. Я и так измучился, а теперь и вовсе не буду знать, что с собой делать. Скорей бы проходило время!

– Теперь уже недолго ждать, Юджин, – ответила она. – Всего несколько дней. В четверг я вернусь, и вы сможете зайти ко мне.

– В четверг днем?

– Да. Мы вернемся в четверг утром.

Она повесила наконец трубку, и они сели в машину, а час спустя – в поезд.

Глава XVII

Это был канадский экспресс, и до Олбэни он шел без остановок. Когда поезд приближался к этому городу, Сюзанна как раз ложилась спать, а так как они ехали в салон-вагоне, предоставленном в их распоряжение, по словам миссис Дэйл, самим президентом дороги, то проводник не пришел объявить об остановке, что сразу же раскрыло бы Сюзанне их карты. Поезд остановился в Олбэни в начале одиннадцатого. Вагон, в котором они находились, был самый последний, и, хотя снаружи слышались голоса, разобрать слова было невозможно. Сюзанна уже легла и решила, что это, по всей вероятности, Покипси или еще какая-нибудь промежуточная станция. К тому же миссис Дэйл объяснила, что, так как они поздно прибывают на место, вагон их будет отведен на запасный путь и там простоит до утра. Тем не менее и миссис Дэйл и Кинрой оставались начеку, чтобы в полной готовности встретить любой решительный шаг со стороны Сюзанны. Поезд мчался, а Сюзанна крепко спала. Так наступило утро. Они пересекли Берлингтон, крайнюю северную оконечность штата Вермонт. Проснувшись и заметив, что поезд все еще едет, Сюзанна удивилась – что бы это могло значить? Мимо окна проплывали горы, вернее, высокие, поросшие соснами холмы, горные речки, над которыми они с грохотом проносились по высоким подвесным мостам, и выжженные лесными пожарами пространства, на которых одиноко и печально торчали почерневшие стволы деревьев, протягивая к небу обгорелые сучья. Сюзанна вдруг почувствовала что-то неладное и вышла из ванной узнать, в чем дело.

– Где это мы, мама? – спросила она.

Миссис Дэйл сидела, откинувшись в удобном плетеном кресле, и читала или, вернее, делала вид, будто читает какую-то книгу. Кинрой вышел на заднюю площадку вагона полюбоваться местностью, но скоро вернулся, обеспокоенный мыслью о том, что сделает Сюзанна, обнаружив, куда она попала. В вагон, тайком от Сюзанны, была еще накануне погружена корзина с провизией, и миссис Дэйл собиралась устроить завтрак. Горничную она не рискнула взять с собой.

– Не знаю, – ответила она равнодушным тоном, глядя в окно на обгорелый лес.

– Кажется, мы должны были быть в Олбэни в первом часу ночи? – сказала Сюзанна.

– Да, верно, – ответила миссис Дэйл, собираясь с духом перед неизбежным признанием.

В это время в вагон вернулся Кинрой.

– В таком случае… – начала было Сюзанна и остановилась. Она бросила взгляд в окно, а потом в упор посмотрела на мать. Заметив растерянное, взволнованное выражение ее лица, она поняла, что это обман и что ее куда-то увозят против ее воли – но куда?

– Это ловушка, мама, – сказала она торжественно и холодно. – Ты солгала мне, и ты и Кинрой. Мы едем вовсе не в Олбэни… Куда мы едем?

– Сейчас я тебе ничего не скажу, – спокойно ответила миссис Дэйл. – Прими сначала ванну, а потом поговорим. Совершенно безразлично, куда мы едем. Если непременно хочешь знать, мы едем в Канаду, и скоро будем там. Ты узнаешь точно, где мы, когда приедем на место.

– Мама, – сказала Сюзанна, – это низость. И ты об этом пожалеешь. Теперь я поняла. Мне следовало бы раньше догадаться, но я не могла поверить, что ты способна мне лгать, мама. Я прекрасно понимаю, что сейчас ничего не могу сделать, но со временем ты об этом пожалеешь. Такими методами ты от меня ничего не добьешься. И ты сама отвезешь меня обратно в Нью-Йорк.

Она устремила на мать пристальный взгляд, исполненный такой властной решимости, что миссис Дэйл, взволнованная и усталая, почувствовала, что ей, наверно, придется уступить.

– Сюзанна, что ты говоришь? – вмешался Кинрой. – Мама и без того совсем голову потеряла. Она ничего другого не могла придумать.

– Замолчи, Кинрой, – ответила Сюзанна. – Я не хочу с тобой разговаривать. Ты меня обманул, а ведь ты знаешь, что я никогда не обманывала тебя. Мама, ты меня удивляешь, – снова обратилась она к матери. – Подумать только, что ты способна лгать мне! Ну, хорошо. Сегодня ты взяла верх. Но рано или поздно победа будет на моей стороне. Ты выбрала неправильный путь. Увидишь, чем это кончится.

Миссис Дэйл вздрогнула, чувствуя, что холодеет от страха. Смелость и упорство этой девушки ставили ее в тупик. Откуда у нее столько мужества? – думала она. Вероятно, от покойного отца. Она буквально трепетала перед этим спокойствием, бесстрашием и твердостью характера, которые выработались у ее дочери под влиянием последних трудных дней.

– Не говори со мной так, Сюзанна, – стала она просить. – Я сделала это ради твоего же блага, и ты прекрасно меня понимаешь. Зачем ты мучишь меня? Ты знаешь, что я ни за что не отдам тебя этому человеку. Этого не будет. Я готова весь мир перевернуть! Я погибну в этой борьбе, но не отдам тебя!

– В таком случае тебе придется погибнуть, мама, потому что я сделаю так, как сказала. Ты можешь везти меня в этом вагоне, пока он не остановится, но я из вагона не выйду. Я поеду обратно в Нью-Йорк. Теперь подумай, много ли ты этим достигла!

– Сюзанна, я, право, начинаю верить, что ты лишилась рассудка. Ты и меня свела с ума, хотя еще не настолько, чтобы я не могла отличить, что хорошо, а что дурно.

– Мама, я больше не скажу ни тебе, ни Кинрою ни слова. Хочешь, вези меня обратно в Нью-Йорк, не хочешь, не надо, но из вагона я не выйду. Я не желаю больше выслушивать всякий вздор и неправду! Один раз ты обманула меня, но больше тебе это не удастся.

– Ну что ж, – ответила миссис Дэйл, между тем как поезд все летел вперед. – Ты сама меня к этому вынудила. Все это вызвано только твоим поведением. Если бы ты пожелала быть благоразумнее, подождать и хорошенько подумать, мы с тобой не были бы сейчас здесь. Я не допущу, чтобы ты сделала то, что задумала. Можешь оставаться в вагоне, если угодно, но обратно в Нью-Йорк тебе без денег не попасть. Уж я об этом поговорю с начальником станции.

Сюзанна задумалась. У нее не было ни денег, ни платья, кроме того, что на ней. Она находилась в незнакомой местности и почти никогда не путешествовала одна. Все это несколько ослабило ее решимость, но это вовсе не значило, что она сдалась.

– Как же ты собираешься вернуться? – возобновила свои уговоры миссис Дэйл после небольшой паузы, так как Сюзанна сидела, не обращая внимания на мать. – У тебя нет денег. Уж не намерена ли ты устроить скандал? Единственное, что я хочу, это чтобы ты пожила здесь несколько недель, – чтобы у тебя было время подумать вдали от этого человека. Я не хочу, чтобы ты ушла к нему пятнадцатого сентября. Я не позволю тебе это сделать. Почему ты так неблагоразумна? Ты могла бы отлично провести время. Ты любишь ездить верхом – пожалуйста. Я тоже буду ездить с тобой. Можешь пригласить кого-нибудь из подруг. Я велю прислать тебе твои платья. Только побудь здесь некоторое время и подумай хорошенько о том, что ты хочешь сделать.

Сюзанна отказывалась разговаривать. Она размышляла о том, как ей поступить дальше. Юджин там, в Нью-Йорке. В четверг он будет ждать ее.

– Конечно, Сюзанна, – вставил Кинрой, – отчего бы тебе не послушаться маминого совета? Она искренне желает тебе добра. Ведь то, что ты задумала, ужасно! Отчего не поступить так, как велит здравый смысл, и не остаться здесь месяца на три-четыре?

– Не будь попугаем, Кинрой! Я все это уже слышала от мама.

Когда миссис Дэйл упрекнула Сюзанну за ее тон, она ответила:

– Ах, замолчи, мама, я больше на желаю слушать! Ты меня ни в чем не убедишь. Ты мне солгала. Ты сказала, что мы едем в Олбэни. Ты заманила меня сюда. Так потрудись теперь отвезти меня обратно! Ни о какой Канаде не может быть и речи. Я не поеду никуда, кроме Нью-Йорка. Давай лучше прекратим этот разговор.

Поезд все мчался вперед. Был подан завтрак. В Монреале салон-вагон перевели на колею Канадско-Тихоокеанской железной дороги. Миссис Дэйл не переставала упрашивать Сюзанну, но та молчала и даже отказалась от еды. Она сидела и смотрела в окно, думая о том, как неожиданно все повернулось. Где сейчас Юджин? Что он делает? Что он подумает, если она не вернется в Нью-Йорк? Она не сердилась на мать, она чувствовала презрение к ней. Этот обман вызывал в ней досаду и отвращение. Она не испытывала безумного желания быть с Юджином, она просто думала о том, что все равно к нему вернется. Он рисовался ей таким, как она сама, – сильным, терпеливым, находчивым, готовым, если нужно, прожить некоторое время и без нее – хотя о себе она тоже имела довольно смутное представление. Ей очень хотелось увидеть его, но в сущности гораздо больше хотелось дать ему возможность увидеть ее, раз ему этого так сильно хочется. Каким чудовищем должна казаться ему ее мать!

В полдень они прибыли в Джуинату, а в два находились уже в пятидесяти милях к западу от Квебека. Сюзанна решила было совсем не притрагиваться к пище, чтобы досадить матери, но потом поняла, что это глупо, и села за стол. Своим поведением она создавала чрезвычайно тяжелую атмосферу для матери и брата, и те увидели, что ничего не добились, а только перенесли свои испытания в другое место. Ее воля не была сломлена. В вагоне дышалось, как перед грозой.

– Сюзанна, – обратилась к ней миссис Дэйл, – почему ты не хочешь со мной разговаривать? Почему ты отказываешься понять, что я делаю это для твоего же блага? Я хочу дать тебе время подумать. Поверь мне, я вовсе не желаю применять насилие, но войди и ты в мое положение…

Сюзанна молча глядела в окно на мелькавшие мимо зеленые поля.

– Сюзанна, неужели ты не понимаешь, что этого никогда не будет? Неужели ты не можешь понять, какой это ужас?

– Мама, прошу тебя, оставь меня в покое. Ты сделала то, что, по-твоему, должна была сделать. А теперь оставь меня. Ты мне лгала, мама. Я не хочу с тобой говорить. Я требую, чтобы ты отвезла меня обратно в Нью-Йорк. Тебе ничего другого не остается. Не приставай ко мне с объяснениями, они все равно не помогут.

В груди миссис Дэйл клокотала буря, но она чувствовала свое полное бессилие перед дочерью. К Сюзанне нельзя было и подступиться.

Прошло еще несколько часов, и на какой-то маленькой станции Сюзанна попыталась сойти с поезда, но миссис Дэйл и Кинрой буквально силой удержали ее. При этом чувствовали они себя прескверно, ибо не могли не видеть, что им так и не удалось сломить волю Сюзанны. Она наотрез отказывалась с ними считаться. Миссис Дэйл заплакала. Потом лицо ее окаменело. Потом начались мольбы и заклинания. Сюзанна молчала и надменно отворачивалась.

Когда поезд остановился у Три-Риверс, Сюзанна заявила, что не тронется с места. Миссис Дэйл умоляла, грозила позвать на помощь, говорила, что объявит Сюзанну невменяемой. Ничто не помогало. Вагон отцепили, после того как кондуктор спросил миссис Дэйл, намерена ли она сойти на этой станции. Миссис Дэйл была вне себя. Ее душили ярость, стыд и сознание своего бессилия.

– Как ты ведешь себя! – набросилась она на Сюзанну. – Какой демон в тебя вселился! Ну что ж, останемся жить в вагоне! Посмотрим, что из этого выйдет.

Она знала, что это невозможно, так как вагон был предоставлен ей лишь на один рейс, и на другой день его нужно было вернуть в Нью-Йорк.

Вагон перевели на запасный путь.

– Я умоляю тебя, Сюзанна! Прошу тебя, не делай из нас всеобщего посмешища! Какой срам! Что подумают люди!

– Мне все равно, что они подумают.

– Но ведь ты не можешь здесь оставаться!

– Могу.

– Ну перестань, Сюзанна, выйдем из вагона, пожалуйста, выйди! Ведь мы здесь не век проживем. Я отвезу тебя обратно в Нью-Йорк. Обещай мне, что пробудешь тут месяц, и я даю тебе честное слово, что после этого отвезу тебя обратно в Нью-Йорк. Мне опротивела вся эта комедия! Я не вынесу этого! Потом можешь делать что угодно! Только останься здесь на месяц.

– Нет, мама, – ответила Сюзанна. – Ты опять не сдержишь слова. Ты меня уже раз обманула. И теперь снова лжешь.

– Клянусь тебе, я не лгу! Верно, я раз солгала, но я была в полном отчаянии, Сюзанна, прошу тебя, ну пожалуйста! Будь благоразумна. Пожалей меня хоть немного. Я отвезу тебя обратно, но подожди хотя бы, пока придут наши вещи. Мы не можем ехать в таком виде.

Она послала Кинроя за начальником станции и объяснила, что им нужен экипаж, который доставил бы их в Мон-Сесиль, в снятый ими в этом округе охотничий домик. Она также вызвала врача, – эта мысль пришла ей в голову в самую последнюю минуту, – которому решила заявить, что ее дочь в невменяемом состоянии. В крайнем случае она позовет на помощь и ее силою выведут из вагона. Она так и сказала Сюзанне. Но та в ответ лишь метнула в ее сторону яростный взгляд.

– Зови врача, мама, – сказала она. – Я вытерплю и это. Посмотрим, чего ты добьешься. Но ты еще пожалеешь. Ты будешь горько раскаиваться в каждой своей глупости.

Когда прибыл экипаж, Сюзанна отказалась выйти из вагона. Кучер, местный житель, француз по происхождению, подошел к вагону, чтобы доложить о себе. Кинрой пытался успокоить сестру, он обещал, что сам поможет все уладить, если она согласится спокойно поехать в охотничий домик.

– Вот что я тебе скажу, Сюзи. Если в течение этого месяца вы с мама не придете к какому-то соглашению и ты все еще будешь рваться обратно, я пришлю тебе денег на дорогу. Я завтра или послезавтра поеду в Нью-Йорк – так хочет мама, – но я даю слово помочь тебе. Больше того, я уговорю мама привезти тебя обратно через две недели. Ты знаешь, что я раньше никогда не лгал тебе и впредь никогда не буду. Прошу тебя, поедем. Давай сядем в экипаж. Я уверен, что здесь очень хорошо.

Миссис Дэйл сняла охотничий домик у Кэткартов, договорившись с ними обо всем по телефону. Он был полностью меблирован и готов для приема гостей, даже растопка была принесена в комнаты, и оставалось только разжечь камины. Там был водопровод, горячая вода, подававшаяся из котельной, ацетиленовые лампы, а также изрядный запас провизии. Привратник, с которым можно было снестись по телефону со станции, по первому сигналу должен был вызвать прислугу. Миссис Дэйл успела обо всем договориться с ним еще до того, как прибыл экипаж. Дороги находились в таком скверном состоянии, что пользоваться автомобилем было невозможно. Станционный агент, предвкушая щедрое вознаграждение, изо всех сил старался услужить.

Сюзанна слушала Кинроя, но не верила ему. Она вообще теперь никому не верила, кроме Юджина, а он был далеко и не мог ей ничего посоветовать. Все же, раз у нее не было денег, а мать грозила позвать врача, она решила, что лучше, пожалуй, не устраивать скандала. Миссис Дэйл, казалось, совсем перестала владеть собой. Лицо, ее осунулось и стало белее полотна, она была страшно взволнована; у Кинроя нервы тоже были натянуты донельзя.

– Даешь ты мне честное слово, – обратилась Сюзанна к матери, когда та возобновила свои уговоры, в какой-то мере подтверждавшие обещания Кинроя, – что если я соглашусь пробыть это время здесь, ты через две недели отвезешь меня в Нью-Йорк?

Это позволило бы ей вернуться в город в пределах обещанного Юджину срока, а раз так, то задержка не играла, в сущности, большой роли, при условии, конечно, что ей можно будет переписываться со своим возлюбленным. Мать поступила с ней глупо и деспотично, но с этим можно было примириться. Не видя иного средства для водворения мира, миссис Дэйл дала обещание. Быть может, если продержать Сюзанну в полном покое в течение двух недель, этого окажется достаточно. Пусть поразмыслит в совершенно другой обстановке. В Нью-Йорке слишком нервная атмосфера, а там, в охотничьем домике, царит тишина и покой. Поспорив еще немного, Сюзанна согласилась наконец сесть в экипаж, и они поехали в сторону Монт-Сесиля в охотничий домик Кэткартов, носивший название «Часок-другой», где в это время года не было ни живой души.

Глава XVIII

Домик Кэткартов, длинное, двухэтажное строение, стоял на склоне лесистой горы, на полпути к вершине. Это была одна из тех летних резиденций привилегированного класса, находящихся неподалеку от нетронутых дебрей, где все создает иллюзию

жизни на лоне девственной природы, неисследованной и полной опасностей, хотя на самом деле они расположены достаточно близко от таких больших городов, как Квебек и Монреаль, чтобы можно было спокойно наслаждаться всеми благами цивилизации, не боясь неприятных сюрпризов. Просторные комнаты были убраны со вкусом и по-летнему просто: плетеные стулья и кресла, деревянные скамьи в нишах окон, резные книжные полки, огромные, красиво облицованные камины, окна со свинцовым переплетом, открывающиеся наружу, низкие кушетки со множеством подушек, великолепные шкуры на полу. На стенах висели охотничьи трофеи – оленьи рога, лисьи, медвежьи и другие шкуры, чучела гагар и орлов. Кэткарты проводили лето где-то в другом месте и с удовольствием дали свой охотничий домик такой особе, как миссис Дэйл.

К ее прибытию в «Часок-другой» сторож Пьер, старый местный житель, потомок первых поселенцев, изъяснявшийся на ломаном английском языке и одетый в костюм землистого цвета, под которым, наверно, скрывалось белье не первой свежести, уже успел растопить камины и теперь возился в котельной. Жена его, маленькая крепкая женщина в сборчатой юбке, что-то готовила на кухне. В кладовой привратника хранились богатые запасы мяса, муки, масла и прочей снеди. В помощь хозяйке была приглашена дочь соседа-охотника, обычно служившая у Кэткартов горничной. Миссис Дэйл принялась устраиваться на новом месте, но споры не утихали ни на минуту, так как Сюзанна продолжала стоять на своем.

В четверг Юджин, остававшийся в Нью-Йорке, тщетно дожидался вестей от Сюзанны. Он позвонил по телефону, но ему ответили, что миссис Дэйл нет в городе и что она не скоро вернется. Наступила пятница – от Сюзанны ни слова. В субботу то же. Он послал ей заказное письмо, но оно вернулось с пометкой «адресат выбыл». Тогда ему стало ясно, что его подозрения были правильны и что Сюзанна попала в ловушку. Он стал нервничать и волноваться, его мучили всевозможные страхи. Мрачный, сидел он за своим письменным столом и барабанил пальцами по стеклу, тщетно стараясь сосредоточиться на десятках мелочей, постоянно требовавших его внимания. Иногда он бесцельно бродил по улицам, погруженный в свои думы. Подчиненные спрашивали его мнения относительно книг, реклам и издательских планов, но он неспособен был даже как следует вслушаться в то, что ему говорили.

– Наш шеф в последнее время чем-то сильно озабочен, – заметил Картер Хейз, заведующий отделом рекламы, в разговоре с заведующим отделом распространения. – Он даже не слышит, что ему говорят.

– Да, я и сам это заметил, – ответил тот. Они вместе вышли из приемной, примыкавшей к кабинету Юджина, и под руку направились по устланному ковром коридору к лифту. – Что-то с ним неладное творится. Ему следовало бы отдохнуть. Он слишком много работает.

Но Хейз вовсе не находил, что Юджин слишком много работает. За последние четыре-пять месяцев его невозможно было поймать. Юджин приходил утром в десять или в половине одиннадцатого, часто уходил в два или в три, во время завтрака у него были деловые свидания, не имевшие никакого отношения к его обязанностям в издательстве, а вечером он отправлялся на званый обед или уезжал куда-нибудь в такое место, где его нельзя было разыскать. Несколько раз, когда Колфакс посылал за ним, оказывалось, что Юджина нет на месте, а иногда Колфакс сам приходил к нему в кабинет и не заставал его. Он не проявлял недовольства – Юджин имел полное право располагать своим временем, – но считал, что такое поведение не в интересах самого Юджина как директора издательства: ведь ему приходится разрешать множество вопросов. Только человек исключительных способностей мог бы справиться с таким делом, не отдавая ему все свое время. Эта мысль, конечно, не пришла бы Колфаксу в голову, будь Юджин его компаньоном, как другие его сотрудники на других предприятиях, – но так как Юджин был только служащим, Колфакс не мог смотреть на него иначе, как на человека, обязанного все свое время отдавать делам издательства.

Уайту, например, ничего не нужно было, кроме работы. Он всегда был на месте, всегда начеку, он добросовестно относился к своим обязанностям, нисколько не зазнавался, работал спокойно и со знанием дела. При каждом удобном случае он шел советоваться с Колфаксом, тогда как Юджин не имел ни малейшего желания бегать по всяким пустякам к начальнику; он предпочитал действовать на свой страх и держался в высшей степени независимо.

Но не одно это вредило Юджину. Постепенно по издательству начал распространяться слух, что Витла принимает участие в строительной «Компании Синее море», о которой было много разговоров в городе, главным образом в финансовых кругах. Колфакс тоже слышал об этой компании. Он интересовался ее планами, так много обещавшими в смысле роскоши и комфорта. Пока что была осуществлена лишь незначительная часть того живописного целого, которое было изображено на цветных иллюстрациях к брошюрке в два листа (творение Юджина), но даже то, что было сделано, в достаточной степени свидетельствовало о грандиозных масштабах предприятия. Уже была проложена на милю с четвертью прекрасная набережная с парапетом, построен павильон под ресторан и дансинг, а также один из намеченных небольших отелей – все в точном соответствии с первоначальным архитектурным планом. Два-три десятка нарядных особняков, каждый на участке в сто пятьдесят квадратных метров, высились там, где раньше тянулось заросшее осокой болото. На трех или четырех островках был укреплен грунт, и на одном из них появилось небольшое здание яхт-клуба, – но все же строительной компании предстояло еще много потрудиться, чтобы довести до конца хотя бы треть намеченных работ.

Юджин ничего не знал о финансовом положении компании, разве только в самых общих чертах. Он старался держаться в тени, хотя нередко завтракал с Уинфилдом, Уилибрэндом и другими причастными к этому делу лицами и не упускал случая обратить

внимание своих знакомых на красоты и преимущества нового курорта. Он охотно рассказывал то одному, то другому, что «Синее море» скоро станет самым роскошным летним курортом в мире. Это давало известные результаты. Помогали и восторженные отзывы других заинтересованных лиц, но все же дела компании были далеко не блестящи. Для настоящего успеха «Синему морю» нужен был гораздо больший капитал, чем первоначальные десять миллионов. Строительство требовало солидной постановки дела, несовместимой с погоней за быстротой.

Вскоре сотрудникам издательства, а потом и Колфаксу и Уайту стало известно, что Юджин серьезно заинтересован в этом предприятии, занимает в нем пост секретаря или какой-то другой и отдает работе по проектированию курорта значительную часть того времени, которое он мог бы использовать в интересах издательства.

– Что вы на это скажете? – спросил Колфакс Уайта, когда тот однажды утром зашел к нему в кабинет. Сведения о Юджине были переданы Колфаксу заведующим типографией, одним из подчиненных Уайта, по его указанию.

– Скажу то же, что и всегда, – ответил Уайт, пожимая плечами. – Он так же мало интересуется нашим делом, как и всяким другим. Оно ему нужно только как ступень, а когда он поднимется выше, тогда – прощайте. Что ж, с его точки зрения, это, может быть, и правильно, – каждый человек вправе стремиться к лучшему. Но нам от этого не легче. Нам было бы выгоднее иметь такого служащего, который не думал бы о том, как отсюда уйти. А лучше всего возьмитесь сами управлять делом. У вас, конечно, нет особого желания, но при том опыте, какой вы здесь приобрели, вы без труда найдете помощника, который прекрасно справится с работой под вашим руководством. Так что во всем этом есть и своя положительная сторона, – если что случится, вы можете обойтись и без Витлы. При хорошем помощнике вы будете руководить делом, не выходя из своего кабинета.

Этот разговор происходил в самый разгар романа между Юджином и Сюзанной. В продолжение весны и лета все мысли Юджина были заняты девушкой – он измышлял способы увидеться с нею, обдумывал загородные поездки, вспоминал каждое ее движение, каждое слово и потому, как правило, мало внимания уделял служебным делам, которые, кстати, сильно ему приелись. Вот если бы средства, вложенные в строительную компанию, стали давать ощутимую прибыль в виде дивидендов, тогда он мог бы бросить службу. Когда Анджеле стало известно о его романе с Сюзанной, он стал подумывать о том, что некстати связал свое благосостояние с проектом «Синего моря». Если бы судьба судила ему остаться с Анджелой, тогда еще куда ни шло. Он мог бы терпеливо ждать и ни о чем не беспокоиться. Теперь же попытка превратить эти бумаги в наличные вызвала бы, вероятно, вмешательство суда, так как Анджела могла возбудить против него иск. Да и вообще необходимо было прилично обеспечить ее и сделать это совершенно официально. Кроме вложений в строительную компанию, у него не было ничего, если не считать жалованья, а теперь они так мало откладывали, что их сбережения не могли служить ему большой поддержкой в случае, если бы миссис Дэйл пожаловалась на него Колфаксу и тот порвал бы с ним. Потребует ли он, чтобы Юджин отказался от Сюзанны, или же попросту предложит ему подать в отставку? Юджин замечал, что в последнее время Колфакс далеко не так мил и не так восторгается его успехами, как бывало раньше, но это еще ровно ничего не доказывало. Нет ничего удивительного в том, что они надоели друг другу. Они реже бывали вместе в обществе, а когда им случалось там встречаться, Колфакс заметно сторонился его. Юджин подозревал, что Уайт строит против него козни. Что ж, если Колфакс переменится к нему, тут уж ничего не поделаешь. Что касается издательских дел, то начальству как будто не на что жаловаться – работа шла вполне успешно.

Гроза разразилась позднее и совсем неожиданно, но до тех пор и семейство Дэйл, и Анджела, и сам Юджин претерпели немало терзаний и душевных мук.

Отъезд Сюзанны явился первым ударом грома, за которым последовали другие. Не получая известий от Сюзанны, Юджин был вне себя. Впервые в жизни он познал, как убийственно невыносима и горька любовь, если нет уверенности и надежда ускользает. Душевные испытания сопровождались и настоящей физической болью в области солнечного сплетения, в том месте, которое в просторечии называется «под ложечкой». Он сильно страдал, – не меньше, надо полагать, чем тот юный спартанец, внутренности которого грызла лиса, спрятанная у него за пазухой. Он без конца думал о том, где Сюзанна, что она делает, а затем, видя, что работа не клеится, вызывал машину и уезжал куда-нибудь или же, нахлобучив шляпу, бесцельно бродил по улицам. Езда в автомобиле не приносила облегчения, так как мучительнее всего было сидеть на одном месте. Вечером он возвращался домой, располагался в своей студии у окна, а еще чаще на маленьком балкончике и смотрел на вечно меняющуюся панораму Гудзона, тоскуя по Сюзанне и думая, где она сейчас, увидит ли он ее когда-нибудь. Удастся ли ему одержать победу в этой борьбе, если они даже увидятся? О, ее прекрасное лицо, ее дивный голос, ее восхитительные глаза и губы! Волшебное прикосновение ее рук, ее стремительные движения!

Он пробовал писать стихи и сочинил несколько неплохих сонетов «К возлюбленной». Он брал альбом и делал карандашом наброски, вспоминая ее в разных позах, запечатлевая всевозможные выражения ее прелестного лица, в надежде использовать впоследствии эти эскизы для задуманной им серии ее портретов. Его нисколько не смущало присутствие Анджелы, хотя у него хватило такта скрывать от нее эту работу. Ему было немного стыдно, что он так обращается с ней, но вид ее внушал ему не столько жалость, сколько досаду и неприязнь. Зачем только он женился на ней, – не переставал он себя спрашивать.

Однажды вечером они сидели в студии. Лицо Анджелы было воплощенным отчаянием, ибо она постепенно начинала осознавать весь ужас своего положения. Видя, какой он мрачный и подавленный, она заговорила с ним:

– Юджин, тебе не кажется, что ты мог бы побороть себя? Ты говоришь, что Сюзанну увезли обманом. Почему не примириться с этим? Подумай о своей карьере, Юджин. Подумай обо мне. Что будет со мной? Если ты захочешь, ты пересилишь себя. Неужели ты бросишь меня после стольких лет, прожитых вместе? Подумай все же, как я старалась, – разве я не была тебе хорошей женой, Юджин? Ты не можешь сказать, что я очень изводила тебя. О Юджин, я все время чувствую, что над нами нависла ужасная катастрофа! Если бы я только знала, что сделать, что сказать! Я сознаю, что бывала временами раздражительна и придирчива, но с этим теперь покончено. Я стала другим человеком. Это никогда больше не повторится.

– Это невозможно, Анджела, – спокойно отвечал он. – Это невозможно. Я не люблю тебя. Я уже не раз говорил тебе: я не хочу жить с тобой. Не хочу и не могу. Я должен во что бы то ни стало вернуть себе свободу, – либо развестись, либо негласно разойтись с тобой, – как угодно. Я несчастлив и никогда не буду счастлив, пока я здесь. Сначала я хочу освободиться, а потом решу, что делать.

Анджела покачала головой и вздохнула. Ей трудно было привыкнуть к мысли, что она, точно неприкаянная, бродит по своей квартире и не может договориться с собственным мужем. Мариетта уехала в Висконсин еще до того, как разразилась буря. Миртл была в Нью-Йорке, но Анджеле не хотелось ей открываться. Она не решилась писать никому из родных, кроме той же Мариетты, но и с ней не делилась своими горестями. У младшей сестры, пока она гостила у них, создалось впечатление, что их семейная жизнь протекает вполне гладко.

Анджела часто плакала, а потом слезы сменялись яростью, хотя с каждым разом ярость все убывала. Снова ею овладели страх и уныние, напоминавшие тоскливые дни, предшествовавшие ее замужеству, и скорбь о том, что ей предстоит окончательно и бесповоротно потерять единственного близкого человека, которого она, несмотря ни на что, продолжала любить.

Глава XIX

Три дня спустя, когда Юджин был в издательстве, у себя в кабинете, от миссис Дэйл пришла телеграмма следующего содержания: «Взываю к вашей чести джентльмена прошу в случае получения письма моей дочери ничего не предпринимать до свиданья со мной».

Юджин был сильно озадачен. Он представил себе, что между Сюзанной и матерью – где бы они ни находились – идет отчаянная борьба, и, по всей вероятности, Сюзанна скоро даст о себе знать. Только сейчас он впервые получил хотя бы отдаленное представление о том, где она; телеграмма была помечена «Три-Риверс, Канада», – следовательно, они были где-то там. Однако эта пометка мало чем помогла ему, так как ни писать Сюзанне по такому адресу, ни ехать к ней он не мог. Ему не удалось бы разыскать ее. Оставалось лишь ждать и помнить, что она ведет борьбу, быть может, еще более жестокую, чем он. Юджин носил телеграмму в кармане и думал о том, когда же наконец придет известие от Сюзанны и что принесет ему завтрашний день. Все, кому приходилось иметь с ним дело, замечали, что он чем-то крайне озабочен.

Колфакс, увидев его, воскликнул:

– Что с вами, приятель, вы на себя не похожи!

Он решил, что Юджин обеспокоен делами «Синего моря». Вскоре после того, как Колфаксу доложили об участии Юджина в этой затее, ему стало известно, что потребуются огромные капиталовложения, для того чтобы курорт действительно стал таким, каким он был задуман, и что пройдет много лет, прежде чем можно будет ждать от него соответствующих доходов. Если Юджин вложил в дело большую сумму, то он, надо полагать, потерял ее или, в лучшем случае, «заморозил» на неопределенный срок. Что ж, поделом ему, пусть не занимается вещами, в которых ничего не смыслит.

– Нет, ничего, – рассеянно ответил Юджин. – Я себя прекрасно чувствую. Немножко устал, разумеется, но это пройдет.

– А не взять ли вам отпуск на месяц, чтобы немного прийти в себя?

– Да нет, спасибо! Во всяком случае, не сейчас, – ответил Юджин.

Про себя он решил, что отпуск может пригодиться ему немного позднее, и тогда он воспользуется этим предложением.

Разговор перешел на деловые темы, но от Колфакса не укрылось, что у Юджина как-то уж очень ввалились глаза и что его гложет тревога. «Как бы он совсем не слег», – подумал он.

Сюзанна между тем жила сравнительно спокойно, насколько это возможно было при ее отношениях с матерью. Однако после нескольких дней, проведенных в бесплодных спорах – все на ту же тему, – она стала понимать, что ее мама отнюдь не намерена уехать из Канады к концу того срока, о котором они сговорились, тем более что их возвращение в Нью-Йорк было сопряжено с немедленным уходом Сюзанны к Юджину. Миссис Дэйл сперва заговорила об отсрочке, а потом начала настаивать, чтобы Сюзанна согласилась ехать не в Нью-Йорк, а в Ленокс и там провела зиму. В Канаде становилось холодно, хотя выдавались еще солнечные деньки, а порою и прекрасные вечера. Зато ночи были очень холодные. Миссис Дэйл и сама мечтала о соглашении, так как страшно скучала одна с Сюзанной после веселой нью-йоркской жизни. Однако за четыре дня до срока, на который был намечен отъезд, она все еще упорствовала или же дипломатически медлила. Сюзанна, глубоко этим возмущенная, пригрозила, что напишет Юджину, после чего миссис Дэйл и послала ему паническую телеграмму. Немного погодя Сюзанна написала следующее письмо, которое поручила отправить своей горничной Габриели:

«Дорогой Юджин!

Если вы меня любите, приезжайте и увезите меня. Я предупредила мама, что если она не сдержит слова и не вернется

со мной в Нью-Йорк до пятнадцатого, я немедленно дам Вам знать, – а она все еще упрямится. Я нахожусь в Канаде, в имении Кэткартов «Часок-другой», в восемнадцати милях к северу от станции Три-Риверс. Здесь всякий знает его. Приезжайте непременно, я буду ждать Вас. Не пытайтесь писать, письмо вряд ли дойдет до меня. Буду ждать, не отлучаясь из дома.

Любящая Вас *Сюзанна*».

Никогда еще Юджин не получал от женщины такого пламенного призыва.

Письмо пришло через тридцать шесть часов после телеграммы, и мысль Юджина лихорадочно заработала. Пора действовать! Возможно, что он теперь навсегда покончит со старой жизнью. Удастся ли ему увезти Сюзанну? Зорко ли ее охраняют? Сладкий трепет пронизал его при мысли, что Сюзанна зовет его и что он едет ее разыскивать. «Если Вы меня любите, приезжайте и увезите меня».

Поедет ли он?

Еще бы!

Справившись о времени отхода поезда, он вызвал машину, позвонил своему лакею и приказал немедленно уложить чемодан и доставить его на вокзал Грэнд-Сентрал. Затем он позвонил Анджеле, но она в этот день как раз собралась к Миртл, жившей в верхней части Седьмой авеню, чтобы наконец поделиться с ней своими горестями. Состояние ее сейчас нисколько его не беспокоило, событие, которого она ждала и о котором Юджин часто задумывался, предстояло еще не скоро. Сообщив Колфаксу, что он едет на несколько дней отдохнуть, Юджин отправился в банк и взял оттуда все, что у него было на текущем счету, то есть свыше четырех тысяч долларов. Билет он купил в один конец, так как не знал, чем кончится свидание с Сюзанной. Он снова пытался позвонить Анджеле, заявить ей напрямик, что едет разыскивать Сюзанну, сказать, чтобы она не беспокоилась и что он ей напишет, но она еще не вернулась домой. Как ни странно, Юджина ни на минуту не оставляла глубокая жалость к жене и мысль о том, что она сделает, если он не вернется. Что будет с ребенком? И все же он считал, что должен ехать. Анджела страдает, она живет в постоянном страхе – он чувствовал это и все же был не в силах противостоять зову Сюзанны. Он не мог противостоять ничему, что имело отношение к этой его любви. Он вел себя как одержимый. Он знал, что рискует всей своей карьерой, но и это его не смущало. Сюзанна должна принадлежать ему. Будь что будет – лишь бы добиться Сюзанны, прекрасной, несравненной!

В пять тридцать поезд тронулся, и, сидя в покачивающемся вагоне, мчавшем его на север, Юджин думал о том, что он предпримет, когда прибудет на место. Если Три-Риверс сколько-нибудь крупный поселок, можно рассчитывать найти там автомобиль. Он оставит машину на некотором расстоянии от дома, а сам постарается пробраться поближе и тайно даст о себе знать. Если только Сюзанна там, она, конечно, ждет его и выбежит по первому его знаку. И они немедля сядут в машину. Возможно, что вскоре начнется погоня, но он постарается сбить ее со следа, чтобы никто не знал, к какой железнодорожной станции он направился. Ознакомившись с картой, он убедился, что ближайший крупный центр – Квебек, но он мог взять направление на Монреаль и Нью-Йорк или на Буффало, если они предпочтут ехать на Запад. Все будет зависеть от расписания поездов.

Любопытно, каким блужданиям подвержен при подобных обстоятельствах человеческий ум. Ни до прибытия на станцию Три-Риверс, ни после у Юджина не было никакого точно выработанного плана – он понятия не имел, что они предпримут в дальнейшем, и знал только, что должен добиться Сюзанны. Он не знал, вернется ли в Нью-Йорк, или нет. Если Сюзанна пожелает и такая возможность представится, они из Монреаля поедут в Англию или во Францию. Можно проехать в Портленд и там сесть на пароход. А может быть, миссис Дэйл, убедившись, что Сюзанна с ним и действует по доброй воле, смягчится и не станет возражать, и тогда он вернется в Нью-Йорк и снова приступит к работе. Если бы Юджин действительно занял такую решительную позицию и придерживался ее до конца, это, вероятно, разрешило бы проблему.

В вагоне с ним ехал мужчина с черной бородой, что всегда было у него хорошей приметой. Выйдя на станции Три-Риверс, он нашел подкову – это тоже предвещало удачу. Ни разу не остановился он на мысли, что ждет его, если он действительно потеряет место и вынужден будет жить на те деньги, которые имел при себе. Он не в состоянии был мыслить логически и словно грезил наяву. Ему хотелось верить, что он может соединиться с Сюзанной и сохранить свой оклад и что все останется как было. Такова логика мечтателей.

Прибыв в Три-Риверс, Юджин, разумеется, обнаружил, что все складывается совсем не так, как он рассчитывал. После продолжительной засухи здесь можно было проехать на автомобиле, до имения «Часок-другой» во всяком случае, – но в последнее время погода испортилась. Перед приездом Юджина прошли холодные дожди, дороги размыло, и передвигаться можно было только верхом или в шарабане. Такой шарабан как раз направлялся в Сен-Жак, не доезжая четырех миль до охотничьего домика, и возница сказал Юджину, что там, если он пожелает, можно достать верховых лошадей, у его хозяина есть конюшня.

Это вполне устраивало Юджина, и он решил, что в Сен-Жаке наймет двух лошадей, подъедет как можно ближе к охотничьему домику Кэткартов и привяжет их где-нибудь в укромном месте. А там он уж как-нибудь вызовет Сюзанну. Вот был бы замечательный финал! Как дивно мчаться по лесу вдвоем. И велико же было изумление Юджина, когда, прибыв в Сен-Жак, он встретил миссис Дэйл. Услужливый начальник железнодорожной станции предупредил ее по телефону, что какой-то джентльмен, по описанию похожий на Юджина, прибыл с последним поездом и направляется в «Часок-другой». А до этого была телеграмма от Кинроя из Нью-Йорка, сообщавшая, что Юджин куда-то уехал. Со дня отъезда миссис Дэйл каждый его шаг был под наблюдением. Вернувшись в Нью-Йорк, Кинрой стал звонить в издательство и ежедневно справляться, в городе ли мистер Витла. До сих пор ответ неизменно гласил, что Юджин в городе. Когда же ему сообщили, что мистер Витла уехал, он позвонил Анджеле и справился у нее. Она подтвердила, что Юджина нет в городе. Кинрой немедленно телеграфировал матери, и та, рассчитав, когда можно ждать гостя, и получив от начальника станции уведомление, что приезжий сел в шарабан, выехала ему навстречу. Она решила не уступать ему без боя ни дюйма пути. Она, правда, уже не собиралась убивать его – у нее и недостало бы на это храбрости, – но все еще надеялась уговорить. Прибегнуть к услугам сыщиков и охраны она не решилась. Не может быть, чтобы Юджин был на самом деле так жесток. Это Сюзанна сбивает его с толку своим упрямством и своими письмами. Миссис Дэйл ясно видела, что с дочерью ей не справиться. Вся надежда была на то, чтобы уговорить Юджина или добиться отсрочки. В крайнем случае они вместе вернутся в Нью-Йорк, и тогда она обратится к Колфаксу и Уинфилду. Уж они-то сумеют его образумить. Как бы там ни было, она ни на секунду не оставит Сюзанну с Юджином вдвоем, пока эта история не разрешится – в ее пользу или наоборот. Увидев Юджина, она приветствовала его своей обычной светской улыбкой и ласково позвала, указывая на свободное место в экипаже:

– Прошу вас! Садитесь.

Он угрюмо посмотрел на нее и повиновался, но, убедившись, что она сама любезность, вежливо поздоровался:

– Как вы поживаете?

– Благодарю вас, очень хорошо.

– А как Сюзанна?

– Она здорова, насколько мне известно. Сейчас ее здесь нет.

– Где же она? – спросил Юджин, на лице которого выразилось неописуемое разочарование.

– Она уехала с друзьями в Квебек дней на десять – посмотреть город, а оттуда собирается прямо в Нью-Йорк. Едва ли она еще вернется сюда.

Она так уверенно лгала, что Юджина охватило чувство отвращения. Он не верил ни одному ее слову.

– Это ложь, – грубо сказал он. – Самая бессовестная ложь. Сюзанна здесь, и вы это прекрасно знаете. Но как бы там ни было, я хочу удостовериться.

– Вы поразительно вежливы, – сказала миссис Дэйл, считая за лучшее превратить это в шутку. – Раньше вы так не разговаривали. Но это не важно. Сюзанны здесь нет. Если вам непременно хочется, вы сами в этом убедитесь. Но я не советовала бы вам проявлять слишком большую настойчивость, так как, узнав о вашем прибытии, я вызвала помощь – не удивляйтесь, если вас встретят сыщики и охрана. Во всяком случае Сюзанны здесь нет, и вы можете с таким же успехом повернуть обратно в Нью-Йорк. Если хотите, я отвезу вас на станцию. Право же, будьте благоразумны, зачем вам нарываться на скандал? Сюзанны здесь нет, но вы не увиделись бы с ней, даже если бы она никуда не уезжала. Об этом позаботились бы люди, которых я вызвала. Если же вы вздумаете шуметь, вас попросту арестуют, и тогда вся эта история попадет в газеты. Будьте же благоразумны, мистер Витла, и вернитесь в Нью-Йорк. Так вы ничего не добьетесь. В одиннадцать вечера здесь проходит поезд из Квебека. Мы можем еще поспеть к нему. Хотите? Обещаю вам – если вы одумаетесь и не доставите мне больше неприятностей – через месяц привезти Сюзанну в Нью-Йорк. Я не могу отдать ее вам, пока вы не получили развода, пока вы не пришли к какому-то соглашению с женой. Если же вам удастся это сделать в течение ближайших шести месяцев или года и Сюзанна за это время не раздумает, тогда пожалуйста. Я готова хоть в письменной форме отказаться от возражений против вашего брака и позабочусь, чтобы она без хлопот получила свою долю наследства. Я, наконец, помогу вам и ей вернуться в общество. Вы знаете, что я пользуюсь некоторым влиянием.

– Сначала я должен повидаться с нею, – ответил Юджин угрюмо и недоверчиво.

– Я, конечно, не обещаю вам, что все забуду, – продолжала миссис Дэйл, притворяясь, будто не расслышала его слов. – Это не в моих силах, но я готова сделать вид. Вы сможете пользоваться моей дачей в Леноксе. Я постараюсь освободить от аренды наш дом в Морристауне или в Нью-Йорке, и вы устроитесь в любом из них. Если хотите, я готова даже обеспечить вашу жену некоторой суммой. Это поможет вам вернуть себе свободу. Я не поверю, чтобы вы предпочли соединиться с Сюзанной незаконно, как вы ей предлагаете, когда есть возможность, немного обождав, сделать это открыто. Она говорит, что не хочет выходить замуж, но это только глупые разговоры, просто она начиталась всяких вредных книжек. Она хочет выйти замуж или во всяком случае захочет, когда придет время подумать об этом серьезно. Почему бы нам не помочь ей в этом? Почему вам не поехать обратно, предоставив мне привезти ее в Нью-Йорк немного погодя, чтобы мы могли там обо всем переговорить? Я буду только рада принять вас в мою семью. Вы блестящий человек. Я всегда была очень расположена к вам. Так будьте же благоразумны. Давайте я отвезу вас на станцию, и вы вернетесь в Нью-Йорк, – хорошо?

Пока миссис Дэйл убеждала его, Юджин не сводил с нее внимательного взгляда. Как она красноречиво лжет! Она старается не допустить его к Сюзанне, и Юджин прекрасно понимал, почему. Сюзанна где-то здесь, думал он, хотя ее могли снова увезти обманом, как это уже раз случилось.

– Вздор какой! – ответил он с небрежным и вызывающим видом. – Ничего подобного я делать не стану. Прежде всего я вам не верю. Если вам хочется доказать свое доброе отношение ко мне, разрешите мне повидать Сюзанну. И тогда в ее присутствии вы можете повторить все, что сказали сейчас. Я приехал сюда, чтобы ее увидеть, и я ее увижу. Она здесь. Я уверен, что она здесь. Зачем вы лжете? И знайте, я увижусь с нею, хотя бы мне пришлось прожить здесь целый месяц, разыскивая ее.

Миссис Дэйл нервно поежилась. Она понимала, что Юджин решился на все. Она догадывалась, что Сюзанна писала ему. Разговаривать, пожалуй, не стоит. Никакие хитрости не помогут, и все же она не могла не хитрить.

– Послушайте, мистер Витла, – взволнованно сказала она. – Я повторяю, Сюзанны здесь нет. Она уехала. Мой дом охраняют сыщики, и их очень много. Они знают, кто вы. Они получили подробное описание вашей наружности. Им приказано стрелять, если вы сделаете попытку ворваться силой. Кинрой тоже там. Он готов на все. Мне уже пришлось выдержать с ним борьбу, он рвался убить вас. Дом охраняется. Даже сейчас за нами следят. Будьте же благоразумны. Вы все равно не увидите ее. Она уехала. Зачем поднимать шум? Зачем рисковать своей жизнью?

– Оставьте эти разговоры, – сказал Юджин. – Вы лжете. Я вижу это по вашему лицу! Знайте же, что я не дорожу жизнью, и вам не удастся меня запугать. Довольно! Сюзанна здесь, и я ее увижу.

Он замолчал и стал смотреть перед собой, а миссис Дэйл лихорадочно думала о том, что же ей теперь предпринять. Никаких сыщиков и охраны в доме не было. Сюзанна никуда не уезжала. Все это были пустые слова, как и догадывался Юджин. Прежде всего миссис Дэйл хотелось избежать огласки, и такие средства она приберегала на самый крайний случай.

Вечер, которому предшествовало несколько ветреных дней, выдался довольно тихий. На востоке всходила луна, отчетливо видимая на светлом закатном небе. Вскоре она засияет в небе. Воздух был, пожалуй, даже теплый, пахло землей и хвоей. Юджин не оставался, конечно, равнодушен к красоте этого вечера, но он был слишком удручен мыслью, что Сюзанны может здесь не оказаться.

– О, будьте хоть немного великодушны, – взмолилась миссис Дэйл, опасавшаяся, что Юджин и Сюзанна окончательно потеряют рассудок, если снова увидятся. Ее дочь потребует – как не переставала требовать все это время, – чтобы мать отвезла ее в Нью-Йорк. Юджин оставит без внимания все ее просьбы, и последует немедленный отъезд или бесстыдная связь у нее в доме. Она подумала, что могла бы убить их, если не будет другого выхода, но под действием вызывающей настойчивости Юджина, с одной стороны, и Сюзанны – с другой, чувствовала, что мужество изменяет ей. Ее пугала смелость этого человека.

– Я сдержу свое обещание, – в полном отчаянии несвязно твердила она. – Клянусь честью, ее здесь нет! Уверяю вас, что она в Квебеке. Подождите один месяц. Я сама привезу ее. Мы вместе найдем какой-нибудь выход. Неужто в вас нет ни капли великодушия?

– Я был бы способен на великодушие, – ответил Юджин, на которого произвели известное впечатление ее заманчивые обещания, – но я не могу вам верить. Вы говорили неправду Сюзанне, когда увезли ее из Нью-Йорка. Это была ловушка, а сейчас вы придумали новую. Я знаю, что Сюзанна никуда не уезжала. Она находится здесь, недалеко. Отвезите меня к ней, и мы обо всем поговорим. Кстати, куда мы едем?

Миссис Дэйл свернула не то на тропинку, не то на заброшенную проселочную дорогу, густо обросшую по бокам невысокими деревьями и напоминавшую просеку, которую прокладывают к вырубке.

– К охотничьему домику.

– Я этому не верю, – сказал Юджин, ко всему относившийся с подозрением. – Не может быть, чтобы это была главная дорога к такому поместью.

– Уверяю вас, что это и есть главная дорога.

Миссис Дэйл приближалась к участку, на котором стоял охотничий домик, и ей хотелось выгадать время, чтобы еще поговорить с Юджином.

– Что ж, поезжайте этой дорогой, если вам угодно, – сказал Юджин, – а я предпочитаю идти пешком. Вам не удастся отделаться от меня, сколько бы вы ни кружили. Я останусь здесь неделю, месяц, два месяца, если понадобится, но не уеду, не повидавшись с Сюзанной. Она здесь, и я это знаю. Я пойду один и найду ее. Я не боюсь вашей охраны.

Он выскочил из экипажа, и миссис Дэйл вынуждена была сдаться.

– Подождите! – крикнула она. – Туда еще больше двух миль. Я свезу вас. Но все равно, вы не застанете там Сюзанну. Она ушла в сторожку. Будьте же благоразумны! Клянусь вам, я привезу ее в Нью-Йорк. Неужели вы отвергнете мои предложения и предпочтете разбить и ее жизнь, и свою, и мою? О, если бы мистер Дэйл был жив! Если бы около меня был мужчина, на которого я могла бы положиться! Ну, садитесь, поедемте. Только обещайте мне, что сегодня вы не будете пытаться ее увидеть. Все равно ее нет дома. Она ушла в сторожку. О боже, хоть бы что-нибудь случилось, чтобы все это по крайней мере кончилось так или иначе!

– Вы говорили как будто, что она в Квебеке.

– Я сказала это только, чтобы выиграть время. У меня нервы совсем расшатались. Да, это была неправда. Но ее действительно нет дома. Она ушла на весь день. Я не могу разрешить вам остаться у нас. Позвольте мне отвезти вас обратно в Сен-Жак, и вы можете переночевать у старого Пьера Гэна. А утром приедете. Слугам может показаться странным, если я привезу вас сейчас. Обещаю вам, что вы увидитесь с Сюзанной. Даю вам слово.

– Ваше слово! Право же, миссис Дэйл, вы совершенно запутались. Я ни одному вашему слову не верю, – холодно ответил Юджин.

Теперь он совсем успокоился и, ликуя, думал о том, что Сюзанна здесь. Он увидит ее – он это чувствовал. Он нанес миссис Дэйл крупное поражение. И он будет наносить ей удар за ударом, а потом они вместе с Сюзанной предложат ей свои условия.

– Никуда я не поеду, и вы сейчас же приведете ко мне Сюзанну. Если она действительно не дома, то вы отлично знаете, где ее найти. Но она там, и я увижусь с ней сегодня же. Мы можем обсудить ваше предложение в ее присутствии. Достаточно вы мудрили. Сюзанна на моей стороне, и вы это знаете. Она моя. Вам с ней не сладить, а вот вдвоем мы с вами поговорим.

Он откинулся на спинку экипажа и стал напевать что-то про себя. Луна все ярче и ярче сияла в небе.

– Обещайте мне одно, – в отчаянии настаивала миссис Дэйл. – Обещайте мне, что вы убедите Сюзанну согласиться на мое предложение. Несколько месяцев ничего для вас не значат. Вы можете, как обычно, видеться с нею в Нью-Йорке. Займитесь вашим разводом. Вы единственный человек, который в состоянии повлиять на Сюзанну, я признаю это. Мне она не поверит. Меня она не станет слушать. Поговорите вы с ней. От этого зависит ваше будущее. Уговорите ее подождать. Уговорите ее остаться здесь или поехать в Ленокс и только потом вернуться в Нью-Йорк. Вас она послушает. Она поверит всему, что вы ей скажете. Я ей солгала. Я много лгала за это время, у меня не было другого выхода. Но поставьте себя на мое место. Прошу вас, повлияйте на нее. Я сделаю все, что обещала, и даже больше.

– Я сегодня же увижу Сюзанну?

– Да, если обещаете помочь мне.

– Я увижу сегодня Сюзанну или нет, независимо от всяких обещаний? Я ничего не скажу вам такого, чего не мог бы повторить в ее присутствии.

– Но обещайте мне согласиться на мое предложение и повлиять на Сюзанну.

– Я, пожалуй, готов согласиться, но обещать ничего не обещаю. Я хочу, чтобы Сюзанна сама услышала все, что вы намерены сказать. Я думаю, что с моей стороны возражений не будет.

Миссис Дэйл безнадежно покачала головой.

– Все равно вам придется уступить, – продолжал Юджин. – Я увижу ее, угодно это вам или нет. Сюзанна там, и я найду ее, хотя бы мне пришлось обыскать весь дом. Она услышит мой голос.

Он говорил с полным сознанием своей силы.

– Ну что ж, – ответила миссис Дэйл. – По-видимому, придется уступить. Но умоляю вас, будьте осторожны в присутствии слуг. Пусть они думают, что вы мой гость. И разрешите мне отвезти вас сегодня же в Сен-Жак, после того как вы увидите Сюзанну. Не оставайтесь с нею больше получаса.

Миссис Дэйл была в таком ужасе от того, как все повернулось, что не могла собраться с мыслями.

Юджин уже тайно поздравлял себя с победой, в то время как экипаж, освещенный луной, продвигался вперед, подпрыгивая на рытвинах дороги. На радостях он даже пожал руку миссис Дэйл и сказал, что она напрасно расстраивается – все кончится хорошо. Они вместе поговорят с Сюзанной. Интересно будет услышать ее мнение.

– Подождите здесь, – сказала миссис Дэйл, когда они достигли небольшого, поросшего лесом холма у поворота дороги, откуда открывался вид на широкую, ярко освещенную луной долину. – Я зайду и вызову ее. Не знаю, дома ли она, но если нет, значит, она в сторожке, и мы вместе пройдем туда. Мне не хотелось бы, чтобы слуги присутствовали при вашей встрече. Умоляю вас, побольше сдержанности. Ради бога, будьте осторожны!

Юджин улыбнулся. Как она взволнована! Какая растерянность после всех ее угроз! Так, значит, победа? Какую борьбу он выдержал! И вот он у самых ворот прекрасного здания, огни которого прорезают серебристые сумерки. Воздух был напоен ароматом лугов. Пахло влажной от вечерней сырости землей, которая скоро затвердеет и покроется толстым ковром снега. Кое-где слышались запоздалые птичьи голоса, ветер слегка шелестел в листве. «В такую ночь…» – вспомнились ему слова Шекспира. Как подходила эта обстановка для его встречи с Сюзанной! Как прекрасна их любовь! Они все время встречались в таких чудесных местах – на лоне природы или среди изысканной роскоши. Казалось, само небо покровительствует этому величайшему событию всей его жизни. Он – признанный гений. Судьба осыпает его цветами. Она венчает его короной победителя.

Он ждал; тем временем миссис Дэйл направилась к дому, и немного спустя вдали показалась грациозная девичья фигурка. Юджин видел, как она бежала в тени деревьев, а за нею немного позади следовала миссис Дэйл. Сюзанна легкой, танцующей походкой спешила к Юджину – юная, прекрасная, полная решимости и жизненных сил. Складки ее широкого платья развевались, обрисовывая стройный стан. Она казалась Юджину воплощением красоты. Геба, юная Диана, Венера в девятнадцать лет! Губы ее раскрылись в счастливой улыбке, а глаза были спокойны, как голубые опалы, таящие где-то в глубине своей золото и огонь.

Еще издали она увидела его и бросилась навстречу, протягивая ему руки.

– Сюзанна! – воскликнула миссис Дэйл. – Как тебе не стыдно!

– Молчи, мама! – нетерпеливо ответила девушка. – Мне дела нет ни до чего! Мне ни перед кем не стыдно! Ты одна виновата во всем! Незачем было лгать мне. Он не приехал бы, если бы я не вызвала его. Теперь я уеду в Нью-Йорк. Я тебя предупреждала, что уеду.

Она не воскликнула «О Юджин!», когда подошла к нему, а только взяла его голову в обе ладони и нежно заглянула в глаза. Его взгляд обжег ее огнем. Она отступила на шаг и широко раскрыла объятия, чтобы крепче прижать его к себе.

– Наконец-то, наконец-то! – говорил он, лихорадочно целуя ее. – О Сюзанна! Моя голубка!

– Я знала, что вы приедете, – сказала она. – Я говорила ей, что вы приедете. Теперь я уеду с вами.

– Да, да! – воскликнул Юджин. – Какая дивная ночь! Какое счастье! И вы снова со мной!

Миссис Дэйл стояла неподалеку, бледная, как смерть, в полном оцепенении. Подумать только, ее дочь способна так вести себя, так опозорить ее, заставить ее быть свидетельницей подобного срама! Это невероятно, ужасно, немыслимо!

– Сюзанна! – всхлипнула она. – Мне легче было бы умереть, чем видеть это!

– Я говорила тебе, мама, ты еще пожалеешь, что увезла меня, – сказала Сюзанна. – Я предупреждала тебя, что напишу Юджину. Я так ждала вас! – обратилась она к нему и нежно сжала его руку.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на девушку. Царственные осенние звезды на бархате ночи поплыли вокруг его головы. Так вот что такое победа! Как прекрасна жизнь! Мог ли он думать, что его ждет такой триумф! Переживал ли когда-нибудь влюбленный более радостную победу?

– О Сюзанна! – горячо прошептал он. – Это как во сне, как в сказке. Мне не верится, что я вижу вас наяву.

– Да, да, Юджин, как хорошо, как невообразимо хорошо! – ответила она.

И, не обращая внимания на миссис Дэйл, они взялись за руки и скрылись в темноте.

Глава XX

Вся беда заключалась в том, что Юджин, снова сжимавший Сюзанну в своих объятиях, не приготовил сколько-нибудь ясного плана действий. Вместо того чтобы немедленно предложить ей какой-то способ открыто или тайно вырваться на волю или же, овладев девушкой, увезти ее, – чего в сущности она и ждала, – он принялся передавать ей слова миссис Дэйл и, вместо того чтобы сказать «бежим», – спрашивал ее совета.

– Вот что ваша матушка только что предложила мне, Сюзанна, – начал он и стал излагать разговор во всех подробностях. В обещаниях миссис Дэйл он уже видел свершение всех своих надежд.

– Я ответил ей, – сказал он, подразумевая миссис Дэйл, находившуюся где-то тут же, поблизости, – что ничего не могу сказать. Она требовала от меня обещания, что мы именно так и поступим, но я заявил, что решение вопроса должно быть предоставлено вам. Если вы хотите вернуться в Нью-Йорк, мы поедем туда сегодня или завтра. Если же вы предпочтете принять совет вашей матушки, то я подчинюсь вашему желанию. Я предпочел бы, конечно, чтобы вы стали моей теперь же, но вместе с тем готов и ждать, при условии, что мы будем иметь возможность видеться.

Сюзанна слушала его и не понимала. Какого решения он от нее ждет? Она жаждала чего-то необыкновенного, какой-то волнующей драматической развязки, – но так как ничего не произошло, ей приходилось довольствоваться тем, что есть. По правде говоря, ею владело одно только желание – быть с Юджином. Она отнюдь не рассчитывала, что он получит развод. Под влиянием прочитанных книг и незрелых размышлений ей казалось, что в этом и нет особой необходимости. Она вовсе не желала зла Анджеле. Она не хотела, чтобы Юджин нанес жене смертельное оскорбление, открыто бросив ее. После того как Юджин сказал ей, что жизнь с Анджелой его не удовлетворяет, что между ними нет настоящей любви, что и Анджела не питает к нему сколько-нибудь сильного чувства, – она и сама признавала это в своем письме, – Сюзанна решила, что нет ничего дурного, если она будет делить Юджина с Анджелой. Но что такое он говорит сейчас? Он рассуждает о том, как им быть в дальнейшем. Она думала, что он явится и умчит ее, как некий бог, а вместо этого он развивает перед нею какую-то новую

теорию и отнюдь не похож на юного бога. Сюзанна совсем растерялась. Она не могла понять, почему Юджин не хочет немедленно увезти ее.

– Я, право, не знаю… Как вы находите лучше, – сказала она. – Если вы хотите, чтобы я пробыла здесь еще месяц…

– Нет, нет, – прервал ее Юджин; он догадывался, что допустил какую-то ошибку, и хотел поскорее исправить ее. – Я этого ни в коем случае не хочу. Нет, нет, вовсе нет! Я хочу, чтобы вы поехали со мной сегодня же, если возможно. Но я считал своим долгом вам все рассказать. Ваша матушка говорила как будто искренне. Если мы можем добиться своего и притом остаться с ней друзьями, было бы очень нехорошо не воспользоваться этим. Зачем причинять ей лишние страдания? Но если вы и в самом деле согласны…

Он замолчал, чувствуя, что окончательно запутался. Сюзанна едва ли могла бы в ту минуту сказать, какое впечатление произвели на нее его слова. Она только чувствовала, что все бремя ответственности за то или иное решение взваливается на нее. Но это было несправедливо, ей не хватало для этого сил. Не хватало жизненного опыта. Пусть Юджин решает, и как он решит, так и будет.

Надо сказать, что даже в тот момент, когда Юджин опять заключил Сюзанну в свои объятия, – да еще в присутствии ее матери, – он все же не почувствовал того триумфа, как ожидал, потому что еще не считал судьбу свою окончательно решенной. Он не считал возможным пренебречь предложением миссис Дэйл, если оно серьезно. Она заявила ему, прежде чем позвать Сюзанну, что если он не примет ее условий, она будет продолжать борьбу – немедленно даст телеграмму Колфаксу и попросит его приехать. Несмотря на то что Юджин забрал свои деньги из банка и готов был бежать, как только представится возможность, его все же удерживала мысль о Колфаксе и желание сохранить свое обеспеченное положение, присоединив к нему все, что предлагала миссис Дэйл. Он колебался. А может быть, удастся все уладить к общему удовольствию?

– Я не жду от вас окончательного решения, – сказал он, – но как вы думаете?

А Сюзанна пребывала в каком-то смутном состоянии, мешавшем ей думать. Юджин был с нею. Это был рай. Высоко в небе сияла луна.

Чудесно снова быть с ним, чувствовать его ласки. Но он не собирается похищать ее. Они не бросали миру вызова. Они не делали ничего похожего на то, о чем она мечтала, не неслись через все препятствия к победе, – а между тем она именно для этого вызвала его сюда. Мать обещала помочь ему в получении развода. Она окажет материальную поддержку Анджеле, если понадобится. И она, Сюзанна, через некоторое время выйдет замуж, и скоро у нее будет свой дом, и все, как у других. Как странно! Но ведь это вовсе не то, чего она добивалась. Она хотела пренебречь условностями, она мечтала о чем-то смелом, необыкновенном. Может быть, она и погубила бы себя, хотя ей это казалось маловероятным. Мать рано или поздно уступила бы. Так почему же Юджин идет на эту сделку? Как странно…

Ничто не могло нанести такого удара их любви, как эти вдруг проснувшиеся сомнения. Ведь с приездом Юджина они должны были соединиться. Они должны были бороться и победить. Но вот теперь он обнимал ее, а у нее не шли из головы эти смутные мысли. Что-то омрачало их счастье, – словно бледная дымка, туманящая яркую луну, словно брызги пены над морским прибоем или крохотное облачко, не больше человеческой ладони, от которого сердце сжимается боязливым предчувствием. Юджин был для нее по-прежнему желанным – но он не собирался бежать с нею. Они говорили о возвращении в Нью-Йорк, – но не сейчас же и не вместе. Как же так?

– Вы думаете, это будет очень для вас плохо, если мама все расскажет Колфаксу? – спросила она, когда Юджин передал ей угрозу миссис Дэйл.

– Не знаю, – серьезно ответил Юджин. – Да, пожалуй, что плохо. Трудно сказать, как он отнесется. Впрочем, это не имеет никакого значения, – добавил он, и снова Сюзанна была озадачена.

– Ну что ж, если вы хотите ждать, давайте подождем. Я согласна поступить, как вы находите лучше. Я не хочу, чтобы вы потеряли из-за меня место. Если вы считаете, что нужно подождать, будем ждать.

– Но только в том случае, если мне можно будет видеться с вами регулярно, – ответил Юджин, окончательно теряя почву под ногами.

Не умел он идти к победе, не умел взять инициативу в свои руки. Он наивно старался сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы – хотел видеться с Сюзанной, кататься с Сюзанной, танцевать с Сюзанной, только что не поселиться с нею в Нью-Йорке, впредь до предстоящего вступления в тайный или открытый союз. Миссис Дэйл обещала принять его в свою семью, а на самом деле она только старалась выгадать время, чтобы предпринять некоторые шаги и дать Сюзанне возможность

опомниться. Больше всего она надеялась на время, и в этот вечер, почти не отходя от влюбленных и уловив кое-что из слов Юджина, она почувствовала значительное облегчение. Либо он начинает приходить в себя и раскаивается в своем безумии, либо поддался на ее обманчивые посулы. Если б удалось разлучить его с Сюзанной еще на неделю, а самой вернуться в Нью-Йорк, она пошла бы к Колфаксу и к Уинфилду и, возможно, заставила бы их воздействовать на Юджина. Нужно сломить его волю. Он не понимает, что делает, он потерял рассудок. По-видимому, ее ложь подействовала, и она добьется отсрочки, а больше ей ничего не нужно.

– Не знаю. Делайте, как считаете лучше, – говорила Сюзанна между двумя поцелуями. – Как вы хотите – чтобы я завтра же поехала с вами в Нью-Йорк, или…

– Да, да, – ответил он быстро и решительно, – завтра же. Но мы должны приложить все старания, чтобы переубедить вашу матушку. Она понимает, что раз мы снова вместе, то это дело конченое, и надо ее в этом уверить. Она говорит об уступках, а нам только того и нужно. Если нам предлагают какое-то соглашение, почему не пойти на него? Я не против того, чтобы подождать еще недельку, – надо дать ей подумать. Если же она к тому времени не изменит своего отношения, будем действовать. Вы могли бы поехать на недельку в Ленокс, а затем ко мне.

Он говорил так, словно одержал победу, между тем как в действительности потерпел решительное поражение. Он потерял Сюзанну.

Сюзанна глубоко задумалась. Не того она ждала, но…

– Хорошо, – сказала она после непродолжительной паузы.

– Вы завтра поедете со мной?

– Да.

– Куда – в Ленокс или в Нью-Йорк?

– Посмотрим, что мама скажет. Если вам удастся с ней договориться… Все, что хотите… Я согласна.

Немного спустя Юджин и Сюзанна пожелали друг другу спокойной ночи. Было решено, что утром увидятся и вместе поедут до Ленокса. Миссис Дэйл поможет ему добиться развода. Положение казалось вполне удовлетворительным, даже прекрасным. Но почему-то Юджин чувствовал, что делает не то, что нужно. Он ушел к себе в комнату, в один конец дома, а Сюзанна – в другой. Миссис Дэйл, объятая страхом, оставалась настороже и не смыкала глаз, но в этом не было надобности. Юджин больше не безумствовал. Засыпая, он думал о том, что в ближайшем будущем все устроится и что Сюзанна в конце концов станет его женой.

Глава XXI

На следующий день, обсудив заманчивую возможность провести несколько дней в охотничьем домике и отдаться восторгам свидания и выслушав прозрачные намеки миссис Дэйл насчет того, что подумают слуги, которые, вероятно, и так уже кое-что подозревают или же слыхали от начальника станции, Юджин и Сюзанна решили расстаться: она направлялась в Ленокс, он – в Нью-Йорк. Весь путь до Олбэни они просидели рядышком в купе спального вагона, как дети, которые счастливы быть вместе. Миссис Дэйл, сидя напротив, перебирала в уме все свои обещания и думала о том, не лучше ли в конце концов сейчас же ехать в Нью-Йорк и прекратить эту историю при помощи Колфакса, или следует подождать еще немного, чтобы все само собой заглохло.

На другое утро, в Олбэни, Сюзанна и миссис Дэйл пересели в поезд, шедший в Бостон, а Юджин поехал в Нью-Йорк. Он чувствовал себя совсем другим человеком, когда пришел к себе на службу, а потом домой. Анджела, вконец измученная, посмотрела на него, точно он был привидением или выходцем с того света. Она не знала, куда он уезжал. Она не знала, вернется ли он когда-нибудь. Не было смысла прибегать к упрекам, в этом она давно убедилась. Оставалось только взывать к его добрым чувствам. Она подождала до конца обеда, во время которого они говорили о самых безразличных вещах, а потом зашла к нему в комнату, где он распаковывал чемодан.

– Ты ездил за Сюзанной? – спросила она.

– Да.

– Она с тобой?

– Нет.

– Знаешь, Юджин, как я провела эти последние три дня? – спросила она.

Юджин молчал.

– Я провела их на коленях. Да, на коленях, – повторила она. – Я молила бога, чтобы он спас тебя от тебя самого.

– Не говори вздора, Анджела, – холодно отозвался он. – Ты прекрасно знаешь, как я смотрю на эти вещи. Как видишь, со мной ничего не случилось. Я пробовал перед отъездом дозвониться к тебе по телефону. Я поехал для того, чтобы найти Сюзанну и привезти ее обратно, и я действительно привез ее – пока что в Ленокс. Я выиграю в этой борьбе. Сюзанна будет моей – с благословения закона или без него. Хочешь дать мне развод – пожалуйста. Я обещаю полностью обеспечить тебя. Откажешь мне – я все равно добьюсь Сюзанны. Мы с ней обо всем договорились. Зачем в таком случае все эти истерики?

Анджела смотрела на него глазами, полными слез. Нет, это не тот Юджин, которого она знала! Во время каждой такой сцены, каждой попытки образумить его она чувствовала перед собой словно глухую, непроницаемую стену. Неужели он так обезумел от любви к этой девушке? Неужели он сделает то, что говорит? Когда он в высшей степени спокойно стал излагать ей свои планы, подвергшиеся за последние дни некоторым изменениям, и упомянул имя миссис Дэйл, она перебила его:

– Никогда она не отдаст тебе Сюзанну! Вот увидишь! Ты обманываешься. Она только говорит так. Она водит тебя за нос. Ей нужно выиграть время. Подумай, что ты собираешься делать. Ничего из этого не выйдет.

– Ты ошибаешься, – сказал Юджин. – Я уже фактически одержал победу. Сюзанна будет моей.

– Возможно, возможно, но какой ценой! Посмотри на меня, Юджин. Разве тебе недостаточно меня? Я еще хороша. Ты всегда восхищался моим телом. Смотри, смотри! – и она распахнула пеньюар.

Она заранее продумала эту сцену в надежде произвести на него впечатление:

– Разве тебе недостаточно меня? Разве я не могу дать тебе все, что ты желаешь?

Юджин устало отвернулся: эта выходка вызвала в нем отвращение. Ничего более неудачного Анджела не могла придумать – ничего более неуместного и бесполезного. Это была в своем роде эффектная драматическая сцена, но при данных обстоятельствах она ни к чему не вела.

– Оставь, Анджела, – сказал он. – Этим ты на меня больше не подействуешь. Супружеские чувства между нами умерли и не воскреснут. Зачем обращаться к аргументам, которые утратили для меня свою силу? Я ничего не могу с собой поделать. Между нами все кончено. Так что же ты намерена предпринять?

И опять Анджела ушла ни с чем. Хотя нервы ее были вконец издерганы и в душе царило отчаяние, она, как зачарованная, следила за этой трагедией, которая разыгрывалась у нее на глазах. Неужели ничто не заставит его образумиться?

Они разошлись по своим комнатам, а на другое утро Юджин опять сидел за столом в своем служебном кабинете. От Сюзанны пришло письмо, что она все еще в Леноксе, а потом второе, в котором она сообщала, что мать на день или два уехала к знакомым в Бостон. На пятый день к нему в кабинет вошел Колфакс и, радушно поздоровавшись, сел в кресло.

– Ну, как дела, старина? – спросил он.

– Да все так же, – ответил Юджин. – Не могу пожаловаться.

– Все благополучно?

– Да, более или менее.

– Скажите, к вам сюда никто не ввалится, пока я здесь? – осведомился он, как-то странно глядя на Юджина.

– Я давно отдал соответствующее распоряжение, но могу на всякий случай повторить, – сказал тот, сразу настораживаясь. Уж не собирается ли Колфакс говорить с ним о чем-то, имеющем отношение к его сердечным делам? Он чуть побледнел.

Колфакс задумчиво смотрел в окно на расстилавшуюся в отдалении панораму Гудзона. Он вынул сигару, обрезал кончик, но не закурил.

– Я спросил вас, не помешают ли нам, – задумчиво начал он, – потому что мне нужно с вами поговорить, и предпочтительно наедине. На днях у меня была миссис Дэйл, – добавил он все так же задумчиво. Юджин вздрогнул, услышав это имя, и еще больше побледнел, но продолжал сидеть спокойно. – Она рассказала мне целую историю, будто у вас какие-то предосудительные намерения касательно ее дочери – не то вы собираетесь похитить ее, не то жить с ней, без предварительного развода с женой и не обвенчавшись, не то оставить жену, или что-то в этом роде. Я не придал этому большого значения, но все же поговорить с вами я должен. Надо вам сказать, что не в моих привычках вмешиваться в чьи-то личные дела. Я считаю, что они меня не касаются и не касаются моего предприятия, если, конечно, не набрасывают на него тень. Но я хотел бы знать, правда ли то, что говорила миссис Дэйл. Это правда?

– Да, – ответил Юджин.

– Мы с миссис Дэйл старые друзья. Я знаю ее уже много лет. Конечно, миссис Витла я тоже знаю, но не так близко. Вам известно, что с ней я виделся значительно реже, чем с вами. Я не знал, что вы несчастливы в браке, да это и не имеет никакого отношения к делу. Важно лишь то, что миссис Дэйл намерена, как видно, устроить грандиозный скандал, что она совсем потеряла голову, и я подумал, что лучше мне с вами поговорить, пока не произошло ничего серьезного. Вы сами понимаете, что всякий скандал, связанный с вашим именем, может весьма пагубно отозваться на делах издательства.

Он умолк, ожидая, что Юджин будет оправдываться или протестовать, но тот не проронил ни слова. Он был бледен, все его нервы были напряжены, на душе лежала мучительная тяжесть. Так, значит, она все же обратилась к Колфаксу! Вместо того чтобы сдержать слово, вместо поездки в Бостон она помчалась в Нью-Йорк и бросилась к Колфаксу. Все ли она ему рассказала? Вполне возможно, что Колфакс, несмотря на свой беспристрастный тон, примет ее сторону. Что он думает о нем, Юджине? В вопросах морали он человек весьма консервативный. Миссис Дэйл может быть ему полезна своими связями в свете. Он держится очень спокойно и, видимо, взвешивает каждое слово. Как мало похож на него этот безучастный тон.

– Вы всегда представлялись мне интересным объектом для изучения, Витла, – продолжал Колфакс после некоторого молчания, – с первой же минуты нашего знакомства. Мне кажется, что вы гений, если таковые существуют, но, как и все гении, вы не свободны от слабостей и сумасбродств. Одно время я верил, что вы серьезно обдумываете свои планы, которые, надо сказать, всегда себя оправдывали, но потом я пришел к заключению, что это не так. Вы притягиваете к себе известные формы таланта и энергии. Кроме того, вы обладаете рядом других достоинств, хотя мне трудно было бы их в точности определить. У вас богатое воображение, это мне хорошо известно. Вы умеете правильно ценить людей. Это я тоже знаю. На моих глазах вы подобрали несколько превосходных работников. Конечно, все это делается вами не наобум, но без всякой системы и последовательности, – я сказал бы, без должного чувства ответственности, – разве что я глубоко заблуждаюсь. И мне кажется, что история с маленькой Дэйл – это недурная иллюстрация к моим словам.

– Не будем говорить о ней, – сказал Юджин холодно и чуть высокомерно. – Я предпочел бы не касаться этого.

Всякое упоминание о Сюзанне вызывало в нем болезненное чувство. Тема была опасная, и Колфакс это понял.

– Хорошо, не будем, – спокойно отозвался он. – Но справедливость моих слов можно установить и другим путем. Согласитесь, вы действовали в этой истории далеко не обдуманно, так как в противном случае без труда поняли бы, что прямиком летите в пропасть. Если вы хотели добиться этой девушки и, насколько я понимаю, заручились ее согласием, вы должны были это сделать, дружище, без ведома ее матери. Миссис Дэйл, возможно, сумела бы потом как-нибудь все уладить. Во всяком случае девушка была бы ваша, и я полагаю, что вы согласны были бы нести ответственность за все последствия. Теперь же вы вмешали в это дело миссис Дэйл, а у нее есть могущественные друзья. Вы не можете не считаться с нею. И я не могу. Она настроена крайне воинственно и, пожалуй, не остановится ни перед чем, чтобы заставить вас отступить.

Он снова сделал паузу, ожидая, что Юджин что-нибудь скажет, но тот не произнес ни слова.

– Я хочу задать вам один вопрос и прошу на меня не обижаться, так как я говорю с вами без всякого умысла; просто это поможет мне лучше разобраться во всем, а может быть, позднее и вам, если вы захотите. Было ли в ваших отношениях с мисс Дэйл что-либо компрометирующее и…

– Нет, – ответил Юджин, не давая ему кончить.

– Давно уже идет эта борьба?

– С месяц или около того.

Колфакс пожевал конец сигары.

– Как вам известно, Витла, вы нажили себе в издательстве много сильных врагов. Ваш образ правления был далеко не мягкий. К тому же, как я замечаю, вы далеко не дипломат. Вы набрали людей, которые были бы счастливы свалить вас и занять ваше место. Если бы они узнали все обстоятельства этого щекотливого дела, вы не остались бы на своем посту больше пятнадцати минут. Вы это сами, конечно, понимаете. Вам пришлось бы уйти, и я был бы бессилен этому помешать. Вы не могли бы здесь удержаться. Да и я не мог бы этого допустить. Об этом вы, надо полагать, не подумали. Впрочем, влюбленные не рассуждают. Я вполне вас понимаю. Я видел миссис Витла и могу сказать, в чем беда. Она держала вас на коротком поводке. Вы не чувствовали себя хозяином в собственном доме. Это вызывало в вас раздражение. Ваша жизнь представлялась вам сплошным банкротством. Вам казалось, что вы погубили себя этим браком – и это вселило в вас беспокойство. Я знаю девушку, о которой идет речь. Она очаровательна. Но, как я уже говорил, дорогой мой, вы не точно составили смету – не рассчитали, не спланировали. И если бы мне нужны были доказательства того, о чем я всегда смутно догадывался, то именно эта история дает их мне: вы не умеете действовать планомерно.

Сказав это, он отвернулся и стал смотреть в окно. Юджин сидел, не поднимая глаз. Он никак не мог понять, к чему этот человек клонит. Колфакс рассуждал очень спокойно и сосредоточенно, Юджин привык видеть его совсем другим. Обычно он не изъяснялся по-человечески, а кричал, горячась и жестикулируя. Сейчас он говорил медленно, обдуманно и, пожалуй, даже с чувством.

– Несмотря на то что я расположен к вам, Витла, – дружба, конечно, налагает на нас некоторые обязанности, – но дружба дружбой, а служба службой, и я постепенно пришел к заключению, что вы, пожалуй, не самый идеальный человек для своего поста. Вы живете больше чувством, вы слишком беспорядочны. Уайт давно указывал мне на это, но я ему не верил. Я и сейчас говорю не с его слов. Но едва ли я стал бы предпринимать какие-то шаги только на основании моих впечатлений, если бы не эта история. Я еще не пришел к окончательному выводу, но мне сдается, что положение ваше щекотливое и опасное для данного предприятия. Вы сами понимаете, что скандала издательство не потерпит. Представьте, какой шум подняли бы газеты! Это причинило бы нам колоссальный вред. И я думаю, что ввиду всего вышеизложенного вам нужно взять годичный отпуск и постараться тем временем потихоньку наладить свою жизнь. Лично я полагаю, что вам не следовало бы связываться с этой девушкой, если вы не можете добиться развода и жениться на ней. Но я не советовал бы вам добиваться развода, если этого нельзя сделать без большого шума. Я имею в виду, разумеется, только ваше положение здесь, в издательстве. Помимо этого можете поступать, как вам угодно. Но помните, всякий скандал отразится на вашей работе у меня. Удастся вам устроить свои дела, – отлично! Нет, – ничего не поделаешь. Если эта история вызовет много разговора, то вы сами понимаете, что о вашем возвращении сюда не может быть и речи. Отказаться от этой девушки вы, вероятно, не согласитесь?

– Нет, – сказал Юджин.

– Я так и думал. Я знаю, как серьезно относятся к таким вещам люди вашего типа. Можете вы добиться от миссис Витла развода?

– Я не уверен, – сказал Юджин. – У меня нет юридических оснований для развода. Только несходство характеров, ничего больше. Но этот брак лишил мою жизнь всякого смысла.

– Да, – сказал Колфакс, – я вижу, это сложная история. Я понимаю, что вы могли полюбить эту девушку. Она действительно прелестна, – из-за таких вот девушек и возникают подобные осложнения. Я не намерен указывать вам, что делать. Вам виднее. Но если бы вы спросили моего совета, я сказал бы – не пытайтесь вступать с нею в связь, не обвенчавшись. Человек в вашем положении не может себе этого позволить. Вы слишком заметная фигура. Вы, конечно, знаете, что за последние годы ваше имя приобрело некоторую известность в Нью-Йорке, не правда ли?

– Да, знаю, – сказал Юджин. – Но я считал, что договорился с миссис Дэйл.

– Очевидно, это не так. Она сказала мне, что вы уговариваете ее дочь стать вашей любовницей, что у вас нет надежд добиться в ближайшее время развода, что ваша жена находится в… прошу прощения… а вы между тем настаиваете на том, чтобы сойтись с ее дочерью. По ее мнению, это недопустимо. Я склонен согласиться с ней. Это очень неприятно, но что поделаешь? Она утверждает, что вы грозили попросту увезти девушку и жить с нею, если она, ее мать, не согласится на ваши требования. – Он снова сделал паузу. – Это верно?

– Да, – ответил Юджин.

Колфакс медленно повернулся в своем кресле и посмотрел в окно. Что за человек! Странная штука – любовь!

– И когда же вы намерены это осуществить? – спросил он наконец.

– Не знаю! Сейчас все так запуталось. Мне нужно подумать.

Колфакс помолчал.

– Да, весьма странная история. Не многие поймут ее так хорошо, как я. Не многие поймут вас, Витла, как я вас понимаю. Вы просчитались, дорогой мой. И вам придется заплатить за это. Так бывает со всеми нами. Я не могу разрешить вам оставаться здесь. Очень сожалею, но не могу. Придется вам взять годичный отпуск и подумать хорошенько. Если ничего не случится, если никакого скандала не будет, – что ж, трудно сказать, как я поступлю тогда. Возможно, что я подыщу для вас местечко, – конечно, не то, какое вы занимали, но что-нибудь найдется, это уж мы тогда сообразим. А пока что… – Он умолк и снова задумался.

Юджин понял, как обстоит дело. Разговор о возвращении в издательство – пустые слова. Колфакс пришел к заключению, что должен его уволить, и дело вовсе не в миссис Дэйл, не в Сюзанне и не в моральной стороне вопроса, а исключительно в том, что он потерял доверие Колфакса. Как-то случилось, что Колфакс благодаря Уайту, благодаря миссис Дэйл, благодаря поведению самого Юджина пришел к заключению, что Юджин человек беспорядочный, ненадежный, и поэтому, только поэтому он теперь увольняет его. Тут и Сюзанна, тут и судьба, тут и его собственный несчастный характер. Он долго сидел в мучительном раздумье и, наконец, спросил:

– Когда вы хотите, чтобы я сдал дела?

– О, когда вам будет угодно, но чем скорее, тем лучше, раз дело грозит скандалом. Конечно, если хотите, можно повременить недели три, – ну, месяц, полтора. Лучше всего сделать вид, будто речь идет о вашем здоровье и вы просите об отставке ради поправления его – это позволит соблюсти внешние приличия. Для издательства ваш уход не будет иметь большого значения – дело настолько налажено, что год вполне может идти по инерции. А через год все, может быть, и уладится. Посмотрим…

Юджину было бы легче, если бы он не произнес последней лицемерной фразы.

Колфакс пожал ему руку и ушел, а Юджин подошел к окну. Итак, крепкий фундамент, на котором была построена его карьера, выбит у него из-под ног, словно ударом ядра. Он потерял свой поистине исключительный пост, потерял свои двадцать пять тысяч долларов. Где он найдет такое место? Кто еще, какая другая компания может платить такие деньги? Удастся ли ему удержать квартиру на Риверсайд-Драйв? Разве только, если он женится на Сюзанне. И как сохранить собственную машину и лакея? Колфакс ни словом не обмолвился о том, что временно оставит за ним оклад, – да и с какой стати? Колфакс ничем ему не обязан. Он прекрасно платил ему, лучше, чем платили бы в другом месте.

Юджин теперь горько пожалел, что так увлекся проектом «Синего моря», – из-за своей глупой восторженности он ухлопал туда все свои деньги. Пойдет ли миссис Дэйл и к Уинфилду? Удастся ли ей и там навредить ему? Уинфилд всегда был ему хорошим другом. Он относился к нему с большим уважением. Да, но это обвинение, этот разговор о его намерении совратить девушку! Как это все обидно! Возможно, что и Уинфилд отшатнется от него, хотя, с другой стороны, почему бы? У Уинфилда были любовницы, – но, правда, не было жены.

Колфакс прав. Он действовал необдуманно. Это совершенно ясно. Теперь его призрачный мир начал меркнуть, как облака на закате. Возможно, что он и в самом деле гнался за химерой. Неужели это так? Неужели?

Глава XXII

Как и следовало ожидать, этот внезапный удар заставил Юджина поколебаться. Ему стало страшно. Миссис Дэйл обратилась к Колфаксу чтобы он употребил все свое влияние и заставил своего подчиненного образумиться. Но она не собиралась этим ограничиться. Она только и думала о том, как бы очернить Юджина, ославить его перед всеми, но так, чтобы Сюзанны это не коснулось. Если раньше Юджин был с ней немилосерден, то и она теперь не знала пощады. Она хотела заставить его окончательно отказаться от Сюзанны и даже не видеться с нею. Побывав у Уинфилда, она намерена была тут же мчаться в Ленокс, чтобы помешать всяким дальнейшим планам влюбленных, каким-либо неосторожным решениям Сюзанны или возможному приезду Юджина.

Обращение к Уинфилду не принесло ей ни нравственной поддержки, ни даже простого сочувствия, Уинфилд не видел причин вмешиваться. Он ведь не опекун Юджина и не блюститель общественной нравственности. Впрочем, он был рад узнать об этой истории, он приобрел теперь моральное право обходиться с Юджином несколько иначе. Правда, ему было немного жаль его –

какой мужчина не посочувствовал бы Юджину? Но, занятый мыслями о реорганизации своей строительной компании, он уже с меньшим огорчением думал о предстоящих Юджину потерях. Когда же последний немного позже обратился к приятелю в надежде с его помощью реализовать свои вложения в «Синее море», Уинфилд ответил, что не видит возможности что-либо сделать. Дела компании не блестящи. Необходимо укрепить ее финансовое положение новыми капиталовложениями. Если не удастся в самом скором времени разместить все акции, неизбежна полная реорганизация. Лучшее, что может ожидать Юджин, это получить за свои бумаги акции нового выпуска, но уже на значительно меньшую сумму. Таким образом, Юджин убедился, что и с этой стороны ему грозит крах.

Когда Юджин полностью осознал, какой удар нанесла ему миссис Дэйл, он понял, что должен откровенно объясниться с Сюзанной. Вся эта история привела к самым плачевным для него результатам, и он начал задумываться над тем, что же с ним теперь будет. Свой оклад в двадцать пять тысяч долларов в год он потерял; надежды на полную материальную независимость, которую сулило ему «Синее море», растаяли, как дым; о прежнем образе жизни нечего было и мечтать, ведь жизнь в обществе требует больших средств, – все это делало его нулем, совершеннейшим нулем. А если начнутся разговоры о нравственной стороне его отношений с Сюзанной, о его безжалостном поступке с Анджелой, если это дойдет, например, до слуха Уайта, что тогда будет? Уайт уж постарается растрезвонить это по всему Нью-Йорку. О Юджине заговорит весь город, по крайней мере весь издательский мир. Перед ним закроются двери всех редакций. Сам Колфакс едва ли будет болтать. Что касается Уинфилда, то Юджин не допускал и мысли, что миссис Дэйл была у него, но если она все же была, не распространится ли эта весть и дальше? Расскажет ли Колфакс Уайту? Сохранит ли тот все в тайне, если узнает? Разумеется, нет. Постепенно Юджин начал отдавать себе отчет в безумии своего поведения. Что он наделал? Подобно человеку, усыпленному сильным наркотиком, он медленно приходил в себя, пытаясь сообразить, что с ним. Место потеряно. Наличных денег у него немного – всего пять-шесть тысяч. Единственное его богатство – любовь Сюзанны, но ее мать объявила ему войну, а он связан Анджелой, которая не даст ему развода. Как уладить все это? Но разве может он думать о том, чтобы вернуться к Анджеле? Конечно, нет.

Он сел к столу и написал Сюзанне письмо, которое должно было все объяснить и открыть ей путь к отступлению, что он считал своей первейшей обязанностью перед ней.

«Любовь моя!

Сегодня утром у меня был разговор с мистером Колфаксом. То, чего я опасался, случилось. Ваша мать ездила не в Бостон, как Вы думали, а в Нью-Йорк. Она виделась с Колфаксом и, вероятно, также с моим другом Уинфилдом. Последнее меня мало огорчает, так как я не связан с его компанией жалованьем или определенным доходом. Но ее разговоры в издательстве причинили мне непоправимое зло. Попросту говоря, я лишился места. Очевидно, главную роль тут сыграли происки других лиц, к которым Ваша мать не имеет никакого отношения, но ее жалобы и обвинения, несомненно, завершили то, чего она не могла бы добиться одна. Дорогая моя, понимаете ли Вы, что это значит? Я Вам как-то говорил, что все мои наличные деньги вложены в курорт «Синее море», который, по моим предположениям, должен был со временем развиться в крупное дело. Возможно, что так оно и будет, но потеря места сильно отразится и на моем положении в этом предприятии, если только мне не удастся немедленно подыскать себе что-нибудь другое. Я вынужден буду, по всей вероятности, отказаться и от квартиры на Рисерсайд-Драйв, и от собственной машины, и вообще сильно поубрать паруса перед ураганом. Это значит, что если Вы захотите жить со мной, мы должны будем довольствоваться скромным заработком художника, разве только я приму решение подыскать себе другую службу, и мне удастся это сделать. Я собственно такое примерно будущее и представлял себе, когда ездил за Вами в Канаду, но поскольку это стало свершившимся фактом, Вы, возможно, захотите переменить свое решение. Если с «Синим морем» ничего не случится, мой пай в этом деле может со временем материально обеспечить меня. Сейчас сказать что-нибудь трудно, и во всяком случае до этого еще далеко, а пока я могу рассчитывать только на заработок художника, но и это во многом зависит от того, как далеко намерена зайти в своей мести Ваша матушка. Она настроена в высшей степени враждебно. Вы слышали, что она говорила в охотничьем домике? Очевидно, это были одни слова.

Дорогая, я пишу все это для того, чтобы ясно представить Вам положение вещей. Если Вы решите связать свою судьбу со мною, Вам, быть может, придется иметь дело с человеком, репутация которого сильно пошатнулась. Вы должны понять, что между Юджином Витлой – директором «Юнайтед мэгэзинс» и Юджином Витлой – художником разница огромная. Любовь к Вам внушила мне безрассудную смелость, она побудила меня бросить вызов всему миру. Так как Вы прекрасны, так как Вы самое совершенное создание, какое я когда-либо знал, я принес всего себя на алтарь любви. Я бы с радостью сделал то же самое снова – тысячу раз. До Вашего появления жизнь моя была пуста. Я только притворялся, что живу, зная в душе, что такая жизнь – пустая видимость, недостойная ложь. Но появились Вы – и мир ожил для меня. О, как прекрасны были эти дни, эти вечера! Разве могу я забыть Дэйлвью, или «Синее море», или Браерклиф, или тот дивный день – первый день нашей любви – на Саут-Бич? Моя дорогая девочка, в нашем чувстве было столько красоты, столько безоблачного счастья! Мы решились на отчаянный шаг, и сам я ни о чем не жалею. Мне снился чудный, волшебный сон. Но может быть, прочитав мое письмо и узнав, как обстоит дело, Вы задумаетесь, – о чем я и прошу Вас, – и пожалеете, и во многом раскаетесь, и примите другое решение. Поступайте же без колебания так, как считаете нужным.

Вспомните, что я просил Вас спокойно подумать обо всем еще задолго до того, как Вы открылись Вашей матушке. Мы с Вами хотели смело идти в жизни своим путем, не по проторенной дороге. Едва ли и тогда можно было надеяться, что люди станут смотреть на вещи нашими глазами. Напротив, можно было с уверенностью сказать, что нас ждут огромные неприятности. И все же меня это не пугало, да и теперь не пугает. Если Вы решите приехать ко мне сюда, сообщите мне об этом. Если Вы хотите, чтобы я приехал к Вам, позовите меня. Мы отправимся в Англию или в Италию, и я снова возьмусь за живопись. Я убежден, что могу еще писать. Или же мы останемся здесь, и я постараюсь найти себе какое-нибудь место.

Вы должны помнить, однако, что Ваша матушка еще не сложила оружие. Она, пожалуй, решится и на более крутые меры, чем до сих пор. Вы думали, что сможете уговорить ее, но, по-видимому, Вы ошибались. Я полагал, что там, в Канаде, мы одержали победу, но, оказывается, и это не так. Если она захочет помешать Вам получить Вашу долю наследства, это может ей удастся. При желании она может лишить Вас свободы, запереть в сумасшедший дом. Мне бы хотелось поговорить с Вами лично. Можно мне приехать в Ленокс повидаться с Вами? Собираетесь ли Вы вернуться в Нью-Йорк на будущей неделе? Нам нужно все обдумать, нужно действовать – теперь или никогда. Но если Вами овладеет сомнение, не считайтесь со мной. Помните, что условия изменились. Все Ваше будущее зависит от Вашего решения. Пожалуй, мне давно уже следовало поговорить с Вами так, как я говорю сейчас, но я не думал, что Ваша матушка способна сделать то, что она сделала, и что в этом вопросе будет играть какую-то роль мое материальное положение.

Жизнь моя, радость моя! Для меня настал день величайших испытаний. Я глубоко несчастен, но только от мысли, что могу Вас потерять. Все остальное в сущности не имеет значения. С Вами все покажется прекрасным, что бы ни готовила мне судьба. Без Вас жизнь станет чернее ночи. От Вас зависит решение, и Вы должны принять его, не откладывая. Как Вы скажете, так и будет. Повторяю, со мной не считайтесь. Вы молоды, перед вами блестящее будущее. Я в конце концов вдвое старше Вас. Я стараюсь рассуждать трезво, чтобы Вы ясно представляли себе, что Вас ждет, если Вы решите стать моей.

Но правильно ли Вы поймете меня, – вот о чем я порою себя спрашиваю. Уж не было ли все это сном? Вы так прекрасны! Вы были для меня источником радости и света. Неужели это был мираж, прельстительный обман? Кто знает, кто знает. И все же я люблю Вас, люблю, люблю! Тысячу поцелуев, мое божество. Жду Вашего решения.

Юджин».

Сюзанна в Леноксе прочитала это письмо и впервые в жизни задумалась глубоко и серьезно. Что происходит? На что она идет? Такой оборот дела пугал ее. Ее мать оказалась упорнее, чем она предполагала. Подумать только, что она могла пойти к Колфаксу, что она могла так лгать, так бросаться своим словом! Сюзанна никогда не поверила бы, что ее мать способна на это. Она никогда не поверила бы, что Юджин может потерять место. Он казался ей всесильным, он сам себе ставил законы. Однажды он спросил ее, за что она его любит, и она ответила:

– За то, что вы гений и можете сделать все, что захотите.

– Полноте, что вы! – ответил он. – Это вовсе не так. Ничего особенного я сделать не могу. У вас неверное представление обо мне.

– Нисколько, – настаивала она. – Вы художник, и к тому же писатель. – Это лестное мнение внушили ей рекламные брошюры, составленные им для Уинфилда, стихи, посвященные ей, и старые газетные вырезки со статьями, которые он когда-то писал в Чикаго, – однажды она была у него в гостях, и он показал ей свой старый блокнот со всякими записями и зарисовками. – И вы управляете таким большим предприятием, и сами заведовали отделом рекламы и художественным отделом.

Она запрокинула голову и восторженно посмотрела ему в глаза.

– О боже мой, какой длинный перечень талантов! Видно, боги и впрямь насылают безумие на тех, кого они хотят погубить. – И он поцеловал ее.

– И вы так красиво любите, – добавила она в заключение.

Сюзанна часто вспоминала этот разговор, и вот теперь она увидела Юджина в совершенно ином свете. Он, оказывается, вовсе не всемогущ. Он не сумел помешать ее матери сделать то, что она сделала, – да и сама Сюзанна разве может рассчитывать одержать над нею верх? Какого бы мнения она ни была о поведении матери, факт остается фактом, – та готова перевернуть весь мир, чтобы не дать им соединиться. Действительно ли она так уж неправа? С той памятной ночи в Сен-Жаке, когда то, чего она ожидала, не случилось, Сюзанну начали одолевать сомнения. Уверена ли она в своем желании бросить дом и уйти с Юджином? Готова ли она вступить в борьбу с матерью за наследство? Возможно ведь, что ей придется отстаивать свои права. Вначале она

мечтала, что будет встречаться с Юджином в изящно обставленной студии, а жить они будут – он у себя, она у себя. Но это – разговоры о бедности, о невозможности содержать машину, о необходимости разлучиться с семьей, – это было уже нечто совсем другое. И все-таки она любила его. Быть может, она еще договорится с матерью?

В течение последующих двух-трех дней произошло еще несколько бурных сцен, в которых приняли участие опекун Сюзанны, мистер Герберт Питкерн, представитель опекунской конторы Маркуорд, и – опять же – доктор Вули. Бедной, растерявшейся Сюзанне пришлось выдержать новую осаду. Тут были и лукавые доводы матери, уверявшей, что если она подождет год и потом скажет, что по-прежнему любит Юджина, никто не помешает им соединиться, и заявление мистера Питкерна, что всякий суд, куда бы ни обратилась миссис Дэйл, признает Сюзанну неспособной управлять своим имуществом, и осторожное предупреждение доктора Вули о том, что едва ли целесообразно обращаться к медицинской экспертизе, но если миссис Дэйл будет настаивать, то Сюзанну, несомненно, признают невменяемой, – хотя бы для того, чтобы не допустить не освященный церковью брак. В душу Сюзанны закрался страх. Ее железная воля стала сдавать, особенно после письма Юджина. Она была глубоко возмущена поведением матери, но лишь теперь задумалась над тем, как отнесутся к этому ее друзья. Предположим, матери удастся заключить ее в дом умалишенных. Что подумают знакомые? Догадаются ли они, где она? Дни и недели страшного напряжения, вконец измучившие мать, стали сказываться и на воле дочери, вернее, на ее нервах. Напряжение было слишком велико, и Сюзанна стала подумывать, не лучше ли поступить так, как предлагал раньше Юджин, и немного подождать? В Сен-Жаке он сказал, что согласен ждать, если она согласна. Он только ставил непременным условием, что они будут видеться. Но мать уже снова переменила фронт и твердила об опасности, которой грозит нежелательное влияние Юджина. Чтобы решить, действительно ли она его любит, Сюзанна должна прожить по крайней мере год так, как жила раньше.

– Как ты можешь ссылаться на свои чувства? – набрасывалась миссис Дэйл на Сюзанну, невзирая на то, что девушка упорно молчала. – Ты дала уговорить себя, не потрудившись даже подумать как следует. От одного года ничего не станется. Чем это может повредить тебе или ему?

– Но зачем ты сказала мистеру Колфаксу, мама? – снова и снова спрашивала Сюзанна. – Как ты могла поступить так гадко, так жестоко!

– А затем, что необходимо было заставить его одуматься. Он не умрет с голоду. Он человек талантливый. Нужно было как-то привести его в чувство. Мистер Колфакс не уволил его. Он мне обещал, что не станет его увольнять. Он сказал, что заставит его взять годичный отпуск, пусть за это время хорошенько подумает. Ничего другого он не сделал. И ничего плохого в этом нет. А хотя бы и было, – ты подумала о том, сколько я из-за него выстрадала?

Она была страшно озлоблена против Юджина и рада была отплатить ему.

– Мама, я никогда тебе этого не прощу, – продолжала Сюзанна. – Ты поступаешь возмутительно. Я подожду, но все равно будет по-моему. Я не откажусь от него.

– О, через год можешь делать что угодно! – подхватила миссис Дэйл. – Главное, подожди год, дай себе время подумать, а если ты и тогда не изменишь решения, что ж, так и быть. Тем временем он получит развод.

Она вовсе не думала того, что говорила, но всякий довод был хорош, лишь бы оттянуть время.

– Да я вовсе не хочу выходить за него замуж, – упрямо настаивала Сюзанна, цепляясь за свою первоначальную идею. – Я не того хотела.

– Что ж, пусть так, – благодушно отозвалась миссис Дэйл. – Через год ты будешь рассуждать иначе. Я не хочу прибегать к насилию, но нельзя требовать от меня, чтобы я спокойно смотрела, как разваливается моя семья, как ты сама себя губишь. Ведь ты не даешь себе отчета в своих поступках. Это, наконец, мое право, – во имя всех лет, которые я тебе посвятила, ты должна оказать мне хоть каплю уважения. Год пройдет незаметно – и для тебя и для него. Ты убедишься, действительно ли он тебя любит. Возможно, что это мимолетная прихоть. У него были другие женщины до тебя, будут, вероятно, и другие после тебя. А может быть, он вернется к миссис Витла. То, что он тебе говорит, никакого значения не имеет. Ты должна испытать его, прежде чем разрушать и его семью и свою. Если он действительно тебя любит, он охотно согласится ждать. Пройдет год, и можешь делать все, что угодно. Я могу только надеяться, что если ты уйдешь к нему, то хотя бы на правах жены. Если же вы будете настаивать, я постараюсь по мере сил потушить скандал. Напиши ему, что, по-твоему, вам нужно подождать год. Тебе незачем видеться с ним. Это лишняя трепка нервов. И для него будет лучше, если ты только напишешь. Ему будет гораздо тяжелее, если вы встретитесь и все начнется сначала.

Миссис Дэйл смертельно боялась влияния Юджина на Сюзанну, но тут ей не удалось ничего добиться.

– Ничего подобного, – заявила Сюзанна. – Ничего подобного! Я еду в Нью-Йорк, и больше мы об этом говорить не будем.

Миссис Дэйл пришлось уступить. Ничего другого ей не оставалось.

Три дня спустя Юджин получил письмо от Сюзанны, в котором она сообщала, что не может сейчас писать подробно, но что скоро будет в Нью-Йорке и повидается с ним. А потом в Дэйлвью в присутствии матери – доктор Вули и мистер Питкерн находились в другой части дома – между Юджином и Сюзанной произошла встреча, во время которой все вопросы были снова подвергнуты обсуждению.

Узнав, чего требует от него миссис Дэйл, Юджин сел в машину и поехал на это свидание такой мрачный и вместе с тем такой взволнованный, как никогда в жизни. Его одолевали тяжелые предчувствия и мысли о неустроенном материальном положении. Бывали, правда, минуты, когда в нем вспыхивала надежда, что Сюзанна опять неудержимо и горячо восстанет, бросится в его объятия, невзирая ни на кого и ни на что, во всеуслышание с полным убеждением заявит о своей любви и победительницей вместе с ним уйдет из дому. Так велика еще была его вера в ее любовь.

Стоял холодный октябрьский вечер. В свинцовом небе тускло светил новорожденный месяц – предвестник морозов, над головою густой массой сверкали звезды. Сидя в своей машине на пароме, перевозившем его на Стейтен-Айленд, Юджин увидел стаю диких уток, держащих путь на юг, к тем заросшим камышом болотам, которые воспевает Брайант в «Обращении к водяной птице». Они издавали заунывные крики, и их слабое кряканье разносилось в воздухе, вызывая в душе Юджина чувство тоски и одиночества. Промчавшись среди оголенных деревьев, он подъехал к Дэйлвью и вошел в огромную гостиную, где они когда-то танцевали с Сюзанной. В камине ярко пылал огонь. Сердце его учащенно забилось, он должен был сейчас увидеть ее, а один ее взгляд действовал на него, как бальзам на измученное тело, как глоток студеной воды на человека, томимого жаждой.

Миссис Дэйл встретила его с вызывающим видом, зато Сюзанна бросилась ему на шею.

– О! – вырвалось у нее, и она крепко и долго прижимала его к себе, задыхаясь от волнения. Несколько минут стояла полная тишина.

– Мама все-таки настаивает, Юджин, чтобы мы подождали год, – сказала наконец Сюзанна. – И я думаю, что, пожалуй, лучше, если мы так и сделаем, раз вокруг этого поднялся такой шум. Возможно, что мы немного поторопились, как вы думаете? Я сказала мама, какого я мнения о ее разговоре с мистером Колфаксом, но ей до этого, очевидно, дела нет. Она грозит, что объявит меня душевнобольной. Один год – это ведь не так много, раз мы будем знать, что все равно я буду вашей, не правда ли? Но я решила, что должна сама вам обо всем сказать и спросить вашего мнения.

Она умолкла, продолжая смотреть на него горящими глазами.

– Я считал, что мы уже договорились обо всем в Сен-Жаке, – сказал Юджин, обращаясь к миссис Дэйл, между тем как в душу его медленно проникал ужас.

– Да, верно, но только я вношу одну поправку, а именно, что вы не будете видеться с Сюзанной. Я против того, чтобы вы встречались. При создавшемся положении это недопустимо. Пойдут сплетни. И вам надо как-то урегулировать ваши отношения с женой. Совершенно немыслимо, чтобы вы всюду бывали с Сюзанной, в то время как жена ваша ждет ребенка. Я хочу, чтобы Сюзанна уехала на год и провела его в таком месте, где она может успокоиться и прийти в себя. И вы должны ее отпустить. Если она и тогда будет настаивать, что любит вас, и не пожелает считаться с элементарной логикой, я окончательно умою руки. Пусть получает свое наследство. Пусть идет к вам, если вы ей так нужны. К тому времени и вы, надеюсь, опомнитесь и либо добьетесь развода, либо вернетесь к миссис Витла, – вообще поступите, как здравомыслящий человек.

У нее не было намерения раздражать Юджина, но в каждом ее слове звучала злоба.

Юджин нахмурился и повернулся к Сюзанне.

– Это и ваше решение? – спросил он устало.

– Я нахожу, что мама возмутительно вела себя, Юджин, – сказала она уклончиво, а возможно, отвечая на слова матери. – Мы с вами вправе распорядиться нашей жизнью, и в конце концов мы так и сделаем. Конечно, мы вели себя немного эгоистично. Я думаю, что год – это, пожалуй, не так страшно, лишь бы только прекратился весь этот шум. Я могу подождать, если вы согласны.

От этих слов такое невыразимое отчаяние, такая глубокая скорбь овладели Юджином, что он не в силах был говорить. Не верилось, чтобы Сюзанна, его Сюзанна, могла предлагать ему это. Согласен ли он ждать год? И это говорит она, которая с таким вызовом утверждала, что ждать не станет. «Год – это, пожалуй, не так страшно…» Подумать только, что жизнь, судьба и миссис Дэйл одержали над ним такую победу! Неужели судьба может так насмеяться над ним? Неужели жизнь может с таким

неслыханным коварством обмануть человека? Он потерял место. Затея с «Синим морем» надолго зашла в тупик и, вероятно, ничего не даст ему. Сюзанна уезжает на целый год, быть может, навсегда, – вероятно, навсегда, – так как за год, оставшись с дочерью, миссис Дэйл добьется от нее всего, чего только захочет. Анджела стала ему чужой, и скоро появится на свет ребенок. Какая развязка!

– И вы это твердо решили, Сюзанна? – печально спросил он, чувствуя, как скорбь обволакивает его туманом.

– Я думаю, что так, пожалуй, лучше, Юджин, – уклончиво ответила она. – Я знаю, это большое испытание. Но я буду вам верна. Обещаю вам, что чувства мои не изменятся. Ведь мы можем подождать год, не правда ли? Как вы думаете?

– Целый год не видеть вас, Сюзанна?

– Да, но он пройдет, Юджин.

– Целый год?

– Да, Юджин.

– В таком случае мне нечего прибавить, миссис Дэйл, – сказал он, поворачиваясь к ее матери. Глаза его горели мрачным, зловещим огнем, в сердце на мгновенье вспыхнула ненависть к Сюзанне. И она могла так поступить с ним! Дать ему отставку, как он мысленно выразился. Что ж, такова жизнь. – Вы победили, – продолжал он. – Это для меня страшный урок. Да, любовь жестока. Я люблю Сюзанну. Она мне дороже жизни. Иногда я сомневался, понимает ли она это.

Он повернулся к Сюзанне и впервые за все время ему показалось, что он не прочел в ее глазах того понимания, какое находил всегда. Неужели судьба и на этот раз солгала ему? Неужели он и тут ошибся и гонялся за прекрасным, манящим призраком? Неужели эта любовь была западней, поставленной на его пути, чтобы снова превратить его в ничто?

Ему вспомнилось предсказание астролога, что после перерыва в семь-восемь лет его ждет второй период поражений и горя.

– О Сюзанна! – произнес он просто, голос его звучал трагически. – Вы действительно любите меня?

– Да, Юджин, – ответила она.

– Правда?

– Да.

Он протянул ей руки, и она бросилась к нему, но никакие силы мира не могли рассеять его тяжкие сомнения. Они отняли у поцелуя всю радость, словно он видел во сне, что держит в своих объятиях совершенное создание, а проснувшись, обнаружил, что обнимает пустоту. Словно жизнь, чтобы погубить его, послала Иуду в образе девушки.

– Довольно, мистер Витла! – холодно сказала миссис Дэйл. – Не к чему затягивать прощание. Расстанемся на год, а там посмотрим.

– Сюзанна, проводите меня до дверей, – попросил Юджин, и голос его звучал скорбно, как отдаленный звон колокола.

– Нет, – вмешалась миссис Дэйл. – Там прислуга. Прошу вас проститься здесь.

– Мама! – гневно и вызывающе воскликнула Сюзанна, расстроенная его горем. – Не смей говорить таким тоном. Оставь нас одних, а не то я пойду с ним и до дверей и дальше. Пожалуйста, уйди.

Миссис Дэйл вышла.

– Любовь моя! – воскликнул Юджин с глубоким отчаянием. – Я не могу этому поверить. Не могу! Очевидно, здесь какая-то моя ошибка. Мне следовало давным-давно увезти вас. Так вот каков конец! Год! Целый год! Да и год ли только?

– Только год, – настаивала Сюзанна. – Верьте мне, один только год. И я не изменю за это время. Вы знаете сами.

Он покачал головой, а Сюзанна, как бывало раньше, сжала его виски ладонями. Она целовала его глаза, губы, волосы.

– Верьте мне, Юджин. Может быть, я сегодня кажусь вам холодной, но вы не знаете, что я пережила. На каждом шагу какие-то ужасные затруднения. Подождем год. Обещаю вам, что буду вашей! Клянусь! Только год. Разве мы не можем подождать один год?

– Только год, – повторил он. – Только год! Я этому не верю. Кто знает, что будет через год! О мое божество, моя радость, мой дивный цветок! Я не перенесу этого. Это выше моих сил. Теперь я расплачиваюсь. Да, это расплата.

Он взял ее голову в свои ладони и долго смотрел на нежное очаровательное личико, на ее глаза, губы, щеки, волосы.

– А я думал… Я думал… – бормотал он.

Сюзанна молча гладила его волосы.

– Ну что ж, раз нужно, значит нужно, – сказал он.

Он направился к двери, но снова вернулся, еще раз обнял Сюзанну и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Миссис Дэйл ждала его в передней.

– Прощайте, миссис Дэйл, – угрюмо проговорил он.

– Прощайте, мистер Витла, – ответила она ледяным тоном. Но и она чувствовала, сколько трагизма было в одержанной ею победе.

Юджин надел шляпу и вышел.

В черном октябрьском небе ярко горели мириады звезд. Нью-йоркская гавань и бухта были залиты таким же волшебным светом, как и в ту ночь, после бала в форте Уодсворт, когда Сюзанна вышла к нему на террасу. Юджину вспомнились весенние запахи, чудесное ощущение молодости и любви, надежда, которая зародилась тогда в его сердце. И вот, спустя каких-нибудь полгода, все кончено. Не стало для него Сюзанны, ее ласкового голоса, ее цветущей красоты, ее милого шепота, нежного прикосновения. Все кончено!

Увял цветок, чью сладость я вдыхал,

Где красота, что радовала взор?

Где та, кого я к сердцу прижимал?

Где голос, ласка, райских звуков хор?

Кончились прекрасные дни, когда они вместе катались верхом, вместе обедали, вместе гуляли в лесу вблизи дожидавшейся их машины. Здесь он впервые играл с нею в теннис. Недалеко отсюда они часто встречались тайком. И вот ее нет, ушла.

Он приехал на машине, но сейчас ему хотелось пройтись пешком. Проклятая штука жизнь! Все пошло прахом. Скоро у него не будет ни машины, ни квартиры на Риверсайд-Драйв, ни места в издательстве – ничего.

– Боже мой, я не перенесу этого! – вырвалось у Юджина, и немного спустя он повторил: – Я не перенесу этого! Не перенесу!

Доехав до Баттери, он отпустил шофера, приказав ему отвести машину в гараж, а сам уныло побрел по темным коридорам улиц нижней части Нью-Йорка. Вот Бродвей, где он так часто бывал с Колфаксом и Уинфилдом. Вот он, могущественный

финансовый мир Уолл-стрита, где он надеялся когда-нибудь блистать. Эти высокие безмолвные здания, казалось, сторонились его. Далеко в небе ярко горели звезды, холодные, живительные, но сейчас они ничего не говорили ему. Как наладить жизнь? Что делать? Целый год! Нет, она никогда не вернется, никогда! Все кончено. Растаяло в небе серебристое облачко. Мираж рассеялся в пустоте. Высокий служебный пост, положение в обществе, свой дом, любовь – куда это все девалось? Скоро он и сам будет сомневаться, не приснилось ли ему все. К дьяволу! Будь проклята коварная судьба, которая поиграла им лишь для того, чтобы погубить.

Оставшись одна, Сюзанна заперлась у себя в комнате. С каждой минутой она все больнее ощущала весь ужас того, что произошло. Упорно глядя в пол, она вспоминала лицо Юджина.

– О! – вырвалось у нее, и впервые за всю свою жизнь она почувствовала, что могла бы разрыдаться от большого, настоящего горя. Но слез не было.

А на Риверсайд-Драйв другая женщина, одинокая, несчастная, с ужасом думала о свалившейся на нее катастрофе. Что делать? Где найти спасение? О боже, ее жизнь, ее ребенок! Как заставить Юджина понять? Если бы можно было открыть ему глаза.

Глава XXIII

После разговора с Колфаксом и принятого Сюзанной решения, в сущности равносильного полному отказу, Юджин занялся ликвидацией своих служебных и семейных дел. Все это было нелегко. По совету Колфакса, он сказал сотрудникам, что уезжает за границу по издательским делам, и при этом в самом ближайшем времени: он материально заинтересован в другом предприятии, о чем они, возможно, слышали или догадываются, и потому, вполне вероятно, не вернется в издательство или разве только на короткий срок. Юджин держался спокойно и уверенно, и никто не подозревал, что значит для него этот уход. Все это было для служащих большим сюрпризом. Они остались под впечатлением, что Юджина ждет еще более высокое положение – теперь он, очевидно, целиком посвятит себя собственному делу.

Анджеле он заявил, что они должны расстаться. Он не допускал в этом вопросе ни малейшей неясности. Пусть она знает, как обстоит дело. Службу он потерял, с Сюзанной соединится не скоро. И он требовал, чтобы Анджела ушла от него, или он сам уйдет. Он советовал ей поехать на время в Висконсин, или в Европу, или куда бы то ни было, предоставив ему самому выпутываться из своих затруднений. Он ей, собственно, сейчас не нужен. Она может обойтись без него. Существуют сиделки, к помощи которых она может обратиться, существуют санатории для беременных и родильные дома. Он готов за все платить. Юджин что угодно готов был сделать, чтобы больше не жить с Анджелой. Один ее вид, при той гложущей тоске, какую он испытывал, служил бы для него вечным укором, вечным напоминанием о пережитом позоре. Нет, они должны расстаться, и, может быть, кто знает, Сюзанна еще найдет в себе достаточно отваги и решимости, чтобы прийти к нему. Так должно быть. А вдруг Анджела умрет. Да, эта жестокая мысль приходила ему в голову. Она умрет, и тогда… тогда… О том, что ребенок может остаться в живых, даже если Анджела умрет, он не задумывался. Эта мысль не укладывалась у него в голове. Ребенок был для него лишь отвлеченным понятием.

Юджин снял комнату в большом доме в районе Кингсбридж, где ни один человек не знал его и где он вряд ли мог встретить знакомых, и стены ее стали свидетелями безотрадного зрелища. Это было зрелище человека, чья жизнь пошла прахом, в чьих чувствах, представлениях, наклонностях и восприятиях царил хаос, – человека, пережившего страшное разочарование, павшего под тяжестью судьбы. Будь Юджин лет на десять – пятнадцать старше, это состояние могло бы привести к самоубийству. Будь у него несколько иной характер, оно могло бы толкнуть его на убийство, на любое преступление. А он только погрузился в полную апатию и, вспоминая о своих рухнувших надеждах, думал о том, где-то теперь Сюзанна, что делает Анджела, что говорят и думают о нем люди, как собрать осколки своей разбитой жизни и что-нибудь слепить из них.

Единственным спасением для него оказалось желание работать – оно вернулось не сразу, но все же постепенно стало заявлять о себе. Необходимо было чем-то заняться, хотя бы той же живописью. В таком состоянии нечего было и думать рыскать по Нью-Йорку в поисках службы. «Синее море» ничего не могло ему дать. А работать он должен, чтобы содержать Анджелу, чтобы не оказаться перед ней последним негодяем. Ибо, размышляя о своем отношении к ней в свете случившегося, Юджин начал понимать, что вел себя очень некрасиво. Она глубоко чуждый ему человек, но разве можно ставить это ей в вину? Во всяком случае, сейчас необходимо придумать, чем заняться, чем жить и вообще что делать дальше.

У них было много разговоров на эту тему, были бурные сцены, так как для Анджелы рушилось все, что представляло какую-то цену в жизни, но, несмотря на ее плачевное положение, они расстались. Наступил ноябрь месяц, и так как домовладелец прослышал о финансовых затруднениях своего жильца, вернее, о постигших его неудачах, Юджину удалось расторгнуть арендный договор, истекавший только через несколько лет, и отказаться от квартиры. Анджела, совершенно обезумевшая от горя, не знала, где искать помощи. Она попала в одно из тех унизительных положений, которые заставляют человека бежать общества себе подобных. В отчаянии она бросилась к сестре Юджина, Миртл, которая сперва намеревалась скрыть от мужа это позорное и трагическое происшествие в своей семье, но потом все ему рассказала и вместе с ним стала думать, что делать. Фрэнк Бэнгс, как человек практического склада и к тому же убежденный приверженец «христианской науки» (он стал им с тех

пор, как у Миртл каким-то чудом исчезла беспокоившая ее опухоль), попытался применить и здесь основной догмат этого учения – догмат о господстве добра.

– Не горюй, Миртл, – сказал он жене, которая, несмотря на свою веру, была потрясена и испугана несчастьями, свалившимися на голову брата. – Это только лишний раз показывает, как способен заблуждаться человеческий ум. То, о чем ты рассказываешь, как будто и серьезно, но в глазах господа это ничто. Уверяю тебя, все окончится благополучно, если мы будем в это верить. Анджеле лучше всего лечь в родильный дом – сейчас или когда придет время. Я надеюсь, что нам удастся убедить Юджина поступить по справедливости.

Они уговорили Анджелу искать совета и помощи в учении миссис Эдди. Сама же Миртл отправилась к своей знакомой лекарке и попросила ее употребить все свое влияние или свои познания, чтобы наставить ее брата на путь истины. Та ответила, что это невозможно, пока на то не будет желания самого Юджина, но обещала молиться за него. Вот если бы удалось уговорить его обратиться к ней по доброй воле, в поисках духовного руководства или божественной помощи, тогда другое дело. Несмотря на заблуждения Юджина – а в глазах Миртл они были чудовищны, – ее вера не позволяла ей укорять его. К тому же, он был ее любимый брат, Юджин – незаурядный человек, рассказывала она миссис Джонс, но он всегда был со странностями. Она готова допустить, что он и Анджела не были идеальной парой. Но ведь «христианская наука» все может исправить.

Анджела переживала мучительные дни, пока ее вещи упаковывались и увозились на склад, на хранение. Эти обломки прошлого были ей бесконечно дороги, как напоминание о былом величии, как символ жизненных благ и видного положения в обществе. С болью в сердце перебирала она вещи Юджина – его картины, трости, трубки, его одежду – и горько зарыдала, когда ей попался под руку красивый шелковый халат, в котором он обычно отдыхал дома, – так живо вспомнились ей былые, счастливые дни. И сейчас у Анджелы иногда прорывался ее холодный жесткий тон, и снова ею овладевал прежний властный дух – но ненадолго. Она потерпела поражение и прекрасно это сознавала. Все рухнуло. В ее ушах раздавался гул холодного, грозного моря.

Сюзанне одно время действительно казалось, что она любит Юджина. Слишком велико было магическое обаяние его личности, и она не в силах была ему противостоять. В Юджине чувствовалось что-то глубоко враждебное общепринятым мнениям. Если при первом, поверхностном, взгляде он казался агнцем, послушным рабом узаконенных чувств и представлений, то на самом деле, в своем презрении к утвердившимся традициям, это был неукротимый волк. Он ни во что не ставил отстоявшиеся формы жизни, ее раз и навсегда заведенный порядок. Заглядывая глубже, он видел в ней не материальную ее сущность, а духовную – или, скажем, нематериальную; в материальном же усматривал лишь тень духовного. Какое дело могущественным силам жизни до того, сохранится ли та или иная система, за которую цепляются люди, поднимая вокруг этого такую возню и шум? Да ровно никакого! Однажды, побывав в морге, где он видел человеческие тела, которым суждено было превратиться как бы в химическое месиво, он сказал себе, что смешно даже предполагать будто человеческая жизнь что-нибудь значит для тех сил, которые вызывают такие превращения. Тут действуют непреодолимые законы химии и физики, иногда допускающие кое-какую прихотливую игру теней, но лишь как нечто временное, преходящее. Однако, пока эта игра длится, как она прекрасна!

Нечего и говорить, что Сюзанна была крайне подавлена всем случившимся, так как она не в меньшей мере, чем Юджин, способна была страдать. Но она дала слово ждать и решила сдержать обещание, хотя один раз и нарушила его. Ей шел двадцатый год – Юджину вскоре должно было сравняться сорок. Независимо от ее желания, жизнь могла еще залечить ее раны. Что же касается Юджина, то, по мере того как шло время, его боль только усиливалась. Миссис Дэйл вместе с Сюзанной и остальными детьми отправилась за границу. Она гостила у людей, которые ничего не знали об увлечении Сюзанны и едва ли могли узнать, – в крайнем случае могли лишь что-то предполагать. Если бы что и выплыло наружу, – а такую возможность она допускала, – миссис Дэйл решила заявить, что у Юджина были недостойные виды на ее дочь, но что ей удалось быстро разгадать его планы и расстроить их, почти без ведома Сюзанны. Это звучало в достаточной степени правдоподобно.

Что теперь делать? Как жить дальше? Эта мысль постоянно грызла Юджина. Поселиться где-нибудь в глухом переулке, в какой-нибудь конуре, где бы им с Анджелой, если бы он решил не расходиться с нею, можно было за небольшие деньги любоваться красивым видом из окна? Ни за что! Примириться с мыслью, что Сюзанна потеряна для него по меньшей мере на год, что ее отняли у него так неожиданно и грубо? Нет, это невозможно! Признать, что совершил ошибку, – хотя он еще не видел, в чем она состояла, – проявить раскаяние и постараться кое-как наладить прежнюю жизнь? Ни в коем случае! Ему не в чем было раскаиваться. У него не было ни малейшей охоты возвращаться к Анджеле. Она ему опротивела, – вернее, опротивело состояние скованности всякими запретами и предрассудками, с которыми он вынужден был мириться столько лет. Юджину претила мысль, что ему, вопреки его желанию, навязывают ребенка. Он на это не пойдет. Незачем ей было ставить себя в такое положение. Нет, лучше смерть. Его жизнь застрахована в ее пользу, он выплатил по полису около восемнадцати тысяч долларов – в случае его смерти она получит эту сумму. И он желал смерти. Пусть это будет в ее глазах искуплением за жестокие удары, которые судьба нанесла ей, но жить с ней дальше он не согласен. Ни за что! Не важно, будет у нее ребенок или

нет! Остаться с ней, в их квартире, после того памятного вечера, – да разве это возможно? Ведь ему пришлось бы делать вид, будто ничего не произошло, будто ничего не изменилось в его отношениях с Сюзанной. Да и она, может быть, еще вернется к нему. Может быть! Может быть! О, какое глумление – бросить его таким образом, когда она могла прийти к нему, должна была прийти. О, сколько яда в смертоносных стрелах судьбы!

И вот наступил день, когда их мебель была отправлена на склад, и Анджела временно поселилась у Миртл, а затем настал и тот тяжелый час, когда она уехала из Нью-Йорка в Расин, где жила с мужем ее сестра Мариетта. Она решила, что только на прощание, под строжайшим секретом, откроется сестре. Юджин проводил ее на вокзал, хотя у него не было ни малейшего желания присутствовать при ее отъезде. Анджела, однако, не оставляла надежды, что время принесет с собою примирение. Если она сможет его дождаться, если возьмет себя в руки, с честью выйдет из предстоящего испытания и не умрет и не даст Юджину развода, он, быть может, образумится и решит, что она стоит хотя бы того, чтобы жить с нею под одной крышей. Ребенок может способствовать этому – немыслимо, чтобы это событие оставило его равнодушным. Он не может не прийти ей на помощь в такое время. Она твердила себе, что с радостью пройдет через все пытки, если только это вернет ей Юджина. Ее ребенок – какой прием ждет его! Нежеланный, отвергнутый еще до рождения! Как поступит с ним Юджин, если она умрет? Быть не может, чтобы он бросил его на произвол судьбы. По-своему, с грустью и тревогой, она уже начинала привязываться к ребенку.

– Скажи мне только одно, – обратилась она к Юджину однажды, когда они то ссорились, то строили планы, как дальше жить. – Если у меня родится ребенок, и я… я умру, – ты ведь не бросишь его на произвол судьбы? Ты позаботишься о нем, правда?

– Конечно, позабочусь, – ответил он. – Это тебя не должно тревожить. Не такой уж я отъявленный негодяй. Я не хотел ребенка, верно, ты навязала мне его. Но, конечно, я о нем позабочусь. И я совсем не хочу, чтобы ты умирала, ты это знаешь.

Если только она останется в живых, размышляла Анджела, она готова снова пройти вместе с Юджином через все испытания бедности и нужды, только бы видеть его образумившимся, положительным человеком, хотя бы и не слишком преуспевающим. Ребенок поможет этому, наверняка поможет. Ведь у Юджина никогда не было детей. Пусть ему сейчас неприятна мысль о ребенке, но с его появлением все может измениться. Только бы ей остаться в живых. Трудно ей будет, ведь она уже не молода.

Тем временем она советовалась с юристом, врачом и гадалкой, с астрологом и с лекаркой, рекомендованной ей Миртл; это было бессмысленное, смешное сочетание, но Анджела совсем растерялась, а в бурю всякая гавань сулит спасение.

Врач сказал Анджеле, что ее мышцы утратили свою упругость, но он надеется, что при соблюдении известного режима все кончится благополучно. Астролог открыл ей, что это испытание предназначено им звездами, – скорее даже ее мужу, который, по-видимому, уцелеет после всех потрясений и еще преуспеет в жизни. Что же касается самой Анджелы, – и тут астролог покачал головой, – о, разумеется, и для нее все кончится благополучно. Он лгал. У гадалки она спросила, женится ли Юджин на Сюзанне, и была счастлива услышать, что эта девушка никогда не войдет в его жизнь. Гадалка, разряженная, увешанная драгоценностями, была страшна, как смертный грех, – Анджела долго ждала ее в приемной среди других посетительниц, которых привели сюда различные горести – сердечные заботы, потеря денег, ревность, опасности родов. Миссис Джонс объяснила Анджеле, что все на свете есть проявление божественного духа, всемогущего и всеобъемлющего добра, и что зла, следовательно, нет, а есть только иллюзии зла. Оно имеет власть лишь над теми, кто в него верит, утешала она Анджелу, но лишено всякого значения и смысла для того, кто сознает себя совершенным и неугасимым отражением божественной идеи. Бог – это принцип. Достаточно уяснить себе это, а также что человек – неотъемлемая его часть, и зло рассеивается подобно дурному сну, чем в сущности оно и является. Зло лишено всякой реальности. По их учению, уверяла она Анджелу, никакое зло не может ее коснуться. Бог есть любовь.

Юрист, выслушав возбужденный рассказ Анджелы о безнравственном поведении Юджина, сообщил ей, что по законам штата Нью-Йорк, где все эти проступки были совершены, она может претендовать лишь на самую незначительную часть состояния своего мужа, если у него таковое имеется. Что касается развода, то эта процедура потребует минимум двух лет. Он лишь в том случае рекомендовал бы ей судиться, если бы ей удалось доказать, что муж ее располагает большими средствами, в противном случае игра не стоит свеч. И он взял с нее двадцать пять долларов за совет.

Глава XXIV

Если человек долго жил в определенной среде, медленно и верно создавая себе известные взгляды, привычки и правила поведения; если при этом он достиг видного положения в обществе и слово его было законом для других; если он изведал, что значит полная свобода действий, познал то легкое и беззаботное ко всему отношение, какое дает богатство, роскошь и почет, то внезапная потеря средств, страх перед общественным мнением, вечная боязнь публичного унижения и позора становятся для него пыткой, мучительнее которой трудно что-либо вообразить. Это для него пора сурового испытания. Кто восседает среди великих мира и взирает на жизнь, управляемую некоей высшей силой, избравшей его своим сверкающим орудием, тот понятия не имеет о чувствах человека, низвергнутого с высоты, лишенного прежних почестей и благ, пребывающего во мраке, среди праха былого величия, и грустно размышляющего о минувшей славе. В этом заключена трагедия, недоступная пониманию обыкновенного человека. Ветхозаветные пророки знали это – они не переставали возвещать судьбу тех, кто, увлеченный

своими безумствами, сошел с пути праведного и чья участь, волею благодетельной, но карающей силы, должна была стать примером для других. «Так сказал господь: – Ты восстал против бога всевышнего, и перед тобой были выставлены взятые из храма сосуды его, и ты, и военачальники твои, и жены, и наложницы пили вино из них, и ты восславлял богов, сотворенных из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня… Дни твоего царствования сочтены, и царству твоему конец. Деяния твои были положены на чашу весов, и веса их оказалось недостаточно. И царство твое будет поделено между мидянами и персами».

Судьба Юджина могла бы в известной мере служить образцом этого призрачного торжества справедливости. Его царству, пусть и утлому, и на самом деле пришел конец. В нашей общественной жизни слишком сильны слепые инстинкты, и мы почти бессознательно бросаемся прочь от всего, что противоречит традициям, обычаям, предвзятым взглядам и целям, которым, по своей близорукости, придаем большое значение. Кто из нас не бежит от человека, за какие-то деяния осужденного той частью общества, мнением которой мы почему-то дорожим? Пусть он высоко держит голову и ведет себя безупречно – если на него упала хотя бы тень подозрения, все отворачиваются от него, друзья, родные, деловые знакомые – словом, все общество в целом. «Нечистый!» – несется вопль. «Нечистый, нечистый!» И хоть бы сами мы были ничтожествами в душе, хоть бы сами были гробами поваленными, мы вместе с другими бежим прочь. Но этим мы лишь подтверждаем превосходство тех мудрых сил, которые ведут человека к предназначенной цели, не позволяя его развращенности, его рабской подражательности замутить их светлый приговор.

Анджела поехала в Блэквуд повидать отца, который был уже совсем стар и немощен, а потом – в Александрию навестить мать Юджина, здоровье которой тоже сильно пошатнулось.

«…Я все еще не теряю надежды, что ты одумаешься, – писала она Юджину. – Пиши мне время от времени, если будет желание. Ведь это тебя ровно ни к чему не обязывает. От нескольких слов, которые ты мне черкнешь, ничто не изменится, а я так одинока. Ах, Юджин, если бы я могла умереть – если бы я могла умереть!»

Ни в Блэквуде, ни в Александрии Анджела ни единым словом не обмолвилась об истинном положении вещей. Она рассказывала, что Юджину давно надоела его коммерческая деятельность, и теперь, поскольку обстоятельства у Колфакса сложились для него неблагоприятно, он рад на время вернуться к своему искусству. Возможно, он тоже приедет, но он страшно занят. Так она лгала всем. Но Миртл она писала подробно о своих надеждах, а главное, о своих страхах.

У Юджина было несколько свиданий с Миртл. Она с детских лет питала к нему нежность как к младшему брату. Многое в его характере было ей и сейчас так же мило, как в те времена, когда они были детьми. Она разыскала Юджина в его унылой комнате в Кингсбридже.

– Почему бы тебе не переехать к нам, Юджин? – начала она его упрашивать. – У нас уютная квартира. Ты можешь взять себе большую комнату, рядом с нашей спальней. Там из окна очень красивый вид. Фрэнк к тебе так хорошо относится. Мы с ним слышали обо всем от Анджелы, и я считаю, что ты не прав, но ты мой брат, и я хочу, чтобы ты переехал к нам. Все кончится хорошо, вот увидишь. Бог рассудит вас. Мы с Фрэнком молимся за тебя. Ты должен знать, что по нашему учению зла не существует. Ну, пожалуйста, – и Миртл улыбнулась своей былой девичьей улыбкой. – Ну что ты торчишь здесь один, взаперти? Разве тебе неприятно будет поселиться вместе со мной?

– Разумеется, мне было бы приятно жить у вас, Миртл, но сейчас это невозможно. И я не хочу. Мне нужно подумать, надо побыть одному. Я еще не решил, что делать дальше. Попробую вернуться к живописи. Денег у меня пока хватит, а времени хоть отбавляй. Тут на холме есть несколько домов получше – наверно, там найдется для меня комната с окнами на север, под студию. Но все это нужно обдумать. Я еще и сам не знаю, что буду делать.

Между прочим, у него снова начались боли под ложечкой, – как тогда, когда миссис Дэйл увезла Сюзанну в Канаду, и он испугался, что больше ее не увидит. Это была настоящая физическая боль, резкая, как от удара ножа. Его удивляло, что он может сейчас страдать от физической боли. Он чувствовал также ломоту в глазах и в кончиках пальцев. Не странно ли это?

– Посоветуйся с кем-нибудь из наших лекарей, – говорила ему Миртл. – Ведь ты ничем не рискуешь. Верить для этого не нужно. Хочешь, я куплю тебе книгу, где все изложено, почитай ее. Увидишь, Юджин, ты и сам скажешь, что в этом что-то есть. Ну вот, ты иронически улыбаешься, но я не могу тебе сказать, сколько это дало мне. Ну просто очень, очень много. Я совсем не та, что была пять лет назад, и Фрэнк тоже. Ведь ты знаешь, как я была больна?

– Да, знаю.

– Так почему бы тебе не повидать миссис Джонс? Можешь ничего ей не рассказывать, если не хочешь. Бывает, что она просто чудеса творит.

– Ну чем мне поможет твоя миссис Джонс? – с горечью отозвался Юджин, и губы его скривились в едкую усмешку. – Может она меня излечить от меланхолии? Сделать так, чтобы сердце у меня не болело? К чему все эти разговоры? Просто надо скорей кончать всю эту музыку.

Он угрюмо отвел глаза.

– Миссис Джонс не может, зато бог может. Ах, Юджин, я прекрасно понимаю, что у тебя на душе. Но я прошу тебя, сходи к ней. Ну что тебе стоит? Завтра я принесу тебе книгу. Ты почитаешь ее, если я принесу?

– Ничего я читать не стану.

– Юджин, сделай это ради меня.

– Зачем, если я не верю? И не могу верить. Я слишком здравомыслящий человек, чтобы придавать серьезное значение такому вздору.

– Как ты странно рассуждаешь, Юджин! Когда-нибудь ты другое скажешь. Я знаю твои взгляды, но все-таки прочитай ее. Ну, пожалуйста! Мне бы не следовало тебя упрашивать. Это совсем не так должно делаться, но я хочу, чтобы ты хоть взглянул в нее. И сходи повидайся с миссис Джонс.

Юджин отказался. Из всех идиотских советов, какие могли быть ему предложены, это был самый глупый. Христианская наука! Христианская белиберда! Он и сам знал, что ему следует сделать. Совесть подсказывала ему, что он должен забыть Сюзанну и вернуться к Анджеле в этот тяжелый для нее час, вернуться к своему ребенку – по крайней мере на время. Но как могущественно очарование красоты и любви! Дни, проведенные с Сюзанной в окрестностях Нью-Йорка! Часы блаженства, когда она была так прекрасна! Как превозмочь все это? Как забыть? Ведь она была так пленительна, так необычайно хороша. Каждое воспоминание о ней отзывалось в сердце невыносимой болью, и Юджин старался гнать от себя эти мысли, куда-то ходил, что-то делал, просто метался по комнате, чтобы не думать. Какая жизнь! Какой ад!

Если в ту пору в поле зрения Юджина попала «христианская наука», то это объяснялось исключительно тем, что Миртл и ее муж были восторженными последователями этой секты. Как в Лурде и в Сент-Анн де Бо-Пре паломникам приходит на помощь надежда, жажда исцеления и фанатическая вера в благотворное вмешательство какой-то высшей силы, так было и с Миртл, которая исцелилась от серьезного и трудно поддающегося лечению недуга. У нее была опухоль, нервная бессонница, несварение желудка и общее расстройство пищеварения, и никакие усилия врачей не приносили облегчения. Она тяжко страдала душой и телом, когда ей попало в руки руководство миссис Эдди под названием «Наука и здоровье – с ключом к Священному писанию». И, читая эту книгу, она вдруг избавилась от всех своих болезней, вернее, ею овладела мысль, что она здорова, а немного спустя она и действительно выздоровела. Она выбросила в мусорный ящик все свои порошки и микстуры, которых у нее набралось изрядное количество, перестала обращаться к врачам, принялась читать издания этой секты, зачастила в ее ближайшую церковь и вскоре с головой ушла в дебри метафизических рассуждений о сущности земного существования. Муж Миртл, очень ей преданный, тоже стал приверженцем этого учения, ибо то, что хорошо для нее и могло излечить ее, рассуждал он, достаточно хорошо и для него. Увлеченный высшим духовным смыслом «христианской науки», он стал даже более рьяным последователем и ее толкователем, чем сама Миртл.

Те, кто хоть сколько-нибудь знаком с «христианской наукой», знают, что основной ее догмат гласит: бог – это принцип, а не личность, воспринимаемая нашими чувствами (свидетельство которых иллюзорно), а человек – его образ и подобие (в духовном смысле). Человек, стало быть, не бог и не частица бога, он – божественное помышление и, следовательно, исполнен гармонии и всяческих совершенств. Для людей, не склонных к метафизике, все это лишено всякого смысла, но для тех, кто к ней расположен, здесь заключено некое откровение. Материя представляется им лишь искусным сочетанием иллюзий, претерпевших эволюцию или нет, не суть важно, но непременно возникших из ничего и во всяком случае лишенных какой бы то ни было видимой и осязаемой основы. Сами по себе, вне той веры и значения, какое приписывает им тот, кто сам только дух, эти иллюзии – ничто. Стоит в них усомниться, и они рассеиваются, как мираж.

Для Юджина, пребывавшего в состоянии крайней угнетенности, – он стал угрюм, мрачен, разочарован и всюду видел действие злых, разрушительных сил, – это учение могло бы представить известный интерес, если бы он захотел с ним ознакомиться. Юджин принадлежал к типу людей, с детства склонных к метафизике. Всю свою жизнь он не переставал размышлять о загадках бытия, читал Спенсера, Канта, Спинозу, а главным образом таких авторов, как Дарвин, Гексли, Тиндаль, лорд Эвербери, Альфред Рассел Уоллес, – в последнее же время сэра Оливера Лоджа и Вильямса Крукса, – пытаясь уяснить себе на основе индуктивного, материалистического метода, что такое жизнь. Углубляясь в такие произведения, как «Сверхдуша» Эмерсона, «Размышления» Марка Аврелия и диалоги Платона, он, казалось, различал в них проблески истины. Бог есть дух, думал он, как Христос сказал женщине у колодца в Самарии, но только большой вопрос, занимается ли он делами земли, где столько взаимной вражды и страданий. Сам Юджин этому не верил, во всяком случае он сильно сомневался в этом. Его всегда глубоко трогала Нагорная проповедь – отношение Христа к мирским невзгодам, а также пламенная вера древних пророков,

утверждавших, что бог есть бог, нет бога, кроме единого, и что он покарает всякое беззаконие. Покарает или не покарает, думал Юджин, это еще под большим сомнением. Понятие греха всегда было для Юджина загадкой, особенно первородного греха. Возможно ли, чтобы еще до появления человека на земле существовали какие-то законы? И какие же? Был ли среди них, например, закон о браке, о неком духовном союзе, который, следовательно, старше самой жизни? Предусматривали ли эти законы такое явление, как воровство? Но как можно говорить о воровстве вне всякой связи с жизнью? Где было воровство, когда не было человека? Или оно появилось на земле вместе с человеком? Смешно! Очевидно, здесь действуют законы другого порядка, вроде тех, какие проявляются в химии и физике. Один профессор, крупный социолог, читавший лекции в каком-то колледже, говорил Юджину, что в таких понятиях, как успех, неудача, грех, лицемерие, он видит лишь производные первичных инстинктов, вроде инстинкта самосохранения или размножения. Помимо этого ничего не существует. Абсолютная мораль? Чепуха! Таких вещей не бывает.

Этот крайний скептицизм не мог не увлечь Юджина. Он всегда был склонен к сомнению. Как уже говорилось, жизнь под его скальпелем распадалась на отдельные элементы, но собрать их потом воедино он не умел – из-за неумения последовательно мыслить. Вот, скажем, люди толкуют о святости брака, но ведь брак тоже результат какой-то эволюции! Это было ему хорошо известно. Однажды он прочитал чей-то двухтомный трактат под заглавием «История человеческого брака» – или что-то в этом роде. В нем говорилось, что животные спариваются лишь на тот срок, какой нужен, чтобы вырастить детенышей, то есть довести их до того возраста, когда они сами смогут о себе заботиться. И разве не это лежит в основе современного брака? В той же книге, помнится, сказано: брак только потому стал считаться священным и нерасторжимым, что человеку надо много времени для воспитания своего потомства – так много, что пока дети станут на ноги, родители успевают благополучно состариться. А тогда зачем разводиться?

Но производить на свет детей обязанность каждого.

Вот в том-то и дело! Вот тут-то и начинались для Юджина все его мучения. Отсюда вырастала проблема домашнего очага. Дети! Воспроизведение рода! Впрягайтесь в колесницу эволюции! Так неужели же всякий, кто этого не делает, осужден? Он навлекает на себя гнев своего племени? А сколько есть мужчин и женщин, которые не имеют детей, не могут их иметь! Тысячи и тысячи, и те, кто имеет детей, осуждает тех, кто не имеет. Юджин знал, что преобладающая в Америке точка зрения заключается в том, что человек должен производить на свет и воспитывать детей, – точка зрения практическая и консервативная. Взять хотя бы его отца. Но разве не находятся хитрецы, которые пользуются этим в своих целях: они переносят свои фабрики туда, где инстинкт размножения особенно силен, чтобы за бесценок нанимать детей на работу; и ничего с этими людьми не случается, – а может быть случается?

Миртл не переставала упрашивать брата познакомиться с новым толкованием священного писания, утверждая, что оно рассеет все его земные горести, ибо оно учит, что в мире существует только чистый дух, не доступный человеческому разуму. Если ему лучше разойтись с Анджелой, говорила Миртл, то так оно и будет; а если нет – то этому не бывать. Но в чем бы ни заключалась истина, к нему вернутся счастье и душевный покой. Он должен поступать правильно («ищите прежде всего царствия божьего»), а остальное приложится.

Вначале Юджина ужасно раздражали эти разговоры, но потом он втянулся в них. За завтраком и за обедом шли нескончаемые увещания и уговоры. Бэнгс и Миртл приводили бесконечные доводы в пользу «науки», а несколько раз Юджин даже сопровождал их в церковь, где по средам верующие рассказывали о чудесах, объектами или очевидцами которых были сами. Рассказы эти казались Юджину мало правдоподобными. Пока дело ограничивалось повествованиями о недугах, которые можно в известной мере считать плодом больного воображения, он готов был объяснить эти случаи мнимого исцеления результатом религиозной восторженности. Но когда оказывалось, что эти мнимые больные излечились от рака, туберкулеза, прогрессивного паралича, зоба, костных заболеваний и грыжи, он не столько готов был счесть их лжецами, так как они не производили такого впечатления, сколько склонен был думать, что они заблуждаются. Как могли эти люди, – или их учения, одним словом, что бы там ни было, – вылечить рак? Бог ты мой!

Так продолжал он упорствовать в своем неверии и отказывался читать книгу, пока однажды в среду вечером от нечего делать не забрел в Четвертую церковь последователей «христианской науки». Кто-то из сидевших в одном с ним ряду поднялся и произнес следующую речь:

«Я хочу свидетельствовать перед вами о любви и милости, которую явил мне господь бог, так как совсем недавно я был поражен неизлечимым недугом и чувствовал себя пропащим человеком.

Я вырос в семье, где с Библией не расставались ни днем, ни ночью – отец мой закоснелый пресвитерианец, – и до того меня всем этим пичкали, до того мне опротивело наблюдать на каждом шагу и даже на примере моих ближайших родичей, как слово у этих святош всегда расходится с делом, что я решил про себя: ладно, не стану ни в чем им перечить, пока живу в отцовском доме и ем отцовский хлеб. Зато уж, как вырвусь на волю, буду делать, что хочу. Так я прожил до семнадцати лет, а затем перебрался на жительство в большой город Цинциннати. Но едва только оказался на воле и сбросил с себя, словно ненужную ветошь, все мое религиозное воспитание и решил зажить по-своему, пустился я во все тяжкие и стал выпивать, хотя, по правде говоря, не видел в вине большой радости, и так и не сделался пьяницей».

Юджин улыбнулся.

«Поигрывал я и в карты, однако опять-таки не втянулся, не стал игроком. Но была у меня лютая страсть к женскому полу, и тут уж я заранее прошу вашего прощения и думаю, что вы меня простите, потому что есть, верно, и среди вас такие, кому мой рассказ может пойти на пользу.

Скажу вам одно: женщины были для меня величайшим соблазном. Вожделение владело всеми моими помыслами. Меня обуяла жестокая похоть. И так был во мне силен голос плоти, что я не мог увидеть хорошенькую женщину, чтобы – как сказано в писании – не пожелать ее. Так я жил в грехе и беззаконии, но тут господь посетил меня. Я заболел водянкой, воспалением почек и прогрессивным параличом. И после того, как пролечился пять лет и истратил все свое имущество на врачей и всякое лечение, мои близкие однажды отнесли меня, совсем больного, в Первую церковь последователей христианской науки в городе Чикаго. А до этого я всегда обращался за помощью к обыкновенным врачам.

Если среди присутствующих есть такие, кто переживает то же, что пережил я, пусть услышат меня.

Ибо я хочу сказать вам, что я стал здоровым человеком – и не только физически или морально, нет, я окреп и духом, насколько мне говорит мой слабый разум. Я прошел шестимесячный курс лечения у одной женщины в Чикаго и вот стою перед вами – здоровый человек. Господь есть добро!».

С этими словами он сел.

Пока он говорил, Юджин внимательно изучал его лицо. Это был высокий худощавый блондин с рыжеватой бородкой. Лицо свежее, румяное, с правильными чертами, голубые глаза смотрят уверенно и спокойно. И вообще от него веет здоровьем, энергией и бодростью. Голос у него звучный, ясный, его, по-видимому, хорошо слышат даже в задних рядах. Человек этот одет в новый, если и не изысканный, костюм, – хорошо сшитый и безукоризненно на нем сидящий. Это не бродяга, не какая-нибудь подозрительная личность, а человек с солидной профессией, может быть чертежник или инженер. Что-то в его судьбе напомнило Юджину его собственную. Правда, он не знал всех этих болезней, но разве совершенная женская красота не будила в нем любострастных желаний? Однако можно ли ему верить? Ну, неужели же он врет! Смешно! Или сам заблуждается? Кто этот человек? Слишком он сильный, рассудительный, энергичный, слишком ясно и здраво мыслит, чтобы ошибаться или лгать. И все же… А вдруг этот незнакомец послан ему какой-то неведомой попечительной силой, его добрым гением, который еще не совсем от него отступился? Возможно ли это? Странное, но доброе предчувствие посетило его – как и в тот день, когда он увидел чернобородого господина в вагоне, отправляясь на зов Сюзанны; как и в тех случаях, когда таинственные силы раскладывали у него на дороге старые подковы, предвещающие удачу. В задумчивости вернулся он домой и в тот вечер впервые серьезно уселся за книгу «Наука и здоровье», подаренную ему сестрою.

Глава XXV

Тот, кто когда-либо пытался читать эту своеобразную, а по мнению многих и весьма примечательную книгу, знает, что внешне – это нагромождение чудовищных противоречий и метафизической галиматьи. Уже одного утверждения в предисловии, будто после потопа люди стали болеть и чаще и серьезнее, чем раньше, достаточно, чтобы ошеломить каждого, кто привык полагаться на науки с их материалистическим обоснованием. И когда Юджин, едва приступив к чтению, наткнулся на эту нелепость, он весь вскипел. Ну что, в самом деле, за охота болтать глупости! Ведь всем известно, что никакого потопа не было. Так зачем же выдавать басню за факт? Это раздражало его, хотя в известном смысле казалось даже забавным. И тут же он набрел на другое, невнятное и по существу противоречивое место, где шла речь о материи и духе. Миссис Эдди утверждала, что свидетельству наших чувств нельзя верить, а сама то и дело на них ссылалась и для иллюстрации своих мыслей приводила аллегории, основанные на чувственном опыте. Юджин не раз бросал книгу, так его раздражали постоянные ссылки на Библию. Библия не была для него авторитетным источником. Да и самое понятие христианства не внушало ему почтения, так же как и человеку, свидетельствовавшему в церкви. Можно ли серьезно уверять, будто сотворенные Христом чудеса происходят и в наше время? А как же показания этого человека? Разве в его словах не чувствовалась глубокая искренность, подлинное волнение того, кто грешил и раскаялся?

Вскоре, однако, отдельные мысли, рассеянные тут и там, а также спиритуалистическое толкование христианства в целом пробудили в Юджине интерес к этой книге. Особенно одно место привлекло его внимание, – ведь он никогда не чуждался метафизики.

«Осознай на миг, что мы живем и мыслим лишь в духе и что ни в нас, ни вокруг нас нет ничего материального, – и тело твое избавится от боли. Если ты страдаешь от мнимого недуга, он сразу оставит тебя. Там, где плоть подчинена духу в любви, самые печали станут радостью».

«Бог есть дух, – вспомнил Юджин слова Иисуса. – И поклоняющиеся должны поклоняться ему в духе и истине!»

«Недуг твой оставит тебя. И самые печали станут радостями».

«Печали? Какие же печали? – думал Юджин. – Ведь не любовные же! Очевидно, это означает конец земной любви; ведь и она преходяща».

Продолжая читать, он обнаружил, что последователи «христианской науки» верят в непорочное зачатие девы Марии, и это тоже поразило его, как ужасная нелепость. Они верили также, что люди в конце концов откажутся от брака, как от бренной иллюзии самосотворения и продолжения рода, а вместе с этим отпадет и рождение детей; дематериализация человеческого тела, возвращение его к духовной сущности, которой чужды грех, болезни, разложение и смерть, также входило в их символ веры. Юджину подобные утверждения представлялись вопиющей нелепицей, но в то же время это отвечало его ощущению присутствия в жизни какой-то тайны и общему метафизическому направлению его ума.

Надо сказать, что темперамент Юджина – его склонность к самоанализу и сильная впечатлительность, – а также отчаяние, когда он, словно утопающий за соломинку, хватался за все, что сулило облегчение его горю, чувству безнадежности и полного крушения, немало способствовали тому, что он занялся изучением этой довольно-таки фантастической теории бытия. Он много слышал о «христианской науке», знал, что ее последователи строят церкви, что их число растет, особенно в Нью-Йорке, – что они трубят повсюду, будто освободились от власти зла. А так как у Юджина не было ни дела, ни развлечений, и ничто не уводило его от мыслей о самом себе, то все эти любопытные утверждения, естественно, должны были заинтересовать его.

Юджину было известно, как из первоисточника, так и из книг других мыслителей, что Карлейль говорил: «Материя сама по себе, внешний материальный мир – это либо ничто, либо продукт человеческого воображения» («Дневник Карлейля», из его биографии, написанной Фрудом), и что, по учению Канта, вселенная существует только в нашем восприятии или сознании и представляет собою всего лишь мысль. С другой стороны, Марк Аврелий учил в своих «Размышлениях», что душа вселенной полна любви и милосердия, что в ней нет зла и что она не подвластна злу. В свое время эти слова поразили Юджина; они выражали точку зрения диаметрально противоположную его собственному взгляду на вселенную, дух которой представлялся ему коварным, жестоким и злобным. Его удивляло, что человек, который стал римским императором, мог думать иначе. В Нагорной проповеди Юджин видел прекраснодушные рассуждения мечтателя, не знающего действительности. И все же заповедь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут», – всегда изумляла его своей красотой, и он считал ее глубоко верной: «Ибо где сокровище ваше, там будет сердце ваше». Китс сказал: «Красота – это истина, а истина – это красота». А еще кто-то утверждал: «Истина – это то, что существует».

«А что существует?» – спрашивал себя Юджин. И сам себе отвечал: «Красота», – так как жизнь, при всех ее ужасах, прекрасна.

Только людям со склонностью к метафизике или с религиозным складом ума было бы интересно проследить тот медленный и так и не завершившийся процесс, который можно было бы назвать «обращением» Юджина и который тянулся долгие месяцы, когда Анджела гостила в Расине и после, когда она, вернувшись по настоянию Миртл в Нью-Йорк, поселилась в родильном приюте, куда ее определил Юджин. В эти бездны отваживается заглянуть только самый бесстрашный ум, и Юджин измерил всю их глубину. Он подолгу беседовал с Миртл и ее мужем на всевозможные темы, житейские и отвлеченные. (Все это уже не имело никакого отношения к Анджеле: Юджин прямо говорил, что не любит ее и к ней не вернется и что он не представляет себе жизни без Сюзанны.) Он набрасывался на философские и религиозные книги и читал и перечитывал их, так как никакого другого дела у него не было. Он читал или перечитывал «Историю евреев» Кента, «Пол и характер» Вейнингера, «Механизм мироздания» Карла Снайдера, «Героев духа» Мэззи, «Бхагавадгиту» в переводе Джонсона, очерк Эмерсона «Сверхдуша», «Науку и еврейские предания», а также «Науку и христианские предания» Гексли. Юджин обнаружил в этих трудах любопытные факты, относящиеся к религии, которых он раньше не знал, или, может быть, забыл, а именно, что евреи – едва ли не единственная раса или нация, давшая миру непрерывный ряд религиозных мыслителей и пророков; что идеалом их с начала до конца был единый бог, или божество, сперва племенное, а потом и всеобщее, чье содержание и значение расширялось и росло, пока не было отождествлено со вселенной, не стало самой вселенной, руководящим началом и вместе с тем единым богом, вера в которого, в его способность исцелять, созидать и разрушать никогда не умирала.

В Ветхом завете много об этом говорилось, в сущности только об этом и говорилось. Юджин с удивлением узнал, что древние пророки на заре истории мало чем отличались от неистовствующих дервишей, – они доводили себя до полного исступления, судорожно извиваясь, катались по земле, кололи себя ножами, как это и сейчас делают фанатики-персы, празднуя десятый месяц года, и прибегали к самым странным приемам, чтобы поддержать в себе фанатический пыл, – что, однако, не мешало им проявлять своеобразное величие духа. Они часто посещали храмы, повсюду выделяясь своим диким видом и странным одеянием. Пророк Исайя в течение трех лет не носил никакой одежды (Исайя, 22, 21); Иеремия (согласно Мэззи) ходил по улицам Иерусалима с деревянным ярмом на шее и восклицал: «Так преклонит Иуда главу свою под иго вавилонское» (Иеремия, 27, 2); Зедекия же, надев на себя железные рога, подобные оленьим, явился к королю Ахаву со словами: «Сим избодешь сириян» (Книга Царств 1, 22, 11). Его почитали безумцем, потому что он вел себя как безумец. Елисей явился в лагерь к грубому вояке полководцу Иую и, разбив у него на голове сосуд с маслом, воскликнул: «Так повелел бог Израиля – я помазал тебя на царство над его избранным народом», – после чего открыл дверь и убежал. Все эти эпизоды, какими бы дикими они ни казались, не противоречили представлению Юджина о пророчествах. В них не было ничего пошлого – наоборот, много величественного, необузданно драматического, каким и должно представлять себе слово божие. Юджин также с удивлением узнал, что эволюционная теория отнюдь не исключает представления об управляющем вселенной божестве и божественном

промысле, как это ему всегда казалось. Теперь, когда эти вопросы так остро встали перед ним, он то и дело стал замечать в газетах высказывания ученых, которые повергали его в немалое изумление. Например, в рецензии на книгу современного биолога Джордана Гоулда он наткнулся на следующую цитату:

«Жизнь управляет физическими силами с помощью клеточного механизма и, насколько нам известно, только с его помощью». То, что Юджин читал у миссис Эдди и слышал от Бэнгса, не вязалось с этим утверждением, но его поразило, что и оно в конечном счете вело к признанию деятельного божества, определяющего наши цели. «В органической молекуле нельзя обнаружить никаких признаков разума или разумно направленной воли; она продукт математически детерминированных и неизменных физических сил. Жизнь осознает себя в особой, дифференцированной деятельности клетки; человек, следовательно, представляет собой комплекс еще более дифференцированных функций, это еще более высокое и совершенное воплощение, чем отдельная клетка. Жизнь, или бог, проявляются в клетке… (а также и повсюду за ее пределами, и столь же, если еще не более активно, – мысленно добавил Юджин). Разум клетки – это божественный разум. (Следуя учению миссис Эдди, с этим нельзя было согласиться. Для нее клетка была иллюзорна.) Человек в конце концов не что иное, как бог… Если вы замените слово «жизнь» словом «Biologos» или «бог» – что я со своей стороны могу только приветствовать, то перед нами предстанет величайший факт биологии. Клетка, таким образом, – это орудие бога и его посредник в мире материи; это механизм воплощения, слово, становящееся плотью и живущее среди нас».

В газете, в одном из воскресных номеров, Юджину попался отрывок, в котором излагалась теория современного физика Эдгара Люсьена Ларкина.

«После того как был изобретен, а в самое недавнее время и усовершенствован новый микроскоп, работающий с помощью ультрафиолетовых лучей, и соответствующая микрофотокамера с движущейся пленкой, был, очевидно, достигнут предел того, что способен различать человеческий глаз. Нашему зрению стали доступны такие мельчайшие органические и неорганические тела, что по сравнению с ними самые крошечные объекты, которые мы раньше улавливали с помощью старых инструментов, кажутся громоздкими и неуклюжими. Это открыло нам новую область – микровселенную, не менее чудесную, чем звездный мир. Мы уже не сомневаемся в существовании этого сложного мира, но исследование его еще только началось – лет через сто микровселенная будет в какой-то мере исследована. Законы микродвижений будут, по всей вероятности, открыты и опубликованы в учебниках наряду с законами движения обширнейших солнечных систем. Пытаясь осмыслить сущность этой мельчайшей жизни и мельчайших движений, я не могу представить себе их иначе как одухотворенными. Каждое движение здесь управляется разумом. Чем больше я смотрю на эти диковинные существа, тем больше крепнет во мне уверенность, что жизнь микровселенной проникнута разумом. Эти движущиеся частицы знают свой путь. Если при рассмотрении в старый микроскоп более крупных частиц, взвешенных в жидкостях, было установлено, что они с большой быстротой двигаются по всем геометрическим направлениям, то микроскоп, работающий ультрафиолетовыми лучами, открывает нам миллионы мельчайших тел, движущихся с неимоверной быстротой по геометрически правильным траекториям под геометрически правильными углами, всегда различными для каждого отдельного вида».

Так что же это за углы? – спрашивал себя Юджин. Кто их установил? И кто и что определило эти геометрически правильные траектории?.. «Божественный разум», о котором говорится у миссис Эдди? Неужели же в словах этой женщины есть какая-то правда? Так он продолжал читать и размышлять над прочитанным, пока однажды не наткнулся в газете на мысли Альфреда Рассела Уоллеса касательно вселенной и ее управления, которые заинтересовали его, так как он увидел в них подтверждение того, о чем говорил Христос и его истолковательница миссис Эдди, то есть, что существует «божественный разум», или же «центральная мысль», не знающая зла и руководствующаяся исключительно благими побуждениями.

«Жизнь – это сила, которая из воздуха, воды и растворенного в ней вещества создает простейшие и в высшей степени сложные организмы, обладающие определенным строением и функциями; эти организмы находятся в состоянии постоянного распада и восстановления, которые осуществляются с помощью внутренней циркуляции жидкостей и газов; они размножаются, последовательно проходят через фазы молодости, зрелости и старости, затем умирают и распадаются на составные элементы. Таким образом, они составляют непрерывные ряды подобных себе индивидуумов и, находясь в благоприятных условиях, обладают, по-видимому, потенциальным бессмертием.

Для того чтобы объяснить, как осуществляется руководство этими низшими силами в соответствии с определенной системой эволюции, торжество которой мы наблюдаем повсюду, мы вынуждены предположить существование некоего всеобъемлющего разума, – вездесущего духа, который движет вселенной. Ничто другое нас удовлетворить не может…

Но, сделав этот шаг, мы вынуждены пойти и дальше… У нас имеется полное научное и логическое основание для того, чтобы видеть в животном и растительном царстве, богатствами которого в конечном счете распоряжается только человек, некое предварение нас самих, которое должно содействовать развитию нашего сознания и подготовить нас к более высоким формам жизни в качестве существ духовного порядка.

…Было бы естественно предположить, что огромная зияющая пропасть, отделяющая нас от божества, населена бесконечной иерархией существ, наделенных все возрастающим могуществом в отношении создания, развития и управления вселенной.

…Вполне возможно также представить себе обширнейшую систему сотрудничества между этими существами, находящимися на различных ступенях могущества и разума, начиная с существ высшего порядка и кончая еще лишенными сознания или почти бессознательными «душевными клетками», о которых говорит Геккель.

Я могу также представить себе некое… Бесконечное Существо, которое предусматривает и предопределяет в общих чертах весь ход вселенной.

Существо это могло, скажем, внушить некоторым из своих высших ангелов идею создания первичного космоса, вселенной из одного лишь эфира, обладающего теми свойствами и особенностями, которые породили все последующее. Другие ангелы, подчиненные первым, должны были бы выделить из эфира в должных пространственных и количественных соотношениях все элементы материи, с тем чтобы под воздействием таких законов и сил, как сила тяготения, теплота и электричество, они могли образовать обширные туманности и солнечные системы, из которых состоит звездный мир.

Мы можем затем предположить, что неисчислимые сонмы ангелов, для коих тысячелетия равны дню, наблюдают за развитием этих солнечных и планетных систем и что в одной из них (а может быть, и в нескольких) возникло сочетание всех тех необходимых условий (известные пространственные соотношения, строения из элементов, атмосфера и водные массы, отстоящие от источников тепла на такие расстояния, что они могут обеспечить устойчивость строения и единообразие температуры на данный минимум миллионов лет или веков), которые потребны для развития жизни, начиная от амебы вплоть до человека плюс еще несколько сот миллионов, необходимых для того, чтобы завершилось развитие человека.

А это заставляет нас заключить о существовании целого воинства духов – их можно было бы назвать организующими духами, – коим поручено так воздействовать на мир «душевных клеток», чтобы те точно и без заминки выполняли свою работу…

На дальнейших этапах развития жизни могла возникнуть необходимость во все более многочисленных и наделенных все более высоким разумом силах, которые направляли бы основные виды и разновидности по предначертанным им путям, в соответствии с общим планом, всемерно следя за тем, чтобы не допустить перерыва в той особой линии развития, которая одна лишь способна была в конце концов привести к появлению человека…

Я льщу себя надеждой, что это умозрительное построение найдет отклик в душе некоторых моих читателей, как единственно возможная в настоящее время попытка определить первопричины, обусловившие возникновение материи, жизни и сознания, а также появление человека, который в высших своих достижениях лишь немногим уступает ангелам и, подобно им, предназначен к поступательному развитию в духовном мире».

Это утверждение, исходящее из кругов представителей научного естествознания и, стало быть, не противоречащее их выводам относительно устройства вселенной, показалось Юджину весьма близким тому, о чем учила миссис Эдди, а именно, что все в мире – это разум в его бесчисленных проявлениях; единственное различие между миссис Эдди и английскими натуралистами заключалось в том, что они допускали существование некоей упорядоченной иерархии, которая проявляет себя и руководит вселенной в соответствии с предуказанными ей или добровольно принятыми ею законами, доступными нашему исследованию и изучению, в то время как миссис Эдди говорила о вездесущем духе, который управляет через посредство упорядоченных законов и сил, им самим для себя созданных. Бог был для них принципом таким же непреложным, как, скажем, арифметическая истина, что дважды два – четыре, и он проявлял себя повседневно, повсечасно и ежеминутно, как в убогой каморке, так и в мире вращающихся солнц и планет. Бог – это принцип. Наконец-то Юджин понял это. Принцип же пребывает везде и во всем одновременно. Нельзя себе представить места, где, например, дважды два не будет четыре, где эта истина неприменима. То же самое относится и к всесильному, вездесущему и всеведущему божественному разуму.

Глава XXVI

Нет ничего опаснее для человеческого разума, чем навязчивая идея. Она может привести, да и часто приводит человека к гибели. Для Юджина такой навязчивой идеей было представление о совершенной красоте девушки в восемнадцать лет. Этот культ совершенной красоты, вместе с неспособностью Анджелы сохранить его любовь и верность, были отчасти причиной всех его бед до самого последнего времени. Религиозная система, воспринятая со слепой горячностью, могла бы отвлечь, но могла бы и погубить его, когда бы он способен был ею увлечься. К счастью, то учение, которым увлекся Юджин, не имело ничего общего с узкой догмой, являя собой религию в более широком значении этого слова, то есть духовный синтез или свод метафизических систем того времени, не лишенный интереса для всякого мыслящего человека. «Христианская наука» как культ или религия отвергалась всеми установленными религиями и их последователями, усматривавшими в ней нечто извращенное, бессмысленное, дикое – вроде черной магии, беспочвенной фантастики, гипноза, месмеризма, спиритизма; короче говоря, в ней видели все то, чего в ней не было, и очень мало (вернее, ничего) из того, что в ней было. А между тем миссис Эдди только сформулировала, – вернее, лишний раз выразила мысль, которую можно найти в священных книгах индусов и в заветах иудеев, как Ветхом, так и Новом, и у Сократа, у Марка Аврелия, у святого Августина, а также у Эмерсона и Карлейля. Единственное различие между нею и современными философами заключалось в том, что ее «единое начало» было не злобным, как представлял себе Юджин и многие другие, а всеблагим. Ее «единство» было «единством» любви. Бог был всем,

но только не источником зла, последнее же, по ее мнению, было лишь иллюзией, без реальности или субстанции, – пустой знак, лишенный смысла.

Следует помнить, что все время, пока Юджин предавался этим мучительным религиозным исканиям, он жил на северной окраине города, работая урывками над несколькими картинами, которые надеялся продать, время от времени навещая Анджелу, находившуюся в надежных руках в родильном приюте на Сто десятой улице, не переставая ни на секунду думать о Сюзанне и о том, увидит ли он ее еще когда-нибудь. Его мозг был до такой степени воспламенен красотою и духовным совершенством этой девушки, что он в сущности едва ли мог считаться нормальным человеком. Для того чтобы привести его в себя, необходима была какая-то встряска, катастрофа, превосходящая все пережитое им до сих пор. Некоторую положительную роль сыграли для него материальные невзгоды. Потеря Сюзанны только разожгла его любовь к ней. Положение Анджелы несколько отвлекало мысли Юджина, так как его занимал вопрос, что с нею будет. «Если бы она умерла!» – говорил он себе, потому что человек обладает счастливой способностью от души ненавидеть тех, кому он причинил больше всего зла. Он с трудом заставлял себя навещать ее, до такой степени им владела мысль, что она стоит на его пути, а мысль, что она собирается сделать его отцом, приводила его в бешенство – ведь если Анджела умрет, ребенок останется у него на руках, и это, возможно, помешает Сюзанне со временем к нему вернуться.

В тот период Юджин сторонился людей, так как он чувствовал себя среди них отщепенцем и полагал, что своим появлением в обществе только накличет на себя беду; все это не соответствовало действительности и было лишь плодом его воображения. Этого не было бы, если бы он в это не верил. Но именно потому он и поселился в тихой местности, куда почти не доходил шум городского движения. Здесь он мог предаваться своим мыслям в полном покое. Семья, у которой он снял комнату, ничего о нем не знала. Приближалась зима с холодом, снегом и сильными ветрами, и Юджин с удовольствием думал о том, что сюда мало кто забредет, особенно из числа его влиятельных знакомых. Он получал много писем, которые пересылались ему с прежней квартиры, так как его имя все еще значилось в списках разных комитетов, а также в адрес-календаре, да и было у него много относительно скромных друзей, с которыми можно было бы встречаться без больших затрат и которые рады были бы повидаться с ним. Но Юджин не отвечал на приглашения и никому не сообщал своего нового адреса; он много гулял по вечерам, а днем читал, рисовал или же просиживал часами, погруженный в раздумье. Он все время размышлял о Сюзанне и о том, что судьба воспользовалась ею как приманкой, чтобы вовлечь его в западню. Сюзанна еще вернется к нему, она должна вернуться. Он придумывал чудесные, мучительные встречи с нею, видел в своем воображении, как она бросается в его объятия, чтобы уже никогда больше с ним не расстаться. Об Анджеле, лежавшей в палате родильного приюта, он думал очень мало. Она была под наблюдением опытных врачей. Он платил по всем счетам. До критического момента было еще далеко. Миртл навещала ее. Порою он ловил себя на мысли, что он жесток, что его рассудок гонит прочь ту, что была для него верной опорой в жизни, но так или иначе он находил себе оправдание. Анджела ему не пара. Почему она не может жить вдали от него? Вот и «христианская наука» отрицает брак, считая его человеческой иллюзией, противоречащей нерушимому единству человека и бога. Почему бы Анджеле не дать ему, наконец, свободу?

Он писал стихи, посвященные Сюзанне, и читал творения старых поэтов, которые разыскал в хозяйском сундуке среди ненужных книг. Снова и снова перечитывал он сонет, начинавшийся словами: «Отвергнутый людьми, отвергнутый судьбою»[20] – этот вопль из мрака, в котором он узнавал свой собственный голос. Он купил сборник стихов Иейтса, и ему казалось, что они говорят о Сюзанне:

Не мне корить ее, что дни мои

Она тоской наполнила…

Его состояние не было таким тяжелым, как восемь лет назад, когда он заболел, но оно было все же очень серьезным. Снова мысли его сосредоточились на коварстве жизни, на ее изменчивости и капризах. Юджина интересовало лишь то, что имело отношение к загадочным сторонам природы, и от этого в нем снова стал зарождаться болезненный страх перед жизнью. Все это заставляло Миртл опасаться за его рассудок.

– Почему ты не посоветуешься с кем-нибудь из наших лекарей? – пристала она к нему однажды. – Поверь мне, они помогут тебе. Полно упрямиться. В этих людях что-то есть, я не могу выразить, что именно. Какое-то удивительное спокойствие. Тебе сразу станет лучше. Сделай это ради меня.

– Не донимай меня, Миртл. Оставь меня в покое. Ни к кому я не пойду. Я готов признать, что в этом учении что-то есть – с точки зрения метафизики, – но зачем мне ходить к лекарям? Если бог существует, он так же близок мне, как и всякому другому.

Миртл в отчаянии ломала руки, и, видя, как она страдает, Юджин решил послушаться. Кто знает, может быть, в этих людях заложена гипнотическая сила или способность непосредственного воздействия, некий магнетизм, который может повлиять на него и утолить его душевную боль. Он верил в гипноз, во внушение и во многое другое. В конце концов он позвонил миссис Джонс – старой женщине, которую очень хвалили и его сестра и другие; она жила на южной стороне Бродвея, где-то неподалеку от Миртл. Рассказывали, что она многим вернула здоровье. С какой стати он, Юджин Витла, спрашивал себя Юджин, берясь за телефонную трубку, – с какой стати он, бывший директор «Юнайтед мэгэзинс», бывший художник (Юджин считал, что он уже больше не художник в настоящем смысле слова), пойдет к какой-то даме, проповедующей «христианскую науку», чтобы излечиться – от чего? От чувства безнадежности? Да. От сознания жизненного краха? Да. От душевной боли? Да. От нечистых помыслов, подобных тем, в которых каялся незнакомец в церкви? Да. Не смешно ли! Но вместе с тем им владело любопытство. Он размышлял о том, действительно ли это возможно. Может ли он исцелиться от навязчивой мысли, что потерпел крах в жизни? Может ли он исцелиться от снедающей его тоски? Хочет ли он, чтобы эта тоска прошла? Нет! Конечно, нет! Ему нужна Сюзанна. Он прекрасно понимал намерения Миртл – она рассчитывала с помощью «христианской науки» вернуть его Анджеле и заставить позабыть Сюзанну, а он знал, что это невозможно. Он решил пойти к старой лекарке, но только потому, что его мучило безделье, одиночество и отсутствие всякой цели впереди. Он решил пойти, потому что не знал, в сущности, что ему делать.

Миссис Джонс – миссис Алтэа Джонс – жила в одном из тех многоквартирных домов стандартной архитектуры, которых в Нью-Йорке тысячи. Широкий проход между двумя светло-желтыми кирпичными корпусами вел вглубь, к узорчатой железной решетке подъезда, по обе стороны которого стояли на фигурных постаментах электрические фонари с матовыми лампочками, отбрасывавшими мягкий свет. Дальше – обычный вестибюль, лифт, ко всему равнодушный негр-лифтер в форме и телефонный коммутатор. Здание было семиэтажное. Стоял январский вечер, шел снег. Метель крутила снежные хлопья, и улицы были устланы мягким ковром рыхлого снега. Несмотря на тяжелое настроение, Юджин, как и всегда, отдался во власть той изумительной картины, какую представлял собой окружающий мир, – город, одетый в горностаевую мантию. Трамваи с грохотом проносились мимо, пешеходы шли сгорбившись, кутаясь от ветра в шубы. Юджин с восхищением смотрел на снег, на пушистые хлопья, упиваясь чудесами обычной, повседневной жизни. Это отвлекло его от горя и заставило снова думать о живописи.

Миссис Джонс жила на седьмом этаже. Юджин постучал, и ему открыла горничная, которая проводила его в приемную, так как он пришел немного раньше назначенного времени. Здесь дожидались своей очереди несколько пациентов – здоровые на вид мужчины и женщины. «Разве это не доказывает, – подумал Юджин, опускаясь на стул, – что вся эта «наука» имеет дело с воображаемыми недугами?» И снова ему вспомнился незнакомец в церкви, с такой искренней убежденностью свидетельствовавший о своем излечении. Что ж, подождем, увидим. Хотя он не мог себе представить, чтобы это принесло ему какую-нибудь пользу. Надо скорее приниматься за работу. Юджин сидел в углу приемной, упершись локтями в колени и сцепив пальцы под подбородком, и думал. Его угнетал невзрачный вид этой комнаты, рыночная безвкусная мебель. Неужели божественный разум не может создать для своих представителей более приличную обстановку? Возможно ли, чтобы человек, призванный осуществлять воздействие всемогущего бога на смертных, был настолько лишен чувства красоты, чтобы жить в таком доме? Вот уж неубедительное свидетельство могущества божия, а впрочем…

Вошла миссис Джонс, – маленького роста, полная, некрасивая женщина, седая, морщинистая, безвкусно одетая, с весьма внушительным носом, с бородавкой у рта. Казалось, природа, сотворившая миссис Джонс некрасивой, не хотела ограничиться полумерами, и Юджин подумал, что почтенная лекарка сильно напоминает диккенсовскую миссис Микобер со старой гравюры. На ней была черная юбка из добротного материала, сидевшая мешком, и блуза сине-стального цвета. Юджин заметил, однако, что у нее ясные серые глаза и приятная улыбка.

– Мистер Витла, не так ли? – спросила она, направляясь к нему через всю комнату, так как Юджин уселся в самом углу, возле окна. Она говорила с легким шотландским акцентом. – Очень рада вас видеть. Прошу вас, пройдите ко мне.

Она принимала его раньше других, так как они по телефону условились насчет времени. Миссис Джонс провела его через всю комнату и у порога своего кабинета пожала ему руку, пропуская мимо себя.

Юджин осторожно ответил на рукопожатие.

Так вот она какая, эта миссис Джонс! – подумал он, входя к ней и оглядываясь. Бэнгс и Миртл утверждали, что она совершала чудеса исцеления, вернее, что их совершал через нее божественный разум. Руки у нее были сморщенные, лицо старое. Почему она не сделает себя молодой, если ей дано творить чудеса? И почему в комнате такой беспорядок? Можно было буквально задохнуться от обилия развешанных по стенам литографий и гравюр, изображавших сцены из Библии и жизни Христа. На полу лежал какой-то красный коврик или дорожка; стулья, обитые кожей, были топорной работы, стол весь завален книгами, а со стены глядел поблекший портрет миссис Эдди и глупые, надоедливые изречения. До чего же бездарны люди, когда дело касается искусства жить! И как может утверждать, что постиг бога, тот, кто и о жизни-то ничего не знает! Юджин устал, эта комната вызывала в нем отвращение. И сама миссис Джонс тоже. У нее ко всему прочему был неприятный, визгливый голос. И эта особа берется лечить рак? И чахотку? И другие страшные болезни, как утверждает Миртл? Какой вздор!

Усталый, но чувствуя нарастающее раздражение, он сел на стул, который указала ему миссис Джонс, и уставился на нее, а она уселась напротив и окинула его ласковым, улыбающимся взглядом.

– Ну, – начала она без предисловий, – на что жалуется чадо господне?

Юджин в раздражении задвигался на стуле.

Чадо господне! Вот ханжа! Какое у него право называться господним чадом? Нет, этим она его не возьмет. Как глупо, как непроходимо глупо! Почему не спросить по-человечески, что с ним такое. Тем не менее он ответил:

– На многое, так что мне, вероятно, нельзя помочь.

– Ну-ну, быть того не может. Не мешает, кстати, помнить, что для бога нет ничего невозможного. Ведь с этим вы согласны, не правда ли? – с улыбкой добавила она. – Вы, надеюсь, верите в бога или в некую руководящую силу?

– Не знаю, может быть, и верю. Я знаю, что в бога положено верить. Да, пожалуй, верю.

– И он кажется вам недобрым богом?

– Да, и всегда казался, – ответил Юджин, подумав об Анджеле.

– Бренный разум, бренный разум! – словно подтверждая вслух собственную мысль, произнесла миссис Джонс. – Каких только не рождает он заблуждений!

После чего она обратилась к Юджину.

– Человек должен быть исцелен – и даже против воли, чтобы познать, что бог есть бог любви. Итак, вы считаете себя нераскаянным грешником, не правда ли, – и думаете, что бог злобен? Можете ничего мне не рассказывать. Все мы одинаковы в нашем земном состоянии. Я хотела бы только напомнить вам слова пророка Исайи: «Если будут грехи ваши красны, как пурпур, – как руно убелю…»

Юджин уже много лет не слышал этого изречения и едва ли помнил его. И вдруг оно ожило в его душе во всей той яркой образности, которая так отличает изречения библейских пророков. Он почувствовал, что готов простить миссис Джонс ее бородавку, большой нос и нескладное одеяние за то, что она сумела так кстати ввернуть это изречение. Это сразу подняло старую лекарку в его глазах, так как свидетельствовало об уме или, во всяком случае, о такте.

– Можете вы излечить меня от горя? – спросил он мрачно и не без сарказма. – Можете вы излечить меня от страха и тоски?

– Сама я ничего не могу, – ответила она, угадав его настроение. – Но для бога нет ничего невозможного. Если вы верите в высший разум, он исцелит вас. Святой Павел говорил: «Я делаю все по милости господа, который дарует мне силы». Вы прочитали книгу миссис Эдди?

– Нет. Я еще читаю ее.

– Вам все понятно?

– Не скажу. Там слишком много противоречий.

– Знаю, так обычно кажется всем, кто впервые знакомится с нашим учением. Но пусть это вас не тревожит. Ведь вы хотите избавиться от ваших горестей. Забудьте, что я слабая женщина и что вы пришли ко мне за помощью. Вспомните слова апостола Павла о тех, кто трудится во имя истины: «Итак, мы посланники от имени Христа, и как бы сам бог увещевает через нас, от имени Христа просим: примиритесь с богом».

– Я вижу, Библию вы знаете назубок, – заметил Юджин.

– Это единственное, что я знаю, – отвечала она.

Затем началось одно из тех религиозных действ, которые так обычны у последователей «христианской науки», но весьма удивляют новичка. Миссис Джонс попросила Юджина сосредоточить мысли на молитве господней.

– Не важно, если даже текст покажется вам бессмысленным… Вы пришли сюда за помощью, вы образ и подобие божие, и он не позволит, чтоб вы ушли от него с пустыми руками. Но сперва разрешите мне прочесть вам псалом, который, по-моему, очень полезен для начала.

Она раскрыла Библию, лежавшую на столе, и стала читать:

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.

Говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы.

Перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен, щит и ограждение – истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем.

Язвы, ходящей в мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится.

Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: «Господь – упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.

Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.

Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих.

На руках понесут тебя, да не приткнешься о камень ногою твоею.

На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому, что он позвал имя Мое.

Воззовет ко мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его.

Долготою жизни насыщу его и явлю ему спасение Мое».

Слушая этот всемилостивейший божественный манифест, Юджин сидел с закрытыми глазами и вспоминал свои недавние злоключения. Впервые за много лет он пытался сосредоточить мысли на премудром, всеблагом и всемогущем милосердии. Но это ему не удавалось, так как он не мог согласить обещание божественной милости с природою знакомого ему мира. Зачем говорить: «На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею», тогда как на самом деле и ему и Анджеле столько пришлось в последние дни пережить тяжелого? Разве не сказано о нем: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится»? Почему же тогда он лишен этой защиты? Правда, там говорится: «За то, что он возлюбил меня, избавлю его». Так уж не это ли ответ? Разве возлюбила его Анджела? Или он сам? Возможно ли, что все их беды отсюда?

«Призовет меня и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его и прославлю».

Но призывал ли его когда-нибудь он, Юджин? Или Анджела? Разве не увязли они оба в болоте отчаяния? Но все равно. Анджела – неподходящая ему жена. Что же бог думал? Никогда он, Юджин, к ней не вернется.

Так размышлял он полусерьезно, полускептически, пока миссис Джонс не кончила. Ну, а что, если и в самом деле вопреки его сомнениям вся эта возня, и шум, и страдания, и тревоги – не что иное, как самообман? Но ведь Анджела страдает. Да и не

только Анджела. Как же это понять? Разве такие факты не опровергают иллюзорность мира? Или же и самые факты иллюзорны?

– А теперь давайте уразумеем, что мы с вами безгрешные чада господни, – продолжала после короткой паузы миссис Джонс. – Ведь каждый из нас считает себя большим и сильным и меньше всего сомневается в собственном бытии. И мы действительно существуем, но лишь как помышление божие. А это значит, что ничто не может причинить нам вреда, и никакое зло к нам не приблизится. Ибо бог бесконечен. Он сила и жизнь. Он истина и любовь. Он выше всех и над всеми.

И, закрыв глаза, она углубилась в себя, чтобы показать ему, объяснила она, совершенство его духа в боге. Юджин силился вспомнить слова молитвы, но на самом деле думал об этой комнате и ее безобразной меблировке, о дешевых литографиях на стене, о невзрачности их хозяйки и о том, как смешно, что он здесь. За него, Юджина, возносят молитвы! Что подумала бы Анджела! И почему эта женщина так стара, если дух всемогущ? Почему она мирится с собственной невзрачностью? Что это она делает? Как это называется? Гипнотизм? Месмеризм? Но он хорошо помнил тот отрывок в книге миссис Эдди, где ясно говорилось, что таким вещам нет места в «христианской науке». Нет, эта старуха не притворяется. Ее слова, ее улыбка не лгут. Она и в самом деле верит в какую-то благую силу. Но поможет ли эта сила ему, Юджину, как о том говорится в псалме? Оставит ли его эта боль? Удастся ли ему вырвать из сердца Сюзанну? А что, если именно это и будет для него злом? Да, конечно. И все же… Ему приказано молиться. Высшие силы могут исцелить его. Для сил, которые правят вселенной, нет ничего невозможного… Достаточно вспомнить телефон, беспроволочный телеграф… А солнце, луна… «Он заповедает своим ангелам охранять тебя на всех путях твоих».

Минут пятнадцать прошло в безмолвном размышлении, и миссис Джонс открыла глаза.

– А теперь, – сказала она, улыбаясь, – посмотрим, не почувствуем ли мы себя лучше. И, разумеется, нам станет лучше, потому что мы сами станем лучше и потому что проникнемся сознанием, что ничто не может причинить зла помышлению божьему. Все прочее – обман. Он не имеет власти над нами, потому что он бессилен. Пусть в ваших мыслях пребудет добро – бог, и сами вы станете добрым. Если же в ваших мыслях будет зло, вы и сами станете злом, хотя оно и существует только в вашем воображении. Запомните это.

Она говорила с ним, словно с малым ребенком.

Юджин вышел от нее и окунулся в морозную ночь, где ветер взвивал клубы снега. Он застегнул пальто на все пуговицы. По Бродвею, как всегда, мчались трамваи. Мимо него то и дело сновали такси. Люди, постоянно оживляющие пейзаж большого города, с трудом пробирались по снегу. Сквозь его мелькание сочился ясный голубой свет дуговых фонарей. Шагая по улице, Юджин думал о том, станет ли ему теперь лучше. Миссис Эдди утверждала, что все на свете нереально, – бренный разум создал мир, не приемлемый для духа, бренный разум, который (Юджину вспомнилось это выражение) сам есть «ложь и ложь порождает». Неужели это так? Действительно ли зло нереально, а горе лишь самообман? Удастся ли ему избавиться от чувства страха и стыда и снова взглянуть в лицо всему миру? Он сел в трамвай, направлявшийся в северную часть города, доехал до Кинсбриджа и, погруженный в раздумье, побрел домой. Как может он рассчитывать вернуться к жизни и снова найти себя? Ведь ему уже сорок лет. Он уселся в кресло у лампы и, взяв книгу «Наука и здоровье», стал рассеянно перелистывать ее. Потом решил, любопытства ради, посмотреть, что скажет ему раскрытая наугад страница или отрывок. Он все еще был во власти суеверных чувств. Раскрыв книгу, он прочел следующее:

«Когда смертный сочетает мысли о земле с мыслью о небе и трудится, как трудится господь, он уж не блуждает в потемках и не цепляется за землю, как тот, кто не изведал небесного. Наши плотские представления обманывают нас. Они делают человека лицемером поневоле, ибо он порождает зло, когда хотел бы творить добро, создает уродство, хотя мечтает о красоте и гармонии, причиняет боль тем, кого хотел бы благословить. Он становится лжетворцом, но мнит о себе как о полубоге. Его прикосновение превращает надежду в прах, прах, который мы попираем ногами. Он мог бы сказать о себе языком Библии: «Добро, которое хочу творить, не творю, зло же, которое творить не хотел бы, творю».

Юджин захлопнул книгу и задумался. Хорошо бы проникнуться этим, если это действительно так. Но меньше всего ему улыбалось стать сектантом, религиозным фанатиком. Ведь это такое дурачье. Он взял газету – свежий номер «Ивнинг пост» – и где-то в уголке литературного приложения наткнулся на отрывок из стихотворения покойного Томаса Фрэнсиса «Небесный ловчий». Оно начиналось так:

Я от него бежал и день и ночь,

Я от него бежал под своды лет…

Странное волнение вызвал в Юджине конец:

Лицо его недвижно.

Страшен вид;

Неспешно и упорно, как отмщенье,

Звучат за мной шаги,

И голос говорит:

«Отверг меня, и нет тебе спасенья!»

Действительно ли поэт так чувствовал? Можно ли этому верить? Юджин снова взялся за книгу, и постепенно ему стало представляться, будто грех, и зло, и болезнь в самом деле только иллюзии и что от всего этого можно отрешиться, если уверовать в божественный принцип. Но тут же его взяло сомнение. А это мучительное сознание несправедливости?.. В состоянии ли он отказаться от Сюзанны? Хочет ли он этого? Нет!..

Он встал, подошел к окну и стал глядеть на улицу. Там все еще кружил снег.

«Откажись от нее! Откажись!» И положение Анджелы так опасно. Черт возьми, в какую передрягу он попал! Что ж, завтра утром он навестит Анджелу. Он проявит по крайней мере внимание к ней. Он не бросит ее в такое время. Юджин лег и пытался уснуть, но он разучился спать по-настоящему. Он был слишком утомлен, слишком расстроен и взвинчен. Все же он немного поспал, и это было самое большее, на что он в те дни мог надеяться.

Глава XXVII

Он все еще пребывал в этом состоянии, когда по прошествии двух месяцев наступило то великое событие в жизни Анджелы, в котором он силой обстоятельств вынужден был принять участие. Она лежала в родильном доме на Морнингсайд-Хейтс, выходившем фасадом на соборную площадь, в уютной палате, обставленной согласно всем правилам гигиены, и не переставала думать о том, что сулит ей судьба. Анджела собственно так и не оправилась от мучившего ее летом приступа ревматизма, а поскольку ей вдобавок пришлось пережить много тяжелого, выглядела она бледной и слабой, хотя и не чувствовала себя больной. Главный хирург, акушер Ламберт, – худощавый мужчина лет шестидесяти пяти, с седой бородой и седыми вьющимися волосами, с широким горбатым носом и острым взглядом серых глаз, говорившим об энергии, проницательности и выдающихся способностях, принял большое участие в Анджеле. Для него она была одним из тех простых, кротких созданий, которые всю жизнь жертвуют собой для других. Ему нравилось, что у нее такое бодрое, трезвое и веселое настроение, несмотря на ее состояние – очень серьезное, настолько серьезное, что это бросалось в глаза даже посторонним. У Анджелы было оживленное, свежее лицо – когда она не бывала подавлена или раздражена, ее отличал цепкий ум, о чем можно было судить по ее метким забавным замечаниям, и настойчивое постоянное желание, чтобы все, что делается вокруг нее, делалось правильно и хорошо. Сестра мисс де Саль, дородная, флегматичная особа лет тридцати пяти, постоянно хвалила ее за терпение и спокойствие и тоже привязалась к этой симпатичной маленькой женщине, не терявшей мужества и душевной бодрости и преисполненной надежд, несмотря на ожидавшее ее серьезнейшее испытание.

Общее мнение главного хирурга, ординатора и сестры сводилось к тому, что у Анджелы слабое сердце и что в ее положении надо опасаться за почки. Анджела после частых бесед с Миртл пришла каким-то образом к выводу, что в критическую минуту «христианская наука» в лице своих лекарей окажет ей помощь, хотя у нее и не было настоящей веры. Она не сомневалась, что и Юджин рано или поздно вернется к ней, так как Миртл говорила, что лечит его «заочно» и что он пытается разобраться в книге «Наука и здоровье». Когда появится ребенок, между ними произойдет примирение, потому что… потому что… ну, просто потому, что дети так обаятельны! У Юджина в сущности не жестокое сердце, он только сильно увлечен. Сирена завлекла его в свои сети. Но это пройдет.

Мисс де Саль заплетала ей косы – как у настоящей Гретхен! – и завязывала их большими розовыми бантами. С некоторого времени ее стали одевать в легкие свободные халаты, удобные и мягкие, и в них она сидела в кресле, размышляя о том, что ее ждет. Из стройной, изящной женщины она превратилась в разбухшее, бесформенное существо, но не унывала. Юджин навещал ее, – ему было искренне ее жаль. Стоял конец зимы, снег сыпал за окнами то мягко и тихо, то бешено кружась, и парк против родильного приюта стал совсем белый. Анджеле видны были в окно оголенные тополя, выстроившиеся перед собором словно часовые. Она держалась спокойно, терпеливо и не теряла надежды, между тем как старый акушер, говоря о ней с ординатором, с сомнением качал головой.

– Необходима величайшая осторожность. Я сам буду у нее принимать. Постарайтесь, насколько можно, укрепить ее организм. Будем надеяться, что у ребенка маленькая головка.

Миниатюрность и отвага Анджелы умиляли его. Впервые за много лет практики он испытывал настоящую жалость.

Ординатор строго выполнял все его указания. Для Анджелы готовились специальные блюда и питье. Кормили ее часто. Ей был предписан полный покой.

– Мне не нравится ее сердце, – докладывал он главному хирургу. – Оно ослаблено и дает перебои. Я подозреваю какое-то функциональное расстройство.

– Не будем терять надежды, – серьезно отозвался тот. – Постараемся обойтись без эфира.

Юджин из-за своего душевного состояния неспособен был осознать всю серьезность положения Анджелы. Он был далек от нее – ни чувство, ни страсть не связывали их. Сестра и ординатор, полагавшие, что он очень любит жену, решили ничего ему не говорить. Они не хотели путать его. Несколько раз он спрашивал, не разрешат ли ему присутствовать при родах, но ему отвечали, что это нежелательно, и прежде всего для него самого. По совету сестры, Анджела сама попросила Юджина не приходить, но он считал, что нужен ей, как бы далеки они ни были. К тому же ему хотелось все видеть.

Если он будет рядом, говорил он себе, Анджела легче перенесет это испытание. Когда же сроки приблизились и ему стало ясно, какой катастрофой все может кончиться, он решил, что обязан оказать ей эту помощь. К нему вернулось что-то от той нежности, которую в былые дни вызывала в нем ее миниатюрность. Она, вероятно, не справится с этим. Ей предстоят ужасные страдания. Она ведь никогда не желала ему зла и только старалась сохранить его для себя. Сколько горечи, сколько трагизма в этой жестокой путанице человеческих отношений! Почему жизнь так чудовищно сложна?

Время родов приблизилось, и у Анджелы начались жестокие боли. Таинственный процесс, происходивший в чреве матери, где будущая жизнь покоилась в колыбели из мышц и связок, в сущности, закончился, и теперь вся энергия материнского организма переключилась на другое. Боль от натянутых до предела связок причиняла Анджеле невыносимые страдания. Она судорожно сжимала руки, лицо ее покрывалось смертельной бледностью, она начинала плакать. Юджин несколько раз бывал у нее во время этих приступов, и тут только он увидел, до чего сложен и неумолим извечный процесс воспроизведения рода, который приводит женщину на порог смерти, для того чтобы на земле не угасала жизнь. Он задумался над тем, не правы ли последователи «христианской науки», когда утверждают, что жизнь лишь ложь и иллюзия, бессмысленный, лихорадочный бред, о котором ничего не хочет знать мудрость господня.

Он отправился в библиотеку и взял там книгу по акушерству, в которой описывалось хирургическое вмешательство при родах. Он нашел в ней десятки рисунков, изображавших ребенка в чреве матери в необычайно странных положениях (что-то в них наводило на мысль о цветке), словно свернутый лепесток. Рисунки были выполнены очень тонко, некоторые, несмотря на их чисто прикладное значение, даже превосходно, и Юджин был очарован. Они изображали уже развившегося младенца, но какой же он был маленький! Головка его находилась то в одном положении, то в другом, крошечные ручки были забавно скрючены, но всегда в нем было что-то милое и трогательное. Бегло просмотрев книгу, Юджин узнал, что главную трудность при родах представляет головка ребенка – момент ее прохождения. Никаких других сложностей для акушера, по-видимому, не существовало. Но как справиться с этой? Если голова у ребенка большая, а мать уже немолода и стенки брюшной полости неэластичны или жестки, то естественные роды могут оказаться невозможными. В книге были целые главы о краниотомии и цефалотрипсии, а на простом человеческом языке это означало, что в известных случаях приходится размозжить череп ребенка специальным инструментом…

Одна глава была посвящена «кесареву сечению», причем описывались трудности этой операции и приводились пространные рассуждения об этической стороне дела – что правильнее: убить ребенка, чтобы спасти мать, или же наоборот, и какова сравнительная ценность их жизни для общества. Подумать только, что в критическую минуту хирург сам выносит приговор и приводит его в исполнение! Да, здесь мелочные законы жизни утрачивают свою власть! Здесь мы снова взываем к человеческой совести, которую миссис Эдди определяла как «отражение имманентного разума». Если бог благ и мудр, то в этом решении прозвучит его голос. Он подскажет, что надо делать. Автор книги говорил о высшем нравственном законе, который один может руководить хирургом в этот страшный час.

Дальше рассказывалось, какие хирургу нужны инструменты, сколько ассистентов (два), сколько сестер (четыре), какого рода бинты, иглы, нитки (шелк или кетгут), скальпели, расширители и резиновые перчатки. Указывалось, как должен быть произведен разрез, когда и в каком месте. Юджин в ужасе закрыл книгу. Он встал и поспешил выйти на свежий воздух, подгоняемый желанием скорее увидеть Анджелу. Он знал, что у нее слабый организм. Она часто жаловалась на сердце. Мышцы ее, по-видимому, уже не так эластичны. Если предположить, что при родах возникнет хотя бы одна из тех трудностей, о которых он читал…

Он не хотел, чтобы она умерла.

Да, было время, когда он говорил себе, что хочет ее смерти, но теперь он не желал быть убийцей. Нет, нет, Анджела всегда была ему так предана. Она работала для него. Черт возьми, немало она выстрадала за то время, что они прожили вместе. Он плохо обходился с нею, очень плохо, и вот бедняжка, беспомощная и одинокая, не зная, что делать, поставила себя в такое безвыходное положение. Конечно, она виновата. Она пыталась, как всегда, удержать его во что бы то ни стало, но разве можно упрекать ее за это? Разве это преступление, если она хотела, чтобы он любил ее? Просто они оказались совершенно неподходящей парой. Он не хотел ее обидеть и женился на ней, а потом как он ее обижал!.. Их брак принес с собой только постоянные раздоры и взаимное недовольство, и оба были несчастны, а ей теперь, в довершение всего, угрожает смерть от нечеловеческих страданий, из-за слабого сердца, больных почек, от кесарева сечения… Да разве она вынесет что-либо подобное? И думать нечего. Она недостаточно крепка для этого – ведь она уже немолода.

Интересно, думал он, могла ли бы ее спасти «христианская наука» или какой-нибудь знаменитый хирург, который сумел бы обойтись без ножа? Но как? Как? Если бы миссис Джонс с помощью своих молений могла вызволить ее из такой беды, как бы он был ей благодарен! Если не за себя, то за нее. Он мог бы отказаться от Сюзанны… мог бы… да… Ах, зачем ему докучают сейчас эти мысли!

Было три часа пополудни, когда он пришел к Анджеле в больницу; утром он заглянул на несколько минут, и тогда она чувствовала себя довольно сносно. Сейчас ей было значительно хуже. Острая боль в боку, на которую она и раньше жаловалась, усилилась, лицо ее то краснело, то бледнело, и по нему пробегала судорога. Миртл тоже пришла навестить невестку, она говорила с ней, а Юджин стоял рядом и с щемящим сердцем думал о том, что он должен сделать, что он может сделать. Анджела заметила его тревожное состояние. Как ни плохо ей было, ей стало жаль его. Она знала, что он будет страдать, ведь он не злой человек по натуре, и сейчас она впервые почувствовала, что сердце его смягчилось. Она улыбнулась ему и подумала, что, быть может, он изменится и вернется к ней. Миртл уверяла ее, что все кончится благополучно. Сестра тоже находила, что все идет прекрасно; она повторила это и вошедшему в палату ординатору, молодому человеку лет двадцати восьми, с проницательными, веселыми глазами. Его рыжие волосы и красное лицо говорили о воинственной натуре.

– Схваток еще не было? – спросил он Анджелу, улыбаясь ей и показывая два ряда сверкающих белых зубов.

– Право, не знаю, доктор, – ответила она, – знаю только, что у меня все болит.

– Ну, когда начнутся схватки, вы сразу узнаете, – сказал он, усмехнувшись. – Родовые схватки – это такая штука, которую ни с чем не спутаешь.

Он вышел, и Юджин последовал за ним.

– Как вы ее находите, доктор? – спросил он, когда они оказались в коридоре.

– Ничего… относительно, конечно. Ведь вам известно, что организм у нее не очень крепкий. По-моему, дело подвигается не плохо. Скоро приедет доктор Ламберт – вы лучше с ним поговорите.

Ординатор не хотел лгать. Он считал, что нужно сказать Юджину правду. Доктор Ламберт был того же мнения, но он решил выждать до последнего момента, чтобы дать хотя бы приблизительно правильный прогноз. Он приехал в пять часов вечера, когда на улице было уже темно, и, войдя в палату, с тревогой посмотрел на Анджелу своими серьезными, добрыми глазами. Он пощупал ее пульс и выслушал сердце стетоскопом.

– Как вы думаете, доктор, я справлюсь? – тихо спросила Анджела.

– Ну, конечно, конечно! – ласково ответил он, погладив ее руку. – Маленькая женщина – большое мужество!

– Ну как, доктор? – спросил Юджин, догоняя его в коридоре.

Впервые за много месяцев он думал о чем-то, не имевшем отношения ни к постигшим его неудачам, ни к Сюзанне.

– Я считаю нужным сказать вам, мистер Витла, что положение вашей жены очень серьезно, – ответил старый хирург. – Я не хотел бы внушать вам излишней тревоги – все еще может кончиться благополучно. У меня нет оснований утверждать, что благополучный исход невозможен. Но ваша жена поздно вздумала обзаводиться первым ребенком. Ее мышцы утеряли эластичность. Главное, чего нам приходится опасаться, это осложнения со стороны почек. У женщины ее возраста всегда надо ожидать неприятностей при прохождении головки. Может быть, придется пожертвовать ребенком. Не знаю. Я неохотно прибегаю к кесареву сечению. Это операция, которой мы, врачи, не любим, и она не всегда проходит удачно. Все, что только мы в силах сделать, будет сделано. Но я хочу, чтобы вы отдавали себе ясный отчет в положении. Раньше чем предпринять какой-либо серьезный шаг, мы спросим вашего согласия. Но когда критический момент наступит, вам придется быстро принять то или иное решение.

– Я и сейчас могу сообщить вам его, – сказал Юджин, мгновенно уясняя себе всю серьезность положения. В этот момент к нему вернулась былая сила воли и чувство собственного достоинства. – Спасите жизнь моей жены, к каким бы мерам вам ни пришлось прибегнуть. Это мое единственное желание.

– Благодарю вас, – сказал хирург. – Мы сделаем все, что можно.

После этого Юджин долгие часы просидел у постели Анджелы, которая переносила муки, каких, казалось, ни один человек не мог бы выдержать. Он видел, как она вдруг вся вытягивалась на постели, без кровинки в лице, с обильной испариной на лбу, а затем, когда ее отпускало, лицо ее наливалось кровью, и она не кричала громко, а только стонала. Он убедился, что, как это ни странно, Анджела в отличие от него вовсе не пугливый ребенок, готовый скулить из-за всякого пустяка, что она была частью великой созидательной силы, и именно оттого так велики были ее муки и велика выдержка, с какой она их переносила. Но улыбаться она уже не могла. Она пребывала в непрерывных, невероятных муках. Миртл поехала домой пообедать, но обещала вернуться попозже. Мисс де Саль привела еще одну сестру; Юджин вышел из палаты, и Анджелу приготовили к последнему испытанию. На ней был обыкновенный больничный халат, открытый сзади, на ноги ей натянули белые полотняные чулки. По распоряжению доктора Ламберта в операционной на верхнем этаже был приготовлен стол, за дверью палаты стояла наготове каталка на колесиках, чтобы при первой необходимости перевезти ее наверх. Доктор Ламберт распорядился, чтобы его вызвали, как только начнутся настоящие родовые потуги, – сестра прекрасно умела их распознавать. Ординатор должен был все время наблюдать за больной.

В этот тягостный час Юджина больше всего поражало невозмутимое, будничное, чисто деловое отношение медицинского персонала ко всем этим трагедиям, – в приюте было много рожениц. Мисс де Саль хлопотала вокруг Анджелы с неизменно спокойной улыбкой на лице. Она взбивала подушки, приводила в порядок постель, аккуратно задергивала оконные занавески и выполняла еще тысячу всяких других мелких дел или же, остановившись перед настольным или стенным зеркалом, поправляла свой кружевной чепчик и халат. Она не обращала внимания ни на Юджина, ни на Миртл, когда та была в палате, и с самым невозмутимым видом входила и выходила, разговаривала и шутила с другими сестрами.

– Неужели нельзя как-нибудь облегчить ее муки? – в изнеможении спросил ее Юджин. Нервы его были взвинчены до предела. – Ведь ей не вынести этого. У нее не хватит сил.

Сестра спокойно покачала головой.

– Мы беспомощны в таких случаях. Никаких наркотиков мы ей дать не можем – они задерживают процесс. Ничего, она потерпит. Через это проходят все женщины.

«Все женщины!» – мысленно повторил Юджин. Боже мой! Неужели каждый раз, когда на земле рождается ребенок, женщина подвергается подобной пытке? На земном шаре около двух миллиардов человек – значит, два миллиарда раз повторялся весь этот ужас? И сам он причинил столько страданий своей матери? И Анджела? И каждый ребенок? Какую страшную ошибку совершила Анджела, и как это бессмысленно, как глупо! Впрочем, сейчас об этом поздно размышлять. Анджела страдает. Она ужасно мучается.

В палату заглянул доктор Уиллетс, ординатор, но, по-видимому, не нашел никаких оснований для тревоги. Он кивнул мисс де Саль, которая вместе с ним подошла к кровати, и кивок был явно успокоительный.

– По-моему, все идет нормально, – сказал он.

– Да, доктор, – сказала она.

Юджин был изумлен – как они могли так говорить? Ведь Анджела невыносимо страдала.

– Я пойду на часок в корпус «А», – сказал ординатор. – Если будет что-нибудь новое, дайте мне знать.

«Что может быть нового? – подумал Юджин. – Разве Анджеле может стать еще хуже?» И вспомнил про рисунки в той книге. Неужели, мелькнуло у него, необходимо будет прибегнуть к одному из тех страшных способов, о которых там упоминается? Благодаря этим рисункам он представлял себе теперь весь ужас возможного исхода.

Около полуночи наступила та перемена, которую Юджин ждал с таким страхом и мучительным состраданием к Анджеле. Миртл не было. Она договорилась с Юджином, что будет ждать его звонка. Анджела и раньше стонала и то конвульсивно вытягивалась, то сгибалась пополам и бесцельно и мучительно ворочалась с боку на бок, но теперь она вдруг подскочила на кровати и снова упала, точно потеряв сознание. Это сопровождалось пронзительным криком, за которым последовал еще и еще один. Юджин кинулся к двери, но сестра предупредила его.

– Началось, – спокойно сказала она. Она направилась к телефону и вызвала доктора Уиллетса. Теперь к ней присоединилась сестра из другой палаты. Несмотря на то что лицо Анджелы побагровело и вены на нем вздулись, обе сестры были по-прежнему спокойны. Юджин едва верил своим глазам, но он сделал над собой огромное усилие, чтобы тоже казаться спокойным. Так вот она, пытка деторождения!

Спустя несколько минут явился доктор Уиллетс – тоже спокойный, энергичный, деловитый. На нем был черный костюм, поверх которого была надета белая полотняная куртка, но он поспешно вышел из палаты, на ходу снимая и пиджак и куртку, и вернулся в одной рубахе с засученными рукавами и длинном белом фартуке – вроде тех, какие Юджин видел на мясниках. Подойдя к Анджеле, он стал проделывать над нею какие-то манипуляции; он что-то сказал при этом стоявшей рядом сестре, но Юджин не расслышал его слов.

Он не мог смотреть – ему было страшно.

Когда раздался четвертый или пятый конвульсивный крик роженицы, в палату вошел еще один врач, молодой человек, одних лет с Уиллетсом, так же одетый, и стал с ним рядом. Юджин никогда раньше его не видал.

– Без щипцов не обойтись? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Уиллетс. – Доктор Ламберт будет сам принимать. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

В коридоре послышались шаги, и в палату вошел главный хирург. Он еще внизу снял шубу и меховые перчатки и остался в обыкновенном костюме. Но, как только он посмотрел на Анджелу, послушал ее сердце и пощупал виски, он вышел и вскоре вернулся, как и другие, в фартуке и без пиджака. Рукава его были засучены, хотя он пока еще ничего не делал, а только следил за действиями ординатора, у которого руки были в крови.

– Почему они не дадут ей хлороформа? – обратился Юджин, на которого никто не обращал внимания, к мисс де Саль.

Но та едва ли расслышала его слова и только покачала головой. Она быстро исполняла приказания своего высокого начальства – врачей.

– Советую вам выйти отсюда, – сказал доктор Ламберт, подходя к Юджину. – Вам здесь нечего делать. Помочь вы ничем не в состоянии, а помешать можете.

Юджин вышел и в страшной тревоге стал шагать из одного конца коридора в другой. В голове проносились воспоминания обо всем, что он пережил с Анджелой, обо всех этих долгих годах треволнений и борьбы. Вдруг он подумал о Миртл и решил позвонить ей, – она сказала, что непременно хочет приехать. Но потом решил, что не нужно. Ничем она тут не поможет. Так же внезапно мелькнула у него мысль о миссис Джонс. Миртл могла бы попросить ее заочно помочь Анджеле. Что угодно, что угодно – какой это ужас, что она должна так мучиться.

– Миртл, – сильно нервничая, сказал он, когда та подошла к телефону, – говорит Юджин. Анджела страдает невообразимо. Роды начались. Ты не могла бы попросить миссис Джонс помочь ей? Это ужас какой-то!

– Разумеется, Юджин. И я сама сейчас приеду. Не мучай себя напрасно.

Он повесил трубку и снова стал ходить по коридору. До его слуха доносились неясные слова и заглушенные крики. Сестра – не мисс де Саль, а другая – вышла и завела в палату каталку.

– Ее будут оперировать? – спросил он дрожащими губами. – Я ее муж.

– Кажется, нет. Впрочем, не знаю. Доктор Ламберг хочет перевезти ее в операционную на всякий случай.

Немного спустя каталку с Анджелой вывезли к лифту, которым соединялись этажи. Лицо ее было чем-то прикрыто, к тому же вокруг нее было много людей, и Юджин не мог хорошенько разглядеть, в каком она состоянии; его только удивило, почему она лежит так неподвижно, но сестра сказала ему, что ей дали легкую дозу опия, рассчитанную на кратковременное действие, чтобы это не могло помешать операции, если таковая понадобится. Юджин тупо молчал, пораженный ужасом. Потом он стоял в коридоре за дверью операционной, боясь войти. Ему вспомнились слова главного хирурга, а кроме того, какую пользу мог он принести своим присутствием? Он дошел до самого конца тускло освещенного коридора и там остановился в задумчивости, глядя в окно, за которым кружила метель. Вдали виднелся ярко освещенный поезд, золотой змеей извивавшийся по высокой эстакаде. Слышны были гудки автомобилей, пешеходы с трудом брели по снегу. Как все запутано в жизни, думал Юджин. Совсем еще недавно он желал смерти Анджелы, а сейчас… Боже мой, опять она стонет! Он понесет заслуженную кару за свои подлые мысли. Да, несомненно, это расплата за грехи, за все его ужасное легкомыслие! Час возмездия наступил. Какой трагедией оказалась его жизнь! Каким банкротством! Жгучие слезы выступили у него на глазах, губы задрожали. Его вдруг охватила страшная жалость – не к себе, а к Анджеле. Но он подавил ее. Нет, черт возьми, он не будет плакать! Что пользы от слез? Анджеле они не помогут.

Нахлынули было мысли о Сюзанне, о миссис Дэйл, о Колфаксе, но он поспешил отогнать их. Если бы они видели его сейчас! Снова послышался приглушенный крик, и Юджин поспешил назад, к дверям операционной. Он больше не в силах был терпеть.

Но он не вошел. Он стоял, напряженно прислушиваясь, и до его слуха донеслись звуки, какие издает человек, который хрипит и задыхается. Неужели это Анджела?

«Низкие щипцы!» – голос принадлежал доктору Ламберту.

«Высокие щипцы!» – это был тот же голос. Затем послышался стук металлического предмета о дно таза.

«Боюсь, что мы таким образом ничего не добьемся, – раздался опять голос доктора Ламберта. – Придется резать, хоть и очень не хотелось бы».

Из операционной вышла сестра, чтобы посмотреть нет ли поблизости Юджина.

– Вы бы лучше спустились в приемную, мистер Витла, – сказала она. – Ее очень скоро вынесут отсюда, теперь уже недолго.

– Нет, я хочу сам быть при операции, – сказал он неожиданно для себя…

Он вошел в зал, посреди которого на операционном столе лежала Анджела. С потолка низко спускался электрический канделябр с шестью яркими лампочками. У изголовья Анджелы стоял доктор Уиллетс, дававший наркоз. Справа стоял доктор Ламберт, не обратившиий на Юджина никакого внимания; на руках у него были залитые кровью резиновые перчатки, он держал скальпель. Одна из двух сестер священнодействовала у дальнего конца операционного стола, где на отдельном столике были аккуратно разложены инструменты, губки и бинты. Мисс де Саль находилась слева. Она раскладывала на столе возле Анджелы куски марли. Рядом с нею и против доктора Ламберта стоял еще один хирург, которого Юджин раньше не видал. Из груди Анджелы вырывалось тяжелое хрипение. Она, по-видимому, была без сознания. Ее лицо скрывали куски марли и какая-то резиновая воронка.

У Юджина ногти вонзились в ладони. Значит, все-таки операция! – подумал он. Кесарево сечение. Очевидно, они не могут извлечь ребенка, даже убив его. Семьдесят пять процентов таких операций, говорилось в книге, кончается благополучно; но эта статистика относилась только к зарегистрированным случаям, а сколько незарегистрированных? Действительно ли доктор Ламберт такой великий хирург? Выдержит ли Анджела эфир, с ее слабым сердцем?

Юджин стоял и наблюдал за всей этой сценой. Доктор Ламберт быстро вымыл руки и взял маленький блестящий скальпель, сверкавший, как ярко начищенное серебро. Руки старого врача в резиновых перчатках казались в электрическом свете голубовато-белыми. Обнаженное тело Анджелы было совсем восковым. Доктор Ламберт склонился над нею.

– Старайтесь по мере возможности поддерживать правильное дыхание, – сказал он своему младшему коллеге. – Если она очнется, дайте ей эфиру. А вы, доктор, присмотрите за артериями.

Он сделал легкий надрез в нижней половине живота, и Юджин увидел, как в том месте, которого коснулся нож, брызнули струйки крови. Разрез выглядел совсем небольшим. Сестра губкой снимала кровь, едва только она выступала. Затем хирург сделал второй надрез, и тогда показалась ткань, выстилающая изнутри мышцы живота и защищающая кишечник.

– Я не хочу делать слишком большой разрез, – спокойно сказал хирург, словно разговаривая сам с собой. – А то с этими внутренностями потом большая возня. Приподымите слегка края, доктор. Очень хорошо. Губку, мисс Вуд. А теперь, если мы сделаем еще один надрез здесь…

Он снова стал орудовать своим инструментом, совсем как добросовестный столяр или плотник. Потом бросил нож в таз с водою на столике мисс Вуд и, просунув пальцы в кровоточащую рану, к которой сестра все время прикладывала губку, что-то обнажил. Что это? Сердце у Юджина судорожно заколотилось. Доктор Ламберт просовывал пальцы все глубже – сперва средний, затем также и указательный, – приговаривая при этом:

– Что-то я ножку не нахожу. А ну-ка, еще поищем. Ага, вот она!

– Разрешите, доктор, слегка подвинуть головку?

Это говорил молодой врач, находившийся слева от доктора Ламберта.

– Осторожнее только! Осторожнее! Она пригнута почти к самому кончику. Ну, теперь я ее держу. Тише, доктор, не забывайте о последе.

Из жуткой раны появилось что-то залитое кровью, что-то странное – крохотная ступня, ножка, тельце, голова…

«Боже мой, какой ужас!» – мысленно произнес Юджин, и снова слезы выступили у него на глазах.

– Послед, доктор… Следите за брюшиной, мисс Вуд. Ребенок жив, все в порядке. Как пульс больной, мисс де Саль?

– Слабоват, доктор.

– Поменьше эфиру в таком случае. Ну, теперь можно все укладывать на место. Губку. Придется, Уиллетс, потом наложить швы. Боюсь, что само не заживет. Некоторые хирурги придерживаются другого мнения, но я не верю в возможность самопроизвольного заживления у нее. Наложим по крайней мере три или четыре шва.

Они работали, как плотники, как столяры, как электромонтеры. Анджела, казалось, была для них не более как манекен. И все же в их медленных, уверенных движениях чувствовалась напряженность и торопливость. «Тише едешь – дальше будешь», – вдруг всплыла в памяти Юджина старая поговорка. Он наблюдал за тем, что разыгрывалось у него на глазах, и ему казалось, что все это сон, кошмарный сон, или потрясающая картина, вроде знаменитого полотна Рембрандта «Ночной дозор». Молодой хирург – тот, которого Юджин не знал, – высоко поднял какой-то предмет фиолетового цвета, держа его за ножку, точно освежеванного кролика; Юджин с ужасом сообразил, что это его ребенок, – ребенок Анджелы, – тот самый, из-за которого здесь вели такую отчаянную борьбу, терпели такие страшные мучения. Это было чудовище, игра природы, нечто немыслимое, бесформенное. Юджин не хотел верить своим глазам; он увидел, как доктор шлепнул ребенка по спине и с любопытством разглядывает его. И в этот момент послышался слабый крик, – нет, в сущности даже не крик, а чуть слышный странный звук.

– Она страшно маленькая, но я думаю, что с ней все в порядке. – Голос принадлежал доктору Уиллетсу, он говорил о ребенке. О ребенке Анджелы. Теперь его держала сестра. Они только что резали Анджелу. А сейчас они зашивают рану. То, что происходило здесь, не имело отношения к жизни, – это был жуткий бред. Юджину казалось, что он потерял рассудок, что он очутился во власти злых духов.

– Ну, доктор, я думаю, хватит. Прикройте ее, мисс де Саль. Теперь можно увозить.

Они еще долго занимались Анджелой – накладывали повязку, снимали прибор, через который подавался эфир, потом уложили ее на спину, обмыли, переложили на носилки и выкатили из операционной. Она лежала без сознания, еще под действием эфира, и стонала.

Юджину невыносимо было слышать ее мучительное, тяжелое дыхание. Казалось невероятным, чтобы эти звуки могли исходить из груди Анджелы – словно кричала ее душа. И ребенок тоже кричал – здоровым детским криком.

«Боже мой, что за пытка!» – думал Юджин. Подумать только, что это должно было случиться. Угроза смерти, хирургический нож, бессознательное состояние, боль – выживет ли Анджела после всего этого? Будет ли она жить? А он стал отцом.

Он повернул голову и увидел неимоверно крохотную девочку, которую сестра держала на каком-то одеяльце или подушке. Она что-то делала с нею – обтирала маслом. Ребенок был розовый, как и всякий ребенок.

– Радость-то какая, а? – сказала сестра, чтобы немного утешить его. Ей хотелось вернуть Юджина к действительности. У него был совсем безумный вид.

Юджин не спускал глаз с ребенка. Странное овладело им чувство… Он испытывал глубокое волнение – неудержимое, щекочущее, щемящее. Он прикоснулся к ребенку. Он посмотрел на его ручонки, на личико. Какое-то сходство с Анджелой. Да, несомненно. Это его ребенок. Это ребенок Анджелы. Выживет ли она? Исправится ли он? Боже мой, и надо же было такому бремени свалиться на него именно сейчас, но ведь это его ребенок. Как мог он думать… Бедная крошка! Если Анджела умрет… Если Анджела умрет, то от всей ее долгой, трагической борьбы у него останется во всем мире только это – его маленькая дочка. Если Анджела умрет… А на смену ей пришло вот это. Для какой цели? Чтобы светить ему в жизни? Чтобы придать ему сил? Чтобы сделать его лучше, честнее? Он не находил ответа. Он только чувствовал, что невольно проникается нежностью к ребенку. Дитя, рожденное бурей. Но Анджела, которая так близка ему сейчас, выживет ли она, увидит ли его? Вот она лежит без сознания, неподвижная, страшно изрезанная. Доктор Ламберт, собиравшийся уходить, подошел, чтобы еще раз посмотреть на нее.

– Как вы думаете, доктор, будет она жить? – спросил его Юджин прерывающимся от волнения голосом.

– Трудно сказать, – ответил тот с чрезвычайно озабоченным видом. – Трудно сказать. Сил у нее не так уж много. Слабое сердце и плохие почки – это скверная комбинация. Как бы там ни было, у нас был один только выход, и мы должны были им воспользоваться. Я рад, что удалось спасти ребенка. Сестра о нем позаботится, будет сделано все, что нужно.

Он вышел из больницы, как рабочий уходит после работы к себе домой, как дай бог каждому из нас уходить, исполнив свое дело. Юджин подошел к Анджеле. Как он сожалел сейчас о тех долгих годах взаимного недоверия, которые привели к этому. Ему было стыдно за себя, стыдно за жизнь, за всю эту путаницу, которую она порождает. Анджела казалась такой маленькой, бледной, изможденной… Да, всему виной он. Это он привел ее на операционный стол своей ложью, своим непостоянством, своим неустойчивым характером. С известной точки зрения это попросту убийство, тем более что сердце его смягчилось лишь в самую последнюю минуту. Но жизнь и его не слишком миловала. Да, да… О, дьявольщина! Будь оно все проклято! Только бы Анджела выздоровела, – он постарается исправиться. Да, непременно. Не ему бы говорить такие вещи, но он постарается. Право же, любовь не стоит тех жертв, каких она требует. Бог с ней, с любовью, бог с ней! Он проживет и без нее. Альфред Рассел Уоллес прав, – есть неведомые нам таинственные силы. Где-то есть бог. Он царит над миром. Недаром же существуют эти могущественные темные силы. Только бы Анджела не умерла, – он исправится, он будет вести себя иначе. Да, да, он станет совсем другим.

Он всмотрелся в лицо Анджелы; она показалась ему такой слабой и бледной, что он подумал: «Нет, она не выживет».

– Едем ко мне домой, – просила его Миртл, которая только что приехала. – Здесь мы все равно ничего не можем сделать. Сестра говорит, что она придет в себя только через несколько часов. А ребенок в надежных руках.

Ребенок, ребенок! Он забыл про ребенка, забыл о существовании Миртл. Он думал только о той долгой, мрачной трагедии, какой была его жизнь, о том, сколько зла он причинил.

– Ну, едем, – устало ответил он.

Близилось утро. Они вышли, сели в такси и поехали к Миртл. Но, несмотря на страшную усталость, Юджин почти не спал. Он, словно в горячке, метался с боку на бок.

Он встал рано, ему не терпелось поехать в больницу и узнать, как Анджела и как ребенок.

Глава XXVIII

Состояние Анджелы, вдобавок к сердечной слабости, осложнилось еще тем, что в самый момент родов у нее сделалась так называемая эклампсия, особый вид нервного расстройства, сопровождаемого конвульсиями. Установлено (во всяком случае, таковы были статистические данные того времени), что в одном случае из пятисот роды осложняются подобными симптомами, уносящими новорожденную жизнь. В половине случаев погибает также и мать, каковы бы ни были меры, принятые самыми опытными хирургами. На возможность этой болезни указывают известные изменения в почках, хотя вызывается она не ими.

Пока Юджин во время родов находился в коридоре, он был избавлен от страшного зрелища, – Анджела лежала, уставившись в пространство, рот ее скривился в страшной гримасе, она вся изогнулась, руки ей свело, скрюченные пальцы медленно шевелились, вызывая представление о механической фигуре, у которой кончается завод. За этим последовало беспамятство и столбняк, и если бы ребенок не был немедленно удален из чрева, и мать и младенец погибли бы в страшных муках. Но и сейчас у Анджелы не было сил бороться за жизнь. Она ненадолго пришла в себя, и у нее началась сильнейшая рвота, а потом снова погрузилась в беспамятство, сопровождавшееся бредом. Она называла имя Юджина. Ей мерещилось, очевидно, что она в Блэквуде, и она просила его приехать. Он держал ее руку в своей и плакал, так как знал, что ему ничем уже не загладить своей вины. Каким он был зверем!

Он закусил губу и невидящими глазами уставился в окно. Однажды у него вырвалось: «Эх, и дрянь же я, пропащий человек! Лучше бы мне умереть!»

Весь день и большую части ночи Анджела провела в беспамятстве. В два часа пополуночи она пришла в себя и попросила показать ей ребенка. Сестра принесла его. Юджин взял ее за руку. Ребенка положили с ней рядом, и она заплакала от радости, но плач ее был тихий, еле слышный. Юджин тоже разрыдался.

– Девочка? – спросила она.

– Да, – ответил Юджин и немного спустя добавил: – Анджела, я должен тебе сказать… Прости меня. Мне стыдно. Я хочу, чтобы ты поправилась. Я буду совсем другой, правда.

Но даже произнося эти слова, он подсознательно думал о том, может ли он измениться. Не будет ли опять все по-прежнему, если она выздоровеет, а может быть, даже и хуже?

Она погладила его руку.

– Не плачь, Юджин, – сказала она. – Все будет хорошо. Я поправлюсь. И мы оба будем вести себя иначе. Я и сама не меньше виновата, чем ты. Я была слишком строга.

Она стала перебирать его пальцы, а он задыхался от слез. Что-то больно сдавило ему горло.

– Прости меня. Прости меня, – выговорил он с трудом.

Через некоторое время ребенка унесли, и у Анджелы снова начался бред. Она страшно ослабела – до такой степени, что не могла уже говорить, хотя вскоре и пришла в сознание. Она пыталась что-то сказать знаками. И Юджин, и сестра, и Миртл поняли ее. Ребенка! Его принесли, и сестра держала его перед нею; Анджела улыбнулась слабой, печальной улыбкой и перевела взгляд на Юджина.

– Будь спокойна, я позабочусь о ней, – сказал он, склонившись над кроватью.

Мысленно он произнес клятву. Он станет порядочным человеком – отныне и до конца своих дней он будет чист. Ребенка снова положили рядом с Анджелой, но она уже не в силах была двигаться. Она все больше и больше слабела и вскоре скончалась.

Юджин сидел возле нее, обхватив голову руками. Итак, его желание исполнилось. Анджела умерла. Он получил хороший урок – вот что значит идти наперекор совести, здоровому инстинкту, непреложным законам жизни. Он просидел так целый час, не внимая просьбам Миртл, пытавшейся увести его.

– Прошу тебя, Юджин! – молила она. – Пожалуйста, пойдем!

– Нет, нет! – отвечал он. – Ну, куда я пойду? Мне и здесь хорошо.

Наконец он все-таки встал и пошел за нею, недоуменно размышляя о том, как устроить теперь свою жизнь, кто будет заботиться об… об…

«Анджела?» – пришло ему в голову имя. Конечно, он назовет ее Анджелой. Он слышал, как кто-то сказал в разговоре, что у нее будут золотистые волосы.

Пусть концом этой истории послужит нам повесть о философских блужданиях и сомнениях ее героя и о постепенном его возврате в русло обычной жизни, обычной в том смысле, как это понимает художник. Никогда уже, говорил себе Юджин, не будет он тем сентиментальным и увлекающимся глупцом, которому воображение рисует совершенство, едва он увидит красивую женщину. И все же был период, когда у них с Сюзанной – если б она внезапно вернулась – могли возобновиться прежние отношения, а может быть, и более пылкие. И это несмотря на владевшее им уныние и на его умозрительный интерес к «христианской науке» как к возможному средству исцеления, несмотря на угнетавшее его сознание своей вины перед Анджелой, своей жестокости, граничащей с убийством. Былая страсть по-прежнему терзала его сердце. Правда, он должен был теперь заботиться о маленькой Анджеле, которая стала для него источником радости и в известной мере отвлекала его от мыслей о себе. Ему нужно было восстановить свое материальное благополучие; он нес ответственность перед некоей абстракцией, именуемой общественным мнением, которое олицетворялось для него теми, кто знал его или кого он знал. И тем не менее в нем жила все та же старая боль, – и сознание, что ничто уже не мешает ему вступить в новый брак или построить свою жизнь на началах свободной любви, о которой когда-то грезила Сюзанна, рождало в нем безрассудные мечты. Сюзанна, Сюзанна! Его преследовало ее лицо, ее глаза, каждый ее жест. Не Анджела, несмотря на весь трагизм ее смерти, а Сюзанна. Он часто думал об Анджеле – о ее последних часах в больнице, о ее прощальном повелительном взгляде, говорившем: «Позаботься о ребенке!», и тогда горло его сжималось, словно схваченное сильной рукой, и к глазам подступали слезы. Но даже в эти минуты он не переставал чувствовать, что какие-то неведомые силы влекут его к Сюзанне, и только к ней. Сюзанна, Сюзанна! Ее волосы, ее улыбка, весь ее образ стал для него воплощением романтической мечты, которая была уже так близка и которая сейчас, когда Сюзанны не было с ним и разлуке их не предвиделось конца, сияла таким ярким светом, какого действительность, несомненно, была бы лишена.

«Из вещества такого ж, как и сон, мы созданы, и жизнь на сон похожа, и наша жизнь лишь сном окружена»[21]. Да, мы так же призрачны, как наши сны, и вся наша неугомонная тряская действительность соткана из тех же грез и снов. Ничто в мире так не радует и не мучит нас, ничто так не дорого нам, как наши сны.

В ту первую весну и лето, когда Юджин поселился вместе с Бэнгсом и Миртл, взявшей на себя заботу о маленькой Анджеле, он несколько раз побывал у миссис Джонс. Бессилие, проявленное «христианской наукой» в отношении Анджелы, произвело на него не слишком выгодное впечатление, хотя Миртл и постаралась найти какое-то благовидное объяснение этой явной неудаче. Юджин пребывал в страшно подавленном состоянии, и Миртл снова уговорила его обратиться к старой лекарке. Она уверяла, что миссис Джонс поможет ему побороть болезненное уныние, и после свидания с ней он воспрянет.

– Возьми себя в руки, Юджин, – говорила она. – Иначе ничего ты не добьешься. Ведь у тебя же талант. Ты рано хоронишь себя. Твоя жизнь только еще начинается. Увидишь, к тебе вернутся силы и здоровье. Перестань же горевать. Что ни случается, все к лучшему.

И он опять отправился к миссис Джонс, ругая себя за это, так как, несмотря на пережитые потрясения, а может быть, именно благодаря им, понимал, что никакая религия не может дать ему ответа на мучившие его вопросы. Анджелу не удалось спасти. Почему же он должен быть спасен?

И все же метафизический стимул продолжал заявлять о себе – слишком тяжело было страдать и не верить, что существует какое-то спасение. Иногда он ненавидел Сюзанну за ее равнодушие. Пусть только они встретятся, и уж он посчитается с ней. Он не станет больше унижаться до мольбы и уговоров. Сюзанна сознательно заманила его в западню – она достаточно умна для этого! – а потом с легким сердцем бросила. Разве так поступает человек с большой душой? – спрашивал он себя. Разве та, о которой он мечтал, была бы способна на это? О, эти часы, проведенные в Дэйлвью, их единственное мучительное свидание в Канаде, эта ночь, когда она так самозабвенно танцевала с ним.

За три года Юджин изведал все причуды, все изломы, на какие только способен больной, блуждающий в потемках разум. Он то готов был уверовать в «христианскую науку», то опять убеждал себя, что миром правит дьявол – этакий космический шут с повадками Гаргантюа и Бробдингнэга, грозящий гибелью всему чистому и святому и с глумливой радостью взирающий на свинство, и тупость, и душный, гадкий, прожорливый разврат. Мало-помалу его бог – если для Юджина существовал бог – вновь превратился в двойственное начало, или в сочетание добра и зла: с одной стороны, идеальное и аскетически чистое добро, с другой – самое чудовищное и омерзительное зло. Его бог – некоторое время во всяком случае – был богом бурь и всяких ужасов и в то же время богом покоя и всяческого совершенства. Позднее он дошел до состояния, которое можно было бы охарактеризовать не как отрицание бога, а скорее как философское свободомыслие или скептицизм. Он пришел к выводу, что не знает, чему верить. В жизни, очевидно, все дозволено и нет ничего установленного. Быть может, жизнь – это только пестрый калейдоскоп, где все уравновешено – взлеты и падения, горе и смех. Но хотя Юджин способен был громче всех поносить жизнь – и в одиноких размышлениях и в страстных спорах – он хорошо понимал, что действительность – и не только в лучшие свои минуты, но и в худшие – исполнена красоты, поэзии и радости: и пусть он старится, стонет и сетует, пусть повержен и разбит, жизнь, которую он и любит и ненавидит, будет по-прежнему сиять. Он может бранить ее, ей до этого нет дела. Он может погибнуть, может перестать существовать – с жизнью этого не случится. Для жизни он ничто, – но сколько острой боли, сколько радости почерпнул он в тайниках ее храма, в ее благостных иллюзиях.

Как ни странно, но когда в душе Юджина происходила эта ломка, он одно время снова стал бывать у миссис Джонс, главным образом потому, что она была ему симпатична. Он находил в ней какую-то теплоту, что-то материнское: ее окружала

атмосфера, напоминавшая ему родной дом в Александрии. Эта женщина, вечно занятая мыслями о возвышенном, по примеру миссис Эдди утверждавшая – на основе своей веры или понимания, как она говорила, – единство вселенной (беззлобность, благость управляющих ею сил, отсутствие страха, боли, недугов и даже смерти), до такой степени прониклась уверенностью, что зла не существует (разве только в представлении смертных), что порою почти убеждала в том и Юджина. Он подолгу рассуждал с нею об этих предметах. Он шел к ней со своим горем, как ребенок к матери.

Мир, утверждала она вслед за миссис Эдди, – это чистый дух, а не материя, и никакие ужасы действительности, как бы красноречивы они ни были, не могли опровергнуть для нее этой истины, не противоречили в ее глазах божественной гармонии. Бог добр. Все, что ни есть в мире, – это бог, следовательно, все в мире добро, а остальное иллюзия. Ничего третьего не существует. Судьба Юджина в этом смысле не отличается от многих других человеческих трагедий.

– Возлюбленное чадо, – говорила она Юджину, – мы с вами сейчас дети господни, и нам неизвестно, что ждет нас впереди; одно мы знаем, что, когда *он* предстанет пред нами (она объяснила Юджину, что *он* – это вселенский дух совершенства, который включает в себя и людей), мы уподобимся ему. Ибо мы увидим его таким, каков он есть.

– И всякий, кто надеется на него, – очистится, ибо он чист.

Однажды она объяснила Юджину, что очищение отнюдь не требует от человека безнадежной душевной борьбы и аскетического воздержания. Нет, достаточно человеку уверовать в свое доброе начало, и эта вера укрепит его.

– Вы смеетесь надо мной, – сказала она ему как-то, – но я говорю вам, что вы чадо божье. В вас теплится божественная искра. Настанет день, и она разгорится ярким пламенем. Все остальное рассеется как дурной сон, потому что оно лишено реальности.

В ее обращении с ним было что-то материнское, она даже пела ему псалмы, и, как ни странно, ее тоненький голосок уже не раздражал его, а ее духовная сила преображала ее и делала прекрасной в его глазах. Чудачества и внешняя неприглядность миссис Джонс, а также то обстоятельство, что ее квартира обставлена безвкусно, что у нее безобразная фигура – по его понятиям во всяком случае, – что она неизвестно почему приписывает китам духовную сущность, а клопов и прочих зловредных насекомых считает порождением бренного разума, – все это нисколько не смущало его. В ее рассуждениях о вселенной, как о духе, о вселенной, не знающей зла, было что-то притягательное. Конечно, пяти чувств недостаточно для познания мира, и за пределами их показаний он угадывал бездонные глубины чудес и могущества. Так почему же заранее отклонить такое решение? Почему не принять его, как вполне пригодное? В книге «Машина мироздания», которую Юджин когда-то читал, говорилось, что мир планет бесконечно мал, что с точки зрения беспредельности он вообще не идет в счет, хотя и кажется нам необъятным. Почему же вместе с Карлейлем не признать, что этот мир существует только в нашем восприятии и что поэтому он призрачен? Постепенно мысли эти крепли и все больше овладевали Юджином.

Он стал бывать в обществе. Случайная встреча с мосье Шарлем, который долго тряс ему руку и расспрашивал, где он живет и что делает, воскресила в Юджине былое влечение к искусству. Мосье Шарль стал горячо убеждать его снова устроить выставку своих картин, каких бы то ни было.

– Вы! – воскликнул он сердечно, но и с некоторой долей негодования, так как Юджин был для него прежде всего художником, и притом очень крупным. – Вы, Юджин Витла, – редактор, издатель! Вы, перед кем через несколько лет, стоит вам только пожелать, склонились бы все ценители искусства! Вы, который мог бы, отдав этому всю жизнь, сделать для американского искусства больше, чем любой известный мне мастер! Вы тратите свое время на заведование художественными отделами, на редакторскую возню, на издательское дело! Да неужели вам не совестно? Но и сейчас еще не поздно. А ну, давайте-ка устроим выставку! Что вы скажете, если я предложу приурочить ее к разгару сезона, – я имею в виду январь или февраль, а? В эту пору все интересуются искусством. Я предоставлю в ваше распоряжение самый большой зал. Ну, как вы думаете?

Он весь горел чисто французским энтузиазмом, он повелевал, вдохновлял, настаивал.

– Если только у меня что-нибудь выйдет, – негромко ответил Юджин, разводя руками, и в уголках его рта обозначились горькие складки презрения к себе. – Возможно, что время мое уже ушло.

– Ваше время ушло! Ваше время ушло! Какой вздор! И вы говорите мне подобные вещи? «Если у меня что-нибудь выйдет!» Нет, я отказываюсь иметь с вами дело! Вы, с вашими бархатными тонами, с вашими смелыми линиями! Нет, это невозможно, немыслимо!

С пафосом чистокровного галла он воздел руки, закатил глаза, брови у него полезли на лоб. Затем он пожал плечами и стал ждать признаков оживления на лице Юджина.

– Ну что ж, – сказал тот, выслушав его. – Но только я ничего не обещаю. Посмотрим. – И он сообщил ему свой адрес.

И опять эта встреча дала толчок Юджину. Мосье Шарль, которому известно было мнение о нем знатоков и который в свое время успешно распродал все его картины, смотрел на них как на прибыльный товар, если не в Америке, то за границей, и надеялся в качестве импресарио талантливого художника заработать немало денег и славы.

Надо продвигать на рынок американских художников – кто-нибудь из них должен выдвинуться, так почему не Витла? Этот человек действительно заслуживает поддержки.

И Юджин стал писать, быстро, нервно, вдохновенно, все, что ни попадалось ему на глаза, временами чувствуя, что былая его сила навсегда утрачена. Он снял комнату окнами на север, неподалеку от дома, где жила Миртл, и здесь пробовал писать портреты – Миртл с мужем, Миртл с маленькой Анджелой, создавая классически простые композиции. Затем он стал подбирать натуру на улице – чернорабочие, прачки, пропойцы, все характерные типы. Случалось, он уничтожал свои картины, но в общем работа подвигалась. Им овладело лихорадочное желание изобразить жизнь такой, какой он видел ее, запечатлеть ее с портретной точностью, со всеми ее странностями и причудами, с ее бессмысленностью и жестокостью. Он часто писал толпу, ее неустойчивые, изменчивые настроения. Парадокс, который представляет собой опустившийся пропойца – живой труп – среди бьющей ключом жизни, на время завладел его воображением. Он видел в этом свой собственный протест, судорожное цепляние за жизнь, обвинение, брошенное в лицо природе, и это подхлестывало его. Полотно это было впоследствии продано за восемнадцать тысяч долларов – рекордная цифра.

А тем временем Сюзанна – его утраченная мечта – путешествовала с матерью за границей. Она побывала в Англии, Шотландии, Франции, Египте, Италии и Греции.

Жестокая буря, которую вызвало ее внезапное и в сущности безотчетное увлечение, не прошла для нее даром. А теперь она была так потрясена катастрофами, которые эта буря обрушила на голову Юджина, что не знала, что делать и что думать. Она была еще слишком молода и по-прежнему далека от жизни. Сильная телом и духом, она по-прежнему жила мечтами и впечатлениями минуты – ее философские и нравственные представления еще не устоялись. Миссис Дэйл, опасаясь новой вспышки упрямства, которая могла разрушить все ее тонкие расчеты, старалась воздействовать на дочь то лаской, то упорством, то хитростью, как угодно, лишь бы избежать какого-нибудь внезапного порыва и опасного пробуждения прошлого.

Тревога не покидала ее ни на минуту. Как поладить с Сюзанной? Всякое ее желание, любой каприз или причуда, касавшиеся туалетов, развлечений, путешествий, знакомств, исполнялись немедленно. Не хочется ли ей поехать туда-то, увидеть то-то, встретиться с тем-то и тем-то? И Сюзанна, прекрасно понимавшая, какими мотивами руководствуется мать, и вместе с тем встревоженная страданиями и бедами, которые она навлекла на Юджина, не могла решить, правильно ли она тогда поступила. Сомнения одолевали ее.

Но больше всего ее смущала мысль, действительно ли она любила Юджина? Не было ли это мимолетным увлечением? Не было ли это злой шуткой, которую сыграла с ней бунтующая кровь, между тем как о духовной близости между ними не могло быть и речи? На самом ли деле Юджин единственный человек, с которым она могла бы быть счастлива? Не слишком ли он склонен к обожанию, не слишком ли своенравен, не слишком ли опрометчив и безрассуден в своих стремлениях? Действительно ли он такой одаренный человек, как она себе представляла? Не кончилось ли бы дело тем, что она вскоре разлюбила бы его, а может быть, даже и возненавидела? Могли бы они быть долго и по-настоящему счастливы? Или ей был бы скорее по душе человек с твердым характером, более крутой и равнодушный – человек, которым она восхищалась бы и за которого вынуждена была бы бороться? Не такой, что обожал бы ее и нуждался в ее сочувствии, а сильный, смелый, решительный, разве не это в конце концов ее идеал? И разве можно сказать про Юджина, что он отвечает ее идеалу? Эти вопросы и еще много других не переставали терзать ее.

Как ни странно, жизнь полна таких трагических парадоксов. Как часто горячность характера и крови приводит нас к грубым ошибкам, против которых протестует наш разум, все наши жизненные обстоятельства и общественные условности. Одно дело – мечты человека, другое – его способность осуществить их. Известны, правда, случаи блистательных побед и, напротив, блистательных поражений. Блистательное поражение потерпел Абеляр, блистательную победу одержал Наполеон, возведенный на трон в Париже. Но как ничтожно число побед по сравнению с числом поражений!

Нельзя сказать, однако, что Сюзанна пришла к выводу, будто она никогда не любила Юджина. Отнюдь нет. Хотя миссис Дэйл прибегала к хитрейшим маневрам, чтобы окружить дочь более молодыми и более достойными ее внимания мужчинами, Сюзанне, по натуре склонной к самоанализу и трезвой наблюдательности, не скоро предстояло вновь попасться на удочку любви, если считать, что однажды это с нею уже случилось. Она, казалось, дала себе обещание отныне внимательнее изучать мужчин и, не отвергая их ухаживаний, выжидала какого-нибудь шага со стороны Юджина или кого-либо другого, который заставил бы ее принять решение. В Сюзанне пробудился интерес к той странной и опасной силе, какой была ее красота: она знала теперь, что она действительно красива, и часто заглядывалась на себя в зеркало, любуясь искусно положенным локоном, линией подбородка, щеки или плеча. О, как она вознаградит Юджина за все его мучения, если когда-нибудь вернется к нему! Но сбудется ли это? Может ли она к нему вернуться? К тому времени он, пожалуй, образумится и только презрительно пожмет плечами и высокомерно усмехнется при встрече с ней. Потому что, нет сомнения, Юджин замечательный человек, и скоро его звезда снова засияет. А тогда – что он подумает о ней, о ее молчании, вероломстве, ее нравственной трусости?

«В конце концов, что я такое? – говорила она себе. – Но как высоко он вознес меня, как восхищался мной, как пылал! Нет, конечно, он необыкновенный человек!»

Глава XXIX

Развязка этого романа – вернее, то, что можно назвать развязкой, – наступила лишь два годя спустя. К тому времени взгляды Сюзанны стали более трезвыми, она развилась интеллектуально, сделалась более хладнокровной – хотя, пожалуй, не более холодной – и более критически смотрела на окружающее. Мужчины что-то уж очень пылко восхищались ее красотой. После Юджина их страстные заверения и клятвы в вечной любви не производили на нее большого впечатления.

И вот однажды в Нью-Йорке на Пятой авеню произошла встреча. Сюзанна поехала с матерью за покупками, но как-то случилось, что они на минуту потеряли друг друга. Юджин в ту пору уже окончательно пришел в себя. Время залечило его раны, но разве лишь чуть затуманило в его сердце образ чудной, неувядаемой красоты. Не раз задумывался он над тем, что он сделал бы, если бы снова увидел Сюзанну, что сказал бы ей? Улыбнулся бы, поклонился? И если бы в глазах ее прочел ответный блеск, опять воспылал к ней любовью? Или он нашел бы ее изменившейся, холодной и безразличной? Может быть, он и сам отнесся бы к ней с насмешливым безразличием? Потом у него, вероятно, было бы тяжело на душе, но он отплатил бы ей. Если она действительно любила его, то пусть вдвойне страдает от того, что была глупой, безвольной куклой в руках матери. Он не мог знать, что Сюзанна слышала о смерти его жены и о рождении ребенка и что она написала ему пять писем и все уничтожила, из страха перед его упреками, равнодушием и презрением.

Она слышала, что он снова достиг славы, так как выставка состоялась и вызвала одобрительные отклики. Его талант признавался всеми. Особенно восторгались художники. Они считали, что он несколько причудлив и эксцентричен, но что это большое дарование. Мосье Шарль подал одному крупному финансисту идею поручить Юджину стенную роспись его банка, строившегося в финансовом центре Нью-Йорка. И Юджин написал для него девять больших панно, в которых с глубокой выразительностью передал свое восприятие жизни. Большие, сверкающие красками фрески его работы можно было увидеть и в Вашингтоне – в трех крупных общественных зданиях, – и в капитолиях[22] трех различных штатов; Юджин запечатлел в них свои смелые мечты о красоте, какой еще не бывало в мире. В каждой его работе мелькал один и тот же образ – лицо, рука, овал щеки, глаз. И если вы когда-то знали прежнюю Сюзанну, вам нетрудно было угадать, кто этот неуловимый призрак, который витал перед художником.

Но, несмотря на это, он теперь ненавидел ее – так по крайней мере ему казалось. Разум его попрал прекрасный образ, который когда-то так боготворил. Он ненавидел – и все же любил ее. Жизнь, любовь сыграли с ним отвратительную шутку – они затмили его разум, а потом насмеялись над безумцем. Нет, никогда уже любовь не будет владеть им. И все же женская красота оставалась для него сильнейшим соблазном, разница была лишь в том, что теперь он не поддавался ему.

И вот однажды пути их скрестились.

Он едва узнал ее, так неожиданна была встреча и так мгновенна. Он только что вышел из ювелирного магазина на Пятой авеню возле Сорок второй улицы, где купил маленькой Анджеле колечко ко дню рождения, и увидел Сюзанну, переходившую улицу на перекрестке. Глаза этой девушки, беглый взгляд, молниеносное воспоминание о чем-то прекрасном…

Юджин остановился – возможно ли…

«Он даже не узнает меня, – подумала Сюзанна, – а может быть, он меня ненавидит. Боже мой – ведь только пять лет прошло…»

«Как будто она, – подумал он, – а может быть, и нет. Но если даже и она, пусть убирается к дьяволу!»

Жесткие складки залегли в углах его рта.

«Я сделаю вид, будто не заметил ее, лучшего она не заслуживает, – решил он. – Она никогда не узнает, что я ее люблю».

И так они разошлись, чтобы больше не встречаться, – и оба жаждали любви, оба отвергали ее, оба схоронили глубоко в сердце призрак утраченной красоты.

Эпилог

Метафизика часто служит нам желанным прибежищем в поисках душевного равновесия и моральной опоры, хотя не всегда это так, и все зависит от того, к чему склоняют человека его симпатии и жизненный опыт. Жизнь на каждом повороте теряется в неведомом, и в памяти остаются лишь важнейшие вехи на пройденном пути, а потом и они исчезают. Может показаться

странным, что Юджин, разбитый физически и нравственно, на какое-то время заблудился в тумане религиозных измышлений, но такие вещи бывают с людьми, которых сильно потрепало бурей. В религии они ищут спасения от самих себя, от своих сомнений и отчаяния.

Если бы меня спросили, что такое религия, я бы сказал, что это примочка, накладываемая человеком на душевные раны, что это раковина, куда он заползает, чтобы укрыться от неизбежного, вечно изменчивого, беспредельного. Все мы ищем чего-то безусловного и создаем его себе, если не находим. Религия как будто дает жизни некий постоянный адрес, этикетку, но это лишь самообман. И снова мы возвращаемся к таким извечным проблемам, как время, пространство и безграничный разум – но чей? Ибо это – то самое, во что мы неизбежно упираемся и куда относим все, что нам не надо познать.

Однако потребность в религии не является чем-то постоянно присущим человеку, как, впрочем, и остальное в жизни. Стоит ему выздороветь, и душа его оказывается во власти прежних иллюзий. В жизнь Юджина снова вошли женщины – а как вы думали? – быть может, привлеченные его грустью и одиночеством, когда, надломленный пережитой трагедией, он стал снова показываться в обществе. Но теперь он принимал их внимание скорее скептически, хотя и не всегда оставался к нему равнодушен. Женщины, которых он встречал у знакомых, зрелые матроны и юные девушки, мечтали заинтересовать его и не хотели и слышать об отказе. Тут были и актрисы, и художницы, и бездарные поэтессы, певицы из варьете, журналистки и просто бездельницы. Задушевные беседы, переписка и встречи иногда приводили и к более интимным отношениям, которые кончались так же, как и все предыдущие. Так, значит, Юджин не изменился? Да нет, не слишком. Он только закалил свои чувства и разум, закалил для жизни и работы. Снова бывали в его жизни бурные сцены, слезы расставания, отречения, холодные встречи, – но где-то за всем этим, под крылышком у Миртл, жила маленькая Анджела – его опора и утешение.

Для всякого постороннего взгляда Юджин был теперь художником, язычником до мозга костей, который читал Библию ради красот стиля, а Шопенгауэра, Ницше, Спинозу и Джемса – ради тех жизненных тайн, которые они ему приоткрывали. В своей дочурке он видел обаятельное существо и в то же время предмет, достойный изучения. Он с любовью и интересом наблюдал за девочкой, в которой уже различал кое-что свое и кое-что Анджелино, гадая, что из всего этого получится. Какая она будет, когда вырастет? Будет ли искусство что-нибудь значить для нее? Она казалась ему такой смелой, веселой, своенравной.

– Дочка у тебя изрядный тиран, – говорила ему Миртл.

И он с улыбкой отвечал:

– Ничего не поделаешь, попробую как-нибудь с этим справиться.

Он тешил себя мыслью, что если он и маленькая Анджела со временем поймут друг друга и если она не слишком рано выйдет замуж, он постарается создать для нее прекрасный дом. А может быть, и ее муж согласится жить с ним под одной крышей.

Последняя сцена нашей повести приводит читателя в студию в Монтклере, где обосновался Юджин и где Миртл, переселившаяся к нему вместе с мужем, вела его хозяйство, а маленькая Анджела не давала ему скучать. Однажды поздно вечером Юджин сидел у камина, углубившись в книгу, как вдруг прочитанная фраза или отрывок привели ему на память одно место в примечательных главах «О непознаваемом» из работы Спенсера «Факты и комментарии», и он встал, чтобы разыскать его. Порывшись, он нашел нужный том и с удовлетворением прочитал эти строки, настолько созвучные его собственным взглядом и настроениям. И поскольку отрывок этот так пришелся по душе Юджину, я приведу его здесь:

«Если от нас скрыта сущность вещей, воспринимаемых нашими чувствами, то тайны мироздания еще более нам недоступны, ибо если первые могут считаться – и действительно считаются – объяснимыми либо в свете гипотезы о сотворении мира, либо в свете учения об эволюции, то ко вторым это неприменимо. Как верующий, так и скептик должны сойтись на том, что пространство извечно и никем не создано, и что оно, наоборот, предшествовало сотворению мира, буде такое действительно имело место. Следовательно, если бы мы и проникли в тайну бытия, это не разрешило бы для нас многих других, еще более недоступных и темных загадок. То, что мыслится нами как предшествовавшее всякому творению и всякой эволюции, ставит нас перед загадками, которые еще меньше поддаются нашему познанию, чем явления мира видимого и осязаемого. Мысль о мире, который, будучи исследован со всех сторон и, казалось бы, до конца, таит в себе неисследованную область, по сравнению с которой часть, доступная нашему воображению, бесконечно мала, – мысль о пространстве, по сравнению с которым наша неизмеримая звездная система сжимается до ничтожных размеров, – эта мысль так грандиозна, что наш ум не вмещает ее. За последние годы представление о бесконечном пространстве, не имеющем ни начала, ни причины, – пространстве, которое всегда существовало и будет существовать, вызывает во мне чувство, подобное страху».

«Вот это, – мысленно произнес Юджин, оглядываясь, так как ему послышался легкий шорох за дверью, – вот это поистине самое ясное утверждение ограниченности человеческого познания, какое мне приходилось встречать».

И тут он увидел на пороге маленькую Анджелу в широкой пижаме, немного похожей на костюм Пьеро, и улыбнулся, так как шалости и уловки этой своенравной молодой особы были ему хорошо знакомы.

– Ты зачем сюда пришла? – спросил он с напускной строгостью. – Тебе давно пора спать. Вот узнает тетя Миртл, попадет тебе!

– Мне не спится, папочка, – ответила ему маленькая плутовка, которой очень хотелось еще немного посидеть с ним у камина, и она быстро побежала к нему через комнату, чтобы приласкаться. – Подними меня, папочка!

– Знаю я, как тебе не спится, жулик ты этакий! Просто хочешь, чтобы я укачал тебя на руках. А ну-ка, живей в постельку!

– Ой нет, папочка!

– Ну уж ладно, иди сюда, – и, взяв ее на руки, Юджин снова уселся у камина. – А теперь изволь спать, или я сейчас же отнесу тебя в кроватку.

Девочка свернулась клубочком, положив ему на руку золотистую головку. А он смотрел на это личико и думал о том, как бурно было ее появление на свет.

– Мой цветочек! – сказал он. – Милая моя крошка!

Она не отозвалась. Немного погодя он уложил ее, сонную, в постель, тщательно подоткнул одеяльце, а затем вернулся к себе и вышел на побуревшую лужайку. Ноябрьский ветер шелестел в безжизненно повисших и почерневших листьях деревьев. Над головой мерцали звезды – величественный пояс Ориона, таинственные созвездия обеих Медведиц и та далекая туманность, которую именуют Млечным Путем.

«Где во всем этом – в бесконечности материи – Анджела? – подумал он и провел рукою по волосам. – И где будет то, из чего состою я? Как хаотична, но как прекрасна жизнь! Сколько в ней разнообразия, сколько нежности и суровости. Она словно яркая симфония!»

Он глядел в сверкающую бездну пространства, и прекрасные образы рождались в его душе.

«Как хорошо сегодня шумит ветер», – подумал Юджин.

И он тихонько вернулся в дом и запер дверь.

Примечания

1

Перевод А. Федорусь.

2

Блэквуд (*англ.*) – черный лес.

3

Блю (*англ.*) – синий, голубой.

4

Гила-монстр – безобразная ядовитая ящерица, встречающаяся в пустынных местах штата Аризона.

5

«Христианская ассоциация молодых людей» – одна из широко распространенных американских реакционных организаций.

6

Военная академия.

7

«Крепкая защита» (*лат*.).

8

«То был сон» (*нем*.).

9

«Потерял я Эвридику» – ария Орфея из оперы Глюка (1714–1787).

10

Часть Бродвея и Седьмой авеню, где расположены театры, опера и кинотеатры.

11

Мой Евгений (*итал*.).

12

Блуждающий огонек *(лат.).*

13

Сэндвичмен – человек, который носит по улицам рекламные щиты, укрепленные на спине и на груди.

14

Второе «я» (*лат*.).

15

Герой одноименного стихотворения Лонгфелло.

16

Буффало – бизон (*англ.*).

17

Секта, проповедующая многоженство.

18

Шекспир, «Венецианский купец».

19

Стихотворение английского поэта Джона Китса (1795–1821).

20

Шекспир, сонет XXIX.

21

Шекспир, «Буря».

22

Здания, в которых заседают конгрессы штатов.
